Дитя шимпанзе и дитя человека

в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс

Дитя шимпанзе и дитя человека: в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс

Посвящение

Посвящается Дарвиновскому музею (1905 — 1935) и коллективу его преданных сотрудников

Содержание

Пролог viii
Предисловие xii
Введение. Предмет и метод исследования. xvii
I. Поведение дитяти шимпанзе (описательная часть) 20
1. Описание внешнего облика шимпанзе 21
а. Лицо шимпанзе в статике 21
б. Руки шимпанзе 28
в. Ноги шимпанзе 34
г. Тело шимпанзе в статике 36
д. Тело шимпанзе в динамике 41
е. Лицо шимпанзе в динамике 43
ж. Двойственные выражения лица 52
2. Эмоции шимпанзе, их внешние выражения и вызывающие их стимулы 55
а. Эмоция общей возбудимости 55
б. Эмоция радости 61
в. Эмоция печали 65
3. Инстинкты шимпанзе 73
а. Инстинкт самоподдержания (у здорового и больного шимпанзе) 73
б. Инстинкт питания 79
в. Инстинкт собственности 86
г. Инстинкт гнездостроения 88
д. Половой инстинкт 90
е. Сон шимпанзе 91
ж. Свободолюбие и борьба за свободу 92
з. Инстинкт самосохранения (защиты и нападения) 95
и. Инстинкт общения 115
4. Игры шимпанзе 133
а. Подвижные игры 133
б. Психическая активность шимпанзе 146
в. Развлечение звуками 157
г. Игры экспериментирования 158
д. Разрушительные игры 163
5. Предусмотрительное поведение шимпанзе (обман, хитрость) 169
6. Употребление орудий 171
7. Подражание 173
8. Память шимпанзе (привычки, условно-рефлекторные акты) 180
9. Условный язык (жестов и звуков) 185
10. Природные звуки шимпанзе 187
II. Поведение дитяти человека (в сравнительно-психологическом аспекте) (аналитическая часть)..... 191
1. Сравнение внешнего облика человека и шимпанзе 192
а. Лицо и конечности в статике 192
б. Статические позы: сидение, стояние, лежание 194
в. Динамические позы: ходьба, бег, лазание 197
2. Сравнение эмоций человека и шимпанзе 202
а. Эмоция общей возбудимости 202
б. Эмоция печали 204
в. Эмоция радости 209
3. Сравнение инстинктов человека и шимпанзе 213
а. Инстинкт самоподдержания (лечение, самообслуживание, уход за собой, питание)..... 213
б. Собственнический инстинкт 218
в. Семейный инстинкт 220
г. Инстинкт свободы (свободолюбие) 221
д. Инстинкт самосохранения (защиты и нападения) 223
е. Инстинкт общения (социальный инстинкт) 237
4. Игры человека и шимпанзе 245

а. Подвижные игры 245
б. Психическая активность ребенка 258
в. Развлечение звуками 262
г. Игры экспериментирования 264
д. Игры ознакомительные 269
е. Разрушительные игры 298
ж. Игры, построенные на принципе противодействия: 1) проявление воли, 2) своеволия, 3) хитрости и обмана 299
з. Подражательные развлечения 302
и. Употребление орудий 311
к. Конструктивные игры ребенка 314
л. Звукоподражание 316
м. Условный язык жестов и звуков 321
5. Память и привычки дитяти (Условно-рефлекторные акты) 323
а. Эволюция речи ребенка 325
б. Характерные интеллектуальные черты дитяти, обнаруживаемые на основании его словесных высказываний 331
III. Биопсихологические черты сходства и различия в поведении дитяти человека и дитяти шимпанзе (синтетическая часть) 336
16. Черты сходства 337
17. Черты различия 346
18. Заключение 358
A. Таблица, суммирующая черты сходства и различия в поведении человека и шимпанзе 363
B. Фототаблицы 374
1 — 10 374
11 — 20 384
21 — 30 394
31 — 40 404
41 — 50 414
51 — 60 424
61 — 70 434
71 — 80 444
81 — 90 454
91 — 100 464
101 — 110 474
111 — 120 484
C. Résumé работы на английском языке 494
D. List of Hatched Drawings and Sketches 527
E. List of Photo plates 531
F. Приложения к электронному изданию 545
Выходные данные русского издания 1935 года 545
Дарственная надпись Н. Н. Ладыгиной-Котс А. Ф. Котс 547
Выходные данные английского издания 2002 года 549
Вступление к английскому изданию 2002 года (перевод) 553
Подготовка электронного издания 558

Список рисунков

1. Дитя шимпанзе ... x
2. Дитя человека ... xi
1.1. Схемы расположения основных борозд лица спокойного шимпанзе ... 27
1.2. Линии ладони и подошвы шимпанзе и человека ... 30
1.3. Индивидуальная вариация линий ладони и подошвы у шимпанзе ... 31
1.4. Сидячие позы шимпанзе ... 37
1.5. Цепкость руки и подвижность ноги шимпанзе ... 38
1.6. Стоячие позы шимпанзе ... 43
1.7. Схемы расположения лицевых борозд при различной мимике шимпанзе ... 50
1.8. Характерные изменения расположения лицевых борозд при различной мимике шимпанзе ... 51
2.1. Сидячие позы психически-депрессивного шимпанзе ... 65
3.1. Лежачие позы бодрствующего и спящего шимпанзе ... 91
3.2. Позы агрессивно-возбужденного шимпанзе (реакция на свое зеркальное отражение) ... 111
3.3. Шимпанзе обследует руками интригующие предметы ... 124
3.4. Развлекающийся и скучающий шимпанзе ... 132
4.1. Пуговицы — объекты генерализации 10-месячного ребенка ... 276
4.2. Объекты ассимиляции по цвету ... 278
4.3. Различные предметы, уподобляемые ребенком (1½ — 2½ лет) аэроплану ... 280
4.4. Различные предметы, уподобляемые ребенком (1½ — 2½ лет) аэроплану ... 281
4.5. Куски сыра, печенья, сухарей, по форме уподобляемые ребенком (1—3 лет) различным предметам ... 284
4.6. Растения, уподобляемые ребенком (2—3 лет) различным предметам ... 286
4.7. Прутья и ветви, по форме уподобляемые ребенком (3 лет) различным животным ... 287
4.8. Цвета, предпочитаемые (нечетн.) и отвергаемые (четн.) ребенком ... 291
4.9. Образцы оригиналов рисунков шимпанзе и ребенка (1½ — 3 лет) ... 310
4.10. Образцы конструкции ребенком (1½ — 2 лет) подобия аэроплана ... 314

Список фотоиллюстраций

В.1. Полулежачие позы дитяти человека и шимпанзе ... 374
В.2. Сидячие позы шимпанзе ... 375
В.3. Типичные стоячие позы шимпанзе ... 376
В.4. Необычные эпизодические стоячие позы шимпанзе ... 377
В.5. Ходьба и бег шимпанзе ... 378
В.6. Лазание шимпанзе ... 379
В.7. Восемь типических выражений лица шимпанзе ... 380
В.8. Комбинированные двойственные выражения лица шимпанзе ... 381
В.9. Внешнее проявление общей возбудимости (шесть последовательных стадий) ... 382
В.10. Мимика волнения (шесть последовательных стадий) ... 383
В.11. Специфицированное волнение: печальное, злобное, радостное, трусливое ... 384
В.12. Мимика радости — улыбка и смех ... 385
В.13. Позы и жесты весело настроенного шимпанзе ... 386
В.14. Мимика печали (6 последовательных начальных стадий подготовки к плачу) ... 387
В.15. Мимика печали (плач), 6 последовательных конечных стадий плача ... 388
В.16. Жестикуляция и позы плачущего шимпанзе ... 389
В.17. Жестикуляция и позы плачущего шимпанзе ... 390
В.18. Позы и жесты отчаявшегося и играющего шимпанзе ... 391
В.19. Позы и жесты шимпанзе при разных его настроениях ... 392
В.20. Уход за собой у шимпанзе ... 393
В.21. Способы питья у шимпанзе ... 394
В.22. Внешнее выражение страха у шимпанзе ... 395
В.23. Внешнее выражение злобы шимпанзе (оборонительные и наступательные жесты и телодвижения шимпанзе) ... 396
В.24. Агрессивная реакция Иони на чучело шимпанзе ... 397
В.25. Агрессивная реакция шимпанзе на мертвого зайца ... 398
В.26. Выражение у шимпанзе нежных чувств — ласки и участия ... 399
В.27. Эмоциональная солидаризация шимпанзе с человеком ... 400
В.28. Эмоциональная солидаризации шимпанзе с человеком ... 401
В.29. Специфичные игры шимпанзе ... 402
В.30. Игра шимпанзе с эластичными предметами (со шнурком и тесьмой) ... 403
В.31. Подвижные игры шимпанзе (лазание и качание) ... 404
В.32. Любопытство шимпанзе (реакция на новую вещь) ... 405
В.33. Реакция шимпанзе на зеркало ... 406
В.34. Сидячие позы человека и шимпанзе ... 407
В.35. Сидячие позы человека и шимпанзе ... 408
В.36. Сравнение кисти человека и шимпанзе ... 409
В.37. Сравнение стопы человека и шимпанзе ... 410
В.38. Сидячие позы человека и шимпанзе ... 411
В.39. Стоячие и сидячие позы человека и шимпанзе ... 412
В.40. Эволюция стояния у человека ... 413
В.41. Позы спящего ребенка ... 414
В.42. Эволюция ходьбы у человека ... 415
В.43. Стояние и ходьба с посторонней помощью у человека и шимпанзе ... 416
В.44. Ходьба и бег шимпанзе и человека, ношение в руках ... 417
В.45. Катание ребенком предметов ... 418
В.46. Упражнение ребенка в вожений предметов ... 419
В.47. Упражнение ребенка в ходьбе, беге и прыганий ... 420
В.48. Бег, катание, лазание, вожение предметов у ребенка ... 421
В.49. Эволюция лазания у ребенка ... 422
В.50. Эволюция лазания у ребенка ... 423
В.51. Эволюция лазания у ребенка ... 424
В.52. Лазание по высотам человека и шимпанзе ... 425
В.53. Сравнение типических выражений лица человека и шимпанзе ... 426
В.54. Сравнение типических выражений лица человека и шимпанзе ... 427

В.55. Реакция на вкусную и невкусную пищу у ребенка ... 428
В.56. Мимика плача у человека и шимпанзе ... 429
В.57. Мимика плача у ребенка, вызванная разными стимулами ... 430
В.58. Параллельное сопоставление мимики плача и смеха ребенка ... 431
В.59. Мимика смеха дитяти человека и дитяти шимпанзе ... 432
В.60. Мимика и позы, весело настроенных шимпанзе и человека ... 433
В.61. Уход за собой у человека и шимпанзе ... 434
В.62. Туалет у ребенка ... 435
В.63. Самоукрашение у дитяти человека и у шимпанзе ... 436
В.64. Употребление посуды при питье у шимпанзе и у человека ... 437
В.65. Употребление ребенком посуды и приборов при еде и питье ... 438
В.66. Внешнее выражение страха у человека и шимпанзе ... 439
В.67. Внешнее выражение злобы, у человека и шимпанзе ... 440
В.68. Военные игры ребенка ... 441
В.69. Внешнее выражение ласки у человека и шимпанзе ... 442
В.70. Благожелательное общение ребенка с животными ... 443
В.71. Общение и совместные игры детей ... 444
В.72. Игры ребенка с неживыми товарищами ... 445
В.73. Игра ребенка с мишуком ... 446
В.74. Организованная игра ребенка с мишуком ... 447
В.75. Организованная игра ребенка с неживыми товарищами ... 448
В.76. Игра в прятки ... 449
В.77. Подвижные игры ребенка (мниммое катание) ... 450
В.78. Подвижные игры, ребенка (катание и качание) ... 451
В.79. Подвижные игры ребенка (езда на машинах) ... 452
В.80. Подвижные игры ребенка (катание на мнимых и настоящих лыжах) ... 453
В.81. Подвижные игры человека и шимпанзе ... 454
В.82. Игра ребенка с мячом и шаром ... 455
В.83. Игра ребенка легко подвижными предметами ... 456
В.84. Развлечение ребенка звучащими предметами ... 457
В.85. Игры экспериментирования ребенка с водой ... 458
В.86. Игры экспериментирования человека и шимпанзе с различным материалом ... 459
В.87. Игры экспериментирования ребенка с прозрачными предметами ... 460
В.88. Игра ребенка с огнем и с блестящими предметами ... 461
В.89. Употребление ребенком палки ... 462
В.90. Внешнее выражение удивления и внимания у человека и шимпанзе ... 463
В.91. Внешнее выражение удивления у ребенка ... 464
В.92. Сосание и ощупывание губами предметов у ребенка ... 465
В.93. Самовнимание человека и шимпанзе ... 466
В.94. Созерцание и ощупывание интересующих вещей у человека и шимпанзе ... 467
В.95. Реакция ребенка и шимпанзе на зеркало ... 468
В.96. Обследование ребенком дырок, глубин и полостей ... 469
В.97. Выявление роли указательного пальца у человека и у шимпанзе ... 470
В.98. Миниатюризм ребенка ... 471
В.99. Разрушительные игры ребенка ... 472
В.100. Целенаправленное бросание предметов ребенком ... 473
В.101. Подражательные действия ребенка ... 474
В.102. Подражательные игры ребенка ... 475
В.103. Подражательные действия ребенка, осуществляемые непосредственно вслед за взрослыми ... 476
В.104. Подражательные действия ребенка ... 477
В.105. Имитация ребенком процесса фотографирования ... 478
В.106. Подражание ребенка профессиям взрослых ... 479
В.107. Подражательные игры ребенка у воды ... 480
В.108. Подражательные действия ребенка ... 481
В.109. Употребление карандаша у ребенка и шимпанзе ... 482
В.110. Употребление различных орудий у ребенка ... 483
В.111. Употребление молотка у человека и у шимпанзе ... 484

В.112. Первые попытки восстановительной деятельности ребенка 485
В.113. Деконструктивные и реконструктивные игры ребенка 486
В.114. Конструктивные игры ребенка (репродукция аэроплана) 487
В.115. Конструктивные игры ребенка (репродукция аэроплана) 488
В.116. Конструктивные игры ребенка (репродукция червяка) 489
В.117. Конструктивные игры ребенка (репродукция лодок) 490
В.118. Конструктивные игры ребенка 491
В.119. Конструктивные игры ребенка (эволюция процесса постройки дома) 492
В.120. Выявление интеллектуальных способностей ребенка 493

Пролог

Земли твердыни, неба лоно и океана глубь и дно,
Светил горящих миллионы — все тайн волнующих полно.
Несметный сонм живых творений живой загадкой предстает,
И мысли, жаждущей решений, к ней направляется полет.
Но всех детей земли чудесней ее последнее дитя —
То человек, — и эту песню ему и посвящаю я.

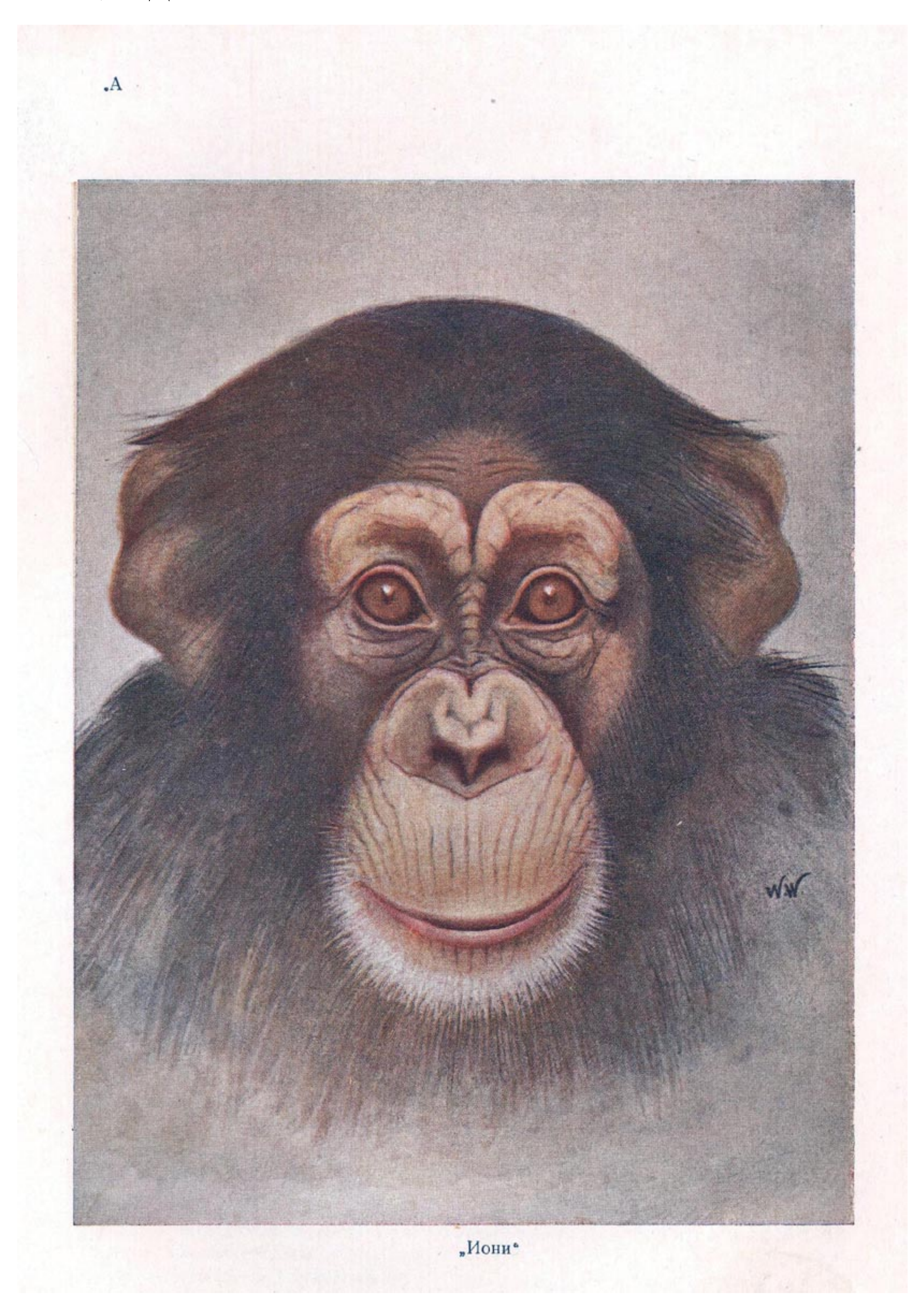
Лишь человек познать дерзает происхождение свое,
Лишь он природу вопрошает, стремясь постичь пути ее:
Узнать давно ль он во вселенной? Как на земле произведён?
Каким он был в эпохе древней и кем в грядущем будет он?
Кто предки наши? «О, родная, природа-мать, — и я спрошу, —
Я дочь твоя, но без тебя я вопросов тех не разрешу!
Безмолвно ты передо мною стоишь, величие тая,
И по сравнению с тобою я словно малое дитя...
К тебе я мыслью приникаю и сердцем трепетно прильну,
Тебя любовно созерцаю, чтоб тайну выведать одну!»

И мать-природа отвечала: «Что я могу еще сказать?
Вам всем и все я подсказала, умей смотреть и понимать!
Даров я завещала много земным всем детям, их любя,
Но человеку на дорогу дала всех больше от себя.
Ты — сын мой младший и последний, над всем живым ты властелин,
Частицы всех моих наследий ты слил в себе, лишь ты один!
Вода — в крови, огонь — в дыханьи, земля — в строении костей,
Волны воздушной колыханье ты чувствуешь в груди своей...
Собой траву напоминая, живя, растешь ты и цветешь,
И блекнешь, вянешь, умирая, и как трава в земле сгниешь...
А зверь — твой брат, родной и близкий, и зверя чуешь ты в себе,
Когда охвачен злобой низкой, когда бунтует кровь в тебе...
Но есть в тебе залог чудесный: дар слова, гибкость мощных рук,
Ум взлетный, творческий и дерзкий, что проницает все вокруг.
Ты создаешь аэропланы, что мчат бысрее вольных птиц,
Что пересекли океаны и стерли смысл земных границ.
Ты изощрил и слух и зренье, взял в плен воздушные струи,
Волною радио в мгновенье ты мысль и образ шлешь свои!
Кто вопрошает, значит может сам и ответ тот отыскать,
Кого ж загадка не тревожит, тот неспособен отгадать.
Смотря на небо, зверь не спросит про солнце, звезды, облака,
И ветер вздоха не приносит и от прекрасного цветка.
Цветок и зверь, вода и камень живут без разума, без дум,
Лишь у тебя исканья пламень и ненасытный жадный ум,
Но мыслью не блуждай напрасно, ища где предок погребен,
Когда ответ прямой и ясный в живом потомке воплощен.

С времен древнейших плиоцена, где возвышался Сивалик,
Одно созданье неизменным до наших дней хранит свой лик.
В непроходимых влажных кущах, стадами по лесам бродя,
Живет в сетях лиан могучих загадочное всем дитя.
Сутулый, черный, волосатый, немой, упрямый, буйно-злой,
Зовет его туземец „братом“, зовется белым — „проклятòй“.
Под мощным натиском культуры он погибает от людей,
Живой свидетель жизни бурной, поры младенческой твоей.
Недавний отпрыск древа жизни, ее коротенький побег,

Он в отдаленнейшей отчизне с тобою жил в древнейший век...
Пройдут года, побег завянет, бесславно так в земле сгниет,
С веками кто его помянет?! Разгадка вместе с ним умрет...
Его сравни с твоим дитятей и вместе их пронаблюдай,
И в чем они родные братья — ты усмотри и разгадай.
Со мною связь всегда живую они так тесно сохраня,
Нить путеводную двойную тебе вручают от меня.
И, в этом радостном исканьи и как ученый, и как мать
Умом и сердца трепетаньем ты сможешь многое познать.
Там, где шимпанзе не доскажет, твое дитя договорит,
Где мысли нить не все увяжет, нить чувства тонко просквозит.
Иди ж, упорствуй в упованьях, дерзай, чтоб к истине притти,
Лишь не забудь в своих скитаньях семь вех поставить на пути:
К деталям зоркость, ширь в исканьи, готовность вопрошать все вновь,
Любовь к природе, к правде, к знанью и материнскую любовь!»

Таблица 1. Дитя шимпанзе



Мой шимпанзе Иони (4 года)

Таблица 2. Дитя человека

Мой сын Руди (4 года)

Предисловие

В основу настоящего исследования положены мои личные наблюдения (произведенные в 1913—1916 гг.) над 1½—4-годовалым самцом шимпанзе (Иони) и над моим собственным сыном (Руди), сделанные в 1925—1929 гг., за период времени от дня его рождения до 4-летнего возраста.[1]

Ввиду необходимости строгого учета параллельно сопоставляемого возрастного периода обоих малышей нужно было уточнить возраст шимпанзе, что не так легко было сделать, особенно принимая во внимание, что последнее время вопрос о продолжительности жизни антропоидов и принципы определения их возраста подверглись радикальной переоценке.

Проф. Brandes (в Дрездене) в своих исследованиях[2] приходит к заключению о полной ошибочности определений возраста ряда антропоидов, содержавшихся в неволе; в частности это относится и к моему Иони, которому я ранее давала 7 лет, базируясь лишь на факте смены зубов (при отсутствии своевременно сделанных промеров тела и взвешивания живого животного).

Проф. Brandes, специально заинтересовавшийся вопросом о возрасте Иони, запросивший от меня ряд снимков с его зубной системы и черепа, нашел, что я (подобно ряду других авторов) вдвое переоценила возраст своего подопытного животного[3] и что следовательно в момент смерти Иони имел не более 3 лет. С другой стороны, проф. Yerkes (в Америке), узнав об определении проф. Brandes'а и получив от меня те же фактические данные для разрешения этого сложного вопроса, пришел к заключению о недооценке проф. Brandes'ом возраста моего шимпанзе и сам склонялся к признанию, что Иони погиб в возрасте 4—5 лет.

Три ученых антропоидной станции во Флориде (Dr. Jacobsen, Dr. Yoshioka, Dr. Tinklepaugh) на основании представленных им мною данных дали расхождение возрастной оценки Иони, колебавшееся в пределах времени от 3 до 5 лет.

Принимая во внимание это расхождение определений, проф. Yerkes предложил взять среднее пропорциональное четырех количественных возрастных данных, которое и выявилось в цифре 4 года 3 месяца.

Я, со своей стороны, включила еще данные проф. Brandes'а и взяла среднее пропорциональное 5 определений, выразившее мне возраст Иони в 4 года. По вычитании из этого времени 2½ лет жизни Иони в нашем доме оказалось, что Иони поступил к нам в возрасте 1½ лет, и следовательно мои 2½-летние наблюдения относились к животному от 1½ до 4 лет.

Обработка данных наблюдения над шимпанзе и моим сыном (протоколов, собиравшихся в течение 7 лет) взяла 5 лет времени[4].

Весь иллюстративный материал в работе представляет собой оригинальные фотографии (подавляющая часть которых опубликовывается впервые) или перовые эскизы с живого животного, сделанные художником В. А. Ватагиным при моем непосредственном участии.

Только перовые рисунки головок шимпанзе представляют собой схемы, репродуцированные на основании изучения мной мимики шимпанзе и скомбинированные из ряда фотографий.

[1] Иллюстративный материал (в частности закрепляющий мимику ребенка) захватывает порой и более поздний возрастный период.
[2] См. его статью «Das Heranwachsen des Schimpansen» в журнале «Der Zoologische Garten», № 1, B. 4, 3/V 1931.
[3] См. мою работу «Исследование познавательных способностей шимпанзе», Москва,. Госиздат, 1924, предисловие, стр. 5.
[4]Скептику, сомневающемуся в том, в какой степени наблюдения над *одним* шимпанзе и над *одним* ребенком могут претендовать на общие выводы, я должна напомнить следующее: центральная часть моей темы, дающая материал для заключения — сравнение инстинктов, эмоций и выразительных движений,— оперирует с био-психологическими чертами, характерными для *рода*. Вряд ли эти черты подлежат большим индивидуальным колебаниям у особей того же самого возраста и пола представителей Homo sapiens и шимпанзе.

Кроме того у меня был большой материал аутопсических наблюдений антропоидов (шимпанзе и орангов, содержавшихся в зоопарках Москвы, Берлина и Лондона), который также был принят мной во внимание,— и он отнюдь не противоречил моим выводам, а утверждал их. Что касается данных о моем ребенке, то они почти везде, где было возможно, дополнялись за счет наблюдений над другими детьми, широко использованных при изложении.

Видимая индивидуалистичность наблюдаемых субъектов (шимпанзе и человека) бросается в глаза лишь потому, что оригинален и монографичен весь иллюстративный материал и точно документальны хронологические даты наблюдения над Руди,— самые наблюдаемые факты каждому биопсихологу и педологу известны, чтобы не сказать — банальны.

Дневники, воспроизводившие поведение шимпанзе, с одной стороны, и моего сына — с другой, были разделены двенадцатилетним периодом времени. Оба малыша развивались и наблюдались разновременно, следовательно не могли оказывать друг на друга никакого влияния, причем я сознательно старалась как можно меньше подвергать Иони какой бы то ни было дрессировке и тренировке в человеческих навыках, желая пронаблюдать природное, более естественное и непосредственное проявление его поведения; дневник о ребенке писался совершенно безотносительно к сравнительно-психологическим задачам, которые выступили post factum и значительно позднее 1929 г. Это был типичный дневник матери, в котором ежедневно, точно, радостно, любовно протоколировались все новые проявления поведения сына (первого и единственного); неудивительно, что этот последний дневник был фактически более насыщенным, чем первый.

Но что мне казалось поразительным — это то, что в своем поведении Руди давал мне так много точек соприкосновения с шимпанзе, так часто восстанавливал призабывшиеся детали поведения Иони, что невольно наводил меня на желание когда-либо произвести доподлинное фактическое сопоставление поведения обоих детей.

Это впечатление усилилось еще больше, когда я стала подвергать обработке дневник о шимпанзе приспособительно к теме «Дитя шимпанзе в его играх, инстинктах, привычках, эмоциях и выразительных движениях».

По плану заключительная глава этой работы как раз должна была включать сопоставление психики шимпанзе со сверстником — ребенком человека. Но сравнение и анализ дневников об Иони и Руди совершенно неожиданно для меня дали такой колоссальный материал резко дивергирующих аналогий, что невольно поставили меня перед необходимостью более полного, широкого и глубокого охвата протоколов, исчислявшихся тысячами страниц текста. Завершение темы, казалось вот-вот близившееся к концу, отдалялось на неопределенно долгое будущее...

Я почувствовала себя в положении путника, который только что с трудом добрался до вершины высочайшей горы[5].

Человек всходил на эту гору целые три года, день за днем, час за часом, с раннего утра до глубокой ночи; он настойчиво и неуклонно преодолевал каменистый путь.

Порой было трудно и тяжко, учащенно билось усталое сердце, туманилась голова, иссякали силы.

Но мысль о том, что с вершины этой горы откроются широчайшие горизонты, возбуждала новый ток энергии, и преодолевалась минутная слабость и находился энтузиазм для нового подъема.

И вот, когда казалось, что еще два-три шага — и путник будет у конечной цели, перед его глазами внезапно предстала новая еще более недоступная вершина, лишь подножьем которой был достигнутый пункт[6].

Как не содрогнуться перед новым осложнением? Как не смутиться духом? Где взять силы для нового преодоления трудности?

Но то, что превыше человека — неукротимый, властный, повелительный дух искания окрылял взбираться все выше и выше вверх и по этой горе, чтобы с новых и более высоких научных горизонтов и в новой перспективе осмотреть оставшееся за собой.

И вот снова еще два года пришлось взбираться кверху по этому новому и еще более крутому и неприступному пути. На заднем фоне сознания неотступно звучало предостережение: «Лишь бы не поскользнуться, лишь бы не упасть, лишь бы сохранить выдержку!»

Но и теперь, когда мой труд окончен [7] и я бросаю взгляд на него с новых высот,— разве я могу сказать, что увидала все, что хотела?

И теперь лишь больше, чем раньше, *но не все...*

[5] Было завершено исследование о шимпанзе, был обработан (в течение 3 лет) материал почти 2½-летнего наблюдения над Иони, освоены были сотни фотоснимков, подготовлено к печати 16 печатных листов текста.

[6] Нужно было перечитать, сделать выписки и проанализировать 3040 страниц текста 4-летних дневников о сыне.

[7] Завершена и вторая сравнительно-психологическая часть исследования — «Поведение дитяти человека» (в размере 16 печатных листов).

Почему? Потому, что вверху над собой я вижу новые и еще более высокие горные вершины[8], с которых конечно откроются неизмеримо большие дали... К ним, к новым высотам, с новой энергией и порываюсь я дерзновенно идти все вперед и все вверх. Пусть вершины этих высот упираются в самое солнце!..

Обращаясь к истории этой книги, я со всей определенностью должна подчеркнуть, что в настоящем своем виде мой труд не смог бы быть опубликован до 17-го года, и что лишь Октябрьская революция, впервые обеспечив за Дарвиновским музеем нынешний размах его работы, предоставила возможность такого оформления моего исследования, о котором автору его и не мечталось 20 лет назад.

Я считаю себя обязанной упомянуть о помощи Государственного Дарвиновского музея, предоставившего мне исключительно благоприятные условия для осуществления многолетней спокойной и уверенной научной работы, обеспечившего средства и возможность опубликования моего исследования. К тридцатилетнему юбилею Дарвиновского музея (1905—1935) и приурочивается настоящее издание.

Обращаюсь к упоминанию о тех лицах, которые содействовали самому осуществлению работы и помогли тому, чтобы мечта облеклась в слово и слово стало оматериализованным делом.

Кого же упомянуть?

Десять лет работы, тысячи страниц протоколов, сотни страниц текста книги, много десятков фотографий и рисунков...

Под силу ли весь этот труд одному человеку?

Разве может его выполнить одна пара рук, одна пара глаз, один ум?

О, сколько их — тех известных и безвестных, непосредственных, близких и далеких лиц, которые ободряли в часы усталости, советовали в минуты научного раздумья, вдохновляли в миг взлета мысли, видимое глазом закрепляли фотокамерой, карандашом и кистью...

У меня были десятки подсобных рук и глаз, три-четыре верных сердца и один вдохновляющий образ!

Двадцать лет назад я задумала приобрести шимпанзе Иони и сказала с молодым энтузиазмом: «как бы мне хотелось купить антропоида для научного изучения!» Но где взять денег для его приобретения? Кто откликнулся на этот просительный зов загорающегося научного искания? Кто выручил в нужный момент сотнями рублей, необходимых для покупки? Не коллеги ученые, не научные учреждения, которые вряд ли смогли бы дать аванс начинающему молодому ученому и поверить в кредит в плодотворность его планов, а самый давний и преданный сотрудник Дарвиновского музея *Ф. Е. Федулов*, который своим проникновенным умом глубоко уважал науку, который своим чутким сердцем поверил в искренность и серьезность моих научных замыслов. Не менее ценна и незаменима была последующая помощь глубокоуважаемого *Ф. Е. Федулова* при сложном процессе фотографирования Иони (а позднее и Руди).

Другая помощь — не менее актуальная. Иони приобретен, Иони под наблюдением, но ему надо предоставить простор для свободы действий и передвижения в обширном помещении и на воле. Кто даст такие условия и согласится связать себя буйным, беспокойным, хлопотливым, необычайным существом!

И здесь откликаются два великодушных сердца, и братски протягиваются две любящие руки (Наталия Николаевна и Михаил Николаевич *Энгельман*) и предоставляют все необходимое для продолжения моей работы.

Я наблюдала Иони и детально записывала его поведение. Но что значили бы эти записи без фотоснимков, которые документально закрепили для других не только то, что видел мой глаз, но довели до моего сознания детали, которые за их минутиозностью и мимолетностью я не в состоянии была бы уловить и зафиксировать. Кто и при каких условиях делал эти снимки?

[8]В рукописях остался необработанным экспериментальный материал, намеченный к опубликованию в третьем томе, касающийся интеллекта дитяти шимпанзе и человека.

В летние удушливо жаркие дни, на сжигающем, палящем солнцепеке, заполнив тяжелой работой дни своих вакаций, отягченный полупудовой зеркальной фотокамерой, часами простаивает перед белым экраном или ходит по следам Иони и ловит «хороший момент» — он, неизменный, верный, яркий спутник, вошедший в орбиту моей жизни — *А. Ф. Котс*; он закрепляет аппаратом сотни снимков, легших в основу настоящего исследования — снимков[9], признанных непревзойденными даже американской прессой.

Я анализирую наблюдения, изучаю эти снимки с Иони. Их так много, — но даже и они порой не выражают всего, что хочется, и так, как хочется. Одни полны фотодеталей, и их надо абстрагировать, чтобы выпуклее выразить главное; другие требуют особого способа печатания и обработки. Кто исправит механический глаз объектива и дефекты негативов?

Два лица, два имени всплывают в моей памяти: один живой и непрестанно деятельный, непревзойденный в своей области знаменитый наш анималист-художник *В. А. Ватагин* и другой — безвестным умерший старичок-фотограф *А. Т. Трофимов.*

Прошло 12 лет со времени наблюдения Иони; появился новый питомец, новые условия работы, новые задания. И на фоне бессменных трех моих верных прежних сотрудников (А. Ф. Котс, Ф. Е. Федулов, В. А. Ватагин) появляются новые.

Протоколы поведения Руди, черновики работы об Иони тотчас же вслед за мной тщательно и терпеливо переписывает на машинке всегда приветливая, всегда ровная *Ю. А. Полякова*, и мои неразборчивые, тусклые, за спешностью небрежные записи приобретают прозрачный, удобочитаемый вид и становятся годными для последующей аналитической переработки и окончательного печатания.

В разное время два новых фотографа привлекаются к фотографированию Руди; каждый силен своим: один — *Л. М. Сытин* (1925—1926) в области художественности снимка, другой (1927—1933) — *М. А. Сироткин*, взявший на себя главную часть работы, — в изумительной быстроте схватывания тончайших биопсихологических моментов и художественности обработки негативов, обеспечивших превосходную фототипическую передачу снимков.

Три новых молодых талантливых художника потрудились над рисунками — *Н. Н. Кондаков*, мастерски сделавший тысячи тончайших акварельных зарисовок[10], связанных с закреплением элементарных интеллектуальных процессов ребенка[11], *М. М. Потапов*, превосходно написавший живописный портрет Руди, и *В. В. Трофимов*, прекрасно выполнивший графические рисунки.

А сколько их — тех, кто дал мне время и досуг для наблюдения Руди, взяв на себя в часы моей работы уход за малышом!

Особенно отчетливо я вижу перед собой старчески умиленные, потухающие, но заботливые глаза бабушки (*Е. А. Котс*), самоотверженно отдававшей свои последние силы на уход за Руди, но недожившей до радости выхода в свет этой книги.

Я не могу не оценить по достоинству участие наблюдавших за моим мальчиком двух врачей — д-ра *А. Н. Ханевского* и нашего бессменного д-ра *В. В. Постникова*, своевременным авторитетным советом обеспечивших телесное благополучие и благоденствие моего испытуемого, уберегших его не только от каких-либо серьезных заболеваний, но даже и от типичных «детских» болезней, что дало мне возможность беспебойного наблюдения мальчика за все время первых 7 лет его жизни.

Не могу не подчеркнуть внимание, научную и литературную помощь мне проф. *Р. Йеркиса* (директора Антропоидной станции во Флориде), а также заграничных коллег-ученых: проф. *Осборн*, *Грегори*, *Фернбергера*, *Гезелла* (в Америке), проф. *Гексли*, *Киса* (в Англии), проф. *Брандеса*, *Штерн*, *Липмана*, *О. Келера* (в Германии), проф. *Ревеша* (в Голландии), проф. *Клапареда* (в Швейцарии), обнаруживших большой интерес к моей работе, пока она была еще в рукописи, и стимулировавших интенсивное и экстенсивное ее выполнение.

С обычным стилистическим мастерством *С. С. Толстой* выполнил перевод на английский язык резюме моей работы.

[9]Частично опубликованных в моем первом труде.
[10]Лишь частично опубликованных в этой книге
[11]Акта ассимиляции — уподобления предметов.

История этой книги не была бы досказана до конца, если бы я не упомянула о том, что в то время, как я наблюдала Руди и Иони, зачастую при них записывала поведение малышей, чтобы получить протокольно-точную картину записи, — две пары маленьких глаз — карие глаза Иони и серо-зеленые глазки Руди — тоскливо и печально смотрели на меня.

Кто имеет, знает и любит детей, читая эти строки, поймет, какое глубокое волнение охватывает меня при этом воспоминании.

Ведь Руди и Иони были дети, а дети всегда хотят быть веселыми, а вдруг почему-то они замечают, что я смотрю на них так серьезно, так сосредоточенно...

Дети всегда хотят, чтобы присутствующие взрослые их развлекали, а здесь они видят, как я занимаюсь каким-то своим, непонятным для них, чуждым делом.

Для обоих я была самым близким и желанным человеком, — и именно со мной они так радостно играли, а теперь я почему-то отстраняю их от себя и сижу неподвижно на одном месте и длительно пишу.

И я чувствую, вижу, как оба они стараются всякими способами заставить меня в этот миг забыть о науке, напомнить о том, что они — настоящие, живые дети, — и малышик Иони дергает меня за платье, приглашая к игре, вырывает ненавистные ему карандаш и блокнот, а сынок Руди тянет жалобным голосом, забираясь ко мне на колени: «когда же ты кончишь?»

И еще раз об одном и самом главном участнике, основателе Дарвиновского музея — А. Ф. Котс.

Сколько раз, на протяжении этих длинных десяти лет, у меня наступали минуты душевной усталости, полосы временного психического застоя! Но всякий раз, как я видела перед собой его всегда энтузиастичный облик и слышала его вдохновляющие слова, снова вспыхивала и разгоралась у меня потухающая искра научного искания.

И вот, когда переберешь все это в мыслях, так ясно видишь, как сравнительно мал мой личный труд в этом печатном труде.

Что выпало на мою долю?

Длительно целенаправленное научное искание, радостный труд наблюдения, терпеливый анализ и робкий синтез.

И так хочется воскликнуть: «Весь этот печатный труд *в целом* — это не мой труд. Это труд, и терпенье, и силы, и уменье, и одаренность, и энергия и вдохновение всех тех, кто был и есть рядом со мной, кто быть может лишь короткий срок был вместе, и кто прошел лишь мимоходом, и кто ушел навеки, но оставил незабываемый след здесь — на этих печатных страницах».

Им всем — близким и далеким, живым и умершим, известным и безвестным, упомянутым и неупомянутым я и посвящаю этот мой труд...

Н. Ладыгина-Котс

Введение. Предмет и метод исследования.

Πάντα ρεῖν... — несутся к нам из глубины веков два слова, отражающие целое мировоззрение. «Все течет, все движется, нельзя дважды окунуться в одну и ту же струю воды — она уже утекла»... (Гераклит.)

Подобно тому как в летописи истории неповторимы временные даты: годы, месяцы, дни, даже часы, минуты и секунды, — не остается одинаковым ни на один момент психический строй индивидуума, не возвращается то же психическое переживание.

Определим ли точно, измерим ли по своей краткости тот отрезок времени, когда в душевном мире человека или животного устанавливается известное психическое равновесие и остается постоянство?

Легко себе представить, как необычайно трудно верно, точно, четко изобразить эту вечно волнующуюся стихию душевных состояний, как искажается ее отображение в искусственно сплетенных для ее уловления сетях экспериментатора!

Втиснутое в рамки эксперимента живое психическое содержание подобно вольной птице, привыкшей к свободным перелетам в безграничной шири воздушных просторов, но пойманной и помещенной в узкую клетку. Словно живая птица, оно бьется об эти стены эксперимента и порой не хочет в них вместиться, рвется наружу и разрывает тенета теоретических заданий и планов риментатора.

Созерцающий наблюдатель, предоставляющий полную свободу проявления этой калейдоскопической смене психических состояний, скорее может уследить за их полетом, дальше может последовать за ними в сфере их распространения, легче может их схватить и закрепить.

Современный наблюдатель изощрил метод наблюдения: он расширил, уточнил и утончил свои природные органы чувств подсобными техническими аппаратами, — он прибавил к своим глазам око фотокамеры, Tele-объектива и кинематографа, к своим ушам — чувствительную мембрану фонографа, к своей протоколирующей руке — регистрирующий рычаг кимографа.

Заставляя этих абсолютно покорных, машинообразно точных, механических сотрудников повторно и многообразно воспроизводить внешние выражения психических состояний, современный наблюдатель несомненно имеет право конкурировать в методике исследования с современным риментатором. Но даже более того.

Первый имеет явное преимущество перед последним, когда он встает на путь «естественного римента», когда, отнюдь не стесняя свободы наблюдаемого животного, не нарушая процесс протекания психического состояния, лишь многообразно изменяя внешние условия окружающей среды, он приобретает возможность многостороннего контроля наблюдаемых явлений, объективной их интерпретации.

Но у метода наблюдения есть один уязвимый пункт: его достоинства колеблются в зависимости от сферы и объекта его приложения.

В то время как метод римента, ограничивающий процесс протекания психического явления, в области сравнительной психологии равно сохраняет свои научные качества в грандиозном по масштабу поле действия — в применении ко всей лестнице живых существ (от амебы до человека), ко всем видам психических проявлений (от тропизмов до высших интеллектуальных процессов), — метод наблюдения, дающий полный простор для развертывания явления, ограничен по своей приложимости: он обнаруживает свои ценнейшие качества лишь там, где психическое содержание отливается в выразительные, рельефные, внешние формы.

Нетрудно усмотреть, что он приобретает особенную значимость в применении к человеку — с его богатейшей мимикой и пантомимикой, особенно к человеческому ребенку — с его непосредственным способом выявления поведения, к человекообразной обезьяне, превосходящей первого и второго выразительностью своих движений и непосредственностью их проявления.

Лицо — зеркало души. Эта истина столь же банальна, как легко доказуема. Достаточно каждому привести на память лицо гениального человека и идиота, чтобы она открылась со всей очевидностью. Но содержание лица гораздо богаче: оно открывает нам не только степень интеллектуальной, но и темпераментной, эмоциональной одаренности; и эта последняя обнаруживается сравнительно легче: астеник, атлетик, пикник каждый имеет свою физическую и психическую конституцию; меланхолик, флегматик, сангвиник, холерик каждый имеет свой тип лица; каждое наше настроение находит отражение вовне и прежде всего в лице; на каждом лице записан, зафиксирован основной тон его настоящих переживаний, до известной степени на нем запечатлена наша прошлая душевная жизнь. Мы не читаем, не расшифровываем ее только потому, что не умеем или не желаем этого сделать, хотя и могли бы, как можем подмечать по выражению лица близких нам людей каждый нюанс смены их настроения, каждый оттенок душевного волнения, но этот учет происходит как бы помимо нашей воли, как-то бессознательно, почти интуитивно, — и мы не в состоянии точно уяснить, в чем выражается телесное изменение.

Вспомним о первобытных народах, в жизни которых выразительные жесты и телодвижения входят не только в круг эмоционального, но и интеллектуального взаимного общения, где жесты иногда замещают собой образы, действия и даже понятия и суждения.

Приглядимся к печальному волнующему зрелищу — бессловесному, бесшумному разговору глухонемых, оттеняющих тонкую изощренную символику движений губ и пальцев более экспрессивными движениями бровей, глаз, рук и даже всего туловища.

Опытные психологи, поэты, писатели интуитивно давно учли эмоциональную силу жестов, выразительных движений, почему в патетических и эффектных сценах своих произведений они заставляли героев не говорить, но действовать, выявлять переживание не словесно, но зрительно-наглядно, картинно-образно.

«Народ безмолвствует!» — кончает Пушкин свою поэму «Борис Годунов». Немая картина заключает финал гоголевского «Ревизора».

Писатель, как и виртуоз сценический артист, понимает, что в минуты максимального эмоционального пафоса слова должны уступить место более эффективному способу выражения — образу — в полном соответствии с тем фактом, что в минуты высочайшего душевного напряжения, величайших душевных потрясений люди понимают друг друга без слов; слова, слова и слова потоками льются там, где утерян путь взаимного доверия и понимания. «Мысль изреченная есть ложь», говорит Тютчев, тонко понимая, как трудно определить словами невыразимые состояния души.

Красноречивее слов безмолвный язык влюбленных; одним взглядом понимают друг друга любящие сердца («Was vom Herzen geht, geht zum Herzen») и не нуждаются в опосредствованном способе выражения — словесном языке. Слово приобретает особую значимость и силу там, где кончается сфера эмоций и начинается мир интеллектуальной деятельности, где требуются уточнение и филигранная диференцировка явлений, психических восприятий, представлений, понятий...

Оглянемся на наше детство и младенчество, — тогда язык мимики и жестов был для нас единственным языком, потому что мы не имели другого языка — языка членораздельной речи. Все мы знаем, что ребенок понимает значение мимики близких ему лиц много раньше, чем значение слов, и он общается с ними прежде всего бессловесным способом выражения.

Когда же появляется членораздельная речь, она заступает это безмолвное общение. Слово начинает передавать в совершенстве наши мысли, а интонация сообщает ему тот эмоциональный оттенок, без которого самая мысль, самое слово мертво и безжизненно. И, выросши, мы так привыкаем доверяться слуховым восприятиям, что часто совсем забываем о сопутствующем им языке выразительных движений, мимики. Мы вспоминаем о нем только тогда, когда не доверяем словам, не понимаем их, — тогда взглядываем в лицо, в глаза и часто раскрываем истинный смысл слов. Лицо редко может скрыть то, что без труда скрывает слово.

Выражение, что «глаза не лгут», не менее банально. Животные, не усваивающие нашей речи, понимают жест, позу, резкие изменения выражения лица человека легче, чем слова.

И мы, в свою очередь, в общении с животными понимаем их желания, чувствования, руководясь главным образом зрительными восприятиями их выразительных движений. И это понятно: уста животных «запечатаны» к слову о самих себе, их звуки не диференцированы, немногочисленны и пока так мало изучены,

что становятся понятными нам лишь в связи с теми действиями, которые животные при этом воспроизводят: мимика лица, позы, жесты, телодвижения расшифровывают людям характер издаваемых животными звуков, вскрывают внутренние переживания бессловесного живого существа.

Выразительные движения, сопровождающиеся инстинктивными звуками, являются средствами общения животных с себе подобными, они выявляют наблюдателю весь сложный скрытый механизм его психической жизни, и животное становится доступным объектом наблюдения и изучения.

Животные в противоположность людям не могут скрывать своих чувств.

Этот природный, естественный, безусловный язык их выразительных движений непосредственен, прямолинеен и правдив, и в этом его известное и безусловное преимущество перед людским насквозь условным, растяжимым, часто двусмысленным языком, многими и часто употребляемым для того, чтобы замаскировать, скрыть свои истинные затаенные мысли.

Далеко не случайно насквозь рассудочная интеллектуальная культура Запада, иссушающая мозг и сердце, вытравляющая проблески непосредственного и живого проявления чувств и мыслей, возвела в идеал системы воспитания манер «gentleman'a» — статуеобразную неподвижность туловища, масковидность лица, паралитичную оцепенелость и ограниченность жестикуляции.

Эта манера держаться в «благовоспитанном» обществе как бы специально создана для того, чтобы при взаимном общении люди не могли непроизвольно вынести на периферию своего телесного облика затаенные истинные мысли и чувства, вскрывающие субъективное отношение человека к людям и к переживаемым им событиям. Наоборот, подкупающая прелесть зверей, как и детей, состоит именно в наивной непосредственности выявления их поведения; вызывающей наше доверие к ним, располагающей к ним наше сердце.

Эта искренность, откровенность выражения вовне пока мало понятного, как бы символичного, зашифрованного способа выявления внутреннего мира бессловесного животного в силу своей естественности и правдивости быть может открывает самый легкий и верный путь к истинному всестороннему пониманию душевного строя животного и, особенно, явно преобладающего у него мира эмоциональной сферы.

Язык выразительных движений особенно рельефен, красноречив и многообразен у антропоидных обезьян, он в особенности богат у шимпанзе.

Действительно замкнутый, необщительный меланхолик горилла, флегматик оранг, мало экспрессивный миниатюрный своеобразный гиббон далеко не так выразительны в своем внешнем выявлении, как общительный, живой, жизнерадостный сангвиник шимпанзе, обладающий необычайно сложной мимической мускулатурой.

По своему внешнему виду по сравнению с другими антропоидами шимпанзе и наиболее человекообразен.

Для ознакомления с этим необычайным существом я позволю себе представить читателю наблюдавшегося мной полуторагодовалого самца шимпанзе — Иони (Pan chimpanse Meyer — Anthropopithecus troglodytes).

Присмотримся к нашему Иони так внимательно любовно, как я это делала 20 лет назад, усадив его перед собой и разглядывая его необычайно изобразительное лицо — эту сложную мимическую клавиатуру, на которой так акцентированно, так бравурно разыгрывалась первобытная, дикая, экзотическая симфония его эмоциональной жизни.

Нам необходимо рассмотреть это лицо во всех его минутиозных подробностях. Подобно тому как при создавании фортепианной музыкальной пьесы для достижения желаемой выразительности композитор должен заранее уверенно знать точное местоположение каждой клавиши инструмента, на котором будет исполнять эту пьесу, помнить тон и силу звуков всех ладов клавиатуры, чтобы тем вернее и в любой момент заставить зазвучать одни и замолчать другие звуки, — так и мы должны приобщить читателя к овладеванию деталями лица шимпанзе в его статике, чтобы тем легче и рельефнее выявить изменения этого лица в динамике.

Часть I. Поведение дитяти шимпанзе (описательная часть)

Глава 1. Описание внешнего облика шимпанзе

Лицо шимпанзе в статике

Голова нашего шимпанзе (Табл. 1) — удлиненная, в темени широкоовальная; начиная от верхнего края ушей она резко суживается и продолжает постепенно суживаться до самого подбородка.

Лоб

Смотря en face, видно, что лобная часть головы широко, плоско сферической формы, покрыта черными волосами и резко контрастирует с примыкающими к ней выдающимися светлыми надглазными дугами и собственно лицом, обтянутым темнотелесного цвета кожей, почти лишенной волос.

Небольшой участок лба над местом схождения надглазных дуг обнаруживает склонность к облысению[1] и покрыт такими короткими и редкими волосами, что светлая кожа его просвечивает; при каждом взгляде животного вверх эта кожа ложится пятью тоненькими складками, идущими параллельно друг другу и надглазным дугам[2] (см. группу борозд № 1, включающую морщины № 1—5 — Табл. 1.1, рис. 1).

Три нижние складки более длинные, две верхние — более короткие. При слабом наморщивании животного три нижние складки правой и левой стороны почти соприкасаются в середине лба, при сильном наморщивании они сходятся под углом друг к другу, образуя мысок, спускающийся над переносицей. Две верхние складки так коротки, что никогда не соприкасаются взаимно, не доходят до самой середины лба.

Волосы лысеющего участка лба, как и прилегающих к ним частей, коротки и мягки, но по мере приближения к темени они все удлиняются, густеют и становятся жестче; по бокам лба, близ верхнего края ушей, волосы становятся особенно длинными и жесткими, сильно оттопыриваются, в стороны, частично закрывают уши и, спускаясь по бокам щек в виде бак, сходятся под подбородком, обрамляя черной бахромой светлое лицо животного.

Иссиня-черный (цвета воронова крыла) волосистый лоб шимпанзе, как и примыкающие к нему баки, чрезвычайно резко оттеняют остальную светлую, голую часть лица (к которой собственно и может быть приурочено это название при поверхностном взгляде на животное), тогда как лоб как таковой, сливаясь по окраске с теменем, кажется входящим в состав затылочной части головы.

Надглазные дуги и переносица

Надглазными дугами начинается собственно лицо. Надглазные дуги сильно возвышаются как над вышележащим лбом, так и над нижележащими веками и глазами; они плоско вальковатые, широко дугообразные по очертанию, почти на всем своем протяжении равномерной ширины (примерно 1½—2 см), и только при схождении их вниз (в средней линии лба) они сразу сильно утончаются, сливаясь в узком костном стержне переносицы. Надглазные дуги отграничены от лба резкими бороздками, идущими параллельно их очертанию и сходящимися мысообразно в месте соприкосновения дуг (Табл. 1.1, рис. 1, 2).

Надглазные дуги покрыты темнотелесного цвета[3] , несколько неровной, бугристой кожей, у наружного конца дуг приобретающей коричневую пигментацию[4] в виде расплывающихся пятен. Кожа дуг обладает сильной подвижностью: она способна как бы перекатываться через костные дуги вверх и вниз, но при этом, например при взглядывании животного вверх, приподнимаясь, она уплотняется и образует на верхних и задних краях дуг три, параллельные очертаниям дуг, мелкие продольные бороздки (2-я группа борозд — № 6—8), тогда как при смотрении зверька вниз (или во время его сна) кожа спускается вниз так сильно, что темный волосистый край лба заходит на верхние края надглазных дуг, нижний край надглазных дуг

[1] Которое усиливается по мере вырастания животного.
[2] Эти лобные складки и развиваются и заметно усиливаются с вырастанием животного.
[3] Темнотелесного по сравнению со светлотелесным цветом лица европейца.
[4] Усиливающуюся с возрастом.

сползает почти на веки, пограничные бороздки передвигаются на дуги и мыском спускаются на переносицу; при этом самая кожа на дугах в их передней части собирается в многочисленные короткие, глубокие поперечные прямые складки, особенно сильно выраженные в месте схождения обеих дуг и на переносице, где они внезапно сближаются и пересекаются под углом одна к другой (Табл. 1.1, рис. 1).

Кожа надглазных дуг при внимательном приглядывании к ним не является совершенно голой, а покрыта густым белым пушком шелковистых волос, различимых только на просвет. Но зато при самом поверхностном рассмотрении бросаются в глаза жесткие, длинные (в 2—2½ см) редкие щетинообразные неправильно разбросанные на всем протяжении дуг, торчащие в стороны волосы — подобие бровей; впрочем название бровей хочется приурочить к самым светлым надглазным дугам, так контрастно выдающимся на темном фоне лба и лица.

Переносица плотно обтянута несколько пигментированной кожей: над местом схождения надглазных дуг она рассечена спускающейся со лба темной, узкой полосой волос, доходящей до основания переносицы и как бы указывающей ее начало.

Переносье покрыто редкими темными волосами, более короткими, чем волосы надглазных дуг, и имеет также пушок из мягких светлых волос. Оно прорезано тремя поперечными морщинами и двумя косыми, сближающимися при наморщивании носа — 9-я группа борозд включает морщины № 46—50 (Табл. 1.1, рис. 1).

Светлые надглазные дуги и переносица сильно выделяются на окружающем фоне еще и потому, что к ним примыкает темнопигмен-тированная кожа: широкое пигментное пятно, начинаясь под нижним краем внутреннего конца надглазных дуг, распространяется параллельно дугам, почти исчезая в средней части верхнего века глаза и усиливаясь перед наружным углом глаза, где оно сливается с прилежащим к нему пигментным пятном на наружных концах надглазных дуг. У нижнего переднего края надглазной дуги пигментация начинается узкой полоской близ наружного края переносицы, идет параллельно стержню переносицы и, сильно расширяясь на уровне конца этого стержня, расползается в стороны под нижними веками и распространяется на верхние части щек, где она, ослабевая в своей интенсивности, постепенно сходит на-нет.

Средняя и задняя часть верхних век и крохотное пятнышко в переднем и заднем уголке нижних век не имеют пигмента.

Часть лица, заключающая в себе глазные орбиты, щеки и переносицу, по сравнению с лобной частью и с сильно выступающими надглазными дугами является резко вдавленной; этот провал наибольший в области переносицы перед началом несколько выступающего хрящевого носа и в нижних частях щек, которые являются как бы ложбиной по сравнению с холмисто выступающей челюстной частью лица.

Щеки

Собственно щечная часть лица — темная и резко отделяется почти линейной границей как от нижних век, так и от челюстной части лица; ее темный цвет зависит как от пигментации, так и в еще большей степени от покрывающих ее темных волос; эти волосы, появляясь на верхних частях щек (там, где кончаются пигментные пятна под веками), сначала более редки, потом все удлиняются, густеют и распространяются по всей поверхности средней и задней части щек, сливаясь в боках лица с длинными окаймляющими лицо баками.

Веки

Глаза шимпанзе окаймлены веками, из которых верхние веки (аналогично векам человека) значительно шире нижних и заканчиваются толстым валикообразным краем.

Верхнее веко, рассматриваемое в полуопущенном состоянии по всей своей длине (от внутреннего до наружного угла), прорезано четырьмя тонкими бороздками.

При слабом поднимании века вверх эти бороздки собираются тесно друг к дружке и образуют над валикообразным краем века двойную складочку, расходящуюся близ наружного конца века в две морщинки; при сильном поднимании века вверх все 4 складки сливаются в одну глубокую толстую складку, нависающую

над валикообразным утолщением века и также раздробляющуюся близ наружного угла глаз на 3—4 параллельно идущие морщинки — так называемые «гусиные лапки» (3-я группа морщин — включает № 9—12; см. Табл. 1.1, рис. 1).

Нижнее веко представлено узкой, плоско утолщенной полоской, нижняя граница которой выступает то более, то менее рельефно в зависимости и от освещения и от положения глаз животного.

Верхнее веко снабжено черными одинаковыми по величине (приблизительно в 3 мм) прямыми, мягкими, довольно частыми ресницами; ресницы нижнего века по сравнению с таковыми верхнего более редки и вдвое более коротки.

Морщины под веками

Под нижними веками, отделяясь неглубоким вдавлением, как бы повторяющим их очертание, находится то более, то менее выступающее мешковидное вздутие кожи, изрезанное идущими от переднего уголка глаза веерообразно расходящимися четырьмя глубокими складками (4-я группа борозд, № 13—16; см. Табл. 1.1, рис. 1).

Первая из этих складок, наиболее тонкая, начинается почти от середины нижнего века и идет почти параллельно его очертанию; вторая и третья складки, более глубокие, начинаясь вместе от переднего уголка глаза, тотчас же раздвигаются друг от дружки (на 5 мм) и позднее по мере удаления от угла глаза продолжают расходиться все на большее расстояние. Четвертая складка, отходящая от верхней трети третьей складки, чрезвычайно резкая, вдвое более короткая, чем предыдущая, вскоре отступает от третьей складки и направляется не вбок, а вниз, идя совершенно параллельно выступу челюстной части лица.

От основания носового стержня, как раз параллельно мысообразно сходящимся бороздкам, отграничивающим хрящевой нос, по нижним боковым частям щек идет, слегка прорезая светлую челюстную часть лица, довольно резкая, 17-я по счету, наклонная складка (первая из 5-й группы морщин; см. Табл. 1.1, рис.1).

Наконец из морщин этой части лица следует упомянуть еще о двух длинных тонких морщинках, идущих от наружного края надглазных дуг, пересекающих морщины наружного угла век, направляющихся вкось и внутрь вдоль середины щек и исчезающих в темных волосах (7-я группа борозд, включающая № 35—36; см. Табл. 1.1, рис. 1).

Глаза

Верхнее и нижнее веко обрамляет глазное отверстие, имеющее миндалевидную форму; широкий конец этого отверстия является наружным углом глаза и приподнят несколько кверху, тогда как суженный передний конец (внутренний угол глаза) оттянут несколько-книзу, почему глаза имеют несколько косое расположение.

Белок глаза сильно пигментирован, темнокоричневого цвета; эта пигментация особенно усиливается у краев радужины, где она образует более темное кольцо, расплывающееся в своих наружных очертаниях. Более темно окрашены и передний уголок глаза и слизистое первичное веко, по сравнению с которыми прилежащая часть белка является более светлой и местами беловато просвечивающей.

Самая радужина, совершенно круглая по форме, обычно прикрытая сверху и снизу находящими на нее и прикрывающими ее веками, выявляет свои точные очертания при поднимании или опускании век, при взглядывании шимпанзе вверх или вниз; радужина покрашена в светлозолотисто-коричневый цвет и довольно резко выделяется на темном фоне белка; зрачок глаза круглый, небольшой, но вечером он настолько значительно увеличивается в диаметре, что от радужины виднеется лишь одна тонкая полоска.

Переносица и челюстная часть лица

Костный носовой стержень, собственно переносица, начинающийся от места соприкосновения надглазных дуг, на своем конце у основания выступающего хрящевого носа, у границы собственно челюстной части лица, несколько мечевидно расширяется и вдается глубоким мысиком в сердцеобразно выпукляющийся хрящевой нос (уже было упомянуто, что в этой области расположена 9-я группа борозд, № 46—50; см. Табл. 1.1, рис. 1).

Челюстная часть лица по сравнению со щечной является рельефно отграниченной и контрастно выдающейся: это происходит как вследствие сильного выступания хрящевого носа, вздутия челюстных костей, так и потому, что эта часть является более светлой (ввиду отсутствия коричневой пигментации и темных волос). Челюстная часть лица имеет en face овально-округлую форму; она начинается дугообразной выемкой близ мечевидной части носового стержня, охватывает собой основание хрящевого носа, наклонной резкой 17-й бороздкой отграничивается с боков от щек, спускается вниз, несколько отступая от крыльев носа, расширяясь, направляется к наружным углам рта, а потом, суживаясь, заканчивается подбородком.

Челюстную часть лица естественно можно разделить на две неравные части: носовую, заключающую хрящевой нос, и собственно челюстную, включающую широкие верхние и нижние губы; обе части отделены друг от дружки довольно глубокой дугообразной 20-й бороздкой из группы № 5), окаймляющей хрящевой нос (Табл. 1.1, рис. 1).

Нос

Хрящевой нос является невысоким, полого начинающимся сердцеобразной формы бугорком, полого спускающимся в боках (на крыльях носа) и впереди, где он заканчивается коротким тонким стержнем, заканчивающим носовую перегородку.

Небольшие, удлиненные, направленные вниз отверстия ноздрей почти совершенно скрыты нависающими частями носа и снабжены густыми светлыми пушистыми волосками.

При профильном повороте хрящевой нос шимпанзе по сравнению с продавленной переносицей является сильно выступающим, почему профиль шимпанзе по своим очертаниям несколько напоминает сифилитический профиль (Табл. 1.1, рис. 2; Табл. В.35, рис. 2; Табл. В.12, рис. 1).

Очертания самого носа весьма расплывчаты и незаметно сливаются с прилежащими к нему частями; форма носа довольно сложная. Выступая в форме мысообразно вырезанного наверху бугорка, он рассекается посредине глубокой бороздкой (№ 19), отходящей от основания переносья и прорезывающей его верхнюю треть до самой возвышенной точки носа. По бокам и снизу носа, несколько отступя от краев его, располагается неравно глубокое аркообразное вдавление. Дугообразный нижний свод этой арки расположен как раз над носовой перегородкой, а верхние концы ее — над ноздрями. В трех местах — в месте схождения дуг в свод (внизу носа), на правом и на левом концах (в боках носа) арка имеет более глубокие вдавления.

Таким образом оказывается, что нос имеет сверху четыре отступающие от краев, расположенные крест-накрест ямки: вверху[5] , внизу справа и слева. На спокойном лице эти ямки едва намечены, но при малейшем приподнимании носа (зависящем от поднимания верхней губы) верхние и боковые вдавления так углубляются, что необычайно усложняют конфигурацию носа — особенно вверху, где он принимает вид змеевика, расположенного поперек верхней части носа (Табл. В.1 и Табл. В.7, рис. 6).

На границе носовой и челюстной части лица, несколько заходя за разделяющую их дугообразную 20-ю бороздку, располагается широко округлая по очертанию, темнокоричневая, зернисто-пигментная кайма; эта кайма, расплывающаяся у наружных краев, проходит под носом, загибается кверху на уровне ноздрей, охватывает ноздри снаружи и с боков двумя загибающимися, менее широкими пигментными полосками, доходящими до носового возвышения, направляющимися круто дугообразно на верхнюю сторону носа к верхним концам аркообразного вдавления. Здесь эти пигментные полоски становятся еще более тонкими и сходятся сводом на средней линии, на самой возвышенной точке носа, образуя пигментную дугу, как бы повторяющую очертания аркообразного вдавления.

Тоненькая пигментированная полоска пробегает также и по 19-й бороздке, отходящей от костного стержня переносицы и надсекающей нос по средней линии.

Губы

Собственно челюстная часть лица шимпанзе вмещает в себе широкие, почти сплошь изрезанные морщинками, а потому необычайно подвижные губы, окаймляющие длинный дугообразный по очертанию рот.

[5] Наиболее глубокую ямку, образованную надсекающей нос срединной бороздкой.

Верхняя губа не имеет заметного утолщенного краевого губного валика и сходит до самой ротовой щели плоско, но все же при внимательном ее рассматривании видно, что по некоторым признакам нижний ее край несколько разнится от прилежащих частей: во-первых, тоненькая (не шире 1 мм) краевая полоска губ покрыта слегка красноватой слизистой оболочкой и разнится по цвету как от наружной, так и в особенности от внутренней значительно более светлой стороны губ; во-вторых, эта красноватая полоска вся изрезана мельчайшими поперечными черточками и совершенно лишена волос (в противоположность вышележащим частям, обильно снабженным мягкими, белыми, короткими волосками, и более жесткими, темными, редеющими к середине губы и густеющими близ углов рта); в-третьих, все крупные морщины, прорезывающие губу на всем ее протяжении и приводящие ее в движение, у начала слизистой краевой полоски резко прерываются, почему при малейшем сокращении губы самый край губы, как не принимающий участия в этом движении, выпукляется то больше, то меньше и образует как бы подобие губного валика, который впрочем тотчас же уплощается, как только губа приходит в спокойствие (Табл. В.1 — спокойные губы без валика, и Табл. В.3, рис. 3 — губы в движении, где явственно намечается губной валик).

Как уже было упомянуто, вся верхняя губа от начала дугообразной 20-й подносовой борозды и до слизистой краевой каймы прорезана чрезвычайно резкими, заметными, продольными морщинами. Прямо от угла подносовой борозды отходят три вертикальные вверху несколько сходящиеся, внизу несколько расходящиеся морщины; кнаружи от них, несколько отступя от подносовой борозды, совершенно параллельно, друг дружке и нижним концам предыдущих морщин идут с каждой стороны по две более коротких морщины (в верхних частях губы более слабо, в нижних— более сильно прорезанных); они из 6-й группы борозд (№ 21—24); наконец под углом к этим последним расположены пять параллельных друг дружке морщин, отходящих от нижних частей щек и идущих в косом направлении к наружным углам рта (из группы 6а — борозды № 25—29; см. Табл. 1.1, рис. 1).

Таким образом оказывается, что верхняя губа прорезана 17 морщинками из группы 6 и 6а № 21—29 [одной центральной (№ 21), отходящей от угла дугообразной подносовой борозды прямо вниз, 6-ю вертикальными, идущими параллельно этой центральной (№ 22—24), и 10-ю косыми параллельными друг дружке (№ 25—29), но ложащимися под углом к предыдущим] (см. Табл. 1.1, рис. 1).

Вся верхняя губа (за исключением слизистой краевой полоски) покрыта белым волосистым пушком: по своим краям она обрамлена более длинными и более жесткими светлыми волосками, то прямыми, то согнутыми, направленными своими концами чаще всего вниз, а изредка и в другие стороны. Кое-где, бессистемно среди этих волос внедрены черные более жесткие волосы.

Нижняя губа по сравнению с верхней является менее длинной и более широкой. При спокойном положении рта она как бы подхватывает верхнюю губу и сама слегка выступает впереди нее (Табл. 1.1, рис. 1, 2).

В противоположность верхней губе нижняя губа имеет даже при совершенно покойном положении явственное валикообразное утолщение. Этот губной валик покрыт слизистой оболочкой, совершенно лишенной волос, и исчерчен поперечными черточками.

По сравнению со слизистым краем верхней губы он является и более широким и более интенсивно красновато окрашенным. Вся нижняя губа, начиная от губного валика и книзу, кончая незаметно сливающимся с ней подбородком, покрыта белыми, мягкими волосами.

Волосы, расположенные в непосредственной близости к губному валику, более коротки и редки, далее при приближении к подбородку они становятся все гуще и крупнее, образуя на самом подбородке седую бородку, рельефно выделяющуюся на контрастном черном фоне прилегающих бак и темного волосяного покрова груди (см. живописный портрет шимпанзе, Табл. В.1).

Кожа нижней губы и подбородка, обычно просвечивающая сквозь негустую чащу волос, бугриста; при малейшем выдвигании нижней губы вперед она ложится в параллельные складки, совпадающие и по направлению и по расположению с таковыми верхней губы. Таким образом оказывается возможным установить 17 изборождающих нижнюю губу, отходящих от ее губного валика складок, более коротких близ наружных углов рта (до которых вплотную они не доходят), все удлиняющихся по мере приближения к средней линии губ и подбородка (8-я группа борозд — № 37—45). Как то явствует из нашего описания, губы шимпанзе разнятся от строения мягких губ человека-европейца; строение нижней губы более соответствует таковому человека, нежели строение верхней. В итоге нашего анализа борозд шимпанзе сделаем их перечень.

Перечень групп борозд на лице шимпанзе.

1-я группа включает 5 борозд лобных — № 1, 2, 3, 4, 5.
2-я группа включает 3 борозды надбровных — № 6, 7, 8.
3-я группа включает 4 борозды в наружных углах глаз — № 9, 10, 11, 12.
4-я группа включает 4 борозды под веками — № 13, 14, 15, 16.
5-я группа включает 4 борозды в области носа — № 17, 18, 19, 20[6].
6-я группа включает 4 борозды верхнегубных центральных — № 21[7] 22, 23, 24.
6а группа включает 5 борозд верхнегубных боковых — № 25, 26, 27, 28, 29.
6б[8] группа включает 5 борозд окаймляющих углы рта — № 30, 31, 32, 33, 34.
7-я группа включает 2[9] борозды верхнещечных — № 35,36.
8-я группа включает 9 борозд нижнегубных — № 37[10], 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45.
9-я группа включает 5 борозд переносичных[11] № 46, 47, 48, 49, 50.

Итак мы находим на лице шимпанзе 50 борозд, из них пять несимметричных (№ 18, 19, 20, 21 и 37) и 45 симметрически расположенных, т. е. всего 90 борозд симметричных и 5 несимметричных; в конечном итоге 95 борозд (Табл. 1.1, рис. 1, 2).

Ухо

При первом же взгляде на лицо нашего шимпанзе обращают на себя внимание его громадные, светлые полужесткие (тонкохрящевые) уши, контрастно выступающие на черном фоне волос лица и головы (Табл. В.10, рис. 1, 2 и Табл. В.12, рис. 1, 4, 7, 8).

Уши голые, такие же по цвету, как и лицо шимпанзе, и только по верхнему внутреннему краю под наружным ушным заворотом улитки (helix) покрыты довольно длинными, мягкими и густыми черными волосами, исчезающими на нижнем крае ушей.

Наружный край ушной раковины совершенно лишен волос (если не считать легкого белого пушка, видимого только на просвет).

Длина ушей несколько превышает их ширину.

Наружный слуховой проход помещается на уровне, совпадающем по горизонтали с основанием хрящевого носа; верхняя граница ушной раковины приходится несколько выше уровня надглазных дуг (Табл. В.34, рис. 2).

Ухо шимпанзе не имеет мочки (lobulus auriculae).

Наружный ушной завиток, улитка (helix), явственно выражен только в верхней части уха, в середине ушной раковины он вдруг внезапно истончается и сходит на-нет.

Как раз в этом месте истончения края ушной раковины последняя делает резкий углообразный изгиб кнаружи, отчего также и внутренняя сторона уха сильно выпукляется кнаружи и весь наружный край уха кажется как бы переломленным.

[6] № 17 — окаймляющая носовое возвышение, № 18 - окаймляющая хрящевой нос, № 19 — надсекающая нос, № 20 — подносовая борозда.
[7] № 21 — центральная губная, несимметричная.
[8] Группа 6б заметна лишь при оттягивании углов рта в стороны (Табл. 1.7, рис. 3, 4).
[9] При сильном вытягивании губ вперед намечается и 3-я верхнещечная.
[10] № 37 центральная нижнегубная, несимметричная.
[11] Нижние три переносичные поперечные, сливающиеся в центре, верхние две косые, сливающиеся лишь при наморщивании.

Таблица 1.1. Схемы расположения основных борозд лица спокойного шимпанзе

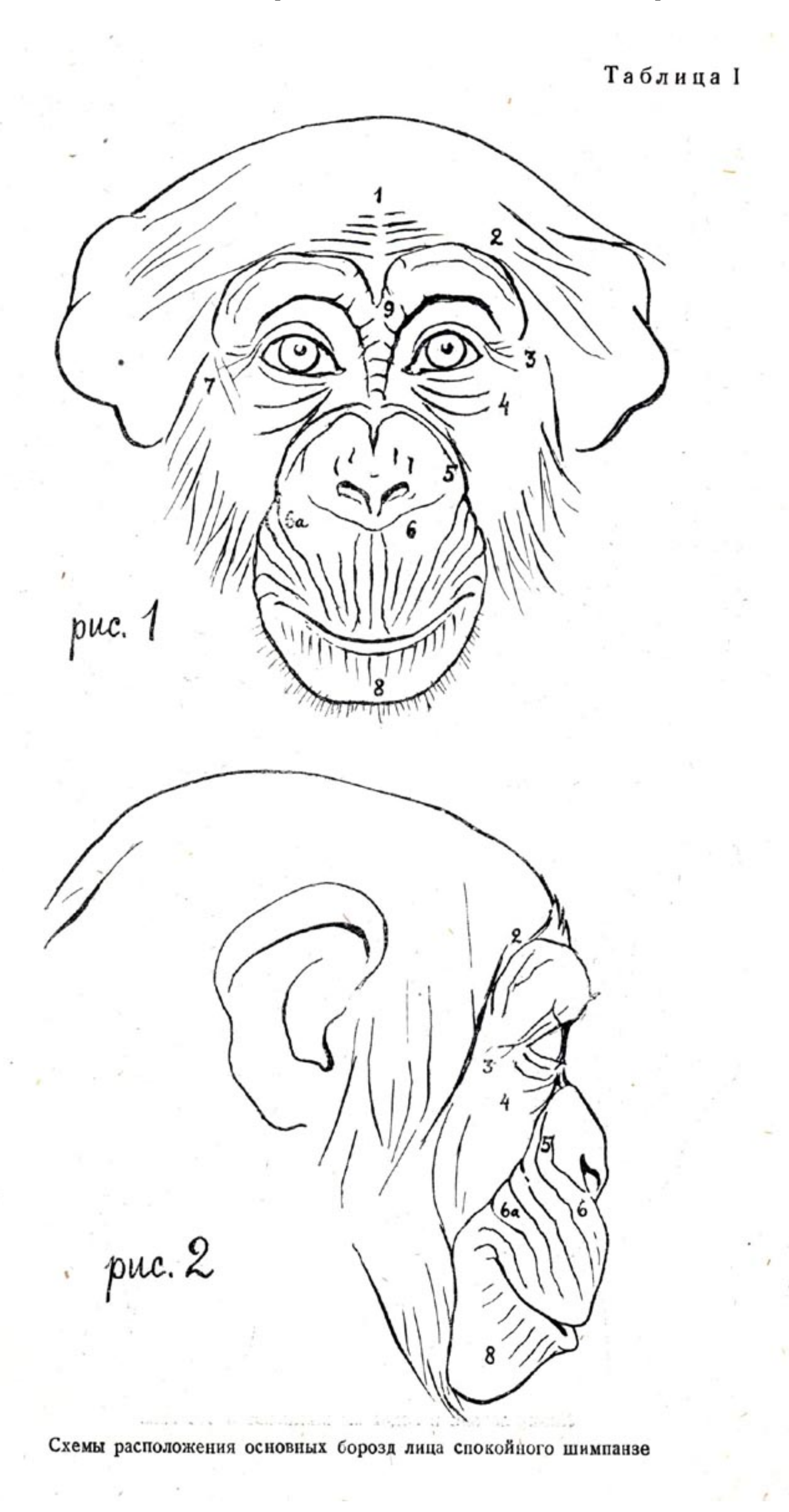


Рис. 1. Лицо «en face».
Рис. 2. Лицо в профиль.

Во внутренней части ушной раковины мы легко находим резко выраженные и tragus и antitragus и глубокую incisura intertragica, очень явственный crus helicis, рельефно отграниченный внутренним валиком (antehelix), cavum conchae и crura antehelicis.

Обычно уши несколько прикрыты находящими на них волосами бак, они скрываются почти до наружных краев при оттопыривании бак в стороны, при распушении шимпанзе, наступающем в состоянии волнения животного. Уши обычно неподвижны и не имеют самостоятельного движения, но при быстром беге шимпанзе они (в силу своей мягкости в верхнем крае) несколько сотрясаются; они чуть-чуть шевелятся при процессе энергичного жевания животного и порой при его прислушивании.

Руки шимпанзе

Рука нашего Иони значительно (почти в два раза) длиннее, чем его нога.

Из трех частей, слагающих руку, наиболее коротка кисть, длиннее ее плечо и наиболее длинно предплечье.

При максимально выпрямленном вертикальном положении шимпанзе его руки спускаются значительно ниже колен (Табл. В.4, рис. 2, 1), доходя кончиками пальцев до середины голени.

Рука шимпанзе почти на всем своем протяжении покрыта довольно густыми, жесткими, смоляно-черными волосами, имеющими впрочем на разных частях руки различное направление, длину и густоту.

На плече шимпанзе эти волосы направлены вниз, и в общем они более густы и длинны, чем волосы предплечья и кисти; на наружной тыльной стороне плеча они обильнее, нежели на внутренней, где светлая кожа просвечивает; в подмышечной впадине волос почти нет.

На предплечьи волосы направлены вверх, и опять-таки они более длинны и густы, чем волосы кисти; на внутренней стороне предплечья, особенно близ локтевого сгиба и у основания кисти, они значительно реже, чем на наружной стороне.

На тыльной стороне кисти волосы доходят почти до второй фаланги пальцев, внутренняя сторона кисти совершенно лишена волос и покрыта кожей несколько более темной, чем кожа лица (Табл. В.36, рис. 1, 3).

Кисть очень длинная: ее длина почти втрое больше ее ширины; ее пястный отдел несколько длиннее ее фалангового отдела.

Ладонь длинная, узкая, ее длина на ⅓ больше ее ширины[12] .

Пальцы

Пальцы руки длинные, крепкие, высокие, как бы надутые, к концам несколько суживаются. Основные фаланги пальцев более субтильные и тонкие, нежели средние; концевые фаланги значительно миниатюрнее, короче, уже и тоньше основных. Третий палец самый длинный, первый палец самый короткий. По степени нисходящей длины пальцы руки можно расположить в следующий ряд: 3-й, 4-й, 2-й, 5-й, 1-й.

Рассматривая пальцы руки с тыльной стороны, надо отметить, что все они покрыты толстой, бугристой кожей, покрытой волосами лишь на основных фалангах.

На границах основной и средней фаланг на четырех длинных пальцах (№ 2—5) мы наблюдаем сильные вздутия кожи, образующие как бы мягкомозолистые утолщения; значительно меньшего размера вздутия имеются между средними и концевыми фалангами. Концевые фаланги заканчиваются небольшими блестящими, слабо выпуклыми, темно-коричневыми ногтями, окаймленными на наружном крае узкой более темной полоской.

У здорового животного эта ногтевая кайма едва выступает за мякоть концевой фаланги пальцев и при отрастании ногтей своевременно обгрызается; только у больных животных мы обычно замечаем чрезмерно отросшие ногти.

Перейдем к описанию линий рук нашего шимпанзе.

[12] Ширина ладони определялась по максимально расширенной ее части по линии aa_1.

Линии рук

Если взять за исходный сравнительный образец руку шимпанзе, описанную Schlaginhaufen'ом[13] , принадлежащую молодой самке шимпанзе, то развитие линий на ладони нашего Иони оказывается значительно более сложным.[14] (Табл. 1.2, рис. 1, (Табл. B.36, рис. 3).

[13] См. книгу: «Die Körpermasse und der aussere Habitus eines jungen weiblichen Schimpansen» von Otto Schlaginhaufen, Abh. u. Ber. d. k. Zoologie u. Anthrop., Ethn. Museum zu Dresden, 1907, Bd. XI, 4.

[14] Линии ладони у Иони представляют большую сложность и при сравнении ее рельефа с таковым, изображенным в книге Julien Leclerc («Le caractere et la main», Paris, F. Juven, Editeur), хотя, правда, в этой последней книге фотоснимки сделана с гипсовых моделей рук шимпанзе и сравнительно мало отчетливы.

Таблица 1.2. Линии ладони и подошвы шимпанзе и человека

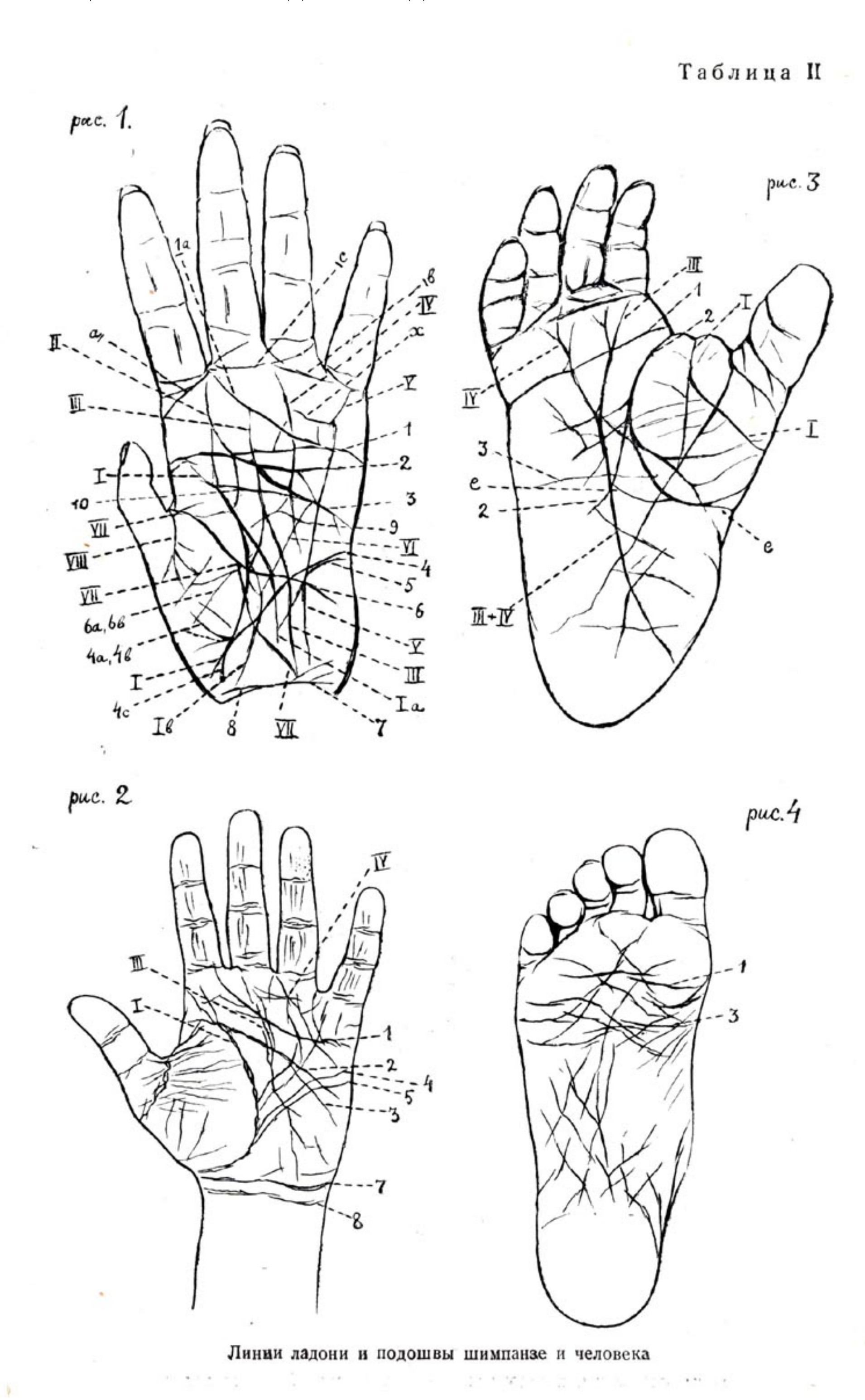


Рис. 1. Линии ладони у шимпанзе Иони.
Рис. 2. Линии ладони у человеческого дитяти.
Рис. 3. Линии подошвы у шимпанзе Иони.
Рис. 4. Линии подошвы у человеческого дитяти.

Таблица 1.3. Индивидуальная вариация линий ладони и подошвы у шимпанзе

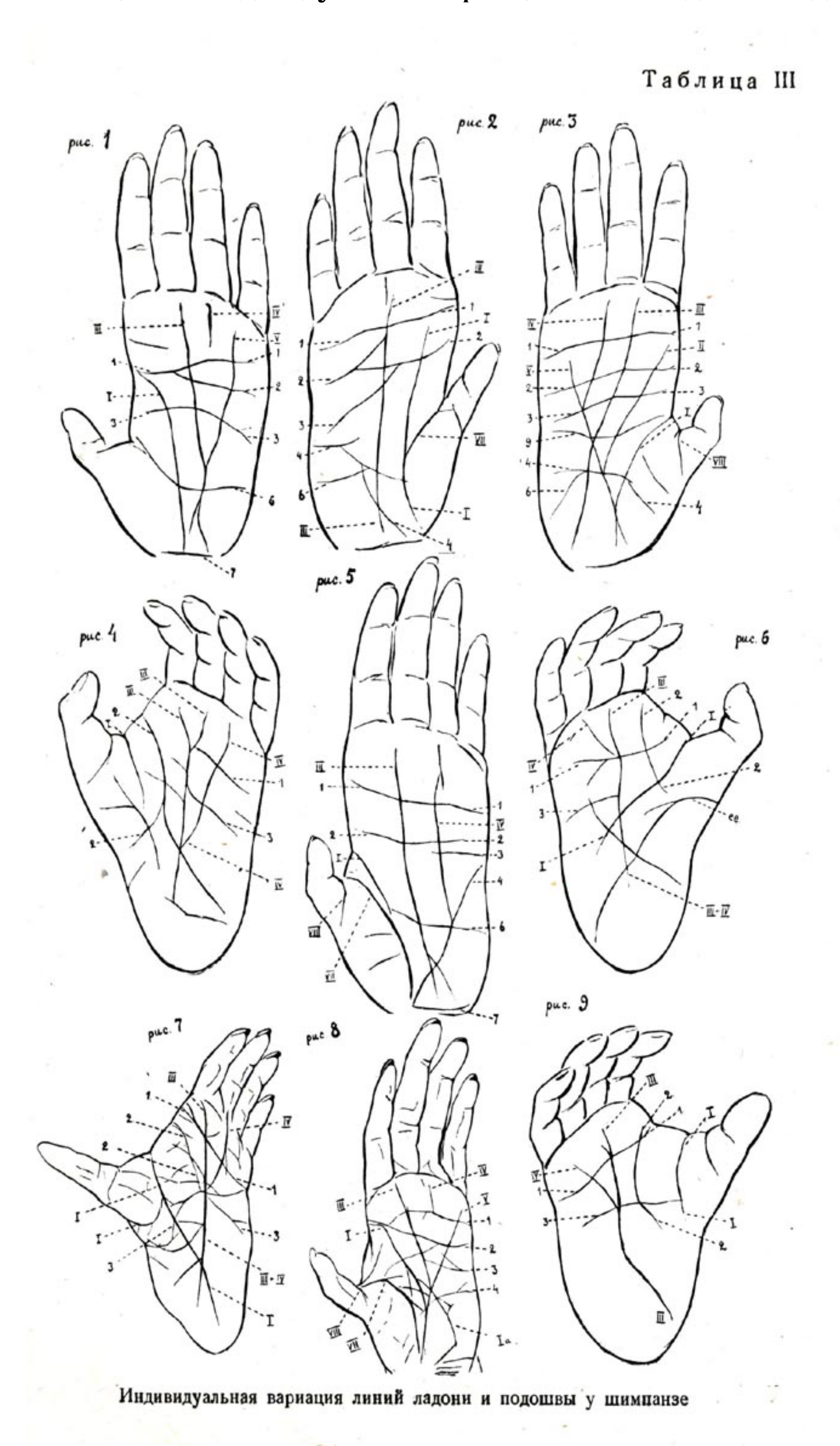


Рис. 1. Линии ладони левой руки ♂ шимпанзе (Пети) 8 лет.
Рис. 2. Линии ладони правой руки ♂ шимпанзе (Пети) 8 лет.
Рис. 3. Линии ладони правой руки ♀ шимпанзе (Мимозы) 8 лет.
Рис. 4. Линии подошвы левой руки ♀ шимпанзе (Мимозы) 8 лет.
Рис. 5. Линии ладони левой руки ♀ шимпанзе (Мимозы) 8 лет.
Рис. 6. Линии подошвы правой ноги ♀ шимпанзе (Мимозы) 8 лет.
Рис. 7. Линии подошвы левой ноги ♀ шимпанзе (3 лет).
Рис. 8. Линии ладони левой руки ♀ шимпанзе (3 года).

Рис. 9. Линии подошвы правой ноги ♂ шимпанзе (Пети).

Первая горизонтальная линия (1-я, или aa_1[15]) является у Иони резко выраженной и имеет то же положение и форму, что и на схеме, но она несколько осложнена добавочными ветвями; вскоре после своего отхождения от ульнарной части кисти (как раз в месте пересечения ее вертикальной линией V, расположенной против 5-го пальца), она дает резкий отрог (1а), направляющийся к основанию внутреннего края фаланги второго пальца, упираясь в первую поперечную линию у его основания.

Вторая горизонтальная линия (2-я, или bb_1), расположенная в своей исходной части на сантиметр проксимальнее предыдущей, начинается маленьким развилком от вертикальной V линии; этот развилок вскоре (в месте ее пересечения с вертикальной IV линией) соединяется в одну веточку, которая в пункте встречи ее с вертикальной III линией делает резкий уклон по направлению к горизонтальной 1-й линии в месте ее пересечения с вертикальной II линией (dd_1), расположенной против оси указательного пальца.

Третья горизонтальная линия (3-я или cc_1), расположенная в своей исходной части сантиметров на 5 проксимальнее предыдущей линии 2-й, начинается от самого края ульнарной части кисти и на всем своем протяжении имеет тенденцию направляться кверху, в пунктах пересечения с V и IV вертикальными отстоя уже только на сантиметр от линии 2-й, а в пункте встречи с вертикальной III совершенно сливаясь с предыдущей (2-й) линией. Между прочим следует упомянуть еще, что линия 3-я в начале своего пути на ульнарном крае кисти принимает в себя коротенькую горизонтальную веточку, а в середине своего пути (в центре ладони) она разорвана и ее продолжением следует считать горизонтальную линию 10 (подробное описание которой дано ниже).

Из других более крупных, идущих в поперечном направлении, линий ладони надо упомянуть еще о следующих.

Четвертая линия (4-я, или gg_1) начинается на ульнарном крае ладони в месте отхождения 3-й горизонтальной линии и направляется в наклонном положении прямо вниз к линии 1-й (или FF_1), пересекает эту последнюю и дает три небольших веточки, из которых две (4a, 4b) вилкообразно расходятся внизу бугра большого пальца, а одна (4c) направляется вниз к линиям запястья 7-й и 8-й (ii_1).

Почти рядом с начальным отрезком 4-й линии идет параллельная ей бороздка — 5-я горизонтальная линия, которая (в пункте встречи 5-й горизонтальной с V вертикальной) косо спускается вниз, пересекает III вертикальную линию и доходит почти до первого отрога (1а) первой вертикальной линии I.

Шестая горизонтальная линия (6-я) начинается на сантиметр ниже предыдущей, идя прямой почти горизонтальной, несколько поднимающейся кверху чертой, кончающейся вскоре после своего пересечения (в месте встречи 6-й с линией VII) двумя слабыми веточками 6а и 6а.

Седьмая горизонтальная линия (7-я, или hh_1) — у основания кисти с 2 небольшими веточками, направленными косо и вверх по самой нижней части бугра мизинца.

Восьмая горизонтальная линия (8-я, или ii_1) — коротенькая, слабая, почти смыкающаяся с предыдущей, лишь расположенная ниже и радиальнее.

Горизонтальная 9-я слабо выраженная короткая линия проходит в самом центре ладони на 1 см проксимальнее отрезка 10-й горизонтальной.

Десятая горизонтальная линия (10-я), расположенная вверху и в середине ладони, параллельная 2-й горизонтальной линии (bb_1) в ее срединном отделе (находящемся между IV и II вертикальными линиями), отстоящая от предыдущей на расстоянии 1 см, представляет на мой взгляд[16] отрывок от линии 3-й (cc_1).

Обращаясь к линиям, прорезывающим ладонь в вертикальном и наклонном положениях, мы должны упомянуть о следующих: I вертикальная линия (FF_1) начинается вверху у первой поперечной линии (I, или на aa_1) на расстоянии 1 см от радиального края кисти и, широкой дугой окаймляя возвышение большого пальца, спускается вниз почти до линии запястья (7, hh_1).

На своем пути по направлению к центральной части кисти эта I вертикальная линия дает несколько ответвлений: первая веточка от нее, по нашему обозначению 1а, отходит на уровне конца отрезка верхней ее трети, почти против слабой поперечной (9-й) линии, направляется косо внутрь к медиальной части ладони, пересекая 4-ю и 6-ю горизонтальные линии рук; вторая веточка (1b) I вертикальной линии отходит от нее на 2 мм ниже предыдущей (1а) и имеет почти одинаковое с ней направление, но кончается несколько ниже предыдущей, доходя до линий запястья 7-й и 8-й (hh_1, ii_1) и как бы надсекая их.

Внутрь от I вертикальной линии как раз от углубления близ большого пальца находится резкая борозда VII, самая рельефная из всех имеющихся линий руки; эта линия, крутой дугой огибающая сверху самый бугор большого пальца, пересекает несколько ниже середины линии Ia и Ib (FF_1) и в косом направлении продолжается вниз, доходя до линий запястья (7-й), перерезая на своем пути линию 4 (gg_1) и lb.

Из других более или менее рельефно выраженных вертикально направленных линий руки следует упомянуть еще о четырех. Короткая (II) линия (соответствующая ee_1 по Schlaginhaufen'y), расположенная в верхней четверти кисти, идущая как раз в направлении оси второго пальца, начинается почти от промежутка между 2-м и 3-м пальцами и направляется прямо вниз, сливаясь своим нижним концом с линией I (FF_1) (как раз в том месте, где к ней подходит отрезок 10-й горизонтальной).

Линия III — одна из более длинных имеющихся на ладони линий (соответствующая dd_1 по Schlaginhaufen'y).

Она начинается вверху слабо выраженной бороздкой прямо против оси среднего пальца, слегка надсекая отросток от поперечной линии 1-й (aa_1), резкой чертой пересекает линию 1 и линию 2 (в месте слияния последней с линией 3-й), пересекает линию 9, 10 и,

[15] Цифровые обозначения линий наши, буквенные — Schlaginhaufen'a; в цифровых обозначениях мы старались придерживаться следующего правила: отмечать арабскими цифрами горизонтальные, римскими цифрами — вертикальные линии.
[16] Взгляд подкрепляется схемой и описанием Schlaginhaufen'a, который считает, что линия cc_1 состоит из 2 частей.

уклоняясь к ульнарной части кисти, проходит как раз в месте скрещивания линий 4-й и 6-й и направляется далее еще ниже, пересекая конец линии 5-й и веточки от 7-й горизонтальной, доходя до самой линии запястья (7-й).

IV вертикальная линия (kk_1 по терминологии Schlaginhaufen'a), расположенная против оси 4-го пальца, начинается в виде слабой бороздки (заметной лишь при известном освещении), отходящей от промежутка между 3-м и 4-м пальцами и направляющейся прямо вниз; эта линия становится более явственной как раз над линией 2-й. Спускаясь ниже, эта IV вертикальная линия последовательно пересекает 3 и 9 горизонтальные линии и незаметно сходит на-нет, несколько не доходя до линии 5-й горизонтальной.

V вертикальная линия, самая длинная из всех вертикальных линий кисти, помещается против оси 5-го пальца и начинается от поперечной линии у его основания, направляется вниз, последовательно перерезая поперечные линии 1, 2, 3, 4, 5, 6 и как бы встречая косые линии, отходящие от 7-й линии, расположенной на запястье.

При хорошем освещении в верхней части кисти, выше линии 1 (aa_1) видна небольшая горизонтальная перемычка x между вертикальными линиями IV и V.

Из остальных более заметных линий кисти следует упомянуть еще о длинной косой линии VI, прорезающей нижнюю часть кисти, начинающейся от нижней веточки линии 2-й и идущей наклонно вниз к пунктам пересечения ее с тремя линиями Ia, Ib и 6-й горизонтальной и далее вниз до места ее слияния с 1в, направляющейся к линии запястья (7-й).

Теперь мы переходим к описанию линий, находящихся у оснований пальцев.

У основания большого пальца мы находим две косо расходящиеся линии, встречающиеся в большой выемке руки: VII и VIII; от нижней из этих линий — VIII, огибающей большой палец, идут четыре радиально расходящиеся вниз более мелкие линии, пересеченные на середине бугра большого пальца тонкой поперечной складкой; верхняя из этих линий — VII уже была описана.

У основания указательного пальца и мизинца мы находим по три линии, разобщенно начинающихся у наружных краев пальцев и сходящихся у внутренних углов между пальцами. Несколько выше основания среднего и безыменного пальцев мы находим одиночные поперечные линии.

Помимо этих линий мы находим еще три дополнительные дугообразные линии, соединяющие попарно разные пальцы: 2-й с 3-м (a), 4-й с 5-м (b), 3-й с 4-м (c).

1. От наружного края второго пальца идет дугообразная линия (a), направляющаяся к внутреннему краю третьего пальца, подходящая к поперечной линии на его основании.
2. От наружного края пятого пальца (именно от средней поперечной линии основания) идет дугообразная линия (b), направляющаяся к внутреннему краю четвертого пальца, подходящая к поперечной линии основания этого последнего.
3. Дугообразная линия (c) соединяет основания третьего и четвертого пальцев, выходя от угла между 2 и 3-м пальцами, направляясь к углу между четвертым и пятым пальцем (именно к поперечной линии на основании безыменного пальца).

Двойные параллельные линии мы находим и у основания вторых фаланг пальцев (от 2-го по 5-й).

У основания всех ногтевых фаланг пальцев (1—5) мы имеем опять одиночные поперечные линии.

Таким образом ладонь нашего Иони, особенно в ее центральной части, изборождена тонким переплетом из 8 вертикально направленных и 10 горизонтально направленных линий, поддающихся расшифровке только после необычайно минутиозного и тщательного анализа[17].

Рельеф ладони нашего Иони значительно более сложен не только при его сравнении с рукой шимпанзе, предложенной Schlaginhaufen'ом, принадлежащей молодой самке, у которой мы усматриваем самое большее 10 основных линий, но и при сопоставлении с другими имевшимися в моем распоряжении зарисовками[18] рук молодых шимпанзе: молодой шимпанзе, живший с 1913 г. в Московском зоопарке (судя по внешнему виду несколько моложе Иони) (Табл. 1.3, рис. 8), 8-летней самки шимпанзе по прозвищу «Мимоза» (Табл. 1.3, рис. 3 и 5) и 8-летнего шимпанзе Пети (Табл. 1.3, рис. 1, 2), содержавшихся (в 1931 г.) в Московском зоопарке[19].

Во всех этих случаях, как показывают рисунки, общее количество основных линий не превышает 10.

Уже самое беглое рассматривание всех представленных рук показывает, что несмотря на большую вариацию рельефа ладоней, выпадения одних линий и смещенного положения других, вопреки различию рисунков на правой и левой руке одного и того же индивида (рис. 1 и 2, рис. 3 и 5 — Табл. 1.3), — все же мы без труда расшифровываем по аналогии наименование всех линий.

На всех пяти отпечатках рук наиболее бесспорное и постоянное положение имеет линия горизонтальная поперечная 1-я (aa_1), 2-я горизонтальная то в своем конечном этапе сливается с первой (как то имеет место на рис. 8, 1), то идет совершенно самостоятельно (как на схеме Schlaginhaufen'a) на рис. 3 и 5, то дает лишь ветвь к первой горизонтальной (как то имеет место в случае рис. 2).

---

[17] Следует подчеркнуть, что трудности этого анализа увеличиваются при оперировании с рукой, отлитой с мертвого животного, в виде воскового муляжа, где рельефность линий резко изменяется в зависимости от условий освещения. Вот почему для правильной ориентировки и при нотировании линий приходилось каждую линию прослеживать при разностороннем освещении, проглядывая ее со всех возможных точек зрения и только таким образом устанавливая истинный путь ее следования: отправные и конечные пункты, как и все возможные связи с ближайшими контактирующимися линейными компонентами.

[18] Все зарисовки рук по моему предложению и при моем соучастии производились с натуры худ. В. А. Ватагиным, во 2-м случае — с мертвого, в 3-м и 4-м — с живых экземпляров.

[19] Пользуюсь случаем благодарно отметить содействие, оказанное нам (мне и худ. Ватагину) при зарисовке М. А. Величковским, помогавшим нам в обращении с живыми шимпанзе при зарисовке их рук и ног.

3-я горизонтальная линия (cc_1) более варирует, чем предыдущие, и по величине (ср. рис. 8, 5 со всеми другими) и по расположению: в то время как на рис 1, 3, 5, 8 она имеет совершенно обособленное положение (и в последнем случае дает лишь слабую веточку кверху), на рис. 2 (как и у Иони) она впадает во вторую горизонтальную линию, совершенно сливаясь с ней в радиальном отделе кисти.

4-я горизонтальная линия, явственно выраженная у Иони, так же определенно выявлена и на рис. 5; на рис. 8 и 2 мы аналогизируем ее лишь приблизительно, судя по направлению от бугра мизинца к низу бугра большого пальца и по тройному ветвлению (не исключена возможность, что мы смешиваем ее с 5 или 6-й горизонтальной). Эта последняя поперечная линия 6 бесспорно точно локализуется лишь на рис. 1 и 5, имея совершенно то же положение и направление, что и у Иони, а на рис. 2 и 3 мы склонны фиксировать лишь ее начальный отрезок, расположенный на бугре мизинца, направляющийся снизу вверх.

Из остальных горизонтальных линий, представленных на прилагаемых рисунках, следует упомянуть еще о линиях у основания запястья, представленных то в большем (как на рис. 8), то в меньшем количестве (как на Табл. 1.3, рис. 1, 2, 3), и линии 9-й, проходящей в середине ладони, имеющейся в одном единственном из всех 5 случаев (именно на рис. 3).

Обращаясь к вертикальным линиям рук, мы должны сказать, что все они легко определяются по аналогии, на основании топографического положения и взаимного соотношения с уже описанными линиями рук, хотя в деталях обнаруживают некоторые отступления от того, что имеется у Иони.

Наиболее постоянно положение линии I (как то мы видим на рис. 8, 2, 1); на рис. 5, 3 мы видим, как эта линия укорачивается и имеет тенденцию к приближению (рис. 5), а быть может и к слиянию с линией VII (рис. 3).

Из других вертикальных линий хорошо выражены III (имеющаяся на всех 5 рисунках и только порой несколько отклоняющаяся от своего обычного положения против оси третьего пальца) и V, идущая к мизинцу.

В противоположность тому, что имеется у Иони, эта последняя V линия в трех случаях не сохраняет до конца своего положения (против оси 5-го пальца), а идет, в направлении VI, как бы сливается с этой последней линией, принимая в себя отрезки всех других вертикальных линий (IV, III, II, I), как это в особенности заметно на рис. 8, 3 и отчасти на рис. 1. В двух случаях (рис. 2 и 5) эта V линия совершенно отсутствует.

IV вертикальная линия за единичным исключением (рис. 1) имеется, но весьма вариирует по величине и форме. То она весьма коротка (как в случае 8 и 1), то прерывчата и длинна (рис. 5), то резко отклонена от обычного положения против оси 4-го пальца (рис. 3). II линия, идущая к указательному пальцу, наблюдается лишь в одном случае (рис. 3).

Ноги шимпанзе

В то время как у человека рука и нога имеют резко отличное строение в связи с диференцировкой их функций — хождения по земле и хватания, — у обезьян, в частности у шимпанзе, это различие в строении конечностей значительно меньше: рука помимо своей основной функции хватания участвует и в передвижении по земле, нога соучаствует и в функции хватания (Табл. В.3, рис. 1—4).

Нога шимпанзе значительно короче, тоньше и субтильнее по строению, нежели его рука (Табл. В.4, рис. 1—4).

Отдел бедреной части несколько длиннее, чем отдел голени, отдел голени вдвое длиннее отдела стопы.

Вся нога Иони до самых оснований пальцев покрыта черными блестящими недлинными волосами, несколько более редкими и короткими на внутренних сторонах бедер и в пахах.

На наружных сторонах бедер волосы направлены вниз и назад, на внутренних сторонах бедер волосы направлены вниз и вперед.

На всей голени волосы равномерны по длине и по густоте; на стопе волосы более редки, особенно по краям стопы и близ основания пальцев; снизу на подошве и с боков стопа совершенно голая; покрытая волосами часть стопы и светлая безволосая ее часть отделены одна от другой почти линейной границей, так как расположенные по краю волосы заканчиваются так ровно, как подрезанные. Пальцы ноги на основной фаланге несут пучочки редких темных волос.

Обращаемся к описанию самых пальцев (Табл. В.37, рис. 1, 3).

Первый палец ноги значительно толще большого пальца руки, хотя почти равен последнему по длине. Он отстоит от других пальцев ноги на довольно большом расстоянии и противопоставляется им; он короче и толще их.

Остальные пальцы (2—5) разнятся друг от друга сравнительно мало, все они довольно тонкие (значительно тоньше пальцев руки, причем мизинец тоньше других), почти одинаковой длины: 3-й палец несколько, на ½ см, длиннее других, 2-й и 4-й — почти одинаковой длины, 5-й на 1 см короче 4-го. Пальцы ноги за-

канчиваются темно-коричневыми, несколько выпуклыми, сравнительно миниатюрными ногтями, причем на большом пальце и ноготь соответственно величине пальца крупнее.

Обращает на себя внимание, что подошва ноги также изрезана линиями вопреки наступанию на нее животного при пользовании ею при ходьбе; более того — многие из этих линий глубже, рельефнее, чем линии руки.

При сопоставлении рельефа ладони и подошвы следует отметить следующую необычайно резкую разницу.

Линии подошвы.

В то время как вся подошва ладони почти равномерно покрыта линиями и наиболее густая их сеть приурочена к центральной части ладони, на подошве мы видим совершенно иную распланировку линий: наиболее обильно эти линии прорезают область близ большого пальца, в то время как половина подошвы за линией, отсекающей этот бугор, покрыта более толстой, плотно натянутой, гладкой кожей, почти лишенной борозд, если не считать нескольких коротеньких линий, отходящих от косой линии, проходящей вдоль всей стопы (объединенной ветви III и IV вертикальных линий) и кончающейся близ ее радиального края (Табл. 1.2, рис. 1, 3).

При сравнении рельефа подошвы ноги Иони с таковыми, изображенными у Schlaginhaufen'a и у трех шимпанзе Московского зоопарка (Табл. 1.3, рис. 4, 6, 7, 9), мы опять-таки должны констатировать у нашего шимпанзе значительно большую сложность и обилие линий, чем у всех рассмотренных нами особей.

Основные 8 линий подошвы, нотированные Schlaginhaufen'ом, легко находятся во всех пяти случаях несмотря на известную вариацию в их форме и взаимоотношениях.

Как то наблюдалось и при анализе линий рук, правая и левая подошвы ног одного и того же животного обнаруживают значительное несходство в отношении конфигурации и расположения некоторых линий (ср. рис. 4 и 6, Табл. 1.3)[20] , хотя другие линии обнаруживают известное постоянство по виду и по топографическому положению.

Среди этих последних в первую очередь следует упомянуть о первой поперечной линии (1, или aa_1), расположенной в передней части подошвы, на расстоянии примерно 2 см от основания 2—4 пальцев.

Эта линия в трех случаях (Табл. 1.3, рис. 7 и 9) почти прямой рельефной чертой прорезает подошву от края до края, и только у Мимозы (самки шимпанзе, рис. 4 и 6) она является несколько более короткой и не доходит до краев.

Менее определенно местонахождение второй поперечной линии (2-й, или bb_1), отходящей то более[21] , то менее отступя от последней[22] , то даже заходящей высоко наверх и перекрещивающейся с линией 1-й (как то имеет место в случае рис. 9 и 6).

Разнообразны и форма и направление второй поперечной линии: то, как на схеме Schlaginhaufen'a, эта линия идет одной почти прямой чертой, уходящей прямо вниз к центру подошвы, почти смыкаясь с концом вертикальной линии III, в месте встречи последней с третьей горизонтальной линией cc_1 (как то имеет место и на рис. 7), то она пересекает первую вертикальную и первую горизонтальную линии (рис. 6), то, как у Иони и на рис. 4, она сильно ветвится, давая ряд поперечных перемычек к длинной линии, проходящей вдоль всей подошвы, составленной из двух слившихся вертикальных линий III и IV, то наконец она идет совершенно самостоятельно, приняв вертикальное положение и разрезая на своем пути 1-ю и 3-ю поперечные линии (рис. 9).

Третья поперечная линия (cc_1, или 3-я) имеет зачастую более постоянное положение, базируясь своей центральной частью в пункте соприкосновения 2-й горизонтальной (bb_1) и III и IV вертикальных линий (как то наблюдается на схеме Schlag nhaufen'a и на рис. 7 и 9) или в месте встречи со 2-й (bb_1) и объединенной ветвью из слившихся III и IV (как то имеется у Иони).

У Мимозы в этом случае (рис. 4 и 6) мы имеем отклонение от описанного выше: именно 3-я линия несколько отодвинута к наружному краю подошвы и хотя расположена в центральном отделе стопы, но лежит то выше пересечения III и IV линий (4), то значительно ниже этого пересечения (рис. 6).

Наименее поддается аналогизации слабенькая горизонтальная линия, отмеченная на схеме Schlaginhaufen'a буквенным обозначением (ee_1), представляющая собой по положению первую линию, идущую у основания большого пальца в большем или меньшем отдалении от линии I (FF_1), огибающей бугор первого пальца (рис. 6).

Эта линия хорошо выражена у Иони; это именно она, смыкаясь с ветвью от линии 2-й (bb_1), отграничивает широким полукругом подушкообразное вздутие у основания большого пальца, резко обособляя этот палец от всей остальной подошвы.

Обращаясь к вертикальным линиям подошвы ног на наших рисунках, мы легко усматриваем почти полную аналогию с тем, что изображено у Schlaginhaufen'a: во всех 5 приводимых схемах прекрасно выражены III, IV вертикальные линии и их объединенный отрог, проходящий почти вдоль всей подошвы; в 4 случаях почти совпадают со схемой Schlaginhaufen'a форма и топографическое расположение этих линий, и только на рис. 7 мы видим некоторое смещение этих линий к внутреннему краю стопы. Так же постоянно присутствует, но весьма изменчива по форме I вертикальная линия, отграничивающая бугор большого пальца: у Иони (как и у молодой

[20] Изображающие подошвы ног ♀ шимпанзе Мимоза (из Московского зоопарка).
[21] Как в случае на Табл. 1.3, рис. 7, 4.
[22] Как в случае Иони.

самки шимпанзе Schlaginhaufen'а) эта линия полукруглая и огибает большой палец несколько отступя внутрь от линии 2-й (bb_1); у других шимпанзе (рис. 9, 4) она идет вниз простой прямой чертой, а в двух случаях (рис. 6, 7) она уклоняется от своего обычного пути глубоко внутрь наружному краю подошвы, пересекая длинную ветвь объединенной линии III и IV.

Подводя общий итог рассмотрению картины линий на подошвах ног шимпанзе, мы должны, во-первых, констатировать меньшее развитие линий на подошвах по сравнению с ладонями. В то время как мы отметили для ладони 10 основных линий, для подошвы мы находим их максимум 7.

В то время как на руках эти линии сконденсированы главным образом в средней и нижней частях ладоней, на ногах нижняя часть подошвы почти лишена основных линий, а часть пятки совершенно гладкая.

Индивидуальная вариация линий касается и их обилия, и их формы и их рельефности.

Наиболее многочисленны линии подошвы у Иони и у молодой (умершей в 1917 г.) самки шимпанзе (рис. 7), где на фоне 7 основных линий мы имеем массу дополнительных мелких ветвлений, в то время как в отношении самки, приводимой Schlaginhaufen'ом, как и ♂ и ♀ шимпанзе (Табл. 1.3, рис. 4, 6, 9) Зоопарка (Мимозы и Пети)[23] , мы имеем рельефно выраженные почти схематично представленные линии.

Тело шимпанзе в статике

1. Сидячие позы.

Ознакомившись с внешним обликом шимпанзе, перейдем к описанию наиболее обычных изменений положения его тела и движения конечностей.

Следует определенно подчеркнуть, что в нормальном состоянии дитя шимпанзе является чрезвычайно подвижным существом и чаще можно видеть его ходьбу, бегание, лазание, нежели стояние или сидение.

[23] Трагически погибших в 1933 г.

Таблица 1.4. Сидячие позы шимпанзе

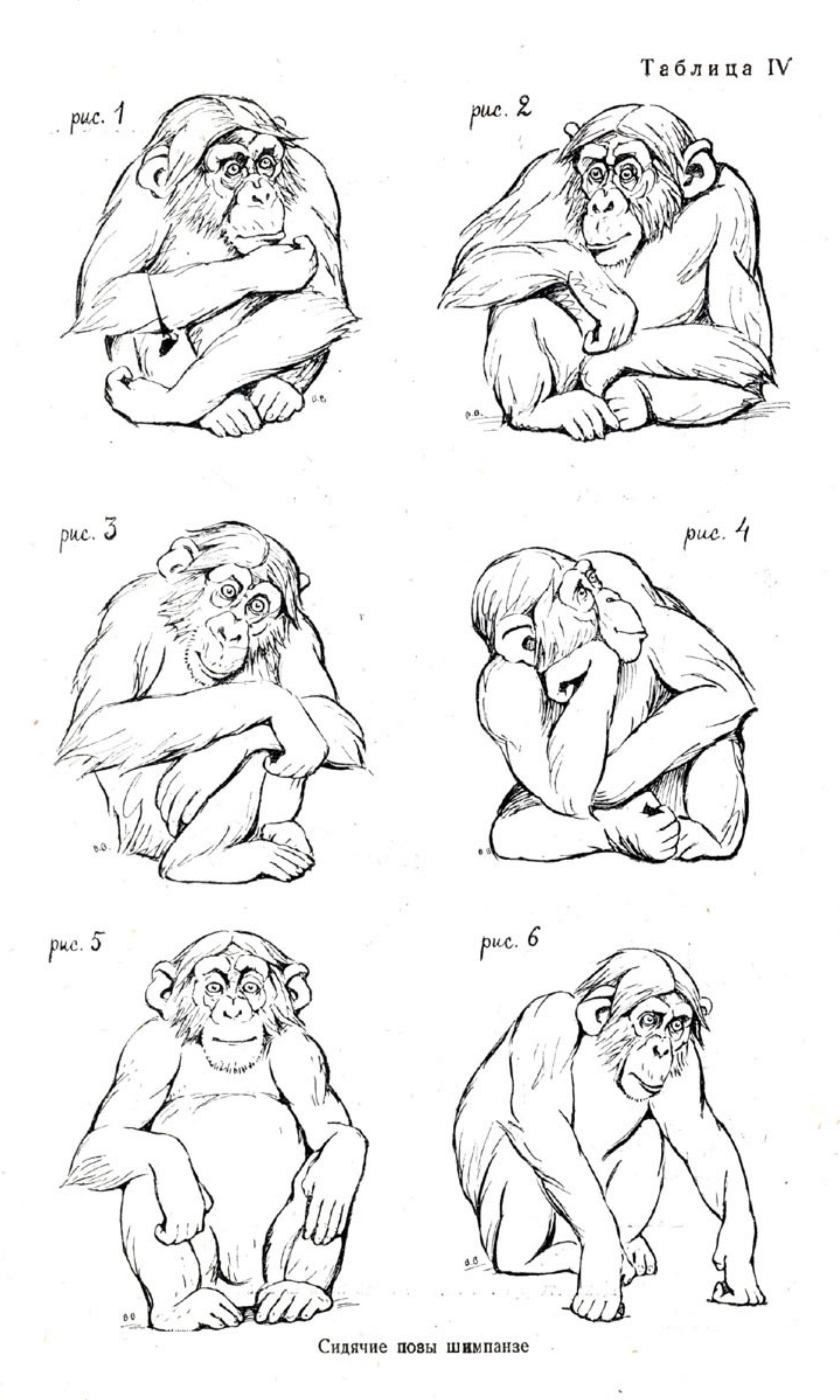
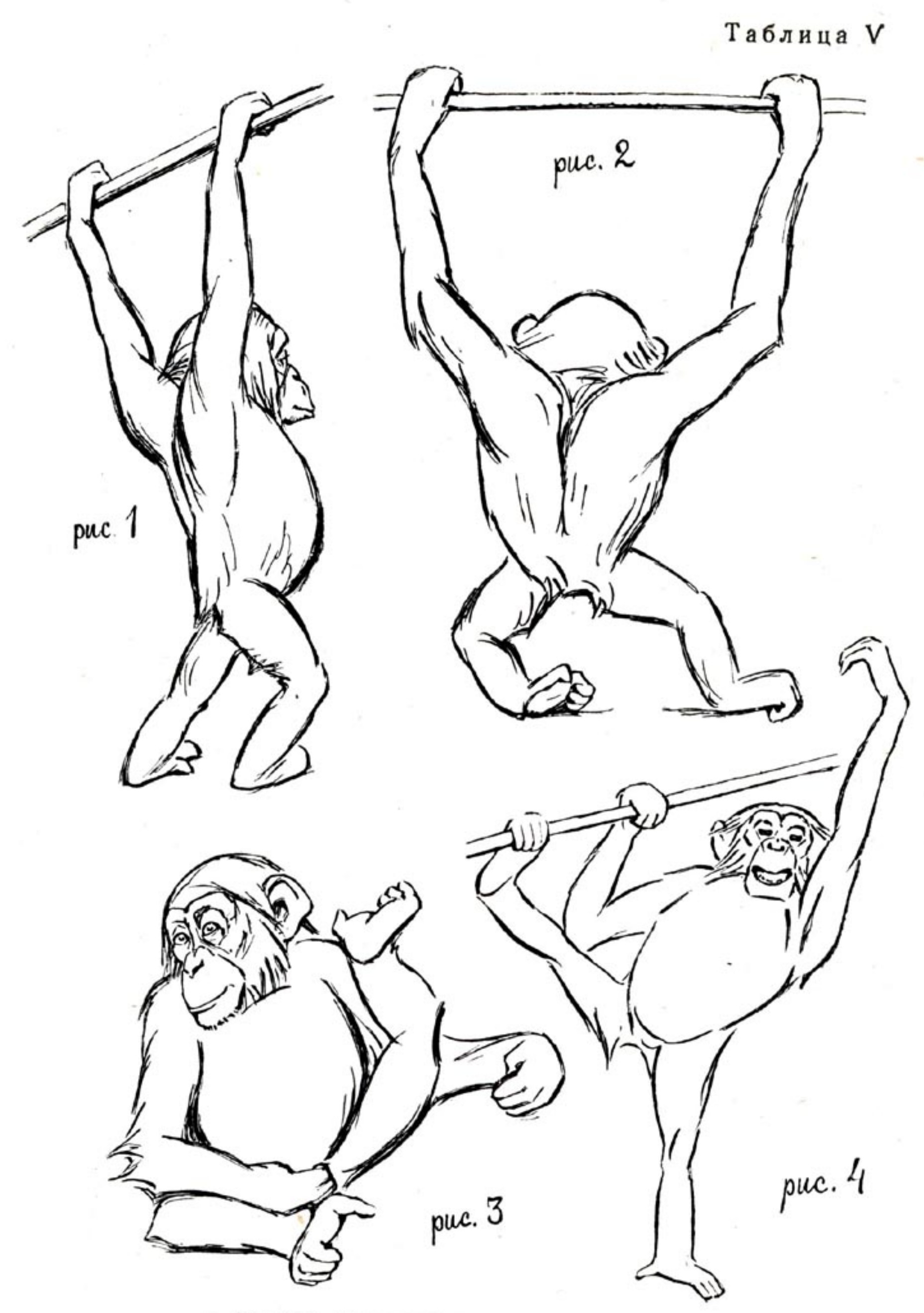


Рис. 1—5. Статичные позы сидячего шимпанзе.
Рис. 6. Потенциально-динамичная поза сидячего шимпанзе.

Таблица 1.5. Цепкость руки и подвижность ноги шимпанзе



Цепкость руки и подвижность ноги шимпанзе

Рис. 1. Шимпанзе, прицепившийся руками к балке.
Рис. 2. Подготовка к качанию.
Рис. 3. Подвижность ноги сидячего шимпанзе.
Рис. 4. Подвижность ноги стоящего шимпанзе.

Позы *сидящего* шимпанзе довольно разнообразны; при сидении на ровной поверхности для него наиболее характерны следующие позы (Табл. В.2, рис. 1, 2, 3); шимпанзе сгибает в коленях под острым углом ноги, прижимает бедра к туловищу и опирается на ступни. Зачастую в этом случае руки животного свободно

опущены, свисают по бокам от ног (Табл. B.2, рис. 3) или же укладываются на согнутых коленах (рис. 2); нередко руки плотно опираются о почву согнутыми пальцами (рис. 1), причем пальцы 2—5 согнуты в основном (первом) суставе и опираются тыльной стороной вторых фаланг о почву, третьи фаланги опять несколько согнуты внутрь и приподняты, первый палец далеко не достает почвы. Таким образом у сидящего на ровной плоскости шимпанзе руки зачастую крепко опираются о плоскость, напряжены и как бы готовы в каждый момент помочь ему приподняться от земли, переменить его спокойную позу на более живую.

Менее характерна для шимпанзе вторая сидячая поза (Табл. B.34, рис. 2). Сидя на ровном месте, он сгибает обе ноги, неодинаковым образом: одну — под острым, другую — под тупым углом, причем первую держит прижатой к телу и опирается целиком на ее ступню, вторую несколько отводит от тела, держит в наклонном положении, почему уже не может прижать всю ступню к полу, а опирается только на пятку или на наружный край стопы; иногда одну согнутую в коленях ногу он ставит в вертикальном или наклонном положении (опираясь то об ее ступню, то лишь о пятку), а вторую согнутую ногу он кладет совсем на пол, отводит от туловища и тогда касается пола лишь наружным краем стопы. Во всех этих случаях неизменно одна из рук крепко опирается на согнутые пальцы, вторая имеет более свободное положение и то свешивается до пола, то кладется на согнутое колено (Табл. B.34, рис. 2).

Более редка поза шимпанзе, сидящего с раскинутыми от тела и плашмя распластанными на земле ногами (Табл. B.2, рис. 4). В этом случае его колени слегка согнуты, подошвы ног открыты, так как он касается пола лишь наружным краем стопы.

Наиболее редко шимпанзе сидит, вытянув вперед почти совершенно выпрямленные параллельно лежащие на полу ноги (Табл. B.35, рис. 2).

В обоих последних случаях (Табл. B.2, рис.4; Табл. B.35, рис. 2) пальцы ног то более или менее согнуты, то сжаты в крепкий кулачок, руки свободно свешены и касаются почвы; пальцы одной из рук, как и обычно, согнуты в первом суставе, опираются тыльной стороной о землю и подготовлены на случай приподнимания животного.

Во всех вышеописанных нами примерах, проиллюстрированных оригинальными фотографиями с натуры, разнообразие поз сидящего шимпанзе сводилось главным образом к изменению положения ног.

Но конечно и положение рук вариирует необычайно, и оно-то зачастую определяет особенную выразительность позы (Табл. 1.4, рис. 1—6).

Если шимпанзе совершенно спокоен и приготовился к длительному сидению на месте, он уютно укладывает руки на приподнятых или опущенных коленях ног (Табл. 1.4, рис. 1, 2); иногда шимпанзе опирает скрещенные руки на сближенные и согнутые колени и при этом слегка наклоняет голову на бок, почему имеет меланхоличный и как бы участливо-печальный вид (Табл. 1.4, рис. 3); иногда (чрезвычайно редко) шимпанзе принимает совершенно необычную позу: согнув одну из рук в локте, в кисти, в пясти и во всех трех фалангах пальцев и утвердив локоть на лежачей и согнутой ноге, шимпанзе опирается боком подбородка о тыльную часть сгиба отклоненной кнаружи кисти; локоть другой руки он кладет на колено устойчиво опертой (второй) ноги, подводя кисти второй руки под локоть первой (Табл. 1.4, рис. 4); теперь все его туловище накреняется на один бок и ось тела становится наклонной. При беглом взгляде он напоминает в этой позе задумавшегося человека, но, как известно, человек в этом случае опирает подбородок более удобно и устойчиво о внутреннюю ладонную часть кисти, охватывая пальцами и самое лицо, почему эта поза шимпанзе кажется нам вычурной, искусственной, чтобы не сказать карикатурной.

Не менее своеобразна поза шимпанзе, когда он сидит, как китайский болванчик, держа руки и ноги совершенно симметричным образом, уложив согнутые в локтях и в кистях руки на колени ног. Теперь он кажется мумиевидно и надолго неподвижным; в это время он обычно что-либо бесстрастно созерцает; но эта его поза редка, неустойчива и нехарактерна для него (Табл. 1.4, рис. 5).

Как уже было отмечено, ему более свойственна противоположная, потенциально более динамичная поза, когда он сидит, опираясь на согнутые пальцы совершенно вытянутых и отведенных вперед от себя рук; если при этом, наклоняясь и туловищем и головой, он несколько подается вперед, можно наверное сказать, что он обеспокоен и каждую секунду может сняться с места (Табл. 1.4, рис. 6).

Среди других более искусственных поз шимпанзе мы должны упомянуть еще о следующих двух позах: это когда шимпанзе сидит на коленях у человека и на скамейке (Табл. B.2, рис. 5 и Табл. B.38, рис. 5).

В обоих этих случаях, как нам показывают прилагаемые фотографии, позы шимпанзе совершенно соответствуют таковым ребенка человека, и только сутулость обезьянника, обусловленная способом прикрепления головы к туловищу, говорит нам, что это другой отпрыск из ordinis primatum.

Следует подчеркнуть еще, что нога шимпанзе обладает необычайной подвижностью не столько в коленном, сколько в вертлужном суставе: оказывается, что сидящий шимпанзе легко может закинуть свою согнутую в колене ногу так высоко кверху, что подошва приходится выше уровня его плеча (Табл. 1.5, рис. 3), а стоящий на одной, совершенно выпрямленной ноге шимпанзе может поднять вторую ногу кверху так сильно, что последняя становится под тупым углом по отношению к первой; правда, чтобы длительно удержаться в этом положении, шимпанзе должен зацепиться одной ногой за какой-либо устойчивый предмет и переменить положение оси тела из вертикального в наклонное (Табл. 1.5, рис. 4).

2. Стояние.

Обращаясь к более естественным позам *стоящего* шимпанзе, мы должны упомянуть в первую очередь об одной наиболее обычной и стереотипной позе. Шимпанзе стоит, опираясь о землю подошвами и распластанными пальцами полувыпрямленных ног и согнутыми (вторыми фалангами) пальцами опущенных вниз и вытянутых рук (Табл. В.3, рис. 1, 3, 4).

В это время его туловище имеет наклонное положение, ноги дугообразно раздвинуты от срединной оси тела, руки симметрично приближены к этой оси и поставлены впереди ног. Эта поза чрезвычайно устойчива, но она мало удобна для столь инициативного и сангвиничного животного, каким является дитя шимпанзе; она слишком связывает его движения.

Неудобство состоит, во-первых, в том, что и без того сутулый шимпанзе в это время горбится еще больше, его голова так низко опускается, что наивысшая точка головы приходится на начало затылка, а глаза приходятся на уровне плечей, так что его зрительный кругозор чрезвычайно суживается и ограничивается лишь сферой того, что непосредственно близ него и под ним. Когда, как бы скованный этой позой, шимпанзе хочет расширить сферу своего зрительного обследования, он поднимает глаза кверху, и неслучайно на обеих фотографиях, относящихся к иллюстрации этой позы, мы наблюдаем у шимпанзе взгляд исподлобья (Табл. В.3, рис. 3, 4).

При малейшей психической настороженности шимпанзе уже не ограничивается лишь подниманием глаз, а весь выпрямляется в более вертикальное положение, отрывает руки от земли, поднимает голову, вскидывает вверх взгляд (Табл. В.4, рис. 1, 2, 3).

В это время он должен сильно согнуть ноги в коленях, чтобы удержаться в устойчивом положении; но все же и теперь он не может долго так выстоять и скоро вынужден прибегнуть к помощи хотя бы одной из рук; он часто ставит опущенную и слегка согнутую в локте руку как раз посредине между ступнями ног, опять несколько наклоняет туловище и, опираясь на согнутые пальцы руки, может стоять длительно, освободив другую руку для движений дотрагивания, схватывания, притягивания и др. (Табл. В.3, рис. 2).

Только в исключительных случаях и кратковременно шимпанзе может стоять и в совершенно вертикальном положении, не касаясь руками почвы, при полном отсутствии поддержки с помощью рук, опираясь исключительно на свои почти предельно выпрямленные, но все же кривые дугообразно растопыренные ноги, плотно касаясь земли прилегающей подошвой, распластанным большим пальцем ноги и кончиками слегка сгорбленных 4 остальных (2—4) пальцев ноги (Табл. В.4, рис. 1, 2, 3; Табл. 1.6, рис. 2).

Эта его поза отличается таким неустойчивым равновесием, что он каждую секунду готов припасть на руки или покачнуться в сторону; чтобы хотя кратковременно устоять на месте в этой явно неудобной и искусственной для него позе, подобно человеку, непривыкшему к стоянию на цыпочках, он вынужден балансировать руками и туловищем, чтобы не упасть (Табл. В.4, рис. 2, 3, 4).

Вот почему для большей устойчивости он нередко переносит центр тяжести тела на наружную часть одной из ног, отчего вынужден то в большей, то в меньшей степени отвести от земли большой палец ноги, а иногда и всю внутреннюю часть стопы (Табл. В.4, рис. 2).

Теперь его вертикальная поза получает большую устойчивость, он может сильнее выпрямиться, выше приподнять голову, дальше окинуть взглядом поле своего зрительного обследования (Табл. В.4, рис. 1, 2).

Тело шимпанзе в динамике

1. Ходьба.

Стоя в этой позе, шимпанзе иногда пытается итти (Табл. В.4, рис. 3, 4), но он может переступить всего два-три шага, а потом теряет равновесие, шатается и вынужден опираться на руки, чтобы не упасть.

Таким образом итти вертикальной походкой длительно и свободно шимпанзе не может.

Если даже шимпанзе берут за руку и он пользуется поддержкой человека, он не может итти на одних ногах, как это легко делал бы ровесник ему по возрасту ребенок человека (Табл. В.43, рис. 4), а вынужден опираться хотя бы на одну из рук (Табл. В.43, рис. 3).

Подготовительной к процессу ходьбы является поза шимпанзе, стоящего на четырех конечностях (Табл. В.5, рис. 2).

Не меняя положения головы и туловища и лишь переставляя руки и ноги, шимпанзе может передвигаться наклонной походкой, опираясь на тыльные стороны вторых фаланг пальцев рук и на ступни и распластанные пальцы ног; при этом он обычно сгибает колени значительнее, чем при неподвижном стоянии на месте (Табл. В.5, рис. 1, 2).

Переступая медленным шагом, шимпанзе нагибается сравнительно мало и держит руки и ноги довольно сближенно, выставляя одновременно вперед руку одной (например правой) и ногу другой (левой) стороны своего тела; потом при следующем шаге в действие вступают две другие, расположенные крест-накрест, дотоле бездействующие конечности, т. е. левая рука и правая нога (Табл. В.5, рис. 1, Табл. 1.6, рис. 1).

2. Бег.

При быстром шаге, при беге, шимпанзе наклоняется к земле значительнее, его туловище принимает почти горизонтальное положение, голова опускается ниже; выставляя вперед например левую руку и правую ногу, шимпанзе опирается на согнутые пальцы выдвинутой вперед левой руки и на пятку выдвинутой правой ноги; в это время его правая рука стоит рядом или даже несколько позади правой ноги и опирается о землю согнутыми пальцами, левая нога всей ступней прижата к земле. Таким образом конечности правой стороны тела максимально сближены, левой — максимально раскинуты (Табл. В.5, рис. 3).

В следующий момент, сохраняя то же положение левой руки, шимпанзе ослабляет нажим на правую руку и только слегка касается ею почвы (Табл. В.5, рис. 4); теперь он переводит опору тела на среднюю часть ступни и на пальцы правой ноги, а левую ногу отделяет от почвы, приподнимая пятку и среднюю часть стопы и опираясь лишь на пальцы (Табл. В.5, рис. 4).

В последующий — третий — момент шимпанзе совсем отделяет от земли правую руку (сгибая ее в запястье — Табл. В.5, рис. 5, 6) и левую ногу (касаясь земли лишь кончиками пальцев), как бы готовясь для нового переступания вперед, располагая наискось конечности, с тем, чтобы позднее — в четвертый момент процесса ходьбы — занести возможно дальше вперед освобожденную руку и только что оторванную от почвы ногу (Табл. В.5, рис. 6).

Как уже было не раз отмечено, шимпанзе является чрезвычайно подвижным существом, медленная ходьба по земле является для него совершенно несвойственной; он передвигается размеренным шагом только в незнакомой ему местности и при явно настороженной ходьбе, когда он вынужден часто озираться по сторонам, обозревать окружающую местность.

В привычной и знакомой обстановке шимпанзе подобно бойкому ребенку предпочитает бегание, а не ходьбу, и несомненно, что в скорости своего передвижения по земле он опережает не только сверстника его — ребенка человека, но и взрослого; при бегании шимпанзе догнать его даже хорошему бегуну было очень трудно.

3. Лазание.

Необычайная подвижность шимпанзе проявляется не только в беге, но и в лазании, и в этом последнем способе передвижения шимпанзе конечно во много раз превосходит самого искусного лазуна-ребенка. И неудивительно: у шимпанзе природные орудия для лазания, крюки для зацепления, мощные мускулистые руки с длинными крепкими, цепкими пальцами, покрытыми толстой кожей, ноги с противопоставленным первым пальцем имеют явное преимущество перед слабыми, покрытыми тонкой кожей руками, ногами и пальцами ребенка человека. Прицепившись рукой и ногами за первый попавшийся предмет, провисая туловищем в воздухе, шимпанзе длительно может пребывать в таком положении, повидимому не ощущая никакого неудобства (Табл. B.6, рис. 1).

Лазание является для шимпанзе столь же обычным и желанным занятием, как и бег. Конечно шимпанзе прекрасно лазает по высоким лестницам, легко взбираясь на-четвереньках вверх и не менее легко спускаясь вниз.

Даже в условиях подневольной жизни он пользуется всяким поводом, чтобы полазать.

Он прицепляется одной или обеими руками к каждой торчащей перекладине и длительно висит и раскачивается на ней, подтянув кверху ноги (Табл. 1.5, рис. 1, 2). Он легко и свободно вскарабкивается по совершенно гладкому стволу дерева, обхватывая ствол кистями рук и пальцами ног (Табл. B.6, рис. 2, 3). Когда я первый раз подсадила его на дерево, он испугался и стал плакать (Табл. B.6, рис. 2), но скоро он освоился и начал быстро и бесстрашно, хотя и невысоко, лазать по дереву, причем довольная улыбка не сходила с его лица (Табл. B.6, рис. 3).

Во время лазания по деревьям руки и ноги шимпанзе располагаются по стволу таким образом, что охватывают его со всех сторон и тем обеспечивают прочность прикрепления и быстроту передвижения; одна рука обхватывает ствол сзади, другая — спереди, одна нога держит ствол справа, другая слева (Табл. B.6, рис. 3).

При лазании кверху главная роль принадлежит рукам, — ими шимпанзе цепляется в первую очередь, на них висит главная тяжесть его тела; перехватываясь кистями рук по стволу, перенося руки все выше и выше, шимпанзе с необычайной быстротой может взбираться вверх; в этом случае роль ног является лишь подсобной, обратное — при спускании: здесь ноги берут на себя более активную роль (Табл. B.52, рис. 2).

Пользуясь своими надежными крюками, шимпанзе очень охотно путешествует по деревянным строениям, быстро взбирается по гладким столбам на высокие крыши (Табл. B.52, рис. 1), влезает по их склонам до самой верхушки, охотно, осторожной поступью гуляет по острому «коньку» крыши; приближаясь к краям, шимпанзе опасливо заглядывает вниз и еще более настороженно спускается по отвесным склонам к заборам, перебирается по верхнему краю забора, ловко минуя острые торчащие гвозди, залезает на перекладины ворот, спускаясь по столбам, по калитке или каким-либо другим способом (Табл. B.52, рис. 2).

Сангвиничный, живой темперамент шимпанзе отражается не только в его неутомимой подвижности, но и в изменении выражения его лица.

Таблица 1.6. Стоячие позы шимпанзе

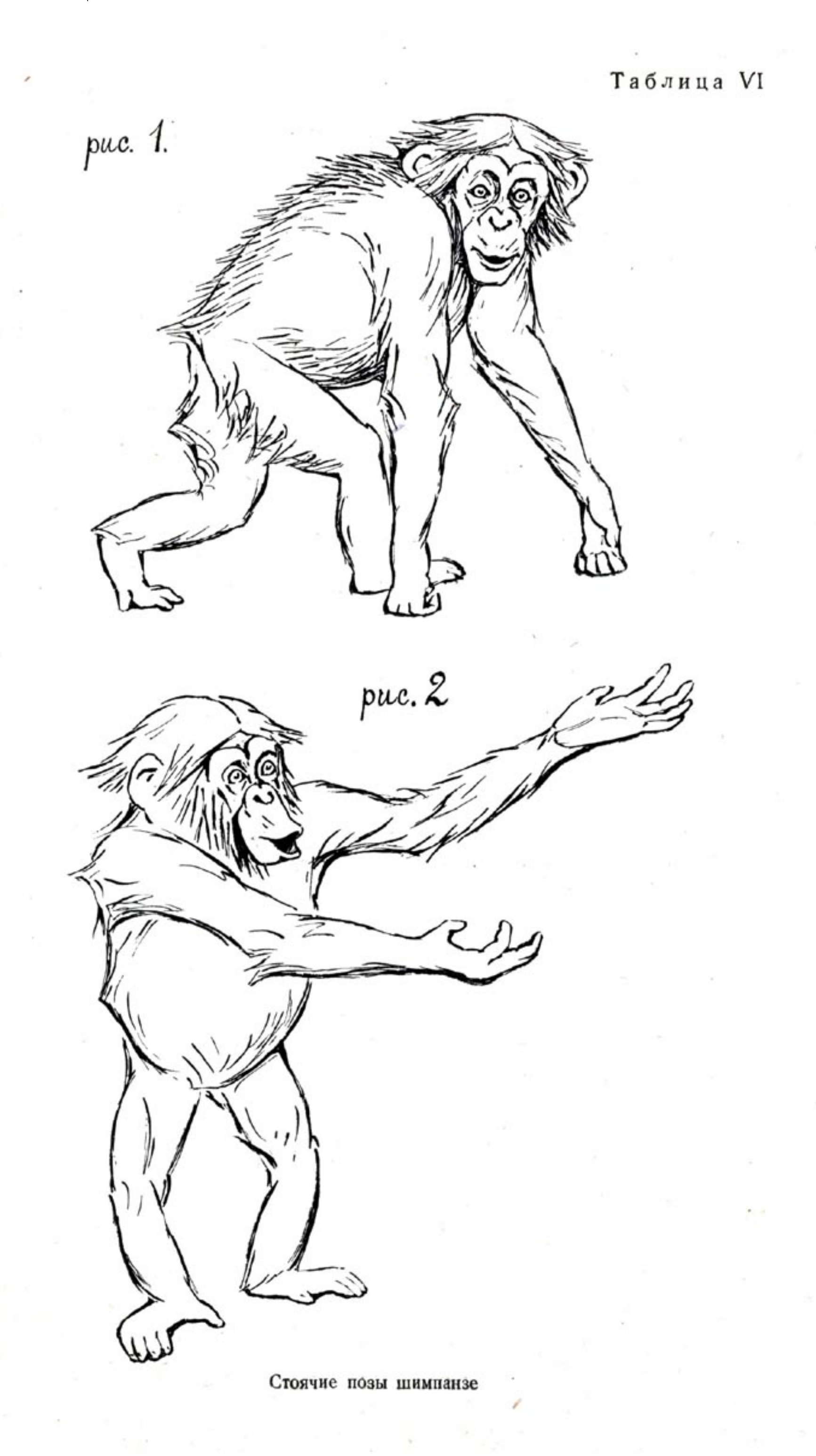


Рис. 1. Приостановившийся находу, взволновавшийся шимпанзе.
Рис. 2. Возбужденный шимпанзе, вставший в вертикальное положение.

Лицо шимпанзе в динамике

Лицо шимпанзе редко остается спокойным, — оно видоизменяется каждый момент, и иногда эти изменения необычайно выразительны.

Мы можем установить 8 наиболее контрастных изменений мимики лица, отражающих 8 различных психических состояний животного: общую возбудимость, печаль, радость, страх, злобу, удивление, внимание, отвращение (Табл. В.7, рис. 1—8).

Наиболее эффектна и оригинальна мимика, соответствующая общей возбудимости (Табл. В.7, рис. 1; Табл. В.10, рис. 1—6; Табл. 1.7, рис. 2)

1. Общая возбудимость.

В этом случае губы шимпанзе сжимаются в углах, вытягиваются вперед и раскрываются на конце широким раструбом. Волосы бак резко приподнимаются и обрамляют щеки каймой из торчащих волос; при этом глаза шимпанзе широко раскрыты, и напряженно фиксированный взгляд устремлен на объект, явившийся стимулом к возникновению волнения. Слабо намеченные на спокойном лице шимпанзе 17 бороздок, идущих вдоль губ, теперь углубляются, удлиняются, соединяются с морщинками, отходящими от век, щек и носа, и прорезывают щеки и верхнюю губу параллельными складками, более толстыми и широкими на щеках, более тонкими и уплотненными на сжатой верхней губе.

Эти складки имеют следующее расположение: три из них отходят от угла подносовой борозды (как то имело место и на спокойном лице шимпанзе) и идут, только более сближенно и сжато, к краю раструба верхней губы; две следующие за ними[24] отходят от места, где кончаются 4-я и 5-я бороздки под веками[25] , они широким полукругом огибают носовое возвышение и, спускаясь на верхнюю губу, ложатся параллельно трем предыдущим складкам по бокам губы; в верхних частях щек продвигаются так далеко, что почти достигают и, кажется, сливаются с двумя морщинками, отходящими от наружных углов глаз и идущими в косом положении по щекам (№ 35 и 36); три следующие складки расположены кнаружи от предыдущих и параллельны им[26] .

Кнаружи от последних, несколько отступя от них, в самых углах; рта слегка намечены две веерообразно расходящиеся морщинки, теряющиеся в боковых, темных волосистых частях щек.

Семнадцать борозд нижней губы собираются теснее в плотные частые складки у нижней половины раструба и несколько расходятся по бокам подбородка и близ углов рта.

2. Печаль.

Совершенно иную картину представляет лицо шимпанзе, когда он в печали и плачет (Табл. В.7, рис. 7). При сильном плаче он закидывает голову назад, широко раскрывает рот, плотно смыкает глаза (Табл. В.15, рис. 5, 6).

В этом, случае его мимика меняется до неузнаваемости по сравнению с тем, что было описано для животного в состоянии спокойствия или волнения; теперь, кажется, ни одна черта лица шимпанзе не остается на прежнем месте — так все сверху и до низу сдвигается, перемещается с обычного положения. Несколько облысевшая кожа лба, обычно лишь соприкасающаяся с надглазными дугами, теперь наползает на самые дуги, почему резкая линия, пограничная между лбом и дугами, смещается на середину дуг, рассекает их вдоль глубокой бороздой, и самые дуги оказываются несколько уплощенными. В то самое время, как кожа лба спускается и надглазные дуги съезжают вниз, нос вздергивается кверху настолько сильно, что носовое возвышение доходит иногда[27] почти до нижних век, отчего участок лица, заключенный между глазами и носом (область переносицы и верхних частей щек), оказывается настолько стиснутой, что все избороздающие ее морщины почти вплотную придвигаются друг к дружке и преобразуются в глубокие складки, сплошь изрезывающие эту часть лица. Все же несмотря на эту их взаимную прижатость мы можем различить следующие борозды: вся переносица является прорезанной елочкообразно расположенными на ней 5 складками[28] ; морщины плотно опущенного верхнего века (на закрытом глазе) собираются в двойную округлую складочку, повторяющую очертание века и спускающуюся у угла глаза двумя параллельными прямыми полосками; четыре основных морщины под нижним веком углубляются, сближаются, дают от себя добавочные (как бы промежуточные между ними) более тонкие ответвления, удлиняются чрезвычайно

[24] С правой и левой стороны щек (Табл. 1.7, рис. 2).
[25] № 16 и 17.
[26] Только более коротки.
[27] При максимальном плаче.
[28] 9-я группа морщин.

и в форме широких полукругов опоясывают верхние части щек, спускаясь к нижней челюсти, истончаясь и теряясь в темных волосах бак (Табл. В.15, рис. 5; Табл. 1.7, рис. 6).

К этим последним 5 морщинам впереди примыкает еще 5 морщин, располагающихся уже на светлой части лица, отходящих от боков носового возвышения и идущих совершенно параллельно в направлении к подбородку, проходя несколько отступя от углов рта. Рот раскрывается при максимальном плаче настолько сильно, что приобретает форму широкого овала[29] , а зияющая пасть раскрыта так глубоко, что обнажается вся внутренняя полость рта; зев обычно невиден, так как язык сильно оттягивается внутрь к глотке, располагаясь в наклонном положении и упираясь концом в середину мягкого дна рта, а своей серединой — в твердое небо (Табл. В.7, рис. 7; Табл. В.15, рис. 6).

Верхняя губа вздергивается к носу, нижняя оттягивается к подбородку, отчего не только зубы, но и десны[30] совершенно обнажаются (Табл. В.7, рис. 7).

Обе губы растянуты до последнего предела и так плотно облекают десны, что, кажется, готовы лопнуть. Все морщинки губ исчезают; в середине верхней губы на сглаженной коже при соответствующем освещении может появляться даже светлый блик; на обеих губах бугорки, несущие волосы, обособляются, выпукляются и ставят щетиной растущие на них волосы; в это время длинные волосы головы и бак совершенно опущены и прижаты к телу.

Иногда верхняя губа так сильно находит на нос, что носовой стержень как бы погружается в ложбинку, образованную надвинувшейся губой, причем края этой ложбинки сливаются с носовым возвышением; весь нос сжимается — снизу поднявшейся к нему верхней губой, сверху спустившимися складками переносицы; эти складки нажимают на надсекающую нос бороздку так сильно, что делают нос сверху и почти до половины его длины V-образно выемчатым, как бы разделенным на две половинки.

Для плача шимпанзе характерно следующее отличие — этот плач никогда не сопровождается вытеканием слез.

3. Радость.

Радостное настроение шимпанзе сопровождается мимикой, соответствующей человеческому смеху (Табл. В.7, рис. 8; Табл. 1.7, рис. 5; Табл. В.12, рис. 7, 8).

В данном случае, как и при плаче шимпанзе, нередко его голова закидывается кверху и рот широко открывается, но этим и ограничивается это частичное сходство, во всем остальном лицо смеющегося шимпанзе резко отличается от лица плачущего животного.

Теперь глаза шимпанзе раскрыты, особенно блестящи, но взгляд неопределен и неустойчив. Верхняя часть лица (область переносицы и щек) расправлена, и первые три подвековые морщины имеют нормальное расположение; рот открыт, но не напряженно и не так широко, как то бывает при плаче, и, что особенно важно, углы рта растянуты не в стороны, а несколько кверху, а зубов почти[31] не видно, так как они призакрыты губами (Табл. В.12, рис. 8; Табл. 1.7, рис. 6).

Околоротовые морщины (16-я и 17-я и пять губных), огибающие углы рта, являются менее напряженными и сжатыми, чем при плаче, и имеют иное направление.

У плачущего шимпанзе околоротовые морщины, отойдя от переносицы и от носового возвышения, почти сразу направлялись косо вниз[32] ; здесь 16-я и 17-я морщины, обогнув носовое возвышение, делают волнистый загиб к углам рта; со светлой части лица, почти от середины верхней части верхней губы, к ним примыкают пять, полукруглых морщин, отходящих неопределенно и широко разобщенно сбоку от подносовой борозды, но сближающихся близ углов рта в месте волнистого их загиба. Все эти морщины проходят несколько отступя от углов рта и теряются в боках нижней челюсти, в темных волосах бак. Нижняя губа расправлена, и все бороздки на ней сглажены; это именно ее край образует широко дугообразный изгиб, обусловливающий новую форму рта — мимику смеха, — а край верхней губы ровный и мало участвующий в этом изменении конфигурации рта.

[29] Почти круга (Табл. В.15, рис. 6).
[30] В особенности верхние десны.
[31] Иногда только слегка выступают клыки или верхушки нижних зубов.
[32] Пять губных после легкого изгиба кверху.

4. Злоба.

Мимика злобы совершенно отлична от мимики плача и смеха; черты несходства легко установимы (Табл. В.7, рис. 5; Табл. 1.8, рис. 3). Теперь шимпанзе сближает верхние передние углы кожи надглазных дуг, отчего пограничная междуговая бороздка углубляется и резким мыском вдается в основание стержня переносицы, глаза открыты, внутренний угол глаза тесно сжат и опущен книзу, и взгляд устойчиво фиксирован (Табл. В.67, рис. 2).

Углы рта напряженно оттянуты кверху, зубы и отчасти десны обнажены, но, характерно, в то время как при плаче наибольшее обнажение десен было в области резцов, здесь на резцах губы приспущены и десны обнажены наибольше в области клыков (в особенности верхних клыков).

Переносица не сморщена, но мысок в основании ее (у корня носового возвышения) вздернут кверху и вжимается в подвековые морщины, отчего 2-я и 3-я из них под внутренним углом глаза тоже мысообразно изгибаются (Табл. 1.8, рис. 3). Фигура змеевика вверху носа рельефно выявлена. Подносовая борозда углубляется, загибается кверху и резко отграничивает носовое возвышение, которое теперь принимает форму ромба; нижний угол этого ромба совпадает с носовой перегородкой, верхний угол (усеченный V-образной вырезкой) — совпадает с нижним концом переносицы, правый и левый углы — с местом отхождения 1-й из пяти полукружных околоротовых морщин. Подносовая борозда, изогнувшись углом в боках носового возвышения, косо спускается в направлении к углам рта и, образовав 2-й дугообразный изгиб против углов рта, сбегает вниз к нижней челюсти (Табл. В.67, рис. 2).

Теперь она входит в состав 7 глубоких длинных полукружных морщин (группа 6б), огибающих углы рта, но имеющих при мимике злобы несколько иное расположение, чем то было при плаче и смехе (Табл. 1.8, рис. 3).

В данном случае две морщины (16-я и 17-я), зажатые в месте своего отхождения от переносицы придвинувшимися 14-й и 15-й подвековыми верхними толстыми морщинами, отойдя от боков носового возвышения, сразу направляются в сторону к бокам щек и прорезают темную часть щек широким полукругом; они примыкают вверху щек к концам параллельных им 14-й и 15-й подвековых морщин, которые теперь придвинулись к самому носу, скрыли начало нижних 16-й и 17-й морщин и изогнулись углами над V-образными выступами носа.

Четыре околоротовых морщинки (группа 6б), расположенные книзу от подносовой борозды, идут параллельными рядами, почти в точности воспроизводя очертания этой борозды, начинаясь несколько разобщенно с боков и снизу от подносовой борозды, доходя впереди почти до середины центрального мысообразного ее изгиба; они позднее также несколько поднимаются вверх, изгибаются углом под боковыми углами носа и над верхними клыками и направляются вниз, искривляясь, истончаясь близ углов рта и сбегая вниз к подбородку 4 тончайшими складочками, вплотную прилегающими к предыдущим трем околоротовым морщинам.

Ярость.

При максимальном развитии эмоции злобы в приступах ярости (Табл. В.24, рис. 3; Табл. 1.8, рис. 4) верхняя часть лица шимпанзе остается почти без перемены, пожалуй только глаза суживаются еще значительнее, чем при злобе, но область рта и челюстей претерпевает резкие изменения. Челюсти разверзаются шире, просвет рта раскрывается значительно больше, углы губ приближаются к клыкам, и рот становится растянутым меньше в ширину, больше в высоту.

Нижняя и в особенности верхняя губы так сильно оттопыриваются вперед, что обнажают не только зубы, но и десны почти до самого их основания; верхняя губа как козырек нависает над ртом, демонстративно выявляя как бы готовые к действию его орудия нападения — зубы, и психический бурный натиск шимпанзе вперед; но, характерно, при этом отнюдь не наблюдается и тени распушения волос лица и головы.

5. Страх — робость.

Своеобразна мимика шимпанзе при страхе.

Всякий симптом робости незамедлительно сочетается у шимпанзе с распушением волос лица, темени и в особенности бак животного причем вся голова увеличивается чуть не в половину, обрамляясь ореолом торчащих волос, почти скрывающих даже его громадные оттопыренные уши. Глаза шимпанзе обычно широко раскрываются (табл. 8, рис. 2), и взгляд устремляется в направлении объекта, внушающего опасение, с которого шимпанзе буквально не спускает своих глаз (Табл. 1.8, рис. 1).

Конфигурация нижней части лица особенно оригинальна. Шимпанзе плотно-наплотно стискивает зубы, слегка вытягивает их вперед и крепко вбирает внутрь углы рта; при этом его верхняя губа настолько сильно стягивается в поперечном круговом направлении (на линии, приблизительно на 2 мм отступающей от края губы) и так сильно вжимается внутрь, что оказывается горбообразно вздыбившейся и тем самым углубляющей подносовую борозду (Табл. В.22, рис. 1).

Это вздутие верхней губы так значительно, что при взгляде на лицо шимпанзе в профиль оказывается, что его выпуклившаяся губа выступает вперед больше, чем хрящевой нос.

Из губных складок мы прежде всего легко опознаем три центральные отходящие от угла подносовой борозды, доходящие в неизмененном виде до верхнего края губы; остальные продольные борозды, проходящие вдоль губы, на всем своем протяжении оказываются как бы надсеченными поперечными, черточками, появившимися от проступания полукруговых поперечных околоротовых морщин, антагонистично расположенных по отношению к продольным складкам.

Но это выражение характерно для начальной стадии страха, которую мы обозначили как робость; максимальный страх, терминологически обозначаемый как ужас, выражается на лице шимпанзе гораздо более экспрессивно.

5. Страх — ужас.

При ужасе мимика шимпанзе частично близка к тому, что было описано при злобе (Табл. В.67, рис. 2), но все же при более внимательном приглядывании мы заметим резкие черты несходства.

Частичное сходство ограничивается нижней частью лица (связано с формой рта и видимостью зубов), различие касается глаз, век, лба и носа.

При мимике ужаса (Табл. В.7, рис. 6) мы наблюдаем такое же напряженное оттягивание углов рта в бока и несколько кверху и обнажение зубов и десен, как то наблюдалось и при злобе, но по сравнению с этим последним выражением, как и с ранее описанными при эмоциях печали и радости, интересна следующая деталь в оттягивании губ: в то время как например при смехе десны были совершенно покрыты и клыки едва выступали из-под нависающих на них губ, при плаче десны (и клыки) были равномерно сильно открыты, при злобе мы наблюдали большое обнажение верхних десен (особенно в области верхних клыков), — здесь, при страхе, мы имеем наибольшее обнажение нижних десен в области нижних клыков. Таким образом, в то время как верхняя губа на всем ее протяжении равномерно обволакивает десны и имеет ровный край, нижняя губа искривлена по своим очертаниям: от углов рта она направляется косо вниз к клыку, образовав под нижним клыком тупой угол, в середине рта она опять несколько приближается к основаниям зубов. Пять губных околоротовых морщин явственно выражены, но самая нижняя из них не доходит до середины губы, как то было при злобе (Табл. В.7, рис. 5), и все они не образуют отчетливых углообразных загибов над углообразным боковым изгибом подносовой борозды (ср. Табл. 1.8, рис. 2 и рис. 3).

Нос вздернут кверху значительно больше, чем то было при злобе, отчего верхняя губа выпукляется сильнее, а подносовая борозда принимает другие очертания, — ее срединный изгиб не угловатый, а округлый.

Наибольшие изменения претерпевает верхняя часть лица, в особенности область переносицы, на которую со всех четырех сторон надвигаются прилежащие к ней подвижные части. Снизу на нее нажимает поднявшийся нос, сверху на нее спускается кожа надглазных дуг, справа и слева к ней вплотную приближаются 2-я и 3-я подвековые морщины и почти соприкасающиеся, посредине сжатые внутренние углы глаз; таким образом при беглом взгляде видишь только вальковатый, утолстившийся, укороченный стержень переносицы, покрытый сморщенной в поперечном направлении кожей.

Глаза шимпанзе особенно выразительны. В то время как у плачущего шимпанзе они плотно закрыты, у смеющегося чаще всего полузакрыты, у шимпанзе в состоянии волнения глаза широко, свободно открыты,

у злобного шимпанзе глаза открыты, но веки во внутренних углах глаз плотно сомкнуты, приближены к переносице, отчего глаза кажутся меньше по размерам, сближеннее по положению и уже по форме; при максимальном страхе — ужасе — глаза шимпанзе максимально широко, напряженно раскрываются по всем направлениям и взгляд застывше неподвижно фиксирован на одной пугающей его точке. От этого глаза кажутся больше, круглее, чем при злобе. Внутренние углы глаз тоже сжаты и так тесно придвинуты друг к другу, что почти вплотную сходятся на средней линии переносицы, смыкаясь с ее поперечными складками (Табл. В.7, рис. 6).

Над верхним веком, повторяя его очертания, нависает крупная толстая складка кожи, которая истончается и сходит на-нет близ наружного угла глаза и усиливается близ внутренних углов глаз, сбегая к сжатым углам век.

Это рельефное обрамление сверху и снизу контурами округлых складок широко раскрытых глаз шимпанзе, как и поперечная перемычка на переносице из сомкнувшихся век и сжатых углов глаз, создают впечатление, что на шимпанзе надеты пенсне — так сильно выступают на общем фоне лица эти расширенные глаза, так необычны эти обрамляющие и соединяющие их посредине складчатые перемычки.

Во время ужаса, в противоположность тому, что имело место при умеренном страхе, волосы головы и лица совершенно прижаты к телу и баки не оттопыриваются в стороны.

6. Отвращение.

Частично сходна с вышеописанными выражениями злобы и страха мимика отвращения (Табл. В.6, рис. 4).

В данном случае верхняя треть лица шимпанзе — область надглазных дуг и переносицы — сморщена так же, как и при злобе, а конфигурация губ частично напоминает то, что имело место при начальной стадии страха (Табл. В.7, рис. 4). Глаза шимпанзе имеют обычный вид[33] .

Углы рта сильно сжаты и втянуты внутрь, прижаты к деснам еще крепче, чем то имело место при робости, но в противоположность тому, что наблюдалось в последнем случае, губы не сжаты и рот не сколько приоткрыт.

Верхняя губа горбообразно вздута и равномерно покрывает верхние зубы, нижняя губа лишь в средней части рта несколько оттянута вниз и слегка обнажает края нижних резцов, отчего рот принимает почти четырехугольную форму (Табл. 1.8, рис. 5).

Равномерное выпукление верхней губы и равномерное обволакивание ею середины верхней челюсти делают то, что все проходящие по губе бороздки, как и подносовая борозда, сильно сглаживаются и проступают только на боковых частях светлой челюстной части лица. Здесь они имеют вид переплета из ромбиков, возникших от пересечения антагонистично действующих продольных и поперечных околоротовых мимических складок. Так как эмоция отвращения зачастую включает и момент волнения, боязни, страха, мы наблюдаем в соответствии с этим у шимпанзе распушение бак, не столь значительное, правда, как то имеет место при типичном страхе (ср. Табл. В.8, рис. 1 и Табл. В.22, рис. 1—4, с Табл. В.7, рис. 4).

Еще два контрастные выражения лица заслуживают нашего упоминания: это выражение удивления и внимания.

7. Удивление.

В первом случае (Табл. В.7, рис. 3) у шимпанзе отвисает нижняя челюсть, рот широко раскрывается, но губы совершенно не оттягиваются кверху, отчего все зубы (и даже клыки) совершенно скрыты покрывающими их губами. Естественно, что при таком спокойном положении губ не образуется круговых околоротовых морщин (Табл. 1.8, рис. 6); верхняя губа впереди совершенно гладка и только несколько растянута в бока, от этого и подносовая борозда теряет свои резкие очертания и расплывается. На боках светлой челюстной части лица намечены четыре косые морщинки, идущие от темных волосистых щек к верхнему краю губы, но не доходящие до конца края.

[33] К сожалению на прилагаемой в качестве иллюстрации фотографии глаза шимпанзе зажмурены — в защиту от яркого солнца.

Верхняя часть лица не претерпевает никаких изменений: брови, нос и глаза имеют обычный вид, взгляд точно локализован на объекте, вызывающем удивление.

Четыре подвековые морщины имеют нормальное положение, причем 4-я из них выражена особенно рельефно и заметна на большом протяжении. Рельефно выражены 3 морщины в углах глаз (две верхние из них — продолжение надвековых, одна — нижняя — продолжение одной из первых подвековых морщин).

8. Внимание.

Совершенно иную мимику лица имеет шимпанзе в состоянии внимания (Табл. B.7, рис. 2; Табл. 1.7, рис. 1).

И теперь верхняя его часть лица остается почти без перемены, но конфигурация губ резко меняется, и вид нижней части лица значительно разнится от того, который наблюдался нами ранее во всех предыдущих эмоциональных состояниях шимпанзе.

В данном случае плотно сжатые в углах и в боках рта обе губы шимпанзе мысиком вытянуты вперед и слегка расходятся на конце.

На верхней губе намечен небольшой перегиб, совпадающий как раз с началом мысообразного вытягивания губ вперед и несколько кверху.

Таблица 1.7. Схемы расположения лицевых борозд при различной мимике шимпанзе

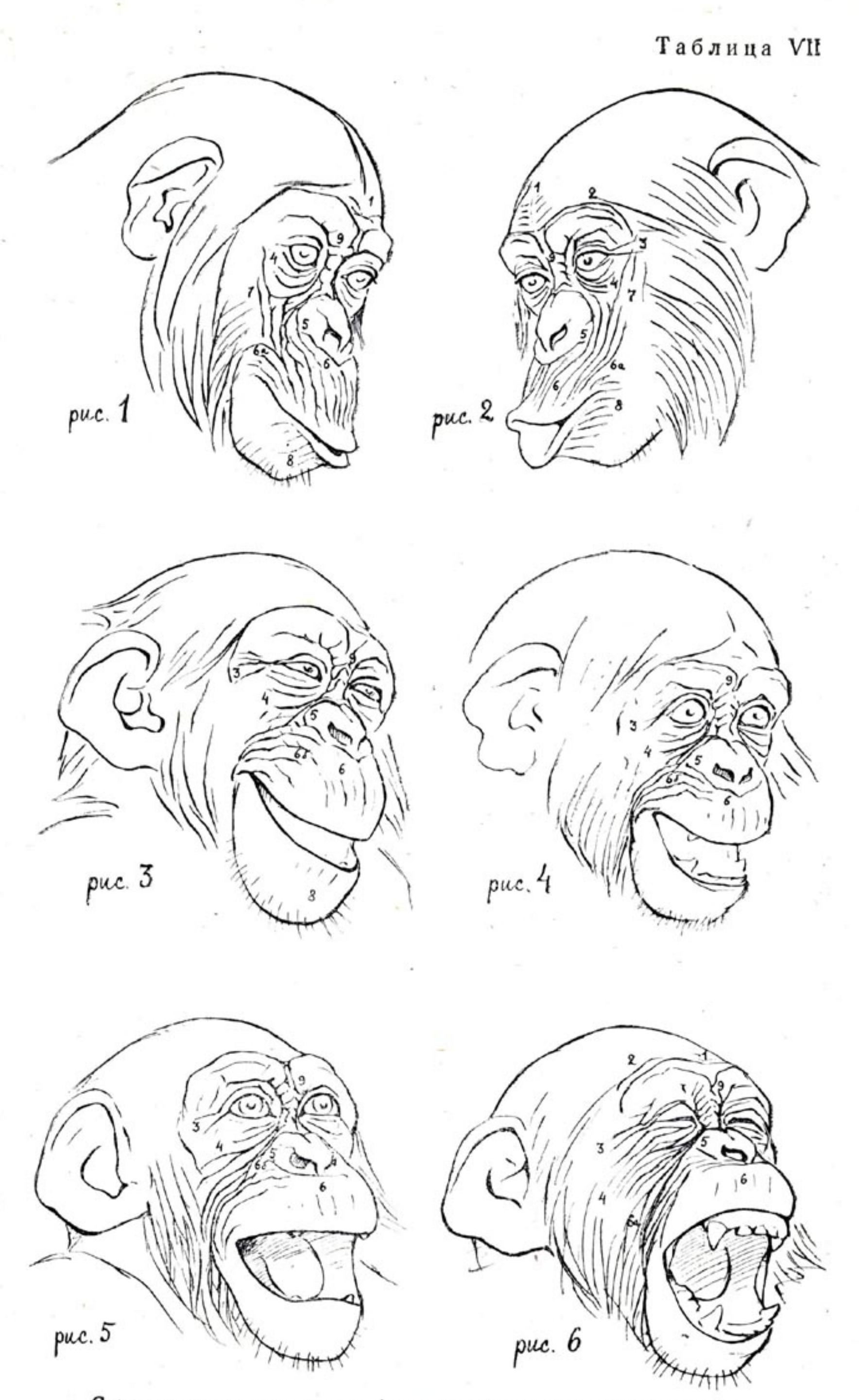


Рис. 1. Мимика внимания.
Рис. 2. Мимика волнения.
Рис. 3. Узкая улыбка.
Рис. 4. Широкая задорная улыбка.
Рис. 5. Смех шимпанзе.
Рис. 6. Плач шимпанзе.

Таблица 1.8. Характерные изменения расположения лицевых борозд при различной мимике шимпанзе

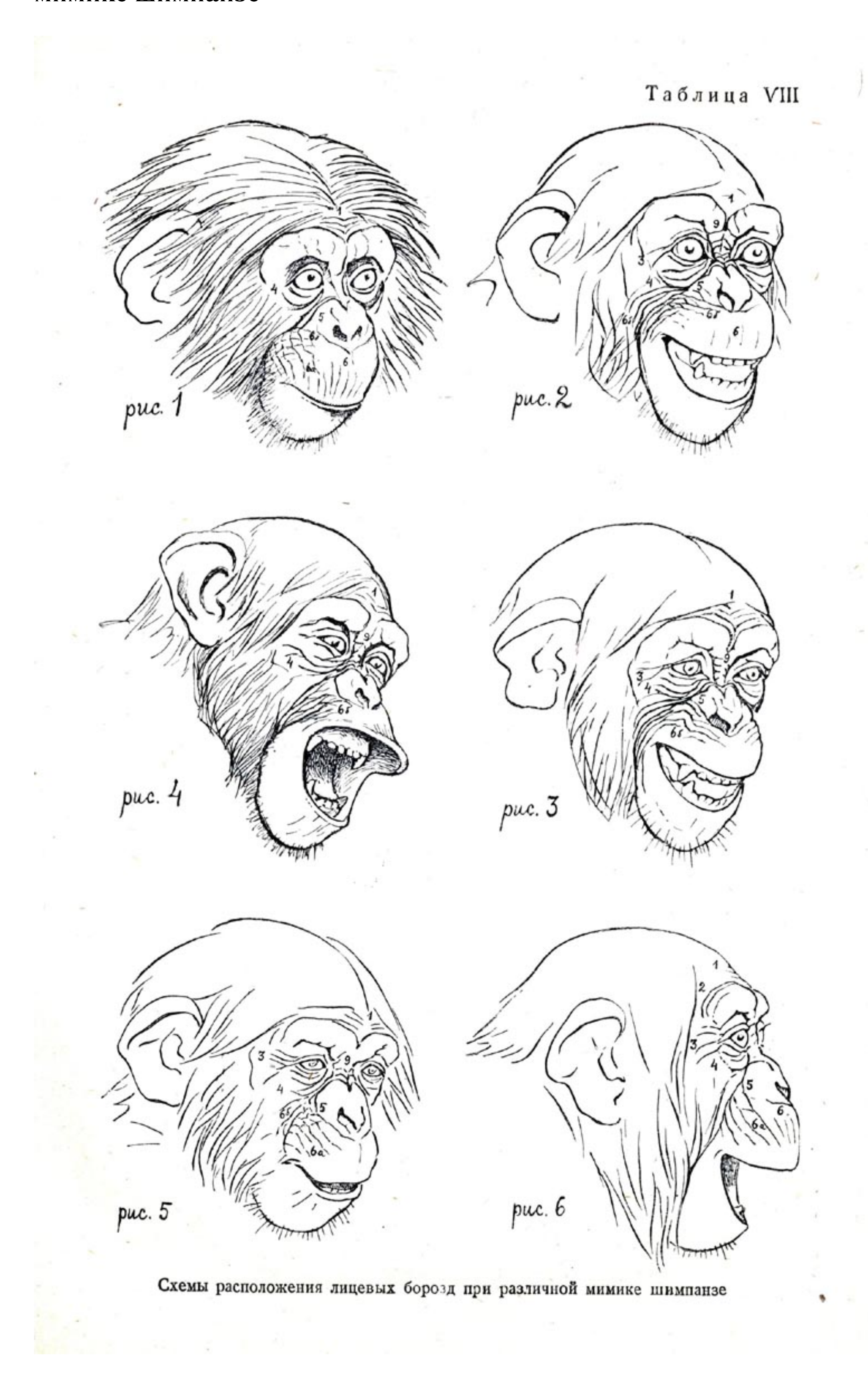


Рис. 1. Выражение робости.
Рис. 2. Выражение страха, ужаса.
Рис. 3. Выражение злобы.
Рис. 4. Выражение ярости.
Рис. 5. Выражение отвращения.
Рис. 6. Выражение удивления.

Вдоль обеих губ проходят параллельно длинные складки, рассекающие всю их поверхность, но не доходящие до самого края губ.

На нижней губе можно явственно установить знакомые нам из предыдущих описаний 17 борозд.

На верхней губе превосходно заметны те 17 борозд, которые были отмечены нами и в мимике общей возбудимости, но в данном случае эти борозды менее рельефны и имеют несколько другие очертания.

В то время как при общей возбудимости складки, расположенные на щеках, более толсты, крупны и раздвинуты, а складки, проходящие по самой верхней губе, более мелки и тесно сжаты, при выражении внимания все эти складки имеют почти равномерную небольшую глубину и толщину (ср. Табл. В.7, рис. 1 и 2).

В то время как при общей возбудимости резкие складки, огибающие носовое возвышение[34] ; делают на верхней губе крутой эсобразный изгиб и этот изгиб в меньшей степени воспроизводят и все другие кнаружи лежащие складки, — при выражении внимания складки, обогнувшие носовое возвышение, перебиты и более субтильны и спускаются к верхней губе ровными косыми рядами.

В данном случае легко установимо, как две верхнещечные № 35 и 36 (из группы 7-й) морщинки, лежащие под 16-й и 17-й подвековыми, продвигаются кверху до самых углов глаз; теперь едва приметны 2 морщинки в углах рта, так рельефно выраженные при мимике волнения (Табл. 1.7, рис. 1, 2).

В противоположность тому, что наблюдалось у взволнованного животного, волосы бак плотно прижаты, голова шимпанзе низко опущена, глаза нормально раскрыты и пристально фиксируют рассматриваемый объект, приковавший собой внимание шимпанзе.

Двойственные выражения лица

Но надо отметить, что далеко не всегда мы имеем такие недвусмысленные и яркие мимические выявления, не допускающие неопределенного или двойственного истолкования их значения.

Зачастую при наличии смешанных чувств мы обнаруживаем у шимпанзе и комбинированное выражение лица.

Например Иони внимательно приглядывается к появившейся неподалеку от него лошади, но в то же самое время он боится этого животного, и мы видим, как это *любопытствующее внимание*, сопровождаемое страхом, выявляется не только в остро фиксированном взгляде расширенных глаз и вытягивании вперед плотно сложенных губ (как то обычно при типичном внимании), но еще в сильном приподнимании волос головы и оттопыривании бак (Табл. В.8, рис. 2), как то бывает при страхе.

При удивлении шимпанзе обычно спокойно широко раскрывает рот (Табл. В.7, рис. 3), но если удивляющий шимпанзе объект (какое-либо живое существо) в то же самое время возбуждает в Иони веселые задорные чувства, — оттягивая нижнюю челюсть, Иони обнажает и нижний ряд зубов, в то время как верхняя губа призакрывает все верхние зубы (Табл. В.8, рис. 6).

Заигрывая рукой с маленькими зверьками, Иони улыбчиво оттягивает в стороны уголки губ, сощуривает глаза (Табл. В.12, рис. 4), но если в этот момент зверок начинает оказывать Иони известное сопротивление, в веселом настроении Иони начинают превалировать злобные чувства, и это тотчас же сказывается на мимике его лица, которое теперь отражает задорность шимпанзе (Табл. В.8, рис. 4). Осклабив рот, Иони обнажает и зубы, но его десны совершенно закрыты и не замечается сильного сморщивания верхней части лица и вздергивания носа, как то имеет место при типичной злобе (Табл. В.7, рис. 5).

Злобное чувство, сопутствующее печали, придает иной оттенок и мимике плача шимпанзе.

Шимпанзе, впавший в отчаяние, выражающий свое настроение бурными залпами плача, имеет характерный облик, представленный на рис. 7, Табл. В.7 и подробно описанный на стр. 33 [44] — стр. 34 [45]).

Шимпанзе, находящийся в предварительной стадии на пути к аффекту печали и психически злобно протестующий против неприятно раздражающего его стимула, обычно кричит, ревет, но не раскрывает рот так

[34] 16-я и 17-я под веками и их; продолжения вниз.

широко, не смыкает глаза, не сморщивает так сильно верхнюю часть лица, а смотрит пристально напряженным упорным взглядом, меняя только конфигурацию челюстей, рта и губ (Табл. В.7, рис. 5).

Его рот раскрывается то больше, то меньше в соответствии с величиной огорчения, но он всегда умеренно растянут, и губы не распяливаются в стороны так чрезмерно, как то бывает при типичном плаче. И, — что особенно характерно, — хотя зубы обоих рядов обнажены, но десны почти закрыты плотно облекающими их губами.

Сильнейшие залпы крика и плача не позволяют сомневаться в том, что шимпанзе огорчен. Рассмотрение рельефа боковых частей верхней губы обнаруживает круговые морщинки с углообразными изгибами, типичные для выражения злобы, лишь сильно перебитые обрывками продольно проходящих морщин.

Трудна для расшифровки неопытному глазу сложная мимика, отражающая робкое, задорно заигрывающее настроение шимпанзе, возникшее в ответ на показывание зверьку мертвого, только что убитого зайца (Табл. В.25, рис. 1, 2).

Быстро оправившись от первого испуга при виде зверька и не замечая его агрессивности по отношению к себе, Иони тотчас же пожелал напасть на него сам и, сложив пальцы одной из рук в кулак, стал замахиваться на зайца.

Но это нападение имело довольно миролюбивый характер, и это прекрасно отражалось в мимике его рта: углы его губ были оттянуты в улыбку, как в случае радости, и рот был слегка полураскрыт, но, характерно, нижний ряд зубов и клыки были обнажены, как то бывало в начальных стадиях злобного настроения.

Нападая таким образом, повидимому Иони не был вполне уверен за свое благополучие, и это наличие элемента страха сказывалось в том, что конфигурация его верхней губы сильно напоминала положение, которое характерно для начальных стадий страха, именно робости (Табл. 1.8, рис. 1).

Верхняя губа была горбообразно вздута и клювообразно нависала над верхними деснами, никоим образом не совпадала по виду с тем, что должно было бы быть и при радости и при злобе, где всегда верхняя губа плотно облекала верхние десны (Табл. В.7, рис. 5, 8).

Не менее запутана комбинированная мимика, отражающая тройственное психическое состояние *отвращения, страха и злобы* (Табл. В.23, рис. 4).

Возбуждающий стимул, вызывавший появление означенной сложной психической реакции, был одушевленный объект — живая курица.

Я надоедливо совала эту курицу по направлению к Иони, курица отчаянно кудахтала, вырывалась, отбивалась ногами и хотя не наносила Иони большой неприятности, все же явно будила в нем агрессивные и боязливые чувства.

Иони отмахивался от нее рукой, ударяя в нее кулаком (Табл. В.23, рис. 3), отстранялся от нее, теребил ее за перья, щипал за клюв, если она приходила в слишком тесное соприкосновение с ним, а потом, принюхиваясь к своей руке, спешил обтереть ее обо что-либо, чтобы уничтожить на ней последние следы запаха.

И как же это его психическое настроение выявилось в мимике его лица?

Верхняя часть его лица была оформлена почти так же, как и при типичной злобе (или при отвращении), но конфигурация губ и форма рта были своеобразны.

Его верхняя губа широким козырьком нависала над верхними зубами, причем ее краевой отдел был несколько выпячен вперед и кнаружи и, выпукляясь, отставал от десен.

По верхнему отделу губы проходили обычные, явственно выраженные, косые продольные параллельные морщинки, внезапно резко прерывающиеся на выпукляющейся кайме губ. Верхняя губа оказывалась как бы в подготовительной стадии к вывертыванию вперед, как то имело место при ярости (Табл. В.24, рис. 3).

Нижняя губа шимпанзе была углообразно изломана, оттянута вниз, в особенности в области клыков, где она обнажала не только зубы, но и десны (как то бывало при страхе).

Таким образом рот шимпанзе имел теперь трапециевидную форму — край верхней губы представлял собой основание этой трапеции, средний край нижней губы — ее вершину, а поднимающиеся кверху к сжатому углу рта боковые стороны нижней губы — бока трапеции.

Этот широко четырехугольный просвет рта, как и вжатость углов губ, напоминал собой конфигурацию рта в случае мимики отвращения (Табл. B.7, рис. 4).

Баки шимпанзе были распушены и стояли торчмя, как то бывало всякий раз при наличии в душевном состоянии шимпанзе элементов робости и страха.

Таким образом все три слагаемых сложного психического состояния — страха, злобы, отвращения — нашли свое объективное тройное выявление.

Как и всегда, нижняя часть лица шимпанзе — губы оказались более экспрессивными, нежели верхняя часть его лица.

Глава 2. Эмоции шимпанзе, их внешние выражения и вызывающие их стимулы

Эмоция общей возбудимости

Мы описали 8 внешне наиболее рельефных и максимально выраженных изменений мимики шимпанзе, появляющихся при 8 различных эмоциональных состояниях животного.

Следует еще подчеркнуть, что каждое из этих мимических выражений мимолетно, что оно соответствует кульминационному моменту в развитии эмоций: каждому из этих выражений предшествует и за ними следует ряд быстротечных этапов развертывания и свертывания мимики в соответствии с нарастанием и угасанием переживаемой эмоции. И требовались сотни повторных наблюдений и тысячи моментальных фотоснимков, чтобы закрепить пером и камерой эту калейдоскопическую смену выразительных движений.

Проведем перед глазами читателя описание развития эмоции беспокойства, волнения или, как мы называем, общей возбудимости шимпанзе; просмотрим выразительные движения (мимику и пантомимику шимпанзе), сопровождающие эту эмоцию на разных стадиях ее протекания.

Общая возбудимость повидимому представляет собой то недиференцированное чувство, которое появляется мгновенно в ответ на каждое неожиданное внешнее впечатление.

В зависимости от силы вызывающего ее стимула и субъективной реакции животного на этот стимул она получает разную степень развития и внешней выразительности.

Нередко эта общая возбудимость вспыхивает только в форме как бы неопределенного беспокойства, волнения животного, которое, то быстро, то медленно нарастая, достигает известного предела, а потом сходит на-нет и потухает; иногда же, то раньше, то позднее, она разряжается в каком-либо аффекте (печали, радости, злобы, страха) и является как бы предваряющей ступенью для его появления.

В своем наиболее универсальном и чистом виде, при отсутствии специфического эмоционального оттенка, общая возбудимость проявляется вовне чрезвычайно выразительно и сопровождается изменением положения волос, мимики лица, жестов, поз, движений и издаванием своеобразных звуков.

Перемена особенно заметна при непосредственном сравнении внешнего вида спокойного и обеспокоенного шимпанзе.

В состоянии спокойствия шимпанзе сидит неподвижно; его конечности опущены, уютно размещены близ тела, пальцы рук и ног пассивно расслаблены, его волосы плотно прилежат к телу, морщинки лица слабо намечены, губы плотно сжаты, взгляд рассеянно скользит по окружающим предметам.

Но вот шимпанзе взволновался, наступило состояние возбудимости, и его вид меняется до неузнаваемости (Табл. B.9, Табл. B.10, Табл. B.11).

В первый момент осуществляется распушение (Табл. B.7, рис. 1; Табл. B.9, рис. 1). Длинные волосы боковых частей лица — «баки» — начинают быстро приподниматься, оттопыриваться в стороны, встают дыбом и по мере роста возбуждения становятся все более торчмя, перпендикулярно к лицу так, что почти прикрывают даже его огромные уши. Это приподнимание волос все возрастает и продвигается далее: с боков лица оно распространяется на бока темени и затылок, и все лицо как бы обрамляется венцом из торчащих волос (Табл. B.9, рис. 2).

Еще позднее распушение захватывает все большие партии: приподнимаются волосы туловища, встают торчащими шипами и на груди и брюшке, где они особенно редки, контур тела ясно просвечивает, и они кажутся воткнутыми в него частыми черными иглами.

Нередко возбуждение сопровождается приподниманием волос на руках и даже на ногах. Это распространение пушения совершается чрезвычайно быстро, и только с трудом удается уловить это последовательное

захватывание им новых партий тела, при беглом же взгляде видишь только, как у нас на глазах шимпанзе с каждой минутой пухнет, прибавляется в объеме, увеличиваясь по всем направлениям в своих размерах (Табл. В.9, рис. 1—6; Табл. В.22, рис. 4).

Изменяющаяся мимика его лица только усиливает своеобразие его вида.

Губы быстро вытягиваются вперед и вверх (Табл. В.10, рис. 1, 2), развертываются на конце раструбом (Табл. В.10, рис. 3, 4, 5, 6,) и становятся изборожденными глубокими, длинными, продольными морщинами; по верхней губе эти морщины идут от боков носа и щек параллельными рядами, сближающимися и истончающимися у края губы, по нижней губе эти морщины начинаются так же сближенно от краев рта, у угла рта примыкают к первым и, расширяясь, расходятся веерообразно по всему подбородку[1] (Табл. В.10, рис. 5, 6; Табл. 1.7, рис. 2).

Вытягивание губ вперед сопровождается издаванием своеобразных, протяжных, ухающих звуков, представляющих собой 6-кратное чередование более высоких и более низких тонов, взятых через терцию в пределах октавы, расположенной в нижнем регистре музыкальной шкалы.

В каждой из 6 терций первым берется более высокий, вторым — более низкий тон, причем каждая из первых четырех терций обнаруживает все большее повышение по сравнению с предыдущей, и только последние три терции представляют собой точное троекратное повторение двух тонов.

В первых трех терциях первый более высокий тон тянется на гласную «у» и является более протяжным и акцентированным, чем второй, более низкий тон, который тянется на слог «ху»; в последних трех однотипных терциях более высокий тон произносится на слог «уа», а более низкий — на слог «ху»; оба тона этих последних терций тянутся более отрывисто, чем в трех первых, произносятся более резко, более звучно и более кратковременно; иногда они производят впечатление лающих звуков, иногда переходят чуть ли не в настоящий собачий лай. Перенося это уханье шимпанзе на ноты, мы можем изобразить его в следующей музыкальной фразе:

ỳ — ху	уỳ — ху	ууỳ — ху
ми-бемоль — до	соль-бемоль — ми-бемоль	ля — соль-бемоль
уà — ху	уà — ху	уà — ху
до — ля	до — ля	до — ля

При издавании этого, как бы заходящегося уханья с каждым новым повышением голоса и как бы в такт ему голова шимпанзе откидывается назад все дальше и дальше, максимально вытянутая верхняя губа оттопыривается кверху, нижняя губа оттягивается книзу и раструб на конце рта, как венчик тюльпана в ранний утренний час, с каждым моментом развертывается изнутри кнаружи все шире, глубже и полнее.

При слабом возбуждающем стимуле или при малом или медленно нарастающем возбуждении можно даже уловить и последовательные стадии изменения конфигурации губ взволнованного шимпанзе.

1-я стадия — шимпанзе вытянул несколько вперед обе сомкнутые в краях губы, чуть-чуть расщеляя их в самой середине рта (Табл. В.10, рис. 1).

2-я стадия — вытягивание обеих губ вперед все увеличивается; верхняя губа слегка горбится, щель в середине рта разверзается несколько больше, и края губ в этом месте несколько отслаиваются и разъединяются (Табл. В.10, рис. 2).

3-я стадия — горбик на верхней губе, уплощается, обе вытянутые вперед губы расходятся на конце на большее расстояние друг от дружки (Табл. В.10, рис. 3).

4-я стадия — обе губы вытягивается вперед все больше; верхняя и нижняя губы в своем основании сокращаются, вжимаются в челюсти, в своем концевом отделе отслаиваются друг от дружки все значительнее, отчего раструб в середине рта все увеличивается (Табл. В.10, рис. 4).

[1] Подробное описание направления и расположения морщин см. «Лицо шимпанзе в динамике», Табл. В.7, рис. 2.

5-я стадия — в месте раструба обе губы истончаются сильнее, оттягиваются друг от дружки больше; верхняя губа отгибается кверху, нижняя книзу (Табл. В.10, рис. 5).

6-я стадия — вытягивание губ в длину и вперед максимально велико, раструб в середине рта развернут предельно, разверстая ротовая щель по размерам наиболее велика, края губ истончены и в уголках рта несколько опущены книзу (Табл. В.10, рис. 6).

Кроме мышц лица и вся остальная мускулатура шимпанзе приходит в состояние все большей активности: мышцы глаз напрягаются, и широко раскрытые глаза неподвижно фиксируют волнующий его объект, руки и ноги плотно, крепко прижаты к телу, причем пальцы ног сжимаются в крепкие кулачки, часто наблюдается также при этом errectio penis (Табл. В.9, рис. 1).

Это напряженное состояние сохраняется впрочем недолговременно пройдет несколько секунд, и оно разряжается целым рядом движений: конечности отводятся от тела, раскидываются в стороны, пальцы ног распрямляются, одна из рук поднимается вверх и как бы застывает в воздухе то с распростертыми, то с судорожно согнутыми пальцами, вторая рука укрепилась о землю и готова к подъему (Табл. В.9, рис. 2). Опираясь на эту (чаще всего левую) руку, шимпанзе медленно привстает на ноги и становится почти в вертикальное положение, выставляя перед собой вперед вторую согнутую дугой (в локте, запястье, в кисти и в пальцах) правую руку, при этом он опускает голову и веки (Табл. В.9, рис. 3). Затем он производит ряд повторных движений приседания и привставания; сгибая и выпрямляя колени, несколько раз подряд шимпанзе то опускается, то снова приподнимается на ногах, с каждым новым разом все учащая темп и все усиливая величину нагибания и выпрямления (Табл. В.9, рис. 4); потом он выпрямляется максимально, поддерживаясь одной рукой, или, стоя только на ногах, резким движением поднимая голову и глаза, он направляет свою совершенно вытянутую руку либо вперед в сторону интересующего его предмета (Табл. В.9, рис. 5), либо вверх, как бы угрожая ею в воздухе (Табл. В.9, рис. 6).

Впрочем в большинстве случаев внешнее выявление общей возбудимости далеко не достигает своего высшего развития и совершается именно в такой последовательности, часто те или другие стадии выпадают или даже совершенно отсутствуют.

Если возбуждающий шимпанзе стимул недостаточно силен или слишком кратковременен, общая возбудимость выражается вытягиванием губ вперед и издаванием звуков и не сопровождается распушением, или ее появление ограничивается лишь приподниманием волос, в то время как лицо шимпанзе остается спокойным и губы плотно сомкнутыми.

Например Иони смотрит в окно; если проходят люди обычного вида, он созерцает их спокойно; вдруг проходит человек, обремененный тяжелой ношей — большим тюком или мешком, — Иони мгновенно вытягивает губы и отрывисто хрюкает один раз. Такое же хрюканье издает шимпанзе в том случае, если вдруг за окном появляется необычный по виду человек — например какой-либо мужчина с большой окладистой бородой или в большой черной шляпе.

Звуком хрюканья Иони почти всегда встречает приход к нему в комнату чужих, незнакомых ему людей; при этом иногда он пушится, старается обнюхать нового человека, боязливо, опасливо протягивает к нему руку, пытается слегка коснуться его, и потом, как бы убедившись в полной безвредности для себя этого человека, уже вступает с ним в более тесное и фамильярное общение. Шимпанзе приходит в состояние наивысшего волнения и демонстративно развертывает перед зрителями оригинальную жестикуляцию и своеобразные движения привставания и приседания, нагибания и выпрямления только при исключительных условиях, именно при неожиданности появления или новизне возбуждающего стимула, при интенсивности и длительности его воздействия, при отсутствии специальной направленности действия этого стимула на самого шимпанзе и, в соответствии с этим последним, при выключении специфичной субъективной эмоциональной реакции животного на этот стимул.

Конкретные примеры появления максимальной общей возбудимости уяснят нам ближе, нагляднее подходящие условия для ее возникновения.

Шимпанзе был наружe во дворе, в окружении своих — близких ему лиц, — вдруг поодаль перед ним было инсценировано взаимное нападение двух посторонних крестьян. Вооружившись огромными бревнами, два бородатых дюжих человека стали намахиваться друг на друга, сходясь и расходясь, надвигаясь и отдаляясь, как бы вступая в борьбу, сопровождая ее порывистыми движениями, резкими криками и стуками.

Шимпанзе мгновенно настораживается, впивается глазами в эту живую подвижную картину, напряженно созерцая ее, он длительно не спускает с нее глаз, пушится, привстает, ухает; по мере разгара происходящей борьбы он приходит в состояние все большего волнения и проделывает все позы, жесты и телодвижения, характерные для общей возбудимости.

Шимпанзе мгновенно успокаивается при прекращении этой возни[2] .

В данном случае раздражающий шимпанзе стимул является для него совершенно неожиданным и необычным, но отнюдь не направлен на него самого. Шимпанзе чутко следит за происходящим перед ним, но как пассивный зритель, а не как активный (настоящий или будущий) соучастник этого события, в котором он не хочет принять на себя более серьезной роли.

Аналогичная реакция наблюдалась и в том случае, если Иони находился от меня несколько разобщенно (на верху клетки или на крыше дома), и кем-либо инсценировалось нападение на меня; если агрессивность по отношению ко мне бывала не слишком велика, Иони обычно не желал покидать места своего пребывания и его внимание к происходящему ограничивалось только воспроизведением выразительных движений, обнаруживающих его волнение.

Иногда шимпанзе не столько не хочет, сколько не может принять участие в событии более активно в силу своей топографической удаленности от арены, на которой разыгрывается волнующее его действие, — и тогда он проделывает типичную реакцию общей возбудимости.

Так было например в деревне при прохождении мимо окон, за которыми находился шимпанзе (на расстоянии десятков метров от дома) стада баранов или коров, или при приближении к балкону, где помещался Иони, толпы народа или при наблюдении им из окна своей комнаты толпы рабочих в полуденный час, гурьбой сбегающих вниз, с высоких лесов строящегося напротив дома.

Шимпанзе обнаруживает все признаки максимального возбуждения и из подражания, когда например замечает перед собой беспокойство окружающих его лиц, но налицо нет видимого объекта, причиняющего это беспокойство. Так например я представляюсь плачущей, закрываю лицо руками, пронзительным молящим голосом называю шимпанзе по имени.

Обезьянчик тотчас же беспокойно озирается по сторонам, ищет глазами, на кого бы направить свое нападение в защиту меня, но, не находя никого, он с необычайной выразительностью воспроизводит полностью все приемы, характерные для состояния максимальной общей возбудимости: он встает, пушится, вытягивает вперед губы, ухает, приподнимается и приседает, простирает в пространство руки и до тех пор повторяет эти свои манипуляции, пока я не прекращу свои стенания (Табл. В.27, рис. 2).

Но стоит в это время появиться на сцене постороннему лицу, и вслед за реакцией общей возбудимости у шимпанзе возникает агрессивная реакция нападения на новопришедшего. И вообще надо сказать, что при развитии общей возбудимости почти всякий раз появляется опасность, что внешний стимул вызовет в ответ специфическую эмоцию, ибо в подавляющем большинстве случаев общая возбудимость является как бы основой, на фоне которой берут начало аффекты страха, гнева, радости и печали. Общая возбудимость предшествует появлению этих аффектов и то с самых начальных стадий своего развития имеет специфическую эмоциональную окраску, то по достижении наивысшего предела вдруг разряжается в бурном аффекте.

Можно определенно сказать, что более активные эмоции, связанные с подъемом духа (как например гнев и радость), по большей части предваряются максимальной общей возбудимостью; более пассивным, подавляющим, угнетающим дух эмоциям (печали и страху) обычно предшествует только слабая степень возбудимости.

Так например при внезапном причинении животному огорчения возбудимость, предваряющая появление печали, ограничивается едва заметным пушением волос на теле, вытягиванием губ вперед и издаванием протяжного, одиночного ухающего звука; этот звук хотя несколько и напоминает таковой, издаваемый в начальных стадиях общей возбудимости, но имеет более грустный жалобный оттенок. Жесты только дополняют истолкование картины.

[2] Серия фотоиллюстраций, приводимая к описанию телесного выражения общей возбудимости (Табл. В.9, рис. 1 — 6), была заснята как раз при производстве этого естественного эксперимента.

В этих случаях шимпанзе протягивает свою руку вперед, ладонью вверх, как то обычно он делает в знак просьбы, желания что-либо взять, получить (Табл. В.11, рис. 1).

При малейшем промедлении в удовлетворении этого его желания он впадает в настоящую печаль со всеми ее характерными атрибутами: стонами, плачем и т. д.

Несколько конкретных примеров ближе пояснят условия возникновения эмоции волнения, переходящего в печаль.

Иони был на жаре в течение 3 часов, во время фотосеанса; ему несут на блюдце пить, он тянется рукой к блюдцу, но в последний момент блюдце на секунду отстраняется назад, — шимпанзе мгновенно вытягивает губы и издает стонущий звук.

Та же самая реакция появляется и в том случае, если после длительного оживленного общения с шимпанзе я внезапно снимаюсь с места и ухожу из его комнаты или по каким-либо соображениям вдруг сажаю его в клетку; в обоих этих случаях шимпанзе лишается веселого препровождения времени и обрекается на тягостное для него одиночество; неожиданный неприятный стимул тотчас же возбуждает у животного волнение, переходящее в печаль.

Волнение, предваряющее страх, выражается прежде всего сильным приподниманием волос, напряжением мышц лица, вытягиванием губ и издаванием одиночного, коротко-тягучего ухающего звука[3] . В первый момент, совпадающий с моментом испуга, шимпанзе не только не производит каких-либо характерных жестов и телодвижений, но как бы замирает в той позе, в какой его застало появление пугающего стимула; он вперяет глаза в объект, внушающий опасение, и остается совершенно неподвижным (Табл. В.11, рис. 4). Малейший намек на действительную опасность — и Иони обнаруживает уже все признаки переживаемого страха, совершая ряд телодвижений с целью укрыться, сделаться как можно меньше и незаметнее и уйти от опасности.

Пройдет две-три секунды — и в случае отсутствия явной угрозы со стороны объекта, внушающего опасение, волосы на теле шимпанзе опускаются, губы подбираются и шимпанзе принимает свой обычный, нормальный вид. Фотография, приводимая в виде иллюстрации возбудимости, сопровождающейся страхом, была заснята при следующих обстоятельствах. Шимпанзе был наруже, во дворе, сидел на скамеечке и безучастно смотрел перед собой, оперев локти согнутых рук о колена ног (Табл. В.11, рис. 4); он занес было указательный палец левой руки к голове, чтобы почесаться, но в это время неподалеку от него за досчатым забором появились коровы; коровы обычно внушают Иони страх, и при встрече с ними он убегает, но теперь при виде их он только вытянул вперед губы, распушился, издал одиночный, короткий ухающий звук и напряженно, широко раскрыв глаза, стал всматриваться вдаль, оставаясь неподвижным, забывая почесаться и так и держа отведенным указательный палец руки, не спуская глаз с животных, не успокаиваясь до тех пор, пока они не скрылись из вида. Только когда опасность возрастает, например коровы начинают приближаться к шимпанзе, он срывается с места, бросается ко мне на руки, прижимается ко мне всем телом, весь дрожа, с отчаянным ревом бежит вслед за мной, если я удаляюсь от него, и успокаивается только тогда, когда чувствует себя под прикрытием и вне опасности.

Та же самая внешняя реакция наблюдается у шимпанзе и в случае появления новых слуховых и обонятельных, пугающих животное стимулов: в первом случае — при внезапном звуке охотничьего рожка, во втором — при обнюхивании сырого мяса.

В обоих этих случаях вслед за типично выраженным волнением у Иони появляются характерные признаки страха и движения самообороны и защиты (см. подробнее об этом в главе «Инстинкт самосохранения (защиты и нападения)»). Следует отметить, что обычно величина распушения волос на теле шимпанзе пропорциональна величине страха и силе пугающего стимула.

Волнение, переходящее в страх, очень иллюстративно выразилось однажды во время киносеанса.

Шимпанзе вынесли из его привычной обстановки в большую комнату, освещенную яркими лампами юпитера, наполненную множеством посторонних лиц. У Иони тотчас же возникла бурная реакция общей возбудимости: он стал пушиться, ухать, вставать и приседать, стоя на месте, и явно боялся всего происходя-

[3] Более краткосрочного, чем то имеет место при волнении с оттенком печали.

щего. Он все время озирался по сторонам, всматривался в темноту смежной комнаты, вздрагивал при малейшем постороннем шорохе и мгновенно спускался со стола, забиваясь вниз, ища прикрытия в укромном месте, когда слышал треск зажигаемой лампы. Иони несколько успокоился только тогда, когда я взяла его к себе на руки, но и будучи на руках он еще долго дрожал мелкой дрожью, трясясь всем телом.

Волнение, переходящее в злобу, отличается по своему внешнему выражению от такового же предшествующего другим эмоциям резким, коротким хриплым звуком и намахивающимся жестом, направленным по отношению к раздражающему объекту (Табл. В.11, рис. 2).

Это состояние безошибочно можно вызвать в любой момент и любым предметом: стоит только упорно подсовывать шимпанзенку какую-либо вещь, которую перед тем он яростно откидывал от себя, и он тотчас же с возрастающей злобной энергией сам отбрасывает от себя данный объект, сопровождая этот акт агрессивным жестом и отрывистым уханьем.

Иногда Иони заражается злобным волнением из подражания: например я нарочно издаю резкие возгласы, намахиваюсь на кого-либо, или отбрасываю от себя какой-нибудь неодушевленный предмет, — Иони тоже начинает волноваться, пушиться, метаться и повторно отрывисто ухает, вытянув вперед губы.

Стоит мне начать стучать сложенными пальцами по столу, и шимпанзе уже волнуется, распушается, принимает это как сигнал к беспокойству, сам начинает стучать рукой и делать агрессивные позы и жесты.

Возбудимость, предшествующая большой агрессивности, достигает обычно наивысшего развития: шимпанзе встает в вертикальное положение, максимально вытягивает вперед губы, сильно пушится, наиболее долго и пронзительно издает свой ухающий звук, заканчивающийся лаем, а потом, стоя на одном месте, повторно приседает и выпрямляется, с каждым новым разом все усиливая, все учащая величину нагибания и выпрямления; потом Иони выпрямляется максимально и как бы выкидывает свою руку по направлению к волнующему его объекту.

В последующей стадии более сильного озлобления шимпанзе многократно привстает и приседает, вслед за чем разряжается бурной наступательной реакцией. Если раздражающий шимпанзе стимул находится в непосредственной близости от Иони, он пригибается к земле, опираясь на все четыре конечности, то наклоняясь вперед, то откидываясь назад, несколько раз подряд перескакивает с рук на ноги, с ног на руки, как бы готовясь к наилучшему прыжку вперед, который он и осуществляет в благоприятный момент, бросаясь всем телом на раздражающий объект и впиваясь в него зубами.

Если Иони стеснен клеткой и не имеет физического доступа к этому последнему, он выражает свою злобность тем, что беспокойно мечется по клетке, бросается на сетку, припав к ней всем своим телом, он грызет петли сетки так, что вся клетка шатается, несколько раз подряд бьет рукой по стенам клетки, схватывает в руки разные стучащие предметы и колотит ими по полу и швыряет их в стены, производя неимоверный шум и как бы срывая на этих неодушевленных предметах свое злобное настроение, находя исход своим неприязненным, гневным чувствам.

Волнение, предшествующее эмоции радости, соответственно силе вызывающего его стимула бывает то более, то менее интенсивно. То оно ограничивается слабым пушением — и тогда сопровождается повторным коротким бурчащим звуком, то оно достигает предельного развития — и тогда выражается максимальным приподниманием волос, вытягиванием губ, воспроизведением продолжительного заходящегося уханья, заканчивающегося звонким троекратным лаем, вслед за которым производятся жесты и телодвижения, недвусмысленно вскрывающие радостное настроение шимпанзе (Табл. В.11, рис. 3).

Так например всякий мой неожиданный приход в комнату шимпанзе, обычно сулящий ему всяческие удовольствия, неизменно сопровождается радостным волнением животного: он встречает меня распушенным, как бы приветствуя, протягивает мне навстречу свою руку, заливается уханьем, а потом подбегает ко мне, хватает меня руками, прижимается ко мне всем телом, иногда прикладывается раскрытым ртом, часто-часто дышит, чрезвычайно оживляется, готов играть и возиться со мной без конца и впадает в уныние, когда я не иду навстречу его притязаниям.

Та же самая реакция бывает и в случае вынесения его в другие комнаты, в общество, при выпускании его из клетки на свободу, при его самовольном отпирании своей комнаты и выбегании из верхней комнаты на террасу вниз.

После предварительной стадии максимальной общей возбудимости, сопровождаемой характерными позами, жестами и звуками, шимпанзе обнаруживает все признаки радости: он улыбается, перебегает с места на место и от одного человека к другому, дергает каждого, встречающегося на пути, цепляется, вызывает на игру, бегает, легко стуча руками по предметам, производит целый ряд бесцельных движений, явно свидетельствующих об его повышенном радостном настроении.

Радостным, заливающимся уханьем, заканчивающимся звонким лаем, встречает шимпанзе принесение ему вкусной пищи, например апельсина, при очищении которого он ухает непрерывно, как бы заранее предвкушая удовольствие от съедания этого излюбленного плода, явно смакуя самый процесс его еды.

Радостным волнением, выражающимся в длительном звонком ухании шимпанзе, неизбежно сопровождалось предвосхищение им по звуковому сигналу — стуку лифта — нашего прихода домой, после длительного отсутствия.

Бывало, поднимаясь на лифте в 4-й этаж своей квартиры, едва выйдешь из кабины и звучно хлопнешь дверцей, закрывая ее, — как из помещающейся как раз против остановки лифта комнаты шимпанзе через дверь квартиры уже слышишь это своеобразное раскатистое уханье обезьянника, нетерпеливо ожидающего нас и ассоциировавшего звук остановки машины с моментом нашего прихода домой, встречающего нас бурными радостными звуками ранее нашего фактического появления перед ним.

Менее интенсивное и более кратковременное хрюканье можно было слышать ежедневно у нашего шимпанзе после его раннего утреннего пробуждения в одиночестве своей комнаты, но при заслышании им в смежной комнате наших голосов. Вечером при укладывании Иони спать он обычно предпочитал, чтобы около него был человек при его засыпании, — и вот если например он уложен в кровать, а я ухожу из комнаты и он остается один, он тотчас же вылезает из кровати при моем уходе, не желая ложиться; если же я остаюсь с ним до его засыпания, он издает равномерное, как бы успокоительное хрюканье, — быть может свидетельствующее, что его предшествующее внутреннее беспокойство касательно моего пребывания с ним разрешилось для него в благоприятном смысле.

Эмоция радости

За исключением эмоции общей возбудимости, представляющей собой душевное переживание «sui generis», по способу своего необычайного телесного выражения не находящей себе полной аналогии ни у человека, ни у более низко организованных животных, вскрывшей свое содержание только после многократных наблюдений протекания ее при разных внешних обстоятельствах[4] , — все последующие эмоции легко доступны пониманию. Среди этих эмоций наиболее человекообразно выражается вовне *радость*, сопровождающаяся улыбкой и смехом.

Даже просто хорошее настроение шимпанзе во время его психического и физического благоденствия, его bien-etre явственно отражается на лице шимпанзе.

Обычна плотно сомкнутые губы шимпанзе, оформляющие прямолинейный разрез линии рта (см. Табл. 1 и Табл. В.2, рис. 1—5), теперь, когда шимпанзе в добродушном настроении, впереди слегка расщеляются, углы рта оттягиваются в бока, загибаются кверху так, что рот принимает округлую полусферическую форму (Табл. В.12, рис. 1, 2).

В то же самое время глаза шимпанзе суживаются, и в наружных углах глаз появляются две-три резкие, лучисто расходящиеся, морщинки, представляющие собой продолжение подвековых морщин, соответствующих так называемым «гусиным лапкам» улыбающегося человека. Но это еще не улыбка, хотя немногое нужно, чтобы вызвать у шимпанзе настоящую улыбку и смех.

Стоит слегка пощекотать шимпанзе под шеей, подмышками или внизу живота, и выражение его лица становится еще более веселым. Рот расщеляется несколько шире, так что зубы слегка показываются (Табл. В.12, рис. 3), близ углов рта появляются 5 округлых околоротовых морщин, окаймляющих поднятые кверху уголки губ (Табл. 1.7, рис. 3, 4). Эти полукруглые поперечные морщины на боковых частях верхней гу-

[4] Достаточно сказать, что в книге даже такого великого ученого, каким является Ч. Дарвин, мимика шимпанзе, выражающая состояние общей возбудимости, ошибочно квалифицируется *как мимика гнева, недовольства* (см. книгу Ч. Дарвина, О выражении ощущений у человека и животных, СПБ., 1872, рис. 18, стр. 114).

бы пересекают продольные параллельные морщины, идущие вдоль верхней губы, почему испещряют эту часть лица переплетом из косых мелких ромбиков (Табл. В.12, рис. 3; Табл. В.13, рис. 1).

Еще секунда продолжения щекотки, — и узкая улыбка шимпанзе переходит в более широкую, и рот раскрывается еще больше — из щелевидного, отверстие рта становится серповидным, обе губы так сильно растягиваются в стороны и так плотно облегают десны, что изборождающие их морщинки почти сглаживаются (Табл. В.12, рис. 4; Табл. В.13, рис. 2). Хотя рот раскрыт довольно широко, но зубов не видно, так как они почти полностью закрыты обволакивающими их губами. Суженные глаза и несколько склоненная вбок к плечу голова гармонично сочетаются с улыбкой шимпанзе, невольно заставляют улыбнуться каждого, кто смотрит на него, и тем самым вскрывают смысл этой мимики даже непосвященному в изучение лица шимпанзе зрителю (Табл. В.59, рис. 5).

В следующей стадии рот раскрывается еще шире и принимает почти полулунную форму, и его углы загибаются кверху все больше и острее (Табл. В.12, рис. 5).

В то время как край верхней губы приобретает почти сферическую форму и совершенно скрывает собой верхний ряд зубов, края нижней губы против клыков образуют тупоугольный излом, в боковых частях рта отступают от десен и обнажают верхние части коронок пяти боковых зубов[5] .

В просвете полураскрывшегося рта виден еще оттянутый внутрь рта язык, упирающийся своим кончиком в дно рта.

Глаза улыбающегося шимпанзе то бывают сужены, то широко раскрыты, и в последнем случае они блестят словно намасленные, — так ярки, так живы, так подвижны перебегающие их блики, что никто не может усомниться в том, что шимпанзе находится теперь в веселом, радостном настроении.

Эта широкая улыбка шимпанзе совершенно беззвучна и нередко является предваряющей стадией к появлению подобия смеха.

В редкие моменты смеха (искусственно вызванные физиологическими стимулами — сильной щекоткой) шимпанзе раскрывает рот еще шире, закидывает голову назад и учащенно и звучно дышит.

Так как это более широкое раскрывание рта осуществляется за счет отвисания (или большего отпадения вниз) нижней челюсти, то вся конфигурация рта и взаимоотношение губ резко изменяются.

Теперь полулунный просвет рта становится полусферическим, так как углы рта не остры, а тупы и не так круто и высоко загибаются кверху (Табл. В.12, рис. 6, 7, 8). По сравнению с предыдущим (широкой улыбкой) верхняя губа в углах рта совсем не поднимается кверху, отчего ее края становятся более плоскими, ровными и не так напряженно обтягивают верхние десны.

Края нижней губы оттянуты не столько вверх и вбок, сколько вниз и вперед, отчего четыре морщины, огибающие углы рта, сближены менее тесно, чем при улыбке, и не образуют острых изломов против углов рта, а ниспадают широкими полукругами. При максимальном смехе от зубов видны лишь верхушки верхних клыков и частично ряд нижних зубов в широко раскрытом рте (Табл. В.12, рис. 8)[6] ; оттянутый внутрь язык обнажен еще на большем протяжении, чем ранее. Верхняя часть лица шимпанзе остается без изменений. Производимые телодвижения только подкрепляют догадку о том, что шимпанзе находится теперь в веселом, радостном настроении.

Смех шимпанзе по сравнению со смехом человека является почти беззвучным и потому менее выразительным, — звуки смеха как бы приглушены и выражаются только в учащенном дыхании; и вот эта невозможность разрядить свою эмоцию радости звуками собственного голоса как бы побуждает шимпанзе выявить ее в другой форме — в не-истовом движении своего собственного тела и в воспроизведении всеми доступными ему способами посторонних звуков.

У весело настроенного, оживленного шимпанзе мимика лица, руки и ноги находятся в непрерывном движении (Табл. В.13, рис. 1—4), и сам он ни на секунду не остается в той же позе.

[5] Клыков и коренных.
[6] Последнее в том случае, если шимпанзе задорно заигрывает.

Даже в том случае, если он находится в сидячем положении, он не перестает видоизменять свои позы и варьирует их до бесконечности, не рискуя повториться. Как подвижные цветные стеклышки детского мозаичного стереоскопа дают в каждый момент и при малейшем повороте новую причудливую, неожиданную и неповторимую цветную мозаику, так и подвижное лицо шимпанзе и вечно движущиеся его четыре рычага — руки и ноги — в каждую секунду мимолетно ярко, рельефно проецируют нам новый эскиз, отображающий веселье — радость шимпанзе.

Впрочем запечатление этого эскиза почти недоступно для зрителя, так как развеселившийся шимпанзе непрерывно меняет свое положение. Он снимается с места, бегает по комнате, хлопает руками по окружающим предметам, взбирается на стулья, диваны, столы, опять прыгает, оттуда на пол; остановившись на секунду на месте, он притопывает одной ногой, а то опять мчится, как ужаленный, находу стараясь сбросить или хотя бы зацепить что-либо рукой; иногда, подбегая в упор к чему-либо твердому (например двери, шкафу), шимпанзе барабанит сложенными пальцами по предмету, а потом опять бежит прочь и безудержным вихрем, как сумасшедший, хаотично носится по комнате, обуреваемый «духом движения», вызывая на ответное движение и сам приводя в движение все попадающееся ему на пути.

Чем же можно обрадовать, развеселить шимпанзе? Его рот осклабливается в улыбку немедленно, когда входит тот, кто ему мил, когда собирается общество, когда ему показывают новую вещь, когда его выводят в новую обстановку, когда его выпускают на свободу, когда дают волю и простор его деятельности, когда им занимаются, его развлекают и конечно когда ему дают вкусную еду.

Физическое благоденствие, вкусная еда, ласка, свобода, новые впечатления, общество, игра — все это источники, дающие неисчерпаемый приток приятных стимулов, вызывающих ключом бьющую, бурную, буйную радость шимпанзе, сопровождающуюся улыбкой, смехом и своеобразными звуками.

За примерами итти недалеко: целой вереницей они оживают в моей памяти и пестрят в моих протокольных записях; эклективно приведу хотя бы несколько фактов.

1. Я несу своему обезьянчику апельсины, которые являются для него лучшим лакомством. Видя их еще издали у меня в руках, он улыбается, звучно кряхтит, как бы заранее предвкушая сладостность вкусовых восприятий, бросается ко мне навстречу, схватывает один апельсин, мчится с ним от меня к себе в угол, вспрыгивает наверх на полку[7] , оттуда взбирается на качели, раскачнувшись, проносится один раз на качелях, опять бросается вниз на полку, стучит, топая ногами о пол, потом усаживается спокойно на месте и принимается за очищение апельсина, сопровождая это действие непрерывающимся звучным протяжным кряхтением; при съедании апельсина, по мере вхождения во вкус плода, это кряхтение переходит у шимпанзе в звучное покашливание и даже в звонкий лай. Шимпанзе ест с особенным удовольствием, когда кто-нибудь из своих людей сидит рядом с ним, и тогда он кряхтит особенно часто и усиленно; время от времени он протягивает то к одному, то к другому из них свои руки, дотрагивается, как бы свидетельствуя им свое расположение; если, подражая его кряхтящему звуку, я начинаю ему вторить, — его кряхтение становится более звонким, протяжным, удлиненным, переходит как бы в стон, и он уже не остается спокойно сидеть на месте, а продвигается ко мне поближе, прикасает к моему лицу свое лицо, охватывает меня руками то под подбородком, то за шею, широко раскрыв рот, прижимается ко мне этим раскрытым ртом, а потом, сблизив губы, зажимает своими губами мою щеку.

Иногда, внезапно оторвавшись от меня, он бросается на шею к здесь же сидящим другим его приятелям и точно так же, как и ко мне, прикладывается к их лицам, слегка защемляя их то зубами, то губами. Это высшая радость шимпанзе, сопровождающаяся нежностью, лаской; его прикосновение ртом мы можем рассматривать как прототип поцелуя. (Подробнее об этом в отделе «Социальные чувства».)

2. Рот шимпанзе немедленно расплывается в улыбку, когда кто-нибудь из своих милых, близких Иони людей входит в его комнату. Его улыбка беззвучна, но она подкрепляется со стороны шимпанзе дополнительными громовыми звуками: он взметывается кверху, достает до подвешенных трапеций и некоторое время производит ими такое оглушительное громыхание, что боишься оглохнуть и спешишь всяческими средствами и как можно скорее прекратить это слишком бравурное изъявление радости шимпанзе.

Часто эта радость выражается более нежным и деликатным способом; это бывает по отношению к людям, к которым шимпанзе имеет большую привязанность, как например ко мне; всякий мой приход к нему —

[7] Обычное местопребывание шимпанзе.

для него праздник, каждый уход — огорчение. Я вхожу к нему в комнату, сажусь писать (верный знак для него, что я надолго останусь с ним), — он улыбается, издает прерывчатое легкое, хрюкание, а потом порывисто бросается ко мне навстречу, старается прикоснуться руками[8] , взбирается ко мне на колени, касается своими руками моих рук, крепко нажимая своими пальцами мне на кожу; иногда он касается губами моего лица или широко раскрытым ртом прикладывается к моей шее или, сжав губы, защипывает ими кожу, слегка присасывается или стискивает зубы, плотно, но не больно зажимая ими захваченный ртом участок щей или лица, и при этом он все время учащенно порывисто дышит[9] , и весь он как бы трепещет, дрожа всем телом, все сильнее защипывая своими губами кожу моего лица и усиленно дыша носом; иногда, слегка полураскрыв рот, он защемляет ваше лицо и учащенно дышит ртом, с каждой секундой все ускоряя темп своего дыхания.

Чем больше его радость, тем сильнее впивает он в вас свои зубы и тем дольше не отрывается от вас. Повидимому в этом случае его радость соединяется с чувством нежности, ласки, с зачатками сексуальных чувств.

То же самое телесное выражение радости, направленное по отношению к своим близким людям, бывает у Иони в том случае, когда шимпанзе выпускают из заключения клетки на свободу, когда его уводят в большое общество, когда ему приносят и показывают новые вещи для игры, когда с ним возятся, играют, подбрасывают кверху, качают на качелях, щекочут.

Замечается, что выявление его радости по отношению к своим людям более рельефно, более бурно и непосредственно, чем по отношению к чужим, где оно ограничивается чаще всего прикосновением руками и реже всего осторожным прикосновением губами и раскрытым ртом.

Итак для шимпанзенка, как и для ребенка человека, немногое нужно, чтобы сделать его вполне счастливым, но, как и у ребенка, солнце счастья меркнет мгновенно при первом же налетевшем облачке, и бесчисленны поводы к появлению его печали.

[8] Прототип приветствия.
[9] Это учащенное дыхание почти всегда сопровождается некоторым половым возбуждением.

Эмоция печали

Таблица 2.1. Сидячие позы психически-депрессивного шимпанзе

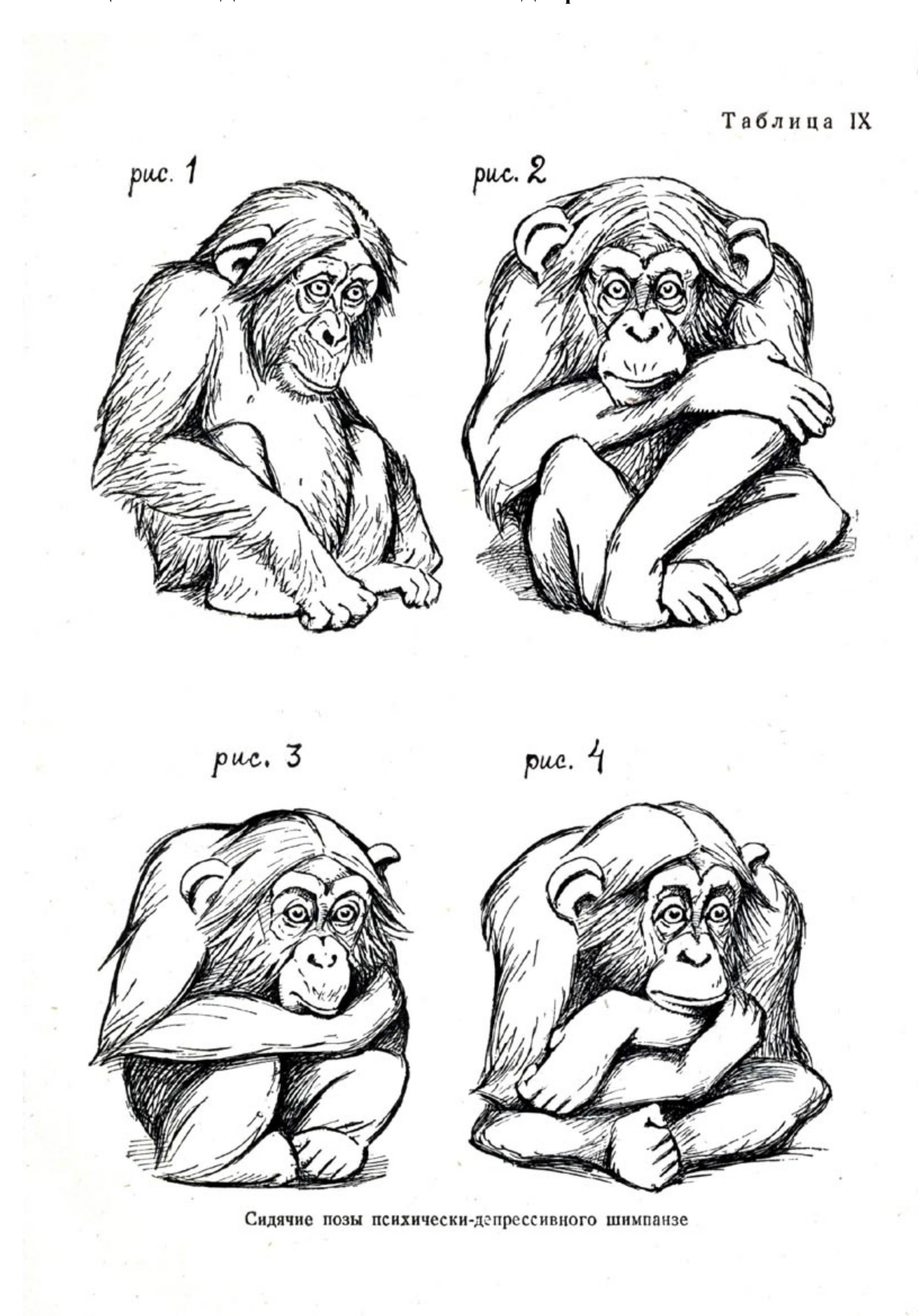


Рис. 1. Шимпанзе в грустном настроении.
Рис. 2. Шимпанзе в подавленном настроении.
Рис. 3. Шимпанзе в состоянии слабой психической депрессии.
Рис. 4. Шимпанзе в состоянии сильной психической депрессии.

Нездоровье, неудовлетворение его физиологических потребностей, неточное соблюдение его телесного режима (в отношении еды, питья, сна), усталость, лишение его общества людей, стеснение его свободы запиранием в клетку, уход его покровителей, ограничение его разрушительных тенденций, сокращение его безудержных движений, противодействие его зазываниям к игре, и прежде и больше всего его страх перед настоящей или мнимой опасностью, — все это является достаточным поводом, чтобы его огорчить.

Даже небольшая неприятность, слабое огорчение вызывает у шимпанзе выразительную ответную эмоцию печали, — мимика его лица меняется чрезвычайно и проходит ряд последовательных стадий соответственно развитию и нарастанию чувства печали.

Стадия 1. (Табл. В.14, рис. 2). Лицо огорченного шимпанзе кажется значительно вытянувшимся против нормального (Табл. В.14, рис. 1), так как верхняя часть лица — подвижная кожа надбровных дуг, веки и глаза — поднялась кверху, а нижняя часть лица — плотно сомкнутые губы — слегка вытягивается вперед и вниз.

Верхняя губа становится изборожденной многочисленными (17) длинными резкими продольными морщинами, отходящими крупными укладками от боков носа, от верхней и нижней части щек и истончающимися близ краев губы.

Четыре центральные морщины, огибающие бока носового возвышения, делают в середине губы волнообразный изгиб, почему и надсекают край губы веерообразно расходящимися морщинками; четыре периферические морщины, отходящие с боков щек, по мере удаления от центра изгибаются все меньше и близ наружных углов рта ложатся косыми складками, особенно рельефно выраженными в уголках рта. Вся нижняя губа тоже прорезана продольными складками, но они плохо видны из-за покрывающих их густых седых волос.

Взгляд шимпанзе пристально, как бы умоляюще направлен кверху, рука просяще поднята вперед и вверх (Табл. В.14, рис. 2). Часто в этих случаях наблюдается «errectio penis».

Стадия 2. (Табл. В.14, рис. 3). Малейшее промедление в выполнении желания шимпанзе, в устранении огорчающего его неприятного стимула, — и конфигурация губ изменяется еще значительнее. Края губ плотно сомкнуты в углах рта и резко загибаются кверху, а в середине рта расходятся друг от друга, образуя едва заметный раструб; волнообразный изгиб 4 огибающих нос морщин становится резче, круче, отчего боковые участки верхней губы сближаются в центре ее, как бы вжимаются внутрь и кажутся продавленными двумя углублениями, на фоне которых особенно рельефно выступает центральный участок губы, образующий собственно раструб, прорезанный тремя веерообразно расходящимися морщинами, берущими начало у угла подносовой борозды. Нижняя губа в образовании раструба почти не участвует. В это время глаза и взгляд шимпанзе сохраняют то же умоляющее выражение, подняты кверху, но это выражение еще более подчеркивается тем, что шимпанзе издает легкий стонущий звук, прерывистый и частый. Видимо у него еще есть надежда на устранение неприятного стимула, еще есть полная возможность возврата к спокойному состоянию (Табл. В.14, рис. 3).

Стадия 3. (Табл. В.14, рис. 4). Голова шимпанзе слегка закидывается назад, глаза просяще подняты кверху, рука вытянута вверх и вперед в направлении взгляда и застыла распластанной в воздухе, как бы в знак просьбы. Раструб рта развернут шире и также направлен вверх и вперед. Он образуется теперь обеими губами; конфигурация губ значительно изменяется, верхняя губа в своей средней части сокращается и вжимается внутрь так сильно, что ее вышележащий участок под подносовой бороздой (№ 20) выступает небольшим горбиком (Табл. В.14, рис. 5, 6), а передний и центральный край резко вздергивается кверху; средняя часть нижней губы углубляется внутрь настолько сильно, что образует с подбородком почти прямой угол, и ее передний и центральный край отвертывается вниз. Стонущий звук, издаваемый обезьяной, становится все более продолжительным, сильным и частым, шимпанзе словно жалуется вам, настойчиво просит вас, призывает к помощи в посетившей его печали.

Стадия 4. (Табл. В.15, рис. 1). Голова шимпанзе склоняется вниз, веки и взгляд опускаются (Табл. В.15, рис. 2), рот раскрывается, раструб исчезает, распрямленная верхняя губа сильно выдвигается вперед и совершенно прикрывает зубы, козырьком нависает над отпавшей нижней челюстью.

Нижняя губа оттягивается вниз и обнажает передний ряд зубов до уровня клыков, слышится крикливый, с каждой секундой все более громкий и протяжный стон: настроение шимпанзе идет под уклон к отчаянию.

Стадия 5. (Табл. B.15, рис. 3). Рот раскрывается еще шире; зубы нижней челюсти обнажаются значительнее, частично показываются зубы верхней челюсти (клыки), так как верхняя губа несколько отделяется от десен и оттягивается в бока.

В то время как кожа нижней губы растянута почти максимально и настолько плотно обтягивает подбородок и нижние десны, что ее естественная бугорчатость почти сглаживается, а седые волосы бородки встают торчащими шипами, — кожа верхней губы прорезана неглубокими продольными морщинами, к которым примыкают на границе светлой и темной челюстной части лица антагонистичные им круговые околоротовые морщины, пока едва намеченные в участке под веками и близ носового возвышения. Глаза шимпанзе направлены прямо на вас, рука тянется прямо к вам, — он весь олицетворение неприятного беспокойства, напряженного ожидания[10].

Шимпанзе начинает кричать прерывисто — протяжным громко дребезжащим криком, он как бы делает последние злобно настоятельные, требовательные, умоляющие попытки привлечь ваше внимание к его страданию, помочь ему в преодолении и отвращении неприятного стимула.

Но вы не идете ему навстречу, — и горе его очевидно.

Стадия 6. (Табл. B.15, рис. 4). Шимпанзе опять поникает головой и уже не смотрит на вас, так как не ждет ничего, — его глаза и взгляд опущены и тупо уставились в одну точку, никуда не смотря и по-видимому ничего не видя: его рука убралась назад и осталась просяще вытянутой лишь по инерции. Он широко раскрывает рот, обнажая все зубы обеих челюстей. Обе губы растягиваются в бока так сильно, что их передние продольные морщинки совершенно разглаживаются. Верхняя губа несколько вздергивается кверху, надвигается на нос и как бы смещает нос к глазам, кверху; с боков от носового возвышения отходят рельефные круговые околоротовые морщины, направляющиеся к углам рта (Табл. B.15, рис. 4). В это время шимпанзе разражается оглушительными залпами рева, рева настолько сильного, что после нескольких таких залпов он как бы задыхается, «заходится», теряет совершенно голос, несколько секунд совершенно молчит, с тем чтобы в следующий момент с новой силой и энергией начать тот же рев. Правда, даже во время самых бурных приступов плача у шимпанзе не появляется слез, и наш скептический ум словно сомневается и не верит в то, что шимпанзе страдает, но другой, более чуткий, отзывчивый, доверчивый и нелицеприятный судья — наше сердце — почему-то при виде тщедушной фигурки съежившегося шимпанзе, изрыгающего оглушительный рев, начинает участливо биться ответным учащенным биением и побуждает нас утешить обезьянчика, не позволяя сомневаться в том, что шимпанзе действительно тяжко, жестоко страдает.

И не надо пропустить момента с этим участливым утешением: секунда, другая — и аффект печали уже так захватывает шимпанзе, что он остается глух и слеп ко всему перед ним происходящему.

Стадия 7. (Табл. B.15, рис. 5, 6). Он запрокидывает назад голову, закрывает глаза, так широко раскрывает рот, что совершенно обнажает зияющую пасть с двумя рядами громадных, видных на всем своем протяжении зубов; обнажены не только зубы, но и десны и язык, оттянутый назад к зеву (Табл. 1.7, рис. 6).

В то время как нижняя часть лица — челюсти и губы растянуты максимально, верх лица сморщен, сдвинут, так как надбровные складки спустились вниз, носовые и подвековые сместились вверх, глаза так плотно сжаты, что их намечает лишь узкая полоска торчащих ресниц.

Цвет лица шимпанзе несколько темнеет, изрыгается оглушительный резкий рев, настолько сильный, что его можно было слышать через 2—3 этажа каменного дома — на расстоянии нескольких десятков метров удалении от шимпанзе в горизонтальном направлении.

Прерывающиеся раскаты этого рева с каждой секундой возобновляются все с новой силой, и кажется, что им не будет конца. [Зачастую наблюдаются при этом сжатие пальцев ног в кулачки и «errectio penis» (Табл. B.16, рис. 1, 2, 5; Табл. B.17, рис. 1, 3).]

Мимика лица плачущего шимпанзе необычайно демонстративно оттеняется многообразными движениями рук.

Если в начальной стадии огорчения шимпанзе просительно протягивает вперед одну руку по направлению к тому лицу, от которого ждет помощи, удовлетворения желания, утешения, успокоения, позднее по мере

[10] Эта стадия печали, как правило, сопровождается длительно сохраняющимся «errectio penis».

возрастания чувства печали — он протягивает вперед обе руки, напряженно распластав их в воздухе ладонями вверх, как бы приготовясь психически и физически принять эту помощь (Табл. В.16, рис. 2). Он плачет, кричит, но он еще следит глазами за малейшим вашим движением, так как видимо надеется на благоприятный исход дела.

Отказ, промедление с утешением, — и его плач усиливается; он смыкает глаза и кричит-кричит, и как бы оттолкнутые вами его руки уже не тянутся к вам, но и не приближаются к зверьку, не принимаются им, и он то разбрасывает их в стороны распрямленными или изломанными в локтевом и кистевом суставах (Табл. В.17, рис. 1), то он бьет ими себя по ногам и брюшку (Табл. В.16, рис. 3).

Нередко можно видеть симметричное разметывание рук в пространстве (Табл. В.16, рис. 4, 5). Одна выпрямленная рука вскидывается вертикально вверх и как бы застывает в воздухе, другая, тоже распрямленная до самых концов пальцев, направлена прямо вниз; порой обе руки, согнутые в локтевом суставе, поднимаются кверху; в некоторых случаях можно видеть, как одна из рук максимально вытянута вверх и расправлена, другая рука согнута и прижата к телу (Табл. В.17, рис. 3). Иногда шимпанзе высоко-высоко поднимает одновременно обе руки кверху и сближает их над головой, изломив в локтях, как бы обращаясь за помощью не к тому, кто здесь близко, а к тому, кто где-то выше — далеко, неведомо где (Табл. В.17, рис. 2). Иногда, обычно после длительного плача, как бы изверившись в помощи и совершенно отчаявшись, Иони накладывает кисти крепко сцепившихся рук на глаза, скрещивает руки над теменем, как бы для того чтобы замуровать для внешних впечатлений свои органы чувств — глаза и уши, чтобы инстинктивно защитить от возможных вредоносных воздействий свою самую ценную часть тела — голову (Табл. В.18, рис. 1, 2, 3). Если и это не помогает, Иони впадает в отчаяние, и тогда, наоборот, он ожесточенно бьет себя по голове поочередными быстрыми ударами то одной, то другой руки, от времени до времени отрывая свои руки, вскидывая глаза и следя глазами в надежде, что кто-либо смилуется и утешит его. Вышеописанная реакция последовательно нарастающего аффекта бывает неизменно в том случае, если шимпанзе гуляет на воле с кем-либо из нас — своих покровителей — и видит издали пугающих его животных — коров и как бы ждет, требует от нас помощи на случай более тесного столкновения с ними.

Если мы непреклонны и продолжаем, не обращая на него внимания, итти дальше, — отчаяние его безгранично: то он неистово кричит, плачет, заходясь до хрипа, до потери голоса, то, остановившись на месте, лишь беззвучно раскрывает и закрывает рот, закинув назад голову, направляя вперед одну зияющую пасть.

Едва он видит, что ему протягивают руки, — и он сразу всем телом бросается к человеку-покровителю, обвивая его руками, весь еще дрожа от пережитого волнения, весь в поту; но теперь он сразу успокаивается, крепко-накрепко прижимается всем телом к своему защитнику и готов так итти под физическим протекторатом человека куда угодно.

Аналогичная реакция последовательно нарастающего аффекта отчаяния бывает и в том случае, когда Иони показывают какой-либо особенно пугающий объект — например шкуру пантеры, чучело черепахи, которых он панически боится и приближение которых побуждает его искать спасительного убежища у кого-либо из нас, близких, окружающих его лиц.

Шимпанзе выражает свою печаль и отчаяние не только при посредстве лица и жестов рук, но иногда и при посредстве позы, рельефно изменяя положение всего тела.

Например Иони демонстративно просится вон из клетки наружу; я говорю: «нельзя»; он пытается сам открыть дверь; я грожу на него пальцем; он повертывается ко мне спиной и хнычет; через некоторое время он, не меняя позы, поворачивает ко мне лишь голову и, просительно смотря мне в глаза, протягивает ко мне одну из рук в знак просьбы. Я опять говорю: «нельзя», он снова поворачивается ко мне спиной и долгое время остается сидеть так совершенно неподвижно.

По аналогии с человеческими выразительными движениями и их интерпретацией в терминах психологии мы должны были бы сказать, что шимпанзе огорчился и обиделся.

Второй пример: Иони, взятого от прежних владельцев, перевозят к нам — новым хозяевам — и хотят оставить его в одиночестве в чужой и незнакомой для него обстановке. Какое бурное сопротивление, сопровождающееся печальными эмоциями, доходящими до отчаяния, вызывают эти новые огорчающие, страшащие обезьянчика условия; какие рельефные внешние проявления печальных чувств обнаруживает шимпанзе!

При первой же нашей попытке уйти от него он волнуется, пушится, вытягивает вперед губы, беспокойно мечется около уходящих, издавая повторный отрывистый короткий стон.

Если вы не обращаете на него внимания и все же направляетесь к двери, он встает в вертикальное положение, протягивает к вам обе руки вперед, вверх, как бы в знак просьбы, демонстративно выражая свое желание пойти к вам на руки, быть вместе с вами. Но вы его не берете и все более приближаетесь к выходу, — оставаясь в том же вертикальном положении, шимпанзе следует за вами, бегает близ вас, не спуская с вас глаз, следя за малейшим вашим продвижением вперед и все усиливая свои стоны-протесты (Табл. 1.6, рис. 2).

Если он не видит с вашей стороны никакого ответного успокаивающего движения, он нередко проделывает другие позы: вдруг он пригибается вниз туловищем, упирается головой в пол, стоит так некоторое время, как если бы готовился перекувыркнуться через голову, но все же оставаясь неподвижно стоять на месте. В это время он заливается оглушительным криком, что не мешает ему впрочем от времени до времени подниматься на ноги и смотреть на вас, как бы из желания проверить твердость вашего намерения к уходу, угадать ваше окончательное решение...

Если вы остаетесь и подходите к нему, он мгновенно успокаивается; если же вы опять направляетесь к двери, Иони, отойдя в самый дальний угол клетки, опять пригибается к земле передней частью тела, опираясь о согнутые локти и полувыпрямленные ноги, подняв заднюю часть тела значительно выше передней.

Но вот ваше намерение покинуть его близко к осуществлению, — вы уже почти на пороге комнаты у самой двери, но это не значит, что он отказался от своих притязаний и что вам удастся скоро уйти. Едва он замечает ваше приближение к двери, он стремительно срывается с места, опережает вас в достижении ее, стоит у самой двери, своими цепкими сильными руками хватает вас за платье, цепляется за ноги, простирает вперед к вам обе руки и всяческими способами старается удержать вас близ себя.

Едва с трудом удается оторвать от себя один его природный крюк — руку, а он уже прицепился тремя другими (второй рукой и двумя ногами), которые ловко пришли на смену и впились с новой силой в то же место. Едва освободишь от его цепких пут свои ноги, а он с необычайной быстротой извернулся всем телом и повис на вашей шее, на плечах — и опять и опять не он, а вы стали его жертвой и попали в плен его маленького цепкого тела.

Тогда ни ласки, ни угрозы, ни наказания не помогают делу. Ласка и уговор только еще более усиливают желание шимпанзе оставить вас близ себя, строгие окрики приводят его в еще большее смятение, и он удерживает вас с удесятеренной настойчивостью и энергией; во время сильнейшего психического возбуждения Иони остается совершенно равнодушным к телесному наказанию.

Теперь вы можете убежать из его плена только пустившись на хитрость: вы делаете вид, что отказались от своих притязаний и не собираетесь уходить, — он мгновенно успокаивается, но все же не перестает настороженно следить за дверью.

Выждав момент его полного успокоения и оживления, вам удается быстрее его приблизиться к двери и слегка открыть ее, — но это не означает, что вы тотчас же и уйдете от него, ибо он с быстротой молнии подбегает к порогу, просовывает руку в дверную щель, ухватывает за край двери и не дает ни закрыть, ни раскрыть ее.

Если вы, пытаясь, закрывать дверь, нажимаете на его руку, — он бывает в момент аффекта настолько нечувствителен к боли, что вы рискуете переломить его пальцы и не получить желаемого эффекта. Поэтому вы и отказываетесь состязаться с ним в силе и ловкости, а опять рассчитываете на его отвлечение и на свой случайно удачный маневр в открывании двери.

Вдруг, изловчившись почти чудом, вы выскользнули из его комнаты и плотно закрыли дверь. Но вы не радуетесь своему освобождению и стремитесь тотчас же добровольно вернуться под прежний «домашний арест» маленького деспота, так как вас провожает такой оглушительный неистовый рев, что ваше сердце не выдерживает этого бурного выражения страданий маленького существа, оторванного от всего своего и родного, и вы готовы поступиться своей свободой, своим досугом, своей работой и сделать все от себя зависящее, чтобы его успокоить.

И действительно, чье сердце не содрогнется при виде того, как оставленный в одиночестве (но доступный для наблюдения через стекло) — шимпанзе в полном смятении, встав на ноги в вертикальное положение,

мечется по комнате, протягивает свои руки вперед, теперь уже по направлению к двери, скрывшей вас от него, как он, не слыша ответа, колотит кулаками в дверь, стучит повешенным замком, гремит податливой ручкой двери, подсовывает пальцы под дверную щель, пытаясь открыть дверь, и все время в отчаянии ревет, ревет до исступления, до потери голоса[11] .

Вот он бросается на пол, упирается головой в пол, перекувыркивается через голову и опять производит руками целый ряд то умоляющих, то беспорядочных смятенных, безнадежных жестов, характеризующих его полное безнадежное отчаяние.

Психическая депрессия.

Но самое жалкое, самое волнующее зрелище представляет шимпанзе не тогда, когда он протестует и неистовствует, но когда, изверившись в помощи, обессиленный, изнемогший, он как бы смиряется со своей участью и впадает в состояние полной психической депрессии.

Тогда обычно он уходит в самый дальний темный угол своей клетки, садится на постилки и часами сидит там, съежившись темным тщедушным комочком, накрывшись тряпкой, или ложится, до самых глаз натянув на себя одеяло, от всего отказавшись, как бы ни к чему не стремясь и ни на что не надеясь; он лежит до тех пор, пока кто-либо к нему не войдет.

Четыре первые эскиза с натуры (Табл. 2.1, рис. 1—4) и фото красочнее слов передают позы и мимику шимпанзе, пребывающего в состоянии полнейшей психической прострации (Табл. B.19, рис. 3—6).

1. Вот Иони присогнулся, симметрично уронил руки на землю, приклонил голову к груди, вытянув вниз и вперед губы, жалобно, как бы моляще, поднял вверх глаза и брови, вспушил кое-где шерсть и словно чем-то подавлен или безмолвно ждет и просит чего-то (Табл. B.19, рис. 3 и Табл. 2.1, рис. 1).

2. Вот он весь подобрался, круто, остро согнул колени, сблизил ноги, уронил голову еще ниже, стал совсем горбатым, оперся вытянутыми губами на уложенную на коленях руку, уставил в одну точку взгляд и сидит в застывшей скорбной позе, словно отчаялся в выполнении своего желания, смирился, не успокоившись (Табл. B.19, рис. 4, 6 и Табл. 2.1, рис. 2).

3. Ему как бы не хочется выйти из состояния этого психического оцепенения, но его руки и ноги устали, занемели, и он укладывает их в иной, более удобной форме: он отводит и плашмя располагает ноги, сцепив их ступни, охватив их еще сверху сильной широкой кистью вниз опущенной левой руки, чтобы они не разошлись (Табл. 2.1, рис. 3).

Правая рука, как и раньше, служит опорой, ложем для опущенной головы, но и она уже устала и не опирается на острые углы его колена, а уложена, минуя их, и держится зацепившейся кистью за локоть левой руки. Губы шимпанзе несколько подобрались, его взгляд направлен прямо перед собой, наступило тупое успокоение.

С течением времени по мере длительности этого сидения оно переходит в полную безнадежную оцепенелую успокоенность (Табл. 2.1, рис. 4).

4. Ноги располагаются на почве совсем плашмя, раздвигаются в стороны, длиннейшие руки переплетаются, как змеи, и совсем укладываются на лежачих ногах, голова так низко и так тяжело опустилась на руки, что подбородок почти скрылся, а кожа губ сплюснулась и расплылась в бока. Теперь шимпанзе кажется не сутулым, не горбатым, а полным физическим уродцем, каким-то спрутом, у которого не видишь ни шеи, ни туловища, а лишь громадную голову, с застывшими в отчаянии расширенными глазами, с боков от которой отходит по разным направлениям неопределенное количество витиевато располагающихся змеевидно изогнутых отростков не то рук, не то ног (Табл. 2.1, рис. 4).

В заключительных строках главы, посвященной эмоции печали и описанию стимулов, ее вызывающих, следует подчеркнуть одну характерную особенность, чрезвычайно отличающую дитя шимпанзе от дитяти человека.

[11] Однажды при аналогичных обстоятельствах (но в наше отсутствие) было замечено, как шимпанзе кричал не переставая целых три часа.

За все время трехлетнего наблюдения шимпанзе мне ни разу не удалось установить, чтобы печаль, плач шимпанзе были вызваны физической болью.

Падает ли шимпанзе на пол с качелей, сильно ударяясь о пол, стукается ли он при своих воздушных эволюциях на трапециях о столбы трапеций, натыкается ли он при своем безудержном беге по комнате о косяки дверей и о мебель, занозит ли он ноги, сдирает ли кожу на локтях, словом, как сильно он ни ушибается, — он никогда не кричит, не плачет.

В первый момент неожиданного толчка или падения он на момент как будто ошеломлен, притихает, но через секунду продолжает забавляться и играть как ни в чем не бывало.

Однажды в виде эксперимента над физической выносливостью Иони необычайно сильный мужчина пробовал сжать в своих руках его палец так крепко, как только мог. У Иони не дрогнул ни один мускул лица; он только внимательно смотрел на человека, причиняющего ему боль, и даже не пытался вырвать от него свой зажатый в тиски палец. То же лицо и с такой же проверочной целью пыталось ущипнуть Иони с напряжением всех своих сил, — шимпанзе остался и в этом случае совершенно равнодушен.

При телесном наказании за какую-либо провинность Иони никогда не плачет, хотя явно злобится.

Как-то за укус мальчика-подростка шимпанзе тут же в наказание стали больно бить ременной плеткой по спине; Иони наносили такие сильные удары, что плетка, хлеставшая его, буквально свистела в воздухе, тем не менее он сидел совершенно неподвижно на одном месте и даже не порывался убежать и от времени до времени лишь кривил губы да почесывал кистью руки те места тела, куда приходился особенно резкий удар.

Но еще более характерным является то обстоятельство, что незначительное словесное порицание зверька со стороны близкого ему человека, слабое выражение неудовольствия его поведением со стороны лица, к которому он особенно привязан, нередко вызывает горький, отчаянный плач шимпанзе.

Как сейчас помню несколько случаев из обихода наших занятий с шимпанзе по методу выбора на образец. Стоило мне при неверном выборе Иони хотя бы легко отстранить его руку или даже отмахнуться от неверно подаваемого предмета, — и Иони начинал стонать, кричать и так волновался, терялся, что совершенно не в состоянии был продолжать работу до тех пор, пока не был мной обласкан.

Достаточно было мне при непослушании Иони резко крикнуть на него, — и он уже начинал плакать, протягивал ко мне руки, просился ко мне на колени, ласково дотрагивался своими руками до моего лица, до моего подбородка, как бы желая меня смягчить. Если же, рассерженная его буйным поведением, я пыталась уходить от него, слегка хлопала его и в знак порицания еще и отмахивалась от него рукой, когда он пытался следовать за мной, — он разражался ужасающим ревом, подбегал ко мне с протянутыми руками, дрожа, трясясь всем телом, просился ко мне на руки и обнаруживал такое безграничное отчаяние, что я спешила смягчить свое наказание и как можно скорее восстановить утраченный entente.

На каком же фоне жизни, в каких формах поведения проявляется и получает свое развитие психическая деятельность шимпанзе?

Поведение дитяти шимпанзе, как и поведение ребенка человека, целиком и полностью выражается в его инстинктах, играх и привычках.

Инстинкты дают ему импульс к действию и определяют направление и развитие его действий до пределов, необходимых и полезных для его вида.

Игры расширяют сферу его деятельности и обогащают его новым содержанием как индивида.

Способность к образованию навыков (к удержанию и утилизации воспринятого им в пережитом опыте) выявляют нам его качественную индивидуальную одаренность.

Мы остановимся на рассмотрении трех групп инстинктов, руководящих жизнью молодого шимпанзе: на инстинкте самоподдержания, регулирующем основные физиологические потребности его организма (еду, питье, сон, уход за собой), направленном к обеспечению его физического благоденствия, на инстинкте самосохранения (защиты и нападения), оберегающем его от вредоносных посторонних влияний, на инстинкте общения, определяющем его взаимоотношения с другими живыми существами окружающей его среды.

Глава 3. Инстинкты шимпанзе

Инстинкт самоподдержания (у здорового и больного шимпанзе)

Начнем с инстинкта самоподдержания. В контрастных случаях в периоды здоровья и заболевания животного особенно ярко бросается в глаза различие в его поведении и целенаправленности его действий.

Взгляд самого неопытного зрителя может легко распознать даже по внешнему виду шимпанзе его хорошее и дурное физическое и психическое самочувствие (Табл. B.19, рис. 1 и 2).

В первом случае вся мышечная система шимпанзе оказывается как бы напряженной: его ноги активно согнуты, плотно и крепко опираются о почву, легко и скоро в случае надобности могут его приподнять от земли; его руки расположены несимметрично и правая, наиболее употребляемая рука свободна, почему в кратчайший срок может быть приведена в действие. Иссиня черные, как вороново крыло, волосы тела и лица блестят, как намасленные, и плотно прилежат к телу. Голова шимпанзе несколько отклонена назад, отчего линия спины кажется не сутулой, как обычно, а более выпрямленной, а подбородок оказывается приподнятым и голова как бы принимает более брахицефалическое очертание, лицо кажется округлым, пополневшим (Табл. B.19, рис. 1).

Его губы легко сомкнуты, углы рта расплывчато (не напряженно) оттянуты кверху, и очертание рта принимает широко сферическую форму. Все морщинки на губах несколько разглажены, так как обе губы как бы несколько вздуты.

Наоборот, верхняя часть лица в области переносья и щек изрезана многочисленными морщинами, так как кожа надглазных дуг приспустилась вниз, глаза шимпанзе сильно сощурились, и морщины близ век собрались в мелкие тесные складки, окаймляющие глаза снизу. В углах глаз особенно рельефно выражены лучисто расходящиеся морщинки — «гусиные лапки».

Судя по внешнему впечатлению, можно определенно сказать, что лицо шимпанзе имеет добродушный вид; можно предположить, что шимпанзе находится в самом благоприятном настроении.

Совсем другое зрелище представляют его лицо и фигурка, когда он несколько заболевает; тогда весь он, каждая черта его лица и все члены его тела оказываются вытянувшимися в длину, вяло опустившимися (Табл. B.19, рис. 2). Его руки пассивно и симметрично свешены вниз и как бы упали на согнутые колени, его голова так сильно наклонилась вперед, что как бы упала на грудь, оперлась на руки, отчего приняла удлиненную форму, ушла в плечи, и сам он стал более сутулым и сгорбленным. Его лицо как бы похудело, удлинилось, так как подбородок опустился, сократился в размерах, а плотно сомкнутые губы мыском вытянулись вперед и стали изрезаны целым рядом продольных морщин.

Наоборот, морщины верхней части лица оказываются более разглаженными, так как кожа надглазных дуг сдвинулась вверх, глаза широко напряженно раскрыты, взгляд исподлобья направлен вверх, неподвижен, упорно фиксирован, как бы грустен.

В это время цвет лица шимпанзе несколько бледнеет, его шерсть как бы тускнеет, становится матовой, беспорядочно вслушается, оттопыривается от тела и кое-где даже торчит вверх, отчего шимпанзе принимает необычайно жалкий и беспомощный вид.

В полном соответствии с внешним видом развиваются и действия шимпанзе.

Здоровый шимпанзе бодр, оживлен и подвижен; он ни минуты не остается спокойным; если он в клетке, он качается на качелях, лазает по трапециям; если он выпущен на свободу — в комнату, — он бегает с места на место, не минуя ни одного угла, не оставляя своим вниманием ни одну вещь, стремясь вовлечь в игру все окружающее и всех встречающихся на его пути.

Но вот почему-либо обезьянчику нездоровится, — и его поведение меняется радикально, вы замечаете это с первого же взгляда.

Вы входите к нему в комнату, — и он не встречает вас радостными криками, не бросается к вам навстречу, а сидит на месте с опущенной головой и слегка вытянутыми губами или флегматично поваливается на спине, задрав кверху ноги, заломив за голову руки и медленно переваливаясь с боку на бок.

Если вы начинаете заигрывать с ним, он не реагирует на ваши зазывания, а просится на руки, прижимается к вам и сидит у вас на коленях, притихши, не желая сойти, приникая к вам головой, припадая всем телом (Табл. B.2, рис. 5).

Если вы пытаетесь уйти от него, он реагирует на это особенно болезненно и нервно, — он не отпускает вас ни на шаг от себя, крепко-крепко держит вас руками, а когда вы пытаетесь высвободиться, он бурно протестует против этого стонами, криками и плачем.

1. Лечение шимпанзе.

Во время болезни шимпанзе особенно тих, особенно нежен с теми, к кому он привязан, и необычайно чутко реагирует на всякое их слово неудовольствия и порицания. Во время болезни шимпанзе, как и всякое больное существо, более чем когда-либо ищет, просит, требует опекающего его покровительства со стороны окружающих его близких людей. И он так охотно предоставляет себя им для лечения, как это делает редкий ребенок.

При заболевании насморком, которому шимпанзе особенно подвержен и который наступает при малейшем его охлаждении, он покорно дает смазать ему нос борным вазелином, позволяет запустить ему в ноздри ватные тампончики — «гусарики»; при трахеите и бронхите он без всякого протеста и по нескольку раз в день принимает даже специфично-пахнущее лекарство (ипекакуана); при кишечном заболевании (при запоре) без всякого протеста он позволяет поставить ему клизму.

При сильном жаре, доходившем до 40° с лишним (имевшем однажды место во время желудочного заболевания и позднее при ставшем для него смертельным легочном заболевании — крупозном воспалении легких), он не протестует ни малейшим движением, когда пытаются смерить температуру, ставя термометр в его подмышечной впадине или (что удобнее) в паховой области.

Вначале он только как будто бы немножко побаивается новых для него предметов (тубочки вазелина и термометра), но если осторожно дать ему их посмотреть и пощупать, самая процедура смазывания и измерения переносится им совершенно спокойно.

Правда, однажды у меня был такой случай, что при запускании в нос Иони ватки, которая была намотана на спичку, шимпанзе случайно дернул голову и, наткнувшись на спичку, слегка укололся, — он тотчас же бросился на меня с оскаленной пастью и схватил было меня за руку, но вовремя как бы спохватился и вместо ожидаемого мной сильнейшего укуса до крови оказалось, что Иони только слегка сжал мою руку зубами, не оставив даже следов зубов.

В другое время (при легком кашле) шимпанзе позволял растирать себе грудь скипидаром, и только позднее, когда проявлялось действие скипидара и ему щипало кожу, он стал схватываться пальцами за кожу, чесался, беспокойно оглядывался по сторонам, тщетно ища глазами щипавшего его «врага», подглядывая даже под мебель и обследуя другие потаенные места комнаты, как бы надеясь найти там раздражавшего нарушителя его физического покоя.

При случайных поранениях ног шимпанзе мне не раз приходилось смазывать ему поврежденные до крови места иодом; первый момент жжения раны вызывал у Иони обычно легкое отдергивание ноги, но он быстро успокаивался и десятки раз в случае надобности с полной готовностью предоставлял себя для той же процедуры.

Является только чрезвычайно характерным тот факт, что из всех возможных способов лечения Иони не удавалось применение лишь одного весьма простого: в случае надобности[1] ему нельзя было поставить водяного компресса, невозможно было сделать ни одной бинтовой повязки.

Шимпанзе самым решительным, самым категорическим образом, всеми имеющимися в его распоряжении средствами отвергал всякое, даже частичное, его связывание: он разрывал, растаскивал стягивавшие его

[1] Особенно при остром легочном заболевании — воспалении легких.

бинты и повязки, злобился, волновался, кусался, если насильно пытались его забинтовать, и так неистовствовал, так кричал, так плакал, так буйствовал, будучи чем-либо связанным, что приносил себе больше вреда, чем пользы, так что приходилось отменять столь раздражающий Иони способ лечения.

Иони совершенно не переносил даже легеньких перевязок пальцев его рук и ног, перевязок, накладываемых в случае его поранения, пореза, и он сам удалял их немедленно по завершении процедуры обвязывания.

Само собой разумеется, что все эти манипуляции его лечения и обследования он предоставлял только «своим людям».

Однажды во время его острого желудочного заболевания к нему был приглашен в качестве консультанта первый педиатр Москвы. Почтенный профессор с воодушевлением подошел для исследования необычного маленького пациента, но стоило только ему коснуться одним пальцем вздувшегося живота шимпанзе, как черномазый, сангвиничный африканец, трубой вытянув губы, внезапно так гаркнул, издав громовой отрывистый ухающий звук, что знаменитый collega поспешил ретироваться в самый дальний угол комнаты и поскорее постарался заверить сконфуженных хозяев, что никакой опасности нет — и по всем данным пациент «совершенно здоров»!!.

2. Самоизлечивание.

Иногда шимпанзе сам пробует заниматься самоизлечиванием. Если ему случится занозить себе подошву ноги, он некоторое время идет прихрамывая в направлении к максимальному свету, где и садится, несколько раз взволнованно протяжно ухая; потом он делается чрезвычайно серьезным, поднимает ногу кверху до уровня губ, низко нагибает голову, вытягивает вперед мысиком обе сложенные губы и чрезвычайно сосредоточенно начинает разглядывать заноженное место, касаясь то здесь, то там пальцами, как бы желая локализовать точнее центр болевых ощущений (Табл. B.20, рис. 1).

Если я пытаюсь притти к нему на помощь, он дает и мне посмотреть занозу, но тогда еще усугубляет свою бдительность; не спускает глаз с ноги и как бы соучаствует в обследовании ее. Он сидит спокойно, не шелохнувшись, если я трогаю занозу, вынимаю ее; пока я дезинфицирую ранку иодом, он напряженно следит за всеми производимыми мной манипуляциями, и даже когда моя роль уже окончена и все необходимое сделано, он еще долго занят дополнительным и теперь уже лишним обследованием.

Иногда шимпанзе случится поцарапаться, или уколоться или порезаться, — малейшая царапинка длительно не дает ему покоя: он пристально разглядывает ее то с одной, то с другой стороны, склоняя голову то на один, то на другой бок, дотрагивается до царапины пальцами то одной, то другой руки, прикладывается к ней губами, высасывает из нее появившуюся кровь, пускает на нее свои слюни (Табл. B.20, рис. 4).

Изредка Иони прибегает к дополнительным способам обследования: он берет в руки палочку и касается ею больного места; причиняя себе боль, он вздрагивает, на секунду оставляет больное место в покое, а потом опять возвращается к прерванному занятию, начиная сначала притрагивание к болевому пункту и продолжая до бесконечности всю процедуру приглядывания, лизания, ковыряния, высасывания...

Нередко случается, что шимпанзе расчешет себе кожу до болячек, — эти болячки приобретают у него хронический характер и не поддаются излечению, так как их расковыривание, обследование являются для самого шимпанзе систематическим, желанным и настойчивым развлечением.

Во-первых, шимпанзе длительно может рассматривать всякое изменение на коже, уклонение от нормы; во-вторых, он во что бы то ни стало хочет удалить загрубевшую корочку кожи; он начинает ковырять ее пальцами и ногтями и часами предается этому занятию. Он расколупывает кожу до крови, нередко вздрагивает, ковыряя, и все же продолжает сдирать до тех пор, пока не удалит всю загрубевшую кожу. Нередко окружающие ранку волосы мешают ему в этом обследовании, слипаются от вытекшей крови, но он размачивает их слюнями (Табл. B.61, рис. 4), захватив их в рот или полизывая их языком, а иногда длительно выгрызает их зубами, чем совершенно очищает себе доступ к ранке. Нащупывая загрубелость, Иони нередко в такт обследующим шарящим пальцам шевелит вытянутыми губами, как бы что-то пережевывает, производит учащенное придыхание, расковыривая особенно болезненные места, и все же длительно не прекращает свои манипуляции.

Чтобы дать представление о том, насколько настойчиво его стремление к удалению со своего тела какого-либо несовершенства, — я могу привести следующий случай.

Однажды я нарочно стала прерывать обследование и расковыривание обезьянчиком крошечной засохшей царапинки на ступне его ноги. Двадцать пять раз всеми имеющимися в моем распоряжении завлекательными способами я отвлекала внимание шимпанзе к иным, в иное время чрезвычайно заманчивым для него занятиям, — тем не менее всякий раз после мимолетного удовлетворения своего любопытства шимпанзе упорно возвращался к прерванному занятию — расколупыванию царапины — и даже плакал и сердился, если я мешала ему ковырять и удерживала его руки; он успокоился только тогда, когда совершенно содрал царапину, когда на ее месте осталось лишь ровное место, и ему ничего не оставалось более делать близ нее. Иони с большим интересом длительно занимается также рассматриванием кожи других лиц и употребляет те же способы обследования.

Эта настойчивость его желаний и действий тем более удивительна, что вообще в отношении всех других своих занятий шимпанзе отличается большим непостоянством и несосредоточенностью.

3. Уход за собой (самовнимание), туалет, гигиенические процедуры.

Не говоря уже об этих болезненных казусах, требующих участия и внимания шимпанзе, следует отметить, что и в обиходе повседневной жизни он обнаруживал живейший интерес ко всем очередным гигиеническим манипуляциям, производимым над ним.

Он с полной готовностью предоставляет себя для умывания, вытирания, вычесывания, обстригания и с напряженным вниманием следит за всеми действиями, совершаемыми над ним, и то помогает, то мешает вам в их осуществлении.

Каждое утро его лицо, и руки и ступни ног (и все голые от волос места) обмываются комнатной водой, и он с удовольствием предается этой процедуре. Когда проводишь мокрой рукой по его лицу, он нередко раскрывает рот, хватает языком воду, пытаясь захватить в рот хотя бы капельку влаги, напоминая этим маленьких детей, которые часто проделывают при умывании те же самые захватывающие движения ртом.

После обмывания его вытирают досуха полотенцем, и он сам для этой цели покорно подставляет вам лицо, и руки и ноги.

Когда вы его вычесываете частым гребнем, он с необычайным интересом следит за результатом вычеса, и когда начинаешь приглядываться к гребню с опасением, не развелось ли у него насекомых, он прямо впивается глазами в гребешок и даже иной раз прежде вас заметит и схватит беспокойно бегающего вычесанного паразита[2] , и вы не успеете оглянуться, как он уже препроводил насекомое себе в рот, звучно щелкнул его на зубах и съел. Иони плачет, когда ему противятся в этом деле.

Иони охотно предоставляет себя для выискивания и явно упивается этой «сибаритской» процедурой: лежит, переваливаясь с боку на бок, подремывая, подставляя то одну, то другую часть тела для обследования, и готов до бесконечности длить это удовольствие.

Как известно, в русских деревнях в дореволюционное время процесс «искания в голове» был одним из любимейших деревенских бабьих развлечений, и кто проходил деревней, в особенности в праздничные дни, мог наблюдать, как на улице на завалинках близ домов десятки баб и девиц занимались взаимным «исканием», делая это часто не столько из-за действительной необходимости, сколько из-за скуки, или из-за удовольствия пребывания в своего рода полусонной «нирване», навеваемой мягкими движениями пальцев обслуживающего партнера, шарящего в волосах головы.

Кожа тыльной стороны рук шимпанзе обычно бывает очень суха и начинает шелушиться, если ее не смажешь, — вот почему нередко приходится натирать эту кожу вазелином и другими смягчающими мазями; это втирание доставляет шимпанзе явное удовольствие, и он сам не прочь бывает иной раз размазать на себе сгустки мази. С неменьшим интересом следит он за обрезанием его задравшихся ногтей.

Но он предпринимает и самостоятельно длительные попытки самообследования.

[2] Звериных вшей, с которыми повидимому он был привезен еще из родных мест.

Шимпанзе долгие часы может проводить за осматриванием своих волос (Табл. B.61, рис. 3), приглядываясь к каждой случайно застрявшей пушинке, соринке и немедленно вынимая их. Иони с большим старанием перебирает шерсть и энергично выискивает насекомых: найдя и преследуя убегающего паразита, он волнуется, учащенно дышит, быстро шлепает губами, как бы соучаствуя этими мелкими хватающими движениями губ в движении ищущих и схватывающих пальцев рук, и когда ему посчастливится преуспеть в этой ловле, он приканчивает паразита на зубах и съедает его.

Таким образом Иони получает тройное удовольствие: развлекается охотой, освобождает свою кожу от зуда, получает приятное вкусовое ощущение.

Неудивительно поэтому, что он отдается самообыскиванию с необычайной энергией.

Целыми часами Иони занимается обкусыванием ногтей на своих руках и ногах, обгрызая и подравнивая ногти на каждом пальце, предаваясь этому делу с необычайной серьезностью и настойчивостью даже вопреки оказываемому противодействию со стороны (Табл. B.20, рис. 2, 5).

Так, однажды шимпанзе принялся обкусывать слегка задравшийся ноготь на большом пальце ноги, — я в течение получаса делала попытки прервать это дело и отвлечь его вниманье к другим занятиям, но он оставался глух и слеп ко всем моим просьбам и зазывательствам, а если я пыталась насильно отрывать его пальцы ото рта, он издавал хриплый, злобный звук, пытался кусаться и с прежним энтузиазмом принимался за прерванное занятие.

Более того — когда он замечал, что я от него не отстаю и продолжаю мешать, он уходил от меня подальше, садясь поворачивался ко мне спиной и опять сосредоточенно продолжал то же дело впредь до его полного завершения.

Это стремление к обгрызанию ногтей я замечала и у многих низших обезьян, содержащихся в зоологических садах, именно только у здоровых обезьян, у которых ногти всегда в порядке и не выступают из-за мякоти пальцев. Наоборот, обращает на себя внимание, что у больных обезьян ногти очень часто бывают сильно отросшими. Повидимому забота о своем внешнем виде и уход за собой присущи только здоровым особям, а больные запускают себя, так как не имеют желания это делать.

Шимпанзе по собственной инициативе почти после каждой сухой еды старательно обчищает промежутки зубов от остатков пищи и, слегка расщелив рот и обнажив зубы, по очереди обследует весь ряд верхних и нижних зубов, пользуясь как зубочисткой ногтями своих указательных пальцев, выковыривая оттуда все посторонние остатки пищи (табл. 20, рис. 6), совершая этот акт с необычайной серьезностью и вниманием.

Что касается моего шимпанзе, то даже самые тонкие непорядки в его внешнем виде замечались им мгновенно, и он всегда стремился привести себя в надлежащий, подобающий «добропорядочному» шимпанзе вид.

Случайно вымазанные им жидкой пищей места на теле тщательно и усиленно им самим вытираются руками и тряпками; каждая капля жидкости, попавшая на шерсть, тотчас же смахивается рукой или снимается и обсушивается губами, слипшиеся в комочки волосы обычно захватываются в рот, обсасываются, разлепляются; все несовершенства под носом (обильные ввиду частых насморков) немедленно замечаются и вытираются тыльной стороной кисти. Этот жест вытирания носа тыльной стороной кисти, как известно, также был весьма распространен и ранее в русских деревнях среди крестьянского населения, обычно обходившегося без носовых платков; но несмотря на то, что при продолжительных насморках шимпанзе я неизменно вытирала ему нос платком, тем не менее сам он в случае надобности только изредка прибегал к этому способу обслуживания, брал в руки близлежащую тряпочку и прикладывал ее к носу; обычно же он применял более простой непосредственный способ вытирания под носом волосатой кистью руки, прекрасно вбирающей влагу. Этот жест вытирания после острых периодов насморка сделался у шимпанзе настолько привычным, что он стал применять его часто и без всякой надобности — в случае если под носом бывало совершенно сухо.

Только в том случае, если руки шимпанзе заняты, а стекающая слизь достигает самого края губы, шимпанзе находит другой способ ее удаления: он высовывает язык и слизывает жидкость, от времени до времени, по мере надобности обсушивая край губы.

К такому же приему, как известно, прибегают и маленькие беспризорные дети, в обиходе которых не введены носовые платки.

Но, при сравнении шимпанзе с этими детьми обращает на себя внимание, его инстинктивно большая чистоплотность. У этих детей вы можете наблюдать хронические невысыхающие две струйки под носом, по-видимому совершенно их не беспокоящие, — шимпанзе даже во время обильных насморков не допускал этого неряшества и всяческими способами обсушал нос.

Но одну нечистоплотную, неэстетичную привычку шимпанзе разделял с детьми, — он имел обыкновение обчищать свои ноздри посредством выковыривания пальцем засохших корочек и с удовольствием предавался этому развлечению; но, характерно, эти вынутые корки он неизменно отправлял в рот и съедал их; как я ни старалась противиться этому, он так и не отстал от этой дурной привычки.

Еще более удивительным для меня является тот факт, что такую же склонность к съеданию засохших корок, вынутых из носа, обнаруживал один 4-летний ребенок из чрезвычайно интеллигентной среды, и воспитателю пришлось долго бороться, прежде чем дитя оставило эту привычку. Это было тем более удивительно, что вообще это дитя было очень брезгливо, неохотно употребляло вымазанную свою же ложку, требовало, чтобы при смене блюд за обедом ему непременно меняли и тарелку, тем не менее в данном случае оно действовало совершенно так же, как шимпанзе.

Если шимпанзе случится вымазать края губ, то он комично вытягивает их раструбом кверху, усиленно, тщательно, хотя и с трудом, осматривает их сведенными в одну точку, к центру скошенными глазами и настойчиво обследует и вытирает указательными пальцами рук (Табл. В.20, рис. 3).

Интересно отметить, что даже вновь появляющиеся на руках у шимпанзе пигментные пятна он немедленно замечает и сам начинает долго и усиленно стирать их пальцами и ногтями, раздирая в этом месте кожу чуть не до болячек.

Более того, даже указанные мнимые несовершенства на его коже вызывают его живейшее внимание (Табл. В.93, рис. 5, 6).

Однажды я, чтобы подшутить над шимпанзе, показала ему пальцем на подошву его ноги, удивленно восклицая: «Иони, посмотри, что здесь!» — и что же! хотя на подошве не было решительно ничего, вызывающего подозрение, тем не менее шимпанзе вытянул мысиком вперед обе губы, как он делает это обычно в случае напряженного внимания, опустил голову, устремив глаза в одну точку, и стал длительно исследовать указательным пальцем это место, хотя было очевидно с первого же взгляда, что это обследование совершенно излишне (Табл. В.93, рис. 5, 6).

Эта необычайная страсть к самообследованию, этот тщательный уход за собой, это исключительное самовнимание шимпанзе к своему внешнему виду, я полагаю, имеет корни в глубоко коренящемся у него инстинкте чистоты — опрятности.

Если шимпанзе на-четвереньках идет по полу и видит мокрое пятно, он старается перешагнуть через лужу; если нет возможности ее обойти, он идя опирается на пальцы ног и при наступании приподнимает пятки кверху.

При ходьбе по двору он старательно обходит всякие нечистоты, а если ему случится невзначай вымазаться, он тщательно вытирает выпачканные места о землю, о траву или подбирает бумажку, тряпку и вытирается посредством их до тех пор, пока не очистится окончательно.

Будучи в клетке, шимпанзе никогда не пачкает на том месте, где сидит, а взбирается для этого на самые возвышенные места, наиболее удаленные от пункта его обычного пребывания.

Мне живо вспоминается один комический случай, связанный с этой склонностью шимпанзе забираться повыше для совершения своих неотложных «больших и малых дел»[3] .

Однажды его маленькая комната была битком набита посторонними: собралась экскурсия дефектологов-студентов во главе с профессором Россолимо. Малыш-шимпанзе был привлечен к демонстрации своих достижений, осуществляемых по методу «выбора на образец», и сидел вне клетки на маленьком столике, окруженный со всех сторон молодежью. Вдруг в разгар экзамена он внезапно поднялся по сетке наверх своей высокой, до потолка доходящей, клетки и по привычке пустил фонтан мочи вниз, обдавая присутствующих целым каскадом жидкости.

[3] Акта дефекации и мочеиспускания.

Я пробовала приучить шимпанзе, находящегося вне клетки, пользоваться для своих надобностей ночным сосудом, сажая на него обезьянчика при начавшемся акте дефекации и мочеиспускания. И он начал было усваивать эту привычку, и после недельного приучения сам пытался в случае надобности садиться на сосуд, но так как большую часть времени он проводил не в комнате, а в клетке и без надзора, то он делал свои отправления там, где хотел, и это мешало укреплению навыка, не привело к выработке практически полезного условного рефлекса.

Но мне доподлинно известны случаи из практики дрессировщиков животных (в частности нашего русского покойного В. Л. Дурова), что вообще шимпанзе легко приучаются пользоваться ночным сосудом и прочно сохраняют эту привычку. И я убеждена, что при большой моей настойчивости и строгости в отношении этого дела и мне удалось бы добиться благоприятных и прочных результатов. В данном случае в отрицательных результатах приучения был повинен не столько воспитанник, сколько воспитатель.

Инстинкт чистоты связан у шимпанзе с сильно выраженным чувством брезгливости, отвращения, проявляющимся особенно рельефно при неприятных обонятельных восприятиях.

Так например, если при вечернем укладывании шимпанзе вы даете ему для постилки одеяло, несколько запачканное его высохшими нечистотами, Иони, беря в руку это одеяло с гадливым выражением искривления верхней губы, подносит его к носу, настороженно принюхивается к нему в разных местах и, если обнаружит зловонное пятно, издает своеобразный злобный, почти собачий лай, с отвращением отшвыривает от себя постилку подальше и не желает брать вторично. С такой же злобой и брезгливостью отбрасывает он случайно вымазанные и дурно пахнущие свои игрушки.

Один раз было так, что я, не ощущая запаха постилок, положила их шимпанзе на его кровать и стала его укладывать на ночь. К моему удивлению, хотя был обычный час его засыпания, он не желал ложиться на кровать; тщетно я пыталась его уложить, — на мои притязания он отвечал криком, ревом и не желал даже сесть на кровать.

Я стала осматривать кровать и близлежащие места, думая найти там какой-либо пугающий Иони предмет, — и, не найдя таковой, опять стала пытаться, теперь уже насильно, класть Иони на кровать; он противился этому всеми силами, вырывался, орал на весь дом и упрямо отбегал прочь от кровати, чуть не кусая меня, когда я пыталась вернуть его на место. Я несколько раз хлопнула его рукой, думая, что это сломит его каприз и он смирится, но он стал реветь еще больше и упорствовал попрежнему.

Я потушила свет, думая, что в комнате есть какой-либо незаметный мне пугающий Иони предмет, и хотела уложить его на кровать в темноте, но Иони все орал и орал, настойчиво отшатываясь от кровати. Совершенно обескураженная этой непонятной сценой, в полном недоумении я стала перебирать его постилки, приблизив их к себе, и только тогда почувствовала исходящий от них слабый неприятный запах высохшей мочи. Ничего не подозревая, исходя только из собственных соображений, я подумала, что надо взять чистые постилки, а эти отдать в стирку, и положила на кровать совершенно чистые тряпки. Каково же было мое изумление, когда шимпанзе, не дожидаясь даже моих приглашений (даже не принюхиваясь специально), сам поспешил забраться на кровать, лег мгновенно на постилки и старательно стал подвертывать их под себя руками, уминая и укладывая их по своему желанию, издавая успокоительный повторный хрюкающий звук.

Из этого факта можно было с полной определенностью установить, насколько у шимпанзе обоняние развито тоньше, чем у человека, и насколько сильно у него чувство брезгливости, отвращения к специфичным дурным запахам.

Я говорю о «специфичной» брезгливости шимпанзе, так как мне не раз приходилось заставать его, когда, скучая взаперти в клетке, от нечего делать он размазывал пальцами свои испражнения, разрисовывая ими белые стены своей клетки.

Инстинкт питания

1. Пища, питье.

Если второстепенные гигиенические процедуры, направленные к поддержанию физического благоденствия шимпанзе, вызывали со стороны последнего такое серьезное и внимательное отношение, то есте-

ственно, что выполнение таких неотложных физиологических потребностей, как еды, питья, сна, оберегается обезьянкой необычайно тщательно, заботливо, неотложно и даже требовательно.

Конечно прежде всего шимпанзе стремится своевременно и немедленно удовлетворить свою органическую потребность.

Если он хочет есть, пить, спать, он прежде всего боится потерять физический контакт со мной, его «noernst», выполняющей хлопотливые и многообразные обязанности ухода за малышом (начиная от утреннего его туалета, кормления, дневного развлечения вплоть до ночного его укладывания); обычно он ходит за мной по пятам, пока я занимаюсь приготовлением его пищи, и ни на секунду не спускает с меня глаз; если мне надо выйти за чем-либо в другие комнаты, он желает сопровождать меня, и если, исходя из внешних соображений[4] , я не могу ему позволить это, он не отпускает меня выйти за дверь, виснет на мне, держит дверь, просовывает руки между косяком и дверью, чтобы мне не удалось закрыть дверь по уходе; он глух ко всем моим уговорам, отчаянно кричит и делает мне ужасающую сцену (аналогичную той, какая описана ранее на стр. 65 [69] — стр. 66 [69]), которая красочно выявляет силу его физиологической потребности и энергию в достижении ее удовлетворения.

Если вы находитесь вне комнаты Иони и промедливаете с его кормлением или укладыванием, он издает повторные, однообразные громовые залпы плача, прерываемые от времени до времени злобным громыханием трапециями и стуком кулаками в стену, плача такого исступленного, такого душу раздирающего, что вы прилагаете все меры к тому, чтобы как можно скорее удовлетворить его желание.

Но как бы Иони ни был голоден, он не набрасывается безрассудочно на первую же попавшуюся еду. Даже хорошо известную, привычную ему пищу он прежде всего обнюхивает, а потом уже препровождает в рот.

Тем более настороженно относится шимпанзе к новой пище: прежде всего он вообще не хочет отведать что-либо новое, а предварительно многократно обнюхивает его и отвергает, так что первую порцию неиспробованной еды ему нередко приходится давать чуть ли не насильно. Этот консерватизм в еде роднил шимпанзе с маленькими детьми и с прежними крестьянами, которые так же подозрительно встречали отведывание всякого нового кушания.

Нам всем хорошо известна старинная поговорка, сложенная по этому поводу: «Was der Bauer nicht kennt, dass isst er nicht». Но наш шимпанзе, даже отведав новую пищу, даже войдя во вкус еды, по мэре процесса съедания еще несколько раз подносит пищу к носу, нюхает ее. И можно определенно сказать, что обоняние в первую очередь руководит выбором его еды и сопровождает съедание пищи.

Например маленькую примесь в еде масла Иони «чует носом» мгновенно; он категорически отвергает такую еду и никакими уговорами и усилиями невозможно заставить его съесть ее.

Из группы употреблявшихся обезьянником продуктов мы должны упомянуть следующие: из естественных продуктов — морковный сок, воду, молоко, все виды ягод, фрукты (яблоки, груши, апельсины, лимоны, бананы, персики, абрикосы, арбузы), овощи (морковь, репу, огурцы, редьку, редиску), орехи, подсолнухи, каштаны и в виде исключения яйца и белое вареное (куриное) мясо.

Из приготовленных кушаний Иони употреблял: кисель, компот, вареный картофель, капусту, щи, борщ, суп, кашу, вареную курицу, конфеты, печенье.

Из группы несъедобных материалов шимпанзе имел чрезвычайное пристрастие к еде извести, штукатурки, мела, графита из карандаша, угля; шимпанзе пользовался всяким случаем, чтобы полизать чернила.

Из самостоятельно находимых и употребляемых шимпанзе в еду естественных произведений природы он охотно ел траву, молодые стебли разных растений, лепестки цветов, почки деревьев, мелкие камешки из песка, глину, находимые в лесу ягоды земляники, паутину мелких насекомых (кроме вышеупомянутых находимых на себе паразитов — вшей — он охотно ел еще мух и пауков).

Конечно в каждой группе съедобных вещей у шимпанзе есть вещи предпочитаемые: так например морковный сок является для него лакомством, принесение которого он взволнованно встречает заливчатым радостным уханьем.

[4] Боязни его простуды при выходе в другие комнаты ввиду резкого колебания в них температуры.

Вы еще не успеете, подойти к нему, как он сам протягивает руку в направлении чашки с соком, не спускает с нее глаз, если вы медлите с подаванием ее — он глух и слеп ко всем зазываниям к игре и разражается плачем, если вам почему-либо приходится отстрочить его угощение.

2. Способ питья.

При употреблении полужидкой, излюбленной пищи — например киселя или жидкого морковного сока, — чтобы растянуть вкусовое удовольствие, Иони прибегает к своеобразной процедуре: он медленно пропускает кисель в рот, процеживая и втягивая его через плотно стиснутые зубы.

Наиболее обычную и охотно употребляемую жидкую пищу шимпанзе составляет молоко.

Шимпанзе выпивает ежедневно в три установленные для него главные[5] сроки пищи (в 9 час. утра, в 2½ часа дня и в 7—8 час. вечера) полтора-два литра молока.

Утром, едва проснувшись, часов в 7½—8 утра он красноречиво начинает давать нам знать о своем пробуждении, о своем голоде, шумит, стучит трапециями, колотит кулаками и разными предметами по стенам клетки, вызывая нас к себе и не успокаиваясь до тех пор, пока ему не приносят еду.

Принесение молока он встречает похрюкиванием и нетерпеливыми движениями, он взбирается ко мне на колени, прижимается ко мне всем телом, жадно припадает к кружке с молоком и выпивает, не отрываясь, сразу около литра молока.

Характерно, он предпочитает всегда пить слегка подогретое молоко (несколько теплее комнатной температуры), а если ему даешь более холодное или более горячее, он отворачивается, отведав первую порцию, или, взяв молоко, начинает переполаскивать жидкость во рту до тех пор, пока она не достигнет нужной температуры, когда он ее и глотает.

В этом пристрастии шимпанзе к молоку, и в особенности к теплому молоку, я усматриваю намек на то, что в естественных условиях жизни в этом своем возрасте Иони наверное питался бы еще молоком матери.

И не случайно вероятно в первое время жизни его у нас стоило мне взять его на руки, как он начинал припадать ртом к голым местам на моем теле (к шее, к рукам) и присасывался губами настолько сильно, что его с трудом можно было оторвать.

Позднее это «устраивание присосок» стало у него условнорефлекторным актом, и всякий раз, как он хотел пить, он подбегал ко мне хватал мою руку и присасывался.

Для меня это было сигналом к подаче ему питья, и я ни разу не обманулась в истолковании этой его безмолвной образной просьбы, так как мое предложение ему питья никогда не было им отвергнуто, хотя в другое время, он настойчиво мог выражать свое нежелание пить характерными жестами: выразительным отворачиванием от вас головы и всего тела и отрицательным покачиванием своей головой.

Но вообще надо сказать, что шимпанзе в течение дня пил очень много, вероятно вследствие относительной сухости нашего климата, вследствие калориферного отопления его комнаты и его чрезвычайной подвижности.

Иони пользуется всяким случаем, чтобы попить воды, даже во время процедуры умывания; он охотно пьет слегка подслащенную воду, нередко по своей инициативе он настойчиво отвертывает кран умывальника, забирает в рот воду и длительно переполаскивает ее во рту.

Обычно я пою его из эмалированной кружки, из блюдца или с ложки, которые держу своей рукой (Табл. B.21, рис. 3). Сам Иони хотя и пытается пользоваться ложкой (например при еде киселя), но делает это так неуклюже, неохотно, что больше разливает еды, чем поглощает. При поении он обычно ласково касается моего лица рукой.

Из кружки и из чашки Иони может пить и самостоятельно, но, характерно, он только в виде исключения держит эту посуду за ручку, а обычно он ухватывает ее за края (сверху и снизу, как показывает Табл. B.21,

[5] Я говорю «главные», так как в промежуточное время он получал раза 2—3 в день добавочный прикорм — в виде фруктов, орехов, ягод, овощей, избираемых смотря по сезону.

рис. 2) или сбоку, располагая пальцы по окружности дна чашки; при этом он сильно горбится и опускает голову так низко, что совсем пригибается к чашке, погружая в нее всю верхнюю губу почти до самого носа.

При таком способе питья конечно чрезвычайно затрудняются наклонение чашки и полное опорожнение посуды, особенно в случае если последняя довольно глубока; вот почему при окончании питья Иони обычно перемещает руку с боков чашки совсем ко дну ее и придерживая своей пятерней это дно, сам несколько выпрямляясь и откидывая назад голову, запрокидывает кружку кверху, теперь уже совершенно надвигая ее на нос и на глаза, покрывая ею все свое лицо (Табл. В.21, рис. 1).

При питье из кружки шимпанзе пользуется и правой и левой рукой, но, характерно, он чаще всего предпочитает опирать руку, держащую посуду, о ногу (Табл. В.21, рис. 1), а если он иногда располагает эту руку на весу, без опоры, он держит посуду менее уверенно, и каждую минуту кажется, что вот-вот она выскользнет у него из руки и упадет.

Только изредка шимпанзе берет чашку пальцами за ручку, но тогда он держит ее не достаточно крепко[6] , чашка ерзает, скользит, и он вынужден прибегнуть к дополнительной поддержке: нередко, подняв ногу кверху до уровня лица, пальцами стопы он подхватывает и придерживает чашку снизу.

Но все же вышеописанные способы питья из глубокой посуды являются для шимпанзе явно искусственными, и если например наливаешь ему питье в более мелкую посуду (в блюдце, в тарелку), он неохотно и неуклюже берет ее в руку (Табл. В.21, рис. 4), а чаще всего он сам пригибается к посуде, припадая телом к земле, опираясь на-четвереньки, согнув локти и колени (Табл. В.21, рис. 5, 6), тогда он зажимает край блюдца между обеими губами и схлебывает жидкость с помощью сильно вытянутой и распластанной по краю посуды верхней губы (Табл. В.21, рис. 5). Если жидкости остается немного, лишь на дне тарелки, и он не может достать ее с краев, он переносит обе сближенные губы в центр посуды — и там уже спивает остатки (Табл. В.21, рис. 6). Таким же образом пьет он иногда и из глубокой посуды, если она наполнена до краев, а когда содержимое убавляется и спивать сверху становится трудно, он берет посудину в руку и, нагибая чашку ко рту, опорожняет ее до конца.

К такому же способу питья с припаданием на-четвереньки прибегает Иони и на воле, при виде естественных водоемов — реки, ручьев, у которых всегда старается попить.

Нередко даже твердую пищу, данную ему на плоской тарелке, Иони не берет руками и не подносит ко рту, а съедает этим первобытным, звериным своеобразным способом, припадая к пище сверху, совершенно игнорируя преимущества своей хватательной руки.

3. Предпочитаемая пища.

Упоминая о предпочитаемой и излюбленной пище шимпанзе, следует подчеркнуть, что из ягод наш шимпанзе особенно предпочитал вишни и виноград.

Из всех перечисленных мной в качестве еды фруктов наш шимпанзе предпочитал бананы и апельсины, из овощей — морковь, из приготовленных блюд — кисель, из искусственных кондитерских продукций — мармеладные конфеты.

При виде вкусной еды, еще не дотрагиваясь до нее, шимпанзе, приветствуя ее появление, испускает радостное, негромкое, глухое уханье, переходящее в начале процесса самой еды в звук, похожий на поверхностное, но протяжное глухое, почти человеческое откашливание, по мере смакования пищи переходящее в частое, отрывистое звонкое кряхтение, напоминающее кряхтение ребенка.

Однажды я поднесла своему обезьянчику коробку с 15 разноцветными мармеладными конфетами, — он так и залился радостным заливчатым хрюканьем и кряхтеньем.

Легко и протяжно кряхтя, он взял первую конфетку из коробки, обнюхал ее и потащил в рот.

Он откусил крохотный кусочек, и видимо конфетка пришлась ему по вкусу, так как его кряхтение стало усиливаться, но он не спешил ее съедать до конца, а, откусив раза два, соблазнился лежащими перед ним другими конфетами; он брал из коробки вторую конфетку, едва отведывал эту, схватывал третью, четвер-

[6] Я предполагаю, что короткость и относительная слабость его большого пальца руки не позволяют ему удержать наполненную чашку в пальцах, крепко и устойчиво.

тую — и так перебрал и перепробовал почти все конфеты в коробке, одни съедая, другие едва закусив, третьи лишь размяв во рту и выплевывая, до некоторых дотронувшись лишь губами и языком, до некоторых лишь коснувшись пальцами. Характерно, каждую новую конфету Иони подносил ко рту и, откусывал, издавая кряхтящий звук[7] , но это не останавливало его от искушения попробовать другие конфеты, — и только после того, как почти все конфеты прошли через более или менее беглый его анализ, он остановился на съедании одной из них и с особенным удовольствием, сопровождаемым кряхтящим звуком, съел ее до конца. Он ежесекундно вынимал эту конфетку изо рта, смотря на нее, и еще и еще раз подносил ко рту, откусывая; конфета таяла у него в руках, распускалась, сок капал на шерсть и растекался по пальцам, он обсасывал по очереди каждый палец, слизывал с шерсти каждую каплю сока. Покончив с одной конфетой, он принимался за вторую, ранее испробованную, и с такими же гурманскими перипетиями съедал от начала до конца и эту и последующую, дотоле забракованные.

Характерно, при съедании бананов шимпанзе торопливо отдирает наружную кожу, выгрызает и поглощает сердцевину, наиболее вкусную часть, а после этого уже берется за кожу и тщательно скоблит ее зубами с внутренней стороны, счищая и поедая на ней все остатки мякоти.

4. Процедура съедания твердой пищи.

Твердую пищу шимпанзе обыкновенно откусывает клыками, гложет передними зубами, пережевывает на коренных зубах.

Насколько сильны его клыки, можно судить по тому, что он без труда разгрызает даже финиковые кости, что даже взрослый человек не в состоянии сделать.

Процедура еды твердой пищи обставлена у шимпанзе тщательными заботами, предосторожностями и совершается с интересом, с вниманием, с большой серьезностью.

Шимпанзе с необычайной энергией и тщательностью производит сам подготовку для еды некоторых плодов, длительно и охотно занимаясь их разгрызанием, расколупыванием, очищением.

Например он превосходно отделяет зубами и пальцами кожу с апельсинов, лимонов[8] , бананов, редиски, репы, редьки, каштанов, и, когда очистит весь плод, начинает его есть. Такие продукты, как яблоки, Иони берет в рот с кожей, но уже во рту во время процесса жевания он старательно пропускает кусок между зубами, соскребывает мясо от кожи и выплевывает последнюю изо рта.

Точно так же он всегда выбрасывает изо рта тонкую кожицу апельсинов, винограда, слив, кости из вишен, яблок и других плодов, которые их содержат.

Иони настойчиво разгрызает морковь, добираясь до ее желтой сердцевины, которую он съедает гораздо охотнее, чем ее периферическую красную часть.

Иногда Иони ест апельсины своеобразным способом: он протыкает пальцем наружную кожу до самой середины, а потом, взяв апельсин в обе руки и припав ртом к пробуравленной дырке, он сжимает апельсин руками и выпивает выжимаемый сок. Иони жмет-жмет апельсин до тех пор, пока совсем не сплющит его и когда уже не удается более получить ни капельки сока.

Нередко Иони берет еду (например яблоки) ногой и ногой же подносит их ко рту; чаще, взяв съедобный продукт ногой, он перекладывает его из ноги в руку и позднее держит в руке; изредка он откусывает плод, держа его ногой и рукой одновременно, еще реже он даже держит съедобный объект обеими ногами, низко сгибаясь при откусывании; наиболее обычный для него способ держания еды — при посредстве рук.

Для процедуры еды шимпанзе характерны следующие особенности: выискивание лучшего путем отведывания и отбирания, съедание в первую очередь наиболее лакомых кусков, перебрасывание в еде, расточительная порча съедобного материала.

Чем больше в распоряжении шимпанзе съестного, тем более небрежно относится он к использованию, тем больше он разбрасывает и портит.

[7] Характеризующий наличие приятных вкусовых ощущений.
[8] Не могу не отметить тот факт, что шимпанзе очень охотно ел сырые лимоны, не выражая ни малейшего неудовольствия при их съедании и совершенно не морщась от кислоты.

Обычно Иони чрезвычайно расточителен в начальном периоде еды, когда закусывает и выплевывает более, чем съедает, когда он ест, торопливо схватывая наилучшие куски и расшвыривая остальные, которые тщательно подбирает и съедает только после того, как уничтожено все лучшее. В конечном периоде еды, когда того же самого материала остается мало, Иони медленно, бережно и аккуратно потребляет его микроскопическими порциями, как бы стараясь продлить себе удовольствие.

Приведу закрепленное с натуры описание процедуры съедания обезьянкой разного рода лакомых для нее продуктов.

Если шимпанзе видит издали, что ему несут вишни, он уже заранее кряхтит, как бы предвосхищая удовольствие от их съедания; по мере того как вы приближаетесь к Иони, это кряхтение становится все более звучным и усиленным и переходит в звонкое прилаивание. Не дожидаясь вашего угощения, обезьянчик сам нетерпеливо вырывает хотя бы несколько ягод из рук, быстро препровождая их в рот.

Если вы предоставляете все вишни полностью в распоряжение шимпанзе, он не берет себе первую же попавшуюся под руку ягоду, а производит систематическое и тщательное выбирание. Он внимательно приглядывается, вылавливает пальцем лучшие (большие и более спелые) ягоды, которые и направляет в рот и съедает, сопровождая весь процесс еды повторным непрерывным кряхтеньем[9] . Даже тогда, когда на взгляд кажется, что остались лишь однородные по виду ягоды, Иони все же почему-то отстраняет пальцем одни и отбирает для еды другие, хотя это разграничение кажется уже излишним, потому что в конце концов он съедает все. И препровождение вишен в рот и их жевание сопровождаются повторным, частым, ежесекундно издаваемым кряхтеньем Иони, при съедании особенно вкусных ягод переходящим даже в глухое гарканье, напоминающее человеческое отхаркивание или вернее краткое глухое откашливание. Шимпанзе ловко отделяет во рту косточки вишен от мякоти и выплевывает косточки изо рта, причем если они случайно попадают в тарелку с целыми вишнями, он тотчас же выбрасывает их пальцами из блюдца.

5. Предпочитаемые условия питания.

Степень удовольствия, получаемого от еды, определяется психическим состоянием животного: оно повышается или понижается в зависимости от получаемых извне привходящих впечатлений.

Во-первых, шимпанзе ест с особенным аппетитом, когда находится в окружении своих друзей, — тогда он смачно и часто кряхтит, время от времени протягивая то к одному, то к другому из них свою руку, касаясь их и тогда кряхтит усиленно звучно.

Обратное: если шимпанзе запирают в клетку и дают ему в качестве компенсации взамен утраченной свободы лакомство (наиболее излюбленные им продукты, — вишни, бананы, конфеты), он долгое время остается совершенно равнодушным к еде, как бы и не замечает ее, а потом, когда начинает есть, не выражает, как обычно, кряхтящими звуками своего вкусового удовольствия и кушает молча.

Наоборот: при выпускании Иони на свободу даже мало привлекательные для него съестные продукты, перед тем им отвергаемые, тотчас же жадно истребляются с причмокиванием, с кряхтением, с самыми красноречивыми выявлениями радости от приятных вкусовых ощущений.

Шимпанзе ест с особенным аппетитом в том случае, если его еда прерывается игрой, когда он, взяв кусок, убегает, съедает его на свободе, играя прибегает опять за получением нового, когда делаешь вид, что его догоняешь, что пытаешься отнять еду.

Иони любит есть и смотреть в окно, длительно наблюдая происходящее вовне на улице пешее и конное движение.

Даже если во время еды Иони сидит у меня на коленях, он не остается совершенно спокойным: то он разбирает складки моего платья, то пристально рассматривает, ощупывает пальцами мое лицо, то тянется ногой к близлежащей мебели, цепляется за нее и тащит ее к себе.

Наблюдение процесса его еды (если перед ним не особенно лакомые вещи или если он не слишком голоден) позволяет усмотреть, что процедура самой еды для него скучна и он всяческими способами старается ее

[9] Аналогичное кряхтение мне приходилось слышать в Зоопарке при наблюдении обезьяны геллады, которая точно так же непрерывно кряхтела, когда получала и съедала виноград и другие фрукты.

разнообразить и оживить. В этом отношении он чрезвычайно сильно напоминает сверстников ему детей, которые, как известно, относятся к еде как к неприятной повинности, весьма неохотно отрываются от своих игр для еды и только после продолжительной и настойчиво проведенной тренировки приучаются сидеть за столом, но и тогда еще измышляют всевозможные способы, чтобы как-нибудь поразвлечься.

Всем известно, как деревенские ребята целыми днями едят находу, запасаясь громадными кусками хлеба или другого съедобного материала и изничтожая его при бегании на улице, в игре.

Шимпанзе с особенным удовольствием съедает самостоятельно неожиданно найденную им пищу или пищу, приобретенную исподтишка, добытую его специальными ухищрениями.

6. Самостоятельное добывание пищи.

На свободе — на лоне природы, в лесу, в поле — Иони предпринимает энергичные попытки обследования и отыскивания различного пригодного ему съедобного материала — как например молодых стеблей растений, почек деревьев, лепестков цветов, торопливо срывая и поедая их находу.

Он с большим воодушевлением и старанием собирает в лесу и жадно кушает ягоды земляники.

В условиях неволи Иони не раз потихоньку от меня забирался в буфет, в шкаф со съестными припасами и поедал там разные продукты (как сахар, сухой компот, конфеты, печенье).

Иони предпринимает настойчивые попытки обгрызания известковой штукатурки в его комнате, влезая для этого к самому потолку, часами вися на руках и на ногах на отвесной стене и обгрызая выступающий известковый карниз — «плятек». Иони пользуется всяким случаем, чтобы полакомиться известкой, и так как обычно ему запрещают это отколупывание извести и даже наказывают его за это, он прибегает к хитрости. В нашем присутствии он не пытается обгрызать стену, но стоит только всем нам отлучиться из его комнаты, он с разными ухищрениями отмыкает засов своей клетки и немедленно взбирается наверх, где и начинает свое разрушительное дело впредь до нашего появления.

Едва кто-либо приближается к его комнате и он заслышит издали шаги, он мгновенно тихонько спускается вниз и спокойно садится как ни в чем не бывало, совершенно не подозревая, что его пережевывание извести и запачканный штукатуркой белый нос, которым он плотно прислонялся к стене при отгрызании, выдают его похождение наверх [10] .

До какой степени Иони любит известь, можно привести на справку следующий факт. Если он забирал в рот кусочек извести, никакими просьбами и силами невозможно было заставить его отдать назад даже маленький кусочек, хотя другие продукты из группы несъедобных и съедобных он охотно вываливал изо рта и отдавал по первому же требованию.

Как уже было упомянуто, шимпанзе обычно с особенным удовольствием поедал потихоньку утащенные или случайно найденные им съестные продукты; нечего и говорить, что он с необычайной жадностью поглощал пойманных им насекомых — мух, пауков или находимых на себе паразитов (вшей).

Охотничий инстинкт.

Нередко можно было видеть, как шимпанзе с воодушевлением гоняется по комнате, взбираясь на диваны и кресла, преследуя мух, ловя их то руками, то прямо вытянутыми губами и немедленно съедая.

---

[10] Необычайное пристрастие шимпанзе к еде извести легко объяснимо его органической потребностью к обеспечению себя необходимейшим материалом для построения его растущих костей. Не надо забывать, что наш шимпанзе был еще младенцем 2—4-летнего возраста, переживал период, предшествовавший смене молочных зубов на постоянные, — вот почему так неудержимо было его стремление к отколупыванию и поеданию извести. Напрасно я старалась заменить известь известковой водой, мелом, — он употреблял последние только весьма неохотно.

Впоследствии (после смерти шимпанзе), патологоанатомическое вскрытие обнаружило у него частичные явления рахита (в виде рахитичных бляшек на ребрах), вызванного недохватом материала для построения костей и объяснило это необычайное пристрастие малыша к еде извести.

С запозданием приходилось грустно жалеть о наших ригористических запрещениях и угрозах зверьку, инстинктивно искавшему нужную ему, недостающую в пищевом режиме пищу — запрещениях, оправдываемых только нашим опасением кишечного расстройства у зверька (в форме запоров, обычно вызываемых поеданием неудобоваримой извести).

Шимпанзе с напряженным вниманием обыскивает свою шерсть и ловит паразитов, судорожно схватывает пальцами, настигая их, а поймав, переправляет в рот, смачно щелкая на зубах.

Не раз я пробовала отучить его от этой неэстетичной привычки поедания вшей и пыталась вырвать у него пойманное насекомое, но он разражался при этом горьким плачем, который явно свидетельствовал о том, какого большого удовольствия лишала я зверька этим своим запрещением.

Вероятно в силу инстинктивной брезгливости[11] по отношению к некоторым насекомым шимпанзе никогда не пытался есть тараканов и ограничивался только их ловлей и уничтожением.

Инстинкт собственности

Сохранение собственности.

В отношении использования имеющихся у шимпанзе съестных продуктов он обнаруживает ярко выраженный собственнический инстинкт.

Если, дав шимпанзе какое-либо лакомство (например апельсин), во время процедуры его еды я прошу его жестом и словом поделиться со мной, он либо начинает торопиться скорее съесть все до конца, либо поворачивается ко мне спиной на все время еды, либо ест, закрываясь рукой, а когда я пытаюсь заглядывать на то, что и как он ест, он прячет от меня за свой бок съестное, пытаясь его скрыть.

Тем более конечно недоволен и злобится Иони, если сам оказывается в положении обойденного куском: например вместо того, чтобы оделить лакомством самого обезьянчика, я нарочно даю это лакомство кому-либо другому, постороннему; после момента молчаливого недоумения, видя, что кусок «проплыл мимо него», Иони немедленно намахивается на счастливого соперника и, злобясь, пытается отнимать лакомство.

Шимпанзе не любит, чтобы во время его питания даже свои люди протягивали руку не только к его еде, но и к посуде, с которой он ест, так как повидимому он усматривает в этом покушение на его собственность.

Каждого смельчака, протянувшего к нему не во-время руку, Иони резко схватывает за руку, а если это чужой, то он пытается даже укусить его.

И этот собственнический инстинкт появляется у шимпанзе не только по отношению к еде, но и ко всем предметам, которые находятся всего чаще в окружающем его обиходе, к которым он привык и которые имеет основание считать «своими».

При этом Иони обнаруживает большую агрессивность к претендентам, покушающимся на эту его собственность, и эта агрессивность выявляется тем больше, чем менее близко и знакомо ему лицо, являющееся «правонарушителем».

Так, в первый же день привоза к нам Иони, едва я хотела унести из комнаты ящик, в котором его привезли, он тотчас же укусил меня. Посягновение даже близких к нему лиц на его постилки, требующиеся для ежедневного освежения и выветривания, долгое время вызывало злобные протесты и неистовое ответное оспаривание, со стороны шимпанзе. Он оказывался совершенно глух, туп и бесчувственен ко всем просьбам, уговорам, крикам и даже к телесному наказанию его и ни за что не хотел отдавать свои тряпки. Он схватывал их, стараясь держать как можно крепче и подбирая их к себе, он не выпускал их из рук даже тогда, когда их тянули вместе с ним, зацеплялся не только руками, но и зубами, наваливался всем телом, если они выскальзывали. В это время шимпанзе имел совершенно необычный, как бы невменяемый вид: его глаза тускнели и становились бессмысленными, рот все время был открыт, зубы обнажены, все тело, руки и ноги находились в беспрерывном движении, то судорожно отталкивали нападающего на его имущество, то, извиваясь, цепко ухватывались за вещь и притягивали, удерживали оспариваемое. Непрерывное хриплое придыхание сопровождало всю эту возню. Сцена заканчивалась обычно двумя различными финалами: либо человек был вынужден отказаться от своих притязаний и предоставлял вещь в полное обладание шимпанзе, который окончательно забирал ее с собой в дальнее место клетки и там усаживался

[11] Такое же брезгливое чувство повидимому вызывает у Иони и запах вареной птицы (например курицы), только после усиленного принюхивания Иони решается отведать курицу, а отведав ест неохотно и от времени до времени опять принюхивается к поедаемому куску.

на нее; либо, наоборот, удачным маневром человек вырывал вещь, всегда рискуя при этом вместе с ней заполучить в свои объятия разъяренного зверька, который в эту минуту готов был искусать даже самого близкого своего покровителя. Эта ежедневная борьба за имущество шимпанзе была несколько сглажена лишь тогда, когда был введен прием обмена старых постилок на новые, приняв которые с радостным уханьем, шимпанзе беспрепятственно отдавал старые. Однажды Иони затащил к себе в клетку чужой халат, и когда обладатель этого халата задумал отнять присвоенную обезьянником вещь, шимпанзе так злобно набросился на прежнего владельца, так разъяренно раскрыл рот и гаркнул на него с таким резким, отрывистым уханьем, что пришлось отступиться от своих прав.

Более того, шимпанзе ревностно охраняет от присвоения чужих лиц даже свои вещи менее утилитарные, как например учебные принадлежности.

В связи с этим мне живо вспоминается один случай, происшедший на демонстрационном сеансе в присутствии нескольких экспертов-профессоров при моих занятиях с Иони по методу «выбора на образец».

Случайно, при торопливом подавании экспериментатору избираемого объекта, Иони уронил предмет на пол, — один из почтенных по возрасту и по научному рангу профессоров из любезности к экспериментатору поспешил нагнуться, чтобы поднять этот предмет, но едва он взял в руки упавшую вещь, как получил неожиданную благодарность со стороны ученика в форме такой увесистой затрещины по голове, что сразу понял, как превратно был интерпретирован его джентльменский поступок со стороны испытуемого и как надо поспешить возвратить вещь по назначению, чтобы немедленно снять с себя подозрение в присвоении чужой собственности. И ученый коллега отделался еще сравнительно легко, так как в другое время имели место случаи, когда одно прикосновение чужого человека к какой-либо вещи, бывшей в обиходе обезьянника, вызывало со стороны последнего такое яростное нападение, которое оставляло длительные и осязательные следы.

Тем более конечно неистовствует шимпанзе при определенном отнимании у него какого-либо предмета, даже мало ему интересного, — уже один факт лишения «своего имущества» приводит его в ярость. Иони начинает оспаривать эту вещь у противника с напряжением всех своих сил, не щадя ни себя, ни своего конкурента (как бы он ни был ему близок) и добиваясь обладания ее так страстно, как если бы дело шло о предмете, связанном с его самыми очередными органическими потребностями или с самыми излюбленными его развлечениями.

Стоит дать шимпанзе на одно мгновение самый обычный предмет, который им дотоле совершенно игнорировался, а потом сделать вид, что берешь от него назад этот предмет, обезьянник приходит прямо в озверение. Пуская в дело и руки, и ноги и зубы, заходясь хриплым звуком, схватываясь за оспариваемый предмет руками, Иони отнимает его, отталкивая противника и грудью и ногами, вцепляясь в него зубами и при малейшем намеке на ускользание объекта извиваясь всем телом, желая его отстоять. Не преуспевая в этом, шимпанзе впадает прямо в озверение и яростно набрасывается на соперника как на самого злейшего врага и кусает его. Тем интереснее последующий момент: стоит отдать обезьяннику вожделенный, столь страстно оспариваемый им объект, и он тотчас же успокаивается, но, заполучив вещь, он обнаруживает к ней так же мало интереса, как дотоле, — он откладывает ее в сторону, совершенно не замечает и длительно забывает об ее существовании, до тех пор пока опять не встанет опасность ее утраты, когда он снова и снова горит желанием отстоять эту вещь во что бы то ни стало и всеми имеющимися в своем распоряжении средствами.

Это страстное оспаривание своей собственности распространяется у шимпанзе не только на неодушевленные предметы, но даже и на людей, причем в отношении последних оно принимает как бы форму ревности (подробнее см. ниже в отделе «Социальные чувства шимпанзе», стр. 145 [121]).

Накопление собственности.

Шимпанзе не только ревностно оберегает свою собственность, но он предпринимает и самостоятельные попытки ее приобретения. Если он гуляет на воле, на свободе то он собирает на земле такие предметы, как железки, камни, кладет их в рот и приносит домой, чрезвычайно напоминая этой манерой детей, которые обнаруживают исключительное пристрастие к собиранию во дворе всякого бросового материала.

Шимпанзе готов присвоить каждую показанную вещь, хотя по получении не всегда ее использовывает; он плачет и нередко кусается если, показав ему что-либо новое, отказываются предоставить эту вещь в его полное обладание. Однажды я дала посмотреть шимпанзе простую коробку, в которой был насыпан

порошок, глухо гремящий при встряхивании (Табл. В.32, рис. 1—2). Иони обнаружил необычайный интерес к этому предмету: он пригнулся всем телом к коробочке, вытянул вперед губы, вперил в нее глаза и смотрел длительно, не отрываясь. Когда я из боязни, что он откроет коробку и наестся порошка, стала брать назад коробку, он потянулся к ней рукой и разразился сильнейшим плачем (Табл. В.32, рис. 4), а когда, оказывая ему противодействие, я начала вырывать от него коробку, он стал даже злобно кусать мои руки (Табл. В.32, рис. 3).

Предпочитание.

Нередко я давала Иони в качестве развлечения разбирать мешки с собранными в них вперемежку пестрыми лоскутами, цветными тряпками, ленточками, шнурками. Эти разбирания были одним из самых любимых развлечений шимпанзе, и он длительно, часами мог сидеть, сосредоточенно вытягивая из общей груды те или другие лоскутки, разглядывая их, навешивая себе на шею особенно понравившиеся ему — *яркие, блестящие, длинные*. Эти последние он ни за что не хотел отдавать назад и не позволял прятать в общую груду после разборки, а уносил к себе в угол на постилки и клал там, горячо отстаивая их от всяческих посягновений. И каждое такое разбирание заканчивалось присвоением обезьянником хотя бы нескольких вещей.

Шимпанзе неохотно отдавал мне даже особенно нравящиеся ему объекты из его учебы, например цветные костяные пластинки, по преимуществу *голубого и синего* цвета. Всякий раз, как Иони получал пластинки в свое полное свободное пользование, он отбирал наичаще излюбленные синие кружочки, прятал их в наиболее надежное место (в свой рот) и длительно играл и бегал с ними, ничем не выдавая этой утайки, которая обнаруживалась мной только при уборке пластинок, после их пересчитывания.

Несмотря на мои просьбы шимпанзе длительно не хотел их отдавать, пытался кусаться, если я залезала ему в рот, чтобы их извлечь, а если иногда, вняв моим настойчивым длительным уговорам, наконец, он высвобождал их изо рта, отдавал мне, — то, увы, не все, а частично, оставляя для себя хотя бы одну-другую пластинку. Я опять и опять, пересчитывала пластинки и, не досчитываясь их, опять обследовала его рот, открывая и заглядывая внутрь, но зачастую ничего не находила. Увы... Иони нередко умел меня перехитрить и запрятывал похищенное так искусно под язык и в глубине между деснами и щеками, что я могла обнаружить припрятанное только после самого тщательного осмотра всей полости рта, на что впрочем он далеко не всегда соглашался.

Нередко, взяв недозволенные объекты из его учебных принадлежностей, Иони уносил их подальше с моих глаз, забирался в темные-углы комнаты, чтобы тихонько безбоязненно заняться ими там на просторе и не быть скоро захваченным с поличным.

Я замечала, что шимпанзенку доставляет особенное удовольствие: тайное утаскивание запрещенных вещей.

Как уже было упомянуто, он с особенным воодушевлением съедает украденные им продукты. Нередко впрочем я наблюдала, как шимпанзе привлекает не столько самая вещь, сколько процесс ее похищения: однажды я застала Иони в тот момент, когда он, воспользовавшись моим выходом из комнаты, выкрал из ящика стола яблоко, хотя, взяв, не ел его; он с необычайным азартом вытаскивал из ящика стола: запрещенные для него вещи (шашки) и, взяв, убегал с ними подальше, чтобы не попасться.

Правда, что эти покражи всегда сходили ему с рук и оставались, безнаказанными, тем не менее факт нарочитого, тайного похищения запрещенных вещей приходится справедливо инкриминировать всему «шимпанзиному роду».

У Иони есть даже предпочитаемые по форме объемные предметы, именно шарики, и он также пользуется всяким случаем, чтобы присвоить их в свой обиход, и нередко можно видеть, как он самовольно, исподтишка, убегая из своей комнаты в другие, захватывает с собой именно эту излюбленную фигурку, которой может забавляться самым разнообразным способом.

Инстинкт гнездостроения

Разбирая груды собранных мелких предметов — как например тряпочек, бумажек, — шимпанзе иногда использовывает их другим образом: садясь на пол и, суетливо деловито растягивая их вокруг себя, он об-

кладывает ими себя со всех сторон, сам помещаясь в центре, в середине этого окружения, являющегося как бы подобием гнезда.

Иногда он берет бумажки, разрывает их мелко-мелко и подкладывает их под себя в виде мягкой постилки, а потом и сам начинает поваливаться на них, улегшись на спину, задрав кверху ноги (Табл. 3.1, рис. 1).

Иони охотнее забирается в еще более глубокое замкнутое пространство — пустой ящик, картонку, корзину, вокруг которых опять-таки располагает всякие имеющиеся под рукой лоскуты, тряпочные постилки, огораживаясь им со всех сторон.

Иногда Иони расстилает на полу свое одеяло, садится в центре его, а по сторонам от него, как бы в виде ограды, размещает груды мелких деревянных чурочек.

Как уже было отмечено, шимпанзе ни за что не останется спать на ночь и не отпустит от себя человека, не получив постилки, которую он деловито расстилает, подвертывает под себя и на которой домовито устраивается на ночлег, причем сам делает подобие изголовья, подбивая руками ткань в одно место и ложась как раз туда головой.

Но у шимпанзе нет тенденции к топографической локализации своего гнездовья, он располагает его где придется и переносит его с места на место, нередко применяясь к внешним условиям, использовывая уже готовые ситуации.

В обычное время в углу его клетки стоит невысокий деревянный помост, подобие кровати, где и лежат его постилки и на котором его и укладывают на ночь.

Но если шимпанзе чем-либо огорчен, он переносит эти постилки на пол, в самый темный и удаленный угол клетки, где он и устраивается на ночлег совершенно подавленный, как бы стараясь спрятаться и быть как можно незаметнее.

Во время наступивших холодов шимпанзе самостоятельно повторно переносит свою постель-гнездо на самое возвышенное место в комнате — высоко подвешенную полку на потолке своей клетки.

Однажды Иони сам сконструировал как бы род гнездовья. Интересно было наблюдать, как он пытался это сделать.

Боязливо смотря на меня, он схватывает, срывая с гвоздя, длинную полотняную занавеску и, зацепившись за нее рукой, старается втащить ее по сетке наверх клетки.

Цепляясь за сетку одной рукой и ногами, держа длиннейшее 3-метровое полотно в другой руке, Иони взбирается все выше и выше на клетку; по мере продвижения кверху, удерживаясь только руками и подхватывая полотно по частям, зажимая его между ногами, Иони постепенно подтягивает его на потолок; полотно зацепляется по дороге за доски, за гвозди клетки, с трудом шимпанзе высвобождает материю и втаскивает на потолок, где располагает ее по сетке широким полукругом. Сам он садится в центре этого полукруга на голой металлической сетке, создав видимость замкнутого убежища.

Если шимпанзе захочет поваляться, полежать, он нарушает свое ограждение и бесцеремонно растягивает материю в длину и в ширину, подвертывает под себя и располагается поудобнее на спине или на брюшке и может лежать так целыми часами.

Интересно отметить, что если шимпанзе ложится спать в незамкнутом пространстве и высоко от пола, он предпринимает некоторые предосторожности во избежание падения. Однажды я уложила его на ночь на обыкновенной железной кровати на ножках, и что же: он всю ночь проспал, держась одной рукой за прутья спинки кровати, и всякий раз как я разжимала, отводила его руку, проснувшись, он опять судорожно схватывался за поддержку.

Перенесясь на ночлег высоко на верх своей клетки, где он мог лежать на совершенно горизонтальной и широкой поверхности, тем не менее засыпая, из осторожности, боясь скатиться вниз, он неизменно, ухватывался рукой за крепкий свисающий с потолка комнаты ремень, который не выпускал из руки даже во время сна.

Половой инстинкт

Забравшись в так называемое гнездо, устелив его внутри мягкими постилками, Иони зачастую начинает валяться там на спине или на брюшке; при этом он нередко обхватывает всей четверней большой полумягкий футбольный мяч и мнет его в руках и перекатывается с ним с боку на бок, выпускает из рук и опять схватывает и прижимает к себе.

Бывает, что во время этих манипуляций мяч оказывается под ним, соскальзывает к паху и, тогда налегая на него penis'ом, Иони возбуждается и воспроизводит подобие коитальных движений.

При этом он учащает свое дыхание, его глаза несколько тускнеют — полузакрываются и становятся бессмысленными (как при усиленной щекотке), и наблюдается явственное «errectio penis».

Позднее я не раз замечала, как Иони, устраивая на. полу игру с тем же мячом, пускал по полу мяч, гнался за ним, а настигнув наваливался на него сверху всей тяжестью тела, обхватывал мяч руками, чтобы он не выскользнул, а сам, приникая к нему напряженным penis'ом, откидывался и прижимался, злобно сопротивляясь и не отдавая мяч, когда я пыталась отнять его у Иони.

Аналогичные тенденции к проявлению полового инстинкта, сопровождаемому придыхательными звуками и своеобразной мимикой губ[12] , выражающейся в выпячивании и подстилании нижней губы под сгорбленную верхнюю губу, я обнаруживала у Иони порой и по отношению к его ночному сосуду.

В другое время эмоция общей возбудимости и всякое сильное волнение, радостное, печальное и особенно злобное, неминуемо вызывали у Иони «errectio penis» (см. текст и сноску в отделе «Радость», стр. 58 [63], а также Табл. B.4, рис. 4; Табл. B.9, рис. 1—6; Табл. B.16, рис. 2, 4, 5).

Если например пытаешься оставить Иони в клетке и уходишь от него, то он протестует; если даешь ему в качестве утешения постилку, он, совершенно не удовлетворяясь таким замещением, начинает яростно грызть тряпку, а потом, резко бросив ее от себя, сам припадает к ней всем телом, обнаруживая явственные признаки полового возбуждения, чтобы не сказать полового насилия над неодушевленным предметом, возбудившим его злобные чувства.

Нередко бывает так, что уходишь из комнаты Иони, оставляя его в клетке. Повиснув на сетке, Иони разражается резким оглушительным злобным плачем, при этом его penis максимально напрягается, и Иони старается воспроизводить им внедряющие движения в петли сетки.

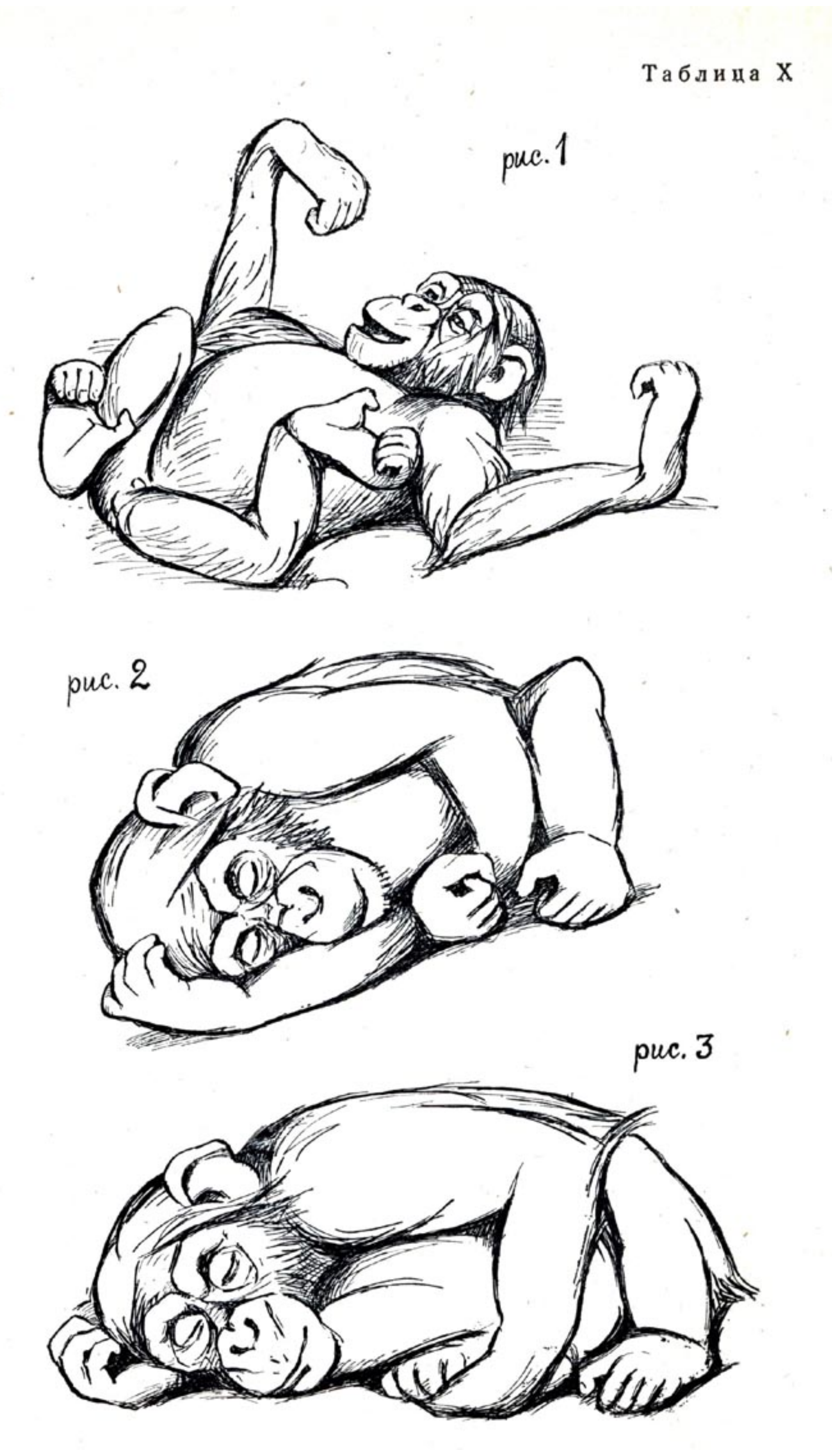
Иногда в случаях аффективных состояний Иони я замечала, как шимпанзе, не имея поблизости предметов, к которым он мог бы припасть своим напряженным penis'ом, схватывает его пальцами своих ног и воспроизводит им трение.

На приводимых фотографиях (Табл. B.17, рис. 1, 3; Табл. B.18, рис. 1,2; Табл. B.27, рис. 3, 4) мы не раз можем проследить у Иони «errectio penis», связанное с возбужденным психическим состоянием зверька — состоянием, не имеющим никакого прямого отношения к собственно половым проявлениям.

[12] К сожалению незакрепленной в фотографии.

Сон шимпанзе

Таблица 3.1. Лежачие позы бодрствующего и спящего шимпанзе



Лежачие позы бодрствующего и спящего шимпанзе

Рис. 1. Валяющийся, играющий шимпанзе.
Рис. 2, 3. Спящий шимпанзе.

Шимпанзе всего охотнее спит под прикрытием, под надежной опекой своего покровителя — человека (Табл. В.1, рис. 1). Часам к 8—9 вечера, когда он притомится, он притихает, и тогда ни на шаг не отходит от

меня — его «noernst», не спускает с меня глаз, старается забраться ко мне на колени, прижимается ко мне всем телом и сидит учащенно, тихонько посвистывая, попискивая.

Я наблюдаю его засыпание.

Ежеминутно медленно раскрывается его громадный рот и обнажает его объемистую широчайшую пасть до самого зева, раздается протяжный звук сладкого, сонного заразительного зевка. С каждой секундой глаза шимпанзе становятся все туманнее, уже и бессмысленнее. Он все еще пытается смотреть, но глаза закатываются кверху так сильно, что кажется уже ничего не видят. Сопротивляясь неодолимой силе, шимпанзе начинает часто-часто моргать глазами, но сон все надвигается, стягивает его веки, его глаза закрываются, хотя руки еще делают слабые движения, перебирают, подтягивают, обводят близлежащие предметы. Малейший шорох — и мгновенно веки шимпанзе широко, испуганно раскрываются, тусклый взгляд окидывает окружающее, но в следующий момент властный сон как бы сразу накладывает на его глаза свою тяжелую печать, его брови сдвигаются вниз, переносица сморщивается и веки смыкаются так крепко, что становятся видимы только кончики верхушек его темных ресниц; шимпанзе окончательно засыпает с напряженным неспокойным выражением лица; с течением времени эта напряженность ослабляется, но не исчезает вполне, и сон шимпанзе нервен, чуток: нередко он вздрагивает во сне всем телом, нередко он подергивает то рукой, то ногой, то головой.

Позы спящего шимпанзе чрезвычайно человекообразны (Табл. 3.1, рис. 2, 3); обычно он спит на боку, стараясь отвернуться от света, съежившись в комочек, притягивая и прижимая к туловищу все четыре конечности.

Руки служат ему подушкой, и он уютно располагает на них голову, чаще всего кладя ее на руку той стороны тела, на боку которой лежит, опираясь о ладонь или внутреннюю часть предплечья то виском, то всей боковой частью лица (Табл. 3.1, рис. 2, 3).

Рука, не участвующая в изголовьи, нередко охватывает приближенные чуть не к самому подбородку ноги, сцепляет, скрепляет их расхождение от туловища и как бы обеспечивает животному его компактное положение, наиболее выгодное для целей согревания.

Замечается, что эта поза у шимпанзе меняется в зависимости от температуры его помещения: при большом охлаждении комнаты шимпанзе либо ложится на живот, подобрав под себя руки и ноги и уткнувшись вниз лицом, либо, если лежит на спине, оплетает себя руками и ногами, скрещивает на груди руки, подтягивает кверху и прижимает к брюшку ноги, совершенно укрывая ими туловище; наоборот, летом в жару шимпанзе спит на спине, разметав конечности в стороны, раскинув ноги вверх или в бока под прямым углом к телу, порой ухватив кистями ступни и так держа их во время сна.

Иногда случалось дать шимпанзе в качестве постилки сено, — мне не раз приходилось замечать, как он пытался сам устроить не только подобие ложа, но и изголовья, сбивая рассыпавшиеся стебли в одно и то же место до тех пор, пока они не образовывали явственного возвышения — род подушки, на которую он опирал свою голову при лежании.

Как уже было упомянуто, шимпанзе предпочитает укладываться на мягкой постилке, которую он утилизирует как матрац в случае холода и озябания, но он стремится устроить себе и подобие одеяла.

Он пользуется для этого первой подвернувшейся под руку тряпкой и укрывает ею ноги, изредка натягивая ее до половины туловища; в условиях нашего содержания (где температура не спускалась ниже 17—15° R), я никогда не замечала, чтобы ночью и во время сна шимпанзе укрывался до головы и тем более, чтобы он покрывался с головой.

Я скажу даже более: если, исходя из добрых побуждений, из боязни, что малыш ночью озябнет, я сама укрывала всего шимпанзе одеялом вплоть до головы, он стаскивал покров с верхней части своего тела, оставляя его лишь на ногах, заботливо уминая его в промежутке между ног.

Нередко я слышала, как спящий шимпанзе издает храп, похожий на храп человека.

Свободолюбие и борьба за свободу

Иногда видишь, как шимпанзе даже ежится от холода и тем не менее не позволяет себя основательно укрыть. Я не сразу поняла смысл этого отвергания и только после анализа ряда аналогичных случаев при-

шла к заключению, что мы имеем здесь дело с ярко выраженным инстинктом самосохранения шимпанзе, не допускающим и малейшего ограничения его свободы действий. Действительно шимпанзе протестует самым категорическим образом против всякого стеснения своих движений, не терпит намека на свою связанность.

Как уже было упомянуто, в случае надобности он ни за что не дается даже обвязать ему хотя бы один палец и тем более наложить на туловище бинтовые компрессные повязки.

В случае холода он не допускает даже простого надевания на себя какой-либо одежды (в виде мягкой шерстяной фуфайки), а если удается напялить на него что-либо насильно, он при первой же возможности ожесточенно сбрасывает с себя одеяние, стаскивая руками, раздирая зубами до тех пор, пока не освободится от него окончательно.

Однажды мне совершенно необходимо было завернуть Иони в плед при перевезении его в автомобиле и по железной дороге.

Пока он сидел у меня на коленях в закрытом авто, он не протестовал, но только я с ним на руках вошла на вокзал и обезьянник увидел себя в толпе чужих и незнакомых людей, он немедленно стал яростно метаться, выбиваться из-под пледа, стараясь вылезти, кусал меня и успокоился только тогда, когда я освободила ему руки и оставила закрытыми одни ноги.

Если в шутку пытаться удерживать шимпанзе на месте за руку, за ногу, за пальцы, он прямо неистовствует: стремительно отмахиваясь, отбиваясь свободными от зажима конечностями, он резко вырывается от вас, рискуя вывихнуть свои руки и пальцы, изворачиваясь всем телом, мечется из стороны в сторону, ерзает на месте, пытаясь от вас выскользнуть и получить утраченную свободу, а когда это не сразу удается, он цепляется за вашу одежду, угрожает раскрытой пастью, а потом схватывает вас зубами за удерживающую его руку, насаживает ее на самый клык, пытаясь укусить, и усиливает нажим укуса в зависимости от силы и длительности вашего сопротивления.

Если вы все еще упорствуете и не отпускаете его, он прямо-таки звереет; вертясь на месте, он заходится таким хриплым звуком, что почти задыхается, полузакрывает глаза и, обводя вас тусклым бессмысленным взглядом, намахивается на вас своей зияющей пастью, готовый вцепиться во что попало, готовый разорвать вас на куски.

Едва вы выпускаете и высвобождаете его, как он мгновенно успокаивается и самым милым добродушным образом начинает с вами играть и возиться, как ни в чем не бывало.

Все вышеприведенные случаи свободолюбивых тенденций шимпанзе определенно вскрывают нам, что они берут свое начало в инстинкте самосохранения животного.

Ведь всякий прием ограничения свободы действий шимпанзе, особенно движений наиболее деятельных его защитников — рук, — тотчас же лишает животного уверенности в силе его обороноспособности, и он стремится как можно скорее и всеми имеющимися в распоряжении средствами выйти из этого опасного для его благополучия положения бессилья.

Неудивительно, что в случае на вокзале, в кругу чужих людей, укрывание рук шимпанзе вызвало бурную реакцию сопротивления последнего, в то время как в кругу своих близких он еще мог терпеть то же укрывание.

Но сангвиничная натура шимпанзе, оторванного от приволья и простора безграничных, мощных девственных, влажных, теплых африканских лесов, плененного в холодной стране, в каменном мешке многоэтажного дома, в маленькой комнате и даже в тесной клетке, непрестанно жаждет не только свободы своих действий, но и свободы передвижения.

И он пользуется всяким случаем, чтобы расширить сферу своей деятельности.

Если Иони замкнут в клетку, все его помыслы сосредоточены на том, чтобы выбраться наружу в комнату; если он в его маленькой комнате, он ждет не дождется выхода в коридор, в смежные помещения.

Летом в деревне выпущенный в квартиру Иони уже не довольствуется пребыванием в доме, а убегает на террасу. Получив свободу, с террасы он забирается на крышу дома, лазает по ней, оттуда переносится по заборам на соседние строения, взбираясь на самые их верхушки (Табл. B.52, рис. 1).

Для шимпанзе нет большего удовольствия, как сопровождать нас на прогулках в поля, в леса, хотя там он держится близ нас, не решаясь предпринимать самостоятельные рекогносцировки, повидимому из опасения встреч с животными — лошадьми, коровами, которых он чрезвычайно боится.

Надо видеть и пережить хлопотливую и тягостную процедуру засаживания обезьянчика в клетку, чтобы понять и почувствовать, как тяжело ему это «предварительное» заключение и как он ухитряется его избегать.

Ему открываешь дверь клетки, вводишь его внутрь нее, а он не идет, упирается, плачет, кричит, цепляется за одежду, за косяк дверцы, за сетки и не желает входить.

Вы его протолкнули и закрыли дверь, а он разражается оглушительным ревом, который смолкает только постепенно, с течением времени.

Если клетка заперта на щеколду, едва вы отвернулись и ушли, как он просовывает через сетку свой указательный палец, нажимает на ближайший к нему конец щеколды, мгновенно открывает засов и торжествующе выбирается вон. Во избежание отмыкания засова я стала завязывать его еще и веревкой. Но шимпанзе стал пытаться через сетку доставать пальцами до шнурка, притягивал его к себе, обрывал с засова и вслед затем мог опять открывать последний прежним приемом нажимания.

Вместо шнурка я употребила палочку, которую вставила в кольца щеколды, но шимпанзе нашел способ высвобождения пальцем и этой палочки и снова получал доступ к свободе.

Я прибегла к последнему, казалось наиболее надежному, средству и стала замыкать щеколду висячим замком с ключом. И что же оказалось? Если я оставляла ключ в замке, шимпанзе со всевозможными ухищрениями, после многочисленных проб[13] достиг наконец того, что, притянув поближе к сетке замок и продев пальцы в скважины, мог вращать ключ, отмыкая замок, высвобождать замок из засова щеколды, после чего откладывал щеколду и выбирался на желанную свободу.

В разное время, с разным успехом и при неодинаковой длительности действия устрашающих стимулов применялись следующие приемы для засаживания шимпанзе в клетку: резкий крик, звук хлопания плетки, стучание по полу палкой, а при полной безуспешности этих воздействий стегание плеткой самого Иони, показывание ему картины шимпанзе, маски человеческого лица, чучела головы волка, чучела баклана, щетины половой щетки.

Следует отметить, что из всех этих способов наименее действительным оказалось хлопанье плеткой самого зверька, так как в моменты его повышенного нервного состояния и беспокойства он бывал так мало чувствителен к физическому воздействию, что не поддавался ни на иоту в деле его обуздания при вмещении в клетку.

Из группы мирных способов засаживания шимпанзе в клетку наиболее действительными оказались давание ему в клетку какого-либо нового, невиданного им объекта, на который шимпанзе и переносил все свое любопытство и внимание, на две-три секунды забывая сопротивляться оставлению в клетке; и этого коротенького времени было достаточно, чтобы закрыть за ним дверь клетки и запереть замок. Позднее, испытав мое вероломство, шимпанзе либо старался сесть на пороге клетки, либо пытался как можно скорее удовлетворить свое любопытство, чтобы не дать мне закрыть себя, но и я изощряла свою изобретательность и изготовляла ему замысловатые сюрпризы, завернутые то в большие свертки, то в ряд коробок, сконструированных по принципу деревянных яичек, из которых каждая последующая была меньше предыдущей. Распаковывание и открывание этих сюрпризов увлекало Иони так сильно и на такой продолжительный срок, который был мне совершенно достаточен, чтобы сделать все необходимые манипуляции для запирания его в клетке.

И как же Иони боялся снова потерять свою свободу, как он чутко учитывал наступление момента ее потери!

Например утром после первой кормежки шимпанзе обычно сажали в клетку; испытав это в ряде случаев, со временем обезьянчик становится более осмотрительным.

Едва он допивает последние глотки своей утренней порции молока, как начинает уже нетерпеливо поглядывать наверх и едва осушает до дна кружку, как моментально выскальзывает у меня из рук, бросается по сетке на верх своей клетки до самого потолка, где может длительно пребывать на свободе вне пределов моей досягаемости.

[13] О чем подробнее см. ниже — в главе «Подражание» (стр. 228 [175]).

Не будучи в состоянии добраться туда, тщетно я взываю, приглашаю Иони жестом и словом сойти вниз. Но он неумолим и совершенно-равнодушен к моей просьбе, так как знает из опыта, что за ней воспоследует, — и потому он предпочитает часами лежать и поваливаться на потолке клетки в полном бездействии, но на свободе, нежели получить доступ ко всем возможным развлечениям, но в заключении клетки. Забравшись на клетку, шимпанзе не желает променять своей свободы ни на лакомства, ни на игрушки: он не поддается ни на ласки, ни на угрозы.

Это начинает нам надоедать, и кто-либо из нас приносит лестницу и взбирается к шимпанзе наверх, но тогда Иони мгновенно спускается вниз, подлезает под клетку, мечется по комнате и спасается от наших преследований с таким азартом, с такой ловкостью, что догнать его нет никакой возможности. Иногда я начинаю бросать наверх какие-либо пугающие его вещи (например маску, изображающую человеческое лицо), Иони злобится, кривит рот, ловко увертывается и все же не сдвигается с места.

Иони можно было заставить спуститься с клетки только двумя приемами: показыванием чего-либо нового или инсценировкой нападения на меня; в первом случае Иони из любопытства готов пожертвовать свободой, во втором из жалости ко мне Иони спешит броситься на помощь каждую минуту, впрочем готовый отпрянуть назад, соразмеряя степень своего приближения с силой натиска на меня (т. е. при большей агрессивности нападающего подходя вплотную к последнему и кусая, при меньшей — спускаясь лишь до половины клетки и выжидательно угрожающе посматривая вниз).

В целях удержания обезьянчика в своей власти я стала следить за тем, чтобы при окончании его утренней еды придерживать его близ себя за руку или за ногу и таким образом заранее пресечь его убегание. Но он нашел способ меня перехитрить. Теперь он не желал полностью опорожнять кружку с молоком и оставлял там хоть несколько глотков жидкости. Я длительно уговаривала его допить, предлагала кружку вторично и третично, и это уже отдаляло момент его засаживания в клетку; иногда же во время этой процедуры упрашивания и предложения, когда я ослабляла свое внимание и забывала удерживать его, он тотчас же использовывал подходящий момент и пулей бросался от меня на клетку и далее до самого потолка или забивался под мебель, в самые отдаленные углы, откуда извлекался только силой.

В другое время достаточно мне протянуть Иони руку и сказать: «пойдем» (разумея выход с ним в другие комнаты), — и он мгновенно снимается с потолка клетки и доверчиво идет на руки, хотя, увы, не раз попадается в ловушку и после кратковременного пребывания в смежной комнате возвращается и снова вмещается в клетку. В холодное зимнее время при выносе Иони в другие комнаты во избежание его остужения обычно его укрывают с головой одеялом. И вот, после ряда таких вынужденных процедур, Иони пытался применить этот прием одевания как условный сигнал к выходу из комнаты. Он напяливал себе на голову первую попавшуюся тряпку, демонстративно протягивал ко мне руку и сидел так некоторое время, выжидательно поглядывая на меня из-под тряпки.

Если же я пыталась снимать с него покрышку, он недовольно стонал, вырывал ее от меня и опять натягивал ее на себя, обхватывая меня за шею, повисал на мне, совершенно готовый следовать со мной; а если я противилась этому и все же раскрывала его, он сердито набрасывался на меня, злобно теребил, рвал, грыз зубами тряпку, как бы вымещая на ней свой гнев или считая ее главной виновницей в невыполнении его страстного желания к выходу из комнаты и не успокаивался до тех пор, пока его не выносили.

Шимпанзе предпочитает целыми часами сидеть близ меня неподвижно вне клетки, либо валяться на одном месте, нежели сидеть в клетке, полной всяких забав и развлечений.

Из всех этих случаев явствует, как настойчиво стремление шимпанзе выбраться из клетки, какую изворотливость проявляет он в целях освобождения и сохранения своей свободы.

Инстинкт самосохранения (защиты и нападения)

Но и получив свободу, вполне предоставленный самому себе, шимпанзе держится весьма настороженно, недоверчиво и опасливо.

Когда наблюдаешь его на воле, так явственно видишь, каким беззащитным, беспомощным существом чувствует себя этот маленький волосатый «получеловечек» («проклятой человек» — как его величали деревенские женщины), насильственно оторванный от своей родины, от своих собратьев, от своей семьи.

Неудивительно, что, очутившись в этой чужой и искусственной для него обстановке, малыш-шимпанзе прежде и больше всего боится за свое собственное благополучие. Его устрашает все непредвиденное, все внезапное.

1. Страх, стимулы, его вызывающие, и внешние формы его проявления.

Неожиданно раздавшийся звук, крик, треск так пугают Иони, что он опрометью бросается под защиту человека; при этом его лицо несколько бледнеет, сердце учащенно бьется, на лице выступают мельчайшие капельки пота; широко раскрыв глаза, он опасливо озирается по сторонам и не скоро успокаивается.

Пугающие звуковые стимулы.

Чрезвычайный ужас вызвало однажды у Иони хлопание надутого воздухом бумажного пакета; до того шимпанзе спокойно сидел на месте, в момент же гулкого разрыва бумаги, схватившись за голову обеими руками, он мгновенно припал лицом к земле, скрестив руки над головой, инстинктивно как бы защищая от опасности прежде всего самую ценную часть своего тела. Когда спустя некоторое время Иони решился приподнять свою голову и осмотреться, его глаза были так широко и недоуменно удивленно раскрыты, как если бы хотели спросить: «да что же это такое?»

Такой же панический страх вызывает у шимпанзе звук даже удаленного ружейного выстрела, даже простое щелканье губами, имитирующее этот выстрел, даже хлопанье по полу ременной плеткой. Я полагаю, что Иони имел в прошлом своей маленькой жизни большой испуг, связанный с употреблением ружья, ибо всякое подобие действию ружья неизменно вызывало у него панический страх. Стоило взять простую палку и прицелиться ею к шимпанзе, щелкая одновременно губами, — и он в ужасе бросался на землю. Даже простая картонная трубка, молчаливо взятая в руку наманер ружья, как бы на прицел, заставляла шимпанзе всплескивать руками и в страхе пригибаться всем телом к земле. Я внезапно стучу изподнизу кулаком по столу, на котором сидит Иони; не видя, кто ударяет, он мгновенно пригибается сам всем туловищем к столу, а потом исподлобья опасливо оглядывается по сторонам, ища глазами нарушителя покоя.

Если, будучи в комнате Иони, начинаешь при нем звать кого-либо громким голосом — для него это является сигналом опасности, — он жмется к вам ближе и сам начинает пушиться, волноваться; тогда он особенно ожесточенно противится запиранию его в клетку, особенно настойчиво не выпускает вас из своей комнаты.

Нередко в случае длительной тягостной борьбы с шимпанзе при вмещении его в клетку, при сгонянии его с верха клетки достаточно было угрожающе постучать палкой по полу или хлопнуть о пол бичом, как шимпанзе тотчас же послушно бросался внутрь клетки; можно с уверенностью сказать, что его пугал в данном случае звук, а не вид стучащих предметов, так как, во-первых, его никогда не били палкой, а во-вторых — он совсем не боялся сильного битья плеткой, так как вообще был весьма мало чувствителен к физической боли.

Чем необычнее для шимпанзе звук, который воспроизводят, тем более устрашающим стимулом служит этот звук.

Однажды шимпанзе спокойно сидел на скамеечке около дома, — неожиданно раздался звук охотничьего рожка. Иони мгновенно вскинул руку кверху, распушил бачки, сжал в кулачки ноги и широко раскрытыми глазами стал вглядываться вдаль, слегка вытянув вперед плотно сомкнутые губы. Он сидел как застывший в такой позе до тех пор, пока не прекратился звук устрашающего его стимула (Табл. B.8, рис. 2).

В еще большей степени пугает шимпанзе неожиданно раздавшийся крик, который заставляет его тотчас же насторожиться.

Даже когда поведение шимпанзе максимально целеустремленно (например при отнимании им у вас какой-либо вещи) и кажется, что никакими внешними силами невозможно его отвлечь от этого дела, стоит только издать при этом странный жалобный окрик, — Иони пугается, широко раскрытыми глазами, полными недоумения и страха, он пристально смотрит на вас и немедленно бросает оспаривание.

Шимпанзе долго не может привыкнуть к звуку щелканья при съемке фотоаппаратом и каждый раз вздрагивает, когда слышит этот звук. Во время съемки он старается подсесть ко мне как можно ближе, все тянется на руки, а если я его не беру или отстраняю, он в полном отчаянии закрывает глаза, опускает голову и ревет, ревет до тех пор, пока я не измыслю ему в утешение какое-либо развлечение.

Удар клавиши рояля, особенно в низких тонах, воспроизведение бурных, громких звуков пугают шимпанзе чрезвычайно; сначала он беспокойно мечется по комнате, как будто бы ища объект, производящий эти звуки, и злобно набрасывается и кусает различные посторонние, вызывающие его подозрение предметы, а потом, когда он начинает относить слышимый звук к производящему его объекту (клавише рояля), он с любопытством подходит к клавиатуре, смотрит, как я ударяю клавиши, но сам все же не решается дотронуться пальцем, так как чувство страха превозмогает над чувством любопытства.

Естественно, что такие неожиданные нелокализуемые и мощные звуки, как например раскаты грома, вызывают у шимпанзе чрезвычайный страх. Слыша гром, он весь распушается, жмется к человеку, боязливо настороженно смотрит в окно и на небо, как бы стремясь установить причину звука.

Пугающие световые стимулы.

Не менее, чем внезапный звук, пугает шимпанзе и неожиданно появляющийся свет: так например при вечернем фотографировании шимпанзе после каждой вспышки магния он всякий раз от страха кубарем скатывался со стола, на котором сидел, и ревел до исступления, не желая садиться на стол для новой засъемки; и даже после нескольких десятков таких снимков при магнии, имея полную возможность убедиться на опыте в своей невредимости, тем не менее он никогда не мог вполне привыкнуть к свету и на всякую новую вспышку света отвечал вздрагиванием.

Такую же реакцию страха можно было наблюдать у шимпанзе во время грозы при поблескивании молнии.

Пугающие тактильные — осязательные стимулы.

Шимпанзе пугается чрезвычайно при внезапных тактильных восприятиях.

Если вы шутя бросаете в него даже легкий бумажный шарик, Иони дрожит всем телом, прежде всего взметывает кверху руки, закрывает ими глаза, съеживается весь в комок, а потом судорожно схватывается рукой за то место, куда пришелся едва ощутимый шок.

В еще большей степени пугается шимпанзе непредвиденного дотрагивания до него. Если например он сидит на стуле и его лицо повернуто в одну сторону, а вы за его спиной с другой стороны касаетесь пальцем его бока или шеи, он мгновенно падает со стула на пол, отбегает, боясь оглянуться назад, прижимается к чему-либо, уткнувшись лицом, ревет, боясь шевельнуться, и не решается взглянуть и отойти долгое время, пока его не возьмут.

Тем более конечно пугают его неожиданные более осязательные шоки.

Раз Иони внезапно упал с невысокой трапеции, он тотчас же закричал от испуга и бросился ко мне на шею; я убеждена, что не физическая боль, а психический шок заставил его крикнуть, так как обычно, если он при лазании по трапециям и при качании на веревках даже жестоко ударяется о перекладины, то никогда не плачет. Однажды на Иони неожиданно упал стул, — он в тот же момент побледнел, опрометью бросился ко мне и стал прижиматься, причем было слышно, как учащенно бьется его сердце.

Зачастую случаи волнения и испуга сопровождаются у шимпанзе непроизвольным опорожнением кишечника, но, характерно, не всегда имеется при этом распушение волос, — наоборот, при внезапном очень сильном испуге волосы шимпанзе лежат совершенно гладко и плотно прижаты к телу.

Устрашающие новые стимулы.

В неменьшей степени, чем неожиданность, страшит шимпанзе всякая новизна впечатления.

Он опасливо встречает появление каждой новой в его обиходе вещи; он подозрительно относится ко всякому новому лицу, он настороженно держится во всякой новой для него обстановке. Стоит показать обе-

зьяннику какой-либо новый предмет (например даже простую стеклянную коробочку), — он долго и пристально присматривается к ней, несколько вытянув губы, боязливо тянется, пытаясь дотронуться только кончиком одного указательного пальца, так чтобы в любой момент быть готовым отдернуть и его. Вслед за прикосновением шимпанзе приближает этот обследующий палец к своему носу, внимательно обнюхивает его и уже после того решается вступить в более непосредственный и тесный контакт с интересующим его объектом.

Уже упоминалось ранее, с каким отвращением шимпанзе относится к неприятным обонятельным стимулам, но некоторые новые запахи (например запах сырого мяса) вызывают у него не только странное непонятное волнение, но и совершенно определенный страх.

Это последнее было обнаружено при совершенно случайных обстоятельствах. Однажды шимпанзе прибегает ко мне из другой комнаты весь распушенный и снова убегает от меня, издавая свой короткий мычаще-ухающий звук, сопутствующий созерцанию необычных для него явлений. Я иду за ним и вижу, что он направляется в кухню, где повторяет несколько раз тот же звук, все еще продолжая оставаться распушенным. Я приписываю его волнение многообразию новых для него предметов, находящихся в кухне, так как его внимание ни на что определенно не направлено, и уношу его из кухни; через некоторое время я снова слышу доносящийся из кухни его ухающий звук, снова иду туда и вижу, как Иони стоит склоненный, принюхиваясь к куску сырого мяса, и вдруг отбегает от него, бросаясь ко мне. Тогда я беру мясо и приближаю к обезьянчику. Иони отшатывается от меня, отбегает, смотря как загипнотизированный на волнующий его объект, но я приближаюсь к зверьку, иду за ним с куском, а он отбегает от меня в противоположную сторону комнаты, торопливо оглядываясь, забивается в укромные углы, прячется под столы, стулья и при настигании беспокойно мечется по комнате, ища где укрыться; когда все же я дотрагиваюсь до него мясом, он вздрагивает и, принюхиваясь к месту прикосновения, вытирает его несколько раз рукой, как бы желая уничтожить запах.

Однажды при топке печи в его комнату стал находить дым, щипавший глаза. Шимпанзе чрезвычайно испугался и поспешил броситься ко мне под защиту; ранее уже упоминался комичный факт отыскивания зверьком невидимого щипавшего его врага (скипидар, которым до того он был намазан).

Страх вызывают у шимпанзе и другие *новые* обонятельные стимулы. Например однажды вечером Иони дали чистую, не бывшую в употреблении, только что вымытую и высушенную на воздухе постилку. Он в течение 2 часов всячески сопротивлялся, не желая на нее ложиться; раз десять я усаживала его на постель, и он с ревом сбегал с нее; не понимая сначала в чем дело, я стала дополнительно поить-кормить Иони, думая, что он хочет есть-пить, но и это не помогало; Иони кричал и кричал, сопротивляясь укладыванию. Чтобы проверить, не болен ли он, я начала с ним играть, — и он сразу оживлялся и прекращал плач, я сажала его на постель, — и плач возобновлялся. Я взяла его себе на руки и некоторое время держала на коленях, — он моментально засыпал (так он хотел спать), но едва я его пыталась уложить, он просыпался и с прежним страхом отшатывался от постели, принюхиваясь к ней. Тогда, поняв, что Иони боится необычного запаха свежего белья, я попробовала положить ему на постель снятый с себя фартук, — и что же! обнюхав его, Иони немедленно подобрал его под себя, подложил поближе к лицу и заснул мгновенно мертвым сном.

Шимпанзе пугают также *пустые темные* полости, высота, столкновение со всякими *непонятными, неиспытанными* в жизненном опыте стимулами.

Например Иони случайно открывает крышку глубокой корзины, и, видя пустоту, он уже обеспокоен, испуган; он то настороженно вглядывается внутрь корзины, то отбегает от нее подальше, как бы не будучи уверенным в своем благополучии.

Параллельно с этим приходится вспомнить и о страхе шимпанзе перед высотой: всякий раз, как мне приходилось наблюдать шимпанзе, смотрящего вниз с балкона двухэтажного дома или заглядывающего через перила лестницы в четырехэтажный пролет, предназначенный для лифта, я могла заметить его чрезвычайную настороженность и желание как можно скорее отойти подальше от опасных мест.

Тем удивительнее оказывается тот факт, что сам шимпанзе и на свободе, как то уже было отмечено, охотно забирался на большие высокие крыши двухэтажных строений и длительно мог разгуливать по «коньку» их, совершенно не боясь упасть.

Та же настороженная недоверчивость замечается у шимпанзе и по отношению к новопришедшим людям, к которым он неизменно применяет приемы предварительного обследования: трусливое осматривание, осто-

рожное дотрагивание пальцем, внимательное обнюхивание всегда предшествуют его окончательному вступлению в новое общение.

Боязливое и неприязненное отношение к чужим и незнакомым людям особенно ярко проявилось у шимпанзе по отношению ко мне и моим двум коллегам, когда мы собирались взять его от его бывших владельцев (из зоофирмы «Ахиллес»); несмотря на то, что мы не применяли по отношению к обезьяннику никаких репрессивных мер, тем не менее, когда мы хотели взять его на руки, он не давался, вырывался, как сумасшедший, метался от нас по комнате, спасаясь как от лютых зверей, отчаянно плакал и кричал, кусался и так неистовствовал, что позднее мог быть взят только силой — и то при содействии самих хозяев, которые помогли нам с большим трудом поймать зверька и вместить его во временную перевозную клетку.

Боязнь толпы людей.

Тем более конечно пугает шимпанзе собрание большого общества незнакомых лиц.

Однажды в его комнату вошла экскурсия студентов (в количестве 20 человек).

Едва Иони увидел эту толпу, как с отчаянным ревом пригнулся к земле, дрожа мелкой дрожью, и успокоился только тогда, когда услышал мой голос, увидел меня — и то долго (несколько минут) не мог вполне притти в себя и все еще трясся всем телом от страха.

Неудивительно, что у шимпанзе возбуждает страх всякое помещение его в *новую обстановку*, зачастую таящую в себе самые неожиданные, а потому пугающие его сюрпризы.

Вот почему например после привоза его к нам на квартиру в своей новой комнате он прежде всего боится и от страха впадает в состояние глубокой подавленности.

Сначала он сидит на одном месте, боясь шевельнуться и сделать свободное движение, жмется к людям, внимательно оглядывая комнату, переводя глаза с предмета на предмет, и больше и прежде всего боится остаться в одиночестве и всеми имеющимися в его распоряжении средствами старается удержать близ себя его защитника — человека [14] .

Боязнь одиночества.

Насильно оставленный в одиночестве, шимпанзе резко отчаянно кричит, вслед за криком происходит, как то зачастую бывает от страха, непроизвольное опорожнение его кишечника, а потом шимпанзе забирается в самый темный угол комнаты, сидит там уныло, неподвижно и ничем не хочет заниматься. Входит человек, и он поднимается с пола, начинает играть, взбирается на трапеции, пользуется ими как искусный гимнаст, — уходит человек, и шимпанзе опять уныло спускается в свой угол.

Интересно, если за стеклянной дверью его комнаты кто-либо появляется или если я видима ему только издали; через две комнаты, в щель (через полуоткрытую сантиметров на 5 дверь), он мгновенно оживляется и начинает забавляться, — но стоит опять ему утерять даже это иллюзорное сообщество и защитничество, и он опять становится подавленным, безучастным и притихшим.

Жалея обезьянчика, однажды я пустилась на хитрость: я надела капот, накрыла голову платком и легла на диван спиной к Иони в комнате, где стояла клетка. Этого уже было достаточно, чтобы малыш вышел из своего угла, перестал беспокоиться и стонать и стал заниматься в клетке трапециями. Спустя некоторое время я вышла из комнаты и, сделав из подушки большую куклу, надела на нее тот же халат, обвязала ей голову тем же платком и просила внести эту куклу в комнату, где в клетке помещался шимпанзе.

Куклу с призакрытым лицом и повернутую спиной клали на тот же диван, где я только что лежала, и шимпанзе прекрасно мог ее видеть через сетку своей клетки.

Первое время даже пассивное пребывание этой куклы успокаивало и оживляло шимпанзе, и он начинал стонать, едва манекен пытались уносить, волновался, хрюкал, если его хлопали; но позднее, когда шимпанзе несколько попривык к новой обстановке, мертвенная неподвижность этого сообщества уже не успокаивала, не удовлетворяла зверька и замещение потеряло свой смысл.

[14] Подробнее см. об этом выше стр. 64 [68] — стр. 65 [69].

Необычайную подавленность обнаруживает шимпанзе *в новой* ситуации при поездке в закрытом автомобиле, когда в течение целого часа переезда он сидит, как бы совершенно пришибленный, не шевелясь, прижавшись ко мне, боясь отодвинуться от меня в продолжение всего пути.

Однажды при перевозке шимпанзе на извозчике от старых владельцев к нам в дом его вместили в перевозную, сколоченную из жердей клетку; очутившись в этой тесной и необычайной для него обстановке, Иони прежде всего стал плакать и кричать, длительно разражаясь оглушительными залпами рева. Но стоило мне только просунуть к нему в клетку свою руку и взять обезьянчика за руку, как он сейчас же успокоился и сидел смирно, кротко во все время переезда.

Однажды необычайный страх охватил шимпанзе на вокзале, где он увидел себя окруженным со всех сторон толпой быстро снующих незнакомых людей; сидя у меня на руках, шимпанзе метался из стороны в сторону, беспокоился, готов был наброситься на каждого любопытного, осмелившегося подойти к нам вплотную. Как уже было упомянуто, он особенно неистовствовал, когда я, желая сократить его агрессивные поползновения, старалась завернуть его руки в плед, когда он чувствовал себя еще более беззащитным.

Такую же боязливость обнаружил шимпанзе и при переезде по железной дороге, сидя в купе вагона. Несмотря на то, что он находился только в окружении своих людей, тем не менее он держался чрезвычайно настороженно и подозрительно.

Например он не спускает с меня глаз, не отходит от меня ни на шаг, и стоит мне подойти к двери купе, как он тотчас же цепляется за меня руками, виснет на мне и не хочет отпустить, крича и плача, если я от него вырываюсь.

Естественно, что страх шимпанзе усугубляется при наличии многих новых, неожиданных и пугающих его стимулов.

Однажды я хотела развлечь шимпанзе и внесла его в комнату, где была зажжена большая рождественская елка (в 1916 г.); в комнате было много незнакомых людей, которые говорили, шумели, смеялись. Вопреки моему ожиданию вместо удовольствия я доставила своему обезьянчику только огорчение, так как шимпанзе весь трясся от страха пребывания в таких необычайных условиях, издавал оглушительные залпы рева и долго не мог совершенно успокоиться.

В другой раз он обнаружил чрезвычайное волнение и страх, когда его ввели в комнату для киносъемки.

Увидев яркий свет электрических ламп «Юпитера», громоздкую киноаппаратуру, много незнакомых людей, Иони стал пушиться, вставал и приседал, стоя на месте, настороженно озирался по сторонам, всматривался в резкие светотени, вздрагивая при малейшем постороннем шорохе и треске аппарата, и с ревом бросался ко мне в объятия, ища защиты от мнимой опасности.

Некоторые новые положения возбуждают панический страх шимпанзе. Однажды я задумала выкупать шимпанзе в ванне. Я никак не ожидала, что эта процедура вызовет его бурное сопротивление; это было для меня тем более удивительным, что сажание шимпанзе в пустую ванну не вызывало никакого сопротивления обезьянника, вода сама по себе была всегда излюбленным предметом его игры, но опускание всего животного в ванну, наполненную водой, явилось для него таким устрашающим, что мне пришлось вступить с ним в форменную борьбу, прежде чем удалось выкупать его насильно и с посторонней помощью. Он вырывался у меня из рук, когда я пыталась его погрузить в воду, кусался, если я настаивала, выскальзывал из рук, извивался всем телом, вылезая из ванны, не позволяя даже плескать на него водой, ревел до исступления и так неистовствовал, что пришлось ограничиться лишь поочередным омовением отдельных частей его тела.

При совместных прогулках с шимпанзе на воле, в деревне, в поле, в лесу обезьянник держит себя чрезвычайно настороженно и опасливо. Еще при выходе с крыльца дома, спускаясь с лестницы, он уже весь распушается, торопливо следует за мной, не отставая от меня ни на шаг.

В это время его губы плотно сжаты, и верхняя губа горбообразно вздута (Табл. В.22, рис. 1).

Если на пути своего следования Иони встречает какой-либо необычайный объект (например мертвую птицу), он пугается, шерсть на всем его теле вздыбливается еще значительнее, а голова представляется как бы в ореоле венца торчащих волос (Табл. В.22, рис. 2). Он не отстает от меня ни на шаг и во все время пути старается держаться ко мне возможно ближе.

Но, даже будучи и в таком соседстве, Иони далеко не спокоен; так как он бежит на-четвереньках и имеет в поле зрения небольшой кругозор, то после каждых десяти пройденных шагов он приостанавливается, встает в вертикальное положение, окидывает взглядом местность (Табл. В.4, рис. 1, 2), прислушивается и, если не видит и не слышит поблизости ничего внушающего страх и убеждается в своей полной безопасности, то опять становится в прежнее горизонтальное положение и продолжает свой путь. В лесу его пугает лесной шум, и он идет там, все время присматриваясь ко всему окружающему, пытаясь боязливо влезать на деревья, вздрагивая и срываясь с них вниз при каждом хрусте ветки; в открытых местах его страшат больше всего встречи с животными, причем интенсивность страха определяется их величиной.

Боязнь животных и движущихся предметов.

В то время как небольшие по величине животные, как кошки, куры и утки, совершенно не внушали обезьяннику боязни, даже более того — порой и сам он непрочь был нагнать на них страх, — большого размера звери, как свиньи и овцы, вызывали его подозрительное опасение, а особенно огромные, например лошади и коровы, приводили его прямо в панику.

Достаточно было шимпанзе при прогулках со мной по полю увидеть хотя бы издали корову, он тотчас же начинал стонать, протягивал кверху руку, просясь ко мне на руки, и если я медлила и не брала его, он цеплялся мне за платье, заламывал кверху руки, бил ими себя по голове, широко раскрыв рот, начинал кричать что было силы, в отчаянии скрещивал руки на темени (Табл. В.18, рис. 1—3), закрывал глаза, через каждую секунду отрывая руки и напряженно следя за каждым моим жестом, весь дрожа, ожидая ответного моего движения. Если Иони видел, что я непреклонна, он впадал в отчаяние, плача до хрипоты, до потери голоса, но стоило мне только протянуть навстречу ему свою руку, он бросался ко мне на шею, еще весь дрожа от волнения, весь в поту, крепко-накрепко сжимал меня руками и, чувствуя себя теперь спокойно и уверенно, готов был следовать за мной куда угодно.

На пути в деревню, при переезде на лошадях, даже будучи под моим прикрытием, сидя у меня на коленях, шимпанзе все время пристально смотрит по сторонам, и когда видит приближающийся скот или нагоняющую нас постороннюю лошадь, он в страхе отшатывается назад, теснее прижимается ко мне. Всякий раз, когда наш ямщик начинает звучно подхлестывать кнутом везущих нас лошадей, Иони в такт щелканью бича, как бы солидаризируясь с ним, взволнованно отрывисто ухает.

Шимпанзе боится не только больших животных, но и больших по росту физически мощных людей. Так например в первые дни его пребывания у нас он слушался и боялся только мужчин и незамедлительно осуществлял каждое их приказание (до ухода в клетку включительно), в то время как женщины целыми часами должны были добиваться от него выполнения того же самого действия и достигали желаемого только в результате длительных сцен, утомительной борьбы.

Да и в обиходе жизни можно было ясно заметить, что Иони избегает общения с мужчинами и предпочитает сближение с женщинами.

Тем замечательнее является тот факт, что Иони обнаруживал необычайный панический страх по отношению к трем миниатюрным пресмыкающимся: змейке, ужу и к маленькой малоподвижной небольшой туркестанской черепахе.

Даже при показывании черепахи издали Иони закрывает рукой свое лицо, как бы защищая его, повертывается к ней спиной, поглядывая на нее лишь искоса, и при малейшем движении ее головы срывается с места, прячась в самые отдаленные углы комнаты. Быть может мы имеем здесь частный общеизвестный случай панической боязни всех обезьян перед змеями, на которых частично походит черепаха формой своей головы и шеи.

И не только живые животные, но и их чучела, даже мех зверей, изображения животных и неодушевленные движущиеся предметы вызывают страх Иони — страх, проходящий только после многократного и близкого ознакомления шимпанзе с пугающими предметами.

Для меня была совершенно неожиданна реакция Иони на большую картину шимпанзе (рисунок Шпехта). В первый раз, когда я показала картину издали, обезьянник, всматриваясь в свое изображение, стал издавать отрывистые, глухие низкие лающие звуки и видимо был сильно взволнован. При вторичном внесении той же картины он не спускал с нее глаз, но залаял только тогда, когда я постучала по тыльной стороне

картины; но как только я стала приближать картину к самому зверьку, он мгновенно попятился назад, ушел в самый дальний угол комнаты и стал прятаться за повешенные там вещи. Позднее показывание обезьяннику этой картины шимпанзе в качестве устрашающего стимула чрезвычайно облегчало мне уход от Иони и содействовало ликвидации тягостных сцен борьбы и сопротивления зверька при его засаживании в клетку. Стоило мне в случае надобности только издали показать эту картину, как Иони мгновенно убегал в отдаленнейшую часть своей клетки, чем и давал мне возможность запереть себя в ней. Если я убирала картину, он все же не скоро успокаивался и от времени до времени поглядывал через сетку клетки на то место, где скрылась картина; если же он видел, что картина остается в смежной комнате, он сидел в своей клетке притихший, играл вяло и неохотно; если случалось оставить картину у него в клетке, он неистово кричал, бросался от нее и обнаруживал по отношению к ней необычайный страх.

Однажды в самый разгар игры Иони в большом обществе вдруг принесли картину шимпанзе. Лицо нашего обезьянчика сразу потускнело, посерело, вытянулось; словно пришибленный психически, он мгновенно притих и не хотел больше играть.

Чрезвычайно интересно сопоставить с этим тот факт, что показанная в то же самое время, того же размера и нарисованная другим художником картина оранга не произвела на шимпанзе такого сильного впечатления; более того, когда эту последнюю картину я положила на пол клетки и шимпанзе оставили с ней одного, он безбоязненно наступал на картину, ходил по ней, продолжая попрежнему бояться изображения шимпанзе.

Показанной в тот же день, но третьей по счету картины гориллы (работы Кунерта) шимпанзе хотя и боялся, но значительно меньше, нежели картины шимпанзе.

Такой же панический страх обнаруживал зверок при виде большой маски, изображающей обыкновенное, но ярко разрисованное человеческое лицо, представленное в утрированных размерах (в два раза больше натуры).

Иони боялся этой маски не только в том случае, когда она была надета на ком-либо из людей, но даже и тогда, когда ее держали в руках или когда показывали через дверную щель лишь один нос этой маски. Видя маску издали, шимпанзе начинает пушиться, неподвижно замирает на месте, издавая глухой, отрывистый, протяжный стон (как то нередко наблюдается при страхе), не спускает глаз с маски и при малейшем ее продвижении бежит в противоположную сторону, торопливо оглядываясь, не преследует ли она его. Если же он видит ее приближение, то забивается под мебель, мечется по комнате, ища где укрыться, прячется везде, где только находит укромное местечко.

Однажды Иони долго не слушался и не хотел войти в свою загородку; желая загнать его поскорее, я бросила в его направлении маску, — он страшно закричал, затрясся всем телом и как пуля влетел в комнату. Показывание зверьку маски не раз сопровождалось стуком в дверь, позднее уже один этот стук заставлял зверька настораживаться и являлся пугающим стимулом, с успехом замещающим применение маски и служащим орудием обуздания строптивого зверька, сопротивляющегося вмещению его в клетку.

Иони пугают всякого рода *меха и шкуры* зверей, причем степень боязни в отношении разного рода шкур далеко не одинакова. Иони подозрительно настороженно относился ко всякого рода меховым муфтам и шапкам, не желая дотронуться до них; он чрезвычайно пугался расстеленной на полу в комнате волчьей шкуры и обнаруживал панический, ни с чем не сравнимый страх перед шкурой леопарда.

Когда Иони впервые увидел волчью шкуру, он издал глухой протяжный звук «у» (зачастую употребляемый им при виде необычных вещей, которых он опасается), потом, припав на руки и пригнув пониже тело, Иони стал издали сосредоточенно смотреть на шкуру, не решаясь приблизиться, а потом и совсем отошел от нее прочь. Пока шкура неподвижна, Иони не обращает на нее внимания; и она его мало беспокоит, но едва я, подведя свою руку под шкуру, шевелю ей, он настораживается, вытягивает мысиком губы вперед, пытается прятаться. Если же я приподнимаю шкуру и направляюсь вслед за Иони, он вне себя то мечется по комнате, плача, стеная, то взбирается кверху, то прячется внизу, ища себе более надежного пристанища, в страхе и смятении разражаясь ревом, если не находит его, и успокаивается только тогда, когда я, бросив шкуру, беру его к себе на руки.

Шкура леопарда была продемонстрирована зверьку при следующих обстоятельствах: шимпанзе помещался на балконе четырехэтажного дома; из окна 3-го этажа, расположенного прямо против этого балкона (на

расстоянии 5 м), зверьку была показана эта шкура. Едва шимпанзе увидел ее, как он сразу как бы прирос к столу, на котором сидел, и все его существо преобразилось в олицетворенный ужас (Табл. В.8, рис. 1).

Присев на-корточки, сгорбив и приклонив вперед туловище, плотно опираясь на выставленные вперед руки, как бы готовясь каждую секунду сняться с места, Иони вперил предельно широко раскрытые глаза в объект, внушающий страх, и судорожно раскрыл рот, напряженно оттянув в бока губы и обнажив даже десны. Фиксируя неподвижным взглядом шкуру леопарда, как бы загипнотизированный ею, он длительно не отрывал от нее глаз и был недвижим; но едва стали махать этой шкурой, как он с неистовым ревом сорвался с места, бросился под защиту человека, пытаясь исчезнуть, спрятаться, уйти подальше от опасности.

Панический страх обнаруживает мой шимпанзе и при показывании ему смонтированной головы волка, представленного с оскаленными зубами. Увидя такую голову, шимпанзе мгновенно бросается от нее прочь, бежит, все время оглядываясь, дойдя до укромного места, всматривается в нее, лает на нее, то отрывистым, пронзительным звонким, то глухим хриплым почти собачьим лаем, заканчивающимся иногда протяжным подвыванием.

Некоторое время и эта голова волка служила для нас подсобным орудием при сопротивлении зверька засаживанию его в клетку, — стоило только показать Иони эту голову или даже только сказать часто сопутствующую показыванию фразу: «волк идет», как шимпанзе вздрагивал и опрометью бросался в свою клетку.

Чрезвычайный страх возбуждало у Иони чучело стоявшего на задних лапах медведя. Бывало, даже если Иони сидит у меня на руках и я проношу его мимо этого чучела, он весь распушается, дрожит; если я останавливаюсь близ медведя, Иони весь взъерошенный бежит стремглав прочь, без оглядки улепетывая так скоро, как только может.

Следует отметить, что впервые показанные Иони чучела различных птиц (например утки, баклана) первоначально тоже вызывали страх шимпанзе, но не такой сильный, как чучела зверей. С чучелами птиц Иони осваивался значительно скорее, и они совершенно переставали его пугать.

Кратковременно пугают шимпанзе и самодвижущиеся предметы. Однажды за занятиями я дала Иони в качестве объектов эксперимента черные плоские деревянные фигурки. Шимпанзе без страха взял их в руки, но едва одна из фигурок случайно перекувыркнулась, как он мгновенно отшатнулся от нее и не хотел более до нее дотрагиваться.

В другой раз, желая позабавить шимпанзе, я дала ему для игры круглую проволочную корзину, служащую для бросания негодных бумаг. Зверок поспешно стал ею заниматься, но как только корзина легла на бок и покатилась по полу, он взволнованно ухнул, распушился и поспешил ретироваться подальше, не переставая опасливо озираться, очень напоминая этим маленьких детей, которые пугаются самодвижущихся заводных игрушек.

В отношении чувства страха для шимпанзе характерны следующие черты: у шимпанзе как бы есть определенная тенденция «подновлять свой страх» путем повторного и более близкого ознакомления с пугающим предметом. Быть может в основе этого самозапугивания лежит инстинктивное желание развеять этот страх. «Чтобы победить врага, надо прежде всего его узнать», говорит общеизвестная поговорка, и шимпанзе бессознательно следует этому принципу действия в своем Общении с настоящими или мнимыми врагами; и он действительно побеждает страх то вследствие освоения с пугающими его предметами, в силу привыкания к ним, то вследствие выработки против них ряда защитных мер, ослабляющих или устраняющих их возможное вредоносное влияние.

Например, хотя Иони боялся маски, но все же было заметно, что он пытался приглядеться к ней поближе, когда находился вне опасности, поодаль, в окружении своих; волчья голова, показанная из-за портьеры комнаты, пугает Иони, он отбегает от занавеса, но на следующий день он сам заглядывает за занавес, откуда показывался волк, приподнимает портьеру кверху, тщательно обследуя, обнюхивая и обшаривая весь низ комнаты, скрывающийся за портьерой. Иони, боясь чучела медведя, стремительно пробегает мимо него, что впрочем не мешает ему от времени до времени самому подбегать к двери, приоткрывать ее и заглядывать в щель внутрь комнаты, чтобы посмотреть на объект, вызывающий его страх, а потом снова и опять отбегать и прибегать.

Нередко показывание пугающей маски и птицы-баклана сопровождалось вызывающим ритмичным стуком в дверь, и позднее достаточно было этого стука, чтобы вызвать у Иони ту же реакцию испуга. Но — интересно — нередко, будучи под моим прикрытием и вне опасности, Иони и сам пытался воспроизводить это ритмичное постукивание, выжидательно настороженно следя за его результатами. Лицо шимпанзе при этом принимает такое же сосредоточенное опасливое выражение, как в случае реакции на вещи, вызывающие страх зверька. Его губы плотно складываются и несколько выпячиваются вперед, верхняя губа горбообразно нависает над нижней (Табл. B.22, рис. 1,2), поза его тела напряженна, движения нервны, порывисты, торопливы, руки и ноги готовы в каждую минуту унести его с места, и фактически Иони боязливо отбегает при появлении пугающего предмета; это не мешает ему впрочем по удалении пугала делать новые и новые попытки его вызова.

Трудно точно сказать, что является у шимпанзе стимулом к этому вызову, — уже отмеченное выше желание повторного ознакомления с пугающим предметом в целях уменьшения чувства страха, любопытство, преодолевающее страх, прелесть игры с опасными вещами, или простое бесцельное подражание действию окружающих, или его целеустремленное запугивание других лиц?

На основании немногих приведенных фактов проанализировать и раскрыть истинный смысл этих последних действий шимпанзе не так легко.

Способы самозащиты и самообороны.

Реакция страха шимпанзе всегда и неизменно включает и реакцию самообороны.

В случае опасности он стремится уйти подальше, укрыться понадежнее, сделаться незаметнее, воспользоваться защитой человека.

Даже при простом намахивании на зверька рукой или при мнимом прицеливании на него трубкой, палкой он бросается на землю лицом вниз, поджимает руки и ноги, оставляя напоказ лишь спину, как наименее чувствительную и ценную часть своего тела. Как уже было вскользь упомянуто, в качестве способов самозащиты шимпанзе нередко использует всякого рода лоскуты и тряпки.

При наличии подвижных занавесок, спасаясь от настоящих или мнимых врагов, Иони прячет в складках материи свое лицо, крепко ухватывается за занавеси руками и тогда сразу успокаивается, видимо чувствуя себе под прикрытием, а потому и вне опасности. Нередко шимпанзе никак не хочет войти в свою клетку, ревет, кричит, не слушаясь ни окриков, ни угроз, ни ударов плеткой, забиваясь под диваны и кресла, вцепляясь в меня руками и не желая отпустить, — но стоит дать ему в эту минуту даже небольшую тряпку, он жадно хватает ее и беспрекословно мгновенно уходит с ней в клетку, где и садится на нее, поспешно подбирая ее под себя, накрываясь ею с головой и сидит тихо и смирно, как бы вполне уверившись в безопасности своего положения.

Нередко, пугаясь какого-либо предмета, Иони стремительно отбегает от него и сам по пути старается увлечь первую же попавшуюся тряпку, волоча ее в ноге или накинув через плечо на спину, как бы беря ее себе в помощь и чрезвычайно огорчаясь и протестуя, когда кто-либо пытается ее отнять. Этих драгоценных защитников Иони не оставляет в клетке ни на одну секунду без своего присмотра. Если он даже и не использует их для сиденья, то все же, играя поодаль, он укладывает их близ себя, от времени до времени поглядывает на них. Он забирает их даже кверху при лазании по трапециям, при взбирании наверх клетки, при бегании по комнате, заставляя их волочиться за собой на протяжении 1—2 м и ничуть не смущаясь их застреванием, зацеплением за предметы, затрудняющим его передвижение.

Запертый в клетку после бурных сцен борьбы и сопротивления этому засаживанию, Иони успокаивается только тогда, когда схватывает какие-либо постилки и садится на них, обложив их вокруг себя. Более того — пристрастие Иони к лоскутам и тряпкам так велико, что он пользуется всяким случаем, чтобы вытащить различные обрывки материи или носильные вещи из шкафов, комодов, ящиков; он торопливо уносит эти вещи к себе за перегородку, и взять их от него нет никакой возможности; он цепляется за них так крепко, оспаривает их отнимание так ревностно и энергично, что рискуешь разорвать их на куски, нежели получить обратно.

Как уже было упомянуто, единственным приемом возврата себе вещи является способ обмена, причем Иони не ранее отдаст вам имеющийся у него предмет, чем получит в руки обменный, который тотчас же использовывает таким же образом, как и предыдущий.

Если пугающий объект не вызывает у шимпанзе панического страха, реакция самообороны, включающая эмоциональный элемент страха, переходит в реакцию наступления с преобладанием эмоции гнева, злобы, ярости.

2. Злоба, стимулы, ее вызывающие, и внешние формы ее проявления.

Шимпанзе не только защищается, но пытается сам оказать активное воздействие в форме устрашения, удаления, уничтожения неприятного, враждебного ему предмета. Ранее уже было отмечено, с каким злобным отвращением относится Иони к дурно пахнущим постилкам.

Раздражающие неживые объекты.

Однажды я нарочно набросила на него отвергнутую им постилку. Он проворно схватил ее, стал яростно рвать ее зубами, руками, швырнув на пол, топтал ее ногами, вздрагивая всем телом.

Иногда бывает так, что шимпанзе гуляет по лугу, а мы подбросим ему на пути какую-либо убитую птицу (например рябчика или тетерьку). Неожиданно найдя птицу, шимпанзе волнуется, весь распушается, дотрагивается до птицы лишь одним указательным пальцем (Табл. B.22, рис. 1—3), обнюхивает палец и отходит подальше от этого места; если же ту же птицу вторично подбрасывают насильно и вплотную к Иони, он корчит мину отвращения и резким жестом откидывает ее в сторону.

Такую же боязнь сначала обнаруживал Иони и по отношению к чучелам птиц (например утки), но, по мере того как он знакомился поближе с объектами и на опыте убеждался в их безвредности, он сам непрочь был с ними расправиться.

Однажды я дала Иони в полное его распоряжение старое негодное чучело утки, которое первоначально пугало шимпанзе (Табл. B.23, рис. 2, 3). Закрываясь от этого чучела одной рукой, оскалив рот, шимпанзе ухватил его другой рукой, притянул к себе поближе, затем, зажав пальцами ног шею утки, максимально оттянув губы и обнажив десны и зубы, как бы с «злорадной» гримасой он порывисто и поспешно стал ощипывать утку, так что от нее перья клочьями летели по сторонам. Иони остановился только тогда, когда ощипал птицу чуть не догола.

Защитные жесты, переходящие в агрессивные, очень рельефно выявились у шимпанзе при показывании ему убитой сороки.

Сидя на столе и увидев издали подносимую птицу, шимпанзе несколько пушится и прежде всего обороняется: он подтягивает кверху чуть ли не до подбородка одну из своих ног, направляя вперед ее пальцы, он поднимает ко лбу обе руки и закрывает ими лоб и надглазные дуги так, что образует над зорко глядящими глазами подобие козырька, готового в нужную минуту спуститься на глаза и обезопасить их от вредоносных влияний (Табл. B.23, рис. 4).

В следующий момент, видя приближение птицы, Иони, повернувшись боком, оскаливает рот, закрывает одной рукой лицо, а другой делает нерешительный намахивающийся жест; по мере возрастания мнимой агрессивности птицы рот шимпанзе кривится, оскаливается все больше, зубы обнажаются все сильнее, намахивающийся жест становится все более резким, частым и настойчивым (Табл. B.23, рис. 1).

Нередко шимпанзе даже сжимает кулак[15] , направляя его в сторону раздражающего объекта и стараясь его ударить так сильно, как только может (Табл. B.23, рис. 3). Зачастую Иони, закрываясь от пугающего объекта левой рукой, намахивается правой.

Аналогичную реакцию вызывает у обезьянчика показывание ему живой курицы.

1-й момент. Момент самообороны и отстранение пугающего предмета: защитное поднимание кверху и выставление перед собой ноги, отстраняющий жест рукой, сопровождающийся, как обычно, сморщиванием верхней части лица и оскаливанием рта (Табл. B.22, рис. 4).

[15] Сжимая кулак, Иони кладет большой палец внутрь (накрывая его четырьмя другими пальцами), а не наружe, как то обычно делает человек.

2-й момент. Намахивание рукой на волнующий объект и дотрагивание до него, сопровождающееся волнообразно пробегающей судорогой верхней губы и подниманием верхнего края губы на уровне клыка (Табл. В.22, рис. 6).

3-й момент. Максимальное оскаливание зубов, выбрасывание вперед руки со сжатым кулаком (Табл. В.22, рис. 3).

4-й момент. — схватывание и рвущее к себе защипывание неприятного объекта.

Реакции шимпанзе на зверей и подобия зверей гораздо более агрессивны, нежели по отношению к птицам.

Выразительные движения, сопровождающие эти реакции, отличаются необычайной экспрессивностью.

Я кладу на пол беличий мех. Иони приходит в ажитацию: все волосы становятся на нем дыбом, он не спускает глаз с меха и принимает угрожающую позу. Встав в наклонное положение, опираясь на выставленные вперед руки, Иони быстро-быстро трясет головой слева направо, раза два-три то наклоняется всем телом вперед, то откидывается назад, как бы приготовляясь к прыжку, угрожающе стучит сложенными пальцами руки о пол, но перейти в непосредственное соприкосновение с мехом не решается. Видя, что все остается в прежнем положении и мех лежит совершенно неподвижно, Иони несколько смелеет и прибегает к другим более осязательным способам воздействия на ненавистный объект. Он бежит по комнате, притаскивает стул, поспешно валит его на мех, берет футляр от часов, бросает туда же, потом опасливо оттаскивает футляр назад, схватывает попавшийся на пути носовой платок и, высоко держа его в одной руке, размахивая им в воздухе, на трех конечностях подскакивает к меху, хлещет его платком несколько раз. Не ощущая никакого сопротивления со стороны враждебного объекта, Иони смелеет все больше, он начинает бить мех кулаком, опасливо уцепляется зубами за край матерчатой обшивки и перевертывает мех на другую сторону, пристально рассматривая под битую материю. Хотя он и решается на непосредственное соприкосновение с мехом, но все же побаивается его, держится лишь около края его, уцепляется не за самый мех, а за материю, отскакивая прочь при малейшем движении меха. Я беру мех и свертываю его в трубку, — шимпанзе снова весь взъерошивается, с усилием придвигает к меху большое кресло и тяжело опрокидывает его прямо на мех, потом становится сам на поваленное кресло, быстро сбегает с него на пол, приволакивает корзину от бумаги, надвигает ее на мех, бросает в мех найденной на полу коробочкой.

Через некоторое время Иони применяет новые способы нападения. Толкая кресло то с одной, то с другой стороны, он начинает перекатывать кресло по меху, осторожно тащит мех рукой, стучит по нему кулаком, дергает его руками, грызет зубами, стараясь ухватить не за волос, а за материю, зацепляет его и перевертывает с боку на бок; найдя дырку, Иони просовывает туда палец, тянет мех к себе сначала боязливо, потом все более и более уверенно; затем он осваивается настолько, что чувствует себя совершенным хозяином положения: он выщипывает мех зубами, выплевывая его потом изо рта, стучит по меху обеими руками, встает на него ногами, наваливается на него всем телом, вновь встает и опять прижимает его к полу всей своей тяжестью.

Когда я делаю из меха подобие живого существа и заставляю его отчаянно стучать по клавишам рояля, Иони опять испуганно хватается за каждый предмет, пытаясь бросать им в мех или торопливо, боязливо бегает по комнате и сваливает на пол все вещи, которые в состоянии свалить.

Интересна реакция шимпанзе на чучело баклана. При первом показывании птицы, посаженной на стул, шимпанзе обнаруживает все признаки большого страха и душевного смятения.

Он бросается от птицы прочь, прячется под стол, выбегает оттуда, взбирается на стол, быстро, не оглядываясь, перебегает по столу, оттуда соскакивает на стул, бегает по стульям, снижается на пол, суетится, не находя себе места. Его шерсть все время поднята дыбом, он не спускает глаз с чучела, его губы плотно сдвинуты, своеобразно сложены, слегка вытянутым вперед мысиком, и верхняя губа горбиком нависает над нижней (Табл. В.22, рис. 1, 3). От времени до времени Иони отрывисто хрюкает, привстает в вертикальное положение, подпираясь одной рукой, несколько раз приседает и привстает, стоя на одном месте, то сгибая, то выпрямляя колена, вытягивая руку по направлению к волнующему объекту.

Когда шимпанзе ознакомился на опыте со свойствами чучела и обнаружилась полная его безвредность для обезьянчика, он перестал так сильно бояться баклана и уже не выделывал перед ним экстравагантных поз и жестов угрозы и нападения. Но известное беспокойство и неприязненное чувство по отношению к

птице у Иони повидимому оставались довольно длительно, и если представлялась к тому возможность, он всячески старался своими силами убрать с глаз долой ненавистное существо, нагнать на него страх или причинить ему какую-нибудь неприятность.

Я сажаю чучело на стул в той комнате, где играет Иони, — шимпанзе уже обеспокоен и предпринимает самостоятельные попытки к удалению баклана из комнаты. Он схватывается за стул со стороны спинки или за ножку, откуда не может видеть самой птицы, и, видимо чувствуя себя в меньшей опасности, с сосредоточенным видом, плотно стиснув и сгорбив губы, начинает возить стул по комнате. От времени до времени Иони бросает стул, поспешно отбегает от него и опять заглядывает на него с той стороны, откуда видно чучело, и, снова видя невредимо сидящую птицу, принимается за прежнее вожение, еще и еще раз контролируя его результаты.

Если и в последующем все оставалось попрежнему, шимпанзе начинал дергать и трясти стул, пытаясь опрокинуть на пол раздражающее существо, при малейшем его движении отшатываясь и пулей уносясь прочь в самый дальний угол комнаты, с тем чтобы в следующий момент снова начать преследование птицы, бросая в нее вещи, намахиваясь на нее тряпкой.

Если чучело баклана помещают на виду у шимпанзе, но за пределами его досягаемости (например на высокий шкаф), шимпанзе чрезвычайно озлобляется. Стоя внизу, он то проделывает выразительные позы угрозы, то суетливо бегает по комнате, то что, есть силы стучит суставами сложенных пальцев в дверцы шкафа, то, преодолевая страх, делает наскоки на шкаф и пытается на него взобраться; не преуспевая в этом, Иони мечется туда и сюда, сбрасывает на пол все, что может сбросить, и вне себя сильно кусает даже своих домашних, даже меня.

Определенную злобную реакцию вызывают у Иони картина шимпанзе (Шпехта) и его собственное изображение на фотографических снимках или в зеркале.

Как уже было упомянуто, первоначально Иони сильно боялся картины шимпанзе и убегал от нее, позднее он сам стал ожесточенно преследовать картину, при каждом ее появлении лаял, задорно налетал на нее и даже пытался разрывать.

По отношению к своим фотографиям Иони держал себя весьма агрессивно: сначала он всматривался в них, дотрагивался до них губами, потом вырывал их из рук, бросал на пол, царапал ногтями, особенно в области лица, и не унимался до тех пор, пока не разрывал их зубами на мелкие куски.

Показывание Иони рельефно снятых фотографий с людей не вызывало у шимпанзе никакой одиозности, хотя он так же внимательно занимался их разглядыванием.

При демонстрировании Иони альбома с разными животными[16] у шимпанзе также наблюдалась диференцировка реакций: например изображение птиц Иони разглядывал совершенно спокойно, но фотоснимки со зверей с рельефно выраженными мордами, с отчетливо выступающими, сверкающими глазами (как например у обезьян, тигров и др.) Иони встречал неприязненно, колотил по ним кулаком и всячески стремился их уничтожить.

Даже плоская деревянная фигурка качающегося оранга вызывала агрессивные действия шимпанзе; увидев впервые эту фигурку, шимпанзе тотчас сделал типичную злобную гримасу, сморщил верхнюю часть лица, снизил брови, сощурил глаза, а потом, зацепив оранга пальцами руки за подбородок, резкими повторными движениями стал порывисто притягивать фигурку к себе и всячески стремился ее разрушить.

Тем более конечно волнуется шимпанзе, видя свое собственное изображение в зеркале (Табл. B.33, рис. 1—4) и даже в простом стекле. Сначала он пристально всматривается в изображение, удивленно открывает рот (Табл. B.33, рис. 1), усматривая рожицу обезьяны, заводит руку за зеркало и производит там хватающие движения пальцами, как бы желая уцепить невидимое существо (Табл. B.33, рис. 2), а потом после тщетности своих попыток сжимает пальцы в подобие кулака и бешено повторно и резко ударяет рукой в свое отражение в зеркале (Табл. B.33, рис. 3). По мере того как усиливаются частота и звучность его стука, он впадает как бы в неистовство, причем мимика его лица становится чрезвычайно выразительной и своеобразной: он слегка откидывает назад голову, призакрывает глаза, полуоткрывает рот, его верхняя губа подергивается волнообразной судорогой, причем кратковременно обнажаются то правый, то левый

[16] Альбом Берлинского зоосада.

верхние клыки; от времени до времени в такт ударам руки он издает глухой отрывистый, как бы откашливающийся звук.

С каждым новым ударом возрастает горячность его нападения, наконец он уже впадает в злобное неистовство, почти совсем смыкает глаза и все колотит, колотит как бы в полном безумии (Табл. В.33, рис. 3).

В другое время повторно показанное (и даже подвешенное в клетке Иони) то же зеркало уже не вызывает у Иони такого большого любопытства и такой необычайной агрессивности, хотя реакция его далеко не миролюбива.

Увидев свой образ, Иони быстро, широко и глубоко раскрывает рот, обнажает всю глотку и издает короткий, гортанный звук, как бы давясь; при этом он так сильно оттягивает губы в стороны, что обнажает оба ряда зубов и десны.

Затем, не спуская глаз с зеркала, он либо стучит по нему рукой, сильно ударяя зубами широко раскрытого рта, либо начинает повторно медленно широко раздвигать и быстро резко смыкать челюсти, производя зубами громкий лязгающий, щелкающий звук, как бы угрожая. Это повторяющееся открывание и закрывание рта скоро приводят его к настоящей зевоте, которая производится порой три-четыре раза подряд. Порой, смотрясь в зеркало, Иони начинает часто-часто трясти головой, качая ее справа налево, а то вдруг, пассивно отвесив нижнюю губу, быстро махает головой сверху вниз.

Видя своего двойника с такой агрессивной миной, подзадорив себя, а быть может и не понимая или забывая, что он сам тому виновник, Иони злобится больше: он ожесточенно хлопает распростертой рукой по стеклу, отбегает весь распушенный, ударяет кулаком в стену клетки, снова приближается, налетает на зеркало, схватывает держащую зеркало веревку, яростно рвет ее, приблизив свое лицо почти вплотную к зеркалу и все время пристально глядя на свое изображение, стараясь захватить руками этого ускользающего от него двойника.

Продолжая смотреть в зеркало, вдруг Иони начинает кусать себя, разрывает лежащую поблизости веревку, а потом опять, не спуская глаз с зеркала, трясет головой, обнажает зубы, раскрывает рот, встав против зеркала на-четвереньках, перепрыгивает с рук на ноги, с ног на руки, держа раскрытым рот, и так учащает темп прыжков, что, когда на него смотришь, невозможно отличить очертаний его фигуры.

Иногда, войдя в раж, Иони, стоя перед зеркалом, даже переворачивается вокруг своей оси, потом отбегает от зеркала и с силой сотрясает свою клетку, как бы желая ее сокрушить. Присматриваясь и видя своего мнимого противника целым и невредимым, в другое время, Иони применяет совершенно неожиданный способ его уничтожения: он набирает в рот воды, а порой даже и своей мочи и пускает ее на лежащее на полу зеркало, чем нередко заставляет расплыться изображение; этим актом шимпанзе реально освобождает себя от раздражающего сообщества своего двойника. Позднее, вполне освоившись со своим зеркальным изображением, Иони развлекался тем, что подолгу сидел и трещал перед ним губами (Табл. В.31, рис. 4).

Усматривая собственное отражение даже в чрезвычайно миниатюрном виде, в металлических блестящих шариках на спинке кровати, Иони взбирается на кровать, стучит зубами и руками по шарикам, старается их расшатать и, если это не удается сделать, припадает к ним зубами и грызет их.

Присматриваясь к блестящей поверхности дырокола и видя там силуэт своей головы, Иони, слегка приоткрыв рот, проводит дырокол перед глазами, пристально следя за перемещением силуэта, закинув кверху голову, то совершенно приближая свое отражение к глазам, то опять отводя, трещит вытянутыми вперед губами, тянет к нему свою руку, как бы вызывая на ответные действия.

Металлический блестящий, отражающий предметы настольный звонок интригует Иони. Шимпанзе обнюхивает звонок, царапает по нему зубами, стучит по нему сложенными пальцами, производит вызывающие задорные позы раскланивания, приглашения к игре. Повидимому отражение в блестящей поверхности звонка самого Иони побуждает его квалифицировать этот предмет как одушевленный, способный дать ответную реакцию.

Однажды, занимаясь с Иони вне лабораторной обстановки, я необычайно удивилась тому, что Иони начал выстраивать губами всевозможные комичные гримасы и махать в воздухе рукой; оглянувшись, я увидела, что Иони усмотрел свое изображение в большом зеркальном трюмо, находящемся далеко сзади меня, но впереди него. Я стала наблюдать, что будет дальше. Конечно Иони не ограничился этой созерцательной

ролью, он сорвался с места и на-четвереньках побежал прямо к зеркалу; на своем пути он несколько раз приостанавливался и притаптывал одной ногой, а подойдя вплотную к зеркалу стал стучать сложенными суставами пальцев по подзеркальнику, бить распластанной рукой по зеркальному стеклу. Через некоторое время Иони несколько раз отступал от зеркала, пристально смотрел на себя, а потом, широко раскрыв рот и обнажив дальше десен все зубы, подпрыгивающей походкой снова приближался к зеркалу и с силой ударял зубами раскрытого рта по стеклу, с каждым ударом усиливая и учащая стук (Табл. 3.2, рис. 1).

Боясь, что зеркало разлетится в куски, я отстранила Иони, но он, ловко извернувшись, улучил момент и опять с силой стал бить рукой в стекло. После насильственного удаления Иони от зеркала он тем не менее не успокоился и пытался хотя издали запугивать, дразнить и задирать своего зеркального собрата.

И вот шимпанзе то привставал в вертикальное положение, угрожающе намахивался на зеркало рукой (Табл. 3.2, рис. 2), то приседал и выпрямлялся вверх, с каждым новым разом все учащая темп этих чередующихся движений. Наконец, встав вертикально, вытянувшись во весь рост, Иони с поднятыми вверх руками, с оскаленным ртом двинулся к зеркалу и начал колотить суставами пальцев по стеклу, обильно награждая тумаками своего отраженного двойника (Табл. 3.2, рис. 3). Впоследствии мне всегда стоило большого труда удерживать шимпанзе от того, чтобы он не разбил трюмо, так как всякий раз, как Иони видел свое изображение, он загорался горячим желанием завязать с ним драку.

Видя случайно свое отражение в стеклах окон и дверей, Иони также пристально всматривался и в них и издавал глухой, почти собачий лай.

Иногда же он намахивался на зеркало тряпкой, пушился, широко раскрыв рот, и, обнажив зубы, бросался вперед на зеркало, топая ногой.

Естественно, что показанное Иони чучело маленького (4-месячного) шимпанзенка производит на Иони еще большее впечатление, нежели зеркальное изображение, приводя Иони в возбуждение: он встает в вертикальное положение, оскалив рот, и, обнажив зубы, он смотрит на чучело (Табл. В.24, рис. 1), а потом, опираясь на все 4 конечности, выставляет вперед руки, вслед затем часто и повторно начинает топать одной ногой, при этом широко раздвигает челюсти, оттопыривает губы, открывая на всем протяжении оба ряда зубов и десны, фиксируя взглядом раздражающий его объект (Табл. В.24, рис. 2). В следующий момент Иони опять встает на ноги, освобождает руки и, выпрямившись почти во весь свой рост, вскидывает вперед и кверху верхнюю губу, обнажая всю верхнюю десну, и яростно наступает на чучело шимпанзенка, ринувшись по направлению к нему всем своим телом (Табл. В.24, рис. 3).

Конечно мертвые и живые звери возбуждают чрезвычайно энергичные ответные реакции шимпанзе, реакции с преобладанием агрессивного действия, причем величина этой агрессивности диференцирована по отношению к разным животным и даже по отношению к одному и тому же животному имеет ряд неодинаковых степеней в зависимости от поведения этого животного. Однажды я показала шимпанзе только что убитого зайца. Шимпанзе присел на месте от неожиданности и испуга, скорчив злобную гримасу и показав зубы (Табл. В.25, рис. 1). Быстро он оправился, приподнялся на ногах, сложил пальцы в кулак, вытянул руку и, сохраняя тот же оскал зубов, пытался ударить зайца, но неудачно, так как я во-время успела отодвинуть зайца подальше (Табл. В.25, рис. 2).

Иони видимо рассердился больше, он сильнее сморщил верхнюю часть лица, скривил в сторону плотно сжатые губы, крепче сжал кулак и решительнее вытолкнул вперед по направлению к зайчонку свою руку, но опять ловким маневром я убрала зайца — и угрожающая рука шимпанзе повисла в воздухе (Табл. В.25, рис. 3).

Тогда Иони встал на-четвереньки в наклонное положение, выставил вперед руки и, несколько опустив голову, как бы приготовившись бодаться, раскрыв рот, быстро начал качаться и подпрыгивать, стоя на месте, перекидываясь с рук на ноги, с ног на руки и с каждым разом все учащая, все усиливая темп этих прыжков (Табл. В.25, рис. 4). Вдруг он освободил одну из рук, приподнял ее от земли и стал производить ею многократные намахивающиеся движения; при этом он совершенно сморщил верхнюю часть лица, максимально раскрыл рот и, отвесив нижнюю губу, стал так часто трясти головой справо налево, что отвисшая нижняя губа дрожала и тряслась из стороны в сторону (Табл. В.25, рис. 5).

Наконец наступил такой момент, когда чувство злобы повидимому настолько превозмогло над чувством страха, что шимпанзе, игнорируя всякую опасность, бросился в направлении враждебного объекта, схватил его рукой и стал рвать за шерсть (Табл. В.25, рис. 6).

Вторично показанный на следующий день мертвый заяц уже не вызывает у шимпанзе испуга, но лишь злобу. Шимпанзе сразу встает в вертикальное положение, сморщивает губы, во что бы то ни стало он хочет достать зайца рукой, намахивается на него, бьет его кулаком. Если Иони даешь волю, он выщипывает у зайца шерсть, рвет его за лапы.

Если я не даю зайца на расправу, Иони изливает свою злобу иными способами: то он бьет распростертой рукой по стене, угрожающе стучит сложенными пальцами по столу, с каждым стуком все усиливая удары, и после наиболее сильного и последнего стука сам бросается в сторону раздражающего предмета.

Если я, взяв зайца в руки, делаю им наступление на шимпанзе, Иони поворачивается ко мне спиной или боком, отвертывает лицо и глаза, стараясь отражать нападение тыльной стороной руки или даже локтем.

Живые раздражители (живые сопротивляющиеся животные).

В отношении к животным, оказывающим шимпанзе самопроизвольное сопротивление, эта злоба еще усугубляется, как это замечалось например в отношении кошки. Иони не может видеть равнодушно даже спокойно сидящую кошку, и схватка возникает неминуемо при каждой их встрече. Сначала шимпанзе, смотря в упор на кошку, принимает свои обычные вызывающие позы (представленные на Табл. B.25, рис. 4, 5) — позы угрозы: он привстает на ноги, наклоняется несколько раз вперед всем туловищем, трясет головой, оскалив зубы, стучит ногами или размахивает руками перед самой мордой кошки, как бы дразнит ее и пытается ущипнуть ее. Выпущенные кошкой в качестве орудия обороны когти возбуждают еще большую злобу шимпанзе, и, раз оцарапнутый, он неумолим в преследовании ее и яростен и жесток в нападении. Тогда он бегает за кошкой без устали, догоняя ее, доводя ее до изнеможения, лазая и взбираясь вслед за ней, он находит ее в самых укромных уголках и, настигнув там, схватывает ее, притягивает к себе и, оскалив зубы, с жаром осуществляет над ней форменную вивисекцию. Иони щиплет кошку, теребит ее за шерсть, тискает, рвет ее за хвост; держа кошку одной своей рукой, Иони размахивает перед ней другой рукой и сложенными пальцами бьет ее в голову, стараясь метить удар в глаза и лоб, и тогда ударяет особенно резко, с каждым разом все учащая, все усиливая стук и наконец отталкивая ее от себя прочь.

Наступая так решительно, Иони в то же время не забывает и обороняться; при выскальзывании жертвы, готовясь к защите, он тотчас же повертывается к ней боком или спиной, он часто держит одну руку перед глазами, впереди себя, он отворачивает от кошки лицо, при этом он (как то обычно при злобе) оттягивает кверху и кривит верхнюю губу, обнажая правый клык; затем справа налево по губе шимпанзе пробегает легкая судорога, обнажая на мгновение левый клык, и тогда Иони бьет кошку во что придется, лишь тыльной стороной руки; нередко случается и так, что, схватив кошку за хвост, Иони волочит ее за собой, с довольной улыбкой, идя как победитель с трофеем и не обращая ни малейшего внимания на отчаянные крики пойманной жертвы.

Вырвавшаяся с трудом кошка свое единственное спасение может найти лишь спрятавшись за тяжелую мебель, за придвинутое к стене пианино, куда Иони не может пролезть уже в силу большей своей величины, — но тогда он длительно и терпеливо сидит у места ее исчезновения, выжидая жертву; если она длительно не появляется, он топает ногами, бьет кулаком в ту вещь, за которой она спряталась, вызывая, намахивается на нее рукой; если шимпанзе видит кошку хотя издали в просвете между мебелью, он заходит со всех сторон от места ее укрытия, и если у нее оказываются два возможных места выхода, то он поминутно перебегает от одного к другому, гонит ее от первого и торопливо бежит ко второму, боясь пропустить момент ее выхождения. И шимпанзе так настойчиво и терпеливо подстерегает кошку, что с трудом удается оторвать его от этого занятия. В случае пребывания кошки за пределами досягаемости шимпанзе (например где-нибудь на вышке шкафа) Иони изливает свою злобу иным способом: он мечется по комнате, стучит кулаками в. мебель, в шкаф, на котором она сидит, в стены комнаты, с силой сотрясает дверь, хлопает ею, резко открывая и закрывая ее, и держит себя как сумасшедший.

Это проявление злобности со стороны шимпанзе обнаруживается не только по отношению к животным, проявляющим к нему известную агрессивность, но и к совершенно инертным и беззащитным созданьям, даже более того — разрушительные инстинкты Иони и его стремление к насилию проявляются тем сильнее, чем меньше и беззащитнее животное, на которое он нападает. Ничем другим он не занимается так длительно и охотно, как этими истязаниями, и он никогда не пропускает ни малейшего случая покуражиться над меньшими своими собратьями.

Таблица 3.2. Позы агрессивно-возбужденного шимпанзе (реакция на свое зеркальное отражение)

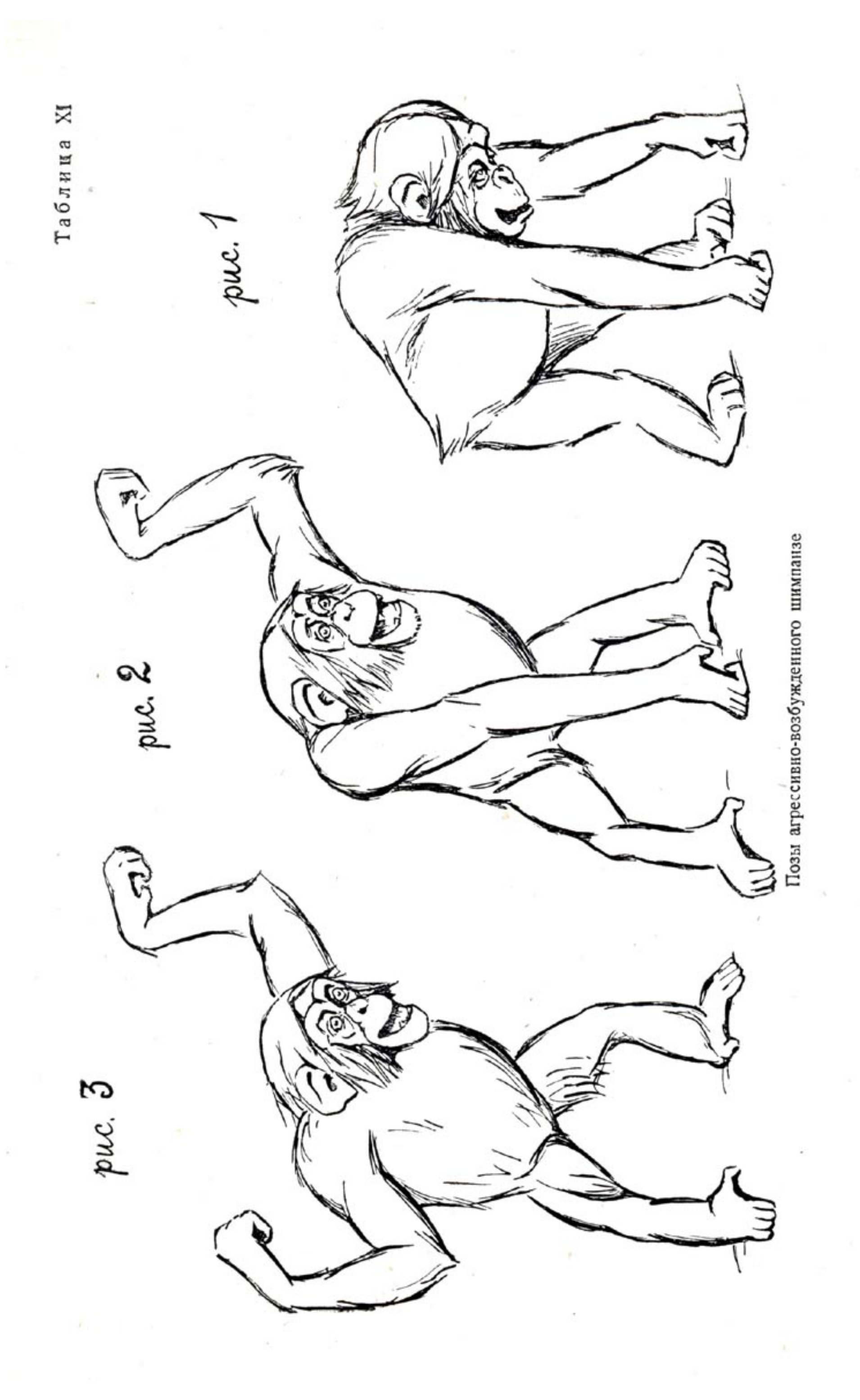


Рис. 1. Поза угрозы.
Рис. 2. Намахивание рукой на свое отражение.
Рис. 3. Наскок на раздражающий стимул.

В первый же момент встречи Иони с каким-либо маленьким живым существом или при нарочитом показывании обезьяннику миниатюрного животного (например маленького кролика) Иони открывает рот и оскаливает зубы до самых десен, потом он намахивается сложенными пальцами, потом желает достать

животное и, ухватив, мнет его в руках и ногах, тискает, щиплет, колотит, не обращая ни малейшего внимания на отчаянные крики жертвы. Это преследование и нападение Иони на малых и беспомощных так неудержимо, что делает его на воле даже опасным. Он без удержу бросается вслед за маленькими детьми, набрасываясь и кусая их, за всеми небольшими домашними животными, как курами, утками, голубями, поросятами, собаками, преследуя их до изнеможения и с ожесточением нападая на них в случае поимки.

Как сейчас помню трагический случай, имевший место в деревне, куда мы вывозили Иони на лето. Мы спускались с обезьянчиком с крылечка дома, причем я вела его за левую руку; навстречу нам на то же крыльцо взбиралась деревенская женщина, державшая также за левую ручку свою трехлетнюю дочку; пришлось так, что на одной ступеньке оба дитяти поровнялись и пришли в соприкосновение. Иони мгновенно вырвался у меня из рук и бросился к девочке; та в испуге оторвалась от матери и отбежала; Иони бросился за девочкой, свалил ее на землю, всей тяжестью тела навалился ей на спину и до крови укусил ее в тыльную часть шеи. Если бы во-время мы не подоспели на помощь, возможно, что зверок мог бы загрызть девочку до смерти.

Второй случай не менее характерен. Я — в сообществе 3 человек: 2 мужчин и 13-летней, миниатюрной по виду девочки — пошла впервые смотреть Иони в зоологический магазин, где он продавался. Удовлетворив первое любопытство при ознакомлении с шимпанзе, мы, стоя на месте в тесной комнате, перешли к деловой стороне разговора с хозяевами фирмы и на время оставили зверька без внимания. Он шнырял у нас под ногами, забавлялся с бегавшей собачонкой, тискал, щипал ее, награждая ее пинками, гонял с места на место; вдруг совершенно неожиданно для нас он подскочил к девочке и до крови укусил ей голени обеих ног. Укусы были так значительны, что немедленно пришлось ехать на перевязку к врачу. И позднее, уже будучи перевезенным к нам в дом, Иони еще длительно был опасен для этой девочки и при каждом удобном случае пытался ее кусать, хотя сам никогда не испытывал со стороны ее никаких нападок.

В другое время я не раз замечала, что даже среди большого общества людей шимпанзе тотчас же усматривает более юных (например подростков лет 15—16) и стремится их схватить рукой, ущипнуть или даже и покусать. Один 14-летний мальчик, пришедший к нам вместе со взрослыми и сидевший совершенно спокойно, прямо замучился, не зная, как спасти и куда девать свои ноги от укусов зверька, совершенно не дававшего ему покоя и беспрестанно подбегавшего и хватавшего его зубами за ноги.

Это неудержимое стремление Иони к нападению на «малых мира сего» нигде не проявляется так рельефно, как в отношении к мелким животным и насекомым.

Отвращение.

Показанные обезьянчику тритоны и лягушки тотчас же избиваются им. Он не может видеть равнодушно даже спокойно сидящих лягушек, они обычно вызывают определенное отвращение Иони. Сначала, увидев лягушку, шимпанзе чрезвычайно внимательно вглядывается в нее, сильно вытягивая по направлению к ней плотно сложенные губы (Табл. B.8, рис. 3), потом он делает характерную мину отвращения[17] и намахивается на лягушку кулаком; если его рука приходит в соприкосновение с кожей лягушки, Иони обнюхивает руку, а потом тщательно вытирает ее обо что-либо. Если лягушка все еще торчит у Иони перед глазами, он становится против нее на-четвереньки, выставив далеко вперед руки, в упор глядя на ненавистное существо, а потом, стараясь не входить с ним в соприкосновение, лишь отстраняя мою руку, держащую лягушку, пытается оттолкнуть ее подальше от себя; при этом его лицо имеет такое же выражение, как при нападении на зайца и на чучело баклана: губы плотно сжаты и слегка вытянуты вперед, верхняя губа вздута горбиком и резко выпукляется над нижней (Табл. B.22, рис. 1, 2, Табл. B.25, рис. 1, 2).

Даже каждую появившуюся муху Иони преследует, пытается ее поймать, убить, а иногда и съесть.

Жуки, тараканы, гусеницы хотя повидимому и вызывают у него брезгливое чувство, тем не менее подвергаются его жесточайшему избиению.

Стоит Иони где-либо увидеть ползущего таракана, он старается долезть до насекомого, как бы недосягаемо оно ни было, не спускает с него глаз, пушится; добравшись вплотную до таракана, Иони сильно хлопает по нему распростертой рукой, давит его суставами сложенных пальцев, пристально смотрит на остатки, растирая их до тех пор, пока от них не останется лишь мокрое пятно.

[17] Подробное описание мимики отвращения дано на стр. 39 [47] (Табл. B.7, рис. 4).

Свершив это «кровавое», «мокрое» дело, Иони подносит руку к носу и принюхивается к своим пальцам с гримасой отвращения на губах, а затем усиленно, тщательно вытирает пальцы обо что-либо сухое — о пол, стены, — касаясь как раз теми частями, которые приходили в соприкосновение с тараканом; даже когда он обсушит руки совершенно, то-все еще многократно принюхивается к ним и повторно их вытирает, желая уничтожить окончательно последние следы запаха. Характерно, шимпанзе с большим энтузиазмом сам занимается ловлей тараканов, длительно выслеживая их появление из щелей своей клетки, залезая и тщательно обыскивая шкафы, где они водятся. Нередко, чтобы ускорить их выход наружу, он даже прибегал к опосредствованному способу ловли, брал палочку или соломинку и, протыкая ее в щели, выгонял их оттуда. Едва тараканы появлялись, как Иони с ожесточением набрасывался на них и убивал.

Увидев ползущего по полу жучка, Иони и его хлопает рукой, а вслед за тем обнюхивает руку; потом, видя, что жучок продолжает ползти, он накрывает его тряпкой и бьет его через тряпку, явно не желая входить в непосредственное соприкосновение с насекомым, потому ли что питает к нему непонятное для нас отвращение, потому ли что несколько боится жучка.

Так как закрывание жучка тряпкой не позволяет Иони точно наметить удар в самого жучка, то обычно жук остается целым и снова выползает из-под тряпки наружу, и Иони опять покрывает и опять ударяет его, повторяя эту процедуру до тех пор, пока окончательно не умертвит жука.

Если у шимпанзе на этот случай не оказывается под рукой тряпки, Иони старается отталкивать жучка тыльной стороной кисти, именно волосатой, а не голой ее частью; иногда же он употребляет для этой цели не кисть, а предплечье и локоть. Видя неподвижность жука, Иони пытается дотронуться до него губами, но когда жук начинает шевелить ножками, Иони отшатывается и после того ударяет и отбрасывает жука от себя особенно резко, настойчиво и ожесточенно. Подавляющее большинство вышеприведенных случаев агрессивных реакций шимпанзе явственно свидетельствует о том, что эмоция злобы появляется у Иони в противовес эмоции страха, связана с инстинктом самосохранения и представляет собой реакцию самообороны.

Раздражающие шимпанзе люди.

Естественно, что эта злоба возникает у шимпанзе не только по отношению к незнакомым и пугающим животным, но и к посторонним, чужим людям и к неизвестным предметам, не успевшим выявиться перед зверьком в благожелательном к нему направлении.

Так например при первом нашем посещении зоологической фирмы, где продавался зверок, на каждую нашу попытку вступить с ним в контакт, взять его на руки Иони отвечал решительным сопротивлением и тотчас же пытался кусать нас. Он порывался кусаться даже в том случае, когда мы уже перестали обращать на него внимание и были заняты разговором с его хозяевами.

В первые дни пребывания в нашем доме Иони кусал нас всех при каждом соприкосновении с ним, причем особенно доставалось тем, кого он меньше боялся, — именно нам, женщинам, оказывавшим меньшее сопротивление его диким замашкам, и в частности моей маленькой сестренке, которой он совершенно не давал проходу, стараясь при каждом ее появлении во что бы то ни стало зацепить ее, удержать, покусать[18].

По мере освоения шимпанзе с нами прекратилось и его злобное кусание нас, но сохранилась его тенденция к одиозным действиям против чужих людей.

Например наших немногих гостей Иони встречал крайне недружелюбно: либо он пытался их кусать, либо, если его отстраняли от них, он брал посредствующие орудия нападения, намахивался на них палкой (стуком которой его раньше пугали), бросал в них эту палку, брал тряпку и, держа ее в поднятой руке, крутил ею вверху и хлестал ею по воздуху, стараясь достать незнакомца. Нередко, боясь чужих, Иони покрывал себе лицо и голову тряпкой, и тогда наскакивал на пришедших более смело и настойчиво.

Но даже и в отношении своих домашних, к которым он привязан, шимпанзе нередко загорается злобным чувством и становится опасным.

Эта злоба проистекает из того же источника самосохранения и обычно бывает связана с неудовлетворением его физиологических потребностей, вызывается нарушением его физического благополучия вследствие

[18] Я вспоминаю также, как другой виденный мной маленький шимпанзе непрерывно задорно хватался зубами за руки всех присутствующих во все время его пребывания среди общетва чужих людей.

болезни, усталости, телесного наказания; нередко Иони злобится в случае невыполнения его желаний и противодействия тем или иным его поступкам.

Например, когда шимпанзе хочет есть, пить, спать, он возбудим особенно сильно и сердится при малейшем отдалении момента удовлетворения этих его потребностей и непонимания его требований.

Бывает так, что вечером он проголодается, а у меня еда еще неготова, разогревается; чтобы Иони не скулил и не хныкал, я пытаюсь чем-либо занять его и даю ему в руки какую-либо из его игрушек; он порывисто схватывает этот несоответствующий его потребности дар, яростно грызет его и с ожесточением отбрасывает от себя.

Вечером, в час его сна он не отпускает меня от себя ни на шаг, и когда я все же вынуждена выйти из его комнаты, я слышу, как он начинает швырять по комнате предметы, бросая их из угла в угол и разражаясь плачем, если я долго не возвращаюсь.

Иногда днем, проголодавшись в случае моего запоздания с приходом, Иони выражает злобу чрезвычайно демонстративным способом: он громыхает трапециями, стучит суставами сложенных пальцев или распластанной кистью руки по стенам и дверям, производит стук и грохот всеми имеющимися в его распоряжении способами, валит мебель, палки, деревянные игрушки, бросает их с места на место, издает типичный, ухающий, повышающийся звук, заканчивающийся обрывистым скрипучим троекратным лаем или двумя ударами кулака в стену клетки.

Если взамен себя в момент ухода я даю ему «тряпку-утешительницу», он резко отбрасывает ее от себя, а когда я настаиваю и предлагаю ему вторично и третично ту же вещь, он схватывает ее, зацепляет зубами, рвет и, демонстративно глядя на меня, растаскивает тряпку на куски и откидывает от себя; иногда в аналогичных случаях, если под рукой нет никакого предмета, на который Иони мог бы излить свою злобу, он начинает кусать самого себя за руки, за ноги.

К вечеру, когда шимпанзе хочет спать и уже утомлен, он допускает только мое присутствие, а приближение всякого человека, даже из группы наших домашних, вызывает его бурный протест, и либо он с злобным гарканьем набрасывается и кусает подошедшего, либо резко ухает, намахивается на него рукой и отстраняет.

Будучи в состоянии нездоровья, Иони особенно недоверчив и злобен: тогда он совершенно не допускает к себе чужих, тотчас же пытается кусаться, он настороженно и агрессивно держится даже со своими домашними, всегда предпочитает оставаться с теми, к кому всего больше привязан (как бы желая быть в большей безопасности), под опекой человека, завоевавшего его наибольшее доверие; Иони делает все попытки, чтобы оставить около себя данное лицо, но обнаруживает в этом случае не столько ласковую просительность, сколько злобную требовательность, при малейшем неудовлетворении его желаний злобясь, огрызаясь и даже кусая самых близких лиц.

Когда Иони ест, он не дает прикоснуться к еде никому кроме меня — его «noernst» — и если даже кто-либо из домашних делает вид, что тянется за его едой, он оскаливает зубы, издавая короткий отрывистый, как бы кашляющий звук «а-а» и яростно схватывает мнимого конкурента за руку.

Раздражающие условия в жизненном обиходе.

Ранее[19] уже было отмечено, с каким озверением шимпанзе встречает всякое посягновение на его вещи, как неистово, с напряжением всех сил борется он за обладание присвоенными себе вещами и как разъяряется в случае ускользания от него желаемых объектов.

Естественно, что всякая попытка, лишающая шимпанзе дорогой ему свободы, вызывает у него злобные чувства, и когда даже я начинаю его ловить и насильно сажать в клетку, он вне себя набрасывается на меня, ревет, кричит, визжит, ерзает по полу и кусает. Даже простое невинное удерживание Иони на одном месте или на коленях вопреки его желанию, схватывание его руки, ноги, защемление его пальцев немедленно вызывает у шимпанзе злобную гримасу и попытки отстаивания своих прав с помощью зубов (см. об этом ранее — «Свободолюбие и борьба за свободу»). Тем более конечно неистовствует Иони, когда ради обуз-

[19] В отделе, посвященном чувству собственности.

дания его метаний по комнате стараешься хотя бы на время уборки комнаты связать его или прикрутить шнурком к определенному месту.

Как то уже было отмечено (стр. 99 [92], «Свободолюбие и борьба за свободу»), определенную злобную реакцию шимпанзе вызывают всякое его одевание, знаменующее для него посягновение на свободу его движений.

Нечего и говорить, что Иони озлобляется при причинении ему физической боли (при его наказывании), особенно когда это исходит со стороны мало близкого ему лица, когда шимпанзе в ответной агрессивной реакции так звереет и так разъяряется, что становится серьезно опасным.

Мстительность.

В некоторых случаях мы определенно можем говорить о мстительности шимпанзе.

Однажды Иони обжегся рукой о только что вытопленную железную печь, — через некоторое время он покрылся тряпкой и стал угрожающе налетать на эту печь, хлопая по ней рукой.

В исключительных случаях наказывания Иони плеткой за особые провинности (укус деревенской девочки) замечается, что если это наказывание осуществляется своими людьми (его хозяевами), он переносит его покорно: он сидит, не сходя с места, и при каждом ударе делает типичную злобную гримасу, обнажает верхние зубы, судорожно кривит губы, морщит верхнюю часть лица, но не переходит в наступление; в крайнем случае он изливает свою злобу лишь на орудие наказания: схватывает плетку, грызет ее зубами и ожесточенно отбрасывает прочь. Но стоит кому-либо из посторонних хотя бы легко ответить ударом на его легкий укус, он прямо свирепеет и набрасывается тогда уже с удесятеренной силой и злобой.

Правда, порой Иони старается отомстить и своим, но никогда он не разнуздывается так сильно, как по отношению к чужим.

Например он провинился, я намахиваюсь на него рукой, однократно щлепаю, он явно злится, оскаливает зубы, кривит рот и в свою очередь ударяет меня рукой и отбегает. При случайном причинении зверьку боли он производит частое как бы досадливое придыхание, как в случае его поимки при играх ловли.

Если шимпанзе находится в своей клетке, а не на свободе в комнате, он видимо чувствует себя более уверенным и при наказывании его там мстит более агрессивно и нередко кусает даже и своих.

Не могу не упомянуть еще раз о случае задержанной злобы (приведенной в отделе «1. Лечение шимпанзе.»), который явно указывает, что шимпанзе необычайно диференцирует свою агрессивность в зависимости не только от места, но и от лица, по отношению к которому эта злоба возникает, — что терпится им при одних условиях, не допускается при других, что прощается одному, не дозволяется другому. Пословица: «Quod licet Iovi, non licet bovi» оправдывается и в «этикетах» шимпанзе.

Уже не раз было упомянуто о необычайной склонности шимпанзе заражаться из подражания настроением, чувством окружающих близких к нему лиц, и чувство злобы не составляет в этом отношении исключения[20], более того — можно определенно сказать, что Иони особенно легко солидаризируется с человеком в проявлении злобных чувств.

Инстинкт общения

Переходя к социальным чувствам шимпанзе, прежде всего следует подчеркнуть, что, как и всякий ребенок, шимпанзе ищет в человеке защитника, покровителя, кормильца, заменяющего ему утраченную мать, с которой на воле он конечно был бы еще в самом непосредственном и тесном контакте.

Выражение ласки и привязанности.

Неудивительно поэтому, что он скорее и больше тянется к общению с женщинами, чем с мужчинами, так как первые своим материнским чутьем угадывают лучше и выполняют совершеннее его младенческие по-

[20] Подробнее об этом см. в отделе Глава 7, *Подражание*.

требности. Женщину, которая его поит и кормит, он тотчас же выделяет от других, он бежит только под ее защиту от настоящих и мнимых страхов, он вполне спокоен и счастлив только в ее присутствии, он доверяется только ей во время своего нездоровья, когда особенно желает быть как можно ближе к ней. Он необычайно огорчается в случае временного ухода своей покровительницы, делает настойчивые попытки удерживания ее, необычайно радуется ее приходу и особенно демонстративно выражает ей свои ласки и сочувствие, он быстро заражается ее настроением, никогда сильно не злобится на нее, даже явно задерживает непроизвольно рефлекторно появившиеся по отношению к ней злобные чувства; он чрезвычайно чуток ко всякому порицанию и наказанию, исходящему со стороны своей покровительницы, бежит к ней непромедлительно при всяком своем огорчении, нападает на ее мнимых обидчиков, правда до известного предела, до тех пор пока не угрожают серьезной опасностью ему самому. Для привязанности шимпанзе характерна еще одна черта — неустойчивость, непостоянство: теряя почему-либо одно покровительствующее ему лицо, шимпанзе немедленно стремится найти другое, как бы боясь остаться без опеки, и меняет мгновенно даже длительные, прошлые симпатии на новые, но необходимые ему в данный момент.

Находясь в зоологической фирме, в течение недели своего пребывания шимпанзе чрезвычайно привязался к своей временной владелице — хозяйке фирмы. Он совсем не кусал ее несмотря на все манипуляции, которые она с ним проделывала; он тотчас же бросился на руки к ней, а не к хозяину фирмы, едва увидел нас, чужих людей. Когда стали брать шимпанзе, чтобы посадить его в перевозную клетку, Иони побежал под защиту своей покровительницы, обвил ее руками за шею так сильно, что двое сильных мужчин не могли оторвать его от нее. При попытках взять Иони он отбивался руками и ногами, отчаянно ревел, кусал всех направо и налево кроме своей хозяйки; если же он не находил и у нее поддержки и видел ее соучастие в деле его вмещения в клетку, то убегал от нее, метался по комнате, забиваясь в отдаленнейшие уголки; когда же его извлекали оттуда силой, отчаяние его было безгранично: с раздирающими душу криками он снова бросался к своей вероломной покровительнице и сопротивлялся с таким напряжением сил, что 5 человек (трое мужчин и две женщины) едва могли с ним справиться в течение двух часов его поимки и водворения в клетку.

Когда Иони наконец был вмещен в клетку и посажен на извозчика, он не переставал отчаянно реветь и во время езды, но как только я протянула ему руку через жерди клетки и взяла его за руку, он сразу успокоился и был смирен и тих в течение всего остального, длительного пути.

Казалось бы, что по приезде в чужой дом и после его высвобождения из клетки его отчаяние и злоба проявятся с прежней силой. Каково же было наше изумление, когда выпущенный на свободу Иони тотчас же бросился ко мне на шею точно так же, как к только что оставленной хозяйке, не хотел от меня отойти ни на шаг, не отпускал меня от себя, цеплялся за меня так, что с трудом верилось, что час назад на все мои попытки ласково подойти к нему он отвечал злобным настойчивым кусанием.

Хотя по отношению ко всем окружающим взрослым членам нашей семьи шимпанзе был мирно настроен, но к женщинам определенно «благоволил» больше, чем к мужчинам: он доверчивее взбирался к ним на руки, длительнее и охотнее играл с ними, чем с мужчинами.

В связи с этим стремлением Иони к обеспечению себя покровительством человека мне вспоминается и другой случай, имевший место значительно позднее[21] .

Однажды Иони после многократных, настойчиво прерываемых нами попыток кусания девочки-подростка тем не менее улучил момент, изловчился и больно укусил ее за палец. Мой муж тотчас же схватил обезьянника за шею, пригнул его тело к земле и больно стал шлепать его рукой по спине. Иони разразился громким ревом и, увидя меня, бросился под мою защиту, продолжая отчаянно плакать. А когда и я наградила его шлепком, он закричал еще сильнее и тотчас же поспешил подбежать к другой женщине из группы наших домашних, покорно, тихо и смирно сел близ нее, — как если бы искал у нее защиты.

Привязчивость Иони к какому-либо лицу определяется в первую очередь длительностью общения с этим лицом.

В первые дни пребывания обезьянника у нас в доме он быстро привык ко мне и предпочитал меня всем другим, но стоило другому лицу провести с ним вместе целый день, как Иони уже стал явно более симпатизировать этому лицу, чем мне. Иони тянулся за ним, а не за мной, при уходе, заигрывал с ним больше, чем со мной, и плакал, когда новый покровитель покидал его на меня.

[21] Спустя 10 месяцев пребывания Иони у нас.

Но вскоре, пробыв с обезьянником почти неотлучно в течение 1—2 дней, я опять перетянула на себя внимание и симпатии зверька и позднее завоевала его расположение настолько основательно, что как бы попала в добровольное рабство этого маленького деспота.

Каждый мой уход от Иони приводил его в отчаяние и обычно сопровождался ужасающими сценами борьбы, сопротивления зверька этому уходу: он неистово кричал, плакал, напрягая все свои силы, энергично ловко использовывая все имеющиеся в распоряжении средства, чтобы удержать меня близ себя (см. отдел «Печаль», стр. 64 [68] — стр. 65 [69]).

Значительно позднее, когда Иони отпускал меня от себя уже более беспрепятственно, всякий раз как я уходила, оглядываясь, я неизменно видела его провожающий меня взгляд.

Обычно каждый мой приход к Иони в комнату был для него источником радости: он волновался, пушился, привставал на ноги, встречал меня звонким, пронзительным, отрывистым уханьем, переходящим в высокий звучный лай, он протягивал по направлению ко мне руки, подбегал сам, бросался ко мне на руки, прижимался, полураскрытым ртом припадал к моей голой шее и учащенно дышал.

После 10-месячного пребывания у нас Иони он привязался к нам обоим (ко мне и моему мужу) настолько сильно, что всякий раз, когда например через стекло своей комнаты он видел наш отъезд на лошадях или уход в лес (в деревне) он разражался громовым криком, слышным нам на большом расстоянии и не умолкавшим до тех пор, пока мы не скрывались с глаз; сквозь двойную застекленную раму Иони на том же расстоянии уже усматривает наше появление на опушке леса и начинает взволнованно ухать. Нередко через дверь своей комнаты он узнавал мой голос, свидетельствующий о моем приходе, и реагировал на это заливчатым, радостным ухающим звуком. Выше было отмечено, как Иони ассоциировал стук остановки лифта в месте против нашей квартиры, как, еще не входя в квартиру, через две двери мы слышали, что наш маленький узник бурно, шумно, звучно радуется нашему возвращению.

Его предпочитание меня перед моим мужем было самоочевидно и может быть доказано несколькими характерными случаями. При поездке с Иони в другой город на вокзале мой муж, желая мне помочь нести Иони, хотел взять его на руки, — зверок бурно сопротивлялся этому и не дал это осуществить.

Когда мы заняли втроем (включая Иони) двухместное купе, Иони схватился за меня руками, плакал и не хотел меня отпустить выйти оттуда ни на секунду, не желая оставаться с моим спутником (что в условиях домашнего обихода он уже легко допускал делать).

Более того, когда мой муж хотел взять его насильно на руки, Иони пытался даже кусать его, чего дома по отношению к своим он уже давно не позволял себе. Другой пример: мы втроем (я, муж и наш маленький питомец) идем в лес; ища грибы или ягоды, я остаюсь на месте, мой муж идет вперед; Иони некоторое время следует за ним, но на полдороге возвращается и остается со мной. Третий случай: мой муж уходит по направлению к дому, я остаюсь у ручейка. Иони некоторое время следует за ним, но как только усматривает меня отставшей, он покидает своего спутника и возвращается ко мне. Если в лесу мы расходимся в разные стороны, Иони следует за мной, а не за моим мужем. Иногда Иони остается с моим мужем и сидит на открытой террасе дачного домика, я иду издалека. Едва Иони увидит меня, он срывается с места, бежит мне навстречу, всем своим существом выражая буйную радость.

Уже после нескольких недель пребывания у нас Иони привязался ко мне так сильно, что никому другому кроме меня не давался кормить его, упрямо отворачиваясь от пищи в обычные сроки кормления, реагируя упорным отказом на самые настойчивые и ласковые предложения еды и голодая до тех пор, пока не приходила я и не давала ему есть.

Однажды накормленный мной в 9 часов утра, в мое отсутствие в обычный час его завтрака (в 12 часов дня) он не желал брать еду из других рук, поджимал губы, когда подносили ему кружку с молоком, отворачивал голову и голодал до 4 часов[22] . Когда же появилась я и поднесла ему ту же кружку с молоком, он жадно кинулся к еде, пил не отрываясь до тех пор, пока не осушил всю кружку до самого дна. Было совершенно очевидно, что он проголодался, но что он предпочитал голодать, нежели есть не из моих рук.

В другое время он готов переедать, ест неохотно, явно насильно, желая лишнюю минуту пробыть со мной. Чаще всего именно во время кормления Иони выказывает по отношению ко мне известную ласковость:

[22] Следовательно в течение 7 часов совсем не получал пищи.

когда я его пою молоком или приношу ему вкусные вещи, он осторожно дотрагивается до моей головы пальцем, либо схватывает меня обеими руками за подбородок (Табл. В.21, рис. 3), прижимается ко мне раскрытым ртом, издает звонкий кряхтящий звук. Я склонна рассматривать эти жесты, эти движения шимпанзе как внешнее выражение высшей радости, сопровождающее его ответные благожелательно-ласковые чувства, может быть являющиеся прототипом благодарности.

Как уже было отмечено ранее, когда Иони хочет есть, пить или спать, он буквально не спускает с меня глаз, ходит за мной по пятам, все время демонстративно взглядывая мне в лицо, причем для выражения потребности пить у него выработался специальный условный рефлекс: он подбегает ко мне и ежесекундно присасывается губами то к одной, то к другой открытой части моего тела (к рукам, к шее, к лицу) и всякий раз пьет с жадностью воду, предлагаемую ему мной в ответ на его демонстративную образную просьбу.

Иони допускает только мне укладывать его в постель и не желает засыпать ни с кем другим. Он охотно засыпает у меня на коленях и спит так длительно безмятежным сном (Табл. В.1, рис. 1). Он еще охотнее спал бы со мной вместе на одной постели и протестует, когда я препятствую этому. В первые дни его пребывания у нас, когда в силу необходимости я устроила ему постель в ящике на полу, в уголке своей спальни, он настойчиво вылезал из ящика и перебирался на ночлег ко мне на кровать и желал спать рядом со мной, быть как можно ближе ко мне[23] .

Прежняя его владелица, хозяйка зоологической фирмы сообщила мне, что аналогичную склонность он обнаруживал и при жизни в их доме и всегда предпочитал спать на одной постели с домашней работницей или с самой хозяйкой, нежели один.

Как уже было упомянуто, когда Иони нездоров, когда он чувствует себя совершенно беспомощным, он настойчиво тянется только ко мне, не отпускает меня от себя ни на один шаг, ни на одну минуту. Например на следующий день после киносеанса, ослепленный ярким светом, Иони несколько страдает глазами: щурится и совершенно не может смотреть на свет; чувствуя себя вследствие несовершенства зрения более беспомощным чем обычно, — он либо сидит, забившись в угол, где чувствует себя в большей безопасности, либо жмется ко мне и категорически противится моим попыткам даже кратковременного и недалекого отхода от него.

В это время всего охотнее он забирается ко мне на колени, жмется ко мне, лежит, добродушно поглядывая на меня, вопреки обыкновению он часами сидит со мной неподвижно, тихо, смирно рассматривая мое лицо, дотрагиваясь до волос (Табл. В.94, рис. 2).

Во время болезни он особенно чутко реагирует на мое отношение к нему, выражающееся даже в тоне моего голоса, на что в обычное время он не обращает большого внимания,. и если он слышит недовольные резкие ноты, то вытягивает раструбом губы, как при начале плача, или начинает часто-часто дышать, ухватывает меня за подбородок, как бы желая меня смягчить, расположить к себе, берет в рот мой палец и как бы засасывает его.

В случае если в это время он не слушается меня и мне приходится применять строгий окрик, он разражается сильнейшим ревом и не успокаивается до тех пор, пока я не приласкаю, не обниму его. И теперь во время нездоровья он чаще, чем когда-либо, выявляет по отношению ко мне ответное нежно-ласковое обращение.

Если я для его успокоения или лечения во время болезни кладу его к себе на постель, он радуется необычайно, учащенно дышит, хватает меня руками, прикасается ко мне полураскрытым ртом или более плотно сложенными губами, слегка зажимая мою щеку или присасываясь к ней, не переставая учащенно дышать, и в это время весь он как бы дрожит и трепещет всем телом; чем сильнее он защипывает губами, тем более он учащает темп дыхания.

Это прикосновение ко мне шимпанзе в минуты радости раскрытым ртом или сложенными губами я определенно интерпретирую как зачаток поцелуя, зародившегося из желания осязательного контакта с близким существом, доставившим ему какую-либо радость.

Правда, во время пребывания Иони в зоофирме его хозяйка очень наглядно демонстрировала мне уменье Иони целоваться совершенно человеческим способом. И действительно, в ответ на ее протянутые губы

[23] Вероятно на воле в этом возрасте Иони спал бы еще вместе со своей матерью.

Иони и сам вытягивал свои губы, они чмокались — и создавался поцелуй. Но так как из чувства брезгливости и из-за гигиенических соображений я не склонна была вызывать шимпанзе на поцелуи, он отвык целоваться при помощи вытянутых губ, а в соответствующих случаях при выявлении радости и нежности неизменно употреблял более естественный для него способ поцелуя — прикосновение открытым ртом и легкое защипывание губами кожи ласкаемого им человека.

И такое прикосновение я наблюдала у Иони только по отношению к своим и особенно благорасположенным к нему людям — например ко мне, к моему мужу, — но никогда не замечала по отношению к посторонним, радостное притрагивание к которым ограничивалось у Иони только прикасанием руки (прообраз рукопожатия), но никогда не губами или тем более раскрытым ртом.

Насколько Иони был чуток ко всякого рода порицанию, от меня исходящему, можно судить по тому, что например при занятиях с ним в лабораторных условиях мне положительно невозможно было применять строгость; даже при простом намахивании от неверно взятого и настойчиво подаваемого им мне объекта, а тем более при строгом оклике «неверно» Иони так волнуется, теряется, хнычет, плачет, что уже решительно ничего не понимает; если медлишь с его успокоением, он моляще протягивает мне руки, просясь на колени, если я его не беру, заходится плачем и совсем бросает работу, и даже утешенный и обласканный мной нескоро приходит в спокойное настроение и не сразу может заняться прежним делом.

Первые месяцы пребывания в нашем доме Иони совершенно не слушался меня и не подчинялся моим требованиям.

Без посторонней помощи мне никогда не удавалась уйти от него из комнаты, он совершенно игнорировал мое приказание ему «итти в свою клетку» невзирая на самый мой сердитый тон и громкие окрики и угрозы, в то время как в тех же случаях он скорее слушался других лиц и в частности моего мужа.

Более того, в моем присутствии Иони меньше повинуется даже тем людям, которым обычно подчиняется, и вместо того чтобы послушаться их приказания (касательно ухода в клетку), с криками, с плачем Иони бросается под мою защиту и, упрямясь, отстаивает «свои права» до тех пор, пока я не уйду. И только когда видит, что меня нет и больше не на кого надеяться, он быстро выполняет приказание. Если Иони в чем-либо не слушается меня, стоит мне пригрозить ему моим уходом из комнаты, как он тотчас же подчиняется мне, а если он, разойдясь, все еще упорствует и я привожу свою угрозу в исполнение, ухожу из комнаты, оставляя его на другое лицо и при этом нарочно машу на него рукой, как бы отвергая, — он впадает в отчаяние, трясется, дрожит всем телом, бросается к двери, скрывшей его от меня, и яростно, злобно грызет ее.

Он неутешен до тех пор, пока я не примирюсь с ним, и когда, войдя, я опять сажусь от него несколько поодаль, он тянется ко мне, направляя вперед обе руки. Если я не беру его, он заламывает руки на голову, закрывает ими глаза, плачет, потом, смотря на меня, оставаясь в сидячем положении, незаметно переставляет ноги и медленно приближается ко мне, доходя почти вплотную до меня. Если я его несколько отстраняю, он разражается неистовым ревом; если я сижу нарочито равнодушно, плотно сомкнув свои руки и не иду ему навстречу ни одним : своим движением, он с силой раздвигает мои руки в стороны, пользуясь малейшим открывшимся отверстием, чтобы пролезть ко мне на колени, осторожно продвигает в это отверстие свою руку, потом, не ощущая моего сопротивления, просовывает голову, пролезает всем туловищем, плотно усаживается сам на коленях и, как бы утвердившись в надежном приятном месте, восстановив приятельские отношения, совершенно успокаивается.

Если во время этой процедуры его «заезда» ко мне я тихонько скажу: «ну поди ко мне!» — он прямо срывается с места, бросается на руки, плотно прижимается ко мне и кажется только тогда вполне спокоен и счастлив.

Только значительно позднее (спустя полгода) Иони стал слушаться и меня, почти не оказывая сопротивления моим требованиям. На протяжении 2½ лет пребывания у нас зверька я могу привести только два случая его серьезного укуса меня.

Первый случай произошел в первый день его пребывания у нас, когда вдруг Иони неожиданно сильно ухватил меня за палец в тот момент, когда я хотела взять и унести клетку, в которой его привезли из зоофирмы.

Второй случай укуса имел место значительно (месяцев 6) позднее предыдущего и был связан с самым тягостным для зверька моментом усаживания его в клетку. Оставшись одна дома и в течение часа не будучи в состоянии справиться с Иони и вместить его вечером в клетку, я вынуждена была прибегнуть к содействию

половой щетки, щетины которой Иони обычно сильно боялся. Действительно, увидев пугающий предмет, Иони немедленно влез в клетку, но все не давал мне закрыть за ним дверь и запереть его; желая отодвинуть его подальше от двери, чтобы захлопнуть ее, я просунула руку со щеткой в самую клетку; тут-то Иони вцепился в мою руку и укусил ее до крови.

Но в другое время я определенно замечала, что Иони даже сдерживает внешнее выявление своих злобных чувств по отношению ко мне.

Выше уже был приведен случай, когда при случайном причинении ему мной боли — при смазывании его носа — он бросается на мою руку и яростно схватывает ее зубами, но в последний момент как бы спохватывается и делает только легкий нажим зубами, не оставивший на моей коже никаких следов.

Когда в первые дни его пребывания у нас, играя, он пытался слегка покусывать мои руки, стоило мне сделать вид, что я плачу, — и он немедленно прерывал кусание, вопросительно поглядывая на меня. При моем вынужденном наказывании зверька плеткой, при намахивании на него тряпкой за укус деревенской девочки он злобится и схватывает орудие наказания, грызет, кусает его, оставляя в неприкосновенности главных соучастников — мои руки, — явно избегая зацепить их зубами. При моем пугании его маской, мехом, щеткой, оправившись от испуга и получив доступ к этим вещам, Иони яростно уничтожает их, в то же самое время оставляя меня в неприкосновенности. Я могу определенно сказать, что иногда Иони выражал мне даже свое сочувствие.

Выражение сочувствия и заступничества — мстительность.

Если я притворяюсь плачущей, закрываю глаза и всхлипываю, Иони мгновенно бросает все свои игры и занятия и быстро прибегает ко мне, взволнованный, весь взлохмаченный, из самых удаленных мест своего пребывания, с крыши дома, по которой только что лазал, с потолка его клетки, откуда я не могла его сместить и согнать вниз несмотря на самые усиленные свои просьбы и зовы. Подкатив ко мне, он торопливо обегает кругом меня, как бы ища обидчика, все время внимательно смотря мне в лицо, нежно охватывает меня рукой за подбородок, легко дотрагивается пальцем до моего лица, как бы пытаясь понять в чем дело, оглядывается кругом и при этом сжимает свои ноги в крепкие кулачки (Табл. B.26, рис. 1). Чем более жалобен и неутешен мой плач, тем горячее его сочувствие: он осторожно кладет мне на голову свою руку, вытягивает вперед по направлению к моему лицу плотно сжатые губы, участливо, внимательно заглядывая мне в глаза (Табл. B.26, рис. 2), далее, привстав в вертикальное положение, он касается мысообразно вытянутыми губами моего лица (Табл. B.26, рис. 3) или моих рук, слегка защемляя кожу (как бы целуя), иногда же он касается меня открытым ртом, иногда высунутым языком (Табл. B.26, рис. 4).

Если я все еще не унимаюсь и при этом еще закрываю обеими руками свое лицо, он пытается разжать мои руки, заглядывает под них и сам начинает волноваться больше, пушится, озирается по сторонам, сложив губы маленьким мысиком, слегка стонет, похныкивает, как бы готовясь разреветься (Табл. B.27, рис. 1).

Чем сильнее я кричу и плачу, тем более возрастает его смятение, вся шерсть на Иони поднимается дыбом, баки оттопыриваются в стороны, и, стоя в вертикальном положении, весь выпрямившись, он вытягивает вперед руку, устремляет глаза в пространство, как бы ища глазами беспокоящий меня объект; он привстает и приседает, стоя на месте, заливаясь продолжительным раскатистым уханием (Табл. B.27, рис. 2).

Нередко во время моего мнимого плача, сидя на месте и не видя поблизости ничего подозрительного, Иони тем не менее вытягивает губы раструбом вперед и многократно отрывисто, резко, злобно ухает, причем его ноги сжимаются в крепкие кулачки и penis напрягается. Далее он производит ряд жестов и телодвижений, наглядно говорящих об его волнении с оттенком злобных чувств (Табл. B.27, рис. 3). То он берет веревку и, закрыв глаза, неистово хлещет ею самого себя, то он начинает кусать свои руки и ноги, то нападает на свою постилку и рвет ее, то колотит рукой в стену. Если я накидываю на себя такую постилку и. при этом еще и плачу, Иони немедленно с ожесточением срывает с меня тряпку, взмахивает ею в воздухе и порывисто отбрасывает прочь.

Иногда в ответ на мой мнимый плач и при отсутствии видимого виновника Иони подбегает ко мне, сбрасывает лежащие близ меня книги, с яростью впивается в них зубами, стаскивает скатерть со стола, за которым я сижу, старается отстранить от меня все близ меня находящиеся предметы (например отдирает подсвечник от пианино), резко стучит по крышке пианино, вырывает из-под моих рук тетрадь, осторожно дотрагивается рукой до моего лица, вытягивает губы и сложенными суставами пальцев опять стучит по пианино.

Если я усиливаю крик и еще при этом ложусь на кровать, Иони беспокойно бегает вокруг меня, подойдя ко мне, взбирается на кровать, резко царапает мне подбородок, стучит кулаком по моему лбу (как это он делает обычно, приглашая к игре), сильно тянет меня за руку, больно защемляет мой палец или кожу руки и все увеличивает нажим по мере того, как я усиливаю крик; вот он опять срывается с места, мечется по всей комнате, валит стулья, втаскивает мне на кровать стул, бросает на пол все, что только может поднять и сбросить, прыгает, бегает, зацепляет каждый попавшийся под руку предмет и производит неимоверный гвалт и шум.

Однажды в такую буйную минуту, оглянувшись по сторонам, он увидел в большом зеркале свое собственное отражение, — он мгновенно подошел к зеркалу и отчаянно стал стучать по нему кулаком, награждая свой образ тумаками как самого злостного обидчика. Если во время этого буйства кто-либо чужой по несчастью зайдет в нашу комнату и покажется Иони на глаза, Иони принимает его как заядлого тщетно искомого ранее врага, изливает на него весь свой гнев, яростно бросаясь и кусая.

Если я все же длительно не умолкаю и грозящая мне опасность конкретно все никак не выявляется, Иони начинает это надоедать: он сам старается вызывать меня на игру обычным способом подзадоривания — смотря на меня в упор, он колотит меня по лбу суставами сложенных пальцев, с каждой секундой все увеличивая темп и силу этого стука, и не успокаивается вполне до тех пор, пока я не приму нормальный вид (Табл. В.27, рис. 4).

Естественно, что если Иони видит инсценированное фактическое нападение на меня кого-либо из людей, он принимает самые энергичные меры, чтобы вызволить меня из беды, и жестоко мстит обидчику, причем определенно замечается, что величина этой мести варьирует в соответствии с величиной расположения и к обижаемому и к нападающему.

Его заступничество *за меня* обычно более ожесточенно и агрессивно, чем за кого бы то ни было; но если меня обижает *свой* человек, то все же он проявляет известную сдержанность во мщении; если же нападает *чужой*, он разнуздывается вовсю и может быть серьезно опасен. И в этих случаях более ярко, чем где-либо, наблюдаются его особое благоволение и симпатия к моей особе.

В обратных случаях подтверждается то же положение: если я нападаю на кого-либо из своих домашних, Иони волнуется и, стараясь меня остановить, принимает против меня легкие меры воздействия; если же я или кто-либо из домашних принимаем на себя роль обидчиков по отношению к «чужим» людям, Иони тотчас же солидаризируется с нами и чрезвычайно агрессивно соучаствует в нападении.

Если посторонние люди рискуют иногда взять на себя роль угнетателей в отношении сочленов нашего дома, опять-таки Иони мстит им в меру своей симпатии к обижаемым «своим».

Если мой муж делает вид, что бьет меня: приблизившись, он намахивается на меня руками; я делаю вид, что плачу, кричу, стенаю, Иони волнуется, пушится, вылезает из-под стула, под которым сидел, встает в вертикальное положение, величественно вытягивает свою руку по направлению к обидчику и производит длительный звук «у-у-у».

Если обидчик не обращает внимания и не прекращает избиения и мои стенания продолжаются, Иони бьет его рукой; если и это не помогает, шимпанзе бросается к его ногам и пытается укусить.

Роль моего угнетателя берет на себя посторонний знакомый человек. Иони без всяких предварительных предупреждений (в виде вытягивания руки) сразу срывается с места и пытается его кусать.

Если роли меняются: я притворно бью моего мужа, — Иони, как и ранее, привстает на ноги, махает на меня руками, подбегает ко мне, налетает на меня, поглядывает внимательно мне в глаза, настороженно следя взглядом за последующим ходом драки; если Иони все не видит ее прекращения, то он подбегает ко мне, слегка ударяет меня руками, осторожно схватывает и защемляет зубами мою руку, усиливая нажим при возрастании жалобных криков обижаемого.

Во второй инсценировке — если я нападаю на постороннего человека — Иони тотчас же солидаризируется со мной, он ухает, пронзительно, громко, отрывиста лает, ударяя совместно со мной караемого, злобно схватывает его зубами.

Если обижаемый человек из группы знакомых лиц и не участвовал ранее в нападении на нас и тем не менее в присутствии Иони «подвергается избиению и плачет», Иони выказывает ему известное сочувствие

и тогда сам уже не участвует в свалке, а нежно дотрагивается до преследуемого рукой, осторожно прикладывается к нему губами, легко стукает его сложенными пальцами, вызывая на игру.

Аналогичное поведение обнаруживал Иони и в бытность свою у прежних владельцев в зоофирме. Если его хозяин делал вид, что нападал на хозяйку, Иони немедленно кусал хозяина; в случае обратного соотношения, когда хозяйка «била» мужа, Иони только взволнованно ухал.

Иони выступает в роли защитника до тех пор, пока это не угрожает опасностью ему самому; в противном случае он малодушно ретируется подальше и оставляет своих опекаемых на произвол судьбы: при появлении какого-либо предмета (например маски), пугающего самого Иони, зверок убегает от меня подальше и заботится только о том, чтобы укрыться самому.

Чувство привязанности и любви шимпанзе отличается ярко выраженным эгоцентрическим характером.

Ревность.

В главе, посвященной инстинкту собственности, уже было отмечено, как настойчиво Иони оберегает свои вещи от посягновения на них даже своих домашних, как он не желает поделиться лакомством даже с самым близким к нему существом, к которому чрезвычайно привязан.

Но, как то уже не раз было отмечено ранее, и своих покровителей шимпанзе использует в обиходе жизни деспотически монопольно, относится к ним настороженно ревниво. Двух своих опекунш — меня и прежнюю владелицу фирмы «Ахиллес»— он в буквальном смысле слова считает «своими» и не только ревностно защищает нас от всяческих нарочитых нападений со стороны других лиц, но даже ревниво не дает коснуться к нам близким лицам, а нам не позволяет приласкать никакое другое живое существо.

Например кто-либо из своих в присутствии Иони подходит ко мне, целует, обнимает меня, — Иони взволнованно пушится, вытянув губы, ухает, быстро подбегает к подошедшему человеку, делая предостерегающий жест рукой, и не отходит от меня до тех пор, пока тот не ретируется.

Я наглядно выражаю кому-либо мою симпатию: глажу по голове, целую. Со стороны Иони наблюдается та же ответная реакция волнения, угрожающего неудовольствия по отношению к обласканному мной человеку.

Я беру себе на колени кошку, нежно прижимаю ее. Иони этого совершенно не переносит, он пулей подбегает ко мне и всячески старается нарушить наш entente и чем-либо досадить кошке. Он теребит несчастное животное за шерсть, бьет его кулаком по голове, старается стащить кошку с моих колен и не успокаивается до тех пор, пока совсем не сгонит ее от меня вон и она не скроется с глаз.

Ведь и ревность человека возникает всякий раз там, где есть эгоистическое чувство любви, характеризующееся как бы засасывающим, всепоглощающим свойством, монопольно и жадно стремящимся захватить в свою власть все принадлежащее любимому объекту (от его физического обладания до его сокровенных помыслов): именно такая любовь жаждет безраздельного порабощающего обладания, именно эта любовь ревнива и неприязненно скаредно-скряжнически относится ко всем возможным формам разделения обожаемого объекта и всего к нему относящегося с другими лицами, предметами и делами[24] .

Мне приходилось определенно подмечать ярко выраженное чувство ревности и у маленьких детей и у многих животных — например у собак[25] . Всем известно, как чутко реагируют дети на всякое выявление нера-

[24] Как резко отличается эта любовь от истинной любви, которая стремится больше давать, нежели брать!

[25] По свежему впечатлению не могу не привести в связи с этим недавно наблюдавшийся мной случай рельефного выражения чувства ревности у собачки. Беспризорный Джим (так звали моего маленького временного «поклонника»), имеющий двух равнодушных к его собачьей жизни и мало подвижных хозяек, нашел во мне (в течение двух летних месяцев моего пребывания на даче) свою покровительницу. Я заботилась о том, чтобы он во-время поел, попил, устраивала ему на ночь постилки и неизменно брала его гулять в наши дальние прогулки в лес, где он мог побегать, порезвиться, поиграть в охоту на полевых мышей. И зверок так привязался ко мне, что следовал за мной буквально по пятам и к огорчению и удивлению своих настоящих хозяев «совершенно на них наплевал» (как они выражались) и не обращал никакого внимания ни на их зазывательства, ни на ласки. Но, как уже было упомянуто, любовь и ревность — неразлучные сестры, и стоило мне в присутствии Джимки погладить другую большую собачку (с которой он сам был даже в тесной дружбе), как он неистовствовал, подпрыгивал к самому моему лицу, как бы желая перевести на себя мое внимание, набрасывался с злобным лаем на соперницу-собаку и бегал вокруг нас, визжал, лаял и не мог успокоиться до тех пор, пока я не отгоняла ее от себя прочь и он мог один всецело рассчитывать на мою благосклонность и симпатию.

венства в группе своих сверстников при обращении с ними взрослых, как их обижают малейшие симптомы предпочитания одних перед другими со стороны старших.

Я несклонна рассматривать только что приведенные факты, характеризующие на мой взгляд ревнивое отношение Иони к своим покровителям, как обычное простое заступничество шимпанзе за симпатичных ему лиц в силу неучитывания или смешивания им эмоциональных взаимоотношений соприкасающихся в данной ситуации людей.

Следующие конкретные обоснования не позволяют мне этого сделать.

1. Иони сам целесообразно употребляет нападающие и покровительствующие жесты — следовательно знает по собственному опыту их смысл.

2. Иони превосходно учитывает в случае инсценировки нападения — при теснейшем взаимном контакте участвующих артистов, — кто нападает и кто притесняет, реагируя агрессивно в отношении первых, благожелательно в отношении последних.

3. Иони быстро учитывает перемену ролей тех же действующих лиц и никогда не ошибается в ориентировке себя самого на роль защитника в отношении одних, карателя в отношении других лиц.

4. Иони никогда не видел, чтобы какое-либо животное, например кошка, выказывало по отношению ко мне агрессивные действия, следовательно он не мог принимать на себя роль моего освободителя против каких-то нападок кошки.

Все эти основания дают мне надежный повод для того, чтобы подвести вышеприведенные эмоциональные реакции шимпанзе под рубрику *ревности*, в своих подпольных истоках берущую начало в эгоистическом чувстве собственности.

Но Иони порой пытался и сам оказывать мне услуги.

Соцобслуживание.

Однажды, приглядываясь к моей руке Иони вдруг усмотрел на ней маленький подсохший прыщик (Табл. B.94, рис. 5). Он сразу оживился, схватил ногами мою руку и, удерживая ее в неподвижном положении, осторожно-осторожно стал дотрагиваться пальцами своих рук до прыща, пристально всматриваясь в прыщик, часто-часто придыхая, то вытягивая мысиком вперед свои губы, то оттягивая их в стороны и слегка полуоткрывая рот. Каждую секунду он отрывает свои глаза от обследуемого места, поднимает голову кверху и, наморщив лоб, взглядывает на мое лицо; если мое лицо совершенно спокойно, он с прежним любопытством и настороженным вниманием начинает заниматься расковыриванием; если же я изображаю на своем лице нарочитую болевую гримасу, он отрывает свои пальцы от моей руки и только пристально смотрит то на исследуемый прыщ, то на меня, не решаясь дотрагиваться, как бы жалея причинить мне боль; некоторое время Иони проводит в этом нерешительном колебании, переводя глаза с моего лица на прыщ, с прыща на меня, потом вдруг он как бы решается окончательно и резкими быстрыми движениями пальцев и ногтей пытается сорвать прыщ, делая в такт своим колупающим движениям пальцев ежесекундное забавное беззвучное повторное раскрывание и закрывание рта, вытягивание и вращение языка, прекращая свои «хирургические операции» только в случае полного их завершения. И как он помнит о них, как стремится их возобновить! Проходит несколько дней, и вдруг, вспоминая о них на фоне других своих занятий, Иони внезапно схватывает мою руку, повертывает ее, оттягивает рукав, стремясь обнаружить прыщик и желая им заняться. Если я сопротивляюсь, не даю отвести рукав, не показываю и закрываю интригующую его руку, — он недовольно хнычет, насильно отнимает мою сопротивляющуюся вторую руку, разражается ревом, если я не иду навстречу его обследовательским притязаниям.

Таблица 3.3. Шимпанзе обследует руками интригующие предметы

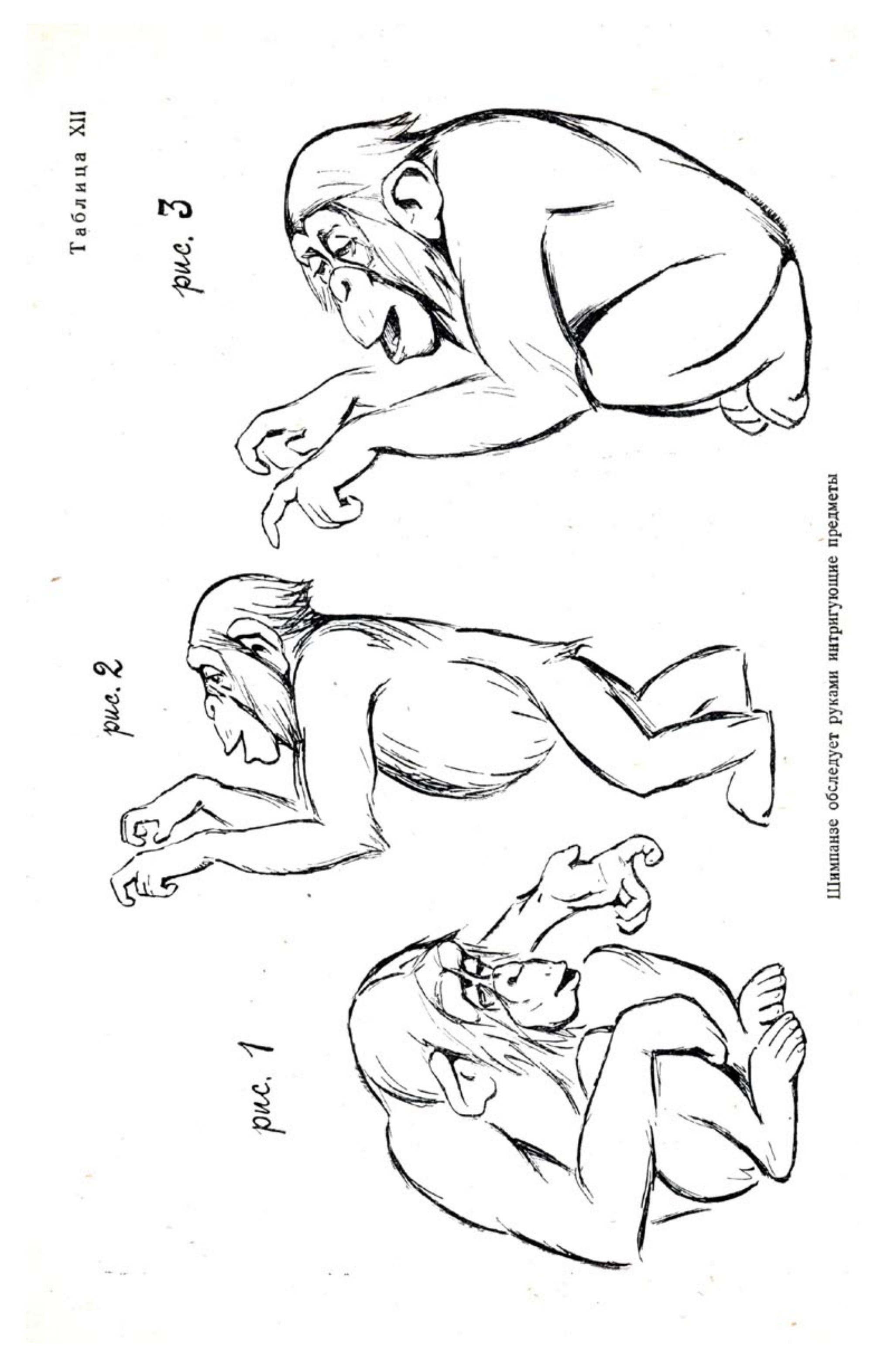


Рис. 1. Обследование одним пальцем выпуклого шитья.
Рис. 2. Обследование пальцами обеих рук.
Рис. 3. Шимпанзе «весь ушел» в созерцание интригующего объекта.

Такого же рода любопытство вызывает у Иони несколько выпукляющийся и рельефно выступающий на поверхности белой ткани синий, вышитый гладью якорь на рукаве моей матросской кофточки. Увидев этот якорь, неожиданно для меня Иони резко схватывает меня за руку, поворачивая поближе к себе рукав, впивается глазами в якорь и ежесекундно, комично открывая и закрывая рот, неодинаково суживая и расши-

ряя его просвет, он водит по якорю указательным пальцем по всем направлениям, ощупывая каждое его выпукление (Табл. 3.3, рис. 1).

По мере углубления в это обследование рот шимпанзе разверзается все шире и шире и наконец остается неподвижно широко раскрытым на длительный срок (Табл. 3.3, рис. 3). Теперь Иони становится абсолютно слеп и глух ко всему другому окружающему, — его зовешь по имени, он не откликается, ему показываешь что-либо, он не смотрит, отводишь его за руку, он ее вырывает, еще плотнее придвигается к обследуемому, предмету, как бы желая уберечься от помехи, и с прежним рвением принимается за прерванное дело.

Иногда Иони пускает в ход даже оба указательные пальца и проводит, поглаживает, ощупывает ими одновременно в разных местах выпуклости (Табл. 3.3, рис. 2).

Осязание интересующего предмета пальцами иногда прерывается притрагиванием к нему вытянутыми вперед губами или легким захватыванием и отдиранием зубами.

Нередко можно видеть, как в такт ползучему движению пальцев по выпуклому предмету Иони производит частые мелко хватающие движения челюстями, щелканье зубами или тряское шлепанье губами, подобные тем, которые он делает при искании и настигании паразитов в своей шерсти.

Проф. Йеркис полагает[26], что подобное поведение обезьяны можно квалифицировать как первое подобие стремления к оказанию медицинской помощи.

Аналогичную форму поведения обнаруживает Иони при случайном нахождении у себя на коже или на поверхности голого человеческого тела родинок, прыщиков, темных пигментных пятнышек, царапинок, которые он незамедлительно и настойчиво пытается обследовать.

Подражание (эмоциональная солидаризация шимпанзе с человеком).

Переходя к описанию собственно подражательной способности шимпанзе, следует упомянуть о том, что шимпанзе быстро и легко заражается настроением человека.

Стоит например мне сделать вид, что я плачу, как Иони моментально прекращает самые оживленные свои игры, приближается ко мне, кладет мне руку на голову, вытягивает по направлению к моему лицу свои сложенные губы, участливо заглядывает мне в глаза, как бы сочувствуя мне (Табл. В.26, рис. 2, 3; Табл. В.27, рис. 1). Такое же тихое безмолвное сочувствие, выражающееся в пристальном присматривании ко мне, прикосновении до меня и вытягивании по направлению ко мне плотно сомкнутых губ, выявляет Иони, когда я, приблизив к себе какое-либо животное — например барашка, кошку, — начинаю легко стонать, как бы жалуясь на них (Табл. В.28, рис. 1).

Если же я выказываю по отношению к тому же животному известную агрессивность, злобно намахиваюсь на него и произношу сердитый окрик, тогда Иони впадает в состояние злобной возбудимости: его бачки встают торчком и, вытянув раструбом губы, он издает отрывистое резкое уханье, вперяя глаза в раздражающий объект (Табл. В.28, рис. 2).

Скорее всего шимпанзе заражается страхом.

Даже если Иони находится от меня поблизости и рядом с нами нет никаких подозрительных пугающих и опасных объектов, стоит мне беспокойно жалобно застонать, как Иони охватывает боязливое волнение: он обегает меня кругом, как бы ища пугающего меня нарушителя покоя, пристально смотрит вдаль, вытянув раструбом губы и издавая ухающий звук, не успокаиваясь до тех пор, пока я не прекращу свои стенания (Табл. В.28, рис. 4). Веселое, оживленное настроение окружающих заражает зверька радостным чувством, и это тотчас же находит отражение на его лице — в его улыбке (Табл. В.28, рис. 3).

В других случаях, если например шимпанзе заперт в своей клетке, а я стану испуганно кричать, стучать в дверь, — он начинает беспокоиться: он боязливо нервно озирается по сторонам, ежесекундно вздрагивает,

[26] В одной из своих работ. *Yerkes*, R. M. — Genetic Aspects of Grooming, 1933.

тихо стонет, хнычет, повертывается всем телом то в одну, то в другую сторону, ища невидимого врага и как бы желая встретить опасность во всеоружии зубов и рук, лицом, а не спиной. Чем больше я кричу, тем все больше возрастает его беспокойство, он мечется по своей клетке, просовывает в ее сетку по направлению ко мне хотя бы один свой палец, стремясь быть поближе, а при малейшем раздавшемся постороннем шуме разражается неистовым, однотонным, повторяющимся, лишенным модуляции ревом, как ужаленный вертится волчком на месте, умоляюще протягивает ко мне свои руки, мечется по клетке, в страхе бросается на землю, лицом вниз и успокаивается только тогда, когда я беру его к себе под защиту.

В другое время стоит мне например резко отбросить от себя какой-либо неодушевленный предмет, — Иони тотчас же пушится, оскаливает зубы, ухает или лает, сам догоняет на пути этот предмет, схватывает его с глухим гаркающим звуком, рвет его, кусает зубами и всячески старается уничтожить.

Иногда в такт нарочитому моему бросанию какой-либо из игрушек Иони он издает злобный почти собачий лай.

Однажды я нарочито сильно кинула от себя простую лучинку. Иони тотчас же помчался за лучинкой, схватил ее и стал ломать руками; не будучи в состоянии разломить руками, он стал переламывать ее через подошву одной своей ноги, потом обеих ног, держа концы лучинки в руках совершенно человеческим приемом; с трудом переломив таким способом лучинку, Иони отбросил от себя обе половинки прочь, а потом, видя их издали, не успокоился и этим, а пошел забросил их еще дальше, пока они совсем не скрылись из поля его зрения.

Иногда в присутствии Иони я проделываю опасный эксперимент нападения на какого-либо человека.

Иони прямо звереет, он тотчас же присоединяется ко мне и готов растерзать жертву, так что приходится как можно скорее сменить «гнев на милость» во избежание печального конца этого опыта.

В связи с этим последним случаем не могу не привести на справку тот факт, что Иони с необычайной ненавистью относился к телефонной трубке: всякий раз, как он мог добраться да нее, он дергал ее, схватывал ее зубами и ожесточенно грыз. Я полагаю, что, видя и слыша разговоры по телефону при посредстве снятой трубки, находящейся в руках у говорящего, Иони квалифицировал эту трубку как некое своеобразное существо, с которым мы, люди, входили в общение при посредстве разговора, а так как акцентированный тон разговора по телефону обычно бывал более резким, чем обиходный разговор, то возможно, что Иони «усматривал» нашу агрессивность к этому «существу» и из солидарности к хозяевам сам не прочь был выказать неприязнь к этому объекту.

Даже мой резкий крик и умышленный агрессивный жест, направленный не только по отношению к одушевленному, но и к неодушевленному предмету, тотчас же вызывает у шимпанзе отрывистое уханье, злобный лай и намахивающиеся угрожающие жесты нападения.

Иногда мне случается шутливо легко шлепнуть Иони за непослушание или какую-либо небольшую провинность, — он тотчас же и сам намахивается на меня, несколько оскалившись и обнажив зубы, хотя опасливо и тихо, но все же старается и меня ударить.

Если например я бью рукой его большой футбольный мяч, Иони также схватывает мяч, грызет его зубами, а не будучи в состоянии сокрушить, в волнении бегает по комнате, весь взъерошенный, валит стулья и, от времени до времени подбегая к мячу, колотит его то распластанной рукой, то сложенными суставами пальцев.

Точно так же *солидаризируется* Иони с человеком и в *радостных* переживаниях. В шумном веселом обществе Иони так оживляется, что его невозможно унять.

Если входит знакомый приятный посетитель и я радостно приветствую его словами и улыбкой, Иони как бы присоединяется ко мне и, взяв меня за руку (табл. 28, рис. 3), заливается взволнованным уханьем, заканчивающимся звонким радостным взвизгивающим лаем, а потом с улыбающимся лицом сразу с места в карьер он начинает заигрывать с новопришедшим.

С тихими, спокойными людьми Иони держит себя деликатно и осторожно, с хмурыми, недоверчивыми — настороженно, с резкими, порывистыми — агрессивно злобно, с веселыми — оживленно.

Как чуткий резонатор, точно улавливающий и усиливающий раздающийся тон, Иони реагирует созвучно эмоциональному настроению человека.

Это в особенности сказывается при подражательном воспроизведении человеком звуков, издаваемых самим шимпанзе.

Если например Иони заводит свое заливчатое уханье, стоит начать ему вторить — и он продолжает уханье с большим воодушевлением: он увеличивает и силу своих звуков и их продолжительность; заканчивая по ритуалу свою звуковую фразу и слыша возобновившееся уханье человека, Иони опять подхватывает в тон это уханье, примыкает к нему, продолжает его с прежним энтузиазмом и не прекращает до тех пор, пока не умолкнет человек.

Даже повторение человеком кряхтящего, гортанного звука шимпанзе, издаваемого им при наличии приятных вкусовых ощущений, побуждает Иони воспроизводить в дальнейшем это кряхтение более звучным и учащенным темпом. Если человек не отстает от него в повторении звука, Иони старается его перекричать, перетянуть голосом, прерывчатость кряхтения прекращается, звук переходит у него уже в стон, который становится все более и более протяжным; и вот Иони так взвинчивает себя радостным звуком, что уже не может оставаться спокойно, а срывается с места, приближается к близкому человеку, касается его лица своим лицом, охватывает его руками то под подбородком, то за шею, прижимается раскрытым ртом, защемляет губами его щеку и начинает часто-часто отрывисто дышать, весь трепеща,, дрожа всем телом, все учащая темп дыхания.

Иони стремится к воспроизведению не только нечленораздельных (подобных шимпанзиным) голосовых звуков человека, но даже и его стуков.

При моем ритмическом постукивании кулаком по какой-либо жесткой поверхности Иони тотчас же и сам загорается желанием стучать и колотит себе по груди сжатыми в кулачок пальцами, или ударяет суставами пальцев по столу или бьет распластанной рукой в стену, стараясь уловить ритм стука и нередко преуспевая в этом. Притом опять-таки он эмоционально возбуждается, сильно пушится, раскрывает рот, трясет головой и делает вызывающий наскок на меня, как бы приглашая подраться.

Мне не раз приходилось наблюдать, когда Иони, заслышав собачий лай, и сам начинает лаять из подражания, иногда попадая в такт и лая совместно с собаками, иногда отставая, лая вслед за ними, иногда как бы перекликаясь лаем, выжидательно прислушиваясь и отвечая, лаем на лай. Если при этом он еще имеет возможность наблюдать поведение собак, видит, как они преследуют кого-либо, он с напряженнейшим вниманием следит за ними глазами и тогда, как бы зрительно, через расстояние, соучаствует с ними в преследовании и лает с особенным энтузиазмом.

Иони можно вызвать искусственно на хрюкание в любую минуту — стоит только самой воспроизвести этот звук, и шимпанзе не может удержаться, чтобы не примкнуть и не повторить его, при этом он пушится и выказывает определенные признаки волнения.

Заимствованное от человека движение, сопровождающееся звуком, представляет собой у Иони хлопанье в ладоши, причем это хлопанье обычно осуществляется только в соответствии с повышенным радостным настроением шимпанзе, например когда мы входим в его комнату, когда Иони находится в большом оживленном обществе, когда с ним играют и занимаются.

Стремление к общению.

Переходя к социальным чувствам другого порядка, приходится подчеркнуть необычайное влечение шимпанзе к общению.

Если про человека издавна говорится, что «человек — животное общественное», — то про шимпанзе следует сказать, что жизнь шимпанзе немыслима вне общества, ибо только общество дает ему полноту выявления его исконных стремлений.

В главе, посвященной описанию печали[27] , было достаточно иллюстративно представлено, какое отчаяние и даже полную психическую прострацию вызывает у шимпанзе оставление его в одиночестве, к каким

[27] См. стр. 64 [68] — стр. 65 [69].

ухищрениям он прибегает в целях удержания близ себя человека; в главе, посвященной страху и свободолюбию, уже отчасти приводились[28] разные угрожающие и мирные способы, при которых облегчалось засаживание зверька в клетку во время тягостных сцен сопротивления шимпанзе при его борьбе за свободу и за общение с человеком.

Это сопротивление оставлению в одиночестве наблюдалось не только в первые дни пребывания Иони в новой обстановке, быть может внушающей зверьку страх, но и значительно после того, как он освоился с окружающей его средой. Было совершенно очевидно, что все его помыслы, все заботы, все усилия прежде всего были направлены на то, чтобы привлечь к сообществу какое-либо живое существо и прежде всего человека, и ни один объект не вызывал у шимпанзе такого живого непреодолимого интереса, как человек.

Если со временем, по прошествии нескольких недель пребывания шимпанзе в новом доме, оставаясь в одиночестве, Иони и перестал строить из себя «несчастную обезьянку» (уже не спускался в темный угол и не прятался там), то все же было ясно видно, что он далеко не счастлив.

Оставшись один, Иони явно скучает и ничем не хочет самостоятельно заняться: либо он валяется неподвижно на одном месте, либо слегка покачивает трапеции, либо безучастно грызет случайно подвернувшуюся под руку вещь.

Стоит человеку войти к нему, как Иони преображается: поднимается, оживляется, носится по клетке, играет, всюду находит для себя развлечения и забавы, взбирается по трапециям и использует их как самый искусный гимнаст (Табл. B.31).

Увеличьте его сообщество, окружите его людьми, и вы увидите, какой неиссякаемый источник энергии, жизнерадостности, подвижности обнаруживает это маленькое тщедушное существо, незадолго перед тем казавшееся вам вялым, инертным и флегматичным. Будучи раза два выпущенным в общество в смежную комнату, испытав всю «сладость» общения с людьми, Иони с раннего утра, едва проснувшись в своей комнате, заслыша через стену пробуждение в доме, уже начинает беспокоиться в своем углу, то взволнованно хрюкает, то жалобно стонет, то протяжно подвывает, то что есть силы громыхает трапециями о стены клетки, демонстративно вызывая вас к себе.

Если вы наблюдаете его через щелку, то с грустью замечаете, что маленький узник всецело живет жизнью, протекающей за стеной его тюрьмы. Он настороженно прислушивается к каждому шороху за дверью и вслед затем кричит; слышит шаги — затихает, замирает; шаги приближаются, — он весь напряженное внимание, впивается глазами в дверь; шаги удаляются, — он разражается неистовым ревом. Но вот отщелкиваешь замок двери его комнаты, слышишь, как он уже нетерпеливо бросился вперед на сетку своей клетки и повис на ней, не спуская глаз с двери. Входишь в комнату, где помещается его клетка, — он следит глазами за каждым вашим движением, все время жалобно тихонько стеная, переводя глаза с двери его клетки на входную дверь и обратно в комнату. Если вы промедливаете секунды две-три с отпиранием засова его клетки, его беспокойство возрастает: то он беспорядочно бегает по клетке, лазает по сетке, вспрыгивает на полку, низвергается на пол, мечется, как бы не находя себе места, то он вдруг садится в свой угол на постель и сидит подавленный с поражающе унылым видом, подбирая под себя постилки, то он бросается на сетку клетки и со страхом и надеждой смотрит на вас широко раскрытыми глазами, готовыми выскочить из орбит, все время настороженно озираясь, следя за вами взглядом, жалобно однообразно стеная; при этом его рот широко раскрыт, десны оттянуты кверху, и все зубы обнажены. С каждой секундой промедления в деле выпускания шимпанзе на свободу сначала тихие отрывистые стоны его позднее становятся все более протяжными и резкими; он протягивает свои руки или хотя бы даже пальцы через сетчатые петли клетки, все время отчаянно крича, его рот раскрывается так широко, что верхняя часть лица вся сморщивается в комок, глаза щелевидно суживаются, обе губы раздвинуты во всех направлениях так широко, что, кажется, готовы лопнуть от растяжения.

Только успеешь открыть дверь его клетки, а он уже вспрыгнул вам на руки, всей четверней крепко-накрепко охватил вас за шею и мгновенно успокоился, так как знает, что теперь вы в его власти, и он легко не отступится от своей свободы и вашего сообщества.

В случае иного вашего решения, если почему-либо вы предполагаете уйти из его комнаты, не выпустив его из клетки, и говорите ему: «Иони, играй», указывая на висящие трапеции, — он с ожесточением многократно бьет по ним рукой, схватывает их зубами, рвет, разрушает, колотит об стены. Если вы скажете:

[28] См. стр. 101 [94] — стр. 102 [94].

«Иони, нельзя выходить», он отворачивается от вас, как бы обидевшись, повертывается к вам спиной и сидит, похныкивая, от времени до времени опять обращая к вам свое лицо, как бы проверяя ваше решение, и потом уже отвертывается на длительный срок и совсем не хочет смотреть на вас. Если во избежание его непонимания вы еще машете на него рукой и резко говорите: «Иони, ты должен остаться здесь», — он часто-часто трясет головой, протягивает вперед к вам обе свои руки, осторожно дотрагивается до ваших рук, жадно схватывает в рот ваш палец, как бы слегка засасывает его, что обычно является у него знаком ласково-просящего обращения. Если и в этом случае вы не можете выполнить его настойчивого желания общения с вами и уходите от него, с ужасающим ревом он бросается с сетки прямо на пол, неистово катается по полу, изрыгая залпы рева, перекувыркивается через голову и обнаруживает полное отчаяние, сопровождающееся нередко внезапным опорожнением кишечника.

Насколько силен и длителен может быть этот аффект печали, можно судить по тому, что однажды Иони, будучи в такой ситуации, длительно не мог успокоиться и кричал непрерывно в течение трех часов. Бывает, что Иони обнаруживает нередко не только обидчивость, но и известную злопамятность. Из рук человека, загнавшего его в клетку, он не берет даже самые вкусные лакомства, и когда тот пытается вступить с ним в благожелательное общение, Иони либо прячется от него за подвешенные вещи, либо поворачивается к нему спиной, как бы не желая даже видеть его, либо хмуро сторонится от его ласк, но это его настроение быстро преходяще, и вам нужно немного искреннего старания, чтобы опять восстановить с обезьянчиком мир и вызвать его благорасположение к вам.

Даже если шимпанзе выпускают из клетки в его комнату и он в сообществе с человеком, все же у него возникает желание пойти дальше, в смежные комнаты. В привычной ему обстановке Иони ест и играет гораздо менее охотно, чем в новой. Наоборот, вынесенный в другую комнату, помещенный в сообщество людей, шимпанзе преображается. Какую безудержную и живейшую радость выявляет тогда все его существо: его резвость, подвижность, шумливость, веселая задорность проявляются тем больше, чем многочисленнее окружающее его общество.

2. Формы товарищеского общения. Вбежав в новую комнату и увидев много людей, сначала шимпанзе взволнованно пушится, ухает, заканчивая свой раскатистый модулированный звук уханья отрывистым, высоким лаем.

С этим звонким лаем шимпанзе подбегает к каждому из присутствующих, принюхивается к ним, дотрагиваясь лишь пальцем (если это чужие), фамильярно хлопает рукой, слегка ударяет кулаком по лицу (если это свой), перебегает с места на место и от одного человека к другому, производя ряд бесцельных движений, находу зацепляя, ударяя окружающие предметы, сбрасывая вещи, всех и каждого оделяя вниманием, задорно вызывая на совместную игру. В это время его рот все время растянут в улыбку, глаза блестят, руки и ноги в непрерывном движении, тщедушное тело, словно подхватываемое вихрем, носится по всей комнате и стремится вовлечь в игровое общение с собой все окружающее, всех присутствующих. И он готов играть и возиться без конца и становится печальным, когда не находит ответа на свои демонстративные зазывания к игре; наоборот, при малейшем ответном движении его порывы становятся все более необузданными и безудержными, и он так расходится, что не дает никому проходу, бросается под ноги, налетая, начинает уже всерьез кусаться, он не слушает ни угроз, ни окриков и унимается, притихает лишь тогда, когда ему угрожают засаживаньем в клетку.

В общении шимпанзе с людьми следует отметить диференцированное отношение его к разным людям.

Прежде всего различие реакции замечается в отношении к своим и к чужим: к первым — обращение, полное доверия, ко вторым — настороженность, боязливо-любопытное отношение.

В последнем случае Иони прежде всего старается осторожно дотронуться рукой до нового человека и вслед затем обнюхивает свою руку; только в случае полной пассивности незнакомца Иони решается вступить с ним в тесное общение и обследует чужого человека более тщательно и подробно. Он настороженно-боязливо водит пальцами по его лицу, перебирает волосы на его голове, присматриваясь сосредоточенно, внимательно ощупывая каждую черточку лица. От времени до времени Иони подносит палец к своему носу и опять принюхивается; иногда шимпанзе приближает свое лицо к чужому лицу почти вплотную и обнюхивает его в разных частях или нежно прикасается к лицу губами; нередко он переходит и к тщательному обследованию одежды: он дотрагивается пальцем до платья, с живейшим интересом разглядывая каждую пуговичку, каждую складочку, а то вдруг спускается на пол, загибает пальцами надетые на женщинах верхние юбки и подглядывает под них, ощупывает обувь, особенно пристально обследуя такие неви-

данные вещи, как сапоги, залезает в карманы, извлекает оттуда все, что там находится, с жадным любопытством рассматривая каждую вынутую вещь. Если во время процедуры ознакомления новопришедший делает случайный резкий жест, Иони пугается, отшатывается, становится в положение обороны и готов схватить зубами; если же все обследование проходит гладко, Иони смелеет все больше и начинает фамильярничать: он садится около незнакомца, хлопает около себя руками и ногами, прыгает, бросается ,к гостю на шею, с распростертыми руками наваливается ему на плечи, на спину, похлопывает его ладонью руки по голове, по спине, колотит сложенными пальцами; зачастую шимпанзе бесцеремонно хватает гостя за платье, тянет, рвет его руками и зубами, стараясь нацепить на клык, чтобы удобнее было и удерживать и рвать. Чем дальше, тем шимпанзе разнуздывается все больше и больше: он затевает дикую игру нападения на посетителя и обороны против него, пуская в ход зубы, и так воодушевляется в этой роли, что приходится выручать гостя, оттаскивать от него разбушевавшегося зверька, который вцепляется в свою жертву руками и ногами и держится крепко, как приклеенный, так что два человека с трудом могут его отодрать.

Чем более безбоязненно и доверчиво-пассивно держится новопришедший во время процедуры предварительного обследования, обнюхивания, осматривания, тем скорее Иони осваивается с ним, делается его другом и начинает с ним шалить и играть, легко покусывая; наоборот, он особенно злобно и настороженно-неприязненно относится к людям, от которых его отстраняют из боязни, чтобы он не укусил их, или которые делают резкие защитные движения, когда, Иони злобится и изловчается, чтобы каким бы то ни было способом произвести укус.

Замечается диференцировка обращения Иони с разными по возрасту и полу людьми. Ранее уже было отмечено его деспотическое, ненавистническое отношение к маленьким детям (как и к маленьким живым животным), на которых он налетает как коршун на цыплят, стараясь схватить и искусать.

В отношении к подросткам у шимпанзе замечается задорное заигрывание с явственным злобным оттенком.

Уже самый вид подростка повидимому зажигает у Иони запальчивые чувства: он мгновенно срывается с места, становится на-четвереньки или в полувертикальное положение и, слегка опираясь на руки, смотрит в упор на партнера, начиная как бы поддразнивать его; то, стоя на месте, Иони быстро-быстро трясет головой вверх и вниз или справа налево, при этом открывает рот, обнажая все зубы, распустив свободно нижнюю губу и тряся этой губой; то, выпрямляя и пригибая туловище, он хлопает распростертой ладонью по полу; то стучит суставами сложенных пальцев руки о пол, о стены; иногда он встает в упор перед мнимым противником, вытянувшись в вертикальное положение и прислонившись к стене, притоптывает несколько раз ногой, машет головой, а потом вдруг сразбега наскакивает, наступает как будто прямо на конкурента, но в последний момент ухитряется проскочить мимо него, но так близко, что находу задевает его рукой за ноги, за платье и ударяет; потом, отбежав подальше, шимпанзе останавливается, оглядывается, как бы проверяя эффективность своего вызова.

Такое застращивание и дразнение ребятишек было излюбленным занятием Иони. Бывало, если Иони сидит со мной и видит поблизости любопытно уставивших на него глаза мальчишек, он тотчас же оживляется необычайно: держа меня за руку, как бы боясь моего ухода от него, Иони оскаливается, задорно улыбается, оттопырив нижнюю губу и обнажив зубы; при этом его глаза блестят, бачки приподнимаются, рука производит в воздухе дразнящие, намахивающиеся движения. Мальчата несколько отступают, — Иони успокаивается, притихает; ребята смелеют, приближаются, — Иони как бы допускает эту вольность, в упор смотрит на них, напряженно раскрыв рот, но как только те подойдут на доступное для шимпанзе расстояние, он, не переставая предусмотрительно держаться за меня рукой, вдруг вскидывается на них всем телом и с задорной гримасой старается их рвануть, ущипнуть, зацепить, радостно улыбаясь, когда видит, как они, сверкая пятками, рассыпаются от него как горох, с тем чтобы в следующий момент начать опять это взаимное поддразнивание, наскоки и отступление.

Нередко Иони напяливает себе на голову какую-либо тряпку и сразбега налетает на мнимого врага покрытый, кусая из-под тряпки.

Иногда, накрывшись так и видя через материю силуэты живых фигур, Иони, как при игре в жмурки, бегает, мечется по комнате, пугая своим приближением то одного, то другого подростка, которые с гиканьем, с визгом шарахаются от него врассыпную, к явному удовольствию нападающего.

Аналогичная реакция задора появляется у Иони и по отношению к неодушевленным предметам, к своему изображению в зеркале, к картинам обезьян и особенно к новым невиданным ранее вещам.

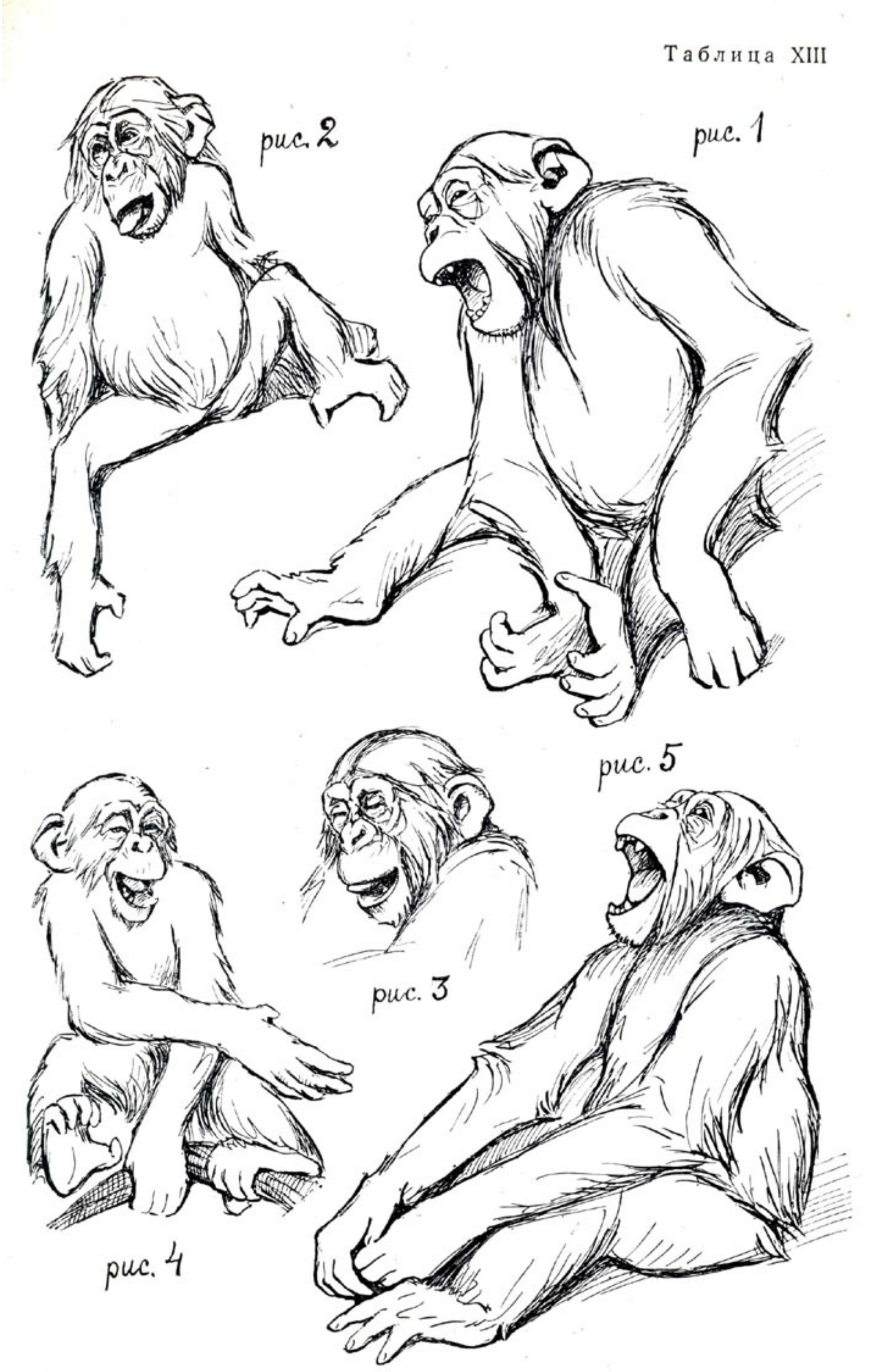
Ни одному появившемуся в нашем доме подростку Иони буквально не дает прохода, он схватывает юношей за ноги, теребит за платье, а когда они в испуге вырываются, отбиваются руками, Иони ущемляет зубами за икры, за пальцы рук и больно кусает. Аналогичная реакция задора появляется у Иони и по отношению к живым животным, которых он дергает за хвосты, лапы, награждает оплеухами, если они не хотят с ним играть, и по отношению к чучелам и даже к неодушевленным предметам. То же поведение наблюдается у Иони и в отношении к *молодым* мужчинам, позволяющим ему выделывать над ними всякие вольности, почему и составляющим излюбленное общество шимпанзе. В отношении *пожилых* мужчин с длинными бородами Иони обыкновенно несколько сдерживается и ведет себя почтительно послушно.

В общении с женщинами, даже в игре, Иони более деликатен и осторожен, нежели с мужчинами. По отношению к женщинам с робкими спокойными мягкими движениями Иони нередко выказывает нежные, ласковые чувства. Например наша домашняя работница, очень тихая пассивная женщина (с которой у Иони никогда не было никаких столкновений), повидимому пользовалась порой даже большей симпатией обезьянника, чем я: всякий раз, как она приходила, он соскальзывал с моих рук, тянулся, забирался к ней на руки, прижимался к ней всем телом, вытянутыми губами касался ее лица, осторожно проводил по ее лицу своими пальцами, разбирал ее волосы на голове, присматривался к ее рукам, разглядывая каждое пятнышко, каждую царапинку, слегка пощипывая ее, от времени до времени взглядывая в лицо обследуемой, тотчас же прекращая щипанье при ее жалобном возгласе. Порой Иони подолгу сидит у ней на руках, плотно прижавшись, и не хочет слезать несмотря на мои зовы его к себе.

Таким образом каждый получает «по делам своим»: трусливое поведение наказывается, и Иони непрочь покуражиться над робким человеком, попугать, покусать его. Храбрость поощряется, и Иони держит себя со смелыми людьми как с равными, не переходя границы дозволенного; ласковое, нежное отношение вызывает аналогичное ответное со стороны шимпанзе.

Определенно замечается, что при играх с людьми Иони любит, чтобы инициатива общения была все время в его руках; как только человек осмеливается вести себя более развязно и во время возни и игры с шимпанзе берет руководящую роль, Иони уже настораживается и сам становится более агрессивным, а при явном сопротивлении и превосходстве партнера, попав в подчиненное положение, Иони сердится, с злобным хрипом и хрюканьем набрасывается на товарища по игре, яростно кусается, разрывая все попадающееся под руку, и так звереет, что становится почти невменяемым, и приходится насильственно прекращать эту опасную игру.

Таблица 3.4. Развлекающийся и скучающий шимпанзе



Мимика и позы саморазвлекающегося (рис. 1—4) и скучающего (рис. 5) шимпанзе

Рис. 1. Развлечение смыканием и размыканием челюстей.
Рис. 2, 3. Развлечение вращением языка.
Рис. 4. Развлечение движением конечностей.
Рис. 5. Поза скучающего шимпанзе.

Глава 4. Игры шимпанзе

Подвижные игры

1. Игры с живыми, существами.

Подвижные игры с живыми существами составляют насущную потребность шимпанзе — этого сангвиника по темпераменту, дитяти по возрасту, узника по условиям местообитания в неволе (в помещении клетки), стадника в условиях вольной жизни.

Вот почему движение ради движения является его неизменным, неутолимым стремлением, а подвижные игры, протекающие особенно оживленно при соучастии людей, — предпочитаемые, излюбленные игры шимпанзе, которыми он может заниматься без устали целыми часами, с утра и до ночи, изо дня в день.

Оставаясь в одиночестве, Иони зачастую неподвижно лежит на полу клетки брюшком вверх, инертно переваливаясь с боку на бок или развлекаясь движениями своих рук и ног (Табл. 3.1, рис. 1), но едва кто-либо из нас входит в комнату и говорит «догоню», — он вскакивает как ужаленный и спасается от преследований, убегая от вас как от самого заклятого врага.

Если Иони находится вне клетки, стоит кому-либо из нас показаться ему на глаза, — он мгновенно срывается с места, бежит вам навстречу, теребит за платье, хватает за руки, отбегает, вызывающе смотря вам в лицо, и при малейшем ответном движении догоняния пускается наутек.

Он забирается на диваны, на кресла, на шкафы, со стуком, с грохотом переносится с места на место, сверху вниз, снизу вверх, скачет, прыгает, лазает, бегает, то взбираясь на трапеции, на сетки клетки, то подлезая под мебель, застревая под перекладинами столов и стульев, подчас больно стукаясь о них, но не обращая на это никакого внимания и продолжая свои безудержные метания, как бы спасаясь от смертельной опасности.

Если продолжаешь догонять Иони, он с жаром убегает, то удаляясь, то приближаясь, как бы дразня своим приближением и облегчая поимку, но лишь ухватишь Иони за руку, за ногу и слегка придержишь его на месте, он начинает злиться, быстро-быстро, порывисто, часто дышит, хрипит, резко вырывается из рук, его глаза становятся мутными, бессмысленными, как бы тускнеют, и он прилагает все меры, чтобы вырваться от вас. Если вы нарочно сопротивляетесь и держите его с большой силой, он прямо-таки неистовствует: пуская в ход и руки и ноги, он извивается всем телом, он отбивается от вас, хватает зубами, отталкивает туловищем, его дыхание все учащается, доходит до сплошной хрипоты, лицо слегка розовеет, глаза совсем суживаются, пасть широко раскрывается, — и два ряда блестящих зубов каждую секунду яростно смыкаются и размыкаются, впиваясь то здесь, то там, на ваших руках, властно заставляя их отцепиться.

Вы отпускаете его, на секунду он успокаивается, а придя в себя заигрывает с вами с тем же азартом и с обычными характерными зазывательными приемами.

То, взобравшись повыше, он старается зацепить, рвануть вас пальцами свешенной ноги, то, спустившись на пол, комком бросается под ваши ноги, а потом молниеносно отбегает от вас, то встает поодаль от вас и, притоптывая одной ногой, трясет головой, трещит губами, стучит кулаком в стену, то пригибаясь, то выпрямляясь, бьет распростертой рукой по полу, не спуская с вас глаз, а потом вдруг задорно наскакивает на вас, машет на вас рукой, подбегает вплотную и либо смело ударяет по лбу сложенными пальцами, либо хватает за платье (если вызываемый женщина), либо за бороду (если это мужчина), а потом быстро-быстро отбегает прочь, поспешно задорно оглядываясь на вас.

Если он даже не видит вашего продвижения вслед за ним, он все же не унимается: встав на-четвереньки, он перескакивает с ног на руки, с рук на ноги, как бы издали наступая на вас, запугивая вас; если вы не поддаетесь искушению, он бегает по комнате и делает заведомо непозволительные вещи, которые обычно ему запрещают, задевая и сбрасывая на пол все, что может свалить, хлопая рукой все, что попадается на его пути, схватывая и обрывая висящие на вешалке вещи, открывая дверцы шкафов и умывальников, подбегая к оконным стеклам и грозя их разбить стуком руки.

Волей-неволей вы вынуждены вступить в активную роль его укротителя, чтобы положить конец этой вакханалии, в несколько минут превращающей аккуратно прибранную комнату в пепелище после пожара, в свалку хаотично раскиданных, нагроможденных, разбитых, разорванных вещей, побывавших в руках и в зубах вашего разнузданного, дикого питомца.

Вы догоняете его, препятствуете ему брать, рвать, а ему только того и нужно, — зажигаемый импульсом к движению, воспламеняемый чувством сопротивления шимпанзе с удесятеренной энергией продолжает свое безудержное движение.

Наблюдение игр бега шимпанзе обнаруживает, что он предпочитает убегание, но не догоняние.

Если я нарочно меняю роли и сама бегу от него, он либо совсем не бежит за мной, либо бежит только очень неохотно, вяло, кратковременно, не воодушевляясь ролью ловца[1] .

Прятки.

Иногда бывает, что, убежав, Иони прячется, например забьется от меня под клеткой в самый дальний угол, до которого я не могу дотянуться, там он считает себя вне опасности, пока видит лишь мои ноги, перебегающие близ клетки, но стоит мне наклониться лицом и встретиться с ним взглядом, — как он, видя, что обнаружен, досадливо дышит, как если бы я его уже поймала, хотя я и теперь не в состоянии продвинуться к нему ближе, чем ранее.

Нередко Иони прячется куда-либо под мебель и сидит выжидательно до тех пор, пока кто-либо не приходит; тогда он оживляется и старается сам зацепить проходящего за ноги, за платье и остановить его.

Я наблюдала, что в онтогенезе человека, у детей раннего возраста, в процессе игры-ловли стремление к убеганию возникает гораздо раньше и проявляется гораздо энергичнее, нежели стремление к догонянию.

В связи с этим в отношении шимпанзе следует сделать лишь два корректива: шимпанзе горячо отдается роли ловца лишь при преследовании ниже его стоящих животных (например кошек, маленьких комнатных собачек, поросят); шимпанзе воодушевляется ловлей, если она сопряжена с действием отнимания.

Для первого случая можно привести следующий пример: увидев маленькую собачку, Иони тотчас же гонится за ней и пытается догнать, если она улепетывает от него; он мчится по комнате, как сумасшедший, настигает ее в самых укромных уголках, ловит, тискает в руках, рвет за хвост, лапы; несчастная жертва визжит, лает, вырывается из рук. Иони пускает ее на свободу, но в следующий момент опять преследует животное с прежней энергией, доводя до полного изнеможения, сам не зная ни устали, ни сожаления, играя как кошка с мышью, давая повод к применению перефразированной пословицы: «шимпанзе — игрушки, собачке — слезки».

Действительно положение несчастной собачонки, преследуемой обезьянкой, немногим лучше положения мыши в руках кошки; если загнанная собачка пытается кусать Иони, он сам злобно кусает ее и кусает много сильнее, чем она его; если обессиленная этой безудержной гоньбой собачка тихонько садится в уголок и отказывается бегать, Иони награждает ее вызывающими оплеухами, сгоняющими ее с места, а если собака, притерпевшись к его истязаниям, не реагирует даже и на это, он сам вытаскивает ее из-за угла за лапу или за хвост и отшвыривает ее в сторону с такой силой, что она чуть ли не ударяется об стену и тогда, измученная, собрав остатки сил, она снова спешит скрыться от своего деспота к вящему удовольствию последнего, получающего опять хоть несколько желанных секунд игры в преследование. С неменьшим рвением Иони преследует и догоняет в деревне поросят, опережая их в быстроте бега и доводя их своими приставаниями до полного изнеможения.

Шимпанзе начинает с жаром преследовать человека, если хочет насильно отнять у него какую-либо вещь, которую ему не дают.

[1] Я замечала, что при игре поимки иногда шимпанзе может точно учесть расстояние, отделяющее его от преследователя: например, если Иони бегает высоко-высоко на потолке клетки, а я, как бы ловя его, мечусь внизу и с боков клетки на расстоянии от него не меньше 2 м, он перебегает с места на место совершенно спокойно, но стоит мне переместиться под клеткой так, что я прихожусь как раз против него, встретившись со мной глазами, он заходится досадливым придыханием, как в случае его поимки, так как расстояние, отделяющее нас друг от друга, несколько сократилось, хотя он сам является для меня столь же недосягаемым, как и ранее.

И сам он бегает с особенным воодушевлением, если вопреки вашему желанию стащит от вас какой-либо нужный предмет, который умыкает как свою добычу, ревностно, настойчиво спасая от ваших посягновений и сопротивляясь его отбиранию с напряжением всех своих сил.

Игры отнимания и умыкания «добычи».

Игры за обладание добычей являются для шимпанзе не менее желанными, чем игры догоняния и ловли, и он отдается им так страстно, что чаще, чем в других играх, переходит границу игры и принимает ее всерьез.

Начав игру с добродушным веселым видом и употребляя вначале легкие игривые движения отнимания, Иони при многократной неудаче своих притязаний приходит в такой азарт, что не щадит ни вожделенный предмет, ни своего конкурента, ни даже себя, действуя как бы в беспамятстве. Обнаруживая большую неустойчивость и переброску интересов в других занятиях, в играх отнимания шимпанзе проявляет чрезвычайное упорство в достижении оспариваемого предмета, хотя зачастую предмет как таковой является ему довольно безразличным. Например я беру в руки пробку, к которой до того шимпанзе не обнаруживал ни малейшего интереса, и вожу ее перед глазами Иони. Иони сразу загорается желанием отнять ее, ловит мою руку, — но я ловко лавирую рукой и не даю ее ухватить.

Шимпанзе ускоряет темп своих движений, все стремительнее и быстрее, старается одной рукой затормозить мои манипуляции и удержать мою руку, а другой рукой хочет выхватить пробку. Он близок к цели, но в последнюю секунду его достижения я неожиданно для него зажимаю пробку в кулак. Иони распаляется: он мгновенно припадает к моей руке зубами и пытается растащить мои крепко сложенные пальцы и выхватить желанный объект. Для меня игра «не стоит свеч», — спасая свои руки, я вырываю их от обезьянчика, поднимаю высоко одну руку, держа в ней пробку в двух пальцах на виду у шимпанзе. Иони стремительно приподнимается на ноги, весь вытягивается в вертикальное положение и, подняв кверху свои руки, пытается достать кисть моей руки с дразнящей его пробкой, но он не может дотянуться до нее.

Тогда Иони применяет новый способ: он обвивает своим телом мою выпрямленную руку, как палку или как лиану, и старается лезть по ней, как по стволу, упираясь ногами в мое туловище. Он быстро добирается до пробки, но цель опять отдаляется, — я внезапно перекидываю пробку в другую руку. С неостывающим жаром шимпанзе подтягивается к другой руке, повисает на ней, стараясь подтянуть к себе кисть с пробкой, но желанная пробка вдруг выпадает у меня на пол.

Мгновенно оторвавшись от руки, Иони пулей бросается вниз, стараясь опередить меня в схватывании пробки, и здесь-то завязывается настоящая ожесточенная борьба за обладание предметом. С злобным кряхтением Иони оттягивает мои руки в сторону, впивается зубами в мои кисти, скрывшие оспариваемый предмет; видя случайно выступающую часть пробки, он всем телом наваливается мне на руки, стараясь изолировать от меня мои руки, чтобы самому получить над ними более неограниченное властвование. Когда он изловчается и вырывает у меня пробку, он сразу запихивает ее в самое надежное убежище — в свой рот, и когда я с опасностью для своих пальцев тем не менее пытаюсь пробраться и туда, Иони яростно изворачивается всем телом, кубарем катаясь по полу, заходясь хриплым дыханием, отвертывает от меня голову и с таким ожесточением, с такой яростью отталкивает меня руками и ногами, так злобно кусается, что можно думать, что он отстаивает кусок «насущного» хлеба, чтобы утолить свой жгучий голод.

Тем более интересен последующий момент: вы отказываетесь от своих притязаний. Иони через минуту выплевывает эту пробку, и она валяется в его клетке как совершенно никчемная, бросовая для него вещь, а сам он забавляется другими предметами, давая вам повод к вспоминанию изречения: «счастье не в счастьи, а лишь в процессе его достижения».

Второй пример аналогичен с предыдущим: я показываю Иони наперсток, надетый на палец. Иони сразу распаляется желанием стащить его с пальца, но я отвожу палец в сторону, и наперсток «проплывает» мимо его носа. Я стучу наперстком о высокий подоконник и отвожу руку. Иони, думая, что наперсток остался на окне, привстает на-цыпочки, дотягивается до подоконника, но видит, что на подоконнике ничего нет.

В это самое мгновение я кладу наперсток на другое окно, где Иони уже может его видеть. Пока Иони переходит от одного окна к другому и влезает на это последнее, в ближайшую секунду я переношу наперсток на поодаль стоящий стул.

Иони мгновенно слезает с окна на пол, подходит к стулу и, смотря в упор на наперсток, молниеносным движением пытается его схватить, но запаздывает, так как я, опережая его, стаскиваю наперсток и опять кла-

ду его на окно. На этот раз Иони, чтобы ускорить влезание на окно, взбирается на стоящий близ окна стул, не спуская глаз с наперстка и ранее подготовляя руку для быстрого схватывания. Но я опять оказываюсь более ловкой и, взяв наперсток, переношу его на прежнее окно. Тогда Иони, чтобы миновать длительную процедуру слезания с одного окна и влезания на другое окно, неожиданно для меня, стоя на подоконнике и держась за ручку одного окна, перескакивает сразу на подоконник, схватывает наперсток, затискивает его в рот и мчится от меня по комнате, но случайно роняет наперсток на пол. Я, схватывая наперсток, опять надеваю его на свой палец и поднимаю вверх руку. Иони взбирается на меня, весь вытянувшись, повисает на моей руке, добирается до кисти, схватывая меня за пальцы; моя рука подгибается, опускается, но я сжимаю кисть в кулак, и наперсток опять скрывается от обезьянчика. Иони прямо свирепеет, он яростно набрасывается на мою руку, впивается в мою кисть зубами, силясь разжать кисть, учащенно, хрипло дыша, кусает меня так беспощадно, что приходится уступить ему желанный объект.

Казалось бы, что оспариваемая так страстно и заполученная с таким трудом вещь будет предметом ревностных забот и любовного отношения шимпанзе. Каково же ваше изумление, когда, заполучив желанный объект, шимпанзе едва взглянет на него и уже отложит в сторону, как неинтересный, — и не верится, что минуту назад этот же самый объект отнимался им так ревностно, так настойчиво.

Нередко Иони и сам вызывает меня на подобную игру; например он бросает в меня шарик, я ловлю и кидаю в него обратно; так мы занимаемся некоторое время этим перебрасыванием, но вот шарик до меня не долетел, я пытаюсь его достать сама, Иони срывается с места и вырывает шарик у меня из рук, я не даю, завязывается схватка за обладание шариком. Иногда бывает так, что Иони сам дает мне в руку какой-либо предмет, например ремень[2] или тряпку, а когда я податливо беру этот предмет, он тотчас же вырывает его у меня из рук, налетает на меня, мертвой хваткой цепляясь, если я не отдаю; при всяком ускальзывании оспариваемой вещи шимпанзе разгорячается все больше и не успокаивается до тех пор, пока ее не отобьет, готовый скорее разорвать самую вещь, нежели упустить ее из своих рук. Он оспаривает желанный предмет с такой всепоглощающей горячностью, что в этот момент кажется глух, слеп и бесчувственен ко всему окружающему; он не реагирует ни на окрики, ни на угрозы, ни даже на хлопанье его, ни на секунду не упуская из виду конечную цель, ни на иоту не понижая своего внимания, своей энергии в направлении ее достижения.

Каждый представитель Homo sapiens на любой арене действия мог бы поучиться у маленького шимпанзенка тому, как надо достигать желанной цели, в чем таится секрет всякой победы: надо не только уметь страстно желать, но еще надо быть готовым пренебрегать своим благополучием, подчинить этой единой цели все свои телесные и душевные силы, надо уметь терпеть, страдать, изнемогать, бороться с напряжением всех сил, бороться из последних сил и все-таки не отступать, ни на мгновение не ослабляя своей бдительности, ни на момент не выводя конечную цель из центра своего внимания.

Игры борьбы — соревнование в ловкости.

Всякая игра, включающая элемент борьбы, сопротивления, состязания, является для шимпанзе вожделенной игрой, — он не только воодушевленно соревнуется в ловкости схватывания, но и в ловкости убегания.

Например одной из его любимых игр является опасная, азартная игра, имитирующая борьбу за обладание свободой.

Шимпанзе входит в открытую дверь своей клетки и стоит близ входа; кто-либо делает вид, что хочет захлопнуть за ним дверь, — он мгновенно выбегает из клетки; через секунду он снова вбегает в клетку, вызывающе смотрит на вас, стучит рукой о пол клетки; вы бездействуете, он отходит вглубь клетки, отступая поодаль от двери; только что вы собираетесь опять прикрыть дверь, как он пулей выносится вон.

Чем дальше, тем ухищрения обоих игроков в процессе соревнования в ловкости движений становятся все более тонкими, а манипуляции, решающие исход дела, все более изощренными.

Иони, войдя в клетку, держит себя еще развязнее; он бегает по клетке, хлопает руками по стенам, задорно зазывая конкурента воспользоваться его мнимым равнодушием к свободе и захлопнуть дверь, но все это происходит до тех пор, пока вы пассивны; стоит вам сделать малейшее движение, как Иони уже настораживается, поглядывает на дверь и на вас, в своем передвижении он начинает тонко рассчитывать свою

[2] С которым Иони может заниматься бесконечно, проделывая самые разнообразные манипуляции.

большую или меньшую близость к двери, и когда, желая его обыграть, вы становитесь опять неподвижны, а потом, улучив подходящий момент, вдруг внезапно резко толкаете дверь, он тем не менее ухитряется в последнее мгновенье выскочить из клетки наружу.

Но иногда вы оказываетесь более проворной и захлопываете дверь ранее того, чем Иони успеет выскользнуть вон, но тогда проигравший маленький пленник разражается таким оглушительным, таким отчаянным плачем, что вы спешите как можно скорее утешить его и вернуть ему легкомысленно потерянную в игре свободу. Этот горький плач шимпанзе красочнее всяких слов говорит нам о том, какую большую ценность порой решается он пожертвовать в качестве «ставки» игрока.

Тем не менее он идет на этот риск, и даже после своего поражения и потери свободы он все же стремится возобновить эту нервящую игру подобно азартному игроку, для которого наслаждение процессом игры повышается в зависимости от величины ставки и которого проигрыш и желание отыграться подзадоривают к продолжению игры порой более, чем выигрыш.

Не столь азартен, хотя не менее оживлен другой вариант игры за обладание свободой, включающий момент состязания в ловкости схватывания самого Иони. Шимпанзе, повaливаясь на спине, демонстративно протягивает по направлению к вам свою ногу, но едва вы хотите схватить ее, как он мгновенно оттягивает ее назад; вы делаете вид, что отказались от своих захватнических притязаний, он опять дразнит вас ногой, подтягивая ее чуть ли не до соприкосновения с вашим телом, но едва вы пошевельнулись, как нога с быстротой молнии отпрянула от вас и уже находится в обладании ее владельца. Иногда вам удается ухватить его за ногу, придержать ногу, и если это пленение кратковременно, Иони не протестует и с неменьшей энергией готов продолжать игру без конца; но стоит вам промедлить с освобождением, и настроение Иони радикально меняется, он начинает резко выдергивать от вас ногу с опасностью ее вывихнуть, принимает игру «всерьез», озлобляется, досадливо дышит, вертится, кружится на месте, пытаясь высвободиться, и даже кусается, если это не удается ему сделать сразу.

Аналогичная игра создается и при посредстве пальцев рук.

Иони просовывает наружу в петлю сетчатой дверцы клетки один из своих длинных пальцев[3] . Я, находясь вне клетки, спешу ухватить его за этот палец; он быстро убирает палец с одного места и просовывает его в другом месте клетки, более от меня удаленном; пока я достаю до этого места, Иони уже перенесся всем телом в противоположный угол клетки и поддразнивает меня высунутым пальцем в третьем месте, и т. д. и т. п., без конца меняя пункты, продолжительность и величину показывания пальца, ловко лавируя от моих преследований и горячо высвобождаясь в случае его поимки и защемления. Иногда в случае моего захвата и удерживания его пальца Иони находит новый выход из неприятного положения: он просовывает в другом месте в качестве мишени для преследования палец второй своей руки, что уже затрудняет мне ловлю на два фронта, уменьшает ловкость моего преследования и дает играющему зверьку больше шансов на беспрепятственное продолжение игры — зазывательного дразнения пальцем и увертывания от поимки.

При соучастии человека шимпанзе осуществляет свои самые оживленные, самые веселые игры, и особенное удовольствие доставляет ему тот, кто начинает с ним возиться, его догонять, ловить, тискать, качать, кувыркать, вертеть в воздухе, щекотать, катать.

Щекотка.

При заигрывающем, щекочущем дотрагивании до шимпанзенка в подмышечных впадинах или внизу живота он улыбается, широко раскрыв рот, особенно сильно оттягивая и кривя губу той стороны, с которой производится щекотка, схватывает вашу руку и легко отводит ее в сторону; вы опять пристаете к нему и слегка пощипываете, неожиданно трогаете его то здесь, то там в самом непредвиденном месте; он отчаянно отмахивается, отбивается от вас руками и ногами, вертит голову то в одну, то в другую сторону, пытаясь ловить пальцами и зубами тормошащие его чужие руки, слегка покусывая их. Вы все не отстаете от него, схватываете крепче, держите продолжительнее, и Иони раззадоривается больше: он обнажает зубы, закрывает глаза, часто-часто дышит, валится на спину, ерзает, перевертывается с боку на бок, вращает по кругу свое тело, лежа на спине и задрав кверху ноги (Табл. В.18, рис. 4, 5); от времени до времени он полураскрывает глаза, обводя вас тусклым, бессмысленным взглядом, а потом по мере продолжения щекотки опять плотно смыкает веки, как бы захлебываясь, заходится хриплым дыханьем; теперь он вслепую

[3] Обычно указательный палец.

нащупывает и хватает вас, злобно, неистово, не щадя вас, как безумный он набрасывается на ваши руки, стараясь насадить их на клык, чтобы захватить их тем крепче, покусать тем вернее, тем осязательнее.

Если вы отступаете и оставляете его в покое, он тотчас же приходит в себя, но вскоре сам начинает задирать вас: намахивается на вас, цепляется за вас, и притягивает, и отталкивает, и схватывает и отпускает, вызывая на новую тормошню и готовый возиться без конца.

2. Катание и вожение предметов.

Из игр, осуществляющихся при соучастии человека, я упомяну еще о катании, которое также доставляет Иони большое удовольствие. Способы его катания самые разнообразные.

Иони очень охотно взбирается на плечи своим друзьям и чрезвычайно любит ездить на их спине; он может кататься в таком положении без конца и не отпускает свою жертву несмотря на ее энергичные сопротивления, вцепляясь руками и зубами в одежду так сильно, что его невозможно оторвать.

Иони охотно садится и едет на низкой плоской деревянной колясочке, которую я вожу по комнате. Иногда он усаживается на один конец растянутого по полу полотна, а я везу его, уцепившись за другой конец материи. Чтобы не упасть, он держится руками, а при быстром беге зубами за края полотна или за мои вытянутые руки, когда я располагаюсь лицом к нему и передвигаюсь задом наперед.

Но наибольшую радость доставляет Иони катание на опрокинутом стуле. Повалив стул на пол так, чтобы его плоская спинка пришлась как раз в соприкосновение с полом, я сажала Иони на эту спинку и везла стул за ножки с одного конца комнаты в другой.

Но во всех этих случаях передвижения Иони выказывает известную нетерпеливость и часто прерывает свою пассивную роль седока. При каждой остановке или повороте своего «экипажа» Иони неизменно выскакивает и пробегает несколько раз по всей комнате с тем, чтобы в следующий момент сесть и ехать опять.

При более медленном передвижении он выскакивает даже находу, чтобы побегать. Соскучившись ожиданием возвращения сбежавшего пассажира, иногда нарочно я заменяю его другим более «покладистым» объектом, помещая например на спинку стула башмак. Иони совершенно не терпит этого, — он немедленно стаскивает своего заместителя, хотя бы и не всегда желал воспользоваться его местом.

Только набегавшись досыта, шимпанзе опять охотно обращается к катанию.

Несомненно Иони любил катание, но предложенные мной способы опосредствованного передвижения повидимому представлялись ему слишком медлительными по сравнению с его собственными головокружительными движениями в беге, а избыток потенциальной энергии (Kraftuberschuss[4]), накапливаемой у обезьянчика во время пассивного сидения, становился так велик, что властно побуждал его от времени до времени срываться с места, чтобы разрядить ее более ускоренным и эффективным способом.

Каждый округлый предмет вызывает у Иони заманчивое желание покатать его. Видит ли он деревянный шарик, резиновый мячик, яйцо, апельсин, он тотчас же принимается катать их по комнате: толкает их, бегает за ними, догоняет их и опять и снова бросает, ловит, играя с ними как с одушевленными предметами, бегая за ними и от них, когда, оттолкнувшись рикошетом, они возвращаются к нему; при этом Иони издает даже досадливые, придыхательные звуки, когда катящиеся предметы соприкасаются с ним, как бы настигают его.

С большим энтузиазмом Иони возит по полу деревянные колясочки, скамейки, счеты, упираясь в них руками или волоча их на веревочке, умыкая с тем большим воодушевлением, чем больше стука, треска, скрипа, грохота воспроизводят передвигаемые предметы, и ускоряя: бег, когда, раскатившись, они бьют его по ногам, догоняют его.

Разнообразным способом передвигает Иони круглую корзину: то он перекатывает ее с боку на бок, то, взяв за край в зубы, возит по комнате, продвигая ее впереди себя, то влезает в ее отверстие головой и проталкивает ее вперед.

[4] По терминологии K. Groos'a, см. его книгу «Spiele der Tiere», Iena 1907.

Повалив стул, Иони впрягается, как в оглобли, в ножки стула[5] возит стул по комнате или, раскачав его, резко толкает вперед, стул несется по полу скользящим движением.

Чрезвычайно интересно то, что всякий катаемый им предмет Иони стремится использовать как экипаж для его самостоятельной езды и явно недоумевает, когда, сев на этот подвижной предмет, сам он не получает продвижения вперед.

Например только что он толкнул счеты или коляску, — они покатились далеко от него по полу и остановились; в следующий момент Иони садится на них сам и сидит выжидательно несколько секунд; экипаж стоит неподвижно на месте. Иони встает, опять двигает сам коляску, та едет. Иони опять садится в нее и ждет продвижения, но все остается попрежнему.

После многократных неудачных испытаний того же приема Иони придумывает другой способ: раскатив коляску, он бежит за ней и старается сесть в нее находу, но, увы, едва он погружает на нее свое-тело, как коляска моментально останавливается.

Совершенно не удовлетворяясь этим неподвижным сидением, Иони находит новый выход: сев верхом на коляску, упираясь ногами в пол, Иони начинает соучаствовать в передвижении своего экипажа, самостоятельно отталкиваясь ногами от пола; дело налаживается; с трудом, медленно, но все же обезьянчик передвигается, — и веселая улыбка озаряет его лицо.

Раз испытав этот удачный способ самостоятельного катания, Иони применяет его с неодинаковым успехом, но при пользовании самыми разнообразными экипажами.

То он садится на подушку, на коврик, то в картонку, то на большую ночную туфлю, то на опрокинутый свой ночной сосуд и, точно так же упираясь и отталкиваясь ногами от пола, осуществляет передвижение по комнате, стремясь изъездить ее вдоль и поперек.

Иони пытается использовать для той же цели и тем же способом и деревянный шарик и апельсин, — садится на них и отталкивается ногами, но с первых же шагов он терпит фиаско и опрокидывается навзничь.

Чего-чего только ни использует Иони для катания!

Видит ли он наклонно поставленные к стене деревянные полированные щиты, он забирается на них и скатывается с них в сидячем положении. Замечает ли он открытую дверь, он тотчас же повисает на ней, прицепляясь руками к дверной ручке, и катается на двери, носясь то взад, то вперед, от времени до времени упираясь ногами в пол или толкая руками в стену, чтобы вызвать более энергичное раскачивание двери в случае ее приостановки.

3. Бег (свободный и с препятствиями).

Действительно только тот, кто хоть раз видел, с каким жаром, с какой горячностью Иони отдается беганию, может судить, какое наслаждение дает шимпанзе это самодовлеющее движение! Он носится подобно жеребенку, выпущенному из темного стойла на привольный простор широких полей, гончей, рыскающей во всех направлениях в поисках добычи, летающей ласточке, играющей в стайке птиц, носящихся в воздушной сфере.

Чем шире арена для передвижений шимпанзе, тем стремительнее и безудержнее его бег.

Я вспоминаю, как, помещенный в квартиру со множеством проходных комнат, а позднее переселенный на дачу с террасой вокруг всего дома, имея возможность делать непрерывные круговые туры, Иони целыми часами предавался беганью по дому и по террасе, упиваясь процессом передвижения и не ища никаких других развлечений.

Стесненный пределами одной комнаты, заставленной мебелью, Иони конечно бегает менее воодушевленно, и поэтому он придумывает попутно при передвижении разные фокусы.

То, разбежавшись на-четвереньках, он вдруг припадает к полу, бросаясь на предплечья рук, и продвигается вперед на одних руках, скользя на них как на лыжах. То он зажимает какой-либо предмет в паху, между

[5] Возможно подражательный способ действия.

бедром и брюшком, или близ шеи, между головой и плечом, и старается бегать так, чтобы не выронить этот предмет, а когда тот все же выскальзывает у него и падает, Иони досадливо дышит, и спешно-спешно, как карманный воришка, обронивший украденную вещь, он поднимает этот предмет, всовывает его в то же место и бежит опять еще стремительнее, чем раньше, как бы спасаясь от преследований.

Иногда Иони бегает, держа во рту какую-либо из своих деревянных игрушек (чаще всего шарик), или, захватив в ногу длинную тряпку, мечется с ними по комнате; тряпка задевает за мебель, задерживает его бег, он наскоро с помощью зубов и рук вынужден освобождать ее и себя, и это осложнение повышает удовольствие беганья.

Нередко, захватив тряпку ногой, Иони с неимоверной быстротой вертится вокруг ножки стола или стула, особенно оживляясь, учащенно дыша, когда тряпка закручивается и не пускает его продвигаться далее.

Чем значительнее препятствие, затрудняющее бесперебойное передвижение шимпанзе, тем оживленнее его беготня: например он берет в руку ремень с привязанным к нему длинным железным крючковатым прутом, а во рту ставит распорку из палочки и так и бегает с раскрытым ртом, ежесекундно застревая, останавливаясь и отрываясь вследствие зацепления крючка за разные предметы.

То вдруг Иони возьмет ботинки и возит их за шнурок, нарочно залезая с ними в узкие проходы, забираясь под столы и стулья; при быстром передвижении происходит неизбежное заматывание ботинок за ножки мебели, останавливающее его бег, — тогда Иони часто-часто дышит, прилагает спешные, энергичные усилия, чтобы выпутаться из затруднения, а освободившись уносится опять, но попрежнему предпочитает тернистый путь более торной дороге.

Нередко при быстром беге Иони или при высвобождении шимпанзе посредством порывистых движений зацепившийся и потом оторвавшийся предмет отскакивает в обратную сторону так сильно, что ударяет самого Иони; это подзадоривает обезьянчика, он оглядывается, рвется еще сильнее, предмет ударяет его еще больнее, и это как бы подливает масла в огонь, поджигает энергию Иони и делает игру еще горячее.

Иногда, захватив в руки длиннейшую веревку, Иони носится с ней из угла в угол, сверху вниз и снизу вверх, бросается на полки, цепляется за трапеции, мечется по ним; веревка носится за ним в его воздушных эволюциях, хлещет окружающие предметы и его самого. Иони издает досадливый придыхающий звук, но все же не бросает ее. Нередко где-нибудь по пути веревка заматывается так сильно, что не пускает Иони, он застревает вместе с ней, но и теперь он не хочет от нее отступиться, а настойчиво распутывает и освобождает ее и снова принимается за те же манипуляции, бегая порой до тех пор, пока не упадет в изнеможении.

Чем больше стука, треска, громыханья производит Иони при своих метаниях, тем более азартна его игра.

Как неистово радостно бегает он например вокруг металлической ножки кровати, держа в ноге железную цепочку, задевающую и громыхающую при каждом его повороте; он заматывает ее то на одну, то на другую сторону, сам прикручивается вместе с ней к кровати, хрипит, досадливо дышит, не будучи в состоянии оторвать ее и не желая сам оторваться; беспрестанно, резко, безрезультатно дергая цепочку, Иони впадает в злобный раж, ощущая сопротивление, и тем не менее не хочет отступиться и легко и просто выпустить цепь из своей ноги.

Можно определенно сказать, что самое наличие сопротивления является для Иони приятно возбуждающим стимулом, и он только и ищет повода, как бы искусственно создать себе подобие борьбы и соревнования, распаляющего его к противодействию и порой доводящего его до буйной горячности, до беспамятства (вспомним также догоняние поросят, бегание за собакой).

4. Пролезание.

Иони энтузиастично стремится преодолевать сопротивление, оказываемое материалом. Например он берет в руку тряпку и видит в ней маленькую дырку; он запускает в эту дырку сначала палец, разрывает ее больше, потом засовывает туда же кисть, потом всю руку, с усилием растягивая, разрывая материю; далее он пытается просунуть уже всю голову и наконец целое туловище; если материя прочна и неподатлива и препятствует продиранию, Иони досадливо хрипит, пускает в ход зубы, яростно разрывает ткань, растаскивает ее руками и ногами, высвобождая проход и пролезая в него с напряжением всех своих сил. Пробравшись и вылезши на свободу, Иони сидит с довольной улыбкой, повидимому испытывая удовлетворение после успешного преодоления трудного дела (Табл. В.63, рис. 3).

Один раз Иони получил в полное обладание сетчатую майку, она сразу была принята им как подходящий объект для игры. Видя через дырки просвет, Иони стал продевать в ее рукава голову, потом обе руки; сетка стягивала его, но не разрывалась; Иони сердился, пытался ее стащить с себя назад, но затягивал и душил себя ею все больше и больше; с возрастающим злобным возбуждением, быстро и порывисто дыша, полузакрыв рот, обнажив зубы и полузакрыв тусклые как бы заволоченные пленкой тупо смотрящие глаза, Иони как бы в полном неистовстве начинал отчаянно ерзать на месте, кувыркаться через себя, всеми своими движениями и всеми четырьмя конечностями стремясь выдраться из плена. С большим трудом он наконец освобождается, едва может отдышаться от испуга, но чуть придет в себя, — опять и опять настойчиво возобновляет попытки затруднительного пролезания, которым он мог заниматься бесконечно долго, Вскоре, когда Иони занялся другими играми, я тихонько утащила сетку и бросила ее в отдаленное место комнаты; едва Иони заметил мою уловку, он тотчас же пошел, разыскал сетку и снова стал надевать ее на себя.

Как бы дорого ни досталось обезьяннику его высвобождение из нут, оттого не уменьшается его желание нового запутывания.

Порой Иони умудряется сам создавать себе искусственные петли, чтобы при посредстве их осуществить завлекательное пролезание.

Взяв в руки за концы какой-либо длинный лоскут, Иони перекидывает этот лоскут за спину, на шею и, сближая крест-накрест руки, стягивает концы лоскута около горла, как бы душит себя; заходясь хрипом, когда ему становится невтерпеж от тисков, Иони несколько ослабляет нажим, как бы отдыхает и набирается сил для того, чтобы в последующий момент стиснуть себе горло с новой энергией.

Однажды Иони оттянул веревку, удерживающую снизу доску его качелей, образовалась петля, он тотчас же оценил ее по достоинству: просунул в нее руку и голову, хотя последняя едва могла пролезть; не смущаясь этим, с злобным кряхтящим придыханием Иони тем не менее попытался продвинуть в петлю и все свое туловище; с трудом прошло и оно, но Иони оказался прижатым к доске так сильно, что не мог двигаться, — это ему уже не понравилось, он ожесточенно стал выдираться вон, и когда это не удалось, он прямо-таки озверел; неистовствуя и с неимоверными ухищрениями, с напряжением всех сил наконец он освободился.

Кажется, что никакими соблазнами не привлечешь Иони к повторению этой аферы, но это только кажется.

Через минуту, едва оправившись от «переделки», Иони начинает ту же процедуру снова.

Раз Иони нашел плотное резиновое колечко, и его он использует для своего добровольного пленения (Табл. В.29, рис. 2). Сначала Иони продевает в кольцо руку, натягивая его все выше и выше; по мере утолщения объема руки кольцо сжимает все больше. Иони сначала пугается зажима, быстро стаскивает резину прочь, но, проделав это, как бы убедившись в безопасности кольца, с еще большей смелостью он опять надевает его на себя, то на руку, доводя его до самого плеча, то на ногу, то на голову, захватив его ртом и спуская пальцем со стороны затылка; когда кольцо соскальзывает на шею, сначала Иони опасливо придерживает его рукой со стороны горла, как бы боясь задушения, а потом все же бесстрашно спускает вниз, едва дыша в его эластичных, но крепких тисках.

Однажды шутки ради я надела Иони на палец железное колечко; хотя кольцо совершенно не сжимало его пальца, тем не менее шимпанзе немедленно хотел от него освободиться. Это не так легко было сделать, так как узловатые вздутия на втором суставе пальца Иоци препятствовали обратному скольжению кольца.

Испытав несколько безрезультатных приемов сдергивания кольца, Иони уже начинает раздражаться, часто дышит, злобно оскаливается и, характерно, употребляет обычные (в данном случае бессмысленные) приемы высвобождения своего тела из петлей: извивается всем туловищем, встает на голову, кувыркается, ерзает, совершенно не замечая, что применительно к настоящему моменту эти приемы совершенно бесполезны и ни на иоту не продвигают его в направлении удачного выхода из затруднения, которое преодолевается им только при моем соучастии.

Большое удовольствие доставляют Иони длинные связанные на концах шнурки, дающие ему благодарный материал для всяческих манипуляций и прежде всего для опутывания и пролезания (Табл. В.30, рис. 1—4).

Получив такой шнур, Иони растягивает его при посредстве рук, ног и зубов (Табл. В.30, рис. 1, 2), вертит, обволакивает его вокруг себя, заматывает новые меньшего размера петли, растягивает их просвет расправляя их руками и ногами, распутывает узлы, сам пролезает в эти петли головой (Табл. В.30, рис.

3), ногой, рукой, захлестывается в одном месте, высвобождается в другом и порой, если шнур неподатлив для разрывания, так запутывается и стягивается, что попадает как бы в тенета (Табл. В.30, рис. 4); тогда он хрипит, кряхтит, прилагает невероятные усилия, чтобы вылезти, и не может быть освобожден даже с посторонней помощью, а только путем радикальной меры — разрезания шнура.

Иногда Иони создает себе тиски весьма неожиданного типа: найдя эластичный металлический дугообразно изогнутый прут, шимпанзе с трудом напяливает его себе на шею и не выпускает из рук; узкая малоподатливая дуга сжимает бока горла, Иони кряхтит, злобится, пытаясь освободиться из-под этого добровольно надетого ярма, а получив освобождение в следующий момент пытается защемить уже не только шею, но и туловище.

Автоматические неподатливые тиски пугают Иони. Однажды я защемила его палец металлической «лапкой» (обычно употребляемой в канцелярии для скрепления бумаг); хотя зажим был не слишком крепок, тем не менее Иони с взволнованным уханьем поспешил стащить его прочь и никогда не решался брать его в руки и тем более зажимать им пальцы.

Раз Иони увидел небольшую круглую прутяную корзину с прорванным дном, — он тотчас же стал использовать ее для своих целей, продевать в ее отверстие свою голову.

Жесткая петля чуть ли не душит его, острые концы обломанных прутьев впиваются ему в шею. Иони старается повернуть вспять, ерзает, выбиваясь назад, оттягивая от себя корзину зубами, руками, ногами; с мученическими усилиями он освобождается, но, увы, с тем, чтобы возобновить всю процедуру снова и опять — так она ему нравится. Но вот он придумывает другое развлечение. Он продирает зубами новую дыру в корзине, с громадным трудрм просовывает в нее голову, захватывает в зубы край корзины и ходит по комнате с капканом на голове, часто и звучно кряхтя, испытывая явное неудобство. Но скоро и эта забава его не удовлетворяет, и он пускается на новые выдумки: его голова едва пролезла в отверстие корзины, а он, не переставая кряхтеть, пытается продрать сквозь нее и руки и туловище; в процессе пролезания он стягивается прутьями так сильно, что каждую секунду опасаешься, что он задушится, но он стоически добивается своей цели, с неимоверными усилиями все же пролезает и тогда оказывается уже туго перепоясанным корзиной в окружности живота. Ясно видно, как это ему неудобно, больно, непривычно: идя по полу, он не может точно координировать своих движений, валится на сторону, задевает за окружающие предметы. Он уже непрочь освободиться от корзины, но теперь это не так-то легко сделать! Он катается по полу, чтобы стащить ее с себя, но этот маневр увеличивает его боль и крепость зажимания; с злобным кряхтением он оборачивается то туда, то сюда, хватает зубами ближайшие прутья, грызет их ожесточенно в надежде освободиться, но все тщетно. Он неистовствует, он доходит до исступления, закрывает глаза, все время порывисто, хрипло дыша, грызет вокруг себя все, что попадется под зубы, ерзает, извивается, что есть силы тянет корзину руками к ногам и наконец, совсем измучившись, освобождается от нее.

А то вдруг Иони возьмет ту же корзину за выступающий прут и старается протаскивать ее в узких проходах между наставленной в комнате мебелью, тем больше воодушевляясь, чем больше задержек на пути. Эти задержки и озлобляют и возбуждают его, — его движения порывисты и беспокойны, его зубы все время оскалены, слышится досадливое придыхание.

Если под рукой нет решительно ничего подходящего для создавания препятствий, Иони изобретает своеобразные способы самозащемления: приблизившись к кому-либо из спокойно стоящих или сидящих на месте людей, он схватывает их за ноги, несколько сближает эти ноги и старается пролезать в них, как в узкие ворота, кряхтя и хрипя, если не может сразу продраться.

Тот же самый принцип борьбы, повелительное стремление к упражнению своей способности к сопротивлению, полагается в основу другого рода игр шимпанзе.

Например шимпанзе ложится на пол близ стула или кресла, приподнимает за ножку мебель кверху, а потом ставит одну ножку себе на руку, на ногу или даже на шею, на живот, таким образом прижимая, придавливая, как бы прищемляя себя к полу. В зависимости от тяжести надавливающего предмета он с большей или меньшей энергией выбирается на простор, кряхтя, хрипя и злясь так, как если бы спасался от козней заклятого своего врага.

Я не раз заставала Иони, как он силится подсунуть свое тело под раскрытую дверцу умывальника с тем, чтобы, попав в западню между полом и дверцей, создать себе подходящие условия для затрудненного вы-

лезания. При отсутствии этих условий Иони создает себе другие неудобства: например, повалившись на спину, он подкладывает себе под голову или под туловище какие-либо жесткие грубые предметы, деревянные бруски, шары, перекатывает их под собой и сам ерзает по ним, досадливо придыхая, как бы стремясь вытолкнуть их из-под себя, соскользнуть с них на более ровное место, а соскользнув тотчас же опять забирается на них и продолжает воспроизводить те же мнимо негодующие звуки и мнимо протестующие действия.

В этом своеобразном конструировании капканов, ловушек, западней, удушающих петель, ярма, хомутов, обволакивающих тенет и других приспособлений, задерживающих шимпанзе в плену и затрудняющих его высвобождение, мы усматриваем глубокий смысл, подчеркнутый в теории игры К. Грооса[6]. В подобного рода играх молодое животное инстинктивно упражняет свои действия с неодушевленными предметами окружающей среды — действия, полезные ему в будущей борьбе за существование: он настойчиво разносторонне тренирует свои двигательные навыки, стоически приучается терпеть боль, переносить всякого рода неудобства, многообразно изощряет свою моторную изобретательность в процессе преодоления тех или иных механических неожиданно ставших на пути его освобождения трудностей.

Приходится только удивляться тому, как даже в условиях комфортабельной, почти паразитической жизни шимпанзе у животного, обеспеченного всем необходимым в условиях неволи, не заглушается этот властный зов инстинкта самосохранения. Этот-то повелительный зов и побуждает малыша-шимпанзе использовывать в игре для своего саморазвития самые необычные вещи и самые искусственные ситуации[7].

Среди категории игр, связанных с самостоятельным передвижением шимпанзе, следует упомянуть еще о качании, закручивании, висении, прыганий и лазании.

5. Качание, лазание, висение.

Естественно, что чрезвычайное удовольствие доставляет Иони качание на качелях. Первый раз он с опасением взобрался на качели и, сидя на балансирующей доске, не решался доверить ей вполне свое тело и продолжал держаться за испытанную по крепости близвисящую трапецию, но скоро он освоился, и качели стали одним из любимейших его развлечений. Когда Иони раскачивают на качелях, он имеет веселый, задорный вид: широкая улыбка не сходит с его лица, глаза блестят, своей рукой он делает шаловливые намахивающиеся, зацепляющие движения при каждом приближении качелей к близстоящим людям.

Иони может качаться длительно целыми часами, легко постигнув прием раскачивания путем отталкивания от стены своими вытянутыми ногами или рукой.

В первые недели после подвески качелей в его клетке Иони вообще проводил на них все свое время, и если даже и не раскачивался, то все же он предпочитал сидеть на них, а не на прикрепленном неподвижном субстрате полок и скамей (Табл. В.31, рис. 1, 3).

Конечно неменьшее развлечение находит Иони и при пользовании всякого рода трапециями в виде веревочных лестниц с деревянными ступеньками, жгутов с деревянными узлами (Табл. В.31, рис. 1—4), подвешенных на веревках перекладин.

Каких-каких только гимнастических фокусов ни проделывает Иони в этих своих воздушных эволюциях! Кажется, что именно теперь, именно здесь Иони чувствует себя как в родной стихии, как рыба в воде, птица в воздухе, дикий конь на степном просторе, белка на стволах дерев, ящерица на земле.

Самый искусный гимнаст не мог бы конкурировать с шимпанзе в быстроте, ловкости, эластичности и многообразии движений.

То он с проворством большой сильной дикой кошки взбирается по ступеням лестницы чуть ли не до самого потолка и, легко усевшись на перекладине, держась одной рукой о веревку, освобождает другую руку для заигрывающих движений или для нового зацепления за смежную трапецию (Табл. В.31, рис. 3, 2). Вот он оторвал ноги, повис на одних руках и качается в воздухе; вот он опустил одну руку и болтается всем телом

[6] K. Groos, Spiele der Tiere.

[7] Аналогичные тенденции к воссоздаванию искусственных затруднений, преодолению нарочито устроенных препятствий наблюдала я у оранга Фрины, содержащейся в Московском зоопарке.

взад и вперед, держась на одной руке, вот он прицепился ногой и рукой одной и той же стороны тела и висит боком, спустив вниз вторую руку и ногу; вот он совсем оторвался и прыгнул вниз.

Провисая с потолка, над ним соблазнительно спускается тонкий шнур. Иони моментально ухватывает его, взбирается по нему кверху, оттуда сразу бросается на висящий внизу в воздухе жгут, ловко ловит его одной рукой, повисает на нем всем телом.

На этом жгуте несколько раз он проносится в воздухе взад и вперед, при каждом приближении к стене отталкивается от нее ногами или свободной рукой и тем увеличивает амплитуду замедляющегося со временем качания. Секунда-другая, и гимнастическая фигура меняется: Иони прикрепляется обеими руками к двум параллельно висящим жгутам, провисая между ними распластанным во весь рост, он носится в воздухе, отпускает один жгут, взлетает на другой, налету зацепляет второй, отпускает первый.

Закручивание.

Но и это скоро надоело; гимнастические фокусы осложняются: на конце одной из подвешенных веревок обезьянник усматривает петлю, — он тотчас же использует ее для новых трюков; с громадными усилиями протащив свое тело в эту петлю, Иони некоторое время мотается в воздухе скорченным, зажатым в ней, отталкиваясь и цепляясь освобожденными руками и ногами, хотя петля режет, сжимает тело.

И это упражнение скоро оставляется, на смену идет другое: просунув одну ногу, огрузившись в ней бедром, захватив руками и зубами веревку, Иони носится в этой петле, как на гигантских качелях; отталкиваясь от пола и твердых предметов, он закручивается на одну сторону, а потом, подтянув ногу и держась зубами за веревку, начинает раскручиваться. Этот курбет чрезвычайно нравится Иони, и он осуществляется с каждым разом все более продолжительно. Невозможно без смеха смотреть, когда после максимального закручивания со стремительной быстротой кружится в воздухе тщедушная, черная фигурка Иони, у которого ввиду быстроты движений уже нельзя рассмотреть точные очертания и который уже не управляет своим телом, а всецело предоставил его головокружительному верчению и находится всецело во власти законов физики: его голова скосилась на бок и описывает в воздухе быстрые круги, ноги повисли, как плети, и так вовлечены в вихревое движение, что не успевают подобраться и с силой ударяются обо все твердое, что встречается на пути их движения, и только зубы и руки судорожно вцепились в канат и крепко-накрепко держат тело. Раскручивание кончается, но по законам инерции опять начинается обратное закручивание, и так происходит восьмикратное поочередное верчение то на ту, то на другую сторону, — верчение настолько длительное и утомляющее, что Иони уже не выдерживает и подконец срывается с веревки и как тяжелый мешок падает на пол[8] .

Висение.

Два гимнастических номера у Иони могут быть отнесены под рубрику «Salto-mortale»: к высоко прикрепленной деревянной полке Иони прицепляется четырьмя маленькими пальцами ног и свешивается вниз головой, предусмотрительно спустив вниз в воздухе руки. Продержавшись секунды две-три, он отрывается, падает вниз на спущенные руки и таким образом предохраняет себя от разбивания.

Следующий номер: слегка прицепившись к той же полке пальцами ног, Иони упирается руками в нижележащую жердь и стоит так распластанным в воздухе вниз головой; но вот пальцы ног обрываются, тело, покачнувшись в воздухе, готово обрушиться с высоты плашмя на пол, ноги хватают в воздухе первую попавшуюся зацепку или становятся на пол прежде, чем руки оборвутся.

Положение спасено, Иони невредим, но не всегда дело проходит так благополучно.

Бывали случаи, когда в этих ситуациях Иони сваливался сверху навзничь и ударялся всем телом о пол клетки так сильно, что в соседней комнате через стену был слышен стук от его падения.

Тем не менее, как уже было отмечено, как бы Иони ни ушибся, он никогда не плакал, а только притихал, как бы приходил в себя, и процесс падения нисколько и никогда не умалял его желания снова воспроизвести те же рискованные действия.

Из других подвижных игр шимпанзе следует упомянуть еще о прыгании, кувыркании и лазании.

[8] Аналогичное у человеческих детей (подробнее см. вторую часть этой работы).

Прыгание.

В условиях нашего содержания Иони решался самопроизвольно прыгать сверху вниз с высоты не более 1l/2 — 2 м, и даже при спешном слезании с потолка клетки в своей комнате и с крыши дома на воле, спускаясь по столбам на землю, он прыгал не ранее, чем до земли оставалось приблизительно такое расстояние, представляя в этом отношении большое несходство с низшими обезьянами-макаками, в частности с жившей у нас обезьянкой Дези, которая бесстрашно могла прыгать с потолка комнаты, с крыш, с деревьев вниз на расстоянии не меньшем 3 м.

При отсутствии других развлечений перемежающееся лазание и прыгание по полкам, трапециям, качелям заполняло все дни шимпанзе.

Иони ужасно любил также прыгать, стоя на одном месте, в особенности на пружинящей поверхности мебели, на диванах, мягкое ложе которых вообще соблазняло Иони к безболезненному и смелому воспроизведению самых разнообразных и отчаянных подвижных трюков.

Забравшись на спинку дивана, Иони ухитряется ходить на-четвереньках по узкой[9] рейке спинки и ходит не свободный, а еще волочит в ноге какой-либо длинный лоскут. Дойдя до конца спинки, не будучи в состоянии повернуться назад, Иони со всего размаха грохается на диван, подскакивает на пружинах кверху, сам начинает прогибать пружины, то стоя в вертикальном положении и подпрыгивая на ногах, то бросаясь на-четвереньки и перепрыгивая с ног на руки, с рук на ноги, то кувыркаясь по дивану через голову, то становясь на голову и старательно подхлестывая себя каким-нибудь лоскутом, то он валится навзничь, на спину и ерзает, вертится, барахтая руками и ногами. Выпущенный на волю Иони охотно лазает по деревьям, по заборам, по крышам.

Лазание.

В деревне, на даче лазание по сараям, по террасам, по крыше дома было одним из его любимых занятий, которому Иони предавался целыми часами (табл. 52, рис. 1).

Взобравшись на самую верхушку дома, Иони разгуливает по склонам крыши по всем направлениям, то спускаясь по карнизу, заглядывая под откосы вниз, то опять поднимаясь наверх до самого конька крыши и длительно бродя вдоль верхушечной рейки, проходя ее от начала и до конца и опять обратно, продолжительно маршируя по ней взад и вперед.

Иони так увлекают эти разгуливания в надземной сфере, что он не спускается вниз на самые настойчивые и энергичные наши зовы и не обращает никакого внимания на всяческие соблазны, показываемые ему внизу.

Иони могут заставить немедленно и решительно сняться сверху только такие экстраординарные события, как мнимое нападение на меня кого-либо из людей, когда он, сочувствуя мне, загорается желанием выступить в роли моего защитника и мстителя. Тогда он поспешно, хотя и осторожно, слезает по крутым склонам крыши, идет вдоль забора, ловко лавируя между остриями длинных гвоздей (торчащих вверху забора в качестве защитных приспособлений против лазания деревенских ребятишек), взбирается на столбы ворот, идет по их аркообразному своду, вскарабкивается на невысоко отстоящую крышу дома и по столбам, поддерживающим эту крышу (табл. 52, рис. 2), спускается на крыльцо террасы, сбегает по ступенькам вниз и подбегает к месту происшествия.

И при лазании, как и при беге, шимпанзе делает себе всяческие осложнения: то он лазает, захватив в рот какой-либо несоразмерный предмет (например большой деревянный шар), растягивающий его рот чуть ли не до разрывания, то засунув в рот большой железный ключ, который он переворачивает между зубами, то поставив между губами распорки из палочки.

И во время лазания Иони нередко закладывает какой-либо округлый предмет между своим брюшком и бедром или близ шеи, удерживая его склоненной головой и во время своих воздушных эволюций старательно заботясь о том, чтобы не выронить его на землю. Иони с особенным интересом кувыркается и лазает по трапециям, захватив в ногу или в зубы лоскут материи, и мечется с ним вверх и вниз, растягивая этот лоскут по веревкам трапеции, входя в раж, когда лоскут застревает и удерживает Иони, и прилагая энергичные меры для его высвобождения.

[9] Размером не более 10 см.

Иногда Иони покрывается с головой какой-либо тряпкой, закусив ее зубами, придерживает, чтобы она не выпала, и лазает так, покрытым, по мебели, натыкаясь и ушибаясь.

Зачем все эти осложнения свободного передвижения животного, зачем эти искусственно создаваемые препятствия и связанные с ними злоключения шимпанзе?

И в этих действиях, как и в ранее приведенных, связанных с бегом шимпанзе, мы усматриваем выполнение молодым животным заповедей великого, властного законодателя — старика-инстинкта, вынесшего из глубины веков опыт предков шимпанзе, обогащенного этим опытом.

Этот инстинкт подобно старому, мудрому, любящему деду опекает и воспитывает маленького внучка; он в играх постепенно, незаметно, легко и бескровно разносторонне развивает и подготовляет дитя шимпанзе для будущей жизни и борьбы.

Психическая активность шимпанзе

1. Стремление к развлечениям.

Маленький шимпанзе является необычайно подвижным существом не только в физическом, но и в психическом отношении: когда за ним наблюдаешь, так ясно-ясно видишь, что его мозг ни секунды не остается в бездействии, так как Иони отыскивает себе занятия при самых неблагоприятных ограниченных и искусственных условиях обихода.

Когда его кормишь, в то время как его рот занят едой, его руки находятся в непрестанном движении: то он дергает пальцами окружающие его предметы, то перебирает и теребит руками мои одежды, то проводит пальцем по моему лицу, придавливает мои веки, перебирает полосы (Табл. В.94, рис. 2) и приглядывается так внимательно, как если бы видел меня впервые, но и при этом он каждую секунду отвлекается, оглядывается по сторонам. Пока его умываешь, причесываешь, он забирается ко мне в карманы, стучит по мебели и всячески старается заняться еще чем-либо посторонним, и каждый гвоздик в стене, каждая бросовая бумажка на полу являются объектами, надолго привлекающими его внимание, зазывательным материалом для его игры.

Пока Иони бодрствует, он играет непрерывно, играет до тех пор, пока сон не сваливает его с ног, когда он широко зевает и даже не в силах держаться на ногах и вынужден лечь; но, уже и лежа с полузакрытыми глазами, он все еще пытается занять себя, то перекатываясь с боку на бок, то задирая высоко кверху ноги и руки и внимательно-внимательно приглядываясь к ним, то доставая ногой до висящих над ним трапеций и стараясь коснуться их, а достав легко покачивает, отталкивает эти трапеции до тех пор, пока совсем не сомкнет своих глаз.

Даже обессиленный болезнью, едва волоча ноги, Иони все же с трудом добирается до стола, за которым я сижу, и присматривается к каждому моему движению; когда я укладываю его близ себя, он все время не спускает с меня глаз, и когда он случайно видит в моих руках какой-нибудь новый, невиданный им дотоле предмет, то, шатаясь от слабости, все же привстает на своем ложе, с трудом пытается влезть на стол и рассмотреть эту вещь поближе.

Заболевший шимпанзе, лишенный возможности самостоятельного передвижения, особенно тяготится пребыванием на одном месте и в поисках разнообразия каждую минуту просится то ко мне на руки, то на стол, то на стул, прихотливо меняя свои желания.

Когда поблизости не оказывается ничего достойного внимания Иони, он начинает заниматься тщательным самообследованием: он перебирает волосы на своем теле, на руках, на ногах, настойчиво обкусывает себе ногти, захватывает в рот какую-либо крошку, гвоздик и длительно перебирает эти предметы между губами, стараясь не уронить (Табл. В.29, рис. 1), или вращает языком, делает бесцельные движения губами, челюстями, раскрывая и закрывая рот (Табл. 3.4, рис. 1—3).

Даже полуслепой (после киносеанса) Иони придумывает себе развлечения. Сидя с полузакрытыми глазами, он перетягивает в пальцах веревочки, наощупь делает петли и пытается в них пролезть, раздирает

картонки, ни на секунду не оставаясь в бездействии, и ведет себя так активно, что непосвященный человек не заметит, что Иони делает все эти вещи в буквальном смысле слова вслепую.

2. Стремление к перемене игр.

Наблюдая игровые процессы Иони, предоставленного самому себе, мы замечаем чрезвычайную кратковременность каждой его игры, быструю перемену объектов игры и способов саморазвлекания.

В играх шимпанзе так ясно отражаются и его живой подвижной темперамент, и непостоянство его желаний, и переменчивость его настроений, и нетерпеливость, поверхностность в использовании вещей и прежде и больше всего легковесное любопытство.

Три картины препровождения времени, шимпанзе, списанные с натуры почти с исчерпывающей подробностью и охватывающие краткий период времени нескольких минут, дают конкретное подтверждение только что высказанной мысли.

Шимпанзе выпущен из клетки и введен в общую комнату, в которой он бывает сравнительно редко (примерно не более трех раз в неделю).

Он прежде всего взбирается на стоящий близ окна стул и пристально смотрит на улицу; при этом он забирается на спинку стула и прикладывается лицом вплотную к самому стеклу, а потом залезает даже на подоконник; секунд пять-шесть он смотрит в окно, причем стучит рукой по стеклу и глухо ухает всякий раз, когда видит проходящего. Но на окне стоит лампа с электрическим проводом; едва Иони замечает ее, как тотчас же завладевает шнуром, грызет его зубами, вертит в руках, от времени до времени взглядывая в окно и стуча в стекло. Через 1—2 минуты окно надоело, Иони перебирается на середину комнаты, вскакивает на кресло; на кресле он схватывает лежащую бумажку и с ней переходит на близстоящий стул. Стул находится около подзеркальника, на котором стоит несколько мелких предметов, флаконов, фарфоровых безделушек и др. Иони берет эти предметы и по очереди тянет их в рот, но занимается этим недолго и переходит к креслу, стоящему близ другого окна, и заглядывает в это второе окно: от времени до времени он отрывается от окна, срывает с рождественской елки[10] блестящие нити и начинает перетягивать их между губами, не переставая смотреть в окно. Но и это надоедает; он спускается под елку, ложится на пол брюшком кверху, вытягивает вверх руки и ноги и ловит ими висящие на нижних ветвях дерева елочные шишки; поймав и сорвав их, он тащит их в рот и разгрызает.

Потом он отходит от елки, опять приближается к окну и пристально смотрит в окно, приглядываясь к происходящему конному и пешему передвижению; минут пять, не отрываясь, он предается этому созерцанию, а затем снова идет к елке и занимается перебиранием руками нижних ветвей ели; взяв некоторые веточки, он тянет их в рот и грызет их зубами. Опять он отходит от елки, встает на ручку кресла и смотрит издали в окно, от времени до времени вытягивая голову по направлению проходящих и провожая их глазами.

Наконец он ложится на кресло навзничь, поднимает кверху руки и ноги и старается поймать ими нависающие над ним сверху елочные ветви и шишки; поймав их, он то пытается их оторвать, рискуя свалить на себя всю ель, то, подтянув и залучив их к себе в рот, настойчиво, усиленно грызет их (весь процесс наблюдения длится не более 15 минут). Вторая картина игры осуществляется в комнате Иони.

Иони находит на полу в углу комнаты большой пустой аквариум, наполненный' разными мелкими предметами; он выдвигает аквариум из угла, возит его по комнате, а потом выбирает из него все предметы на пол. Вдруг он сам забирается в аквариум и сидит там секунду-другую; вот он вылезает и стучит в стекло аквариума кулаком, потом опять принимается возить его, то приближая к себе, то удаляя от себя; теперь внимание Иони привлекает небольшой тазик, который он берет и опускает на дно аквариума; теперь он завел за стекло одну из своих рук, смотрит на нее через стекло, хочет коснуться до нее через стекло губами и видимо не может понять, почему не может коснуться, так как несколько раз повторяет ту же процедуру. Аквариум оставляется; Иони вывозит из угла ящик с опилками; он схватывает горстями опилки и сыплет их на пол. И это занятие прерывается! Иони взбирается на умывальник, берет частый гребень, которым его чешут, и сначала внимательно приглядывается к нему, потом, проводя по зубцам пальцем, трещит зубцами. Новый предмет интригует Иони — висящий на стене деревянный градусник; Иони схватывает его, смотрит и скоро оставляет; далее он открывает нижнюю дверцу умывальника и хочет лезть внутрь. И от этого он оторвался.

[10] Дело было в 1913 г.

Вот уже он берет с окна клещи и гвозди, кладет их на пол, вот он схватывает подушку и возит ее по полу, потом стряхивает с подушки прилипшие опилки, кладет на нее гвозди, берет железный крючок и колотит им по гвоздям.

Вдруг его осеняет мысль надеть клещи себе на шею; надев их, усиленно кряхтя, он пытается растянуть их за концы, за пределы возможного. И это оставлено. Иони хватается за дверцу клетки, подтягивается на ней руками, потом быстро сходит, берет молоток, стучит им по гвоздям, вбитым в корзину. И этому скоро наступает конец; Иони бросается к другим вещам: он берет с окна бумагу, конверт, царапает пальцем по написанным буквам; еще мгновенье — и он уже пытается выдвинуть из пазов его клетки щит (выдвижной пол); не преуспевая в этом, он приносит ящик с гвоздями и высыпает из него гвоздики, захватывая их мелкими горстями; среди гвоздиков он усматривает зерна подсолнухов, он выбирает, разгрызает и съедает их; вот и это надоело; на некоторое время Иони обращается к высыпанию опилок, потом бросает и их; вдруг он находит ключ, надевает его кольцо на палец, снимает; опять принимается за высыпание гвоздей; вдруг он начинает сосредоточенно выбирать некоторые гвоздики и, взяв их в руки, отправляет в рот, таким образом он набирает полный рот мелких гвоздей. Скоро надоедает и это. Иони идет к террарию, снимает с него крышку, затем потихоньку подбирается к близстоящему калориферу и откусывает у стены известку; я оглядываюсь, и он срывается с места, так как знает, что колупание стен запрещено. Теперь он хватается за корзину, то возит ее по комнате, то влезает в нее головой, то перекатывает ее по полу, то, зацепив ее за деревянную скамейку и таща в руке, носится с этими предметами вокруг ножки клетки, зацепляя и гремя и корзиной и скамейкой, что видимо доставляет ему огромную радость; то и другое опять скоро надоедает. Иони берет таз, опрокидывает его вверх дном, возит его, сам весь согнувшись, упершись руками в дно, а потом, перевернув таз вниз дном, садится внутрь него и, упершись ногами в пол, двигается по комнате, как бы сидя в коляске. Снова надоедает и это, — Иони берет щетку, возит ее по полу, стаскивает ковер, волочит его по полу, влезает на умывальник, схватывая губку, подбрасывает, подталкивает ее, гонит ее по комнате и сам носится за ней (период наблюдения длится не более 20 минут).

Третья картина — игра Иони в клетке.

Иони пересыпает опилки, перебрасывая их из одной кучки в другую, засыпает ими в одном месте лежащую на полу небольшую деревяжку; вдруг он отрывается от своего дела и бросается на качели, подтягивается на них, зацепившись одними ногами вниз головой, а потом мешком падает вниз на пол. Быстро оправившись от падения, он торопливо собирает в кучку разбросанные бумажки, почему-то втянув в себя при этом щеки, подбирает бумаги под себя, присаживается на них, несколько притихает и сидит, треская губами. Еще мгновенье — и он уже переменил занятие; он опять схватывает деревяжку и с ожесточением грызет ее, затем берется за край щита клетки и пытается выдвинуть его наружу, далее снова бросается на качели и опять, прицепившись к ним, повисает на ногах вниз головой, спуская совсем к полу свои руки и стараясь схватить ими какие либо предметы; в следующую секунду он всем телом подбрасывается с качелей на высоко подвешенную полку и, прикрепившись к ней, висит вниз головой, ударяя руками в сетку клетки. Вот Иони отцепляется, спрыгивает на пол, а потом снова подтягивается к полке и опять отрывается от нее. В следующий момент он опять бросается на качели, опять спрыгивает с них и опять взбирается на них. Стоя на качелях, он проносится в воздухе взад и вперед раза три, потом он ложится на качели, развалившись на спине вверх брюшком и медленно покачиваясь, как в гамаке. Но и это краткосрочно; едва я: отрываю глаза от записи, как вижу, что он уже прилип всем телом к передней сетке клетки и, замерев в неподвижной позе, сосредоточенным взглядом смотрит в окно, но это длится секунду, не более. Прицепившись к качелям, Иони подвешивается на них вниз головой и носится в воздухе, широко открыв рот, стараясь подхватить с пола деревяжку. Далее он опять забирается на полку; подтянув себе туда качели, он начинает грызть их веревки, а потом переменяет желание, вспрыгивает сам на качели и несется сверху вниз в воздухе; вот он опять взметнулся на полку и лег на ней, переваливается с боку на бок; но вдруг опять срывается с полки на пол и подглядывает в щели пола клетки, пытаясь засунуть в них руку; но и это длится всего 2—3 секунды; Иони подтягивается к полке обеими руками и качается на руках, затем он прицепляется руками к качелям и носится в воздухе, то с силой отталкиваясь от стен ногами, то пытаясь подтащить с пола пальцами ноги бумагу, чтобы волочить ее за собой в своих воздушных эволюциях.

Когда это не удается сделать, Иони снижается на пол, набрасывается на лежащую там бумагу и раздирает ее зубами; вот, захватив всю бумагу в руки, он перекувыркнулся с ней; вот он мнет ее всеми четырьмя конечностями, сам весь съежившись в комок.

Не успела я поднять глаз от записи, как вижу, что Иони уже сидит на полке, а потом опять спрыгивает вниз и схватывает деревяжку и снова уносится наверх. Как бы исчерпав все возможные способы саморазвлекания

в клетке, Иони пытается вовлечь в игру меня; пристально глядя на меня, он ударяет в стену кулаком и задорно налетает вперед в моем направлении (период наблюдения длится не более 15 минут).

Предоставленный самому себе, зачастую Иони прежде всего обращает внимание на *новые* предметы, которые он внимательно обнюхивает, осматривает, а потом уже занимается старыми, причем можно определенно сказать, что ни одна вещь в комнате не будет обойдена его вниманием.

Вот он увидел сетчатую корзину для бумаг. Иони встал против этой корзины в вертикальное положение и делает несколько вызывающих поклонов. Так как корзина остается неподвижной, он подталкивает ее рукой и бежит за ней, когда она катится.

Некоторое время он проводит в беганиии за корзиной, но скоро она ему надоедает, он с силой сдвигает кресла и стулья, валит их на пол, но и это не надолго: он хватает ботинки и, держа их за шнурки, возит с грохотом по всей комнате, на пути он еще набирает в руки другие предметы, увлекает их за собой и несется неуклюжим галопом из одного угла комнаты в другой, застревая под столами и стульями, и, с трудом преодолевая препятствия, продвигается вперед. Иногда, завертевшись вокруг ножки мебели, он прикручивает и себя вместе с зацепившейся вещью и тогда с удесятеренным азартом вырывается и выбивается на свободу, с тем чтобы опять начать новое занятие.

Во всех картинах игр шимпанзе мы наблюдаем одни и те же характерные вышеотмеченные черты: переброску внимания шимпанзе от объекта к объекту, кратковременность оперирования с каждой вещью, прерывание начатых действий с одним предметом и их повторное многократное воспроизведение после перерыва. Весь игровой процесс данного отрезка времени не представляет собой *единый, целостный процесс*, направленный к осуществлению определенной цели, подчиняющей себе все слагающие его действия, и доводимый до конечного эффекта, но мозаично внешне сцементированный комплекс разрозненных хаотичных действий, совершаемых с привлечением всех доступных находящихся к комнате предметов.

Насколько случаен и немотивирован выбор этих предметов, уже можно судить по тому, что иногда например шимпанзе прицеливается схватить для игры какой-либо один предмет, но, метнувшись к нему, по дороге видит другой и тотчас же изменяет первоначальное решение и начинает заниматься этим последним, забывая о первом. Даже в злобе, взяв в качестве угрозы или для бросания первую попавшуюся под руку вещь, иногда в последний момент Иони заинтриговывается самой этой вещью и начинает ею играть.

Всякая новая вещь тотчас же привлекает внимание шимпанзе, но она скоро становится для него старой и заменяется другой и другой. В этой бесконечной смене объектов своих игр, более чем во всех других видах поведения, шимпанзе обнаруживает необычайное непостоянство своих желаний.

Какой стимул так понукает, словно подхлестывает его юный ум к этой быстротечной смене занятий?

Это прежде и больше всего неутолимое любопытство, требующее для своего насыщения все нового и нового материала.

3. Любопытство (устремление к новым стимулам) .

Иони обладает чрезвычайно повышенной способностью загораться любопытством из чувства подражания. Достаточно например мне пристально приглядываться к чему-либо, и Иони уже тут как тут и смотрит в то же место. Стоит мне склониться над какой-либо вещью, и он впивается в нее глазами.

Раз я взяла в руки простую беленькую коробочку с порошком и, погремев ею, стала пристально рассматривать наклеенный на ней печатный ярлычок. Иони нагнулся, оперся на руки и так и прилип глазами к коробочке, слегка вытянув вперед губы (Табл. В.32, рис. 1).

Я стала перевертывать коробочку в руках. Иони пригнулся еще ниже, совсем припал на руки и широко раскрытыми глазами с любопытством смотрел на коробочку, выпятив вперед плотно стиснутые губы, и с напряженным вниманием в полной неподвижности все смотрел на коробочку, следуя взглядом за моим водящим по ярлычку пальцем (Табл. В.32, рис. 2).

Когда, не раскрыв коробки, я пыталась ее удалить от Иони, он одной рукой схватил меня за руку, второй рукой зацепился за коробку и с громким плачем стал тянуть коробочку к себе (Табл. В.32, рис. 4); когда же я попробовала сопротивляться, притянув коробку совсем к себе обеими руками, Иони резко куснул меня за пальцы и некоторое время не хотел выпустить мою руку из своих зубов (Табл. В.32, рис. 3).

Любопытство Иони по отношению к скрытому содержимому коробки так велико, желание присвоить коробку так сильно, что он прибегает даже к крайнему средству, как кусание.

Любопытное ощупывание, обнюхивание, разглядывание новых предметов доставляет Иони много развлечения: при приходе своих людей из чужих домов он обнюхивает их чуть ли не с головы до ног; принесенные чужие новые вещи Иони прежде всего стремится обнюхать, а потом тащит в рот; при разбирании корзин и ящиков Иони принюхивается почти к каждой извлеченной вещи, к каждому клочку бумажки и тряпочки. Некоторые запахи особенно интригуют Иони, и он многократно повторно принюхивается к вещам, издающим эти запахи, как например к сырому мясу, к скелетам, к своим высохшим экскрементам, к живым лягушкам, к раку и к различным раздавленным мелким насекомым.

Не только новые обонятельные, но также и звуковые стимулы возбуждают любопытство Иони. Заслышав в смежной комнате незнакомый голос или необычайный шум, Иони мгновенно отвлекается от своих занятий, припав к полу, подглядывает в дверную щель, и если не получает доступа наружу и не может до конца удовлетворить свое любопытство, то вызывающе стучит кулаком в дверь, демонстративно требуя, чтобы ее открыли. Такое же любопытство обнаруживает Иони и по отношению к новым вкусовым восприятиям.

Как уже упоминалось ранее, получив однажды в свое распоряжение коробку разноцветных мармеладных конфет, Иони, отведав одну, звучно кряхтя от удовольствия и облизывая пальцы, тем не менее не кончает съедания начатой конфеты, а обращается к другой, едва закусывает эту и опять бросает, и опять тянется к новой, и так дегустаторски перебирает целые 15 конфет. Так как все мармеладинки оказываются не совсем одинаковыми по вкусу, Иони снова принимается за оставленные им первые испробованные и с прежним смачным кряхтением доедает их до конца, перетрогав и отведав все имеющиеся в коробке конфеты. Для Иони нет большего удовольствия, как получить большой мешок с разнообразным, перемешанным, неизвестным ему съестным материалом и заниматься извлечением из этого мешка разных продуктов (сухих фруктов, конфет, печенья, кусочков различных плодов и овощей, орехов, подсолнухов и других вещей) и в каждой вынутой щепотке неожиданно для себя находить новые и новые лакомые сюрпризы.

Вступив в обладание таким мешком, Иони совершенно покорно входит в свою клетку и безо всякого сопротивления позволяет себя в ней закрыть, надолго развлекаясь опустошением, разбиранием, рассматриванием и отведыванием содержимого этого многообещающего мешка.

Иони необычайно интригуют неожиданно появляющиеся световые эффекты: с каким всепоглощающим вниманием смотрит он на зажигание спички, как бы поражаясь происходящим загоранием света, как он смотрит и не насмотрится на живой огонь, сам подставляя новые сухие спички, многократно демонстративно требуя повторного воспроизведения зажигания после затухания огня!

Стоит дать Иони самую незатейливую, но *новую* вещь, даже простой листочек бумаги, — и он тотчас же оживляется и принимается им заниматься. Правда, он быстро удовлетворяет свое любопытство, и через несколько минут та же бумажка, если она не разрывается на куски, лежит в полном пренебрежении вместе со всем другим получившим отставку материалом, но кратковременно и эта бумажка выполняет свою развлекающую роль. Это страстное любопытство к новизне, как и всякая страсть, у Иони так непреоборимо и ненасытно, что отвлекает его от любого занятия, преодолевает его усталость, сонливость и упрямство, вводит его в самые невыгодные сделки, заставляя променять на приманку новизны даже такие драгоценные для шимпанзе вещи, как свобода.

Если в момент даже самой оживленной игры шимпанзе на трапециях издали показать ему какую-либо *новую* вещь, он мгновенно бросает эту игру и спешит посмотреть новинку, причем, всматриваясь, широко открывает рот.

Иногда к вечеру уже видишь, как Иони устало зевает, полусонный смыкает глаза и вот-вот готов свалиться и заснуть, но если в эту самую минуту вы подносите ему что-либо им дотоле невиданное, он мгновенно оживляется, и любопытное обследование нового предмета совершенно прогоняет его сон.

Часто невозможно усадить Иони в клетку, он сопротивляется, упрямится засаживанию, но едва даешь ему в руки какой-либо новый объект, Иони немедленно добровольно, покорно входит в клетку и начинает его рассматривать.

Нередко Иони сидит снаружи на потолке своей клетки, и никакими уговорами, никакими просьбами, окриками, повелениями, угрозами, криками невозможно заставить его спуститься вниз (так как он по опыту

знает, что обычно вслед за этим спусканием производится и засаживание его в клетку), но стоит кому-либо из нас сделать вид, что в полусжатой горсти руки что-либо есть и при этом самому любопытно внимательно смотреть в эту руку, Иони немедленно и сам загорается любопытством, поспешно слезает с клетки, пытаясь заглянуть в призакрытую горсть.

Несмотря на то, что на эту наживку обезьянчика не раз подлавливают для того, чтобы после скорого удовлетворения его любопытства посадить его в клетку, тем не менее он всякий раз попадает на ту же самую удочку; правда, с каждым разом период колебания, предшествующий решению слезть для рассмотрения интригующего его предмета, все удлиняется, но все же в конце концов любопытство превозмогает, и не было ни одного случая, когда бы Иони устоял перед соблазном потешить свое любопытство и отказался бы от его удовлетворения во имя каких бы то ни было других благ. Показыванием чего-либо нового у шимпанзе можно сорвать развитие любого аффекта, видоизменить направление любой эмоции, переводя их в русло любопытства.

Это любопытство проявляется при самых разнообразных условиях и с особенной силой выступает при помещении Иони в новую обстановку.

По привезении Иони к нам в дом, при внесении его в новую комнату, шимпанзе, сидя у меня на руках, сначала только обводит глазами всю комнату, пристально приглядываясь то в одном, то в другом направлении, останавливая взгляд на различных интригующих его вещах.

Он быстро осваивается, и ему уже не сидится на месте, он рвется у меня из рук. Он залезает повыше, чтобы разглядеть получше разом всю комнату, он сходит на пол и, как кошка, принесенная в чужой дом, он подходит и принюхивается почти к каждому предмету, дотрагивается пальцами то до одного, то до другого, берет их в руки и переворачивает во все стороны; он забирается во все призакрытые уголки, подглядывает под столы, стулья, диваны, залезает на все, на что может забраться, и в короткий срок успевает оглядеть, обнюхать, ощупать в доступных ему пределах всю комнату.

Иони всегда желает расширить границы своих наблюдений: дверь, ведущая в смежные комнаты, решительно не дает ему покоя, он хочет ее открыть, он толкает, напирает на нее, желая хоть на секунду высунуться за нее, выскочить вон; когда же его уводят оттуда насильно, он сопротивляется и кусается.

Раз выбежав в смежные комнаты, Иони сосредоточивает все свои усилия на том, чтобы еще раз побывать там. Так как дверь комнаты шимпанзе при выходе от него и при входе к нему обычно запирают, то он длительно сидит у порога, чтобы тем легче и быстрее улучить момент возможного промедления, неловкости, замешательства при открывании или закрывании двери и использовать этот удачный случай для самовольного выбегания из комнаты. Если даже Иони и не дежурит у комнаты и слышит близ двери движение, он молниеносно подлетает к двери, чтобы перехватить подходящий момент и проскользнуть в дверь.

Выше[11] уже было подробно описано, какие тягостные сцены сопровождают всякое вмещение зверька в комнату и преграждение ему доступа к выходу в смежное помещение; позднее[12] приводились те разнообразные способы и ухищрения, к которым прибегает Иони для того, чтобы расширить сферу своих рекогносцировок.

В большой комнате окно, выходящее на улицу, дает неисчерпаемый источник новых любопытных восприятий, и Иони длительно созерцает через стекло все происходящее наружe. Как уже было упомянуто, иногда он привстает на ноги, вытягивает шею и голову в направлении особенно интересующего объекта, провожает его глазами от момента появления в поле его зрения до момента полного исчезновения.

4. Развлечение созерцанием движения.

Иони особенно интригуют проезжающие извозчики, пешеходы, обремененные большими тяжелыми ношами, и тогда он издает свой обычный при волнении протяжный звук «у-у-у».

Некоторым мимо проходящим людям Иони настойчиво, громко стучит кулаком в окно, и так как тротуар находится близ самых окон, то те оглядываются, улыбаются, увидев черномазую рожицу шимпанзе, задер-

[11] См. стр. 64 [68] — стр. 65 [69].
[12] См. стр. 101 [94] — стр. 103 [95].

живаются у окна к вящщему удовольствию Иони, который так прилипает лицом к стеклу, что совершенно расплющивает и доводит до побеления свой и без того плоский нос.

Бегающие собаки, дерущиеся мальчишки надолго приковывают к себе внимание шимпанзе; его интерес усугубляется, когда мальчуганы вступают в контакт с собаками и заводят игру или нападение на животное, тогда Иони волнуется, ухает, хрюкает, пушится, эмоционально соучаствуя в событии.

При перевозе Иони на извозчике по улицам Москвы он до такой степени увлекается созерцанием мелькающих мимо него картин, что кажется совершенно парализованным: он неподвижно сидит у меня на коленях и, не отводя глаз, все смотрит перед собой; он не реагирует ни одним движением, когда я настойчиво называю его по имени, — так целиком отдается он наблюдению нового для него мира.

Совершенно аналогичную форму поведения обнаруживает Иони и при перевозе его на лошадях в деревню, — в течение 6-часового переезда он смотрит и не насмотрится на меняющиеся ландшафты лесов, полей и лугов и сидит как загипнотизированный, устремив взгляд вдаль. Только от времени до времени это его замурованное состояние прерывается удивленным, протяжным возгласом «у-у!» Этот возглас слышится всякий раз, как мы встречаем другой экипаж.

Иногда на нас почти вплотную сзади наезжают лошади и тычутся в наши спины, — все мы, сидящие в повозке, оглядываемся, и Иони в ужасе отшатывается назад, видя так близко лошадиную морду, и потом еще долго боязливо посматривает назад и не успокаивается до тех пор, пока нас не обгонят и когда он снова видит позади себя чистую дорогу.

При поездке в закрытом автомобиле и в вагоне железной дороги Иони с утра и до вечера не спускает глаз с окна; будучи в вагоне, он в течение целого дня сидит устремив глаза в оконное стекло, он настойчиво отказывается от пищи и перестает смотреть туда только тогда, когда уже спускаются сумерки и становится ничего не видно.

Свое совершенно поглощающее его созерцание Иони эпизодически нарушает только протяжным стоном или отрывистым хрюканьем, издаваемым им в случае появления особенно интересных картин: например при виде движения, суеты людей во время остановок на станциях, замечая бродящие на полях стада скота.

Порой проносящийся, громыхающий встречный курьерский поезд заставляет Иони отпрянуть назад, а потом он, увлекаемый любопытством, опять прилипает к стеклу, возбуждая в свою очередь любопытство и удивление проезжающих, видящих в окне вагона совершенно необычного пассажира.

Выпущенный впервые во двор, Иони находит неисчерпаемый запас нового материала для удовлетворения своего любопытства.

Он подглядывает в низко расположенные окна жилых квартир, он забегает в раскрытое чужое крыльцо и осматривает там каждый предмет, он бежит к калитке, глядит на улицу, прислушиваясь к уличному шуму и гомону, он залезает на невысокие деревца в палисадниках; спустившись на землю, он ковыряет пальцем землю, вырывает траву, все время пристально смотря и нюхая все попадающие в руки предметы, а вслед затем принюхиваясь и к своим пальцам.

И так суетливо с деловитым видом Иони снует из одного конца двора в другой, везде и всюду находя все новые любопытные для него вещи и не унимаясь в своих поисках.

В деревне, помещенный во втором этаже домика с прилегающим балконом, Иони проводит в комнате целые дни, вися на балконной сетке и жадно сосредоточенно наблюдая все происходящее внизу на земле, как бы никогда не утоляя своего ненасытного любопытства.

Ежедневно он собирает под этим балконом целые толпы деревенских ребятишек и праздношатающихся людей и, служа им даровым «петрушкой», сам развлекается созерцанием этой текучей веселой, гомонящей толпы. От времени до времени Иони подзадоривает публику, делая внезапные перескоки по сетке, сотрясая сетку и бросаясь то в одном, то в другом направлении, как бы вот-вот готовясь выскочить наружу, — толпа пугается, шарахается из стороны в сторону, раздается крик, визг, хохот, и это только повышает обоюдное удовольствие взаимного созерцания.

Это созерцание для Иони чрезвычайно заманчиво. Запертый в комнату в холодную погоду Иони сам находит пути к высвобождению из плена и к выходу на балкон. Он ловко и с большой настойчивостью распу-

тывает веревки, завязывающие балконную дверь, и выходит вон, чтобы с прежним воодушевлением длительно набирать новые и меняющиеся впечатления. В одиночном заключении в своей комнате или в клетке при отсутствии притока новых вещей Иони впадает в флегматичное, ленивое настроение. Он валяется на своей постилке брюшком вверх, позевывая, апатично рассматривая свои руки и ноги, совершенно игнорируя все изобилие имеющихся у него под рукой, но уже старых, знакомых игрушек.

5. Предметы, интригующие шимпанзе.

В новой комнате после предварительной поверхностной рекогносцировки и беглого обследования непосредственно доступных для наблюдения вещей Иони направляет свое любопытствующее внимание на открывание скрытых полостей. Он заглядывает под диваны, кресла, столы, открывает внутренние оконные рамы и вынимает оттуда лежащие там предметы. Он открывает дверцы гардеробов, буфетов и присматривается к их содержимому, дотрагиваясь до каждой вещи; он выдвигает ящики столов и шкафов, корзины, комоды, коробки и начинает их разбирать.

Сидя перед ящиком с различными лоскутками, он с чрезвычайно сосредоточенным видом вынимает из него различные тряпочки; одни он обнюхивает и равнодушно кладет поодаль, другие, взяв обеими руками за концы, он накидывает себе на шею и сближает у горла, как бы стараясь делать из них подобие галстука (или шарфа), который он от времени до времени перетягивает вправо и влево по шее; вдруг другие лоскутки привлекают внимание Иони, он снимает первые, подбирает их под себя, садится на них и надевает на шею последние вынутые, которые остаются до тех пор, пока не встретятся новые, более предпочитаемые.

6. Предпочитаемые признаки предметов.

Я могла заметить[13] , как выбор Иони идет по самым разнообразным направлениям, довольно часто цвет предопределяет избрание. Иони отбирает *интенсивно-покрашенные красные, желтые* лоскуты; в других случаях ему нравятся не яркие, но блестящие шелковые, атласные материи, которые он расправляет, разглаживает руками; иногда *прозрачность, сетчатость* интригует его любопытство: он выбирает себе кружева (в дырки которых просовывает пальцы), вуали, клеенки, которые он накладывает себе на глаза и через которые смотрит на свет.

Иони тянется к огню: он любит созерцать горение свечи и спички, и радостно отвертывает он штепсель, пуская электричество и смотря на него.

Нередко *форма и величина* привлекают его внимание: он присваивает в свой обиход особенно большие и длинные лоскуты, которые он использовывает то наманер шарфа, надевая себе на шею, то в качестве покрышки на голову; окутываясь ею, он лазает по мебели, бегает по комнате, придерживая ее за края зубами во избежание спадания.

Иногда стимулируемый любопытством Иони идет в своих обысках чрезвычайно далеко: он открывает печные дверцы, выбирает оттуда угольки и золу; найдя стоящий на полу самовар, он заглядывает в открытую трубу и извлекает оттуда содержимое, состоящее из лучин и углей.

Уже говорилось ранее, как охотно Иони обыскивает посредством палочки даже щели своей клетки, выгоняя оттуда запрятавшихся тараканов. Можно определенно сказать, что в комнате Иони не было ни одного вместилища, ни одной полости, ни одного отверстия, которые он не обшарил бы своими руками, пальцами или в которое он не заглянул хотя бы одним глазком.

Видит Иони сетчатую поверхность на плетеном сиденьи стульев, и он пристально смотрит через дырки на пол; открывающаяся *глубина*, просвечивание пола видимо его удивляет, и он издает протяжный стонущий звук.

Он пробует запустить в дырки стула свой обследующий палец, и когда это не удается сделать ввиду узости диаметра дырки, он прилагает все меры, чтобы разодрать сетку.

В другое время не столько вогнутые, сколько *выпуклые*, рельефно выступающие предметы возбуждают его необычайный интерес.

[13] Как то отчасти уже было отмечено в отделе «Инстинкт собственности».

Увидев клавиши рояля, Иони особенно заинтриговывается выпукляющимися черными клавишами, он дотрагивается до них указательным пальцем, ощупывает, пытается ударить, вернее вдавить их; когда он получает звук, то давит еще сильнее до пределов возможного, притом, как это всегда бывает у него (и у людей в моменты чрезмерного напряженного внимания), нижняя челюсть его отвешивается, рот широко раскрывается, взгляд следует в направлении обследующего пальца.

Сходная картина поведения получается и в том случае, когда Иони видит контрастное соотношение черных пятен на белой бумаге. Иони дотрагивается и до них пальцами, старается их защипнуть (как если бы они были барельефными), и когда это у него не выходит и он хватает только свои ощупывающие пальцы, он начинает царапать, скрести, колупать ногтями бумагу, стремясь каким бы то ни было способом оттащить от поверхности бумаги интригующее его изображение. Чем меньше Иони преуспевает в этом, тем настойчивее его усилия и разнообразнее ухищрения в осуществлении желанной цели.

Такое же любопытство и внимание вызывают у Иони различные книги с картинками. Он чрезвычайно любит сам перелистывать книги и рассматривать изображения, причем, как то уже было отмечено, наблюдается его диференцированное отношение к разного рода картинкам. Рисунки животных, особенно обезьян, привлекают его сугубый интерес, особенно если они отличаются большой рельефностью, переданы резко контрастирующими светотенями; и их, как и выпукляющиеся предметы, Иони старается отделить пальцами от бумаги и злобится, когда это не удается сделать.

Фото, передающие морды зверей с резко выступающими глазами, с яркими бликами в глазах, вызывают агрессивные чувства шимпанзе, и он, приглядываясь к ним, ожесточенно царапает их пальцами по морде, хлопает их кулаком.

7. Реакция шимпанзе на зеркало.

Как уже было упомянуто, необычайно эффектно выражается реакция шимпанзе на зеркало.

Увидя себя впервые в зеркале, шимпанзе открывает рот от удивления, вопросительно-любопытно устремляет взгляд в стекло, как бы безмолвно красноречиво вопрошая: «что это там за рожа?» (Табл. B.33, рис. 1; Табл. B.7, рис. 3).

Когда я вожу зеркало из стороны в сторону перед глазами шимпанзе, Иони, сам не двигаясь с места, весь подобравшись, с любопытством повертывает голову, ловя глазами изображение и так продолжая оставаться с раскрытым ртом.

Скоро Иони осваивается со своим образом, закрывает рот и, сжав и вытянув вперед губы, продолжает пристально приглядываться к зеркалу (Табл. B.95, рис. 2).

Но это отдаленное созерцание скоро его уже не удовлетворяет, он вопросительно протягивает руку в направлении своего изображения и, натыкаясь на стекло, схватывает зеркало за край, приближает его к себе и, слегка расщелив рот, все смотрит и смотрит на себя, не отрываясь (Табл. B.95, рис. 4). При моем передвижении зеркала, видя перемещение своего образа, Иони старается вырвать у меня зеркало из рук, грызет его края зубами, старается заглянуть за зеркало; если я не даю коснуться зеркального стекла, Иони протягивает и заводит за него свою руку, нащупывая и стараясь захватить кого-то (Табл. B.33, рис. 2), и если я нарочно подставляю ему позади зеркала мою руку, то вначале он пугается, отскакивает, а потом сильно сжимает мою руку своей рукой и старается подтянуть ее к себе. Если я сопротивляюсь и, не показывая свою руку, убираю ее, Иони встречает новое появление своего изображения с большой агрессивностью: закинув голову назад, он яростно, повторно колотит по зеркалу сложенными пальцами, причем по его губам пробегает волнообразная судорога, заканчивающаяся искривлением губы в области клыка[14] (Табл. B.33, рис. 3).

Затем Иони проделывает перед зеркалом другие гримасы отчасти запугивающего, отчасти любопытствующе-развлекательного свойства.

То, вытянув вперед плотно сложенные губы и сгорбив верхнюю губу, он длительно трещит губами, не спуская с себя глаз в зеркале (Табл. B.33, рис. 4), то, раскрыв рот, Иони вытягивает вперед язык, извивает

[14] Агрессивная реакция Иони на свое изображение в зеркале была более подробно изложена на стр. 123 [107].

его, вращает им впереди губ, перемещает из стороны в сторону, справа налево и сверху вниз. Временами Иони придает губам самую разнообразную конфигурацию: то он направляет их раструбом вперед (как при общей возбудимости) (Табл. В.95, рис. 6), то оттягивает в стороны наманер улыбки, то складывает мыском верхнюю губу над нижней (как при усиленном внимании), то подергивает, кривит и обнажает ее над клыком (как при злобе).

Выше уже упоминалось, с каким любопытством присматривается Иони к своему отражению в стеклах дверей и окон и в других отражающих поверхностях, как например в металлических шариках кровати, в черной полированной поверхности дырокола и в блестящей поверхности стального звонка.

Если фотографические и зеркальные изображения животных вызывают чрезвычайный интерес шимпанзе, то естественно предположение, что чучела животных, мертвые и живые животные должны возбуждать еще большее любопытство Иони.

Так оно оказывается и на самом деле.

В главе, посвященной эмоции страха, мы уже могли видеть, как вопреки боязни некоторых предметов — например маски, изображающей человеческое лицо, головы волка, чучела медведя — шимпанзе тем не менее делает самостоятельные попытки к более близкому ознакомлению, так как любопытство превозмогает над его страхом; аналогичное стремление к разглядыванию волнующих его предметов обнаруживал Иони и при виде черепа человека, скелетов обезьян, чучел, трупов птиц и зверей.

Увидев эти необычайные предметы, Иони первоначально пускает в ход свой обследующий указательный палец, любопытно дотрагиваясь им до интригующего объекта, потом он подносит палец к носу и обнюхивает его, продолжая то более, то менее длительно приглядываться к этим предметам (Табл. В.22, рис. 2).

8. Реакция шимпанзе на живых животных.

Живые животные с их способностью к передвижению (например морские свинки) надолго приковывают к себе любопытное внимание шимпанзе.

В полутемном террарии Иони мгновенно замечает медленно ползущую гусеницу и длительно занимается созерцанием ее перемещения по травинкам.

Еще больший интерес шимпанзе вызывает лягушка: увидев ее, Иони нагибается к террарию, то приподнимая, то опуская брови, плотно сжав и выпятив вперед обе губы, вздув верхнюю горбиком; шимпанзе пристально присматривается к лягушке, заглядывая на нее то с одной, то с другой стороны стекла, следя за ее малейшим передвижением. Всякий раз как лягушка, сидя на месте, замирает, Иони колотит рукой в стекло, как бы вызывая ее к действию, а когда лягушка чрезмерно оживляется и начинает прыгать, Иони заглядывает через открытый верх террария, пытается щелкнуть ее пальцем или каким бы то ни было способом ударить ее.

Ящерица, посаженная в террарий, ищущая себе выхода и карабкающаяся по сетке, еще более подвижная чем лягушка, вызывает длительное неохладевающее любопытство шимпанзе (Табл. В.97, рис. 5).

Однажды я показала Иони живого рака. Иони сначала дотронулся до бумажки, в которую рак был завернут, обнюхал свой палец, коснувшийся бумажки, потом самую бумажку и уставился глазами на рака. Рак задвигался. Иони вздрогнул, искривил верхнюю губу и резко дернул рака за ус; потом он обнюхал свои пальцы, хватавшие рака; позднее Иони смелел больше и, взяв рака за усы, начинал его возить. Но обонятельные стимулы, исходящие от рака, возбуждали любопытство Иони не менее, чем зрительные стимулы.

Он снова притрагивался пальцем к спинке рака, опять обнюхивал свой палец, обнюхивал то место, с которого рак сполз, растирал рукой влажный след, оставшийся от рака, ударял рукой по тому месту, где сидел рак, намахивался на самого рака кулаком, а когда я сажала рака к нему в клетку, Иони хватал его за ус, и бросал прочь от себя вон из клетки на пол; слишком близкое соседство членистоногого собрата раздражало Иони.

Необычайный интерес с примесью страха вызывают у Иони все большие домашние животные, как коровы, лошади, овцы; и в деревне мне не раз приходилось заставать Иони висящим часами на балконной сетке и наблюдающим прохождение и водопой стада коров и овец.

Мелкие домашние животные, как свиньи, кошки, собаки, куры, настолько активируют любопытство Иони, что он уже не может усидеть на месте, а уносится вслед за ними, чтобы вступить с ними в более тесный и непосредственный контакт, а когда он разделен от них насильственно стеклом окна или балконной сеткой, за которой сидит, он настороженно созерцает их передвижение на воле.

Люди, и в особенности вновь пришедшие незнакомые люди, пробуждают у Иони еще большее любопытство, нежели животные.

При входе в его комнату нескольких *новых* лиц Иони так и впивается в них глазами; едва он взглянет на одного присутствующего и успеет буркнуть свое не слишком благозвучное приветствие — взволнованное уханье, — как уже смотрит дальше на дверь, продолжая непрерывно ухать, вытягивать вперед по направлению к вновь вошедшему одну руку, сгорая нетерпением разглядеть его: войдет этот последний, а Иони, раскрыв рот, уже заглядывает дальше, чтобы увидеть следующего входящего человека, и не отрывает глаз от двери и не прекращает звука до тех пор, пока дверь совсем не захлопнется.

9. Реакция шимпанзе на новых незнакомых людей.

Обычно Иони не терпит пассивного созерцания новопришедших, а хочет ознакомиться с ними поближе.

Если при наличии в его комнате сообщества новых лиц промедливают с выпусканием Иони из клетки, он начинает отчаянно стучать и громыхать трапециями, стонать, похныкивать, нетерпеливо, беспокойно суетясь по клетке и не успокаиваясь до тех пор, пока его не выпустят наружу.

Освобожденный из клетки Иони прежде всего направляет свое любопытство на новых лиц. Он подбегает к каждому из них и боязливо касается указательным пальцем разных частей их тела и после каждого притрагивания с сосредоточенным видом долго и внимательно обнюхивает свой палец; к некоторым людям Иони решается прикоснуться даже плотно сжатыми и вытянутыми вперед губами, в то же время осуществляя и принюхивание.

Закончив с этим предварительным обонятельным обследованием и как бы фактически убедившись в миролюбии и безвредности нового человека, обезьянчик начинает уже подробно разглядывать незнакомцев: он ощупывает их, проводит руками по их лицам, залезает пальцем в ноздри, перебирает волосы на голове, шлепает ладонью по лысинам, теребит и растаскивает длинные бороды, проводит руками по платьям, отвертывая борта, полы, складки одежды и рассматривая их, залезая в карманы и опустошая их содержимое, с особенным любопытством разглядывая обувь и ощупывая надетые очки, часы, цепочки. Длинные широкие женские юбки необычайно интригуют Иони; Иони хватает их за край, загибает кверху и с любопытством подглядывает под подол, ощупывает обычно закрытые части ног вплоть до голени к вящшему конфузу посторонней посетительницы, и чем более та противится этому обследованию, тем более загорается Иони желанием продолжать свои рекогносцировки далее.

В присутствии посторонних Иони обычно предпочитает играть с этими незнакомыми людьми и всячески подзадоривает их к игре: легко намахивается на них руками, хлопает, толкает и оживляется необычайно, когда они идут навстречу его зазываниям; быстро освоившись с незнакомцем, Иони может играть с ним продолжительно, совершенно игнорируя «своих», как бы даже не замечая их.

Однажды вечером к Иони в комнату вошел рабочий, делавший перегородку этой комнаты. Иони положительно не спускал глаз с новопришедшего в течение всего периода его трехчасовой работы; обезьянчик явно хотел спать, зевал, с трудом смотрел глазами и все же с любопытством наблюдал за действиями нового человека, созерцая до тех пор, пока окончательно не свалился и не заснул.

В другое время пришел посторонний человек замазывать зимние рамы в комнате шимпанзе. Для Иони это оказалось большим развлечением: он все время совался к открываемым окнам, таскал и пытался есть замазку, в упор смотрел на нового человека, с любопытством и страхом разбирал его бороду, принюхивался к его лицу, касался его своими руками, приглядывался к его сапогам и длительно с напряженным любопытством следил за всеми действиями рабочего; от времени до времени Иони прерывал свое созерцание подразнивающими зазываниями незнакомца к совместной игре: Иони становился прямо против рабочего, притаптывал ногой, постукивал рукой по полу и с настороженным азартом налетал и толкал его, а потом отбегал в противоположный конец комнаты и поглядывал, что за этим воспоследует.

Если и этот маневр не вовлекал человека в совместный игровой контакт, Иони метался по комнате, валил стулья, бегал, суетился и пытался развлекаться самостоятельно.

Надо сказать, что Иони обладал исключительной способностью *наблюдательности* и необычайным *любопытством*: он тотчас же замечал всякий элемент новизны и немедленно хотел опознать его осязательнее.

Знакомый молодой человек, носивший ранее длинные волосы, однажды пришел к нам гладко выбритым. Иони немедленно заметил перемену, он подошел к этому человеку и прежде всего стал дотрагиваться пальцами до его бритой головы, проводя по ней рукой по всем направлениям.

В другое время Иони мгновенно усматривает надетое на мне новое платье и начинает внимательно к нему присматриваться и обнюхивать. Он замечает каждое вновь показавшееся у меня на лице пятнышко, каждую царапинку, каждый прыщик. Иони замечает и любопытно приглядывается даже к лежащей на полу иголке, булавке, каждому пятну на обоях. В этих обследованиях новых лиц и предметов большую роль, чем зрение, играют у шимпанзе обоняние и осязание: так например при входе Иони в новую комнату он обнюхивает решительно каждый предмет. Как то уже было упомянуто, этим своим поведением Иони очень напоминает кошек, которые, будучи занесенными в чужой дом, первые часы своего пребывания проводят в непрерывной обонятельной рекогносцировке, переходя с места на место и всюду принюхиваясь.

Интересующие шимпанзе люди и вещи, которые не вызывают у него чувства страха, обследуются им более осязательным способом, — он ощупывает их вытянутыми губами, прикасается к ним языком, причем в отношении острых вещей делает это так осторожно, что никогда не наколется, не порежется, хотя порой оперирует с такими острыми колющими вещами, как гвозди, стекла, булавки, кнопки, шипы цветов (роз).

Очень часто в обиходе жизни губы шимпанзе выполняют подсобную хватательную функцию, довершая особенно субтильные движения: например шимпанзе хочет поднять руками с пола плоские круглые костяные плошки, но при всем старании не может подцепить их пальцами; тогда он наклоняется ртом к полу и прекрасно защипывает губами плошку, вслед затем перенимая ее с губ в руки.

Когда под руками нет абсолютно ничего подходящего для игры, Иони использует для развлечения свои губы, язык, рот, руки. Плотно сомкнув губы, он оттягивает рот то в одну, то в другую сторону (Табл. 3.4, рис. 4); высунув язык, он водит им по губам или шлепает им о губы или вытягивает вперед, или втягивает назад в полости рта[15] (Табл. 3.4, рис. 2, 3).

Развлечение звуками

Иногда Иони раскрывает рот так широко, как только может, а потом быстро смыкает челюсти и производит то более, то менее частое лязганье зубами. Издаваемый при этом звук забавляет Иони, и он воспроизводит его многократно, до тех пор пока не устанут челюсти, пока они в состоянии открываться (Табл. 3.4, рис. 1).

Нередко Иони забавляется *звуками*, издаваемыми другими органами — например губами. Вытянув вперед и надув обе плотно сомкнутые губы, слегка вывернув нижнюю и сгорбив верхнюю (Табл. B.33, рис. 4), Иони толчкообразными залпами выпирает изо рта воздух и производит то продолжительный, то отрывистый треск, брызгаясь слюнями. По выходе всего воздуха губы спадаются. Иони надувает их снова и снова, и снова длительно упивается этим забавным глухим трещанием.

Не менее комично другое развлечение, также сопровождающееся издаванием звуков, производимых собственными средствами шимпанзе.

Однажды Иони, схватив себя пальцами за верхнее веко, стал порывисто оттягивать его от глаза; послышался слабый хлопающий звук. Иони немедленно захотел повторить этот звук и стал оттягивать пальцами за ресницы веки обоих глаз и длительно воспроизводил то же шлепанье.

Иони развлекается иногда, похлопывая и пощипывая обнаженные руки и ноги человека; он охотно, с воодушевлением занимается хлопаньем в ладоши, явно развлекаясь самым звуком хлопанья, ритмичным стучанием кулаком о стену и о пол клетки.

[15] Аналогичные забавы губами я наблюдала у молодой самки оранга Фрины, содержавшейся в Московском зоопарке.

Чрезвычайно редко бывает и так, что Иони исчерпает все возможные средства развлечения. Тогда он садится в совершенно неподвижной позе, зацепив руками ступни вытянутых ног, закидывает назад голову, до пределов максимального растяжения разевает рот, устремляет вверх глаза и сидит так некоторое время в дурашливой расхлябанной, скучающей позе, медленно покачиваясь спереди назад, сзади наперед, как бы не желая заняться решительно ничем (Табл. 3.4, рис. 5).

Вообще надо сказать, что обычно всякие звуки развлекают Иони, и он стремится воспроизводить их самыми разнообразными способами и при посредстве любого попадающего в руки предмета.

Имея деревянные шарики, палки, железки, ключи, жестянки, стальные штанги и всякие другие металлические предметы, Иони стучит ими друг о друга, ритмично ударяя ими по чему-либо жесткому, и получает самые разнообразные звуки.

Взяв в зубы за кольцо связку ключей, Иони быстро-быстро трясет головой, ключи звучно гремят, и это ему нравится.

Схватив ремень с металлической пряжкой, длинную палку, кнут или ременную плетку, Иони что есть силы хлещет этими предметами вокруг себя направо и налево по окружающим предметам, по стенам и по полу клетки и развлекается этим тем дольше, чем больше шумит; нередко войдя в раж, он попадает себе по голове, по туловищу, но все же не унимается и с каждым ударом предается этому делу все с большим азартом.

Громыхание подвешенными трапециями, ударение их друг о дружку и о стены комнаты является одним из наиболее излюбленных развлечений Иони, находящегося в одиночестве; и из комнаты Иони слышатся обычно такой шум, треск и громыхание что, слушая со стороны, можно подумать, что в ней воюет целый десяток буйных сорванцов-ребят.

Хлопанье (открыванье и закрыванье) раскрытыми створками клетки, дверцами шкафов, дверьми комнат представляет обычное развлечение Иони, и он не может видеть равнодушно ни одну открытую дверь, чтобы не хлопнуть ею.

Чем только Иони ни воспроизводит звук!! Взяв в руки продавленный сплющенный резиновый мяч, Иони переминает в руках резину, прислушиваясь к издаваемому ею скрипенью.

Надев на лицо резиновое колечко и оттянув и спустив его в одном месте рукой, Иони слышит слабый дребезжащий звук, он сейчас же использовывает резину в качестве инструмента, воспроизводящего звук. Захватив один конец резины в рот и захлестнув ее оборот о клык, Иони оттягивает другой конец кольца пальцами ноги, а пальцами руки ударяет резину сбоку, тренькая по ней как по струне. С улыбкой он снова и снова воспроизводит эту музыку до тех пор, пока слишком порывистым движением не обрывает свою струну, тогда он отбрасывает ее как негодный неинтересный предмет.

С увлечением Иони забавляется верчением по столу металлической крышки от чернильницы, которую он крутит в руках круговым движением, как волчок, схватив пальцами за конусообразно выступающую верхушку; кружась и останавливаясь, крышка звонко дребезжит, и это побуждает шимпанзе к повторному воспроизведению тех же действий и звуков.

Игры экспериментирования

Среди других развлечений шимпанзе громадную категорию игр составляют игры «экспериментирования»[16] возникающие неизменно при наличии новых неизвестных, невиданных им ранее объектов. Эти игры так же неисчислимы по своему количеству и многообразию, как бесчисленны предметы окружающей шимпанзе обстановки.

В этих играх малыш-шимпанзе знакомится со свойствами предметов внешней среды, развивает свои пять органов внешних чувств, приобретает опыт в обращении с вещами и в правильном использовании вещей для возникающих у него потребностей.

Высшего типа способности, как любопытство, любознательность, внимание, терпение, имеют широкое поле для своего выявления именно в этих играх экспериментирования.

[16] Термин К. Грооса.

Откуда берется материал для этих игр?

Для малыша-шимпанзе, обычно проводящего большую часть своей жизни в скудной обстановке в заключении клетки (имеющей только пару полок, деревянную кровать, постилки и подвешенные трапеции), при выпускании его на свободу, на волю все ново, все необычно, все интересно: вода, земля, песок, камни, трава; тем более необычны для него данные ему в клетку разные предметы человеческого обихода, которые он старается всесторонне исследовать.

В особенности вода в силу своей подвижности дает неисчерпаемый источник для развлечений шимпанзе.

1. Игра с водой.

Можно думать, что Иони страдает неутолимой жаждой, так как всякий раз, как он видит воду, он прежде всего стремится ее пить. Даже когда я его умываю, он старается облизнуть мою мокрую руку и заполучить в рот лишнюю каплю влаги, опять напоминая в этом отношении маленьких детей, которые зачастую пьют даже, тогда когда не имеют в этом насущной потребности.

Если Иони не пьет воду, то все же он забирает ее в рот и длительно переполаскивает ее во рту. Потом он выливает воду изо рта на пол и длительно расплескивает ее в разных направлениях по полу.

Если вода налита в высокий сосуд (например кувшин), Иони опускает туда свою руку, пытается черпать воду, а не преуспевая в этом вынимает мокрую руку и разбрызгивает воду вокруг себя. Если вода находится в широком сосуде (например в тазу), Иони, держа над тазом руки, пытается захватить горстями воду и переливает ее с руки на руку. Он длительно занимается тем, что находит разные предметы и пускает их в воду, и внимательно смотрит, как погружаются одни и плавают другие вещи[17] .

Всякий раз, как я умывала Иони близ умывальника с оттянутым краном, Иони с большим вниманием созерцал струйку вытекающей воды. Однажды я оставила свободно вытекать струю и предоставила Иони полную волю в обращении с водой. Он мгновенно приподнялся в вертикальное положение, всем телом подтянулся к воде поближе, обратив одну руку ладонью вверх, подставил свою ладонь под струю, а потом приблизил руку ко рту; вода растекалась по ладони, и он подносил ко рту пустую руку; он ускорял быстроту приближения руки ко рту, но напрасно — и тогда он не доносил воду. Полный сосредоточенного внимания, Иони перешел на другой конец умывальника, пытаясь схватить струю с другой стороны, и стал удерживать ее распластанными пальцами и с силой быстро зажимал воду в руках так, как если б он схватывал жесткий предмет. Тщетно несколько раз подряд он сжимал в кулак и разжимал руку, — вода все ускользала, и ему так и не удалось благополучно донести ее до рта. Он торопился все больше, все чаще и чаще забегал то с одной, то с другой стороны струи, приглядывался к ней все ближе, склоняя голову и под водя глаза почти вплотную, как бы стараясь рассмотреть, в чем дело? Ловя руками струю, он в такт захватывающих рук широко раскрывал рот, высовывал язык, комично вращая им впереди губ и препровождая обратно в рот, как бы помогая им в собирании воды[18] . Ничего не выходило, и в течение 10 минут моего наблюдения длилась тщетная процедура схватывания обезьянчиком воды рукой. Наконец при одном более тесном приближении головы к струе Иони догадался захватить струю прямо ртом. И с тех пор всякий раз, как он хотел пить, он подходил к умывальнику, отвертывал кран и употреблял только этот кратчайший способ получения воды и, вытянув вперед в форме черпака свою нижнюю губу, ловко ловил воду.

На воле в деревне Иони невозможно было оторвать от развлечений близ ручейка, свободной струйкой стекающего с обрыва. Иони пытался хватать эту струйку руками, перерывал ее пальцами, разбрызгивал ее, подставлял под студеную ключевую воду свое лицо и голову, ловил струйку выпяченными вперед губами и так вымокал, что его приходилось обсушивать.

Нередко, имея под рукой воду, Иони захватывает ее в рот и опять выливает, снова забирает и опять льет на пол клетки, размазывая ее то рукой, то тряпкой.

2. Игра сыпучими веществами.

Земля, камни, песок дают обильный материал для развлечения Иони.

[17] Аналогичное у детей.
[18] Аналогичное участие языка в совершении трудно координируемых движений наблюдается и у детей.

Выпущенный во двор Иони роется в песке, выискивает камешки, забирает их в рот, взяв гвоздик, вырывает им ямку в земле.

Вот Иони нашел крупный камень, он царапает по его поверхности ногтем, плюет на него, растирает по нему слюну, а потом, взяв в руки, грызет его некоторое время зубами.

Вот он вынул камень изо рта, пристально присматривается к нему и находит небольшую скважину; теперь, приложив камень ко рту как раз этой скважиной, Иони вдувает себе в рот содержимое скважины, состоящее из мелких пылинок. Затем камень используется своеобразным образом: положив камень на землю и повалившись сам спиной на камень, Иони перекатывает камень под спиной, а позднее кладет его себе на брюшко и часто досадливо дышит, как бы стремясь освободиться от камня. В следующий момент Иони берет камень и пытается бросить его в свое отражение в оконном стекле.

Идя по траве, Иони необычайно внимательно приглядывается к каждой травинке, одну он срывает, другую игнорирует, третью тащит в рот и, отведав, бросает, четвертую съедает до конца и позднее выискивает именно ее среди сообщества других растений.

Опилки, служащие для посыпания металлических щитов его клетки, вначале, когда Иони еще не успел к ним привыкнуть, являлись материалом для самого разнообразного экспериментирования шимпанзе. То Иони пересыпает их с руки на руку, низко нагнув голову к самым рукам, смотрит на них, широко раскрывая и закрывая рот и учащенно дыша, от времени до времени быстро шевеля губами, когда боится их просыпать, как бы соучаствуя движениями рта в движениях рук. То он руками сгребает опилки из самых удаленных уголков клетки и с кряхтением собирает их в одну кучку; эту кучку он ссыпает на разостланную на полу клетки чистую бумажку. Наложив невысокую горку опилок, он тянет за свободный край бумажки и везет опилки по полу; горка опадает, так как опилки ссыпаются на пол. Иони собирает рассоренные опилки с пола и опять накладывает их на вершину горки; вот он осторожно прикасается губами к верхушке горки и забирает в рот небольшую порцию опилок, которые пережевывает некоторое время во рту. Вдруг он вытаскивает бумагу из-под опилочной горки, стряхивает с нее приставшие опилки и кладет ее на другое место, тщательно обтерев и свои руки от опилок, даже по--хлопав их одна о другую, чтобы окончательно стряхнуть единичные приставшие опилки; затем Иони начинает снова ту же процедуру, насыпая опилки на новое место, на чистую бумажку, собирая туда опилки отовсюду, откуда может.

Нередко, насыпав на бумажку большое количество опилок, Иони внезапно разметывает их в стороны рукой, резко сбрасывает быстрым приподниманием бумаги или, захватив целую горсть опилок, подкидывает их кверху, а сам в это время пригибается лицом вниз из боязни, чтобы опилки не попали в глаза[19] .

Нередко, собрав большую кучу опилок в одном месте, Иони с сосредоточенным видом разгребает ее на более мелкие маленькие кучечки, которые располагает близ большой.

Забравшись в целый сундук с опилками, Иони по нескольку минут сидит, весь утопая в опилках, длительно занимаясь их пересыпанием, перебиранием, ворошением.

3. Игра прозрачными объектами.

Интересна реакция Иони на прозрачную желтую медицинскую клеенку. Иони нюхает ее, касается ее губами, смотрит сквозь нее; признак прозрачности сразу обратил внимание и заинтриговал обезьянника. Взяв клеенку в руки и поднеся ее к глазам, Иони стал смотреть сквозь нее на свет; видимо мир, окрашенный в яркий желтый цвет, понравился ему, и позднее он все хотел видеть именно в этом необычном желтом цвете и прилагал к тому всемерные усилия.

Это не так-то легко было сделать: Иони брал один конец клеенки в зубы, чтобы она не выпала, слегка вытягивал губы, чтобы она не вполне прилипала к носу и позволяла ему дышать, а другой конец клеенки он протягивал но лицу до лба и, закидывая голову назад, чтобы клеенка не свалилась, пристально смотрел вверх на сетку своей клетки, а потом почему-то намахивался и через клеенку ударял самого себя кулаком в лоб. Клеенка съезжала со лба и выпадала. Тогда, не выпуская ее из зубов и одной рукой придерживая над глазами другой конец клеенки, Иони бросался на качели и все смотрел-смотрел через желтое, переводя

[19] Я не раз замечала, как, бросив вверх какой-либо твердый предмет, например деревянный шарик, Иони точно так же падает быстро ничком, лицом вниз, укрывая от возможного удара в первую очередь свое лицо.

глаза на самые различные окружающие его предметы. Все придерживая клеенку близ глаз, Иони в возбуждении налетал на стены комнаты, бил в них кулаком, волчком вертелся на месте, скакал, прыгал, обнаруживая все признаки буйно-радостного настроения. В течение всего времени своих метаний по комнате Иони настороженно заботился о том, чтобы клеенка не спала с его глаз. Позднее обезьянник открывает в клеенке другие свойства, со стороны которых он и использовывает ее.

Он продавливает пальцем клеенку сквозь сетку клетки, он пропускает клеенку между слегка стиснутыми своими зубами, он кладет ее на доску и гладит, расправляет рукой измятые места, он отдирает зубами мелкие кусочки клеенки и бросает их прочь от себя.

Вдруг, повалившись на пол брюшком вверх, Иони кладет себе на раскрытые глаза маленькие оторванные кусочки клеенки и смотрит сквозь них вверх, как через очки.

Как только Иони перестал заниматься большим лоскутом клеенки, я хотела взять этот лоскут себе, — не тут-то было: с хриплым придыханием Иони схватил клеенку, бросился от меня в сторону, кусался, вырывался, когда я его настигала, запрятал от меня весь кусок клеенки в рот, плотно сжал зубы и губы, отвернулся от меня и отстаивал этот лоскут как самое драгоценное сокровище.

Когда на следующий день я дала Иони гладкую блестящую, но непрозрачную бумагу, Иони несколько раз пытался смотреть через нее так же, как через клеенку, поднося к глазам и глядя на свет.

Я даю Иони длинный отрезок резиновой трубки, — как разнообразны манипуляции шимпанзе с этим предметом! Иони тащит его в рот, нюхает, опять направляет в рот, схватывает руками, вставляет в трубку палец, берет один конец трубки в рот и вытягивает, всасывает в себя из трубки воздух[20] ; вдруг он закидывает трубку, как веревку, через торчащий на потолке крюк и руками тянет концы трубки вниз, пытается подвеситься на ней, но неудачно.

Иони бросает этот маневр и выдумывает новый: прислонив к щеке один открытый конец трубки, он надавливает им на щеку, прогибает и выпрямляет захваченный в руку отрезок; затем осуществляется новое использование: Иони просовывает трубку сквозь петли сетчатого потолка клетки, и, когда она совсем уходит наверх, он пытается через те же петли вытянуть ее назад пальцем руки. Когда это не удается сделать, он подталкивает рукой сетку, отчего трубка подпрыгивает и наконец, попав одним концом в петлю, падает внутрь клетки, когда он и овладевает ею опять.

4. Игра твердыми предметами.

По отношению к твердому предмету формы обследования и использования совершенно другие. Я даю Иони в полное обладание большой стеклянный пустой пузырек[21] , в котором ранее был французский скипидар.

Иони торопливо взял у меня из рук пузырек и убежал в самый дальний угол клетки, унося его с собой в руках; там он сел на пол и начал пристально рассматривать пузырек, перевертывая его в руках; потом Иони поднес к носу горлышко пузырька и стал длительно принюхиваться к отверстию; вслед затем Иони засунул горлышко пузырька в рот, зацепил его края зубами и тянул руками изо всей силы за другой конец пузырька, силясь оторвать горлышко. Это не удавалось и потому было скоро оставлено. Снова вынув изо рта пузырек, Иони стал вертеть его перед собой в руках, — отверстие пузырька опять привлекло его внимание: он просунул в дырку первый палец руки, и когда этот палец вошел вплотную, Иони, подняв руку кверху, увидел на месте своего первого пальца надетый пузырек; он сосредоточенно пристально с явным интересом смотрел на свою руку. Вскоре палец был вынут из горлышка пузырька, а потом снова всунут в него и снова вынут; так как при одном вынимании пальца раздался хлопающий звук, то Иони еще и еще раз с особенным интересом всовывал и вынимал иалец, явно прислушиваясь к этому необычайному звуку. Но и это длилось недолго. Теперь Иони стал подносить пузырек к лицу, прикладывать его к глазам; вглядываясь, он замечает прозрачность пузырька, и это опять дает повод к новым манипуляциям. Иони перекатывает в руках пузырек перед глазами, то пристально смотря сквозь него на окружающие предметы, то отводя глаза от стекла и смотря на тот же предмет «невооруженными» глазами; еще и еще раз Иони повторяет ту же

[20] Аналогичное у человеческих детей.

[21] Этот пузырек Иони видел ранее через сетку своей клетки стоящим на окне в смежной комнате; он много раз порывался взять пузырек при выходе из клетки, но ему все не давали. Теперь желание обезьянчика было выполнено.

процедуру, меняя объекты своего наблюдения, то направляя глаза на меня, то на верх клетки, то на другие предметы. Но вот он поворачивает пузырек к себе широким концом и смотрит сквозь него внутрь; так как пузырек со дна почти непрозрачен, это созерцание кратковременно. Тогда Иони смотрит через горлышко сквозь отверстие внутрь пузырька. Повидимому полость пузырька интригует его, так как в следующий момент он ставит пузырек на основание отверстием кверху и сыплет в него горстями опилки, больше просыпая кругом, чем наполняя пузырек; неумело, но все-таки Иони вмещает в пузырек небольшое количество опилок. Тогда он опрокидывает пузырек вниз, высыпая опилки. Часть опилок прилепилась к внутренним стенкам пузырька и не высыпается. Тогда Иони с силой трясет пузырек, опилки глухо гремят, он опять чутко прислушивается к звуку перетряхиваемых опилок, и этот звук видимо его развлекает. Но и это надоедает. Иони начинает катать пузырек по полу, ставит его на широкий конец, садится на него, падает; тогда Иони валится на пузырек спиной, перекатывается на нем, и некоторое время это его занимает; когда при сильных движениях шимпанзе пузырек выкатывается из-под него, Иони подправляет его под свою спину и опять перекатывается на нем. Но спокойные занятия переходят в более и более буйные, — Иони стремится к разрушению пузырька. Он скребет стекло зубами, ожесточаясь его неподатливостью, сдирает крепко прилепленную к пузырьку этикетку, рвет бумагу руками, зажимает в зубах горлышко пузырька, начинает колотить им о стены и о пол; далее Иони носится с пузырьком вокруг кровати, держа его в ноге, качается на качелях, держа его в зубах, зажимает его между брюшком и бедром и пытается так ходить, заботясь о том, чтобы придержать пузырек и не выронить его на пол. Но неизбежный удел всех игрушек — разрушение, разбивание — конечно не миновал и пузырька; он упал и разлетелся на куски при одной из более смелых воздушных эволюций Иони; этот финал для Иони был явно неожиданным: полный удивления и внимания, он стал смотреть на склянки, и когда я из боязни, что он порежется, стала быстро собирать осколки, Иони, опередив меня, выхватил одну из склянок из моих рук, засунул ее в рот и раздробил мгновенно на мельчайшие острые кусочки, которые он с такой поспешностью стал перебирать во рту, что я опасалась, что они вопьются в его язык и губы сотнями мелких игл и превратят в сплошные раны полость его рта. Но, как и в десятках подобных случаев рискованного жевания шимпанзе, ничего страшного не произошло, и рот шимпанзе к вящщему изумлению всех окружающих оказался совершенно цел.

5. Игра острыми, колющими и другими предметами.

Самые разнообразные предметы: бумажки, палочки, прутики, соломинки, сено, гвоздики, булавки, скляночки, ниточки и даже волосики тотчас же утилизируются Иони как занимательные игрушки.

Найдя бумажку, Иони вертит, мнет ее в руках, в ногах, а потом грызет зубами, разрывает на мельчайшие частички.

Палочки, соломинки, травинки сена Иони переламывает пальцами, делает из них коротенькие (сантиметра в 3) отрезки и ставит эти отрезки распорками между губами (Табл. B.29, рис. 3). Иони напряженно старается не выронить этот отрезок изо рта, длительно сидит с не подвижно распяленным полураскрытым ртом и еще старается сам щекотать себя рукой в паху и ерзает, дергается туловищем, сидя на месте; его движения увеличивают опасность выскальзывания распорки и заставляют его усугублять бдительность в процессе ее удерживания.

Такие же распорки делает Иони и из острых склянок, булавок, из тонких длинных гвоздиков. Меня только всегда поражало, как во всех этих случаях рискованной игры с колющими предметами, игры, вызывающей мое постоянное опасение за благополучие зверька, не было ни одного случая пореза или укола животного, — так велика была его осторожность в обращении с ними, так совершенна координация тонких движений его губ.

Не менее опасное развлечение Иони с гвоздями состояло в том что он, засунув в рот мелкие, короткие (в 1—2 см) железные гвоздики, длительно пережевывал, перебирал их во рту, проталкивал их то в одну, то в другую щеку, чмокал губами и как бы сосал их.

Первый раз, когда неожиданно для меня он схватил рукой и отправил в рот целую горсть таких гвоздей, я была в ужасе, думая, что он непременно тотчас же подавится или исцарапает себе весь рот, и стала упрашивать его отдать их мне назад.

Долго Иони не соглашался это сделать и отворачивался от меня, продолжая это нервящее меня жевание, и только на усиленные мои просьбы и мольбы наконец вывалил изо рта всю кучку сцепившихся в комок

слепленных слюной гвоздей. Я поспешила тщательно осмотреть его рот и не нашла никаких следов поранений. Позднее, убедившись многократно в полной безопасности для зверька этих манипуляций, я предоставила ему полную свободу в осуществлении и этого развлечения.

6. Игра эластичными, тонкими, длинными предметами.

Деликатная игра, требующая тонкой координации движений рук, воспроизводится Иони при пользовании длинным человеческим *волосом*. Захватив концы такого волоска двумя первыми пальцами обеих рук, плотно опирающихся локтями на колена, полураскрыв рот, Иони слегка прикасает этот волосок к языку и начинает оттягивать его правой рукой в одну правую сторону; в это время его левая рука так рассчитанно тонко удерживает волосок, что этот последний, скользя между ее пальцами и по языку, не провисает, не обрывается, а остается все время в натянутом положении, нежно щекочет язык и благополучно дотягивается до конца, когда и выпадает из рук. Не выпуская волоска из правой руки, Иони подводит эту руку к левый, опять захватывает пальцами левой руки волосок, направляет его в левый угол рта, прилагает его к языку и опять отодвигает правую руку в правую сто рону употребляя пальцы левой руки как легкий зажим для осуществления, этого эластичного скольжения (Табл. В.86, рис. 2).

Этот процесс перетягивания волоска, нежно щекочущего язык, нравится Иони и навевает на него полусонное состояние; обезьянник призакрывает глаза и длительно настойчиво занимается этим делом, от времени до времени меняя роль рук, употребляя то одну, то другую в качестве двигателя и блока.

Сколько времени я ни наблюдала игру Иони с волоском, я ни разу не заметила, чтобы хотя когда-нибудь Иони промахнулся в расчете движений рук и оборвал волосок.

Аналогичную игру устраивает он нередко и при пользовании ниткой, но в этом случае он действует менее напряженно и играет менее охотно и не так длительно.

Зато с особенным энтузиазмом Иони использует в сходной же игре металлические звучащие предметы, например мелкопетельные цепочки. Захватив такую цепочку в руки, Иони перетягивает ее наманер волоска между зубами справа налево, слева направо, — цепь гремит, звучит, задевая по зубам, и это доставляет Иони большое удовольствие.

Разрушительные игры

Когда мы наблюдаем от начала до конца игры экспериментирования шимпанзе, то мы устанавливаем, что в конечном итоге все они завершаются разрушительными действиями и приводят к уничтожению обследуемого объекта.

И вообще надо сказать, что грызение, ломание, раздирание зачастую представляют для шимпанзе самодовлеющее удовольствие, так как все, что попадет ему в руки, не минует его зубов, и ни одно занятие не продолжается у шимпанзе так длительно, как разрушение.

Эта склонность к разрушению является порой у шимпанзе такой буйной, такой сокрушительной, что превращает его в совершенного безумца. Иони мечется по комнате, схватывает все, что только может схватить, срывает со стен вещи, рвет, грызет, растаскивает, ломает, разбивает; кажется, что он не в состоянии видеть равнодушно ни один целый предмет, чтобы не испробовать на нем силу своих зубов и рук; и он не может успокоиться до тех пор, пока не уничтожит этот предмет дотла. Иони сокрушает все, что только в состоянии разрушить; он разрушает не только то, что ему не запрещают ломать, но даже и те вещи, трогание которых оберегается моим категорическим запрещением. Даже более, Иони с особенным азартом и ожесточением набрасывается на уничтожение запрещенных вещей, и уж если он за них возьмется, никакими средствами — ни уговорами, ни окриками, ни угрозами, ни силой, ни побоями — невозможно оторвать его от расправы с ними.

Иони, оставаясь в одиночестве, забравшись под потолок своей комнаты, не только обкусывает все выступающие части известковой штукатурки, но долгими часами обрывает все бумажные обои, изгрызает дранковые переплеты под штукатуркой и приводит комнату в такой ужасающий вид, что когда домохозяин видит эту комнату при отъезде жильцов, он только сокрушенно качает головой и дает зарок не пускать квартирантов с таким «хулиганствующим дитём».

Нередко Иони пытается грызть деревянные рамы перегородки своего загончика, прикладываясь зубами и нащупывая более податливые пункты, стараясь их разломать; добравшись до стекол, Иони моментально разбивает их кулаком и с жадным интересом присматривается к склянкам, пытаясь ими играть, осторожно выбирая из пазов рам застрявшие уцелевшие от разбивания осколки и разбрасывая по сторонам и эти последние.

Привязанные качели и трапеции Иони прежде всего использовывает как лишний материал для разрушения: Иони старается отвязать веревки, сбросить на землю палки, перегрызть имеющиеся связи; только когда это не удается сделать, он применяет их по назначению: катается и лазает. Как уже было отмечено, Иони с громадным энтузиазмом радостно предается гимнастическим упражнениям на трапециях и качанию на качелях, но страсть к разрушению преобладает у него над всеми удовольствиями, и в конце концов вы застаете Иони, как он, забравшись наверх до самых колец, придерживающих трапеции у потолка клетки, старательно, настойчиво занимается их отвязыванием, пуская в ход и руки и зубы, и не прекращает своего дела до тех пор, пока не сбросит их на пол и не приведет в бездействие. Лишив себя своих любимых развлечений, Иони сидит и явно скучает; мы подвешиваем ему трапеции снова, — он опять радостно занимается ими, а потом опять так же энергично принимается за перегрызание веревок, приводящее в негодность всю установку.

И так повторялось изо дня в день: каждое утро мы трудились над тем, чтобы привесить трапеции и качели; среди дня Иони ими забавлялся, и каждый вечер мы находили трапеции лежащими на полу, а с потолка спускались ободранные, обгрызенные жгуты веревок; самые хитроумные способы подвешивания и самые прочные жгуты не уберегали их от разрушения; все наши ухищрения только осложняли и удлиняли срок работы обезьянчика, а конечный эффект был тот же. Иногда замечалось даже, что чем менее податливости обнаруживает разрушаемая вещь, тем более энергии и настойчивости вносит обезьянник в процесс ее разрушения: как и всегда, элемент сопротивления оказывает на Иони подзадоривающее воздействие.

Как-то Иони нашел путь к отгибанию металлической проволоки сетки своей клетки; едва он освободил конец проволочки, как тотчас же принялся за расплетание сетки. И он предавался этому занятию по целым часам, растаскивая, разрывая сетку и тем самым заставляя меня почти ежедневно производить работу Пенелопы — к утру запутывать и зашивать проволокой там, где заведомо знаешь, что к вечеру все будет размотано и расплетено.

В другое время расплетание и продырявливание корзин, переламывание освобожденных прутиков, распутывание петель, развязывание узлов, обрывание висящих шнуров и тесемок также были одними из обычных развлечений Иони, которыми он занимался с большой настойчивостью.

Из категории мягких предметов ни одна вещь, попавшая в руки Иони, не уцелевает. Захваченные Иони тряпки и лоскуты в конце концов разрываются на мелкие клочки, плотные одеяла в короткий срок оказываются в таком изрешетенном, продырявленном состоянии, что можно думать, что они попали под пулеметный обстрел; данные Иони в обиход перовые подушки систематически раздираются, пух и перо горстями выгребаются обезьянчиком через дыры и разметываются по комнате.

Никогда не забуду комичной картины, представшей перед моими глазами при первом дебюте Иони в деле выпускания пуха из подушки. Это было в сумерки. Открыв дверь в небольшую комнату Иони, я невольно отшатнулась: по всей комнате, как частые снежинки в ветреный зимний день, падали сверху вниз и взметывались снизу вверх белые легкие пушинки. На середине комнаты на полу, как маленький сказочный гномик, сидел Иони с закинутой кверху головой, с глазами, устремленными в пространство, — он созерцал движение пушинок. И сам он сверху донизу был осыпан и облеплен белоснежным пухом: пух прилип к его темени и торчал белым ореолом вокруг его лица; смешно оттопыривались белые пуховые брови и бачки; мелкие пушинки застряли на ресницах и в уголках глаз, и Иони сидел и часто-часто моргал, едва будучи в состоянии видеть слепящимися влажными глазами. Целые горки пуха покоились на его плечах. В его ногах лежала продырявленная большая подушка, наполовину опустошенная, и из нее с каждой новой секундой черпались его рукой и пускались высоко вверх горсть за горстью перья. Роем белых мотыльков быстро взметывались они к потолку в середине комнаты и более тихо, замедленно нежными легкими пуховыми снежинками спускались к полу, но на пути их встречал новый стремительно летящий кверху рой, они увлекались им, перебивались с ним, и опять уносились кверху и опять падали вниз.

Это было в центре комнаты, а по всей периферии висели и плавно носились в воздухе самые легчайшие пушинки, которые никак не могли осесть ввиду непрерывного тока воздуха, производимого бросанием Иони.

Через минуту оставаться и мне в комнате стало невозможно, пух слепил глаза, забивался в нос, хотелось чихать; я видела, как и Иони от времени до времени протирает себе тыльной стороной руки лицо, пытается смахнуть с ресниц более назойливые пушинки.

Нескоро мне удалось привести всю комнату и самого Иони в надлежащий вид!

Каково же было мое изумление, когда, прийдя к нему часом позже, я застала буквально ту же самую картину, только с той разницей, что в полутемноте Иони был уже едва различим, а белые пушинки казались темными мухами.

И впоследствии самые строгие запрещения и осязательное телесное наказание за дело выпускания пуха не останавливали шимпанзе от выполнения этого занимательного развлечения, и всякий раз, как он получал в обладание подушку, он немедленно принимался за ее раздирание и настойчиво выпускал пух.

Аналогичное разметывание в воздух проделывал Иони и с мелко разорванными тряпками и бумажками.

Эти последние он не только бросает вверх, но еще пытается и ловить их. Самый акт разрывания бумаг, особенно бумаг толстых, шуршащих, доставляет Иони такое большое удовольствие, что, получив в полное обладание такую бумагу, Иони без всякого сопротивления идет в свою клетку и позволяет себя в ней запереть. Предоставление Иони бумаг для забавы настолько вошло в круг моих обязанностей по отношению к зверьку, что всякий раз, как я оставляла Иони в клетке на более долгое время, я давала ему громадные полотна газет и других бумаг, чтобы скрасить ему одинокое препровождение времени; и я могла быть уверена, что он не будет скучать, так как он немедленно принимался за их разрывание, которым занимался продолжительнее, чем всяким другим развлечением, и которое он не кончал до тех пор, пока не расщипывал бумагу на крохотные кусочки. Эти маленькие обрывки в свою очередь давали ему материал для самых разнообразных применений в деле комбинации новых игр.

Отданные Иони картонки, коробки также раздираются им на куски.

Все подаренные Иони игрушки после предварительного обнюхивания испытываются в первую очередь со стороны их податливости к разрушению: например металлические, кожаные, резиновые мячи, деревянные шарики Иони прежде всего берет на зубы, грызет, теребит руками, нажимает на них сложенными пальцами, давит одной, другой рукой, стучит ими по столу, растирает рукой, пытаясь каким бы то ни было способом подобраться к их разрушению, и когда уже не в силах этого сделать, начинает бросать их вверх, катать, гоняться за ними по комнате. Можно бы предположить, что круглые предметы напоминают Иони какие-либо фрукты, как например апельсины, яблоки, и Иони не столько пытается их разрушить, сколько закусить, отведать, но вряд ли это предположение основательно.

В другое время совершенно аналогичному способу обследования подвергались и такие предметы, как барабан, цимбалы и др., совсем непохожие ни на какие плоды.

Однажды я дала Иони своеобразный предмет — металлический дырокол. Чего-чего только Иони ни применял, чтобы его разрушить!

Оглядев вещь со всех сторон, особенно внимательно осмотрев дырки, Иони прежде всего и больше всего стремится ее сломать. Держа рукой и ногой дырокол, шимпанзе пробует его на зубы и грызет; он видит в блестящей поверхности планшетки свое отражение, присматривается, но не надолго, опять вгрызается зубами в вещь, наклоняя над ней свое лицо; увидев себя, Иони опять отводит руку и смотрится в планшетку, как в зеркало; далее он опять прижимает к зубам дырокол и с кряхтением силится его грызть; дырокол несокрушим. Иони берет его в руки и пытается ломать — безрезультатно. Иони находит единственный податливый пункт — педаль — и нажимает на нее рукой. Педаль прогибается и выпрямляется, но вещь остается невредимой. Иони зацепляет дырокол за железный крюк и рвет к себе, отцепляет и сильно повторно стучит по крюку дыроколом. Толчкообразным движением руки Иони сбрасывает дырокол на пол; тот падает, но не разбивается. Теперь Иони опять начинает грызть его зубами, рвать руками, но все усилия тщетны; вторично Иони пытается зацепить дырокол за крюк, для чего встает в вертикальное положение и с кряхтением тянется к крюку. Но на этот раз и попытка привешивания неудачна, вещь падает; тогда Иони ожесточенно, настойчиво опять колотит дыроколом по крюку. Дырокол все цел. Тогда Иони захватывает в рот педаль, крепко сжимает ее в зубах, а сам, весь скорчившись в комок, оттаскивает дырокол от себя, прицепившись к основной планшетке и руками и ногами, скребет по педали зубами, но и при посредстве таких героических мер он ни на иоту не продвигается в деле разрушения. Только после этих длительных,

тщетных, разрушительных попыток Иони переходит к другим способам действия с дыроколом: он рассматривает в нем свое отраженное лицо и делает вызов своему отраженному двойнику.

Однажды Иони настойчиво занимался разрушением связи между рукояткой и наконечником молотка; он с усилием стащил с рукоятки молотка наконечник; я, желая исправить молоток, опять привела его в прежний вид. Иони опять разрушил связь и сам подавал мне обе части, как бы приглашая к повторной починке. Я опять починила, но Иони снова и снова разнимал и опять настойчиво повторно требовал должного восстановления частей, но сам не хотел и не пытался осуществить реконструкцию сломанного[22] .

1. Игры, построенные на противодействии (воля шимпанзе).

Вообще надо сказать, что волевой момент в поведении шимпанзе выражен необычайно сильно, и некоторые поступки он осуществляет во что бы то ни стало вопреки запрещению и наказанию; он действует как одержимый, не могущий остановить свои действия, как маньяк, подчиняющий все свои поступки определенной навязчивой идее — «idee fixe».

Кроме тех фактов, которые были приведены при описании страстной, настойчивой борьбы шимпанзе за обладание собственностью и свободой, волевое усилие шимпанзе ярко проявляется и в преодолении страха, и в борьбе с самостоятельно воздвигнутыми затруднениями и препятствиями (при осуществлении подвижных игр) и в актах противодействия чужой воле, например: Иони запрещают заниматься разрушением клетки, кричат, грозят, хлопают его по рукам, отгоняют, когда он начинает растаскивать планки и сетки клетки, и тем не менее едва отойдешь, он немедленно принимается за то же разрушение. А как радуется Иони, когда он *самовольно* и безнаказанно выбегает на свободу! Он хрюкает, лает, подбегает то к одному, то к другому из нас, дотрагивается до нас руками и раскрытым ртом, часто дышит и всем своим существом выражает необычайное удовольствие, которое никогда не бывает таким полным, таким ярким, если он выпускается из клетки по нашей инициативе.

Запрещение как бы побуждает Иони к противодействию: именно тогда у него возникает особенно настойчивое желание осуществлять как раз эти непозволенные вещи, и он выполняет их с необычайным азартом.

«Запретный плод сладок» и соблазнителен не только для человека, но и для шимпанзе.

Например шимпанзе разбил стекло в перегородке клетки; его немедленно жестоко наказали плеткой; едва отошли, через несколько минут он добил оставшиеся два целых стекла.

С таким же упорством и воодушевлением вопреки многократным запрещениям и самым крутым мерам воздействия за непослушание (после горького опыта порки) Иони обрывает обои своей комнаты, срывает занавески, разрывает подушки и выпускает из них перья, схватывает висящий градусник, грызет и ломает его; тотчас же после запрещения Иони повторно сбрасывает на пол стенные часы, влезает на обеденный стол и пробегает по нему, взбирается на печную трубу, схватывает с письменного стола разные мелкие вещи, залезает на буфеты и производит разные другие виды запрещенных поступков.

В отношении совершения некоторых действий шимпанзе оказывается особенно настойчивым и систематически обнаруживает полное непослушание при их запрете.

Кроме разрушительных действий грызения, разрывания к этим особенно упрямо осуществляемым актам относятся также кусание, схватывание оберегаемых мной вещей, влезание на неприступные для меня высоты (потолок клетки, крыши домов, деревья), открывание скрытых полостей (печей, люков, шкафов, комодов), выбегание из своей комнаты, отколупывание известки, всовывание пальцев в чернила и много других неприемлемых в обиходе жизни и потому обычно запрещаемых действий.

Иони пользуется всяким удобным случаем, чтобы преступить запреты: например при моем кратковременном выходе из комнаты он немедленно подбегает к моей папке с записями, перебирает лежащие там бумаги или схватывает карандаш и чертит им на оставленных тетрадях, открывает чернильницу, обмакивает в чернила свой указательный палец и вслед затем или обсасывает его или мажет им по бумаге. В другое

[22] Аналогичную форму поведения обнаружил Иони и при оперировании с разборными кеглями.

время Иони влезает на окно и вытаскивает паклю из оконных щелей, добирается до подвешенных на стене счетов Лайя и дергает на них проволоки и пытается сбросить счеты на пол.

Однажды, по возвращении домой после 2-часового отсутствия, я услышала необычайный шум, раздающийся из комнаты Иони; так как я оставила Иони запертым в клетке, то я не могла себе представить, чем Иони может так стучать.

Я вошла в комнату, и следующая картина предстала перед моими глазами.

Выбравшийся каким-то образом из клетки Иони сидел на полу посреди комнаты и держал за ручку кувшин, которым он ударял по полу по сторонам от себя[23] . Разлившаяся из кувшина вода растекалась по полу и окружала Иони со всех сторон. Кран умывальника был отвернут, вся находившаяся там вода вытекла и, переполняя ведро, ручьями разлилась по полу; повидимому Иони пытался также пить воду, так как сидел с мокрыми губами и облизывал себе рот.

На оконном стекле красовались разводы молока, которое Иони доставал пальцами со дна находившейся в комнате кружки.

Лежавшее на умывальнике мыло было сброшено на пол; гребень, которым я обычно причесываю его, был вынут из щетки и также брошен; градусник был снят с своего места со стены и валялся на сундуке; остававшаяся в комнате моя книга была открыта и разорвана в нескольких местах; некоторые страницы были совершенно вымочены пролитым из кружки молоком; печь была раскрыта, часть золы выгреблена.

Шкафчик с запертыми и запретными для Иони учебными принадлежностями был отперт случайно оставленным в замочной скважинке ключом, и его дверца оказалась открытой; коробочка с учебными стереометрическими фигурками была вынута, и фигурки были рассыпаны по полу; вторая коробочка с костяными цветными пластинками также была извлечена наружу, и все пластинки лежали раскиданными; из группы разноцветных пластинок были сгруппированы вместе большие *белые* кружочки; они оказались склеенными слюной и повидимому побывали во рту обезьянника.

Коробочка с учебными черными деревянными фигурками также была вынута, но самые фигурки остались нетронутыми; из коробочки с серыми (разной светлоты) деревянными кирпичиками был вынут лишь один кирпич, который и валялся на полу. Нейтрального (серого цвета) кирпичики видимо Иони не интересовали.

Следует сказать, что как только Иони увидел меня, он быстро взвился на верх клетки, как бы чувствуя свою виновность, а потом при первом же моем предложении ему итти в клетку — немедленно спустился вниз, поспешно пошел в клетку, покорно дал себя запереть (что в другое время вызвало бы со стороны его бурные протесты) и сидел тихо и смирно во все время, пока я приводила в порядок весь этот хаос.

Ошибочно было бы думать, что в этом случае, как и в других аналогичных, Иони совершает запрещенные вещи потому, что не знает или не помнит запрета; многие факты утверждают в мысли, что Иони вполне сознательно нарушает запрет и повидимому испытывает чувство виновности за ослушание.

Например всякий раз, как он самовольно выбегает из своей комнаты в другую и я ловлю его на месте преступления, останавливая его на полдороге, он немедленно мчится назад, сам усаживается в клетку и сидит, потупившись, не глядя на меня, с покорным, виноватым видом, тогда как в другое время его невозможно и насильно загнать в клетку; более того, если Иони за ослушание наказывают плеткой, он принимает наказание совершенно спокойно, как заслуженное, — молча сидит на месте, даже не порываясь уклониться от ударов, — в то время как в других случаях, например при моих экспериментальных занятиях с Иони, даже простое отмахивание от неверно взятого объекта и мой резкий тон порицания вызывают у обезьянчика отчаянный плач.

Другие случаи подтверждают ту же самую мысль: если я сама выпускаю Иони на свободу, а спустя некоторое время хочу его опять запрятать в клетку, эта процедура сопровождается тяжелыми сценами сопротивления со стороны зверька. Если же Иони в чем-либо провинится (разобьет стекло, схватит запрещенную вещь или опрокинет посуду) или, самовольно раскрыв все замыкающие его механизмы, выбирается с балкона комнаты наружу, убегает на двор, при первом же требовании обезьянник бежит сам в клетку и легко дает себя в ней запереть.

[23] Надо сказать, что этот кувшин, обычно наполненный водой, всегда был предметом усиленного внимания Иони, но тщательно оберегался нами от посягновения на него обезьянчика.

За большие провинности Иони принимает наказание совершенно стоически: напомню хотя бы случаи наказания его за кусание им детей (кусание, осуществлявшееся после многократных словесных запрещений и осязательных отстранений Иони от совершения нежелательного акта).

Как то уже было отмечено, после этих укусов Иони жестоко бьют плеткой, — он встречает каждый удар, кривя судорожно край губы, вздрагивая, но совершенно не пытаясь сняться с места и убегать (экзекуция происходит на широкой открытой террасе, окруженной обширным двором, куда Иони мог бы убежать в каждую минуту и на котором ввиду быстроты его бега его можно было бы догонять целыми часами). Ясно, что Иони принимает наказание как должное, заслуженное.

Я имею основание предполагать, что Иони знает силу своих укусов; случается, что, разыгравшись, он укусит кого-либо из нас больнее того, чем это допускается игрой; Иони сразу приостанавливает игру, пристально в упор заглядывает в глаза пострадавшему и, если видит на лице его гримасу страдания, беспокоится, сам пытается найти место укуса, повертывает и рассматривает руку и пальцы, где приложил свои зубы, и, видя малейшее повреждение, тихо дотрагивается до него своими пальцами, боязливо, осторожно касается языком, присасывается (как это делает он по отношению к своим болячкам) и выказывает все признаки участливого внимания. Если обиженный воспроизводит звук плача, Иони и сам волнуется и издает протяжный низкий ухающий звук.

Как уже было не раз подчеркнуто, когда Иони загорается желанием что-либо сделать, его не могут остановить от этого ни угрозы, ни окрики, ни даже телесное наказание, так как он настолько сильно возбуждается при сопротивлении, что не поддается ни на какие меры воздействия и оказывается как бы совершенно нечувствительным к самым жестоким ударам плетки. Иногда удар бывает так силен, что обезьянчик заерзает на месте, принимая удар, съеживается весь в комок в ожидании нового удара и все же не уступает.

В таких случаях только психический страх — запугивание каким-либо устрашающим предметом — или переведение внимания на другой объект заставляют Иони отступиться от своих притязаний.

В некоторых случаях просительный ласковый тон голоса оказывает на шимпанзе большее направляющее воздействие, нежели требовательный тон.

Например Иони не хочет выполнять какую-либо самую простую просьбу, на него кричат, ему грозят, он не исполняет; ему скажут ласковым тоном то же самое пожелание, — и он немедленно осуществляет просимое!

2. Капризы.

Но в некоторых случаях волевая направленность поступков Иони принимает такой характер, что может быть всецело подведена под рубрику капризов.

Например, получив вечером свою обычную порцию еды, вместо того чтобы пойти в клетку, Иони стоит у порога, не желая ни на шаг вдвинуться внутрь клетки из боязни быть закрытым; он засовывает руки под дверь, чтобы ее нельзя было закрыть, отчаянно ревет при малейшей попытке заставить его сесть и целые полчаса с напряжением всех своих сил, при посредстве всяческих способов оказывает сопротивление засаживанию; чем больше я настаиваю, тем более растет его упорство; но вдруг в его психике что-то меняется, и при абсолютно тех же внешних обстоятельствах он покорно отходит от двери и садится в свой уголок на кровать.

Даже не верится, что за минуту перед тем тот же самый акт вхождения в клетку сопровождался бурными протестующими криками и телодвижениями шимпанзе.

Аналогичное явление наблюдается и при утреннем моем приходе.

Если Иони замкнут в клетку и я вхожу в комнату, при малейшем моем намерении выйти обратно из комнаты он рвется из клетки, готов разразиться криком, секунда-другая моего инертного пребывания, — и те же мои попытки выхода из комнаты осуществляются без всякого протеста со стороны Иони.

Глава 5. Предусмотрительное поведение шимпанзе (обман, хитрость)

Осуществляя некоторые запретные действия, Иони нередко старается сделать их как бы исподтишка, незаметно.

Например, уходя из комнаты и оставляя Иони в клетке с открытой дверью, я говорю: «сиди здесь и никуда не уходи, нельзя!» Иони в мое отсутствие призакрывает дверь, из которой я только что ушла, спускается на пол, некоторое время бегает вне клетки и играет, а с приближением моих шагов опять взбирается в клетку и сидит как ни в чем ни бывало, совершенно не учитывая того, что призакрытая дверь и лужа мочи на полу недвусмысленно выдают его ослушание.

В своем присутствии я всегда запрещаю Иони отколупывать штукатурку в его комнате и есть известь, и после многократных напоминаний и остановок я наконец добиваюсь того, что при мне Иони воздерживается заниматься разрушением стен; но стоит мне только выйти из комнаты, как Иони торопливо взметывается кверху, лезет к самому потолку, спешно отгрызает кусок известки и старается быть на месте до моего прихода.

Более того, он даже торопится как можно скорее догрызть взятый в рот кусок, чтобы скрыть все концы, и если это не удается и я вхожу в неурочный момент, он нарочно уходит от меня подальше, садится ко мне спиной, не идет на самые усиленные мои зовы, стараясь выгадать лишнюю минутку, чтобы дожевать, приходя ко мне не ранее, чем проглотит последнюю порцию, совершенно не подозревая, что выпачканные известью белый нос и губы предательски уличают его тайные похождения и проступки.

Иногда Иони возьмет в рот для жевания какие-либо несоответствующие вещи (например ягоды с костями, кусочки извести, мелкие гвоздики, маленькие круглые костяшки, пуговицы, скляночки). Из боязни, что он может подавиться, я прошу его отдать мне на руку, выплюнуть взятое. Если содержимое во рту не представляет для Иони большой вкусовой или развлекательной ценности, Иони немедленно вываливает его изо рта и все отдает мне; если оно ему более интересно в том или другом отношении, Иони спешит как можно скорее доесть, отвертывается от меня, торопясь разжевать и проглотить (если это съедобное); если же вещи несъедобные, а я особенно настойчиво пристаю и прошу, он выплевывает только часть захваченного, а остальное припрятывает у себя под языком или за щекой, скрывая так ловко, что это с трудом удается обнаружить.

Иногда даже я открываю Иони рот, заглядываю внутрь, но не вижу и следов посторонних предметов. Более того, я тщательно обследую пальцем все потайные места ротовой полости Иони и не могу обнаружить там склада «нелегальных» вещей; тогда, успокоившись, я начинаю заниматься своими делами, а через некоторое время я опять вижу, как воровски, исподтишка Иони начинает пережевывать ртом, ухитрившись скрыть от меня несколько запретных кусочков. Нередко Иони пускается даже на обман.

Обычно бывает так: если у Иони во рту уже ничего нет, а я все продолжаю просительно держать руку, он пускает мне на руку слюни, тогда я отстаю от него; но со временем он начинает обманно злоупотреблять этим приемом, и даже когда призапрятывает во рту вещь, начинает пускать одни слюни, чтобы поскорее от меня отделаться, а когда достигает этого, втихомолку извлекает запрятанное и начинает его дожевывать.

Тактика шимпанзе, старающегося обойти человека, зачастую представляет собой «Straussenpolitik».

Например, желая взять запретную вещь, Иони в упор смотрит на вас, и в то же время его руки стаскивают желаемое: не видя сам схватываемой наощупь запретной вещи, Иони повидимому считает, что и другие не замечают его воровского поступка.

Иногда совершение «нелегального» акта обставляется у шимпанзе большими предосторожностями; например я не позволяю Иони брать шарики из серии объектов эксперимента и играть ими. Иони потихоньку от меня схватывает эти шарики, садится в полутемный уголок и как ширмой закрывается от меня подушкой; когда я заглядываю за подушку, то вижу, что он играет шариком.

2-й случай: Иони схватывает футляр от карманных часов и грызет его, я останавливаю говоря: «нельзя грызть!» Иони бросает футляр, берет в руки, а потом в рот какую-то бумажку и грызет ее несколько се-

кунд. Затем он оставляет бумажку, опять тащит в рот футляр и грызет его; я вторично окрикиваю: «нельзя грызть!» Тогда Иони снова берет бумажку и некоторое время мнет и тискает ее зубами; я не препятствую ему в этом; он смотрит на меня, берет футляр, накрывает его бумажкой и грызет его через бумажку.

Я опять останавливаю. После некоторого периода отвлечения Иони опять принимается за грызение футляра; я тихонько стукаю его пальцем, говоря: «нельзя»; он обиженно уходит от меня, находит еловые шишки и начинает грызть их. Это ему позволяется, но видимо его не удовлетворяет. Увидев прежнюю брошенную бумажку, Иони подбирает ее, схватывает футляр и сначала просто вертит в руках футляр и бумажку; потом и то и другое он тащит в рот; взглядывая на меня, Иони выпускает футляр изо рта, продолжая держать во рту бумажку; я отвлекаюсь другими делами, а повернувшись к Иони уже вижу, как бумажка перекочевала в ногу, а футляр опять находится в его зубах. Я окрикиваю Иони, он не слушает и продолжает грызть футляр; я легонько хлопаю его, он убегает от меня под стол, умыкая футляр в зубах, и только когда видит, что я его преследую, бросает футляр, схватывает бумажку, волочит ее в ноге, мнет зубами.

Нередко Иони обнаруживает *предусмотрительное* поведение, изощряясь в предосторожностях против его внедрения и замыкания в клетке.

Например я не могу загнать его в клетку и пускаюсь на хитрость: в глубину клетки я кладу какой-нибудь особенно лакомый или интригующий Иони предмет, например любимый его фрукт (грушу) или новую игрушку.

Надо сказать, что клетка Иони имеет две двери; я кладу грушу у более дальней от меня, замкнутой снаружи на щеколду и запертой висячим замком левой двери и сажусь сама у более близкой открытой правой двери, чтобы иметь возможность как можно скорее захлопнуть за Иони дверцу при входе его в клетку.

Иони немедленно загорается желанием схватить соблазнительный предмет, но в то же самое время боится попасться в ловушку, и вот он применяет разные уловки: просунувшись наполовину в открытую дверцу, Иони пытается, не входя в клетку, достать грушу, но это ему не удается; тогда он просовывается телом глубже, но из боязни, чтобы не закрыли дверь, он либо придерживается рукой за дверную ручку, либо уцепляется за край дверцы, либо вставляет одну руку между косяком и дверцей, чем абсолютно препятствует захлопыванию двери.

Но так как и при таком положении Иони не может достать желанный предмет, он прибегает к новому маневру: он прицепляется левой рукой за провисающий с потолка клетки ремень, закладывает на порог клетки ногу во избежание закрывания двери и правой рукой старается достать до плода. Но и это не помогает. Тогда Иони испытывает новый способ. Он взбирается снаружи на сетчатый потолок клетки, откуда груша видна всего ближе; видя через сетку грушу, он сотрясает сетку, бьет по стене клетки и все не решается войти в клетку. Вдруг он придумывает новое средство. Он подходит к левой дверце, ближайшей к приманке, долго и сосредоточенно возится над отмыканием висячего замка; отперев замок и выбросив его из петли, он быстро откладывает щеколду и распахивает настежь дверь. Теперь обе дверцы в клетку раскрыты; Иони проскакивает в клетку в левую дверь, схватывает грушу, и когда я бросаюсь его ловить, он опрометью выносится из правой дверцы, взвивается наверх клетки и там на просторе занимается съеданием, завоевав двойное удовольствие: и лакомство и свободу.

Иногда я делаю иначе: правую дверцу я запираю снаружи ключом, левую дверцу оставляю открытой, сама сажусь близ левой дверцы; вожделенный для Иони предмет помещаю в глубину клетки близ правой дверцы в надежде, что, войдя в единственную открытую дверь и зайдя в отдаленную часть клетки, Иони даст мне возможность захлопнуть быстро за ним левую дверь. Но Иони не поддается на уловку; он отмыкает ключом правую дверцу, ближайшую к предмету, открывает дверь и, опасливо глядя на меня, пытается схватить желанный предмет, несколько продвигаясь внутрь клетки, но боясь далеко отходить от двери. Стоит мне пошелохнуться, и Иони отшатывается и пускается вспять; едва я затихну, он опять возобновляет свои попытки схватывания, входя и выходя так быстро, как только он может.

Выше уже было отмечено, как настороженно Иони выслеживает удобный момент для самовольного выхода из клетки, как он умело использовывает этот момент, как он огорчается, если видит полную невозможность выхода (при моем запирании клетки на замок), как он спокойно отпускает меня при замыкании клетки одной щеколдой, явно предусматривая возможность самостоятельного быстрого и легкого освобождения.

Глава 6. Употребление орудий

Предусмотрительный характер поведения шимпанзе обнаруживается и в ряде других действий, включающих употребление всякого рода посредствующих орудий действования.

Например Иони нередко пытается нападать на вновь пришедших людей, но повидимому все же опасается непосредственного столкновения с ними, почему больше угрожает им издали вызывающими жестами и позами или берет в руки какой-либо лоскут и, подняв его высоко, вертит им в воздухе, машет в направлении раздражающего его субъекта.

Иногда Иони в тех же целях даже пользуется длинной палкой, стараясь ударить ею. Выше было отмечено, как Иони берет камень и бросает его в свое отражение в зеркале.

Развязнее, энергичнее Иони нападает, будучи под прикрытием. Для этого он напяливает себе на голову какую-либо материю, или бумагу или свое одеяло и прямо вплотную наступает на своего мнимого противника.

В других случаях Иони применяет орудие как подсобное средство для доставания удаленных и мало доступных предметов.

Например, сидя наверху своей клетки, Иони хочет достать руками висящую на потолке комнаты электрическую лампочку, но при всем желании никак не может дотянуться до нее; тогда он спускается вниз, берет в руки длиннейшую палку, втрое большую размеров его собственного роста, с громадным трудом втаскивает ее наверх, придерживая ее головой и плечом, чтобы она не упала, и, взяв ее в руки, толкает ею лампочку.

В другое время он пользуется палочкой или соломинкой для выпугивания или вылавливания тараканов из щелей его клетки, для вынимания из пузырьков находящегося там интригующего его густого содержимого.

Когда, будучи во дворе, Иони роется в земле, он нередко берет железный гвоздь и вырывает им ямки; не будучи в состоянии зубами отгрызать известь на стенах комнаты, Иони нередко берет нож и отколупывает известь ножом; позднее будут приведены многочисленные примеры употребления обезьянчиком разного рода орудий, замещающих ручку и карандаш при акте писания[1] .

Иногда Иони употребляет свои собственные конечности — ноги в качестве посредствующего орудия. Например шимпанзе пытается разломить руками палочку, но не в силах этого сделать; тогда он прикладывает палочку к подошве своей ноги и, усиленно кряхтя, переламывает палку через ногу, в точности воспроизводя аналогичный образ действий человека при соответствующих обстоятельствах[2] .

Когда Иони хочет раздавить жука и в то же время из чувства брезгливости не желает касаться его непосредственно своей рукой, он также накрывает жука тряпкой и давит его через тряпку.

Это предусмотрительное поведение шимпанзе правильнее было бы назвать «послеосмотрительным», так как при ближайшем его анализе ясно видно, как шимпанзе в своем более позднем поведении непосредственно и быстро использовывает более ранний опыт.

Например я просовываю ему в петлю сетки клетки конусообразную крышечку от чернильницы, направляя ее узким концом вперед. Иони схватывает зубами за этот конец и силится протащить к себе всю крышку, но ее расширенная часть слишком велика и не может пройти сквозь петлю.

Уставая держать зубами крышку, Иони пытается оторвать рот от сетки, но в то же время не хочет уронить крышку на пол, тогда он предусмотрительно просовывает в ближайшую к крышке петлю палец и поддерживает крышку извне. После того он пытается пальцами другой руки протащить крышку в ту же петлю. При одном неудачном повороте крышка выпала у Иони снаружи от клетки и очутилась внезапно перед широкой нижней щелью у пола клетки. Иони мгновенно оценил благоприятную ситуацию, с быстротой молнии пропустил в щель палец и достал и взял себе в клетку крышку. Теперь всякий раз, как я просовы-

---

[1] См. стр. 234 [179].

[2] Однажды я наблюдала, как при аналогичных обстоятельствах мой сын (3 лет) не будучи в состоянии переломить палку ногой путем наступания на нее, бежит, засовывает конец палки в щель каменного пола и, загибая ее вниз, тем самым облегчает себе переламывание.

вала ему крышку в петлю клетки, он неизменно старался ее ронять и торопливо поднимал и брал себе, используя в совершенстве первый удачный опыт взятия. Но, характерно, до падения крышки близ щели он сам не догадался уронить крышку, чтобы достать ее кратчайшим путем.

Глава 7. Подражание

Из группы подражательных действий Иони, определенно перенятых им от человека, актов, связанных с ежедневными гигиеническими процедурами, следует упомянуть о плевании, вытирании носа, умывании, обмахивании. Так например после периода моей горловой болезни, когда в присутствии Иони мне часто приходилось полоскать горло, откашливаться и плевать, Иони целыми днями ходил и все плевал на пол, испещряя плевками слюны всю комнату и заставляя меня удивляться тому, откуда он мог набирать такое большое количество слюны.

Иони идет в своем стремлении к *имитации* так далеко, что когда например ему подставляют чашку с едой, он плюет даже в нее, повидимому воспроизводя мое плевание в тазик при полоскании горла и откашливании.

В первое время пребывания у нас Иони обычно он вытирал вытекающую из носа наружу слизь тыльной стороной руки; как известно, аналогичный способ вытирания носа чрезвычайно распространен у детей и взрослых малокультурного населения всех стран и нередко наблюдался мной и у низших обезьян, содержавшихся в условиях неволи. Но я склонна рассматривать этот жест у шимпанзе не как подражательный, а как природный и безыскусственный жест, ибо я могла видеть его у очень маленьких детей в высококультурных семьях, где не могло быть и речи о подражании кому-либо из взрослых.

Но в более поздний период пребывания у нас Иони он усвоил иной, заведомо подражательный способ обсушивания носа, именно вытирание его при посредстве какой-либо подобранной тряпочки путем прикладывания ее к носу.

В данном случае он точнейшим образом имитировал пользование носовым платком окружающих его лиц и мои обычные приемы применения платка при очищении носа и тела самого Иони при его запачкивании и вымокании. Вымазавшись или облившись, Иони ищет и берет в руку какую-либо бумажку или тряпочку и старательно досуха обтирает себя ею.

Иони легко усвоил прием намыливания рук мылом и всякий раз употреблял этот прием при умывании.

Из других действий шимпанзе, направленных по отношению к самому обезьянчику и подозреваемых в их принадлежности к подражательным, относится еще обмахивание. Я не раз замечала, как, получив в обладание большое перо, Иони берет его в руку наманер веера и начинает производить им махающие движения по направлению к себе и от себя.

Правда, в обиходе нашего дома веер никем и никогда не употреблялся, но можно предположить, что Иони мог видеть пользование веером у своей прежней владелицы или еще где-либо ранее, почему и это действие я склонна отнести скорее к подражательным, чем к самостоятельным действиям самого Иони, употребляемым им по собственному почину.

Заведомо подражательные действия воспроизводит Иони, имитируя разного рода манипуляции, осуществляемые обычно при уборке его комнаты.

Предоставленный себе нередко Иони берет половую щетку, метелку, веник и пытается ими подметать пол комнаты, стараясь подгребать в одно место сор, но он делает это чрезвычайно неуклюже, непродуктивно ввиду малой целенаправленности этих действий и скорее развозит сор по комнате, нежели собирает его, и никогда не добивается конечного эффекта действительного очищения пола; при этом Иони даже двигает из стороны в сторону мебель, как это делается при уборке, хотя зачастую, отодвинув, не выметает сор на освобожденном месте.

Нередко Иони берет крыло и пытается сметать опилки со щита своей клетки, но и в этом действии выявляются малая точность, тщательность работы и полное отсутствие целеустремленности, отчего конечные результаты метения весьма проблематичны.

Та же цель — очищение пола клетки — осуществляется лучше, когда Иони пытается сгребать руками им же самим разбросанные опилки; в это время он обычно плотно сжимает губы, несколько вытягивает их мысиком вперед и с сосредоточенным видом начинает собирать опилки изо всех уголков клетки, коорди-

нируя свои движения более тщательным и целенаправленным образом. Иногда при этом сгребании Иони раскрывает рот и смешно вращает языком, переводя его из стороны в сторону в соответствии с направлением движений рук.

Нередко, увидев на столе разбросанные крошки, Иони сметает их рукой, как это делаю и я.

Однажды, увидев волосяную фотографическую кисточку, Иони употребил ее как веник и сметал ею разбросанные по столу пуговицы.

Очень часто и с большой результативностью шимпанзе имитирует также и действия вытирания.

Всякий раз, как Иони видит на полу лужи разлитой воды, он берет тряпку и старается их вытереть. Нередко случается, что Иони обмочится или сделает свои испражнения на пол, — он берет бумагу или тряпку и пытается обсушить, очистить запачканное место, но, как и в большинстве его подражаний, работа отличается большой небрежностью и не доводится до конца, так что приходится за ним доделывать. Процесс вытирания мокроты явно нравится Иони, и нередко он сам, набрав в рот воды, выливает ее на пол, а потом начинает растирать ее тряпкой по полу; нередко он даже обмакивает тряпку в воду и, намочив ее, трет ей по полу или по стене клетки, имитируя мытье пола и стен, зачастую производимое в его присутствии. Порой, когда поблизости нет воды, Иони даже многократно плюет на пол и потом растирает бумагой или тряпкой свои слюни.

Из других технических действий, осуществляемых шимпанзе в подражание человеку, следует упомянуть еще о зажигании электричества путем повертывания стенного штепселя. В данном случае обезьянчик настороженно следит за появлением конечного эффекта и, поворачивая рукой штепсель, контролирующе смотрит вверх на висящую лампочку, вращая пальцами до тех пор, пока не появится свет.

Повидимому привлекающий Иони эффектный результат зажигания побуждает его добиваться завершения своих действий и доводить начатое дело до конца.

Еще случай подражания: я открываю пианино, ударяю по клавишам, — Иони немедленно подходит к пианино и также ударяет по клавишам сначала боязливо одной рукой, потом, слыша звук, пускает в ход обе руки и барабанит все сильнее и сильнее, улыбаясь широкой улыбкой.

С успехом — и также в подражание человеку — шимпанзе производит надевание на крючки и снимание с крючков железных колец, поддерживающих трапеции.

С меньшей удачей осуществляется действие забивания молотком. Взяв в одну руку молоток, а в другую руку или ногу гвоздь, Иони нередко пытается вбивать гвозди в плоскость, на которой сидит, но обычно дело плохо спорится по следующим причинам: то шимпанзе не прилагает достаточной силы при ударении молотком, то не удерживает в строго вертикальном устойчивом положении гвоздя, и он вихляется у Иони по сторонам и не может укрепиться, то Иони не может точно координировать движения обеих рук и укрепив левой рукой гвоздь, правой рукой опуская молоток, попадает мимо; в других случаях он точно приурочивает удар к нужному месту, но не сохраняет в должном положении гвоздь (Табл. B.111, рис. 2). Таким образом в результате своей большой практики Иони все же никогда не забил ни одного гвоздя. Тем не менее стремление к заколачиванию у Иони так велико, что он не может видеть равнодушно ни одного гвоздя, ни одного выступающего острия, ни одного винта, чтобы не попытаться его забить.

Если у Иони нет под рукой молотка, он берет в руку какую-либо тяжелую вещь и забивает ею; если не находится и этой последней, Иони сжимает свой кулачок и ударяет им по гвоздю, но он совершает эту манипуляцию кратковременно и легковесно, повидимому из боязни повреждения руки о шляпку гвоздя.

Точное и продуктивное подражательное действие представляет собой у Иони вынимание клещами вбитых, но несколько выступающих над поверхностью гвоздей. Взяв в обе руки клещи совершенно человеческим способом, Иони сжимает в тисках гвозди и выдирает их, притягивая клещи к себе; если в его обиходе нет клещей, с неменьшей успешностью Иони вынимает не слишком туго забитые гвозди, захватив своими зубами их шляпки и защемив их во рту и с силой оттаскивая шляпки от твердого субстрата, в который гвозди вбиты. Видя наши манипуляции с дверным крюком, обычно замыкающим комнату Иони, шимпанзе тоже начинает оперировать с крюком и добивается его отмыкания и открывания двери; получив таким образом доступ в смежные комнаты, позднее обезьянчик не раз употреблял этот прием для самостоятельного высвобождения.

Чем более интересен для Иони конечный эффект подражательных действий, тем легче усваиваются и точнее воспроизводятся сами эти действия.

Напомню хотя бы о том, что Иони научается сам отмыкать щеколду, замыкающую дверь его клетки, причем даже если он находится внутри клетки, а щеколда замкнута снаружи, он ухитряется, просунув через сетку указательный палец, одним нажимом сверху на выступающий тупой конец щеколды отомкнуть эту щеколду и выйти из клетки.

Характерно, что первоначально подражательные манипуляции с щеколдой носят совершенно хаотический характер, и первое отпирание щеколды для самого Иони является совершенно неожиданным и неучитываемым по своему значению актом; отомкнув щеколду, Иони не догадывается открыть дверь, а когда при случайном нажиме на дверь последняя открывается, Иони явно удивлен и видимо совершенно не устанавливает связи между своими действиями близ щеколды и открыванием двери.

Только позднее, после многократных опытов отмыкания, у Иони вырабатывается более целенаправленный и точный прием оперирования со щеколдой при процессе ее отпирания, более непосредственная и прочная связь между отмыканием механизма, открыванием двери и высвобождением из клетки. Выключив все привходящие излишние движения близ механизма, определенным кратчайшим способом отомкнув щеколду, Иони без всякого промедления и отвлечения открывает дверь клетки и выбегает оттуда.

Когда во избежание самовольного выхода шимпанзе ему сделали новое осложнение — стали завязывать в узлы ремешком или веревочкой петли щеколды, Иони и на этот раз вслед за человеком начинает воспроизводить подражательное оперирование с ремнем и веревкой.

Но при более детальном наблюдении его действий опять-таки выявляется, что в данном случае есть целенаправленное устремление Иони к отмыканию уже знакомой из опыта щеколды и беспорядочные, неточные, подражательные действия с ремнем и веревкой — действия, вскрывающие, что вначале у Иони нет и смутного представления о пути и способе отмыкания. Взяв в руки ремешок (или веревочку), Иони делает никчемное движение продевания его свободного конца в петли щеколды то с одной, то с другой стороны; ни на шаг не продвигаясь в отмыкании, Иони изменяет прием: со значительным, сосредоточенным видом и с большими усилиями и кряхтением он старается притягивать к себе и отводить в сторону ремень, то все более запутывая, то распутывая затяжку; таким случайным подергиванием то здесь, то там Иони наконец ослабляет узел, оттягивает петлю, высвобождает завязанные концы и нередко распутывает завязку, но и после полного ее развязывания тем не менее он продолжает перетягивание близ петель щеколды свободных концов ремня (или веревки), не учитывая завершенности своей работы производя совершенно бесцельные движения.

Бывает и так, что Иони, сидя вне клетки, осуществляет подражательное действие в чистом виде и безотносительно к утилитарной цели: взявшись за свободные концы ремешка, он пропускает эти концы в петли щеколды и неуклюже завязывает самые настоящие узлы, но он делает это очень редко и без всякого энтузиазма.

Иони в подражание нам и стимулируемый любопытством длительно воспроизводит отмыкание оконных задвижек и, схватив за выступающий пуговицеобразный центр приложения силы механизма, с усилием водит скользящий замыкающий стержень задвижки до тех пор, пока не услышит завершающего звука щелканья, свидетельствующего об отмыкании запора.

Когда я делаю новое осложнение — закладываю петли щеколды горизонтальной палочкой и для повышения энергии его действий кладу в клетку отнятый у Иони предмет (молоток), — Иони мгновенно высвобождает палочку, приподнимает щеколду, с быстротой молнии схватывает молоток и уносится с ним на верх клетки.

Когда, овладев опять молотком, я снова вмещаю его в клетку и закладываю петли щеколды не палочкой, а незапертым висячим замком, Иони с прежней горячностью бросается к отмыканию механизма, пытается отстегнуть щеколду, но не может этого сделать; тогда он берет свободно привешенный к замку ключ и проделывает с ним никчемные действия близ замка; одним из движений Иони случайно подталкивает замок, и тот выскальзывает из петель. Иони мгновенно учитывает освобождение щеколды от добавочного осложнения, моментально отмыкает щеколду, открывает дверь, врывается в клетку и берет оспариваемый предмет.

Теперь в присутствии Иони я запираю щеколду висячим, замкнутым ключом, замком, но оставляю ключ в скважине замка.

Первоначально Иони не обращает внимания на ключ; взяв в руки замок, он повертывает его вправо и влево, закидывает замок вверх и вниз, но ничего этим не достигает; тогда Иони берется за ключ, пытается вращать его то в одну, то в другую сторону; случайно правильным поворотом направо Иони отмыкает замок, дужка выскакивает и отодвигается, но Иони не учитывает произведенного отмыкания, а все еще продолжает вращать ключ; проделав еще ряд бесполезных вращательных движений, Иони опять принимается за манипуляции с замком и опять-таки при посредстве ряда беспорядочных манипуляций, наугад нащупывающих путь высвобождения замка, вынимает замочную дужку из петель щеколды, быстро отмыкает самую щеколду, отворяет дверь и овладевает желанным предметом.

И в четвертом случае замыкания замка ключом Иони опять-таки начинает пробы отмыкания не с ключа, но с замка, производя движения дергания, сотрясения его кузова; только позднее Иони обращается к ключу и отмыкает замок в срок, в два раза более короткий, чем в предыдущем случае.

Даже при шестом опыте замыкания висячего замка Иони не обращается в первую очередь к ключу, не квалифицирует ключ как главный центр приложения силы, обусловливающий отмыкание механизма, а начинает обрывать веревку, на которой висел ключ, оборвав, дергает за ручку дверь клетки, желая ее открыть, а не преуспевая в этом, — рвет к себе замок, качает его из стороны в сторону и опять производит ряд хаотичных движений, нисколько не продвигающих его в деле отмыкания.

Позднее, по мере упражнения, Иони начинает процесс отмыкания непосредственно с оперирования с ключом, минуя беспорядочные и бесцельные движения с замком, но при условии, что ключ остается всунутым в замочную скважину.

Плодотворность работы и ее продолжительность зависят от того, берет ли Иони ключ правой или левой рукой; в первом случае он отмыкает скоро, во втором зачастую он не справляется с задачей и не доводит дело до конца; это происходит потому, что обычно Иони, взяв ключ в правую руку, вращает вправо и тогда отмыкает запор; взяв ключ в левую руку, он и вращает влево и таким образом наталкивается на полное сопротивление механизма; только после более или менее продолжительного и безуспешного оперирования Иони переменяет руку и уже сразу отмыкает механизм.

Вначале, слыша щелканье отомкнутого механизма, Иони не учитывает еще завершенности акта отмыкания и продолжает возиться с вращением ключа до тех пор, пока не отпадает дужка замка; позднее звук щелканья ассоциируется так прочно с актом отмыкания, что едва Иони слышит этот звук, как немедленно оставляет ключ, дергает замок, ускоряя выскакивание его дужки, и вынимает из петли щеколды свободный конец дужки.

Высвобождение замка из петли всегда происходит одним и тем же приемом, самостоятельно примененным самим Иони, именно: свисающий вниз от петель щеколды замок Иони обычно приподнимает кверху и проталкивает указательным пальцем левой руки свободный конец дужки в кольца щеколды, в то же самое время правой рукой Иони отталкивает замок в сторону, вывертывая его из петель. Как скоро Иони вынет замок, отмыкание самой щеколды осуществляется незамедлительно, в срок не более секунды.

Для большей успешности и краткости процесса отмыкания замка я конкретно показала Иони (вкладывая в его руку замок и ключ) что надо брать замок левой рукой, а ключ — правой; после двух раз такого показывания Иони усвоил этот прием и стал пользоваться им преимущественно, сокращая время отмыкания в 5 раз по сравнению с тем, что имело место ранее (до употребления этого приема Иони тратил на отмыкание примерно 5 минут, теперь же он стал тратить всего 1 минуту).

Но я иду в осложнении его работы еще далее: замкнув замок, я вынимаю совсем ключ из скважины и оставляю его свободно прикрепленным близ замка. Стремясь отомкнуть замок, Иони берется за ключ, но явно не умеет вставить его в скважину, направляя бородку ключа не книзу, а кверху; после нескольких неудачных попыток вставления Иони бросает ключ и переходит ко второму моменту отмыкания — вытаскиванию замка из петель щеколды; с напряжением всех сил Иони пытается вывернуть замкнутый замок, но ничего не выходит, тогда он нетерпеливо бьет кузовом замка по стенке клетки.

Желая помочь ему в отмыкании, я даю Иони ключ в руку так как следует, и, держа его руку в своей, направляю его пальцы при вставлении ключа.

После вставления ключа Иони быстро производит движение вращения и отмыкает замок.

При повторном аналогичном изъятии ключа из скважины Иони опять-таки прежде всего берется за ключ, почему-то предварительно всовывает его в рот, слюнявит, а потом быстрыми нервными движениями производит нащупывание скважины замка, царапает ключом замок.

Успех вставления ключа обычно зависит от того, держит ли Иони ключ бородкой вверх или вниз, а так как несмотря на мое показывание правильного способа держания ключа Иони тем не менее зачастую берет ключ не в соответствующем положении (именно бородкой вверх или вбок), то он и не может его вставить в замочную скважину. Тогда Иони оглядывается на меня и демонстративно протягивает мне ключ, как бы прося помочь.

Если я не предполагаю ему помогать и не беру ключ, Иони снова принимается за вставление ключа, но опять-таки ввиду того, что вопреки моим указаниям не обращает внимания на то, в какую сторону направлена бородка, он вынужден путем осязательных нащупывающих проб прилаживать вставление ключа в скважину; если это все же не удается, Иони перекладывает ключ из руки в руку, пытаясь отмыкать то правой, то левой рукой, берет ключ в рот, слюнявит его, пытается вставить, приподнимаясь в вертикальное положение, отчего может лучше регулировать движения руки. Старательно, сосредоточенно нащупывая отверстие замка, Иони делает ртом ритмичные движения открывания и закрывания, кривит с одной стороны губу. Чем напряженнее действуют его руки, тем шире оттягивание его рта; чем менее успешны его пробы отмыкания, тем чаще и рельефнее злобное волнообразное подергивание его губы. Мимика его лица как бы отражает все перипетии в процессе выполнения его работы; отмыкая, замок, Иони эмоционально переживает осуществляемый им акт, и это в особенности сказывается в конечном этапе отмыкания, когда после удачного вставления ключа Иони вращает этот ключ, имея на лице выражение радости, выявляющейся в широкой улыбке. Теперь Иони как бы уверен, что успешность завершения работы уже обеспечена, так как выем замка и откладывание щеколды обычно не представляют для него затруднения; эти последние действия он обычно совершает с большой торопливостью: нервными движениями он проталкивает пальцем дужку в замок (теперь уж без закидывания замка кверху), с быстротой молнии он отмыкает засов, дверь распахивается, и Иони проникает в клетку.

Со временем Иони перестает перекладывать ключ из руки в руку при отмыкании замка, опускает маневр взятия ключа в рот и смачивания его слюнями, а сосредоточивается на более настойчивом движении поскребывания при нащупывании скважины ключа и не прерывает работы до тех пор, пока не попадет ключом в скважину[1] .

Научившись отмыкать замок своей клетки, Иони расширяет сферу применения своих знаний: он пытается вставлять каждый найденный ключ в любую попавшуюся на глаза скважину, зачастую совершенно не считаясь с взаимными размерами прилаживаемых частей механизмов.

Нередко Иони берет громадный ключ от двери и пытается им отпирать миниатюрный замок его клетки, требующий в 5 раз меньшего размера ключа, или, взяв ключ от этого последнего замка, пытается приладить его к крошечной скважине чемоданчика и к совсем другим по типу замочным отверстиям шкафов, комодов и других запирающихся вместилищ. Интересна та большая настойчивость, с которой Иони стремится к достижению цели отмыкания; в случае долгого безуспешного действия, как обычно, Иони демонстративно обращается ко мне за помощью, тянет меня за платье, дотрагивается До моей руки, и если я не обращаю на него внимания, он начинает скулить, хныкать, протягивать мне ключ, выразительно переводя глаза с меня на замок.

Из других подражательных действий, легко усвоенных обезьянником от человека, следует упомянуть еще о раскрывании деревянного раскладного яйца, включающего в себе 10 уменьшающихся по размерам цветных яичек.

Стоило мне только раз показать Иони раскладывание этих яиц, как он принялся с помощью рук и зубов терпеливо открывать одно за другим, одно за другим все до последнего крохотного яичка, с любопытством приглядываясь к каждому новому по цвету яйцу. Чем больше уменьшались размеры яичек, тем затрудни-

[1] Как то советственно очевидно, усвоение приема отмыкания замка (запертого и прикрепленным и свободно подвешенным ключом) шимпанзе осуществляет скорее, точнее и лучше, чем то делала низшая обезьяна — макак Дэзи. Подробно об этом изложено в моей работе «Приспособительные моторные навыки макака в условиях эксперимента (К вопросу о трудовых процессах низших обезьян)», изд. Гос. Дарвиновского музея, 1928, Москва.

тельнее осуществлялось раскрывание, но всякий раз зубы выручали Иони там, где руки не справлялись и отказывались действовать; хотя бы и с повреждением поверхности яиц, тем не менее Иони добивался того, что доводил дело раскрывания до конечного этапа.

Из группы особенно человекообразных подражательных действий Иони надо упомянуть еще об его писании или вернее черчении.

Иони видит целыми днями и часами неразлучные со мной карандаш и блокнот, наблюдает процесс моего записывания его поведения и сам стремится воспроизводить те же действия. Я пишу, а Иони старается выхватить карандаш у меня из рук, чтобы самому почертить на той же тетрадке. Я не даю, сопротивляюсь, — он плачет и настаивает на своем.

Отдав карандаш, я протягиваю ему какую-либо бумажку для письма, но он желает приложить свою руку именно там, где я только что писала, упрямо отстраняет мои противодействующие руки, сердится и плачет, если я продолжаю не пускать его.

Наоборот, получив карандаш в руки, он видимо испытывает явное удовольствие: иногда сжавшись в комочек, близко-близко наклонясь к бумаге, припав на одну руку и держа на весу другую, опираясь лишь, на карандаш, с сосредоточенным видом Иони начинает «рисовать» (Табл. В.109, рис. 2); иногда, рисуя, он сидит несколько откинувшись телом, опустив голову, придерживая бумагу пяткой ноги и сложенными пальцами свободной руки.

Обычно Иони берет карандаш в правую руку, держит его совершенно тем же способом, как и дитя человека, но потом он ежесекундно перекладывает карандаш из руки в руку и проводит то здесь, то там на бумаге тонкие, как паутинки, как бы пробные черты; потом он как бы входит во вкус и, не отрываясь, воспроизводит более длинные и определенные линии, проводя их обычно от края или от угла листа к центру; видя оставляемые карандашом темные полоски, Иони улыбчиво оттягивает губы, принимается чертить более страстно и торопливо, при этом нередко в такт писанию шевелит губами, вытягивает и втягивает губы, вращает языком, раскрывая широко рот, как при всяком сосредоточенном действии, и чертит-чертит, обычно проводя прямые полосы и лишь изредка делая короткие загибы (Табл. 4.9, рис. 1, оригинал письма). От времени до времени Иони водит пальцем понаписанному, а потом с прежним энтузиазмом опять начинает чертить и так расходится, что, испещрив данную ему бумагу, чертит всякую попавшуюся под руку вещь: стол, за которым сидит, белые стены своей клетки, обои комнаты.

Если во время его писания на бумаге я начинаю чертить другим карандашом, но рядом с ним, мешаю ему, он немедленно отстраняет меня своей рукой, даже слегка хлопает мою руку, а если тем не менее я все-таки пристаю к нему, он бьет меня ладонью по лбу, отталкивает меня и даже непрочь покусать мою надоедающую ему руку.

Трудно точно сказать, какой момент в процессе подобного «рисования» доставляет Иони наибольшее удовольствие: движение как таковое, воспроизводимые черты или шуршание карандашом, — только ясно, что акт писания является для шимпанзе настолько приятным, что позднее не раз с успехом употреблялся мной как поощряющий стимул при моих экспериментальных занятиях с Иони, а отказ в предоставлении ему карандаша и бумаги зачастую вызывал у него самый искренний и горький плач.

Надо было видеть наши комичные сцены оспаривания друг у друга карандаша, чтобы наглядно уяснить себе, какое большое развлечение доставляет шимпанзе акт писания и как он стремится заполучить себе карандаш; почти всякий раз, как я пишу при Иони, он старается вырвать у меня карандаш из рук и писать им; если я не даю, он злобится, нападает с большим азартом, схватывает зубами карандаш, всячески старается им овладеть, кусает и оттягивает мои руки и входит в такой же раж, как при оспаривании самых вожделенных вещей.

Получив наконец карандаш, Иони опрометью вприпрыжку убегает от меня подальше, в угол комнаты, как бы из боязни, чтобы у него не отняли это сокровище, и с энтузиазмом принимается за черчение на всем, что попадается под руку.

Иногда он занимается своим писанием, лежа вниз животом и испещряя чертами паркетный пол его комнаты, иногда стоя у стен и неистово «украшая» своими каракулями белые обои; и чем шире поле его писания, тем воодушевленнее бегает по нему взад и вперед карандаш Иони.

Иногда я сажаю Иони и пытаюсь водить его рукой с карандашом по бумаге и рисую простые рисунки, например крестики, но тогда его рисовальный энтузиазм сразу пропадает — и он сидит со скучным видом, как подневольный ученик.

И в сидячем положении он рисует охотнее, когда ему предоставляется полная свобода, когда, зажав карандаш в кулак (Табл. B.109, рис. 3), как это обычно делают дети дошкольного возраста, не спуская глаз с бумаги, он чертит до тех пор, пока не испещрит всю поверхность и не останется ни одного белого местечка.

Иони охотно пишет чернилами и копирует не только процесс писания, но и акт обмакивания пера в чернила, причем совершает это последнее действие с такой горячностью, что всякий раз слышен стук пера о дно чернильной склянки, а так как Иони не регулирует нажим пера и основательно налегает на него, то все чернила стекают разом, перо царапает, и он вынужден ежесекундно снова и снова набирать чернила, тратя больше времени на это обмакивание, нежели на писание, оставляя больше клякс, чем линий. Иногда он обмакивает перо, не имея в том надобности, очень напоминая этим детей, и в частности моего мальчика, который, научившись писать печатными буквами, считал необходимым, хотя без, всякого к тому основания, после каждой проведенной линии погружать перо в чернила.

Иллюзорное писание явно не удовлетворяет Иони, и он прибегает к более действительному способу, — он опускает свой палец в чернила и потом мажет им по бумаге, оставляя более эффективные следы.

Если поблизости нет чернил, Иони погружает палец в первую попавшуюся под руку жидкость — в молоко, в кисель, в свою мочу, в воду — и размазывает ее по столу.

Нередко он плюет на бумагу и делает пальцем разводы слюней.

Со временем замечается некоторая эволюция в его писании: он перестает так часто перекладывать карандаш из руки в руку, долго рисует без отрыва, отчего проводимые им линии становятся более длинными и определенными; иногда он сам делает взаимно перекрещивающиеся черточки, рисуя их одну за другой (Табл. 4.9, рис. 3).

В качестве орудия писания Иони использовывает также длинные палочки, отрывает узкий листок бумаги, слюнявит его во рту и потом водит им по бумаге, стремясь оставить какие-либо следы. Взяв гвоздик, Иони начинает царапать им, а за неимением и этого последнего он царапает по бумаге ногтем указательного пальца руки. Анализ «рисунков» Иони заставляет отнести их к первой стадии сложности, не выходящей за пределы простого черчения человеческого дитяти.

Подобно тому как и в других подражательных действиях шимпанзе, и в акте писания у него наблюдаются видоизменение действия и замена орудия действования.

Глава 8. Память шимпанзе (привычки, условно-рефлекторные акты)

Условные рефлексы, привычки.

Сильно развитая подражательная способность Иони свидетельствует нам об его хорошей зрительной и двигательной памяти, но можно определенно говорить и об его слуховой памяти.

Например звук, издаваемый при захлопывании входной двери, и наступающая вслед за ним тишина в доме являются для Иони сигналом, что мы ушли, что к нему долго никто не придет, и он неизменно реагирует на этот звук сильнейшим ревом.

Но стоит вслед за этим стуканием кому-либо из нас заговорить в смежной комнате, как для Иони звук голоса является новым как бы корректирующим сигналом к тому, что еще не все потеряно, что один из нас остался дома и есть надежда на сообщество с человеком, — и Иони реагирует на этот звук немедленным прекращением плача.

Если после предшествующего затихания всей квартиры и вслед за непосредственным хлопанием двери раздаются наши оживленные голоса, для Иони это является определенным знаком нашего прихода в дом, и он еще издали за 3—4 комнаты подает нам о себе весть, заливаясь громким протяжным взволнованно-радостным уханьем.

Таким образом в практике повседневности у Иони вырабатывается следующий сложный звуко-слуховой рефлекс, окрашенный эмоциональным оттенком: звук хлопанья дверью — голоса — взволнованно-радостное уханье Иони.

Вот почему, когда незаметно наблюдаешь Иони через дверь его комнаты, видишь, как при раздавшемся стуке входной двери квартиры Иони мгновенно бросает все свои занятия и как бы замирает, прислушиваясь, что за тем воспоследует, чтобы в следующий момент в зависимости от дополнительного звукового сигнала, точнее определяющего событие, реагировать на него эмоционально (радостно или печально).

Совершенно аналогичный рефлекс устанавливается у Иони в отношении скрипящего звука внутренней двери, ведущей в общую комнату, обособляющую комнату обезьянчика от наших жилых комнат.

Скрип двери и раздающиеся голоса вызывают радостное похрюкивание шимпанзе; скрип двери и наступающая вслед за этим тишина немедленно заставляют шимпанзе плакать.

Настороженную реакцию шимпанзе вызывают обычно и звук электрического звонка и стук подъемной машины, лифта: едва Иони слышит эти звуки, как тотчас же замолкает и внимательно прислушивается.

Едва вслед за этими звуками раздаются чужие голоса, Иони подглядывает под дверь своей комнаты, как бы сгорая нетерпением увидеть новопришедшего; слышатся голоса своих домашних, и Иони разражается взволнованно радостным хрюкающим звуком, заканчивающимся звонким лаем.

В обиходе жизни у Иони самопроизвольно вырабатывается целый ряд и других звуковых условных рефлексов: раздается звон рабочего колокола, созывающего строителей-рабочих к обеду, и Иони неизменно бросается к окну, чтобы посмотреть, как работники сбегают сверху вниз по лесам строящегося напротив дома, и он не отрывается от окна до тех пор, пока они все не сбегут вниз; кто-либо в мое отсутствие называет мое имя, и Иони разражается ухающей гаммой, заканчивающейся звонким радостным лаем. Иони чутко различает мои шаги от шагов других лиц, и когда слышит издали мое приближение, то издает те же радостные звуки.

Однажды я показала Иони летящий аэроплан, причем довольно хорошо был слышен шум пропеллера. Иони закинул кверху голову и стал пристально всматриваться в аэроплан. Когда в тот же день, но спустя некоторое время опять послышался шум пропеллера, Иони сам настороженно поднял кверху голову и некоторое время провожал глазами полет аэроплана.

Многочисленны случаи самопроизвольного установления у Иони условных рефлексов в области зрительных восприятий. Например я вхожу в комнату Иони с книгами — знак, что я останусь сидеть с ним долго, — он приветствует меня радостным уханьем; если, просидев некоторое время, я начинаю собирать книги, — для Иони это является уже сигналом к моему уходу, и он начинает стонать и хныкать.

Если Иони видит, что я вошла в его комнату без книг, — он обеспокоенно настороженно следит за каждым моим движением и не хрюкает; стоит мне показать ему ранее скрытую мной книгу, и он тотчас же разражается радостным заливающимся уханьем.

Аналогичное хрюканье издает он и в том случае, если я придвигаю стол, или беру стул, или ставлю чернильницу, или кладу тетрадку для записей, — каждое из этих действий (даже в отдельности) недвусмысленно и определенно указывает Иони, что мое пребывание в его комнате рассчитано на длительный срок.

Если я приближаюсь к двери, желая выйти из комнаты обезьянчика, он плачет, но если, взглянув на стол, он видит, что на нем оставлена моя чернильница, — он тотчас же успокаивается, зная из опыта, что я скоро вернусь. В том случае, когда я, уходя вечером, закрываю занавесом клетку шимпанзе (что обычно делаю при оставлении его на ночь), — Иони плачет; если же я ухожу и не закрываю его, — он радостно бурчаще хрюкает, имея полную уверенность, что я еще приду.

Если при выходе моем из комнаты Иони я замыкаю его в клетке на замок, — он отчаянно кричит, так как знает из предшествующего опыта, что ему не выбраться; если я не вешаю замка и запираю только щеколду, — он отпускает меня совершенно спокойно, так как знает из практики, что в его власти выбраться из клетки в любую минуту, ибо самое отмыкание щеколды не представляет для него никакого затруднения.

Всякий раз как домашняя служительница входит в комнату Иони с тазом, он издает радостный хрюкающий звук, так как из прошлых опытов знает, что вслед за этим начнется мытье его клетки и он надолго будет выпущен на свободу.

Та же самая радостная эмоциональная реакция, сопровождаемая взволнованно-хрюкающими звуками, появляется всякий раз при внесении в комнату Иони дров для топки печи: эти дрова служат Иони также недвусмысленным сигналом того, что он будет выпущен из клетки и взят в другие комнаты на все время топки[1] .

Иони с одного показа запоминает вид пузырька с «вкусным», любимым им лекарством и ухает, тянется к нему, когда видит издали принесение этого пузырька.

Наоборот, пузырек, в котором был скипидар, Иони определенно отвергает и не хочет взять его в руки, памятуя испытанное им щипанье после намазывания его скипидаром[2] .

Рефлексы типа зрительно-осязательно-болевого устанавливаются у шимпанзе особенно быстро и прочно.

Раз обжегшись о свечку при схватываний руками пламени, позднее Иони никогда уже не пытался дотрагиваться до огня.

Получив болевой опыт ожога при торопливом обкусывании только что обгоревшего конца спички, впоследствии Иони, прежде чем начать это обкусывание, предварительно осторожно касается обожженным концом спички до края своих губ и убедившись, что спичка не обжигает, потом уже принимается за грызение ее.

В начальном периоде жизни Иони у нас в доме, когда его приходилось засаживать в клетку при содействии плетки, уже после однократного наказания Иони при одном показывании плетки он начинал плакать, боясь не столько предстоящего наказания, сколько не желая повиноваться и войти в клетку.

У Иони сильно развита и ориентировочная топографическая память: в новой квартире в 5 комнат, стремясь ко мне, он легко находит мою комнату; в новом дворе, отведенный в самую глубину двора на расстояние 120 метров, он легко находит квартиру, из которой его увели и в которой я еще оставалась.

Я заметила у Иони быстрое установление и временного рефлекса.

[1] Это делается для того, чтобы предостеречь Иони от дыма, обычно находящего в комнату при растапливании печи мало совершенной конструкции.
[2] Подробнее см. об этом на стр. 72 [74].

Достаточно мне было раза два вечером, незадолго до наступления времени его сна, протянув ему руку, пригласить Иони пройтись в наши смежные комнаты, как обезьянчик стал всякий раз, когда я входила к нему в комнату именно вечером, протягивать мне свою руку, стремясь итти, и плакал, если по каким-либо соображениям я не могла осуществить это его желание.

Один характерный случай установки условного рефлекса осуществился при следующих обстоятельствах.

При фотографировании Иони в жаркие летние дни обычно он очень быстро накалялся на солнце, и тогда начинал стонать, хныкать, плакать, просясь с лабораторного стола ко мне на руки.

Если я не сдавалась и не брала его к себе, он бывал в полном отчаянии, накладывал себе руку на голову, максимально беззвучно раскрывал рот, надвигал руки с головы на глаза (Табл. В.18, рис. 1—3), бил себя руками по голове.

Не желая мучить обезьянчика и боясь, что он страдает от перегревания солнцем его головы, обычно при первом же наложении рук шимпанзе на голову я стала немедленно брать его на руки, и вот он быстро утилизировал этот маневр, и даже если бывал в тени и хотел пойти ко мне, он попрежнему открывал рот, накладывал руки на голову, на глаза, протягивал ко мне обе руки и оставался длительно в такой позе; от времени до времени освобождая глаза, Иони выжидательно-просительно взглядывал на меня, и если он не замечал никаких признаков моих ответных действий, он начинал плакать, кричать и более требовательным и настойчивым образом домогался взятия на руки.

В результате выработки этих многочисленных и разнотипных условных рефлексов у самого Иони устанавливается опосредствованный условный язык для выражения своих желаний.

Например в холодное зимнее время года обычно при выносе Иони из его комнаты в другую его покрывают с головой какой-либо теплой вещью из боязни, чтобы при прохождении по более холодному коридору не остудить его. И вот Иони всякий раз, как я прихожу в его комнаты и медлю с его выносом, тотчас же сам торопливо берет первый попавшийся под руку лоскут материи, накрывает им свою голову и демонстративно протягивает ко мне обе руки, просясь итти в смежные комнаты, приглашая меня к выходу. Если я, не собираясь выносить Иони, снимаю с него лоскут, он настойчиво вырывает его у меня из рук и опять упорно натягивает на себя, плачет и злится на тряпку, теребит, грызет и рвет ее зубами, а когда я препятствую обезьянчику делать это, он снова обволакивает себя покрывалом, со стоном протягивает ко мне свои руки, весь покрывшись с головы до ног, повисает мне на шею и всеми доступными ему средствами красноречиво выражает свое желание выйти, не успокаиваясь до тех пор, пока его наконец не возьмут.

Обратная реакция наблюдается в том случае, если я с обезьянником нахожусь вне его комнаты.

Теперь, если я начинаю накрывать его тряпкой, он так же настойчиво начинает стаскивать ее с себя, как ранее надевал. Он беспрепятственно допускает это надевание и в этой комнате, но только в том случае, если это бывает под вечер, когда он, одолеваемый сном, готов итти в свою комнату, чтобы поскорее улечься.

В другое время дня, если я нахожусь в комнате Иони и беру в руки тот же лоскут, он немедленно прекращает всякое занятие, подбегает ко мне и тянется на руки в твердой уверенности, что его сейчас возьмут и понесут.

Как скоро у Иони устанавливаются условные рефлексы, так же быстро они и разрушаются.

Стоило мне раза 2—3 вероломно злоупотребить этим приемом накрывания и воспользоваться им не для обычного выноса Иони из комнаты, а для засаживания его в клетку, — и обезьянник уже теряет к нему доверие, и рефлекс затормаживается: напрасно я, желая согнать Иони с высоты клетки, показываю ему издали материю, делаю приглашающие жесты, указывая ему на дверь, — шимпанзе не реагирует на них ни одним движением.

Следующий случай аналогичен по своему значению с предыдущим. Обычно Иони обнаруживал большой интерес к умыванию. Показывая на умывальник, ничего не стоило в любое время заставить Иони притти ко мне из самых недоступных мест, но как скоро я использовала этот прием как приманку для поимки шимпанзе и привлечения его к себе с неприступных для меня мест, — после 2—3-кратного обмана он перестал поддаваться искушению, и рефлекторная дуга (охватывающая связи указывание на умывальник — подход Иони) разорвалась.

Таким образом в результате практических испытаний и проверок у Иони утверждаются одни типы и распадаются другие типы условных рефлексов.

Например, если никто из домашних долгое время не появляется в комнате или если кто-либо из нас неожиданно уходит из его комнаты, Иони возбужденно злобится и начинает громыхать трапециями, неистово стучать деревянным шаром или кулаком в стену, яростно бросает предметы.

Вначале этот неимоверный шум пугал нас и заставлял немедленно вбегать в его комнату, чтобы узнать, в чем дело.

А Иони только того и было надо, — и позднее при нашем запаздывании в подаче ему пищи (в течение дня или при утреннем его пробуждении) он начинает производить неимоверный стук всякими доступными ему средствами и не прекращает этого стука до тех пор, пока к нему не придут.

То же быстрое использовывание нового опыта замечается и в отношении устрашающих Иони стимулов.

Как, то уже было упомянуто, всякая новая пугающая Иони вещь (как например чучело головы волка, картина шимпанзе, маска и другие новые предметы) вызывает у Иони страх только при первом показывании.

После 2- или 3-кратного более тесного соприкосновения с ними, когда Иони на практике опознает их безвредность для себя, он совершенно перестает их бояться.

Точно так же временная неодушевленная заместительница моей особы — кукла — тотчас же теряет свое замещающее значение, как скоро Иони видит ее подушечное лицо[3] .

При систематическом единообразном воздействии у Иони вырабатываются чрезвычайно прочные условные рефлексы.

Например с самого же начала экспериментальных занятий Иони запрещают самовольно трогать все предметы, относящиеся к обиходу его обучения, лежащие на лабораторном столике, и Иони настолько привыкает к этому запрещению, что позднее смотрит на этот стол как на пустоту, хотя там лежат чрезвычайно соблазнительные для его игр вещи.

Эти установившиеся привычки принимают иногда закоснелый характер и позволяют усмотреть в поведении Иони элементы большой консервативности.

Например во время сильного насморка Иони усвоил привычку вытирать под носом тыльной стороной руки, и вот позднее, когда насморк уже совсем прошел и не было никакой надобности в вытирании, Иони тем не менее еще долгое время спустя употреблял тот же самый жест проведения рукой под носом.

Обычно Иони поят молоком из чашки или кружки, вручая ему посудинку прямо в руку или подавая из своих рук, приближая края чашки к его рту.

И вот, если поставить чашку с молоком только на стол и предоставить ее в распоряжение самого Иони, он не догадывается сам взять ее в руки, а пьет совершенно примитивным способом, пригибаясь на-четвереньках и спивая жидкость с края, не зная как поступить, когда уровень жидкости снижается настолько сильно, что доставать жидкость через край без запрокидывания чашки становится уже невозможно.

Иони после 2—3-кратного приучения к пользованию ночной посудой для мочеиспускания начинает и сам подходить к ней всякий раз, как это требуется обстоятельствами. Однажды, когда в случае надобности у Иони не оказалось под рукой ночного сосуда, он взял близ стоящую питьевую кружку и помочился в нее. (При этом приучении Иони, как и при установлении других привычек, жесты и телодвижения играют большую направляющую роль, нежели слова.)

Тот же консерватизм наблюдается у Иони и в еде: он очень неохотно, после больших моих настояний отведывает новую пищу; он пьет молоко лишь определенной температуры (гораздо теплее комнатного — около 29—30° R), и если ему приносишь более или менее холодное, он, отведав, или совсем не хочет продолжать питье и отворачивается от него всякий раз, как ему подносят, или, забрав жидкость в рот, держит ее некоторое время во рту, повидимому не желая глотать до тех пор, пока она не примет подходящей температуры.

[3] Подробнее см. стр. 110 [99].

Обычно после утренней кормежки шимпанзе пускают на некоторое время полазать по клетке, и, допивая последние порции молока, он уже заносит ногу, готовый взобраться на клетку, но если ввиду каких-либо соображений препятствуешь ему это делать, Иони протестует самым категорическим образом, сердится и отчаянно плачет до тех пор, пока не позволишь ему выполнить положенную ему по ритуалу прогулку по клетке.

Глава 9. Условный язык (жестов и звуков)

Общение с помощью жестов и слов.

Как уже было упомянуто, в процессе установления сложных условных рефлексов зрительно-слуходвигательного типа жесты и образы играют в отношении шимпанзе громадную направляющую роль.

Например я даю Иони кусочки свежего огурца; он вылущивает и съедает только сердцевинки и протягивает ко мне руку за следующим куском, но, показывая ему на оставленный кусок, я говорю: «кушай этот» — и он снова послушно принимается за брошенный кусочек и позднее просит новый не ранее, чем покончит со старым.

При моем взглядывании и указывании на верх клетки и произнесении слов: «полезай туда!» Иони взбирается на клетку. Он садится на то место, куда я указываю, говоря: «сядь сюда», — берет ту вещь, на которую я направляю свой палец, говоря: «подай это».

Однажды был такой случай: Иони был высоко на потолке клетки, и там же лежала кружка, из которой он обычно пил; эта кружка мне понадобилась, я сказала: «Иони, дай мне кружку», но он не понимал, в чем дело, и только внимательно смотрел на меня и вокруг себя, тогда я взяла в руки находящуюся внизу другую кружку, — Иони тотчас же понял мою просьбу, взял в руки бывшую наверху кружку и протянул ее мне.

В другой раз при аналогичных обстоятельствах на вопрос: «дай коробку» он затруднился это сделать, а когда я показала ему снизу крышку от этой коробки, он немедленно взял в руки из нескольких находящихся рядом других вещей коробку и сбросил ее мне вниз.

Иони довольно легко поддается словесной дрессировке, сопровождаемой жестами, и при показывании и приказывании: «сядь», «ляг», «кувыркайся» воспроизводит и соответствующие действия.

После 18—20 повторений Иони осуществляет эти действия уже на одни словесные приказания.

«Понимание» слов и фраз.

Таким образом у нас вырабатывается условный звуковой язык, который содействует нашему пониманию при взаимном общении. Например я говорю Иони: «иди в клетку» (1), Иони становится грустным, трясет головой, с плачем умильно протягивает мне руки и тем не менее покорно направляется в клетку.

Говорю: «пойди ко мне» (2), — и он срывается с места и бросается мне на руки, прижимается ко мне; стоит мне сказать Иони: «уйди от меня» (3), — и он со стоном исполняет и это приказание.

Скажу: «играй мячиком» (4), — и он берет в руки мячик или начинает искать мяч по комнате, если его нет под рукой.

Скажу: «подними» (5), — и он тотчас же поднимает упавшую вещь и приносит ее мне.

Я выхожу из комнаты, — Иони плачет; я произношу ему в утешение: «сейчас приду» (6), и он разражается радостным взволнованным хрюканьем.

Иони длительно не хочет слезать с верха клетки, но если я пригрожу: «волк придет» (7) (т. е. голова волка покажется), он немедленно сбегает вниз.

На другие словесные приказания Иони выполняет следующие действия: «полезай на клетку» (8) — влезает на клетку; «догоню» (9) — отбегает от меня; «дай руку» (10) — дает свою правую руку; «играй» (11) — забирается на трапеции; «на место» (12) — садится на стул у лабораторного стола; «нельзя» (13) — прекращает какое-либо свое действие; «оставь» (14) — перестает трогать какую-либо вещь; «дай мячик» (15) —дает мне мяч; скажу: «муха» (16), — и он озирается вокруг, ища мух, и если находит их глазами,

пытается ловить; «пойдем» (17), «пойдем гулять» (18), — немедленно протягивает мне руку, собираясь итти в смежную комнату; «дай тряпку» (19), — он мчится в уголок к своим постилкам, берет тряпицу и бросает ее передо мной на пол; я говорю: «дай мне» (20), — он берет тряпицу с пола и подает ее мне прямо в руки. При слове «горячо» (21) Иони настораживается и берется за что-либо с крайней осторожностью.

Условные жесты.

Но и у самого Иони кроме необычайно красноречивого языка инстинктивных звуков, сопутствующих его эмоциональным переживаниям, устанавливается ряд самопроизвольных жестов и телодвижений, служащих для выражения его желаний.

Когда он хочет есть, пить, он начинает прикладываться губами и присасываться к моим рукам, к шее, захватывает в рот мой палец и начинает его сосать.

Принимая во внимание, что маленький Иони в естественных условиях жизни был бы еще сосунком и питался бы молоком матери, нам становится понятным, что он стремится искательно касаться губами всякий раз, как ощущает органическую потребность еды и питья.

Труднее расшифровываются смысл прикосновения губами и засасывания пальца в других случаях, когда Иони воспроизводит те же самые движения, если я браню его за какую-либо шалость, когда он в чем-нибудь провинится, когда он чему-либо особенно радуется и когда ласкается[1] .

Возможно, что здесь мы имеем у Иони расширение сферы просьбы, стремление ласковым прикосновением вызвать ответное сочувствие и расположение к нему самому.

Таким образом возможно представить себе, что первоначальный инстинктивный акт присасывания губами, сопровождаемый приятным чувством удовлетворения при насыщении зверька, позднее (во втором этапе) стал у него действием, сопутствующим и другим радостным переживаниям (например удовольствию при виде близкого ему человека, входящего в комнату, при всяком случае повышенно хорошего настроения зверька); в третьем этапе то же самое действие начинает воспроизводиться обезьянником по контрасту при резко противоположных ситуациях: видя явные признаки неудовольствия, выражающегося в криках, брани, шлепках, направленных по отношению к самому Иони, последний спешит как можно скорее возбудить противоположные (нежные) чувства в разгневанном против него человеке и, опережая своими поступками свои сокровенные пожелания, тем самым как бы приближает и самое наступление события.

Из других условных жестов, употребляемых шимпанзе, следует упомянуть еще о следующих: вытягивание обезьянником вперед одной своей руки — знак просьбы, пожелания (Табл. B.11, рис. 1), протягивание вперед обеих рук — обычное выражение усиленной просьбы, мольбы, нередко сопровождаемой стонущим звуком и даже плачем (Табл. B.16, рис. 2); движение протягивания руки и указывание на вещь означают, что Иони хочет иметь эту вещь своей; покачивание головой, отвертывание лица — действие, употребляемое при отвергании нежелательной еды; кривление в одну сторону плотно сомкнутых губ — знак неприятия, отвращения от настойчиво предлагаемой шимпанзе пищи.

Итак в обиходе жизни у нас с Иони устанавливается определенный условный язык, благодаря которому мы превосходно понимаем друг друга, и Иони приучается выполнять мои приказания; все же нередко обезьянник обнаруживает полное нежелание повиноваться моим требованиям.

Это последнее бывает чаще всего, когда Иони находится в состоянии беспокойства, страха или в чрезмерно повышенном настроении во время игры; тогда он совершенно глух ко всем словам и просьбам, хотя бы их повторяли десятки раз.

Иони не слушается и в том случае, когда он находится далеко за пределами людской досягаемости — например на трапециях, когда он совершенно игнорирует все просьбы, уговоры, окрики, угрозы и творит свою волю.

---

[1] Подробнее об этом см. стр. 139 [118].

Глава 10. Природные звуки шимпанзе

Суммируя наши наблюдения касательно звуков, издаваемых самим шимпанзе, мы должны прежде всего подчеркнуть, что эти звуки являются дополнительными внешними атрибутами, сопровождающими по преимуществу, если не исключительно, эмоциональные состояния животного.

Несмотря на известное многообразие этих звуков они все же отличаются большой определенностью по форме своего выражения и постоянством в отношении приурочения к разным по характеру эмоциям, они зачастую отдаленно напоминают нечленораздельные человеческие звуки или звуки известных нам животных и легко могут быть аналогизированы и описаны.

Наименее человекообразен звук, издаваемый при максимальной общей возбудимости.

Как то уже было подробно изложено на стр. 46 [56], этот звук (№ 1) представляет собой протяжное уханье, состоящее из шестикратного чередования взятых в терции двух звуков, уханье, имеющее тенденцию к неуклонному повышению голоса после воспроизведения каждых двух звуков и заканчивающееся троекратным повторением звуков последней терции: «ỳ-ху, уỳ-ху, ууỳ-ху, уà-ху, уà-ху, уà-ху».

В некоторых случаях это последнее воспроизведение звучит как лай, настолько резко и отрывисто берутся эти звуки.

Переводя эту необычную звуковую гамму шимпанзе на язык более знакомых голосов животных, мы должны сказать, что в своей начальной стадии и по своему мелодическому оформлению эти звуки напоминают ослиный рев с его равномерно повышающимися интервалами, только ржащий оттенок ослиного звука заменяется здесь ухающим; в своей конечной более однообразно оформленной стадии эти звуки очень похожи на собачий лай.

Следует теперь же отметить, что этот мелодически оформленный ухающий звук, издаваемый при максимальном общем возбуждении животного, кончается различным лаем в соответствии с разнотипным по эмоциональному оттенку волнением.

Если это волнение разряжается в радость, то троекратный лай — пронзительный, звонкий, высокий, тягучий (вариация 1-го звука — звук № 2, см. примеры на стр. 53 [60] — стр. 54 [61]); наоборот, если вслед за максимальным волнением наступает злобная реакция, то троекратный лай шимпанзе, низкий, глухой, отрывистый, звучит как «у-ау, у-ау, у-ау» (вариация 1-го звука — звук № 3, см. примеры на стр. 52 [59]).

Умеренная степень волнения, переходящая в *печаль*, сопровождается протяжным одиночным ухающим, стонущим звуком «у-у» (звук № 4, см. примеры на стр. 50 [58]); волнение с оттенком *испуга, боязни* сочетается с воспроизведением короткого одиночного уканья — «у» (звук № 5, см. примеры на стр. 51 [59]); при мимолетном злобном волнении шимпанзе издает то резкое одиночное уханье — «ух» (звук № 6), то хриплое хрюканье — «хрю», очень напоминающее укороченное хрюканье свиньи (звук № 7).

При более длительном злобном возбуждении и тот и другой звуки (№ 6 и № 7) воспроизводятся отрывисто и повторно: звук № 6а — «ух-ух» и звук № 7а — «хрю-хрю»; непрерывное, равномерное, бурчащее хрюканье (звук № 8) — «хрю-у, хрю-у хрю-у»— нередко можно слышать у Иони в моменты его психического успокоения, удовлетворения, наступающие после предшествующего небольшого беспокойства (см. примеры на стр. 54 [61]).

Волнение, сопровождаемое позой угрозы, сочетается обыкновенно с угрожающим приподниманием руки и издаванием низкого, протяжного акцентированного укающего звука «у-у» (звук № 9, см. примеры при нападении на моего обидчика, стр. 145 [121]).

При взволнованном удивлении Иони издает коротко протяжный, направленный в себя мычащий звук «м-м» (звук № 10, см. примеры на стр. 107 [97], реакция на мясо) или протяжное «ууу» (звук № 10а, см. примеры на стр. 190 [151] — стр. 191 [152]).

Переходя к обзору звуков, сопутствующих *печальным* настроениям шимпанзе, мы должны определенно сказать, что эти звуки (в противоположность звукам волнения) чрезвычайно человекообразны и порой неотличимы от аналогичных звуков, издаваемых человеческим ребенком.

В соответствии с разной степенью огорчения животного эти звуки чрезвычайно варьируют и по форме и по интенсивности. Например к вечеру, притомившись перед вечерним сном, ожидая укладывания, шимпанзе воспроизводит слабый попискивающий звук.

В начальных стадиях печали шимпанзе, слегка вытягивая вперед губы, издает стонущий прерывистый звук «у», который мы в полной мере могли бы сравнить со стоном человека, похныкиванием ребенка, отчасти «со скулением» собаки (звук № 11, см. примеры на стр. 60 [66]).

Возрастание чувства печали сопровождается увеличением протяжности и силы отдельных стонов и учащением темпа стенания (звук № 12, тянется на гласную «э», см. примеры на стр. 61).

В следующей стадии усиления огорчения у шимпанзе появляется крикливый протяжный дребезжащий стон (звук № 13, см. примеры на стр. 62 [67]).

При дальнейшем усилении чувства печали мы определенно замечаем, как дребезжащий стон переходит уже в прерывистый дребезжащий крик (звук № 14), а этот последний переходит в момент отчаяния животного в залпы оглушительного рева (звук № 15, см. примеры на стр. 62 [67]).

Этот рев так силен, что превосходит самый сильный детский плач и может быть слышен из закрытого деревянного помещения на расстоянии 50 метров, а на более близком расстоянии и через смежные капитальные стены каменного дома.

Когда шимпанзе находится в аффективном состоянии печали, он воспроизводит однообразные повторные залпы этого рева с такой громовой силой, что порой совершенно «заходится», теряет на мгновение голос, как бы давясь или задыхаясь, а в следующий момент, как бы передохнув, он возобновляет этот рев с прежней силой.

Печальные, неприятные чувствования шимпанзе сопровождаются многообразными и необычайно сильными звуками; наоборот, приятные, радостные эмоции протекают почти беззвучно. Вы редко можете наблюдать, чтобы огорченный шимпанзе, недовольно вытянувший вперед губы, не стонал, но зачастую вы видите беззвучную улыбку весело настроенного зверька.

Смех шимпанзе, вызываемый легкой щекоткой или игрой со зверьком, выражающийся широким раскрыванием рта, сопровождается частым-частым усиленным дыханием животного (звук № 16, см. примеры на стр. 56 [62]).

Учащенное дыхание я замечала у Иони при неожиданной радости; например зверок провинился, с виноватым видом ожидает наказания, но его не только не наказывают, но обходятся с ним милостиво, ласкают его, — он часто-часто дышит. Второй пример: я подхожу к двери, собираясь уходить из комнаты, — Иони готов разреветься: внезапно я меняю решение, остаюсь, направляясь в глубь комнаты, — он учащенно дышит. Третий случай аналогичного порядка: Иони хотят посадить в клетку, он приготовился плакать, вытянул вперед губы, но вдруг по каким-то соображениям наше решение переменилось, Иони берут и несут в смежную комнату, — при этом он часто-часто дышит.

Совершенно такое же учащенное дыхание мы слышим у шимпанзе при выявлении им нежных ласковых чувств по отношению к приятным ему людям, к которым он прижимается открытым ртом, как бы целуя их[1] (см. примеры на стр. 59 [64]и стр. 137 [117]).

Звук учащенного дыхания мы неизменно слышим и при половом возбуждении зверька, когда он наваливается всем телом на мяч и мнет его между бедер (см. примеры на стр. 96 [90]), или когда, оживленно играя, он кувыркается через голову. В первом случае Иони дышит часто и коротко с плотно закрытым ртом; во втором (при кувыркании) его рот широко осклабливается в улыбку, и залпы дыхания более протяжные и глубокие.

Иони учащенно дышит и в других, несколько особняком стоящих случаях, например при усиленном внимательном ощупывании выпуклых предметов, при самообследовании во время расковыривания заноз и засохших болячек на своих руках и ногах.

[1] Как известно, совсем маленькие дети целуют так же, как шимпанзе, т. е. прикасаясь открытым ртом.

В обоих последних примерах это усиленное дыхание повидимому связано с тем, что, боясь дышать в момент особенно сильного напряжения внимания при процессе ощупывания (в особенности при касании к болезненным местам), в следующий момент Иони должен компенсировать это недостаточное дыхание учащенным дыханием, совершенно не выражающим на этот раз радостных переживаний шимпанзе.

Приятные чувствования, связанные с получением и поеданием вкусной еды, троякого типа: кряхтящие, откашливающиеся, лающие.

Глухое кряхтение (звук № 17, см. примеры на стр. 85 [82]), совершенно неотличимо от кряхтения ребенка соответствующего возраста. При вкушении особенно лакомой и излюбленной пищи это кряхтение слышится почти непрерывно, порой оно становится настолько звучным, что напоминает как бы краткое откашливание (звук № 18, см. примеры на стр. 85 [82]).

При максимальном вкусовом удовольствии это откашливание переходит даже в звонкое прилаивание (звук № 19, см. примеры на стр. 58 [63]).

Радостный кряхтящий звук я слышала всякий раз, как, приходя утром в комнату Иони, открывала ему темные занавески и давала доступ солнечному свету.

Радостное кряхтение Иони неизменно сопровождало разбирание им коробок с новым для него содержимым.

Голосовые выявления, связанные со злобными чувствами шимпанзе, не являются специально оформленными в звуковом отношении и зачастую представляют собой либо видоизменение звуков, сопровождающих волнение и радость, либо комбинацию с этими звуками.

Мы могли заметить у нашего шимпанзе три специфично злобные звуковые оттенка: хрип, лай и гарканье.

Как уже было отмечено, легкая щекотка Иони сопровождается улыбкой и учащенным дыханием, но если эта щекотка становится более назойливой и сильной, Иони оскаливает зубы и его учащенное дыхание становится хриплым и может доходить даже до сплошной хрипоты (звук № 20, см. примеры на стр. 167 [137]).

Аналогичный хрипящий звук мы слышим у Иони неизменно во всех случаях связанности его движений, например при его одевании и во время игры, когда он, запутавшись, застряв на месте, пойманный человеком при своих метаниях по комнате, при продирании, пролезании через всякого рода препятствия стремится выбраться на свободу.

Хриплое учащенное дыхание, которое на наш взгляд связано эмоционально с чувством досады, издает Иони и при всяком намеке на-оспаривание у него какой-либо вещи во время игры — в момент соревнования в ловкости за обладание желаемым предметом (см. примеры на стр. 163 [135]).

В том случае, если выпадет момент игры и это оспаривание или отнимание у Иони его собственности осуществляется всерьез и к тому же посторонним лицом, Иони издает короткий, отрывистый, двукратный, акцентированный, кашляющий, вернее гаркающий звук «а-а» (звук № 21, см. примеры на стр. 92 [87]), звук, сопровождаемый резкой наступательной реакцией и попытками кусания.

Совершенно такое же злобное гарканье я слышала у Иони не раз в периоды его болезни при приближении к нему вместо меня кого-либо из домашних, на которых он как бы огрызался, стремясь отстранить их от себя.

Злоба, связанная со страхом, включающая момент угрозы, зачастую сопровождается лающими звуками.

Мы уже упоминали, как звуки низкого глухого лая заканчивают раскатистое уханье при злобной возбудимости шимпанзе, но иногда мы слышим у Иони только лай (звук № 22).

Например, отшвыривая от себя дурно пахнущую постилку обезьянник издает при этом отрывистый злобный лай.

Такой же лай мы слышали в том случае, когда Иони показывали картину шимпанзе и стучали изнутри по картине; пронзительный звонкий или глухой хриплый лай, заканчивающийся протяжным подвыванием

(звук № 23), воспроизводит Иони при показывании ему пугающей его головы чучела волка (см. примеры, приведенные на стр. 113 [101], стр. 116 [103]).

В отделе « Подражание (эмоциональная солидаризация шимпанзе с человеком).» уже было подробно описано, как быстро и энтузиастично Иони солидаризируется с человеком при воспроизведении последним звуков, заимствованных из обихода шимпанзе, например звуков уханья, кряхтения, гарканья, хрюканья; здесь следует только еще подчеркнуть, что, присоединяясь к человеку своим голосом, Иони воодушевленно увеличивает и акцентирует интенсивность издаваемых им подражательных звуков, как бы стараясь перекричать человека своим голосом.

Как уже упоминалось, Иони прекрасно имитирует собачий лай, но мне ни разу не удалось подметить у него на протяжении 2½ лет никаких попыток к воспроизведению и имитации даже подобия человеческих членораздельных звуков.

В полном соответствии с этим наблюдением находятся и экспериментальные данные, приводимые профессором Yerkes в его книге «Chimpansee Intelligence and its vocal expressions»[2] .

В этой книге определенно подчеркнуто, что несмотря на восьмимесячные попытки профессора Yerkes приобщить шимпанзе к воспроизведению сравнительно простых звуковых слогов «ба», «ко», «на» вопреки применению профессором Yerkes четырех разных методов звукоподражательного обучения шимпанзе — опыты дали совершенно отрицательные результаты.

И это несмотря на то, что сам шимпанзе (как это зарегистрировала музыкантша-пианистка B. W. Learned, соавтор той же книги) при разных обстоятельствах мог издавать своим голосом до 300 различных музыкальных фраз.

Все предыдущее изложение нам показывает, что шимпанзе является не только чрезвычайно крикливым, но и шумливым существом.

Кроме тех звуков, которые шимпанзе воспроизводит своими голосовыми связками, он оттеняет свои эмоциональные состояния еще другими дополнительными звуками.

Как то было упомянуто, будучи в веселом настроении, шимпанзе, носясь по комнате, гремит и стучит всеми доступными ему способами: он хлопает дверями; он барабанит сложенными пальцами рук или ударяет распластанной кистью руки по мебели, воспроизводя этот звук тем дольше, чем более гулок стук; он приостанавливается на месте и притоптывает ногой; он сбрасывает на пол или швыряет иа стороны в сторону всевозможные твердые предметы; он громыхает трапециями, с максимальной силой ударяя их о стены клетки; он звучно прыгает со стула на стул и делает такой неимоверный шум и грохот, что издали кажется, что в его комнате буйствует целая орда маленьких сорванцов.

Аналогичные стуки и громыхание воспроизводит Иони, находясь и в возбужденном злобном настроении.

Принимая позы угрозы или задирания, Иони, встав на-четвереньки, перепрыгивает многократно с рук на ноги, с ног на руки, трещит губами, лязгает челюстями, щелкает зубами, производит ритмичные постукивания рукой по твердым предметам.

Как уже упоминалось при описании игр шимпанзе звучащими предметами, Иони повидимому нравится воспроизведение звуков, звуки развлекают, радуют его и являются неотъемлемым атрибутом аффектированных эмоциональных состояний.

Из звуков, связанных с физиологическими состояниями шимпанзе, следует упомянуть о храпе (во время сна), совершенно неотличимом от храпа ребенка, и о гортанном звуке, связанном с глубоким сладким зевком, также весьма напоминающем звук человеческой зевоты.

---

[2] *R. M. Yerkes* and *B. W. Learned*. The Williams a Wilkins Company, — Baltimore, USA.

Часть II. Поведение дитяти человека (в сравнительно-психологическом аспекте) (аналитическая часть)

Глава 1. Сравнение внешнего облика человека и шимпанзе

Итак, закончена наконец длинная фактическая описательная часть моего исследования о шимпанзе; перед умственным взором читателя промелькнули коротенькая жизнь, детские горести и радости, забавы и занятия, интересы и стремления моего маленького черномазого сорванца.

Чтобы осмыслить эти факты и извлечь из них более широкие обобщения, обогащающие наше миропонимание, отражающиеся на нашем мировоззрении, уместно будет провести эскизное морфолого-психологическое сравнение дитяти шимпанзе с ребенком человека соответствующего пола и возраста.

Начнем с внешнего облика (Табл. 1, Табл. 2).

Вот они смотрят на меня и на читателя — эти два дорогие мне существа, для которых я была самым близким человеком на свете, которым я отдала в моей молодости столько лучших сил, нежных чувств и теплых забот.

Как это ни парадоксально, но я должна признаться, что в моем сердце, которое отдало им так много и отдавалось так радостно, оба они — Иони и Руди — занимают почти равноправное место, но моя исследовательская мысль настойчиво домогается уточнить степень и пределы их взаимной близости в различных формах выявления их внешнего облика и поведения.

Лицо и конечности в статике

Обратимся к рассматриванию их лиц (Табл. 1, Табл. 2).

Лицо шимпанзе — это не морда собаки или павиана, даже не мордочка лемура с их выступающими вперед челюстями, это — доподлинное лицо.

Большая часть этого лица имеет голую, так же как и у ребенка человека, слегка покрытую серебристым бархатистым пушком кожу; по-человечески расположены и осмысленно смотрят глазки шимпанзе. У того и у другого малыша ресницы обрамляют веки, но этими тремя-четырьмя чертами и ограничивается это микроскопическое сходство; все остальные черты лица шимпанзе и человеческого ребенка резко дивергируют.

При первом взгляде на лицо дитяти человека оно нам кажется юным, пухленьким, надутым, гладким; лицо шимпанзе, наоборот, производит впечатление старческого, изнеможденного, изборожденного морщинами, как будто за ним стоит не 3—4 года жизни, а продолжительный трудный жизненный путь в 60—70 лет (Табл. В.34, рис. 1, 2).

Более детальные различия легко усматриваются и в оформлении различных частей лица, и в развитии волос, и в цвете глаз, и в складчатости кожи и в ее пигментации.

Наглядная схема сопоставления главнейших отличий в лицах обезьянчика и ребенка человека конкретно выявит перед зрителем их несовпадающие пункты.

В то время как у человеческого дитяти лоб выступает вперед за уровень глаз (Табл. В.35, рис. 1), линия лба прямая, надглазных дуг нет, лоб гладкий, безволосый, — у шимпанзе лоб скошен назад, линия лба наклонная, надглазные дуги сильно выступают над глазами, весь лоб зарос черными короткими волосами, более редкими в центральной части лба, более длинными по бокам его, на висках (Табл. В.35, рис. 2).

В то время как у человека нос сильно выступает вперед за уровень лба, переносица высокая, кончик носа представляет собой самый выступающий пункт (при сагитальном разрезе головы), ноздри стоячие, носовые отверстия направлены вверх и вбок, — у шимпанзе нос плоский, едва-едва выступает вперед за уровень лба, переносица низкая, вдавленная, самый выступающий пункт (при сагитальном разрезе головы) совпадает с серединой верхней губы, ноздри лежачие, носовые отверстия направлены внутрь и вниз (Табл. В.12, рис. 1).

У ребенка человека щеки выпуклые, гладкие, бока щек безволосы; у шимпанзе щеки вогнуты, покрыты редкими темными волосами, бока щек обрамлены густыми баками.

У человека лобная часть лица равна носовой и челюстной (порознь); у шимпанзе лобная часть лица наименьшая по размерам, челюстная — наибольшая.

У человека верхняя губа по длине равна нижней, посредине рассечена продольной, идущей от середины носа вниз, слабо углубленной, широкой бороздкой, обе губы гладкие, краевой отдел губ имеет красный слизистый заворот.

У шимпанзе верхняя губа значительно длиннее нижней, вся изрезана продольными морщинами; близ верхнего края губы крупные щетинообразные белые волосы. Красного слизистого заворота губ нет (есть лишь легкая розоватость внутреннего края губ). Нижняя губа покрыта бугристой морщинистой кожей, заканчивается слабо красновато окрашенным, несколько утолщенным краем.

У человека подбородочный выступ явно выражен, подбородок гладкий, рот обрамлен красными губами, верхняя губа выдается над нижней. Длина рта равна расстоянию между глазами или несколько больше. При профильном положении верхняя губа выступает вперед дальше нижней.

У шимпанзе подбородочного выступа нет, подбородок бугристый, обильно покрыт густыми волосами. Рот почти безгубый; длина рта в три раза больше расстояния между глазами; при смотрении в профиль нижняя губа выступает вперед более верхней.

У человека волосы на голове длинные, имеют тенденцию к сильному развитию, брови в виде почти сплошных полосок из густо расположенных, мягких, прилежащих к телу волос. Белок глаза светлый, радужина вариирует по окраске в пределах той же расы.

У шимпанзе волосы на голове короткие; на висках и на боковых частях щек более длинные, напоминают баки. Брови в виде темных щетинок, расположенных обособленно (на расстоянии 1 см) на всем протяжении надбровных дуг. Белок темный, радужина светлокоричневая.

На спокойном лице ребенка можно отметить только 4 главные бороздки: две идущие от крыльев носа к углам рта и одну широкую, идущую от носовой перегородки к середине верхней губы.

У шимпанзе на спокойном лице можно легко усмотреть 90 борозд (Табл. 1.1, рис. 1, 2)[1] .

У человека (при слабом приподнимании кожи кверху) на лбу, в верхней части лба, почти близ волос, ложатся пять параллельных тоненьких бороздок.

У шимпанзе при аналогичном движении кожи лба пять тоненьких параллельных бороздок ложатся в нижней части лба непосредственно над надглазными дугами.

У человека в противоположность шимпанзе ухо совершенно безволосое. Длина уха значительно превышает его ширину. Есть мочка (lobus auriculus), helix — улитка — равномерной толщины на всем ее протяжении. Наружный край уха без углообразного излома. Уши полужесткие, неподвижны, не обладают непроизвольной подвижностью (например не сотрясаются при беге) и не имеют самостоятельного движения (Табл. В.41, рис. 1, 4 и Табл. В.69, рис. 5, 6).

У шимпанзе ухо частично покрыто волосами. Длина уха незначительно превышает его ширину. Мочки нет. Helix истончается в середине ушной раковины. Наружный край уха углообразно изломан. Уши мягкие, сотрясаются при беге и слегка двигаются при жевании и прислушивании (Табл. В.12, рис. 1, 4, 7, 8).

У человека нога несколько длиннее руки. Предплечье короче плеча. При вертикальном положении ребенка опущенная выпрямленная рука достигает до половины бедра (Табл. В.39, рис. 1). Рука и нога слегка покрыты мягкими волосиками, заметными больше на просвет, нежели при непосредственном разглядывании кожи. Стопа длиннее кисти. Длина кисти вдвое больше ее ширины. Кисть безволосая. Длина ладони на $^1/_4$ больше ее ширины.

[1] Перечень групп борозд на лице шимпанзе.

У шимпанзе рука значительно длиннее ноги (Табл. В.39, рис. 2). Плечо короче предплечья. При стоячем положении животного опущенная рука спускается ниже колен. Рука и нога почти на всем протяжении покрыты черными, густыми, жесткими волосами. Кисть длиннее стопы. Длина кисти втрое больше ее ширины. Кисть с тыла волосатая до уровня вторых фаланг пальцев руки и до основных фаланг пальцев ноги. Длина ладони на $^{1}/_{3}$ больше ее ширины.

У человека пальцы руки короткие, слабые (Табл. В.36, рис. 2, 4); самые толстые основные фаланги; 1-й палец толще, длиннее 5-го. Пальцы рук с тыльной стороны имеют слабо окрашенный пушок (по середине 1-й и 2-й фаланг). Нет мозолистых утолщений на границах основной и средней фаланг. Ногти светлые.

У человека нога голая. Стопа меньше, чем у шимпанзе, сплошь голая; большой палец ноги расположен параллельно 4-м остальным. Пальцы рук сильнее развиты, чем пальцы ног (Табл. В.37, рис. 2, 4).

У шимпанзе пальцы рук длинные, сильные (в основании соединены небольшой перепонкой); самые толстые средние фаланги; 1-й палец тоньше, короче 5-го. Пальцы рук на тыльной стороне основной фаланги волосатые. Между основной и средней фалангой имеются мягкомозо-листые вздутые утолщения. Ногти черные (Табл. В.36, рис. 1, 3). У шимпанзе нога волосатая. Стопа больше, чем у человека; она до основных фаланг пальцев волосата (Табл. В.37, рис. 1, 3).

У шимпанзе на руках и ногах большой палец противопоставляется остальным. Пальцы ног слабее развиты, чем пальцы рук.

У человека линии руки (Табл. 1.2, рис. 2; Табл. В.36, рис. 4) немногочисленны, слабы. Легко различимы линии № 1, 2, 4 горизонтальные, I, III, IV — вертикальные. Линии запястья (№7 и 8) выражены сильнее, чем у шимпанзе. Линии вертикальные I и IV (к фалангам пальцев) развиты слабее.

У шимпанзе на руке многочисленные резко прорезанные линии. Легко различимы 1, 2, 3, 4, 6 горизонтальные; I, III, IV, V вертикальные (линии 1-я горизонтальная и I вертикальная дают раздвоение). Линии запястья выражены слабее, чем у человека. Линии вертикальные к фалангам пальцев сильнее, чем у человека Табл. 1.2, рис. 1, Табл. В.36, рис. 3); при сравнении линий рук разных индивидуумов шимпанзе наблюдается сильная индивидуальная вариация их (Табл. 1.3, рис. 1, 2, 3, 5, 8).

У дитяти человека стопа с намеком на сводчатость. Линии подошвы выражены слабее, и их меньше количественно, чем на ладони. Совершенно нет линий 2-й горизонтальной (в основании большого пальца) и I вертикальной; линии III и IV слабо выражены лишь вверху и не прорезывают пяточную часть стопы (Табл. 1.2, рис. 4, Табл. В.37, рис. 4).

У шимпанзе стопа не сводчатая. Основные линии подошвы резкие, сильные, и их количественно больше, чем у человека (подробное описание линий см. линии подошвы ног шимпанзе; Табл. В.37, рис. 3).

Статические позы: сидение, стояние, лежание

1. Сидячие позы.

Обращаясь к сравнительному сопоставлению изменений положения тела и конечностей дитяти человека и шимпанзе, мы и в этом отношении на фоне общего неоспоримого сходства найдем резко разнящие обоих малышей черты.

Нормально развивающийся маленький человечек подобно шимпанзенку предпочитает больше бегать и ходить, нежели сидеть на месте, и его сидячие позы не менее разнообразны, чем таковые шимпанзе, но те типичные позы, которые мы наблюдаем у последнего, совершенно несвойственны ребенку человека.

Различие относится, во-первых, к положению рук и ног.

В то время как у дитяти шимпанзе при сидении руки зачастую твердо опираются о поверхность почвы (Табл. В.34, рис. 2 и Табл. В.2, рис. 1, 3, 4), у человека только в начальных стадиях развития его способности сидения (от 5 до 9 месяцев) (Табл. В.38, рис. 1) они играют при сидении подсобную опорную роль.

Мы не замечаем у ребенка человека и того уютного укладывания рук на согнутых коленях, которое так обычно для шимпанзе (Табл. В.2, рис. 2; Табл. В.34, рис. 2).

Да и самая типичная поза шимпанзе (Табл. В.34, рис. 2; Табл. В.2, рис. 1—4) — сидение на ровной почве с опорой на тергальную часть туловища с согнутыми в коленях и опирающимися прямо на ступню ногами — является для человека совершенно необычной.

Из многочисленных зафиксированных мной различных поз сидящего на ровной поверхности ребенка я не могла усмотреть ни в одном случае такого положения ног.

Ножки сидящего на ровной плоскости ребенка либо совершенно выпрямлены, сближены и тогда вытягиваются вперед, опираясь о почву задними частями бедер и голеней, так что их ступни направлены вперед и кнаружи (Табл. В.35, рис. 1, Табл. В.66, рис. 1, Табл. В.99, рис. 1, Табл. В.113, рис. 1); либо ноги раскинуты в бока, больше или меньше полусогнуты в коленях и распластаны на поверхности, прилегая к ней наружными боковыми частями бедра и голени, и тогда подошвы направлены внутрь, сближены и смотрят друг на дружку (Табл. В.86, рис. 1, Табл. В.111, рис. 1); либо наконец одна полусогнутая в колене лежачая нога накладывается на другую, находящуюся в том же лежачем положении ногу (расположение ног «калачиком»), и дитя сидит со скрещенными лежачими ногами (Табл. В.72, рис. 4, Табл. В.88, рис. 4), либо обе лежачие согнутые ноги дитя кладет рядом и отводит вбок, направив голени в одну, ступни в другую сторону (Табл. В.34, рис. 1).

Но то закидывание одной из ног кверху, что описано у Иони (Табл. 1.5, рис. 3), я никогда не могла усмотреть у Руди, так как подвижность его ног в вертлужном суставе далеко не так велика, как у его черного сотоварища (табл. 30, рис. 2). Самое большое закидывание ноги у Руди видно на Табл. В.62, рис. 4.

С другой стороны, всем нам хорошо известна излюбленная поза ребенка — сидение «на-корточках» (Табл. В.38, рис. 4), когда он, опираясь о подошвы полусогнутых в коленях ног, держа на весу туловище, длительно может пребывать в таком положении, созерцая что-либо, сидя на одном месте (на полу или на земле), сосредоточенно занимаясь каким-либо делом. И эта поза многократно пестрит в моих фотографических снимках с мальчика (на протяжении от года до 7 лет его жизни), при самых разнообразных формах его игр (например при разбирании, рассматривании находящихся в ящичке предметов, при действии забивания молотком, при процессах конструирования на земле, при черчении на песке и многих других) (Табл. В.38, рис. 4, Табл. В.98, рис. 4, Табл. В.111, рис. 4; Табл. В.96, рис. 5, Табл. В.107, рис. 5; Табл. В.70, рис. 1, Табл. В.106, рис. 1; Табл. В.103, рис. 2; Табл. В.111, рис. 6; Табл. В.114, рис. 3).

Только в исключительных случаях (при испуге) я замечала у шимпанзе подобное приседание на-корточки, но эта манера держаться у шимпанзе всегда была чрезвычайно кратковременной и не такой устойчивой, как у ребенка человека; она требовала дополнительной опоры на руки (Табл. В.38, рис. 3), в то время как у человека в этом случае руки оказывались всегда свободными и выполняли разнообразные двигательные и хватательные акты.

Уже эти позы наглядно выявляли преобладающую опорную роль ног человека по сравнению с его руками, в то время как у шимпанзе при процессе сидения и *руки* сохраняют свою подсобную опорную роль. На этих примерах выступает с полной очевидностью тот факт, что ноги ребенка человека оказываются более сильными, мощными и более длинными[2] по сравнению с таковыми шимпанзе; находясь в согнутом состоянии, такие ноги длительно способны удерживать на весу[3] все согнутое тело ребенка и в любой момент могут помочь ему поставить его в вертикальное положение, выпрямить без участия рук.

Шимпанзе при аналогичном привставании должен неизменно опираться на руки.

Длина ног человека по сравнению с таковыми шимпанзе обусловливает то, что, сидя на-корточках, ребенок не достает задом земли, а если бы хотел сесть, то несколько запрокинулся бы назад; шимпанзе, наоборот, сидя в подобном положении, плотно опирается на самый концевой (тергальный) отдел туловища, прилипая им к земле, отяжеляя себе быстрое привставание.

При просмотре различных сидячих поз ребенка человека невольно останавливает внимание очень настойчиво повторяющаяся при разных ситуациях манера сидения ребенка на согнутых коленях направленных

[2] Соотносительно с пропорциями его тела.
[3] Без опоры на musculus gluteus.

назад одной или обеих ног (Табл. B.98, рис. 3, Табл. B.119, рис. 3), причем то он подгибает под себя одну ногу (обычно левую) и опирается о подошву круто согнутой в колене другой (правой), готовый легко приподняться (что бывает при быстро текучих, переменчивых играх)[4] , то при более сосредоточенных занятиях (например при рассматривании новой игрушки или при процессе штемпелевания печаткой) он совершенно подгибает под себя обе ноги, выставляя наружу лишь коленки (Табл. B.104, рис. 5; Табл. B.38, рис. 2).

Я замечала даже, что эта своеобразная поза сохраняется у людей до зрелого возраста, и в частности те, кому приходится много сидеть и писать, знают, как при уставании сидеть со свешенными вниз ногами, не будучи в состоянии прервать занятия письмом, уже взрослые люди охотно применяют именно эту позу сидения на согнутых коленях.

Из сотен фото с Иони, сидящего в естественном положении, мне совершенно не удается найти ни одного снимка, где бы у шимпанзе имелась аналогичная эта типично человеческая поза.

При сопоставлении более искусственных способов сидения шимпанзе и ребенка, например их сидения на коленях человека или на скамьях и стульях, мы должны подчеркнуть большее сходство поз обоих детей (Табл. B.2, рис. 2; Табл. B.38, рис. 5, 6).

Характерно, что в то время как Иони так же легко садился на скамейку, как и взрослый человек, Руди (в возрасте 1 г. 6 м.) еще не мог самостоятельно присесть на скамью и, стремясь сесть, шлепался на пол, мимо скамьи; позднее (в возрасте 1 г. 7 м. 8 д.) он садился осложненным способом, именно: подойдя к скамейке вплотную, он повертывался к ней спиной, пятился задом, непременно стараясь прикоснуться к скамье тыльными сторонами ног (икрами), затем он начинал осторожно, опасливо медленно приседать, садясь вплотную не ранее, чем нащупывал задом прочную плоскость скамьи и ее устойчивое положение. Только позднее дитя садилось на скамью, опустив этот прием предварительного нащупывания твердого субстрата.

В случае сидения малышей на высоких постаментах, при свободном свешивании их недостающих до земли ног и у Руди и у Иони замечалась тенденция к сближению ступней — к придерживанию одной ступней другой ступни — повидимому во избежание их качания (Табл. B.39, рис. 3, 4).

У обоих сидящих на коленях человека детей было стремление прижаться, привалиться телом к держащему их человеку, опереть о него поудобнее свою голову, прижаться щекой к туловищу человека, держащего их (Табл. B.2, рис. 5).

При наличии усталости у того и другого малютки возникает потребность подпереть свою голову облокотившейся рукой; но в то время как шимпанзе в этом случае прислоняет голову к сложенным пальцам кисти и даже предплечья (Табл. 1.4, рис. 4), человек[5] при сходной ситуации подпирается только пальцами, делая характерный для взрослого, всем нам известный значительный жест — «жест мыслителя», упирая раздвинутые 1-й и 2-й пальцы в висок и в скулу, а тремя остальными сложенными пальцами подпирая щеку.

2. Стояние.

Сравнивая позы стоящего на ровной поверхности шимпанзе с таковыми же ребенка человека, мы усматриваем еще меньшее сходство, чем то наблюдалось при сопоставлении сидячих поз.

Типичное для шимпанзе стояние с опорой на опущенные до земли руки совершенно несвойственно и даже недоступно ребенку человека уже в силу короткости его рук (Табл. B.40, рис. 5).

Подсобная поддерживающая тело роль рук при стоянии наблюдается, как известно, только при первых попытках ребенка (примерно в возрасте 6 месяцев) стоять с какой-либо поддержкой в вертикальном положении (Табл. B.40, рис. 2, Табл. B.43, рис. 2); уже к 9 месяцам, а тем более к году дитя стоит на ровной почве совершенно устойчиво, не требуя помощи рук (Табл. B.40, рис. 4).

Правда, годовалый ребенок имеет при стоянии еще широко расставленные ноги (табл. 40, рис. 4), как то за правило наблюдается и у шимпанзе, в особенности при вставании его в вертикальное положение (Табл. B.4, рис. 1, Табл. B.43, рис. 1), — но даже и в этом возрасте мы видим у дитяти человека плотную опору на подошву ног, без всякой тенденции к припаданию на наружный край стопы, как то неизменно наблюдается

[4] Например при составлении кегель и др. действиях (Табл. B.113, рис. 6; Табл. B.107, рис. 2).
[5] Уже в возрасте 2½ лет.

у выпрямившегося шимпанзе[6] ; стоя дитя имеет совершенно выпрямленные и колени и туловище, в то время как у стоящего шимпанзе колени полусогнуты. Уже 2-летний ребенок обычно стоит со сближенными ногами (Табл. В.40, рис. 6).

Выпрямленное при стоянии положение тела уже для 1½—2-годовалого ребенка человека является правилом. То же самое положение для 3—4-летнего шимпанзе является исключением; при типичном стоячем положении шимпанзе ось его тела имеет наклонное, а у человека вертикальное положение (ср. Табл. В.3, рис. 1, 2 и Табл. В.44, рис. 5).

Нечего и говорить, что вертикальная поза уже годовалого ребенка более устойчива, чем таковая нашего шимпанзе.

При наземном образе жизни эта выпрямленная вертикальная поза является биологически и более выгодной: она предоставляет глазам большее поле для обозрения арены своего предстоящего продвижения и действия, освобождает руки для обороны — в случае опасности, угрозы со стороны врага, для труда, для творчества — в случае спокойной ситуации и при наличии досуга.

3. Лежание.

Позы свободно спящего человеческого ребенка аналогичны таковым дитяти шимпанзе (Табл. В.41, рис. 5); чаще всего подобно Иони Руди лежит на боку, засовывая одну ручку со сжатым кулачком под щеку, под подушку; в течение ночи позы ребенка часто меняются; и можно наблюдать, как Руди (подобно Иони) спит вниз животиком, уткнув личико в подушку, поджав под себя сжатые в коленях ноги, подобрав ручки. Прежде чем заснуть, дитя (еще в возрасте 5 м. 3 д.) трет глазки ручками, кулачками, трется личиком о лицо держащего его человека, тычется личиком в плечо, в уголок локтевого сгиба руки, отвертывается от света, иногда прямо кладет ручки на глазки и так засыпает с ручками, положенными на лицо; подобно Иони перед засыпанием Руди некоторое время выискивает желаемое положение, перевертывается с боку на бок, вертит головкой, приподнимается на подушке то выше, то ниже; дитя то подкладывает руку под голову, то вынимает ее, то приподнимается, взглядывает вверх, видит мать и улыбается. Засыпая, даже 2-месячный Руди порой держится за пеленочку, а когда спит у меня на руках (3-месячный), зацепляет ручкой за мою кофту — и так и держится ручкой во все время сна, вытянув ее в вертикальном положении, не желая отцепиться (очень напоминая этим актом держащегося за перекладины и веревки спящего Иони).

Минут 10—15 перед засыпанием ребенок еще беспокоится, затем утихает, время от времени тяжело поднимает веки, приоткрывая, таращa глазки, потом его глаза несколько суживаются, становятся щелевидными, потом один глаз засыпает, в то время как другой глаз полузакрывается (у дитяти 3 месяцев), потом судорога пробегает по векам, глазки плотно слипаются, — и дитя засыпает.

Особенно охотно Руди (в возрасте 1½—3 лет) спит, держась за мою руку и не желая ее отпустить даже во время сна; если он просыпается и замечает, что я не держу его за ручку, он просит: «мама, дай ручку».

Подобно Иони в жару дитя разметывается по постели, закидывает кверху ручки, как бы «возносится» (Табл. В.41, рис. 1), прижимает одну ручку к шейке (Табл. В.41, рис. 4, 3), широко распластав пальчики, то перекрещивает ручки на груди, напоминая рафаэлевских ангелочков, то подкладывая обе ручки под голову (Табл. В.41, рис. 2), — этой позы я никогда не наблюдала у спящего Иони. Сон дитяти человека, как и шимпанзе, очень крепок. Разоспавшись, оба малыша позволяют перевертывать их с боку на бок, укрывать одеялом и не пробуждаются при этом.

Динамические позы: ходьба, бег, лазание

1. Ходьба.

Еще большие различия в положении тела и конечностей выступают при сравнении ходьбы, бега и лазания шимпанзе и сверстника-человека.

[6] К слову сказать, манеру опираться на наружный край стопы при стоянии я замечала как приспособительное действие у маленьких детей (9 мес, Табл. В.40, рис. 3), не умеющих стоять и пытающихся стоять со слабой опорой и как атавистическую привычку у взрослых людей и у детей-подростков при наличии психических тормозов: например при выступлении конфузящегося молодого лектора в непривычной аудитории, при застенчивом поведении ребенка.

В то время как шимпанзе за правило ходит по земле, опираясь всеми четырьмя конечностями, причем, как и при типичном стоянии, ось его тела имеет наклонное положение (Табл. В.42, рис. 1), у ребенка руки участвуют в передвижении по земле лишь при ползании, когда он в возрасте 8—9 месяцев (Табл. В.42, рис. 2); как скоро ребенок пытается ходить в вертикальном положении, он опирается о землю только подошвами ног (Табл. В.42, рис. 3, 4).

Правда, при первых пробах ходьбы (9—10 месяцев от роду) дитя держится на ногах весьма неустойчиво: оно еще не может совершенно выпрямить спину и держит туловище наклонно, почему ежесекундно может упасть вперед (Табл. В.43, рис. 2). И в этот период во избежание падения, пройдя 3—4 шага, оно инстинктивно хватается за руки взрослых и за первый же попавшийся под руку предмет, ходит за стулом или «по стенке», и его руки играют большую подсобную опорную роль. Но уже годовалый ребенок идет с выпрямленной спинкой, по привычке направив вперед растопыренные в воздухе руки (Табл. В.42, рис. 3, 4).

Правда, в этот период дитя (Руди в возрасте 1 г. 1 м. 9 д.) идет свободно лишь после предварительной установки; для сохранения равновесия при ходьбе он машет руками, нередко нагибается, приседает накорточки, но после известной паузы он опять выпрямляется и идет далее. В это время даже небольшое осложнение, как неглубокая и неширокая[7] ложбинка, представляет для него серьезное препятствие; не умея перешагнуть ее, он осторожно вступает в нее ногой (1 г. 2 м. 20 д.), но уже через 2 месяца упражнения в ходьбе ту же самую ложбинку мой мальчик (1 г. 4 м. 15 д.) переступал совершенно свободно, не погружаясь внутрь ее.

Уже в возрасте 1—1½ лет человеческое дитя настолько осваивается с вертикальной походкой, что ищет применения своим освобожденным рукам: оно охотно начинает возить предметы (колесики на палочке, каталки, лошадок, тачки, авто), толкая их впереди себя или везя за собой, уцепившись за них руками (Табл. В.45, рис. 1—6); оно даже берет в руки легкие предметы и пытается их нести (Табл. В.44, рис. 3—6).

Освобождение руки от опоры о землю при стоянии и ходьбе по мнению Энгельса как раз и было главным фактором, сделавшим звероподобного предка человека человеком в собственном смысле этого слова.

Обременив свои руки, годовалый ребенок конечно идет менее устойчиво, и, боясь потерять равновесие, он нередко напряженно открывает рот и вытягивает вперед язык (Табл. В.44, рис. 3), но с каждым днем, с каждым пройденным шагом его ножки все больше овладевают землей, и уже 1½—2-годовалый ребенок, взяв в руки посильную ему ношу, идет бойко, свободно, весело улыбаясь, совершенно не страдая при ходьбе от этой занятости своих рук (Табл. В.44, рис. 4—6). Шимпанзе даже в возрасте 3—4 лет не может итти длительно такой отвесной вертикальной походкой: он может сделать всего три-четыре шага, причем для сохранения равновесия вынужден несколько отставлять руки от тела, балансировать ими (Табл. В.4, рис. 1—4); идя так, он все время находится в таком малоустойчивом равновесии, что совершенно не может нагружать руки какой-либо ношей.

Как уже было отмечено, ведение выпрямившегося шимпанзе за руку не освобождает его от необходимости опираться другой освобожденной рукой о почву, что конечно для ребенка человека (как показывает Табл. В.43, рис. 3, 4) является совершенно излишним.

Как скоро ребенок постиг процесс ходьбы, у него (еще в возрасте 1½—2½ лет) возникает самопроизвольная тенденция к *усовершенствованию* этой своей способности, и это отражается в том, что ребенок (1 г. 2 м. 20 д.) пытается осуществлять заведомо осложненную им самим ходьбу: то например Руди пытается всходить на возвышения, то положит на землю узкий брусок или доску (Табл. В.47, рис. 2) и стремится пройти по ним, не упав, то он (2 г. 4 м. 27 д.) сложит на земле из плоских дощечек подобие шаткого узенького, неровного мостика и старается итти по нему, вступая хотя бы одной ногой, напряженно балансируя высоко вверх поднятыми руками во избежание падения; то дитя (1 г. 7 м. 21 д.) всходит на высокую кучу песка, вязнет в нем и все же взбирается вверх, то оно (1 г. 9 м. 14 д.) осложняет ходьбу разными фокусами — идет спиной вперед, то пытается итти на одних каблуках, то при ходьбе закидывает кверху голову и идет, не глядя вниз, то нарочно кривит ноги, идя на боках подошв, то притоптывает ногами, сильно размахивает руками, идет нарочито пошатываясь из стороны в сторону (1 г. 9 м. 19 д.). В возрасте около 2 лет (1 г. 11 м. 9 д.) Руди уже пытается имитировать ритмичный шаг красноармейца; позднее (2 г. 6 м. 16 д.) он не смущается никакими встреченными в пути препятствиями — при ходьбе по улице переступает канавки с водой, сам обходит лужи и большие камни (2 г. 6 м. 16 д.), а в возрасте около 3 лет, одетый в тяжелую зимнюю шубку, без отдыха может ходить часа два и более, причем нарочно забирается в небольшие снежные

[7] Шириной в 10—15 см.

сугробы, вязнет в них до колен, переступая ногами, и тем не менее с большим рвением осуществляет это затрудненное передвижение (Табл. В.47, рис. 1, 3).

Ребенок как бы инстинктивно стремится поупражнять и испытать свои еще неокрепшие ножки на усиленной работе на разнообразной поверхности, приспособляя их к разным способам и аренам передвижения.

Дитя шимпанзе также пытается осложнять свою ходьбу и бег, беря в руку или в ногу предметы (тряпки, мячи, цепи), пролезая в узкие места, бегая с ними вокруг ножек стульев, столов, но оно усложняет и упражняет свою типичную походку на-четвереньках и никогда не делает ни малейшей попытки тренироваться в вертикальной походке.

Дитя упражняется и в вожении, ему скоро надоедает катать одиночные предметы — оно сооружает длинные цуги катящихся повозок (Табл. В.46, рис. 1), оно устраивает так называемые мосты и старается везти по ним состав поезда, хотя нередко подобное вожение заканчивается неожиданной катастрофой (Табл. В.46, рис. 2—3).

Дитя в возрасте 2 лет охотно возит тяжелые предметы (например сани) вверх на высокую снежную гору (Табл. В.48, рис. 5).

В чем бесспорно человеческое дитя уступает шимпанзенку, — так это в беге и в лазании.

2. Бег.

Полутора-трехгодовалый шимпанзе, пользуясь своими четырьмя конечностями, наступая на подошвы ног и полусогнутые пальцы рук (Табл. В.42, рис. 1, Табл. В.44, рис. 1), бежал так быстро, что взрослый человек не в состоянии был его догнать, он проворно взбирался вверх по десяти ступеням довольно крутой лестницы и еще более скоро и бойко сходил вниз, головой вперед; мой мальчик хотя был чрезвычайно подвижным по темпераменту, любил бегать, радостно сбегал с высоких гор летом и зимой (табл. 48, рис. 1), но никогда не мог развить той быстроты бега, как шимпанзе (Табл. В.42, рис. 6; Табл. В.44, рис. 2).

3. Лазание.

Руди уступал Иони в лазании, он (в возрасте 1½—2 лет) только весьма медленно и неуклюже мог самостоятельно влезать (тоже на-четвереньках) на ступени лестницы или на сидения кресел и колясок. При этом Руди употреблял своеобразный способ взбирания: он (1½ лет) заносил на ступень согнутую колень одной (например левой) ноги, опираясь о землю подошвой полувыпрямленной правой ноги, затем он переносил на ту же ступень согнутую колень правой ноги, опираясь теперь только голенями обеих ног, затем, опять выпрямляя правую ногу и становясь на ее подошву, снова наступал левой голенью на следующую ступень и т. д. (Табл. В.49, рис. 1, 2; Табл. В.51, рис. 1).

Таким образом он подвигался вверх по лестнице, пользуясь этим медлительным и сложным «всходяще-ползающим» способом[8].

Позднее, после 2 лет, когда мой ребенок уже выучился подниматься на лестницу в выпрямленном положении, он всходил еще очень неуверенно и настороженно, требуя опоры рукой или напряженно балансируя в воздухе руками, как бы помогая ими (Табл. В.50, рис. 1); нередко в целях ускорения влезания он опять пытался взбираться по лестнице на-четвереньках, но теперь он опирался уже не на колени, а на подошвы ног и распластанные ладони рук, поочередно занося их со ступени на ступень (Табл. В.49, рис. 2), как это делал бы и наш шимпанзе.

После известного периода упражнений в лазании у дитяти человека исчезает и эта надобность в балансировании руками, и 2½-летний ребенок (даже будучи тяжело одетым в зимнее платье) бойко взбирается по лестнице (Табл. В.50, рис. 2), и только широко растопыренные пальчики рук дитяти выдают некоторую неуверенность и настороженность их обладателя при совершении им этого двигательного акта. Освоившись в лазании, Руди (2 г. 8 м. 3 д.) начинает бравировать и при ходьбе по лестнице, — то, взбираясь, он притоптывает ногами, то машет руками.

[8] В этом возрасте (1—2 лет) дитя может взойти на ступени лестницы в вертикальном положении только с посторонней помощью (Табл. В.49, рис. 4).

Этот способ взбирания по лестнице вертикальной походкой я никогда не наблюдала у своего шимпанзе. Только ведомый за руку и опираясь на вторую руку (на трех конечностях), Иони мог всходить на лестницу и слезать вниз полувертикальной походкой.

Как известно, ребенок скоро усовершенствуется в быстроте и легкости лазания по лестнице: проходит месяц-другой, и он уже в состоянии свободно (при полном отсутствии пособничества со стороны рук) всходить даже на предательски скользящие снеговые лестницы. И если бы не его чрезмерно высокое (выше пределов необходимого) приподнимание ног при занесении их на ступеньку, ничто бы не выдавало недостаточно опытного ходока (Табл. В.48, рис. 3).

Таким же способом, как и на лестницу, влезал Руди (1 г. 4 м. 9 д.) на низкое кресло, занося коленочку одной ноги на высоту, подтягиваясь на другой ноге (Табл. В.51, рис. 1).

Позднее в возрасте 1 г. 11 м. и 2 л. 4 м. (Табл. В.51, рис. 3, 5) Руди уже входил на невысокие возвышения, занося на подъем ступню ноги и крепко-крепко держась руками за окружающие предметы, осуществляя влезание с большим трудом.

Более сложен для ребенка, нежели для шимпанзе, акт слезания с высот, схождения с лестниц вниз. Нередко дитя человека взбирается на лестницу самостоятельно (1 г. 10 м. 19 д.), но вынуждено слезать вниз с посторонней помощью[9].

Как уже было упомянуто, шимпанзе сбегает с лестницы или со скосов крыши домов таким же способом, как и входит, т. е. на-четвереньках, лицом вперед, только слезая по отвесным вертикальным столбам он спускеатся спиной вперед — к зрителю (Табл. В.52, рис. 2).

Мое дитя в возрасте от 1 г. 4 м. 9 д. и до 2 лет слезало с невысоких помостов — с кресла на пол (Табл. В.51, рис. 2) или с саночек (табл. 51, рис. 4), обычно тоже повертываясь лицом вперед к спуску, сильно, прочно уцепившись руками за что-либо, осторожно нащупывая ногами твердый субстрат и соскальзывая окончательно вниз не ранее, чем достигало ногой опоры.

Один коллега[10] передавал мне, что младенцы павианы, взобравшись на сетку клетки вперед лицом, снижаются, повернувшись также вперед лицом, в то время как старые павианы при таких же обстоятельствах снижаются спиной вперед.

Последний способ схождения со ступеней я сама видела однажды у подросших 4—5-месячных павианов. Занятно было смотреть, как маленький павианчик, подойдя вплотную лицом вперед, к небольшой (ступени в 4) лесенке, ведущей вниз, прежде чем спуститься, поворачивался несколько раз вокруг себя и наконец, приняв нужное положение (спиной вперед), осторожно спускался вниз по ступеням к впереди стоящему зрителю.

У моего Руди я заметила манеру снижения спиной вперед в возрасте 2 лет 4 мес, когда ему однажды пришлось сходить с подножки маленького детского автомобильчика (Табл. В.51, рис. 6).

Таким образом повидимому явствует, что при лазании по лестницам *на-четвереньках* или на ногах, но при подсобном действии рук манера схождения лицом вперед генетически является более ранней, нежели манера схождения вперед спиной.

Дети высших и низших обезьян и дитя человека в своем онтогенезе имеют первый способ спуска ранее второго.

Но, как мы знаем, ребенок человека позднее приобретает иной, недоступный обезьянам способ схождения с лестницы — спуск в вертикальном положении.

Правда, будучи в возрасте 1½—2 лет, сходя по лестнице, дитя еще пытается придерживаться рукой за руку взрослого (Табл. В.49, рис. 3), идет, ставя на каждую ступень сначала одну ногу, потом другую; позднее, когда оно сходит совершенно самостоятельно, оно вынуждено присогнуть туловище и балансировать ру-

[9] Как известно, котята тоже легко могут вскарабкиваться на высокие деревья, но зачастую боятся слезать с высот, длительно сидят на верхушке дерева и мяукают, прося помощи.
[10] Педолог Н. И. Касаткин.

ками, но уже ребенок 2½ лет может свободно сойти вниз несколько ступеней, совершенно вольно держа свои руки (Табл. В.50, рис. 3, 4).

Конечно, если этот вертикальный способ самостоятельного слезания с лестницы по быстроте и может быть сравнен с таковым шимпанзе, сходящего с лестницы и ведомого за руку человеком, то по проворству и по высоте влезания дитя шимпанзе конечно опережает ребенка человека.

В то время как шимпанзе легко и высоко вскарабкивается кверху по широкопетельной сетке своей клетки и так же легко и быстро взбирается вверх по гладкому стволу дерева (Табл. В.81, рис. 3), по столбам построек, по крутонаклонной крыше (Табл. В.52, рис. 1) и свободно может ходить по самому ее коньку, мой мальчик, даже будучи в возрасте 4½ лет, с большим трудом и напряжением был способен подняться на высоту ½ м на гладкое деревце (Табл. В.81, рис. 4).

В то время как шимпанзе мог длительно, крепко и уверенно держаться на подобном деревце (Табл. В.81, рис. 3), охватив его руками и ногами, весело улыбаясь, готовый заигрывать одной освобожденной рукой, — мой малыш, прицепившись к дереву, явно чувствовал себя весьма неустойчиво: едва повиснув, он каждую минуту готов был мешком шлепнуться вниз; в этот момент его ротик обычно был искривлен гримасой, выражающей сильнейшее мышечное напряжение: его нижняя челюсть была активно отдернута вниз, нижняя губа была сильно оттянута от десен, обнажая зубы; он боялся свободно пошелохнуться, чтобы не упасть. Я замечала, что, взбираясь на деревцо, он обычно крепко зажимал верхними губами и зубами нижнюю губу и зубы, что опять-таки косвенно свидетельствовало о большом мышечном усилии, сопровождавшем этот акт даже невысокого влезания.

Нельзя сказать, чтобы Руди не любил лазать или совсем не упражнялся в лазании: он имел возможность лазать и карабкаться по лестницам и трапециям в саду, он охотно влезал на невысокие заборы (Табл. В.52, рис. 3, 4, 7) и продолжительно мог лазать вдоль их решотки, он (2—3 лет) радостно лазал по стульям (Табл. В.52, рис. 5, 6), тем не менее поднимание на значительные высоты по отвесно стоящим столбам и деревьям было для него почти недоступно. Тем более конечно был абсолютно неспособен мой 2—2½-летний Руди влезать на высокие крыши домов, что дитя шимпанзе, будучи в том же возрасте, делало весьма легко и совершенно.

Глава 2. Сравнение эмоций человека и шимпанзе

Обращаясь к сравнению лица шимпанзе и лица ребенка человека в их динамике, мы должны сказать, что все восемь основных изменений лица шимпанзе — смех, плач, страх, злоба, удивление, внимание, отвращение, — даже необычайное выражение общей возбудимости мы можем проследить и у ребенка человека.

Эмоция общей возбудимости

Однажды мой мальчик (будучи в возрасте 11 месяцев) увидел, как я поднесла к нему кастрюльку с кашей, но в последнюю минуту я отвела ее от него (так как раздумала дать), — он тотчас же выпучил вперед сложенные трубочкой губки, видимо испытывая неожиданное неприятное чувство[1] .

В другой раз, когда Руди (в возрасте 3 лет 4 мес.) внезапно увидел у себя на руке что-то необычайное (вроде занозы или случайного пятна), он мгновенно вытянул вперед губы, раскрыв их на конце коротким раструбом (Табл. B.53, рис. 2), и пристально стал вглядываться в интересующее его место; при этом поверхность раструба его губ была совершенно гладкая и не обнаруживала и следов той складчатой изборожденности, которая так рельефно выявлена в подобном случае на лице шимпанзе (Табл. B.53, рис. 1). Абсолютно не замечалось также в этом случае приподнимания волос головы у ребенка, как то бывало у взволнованного шимпанзе.

Капризно-недовольное настроение ребенка, предваряющее плач и являющееся реакцией на неожиданное огорчение, обычно также выражается в вытягивании вперед несколько надутых сложенных вместе губ, но при этом имеются опускание углов рта, приподнимание и нахмуривание внутренних концов бровей.

Такое выражение я могла наблюдать и зафотографировать уже у своего двухнедельного «куксящегося» младенца и не раз замечала и позднее, например у 4-летнего неожиданно неприятно пораженного Руди, отвергающего по испробовании непосахаренную вопреки обыкновению кашу (Табл. B.55, рис. 1).

Как резко отличалась эта мимика от той, которая появилась двумя-тремя минутами спустя при поедании мальчиком подслащенной каши! В первом случае головка, и глаза и внутренние углы губ были опущены, личико вытянуто, брови слегка сдвинуты, нахмурены, губы сжаты и выпячены вперед (Табл. B.55, рис. 1), во втором — головка, глаза и губы приподняты, все личико расширено от расплывающейся улыбки и выражает полное удовлетворение (Табл. B.55, рис. 2).

Значительно позднее, на нашем очередном уроке с моим (уже 7½-летним мальчиком), я наблюдала у него аналогичную мимику в ответ на мое неожиданное для него и мало приятное ему предложение прочесть в книге абзац больший, чем то у нас обычно было принято. Изредка подобную мимику можно видеть и у взрослых. Я сама замечала, как один пожилой и экспансивный мужчина имел обыкновение резко откидывать голову, вытягивать вперед трубкообразно сложенные и несколько развернутые на конце губы всякий раз, как слышал неожиданно неприятную весть.

Как напоминала мне эта мимика аналогичную мимику взволнованного (Табл. B.11, рис. 1) или неприятно возбужденного, приготовившегося расплакаться шимпанзе (Табл. B.14, рис. 4—6)!

Как уже было в свое время упомянуто, эмоция общей возбудимости у шимпанзе сопровождается издаванием своеобразного модулированного ухающего или хрюкающего (базирующегося на глубоком вдыхании и выдыхании) звука, включающего гласные «у», «а», «э» и согласную «х». Я не заметила, чтобы мой мальчик при неожиданности и вытягивании губ вперед издавал какой-либо звук, но я уверенно могу сказать, что уже 5-месячный Руди, находясь в радостном волнении (при моем неожиданном приходе после длительного отсутствия, при показывании ему необычных интригующих вещей блестящих ярких украшений), производил глубокие вдохи и выдохи, определенно включающие гласную «а» и согласную «х», звучащую как лег-

[1] Характерно, что однажды Иони воспроизвел аналогичную мимику при аналогичных обстоятельствах.

кое «х-а-а-а». Художник Ватагин передавал мне, что его 2-летняя дочка всякий раз при введении ее в его мастерскую, наполненную всевозможными скульптурами, рассматривая и ощупывая особенно привлекательные для нее вещи, все ходила и «вздыхала» — «ахала».

Как известно, русские[2] междометия, употребляемые взрослыми, как например возгласы, выражающие неожиданный испуг, страх, радость («ах», «ох», «ух»), также включают эти же гласные и согласные.

Я хочу особенно подчеркнуть тот факт, что подобно тому как универсальны и многозначны по смыслу, но однообразны по форме ухающие звуки шимпанзе, так же мало диференцированы в обиходном употреблении краткозвучные восклицания человека.

Одно и то же междометие применяется порой при выражений самых различных эмоций. Поэтические произведения иллюстрируют эту мысль бесчисленным количеством красноречивейших образцов:

> Ах! — она сказала, — я вас не узнала,
> Я вас за другого приняла сначала.
>
> —Полонский, Кузнечик-музыкант

Здесь междометие «ах» употребляется при эмоции неожиданности новизны.

В других случаях междометие «ах» выражает пафос, эмоцию восторженной радости:

> Ах ты, степь моя, степь привольная!
> Широко ты, степь, пораскинулась!
>
> — Кольцов, Стихотворения

Иногда междометие «ах» оттеняет эмоцию негодования:

> Ах ты обжора, ах злодей!
>
> —Крылов, Кот и повар

Нередко междометие «ах» употребляется для выражения печальных чувств:

> Ах, как игру судьбы постичь? —
> Людей с душой — гонительница, бич!
> Молчалины блаженствуют на свете!
>
> —Грибоедов, Горе от ума

Таким образом взрослый человек, будучи в состоянии волнения, возбудимости, утрачивает рельефную мимику, свойственную шимпанзе и ребенку человека; он не издает в это время и тех выразительных звуков, которые мы слышим у шимпанзе, но как бы отголоски этих звуков в виде коротеньких восклицаний мы еще застаем при наличии волнения у особенно эмоциональных людей.

Эти междометия («ах», «ох», «ух», «эх») являются как бы отдаленным и смягченным эхом звуков волнения, возбудимости шимпанзе; они частично употребляются не только в русском, но и в иностранных языках; наиболее универсальным, так сказать интернациональным, является междометие «ах».

С возрастанием внешнекультурного уровня и внешней облицовки людей уменьшаются интенсивность, частота и пределы применения и этих коротеньких междометий.

Как известно, высокосветский стандарт американцев и англичан припечатывает штампом подлинного «gentlemen'a» человека, умеющего сдерживать непроизвольные и откровенные внешние выявления его аффектов.

С другой стороны, надо отметить, что из всевозможных звуков, издаваемых шимпанзе, только звук, выражающий максимальное волнение, является мелодически и тонально сконструированным; в связи с этим по аналогии невольно вспоминается и то, что гиббон, издающий своеобразное пение, как и другие животные, способные к издаванию протяжных звуков, воспроизводит их главным образом, будучи в настроении вол-

[2] А частично и иностранные.

нения; как известно, многие люди, находясь в состоянии беспокойства, начинают петь, и я сама знала одну женщину, которая, даже не будучи профессиональной певицей, неизменно пела всякий раз, когда была чем-либо расстроена.

«Про черный день мы песни бережем» — говорится в одном очень известном русском стихотворении («Дорога» Полонского).

И действительно кому ни приходилось читать о древнем русском народном обычае «голосить» на свадебных и похоронных обрядах, кто ни знает о римских «плакальщицах», приглашавшихся на похороны.

Повидимому во всех этих случаях повышенное чувство нервного возбуждения и волнения требовало воспроизведения крикливо-протяжных, тягучих звуков, разрежающих нервное возбуждение и связанную с ним эмоцию.

Эмоция печали

Сходна в общих чертах и различна в деталях и мимика плача человека и шимпанзе. Подобно Иони и мой Руди при максимальном плаче сморщивает верх лица, снижая кожу средней части лба и бровей, вжимает внутрь основание мягкого носа, плотно-наплотно сощуривает глаза, широко раскрывает рот, образуя то более, то менее широкий (щелевидный, или трапециевидный или широкоовальный) в зависимости от силы плача его просвет (Табл. B.56, Табл. B.57, Табл. B.58), но, характерно, у человека даже при максимальном оттягивании губ десны не обнажаются и нет той сплошной сети дугообразных морщин, изборождающих бока щек, как то имеет место в аналогичной мимике шимпанзе (Табл. B.53, рис. 3, 4).

Из складок на лице плачущего ребенка мы можем отметить, во-первых, две дугообразные крупные складки, идущие от границы между костной и хрящевой частями носа, огибающие крылья носа и проходящие мимо и несколько отступя от углов рта вниз к подбородку, и поперечную складку в основании носа, смыкающуюся справа и слева с прорезами крепко-накрепко сжатых век (Табл. B.56, рис. 2, 6).

Во время плача мы видим у ребенка напряжение мышц у начала бровей (Табл. B.57, рис. 1, 2, 4), углубление в верхней части щек, идущее от угла глаза, подхватывающее нижнее веко и направляющееся несколько вниз к бокам щек, и второе углубление, проходящее под нижней губой, сливающееся близ углов рта с большими носо-губными складками (Табл. B.56, рис. 2—6). В то время как у плачущего шимпанзе мы наблюдаем выпукление вперед и наружу в области губ, у ребенка человека в той же части мы замечаем сильное вдавливание (Табл. B.56, рис. 5—6).

В то время как лицо плачущего дитяти человека обычно сильно краснеет (иногда даже багровеет), цвет лица шимпанзе при сильном плаче становится только несколько темнее обычного.

Как уже было своевременно отмечено, плач шимпанзе никогда не сопровождается вытеканием слез[3]. Новорожденный ребенок также плачет без слез, но уже начиная с конца первого месяца (по моим наблюдениям над сыном) после сильного плача у ребенка замечается увлажнение в наружных углах глаз; в начале или середине второго месяца при плаче слезы вытекают только из одного глаза, позднее слезы скатываются поочередно то из одного, то из другого глаза (т. е. один глаз плачет слезами, другой бывает сухой); и наконец в исходе второго, в начале третьего месяца ребенок начинает плакать настоящими человеческими слезами, — т. е. при плаче слезы скатываются одновременно из обоих глаз, (Табл. B.53, рис. 4).

Все знают, что эти слезы бывают у детей так обильны, что порой ручьями, точнее — частыми крупными каплями скатываются со щек прямо на пол.

Но не менее известно и то, что эти слезы быстротечны: как легко они появляются, так же быстро они исчезают; кто из нас не видел, как у заливающегося слезами ребенка вдруг — при неожиданно появившемся луче радости — личико просветлевает и дитя улыбается сквозь слезы.

Как напоминают эти слезы теплый дождь при солнце! Внезапно набежала тучка, вдруг потемнело небо, неожиданно пошел дождь, но вот тает облачко, пробивается солнечный свет, и хотя дождь еще идет, но он уже отеплен и согрет этим светом.

[3] Хотя Дарвин приводит наблюдение истечения слез у низших обезьян.

Как известно, у ребенка слезы и звук плача появляются и исчезают единовременно, и сила плача обычно соответствует обилию проливаемых слез и широте разверзания ротового отверстия.

Но по вырастании дитяти мы замечаем, как его крик становится все меньше, рот уже не раскрывается так широко, как у новорожденного, и слезы становятся менее обильны.

Интересно внешнее оформление этого сдержанного плача. Вышеприведенный казус с Руди (при чтении) дал мне возможность наблюдать своеобразную мимику: вслед за недовольным надуванием губ (которым мальчик встретил мое неожиданное для него предложение прочитать больше обыкновенного) он плотно сомкнул рот, совершенно вывернул кнаружи нижнюю губу, прижал ею верхнюю губу, как только услышал, что я непреклонно настаиваю на своем.

И здесь уместно остановиться несколько подробнее на этой своеобразной форме губ. У своего 3-месячного малютки я не раз замечала, как, прежде чем расплакаться, он поднимает верхнюю губу и отвертывает край нижней губы (Табл. B.58, рис. 1).

Плач, вызванный болью, так же неизменно начинается у дитяти с отворачивания нижней губы (Табл. B.56, рис. 3). Точно так же мое приближение к выходной двери — признак моего ухода — побуждало Руди сначала заворачивать нижнюю губку, с тем чтобы потом, после моего ухода, разразиться плачем.

Как известно, Дарвин подробно описал[4] и проиллюстрировал это выражение; в интереснейшей книге Prof. Dr. H. Krukenberg'a[5] дана замечательная мимика депрессивного возбуждения душевнобольной (стр. 175, рис. 50), где поражает величина отвернутой нижней губы.

Аналогичное, хотя более слабое, выпячивание нижней губы ясно выражено и у нашего шимпанзе, находящегося в состоянии психической депрессии (Табл. B.19, рис. 3—6).

Мне редко приходилось наблюдать отвертывание губ у взрослых людей, но я живо вспоминаю случай из своей школьной жизни, когда одна моя подруга (уже 15—16-летняя девочка) имела привычку неизменно отвертывать кнаружи нижнюю губу всякий раз, как испытывала небольшое неожиданное огорчение.

Как известно, в процессе оформления мимики плача нижняя губа. участвует больше, нежели верхняя (ведь начальные стадии плача зачастую и характеризуются дерганием нижней челюсти, «растрепанным»[6] положением губ, учащенным дрожанием нижней губы, особенно заметным у младенцев); когда же плач имеется в потенции, но не наступает (потому ли что недостаточно сильно огорчение, потому ли что он сознательно задерживается), активность нижней губы как раз и выявляется в ее вывертывании наружу, в ее полном прижимании к верхней губе, смыкающем рот и челюсти и препятствующем расплыванию губ, предваряющему наступление настоящего плача.

Затем в онтогенезе человека наступает такой период, когда человек плачет со слезами, не крича, не искажая лица, не издавая каких бы то ни было звуков, и наконец в высших стадиях проявления, при тяжелых внутренних потрясениях, человек бывает неспособен отреагировать скорбь вовне ни плачем, ни мимикой, ни слезами, он как бы замуровывает свое горе в себе, страдает, плачет незримо, истекая внутренними слезами.

Врачи хорошо знают эту опасную форму направленной в себя реакции страдания и всячески стараются ее растормозить, потому что знают по опыту, как крик и слезы дают разряд тягостной эмоции страдания.

Всем известно, как опытные акушерки, присутствующие при родах, советуют роженицам кричать как можно больше, чтобы криком облегчить свои страдания.

Таким образом, если мы будем рассматривать формы выявления печали в филетическом аспекте и дополнять наши наблюдения данными онтогенеза, мы естественно приходим к выводу, что первичное проявление страдания — это крик, ибо шимпанзе имеет *только* крик, так же как и новорожденный ребенок; вторичная -стадия выявления страдания — крик и слезы, причем крик превалирует над слезами (как то имеет место у детей после 4 месяцев и до отроческих лет).

[4] В своей книге «О выражении ощущений у человека и животных».
[5] «Der Gesichtsausdruck des Menschen», Ferdinand Enke in Stuttgart, 1923.
[6] Неслучайно на образном народном языке термин «заплакал» переводится термином: «растрепал губы».

Третья стадия — слезы и крик, при этом слезы превалируют над криком (крик приглушен) — форма выявления, свойственная юношескому периоду.

Четвертая стадия — слезы без крика — наблюдается у зрелых людей до старости.

Пятая стадия — внутренний плач без слез.

От истинного человека мы ждем осуществления логического (циклического) завершения высших форм реакции на горе — психического освобождения от страдания, философски-мудрого, стоического приятия последнего, выражающегося в углубленном понимании, идейном и моральном оправдании смысла страдания.

В соответствии с этой внутренней установкой духовноразвитого человека должны исчезнуть и все внешние формы выявления горестных переживаний — не только крик, плач, но даже внешние, реальные и внутренние, незримые слезы.

Как то уже было отмечено в главе о звуках, максимальный крик плачущего ребенка во много раз уступает по интенсивности плачу шимпанзе; точно так же не столь значительна у ребенка и жестикуляция, сопровождающая плач. Но у ребенка мы находим порой жесты, несвойственные шимпанзе: так например в связи с отделением слез и желанием дитяти человека обсушить свое лицо от их раздражающего кожу действия, мы замечаем у плачущего дитяти прижимание рук к лицу, трущие движения зажатой в кулачок ручки, размазывающей слезы (Табл. В.56, рис. 4).

Я никогда не видела у сильно плачущих детей выразительного раскидывания и заламывания рук кверху, как то многократно приходилось наблюдать у шимпанзе (Табл. В.16, Табл. В.17), но например манера шимпанзе в приступах отчаяния накладывать руки на голову, колотить себя руками по телу (Табл. В.18, рис. 1—3) свойственна особенно взбалмошным детям, и мне приходилось даже слышать о том, как одна распущенная девочка при невыполнении ее настойчивых желаний с плачем бросалась на пол лицом вниз и билась ногами. Как известно, даже грудной младенец, заходясь плачем, зачастую «сучит» ножками, — т. е. производит судорожные движения прижимания и отталкивания ног от туловища. Аналогичное припадание телом к полу при соответствующих же обстоятельствах я наблюдала и у своего шимпанзе.

Очень опытный наблюдатель, служащий Московского зоопарка[7] , передавал мне, что бывшая в его ведении молодая самка шимпанзе также имела обыкновение в случаях сильного огорчения бросаться на пол и в неистовстве колотить вокруг себя руками и ногами.

Я сама однажды видела, как одно дитя (4—5 лет), оставленное на улице матерью, отъезжавшей в трамвае, стало колотить себя руками по голове, отчаянно плача, а один достоверный свидетель наблюдал ужасающий, трагический случай, как мужчина, попавший под трамвай, придавленный переехавшими его посредине туловища колесами, производил судорожные схватывания руками за голову. Не могу не упомянуть, что мне приходится быть ежедневной, незримой, немой наблюдательницей рельефного выявления человеческой скорби.

Окно кабинета, в котором я пишу эту свою работу, помещается как раз против здания морга, и не раз раздирающие душу крики близких лиц, сопровождающих вывозимые гроба с покойниками (с внезапно, случайно трагически погибшими людьми), заставляют меня прерывать писание и взглянуть в окно. И не раз я вижу, как скорбные, чаще всего женские фигуры (матерей, жен, сестер), сгибающиеся чуть не до земли, падающие под колеса траурной колесницы, производят руками судорожные цепляющие воздух, содрогающие сердце жесты — жесты безнадежного отчаяния.

Человек, привыкший обычно считать свои руки верными помощниками в преодолении всяких трудностей и препятствий, встающих на его жизненном пути, и в моменты безысходного горя нередко прибегает к бесцельной, но выразительной жестикуляции рук, как бы разряжая и в ней свое тяжелое внутреннее психическое состояние, как бы облегчая этим свои страдания. Аналогичные движения рук производит и шимпанзе, впавший в состояние отчаяния, и нельзя не подметить, насколько жестикуляция шимпанзе близка к таковой же человека. Но ведь наш шимпанзе был только дитя, а если считать, что в наивном, непосредственном, свободном от условностей и ничем не сдерживаемом проявлении поведения животного, как и

[7] М. А. Величковский.

ребенка человека, степень выразительности телесных проявлений в мимике, жестах, звуках соответствует силе внутренних переживаний, мы можем заключить, вспоминая искажение лица, громовость издаваемых звуков, экспрессивность жестов отчаявшегося шимпанзе, насколько было стихийно и более сильно переживаемое им чувство отчаяния по сравнению с таковым же ребенка человека.

Обращаясь к условиям возникновения эмоции печали, мы должны сказать, что в общем они одинаковы для ребенка человека, как и для дитяти шимпанзе: всякое несвоевременное и несовершенное удовлетворение их физиологических и психических потребностей легко и быстро повергает их в печаль.

Следует подчеркнуть в связи с этим только одно характерное отличие: в то время как ребенок человека зачастую плачет от физической боли, падая, зашибаясь, ущемляясь, мне никогда не приходилось наблюдать, чтобы дитя шимпанзе когда-либо плакало от ушиба или от боли. Точно так же у проф. Yerkes'a в его книге «The great Apes»[8] приводится случай, когда малыш-шимпанзе, свалившийся на землю с высочайшего дерева, тем не менее не заплакал и через несколько минут как ни в чем не бывало продолжал свой путь.

С другой стороны, как то было упомянуто, выражение неудовольствия по отношению к Иони в форме словесного порицания или отмахивания рукой от обезьянчика (зачастую имевшего место при моих экспериментальных занятиях с шимпанзе) неминуемо, немедленно вызывало самое большое огорчение шимпанзе, сопровождавшееся плачем (конечно шимпанзе огорчал не самый акт невыполнения задания, но лишь утрата добрых отношений со своей воспитательницей). Аналогичное порицание никогда не воспримется человеческим ребенком так нервически чутко и печально-волнующе.

При наблюдении своего ребенка (в возрасте 8—9 месяцев) я не раз замечала, что когда он невольно ударяет себя взятой в руку игрушкой или падает на пол, он разражается криком не сразу после ушиба, а лишь после нескольких секунд молчания, — явно нужен известный период времени для того, чтобы боль почувствовалась, дошла до сознания; этот период между моментом ушиба (восприятием раздражения) и реакцией на ушиб плачем, правда, весьма кратковременен[9] , но он все же определенно существует.

Не менее характерным является то, что плач человеческого ребенка (как и плач шимпанзе) можно прекратить тотчас же, переведя внимание дитяти в идейное русло: стоит показать даже 8—9-месячному, а тем более 1 —2-годовалому малышу какой-либо новый, интригующий его предмет, — и он мгновенно замолкает. Как раз эта психологическая черточка используется и при уговорах плачущего ребенка, в частности при обращении нянек к специальным «болеутоляющим» стишкам, зачастую оказывающим в обиходе детской свое благотворное влияние. Раньше в наших русских семьях особенной популярностью пользовалась такая «приговорка»: «у кисюри боли, у мышатки боли, у собачки боли, у.. (имя дитяти) заживи, жирочком заплыви» — так говаривала нянюшка, дуя на ушибленное место дитяти. Словесное воспроизведение образов животных естественно тотчас же отвлекало внимание ребенка от боли, и он переставал плакать. В нашем обиходе вынос крошечного Руди (в возрасте 8 месяцев и до года) в смежное помещение Дарвиновского музея неизменно содействовал прекращению даже самого сильного и неутешного доселе плача малютки.

Нами своевременно были отмечены злоба и плач шимпанзе, вызванные его неудовлетворенным любопытством, неудачным, недостигающим цели подражанием, например при отмыкании им замка, запирающего выход из клетки (см. «3. Любопытство (устремление к новым стимулам) .», стр. 228 [175], стр. 236[181]), но у маленького человечка мы находим виды психических огорчений, совершенно несвойственные его косматому сверстнику, — это не только плач от физической боли, но плач из сочувствия близким и дорогим ему лицам, плач из сострадания к «малым мира сего», плач из самолюбия и при идейном огорчении, в случае безуспешности выполнения своих теоретических замыслов, не имеющих ни малейшего отношения к утилитарным, практическим жизненным целям.

Когда моему мальчику было всего 9 месяцев, бабушка, рассказывая ему о маленькой девочке, стала тоненьким голосом имитировать ее плач, — и наш малыш чуть не расплакался.

Когда Руди было всего 11 месяцев, однажды я, показывая сильно выступающую косточку у основания своего большого пальца, спросила окружающих, отчего это? Кто-то из домашних сказал: «это вывих», и мне стали тянуть палец, чтобы выправить его; я тягуче воскликнула: «ой, не надо, я боюсь!» В ту же минуту мальчик собрался заплакать, уже нахмурил бровки и застонал; едва я засмеялась, и он тотчас же утешился.

[8] New Haven. Yale University Press. 1929.
[9] Не более 2—3 сек.

Подобно Иони Руди, видя мой мнимый плач, подходит и прижимается ко мне тельцем (в возрасте 1 г. 7 м. 8 д.); когда бабушка вслух жалуется на боль, он подходит к ней, обнимает ей колени (в возрасте 1 г. 8 м. 16 д.).

Но человеческое дитя сочувствует более глубоко, чем шимпанзе; я никогда не замечала, чтобы даже при моем демонстративном плаче Иони определенно заплакал сам, в то время как Руди порой горько плачет из сострадания не только ко мне, но и к менее близким лицам; так например он заливается слезами (в возрасте 1 г. 8 м. 16 д., 1 г. 10 м. 20 д.), когда видит, что у любимого дяди повязка на глазу (намазанный мазью глаз), когда слышит, как говорят, что у дяди глаз болит или что у него нарывы на пальцах, когда наблюдает, как няня морщится, выпивая горькое лекарство.

А как трогательно и нежно сочувствует дитя злоключениям своих любимцев животных (и не только реальных живых или игрушечных, но изображаемых, лишь упоминаемых в книгах)! Как жалеет Руди даже относительно нейтральных для него существ, например насекомых — мух и жучков, попавших в беду (подробнее об этом см. в главе «Нежные чувства» («Инстинкт общения (социальный инстинкт)»)).

Когда Руди было около 2 лет, однажды он услышал, как говорили, что большая собака искусала маленькую собаку. И вот вдруг он увидел, как на улице большая собака подбежала к маленькой. Он тотчас же покраснел и готов был расплакаться, если бы я его не успокоила и не отогнала большую собаку; в другой раз, когда на его глазах (в возрасте 3 лет) собаке оторвало трамваем ногу, он плакал так сильно, что его с трудом можно было утешить. Всякий раз, как Руди слышал при чтении книг о страданиях какого-либо зверька, он делал грустное лицо. Когда ему однажды показали и рассказали картинку, где было изображено, что волки грызут овечку, — он вдруг горько расплакался. Руди плакал, видя мух, налипших на мухоморники, и настойчиво и страстно старался их освободить оттуда. Чувство сострадания по-видимому бывало так тягостно самому дитяти и давало такие неприятные переживания, что порой (там, где эти страдания были не реальные, а воображаемые) он инстинктивно уклонялся от них, как бы оберегая свое юное сердце от печали. Например зачастую Руди не желал дослушивать до конца чтение рассказов с печальным концом и либо просил прекращения чтения с того места, где начинались злоключения, либо заранее эклективно выбирал содержание, наказывая например так: «Мама, расскажи про маленькую мушку и про большую мушку, а про шмеля не рассказывай — он нехороший, кусает».

Однажды я рассказала Руди эпизод, как девочка в отсутствии матери играла спичками и сгорела; в следующий раз мальчик сам попросил меня: «Мама, расскажи про девочку, а про спички не рассказывай». В другом случае, всякий раз, как он слушал мой рассказ о злоключениях маленького заблудившегося в лесу волчонка, в самом патетическом месте рассказа (где говорилось, что волчонок озяб, хотел кушать что ему было страшно ночью в лесу одному без мамы, что он встретил медведя), Руди неизменно похныкивал. Нередко перед началом рассказывания он просил меня: «Мама, расскажи про волчушку (волка), а про мишука (нападающего на волка) — не рассказывай». «Почему же?» — спрашивала я. «Жалко волчушку», — отвечал мальчик (3 г. 0 м. 14 д.).

Дитя инстинктивно, верным судом своего чистого, нетронутого сердца чувствует недопустимость зла, горячо огорчается несправедливостью и сочувствует обиженным, угнетенным, страдающим существам. Уже у маленького Руди (в возрасте 1 г. 8 м. 23 д.) мне удавалось подметить *печальный вздох* при чисто идейном огорчении, например при неумении выразить словами свое желание или словесно ответить на вопрос взрослого. Нередко, когда я спрашивала его, как называется тот или другой предмет, он, не умея или не зная что сказать, вместо ответа производил глубокий вздох. У Иони я не замечала вздоха печали, но как его замещение при небольшом волнующем огорчении (как то было упомянуто в Глава 10, *Природные звуки шимпанзе*) Иони издавал одиночный выдох со стонущим протяжным звуком «у».

Дитя часто плачет, не преуспевая в выполнении самостоятельно задуманных творческих актов, не имеющих отношения к утилитарной цели. Так например в возрасте 2—3 лет, не умея поставить как надо игрушку, видя падение строящегося им домика, Руди разражается горьким плачем.

В другой раз мне удалось однажды застать моего Руди (в возрасте 3—4 лет) когда он, действуя молотком, старательно пытался прибить гвоздем к палке флажок из материи. Но так как острый кончик гвоздика был несколько надломлен (чего малыш не замечал), гвоздь решительно не вбивался несмотря на многократные повторные приемы малютки его вбить. И вот я услышала, как Руди, всхлипывая сдержанными слезами, не переставая забивать гвоздь, произносил стоя с гвоздем в руках следующие слова: «Да что ж это такое? да что ж это такое? Опять выпал! (про гвоздь). Да что ж это за безобразие?..» (слезы, всхлипывание и перерыв в забивании). «Ведь это прямо безобразие!» — плаксиво восклицал он, опять начиная забивать, но

так же неудачно. Тогда с еще большим страданием в голосе он восклицал: «Ведь это невозможно терпеть! (плач). Это прямо невозможно терпеть!» (рев и новые попытки забивания).

В третьем случае Руди (уже в возрасте 7 лет) старался сделать из найденных им неправильной формы костей так называемого «ископаемого человека» (Табл. В.57, рис. 3). Так как эту конструкцию нелегко было осуществить и она все распадалась, ибо все кости, едва восстанавливались в вертикальное положение и готовы были принять подобие человека, в силу малой устойчивости легко рассыпались по сторонам от каждого дуновения ветра, — то мальчик встречал каждое такое разрушение самыми жалобными гримасами и слезами (Табл. В.57, рис. 4).

Дитя нередко плачет, огорчаясь из самолюбия. Например однажды мой мальчик (в возрасте 2 г. 7 м. 23 д.) сам вызвался наизусть рассказать нам текст прозой: «Слон Вамбо», но, сказав несколько строк, вдруг запнулся, забыв текст, и, не зная, что сказать дальше, громко разревелся.

Таким образом из этого беглого анализа следует, что повидимому плач дитяти шимпанзе чаще связан с физиологическими и инстинктивными неприятными переживаниями, в то время как плач ребенка того же возраста обусловлен не только физическими, но и моральными идейными причинами.

Эмоция радости

Обращаемся к сравнительному сопоставлению мимики смеха. И здесь на фоне общего сходства лица ребенка человека и лица дитяти шимпанзе мы наблюдаем легко уловимые черты различия.

При максимальном смехе, вызванном щекоткой, ребенок, так же как и шимпанзе, сильно раскрывает рот (Табл. В.53, рис. 6), оттягивая губы в стороны, но в то же время он, зачастую, широко обнажает зубы верхней и нижней челюстей, чего у шимпанзе обычно мы не наблюдаем (Табл. В.59, рис. 4).

Как то показывают снимки, прилагаемые нами (Табл. В.53, рис. 5), у шимпанзе обычно даже при максимальном смехе либо видны только верхушки клыков, либо вершины нижних зубов (Табл. В.59, рис. 5), и только если шимпанзе находится в задорном настроении и заснят несколько снизу (как то показано на Табл. В.13, рис. 3, 4), мы видим у него почти все обнаженные зубы.

Другое отличие относится к глазам: даже улыбка ребенка человека, а тем более широкий смех неизменно сопровождаются сильным равномерным сужением глаз малютки (Табл. В.53, рис. 6, Табл. В.59, рис. 6); иногда при максимальном смехе замечается даже почти полное смыкание век (Табл. В.59, рис. 3, 4); у веселого шимпанзе мы имеем два случая: либо широкое раскрывание глаз, либо легкое сужение наружных их углов (Табл. В.12, рис. 5, Табл. В.53, рис. 5; Табл. В.12, рис. 4, 6, 7).

У смеющегося ребенка замечается чрезвычайно сильное углубление борозды, идущей от крыльев носа к подбородку, почему область кнаружи от нее — именно щеки — выпукляется особенно рельефно, а область кнутри от нее — именно ареал растянутых губ — является сильно вдавленным, и подбородочный выступ резко выдается вперед (Табл. В.53, рис. 6; Табл. В.59, рис. 3, 4, 6).

У смеющегося шимпанзе мы видим обратные соотношения: сфера губ чрезвычайно выпукляется, а щеки оказываются глубоко вдавленными и почти сплошь прорезанными круговыми околоротовыми морщинами (Табл. В.53, рис. 5, Табл. В.59, рис. 5).

У смеющегося ребенка человека, как и у шимпанзе, мы часто замечаем блеск глаз и две тоненькие морщинки — так называемые «гусиные лапки» в уголках глаз (Табл. В.12, рис. 2, 6).

У смеющегося шимпанзе обычно язык оттянут кнутри, к глотке; у человеческого дитяти язык зачастую приближается к зубам и даже несколько высовывается изо рта (ср. в Табл. В.53, рис. 5 и 6 и Табл. В.12, рис. 5 и 6, и Табл. В.60, рис. 2).

Как уже было отмечено, смех шимпанзе совершенно беззвучен, только в случае щекотки он сопровождается учащенным дыханием; как известно, соответствующего возраста ребенок человека хохочет звучно, как и взрослый человек. Правда, этот звучный смех появляется у ребенка с 4-месячного возраста, а до этого времени мы наблюдаем у радостно настроенного ребенка ряд звуковых стадий, предваряющих настоящий смех, а еще раньше, в первые недели его жизни, совершенно беззвучную стадию смеха.

В протоколах наблюдения над моим мальчиком можно проследить все тончайшие нюансы развития способности смеха; приведу из них хотя бы некоторые, совпадающие с главными этапами ее развития.

У 2-недельного ребенка мы замечаем после насыщения истончение губ и оттягивание их уголков несколько кверху, при полном отсутствии звуков.

У 2½-недельного при тех же обстоятельствах мы наблюдаем сужение глаз, появление широкой улыбки и звонкого звука «а», сопровождаемого зажмуриванием глаз.

У 3-, 6-, 8-недельного младенца, находящегося в хорошем настроении, после еды, барахтающего ножками, «гулящего», мы замечаем с каждым днем увеличение многообразия издаваемых звуков: появляются гортанные (гмыкающие, хмыкающие) и горловые звуки, нередко слышится повторное звучное «а-а», «у», «гу», «аги», «гли», «р-эг», «гх», «гм», «гы», «гл», «бл», «хм», «гха»[10]. Этими звуками, сочетающимися с появлением у дитяти широкой или узкой улыбки, он встречает все свои первые радости жизни: чаще всего — появление кормящей его грудью матери и всех предметов, ассоциируемых с актом сосания, при виде блестящих и движущихся попадающих в поле зрения предметов, при купании, при слышании развлекающих его звуков.

У моего 6-недельного мальчика мне удалось подметить и подготовку к настоящему смеху, выражающуюся в том, что он издавал протяжный радостный звук при вдыхании вэздуха внутрь себя и выдыхании его наружу, вслед за чем он поочередно то издавал звучный, певучий, радостный звук, то втягивал в себя воздух.

И только у моего 4-месячного малыша я зарегистрировала появление настоящего смеха. Характерно, этот смех появился в подражание мне: я чему-то громко рассмеялась, и Руди тотчас же издал подобие смеха, вернее воспроизвел отрывистый повторный кашляющий придыхательный звук, заканчивающийся раскатисто-певучим тоном.

Позднее у ребенка (4 м. 21 д.) к этому уже установившемуся звуку стал присоединяться еще взвизгивающий, гикающий звук, сопровождаемый вздергиванием ножек и ручек.

Учащенное дыхание, зачастую сопровождавшее радостное настроение Ионии[11] (и неизменно издаваемое им в моменты его щекотки), я также нередко слышала и у моего малютки в том случае, когда он (будучи в возрасте 3½ недель) после насыщения, развалившись на спинке, барахтался в воздухе ручками и ножками.

Я не склонна считать этот придыхательный звук специфично связанным с эмоцией радости, но скорее с наличием оттенка волнения, так как 3-месячный Руди издавал такое же учащенное дыхание иногда перед плачем, при неожиданных резких температурных ощущениях (например при обтирании его личика прохладной водой, при дуновении на него холодной струи воздуха), а в более раннем возрасте (1 месяц) — при ловле губами кормящей его груди, при внезапном выпадении из его рта соски-пустышки.

По сравнению с Иони мой Руди был более чуток к щекотке. Иони обычно щекотало только прикосновение к подмышечным впадинам, к пахам, к горлу и бокам туловища; прикосновение к грубой коже подошвы его ног, к груди не было для него щекотным. Для Руди даже дотрагивание к коже под кончиком уха (4 м. 24 д.), а тем более к грудке, к животику (6 м. 5 д.) тотчас же вызывало вздрагивание телом и смех; особенно чувствительны к прикосновению были подошва ноги и низ живота ребенка, до которых буквально нельзя было дотронуться даже во время его купанья (1 г. 4 м. 27 д.), так как мальчик готов был выпрыгнуть из ванны, не будучи в состоянии переносить щекотливое чувство, хохоча при малейшем прикосновении к этим частям тела.

Характерно, что при щекотке Руди, как и Иони, имел тенденцию пожиматься тельцем и схватываться рукой за то место, у которого щекотали (Табл. В.60, рис. 3, 4).

У 4-летнего ребенка, как и у шимпанзе, легко проследить все мимические стадии выражения радости от узкой улыбки с полузакрытым ртом (Табл. В.59, рис. 1) к широкой улыбке с полураскрытым ртом (Табл. В.59, рис. 2, 3, 6) и к смеху с максимально раскрытым ртом (Табл. В.59, рис. 4; Табл. В.53, рис. 6), но по моим иллюстративным данным, заснятым с Руди, я усматриваю, что чем моложе младенец, тем менее

[10] Далеко не случайно в этих возгласах большое наличие гортанных звуков «г», «к» «х», — все эти звуки позднее, по вырастании младенца войдут в качестве составных элементов в его оформленный звучный смех-хохот.
[11] См. примеры на стр. 246 [188], а также учащение дыхания у шимпанзе при избежании им ожидаемого наказания, при радостной встрече и прижимании к любимым людям после их длительного отсутствия.

улыбчива узкая его улыбка: в то время как у 9-месячного и годовалого улыбающегося ребенка мы наблюдаем лишь оттягивание истонченных губ в бока и ровное оформление ротовой щели (Табл. B.58, рис. 2, 4, 6), у 4—5—6-летнего ребенка мы видим при улыбке большее загибание уголков рта кверху, обусловливающее полусферический разрез рта (Табл. B.59, рис. 1, 2) как и у шимпанзе, находящегося в хорошем настроении (Табл. B.12, рис. 1—5).

Позднее, в зрелом возрасте человека, мы порой опять находим улыбку, зажатую в уголках рта, при нарочито сдержанном смехе[12] , или у мало эмоциональных по натуре, у сдержанных по воспитанию людей. Но это уже явление вторичное, чтобы не сказать искусственное.

Как уже было отмечено, радостное настроение у шимпанзе сопровождается мимикой смеха, оживленными беспорядочными жестами руками (Табл. B.60, рис. 5), топанием ногами, безудержными прыганием, скаканием, беганием с места на место, метанием по комнате, воспроизведением шума и гама всеми возможными, доступными способами (аналогичное у ребенка).

Как уже было упомянуто, крошечный еще 2-недельный ребенок, находясь в хорошем настроении, лежа на спине, обычно барахтает в воздухе руками и ногами, широко улыбается, трясет головкой, издает гулливые звуки («гулит», как говорят нянюшки), пожимается тельцем, дергает плечиком. По мере вырастания дитяти увеличиваются сила, многообразие и смелость этих радостных телодвижений и звуков.

Обычно дитя шимпанзе, радостно разыгравшись, воспроизводит шум и гвалт исключительно посредством посторонних звуков, в то время как человеческое дитя к этим последним звукам присоединяет еще звуки своего собственного голоса, изощряясь в визге, писке, крике, свисте, гикании, не довольствуясь еще и этим, берет себе вподмогу для повышения звукового эффекта различные звучащие инструменты (как например барабаны, цимбалы, гусли, свистки, трубы, гармоники и другие).

Я многократно замечала уже у своего подросшего 5—6-летнего мальчика, как он при неожиданной радости издавал необычайной силы оглушающие взвизгивающие и гикающие звуки.

Интересным является тот факт, что 8—10-месячный ребенок, радуясь, нередко машет в воздухе обеими руками, или ударяет ручкой по предметам или воспроизводит из подражания жест хлопанья в ладоши (Табл. B.58, рис. 4) и часто и охотно произвольно применяет этот жест при выражении радостных чувств, причем, характерно, дитя хлопает, широко растопырив пальчики рук. Мной зафиксировано в протоколе и в снимке, как мой годовалый малыш захлопал в ладоши, после того как ему удалось с большим трудом поставить из лежачего положения в стоячее деревянную фигурку оленя, при этом его личико озарилось улыбкой и глазки щелевидно сощурились (Табл. B.112, рис. 3). Беспорядочные, некоординированные жесты руками, ногами и телом, наблюдающиеся у играющего, веселящегося дитяти (Табл. B.60, рис. 6) сохраняются чуть ли не до юношеских лет. Как уже было своевременно отмечено, дитя шимпанзе, находясь в приступе буйной радости, также имеет тенденцию многократно повторно хлопать распластанной ладонью руки по окружающим его предметам, ударяя тем настойчивее и энергичнее, чем более звучно резонирует принимающий его удар предмет. Хлопание в ладоши отмечено проф. Köhler'ом и у взрослых веселящихся, танцующих шимпанзе.

Как известно, подрастающее дитя со временем — после года — утрачивает эту детскую манеру хлопания ручкой по предметам, как и похлопывания в ладоши, но у взрослых этот жест как атавистическая привычка опять появляется и порой главенствует на фоне других оттеняющих радостные переживания телодвижений.

Все мы знаем, как распространены повсеместно на всякого рода спектаклях рукоплескания как выражение одобрения, приятного возбуждения зрителя, как часто всплески рук непосредственных, эмоциональных людей оттеняют особенно захватывающие моменты сценического выполнения.

Мне самой приходилось быть свидетельницей, как в одном провинциальном театре эффектный финал одного действия вызвал не только бурные, в течение 5 минут несмолкавшие аплодисменты, но еще и ритмичное притаптывание ногами[13] .

[12] Эту сдержанную улыбку мастерски передает Леонардо да Винчи в портрете «Мона-Лиза» (Джоконда).
[13] Как известно, в лучших столичных театрах (например в прежнем Художественном) аплодисменты не допускались в соответствии с более возвышенной логической и психологической установкой на то, что истинно радостно-прекрасные переживания как и все глубокие переживания души, должны быть отражены вовнутрь, оставаясь внешне безмолвными и незримыми.

Всем нам также слишком хорошо известно, как старинные восточные, в частности русские пляски[14] как непременный атрибут включают учащенное, дробное притопывание ногами и хлопание в ладоши.

Таким образом радость человека, как и шимпанзе, всегда многозвучна, но человек выявляет радость звуками собственного голоса более, чем это делает шимпанзе.

Радость человеческого ребенка, как и дитяти шимпанзе, зачастую обусловливается легко учитываемыми стимулами физиологического и эмоционального порядка, и у шимпанзе повидимому мы и не можем обнаружить иных идейных, вернее — интеллектуальных, стимулов, вызывающих смех. У человека очень рано в онтогенезе мы наблюдаем появление чувства комического в ответ на неожиданные, необычные иррациональные стимулы, появляющиеся вопреки стимулам привычным, ожидаемым, нормативным. Так например мой 4-месячный Руди обычно слышал от меня при вечернем его укладывании определенную звукоподражательную болтовню, имитирующую звуки разных животных, но когда вопреки обыкновению я вставила новое («как ружье стреляет») и воспроизвела «пиф-паф», мальчик, хотя был уже полусонный, раскатисто рассмеялся. 6-месячный Руди неизменно звучно смеялся всякий раз, как я пряталась и неожиданно показывалась ему, закрывала и открывала глаза, удаляла от него и приближала к нему свое лицо. Однажды я заметила, как мой 10-месячный Руди, лежа на спинке, вопреки обыкновению стал смотреть не вперед (перед собой), а назад (за себя), и когда в поле его зрения попало лицо одного из домашних, он тотчас же рассмеялся, увидев знакомое лицо в извращенном, новом, необычном виде.

В другое время (когда мальчику было 1 г. 8 м. 15 д.), Руди внезапно расхохотался, увидев меня с расплющенным лицом, плотно прижатым к стеклу, позднее (в возрасте 2 г. 9 м. 4 д.), когда он увидел внезапное падение катающегося на лыжах мальчика.

Неожиданно для меня мой 3-летний малыш уловил комизм отношений более тонкого, идейного порядка. Однажды, засыпая, лежа в кроватке рядом со мной, он спросил меня: «Мама, что такое соседка?» Я ответила: «Вот я лежу рядом с тобой — я твоя соседка, ты — мой сосед; зайка (игрушечный) лежит рядом с тобой, он — твой сосед». При этих словах мальчик расхохотался на всю комнату; через несколько секунд, прерывая смех, умолкая, он говорил: «Ой смех!» и опять принимался хохотать. Видимо это неожиданное присвоение крохотному игрушечному зайчику совершенно нового серьезного названия «сосед» вызвало у ребенка комическое чувство, возникшее в результате усмотрения несоответствия между определением и определяемым объектом.

Таким образом сравнительно-психологическое сопоставление трех основных эмоций у шимпанзе и у человека — эмоций волнения, радости и печали — указывает на следующие расхождения: у человеческого дитяти эмоция волнения по силе, экспрессивности и частоте ее выявления значительно уступает таковой шимпанзе; при анализе печальных переживаний мы замечаем у человеческого ребенка такие виды страданий, которые у шимпанзе совсем отсутствуют или лишь слабо выражены, — это страдание и плач от физической боли, плач из сочувствия и сострадания и зачастую идейный плач при неудачных творческих актах; при анализе радостных переживаний ребенка мы должны отметить у него наличие чувства комизма, неуловимого у шимпанзе.

Чуткая и бурная реакция человеческого дитяти на боль, отражающая его меньшую физическую выносливость по сравнению с шимпанзе, указывает и на его меньшую биологическую приспособленность к самостоятельной борьбе за жизнь.

Эта мысль многократно и еще более убедительно подтверждается при сравнительно-психологическом анализе серии инстинктивных действий дитяти человека и дитяти шимпанзе, действий, связанных с инстинктом самоподдержания — с актами питания, самообслуживания, ухода за собой и лечения себя.

---

[14] Так называемые «Русская», «Казачок» и др.

Глава 3. Сравнение инстинктов человека и шимпанзе

Инстинкт самоподдержания (лечение, самообслуживание, уход за собой, питание)

1. Лечение.

В противоположность шимпанзе дитя человека при заболевании очень неохотно, недоверчиво и неприязненно относится к лечебным манипуляциям и приемам лекарства; все мы знаем, сколько труда и терпения стоит лечить ребенка, сколько ухищрений, изворотливости приходится применять даже своим людям, чтобы дитя дало обследовать себя, показало больное место, рану, занозу, дало ее смазать лекарством. В то время как шимпанзе Иони сам энергично работает в болевом пункте, расковыривает до крови ранки, вынимает занозы, вздрагивает от боли и тем не менее не прекращает своих манипуляций, — дитя боится дотронуться до болезненного места, опасаясь причинить себе боль. Как панически боится дитя крови! Однажды мой малютка (в возрасте 2 г. 2 м. 21 д.) испачкал пальчик иодом, — он кричал что есть силы, боясь взглянуть на палец, думая, что идет кровь. «Боюсь!» — с плачем кричит он (при легком заболевании) во все время его осмотра доктором, и когда последний тем не менее продолжает его выслушивать, он неистово выкрикивает: «Неть, неть, неть,» отвращаясь от этой даже сравнительно безболезненной процедуры. «Балиста порошочек!» (боюсь порошочков), — этими словами встречает он (2 г. 4 м. 16 д.) предложение выпить лекарство. Иони совершенно спокойно принимал даже такое лекарство, как пахучую ипекакуану и др.

Да и другие манипуляции с дитятей, например вставление в нос ватных тампончиков («запускание гусариков»), промывание глазок, очищение носика, ушек, вызывают неизменно крик малютки; только применение воды — умывание водой личика, купание ручек, обмывание в ванне — видимо всегда приятно дитяти, так как малыш зачастую при этих процедурах улыбается и позволяет осуществлять их над собой совершенно беспрепятственно; самое ощущение теплой воды повидимому доставляет дитяти большое удовольствие.

Крошечное дитя (от 6 месяцев до года) очень охотно допускает, когда взрослые производят с ним разного рода манипуляции в форме гимнастических упражнений: он длительно лежит неподвижно, смотря внимательно перед собой, когда вытягивают в бока и притягивают к тельцу его ручки, ножки, когда поглаживают его по спинке, по животику, когда переваливают его с бочка на бочок; он очень охотно встает в сидячее и стоячее положение, будучи приподнятым за одни кисти рук.

Только что было отмечено, как чутко, болезненно, сострадательно реагирует дитя на боль близкого человека. Зато как охотно принимает оно на себя роль «мнимого» врача у терпеливого «пациента»! Как радостно ребенок (1 г. 0 м. 6 д.) смазывает иодом ранки своим домашним, как энтузиастично «запускает им в нос гусариков», дает с ложечки лекарство, детски веря в действительность лекарств.

Правда, если дитя имеет не слишком большие повреждения, если у него задерется ноготок, поцарапается ручка, ножка, оно (в возрасте от года и до 3 лет) подобно шимпанзе Иони по собственной инициативе обследует свои несовершенства пальцами и ногтями рук, прикладывается к ним губами, касается язычком (Табл. B.61, рис. 1; Табл. B.93, рис. 3, 4), но в противоположность обезьянчику при малейшем болевом ощущении оно тотчас же бросает эти манипуляции и в более позднем возрасте скорее склонно скрыть наличие занозы, нежели обнаружить ее и дать вынуть; тем более конечно оно неспособно (в отличие от шимпанзе Иони) само вынуть себе более глубокую занозу.

2. Уход за собой.

Зато дитя (1 г. 11 м. 30 д.) очень охотно занимается безболезненным самообследованием и ощупыванием промежутков пальцев ног (Табл. B.62, рис. 2), очищением своего носика (1 г. 7 м. 1 д.), причем характерно, что подобно Иони оно тащит в рот (вопреки настойчивым запрещениям взрослых) носовые корки (2 г. 7

м. 25 д.) и готово их съесть. Руди подобно Иони зачастую выковыривает ногтем из зубов остатки пищи и хочет подгрызать и отрастающие ногти, если его в этом не удерживают.

Подобно шимпанзе уже крошечный человечек стремится быть чистоплотным и даже в возрасте 11 месяцев, вымазав пальчики кашей, делает трущие движения, стремясь очиститься; в возрасте около 2—3 лет Руди вытирает запачканные пальцы о себя, вымазанные губы вытирает салфеткой, поднося ее ко рту буквально после каждой проглоченной ложки полужидкой пищи (например киселя); дитя неизменно отряхивает с себя даже прилипшие песчинки. Мой малыш еще в возрасте 10 месяцев избегает при ходьбе наступать на мокрые места, и когда нащупает ножкой лужу близ того места, где стоит, идя, сторонится мокроты, отводит, подгибает ножки, чтобы не попасть в нее, не желая наступать, когда его нарочно хотят спустить на мокрое место. Уже 9-месячное дитя нередко прикладывает к носику кулачок, когда чувствует стекание слизи. Позднее оно (1 г. 3 м. 8 д.) подобно Иони вытирает нос тыльной стороной руки, обсушивает его посредством прикладывания носового платка, и только значительно позднее (в возрасте около 2½ лет) осуществляет акт сморкания, причем комично смотреть, как, прежде чем поднести платок к носу, Руди расправляет платок во всю длину, встряхивает его и уже потом прикладывает к ноздрям, сморкаясь с усилием, весь сморщившись (Табл. B.62, рис. 5, 6).

К сожалению, позднее эта чистоплотность ребенка утрачивается, и после 3 (и особенно 5) лет Руди например выказывает полное пренебрежение к чистоте и решительно не считается с этим в своих играх, вымазывая не только руки, но и лицо самым ужасающим образом и не заботясь о приведении себя в соответствующий вид; во всяком случае он никогда не относится к своей внешности так настороженно, как Иони, который не терпел не только непорядка под носом, но даже и простого вымазывания лица, в то время как человеческому дитяти зачастую приходится напоминать о необходимости сморкания, о вытирании губ, вымазанных едой, и т. д. и т. п.

Жизненные навыки, относящиеся к самообслуживанию, выполняются дитятей шимпанзе по своей инициативе, легко и быстро; у дитяти человека они вырабатываются после кратковременного упражнения, но при отсутствии со стороны взрослых контроля в их выполнении сознательно опускаются. Это в особенности хорошо заметно при наблюдении ежедневного самостоятельно осуществляемого туалета ребенка.

Хотя уже 2-летний ребенок относительно хорошо научается чистить зубы щеткой, полуторагодовалый умеет причесывать волосы, 3-годовалый сам моет лицо, намыливает руки (Табл. B.62, рис. 1, 2) и вытирается полотенцем, но если вы не следите, как ребенок производит эти акты, он бежит к вам с полумокрыми руками и лицом, он забывает причесаться или чешет волосы кое-как, чтобы отделаться от этой нудной повинности; чуть не каждый день ребенку приходится напоминать о полоскании рта после еды, о чистке зубов на ночь. Кто наблюдал, как дитя производит эти акты, тот знает, как небрежно, поспешно и мало эффективно они воспроизводятся, особенно живыми и подвижными детьми; того же нельзя было сказать о шимпанзе Иони; несмотря на его громадную подвижность все процессы, связанные с его уходом за собой, он осуществлял необычайно серьезно, деловито и медлительно, хотя конечно и не так совершенно, как человеческое дитя.

Та же самая спешность распространяется у маленького человека и на процессы одевания, еды, питья и другие процедуры, связанные с жизненно-необходимыми актами дитяти.

3. Питание.

Подобно Иони уже крошечное дитя при проглатывании не спускает глаз с кормящей его «noernst», следит за каждым ее движением и разражается криком, едва она скрывается с глаз, не покормив его; подобно Иони и мой Руди одиозно и настороженно относился (в возрасте 1 г. 7 м.) ко всякой новой еде, отведывая твердую пищу небольшими кусочками, пробуя жидкую пищу путем погружения в нее пальца и обсасывания его (Табл. B.65, рис. 2), но конечно при этом испробовании пригодности пищи дитя никогда не прибегает к предварительному обнюхиванию пищи, что было так характерно для Иони.

По аналогии с Иони и мой Руди охотнее, лучше ест, когда еда сопровождается развлечением, и даже за моим 10-месячным младенцем я не раз замечала, как при процессе сосания из рожка он ищуще бродит ручкой по окружающим предметам и, когда нащупает какую-либо вещь, перекладывает ее из одной ручки в другую, оживляя себе процедуру еды. Позднее (в возрасте 1½ лет) мой мальчик всегда ел с особенным аппетитом и мало приятные вещи, если еда сопровождалась разговором, рассказыванием, чтением, когда

он ел не один, а в сообществе со сверстниками[1] , когда его кормили у окна, в которое он мог смотреть и попутно развлекаться. Будучи в возрасте 2½ лет, мой мальчик даже сам настойчиво требовал разговора или чтения во время его кормления. Конечно дитя далеко не так умело, как шимпанзе, могло справляться с самостоятельной обработкой еды (в форме снимания кожи, высвобождения и выбрасывания ядер из плодов и ягод), и хотя уже в возрасте около 2 лет Руди мог очистить кожу с картофеля, с мандарина, он делал это более медленно и неуклюже, чем шимпанзе, и ему приходилось подготовлять удобоваримую пищу, выбирать ядрышки, предостерегать его, чтобы он не проглотил их. Тем не менее мы знаем, как вопреки предупреждениям дети зачастую заглатывают их и порой кончают фатальным образом свою жизнь именно вследствие оплошности лиц, их кормящих и ухаживающих за ними.

Педиатры особенно хорошо знают, сколько волнения матерям, сколько хлопот врачам доставляют 2—3-летние дети, заглотнувшие по неосторожности не только косточки плодов и ягод, но и бусины, наперстки, пуговицы, яичную скорлупу и другие мелкие предметы домашнего обихода, которые попадают малышам в руки и неизменно увлекаются ими в рот.

Мой Руди в этом отношении не был исключением. Так, однажды (будучи в возрасте 11 месяцев), лежа на спинке, он играл маленькой гребеночкой; не успела я оглянуться, как вижу, что он производит ротиком судорожные движения; взглянув в его ротик, я увидела на языке малютки зубец от гребенки, который и поспешила схватить пальцами, но по обследовании гребенки оказалось, что недостает двух зубцов, из чего явствовало, что он заглотил второй зубец (который и удалось обнаружить через ½ суток в его испражнениях); второй раз он (1½ лет) незаметно для окружающих захватил в рот и проглотил большую толстую скляночку, что обнаружилось лишь post factum и по счастью прошло для него безнаказанно.

Здесь следует определенно подчеркнуть, что его маленький сотоварищ Иони был гораздо более опытен в этом отношении и мог часами Держать у себя во рту целую горсть гвоздей или делать между зубами распорки из булавок и склянок, и тем не менее он никогда не накалывался, не давился и не проглатывал их.

У каждого человеческого дитяти, как и у шимпанзе, есть избирательная излюбленная пища и пища, им отвергаемая, противная, отвратительная.

Съедая неприятную, например кислую, еду, дитя делает «кислую» гримасу, морщится. Так, однажды я дала Руди (6 м. 22 д.) ложечку клюквенного киселя, — он тотчас же зажмурил глазки, сжал носик, оттянул в стороны губки, затряс головкой и отпрянул назад.

Еще более рельефная реакция отвращения наблюдалась мной у Руди, когда ему (7 лет) дали ревенного порошка (Табл. B.54, рис. 4); он сморщил верхнюю часть лица, его рот получил 4-угольное оформление и сжатие в углах губ; появилось усиленное слюноотделение.

Совсем другое выражение лица бывало у мальчика, если он смаковал вкусную посахаренную пищу (Табл. B.55, рис. 2), — тогда он обычно жадно облизывал ложку, не желая оставить на ней ни одной капельки. Какое удовольствие выражала тогда его рожица! Губы были сомкнуты и улыбались, глаза прищуривались. Невкусная пища поедается дитятей с признаками неприятного чувства: наблюдаются нахмуривание бровей, надувание губ, опускание головы, глаз (Табл. B.55, рис. 1).

При наличии приятных вкусовых ощущений дитя шимпанзе усиленно издает чмокающе-кряхтящий звук; точно так же кряхтит при соответствующих обстоятельствах и дитя человека[2] .

Взрослые культурные люди стараются есть беззвучно, но у мало отшлифованных культурой людей нередко можно услышать чавканье, особенно при смаковании ими вкусной еды.

Всем хорошо известно, как многие дети вслед за взрослыми (или наоборот взрослые по примеру детей) обозначают чмокающим звуком «нца» сладости и лакомства.

Но чрезвычайно интересным является тот факт, что этот звук «нца» переносится даже взрослыми людьми в качестве эстетической квалификации прекрасных вещей. Мне не раз приходилось слышать в отделе на-

[1] а за отсутствием их — с игрушечными сотоварищами: мишуком, кошками (Табл. B.55, рис. 1, 2).

[2] У моего 3-летнего мальчика даже была тенденция при съедании особенно вкусных вещей издавать мычаще-ворчащие, направленные в себя звуки, и мне стоило некоторого труда отучить его от этой отнюдь неподражательной и явно атавистической привычки. Эти звуки напоминали мне ворчание воспитываемого мной сосунка-медвежонка, издававшего их всякий раз, как он упивался даваемым ему молоком; аналогичное ворчание обычно наблюдается и у собак, грызущих мясные кости.

шего музея, посвященном «красоте в природе», как группы экскурсантов из южных и восточных местностей (кавказцев, китайцев, узбеков), всякий раз как видели витрины с прекрасными экзотическими птицами (райскими птицами и колибри), хором издавали причмокивающие звуки «нца» как выражение своего восхищения, при этом их глаза блестели от удовольствия, губы улыбались, лицо сияло радостью. Если в ротик попала заведомо противная еда, человеческое дитя подобно шимпанзе Иони вываливает ее наружу изо рта. Однажды я дала 6-месячному Руди протертую морковь; первую ложку он проглотил сразу, но вдруг он стал потрясаться вправо и влево тельцем, сузив один глаз; когда я положила ему в рот вторую ложку моркови, — едва глотнув часть новой порции, он вывалил еду назад, на губки; перед дачей третьей ложки он сделал подобие рвотного движения. Отвергая взятую неприятную еду, зачастую Руди (1 г. 9 м. 18 д.) плевал.

Новая еда обычно проглатывается дитятей с гримасами; дитя кривит губы, вздергивает лицо, мотает головой. Приведу списанное с натуры красочное наблюдение над 7-месячным младенцем[3]. Дитяти дали полизать язычком арбуз. «Его личико передергивает судорога, ноздри расширяются, белеют, ротик кривится, плотно сжатые в уголках губы опускаются, брови нахмуриваются, сдвигаются и несколько приподнимаются кверху, глазки то закрываются, то открываются; дитя трясет головкой (справа налево), закашливается, потом выплевывает слюнки, плачет, отмахивается ручками от арбуза».

Первая проба кормления 9-месячного Руди картофельным пюре привела к тому, что, с гримасой проглотив 3—4 ложки, дитя дальше совсем не захотело открывать ротика и стало отвертывать головку и откидываться назад тельцем при моем настаивании на кормлении. Позднее то же пюре стало излюбленной пищей дитяти.

Шимпанзе менее рельефно и часто выражает свое отвращение к пище уже потому, что он заранее обнюхивает еду и просто не берет в рот неприятную ему пищу (например с примесью масла), отворачивается от нее. Отвращение у шимпанзе связано зачастую с обонятельными и осязательными ощущениями. Все мы знаем, с каким отвращением относятся зачастую и человеческие дети к пенкам, к запаху касторки, рыбьего жира, хотя у последних обонятельные стимулы вызывают менее демонстративное выражение отвращения, нежели вкусовые.

Обращаемся к указанию *предпочитаемой* пищи обоих малышей.

Человеческое дитя разделяет с обезьянчиком пристрастие к фруктам, к ягодам, к сладкому и даже к еде мела и угля. По собственной инициативе забираясь в печи, мой Руди (в возрасте 1 г. 9 м. 4 д.) нередко вытаскивал угли и длительно жевал и поедал их. Точно так же как и Иони, Руди (1 г. 8 м. 15 д.) жадно употреблял в пищу соль, клюквенный кисель, даже лимон, хотя нередко ел эти продукты с гримасами, морщась, вздрагивая всем телом, тем не менее очень настойчиво выпрашивая их у меня. Пожалуй у моего дитяти пристрастие к сладкому выражено было даже больше, чем у шимпанзе. Как настойчиво домогалось дитя сладостей, как радовалось, как восторженно махало ручками, получая их! Я не раз замечала даже, как, беря лакомство, Руди от удовольствия зажмуривал глаза, как он ел лакомый кусочек кряхтя, причмокивая так же, как шимпанзе, или издавая уже отмеченный ворчащий направленный в себя звук, напоминающий звук молодых медвежат, пьющих молоко.

Человеческое дитя, как и шимпанзе, порой горько плачет, когда ему отказывают дать желаемую просимую им, но почему-либо неподходящую для него сладкую пищу.

Всем известно, что для дитяти человека, как и для шимпанзе, молоко является основной пищей, причем мой Руди подобно Иони, привыкший к теплому молоку и каше (определенной температуры), категорически отвергал остуженную более холодную пищу и не желал ее есть.

Подобно Иони и Руди (уже в возрасте около года) при питье обычно пользуется чашкой, причем если сначала (в возрасте 1 г. 1 м. 9 д.) эту чашку держат другие, то через год (2 г. 1 м. 12 д.) он пьет, держа чашку самостоятельно двумя руками (Табл. В.64, рис. 1, 2), как то обычно делает и Иони (Табл. В.64, рис. 3, 4), а позднее (в возрасте 2 г. 3 м. 21 д.), держа чашку за ручку одной рукой (Табл. В.65, рис. 5), чего мой Иони не мог делать[4].

[3] Сделанное Юл. Аф. Поляковой.
[4] Иони хотя тоже мог пить из чашки или кружки, держа их в одной руке (Табл. В.21, рис. 2), но он обычно ухватывал за края посуды сверху и снизу, а при запрокидывании ее вынужден был поддерживать со дна (подробное описание см. на стр. 83 [81]; Табл. В.21, рис. 1).

Подобно Иони и Руди (в возрасте 2 г. 11 м. 3 д.) предоставленный самому себе, зачастую предпочитает, вместо того чтобы брать в руки чашку с молоком, спивать молоко, пригибаясь к чашке, забирая его в рот всасывающим движением губ.

У дитяти человека, как и у шимпанзе, только путем длительного упражнения вырабатывается навык пользования при еде ложкой; хотя сглатывание с ложки у ребенка осуществляется очень рано (чуть ли не с первых месяцев жизни), но зачерпывание ложкой у моего мальчика наступило лишь в возрасте 1 г. 5 м. 18 д., а совершенное употребление ложки, зачерпывание ею жидкой пищи и поднесение ее ко рту — лишь месяцев через пять (в возрасте 1 г. 10 м. 19 д.), но и тогда еще подобно Иони (где возможно[5] и когда никто не видит) дитя охотнее и чаще стремится пользоваться руками, нежели ложкой.

Конечно уже у моего 2—4 годовалого ребенка (Табл. В.65, рис. 1, 2) это пользование ложкой было более совершенно, чем у Иони, который, зачерпывая полужидкую пищу, нередко проливал ее, поднося ко рту, обливался и зачастую предпочитал обходиться без ложки, нагибаясь и припадая губами прямо к плоской посуде (Табл. В.21, рис. 5, 6).

Еще более трудные житейские навыки, как питье с блюдца посредством держания его двумя руками, наливание жидкости из чашки в блюдце, употребление вилки[6] (Табл. В.65, рис. 3, 4), ножа (Табл. В.65, рис. 6), к трем годам старательно усваивается дитятей. Руди например очень рано стремился отвергать человеческую помощь в процессе приобретения навыков и при употреблении вилки, ложки (в возрасте 2 г. 5 м.) горячо говорил: «один, один!», добиваясь самостоятельности оперирования; во избежание посторонней помощи дитя либо старается есть первобытным способом (руками), либо желает само овладеть орудием действия. «Ни дижи! ни дижи!» (не держи), — раздается всякий раз одергивающий крик Руди (2 г. 5 м. 18 д.), когда взрослые пытаются ему помогать держать блюдце или чашку. «Апочка сам!» — говорит Руди (2 г. 9 м. 2 д.), отвергая чужую помощь при пользовании им чашкой.

Шимпанзе, наоборот, всегда предпочитает первобытный способ еды, не желает учиться и овладевать искусственными приемами и нисколько не тяготится, когда человек помогает ему в процессе питания[7].

У Руди, как и у Иони, ни в одном жизненном акте не проступают так выпукло эгоистические чувства, как в акте питания.

Например, если Руди кушает лакомое печение (в возрасте 1 г. 3 м. 28 д.), а кто-либо из своих просит у него дать ему лакомство, он немедленно отвертывает лицо, повертывается спиной к просящему, как бы желая спрятать еду от других, уходит есть в другое место (1 г. 4 м. 9 д.) или прячет печение в коленочки (1 г. 4 м.). Если просьба настойчиво продолжается, дитя отделяет и дает просящему такие микроскопические кусочки, которые даже трудно взять в руки. Нередко дитя даже собирает рассыпанные крохи, дает их (1 г. 4 м. 7 д.) в ответ на просьбу, чтобы дать «ut aliquid». В том случае, когда у дитяти два куска, он уступает один кусок более охотно, но последний кусок ни за что не дает.

Однажды у нас был такой случай: Руди (в возрасте 1 г. 4 м.), дав. один раз печение своему другу, на вторичную просьбу последнего отошел, взял камень и, вернувшись, протянул его последнему, говоря: «на», — в буквальном смысле слова подтвердив человеческий эгоцентризм, давая «камень вместо хлеба». Только когда дитя уже само вполне насытилось лакомством, оно непрочь угостить и других.

А шимпанзе, как то уже было отмечено («Инстинкт собственности»), и совсем не желает делиться едой, в особенности лакомством.

Конечно, имея в руках два разного размера лакомства, человеческое дитя (уже в возрасте 2 г. 3 м. 10 д.) всегда оставит себе большего размера кусок, а другому отдаст меньший, зато само оно всегда стремится получить как можно больше. Однажды Руди попросил сахару, ему сказали: «Спроси: папа, дай мне маленький кусочек сахарку». Мальчик (в возрасте 2 г. 7 м. 23 д.) сказал: «Папа, дай мне большой кусочек сахарку». Мы, думая, что он не расслышал или не запомнил вопрос, предложили воспроизвести вопрос в

[5] При наличии полужидкой пищи.
[6] Характерно при сглатывании с ложки, как и при еде с вилки (Табл. В.65, рис. 4, 1) широкое раскрывание рта малютки.
[7] Наблюдение кормления оранга Фрины (в Московском зоопарке) подтверждало то же самое положение. Всякий раз, как М. А. Величковский побуждал Фрину пользоваться ложкой, обезьянка делала это неохотно, ела медлительно, — приходилось снова и снова будировать ее брать ложку. Зато как энергично она раскрывала рот, когда ее кормили с ложки! И после многократных наблюдений мне никогда не удавалось заметить, чтобы когда-либо Фрина по своей инициативе взяла ложку у кормящего ее человека и пыталась есть, самостоятельно применяя орудие питания.

первой редакции, но он второй и третий раз настойчиво воспроизводил по-своему. Всякий раз, как ребенку давали для раздачи разные по качеству и по величине продукты, в первую очередь он откладывал себе наибольшего размера и наилучшие продукты, а потом уже раздавал остальные.

Изречение «Die Liebe geht durch den Magen» нигде не оправдывается так наглядно, как в применении к ребенку. От моего Руди (в возрасте 2 г. 3 м. 12 д.) мне пришлось услышать такое откровенное высказывание: «Любу папу, любу ветчинку, — купил папа»[8]. А в другом случае выявился еще более рельефно эгоистический характер его любви. Однажды мой мальчик (в возрасте 2 г. 9 м. 28 д.) сказал: «Маму любу, няню не любу». Я спросила: «За что же ты любишь маму?» Он сказал: «За то, что шоколадинки дает». Я продолжила: «А папу?» Он: «За то, что шоколадинки покупает». «А Гагу[9] за что любишь?» — допытывалась я. — «За то, что суп и картошечки варит», — ответил Руди. «А почему няню не любишь?»— доискивалась я причины. «Потому, что ничего не дает», — сказал мальчик.

Подобно шимпанзе дитя человека особенно радостно поедает самостоятельно находимую пищу (как например ягоды), которые он радостно отыскивает и рвет сам уже в возрасте 1 г. 3 м. 7 д.. Но в этом собирании Руди не обнаруживает той приспособленности, как Иони; например он готов сорвать и проглотить даже ядовитые ягоды и не склонен настороженно отведывать и бросать несъедобные растительные вещества, как то делает Иони. Мое дитя (в возрасте 1 г. 0 м. 8 д.) однажды потащило в рот даже живого маленького пойманного им жучка, которых Иони никогда не отправлял в рот.

Человеческий ребенок порой не хочет есть, но стоит сказать: «я отдам эту еду другому», — и он тотчас же начинает кушать, очень напоминая этим собак, которые также нередко сидят над куском, не притрагиваясь к нему, но немедленно пожирают кусок, едва приближается другая собака и появляется опасение утраты еды. Один достоверный наблюдатель передавал мне, что при ежедневной уборке двора одна собака всякий раз, как видела выметание двора, немедленно старалась поесть оставленный с ночи недоеденный в чашке корм, до которого она перед тем и не притрагивалась, но так как из прошлого опыта она знала, что этот корм при уборке все равно выбрасывается, она и старалась его использовать во что бы то ни стало, хотя и не была голодна.

Эгоцентризм

Жадность особенно сильно проступает у дитяти в актах приобретения пищи. Руди (1 г. 4 м. 9 д.) например был готов без конца набирать лакомство и брал порой больше того, что он мог съесть; если он например (в возрасте 1 г. 4 м. 7 д.) видит, что у другого есть лакомство, он спешит съесть свое, чтобы попросить себе еще, и тянется за чужим куском.

Ребенок порой не хочет есть, но не желает уступить кому-либо особенно лакомую еду. Всем известны также скаредное отношение детей к своим вещам и игрушкам и нежелание поделиться ими со сверстниками.

Собственнический инстинкт

Подобно Иони и мой Руди чрезвычайно рано обнаруживал чувство собственности, выражающееся в ревностном охранении принадлежащих дитяти вещей, в собирании в свой обиход разных новых вещей (в накоплении собственности), в попытках отнимания вещей у других и их присвоении себе.

Например всякий раз, как Руди уходит из общественного сада, он тщательно собирает все свои вещи, напоминая мне, взята ли та или другая игрушка; уходя из своего палисадника (в возрасте 3 г. 1 м. 5 д.) и оставляя там раскиданные игрушки, дитя наказывает оставшейся в саду бабушке:

— Бабушка, стереги вожжи и палочку, и ножичек и пузыречек стереги, чашечку мою стереги, и дощечку мою стереги, спринцовку стереги, кто придет — отшлепай (разумея при этом: кто придет их тащить, того — наказать).

Дитя (в возрасте 1 г. 2 м. 20 д.—1 г. 5 м. 29 д.), видя у сверстников нравящуюся ему игрушку, не стесняясь, подходит и завладевает ею, не желая отдавать вещь собственнику; позднее (в возрасте 2 г. 1 м. 23 д.) оно настойчиво выпрашивает себе вещь, которую ему хочется иметь, хотя само уже имеет аналогичную. Позд-

[8] Т. е. люблю папу за то, что купил ветчину.
[9] Домашнюю работницу.

нее дитя начинает приобретать запрещенные вещи украдкой, а порой прибегает даже и к обману (в том случае, если ему не удается достать вещь легальным путем); например вопреки моему категорическому запрещению собирать газетные карикатуры[10] на дворе и близ помоек мой мальчик тем не менее ухитрялся доставать их там и делал это исподтишка от взрослых.

Порой удавалось заметить, как Руди играет наруже, но вдруг поднимается ветер и уносит вверх в воздух его шляпу или какую-либо легкую игрушку. Мальчик в смятении кричит и плачет, ловя уносимое из боязни его потерять. Свои чайные чашечки он порой не позволяет брать из комнаты даже няне (в возрасте 2 г. 9 м. 2 д.), и когда та уносит их мыть, ребенок напоминает: «Это апочкины[11] » (т. е. его). Однажды даже был такой случай: мальчик (в возрасте 2 г. 6 м. 21 д.), увидев, как я держу его отца за руку, спросил: «Зачем держишь папу за руку?» — «А что?» — недоумевала я. Он ответил: «Нельзя! Апин папа», явно выражая этим распространение чувства собственности даже на любимых близких людей, которых он считал «своими» в буквальном смысле этого слова.

Крохотный ребенок (1 г. 1 м.), гуляя по двору, подобно Иони собирает все, что только может взять в руки: мелкие камешки, склянки, щепочки, окурки, спички, палочки, гвоздики и другой бросовый материал, кладя в карман (1 г. 4 м. 25 д.) собранное, побуждая к сбору и лиц, сопровождающих его, набирая целые груды разных вещей, точно запоминая их и не разрешая бросать. По приходе домой, разгружая свои сборы, дитя тотчас же замечает недохват той или другой найденной вещи и тотчас же настойчиво спрашивает (1 г. 2 м. 8 д.): «Где паличка?» (палочка), «Где гвоздик?» и требует их нахождения.

Позднее эта страсть к собиранию все усиливается, увеличивается и количество собираемых объектов, расширяется и место их приобретения, углубляется, диференцируется и тип собираемого.

Мой 4-летний мальчик несмотря на изобилие имеющихся у него покупных игрушек не мог равнодушно пройти мимо какой-нибудь валяющейся заржавленной грязной железки, гвоздя, обломка трубы и всякий раз умолял меня позволить ему взять их домой.

Такого бросового материала изо дня в день накоплялись у него огромные вороха, и в этом возрасте он редко вполне и до конца его использовывал, но страсть к приобретению была все же неутолима.

Однажды мне пришлось услышать от сына весьма красноречивую фразу при следующих обстоятельствах: мы проходили мимо свалки хлама для утильсырья (состоявшего из старой дырявой посуды, ржавой проволоки, гаек и других негодных металлических частей). Мальчик горячо сказал: «Ох, вот бы мне все это взять себе!» Я остановила: «Нет, нельзя, ведь это собрано для утильсырья». Он грустно добавил: «Вот это счастье!», явно завидуя будущим обладателям этого хлама.

Общеизвестны другие случаи, когда дети сравнительно обеспеченных родителей буквально наводняли свои детские комнаты собираемым ими бросовым материалом в виде камней, палок и других вещей.

При прогулках с моим 5-летним мальчиком в лес он шел не иначе, как собирая. Что собирать, как собирать, — это был вопрос второстепенный. Лишь бы собирать — вот что было в центре его внимания, и он готов был собирать решительно все: грибы, шишки, растения, ягоды, листья, камни, суки и другие неисчислимые продукты природы; все это приносилось домой, складывалось в угол в полном объеме, но зачастую даже не разбиралось[12] .

Если в очень раннем возрасте (около года) дитя собирает решительно все, что подвернется под руку, позднее (уже в возрасте 1½ лет) оно предпочитает присваивать и собирать лишь вещи, для него особенно привлекательные. Подробное изложение симпатизирующих тенденций ребенка и предпочитаемых им признаков см. «9. Эстетические тенденции ребенка, предпочитаемые признаки предметов.».

[10] Которые одно время Руди фанатично коллекционировал.
[11] Ласкательное имя самого мальчика.
[12] Кстати, напомню о том, как трудна борьба с неукротимым стремлением дворовых ребят к систематическому обшариванию помоек в целях извлечения оттуда и присвоения самого разнообразного подходящего для себя игрового материала (в виде бумажек от конфет, марок, склянок, жестянок, старых гвоздей, перьев).

В помойках, принадлежащих большим учреждениям, где отбросы свалок изобилуют особенно разнообразным материалом (до драгоценных для мальчишек пустых патронов и пулек), можно видеть, как дети даже школьного возраста часами как черви копошатся в этих свалках, жадно собирая все, что может быть сочтено за оформленный предмет. Поэтому неудивительно, что для того, чтобы пресечь в корне это зло, пришлось издать даже особый декрет, вменяющий в обязанность домкомам запирать помойки — эти разносчики заразы — во избежание заражения на них детей.

Взяв желаемые вещи, дитя несет их в свой дом, в свою комнату, в свой сундучок или в свой ящик стола, желая сохранить. Особенно излюбленные и портативные вещи оно даже безотлучно носит с собой в кармане, гуляет с ними, не выпуская из рук при прогулке, и плачет, когда теряет. Например Руди, ложась спать (в возрасте 3 г. 0 м. 20 д.), даже укладывает с собой под подушку особенно любимые вещи — маленького тряпичного зайчика — очень напоминая этим Иони, зачастую носившего с собой любимую игрушку (шарик) и даже засыпавшего с ним. Иони уносит в свою клетку, в свою кровать, в свое так называемое «гнездо» (самостоятельно им сконструированное) тайком присваиваемые цветные синие пластинки и яркие лоскутки.

Дитя человека хочет непрестанно иметь близ себя все любимое. Каждый мой уход от сына (в возрасте от 1 г. 8 м. 29 д. и до 2 г. 5 м. 26 д.) сопровождался слезами; увидев меня в другой комнате, дитя ловит меня, обнимает мои колени, тащит за платье в свою комнату, говоря: «Тюда» (туда), плотно закрывает за собой дверь, не пуская от себя и подобно Иони плача, когда я приближаюсь к выходу.

Стремление собрать и иметь близ себя любимых людей особенно красноречиво и комично отразилось в поведении Руди в следующем случае.

Однажды мальчик (в возрасте 1 г. 8 м. 6 д.) находился в обшей комнате, где были четверо своих людей и один посторонний. Руди подошел к одному из своих, потянул его за платье, говоря: «Ню-ню» (ну-ну), увлек к открытой двери своей комнаты и, толкая, попятил его внутрь; потом он вернулся и таким же приемом «утянул» в свою комнату второго, и третьего и четвертого «своего» человека. Мы послушно повиновались ему, желая посмотреть, что же будет дальше. Когда в комнате остался только посторонний человек, Руди вошел последним в свою комнату, где собрал теперь всех «своих», с усилием подтянулся к ручке двери, плотно закрыл дверь и, как бы успокоившись, стал заниматься своими играми, оставив вне своей комнаты одного постороннего.

Чем любимее у ребенка существо, к которому он привязан, которое за ним ухаживает, тем больше и чаще дитя хочет иметь его с собой, тем крепче держит его близ себя, тем больше дорожит им и боится потерять.

Его собственные высказывания ярко подтверждают эти мысли. Когда однажды я показала мальчику (в возрасте 2 г. 8 м. 6 д.) свой портрет, висящий над его кроваткой, и спросила, кто это, он сказал: «мама» и добавил: «Хочу вот сюда» (прижимая обе ручки к своей груди), «хочу спать с мамий» (с мамой). И позднее (в возрасте 3 г. 1 м. 5 д.) однажды у него вырвалась такая фраза: «Я тебя никому не отдам!»

Семейный инстинкт

Дитя стремится засыпать в присутствии матери, а при укладывании Руди зачастую говорит: «Хочу к тебе по ближе», и он берет мою руку в свою и держит, не пускает ее, боясь, чтобы я не ушла от него, говоря: «Каждый день с мамой — и ночь, и вечер и день» (в возрасте 3 г. 0 м. 1 д.). Он хотел бы даже спать рядом со мной, как можно ближе ко мне и огорчается, когда я не иду навстречу этому его желанию. Подобно Иони Руди любил засыпать у меня на коленях, крепко, тесно прижавшись ко мне.

У ребенка рано (в возрасте 2 г. 11 м. 2 д.) появляется страх утраты любимого. Он спрашивает меня: «Мама, а ты никогда не умрешь?» и, не дождавшись ответа, быстро дополняет свой вопрос, вскрывая свою тайную мысль: «я не хочу, чтобы мама умирала!»

Даже в более позднем возрасте (до 8 лет) дитя неохотно отпускает меня по вечерам из дома — теперь уже не столько потому, что хочет быть мной уложенным, сколько вследствие того, что присутствие ночью в доме всех своих дает дитяти ощущение спокойствия, благополучия и благоденствия. Дитя недвусмысленно выражает это словами: «Хорошо, когда все дома, когда ты меня укладываешь, а то я о тебе беспокоюсь».

Ощущая, чувствуя с ранних лет опеку, заботу, защиту матери от всего неприятного, пугающего, раздражающего ребенка, естественно, что дитя человека подобно шимпанзе хочет быть под покровительством матери и во время своего беспомощного состояния, в период сна, и потому именно тогда оно особенно старается удержать около себя близкого человека. Инстинктивно желая обезопасить себя от всех возможных вредоносных влияний, дитя доверчиво вручает свою маленькую жизнь в более сильные, нежные, заботливые, а порой и самоотверженные руки своей покровительницы — матери, няни или воспитательницы (подробнее о развитии семейного инстинкта см. ниже, «Инстинкт общения (социальный инстинкт)», стр. 331 [243]).

Дитя человека подобно дитяти шимпанзе редко бывает во сне совершенно спокойно. Кто наблюдал спящего младенца (в возрасте даже 2 м. 20 д.), знает, что и во время сна дитя то шевелит пальчиками, то улыбается, то вдруг сморщит губки, хмурит бровки (4 м. 8 д.).

У 6-месячного ребенка я наблюдала во сне всхлипывания; у 9-месячного во время глубокого сна я замечала и стон, и хныканье, и всхлипывание и даже лепет — в форме получленораздельных звуков.

Руди (в возрасте 1 г. 3 м. 26 д.) подергивается во сне, как то делает зачастую и Иони, плачет (1 г. 4 м. 21 д.), произносит во сне даже отдельные слова: «Папа, мама» (1 г. 3 м. 28 д.). В более позднем возрасте (1 г. 6 м. 30 д.) я замечала у спящего малютки угрожающие жесты, отрывочный разговор: «дя-дяй» («да-дай») (1 г. 10 м. 20 д.). Еще позднее дитя порой пробуждается от страшного сна, говоря: «Вольк разбудил, бегал по кроватке» (2 г. 9 м. 3 д.)[13] , а в другой раз (в возрасте 2 г. 11 м. 7 д.) Руди проснулся, с плачем говоря: «Коза рогатая забодала Апочку» и долго не мог успокоиться.

Я никогда не замечала, чтобы Иони издавал во сне какие-либо звуки.

Неудивительно, что, продолжая свою психическую жизнь и во сне и порой чутко переживая неприятные, пугающие сновидения, дитя удерживает близ себя опекающего его, любимого человека и только тогда засыпает вполне спокойно.

Каждый из нас знает, что нередко у спящего дитяти человека, как и у шимпанзе, слышен храп, если не совсем в порядке носовые ходы.

Конечно человеческое дитя, опекаемое взрослыми, всегда имеет готовую постель, и ему не приходится заботиться об ее устройстве, как и шимпанзе Иони, но его тенденции ,к опеке сна, к приготовлению ложа для ночлега распространяются на одушевляемые им игрушки, и например мой трехлетний мальчик, прежде чем лечь самому, устраивает кровать своему мишуку, своей кукле, заботливо устилает им ложе мягкими тряпочками, нежно укрывает своих опекаемых одеялами, обнаруживая зачатки семейного инстинкта. Я помню, что моему 3—4-летнему мальчику особенное удовольствие доставляла игра в «гнездышко», когда мы делали из одеяла подобие логова, куда забирались со всеми зверями и одушевляемыми игрушками, а мальчик брал на себя роль охраны, защиты, опеки, снабжения продуктами и развлекания нас, что он и осуществлял с живейшим энтузиазмом, воспроизводя роль первобытного мужчины, охотника и защитника своего семейного очага.

Уже не раз было отмечено, что шимпанзе категорически противится основательному укрыванию его на ночь, — того же нельзя было сказать о человеческом ребенке; наоборот, дитя любит, когда мать укрывает и укутывает его одеяльцем, и не раз я слышала, как именно в этом случае мой Руди говорил: «Ах, как хорошо в кроватке!»

Это расхождение в поведении обоих малышей говорит нам о том, что шимпанзе повидимому даже во время сна боится большой связанности движений рук, даже ночью он хочет обеспечить себе достаточную обороноспособность, в то время как человеческое дитя доверчиво дает себя замуровать, так как видимо и не имеет в виду самостоятельную защиту в случае опасности и полагается в этом деле на окружающих его близких людей.

В одном периоде жизни моего мальчика (когда ему было уже около 5 лет), я даже заметила, как кроме тех излюбленных игрушек, которые дитя клало с собой под подушку на ночь, оно еще стало поблизости от себя располагать особенно задорных и воинственных (в его мнении) одушевляемых игрушечных сотоварищей (плюшевого мишку, картонных солдатиков на лошадках), говоря: «Они меня будут охранять!», красноречиво вскрывая этим признанием свой страх и свою неуверенность в личной самозащите, как и свое желание переложить инициативу обороны на других.

Инстинкт свободы (свободолюбие)

Что касается своего отношения к надеванию одежды на день, то здесь человечек реагирует так же неприязненно, как и шимпанзе, чрезвычайно тяготясь одеванием, всячески противясь ему и с большим трудом и неохотой приучаясь к самостоятельному выполнению этого необходимого, но нудного акта. Всем нам хо-

[13] Возможно, что дитя было обеспокоено мышами.

рошо известно, как даже грудное (6-месячное) дитя неизменно плачет при всяком одевании и раздевании; в этом периоде жизни надевание даже таких простых вещей, как нагрудник, халатик, вызывает хныкание, крик, плач ребенка, которые приостанавливаются немедленно, едва кончаешь эту процедуру. Тем более неприятны дитяти сложные сборы при выносе дитяти наружу, связанные с надеванием платочка, шапочки, с укутыванием в одеяльце. Тогда дитя (7 — 8 месяцев) кричит, кричит непрерывно во все время сборов. Весь раскрасневшись, ребенок плачет со слезами, доходя до изнеможения, брыкаясь, не даваясь одеваться, стремясь высвободить запрятанные ручки (10 месяцев). Младенца до года стесняют даже такие атрибуты, как тоненькие чулочки, легкие нитяные шапочки, кисейки, надетые на головку, и дитя настойчиво со слезами стремится сдернуть их с себя и освободиться.

И позднее (в возрасте от года до 1½ лет) дитя одевается неохотно страдая столько же от связанности движений, как и от психической скуки в период длительного одевания; и до сих пор мы слышим плач дитяти, особенно при процессе обременительного зимнего одевания. Когда например Руди (в возрасте 1 г. 10 м. 6 д.) надевают перчатки, он жалобно кричит: «Бобо» (больно) и требовательно выкликает: «Ни пиртяти! ни тем!» (ни перчатки, ни шлем), не желая их надевать — не потому, что ему действительно больно, а скорее потому, что ему менее удобно, чем раздетому.

Неудивительно, что когда процесс сбора дитяти наружу сопровождается оживленными разговорами, попутным развлеканием его (в возрасте 1 г. 3 м. 28 д.), привлечением в его сообщество кукол и параллельного одевания их, дитя относится к этим актам совершенно спокойно, с полной готовностью предоставляя свое тело для различных манипуляций. Слабо развитая у Иони тенденция к самостоятельному одеванию, выражающаяся лишь в накидывании себе за голову, на шею, на спину лоскута или тряпки, укрыванию себя на ночь одеялом, у Руди обнаружилась уже в возрасте 1 г. 2 м. 2 д.. И если до того дитя воспроизводит только акт снимания, теперь оно пытается надевать одежды, отчасти помогает взрослому в процессе его одевания и оттого при этой процедуре скучает меньше. Позднее, когда (годам к 5—6) дитя вполне усвоит эти манипуляции, оно опять начинает тяготиться актом одевания и ежедневно при выходе на улицу торгуется с домашними, стремясь одеться как можно проще, скорее и легче, относясь к этому акту как к необходимой, но неприятной и скучной повинности.

Правда, у 1—1½-годовалого ребенка попытки одевания весьма несовершенны и осуществляются с трудом (Табл. В.62, рис. 3, 4). Например, желая надеть башмачок, дитя ограничивается тем, что прикладывает его к ножке, не зная, что делать дальше, и только после длительного упражнения к 3 годам (фактически у моего Руди 2 г. 11 м. 1 д.) оно выучивается надевать башмак правильным способом. Естественно, что дитя легче постигает процесс снимания одежды, нежели надевания ее. Например Руди в возрасте 1 г. 3 м. 28 д. легко снимает с головки шапочку, но с каким трудом он надевает ее! Как и при всяком трудно координируемом движении, при надевании шапочки Руди обычно придерживает нижнюю губу языком (Табл. В.62, рис. 3). И даже позднее видно, с каким усилием (Табл. В.63, рис. 4) дитя (3 г. 4 м.) надевает на себя подобие шапки.

Удачные эффективные акты радуют дитя, неудачные огорчают. Сколько слез пролил Руди, прежде чем постиг процесс снимания рубашечки (1 г. 7 м. 16 д.), надевания чулочек и штанишек (2 г. 9 м. 9 д.), бурок, лифчика, расстегивания и застегивания пуговиц на платье (2 г. 9 м. 20 д.), пуговиц на башмачках (2 г. 11 м. 1 д.), снимания калош (2 г. 7 м. 6 д.)!

И нам слишком хорошо понятны причины этого неудовольствия. Дитя человека не меньше, чем шимпанзе, хочет свободы своих действий и передвижения, и все, что затрудняет и препятствует немедленному выполнению этих актов, раздражает и огорчает его.

Увлекательное радостное динамичное чувство свободы захватывает человеческое дитя не меньше, чем дитя шимпанзе.

Подобно шимпанзе ребенок инстинктивно хочет освободить свое тело для свободы роста и передвижения, он сам буйно стремится к движению, к действию — к безудержной физической и психической деятельности. Вот почему он так настойчиво рвет с себя не только связывающие его узы одежды, но и плен своей комнаты, своего дома, своего двора, рвет оковы всевозможных запретов старших, буйно сбрасывает ярмо возложенных на него обязанностей.

Дитя по природе своей свободолюбиво, и вошедшие в пословицу детское непослушание, капризы, своеволие в сущности представляют собой здоровые конфликтные реакции дитяти в ответ на ограничение свободы его поведения в окружающей его среде. Естественно, что первые приемы воспитания ребенка сводятся по преимуществу к подавлению, ограничению и правильному направлению этих инстинктивных свободо-

любивых тенденций дитяти, вскрывающих исконную его природу, природу маленького «дикаря», бурно протестующего против усвоения сложных, условных, порой искусственных, а в некоторых случаях и заведомо противоестественных навыков, требующихся для облицовки так называемого культурного человека.

Подобно шимпанзе и дитя ищет физического и психического простора. Оно еще не умеет как следует говорить и ходить, но уже пальчиком указывает (Табл. В.97, рис. 3), что хочет итти вон из своей комнаты (в возрасте 1 г. 2 м.). Оно едва освоилось с процессом ходьбы (в возрасте 1 г. 4 м.), но уже стремится покинуть пределы своего дома, двора и сада и готово итти без устали.

Чем шире арена для его передвижения, тем энтузиастичнее его бег. Выпущенный на простор (в возрасте 2 г. 1 м. 27 д.), он наслаждается безудержным бегом, крича: «Бегать кугом, кугом!» (бегать кругом, кругом).

Кому, как мне, приходилось бывать в степи, те знают, как, выйдя на широкий степной простор, где впереди тебя видна в беспредельной дали лишь линия горизонта, над тобой — лишь бездонное небо, близ тебя — лишь лихо гуляющий ветер, — знают, как даже взрослого человека охватывает неудержимое стремление крыльями раскинуть руки и ринуться куда-то вдаль в эту беспредельность и бежать-бежать туда без оглядки, шалой птицей несясь по земле и не зная, куда и зачем бежать. Как бесконечно ровная степь манит вдаль, так влекут человека вверх выси гор, — говорят альпинисты; так тянет вниз бездна, тянет властно, порой неотвратимо...

Альпинисты знают, как увлекательно восхождение на горные вершины, зачастую заканчивающееся фатальным концом путешественника. Каждому из нас известны страх высоты — при смотрении с больших высот вниз — и в то же самое время засасывающая притягательная сила бездны.

Чуткий человек, подобно дитяти чувствующий свою связь с матерью-природой, но уже удалившийся от нее, став лицом к лицу с ее величием, порой не может противиться ее, власти и отдается ей страстно, бурно, неудержимо, отдавая ей себя, свою жизнь и погибая в ее лоне, сливаясь с ней своим трупом...

У шимпанзе Иони стремление к выходу из заключения клетки, из комнаты, из дома, во двор было неудержимо сильно, но, характерно, выпущенный на свободу, он стремился больше в выси, на заборы, на крыши дома (Табл. В.52, рис. 1), нежели в даль — в поле, выдавая свое природное пристрастие к лазанию; дитя человека, предоставленное самому себе, конечно не имеет столь сильно выраженной тенденции к забиранию на высоты и довольствуется поверхностью земли или лазает по стульям, лестницам, трапециям, заборам (Табл. В.52, рис. 3—7). Забравшись куда-нибудь на крышу, Иони может целыми часами разгуливать там совершенно один и возвращается лишь на настойчивые зовы; 3-летнее человеческое дитя неохотно отдаляется от взрослого и несклонно к этим одиночным «путешествиям» в высотах.

Инстинкт самосохранения (защиты и нападения)

Обратимся к сравнительно-психологическому анализу эмоции страха и сравним внешнее выявление страха у дитяти человека и у шимпанзе.

1. Страх.

В начальных стадиях страха, обозначаемых термином робости, дитя человека, как и дитя шимпанзе, несколько нагибает голову, исподлобья смотрит вверх, широко раскрытыми глазами фиксируя пугающий предмет; при этом оно слегка приподнимает брови, наморщивает среднюю часть лба, плотно сжимает и слегка вытягивает вперед губы (см. яркую иллюстрацию в книге Krukenberg'a, стр. 238, рис. 208). Совершенно аналогичная мимика свойственна и робеющему шимпанзе (Табл. 1.8, рис. 1), но у последнего мы замечаем в этих случаях еще и приподнимание волос на голове и распушение бак (Табл. В.8, рис. 2; Табл. В.22, рис. 1,3).

Как известно, такое приподнимание волос на голове человека, переживающего эмоцию страха, наблюдается лишь в исключительных обстоятельствах — или у душевнобольных или в случае, когда страх принимает характер аффекта, когда волосы на голове также становятся дыбом, начальные же стадии боязни у дитяти человека никогда не сопровождаются приподниманием волос.

Внезапный страх — испуг — у дитяти человека выражается откидыванием назад головы, максимальным расширением глаз, плотным решительным складыванием губ, крепким прижиманием к груди сжатых ку-

лачков рук, как бы готовых предохранить себя от вредоносных воздействий и отразить их (Табл. В.54, рис. 2).

Как мы видели, сильный страх — ужас — шимпанзе также выражается максимальным расширением глаз и напряженным положением губ, но в то время как в этих случаях рот дитяти человека бывает плотно сомкнут, рот шимпанзе широко раскрыт, губы оттянуты от десен, зубы обнажены, теперь его волосы лежат плотно прижатыми к телу и не топорщатся дыбом; сам шимпанзе присогнулся, опираясь на руки, и готов сняться с места (Табл. В.8, рис. 1, Табл. В.54, рис. 1).

Это расширенное положение глаз симптоматично. «У страха глаза велики» — говорит поговорка, и действительно, этот расширенный взгляд как бы старается своевременно ухватить момент наступления опасности, предвосхитить формы возможной обороны.

Неслучайно на обоих снимках с малышей — шимпанзе и человека — мы видим, что веки их глаз так расширены, что кажется, что глаза хотят выскочить из орбит, как у больных базедовой болезнью (Табл. В.54, рис. 1 и 2).

В то время как испуганный шимпанзе, движимый инстинктом самосохранения, замерев в неподвижной позе (Табл. В.8, рис. 1), приготовил к обороне зубы, — дитя человека сжимает свои кулачки и прижимает ручки к груди.

Это движение прижимания рук к груди также чрезвычайно типично. У своего мальчика я встречала его многократно на протяжении продолжительного периода жизни и при разных пугающих обстоятельствах.

Предложенный вниманию читателя снимок (приведенный на Табл. В.54, рис. 2) был заснят при следующих условиях.

Мой ребенок (в возрасте 3—4 месяцев) сидел у меня на коленях, внезапно ему показали большое ярко рефлектирующее зеркало, сразу дитя приняло вышеописанную позу.

Будучи в возрасте 9½ месяцев, мой малыш чрезвычайно боялся лоскута прозрачного темнокоричневого тюля, и когда я однажды во время пребывания ребенка наруже показала ему такой лоскуток, который, движимый ветром, еще стал отдуваться по направлению к дитяти, малыш, сделав плаксивую мину (приподнял вверх внутренние концы бровей и резко опустил углы рта), несколько откинулся назад и оборонительно прижал к груди правую ручку (Табл. В.66, рис. 1, 2).

Тот же оборонительный жест прижимания руки я наблюдала у Руди, когда ему (в возрасте 2½ лет) впервые показали живую двигающуюся в воде лягушку, от которой он с плачем отстранялся, судорожно цепляясь руками за свою одежду, прижимая руки к туловищу. Еще позднее, когда Руди уже было 3 г. 3 м., ему показали подбитого, но еще шевелящегося стрижа. И в этом случае он стал хватать левой рукой за мою руку, а правую руку он настороженно приближал к груди и так и держал ее на некотором расстоянии от себя во все время показывания птички (Табл. В.66, рис. 5).

Когда мой мальчик (уже 5-летний) был в Зоопарке и его подвели близко-близко к слону, едва слон протянул хобот, как мальчик прижал к себе даже обе скрещенные на груди руки и, резко подавшись всем телом назад и в бок по направлению к сопровождавшим людям, готов был тотчас же убежать.

И наконец тот же Руди (будучи 5½ лет), всякий раз, как стрелял пистонами из игрушечного пистолетика, пугаясь гулкого разрыва пистона и в то же время побуждаемый желанием стрелять, стрелял, держа в правой руке пистолет, а левую руку неизменно боязливо прижимал к туловищу, сжимая в кулачок пальцы и накреняя на ту же сторону голову, как бы защищая ее от опасных последствий выстрела (Табл. В.66, рис. 4).

Боящийся шимпанзе также имеет тенденцию делать оборонительные жесты, причем чаще всего он закрывает себе рукой лицо, глаза, нос, рот, (как показывает Табл. В.66, рис. 3, и фото, заснятые при нападении на птиц), что дитя делает лишь в исключительном случае (Табл. В.23, рис. 1—4).

Наоборот, мы находим, что боящийся шимпанзе только в виде исключения воспроизводит оборонительный жест приближения к своей груди одной руки; характерно, чаще всего вместо руки он закидывает и прижимает к груди ногу (Табл. В.23, рис. 4; Табл. В.66, рис. 3).

И нам понятна эта дивергирующая аналогия.

Дитя шимпанзе, боясь чего-либо, не остается в пассивном бездействующем выжидании, — оно готово в меру своих сил постоять за себя, и, страшась, оно тотчас же и обороняется, беря под защиту прежде всего самую ценную часть тела — голову.

Дитя человека, испытывая чувство страха, особенно находясь под опекой своих близких, как бы перелагает защиту на них, и его страх представляет собой более чистую эмоцию, т. е. эмоцию страха без примеси эмоционального оттенка злобы.

Этот страх вероятно вызывает неприятное ощущение в сердце, в груди, и ребенок инстинктивно прижимает к груди свои ручки, как бы надеясь освободить себя от тягостного ощущения.

Все мы слишком хорошо знаем, как внезапный испуг прежде всего дает знать себя в груди именно благодаря сжатию, а потом учащенному биению сердца; все мы знаем, как в случае неожиданно пугающего известия или события люди, хватаясь за сердце, падают в обморок, скрещивают руки на груди, как бы пытаясь умерить, удержать механически это биение сердца. Неслучайно художественные изображения позы покаяния, раскаяния (эмоций, несомненно включающих в большей или меньшей степени элемент страха) зачастую используют в своих оформлениях темы это скрещивание рук на груди.

Таким образом дитя шимпанзе, испытывая страх, в то же самое время больше и решительнее готово к самообороне, нежели дитя человека.

Как известно, чувство застенчивости, также таящее в своих истоках робость, нередко сопровождается у дитяти человека опусканием глаз, отвертыванием или закрыванием лица руками.

Мне самой известен случай, когда один уже 14-летний деревенский мальчик на вопрос впервые пришедшего в дом незнакомого ему мужчины, спросившего его, сколько ему лет, вместо ответа уткнулся вниз лицом в угол своей согнутой в локте руки и не хотел ничего говорить, пока совсем не освоился.

Из группы внешних симптомов, сопровождающих страх ребенка человека, мы наблюдаем, так же как и у шимпанзе, и дрожание тела, и изменение цвета лица (у шимпанзе — побледнение, у дитяти человека[14] — розовение) и желание сократиться в размерах, спрятаться, убежать, избегнуть опасности, отдаться под опеку своих покровителей. При внезапном испуге шимпанзе, как и человек, нередко приседает на-корточки (Табл. B.25, рис. 1).

Сходны также в общих чертах и условия возникновения страха дитяти шимпанзе и дитяти человека.

Приведу некоторые аутопсические наблюдения над Иони и Руди, напрашивающиеся на аналогию.

Пугающие звуки.

Резкие сильные звуки пугают ребенка так же, как и дитя шимпанзе.

Как известно, новорожденное дитя не боится стуков, и мой 2-недельный Руди совершенно не реагировал, когда во время его сна резко стучали молотком. И в более старшем его возрасте (6 недель) он также не реагировал на сильные, резкие звуки: когда однажды нас с ним, находящихся в досчатой беседке, застала гроза и раздавались оглушительные раскаты грома,. град и дождь с треском и грохотом колотили по железной крыше беседки, — дитя все же безмятежно спало и даже не проснулось.

Только позднее (когда дитяти было 3 месяца) я многократно замечала, как звуки пугают его.

Руди вздрагивает, когда внезапно хлопает дверь (в возрасте 3 м.), когда тяжелая вещь падает на пол (в возрасте 4 м.), при моем смехе во время кормления его грудью (4 м.), при трещании мотоциклета (4 м.), при моем внезапном резком оклике (6 м. 15 д.); при сильном смехе, шуме, громком говоре своих домашних внезапно дитя разражается плачем (9 м. 13 д.), явно боясь слишком резких и быть может также не-

[14] У ребенка человека слабая степень испуга, связанная с волнением, обычно сопровождается порозовением лица; более сильная степень испуга по моим наблюдениям первоначально вызывает покраснение, потом побледнение лица; и только максимальный страх сопровождается мертвенной бледностью лица.

привычных, а потому пугающих звуков. Однажды я показала Руди (9 м. 27 д.) надувающегося резинового чортика; пока «чортик» не пищал, Руди был спокоен, — едва раздалось пронзительное «уди-уди-и-и-и», дитя тотчас же расплакалось. Но через 1—2 дня дитя уже не боялось «чортика», настойчиво хватало его ручками и тянуло к себе.

И позднее мой мальчик (до 7 лет) неизменно зажимал уши всякий раз, как видел приближение поезда, так как боялся паровозного свистка.

Он боялся также, когда стреляли гулко разрывающимися пистонами, хлопали хлопушками или бумажными надутыми пакетами. Интересно, что в данном случае он не избегал звука, даже просил об его возобновлении, приставая с тем, чтобы другие воспроизвели звук, но он сам (2 г. 8 м. 24 д.) инстинктивно как бы опасался чрезмерной силы звука, его вредоносного воздействия на свой слух и старался это ослабить, почему обычно слегка закрывал уши руками.

Другой знакомый ребенок (в возрасте 3—4 лет) так панически боялся гула пароходной трубы, что всякий раз, как его привозили на пароход, разражался оглушительным ревом и длительно кричал, как только слышал гудок.

Не только сильный, но и слабый неизвестный по причине и неожиданный звук пугает детей, и мой мальчик (в возрасте уже 3—4 лет) когда находился в темноте и слышал шорох мышей или падение какой-либо вещи, опасливо спрашивал: «Что это?»

Пугающие световые стимулы.

Дитя человека, точно так же как и дитя шимпанзе, остерегается сильного света.

Выше уже было упомянуто, как мой мальчик испугался ярко освещенного зеркала; будучи гораздо старше (в возрасте 3 лет), он всегда боялся блеска сверкающей в темноте молнии, и его приходилось успокаивать, что это совсем неопасно (Иони тоже видимо боялся блеска молнии).

По контрасту не только яркий свет, но и темнота и черные предметы пугают ребенка.

Однажды я подарила мальчику двух маленьких металлических кошек — одну темносинюю, другую золотистую, блестящую. Мальчик никак не хотел взять в руки темную, явно боясь ее (в возрасте 2 г. 1 м. 6 д.), и в то же время охотно играл блестящей, светлой.

В другое время у меня отмечено, как мое дитя (1 г. 4 м. 7 д.) испугалось дамы в большой черной шляпе, встреченного на улице мужчины в черной накидке, от которого он (1 г. 4 м. 26 д.) шарахнулся в сторону и стал жаться к моим ногам; он боялся черной папки, черной доски, черного пальто, черного мяча, черного фонаря.

При ходьбе с ним (в возрасте 1 г. 8 м.) по темной неосвещенной лестнице он нередко прижимал ручки к груди, говоря: «Бо» (боюсь). Мой малыш при виде черных картин в книге зачастую издавал восклицающий охающий звук волнения (1 г. 6 м. 4 д.).

Не из чувства ли страха неприязненно словесно квалифицировало дитя (1 г. 10 м. 5 д.) темные, черные одушевленные и неодушевленные предметы словом «бя» (нехороший), черную собачку называло «бяка».

Мой малыш (в возрасте от 1 г. 9 м. 19 д. и до 4 лет) боялся лазать в темный угол, под кровать или под столы, всякий раз плакал, когда вынужден был по необходимости отправляться туда, чтобы достать закатившуюся игрушку, и всегда в этих случаях приглашал на помощь себе кого-либо из взрослых. Выше была отмечена его боязнь темного прозрачного лоскутка тюля (1 г. 5 м. 19 д.). Дитя любит свет и боится тьмы: в возрасте 1 г. 6 м. 27 д. Руди плачет, когда тушат в комнате лишние электрические лампочки, в то время когда он побуждает их зажигать. Когда однажды в комнате внезапно погасло электричество, Руди (2 г. 1 м. 14 д.) разревелся. Помню, как- раз при прогулке с Руди (когда ему было 2 г. 7 м. 11 д.) мы вышли из темноты на освещенную часть улицы, — он сказал: «Здесь хорошо!»

Как уже было упомянуто в первой части книги, и Иони неприязненно относился к черным предметам, порой боялся их.

Пугающие тактильные стимулы.

Внезапные тактильные, а особенно болевые прикосновения так же пугают дитя человека, как и дитя шимпанзе. У меня в дневниках запротоколирован случай сильного испуга, вызванного тактильными и световыми стимулами у моего 3-месячного младенца; мальчик спал, а я внезапно резко дернула край его пеленки, ребенок мгновенно проснулся и широко раскрыл глаза; в это время его взгляд упал на большую резко освещенную электрическим светом поверхность белой подушки. Дитя максимально широко раскрыло глаза, неподвижно фиксируя ими одну и ту же точку, мгновенно закричало и судорожно стало вытягивать в стороны ручки, причем пальчики были сжаты в крепкие кулачки; оно успокоилось только тогда, когда я приложила его к груди и оно стало сосать.

Даже во сне малютка чрезвычайно чуток к прикосновению, он тотчас же вздрагивает, ежится и просыпается, если на его личико сядет муха, если притронешься к нему, потянешь его пеленочку.

В другой раз мальчик (в возрасте 4 м. 4 д.), повернув в сторону голову, смотрел на игрушку, а в это время с другой стороны бабушка потянула его за рубашечку, — он резко обернулся в эту сторону и громко закричал, но, увидев бабушку, после одного залпа плача тотчас же успокоился.

Пугающие температурные стимулы.

Дитя пугается температурных ощущений, и даже в возрасте 2 лет, едва начнешь вытирать ему личико ваткой, обмокнутой в комнатную воду, оно воспроизводит задыхающиеся глубокие вздохи, похожие на те, которые делает человек, внезапно погружающийся в холодную воду. Такие же резкие вздохи он воспроизводит, когда наруже на него внезапно пахнет струя холодного воздуха или подует ветер.

Пугающие болевые стимулы.

Все мы знаем, как дети, падая, чаще плачут от испуга, чем от боли. Все мы были очевидцами того, как они боятся и избегают всевозможных болевых манипуляций — при повторном опыте в процессах пломбирования зубов, вынимания заноз и прикладывания иода на рану. Нередко они еще и не испытывали боли от той или другой проектируемой над ними операции, но они все же опасаются самой возможности наступления этой боли. Почти все дети боятся докторов и их — зачастую безболезненных — осмотров.

Как то уже было упомянуто, мой малыш плакал при одном упоминании, что доктор придет, а во время докторского осмотра кричал: «Неть, неть, неть» и неистово сопротивлялся выслушиванию и выстукиванию его. И эта боязнь сохраняется у детей иногда до более позднего возраста.

Боязнь новых, неизведанных стимулов — новых лиц.

Неизведанное в опыте ощущение порой пугает детей не менее, чем испытанное неприятное ощущение.

А так как чем моложе ребенок, тем он менее опытен в общении с окружающим, то фактически он боится всего нового: новых лиц, новой обстановки, новых предметов.

Мой мальчик (в возрасте 1 г. 0 м. 9 д.) только с большим трудом после 5 дней общения решился пойти на руки к вновь поступившей няне, а позднее (в возрасте 3—4 лет) лишь после многих недель освоения привыкал к новым боннам; он длительно не решался оставаться с ними в комнате один, а тем более пойти с ними гулять подальше от дома (например на ближайший бульвар, в общественный сад), кричал, плакал, когда свои от него отходили, и всячески требовал их присутствия, измышляя разные предлоги, чтобы оставить близ себя кого-либо из домашних.

Когда Руди было 9 месяцев, при виде посторонних людей он тотчас же начинал прижиматься к своим, прятал и отворачивал от чужих свое личико, а при желании последних войти с ним в более тесный контакт (когда ему было 10 месяцев) он тотчас же начинал плакать, уцеплялся за своего человека, не хотел играть в присутствии посторонних и успокаивался только тогда, когда те скрывались с его глаз. На прогулках (в общественном саду) при тесной встрече с посторонними (в возрасте 1 г. 7 м. 11 д.) Руди нередко прижимал обе ручки к груди, боясь их, отходил от них в стороны, его личико розовело, он явно волновался, когда те заговаривали с ним (1 г. 4 м. 27 д.), прятался за сопровождающего своего человека. Когда чужие люди подходят к нему, располагаются рядом с нами на скамеечке, он (1 г. 8 м. 2 д.) не хочет сойти с моих колен, сидит не шелохнувшись в течение 15 минут (1 г. 6 м. 8 д.) и не желает играть ничем (в возрасте 2 г. 3 м.

29 д.), пока те не уходят подальше; дитя смущается, жмется, когда чужие заговаривают с ним (2 г. 9 м. 10 д.), и когда те уходят, недвусмысленно вскрывает причины своего поведения, говоря: «Балиста дядю», «балиста тетю»[15].

Когда мальчик даже дома находится в общей комнате, едва он слышит звонок, возвещающий о приходе чужого человека, он (в возрасте 1 г. 11 м. 10 д.) спешит уйти в свою комнату.

Как было отмечено, дитя шимпанзе тоже настороженно и недоверчиво боязливо относится к чужим людям, но оно скорее осваивается с ними и держит себя более непринужденно, чем ребенок человека.

Человеческое дитя после повторного ознакомления с посторонними также перестает их бояться и уже в возрасте 2 г. 2 м. 10 д., 2 г. 7 м. 24 д. не волнуется и не розовеет при их подходе к нему, разговаривает с ними, отвечает на их вопросы, но конечно оно не держит себя с ними так разнузданно-фамильярно, как Иони, не так бесцеремонно, как шимпанзе, зазывает их в игру.

Подобно Иони и мой Руди (в возрасте 1 г. 8 м. 19 д.), боясь взрослых, особенно мужчин, в то же самое время не боится детей, подходит к ним вплотную, подзывает к себе (в возрасте 2 г. 4 м. 15 д.) для игры мальчиков и радостно развлекается с ними (в возрасте 2 г. 5 м.), хотя еще долго испытывает известное смущение при этом общении (2 г. 10 м. 4 д.); нередко можно наблюдать, как при новом знакомстве он стоит, потупившись, покраснев, упирая язык в щеку.

В онтогенезе инстинкт страха перед чужим человеком подвергается колебаниям, вступая в столкновение с социальным инстинктом. И вот мы наблюдаем, что младенец сначала боится посторонних; потом наступает такой момент, когда (в возрасте после 2½ лет у моего Руди) интерес к общению становится так велик, что превозмогает чувство страха, и дитя порой до того смелеет, что например, будучи в общественных местах — в трамвае, на бульварах и т. п., — само дергает чужих людей, окликает их, стремясь войти с ними в контакт.

Привыкнув к непрестанному сообществу со своими людьми, дитя начинает противиться оставлению в одиночестве не только в незнакомой, но даже и в знакомой обстановке. Как уже упоминалось, удерживание близ себя при засыпании своего человека диктуется страхом ребенка остаться одному и в темноте. Какого труда стоило мне например оставить Руди одного в маленьком, но отовсюду замкнутом палисадничке, где он ежедневно играл; он немедленно прибегал домой, едва видел себя покинутым; он ни за что не хотел (до 5 лет) остаться поиграть один во дворе на широкой площадке, особенно с мало знакомыми дворовыми ребятами; позднее, изведав безопасность общения, он начал играть с этими последними, но боялся вновь появляющихся чужих детей, сторонился их и убегал всякий раз, как они приходили.

Можно определенно сказать, что детский плач, так часто омрачающий золотые дни детства, наполовину вызывается столкновениями ребенка с неизведанными по результатам, а потому пугающими его стимулами.

Боязнь новых предметов.

Дитя боится новых предметов, вступающих в его обиход; я помню, как мой мальчик (в возрасте 1 г. 8 м. 2 д.) не хотел надеть новые валенки и новую шапочку, боясь их; он боязливо относится к некоторым новым игрушкам, и когда например я купила Руди (в возрасте 2 г. 7 м. 29 д.) большой красный пузырь, он сначала не решался даже дотронуться до него и не сразу освоился. Когда он (в возрасте 2 г. 1 м. 6 д.) получил от меня игрушечную лошадку с ярко красным седлом, он с опасением стал приглядываться к ней, долго сторонился ее и прямо говорил: «Боюсь седель» (боюсь седла). Уже было упомянуто, как дитя боится отведать новое кушание, как оно не желает пить неизведанных по вкусу порошков, говоря: «Балиста порошочков» (боюсь порошочков).

Дитя боится всяких новых впечатлений; например при первой езде Руди на извозчике (в возрасте 1 г. 4 м. 1 д.) он крепко прижимается ко мне; в другой раз, когда он уже был в возрасте 1 г. 9 м. 25 д., при аналогичной езде, едва мы отъехали, он кричал, не умолкая, в течение нескольких минут, пока не попривык.

Как и Иони, новая ситуация, например купание в больших водоемах, пугает Руди.

У моего мальчика это особенно ярко проявилось при первых пробах купания в воде. Когда ему было уже 5 лет, мне только с громадным трудом удалось приучить его купаться в озере. Несмотря на то, что его тянуло

[15] Боюсь дядю, боюсь тетю.

к воде и для него не было большего удовольствия, как сидя у бережка, делать запруды, пускать кораблики, собирать в воде камешки и раковинки, погрузив одни ножки в воду, плескаться и брызгать водой, но в то же время он никак не решался сам войти в озеро или, стоя на мелком месте, окунуться всем телом в воду.

Только после 18 сеансов купания вода стала доставлять ему удовольствие, и он будировал меня итти купаться и длительно не хотел выходить из воды.

Такое же постепенное, последовательное освоение происходило у Руди и в отношении ряда других стимулов, первоначально пугавших ребенка, позднее ставших привычными, а порой даже и притягательными.

Боязнь движущихся предметов.

Как известно, все новое, живое и подвижное, таящее в себе неизведанные возможности, все необычное на фоне повседневности обращает на себя внимание ребенка и прежде всего пугает его. Однажды, когда малышу было 4 м. 4 д., бабушка резким движением приблизила к дитяти цимбалы, — малыш сильно закричал, отшатнулся и вскинул вперед ручку, как бы отстраняясь от игрушки.

Позднее мой Руди (в возрасте 2 г. 2 м. 10 д. до 3 лет) чрезвычайно боялся самодвижущихся игрушек (кузнечика с трясущимися проволочными лапками, заводных автомобильчиков, бегающих по проволоке мышек) и долгое время не решался брать их в руки. Позднее именно движущиеся игрушки доставляли ему особенное удовольствие.

Боязнь живых животных.

Естественно, что Руди еще больше боялся живых животных с их резкими и неожиданными движениями.

В раннем возрасте до 1½, лет дитя не обнаруживает страха к мелким насекомым и малоподвижным ракообразным, и когда видит ползающих муравьев, пчел, ос, жуков, раков, рассматривает их, касается пальчиком и даже тащит в рот.

Позднее (в возрасте 2 г. 1 м. 23 д.) то же дитя боится даже крошечного жучка, все розовеет, когда жук подползает к его голой ножке, визжит, краснеет (2 г. 1 м. 26 д.), когда видит бегущего к нему муравья, лохматую гусеницу (2 г. 3 м. 22 д.), паука (2 г. 5 м. 3 д.), муху (2 г. 5 м. 18 д.), отшатывается от этих насекомых и не хочет взять их в руку. Тем более пугают дитя (в возрасте 2 г. 8 м. 7 д.) такие подвижные живые существа, как плавающие в аквариуме рыбы, до которых он не решается коснуться даже через стекло, маленькие жабы и лягушки. Наоборот, видя малоподвижного ползущего рака, Руди (в возрасте 2 г. 8 м. 7 д.) хочет взять его в руку, попадая на шип пальчиком говорит: «Колется», — тем не менее пытается привязать рака на веревочку, обливает его водой из чашки, явно забавляясь им.

Зачастую вслед за взрослыми дети, увидев на практике безобидность животного, и сами решаются дотронуться до него, но лишь в том случае, если живое животное не слишком резко двигается. Мой мальчик быстро решился взять в руку даже равномерно трепещущую живую рыбку, но никак не хотел дотронуться до резко скачущей лягушки.

Однажды, когда моему малютке было 2 г. 6 м., ему показали сидящую в кристаллизаторе с водой лягушку, — настороженно подойдя поближе, мальчик, плотно прижав к тельцу руки и сомкнув губки, стал пристально вглядываться в лягушку, но едва она запрыгала, как он тотчас же покраснел, отпрянул назад, опасливо отдернул ручки и никак не хотел опять приблизиться, крича: «Бяка-бяка-бяка», отшатываясь, когда лягушка квакала. Когда же его стали побуждать подойти, он производил руками оборонительные жесты, метался, плакал и жался к близ находящемуся человеку.

Позднее на вопрос, почему он не хотел посмотреть поближе лягушку, он ответил: «Потому, что она прыгала, ля[16] боялся» (я боялся).

Такой же страх обнаруживал Руди и по отношению к живым мышам, к морским свинкам, к мелким живым птичкам (снегирькам, стрижу) (табл. 66, рис. 5), которых ему (в возрасте 3—4 лет) показывали. Естественно, что чем больше животное, тем больше оно пугает малыша.

[16] У Руди приставление буквы „л“ к началу слова, начинающегося с гласной, было обычно. Дитя говорило „ля“ вместо „я“, „Лени“ — вместо „Иони“.

Однажды я гуляла со своим 2½-летним малюткой и встретила стадо гусей. Мальчик так испугался их, что ни за что не хотел подойти к ним поближе, и держался в отдалении, плача, крича и сопротивляясь, когда пытались насильно подвести его к гусям.

С каким опасением дотрагивался 2½-летний Руди до живой кошки (Табл. В.70, рис. 3); и позднее, когда ему показывали крошечных 2-недельных котят, он кричал: «Не будем, не будем, не сотеть, не сотеть!», не хочет смотреть их; боится жмется к взрослым. Опять подчеркиваю то, что для страха нужна известная психическая зрелость, — мой же годовалый малыш совершенно безбоязненно хватал впервые увиденную им кошку (Табл. В.70, рис. 1). Позднее та же самая кошка вызывает у него задержанную реакцию, сопровождающуюся эмоцией страха, а еще позднее (в возрасте 5 лет), когда ребенок окончательно осваивается с пугающим объектом и побеждает страх, он подолгу и охотно проводит время с кошками, измышляя самые разнообразные формы общения с ними (см. отдел «2. Семейное, покровительствующее общение.»).

Попав впервые в 5-летнем возрасте в Зоопарк, конечно мальчик боится не только непосредственного соприкосновения, но и приближения к животным, особенно к *большим* по величине зверям. Уже упоминалось, как он боялся слона.

Когда я предлагаю мальчику покататься в Зоопарке и предоставляю ему на выбор катание на верблюде, ослике или лошадке-пони, — он категорически отвергает верблюда, говоря, что боится его, потому что он большой, и предпочитает ехать на маленьком ослике.

Не только живые животные, но и их игрушечные копии, а порой и их изображения на картинках пугают дитя.

Боясь (в возрасте 1 г. 11 м. 1 д.) живых мышей, отбегая при появлении мыши, говоря: «Бо» (боюсь), Руди в то же самое время настороженно относится и к игрушечной бархатной мышке и никак не хочет взять ее в руки несмотря на все мои уговоры; когда я приближаю к нему (уже 3 лет) такую мышь, он говорит при виде ее: «Бяка, бяка», прижимая ручки к животику, краснея и крича: «Ой, боюсь, боюсь!»

При упоминании о мышах дитя (в возрасте 1 г. 11 м. 9 д.) краснеет, волнуется. Видя даже на картинке белую мышь, Руди (1 г. 11 м. 14 д.) прячет свое личико, прижимая его к моей шее.

Если в данном случае мы можем предполагать, что дитя еще не различает по внешности живую мышь от искусственной, то в другом примере уже не остается никакого сомнения, что ребенок боится даже подобия мыши. Однажды он (3 лет) нашел деревянную резьбу от мебели и, взяв ее в руки, отшатнулся от нее, говоря: «Это похоже на мышь», и несмотря на продолжительные мои увещевания ни за что не хотел даже дотронуться до резьбы. В другой раз при разборке какого-то хлама он нашел овальный кусочек линолеума с ниточкой на конце, серый свисток — предметы, отдаленно напоминающие мышь. Мальчик (3 г. 0 м. 12 д.) тотчас же отшатнулся, испуганно отдернул ручку, закричал, прекратил разборку и не хотел коснуться ни до того, ни до другого предметов, пока я не убедила его наконец рассмотреть их получше.

Позднее у 5-летнего малыша та же бархатная мышка была одной из его любимых игрушек, которую он часто целовал, нежно и заботливо укладывал под подушку на ночь, сажал с собой есть за стол.

Еще позднее (в возрасте 6—7 лет) даже живые мыши были предметом трогательной опеки мальчика. Он зачастую клал им прикорм на полу своей комнаты и длительно наблюдал за ними, когда они прибегали и кормились; он с восторженной страстностью и злорадством коверкал и жег расставленные мышеловки и искренно огорчался и протестовал, когда говорили, что надо ловить мышей.

Дитя боится маленьких, но слишком подвижных животных, например его интриговали молодые козлята, но при их приближении к нему Руди (2 г. 2 м. 17 д.) отстранялся, краснел, не решался войти с ними в контакт. Естественно, что дитя боялось некоторых чучел животных и сторонилось их, определенно выясняя в каждом случае причину боязни. Руди (в возрасте 1 г. 5 м. 19 д.) боялся чучел черепахи, волка, настороженно касаясь их при первом ознакомлении, он (1 г. 1 м. 28 д.) пугался чучел больших птиц, меха на туфлях (1 г. 7 м. 13 д.), чучела белого медведя (2 г. 5 м. 9 д.), розовея, отдаляясь от него. Руди боялся чучела куницы (2 г. 5 м. 19 д.), говоря: «Боюсь уси» (боюсь усов). Он (2 г. 5 м. 9 д.) отстранялся от впервые показанного чучела Иони, говоря: «Боюсь обизянки» (боюсь обезьянки), и когда я стала открывать шкафчик, где было это чучело, Руди вскричал: «Закой, закой скорей!» (закрой скорей). Впрочем и здесь мальчик быстро освоился и стал рассматривать чучело, дотрагиваясь до рук и ног шимпанзе (называя: «Ручка, ручка» (и руку и ногу), до его глаз, ушей, носа. А когда я вынула чучело Иони из шкафа, Руди даже стал обнимать его, говоря: «Пизилеть Лёню» (пожалеть, приласкать Иони).

Сначала (в возрасте 1 г. 2 м. 1 д.) Руди боится больших чучел птиц, но уже через два дня при повторном ознакомлении с теми же чучелами он совершенно перестает их бояться.

Порой мой мальчик боялся даже некоторых картинок. Например однажды (когда ему было 3 года) я купила ему книгу (изд. ЗИФ) «Шарик» (содержание книги — ложный испуг деревенского мальчика, принявшего в темноте свою собаку «Шарика» за волка). Раз просмотрев и прослушав эту книгу, малютка ни за что не хотел вторично смотреть и читать ее. При ближайшем анализе оказалось, что он боится рисунка волка, изображенного с ярко горящими зелеными глазами. В возрасте 2 г. 2 м. 8 д. мое дитя боялось в книге «Про грибы» изображения сморчков с человеческими лицами, говоря: «Балиста сморчки» (боюсь сморчков). Когда Руди было 2 г. 5 м. 17 д., он боялся портрета шимпанзе (и это уже после ознакомления с чучелом Иони), и когда я стала приближать к нему этот портрет, — боясь, плача и отстраняясь, он кричал: «Бяка, бяка».

В более старшем возрасте (6 лет) Руди боялся изображения циклопа (в книге Жуковского, стр. 678)[17] , представленного в виде обнаженного одноглазого великана, сидящего в темной пещере.

Повидимому его и интриговало и пугало это изображение: он зазывательно приглашал меня посмотреть рисунок, вынужденно должен был находить его в книге, но не решался сам взглянуть на него и закрывал его рукой от себя до тех пор, пока я не подходила; тогда он торопливо отдергивал руку, показывая мне циклопа, но сам при этом зажмуривал глаза или отворачивал голову, чтобы не видеть рисунка. На мой вопрос мальчику, что в рисунке пугает его, он ответил: «Очень большой глаз». Последний был расположен как раз посредине лба над самым носом[18] .

Подобно тому как и Иони, дитя человека непрочь возобновить появление пугающего стимула, который интригует его любопытство, и это повторное ознакомление как раз и ведет к ликвидации эмоции страха.

В последнем случае мы опять-таки видим, что необычность вида стимула и его величина являются пугающими элементами. Аналогичная психическая установка сохраняется у мальчика и до более позднего времени.

Страх дитяти побуждает его стать незаметным. Одна 2½-летняя девочка, попав в гости, в незнакомую обстановку, за все время своего пребывания там говорила не иначе, как шопотом.

Человеческое дитя ощущает неприятность страха, тем не менее оно подобно шимпанзе непрочь и само попугать других, нагнать на них страх. Уже в возрасте 2 г. 7 м. 20 д. Руди радостно пугает чужую спящую кошку, внезапно с криком наскакивая на нее и хохоча, когда та, просыпаясь, испуганно взметывается от него прочь; я не раз заставала Руди, как он пугал свою куклу ревущим звуком, изображая из себя медведя, как взяв в руки игрушечную собачку, дитя (в возрасте 2 г. 11 м. 11 д.) намахивалось ею на окружающих, говоря: «Гав-гав»; как любит ребенок (после 3 лет) забираться в темные проходы и оттуда наскакивать на кого-либо из домашних, восхищенно радуясь, когда удается их напугать; как энтузиастично надевает мальчик маски и разные воинские вооружения, чтобы казаться пострашнее если не для взрослых, то для ребят и напустить на них страх. Как мы упоминали, Иони нередко пугает людей и мелких животных, покрываясь сверху тряпкой, прячась за мебель и внезапно нападая оттуда.

Сравнивая различные стимулы, вызывающие страх дитяти человека и дитяти шимпанзе, мы должны отметить, что у первого совершенно отсутствует страх, стимулируемый обонятельными восприятиями, отмеченный для шимпанзе; у человеческого ребенка не столь резко, как у шимпанзе, выявлен страх перед световыми эффектами. Фотографирование 2½-летнего Руди при свете ослепительно горящих ламп юпитера и при внезапной вспышке магния совершенно не вызывало такой панической боязни, как у шимпанзе, который (как то было отмечено) буквально скатывался от страха на пол при многократных повторениях того же светового стимула. Точно также Руди в противоположность Иони не обнаруживал такого панического страха перед леопардами и миниатюрными змеями и черепахами. С другой стороны, Руди по сравнению с Иони обнаруживал больший страх перед высотой, и когда мальчику (в возрасте уже 4—5 лет) приходилось итти по мосту, он боялся и взглянуть вниз, в то время как Иони бесстрашно путешествовал по высям крыш на расстоянии десятков метров от земли. Руди (в возрасте 3—4 лет) в противоположность Иони боялся слишком подвижных мелких насекомых и небольших живых животных, что Иони было несвойственно; на-

[17] Сочинения Жуковского, изд. 3-е, Панафидиной, Москва, 1915.
[18] Характерно, что даже совсем недавно (в возрасте 9½ лет) Руди при посещении Биомузея им. Тимирязева не хотел взглянуть на уродца-теленка с одним громадным глазом на лбу.

оборот, эти последние будировали Иони к преследованию их. С другой стороны, выпущенный впервые в лес Иони держал себя более настороженно, чем Руди; последний лишь боялся потерять из вида близкого человека и не хотел отходить от него ни на шаг. Иони при тех же обстоятельствах, даже идя рядом с человеком, непрерывно оглядывался, привставал в вертикальное положение, озирался и после каждых 3—4 пройденных шагов производил предварительное осматривание местности, прежде чем продвигаться далее. Он как бы не вполне доверялся человеческой опытности, желал сам убедиться в безопасности, прежде чем продолжать начатый путь.

Очень характерен один случай: человеческое дитя, боясь изображенного циклопа, подобно Иони стремится повторно воспроизвести пугающее его впечатление, но, характерно, оно воспроизводит его не для себя, а для других; боясь взглянуть на рисунок циклопа, мой Руди настойчиво приглашает меня смотреть на этот рисунок, закрывая его от себя. Преодоление страха он осуществлял не самостоятельно, а с посторонней помощью. Дитя человека не так быстро, как шимпанзе, осваивается в общении с посторонними людьми и не так развязно держит себя с ними, как шимпанзе.

Таким образом и этот сравнительно-психологический анализ инстинкта самосохранения, эмоции страха приводит нас к мысли о большей биопсихической приспособленности дитяти шимпанзе по сравнению с дитятей человека. Инстинкт самосохранения шимпанзе сильно расширяет сферу и диапазон распространения пугающих стимулов, он заставляет шимпанзе бояться большего количества стимулов, пугаться более сильно, выражать страх более экспрессивно, чем то свойственно человеческому дитяти. Вопреки этому шимпанзе имеет более сильную тенденцию к самостоятельному преодолению чувства страха путем тесного ознакомления и соприкосновения с пугающим предметом.

2. Злоба.

У ребенка человека, как и у дитяти шимпанзе, эмоция страха зачастую вызывает и реакцию злобы, то как бы в виде протеста за пережитое неприятное чувство, то в форме самообороны, то мести.

Уже 3½-месячный ребенок инстинктивно самообороняется, зажмуривая глазки всякий раз, как слышит звук приближаемой к нему погремушки; уже 4-месячное дитя пытается отбиваться, отмахиваться ручками, отстраняет чужие руки, ощущая неприятные прикосновения к нему или даже чувствуя такое легкое касанье, как например ползание по личику мухи.

Однажды моему 2-летнему малышу подарили большую лошадку, обтянутую настоящей звериной шкурой.

В первый момент мальчик с опасением стал приглядываться к ней, не решаясь подойти, повидимому принимая ее за живую, — но едва он опознал ее неподвижность, как тотчас же стал наступать на нее, топая ножкой (Табл. B.67, рис. 4) и делая сердитые возгласы.

Оборонительный жест ребенка — прижимание к груди кулачка руки — можно определенно рассматривать как подготовительный жест к вынужденному нападению.

Что касается выражения лица злобящегося ребенка, то в основном оно совпадает с таковым шимпанзе; у того и у другого мы наблюдаем напряженное оттягивание в стороны губ, обнажение плотно стиснутых зубов и десен, сморщивание верхней части лица, сужение наружных уголков глаз[19].

Мой мальчик, окруженный постоянной заботой и лаской, никогда не был доведен до приступа ярости и даже сильной злобы и видимо не испытал их, но однажды (когда ему было 5 лет) мне удалось закрепить подобие этого выражения при следующих обстоятельствах: вооружившись шашкой и пистолетом, надев каску, мальчик сел на лошадь и стал энергично целиться пистолетом в мнимого врага, при этом он несколько оттянул в стороны губы и обнажил стиснутые зубы. Но так как натиск был мнимый, то это и сказалось в том, что глаза Руди были смешливо сжаты, верхние зубы слегка призакрыты, почему и лицо имело игриво-агрессивное выражение (Табл. B.67, рис. 1).

Сравнивая мимику злобы ребенка с таковой шимпанзе, мы легко усматриваем, что в то время как у человека зубы плотно сжаты, углы рта оттянуты в стороны и десны закрыты, у шимпанзе мы видим между

[19] Очень красочная иллюстрация этого выражения дана в вышеупомянутой книге проф. Krukenberg'a на стр. 310, рис. 273 («Ярость»).

зубами просвет, а углы рта загнуты кверху и десны обнажены (Табл. В.67, рис. 2); и это прямым образом указывает на то, что шимпанзе больше и скорее, чем ребенок, подготовлен к тому, чтобы куснуть раздражающий его объект.

Шимпанзе, злясь, снижает кожу внутренних концов бровей к переносью, вздергивает кверху нос[20] и сморщивает верхнюю часть лица. На предложенных вниманию читателя фотографиях с агрессивно настроенных детей мы этого не наблюдаем, но я определенно замечала у своего мальчика при неожиданной неприятности (например при запрещении ему выполнения какого-либо сильного желания, как и при отвергании им нежелательного стимула, при отказе от невкусной пищи, при внезапном неприятном температурном ощущении[21]) неизменное быстрое вздергивание крыльев носа и наморщивание кожи в переносице[22] . При этом поперек основания его носика обычно ложится глубокая горизонтальная морщинка, а с боков от нее к основанию мягкой части носа направляются по две косо идущих морщины, почти сходящихся на оси переносицы. Зачастую я замечала у Руди при злобном раздражении нахмуривание бровей и резкое усиление тона голоса.

Совершенно аналогичное сморщивание переносицы обычно сопровождало у Руди и ощущение вкусового отвращения (Табл. В.54, рис. 4), причем в данном случае (как то было уже отмечено) присоединялось еще выразительное вжимание внутрь углов рта, придающее четырехугольное оформление разверстой ротовой щели, сильное сужение глаз и обильное слюноотделение, стекание слюны через край нижней губы[23] .

Других внешних атрибутов злобы, отмеченных у шимпанзе, — как например кривление губы, обнажение клыков, вскидывание вверх верхней губы (Табл. В.24, рис. 2, 3), оскаливание зубов, щелкание зубами, трясение головой и отвисшей нижней губой, перепрыгивание с ног на руки, как то наблюдается у агрессивно возбужденного и угрожающего Иони, — мне никогда не приходилось наблюдать у своего ребенка, но я предполагаю, что другие наблюдатели детей и взрослых могли бы привести многие аналогичные параллели в выразительных агрессивных движениях и мимических выражениях злобных чувств шимпанзе и людей.

Мы наблюдаем много сходства у дитяти человека и шимпанзе и в отношении агрессивной жестикуляции при процессе пугания. Уже было отмечено, что самое стремление пугать свойственно ребенку человека не менее, чем дитяти шимпанзе.

Кто из нас ни видел у детей их угрожающих жестов намахивания, хлопания руками и взятыми в руки орудиями (прутьями, палками, камнями), детскими оружиями (игрушечными саблями, шашками, пистолетами, ружьями) для повышения эффективности угрозы и нападения!

Кто из нас ни замечал, как часто дети при взаимном общении при малейшем несогласии друг с другом пускают в ход кулаки и тузят ими друг друга, щиплются, царапаются, кусаются, схватываются вплотную и дерутся «не на живот, а на смерть», всячески истязая друг друга.

Громадное большинство детских любимейших игр — азартные игры борьбы, драки, войны, неизменно включающие в явном, или в скрытом или в сдержанном виде неприязненные, злобные, а порой и яростные чувства (Табл. В.68).

Даже мой «мягкосердный» Руди (в возрасте 5 лет), просмотрев воинские маневры, так воспламенился воинственным чувством, что в течение 1½—2 лет собирал только военные картинки, радостно читал только книги с военными сюжетами, играл с особенным энтузиазмом в военные игры, просил покупать и сам делал себе только военные игрушки (сабли, шашки, пистолеты, бесконечные, разнообразные типы ружей), украшался военными атрибутами (шпорами, касками, металлическими поясами) не только дома, но и выходя на улицу, и отдавался этой страсти с маниакальным фанатизмом до тех пор, пока ее не вытеснила другая страсть (к карикатурам).

Я полагаю, что в данном случае сдерживаемые нами агрессивные злобные чувства мальчика вместе с тем притормаживали и проявления инстинктивных чувств силы, власти и превосходства, которым не в чем было выявиться, не над чем было показать себя и поупражняться, и естественно, что у темпераментного ре-

[20] Это еще выразительнее наблюдается у хищных млекопитающих, озлобленных волков и собак.
[21] Например однажды при накладывании на теплую ножку холодного компресса.
[22] Одна моя знакомая, чрезвычайно сдержанная и рассудочная женщина, неизменно вздергивала кверху нос при всяком неприятном раздражающем ее впечатлении.
[23] Как уже было упомянуто, эта мимика была нарочно вызвана мной и закреплена в рельефных фотографиях при естественном эксперименте, когда я подсыпала мальчику в просимую им сахарную пудру горького ревенного порошка.

бенка, каким был наш мальчик, эти чувства и находили свой разряд в разного рода воинских упражнениях и забавах, которым он предавался так страстно.

Восторженно и целостно отдаваясь воинским играм, входя «в раж», дети зачастую наносят друг другу фактические тяжкие повреждения, ибо в них пробуждаются злобные инстинкты, которых они еще не умеют и не могут подавить.

Подобно шимпанзе не только дети, но и взрослые люди при наличии бессильной злобы воспроизводят различные стуки, топают ногами, стучат кулаками, делают резкие движения, бросают вещи в стороны, рвут и разрушают попавшиеся под руку объекты, а иногда и самоистязаются (кусают себе губы, стукаются головой о стены), падают на пол и бьют ногами, убивают других, а иногда даже кончают жизнь самоубийством.

Гаркающий звук «а», обычно сопровождающий злобное возбуждение шимпанзе, мы в виде исключения наблюдаем у дитяти и у взрослого человека, но, как все мы знаем, озлобленный человек говоря зачастую усиливает голос, порой резко кричит.

Матери хорошо знают, что даже у младенца есть особенный так называемый злобный плач, включающий дребезжащие раздражительные ноты. Он представляет собой однообразные рявкающие залпы, многократно воспроизводимые через равные промежутки времени и на один и тот же тон. Этот плач я замечала у Руди в том случае, когда он (3 м. 4 д.) хотел есть, при этом он производил царапающие движения пальчиками ручек, или позднее (в возрасте 5 м. 25 д.) ударял, махал ручками, судорожно дергал ножками.

У своего 7-месячного голодного малютки я не раз наблюдала бурчащий, ворчащий звук при моём промедлении с подачей ему уже принесенной кашки. Аналогичный ворчащий звук издавал он всякий раз, когда его не пускали дотрагиваться до какой-либо запретной для него вещи. У Руди (в возрасте 1 г. 0 м. 2 д.) появился резкий жест отстранения рукой, когда ему настойчиво совали нежелательную еду.

Стимулы, вызывающие злобу.

Каковы же стимулы, вызывающие злобные чувства ребенка? В общем они те же, что и у шимпанзе: все, что вызывает страх, а вместе с тем и неприязненное чувство, как ответную противоборствующую реакцию, возбуждает и злобу.

Злобный плач дитяти зачастую связан с неудовлетворением его физиологических потребностей в отношении еды, питья, сна; его агрессивные жесты и телодвижения в подавляющем большинстве случаев — способы отстранения и воздействия на неприятно-раздражающий объект.

Например наш Руди (в возрасте 1 г. 0 м. 16 д.) одно время в случае противодействия тому или другому его желанию (например стремлению к выходу из комнаты) имел манеру хлопать рукой меня или няню, держащую его на руках. Иной раз при аналогичных обстоятельствах он резко схватывал ту или иную из нас ручкой за лицо, делал рукой намахивающие жесты, а при явном невыполнении его просьбы припадал ротиком к рукаву своей кофточки и рвал ее своими зубками, вцепляясь особенно крепко и настойчиво при отстранении его от этого дела (в возрасте 1 г. 3 м. 4 д.).

Однажды во время кормления мальчика (в возрасте 1 г. 6 м. 9 д.) кашей я нарочно подсунула ему на ложке жидкое нелюбимое им яйцо, думая, что он «заодно» съест и его; едва мальчик взял ложку в рот и ощутил неприятный ему вкус яйца, он тотчас же ударил меня по лицу рукой, а когда вслед за тем я отстранила его от себя, он стал топать о пол ногами.

Одно время мальчик (в возрасте 1 г. 4 м. 27 д.—1 г. 8 м. 12 д.) заведомо самостоятельно[24] изобрел и употреблял манеру кусаться и щипаться при наличии агрессивных чувств, в ответ на противодействие ему в чем-либо или из-за чувства мести за его наказание, причем он кусал не того, кто его ударил, а другое пассивно ведущее себя лицо, как бы вымещая свое чувство на первом встречном.

Однажды (в возрасте 1 г. 5 м. 21 д.) он подбежал и хлопнул меня рукой после того, как отец шлепнул его самого за какую-то провинность.

Вообще надо сказать, что злобная реакция моего дитяти всегда оказывалась в основе своей связанной с чувством мести. Например Руди (в возрасте 2 г. 1 м. 12 д.) ударился о каменное крыльцо, он начинает

[24] Так как не имел случая видеть и испытывать это по отношению к себе со стороны других людей.

ударять по крыльцу ручкой, говоря: «акитил» (отколотил). Однажды Руди случайно ушибся о лошадку, он заплакал и стал бить ее палкой; на мой вопрос: «за что же ты бьешь лошадку?», он хлопнул себя ладонью по височку, как раз по тому месту, которым ушибся (в возрасте 1 г. 6 м. 23 д.). В другой раз (в возрасте 2 г. 2 м. 27 д.) Руди больно ушибся о палку, расплакавшись он стал бить близстоящего дядю (характерно, что Иони например злобился не на человека, его наказывающего, а на орудие наказания — плетку). В другой раз Руди (в возрасте 2 г. 3 м. 25 д.) стал колотить меня руками, после того как ушибся о близстоящую скамеечку. Правда, порой при ушибах и своих физических повреждениях дитя справедливо переносит свое неприязненное чувство на близнаходящихся взрослых, считая их повинными в своих злоключениях, привыкнув полагаться на их опытность и их своевременное предупреждение опасности. Тогда направление его агрессивного чувства объективно абсолютно оправдано. Например у нас был такой случай: я даю Руди (в возрасте 2.8.3) для игры стеклянный ролик и железное кольцо, надетое на веревочку, и показываю, как надо вертеть. Мальчик, видя эту процедуру, говорит опасливо: «Мама, ушибешь лобик». Я говорю: «Нет, ничего, играй!» Он начинает вертеть и действительно ушибает лобик, тотчас же плачет и бьет меня рукой. Этот агрессивный жест хлопания сохраняется и позднее. Например моему (2½-летнему) мальчику нередко приходилось оставаться в комнате и играть со скучающей с ним молодой няней, а не со мной, затевающей с ним всевозможные игры; всякий раз, как представлялся момент выбора, он настойчиво и демонстративно хлопал ручкой и отстранял няню и тянулся ко мне.

Не менее известны всем нам внешние выявления детской злобы в форме отбрасывания от себя вещей и топания ногами.

Я не раз наблюдала, как мой уже подросший мальчик, вооружившись ножом, осуществляя какую-либо ручную работу с деревом и не будучи в состоянии удачно справиться с задуманным достижением, резко, злобно отбрасывал от себя и инструмент и незаконченное изделие. В другое время я заставала, как Руди, не будучи в силах легко свести с места большую игрушечную лошадку, начинал ее злобно понукать, бить и кричать на нее.

Уже было отмечено, как он в возрасте 2 лет топал ногой на лошадку, первоначально пугавшую его; позднее я однажды застала его, как он резко кричал и что есть силы топнул ногой на няню, неточно выполнившую какое-то его поручение.

Я не склонна считать это топание ногами актом подражательным, но инстинктивным pure sang, так как замечала его у самых крошечных детей, не могущих видеть подобное топание и еще не умеющих подражать.

Кто из матерей ни знает, как 1½—2-годовалый ребенок, едва начинающий ходить, стоя на месте, злобно топает ножками, когда ему не позволяют что-либо сделать.

Так называемое «сучение» ножками страдающих от колик грудных младенцев быть может является предваряющим актом топания ногами.

Однажды я наблюдала, как 2-летний ребенок потянулся погладить собачку, но та все отбегала от него и он не мог ее нагнать. Тогда ребенок весь затрясся и, стоя на месте, скоро-скоро затопал ножками. Я уже упоминала, как одна раздражительная девочка бросалась на пол, била ногами, кричала и плакала в случаях невыполнения ее желаний; здесь несомненно в переживаемых ею неприятных чувствах элемент злобы превалировал над элементом печали.

Для дитяти человека является характерным тот факт, что его злоба почти всегда оправдана и не распространяется на безобидных индиферентных существ, как у Иони, хотя конечно порой дитя инкриминирует поступки «не по адресу», не по прямому назначению[25] . Другой случай еще более комичен: однажды Руди мне объявляет (в возрасте 2 г. 2 м. 19 д.): «Акитил кижечку» (отколотил книжечку). «За что же?» — спрашиваю я. — «Потому что нехорошая, не буду сушать» (слушать), — обстоятельно поясняет он причину своего злобного отношения.

3. Сочувствие и покровительство.

Следует отметить, что я никогда не видела, чтобы Руди наслаждался самодовлеющим мучением и истязательством попадающих в его руки мелких животных и насекомых, как это делал Иони. Правда, мы всегда

[25] Как было указано ранее.

старались сдерживать у своего мальчика выявление злобных чувств даже по отношению к неодушевлённым предметам, даже к игрушкам и отстраняли всевозможные стимулы, вызывающие ответно-злобные чувства; я всячески стремилась возбудить у ребенка чувство любви к тем, на кого он начинал нападать, в частности по отношению к игрушечным животным, вызывая у него сострадательные и симпатизирующие чувства. Мы всегда стремились к тому, чтобы мальчик никогда не обидел ни одно животное, чтобы он не убивал даже насекомых; и я никогда не видела, чтобы он побил кого-либо из своих сотоварищей, чтобы он когда-либо всерьез дрался, чтобы он причинил боль какому-либо животному, чтобы он убил даже муху, и мы добились того, что наш мальчик уже по собственной инициативе, влекомый лишь добрым побуждением сердца, всякий раз как видел в беде какое-либо насекомое, старался ему помочь. Если он находил заползшего в дом жука и гусеницу, он тотчас же осторожно выносил их в садик и сажал на цветы; если он видел залетевшую бьющуюся в стеклах окон бабочку, он со слезами просил нас поймать и выпустить ее наружу, а мухи пользовались таким большим его покровительством, что из-за них у него происходили даже стычки с домашними.

Стоило мальчику увидеть в кухне клеевые мухоморники с бьющимися на них мухами, как он настойчиво старался высвобождать прилипших мух и сначала жалостливо, а потом категорически требовательно запрещал ставить мухоловки, старался их уничтожить и воевал с домашними работницами, когда те не соглашались это сделать. Надо было видеть, с какой заботливой нежностью он спасал из воды случайно попавших туда мух, чтобы оценить по достоинству его жалостливость. Ранее уже было отмечено его покровительство мышам (стр. 310 [230]). В свое время был упомянут первый случай явного сочувствия мальчика животным. Когда малышу было около 2 лет, однажды он услыхал, как говорили, что собаки искусали одну известную ему маленькую собачку Бобика. И вот вскоре после этого разговора я везла мальчика по улице в коляске; раненый Бобик вертелся около нас, и мальчик все поглядывал на него. В это время к Бобику подбежала большая собака, — мой малютка тотчас же сильно покраснел, его глаза налились слезами, он готов был тотчас же расплакаться, если бы я не стала его утешать и не отогнала большую собаку.

Конечно это сострадательное отношение ребенка к животным ни в коей мере не может быть сопоставлено с таковым шимпанзе: слишком многочисленны и красноречивы примеры неоправданной жестокости Иони по отношению к маленьким и беззащитным существам — и это вопреки не менее настойчивому моему запрещению против совершения обезьянчиком истязательских актов (в особенности над детьми, живыми животными и насекомыми).

Моя мысль невольно подыскивает оправдывающие моего шимпанзе обстоятельства, подсказывает соображение, что может быть дитя шимпанзе совершенно не сознавал, что причиняет боль животному, как это не сознают порой и многие дети. Но тут же я обрываю эту мысль как несостоятельную, так как вспоминаю, что тот же Иони прекрасно учитывал силу своих зубов и ногтей, когда, пытаясь шутя кусать или царапать меня, пытливо поглядывал мне в глаза и приостанавливался немедленно, как только видел на моем лице гримасу страданья, и все же несмотря на то, что мучимые им собачонки отчаянно визжали, укушенные дети вскрикивали и отбегали, тем не менее он продолжал их преследование и возобновлял укусы. Не всегда это был момент игры, чаще это носило характер самодовлеющей жестокости.

Я совершенно уверена также, что никакими демонстративными, наглядными и осязательными путями мне не удалось бы вызвать у Иони инициативную жалость к ниже его стоящим фактически безвредным, психически нейтральным существам; самое большее, что можно было подметить на основании моих наблюдений над Иони, — это его сочувствующее отношение к покровительствующим ему, симпатизирующим ему людям, за обиду которых он порой был непрочь и отомстить обидчику (см. примеры на стр. 144 [121]). Это последнее — высшая степень его этического развития, однако и не более. У моего же мальчика я замечала возникновение мстительности в случае защиты совершенно нейтрального неодушевленного объекта — например скульптуры человека. Руди (около 3 лет), войдя в музей и видя скульптуру, изображавшую гориллу, подмявшую под себя человека, сказал: «Отшлепай, — дядю задавил!» И сам начал ударять рукой скульптуру гориллы, а потом, вернувшись из музея, радостно оповещал: «Ошепаль гориллю» (отшлёпал, побил гориллу).

Позднее (4—5 лет) Руди энергично отгонял, резко хлопал и преследовал чужих собак, нападавших на наших собак; его агрессивные чувства и действия оправдывались идейными этическими целями и ни в коем случае не совпадали с таковыми шимпанзе, наслаждавшимся самодовлеющим актом мучения животных.

Здесь мы подходим опять и вплотную к обобщению о дивергирующей направленности поведения дитяти человека и дитяти шимпанзе и в отношении степени и характера развития социальных и моральных чувств.

Конечно есть дети, которые по своей жестокости и злобности могут превзойти обезьян, и есть обезьяны, которые быть может не совершили никакой жестокости по отношению к своим низшим собратьям, но для меня лично решающим является индуктивное умозаключение, становящееся постулатом: дитя человека способно возвыситься до чувства жалости к «меньшим» собратьям, дитя шимпанзе неспособно, и этот постулат решает принципиальный вопрос о том, чем этически разнится человек от животного.

Таким образом, резюмируя наш анализ, мы должны сказать, что дитя шимпанзе этически стоит на стадии сочувствия своим друзьям, своим покровителям, — дитя человека возвышается уже до ступени сочувствия не только своим родным, дорогим ему людям, но и нейтральным для него существам; оно имеет зачаток любви товарищеской, братской, социальной, общечеловеческой.

Инстинкт общения (социальный инстинкт)

В общем известное совпадение в поведении дитяти человека и дитяти шимпанзе мы найдем и в развитии и выявлении нежных ласковых чувств по отношению к людям. Очень рано в онтогенезе человеческое дитя диференцирует свое отношение к разным людям, выделяя одних своим исключительным расположением и привязанностью, относясь более нейтрально, а порой и явно неприязненно к другим.

1. Детское общение (выражение нежности, ласки и привязанности).

Как и для шимпанзе, для ребенка первым лицом, на которое распространяется его нежность, является самое близкое ему существо, питающее и опекающее его своими заботами — его «noernst», мать-кормилица.

Еще крошечное 3-месячное дитя прежде всех узнает свою мать и реагирует радостной улыбкой на ее появление.

6-месячный ребенок, завидев мать после длительного ее отсутствия, издает в себя[26] резкий «ликующий» звук, широко улыбается, «топочет» в воздухе ножками, в порыве нежности припадает к ней тельцем, прикасается своим личиком к ее лицу, обнимает за шею ручками и, что характерно, нередко прикладывается к ней открытым ротиком[27] , причем шевелит губками, учащенно дыша (как Иони). Как будто он хочет целовать мать, но еще не умеет этого сделать, хотя сам получал неисчислимые ее поцелуи; еще позднее при тех же обстоятельствах дитя при таком прикосновении сжимает губки, и еще позднее (у Руди в возрасте 1 г. 5 м. 25 д.) дитя воспроизводит чмокающее движение губ, осуществляя первый поцелуй (Табл. B.69, рис. 6).

Мой Иони тоже умел целоваться по-человечески, но для него этот способ выявления ласки повидимому был явно искусственен (Табл. B.69, рис. 5), и я не замечала, чтобы Иони употреблял его по личной инициативе и при определенном наличии нежных эмоций; например, выказывая свою благосклонность, симпатию и ласку близкому человеку, сочувствуя ему и утешая его, шимпанзе обычно употреблял более естественные для него телодвижения: то он осторожно охватывал милого ему человека под подбородком (Табл. B.26, рис. 1), то нежно касался обеими руками его лица, обнимал его, прижимался к нему, то вытягивал по направлению к нему губы (Табл. B.26, рис. 3, Табл. B.69, рис. 3), то дотрагивался кончиком вытянутого языка и слегка полизывал им (Табл. B.26, рис. 4). Нередко при тех же обстоятельствах Иони защипывал губами кожу лица близкого человека, а иногда осторожно захватывал в рот пальцы его рук и слегка засасывал их.

Справедливо усомниться в том, насколько это засасывание пальцев можно квалифицировать как выявление нежных чувств. Но совершенно неожиданно мой мальчик дал мне в этом направлении разъясняющие данные. Когда ему было 5—6 лет, эпизодически я замечала, что при засыпании, держа мою руку в своей, иногда он целует мою руку, а другой раз слегка касается ее своими губами и язычком, как бы лижет[28] , старается слегка присасывать ее вопреки тому, что я всякий раз удерживала его от этого действия. Я полагаю, что в этом акте может отражаться младенческая ассоциация сладостного засыпания близ матери

[26] Направленный внутрь.
[27] Этот же способ выражения ласки сохраняется и несколько позднее (Табл. B.69, рис. 24).
[28] Как известно, собаки и другие животные выражают свою ласку по отношению к человеку лизанием языком; недаром в просторечии насмешливо обозначают целование взрослых и любовное обращение нежных супругов и влюбленных словом «лизание», презрительно говоря: «они вечно лижутся».

с соском ее груди или с искусственной соской-пустышкой, к которой многие дети так привыкают, что не могут отвыкнуть до 5—6 лет.

Поцелуй для дитяти человека (уже в возрасте 2 лет) становится естественным и привычным способом выражения нежных, ласковых чувств (Табл. В.69, рис. 6). Встречая любимых людей, дитя (2 г. 3 м. 25 д.) улыбается им широкой улыбкой, просветлевает личиком, бежит к ним навстречу, обнимает, и нередко по своей инициативе подходит и целует их. Оно уже в возрасте от 2 лет красноречиво недвусмысленно словесно выражает свое чувство любви. «Миля мама, любы»[29] , — обнимая меня, говорит мой Руди после 3-часового моего отсутствия (в возрасте 2 г. 1 м. 17 д.); после более длительной нашей разлуки дитя (2 г. 6 м. 9 д.) встречает меня словами: «Соскучился без мами — любу маму». Уже упоминалось, как любит дитя засыпать на ночь в присутствии матери, как оно жмется к ней, притягивает ее к себе, стремясь быть как можно ближе, целуя ее, говоря (3 г. 0 м. 1 д.) тепло и нежно: «Мама, я хочу к тебе поближе — любу маму», «Каждый день с мамой, и ночь и вечер, и день!» Или еще более выразительно восклицает: «Я крепко люблю маму, каждый день люблю маму» (3 г. 1 м. 3 д.). Этими неумелыми, простыми, но экспрессивными словами дитя выражает так ярко глубочайшее чувство, ясную мысль, вскрывающую нам, что оно всегда, непрестанно любит мать; что оно хочет владеть ей всецело и вечно, — и это его желание находит свое красноречивое выражение в таких могучих, мощных несоответствующих его возрастной слабости и беспомощности словах: «Я тебя никому не отдам!» (3 г. 1 м. 5 д.) и далее: «Я не хочу, чтобы мама умирала!» (2 г. 11 м. 2 д.).

И как же сильно держится дитя за эту связь со своей матерью, как боится утерять ее! Я живо помню, какого труда стоило мне всякий раз уйти от своего 1—3-годовалого мальчика, оставляя его на бабушку или няню; как часто мне приходилось в этих случаях прибегать (как и в аналогичных случаях с Иони) к уговорам, к различным соблазнам, к искусственным уловкам, к хитрости, чтобы оставить мальчика на другие руки. Эта привязанность к матери в нашем обиходе принимает порой страстный характер. Как неохотно например отпускает меня Руди уйти из дома, всякий раз говоря: «Лучше останься», «Не ходи», «А мне не хочется, чтобы ты шла». Напрасно я пыталась порой несколько задобрить его соблазнительными вещами, говоря: я куплю тебе шоколад (его излюбленное лакомство) или книжечку. Он геворит тихо: «Лучше не надо» или роняет обидчиво-раздраженно: «Ничего мне не надо», — недвусмысленно высказывая этим свое нежелание променять мое присутствие на какие бы то ни было блага. Когда я ухожу, он ласково прощается и машет ручкой, провожая меня глазами, упрашивая: «Мама, приходи скорей»!

В главе, посвященной печальным чувствам дитяти, уже упоминалось, как горячо сочувствует дитя любимым людям при их несчастиях или мнимых огорчениях; порой он так жалеет мать, что готов поступиться ради нее своими самыми страстными желаниями. Однажды у моего 3-летнего Руди это нашло отражение в следующем эпизоде: мальчик ужасно любил, догоняя бегущую няню, как кнутом ударять ее веревкой, причем порой он стегал ее так сильно, что приходилось его останавливать, говоря: «тише, тише». «Нет, сильно!»— настаивал мальчик, продолжая хлопать. Однажды я предложила ему заменить собой няню, которую он буквально загонял. Бегая со мной, хлестнув меня раза два, мальчик вдруг сказал грустным голосом: «Нет, жалко маму». Напрасно и долго я уверяла его, что мне совсем небольно, и просила его погонять меня, — он так и не стал продолжать игру. В других случаях (как то отчасти уже и было отмечено) он обнаруживает по отношению ко мне трогательное сочувствие, — если например я делаю вид, что плачу, он подобно Иони пытается отнять мои руки, заглядывает мне в глаза (1 г. 4 м. 25 д.); если я порежу палец или жалуюсь на какую-либо боль, он нежно целует больное место, долго не забывает об этом и время от времени в течение дня спрашивает: «Мама, а как твой пальчик?» Если я устаю, а мальчик с чем-либо настойчиво пристает ко мне, стоит мне сказать: «Руди, у меня головка болит», — и он тотчас же прекращает свои просьбы, притихает, становится печальным. Ранее уже отмечалось, как сочувственно жалостливо относился Руди к другим близким ему людям и к животным. Но конечно его любовное чувство к матери превалирует над всеми другими симпатиями.

Дитя до 3 лет шагу не хочет ступить без матери. К кому же, как ни к ней бежит ребенок при всякой настоящей и мнимой опасности, при всяком огорчении, пряча в ее коленах свое лицо (Табл. В.76, рис. 3), прижимаясь головкой, цепляясь ручками, хватая за платье. Там, где мать любовно выполняет свою великую миссию в отношении дитяти, слово «мама» не сходит с уст ребенка, склоняясь во всех падежах, употребляясь при всяком случае, — с этим словом дитя начинает свой день, пробуждаясь ото сна, с ним оно засыпает. Неудивительно, что лучшие люди всех времен и народов выражали в прозе и поэзии светозарно-прекрасными, трогательными и проникновенными словами свое чувство к матери.

[29] Милая мама, люблю!

Вспомним прелестные, умилительные строки из «Детства и отрочества» Толстого, волнующее надсоновское стихотворение «Мать», посвященные матерям стихи Некрасова[30] , так полно отражающие неизъяснимую красоту, глубину и крепость этой связи.

И все мы знаем, чем цементирована эта связь.

Ведь мать отдает своему ребенку так много: она дает ему свое тело для развития, свое здоровье для рождения, свою молодость и силу для его взращиванья, свое сердце его сердцу в часы его невзгод, свое идейное человеческое призвание для его идейного становления. Она отдает так страстно, так самоотверженно, так любовно. Она как бы вся проникнута желанием, которое может быть выражено словами: «дай мне послужить тебе, чтобы жива была радость в душе моей».

И дитя, как мы видим, платит взаимной любовью за любовь. Правда, все отмечают, что любовь ребенка к матери всегда уступает любви матери к своему дитяти и носит явно эгоистический характер.

Мое дитя в вышеприведенном диалоге (см. подробно на стр. 290 [217]) выявило совершенно определенно этот эгоистический характер любви, но, как мы только что видели, наступает момент, когда дитя порой готово отказаться от всех реальных благ во имя сохранения контакта с матерью и само готово пожертвовать ей своими личными желаниями, эгоистическими наклонностями. «Любовь вызывает любовь», и вот на фоне вначале прозаического контакта протягиваются между матерью и дитятей тонкие, но крепкие эмоциональные нити, которые не разрываются даже тогда, когда между матерью и ее ребенком разрушаются все материальные связи.

Конечно пока дитя мало, каждый сочлен семьи любим им за какое-нибудь реальное полученное от него благо. Дитя зачастую выражает нежные чувства именно в тот момент, когда получает радость от близкого человека. Например мой Руди очень любил гулять со мной, и стоило лишь мне сказать: «пойдем гулять», он (в возрасте 1 г. 8 м. 12 д.) тотчас же бросался ко мне, обвивал руками мне ноги, прижимался личиком к платью; в другое время, всякий раз, как я говорила, что буду с ним играть, он (в возрасте 2 г. 3 м. 27 д.) по своей инициативе целовал мне руку и ласкался, очень напоминая этим Иони, который при аналогичных обстоятельствах касался открытым ртом моей шеи, учащенно дыша. В обоих случаях мы находим первые зачатки выявления благодарности как естественного ответа на радость, доставленную близким существом. И у Руди, как и у Иони, я могла подметить зачатки ревности. Раньше (в главе о собственности) уже было отмечено, как однажды мое дитя приревновало меня к своему отцу (см. стр. 292 [219]), а в другой раз — к кукле. Когда моему годовалому Руди купили большую куклу и я в его присутствии няньчилась с ней как с ребенком, он подполз к кукле и ударил ее. Позднее вечером на глазах у мальчика я положила куклу, как ребенка, в кроватку, закрыла пеленкой и стала покачивать ее, — мальчик, смотря на это, стал издавать сдержанные плаксивые звуки, а когда я поднесла куклу к нему поближе, он враждебно резко хлопнул ее.

В отношении социального распространения нежных чувств следует отметить, что в противоположность Иони мой Руди широко дарил своей лаской и благосклонностью многих из окружающих его. Уже у 11-месячного ребенка легко можно было установить диференцированную симпатию к домашним, тщательно пронаблюдав простой естественный эксперимент реакции дитяти на оставление его с тем или иным своим человеком.

Например мой сын одно время предпочитал меня всем домашним, и всякий раз, как мне приходилось его сдавать на другие руки (по-очереди четырем сочленам нашей семьи), он неизменно плакал; наоборот, ко мне он шел от них с неизменной радостью. Позднее, когда во время моей болезни мальчик стал проводить много времени с нежно ухаживавшим за ним дядей, мое первенствующее положение уже через 3 дня было временно снижено, и я отступила на второе место.

В этот период каждый уход дяди от ребенка сопровождался сильнейшим ревом дитяти; дядю он не хотел заменить никем из нас и порой плакал так сильно, что крупные слезы скатывались из его глаз прямо на пол. Ранее уже упоминалось о том, как горячо он сочувствовал дяде.

Но мой мальчик подобно шимпанзе, утрачивая душевный контакт со своим покровителем, немедленно стремится приобрести нового. Однажды (когда Руди было 1 г. 0 м. 1 д.) тот же дядя за что-то резко прикрикнул на мальчика, — малютка немедленно подошел к близстоящей бабушке и, просительно давая ей

[30] «При каждой новой жертве боя».

свои ручки, окликнул: «баба!», красноречиво отдаваясь под ее покровительство, хотя до этого инцидента бабушка всегда занимала в его сердце уступающее место. Точно так же это легкое замещение привязанности сказывалось и в том, что при укладывании ребенка на ночь он (1 г. 10 м. 17 д.) предпочитал оставаться с тем из нас, кто в этот день играл с ним больше и занимательнее. В возрасте 2 лет Руди уже откровенно словесно выражает свои чувства, говоря, что любит одних и не любит других домашних. В возрасте 2 г. 3 м. 25 д. он уже начинает симпатизировать некоторым приходящим посторонним, перестает их бояться и говорит: «Любу дядю фотографа» (присутствие которого доставляет ему много развлечения). Естественно, что нежные чувства ребенка очень часто распространяются на своих сверстников, на маленьких детей, с которыми он вступает в игровой контакт, которых порой опекает самым заботливым образом.

2. Семейное, покровительствующее общение.

Уже подчеркивалось, что многие дети как и Руди особенно трогательно относятся к меньшим своим собратьям не только из рода Homo sapiens, но и к животным и даже по отношению к неодушевленным предметам, например к чучелам, к игрушкам; чем меньше, беззащитнее, угнетеннее оказывается покровительствуемое ими существо, тем более симпатии и сочувствия оно вызывает и у Руди. Многочисленные примеры конкретно подтверждают эту мысль. Уже упоминалось, как жалостливо относится Руди ко всем страдающим животным до насекомых включительно; хотя для проявления эмоции нежности нужна бывает известная зрелость, наступающая у разных детей в различном возрасте. Мой Руди например (в возрасте 1 г. 2 м.) тянулся к контакту с живыми животными, но он грубо хватал, теребил кошку за шерсть, доставляя ей этим только неприятные ощущения, но уже 2½ лет он пытался осторожно гладить кошку, говоря: «Пизилеть кисуру» (пожалеть, т. е. приласкать кошку), как радостно кормил он живую собачку (Табл. В.70, рис. 1—3).

А какой непреходящей симпатией мальчика пользовался его плюшевый медведь, постоянный и неизменный его товарищ (Табл. В.73, рис. 1—6); с какой трогательною нежностью относился он к фарфоровому слонику, к гипсовым собачкам, к кошкам. И не только вновь подаренные игрушки вызывали его симпатии, но именно старые-старые, полуразрушенные, истрепанные, перековерканные игрушки. «Красавица моя!» — называет Руди уродливую головку разбитой гипсовой собачки, подтверждая этим многочисленные пословицы на тему: «любовь слепа» или «не по хорошу мил, а по милу хорош».

Мой мальчик ни за что не соглашается выбросить или дать товарищу полуразбитого игрушечного слоника и предпочитает отдать взамен новую, блестящую, но нелюбимую зверушку, нежели старую исковерканную, с которой был связан интимными нитями своего детского сердца (Табл. В.70, рис. 4).

В моих протоколах наблюдения над ребенком (в его возрасте от 1 г. 7 м. 28 д. до 3 лет) находятся бесчисленные записи, подтверждающие эту мысль.

Дитя рано эмоционально диференцирует свои игрушки и (в возрасте 1 г. 7 м.) оказывает некоторым из них, особенно предпочитаемым, знаки нежного внимания: целуя, обнимая их, лаская, прижимая к груди, издавая при этом кряхтящий звук. В этот период особенной симпатией Руди пользуются миниатюрные, тряпичные и фарфоровые пупсики-человечки, грязные, полуразбитые, замызганные, затасканные зверушки — наиболее частые участники всевозможных его игр; появление этих любимых игрушек после их временного исчезновения мальчик неизменно встречает радостным взвизгиванием; он радуется им, как милым товарищам, с которыми был разлучен; находя их, он осыпает их поцелуями.

Дитя (в возрасте 1 г. 10 м. 10 д.) выражает порой свою симпатию даже по отношению к изображениям особенно милых ему животных (например цыпляток, зайчат, белочек) и, находя в книге такие рисунки, припадает к ним личиком, целует их, не будучи в состоянии сдержать своих радостно-нежных чувств к ним.

Но симпатия Руди распространялась и на чучела. Характерно, в то время как Иони например весьма агрессивно отнесся к показанному ему чучелу маленького шимпанзенка (см. стр. 126 [109], Табл. В.24, рис. 2, 3) и стал на него нападать, 2½-летний Руди сначала испугался, видя впервые чучело Иони, а освоившись по собственной инициативе стал обнимать его, крепко прижиматься к нему всем тельцем, имея чрезвычайно благодушное улыбчивое выражение лица, говоря: «Пизилеть Лёню» (Табл. В.70, рис. 5, 6), т. е. приласкать Иони, пожалеть.

А с какой нежностью относился мой малютка (в возрасте 2 г. 11 м. 7 д.) к своим бесчисленным игрушечным зайчатам! Идя утром гулять, он непременно захватывал с собой и любимого зайчика, неся его в руке или

в кармане, и тотчас же вынимал его наружу и показывал ему особенно занимательные вещи (например проезд танка и т. п.). Он не выпускал зайчика из рук даже во время различных оживленных игр, он плакал и искал, когда случайно куда-либо затеривал зайчонка, и не успокаивался до тех пор, пока не находил его. Во время обеда Руди подсаживал зайчика к себе и добросовестно делился с ним самыми лакомыми кусочками, вечером он укладывал зайчика с собой под подушку, заботливо и нежно укрывал его одеяльцем[31].

Это пристрастие к зайцам доходило у Руди до того, что когда например он однажды увидел на мармеладной конфетке отпечатанного зайчика, он ни за что не хотел съесть эту конфетку и просил оставить ее, говоря: «Жалко зайчика»; он не хотел съесть эту конфетку даже тогда, когда я стала его уговаривать, что другой конфетки нет и что ведь зайчику совсем не больно. Мальчик был непреклонен в своем решении, хотя для него это было большой жертвой, так как он всегда был большим лакомкой и имел особенное пристрастие к мармеладу.

И эта последняя черта дитяти человека также проводила резкую грань между ним и шимпанзе, намечая дивергирующую направленность в проявлении их ласковых, нежных чувств.

В то время как у шимпанзе чувства ласки и привязанности связаны исключительно с лицами, его опекающими, с лицами, удовлетворяющими его эгоистические потребности (следовательно по существу своему эти его нежные чувства эгоцентричны и направлены по отношению к сильным мира сего, а по отношению к слабейшим Иони ведет себя как угнетатель и деспот), — у ребенка эти чувства зачастую направлены как раз на беззащитных и слабых. Дитя человека кроме этих, также имеющихся эгоцентрических симпатизирующих чувств, обладает и альтруистическими тенденциями; порой оно не ищет и не ждет ни помощи, ни защиты, ни ответа со стороны обласканных им живых объектов уже потому, что знает, что они неживые, что они не могут двинуть и пальцем, чтобы ему что-либо сделать. Его любовь к слабым мира сего — порой самодовлеющая альтруистичная любовь, прообраз будущей качественно особенно высокой родительской любви, залог возможности осуществления высшей формы любви — любви братской, общечеловеческой.

Обращаясь к сравнительному сопоставлению социальных чувств ребенка человека и дитяти шимпанзе, мы должны определенно сказать, что оба они имеют настолько ярко выраженный социальный инстинкт, что их жизнь оказывается неполноценной, омраченной и приглушенной, как только они остаются в полном одиночестве. Отрешаясь от усиления моментов страха, свойственных каждому малютке, предоставленному самому себе, своим маленьким силам и естественно недоверяющему этим силам, следует подчеркнуть, что одиночество лишает ребенка жизнерадостного мироощущения и радостных эмоций.

Неудивительно, что по необходимости растущие в одиночестве дети оказываются замкнутыми, угрюмыми, меланхоличными, производят впечатление маленьких старичков, лишенных естественных атрибутов, ребенка — обаятельной непосредственности, детской резвости, живости, игривой шаловливости развивающегося в сообществе дитяти. Крошечное дитя, преодолевая страх, уже страстно настойчиво тянется к общению с посторонними. Было отмечено, как Руди (2 лет) тянет за платье сидящих поблизости от него в трамвае чужих людей, окликает, дергает проходящих по улице, желая вступить в контакт с ними. Двухлетний Руди заговаривает, заигрывает с незнакомыми взрослыми, подзывает к себе детей для игры, активно соучаствует с ними в организованной игре, говоря (2 г. 7 м. 19 д.): «Скучно одному», когда окружающие не занимаются им и нет поблизости сверстников-товарищей.

Дитя человека, еще больше чем дитя шимпанзе, диференцирует свое отношение к разным людям; уже упоминалось, что оно очень рано (еще до того, как научается говорить) уже различает «своих» от «чужих», идя охотно на руки к первым и отшатываясь, не желая оставаться со вторыми. Очень индивидуализировано, чтобы не сказать эмоционально тонко градуировано, и его отношение к «своим»; в этот период оно конечно построено по принципу: «Wie du mir, so ich dir». На вопрос, кого ты любишь больше (называя одного или другого члена семьи), 3—4-летний мальчик определенно отвечает, не задумываясь ни одной секунды, решая это по опыту своего сердца и высказывая это открыто, с детской откровенностью, «невзирая на лица». При ближайшем анализе оказывается, что он любит больше того, кто дарил его большей радостью, лаской и любовью.

Одного 3-летнего мальчика, который был предметом нежных забот моего уже 7-летнего Руди, спросили: «кого ты больше любишь — папу или маму?» Неожиданно он сказал: «Маму не люблю, папу не люблю, Лудю (Рудю) люблю». И когда вопрошавший сказал: «Скажу твоим маме и папе, чтобы они не давали тебе

[31] Неслучайно в военных играх Руди особенно тщательно вооружал именно этого зайчика, как бы желая выручить зверька в его беспомощности (Табл. B.98, рис. 6).

кушать, если ты их не любишь», — малютка насупился и убежал, а потом вернулся и сказал: «Не говори: я маму люблю и папу люблю».

3. Товарищеское общение.

Менее диференцирована, потому, что более сдержанна, реакция дитяти человека на посторонних. В этом случае, как и у шимпанзе, возрастный и эмоциональный признак является более определяющим характер отношения, нежели половой, т. е. дети и подростки и темпераментно живые, подвижные люди (безразлично мужчины или женщины), умеющие вживаться в настроение ребенка, влекут его к себе и составляют его любимое сообщество. Конечно больше всего дитя стремится к сообществу со сверстниками.

При общении со взрослыми дитя человека обнаруживает большую сдержанность, чем дитя шимпанзе, и конечно не только у Руди, но и у самых бойких, чтобы не сказать разнузданных, детей я не замечала того безудержно фамильярного обращения со старшими, как то наблюдалось у шимпанзе. Конечно дитя человека не употребляет и специальных способов ознакомления с посторонними взрослыми (в виде обнюхивания и осязания их, как то делает шимпанзе), ограничиваясь только их рассматриванием, но например Руди (в возрасте около 3 лет) нередко начинал свое ознакомление со сверстниками, не только бесцеремонно оглядывая их с головы до ног, но еще ошупывая пальчиками их лицо, губы, волосы, беря в свои руки их руки, тщательно их разглядывая.

Дитя стремится солидаризироваться со взрослыми в своих радостных и печальных переживаниях. Ушибаясь, оно спешит не только оповестить об этом близких ему людей, ожидая от них помощи, но и рассказывает другим об этом событии.

Однажды мой Руди (в возрасте 2 г. 8 м. 24 д.) наколол себе ножку о рожки игрушечной жирафы и плакал от боли. Чтобы обезопасить игрушку, эти рожки вытащили. Когда пришел отец, мальчик немедленно стал сообщать ему о происшедшем, сопровождая рассказ жестами: «как дядя у жирафы рожки покачал, покачал и трррык, другую рожку покачал, покачал — трррык!» (делая при этом рукой рвущее движение). После, когда пришла я, дитя и мне стало рассказывать об этом же событии.

В другой раз мальчик, придя с улицы домой, немедленно рассказал домашним о том, как во время прогулки няня упала в снег, спасаясь от наехавшего на них автомобиля; рассказ малыша (1 г. 11 м. 12 д.) был несложен: «Табиль, няня буг тег!»[32]

Преуспевая в каком-либо достижении, Руди тотчас же стремился продемонстрировать это взрослым и был рад, когда получал их одобрение. «Воть памаль муху, — пакажу маме!»—говорит он в возрасте 2 г. 0 м. 27 д..

Испытывая радость от созерцания проезжающих танков, дитя, видя внезапно появляющийся танк, бурно влетает в дом и настойчиво и страстно приглашает домашних бежать смотреть танк. Ценя какие-либо вещи, дитя требует и от своих близких любви и уважения к этим же вещам. У Руди (в возрасте 3 г. 0 м. 16 д.) это выразилось в следующей комичной форме.

Мальчик очень любил играть резиновой трубкой, которую он называл кишкой[33] , и вот однажды он спросил отца: «Папа, ты любишь кишку?» — «Нет», — сказал отец. Мальчик продолжал: «А я любу»!— и несколько погодя, как бы страдая от этого «идейного расхождения» с отцом, убежденно, веско добавил: «Папа! люби кишку!»

Испытывая новое, неизведанное в опыте ощущение, дитя неизменно приглашает и своих близких пережить то же самое; как часто слышим мы в этих случаях от детей такие фразы: «Мама, понюхай, попробуй, посмотри». Однажды мой мальчик (в возрасте 2 г. 10 м. 15 д.), надев новые ботинки, пахнувшие лаком, понюхав их, сказал: «Хорошо пахнет» и потом настойчиво предлагал всем окружающим понюхать ботинки.

А как отзывчиво отвечает дитя, когда взрослые стремятся ввести его в круг своих дел и интересов, как чутко, эмоционально живо сочувствует им, как радостно помогает им, как обижается, когда по некоторым причинам взрослые замыкаются от ребенка, скрывая от него те или другие встречающиеся в обиходе жизни явления или действия; как радостно и серьезно выполнял например мой Руди (в возрасте от 1½ до 3

[32] Автомобиль! Няня бух в снег!
[33] Подробное описание игр с кишкой см. «5. Игра эластичными предметами.».

лет) различные мелкие поручения, просьбы отнести, принести какие-либо предметы, передать их тому или другому сочлену семьи.

Как стремится дитя подражать не только единичным действиям взрослых, но и целой серии их действий, принимая на себя различные роли и профессии (газетчика, старьевщика, доктора, фотографа и т. д. и т. п.[34]).

Однажды Руди (в возрасте 1 г. 2 м.) в присутствии нескольких близких лиц сделал очень трудное дело: поставил на ноги деревянного барашка (Табл. B.112, рис. 1, 2), — сам он и все окружающие (отец, мать, бабушка, няня, дядя) захлопали в ладоши, одобряя его.

При вторичном воспроизведении того же действия няня не стала хлопать. Оглядев всех и не видя солидаризирующейся няни, дитя резко сказало: «няня!», как бы приглашая ее к соучастию в одобрении. В следующий раз, чтобы проверить правильность нашей догадки, не стала хлопать в ладоши одна бабушка, — тогда дитя воскликнуло: «баба!» И так мы проверили еще несколько раз на других уклоняющихся от хлопанья членов семьи, и мальчик всякий раз замечал, кто не хлопал, и призывал к солидарности.

Как мы видели, у Иони тоже выражено это стремление к солидаризации с окружающими, но оно естественно не достигает того масштаба развития, как у дитяти человека: дитя шимпанзе стремится к общению с близкими, делится с окружающими его главным образом в том случае, когда боится, злобится, огорчается, когда ждет от них помощи, но когда шимпанзе оживлен, радостен, он как бы совершенно забывает о своих близких и даже предпочитает общение с чужими. Шимпанзе заражается от окружающих эмоциональными переживаниями, подражает их единичным действиям, осуществляет формы взаимного обслуживания и защиты, но все это в чрезвычайно узких размерах.

У дитяти человека (не только у своего сравнительно мягкосердного Руди, но и у других детей-дошкольников) я не наблюдала того ненавистнического отношения к крошечным (2—3-летним) детям, какое замечалось у Иони.

Более того, подросшее дитя (мой Руди в возрасте 4—7 лет) начинает покровительственно относиться к малышам, охотно переносит на них те заботы, которыми еще так недавно пользовалось само со стороны старших. Живо помню, как однажды мой Руди несмотря на упорные зовы старших не приходил со двора, и когда ему стали выговаривать за ослушание, он горячо воскликнул: «Да у меня было важное дело: застегивал Вовке[35] штанишки, он сам не умеет». И потом длительно и зачастую этот маленький Вовка пользовался самым трогательным уходом моего мальчика, который носил ему лакомства, одарял его игрушками, отстранял его от близко проезжавших автомобилей, переводил его через лужи и оказывал ему всяческую товарищескую помощь в трудных случаях вовкиной жизни. Тем более нежно-любовно относятся многие дети к своим младшим братьям и сестрам.

Точно так же вряд ли можно приписывать ребенку человека (до 5-летнего возраста) то полное запальчивости и задорности и смелости обращение с подростками и юношами, которое было так характерно для Иони.

Таким образом приходится сказать, что в своем общении с людьми ребенок более сдержан, робок, нежен и благожелателен, чем шимпанзе, который даже с посторонними обходится более смело и порой даже дерзко.

Характерно, что у дитяти человека не наблюдается той настороженной тенденции к сохранению руководящей роли в подвижных играх с человеком, как это наблюдается у шимпанзе; происходит ли это оттого, что шимпанзе в своем общении не вполне доверяет людям и втайне несколько боится их, обнаруживается ли здесь инстинктивная подготовка к роли будущего вожака или выявляются характерные для шимпанзе свободолюбивые устремления, протестующие против всякого стеснения и насилия, — сказать трудно, но несомненно, что эта тенденция была так велика, что Иони в противоположность Руди не допускает привилегию первенствующей роли даже близким ему людям (тем более посторонним), не идет здесь ни на какие компромиссы и яростно пускает в ход все свои физические силы и средства, чтобы выйти из подчиненного положения.

Мое дитя (в возрасте 2 г. 8 м. 14 д.) охотно и по своей воле вступало в контакт с одной вдвое более старшей, чем он, девочкой, радостно подчинялось ее инициативе в организации и проведении игр и настолько увле-

[34] См. многочисленые примеры в отделе «Подражательные развлечения».
[35] 3-летнему мальчугану.

калось этим сообществом, что, когда девочка уходила, настойчиво говорило: «Хочу Нину», «Любу Нину»; зато как радостно обнимало оно ее при встрече с ней! Руди всегда охотнее играл с более старшими чем он, мальчиками, нежели с более младшими.

Иони, наоборот, уже в возрасте 3—4 лет был необычайно инициативен в отношении установления игрового контакта с человеком и особенности неутомим в осуществлении подвижных игр.

Правда, все мы знаем, что ребенок только с известного возраста умеет войти в игровой контакт с другим того же возраста ребенком, и например Руди (в возрасте 3 лет) ограничивался тем, что лишь показывал знакомому ребенку свои игрушки или сам рассматривал его игрушки и еще не мог проявить самостоятельной инициативы в организации совместной игры со своей первой подругой — почти того же возраста девочкой. Они играли каждый по-своему, хотя друг около друга: поливали цветочки, взвешивали на игрушечных весах, но каждый делал это совершенно самостоятельно (Табл. B.71, рис. 1—3); для их объединения нужно было соучастие взрослого. Позднее год от года это участие требовалось все меньше и меньше, и уже в возрасте 3 лет и позднее Руди легко входил в контакт с детьми своего возраста, катал их на автомобиле, на лошади, на велосипеде (Табл. B.71, рис. 5, Табл. B.78, рис. 5; Табл. B.71, рис. 6), показывал им свои игрушки, демонстрировал чучела (Табл. B.71, рис. 4).

Испытав сладость общения со сверстниками-товарищами, дворовыми ребятами, мой Руди не мог усидеть на месте, едва видел их вышедшими на прогулку; его невозможно было добровольно оторвать от игры с ними, ибо никакие другие развлечения не могли быть поставлены в уровень с прелестью общения с детьми и не в состоянии были перетянуть к себе его интерес и внимание.

Наблюдая игру детей, я не раз замечала, что даже у дошкольников и в особенности у мальчиков-школьников при задорном заигрывании имеются почти все те же вызывающие дразнящие жесты, которые так свойственны и шимпанзе: именно толкание, ударение кулаком, намахивание, зацепление руками, щипание, тыкание пальцами, налетание всем телом — жесты и телодвижения, приглашающие к игре-драке, к игре-ловле.

Дитя шимпанзе, как мы видели, так же задорно и вызывающе относилось к подросткам, и его кусание их по всей вероятности следует считать за неуклюжее приглашение к игре и к взаимному игровому контакту. Подобно шимпанзе и мой Руди (в возрасте 2 г. 8 м. 7 д.), пробегая, зацеплял руками близких, окружающих, носился от одного человека к другому, хохоча, взвизгивая, вскрикивая, всячески стараясь вовлечь в игру с собой, вызвать на преследование его. Но конечно с чужими ребенок не решался этого делать.

Глава 4. Игры человека и шимпанзе

Подвижные игры

1. Развлечение движением.

Для ребенка человека, как и для дитяти шимпанзе, характерно наслаждение самодовлеющим движением.

Уже девятимесячный Руди, едва просыпается, пытается привстать, держась за жердочки кровати, а не лежит и гулит, как то было ранее; то он шлепнется, то встанет, пробует итти с поддержкой, пытается ползать, тянется к каталке, чтобы его везли; даже везомый в коляске он все время развлекается своими собственными движениями.

Десятимесячный ребенок является необычайно подвижным существом. Руди в этот период, развозившись, ни секунды не остается в том же положении: то он встает на ножки, то падает на пол, то, быстро поднявшись, пытается стоять без поддержки, широко растопырив ножки, а едва почувствует устойчивость, начинает быстро-быстро махать руками, словно собирается взлететь, делает несколько шагов вперед, падает, опять пытается подниматься, снова и опять с трудом привстает и, зацепляясь руками за окружающие предметы, лезет то туда, то сюда, карабкаясь на валики диванов, стремясь все выше и выше, падая, ушибаясь, но не охладевая в своих стремлениях к движению.

Одиннадцатимесячное дитя, едва выучившееся ходить, может длительно развлекаться беганьем по комнате, оно порой раз 20—30 подряд перебегает безостановочно из комнаты в комнату, из стороны в сторону, из угла в угол.

Годовалое дитя охотно бежит за покатившейся движущейся игрушкой, бежит спешно, наклоняя вперед туловище и голову, порой бросается вперед без всякой опаски и падает. Зачастую ребенок сам бросает впереди себя вещи и сам бежит их догонять, причем его путь идет не по кратчайшей линии.

Руди даже в возрасте около 3 лет очень любит развлекаться, валясь на пол, переваливаясь, как маленький медвежонок, с боку на бок, вздергивая кверху ножки, как бы вспоминая младенческое барахтанье, так и говоря: «Хочу поваляться по полу».

Кто из нас ни наблюдал, как дети-дошкольники носятся, как сумасшедшие, по дому из комнаты в комнату, всем мешая, за все задевая, умоляя «дать им побегать».

2. Бег и прыгание.

Дитя нередко и подолгу развлекается бегом как таковым. «Бегать, бегать, кугом, кугом!» (кругом), — кричит Руди (в возрасте 1½—2 лет), попадая в обширное помещение, крича, визжа,, бегая до изнеможения; ребенок так увлекается этим движением, что, сам того не замечая, доходит до сильнейшей усталости, схватывается за грудь, говоря: «бобо» (больно), но, отдохнув минуту-другую, опять срывается и убегает. Как любил Руди (в возрасте от 1½ до 3 лет) кружиться вокруг себя, доходя до головокружения, с восторгом и удивлением восклицая при остановке: «И кресло вертится, и диван вертится, и хлеб, и молоко, и бабушка вертится», полагая повидимому, что все окружающее вовлечено в водоворот его кружения. Как любил Руди взбегать на высокие горы и безудержно низвергаться с них вниз, рискуя расшибиться!

Бег, сопровождаемый прыганием, особенно воодушевляет ребенка, и для моего малютки (в возрасте 1 г. 6 м. 14 д.—2 г. 7 м. 6 д.) было громадным удовольствием, когда я разрешала ему бегать из комнаты в комнату и вспрыгивать на находящиеся там мягкие диваны и подпрыгивать на них вверх и вниз.

Позднее (в возрасте 2—3 лет) дитя радостно занималось спрыгиванием со ступенек лестницы, перепрыгиванием через плюшевого мишку, через невысокие им же установленные барьеры из деревянных брусочков (Табл. B.47, рис. 4, 5), прыганием через веревочку; но конечно в этих, как и в других физических упражнениях дитя уступало шимпанзе, который легко и бесстрашно прыгал на землю (с высоты 2—3 м) с ворот и заборов, на которые он забирался.

Всем известно, как дети любят игру в «классы», включающую прыгание на одной ноге или перепрыгивание через нарисованные на земле клетки.

Мой Руди с трудом и не ранее 4—5 лет выучился прыгать на одной ноге и обычно осуществлял это прыгание на короткое расстояние; у моего Иони я вообще никогда не наблюдала способности прыгания на одной ноге, но у того и у другого малыша я замечала непреодолимое стремление к прыганию на одном месте, что особенно энтузиастично осуществлялось при наличии под ногами слабопружинящей поверхности (диванов, кроватей), прогибать которые было им так радостно.

Сколько борьбы приходилось мне выдерживать со своим малышом, одно время настолько пристрастившимся к прыганию на мебели, что его приходилось стаскивать с нее насильно из боязни, что все имеющиеся в мебели пружины будут перепорчены этим неистовым и систематическим их продавливанием.

3. Подвижные игры (с животными).

Всем известно, какие оживленные и многообразные игры осуществляют ребята с молодыми щенками. Для моего 4—5-летнего Руди было громадным удовольствием «баловаться», как он говорил, с маленькой собачкой: то он бегал взапуски с ней, то наскакивал на нее, то тискал ее, то боролся с ней как со сверстником-мальчуганом.

Подобно Иони и своей маленькой собачке, преследующим всякое движущееся на их глазах живое существо, одержимым неодолимой силой, заставляющей их догонять убегающее, и маленький Руди (в возрасте от 1 г. 4 м. до 2 лет) очень любил развлекаться самодовлеющим преследованием, гоньбой воробьев, ворон, дворовых кошек, кур, собак, поросят.

Руди, как и Иони, очень охотно вовлекал в свое сообщество живых животных; он играл с ними даже более непосредственно, развязно и оживленно, чем со сверстниками детьми, причем в этих играх не было и следа того издевательского отношения к животным, которое было так характерно для Иони. В то время как шимпанзе, чувствуя свое физическое превосходство над животными, тотчас же пытается выявить над ними свой произвол и власть, преследуя их, тиская, стараясь ущипнуть, колотя, всячески истязая их, — Руди (уже в возрасте 2½ лет) пытается вовлечь живое животное в круг его человеческих, идейных интересов; так например, когда ему показали большую живую кошку, мальчик то подносил ей к носу маленькую игрушечную кошку, предлагая первой поцеловать вторую, то уже (в возрасте 2 г. 9 м. 13 д.) демонстрировал кошке чучело белочки, давал посмотреть ей свою резиновую куколку, то совал ей ко рту дудочку, предлагая подудеть, то приносил кошке разные игрушки и объяснял, как с ними играть, причем порой это объяснение было весьма несовершенное: например, показывая коту колечко от пирамиды и поясняя больше жестами, чем словами, Руди говорит: «Это такая, чтобы так делать», и, не дождавшись от него ответа, сам отвечает за кота и таким образом поддерживает разговор и общение.

Конечно дитя особенно охотно бегает вместе с домашними животными, устраивая всевозможные подвижные игры, догоняя, ловя, убегая от них, борясь с ними. По мере вырастания дитяти конечно осложняются и формы игры с живыми животными.

Мой 5-летний Руди, заполучив в сообщество трех котят, мог играть с ними целыми днями, без конца изобретая самые разнообразные игры: то он делал из колышков подобие клетки и сажал их в так называемую тюрьму, то он катал их на игрушечном автомобильчике, то он побуждал их прыгать через обруч, все время разговаривая с ними и за них, заставляя их вступать друг с другом во взаимное общение. Я никогда не замечала у Иони иной формы общения с живыми животными кроме гоньбы, жестокого тисканья их и драки с ними.

Если нет под рукой живого животного, игрушечное в полной мере могло его заменить. Из несметного количества развлечений сына с бесчисленными игрушечными животными возьму хотя бы забавы с его любимцем товарищем «получеловеком, полузверем» по определению мальчика[1] — плюшевым мишуком.

Чего-чего Руди с ним ни выделывает! То он (в возрасте 2—2½ лет) сажает мишку в игрушечные авто, или поезд, и возит его (Табл. В.46, рис. 1), то (в возрасте 3—3½ лет) он затевает с ним борьбу, наваливается на него, тискает и как бы побеждает, то он берет на себя роль врача и, вооружившись резиновой трубкой,

[1] Определение было дано при следующих условиях: однажды я спросила Руди: «Как ты думаешь, твой плюшевый мишук — человек или зверь?» Он ответил: «Получеловек, полузверь» и пояснил: «лицо человечье, руки и ноги мишучиные».

приставляет ее к груди усаженного на диванчик мишки и как бы выслушивает его (Табл. В.72, рис. 6, Табл. В.106, рис. 6), то он угощает его так называемой рыбой, пойманной в так называемом пруде — в луже. Летом он катается с ним на велосипеде, дрезине (Табл. В.77, рис. 5), зимой — на санках (Табл. В.73, рис. 5, 6); сконструировав из диванных валиков так называемый аэроплан, в качестве пассажира мальчик берет своего мишука (Табл. В.114, рис. 5). С ним он охотнее всего качается на качелях, лазает с ним по трапециям (Табл. В.73, рис. 2—4).

Будучи в возрасте 4½ лет, Руди сам придумывает и конструирует уже сложную игру поимки мишука — игру, состоящую из 6 этапов (Табл. В.72, рис. 1—6):

1. Мальчик собирает ягодки шиповника (прикорм мишука).

2. Мальчик делает на земле веревочную петлю и сыплет в нее: корм.

3. Расположив петлю над прикормом, просит бросить в петлю мишука и сам готовится затянуть петлю, настороженно присев поодаль.

4. Затянув петлю, подтаскивает мишку к себе.

5. Как добычу, уносит на спине висящего в петле мишку.

6. Привязывает мишку к дереву, чтобы он не убежал.

Как видно, эта игра имеет уже ряд последовательно развертывающихся целенаправленных действий, связанных с мнимым овладеванием животным, — представляет собой прототип игры-охоты.

Позднее, в возрасте 5 лет, попав в стадию увлечения войной, Руди постоянным и неизменным своим товарищем по оружию делает того же мишука, снабжая его противогазом, вооружая снарядами, ружьями и пушками, вовлекая его в разнообразнейшие игры в войну, то заставляя мишука быть в стане неприятеля и прислоняя его к пушке, побуждая нападать на себя (Табл. В.68, рис. 5), то беря медвежонка в свой лагерь и, по-товарищески обнявшись с ним, нападая на мнимых противников.

Не только любимец плюшевый мишук, но и другие игрушечные животные (зайцы, кошки, собачки, лошадки), точно так же как и куклы, настолько одушевляются малюткой, что он пытается ввести их в круг самых разнообразных своих развлечений. Забавляясь сам бренчанием клавиш на игрушечном пианино (в возрасте 4 лет), Руди побуждает ударять лапой и своих игрушечных любимцев (мишука, зайчика и кошечку — Табл. В.72, рис. 5); играя с ними, он (в возрасте 2 г. 8 м. 23 д.) непрерывно разговаривает с ними как с товарищами.

Конечно формы игры с одушевляемыми игрушками осложняются в зависимости от возраста ребенка. Если в более раннем возрасте игровой контакт с одушевляемой игрушкой сводится к воспроизведению какого-либо единичного действия, взятого из человеческого обихода, то в более позднем возрасте (3 лет) дитя осуществляет целую серию действий, иллюстративно конкретизирующих сложное явление, требующих участия целого коллектива неодушевленных сотоварищей. Так например (в возрасте 3 лет) Руди устанавливает длинные цуги из различных игрушечных экипажей, рассаживает в них кукол и зверей и «путешествует» с ними по садику (Табл. В.75, рис. 1); то он вмещает массу зверей в грузовой автомобильчик и заставляет меня везти их, а сам, нацепив барабан, идет впереди, говоря, что едем «на демонстрацию» (Табл. В.75, рис. 3); то он делает так называемый аэроплан, сам садится за летчика, а меня заставляет быть пассажиром и дает мне в компанию чуть не всех своих неодушевленных сотоварищей (Табл. В.75, рис. 2).

Иногда мальчик собирает всех игрушечных зверей, полузарывает их в песок, или делает забор, устраивая зоосад (Табл. В.118, рис. 2—3); иногда он усаживает зверей и кукол за стол, расставляет посуду и разливает им чай; иногда он собирает коллектив из многочисленных игрушечных кошек и, показывая им любимую картинку («кошка удирает в окно от собак»), подробно и точно объясняет ее содержание. Таким образом он с воодушевлением и отчетливостью выполняет то руководящую роль возницы, то летчика, то демонстранта, то любезного хозяина, то лектора.

Вы часто можете услышать от дитяти, как он, уходя из садика, делает серьезный наказ игрушечной кошке, сажая ее в сани с остающимися игрушками: «Стереги, кто придет — отшлепай, а потом зубами так — тррык», — при этом подносит руку ко рту, как бы кусает ее. Другой раз он (2 г. 11 м. 1 д.) говорит: «У петушка слезы так и катятся», внезапно спохватываясь, заметив, что забыл посадить резинового петушка

за стол, где он угощал игрушечных сотоварищей чаем, — или: «Кошечка плячет» (2 г. 9 м. 10 д.), «барашек плячет» (плачет); в возрасте 2½ лет Руди дает лошадке сено, пытается ее кормить и стоит, созерцая и как бы недоумевая, почему же она не ест (Табл. B.72, рис. 2).

Однажды Руди (в возрасте 2 г. 9 м. 14 д.), показывая своей игрушечной лошадке картинки в книге (Табл. B.72, рис. 1, 3), пытается учить ее читать, дает ей книгу, говоря: «Ну читай, лошадка», и за нее произносит набор бессмысленных членораздельных звуков: «хре-пу-ссеп-хорре-те», и т. п. и т. д., считая повидимому, что лошадиное чтение должно отличаться от человеческого. В другое время он сам прочитывает лошади стишки, угощает ее (делится с ней) данным ему лакомством; иногда, забравшись на лошадь (Табл. B.78, рис. 3), он погоняет ее, говоря: «Но-но-но, еду на Вобовы горы» (на Воробьевы горы).

Разного вида куклы, одушевляемые ребенком не меньше (но, характерно, и не больше), чем остальные игрушки, выполняют по воле мальчика разные человеческие манипуляции: еще 1½-годовалый мальчик пытается кормить куклу (Табл. B.72, рис. 4), дает ей дудеть в трубу, целует ее; 2-годовалый охотно возит куклу в разного вида санках и тележках (Табл. B.89, рис. 1); 4-годовалый укладывает в постельку, купает и одевает ее; 4—5-годовалый уже пытается шить кукле.

4. Подвижные игры с людьми.

Обращаемся к подвижным играм ребенка со взрослыми людьми.

Ловля и убегание.

Излюбленная игра детей «в лошадки» (Табл. B.71, рис. 2) отвечает их тенденции к безудержному движению. По моим наблюдениям дитя (в возрасте до 3 лет) при игре «в лошадки» обычно предпочитает быть лошадью, но не кучером, в более позднем возрасте — наоборот.

Аналогичное в другом месте: когда я завожу с Руди игру в «салки» и заставляю его принять на себя роль ловца, он (в возрасте 2½ лет) еще не умеет выполнить этой роли, как бы не понимает смысла игры и бросает ее. Подобно Иони и в играх ловли дитя предпочитает убегание, а не догоняние, порой демонстративно вызывая на то, чтобы его ловили, уклоняется от преследования при настигании его, хохочет при схватывании и снова и опять заводит ту же игру, взвизгивая, едва видит новый налет на него ловца, ускоряя шаг, опрометью шарахаясь вперед, рискуя упасть и тем не менее продолжая эту веселую игру. Дитя (в возрасте от 2 до 3 лет) подобно Иони азартнее, энергичнее убегает, нежели догоняет.

5. Прятки.

Точно так же и при игре в прятки Руди (подобно Иони) предпочитает более пассивную роль — прятание, — нежели более: активную — искание, — которую он порой не умеет осуществить.

У дитяти человека (от 1 г. 5 м. 22 д. до 3 лет) мы наблюдаем более примитивное прятание, нежели у Иони. Шимпанзе, прячась от человека, залезает так, что его не видно (за портьеры, в темный, удаленный угол клетки); дитя часто лишь мнимо прячется — зайдет за плетеное кресло (Табл. B.76, рис. 2), за которым он видим (2 г. 5 м.), закрывает ладонью лицо, прячется головкой в колена матери (подобно тому, как показано на табл. 76, рис. 3), зажмуривает глаза; Руди, желая спрятаться, то закрывается газетой (1 г. 7 м. 10 д.), то своей шапочкой (Табл. B.76, рис. 4), то стереотипно прячется в то же самое место, приседает на-корточки на ступеньки крыльца (Табл. B.76, рис. 1), закрывая руками глаза (в возрасте 2 г. 2 м. 8 д.), поворачиваясь спиной, и, не видя никого, думает, что и он невидим, хотя расположен на виду у всех. И только в возрасте около 3 лет ребенок начинает прятаться более потаенно: под кроватку, за шкаф, в беседку и другие скрытые места; порой он нарочно прячется так умело, что взрослые ищут его подолгу, беспокоятся не находя, а он с лукавой торжествующей улыбкой сидит прижавшись, боясь шелохнуться, ничем не выдавая своего близкого присутствия. Дитя любит прятать, зарывать вещи в песок и потом настойчиво ищет их, пока не найдет (1 г. 10 м. 6 д.).

6. Игры соревнования.

Если подвижная игра включает в себе еще элемент соревнования в беге, то она осуществляется особенно восторженно. Я живо помню, с какой горячностью предавался мой мальчик (в возрасте 3—4 лет) бегу

взапуски со мной в окружности маленького садика, как он напрягал все свои силы, желая опередить меня в скорости достижения условленного пункта, как он торжествовал, придя первым к финишу, как он бесконечно долго мог перегоняться, доходя до полного изнеможения.

Дитя человека, как и дитя шимпанзе, с азартом отдается играм, включающим моменты соревнования в ловкости схватывания предметов: 2—4-летний Руди всегда с энтузиазмом развлекался игрой, кто скорее схватит подброшенный кверху мячик (Табл. В.82, рис. 6). Для него было большим торжеством, опередив соперника, поймать мячик в воздухе, но, так как это далеко не всегда удавалось, то он уже бывал доволен тем, что настигал мяч на земле, и здесь в последний решающий момент обладания он развивал такую силу натиска, что совершенно не щадил ни себя, ни своего партнера, падая, ударяясь, ушибая и ушибаясь, лишь бы схватить первому, сильно напоминая этой страстностью Иони, но уступая ему в дерзости, горячности и злобности оспаривания.

Все виды игр, построенные на принципе соревнования в скорости осуществления движения (бега, ловли, поимки живого существа, схватывания предмета) в подвижных играх, как и в скорости достижения конечной цели в неподвижных играх, где передвигается уже не субъект, а объект, приводимый в действие (например фишки, передвигаемые по цифрам, в игре «Кто скорее», «Зимний спорт», «Рич-Рач»; вертящийся и попадающий в дырки волчок в игре «Наш наказ советам»), так сильно увлекают ребенка, что возбуждают самые глубокие его эмоции, связанные с самолюбием, делая его сердце ареной борьбы между живейшей радостью и жестокой печалью.

Я живо помню, как неохотно мой Руди (будучи в возрасте около 3 лет) конкурировал в беге взапуски с несколько старшим по возрасту товарищем из опасения, чтобы тот его не обогнал, и когда он все же решился на это соревнование и проиграл, то разразился самыми искренними и горячими слезами. Иони никогда не плакал из самолюбия при поражении в скорости соревнования, но зато страстно злобился.

С невольным сочувствием вспоминаю я также, как при одной игре (в «Кто скорее») всякий раз, как мой мальчик попадал на неудачный номер и по правилам игры должен был начинать игру сызнова (вместо того, чтобы продвигаться вперед), он горько всхлипывал и с таким настороженным душевным волнением продолжал игру, желая опередить партнера, что на него было жалко смотреть. И это несмотря на то, что победа не сулила ему никаких реальных благ кроме первенства окончания.

Зато как торжествовал он, когда выходил победителем! Его личико светилось от радости, глаза живо блестели; лихо ставя первым шашку на последний номер, он звучно вскрикивал и при этом даже вскакивал с места от радости.

Таким образом мы видим, что процесс соревнования, базирующийся на самолюбии и честолюбии, проявляется в онтогенезе ребенка очень рано и властно, — и он-то пожалуй в большей степени, чем-другие виды деятельного поведения, изощряет психические и физические силы и способности ребенка.

Недаром акт соревнования был положен в основу нового соцстроительства СССР, неслучайно он был так энтузиастично подхвачен массами рабочих и дал такие высокие коефициенты продуктивности работы.

При анализе психической установки, связанной с процессом соревнования, мы должны сказать, что и здесь шимпанзе является более стоически выносливым, чем человек, который при неудаче огорчается сильнее, чем шимпанзе.

Руди (в возрасте 1 г. 3 м. 21 д.) был ужасно самолюбив и всякий раз, как стремился выполнить какое-либо действие и не мог его осуществить, тотчас же начинал плакать; он порой успокаивался немедленно и даже хохотал, если другой человек делал вид, что не может также этого сделать. Как радостно соревновался мой Руди в игре в скорости захвата наибольшего количества игрушек (в возрасте 2 г. 7 м. 12 д.) и как торжествовал он, когда превосходил меня в этом!

Дитя не пропускает ни одного случая, чтобы не выказать собственного (даже мнимого, даже воображаемого) превосходства. Например, когда ему было 2 г. 9 м. 27 д., можно было услыхать: «Мама, Апочка (т. е. он) не плакал, когда мама ушла, а Динамо, как мама уйдет, плачет» или (в возрасте 2 г. 10 м. 12 д.): «Я поплакал, поплакал, и перестал, а Динамо (сверстник-мальчик) все плачет».

В еще более раннем возрасте (1 г. 10 м. 15 д.) всякий раз, как мой малыш неохотно и вяло ел, стоило сказать, что другой мальчик кушает лучше, — и он немедленно старался выправиться и начинал есть более

энергично. Не обидчивость ли проявлялась у моего 10-месячного Руди, когда например при небольшом промедлении с дачей принесенной и показанной пищи ребенок, вместо того чтобы жадно схватить ложку и кушать, не желал принимать ложку, выворачивался тельцем, ломал ручки и ножки, как бы в знак протеста, обиды за промедление? Не самолюбием ли объяснить тот факт, что сильный смех взрослых первоначально (у ребенка до 1 года) вызывает нередко плач дитяти, позднее (у дитяти в возрасте 1½ лет) тот же смех вызывает агрессивные чувства, мальчик замахивается на смеющегося «своего» человека и бьет его по лицу; возможно, что он заподазривает насмешку над ним взрослого.

Дитя определенно страдает, замечая свою «Minderwerthigkeit» в чем бы то ни было. Как уже было упомянуто, однажды Руди (в возрасте 2 г. 7 м. 23 д.) вызвался пересказать мне сложную прозу (текст из книги «Слон Вамбо»). Я усомнилась, может ли он это сделать. Мальчик бойко начал говорить, но, сказав три строки, вдруг запнулся, не мог вспомнить дальше текста и разревелся, хотя я всячески старалась оправдать его забывчивость, говоря, что это очень трудный текст и даже я не могу его сказать. Позднее (в возрасте 2 г. 8 м. 24 д.) дитя, обескураженное этим неудачным опытом, порой очень охотно и выразительно говорило стихи няне, но определенно стеснялось говорить стихи при мне и в моем присутствии либо замолкало, либо говорило механически, без всякой интонации, словно боясь остановиться.

Большое смущение уже подросшего 3-летнего ребенка, находящегося в присутствии посторонних взрослых, обусловливается не только робостью, но и застенчивостью, в основе которой лежит самолюбивое чувство.

Руди нередко при подобном общении стоит неподвижно, упирая язык в щеку, краснея, когда с ним заговаривают.

Эта большая психическая ранимость дитяти человека по сравнению с дитятей шимпанзе, обнаруживаемая в актах, не имеющих для них витально важного значения, опять-таки намечает дивергирующее расхождение психики обоих малышей в более тонких психических чертах.

7. Катание.

Подобно шимпанзе и дитя человека обожает разные способы передвижения, предпочитая те из них, которые более быстры: например Руди (в возрасте 4—5 лет) при условиях выбора со слезами отстаивал езду на автобусе, а не на трамвае.

На мой вопрос, на чем бы он хотел ехать — на велосипеде или на мотоцикле, он конечно останавливался на последнем, и так как ему не приходилось испытать мотоцикла в практике, то он ограничивался только тем, что страстно и любовно созерцал проезжавших мотоциклистов, многократно упрашивал меня купить ему мотоцикл и даже задумал самостоятельно копить деньги на мотоцикл, после того как узнал, что у меня нет столько денег, чтобы купить ему машину.

С каким удовольствием мой 5-летний малыш, будучи в Зоопарке, катался в колясочке, запряженной маленьким пони, — он готов был без конца увеличивать количество туров проезда.

Пассивное пребывание в сидячем положении в перевозимых колясочках, санках, в лодках мало развлекает даже 2—3-летнего ребенка.

Его жажда к движению слишком сильна. «В движении счастие мое — в движении», — можно сказать устами ребенка, и ни одно наказание не воспринимается им так тягостно, так остро, как ограничение движения. А однажды Руди, когда ему стали запрещать болтать ногами за столом во время еды, выразился даже еще более красноречиво — «Мама, у меня что-нибудь да должно быть в движении!»

Неслучайно в (недоброй памяти) старинной школе в качестве способов наказания чересчур подвижным ребятам давались на определенный срок разные испытания, как например стояние «столбом» (т. е. неподвижное пребывание на одном месте), стояние «в углу» (когда изменялась не только способность к передвижению, но и ко всякой психической активности, связанной с деятельностью зрения), стояние «на коленях», и т. д. и т. п.

Когда вследствие какого-либо несчастия (костного туберкулеза, слома ноги) дитя обрекается на неподвижное пребывание в постели, оно производит чрезвычайно тягостное впечатление.

В прелестной книге Чуковского «Солнечная» мастерски изображается списанное с натуры препровождение времени детей, находящихся на излечении в костном санатории. Принужденные лежать, дети-туберкулезники утоляют свое буйное стремление к движению тем, что всевозможными остающимися в их распоряжении средствами воспроизводят разнообразнейшие и неистовые движения: они выдумывают и устраивают так называемые «мастирки», т. е. нитки с грузом на конце, или колечки на резиновом шнурке, которые они запускают для ловли различных находящихся в отдалении от них предметов. Вымахивая свободные концы мастирок, ребята вступают при посредстве этих резинок в контакт друг с другом, производят хищение завлекательных предметов, замены их, игры ими, состязаются в ловкости достижения и умыкания желанных вещей, устраивают воздушные битвы друг с другом за обладание самими мастирками и приводят все находящееся вокруг них в такое безудержное и бурное движение, что издали кажется, что комната населена жизнерадостными сорванцами, одаренными всеми благами природы.

Садясь в повозки, каталки и санки, запряженные игрушечными или настоящими лошадьми, ребенок хочет во что бы то ни стало быть активным. Уже крошечное (11-месячное) дитя, везомое в колясочке, не довольствуется этим передвижением, а привстает на коленочки, бросается вниз личиком, падая на подушку, ерзает на брюшке, привстает и падает, расшвыривает по коляске лежащие в ней предметы. Передвижение стимулирует его к самодеятельным движениям; будучи в экипаже, дитя желает держать вожжи, хотя само еще не умеет править ими. Везомое в игрушечном автомобильчике, дитя (4 лет) вертит руль, хотя еще не умеет фактически осуществить поворот (табл. 71, рис. 5). Двухлетнее дитя; даже садясь на свой маленький стульчик, плотно упираясь ножками в пол, пытается передвигаться толчками, пятясь задом.

Находясь во время передвижения в повозке, в трамвае или на извозчике в пассивном состоянии, дитя дополнительно развлекается тем, что созерцает движение; то оно, широко раскрыв глаза и полураскрыв рот, вглядывается в уличное движение и суету, то дополнительно развлекается привязанными к детским санкам ветряными мельницами, воздушными шарами, которые, кружась и качаясь от ветра, восхищают его своим движением.

Сидеть на неподвижной игрушечной лошадке дитяти совсем неинтересно: приводить ее в движение само оно (3 лет) еще не умеет. И вот мой Руди например придумывает себе такое развлечение. Посидев некоторое время на лошади, он нарочно падает с нее на землю, как если бы она его сбросила, а через некоторое время опять встает, опять садится и опять падает (Табл. B.78, рис. 4)[2] . В возрасте 4 лет мальчик уже открывает особый способ передвижения на той же лошадке и широко использует этот прием в игре. Он садится верхом на лошадь, опирается ногами о землю и, держа лошадь за морду, отталкивается от земли ногами, толчками передвигаясь вперед (Табл. B.78, рис. 3). Передвигаясь таким манером, он (4½ лет) пытается как на буксире катить за собой еще свою маленькую подругу, усевшуюся на лошадку, прицепленную сзади к его лошади (Табл. B.78, рис. 5).

Но живая лошадка в виде человека доставляла моему дитяти, как и шимпанзенку, особенное удовольствие. Взобравшись на спину к кому-либо из мужчин, стоящих на полу на-четвереньках, уцепившись руками за шею, мой 2½-летний Руди без конца желал кататься по комнате, доводя до изнеможения оседланного человека и все понукая его передвигаться. Любит дитя носиться по комнате, прицепившись к кому-либо из нас на спину и не желая слезать несмотря на настойчивые увещевания.

А каких-каких только установок, предназначенных для передвижения, ни измышляет его маленькая головка, ни конструируют его маленькие ручки (см. подробнее в отделе «Конструктивные игры ребенка»).

Все способы человеческого передвижения и целые цуги их (передающие езду на лошадях, на санях, на трамвае, на велосипеде, на мотоциклетке, на автобусе, на поезде, на лодке, на пароходе, на аэроплане) воплощаются ребенком более или менее совершенно в самых разнообразнейших самодельных приборах, используемых им самим или его игрушечными сотоварищами (Табл. B.75, Табл. B.114, Табл. B.115, Табл. B.117).

Чем больше инициативного участия дитяти при его передвижении, тем это завлекательнее. С какой радостью катается дитя со снежных гор на санках, на ледянках, и просто садясь на самую землю и съезжая вниз. Руди (в возрасте 2 г. 7 м. 27 д.) смело катался с высокой снежной горы, настойчиво отстранял всякие

[2] Такие же искусственные катастрофы в целях повышения динамики игры устраивает Руди и при езде на велосипеде (Табл. B.79, рис. 6) и при полете на так называемом аэроплане (Табл. B.115, рис. 3). Если Руди не мог сам передвигаться, сидя в игрушечном автомобиле, он ухитрялся вносить идейный динамический момент в статическое положение вещей: он создавал подобие надвигающейся катастрофы, сажая своего мишука как раз перед автомобилем (Табл. B.73, рис. 3), как бы на пути своего предстоящего проезда.

попытки придерживания его, даже бравируя при спуске, не желая держаться за санки; он боялся, он даже закрывал глаза при скатывании вниз, и тем не менее на мой вопрос, почему он не хочет держаться, мальчик неожиданно для меня ответил: «как полагается», повидимому считая, что эта бравурная езда с опасностями ему более свойственна, нежели нормальная, пассивная инертная, покойная езда (Табл. В.48, рис. 4, 2).

У меня сохранилось яркое воспоминание о том, с какой живой радостью отдавался мой мальчик игре в «железную дорогу», когда я перевозила его зимой на санках в разные места двора и садика, называя их станциями; я помню, что самый воодушевляющий момент игры был тот, когда так называемый «поезд» уходил, а мнимо опоздавший пассажир торопился вскочить в санки находу, — и как же Руди ликовал, когда преуспевал в этом! Как и Иони, Руди не удовлетворяло последующее единообразное передвижение до пункта остановки, и он изобрел дополнительный игровой трюк: на середине пробега он вдруг срывался с санок и бежал к месту старта, говоря, что он забыл на станции какую-либо вещь, а потом с удесятеренной поспешностью торопился догнать уже далеко ушедший «поезд». Аналогичное подсаживание делает он всякий раз, как видит проезжающие дворовые сани, перевозимые лошадьми или людьми, догоняя их и прицепляясь к ним, напоминая этим котенка, не могущего удержаться на месте при виде катящегося клубка или какой-либо двигающейся вещи. Неудивительно, что проезжающие извозчики вечно осаждаются мальчишками, прицепляющимися к задкам саней; далеко неслучайно буфера трамваев огружаются целыми гроздьями ребят, пренебрегающих даже серьезными опасностями, лишь бы прокатиться. Я убеждена, что никогда нормальная езда на трамвае не доставит ни одному сорванцу больше удовольствия, нежели такое лихое катание на буферах.

Как бы навстречу этой инстинктивной потребности к инициативному движению идут такие детские машины для передвижения, как дрезины, приводимые в действие путем надавливания на рычаги.

Руди уже в возрасте 3 л. 3 м. мог пользоваться дрезиной, попеременно нажимая на рычаги правой и левой ручкой, но он ехал лишь по прямому пути и еще не умел поворачивать ее ножками (Табл. В.79, рис. 1); через полгода (в возрасте 3 л. 9 м.) он уже направлял машину ногами, а в возрасте 4 л. 4 м. он уже постигает управление дрезиной другой конструкции, требующей одновременного напряженного нажимания двумя руками на рычаг и двумя ногами на нижнюю ось, замещающую руль (Табл. В.79, рис. 2).

Нечего и говорить, что такое двигательное сооружение, как детский велосипед, воодушевленно используется ребенком. Если 4-летний Руди, впервые забравшийся на велосипед, катается еще несколько настороженно, неловко управляя рулем, часто падая то, поездив месяца два-три, поупражнявшись, он настолько осваивается, что с громадной быстротой делает бесконечные туры на велосипеде; скоро он уже не удовлетворяется и этим, а затевает езду с препятствиями: он укладывает на пути своего следования тонкие палки, жестяные пластинки, дощечки (Табл. В.79, рис. 3) и лихо прокатывает по ним, усиливая нажим на педали и торжествуя, когда весь этот «корявый наст» дребезжит, стучит, грохочет, подпрыгивает и разметывается в стороны после его проезда. Он мало смущен, если даже сам падает; более того, он нарочно устраивает порой падение с велосипеда при самой внешне благополучной езде (Табл. В.79, рис. 6).

Через год бравада при его поездке на велосипеде все возрастает: каких-каких только фокусов он ни выстраивает! То он пытается хвастливо, молодецки ехать, не держась за руль руками и управляя лишь ногами (Табл. В.79, рис. 4), то., наоборот, он держится лишь за руль, то откидывает с педалей ноги (Табл. В.79, рис. 5), то наконец он берет в руки книгу и едет, управляя лишь ногами, рассматривая картинки в книге, перелистывая страницы, не глядя перед собой, ловко поворачивая переднее колесо даже на полукружных дорожках (Табл. В.79, рис. 4), приводя в трепет окружающих, опасающихся катастрофы с машиной и седоком[3] .

Подобно Иони и мой 2-летний Руди еще не учитывает, что не каждая катящаяся при везении вещь способна к самостоятельному передвижению.

Когда например ему подкатили впервые небольшой игрушечный автомобильчик, он тотчас же радостно сел на него и выжидательно и разочарованно сидел так некоторое время, как бы готовясь ехать (Табл. В.77, рис. 1). Когда этого не произошло, авто потеряло для него почти всякий интерес[4] . Аналогичная

[3] Шимпанзе Мисси, которую мне пришлось наблюдать в 1913 г. в Берлинском зоологическом саду, также могла самостоятельно быстро и ловко ездить на велосипеде по дорожкам сада, не держась руками за руль, и умела поворачивать велосипед одними ногами.
[4] Несколько позднее Руди придумал способ кататься: он упирался ногами в землю и отталкивался; при частых неизбежных остановках он старался как бы заводить руль авто (Табл. В.77, рис. 3). Через год Руди ухитрялся уже, оттолкнувшись ногами о почву в момент продвижения авто, уместить на него и свои ноги, хотя бы коротенькое расстояние проезжая в позе пассажира авто (Табл. В.77, рис. 4).

реакция была у него на лошадку на колесиках, которую можно было передвигать, но на которой нельзя было передвигаться, кататься.

8. Вожение предметов.

Конечно маленький ребенок радостно развлекается еще и одним вожением предметов: если он не едет сам, то он возит их, и это утоляет зуд подвижности в его руках и ногах.

Едва освоившись с процессом ходьбы (11 месяцев), Руди охотно возит, ухватившись за колеса, свою большую коляску, подталкивает легкую колясочку, везет, взявшись за край, стульчик, каталку; позднее (1 г. 4 м.) дитя уже с восторгом передвигает летом каталочку или даже тачку, нагруженную песком, толкая их впереди себя (Табл. B.45, рис. 1—3); зимой оно везет легкие саночки (Табл. B.73, рис. 5); этот способ ходьбы с опорой укрепляет еще недостаточно устойчивый и быстрый его шаг и бег.

Позднее дитя начинает возить за собой все, что может повезти, все, что катится: лошадки, авто, сани, тележки, стулья, ковры, и т. д. и т. п. (Табл. B.45, рис. 4, 6). Дальше — больше. В возрасте 3—3½ лет Руди с удовольствием передвигает экипажи, требующие при передвижении значительного мышечного усилия: зимой — тяжелые сани, каталки, доверху наполненные снегом, летом — тяжелое авто, нагруженное восседающей на нем сверстницей-девочкой (Табл. B.71, рис. 5), которую он возит с напряжением всех своих маленьких сил.

Не только 2½-летний, но и 4-летний Руди с восторгом еще забавляется катанием прикрепленных к палочке и передвигаемых впереди себя прыгающих зайчиков (Табл. B.45, рис. 5), зайчиков, ударяющих находу в барабанчики, встряхивающих крыльями бабочек, вертящихся мельниц.

Всякий раз, как мы отправляемся гулять с мальчиком, он берет с собой какую-либо движущуюся за ним или впереди его игрушку[5], чтобы оживить дополнительным движением и без того свой изобилующий собственными движениями и уличным движением путь.

Конечно Руди не идет спокойно: то он убегает вперед от меня, то он возвращается ко мне, он не в состоянии итти шагом, для него это слишком медленно, он идет с разными фокусами, то вприпрыжку, то галопом, то с какими-то особенными лихими вывертами и заворотами, то опрометью бежит вперед как сумасшедший, рискуя столкнуться с прохожими. Если Руди и не опережает Иони быстротой своих движений по земле, то он не уступает шимпанзе в многообразии движений.

Подобно шимпанзе дитя любит при беге воспроизводить всевозможные шумы, треск, грохот. С каким наслаждением носится ребенок из комнаты в комнату, возя длинные громыхающие цуги игрушечных тележек, авто, гусеничных тракторов, задевающих при поворотах за углы и издающих неимоверные и оглушающие звуки! И чем больше шума воспроизводит он в подобных скачках, тем больше радость дитяти.

Подобно Иони и 4—5-летний Руди охотно прицеплялся к дверям и, отталкивая дверь, прокатывался на ней некоторое расстояние, но конечно из-за относительной слабости своих рук он не мог держаться в таком положении так же длительно, как это делал Иони.

Подобно шимпанзе и мой малыш нередко, поставив наклонно деревянную лузу или большой полированный щит, скатывал с него различные круглые катящиеся предметы, а порой и сам соблазнялся этим соскальзыванием и, забравшись на верх щита, сев прямо на щит, пытался в сидячем положении съезжать вниз. Всем нам известно, каким вниманием ребят пользуются специально для них устраиваемые ледяные и полированные деревянные горки, с которых они съезжают, садясь прямо на платье (Табл. B.83, рис. 5; Табл. B.48, рис. 4).

Моему 5-летнему Руди необычайное удовольствие доставляло скатывание вниз с громаднейшей песчаной горы с необычайно крутым почти отвесным склоном, по которому он, будучи в лежачем положении, перекатывался как скалка, переваливаясь с боку на бок и со спины на живот... Кувыркание через голову восторженно осуществляют и дитя человека и дитя шимпанзе, причем первый делает это с большей настороженностью, нежели второй.

[5] Иони обычно брал с собой шарик.

Катание с перил лестницы даже у детей-школьников является настолько излюбленным занятием, что каждый посетитель многоэтажных школьных помещений неизменно может наблюдать, как в часы отдыха непрерывная живая цепь ребят лихо, стремительно проносится на перилах сверху донизу лестницы, рискуя расшибиться[6] , но совершенно пренебрегая опасностью.

Ребенок легко соблазняется ходьбой и бегом осложненного типа: уже в возрасте 3½ лет он пытается ходить на ходулях, осуществляя это хотя бы с чужой помощью; 3—4-летним он с большим энтузиазмом бегает на лыжах и на коньках (Табл. В.80, рис. 3, 4), а когда почему-либо это не удается сделать, он импровизирует подобие такого бега даже в комнате: то он вставляет свои маленькие ножки в большие сандалии и, подпираясь палочками, вдетыми нижними концами в деревянные кружочки, скользит по гладкому каменному полу, как на лыжах (Табл. В.80, рис. 1); в другом случае он подставляет под ножки деревянные брусочки и, плотно-наплотно прижимая их ножками к полу, воспроизводит подобие бега на коньках (Табл. В.80, рис. 2).

Дитя стремится увеличить *скорость* бега, упражняясь в осложненном беге; шимпанзе тоже осложняет свой бег путем захватывания в ногу разных предметов, упражняется в беге, протекающем при *неудобных условиях* передвижения.

9. Качание.

А какую буйную радость доставляет дитяти (в возрасте 2½—3 лет) всякого рода качание: лошади-качалки, кресла-качалки (Табл. В.78, рис. 1, 2) используются им так энергично, что порой оно готово падать с них и ушибаться, лишь бы развить бурный темп качания.

А как радостно качается дитя (в возрасте 3 лет) на ногах человека, услужливо предоставляющего ему свои ступни и толчкообразно подкидывающего его кверху.

Конечно, как и шимпанзе, дитяти человека громадное удовольствие доставляет качание на качелях.

С тех пор как моему малышу повесили в садике качели, они стали его любимейшим развлечением.

Постигнув акт самостоятельного раскачивания, он развивал такую большую силу взлета, что его приходилось многократно останавливать, предостерегая от падения на землю.

Усевшись со сверстником-мальчиком на подвешенные рядом двое смежных качелей, дети длительно качались и качались, желая опередить друг друга в величине взмахов. Они изображали оказывается полет на аэропланах и соревновались в высоте полета.

Скоро и простое качание наскучивает ребенку, и он подобно Иони выдумывает разные фокусы и при раскачивании: то (в возрасте 3—4 лет) мальчик желает качаться стоя на доске, то, качаясь, он старается зацепить ногой смежные качели и трапеции, то он затевает игры с плюшевым мишуком, которого раскачивает и ловит ногами (Табл. В.73, рис. 1, 2).

Игра содержит 4 момента, включает упражнение в ловкости схватывания движущегося медвежонка.

1-я стадия. Руди привязывает своего медвежонка к болтающемуся поблизости канату и сам садится на качели.

2-я стадия. Раскачиваясь сам на качелях, он в то же время старается подтолкнуть ногой и мишука, так что они начинают качаться одновременно (Табл. В.73, рис. 1).

3-я стадия. Налету Руди старается зацепить мишука ногой и подтащить к себе.

4-я стадия. Руди подцепляет (после многих усилий) мишука ногой и подхватывает его себе на колени (Табл. В.73, рис. 2).

[6] При подобном катании один знакомый мальчик упал с 3-го этажа помещения в просвет лестницы и по счастливой случайности не расшибся, а получил только тяжелые ушибы коленок и головы, которые длительно пришлось залечивать. Тем не менее, когда я его спросила, будет ли он еще кататься с перил, будучи в полной уверенности, что получу отрицательный ответ, оказалось, что я ошиблась. Мальчик сказал твердо и уверенно: «буду», красноречиво обнаруживая, какую громадную радость доставляло ему подобное катание.

10. Лазание по трапециям.

Руди, так же, как и Иони, трапеции предоставляют неисчерпаемые возможности для осуществления различных гимнастических упражнений и игровых трюков.

Уже 4½-летний ребенок охотно, хотя и настороженно, взбирается на невысокие деревянные лестницы (Табл. B.53, рис. 3; Табл. B.73, рис. 4), причем, добравшись до самого верха, явно торжествует, выража свою радость буйными возгласами.

В возрасте 5—6 лет дитя уже не довольствуется этим достижением, я робко взбирается до самых высоких перекладин, поддерживающих качели, и хотя сидит наверху весьма напряженно и неуверенно, тем не менее предпочитает употреблять этот рискованный маневр (Табл. B.52, рис. 4).

5—6-летний ребенок может довольно легко взбираться и по качающимся веревочным лестницам.

Подобно Иони Руди также старается пролезать в петли этих лестниц, закидывая ноги выше головы (Табл. B.81, рис. 2), провисая вниз головой, но несмотря на самые большие свои старания все эти гимнастические курбеты он осуществляет гораздо более робко, настороженно и несовершенно, нежели шимпанзе; слабые ручки человека и отсутствие цепкой поддержки со стороны ступней ног естественно не обеспечивают ему того уверенного, легкого, смелого и вольного передвижения, которое свойственно шимпанзе[7].

Руди в возрасте 6—7 лет сам дошел до использования трапеций в акте закручивания и кружения и подобно Иони страстно предавался этому занятию.

Конечно Руди совершенно не умел висеть вниз головой при поддержке одними ногами, что хотя мимолетно, но мог осуществлять Иони.

И при других гимнастических упражнениях, связанных с действием одних рук, например при висении на одних руках, при зацеплении за деревянные балки или за веревочные жгуты дитя человека значительно уступает дитяти шимпанзе; уступает оно ему и в проворстве лазания по трапециям.

Стремление к пролезанию «через» у человека, как и у шимпанзе, очень велико; я вспоминаю, как Руди (в возрасте 4 лет), увидев однажды продранное место в шнуровой сетке его кроватки, пробираясь спать в кровать, с тех пор уже никогда не пролезал нормально через край кроватки, путем перешагивания через верхнюю перекладину, но стремился проползать в отверстие сетки; он застревал, пыхтел, с трудом протиснув свою голову, с еще большим трудом он протаскивал все тело и тем не менее предпочитал именно этот затрудненный способ перехода в кровать. Я сама помню, как в детстве меня тянуло просовывать голову между вертикальными железными штангами спинки кровати, хотя не всегда я могла высвободиться самостоятельно из этого добровольного плена.

Сравнительный анализ игр передвижения у дитяти человека и у дитяти шимпанзе приводит к заключению, что хотя у обоих малышей мы наблюдаем сильнейшее стремление к движению, тенденцию к инициативному участию в передвижении, к развитию максимальных темпов движения, — человеческое дитя уступает шимпанзе и в силе, и в темпе и особенно в многообразии всех видов движения. Оба дитяти, упражняясь, изощряясь в разных способах передвижения, осложняют свои манипуляции разными препятствиями, но у человека эти осложнения менее связаны с физическими страданиями, чем у шимпанзе, более направлены в сторону психической, чем физической выносливости, более тренируют дух, чем тело, — вырабатывают смелость, мужество, ловкость там, где обезьяна достигает стоического перенесения боли. Дитя более изощряет способность к ходьбе, бегу, шимпанзе — к лазанию, висению, пролезанию.

Подобно Иони и Руди зачастую значительно осложнял свои гимнастические трюки; это выражалось в том, что он нередко брал себе в сообщники какую-либо любимую игрушку (наичаще плюшевого мишука) и совершал все манипуляции, огруженный этим тяжелым инертным товарищем. В противоположность Иони Руди, затрудняя себе передвижение каким-либо дополнительным осложнением, никогда не брал предметов в зубы, не загружал баластом рот.

[7] Как то уже было отмечено, дитя человека еще более уступает своему черному собрату в быстроте, ловкости и силе при лазании по деревьям и висении на дереве.

11. Развлечение легкоподвижными предметами.

Подобно шимпанзе человеческое дитя при отсутствии самостоятельного движения старается приводить в движение все, что только может. Уже крошечное дитя (в возрасте 7—9 месяцев) стремится двигать разные вещи: оно качает маятник часов, подвешенные на стене картины; оно длительно занимается откидываньем самозахлопывающейся картонной корки блокнота; открывает и закрывает дверцы шкафов, вертит краны, дергает веревки, бросает вещи, следя за ними глазами, машет взятыми в ручки платками.

У моего 6—11-месячного Руди бросание предметов вперед, разбрасывание игрушек по всей комнате, махание предметами, взятыми в ручки, было самодовлеющим развлечением; дитя не может видеть спокойно лежащие на столе предметы и стремительно сбрасывает их ручкой, следя глазами, как и куда они падают.

Руди (в возрасте 1 г. 5 м. 17 д.) часто развлекался верчением кольца или наперсточка, надетого на пальчик; уже 2-годовалое дитя радостно предается покачиванию деревянной фигурки обезьянки, само приводит в действие дергающиеся движущиеся фигурки. Однажды я купила 6½-месячному Руди 5 разных игрушек (складную пирамидку, три разноцветных шарика, резиновую погремушку, деревянную сову, взмахивающую крылышками, ушками и носом). Оказалось, что наибольший эффект имела наиболее подвижная игрушка — именно сова.

Естественно, что излюбленными игрушками дитяти оказываются предметы катящиеся и легкоподвижные. Неслучайно шар и резиновый мяч являются игрушками на протяжении всей жизни человека от того момента, когда 4—5-месячное дитя, еще не умеющее сидеть и стоять, находясь в лежачем положении, тянется ручкой к подвешенному над ним качающемуся шарику, и до зрелого возраста, когда человек играет в волейбол, лаунтеннис, баскетбол и наконец огромный эрбол — шар, который он способен привести в движение только при наличии коллектива взрослых сотоварищей. Кажется, ни одна из детских игрушек не может конкурировать с шаром в отношении многообразия ее использования. Дитя еще не может ходить но оно стремится к движению; ему дали шарик, шарик выпал из рук, покатился, дитя тянется за ним, радостно овладело им — и вот уже нарочно бросает этот шарик, чтобы опять бежать и ловить его; теперь потенциальная активность ребенка находит выход.

Мой мальчик делает свои первые шаги в процессе догоняния большого мяча. Мяч — первая желанная игрушка, которую годовалое дитя, едва выучившееся ходить, так охотно катает, бросает, догоняет, которую носит с собой, хотя делает это с большим усилием, напряженно открывает ротик и высовывает язычок (Табл. В.82, рис. 1; Табл. В.44, рис. 3), так как оно еще не легко координирует движения ног при занятости рук.

Двухлетний Руди уже имитировал движение футбольным мячом и, идя, сам пытался подталкивать мячик ножкой (Табл. В.82, рис. 2); позднее (в возрасте 2—4 лет) каких-каких только забав с мячиком ни придумывает он: то он катает мяч по полу, направляя к сотоварищу и в следующий момент встречая обратно к себе, то, уставив кегли, он (в возрасте 1 г. 3 м. 8 д. до 2 лет) сбивает их шариком (Табл. В.82, рис. 5), то он ударяет мячом в стену и пытается ловить мяч, хотя еще не умеет поймать, то перекидывает мяч из рук в руки (Табл. В.82, рис. 4, 6), то он (в возрасте 2 г. 3 м. 7 д.) кладет мячик на землю и погоняет его палочкой, говоря: «Ссибать буду» (сшибать буду). Характерно, что мое дитя до 3 лет еще совсем не умело ловить мячик в воздухе, хотя пыталось ловить (Табл. В.82, рис. 3), и довольствовалось только тем, что настигало мяч на земле; тем не менее и такая игра в мяч доставляла ему живейшую радость. Так же плохо ловил мяч и Иони.

В возрасте 4—5 лет мальчик очень охотно играл уже в баскетбол, в волейбол и еще охотнее играл бы в настоящий футбол, если бы ему не запрещали этого делать.

Но созерцание футбольной игры было одним из его излюбленных зрелищ, в особенности когда появлялась еще надежда быть «кипером», помогать игрокам в ловле и приносе далеко откатившегося мяча.

В возрасте 3 лет Руди чрезвычайно любил скатывать с наклонного желобка или со щита яички (Табл. В.83, рис. 5) и всякие другие способные к скольжению вещи (колесики, авто) и целыми часами мог развлекаться созерцанием того, как эти предметы низвергаются с высоты и как далеко откатываются они вдоль комнаты.

Четырехлетний Руди уже был способен играть в крокет и довольно удачно направлял шарик «в ворота». Катание по земле деревянных колесиков, обручей (Табл. В.83, рис. 4, 3), и металлических колесиков на

проволоке так захватывает трехлетнее дитя, что оно не может выйти на улицу с пустыми руками, а неизменно берет с собой колесо для катания.

Подобно тому как щенка, котенка манит за собой всякая движущаяся вещь, и дитя человека не может противостоять этому властному зову инстинкта, побуждающего его бежать и преследовать ускользающее от него, и ребенок сам измышляет себе эти увлекающие его за собой передвижения предметов. Кто из нас ни видел, как дитя стремится схватить ручками вертящийся волчок (Табл. B.83, рис. 6), или как зимой, идя по тротуару, дети-школьники гоняют впереди себя, подталкивая ногой, ледяные комочки, сопровождая их неотлучно и с воодушевлением осуществляя таким образом даже самые продолжительные и без этого скучные переходы.

Летящий шарик, как например воздушный шар (Табл. B.88, рис. 1—3), мыльный пузырь, живо захватывают, восхищают взгляд, интригуют мысль, радуют чувство ребенка.

Как радуется 3-летнее дитя, получив в свое распоряжение цветной баллончик (Табл. B.88, рис. 3), как восторженно бегает дитя с ним, держа за ниточку и любуясь его блеском и пуская по комнате и опять ловя. Эфемерный мыльный пузырик увлекает еще больше. Вот дитя с трудом надуло его через соломинку (Табл. B.88, рис. 1), восхищено достижением, страстно хочет поделиться своей радостью со взрослыми, но боится отнять соломинку ото рта и торопливо говорит сквозь зубы: «Смотри, смотри, какой я пузырь надул!» А пузырь от дуновения воздуха вдруг лопнул. Ах, как хочется еще больше показать такой же пузырь! И вот ребенок опять принимается за выдувание пузырика... Вот заиграл переливчатыми цветными огоньками новый пузырик, вот он оторвался, повис в воздухе и плавно спускается. Дитя жадно следит за ним глазками (Табл. B.88, рис. 2), не может налюбоваться, а пузырь опять лопнул. И кажется, что он дразнит собой ребенка, и у дитяти разгорается желание иметь еще и еще такой же пузырик, чтобы налюбоваться вдоволь его видом, чтобы, поддувая снизу, заставить его подняться выше в воздух, чтобы бегать за ним по комнате и ловить ручками.

Надувающиеся резиновые «чортики» (Табл. B.84, рис. 2), пронзительно пищащие при спадении («уди-уди-уди-и-и-и!»), совмещающие в себе все излюбленные в игрушках признаки, как подвижность (при раздувании и спадании чортика), шарообразность и звучание также радостно используются ребенком.

И другие типы движущихся игрушек, обладающие свойством скакания (прыгунчики, самостоятельно соскакивающие с лесенок, прыгающие лягушки), ползания (самодвижущиеся мышки, жуки, бабочки, божьи коровки), качания (качающиеся между перил паяцы, обезьяны, качающиеся в штанге попугаи), вздергивания (вскидывающие руками и ногами собаки, клоуны, приводимые в движение ниткой, трясущиеся на резинках обезьянки, шарики, кружащиеся в воздухе, китайские — так называемые «животрепещущие» —птички), — все это игровой материал, дающий неисчерпываемый запас для развлечения ребенка. Вертящиеся предметы настолько соблазняют ребенка, что в случае их нахождения он немедленно приводит их в действие.

Как настойчиво добивается например 2—3-летнее дитя повертеть колесико швейной машинки (Табл. B.83, рис. 2), как огорчается оно, когда ему не дают делать это беспрепятственно и бесконечно долго, как оно радуется (в возрасте 2 г. 11 м. 15 д.), когда получает в полное обладание игрушечную швейную машинку, ветряную мельницу, которые оно может вертеть так долго, как хочет (Табл. B.104, рис. 3).

Когда 2-летний Руди увидел вращающийся стул-вертушку, он целыми часами только и занимался тем, что развертывал и завертывал ее (Табл. B.83, рис. 1). Сначала он так увлекался этой забавой, что, созерцая это вращение, даже широко раскрывал рот. Нередко он еще сажал на вертушку какую-либо из своих игрушек, которые тряслись, срывались и падали на пол при более энергичном верчении, и это доставляло ему особенное удовольствие.

12. Развлечение созерцанием движения.

Когда дитя по каким бы то ни было причинам еще не может само принять активного участия в движении, оно развлекается тем, что созерцает движение.

Еще 4-месячное дитя, не спуская глаз, смотрит, когда в его присутствии причесываются, раздеваются и производят те или другие движения; наоборот, стоит успокоиться и замереть в неподвижности, — и оно уже начинает хныкать, скучая.

Мой 5-месячный Руди подобно Иони длительно и охотно наблюдал в окно уличное движение: ходьбу людей, езду лошадей, авто, порой издавая неясный мычащий звук (подобно тому как то наблюдалось при аналогичных обстоятельствах и у Иони); нередко он провожал глазами и менял положение головки при наблюдении за особенно интересующим его передвижением. 8—10-месячное дитя с напряженным вниманием следит за вертящимся на полу волчком и стремится его схватить; не спуская глаз, оно следит за сдуваемыми бумажками, за плавающими в воде игрушечками, за бегающими на дворе собаками, созерцая их с улыбкой, с радостными возгласами.

Движущиеся предметы (маятник часов, качающиеся при ветре листья деревьев) фиксируют первое активное внимание ребенка (у Руди в возрасте 2 м. 18 д.).

Позднее (в возрасте от 1 г. 5 м. до 3 лет) дитя не пропускает ни одного случая, чтобы не посмотреть поближе играющих детей, проходящих красноармейцев, причем может длительно созерцать их маршировку и разные военные манипуляции при обучении; для ребенка целый праздник, когда вдруг появится на улице группа конькобежцев и лыжников, которых он кажется готов поглотить глазами, — так жадно смотрит на них. В этом возрасте (1 г. 8 м.) Руди всякий раз, как я вывозила его на улицу, так пристрастился к созерцанию автомобилей, что когда автомобиль долго не появлялся, мальчик хныкал и настойчиво требовал: «ду-ду, ду-ду»[8] , желая лишний (может быть сотый) раз просмотреть движение авто. Сколько раз я заставала Руди (2 г. 10 м.), буквально впивающегося глазами в медленно проезжавшие танки, при остановке которых дитя восклицало: «Интересно, что они будут делать?» и при отъезде которых грустно говорило: «Ох, скучно без них!»

Еще в возрасте 1 г. 4 м. дитя жадно следит за парящим в воздухе аэропланом, заслышав звук пропеллера, а позднее каждое появление аэроплана, тем более цеппелина, — для него большое радостное событие.

Естественно, что движущиеся и подвижные объекты (какими в частности являются живые существа) у дитяти вызывают неослабевающий созерцательный интерес. Кто видел, прочувствовал и сопереживал буйный восторг детей, смотрящих на живых животных в Зоопарке, в цирке, в зоомагазинах, не будет искать дополнительных иллюстраций сказанного.

В отношении животных, допускающих более тесный и непосредственный контакт, Руди (подобно Иони) уже не ограничивается только созерцательной ролью, а вступает с ними в более активное взаимоотношение (как то было подробно отмечено в главе «Подвижные игры»).

Психическая активность ребенка

Почему все дети так страстно отдаются подвижным играм, все мы слишком хорошо понимаем.

Быстрый бурный темп происходящих в них процессов физического и психического роста и развития стимулирует дитя к непрестанной активности. Действительно кто взял бы на себя радостный труд наблюдать 3—5-летнее дитя хотя бы на протяжении нескольких часов его обиходной жизни, тот сразу бы заметил, как велика психическая инициативность ребенка в измышлении себе самых разнообразных забав, даже в ограниченных пределах его детской комнаты. В еще большей степени, чем дитя шимпанзе, человеческое дитя требует себе непрестанных развлечений.

Еще 4-месячный Руди уже обнаруживал признаки скуки, когда бывал в одной и той же обстановке, и я могла наблюдать, как он непрестанно переводил глазки с предмета на предмет, начинал хныкать, когда не видел нового, и немедленно успокаивался, если его выносили в другую комнату и начинали развлекать.

Если вы возите лежачее дитя в глубокой колясочке, когда оно видит перед собой только небо, ему это скоро надоедает, и оно обнаруживает явные признаки нетерпения и огорчения: плачет, хнычет; наоборот, взятое при прогулке на руки, видя перед собой в каждый момент все меняющиеся картины, дитя видимо чувствует себя удовлетворенным и потому длительно спокойно. В состоянии бодрствования дитя требует постоянной смены занятий, перемены действий и объектов развлечения. Десятиминутная запись игрового процесса моего 11-месячного ребенка явственно обнаруживает эту его переброску внимания от предмета к предмету.

Протокол от 19 марта 1926 г. Руди (11 м. 15 д.) дотрагивается и переворачивает деревянную фигурку человека, потом совки, потом он берет игрушку шимпанзе, идет с ним к дяде, обходит его, идет в другую сторону к стулу, везет стул, упершись обеими руками,

[8] Его словесное обозначение автомобиля.

потом подходит ко мне, дергает меня за платье, хнычет, смотрит на меня, опять подходит к стулу, вдруг, высунув язычок, растопырив ручки, бежит в другую сторону к комоду, останавливается у комода, кричит; потом, глядя на меня в упор, хихикает, бежит к колясочке, берет чайную ложечку, хлопает ею по столу, берет салфетку, роняет ее, берет жестяную крышку. Вдруг бежит, хватается за маленький стульчик, везет его, ловко повертывает, когда тот упирается в кровать, идет в угол, берет деревянное колесико, бежит с ним к стульчику, опять схватывает стульчик, далее отходит с колесиком к двери, снова подходит к стульчику, уцепляется за него, не выпуская колесика из рук, идет с ним к стене, опять отходит; теперь подходит к коляске, берет ее за колесо, стучит взятым в руку массивным деревянным колесиком по коляске, бросает колесико, ухватывается за спинку стульчика, везет одну секунду, вдруг поднимает с пола какую-то игрушку, опять везет стульчик, берет игрушку, идет к тумбе, потом подходит ко мне, смотрит на мои бурки, отходит от меня, опять берется за колеса большой коляски, опять нагибается ко мне, смотрит на бурки, наклоняется еще ниже, смотрит под кровать, ухватывает там тазик, опять берет стульчик, роняет его на бок, потом везет его за ручки по полу, опять бросает, снова подходит к кровати, заглядывает под кровать на тазик; теперь отходит в другой угол комнаты, хватает каталочку, взад и вперед возит ее, заходя то с одной, то с другой стороны, потом отходит, берет на секунду стульчик, отходит к кровати, снова смотрит под кровать, опять дотрагивается до моих бурок, запускает пальчик в дырку бурок, нагибается, заглядывает опять под кровать, вдруг подходит к коляске, хватает ее за колеса, отходит к шкафу, возвращается к кровати, опять приглядывается к моим буркам, касается их, потом уцепляется за сетку кровати, смотрит на меня, подходит к тумбе, берет ложку, крышку, роняет их, стукается сам о тумбу, плачет, утыкается мне в колени, подходит к шкафу, трогает игрушку (запись охватывает период времени в 10 минут).

На протяжении этих 10 минут дитя 84 раза переменило движение, коснулось с перерывами 29 предметов, причем, как то видно из описания, чрезвычайно повторяются как самые его действия, так и предметы, привлекающие его внимание.

Та же несосредоточенность проявляется и позднее. Если 10-месячное дитя ограничивается тем, что только тянет ручки, пытаясь дотронуться то до одного, то до другого, то до третьего предмета, то 2—3-летнее дитя, выпущенное на волю, бежит, хватает, рассматривает, ощупывает все, что видит, землю, камни, растения, корни, листья, перекидываясь от одного к другому.

Аналогичная переброска внимания дитяти замечается и в отношении еды. Однажды я дала почти 2-годовалому Руди коробку с несколькими печениями; он стал закусывать одно, другое, третье и, перепробовав все, опять принялся за первое, очень напоминая этим отведыванием Иони (см. стр. 85 [82]).

Но все-таки уже у 3-летнего Руди (в противоположность Иони) мы наблюдаем большую концентрацию внимания, например при выполнении им творческих процессов, при слушании чтения, при подражательных действиях.

Ребенок развлекается не только когда он здоров, но и когда болен[9] ; он пытается оживлять игрой все прозаические, нудные процедуры, связанные с процессами засыпания, питания, одевания и даже с обычными физиологическими отправлениями его желудка. Возьму к примеру моего малыша: будучи больным грипом, с температурой 38°, лежа в постели, 3-летний Руди непрестанно требовал, чтобы ему читали или приносили на кровать картинки для рассматривания, игрушки и всякие развлечения и ни за что не хотел оставаться в бездействии. Развлечение зачастую заставляет дитя забыть боль. Руди в возрасте 9 месяцев больно ударился головой о железную кровать и так раскричался, что, казалось, ничем нельзя было его успокоить, но едва я поднесла его к стенным часам и стала стучать по ним, он тотчас же успокоился.

Каждый из нас знает, как всегда неохотно дитя ложится вечером спать, измышляя всевозможные причины, чтобы затянуть укладывание хотя бы на несколько минут позднее, говоря: «Я еще не наигрался»; уже когда ребенок в постельке и вот-вот готов заснуть, он еще пытается разговаривать, и когда его прерываешь и заставляешь молчать, он, как бы лишенный и последней забавы, уже полузасыпая, все еще спрашивает: «Ну что ж еще?», как бы надеясь на дополнительные развлечения.

А какого труда стоит приучить ребенка-дошкольника сидеть спокойно во время еды за столом или во время занятий чтением и письмом! Руди например в этом отношении доставлял нам много хлопот, — сидя за обедом, то он пытался стучать ногами по перекладинам стола, то стучал ножом и вилкой по тарелке, то изобретал другие неописуемые по многообразию развлечения.

Всем известно, как за обедом даже дети-подростки при отсутствии надзора со стороны старших, в перерывах между подачей еды, от скуки, нередко развлекаются тем, что лепят из мякиша черного хлеба катышки, перекидываются между собой и, входя в азарт, делают настоящие хлебные бои. Уже упоминалось, что и Иони ест особенно охотно, когда еда сопровождается дополнительным развлечением.

В свое время[10] я пространно говорила о том, какого труда мне стоило приучить Иони (во время занятий с ним) к спокойному сидению на месте, как тягостно было и для него это малоподвижное провождение

[9] Разумеется болен не в такой степени, когда он уже лежит пластом в постели и весь его организм перестроен на борьбу с болезнью.
[10] В опубликованной мной книге «Познавательные способности шимпанзе», Госиздат, 1924.

времени. И следует особенно подчеркнуть, что наши занятия с обезьянником пошли особенно хорошо, когда приняли форму игры, т. е. после каждого верного ответа я в качестве поощрения стала заводить с ним подвижные игры.

А как неохотно совершает дитя сложные для него процедуры одевания и раздевания: Руди (до 1½ лет) нередко плакал при этих актах, а когда стал побольше (от 1½ до 3 лет), то во время одевания начинал трещать губами или играть на губах пальчиком, лишь бы немножко развлечься. Аналогичное развлечение устраивал он даже тогда, когда сидел на горшочке. Иногда кажется, что нет ни одного обиходного действия, которое дитя ни старалось бы оживить игрой: например, если Руди (уже в возрасте после 3 лет) умывается, то он нарочно обрызгивает стену водой, обдает брызгами проходящих; он с особенными вывертами берет и вешает полотенце; если он причесывается, он проделывает разные фокусы с гребенкой, например трещит зубцами ее и бесконечно изощряется в многообразии забавляющих его выдумок.

Человеческое дитя подобно дитяти шимпанзе, следуя своей инстинктивной потребности к психическому росту и развитию, жадно хватает из окружающего все новые и новые восприятия, и это психическое устремление к новому, к развлекающему, является для него столь же характерным, как уже описанное его влечение к движению и интерес ко всему движущемуся.

Его личные реплики лучше всяких комментариев документально подтверждают эту мысль.

Однажды, в возрасте 4 лет, мальчик высказал мне во время продолжительной прогулки по улицам такую фразу: «Я бы без конца мог итти, только бы мне все новое смотреть!»

И позднее, в возрасте 7 лет, аналогичное высказывание сделал он при рассматривании книги с картинками: «Мама, я что хочешь, сколько угодно могу смотреть, только чтобы в каждый час было все новое».

На протяжении периода времени от 2 до 5 лет это пристрастие к новизне у Руди сказывалось в том, что он непрестанно желал иметь новые игрушки, и всякий раз, когда кто-нибудь из своих приходил с покупками, мальчик неизменно спрашивал: «А игрушечку принесла?», хотя он уже обладал сотнями различных игрушек.

Одно время в деревне мой 5-летний мальчик, не получая притока новых объектов для созерцания, днями и часами надоедал мне, приставая: «Покажи что-нибудь новенькое».

При отсутствии притока новых впечатлений часто вы услышите от дитяти: «Мама, мне скучно». Дитя горит любопытством в еще большей степени, чем шимпанзе, и уже с младенческого возраста обнаруживает громадную психическую инициативность как в отыскивании новых объектов наблюдения, так и в их созерцании.

Уже 2½-месячное дитя при выносе его из детской комнаты в другую длительно и внимательно созерцает ее, переводя глазки с предмета на предмет. Порой мое 3—4-месячное дитя, пребывая в однообразной обстановке, кричит что есть силы, не знаешь, что ему нужно, чем и как утешить, вынесешь в другую комнату, — и крик мгновенно прекращается, дитя оглядывает комнату, таращит глазенки, сосредоточенно внимательно смотрит по сторонам. Стоит опять принести его в детскую, оно опять разражается криком; идешь в другое новое для него помещение, — и опять оно притихнет, красноречиво вскрывая развлекающее значение новой обстановки. 8-месячный Руди уже заливается радостным взвизгиванием, энергично подергивает ножками при его выносе в смежную с детской комнату.

Естественно, что чем старше ребенок, тем больше стремится он расширить топографические границы сферы своего любопытствующего созерцания. 1½-годовалый Руди уже жадно устремляется покинуть пределы своей квартиры, дома, сада, двора, улицы, реально доказывая справедливость шиллеровского изречения: «Младенцу просторно и в колыбели; вырастет он — и тесен ему покажется мир»...

Конечно все новые ситуации, расширяющие сферу наблюдения ребенка человека (как и дитяти шимпанзе), желанны ему: смотрение в окно, посещение незнакомых домов и улиц, всякого рода переезды, различные уличные зрелища, а в более позднем возрасте спектакли в детских театрах и кино.

Кто подобно мне наблюдал на детских празднествах ребяток, созерцающих ломающегося петрушку, никогда не забудет восхищенных, блестящих, восторженных детских глаз, сияющих радостью детских лиц с

раскрытыми ротиками, их напряженных поз, обнаруживающих полное самозабвение детей, их целостное самоотдавание зрелищу.

Все мы знаем, что стоит неожиданно появиться на улице какой-либо демонстрации, похоронной процессии, отряду красноармейцев, пионеров, кавалеристов, цугу танков, странствующим артистам с шарманками и дрессированными животными, как моментально все окна, калитки, ворота, тротуары, площадь наводняются любопытствующими ребятами, шумным роем слетающимися на зрелище, как мухи на мед.

Руди (в возрасте 4—5 лет) в период увлечения военными атрибутами, всякий раз как видел проезжающий на улице танк или броневик, с диким криком врывался в дом и кричал: «Танк, танк едет!», демонстративно приглашая всех нас соучаствовать в наблюдении этого зрелища. Еще больший и более длительный энтузиазм вызывало у него созерцание такого необычайного на фоне повседневности зрелища, как маршировки противогазников, на которых он мог смотреть длительно, целыми часами.

Все мы также знаем, как восторженно встречают дети всякие переезды из одного дома в другой, из одной местности в другую. Мой 5-летний Руди при переезде на дачу в вагоне поезда, буквально не отрываясь, в продолжение двух часов смотрел подобно Иони в окна вагона, пока мы ехали по железной дороге, и беспрерывно засыпал окружающих вопросами, связанными с созерцанием проносящихся перед глазами картин. В подавляющем большинстве случаев самые ранние детские воспоминания (как то отмечено в автобиографиях многих великих людей[11]) относятся как раз к событиям, связанным с переменой обстановки (переездом в другой город, в деревню, на другую квартиру и т. п.).

Как жадно устремлялся 1½-годовалый Руди в смежно расположенный музей, где он находил бесконечное количество новых для него предметов; как настойчиво стремился он (подобно Иони) при вечерних прогулках заглянуть в ярко освещенные низко расположенные окна чужих квартир (в возрасте 1 г. 8 м. 20 д.), как напряженно смотрел он в окна при езде в трамвае (в возрасте 1 г. 10 м.)!

Новые люди интересуют ребенка человека так же, как и дитя шимпанзе, и всякий знает, что стоит ему притти впервые в чужой дом, где есть дети, какую притягательную мишень для последних представляет он собой: более смелые дети беззастенчиво оглядывают вас с головы, до ног, забираются к вам на колени и, как и Иони, касаются надетых на вас интригующих их вещей (часов, брошек, бус, колец, пуговиц); более робкие ограничиваются тем, что, высовывая свои носики, подглядывают в двери, желая рассмотреть новопришедших. Мой мальчик уже в возрасте 2 месяцев всякий раз улыбался, видя новые лица, позднее после 3 лет он обнаруживал мало интереса к обычным посетителям, но стоило притти к нам в музей кому-либо из иностранцев (немцев, англичан, китайцев, негров), он загорался желанием их видеть и длительно разглядывал их.

Годовалый человеческий ребенок (как и шимпанзе) с интересом, рассматривает каждую новую появившуюся в иоле его зрения вещь, улыбчиво хватает ее, ощупывает и зачастую тянет в ротик. Мне нередко приходилось унимать плачущего Руди (в возрасте до 1½ лет), показывая ему что-либо новое. Показывание дитяти новых предметов отвлекает его (как и шимпанзе) от любого предшествующего занятия.

Любопытство к новому, стремление к созерцанию новых вещей, к экспериментированию с ними было выражено у моего мальчика необычайно сильно. Уже 11-месячный Руди длительно мог развлекаться любой безделкой, лишь бы она была новая. Однажды я дала ему крохотный полосатый лоскутик, — малыш взял его, перебирал в руках, смотрел на него пристально, приподняв в руке, мял, поднимал, когда вещь выпадала, и долго не хотел с ним расстаться. Когда дитя в этом возрасте видит что-либо новое, оно настойчиво тянется к этому предмету ручкой (Табл. В.97, рис. 1), произнося тягучий звук «э», указывает на него пальчиком и не успокаивается до тех пор, пока ему не покажут этот предмет.

В домашнем обиходе дитя охотно занимается разбиранием корзинок, комодов с разным житейским, новым и невиданным ими дотоле, хламом вроде пуговиц, лоскутков, бус, и т. д. и т. п. (Табл. В.96, рис. 5).

В противоположность Иони, у которого в процессе ознакомления с новыми вещами обоняние играет столь же значительную роль, как и зрение, у Руди преобладающее значение имеет зрение; человеческое; дитя обнюхивает только те вещи, которые обращают на себя внимание очень сильным запахом (например флаконы от духов, пузырьки из-под пахучих лекарств, душистые цветы и т. п.).

[11] Толстого, Аксакова и др.

Точно так же замечается, что, если у Иони в процессе ознакомления с новыми предметами обнюхивание и ощупывание предметов сохраняют большое значение наравне с рассматриванием их, у Руди функция обоняния с возрастом отступает на задний план, а осязание руками и губами по сравнению с зрением играет большую роль лишь в младенчестве (до 1½ лет — Табл. В.91, рис. 1, 2, 4; Табл. В.92, рис. 3—5), а позднее оно имеет лишь весьма подчиненную роль.

В виде атавистической неприятной привычки у моего мальчика я замечала впрочем чуть ли не до 7-летнего возраста вопреки свойственной ему брезгливости неудержимую тенденцию к ощупыванию губами самых разнообразных, вновь полученных, порой просто подобранных во дворе, вещей.

Это стремление к ощупыванию особенно интригующих предметов даже у взрослых людей иногда так неотвратимо, что они непременно стремятся прикоснуться к рассматриваемым вещам, хотя в этом нет порой никакой реальной необходимости.

Нам, музейным работникам, при демонстрации объектов это особенно бросается в глаза, — почему, как известно, все музеи[12] испещрены надписями: «просят руками не трогать», и почему так энтузиастично подхватывается экскурсантами разрешение трогать[13]. Это стремление в особенности у обездоленных природой детей (какими являются глухонемые дети) до такой степени бурно, что однажды, когда я предоставила возможность группе таких «дошколят» потрогать чучела некоторых зверей и птиц, они пришли в такой буйный восторг и так страстно накинулись ощупывать, что был риск, что предоставленные им объекты будут растащены на куски. Естественно, что у слепых детей это стремление к ощупыванию еще более сильно, так как они возмещают осязанием отсутствие зрения, но это факт уже общеизвестный и стоит несколько a part от нашей ближайшей темы.

Развлечение звуками

Дитя интригуют и развлекают новые звуки. У меня записаны такие факты. 3-месячный Руди продолжительно и сильно кричал; думали что он болен, вдруг на улице кто-то резко свистнул, — мальчик вдруг замолчал, как бы; прислушиваясь, а потом прекратил крик. В другой раз при аналогичном крике 4-месячного Руди, когда его ничем не могли утешить, я догадалась произвести необычный шипяще-свистящий звук, — дитя мгновенно затихло, а вскоре совсем успокоилось и заснуло.

Когда дитя в первый раз слышит новые для него звуки чмокания или трещания губами, оно улыбается; повторное воспроизведение этих звуков явно развлекает его.

Вертящиеся и сильно звучащие предметы конечно нравятся ребенку необычайно. С каким энтузиазмом вертит например 1½—4-летнее дитя деревянные и металлические, жужжащие, звенящие при движении волчки, которые оно (3 лет) может совершенно самостоятельно приводить в действие (Табл. В.83, рис. 6). С неменьшим удовольствием закручивает и раскручивает ребенок самоделки-жужжалки, металлические, вздергивающиеся по спиральной палочке колесики, вертящиеся при движении и справа налево и снизу вверх. Но и звуки как таковые развлекают ребенка не менее, чем шимпанзе, причем у обоих малышей эти звуки воспроизводятся порой совершенно аналогичным способом и при одинаковых обстоятельствах.

Рано в онтогенезе звуки радуют ребенка, и он стремится их воспроизводить. Еще 7—12-месячное дитя радостно развлекается, схватив в каждую ручку по игрушечке и стукая их друг о дружку. Дитя часто забавляется тем, что энергично хлопает ладонью по гладким полированным плоскостям столов, сильно ударяет металлической ложкой о твердые субстраты, звучно бросает жестяные предметы на пол, резко колотит молотками и игрушечками о твердые предметы; особенно интенсивно бряцает дитя металлическими предметами о железные прутья кроватки, радостно улыбаясь, сотрясает звучащие погремушки, спичечные коробки, связки ключей. Между прочим как раз ключи были первой звуковой игрушкой, обратившей на себя активное внимание моего 4-месячного Руди и развлекавшей его и гораздо позднее (до 1 г. 7 м.).

Подросшее дитя (от 1 года до 3 лет) старается воспроизводить звуки и при ходьбе по улице: то оно влечет за собой громыхающие колясочки, то везет скребущие по тротуарам железные лопаточки, то идет, нарочно шурша ногами, то берет в руки палки и проводит ими по железным штангам забора, получая дробно-гремящие звуки.

[12] В особенности естественно-научные.
[13] Что допускается в некоторых музеях и рекомендуется в детских музеях, например, в бывшем Музее игрушки.

Я вспоминаю, как радовался 2-летний Руди, когда заметил, что его новые башмачки скрипят[14]; этот скрип доставлял ему большое удовольствие при ходьбе и беге, и он искренно огорчился, когда хотели уничтожить этот скрип. В другое время я наблюдала, как Руди (в возрасте 1 г. 4 м..) охотно предавался беганию по шуршащим осенним листьям.

Все виды игрушек, издающих звук, живо и с энтузиазмом использовываются ребенком.

Как любил еще 2½-летний Руди палить из пугача, издающего щелкающий звук, как восторженно разряжал он гулко рвущиеся хлопушки, как страстно он (в возрасте 1 г. 7 м.) хлопал надутыми бумажными пакетами, стрелял оглушительными пистонами. Уже 5-летний Руди зачастую радостно забавлялся тем, что бросал огромный слиток свинца в бетонную стену, упиваясь гулким оглушительным стуком.

Все мы ежедневно и ежечасно наблюдаем, как неисчислимы у дитяти (от года и до школьного возраста) способы звукоподражательных и звуковоспроизводящих забав: желая получить звук, дитя употребляет свистки, металлические трубы, деревянные и глиняные дудочки (Табл. В.84, рис. 1), свистульки, скважины ключей, трещит зубцами гребенок, сотрясает погремушки, бубенчики, колокольчики, а за неимением всего этого воспроизводит свист и треск собственными губами.

Подобно маленькому Иони зачастую и крошечный 1—2-годовалый Руди нередко развлекался, стуча ручкой о предметы, повторно хлопая ладонью по твердому субстрату.

Конечно еще большее удовольствие доставляли Руди (от 1 г. 6 м. до 3 лет) игрушки, приводимые в движение стуком: цимбалы, дающие звуки при ударении молоточками (Табл. В.84, рис. 4), игрушечное пианино, требующее ударения пальцами рук (Табл. В.84, рис. 6) и больше и прежде всего барабаны (Табл. В.84, рис. 3), которыми не только 1½—3-летний малыш, но и ребенок-школьник развлекается с восторгом. Чем более самодеятельности и разнообразия движений при воспроизведении звуков, тем радостнее осуществляются эти звуки. Например гармонии (Табл. В.84, рис. 5), гитары нравятся ребенку значительно больше, чем заводные органчики, приводимые в движение однообразным способом кругового поворота ручки. Другое дело, если звучащий предмет катится. Например мой малютка был прямо очарован музыкальным катящимся колесиком и когда (в возрасте 3 лет) увидел его в магазине, то приставал к нам, упрашивая купить, до тех пор пока этого не сделали. Получив в обладание такое колесо, он целыми часами бегал с ним по дорожкам сада, забавляясь и бегом, и движением колеса, и слушанием звуков.

Уже 1½-годовалое дитя охотно слушает всякого рода музыку, игру на рояли, духовую музыку, причем при прохождении уличного оркестра дитя (в возрасте 2 г. 2 м. 11 д.) обычно улыбается широкой улыбкой, просит следовать за музыкой, а слыша музыку издали (в возрасте 2 г. 1 м. 25 д.) говорит: «Хорошая музыка». Однажды я сводила Руди (1 г. 9 м. 20 д.) на каток, который был иллюминован и где играла музыка; в следующий раз, когда мы с малышом пришли туда же, там была только иллюминация. Я сказала: «Сегодня только огонечки, музыки нет», — дитя было так огорчено отсутствием музыки, что тотчас же заплакало.

И кажется, что ребенок не пропускает ни одного случая, когда бы мог сам воспроизвести звук.

Так например Руди в возрасте 3½ лет ужасно любил стукать пальчиками по кнопкам пишущей машинки, нажимать на педаль дырокола, барабанить по клавишам рояля, причем в возрасте 1½ лет он столько же развлекался звуком клавиш, сколько ударением опускаемой и приподнимаемой крышки пианино.

Услыхав, как при фотографировании нажим на затвор давал щелкающий звук, Руди длительно, настойчиво упрашивал фотографа дать ему «потрыкать», как он говорил, пощелкать затвором, и мог заниматься этим делом бесконечно долго.

Как известно, все дети ужасно любят кричать и извлекать самые разнообразные звуки при посредстве щелкания языком, движения губами, гортанью, руками, ногами (подробнее об этом см. в отделе «Звукоподражание»). Мой мальчик например до 6 лет ужасно любил воспроизводить резкие выкрики, и так как в течение дня (ввиду топографической близости его комнаты с казенным помещением) этого нельзя было делать, он всякое утро упрашивал меня позволить ему покричать до 10 часов (времени начала занятий) и Использовал это время для крика самым энтузиастичным образом.

[14] Пожилые люди передают, что одно время даже в Москве была комичная, нелепая мода носить скрипящую обувь, которая специально изготовлялась применительно к этой цели. В деревнях сапоги со скрипом, как известно, ранее всегда ценились!

Например у 10-месячного Руди я многократно замечала, что когда он начинал скучать и под рукой у него не было никаких подходящих забав, он тотчас же принимался трещать губами, пуская пузырики из слюней, точь в точь как это делал и скучающий Иони; позднее уже у 2—3—5-летнего мальчика я наблюдала, что всякий раз, как он воспроизводил скучные для него процедуры одевания, раздевания, как и в случаях томительного ожидания, он неизменно трещал губами. Я часто бывала свидетельницей того, как дети во время продолжительных переездов на трамвае, устав и скучая в поездке, также начинают трещать губами. Эта привычка порой укореняется так сильно, что сохраняется до юношеского возраста; и я сама замечала, как одна знакомая девушка (будучи уже в возрасте 17 лет) нередко начинала трещать губами, когда производила какую-нибудь нудную для нее работу, например когда накрывала на стол или убирала комнату.

Известно, как дитя человека подобно шимпанзе любит хлопать в ладоши и употребляет это хлопание не только оттеняя им радостные эмоции (о чем подробно было уже упомянуто в отделе «Радость»), но упиваясь им как самодовлеющим развлечением (Табл. B.58, рис. 4; Табл. B.112, рис.3). После того как Руди научился щелканию язычком он подолгу забавлялся этим щелканием, как бы бравируя им перед окружающими, щелкая непрерывно десятки раз подряд.

Десятимесячное дитя развлекается тем, что охотно и длительно слушает разные стишки; оно любит, когда говорят речитативом, и порой даже смеется, слыша необычные, новые по форме (на фоне старого) слова и звуки. Уже было отмечено, что однажды, когда Руди засыпал, я воспроизводила ему ряд звукоподражаний голосом домашних животных, а потом спросила: «А ружье как стреляет»? и ответила: «Пиф-паф», на что мальчик громко рассмеялся. Когда 10-месячному Руди читали стишок про Кота-мурлыку, он неизменно смеялся при произнесении заключительной строки. 1½-годовалый Руди жадно, сосредоточенно слушал продолжительное чтение сказок и так пристрастился к чтению, что сам настойчиво требовал чтения (в возрасте 1 г. 9 м.), говоря: «будя-будя» (по его обозначению: читать, читать), плача, когда не исполняли его просьбы.

Когда дитя (в возрасте от 4 месяцев до 1 года) в хорошем настроении (после еды или после сна), оно «гулит», заливаясь звонкими взвизгивающими звуками, явно развлекающими его; позднее оно многие часы дня забавляется собственным громким лепетом, в котором воспроизводит самые многообразные, одиночные, нечленораздельные и раздельные звуки, составляющие основу его будущего языка. 9-месячный Руди, просыпаясь утром, неизменно минут 10—12, лежа в кроватке, начинал заниматься этим «разговором» с самим собой, неустанно упражняясь в непрерывном произнесении отдельных слогов, например: «а-пу-ба-ба-ба-па-ка-бо-бо-кх-кх-та-та-да-та-ти-дя-та-то-па-па»... Одно время Руди (будучи в возрасте 3 г. 3 м. 22 д.), пробуждаясь, воспроизводил набор непонятных слов, определенно, ритмично связанных, например:

«каменòнэ-ляменòлэ
каментàэн-лямэнтòр,
ильтэнòэн-эменòнэ,
кэльборòрэн-минэмòрэ-каментòр»

или в другом случае:

«камэнэ̀мэн-эманакэ̀нан
колэнтòрэн-амэнòн
кэлантòрэн-амильтòрэн
мильтарòмэн-кэрантòэн-минторэ̀н».

При сравнении деятельности развлечения звуками у Руди и у Иони следует сказать, что хотя оба малыша радостно, восторженно использовали разные способы воспроизведения звуков, пытались их осуществлять всевозможными имеющимися в распоряжении искусственными и естественными средствами, но у дитяти шимпанзе я никогда не замечала тенденции к развлечению звуками собственного голоса, как это имело место у ребенка.

Игры экспериментирования[15]

Обращаемся к сравнению игр экспериментирования человека и шимпанзе.

[15] Термин К. Грооса

1. Игра твердыми предметами.

Игры твердыми оформленными предметами у человеческого ребенка бывают тем увлекательнее, чем более пластичны и податливы эти предметы.

Уже упоминалось, что чем больше внутренней и внешней динамики таит в себе какая-либо попадающая в руки ребенка игрушка, тем радостнее она используется; наоборот, недопускающий никаких изменений предмет обычно после кратковременного рассматривания, как только он теряет элемент новизны, совершенно игнорируется.

Игра твердым бросовым материалом, как например камешками, бумажками, скляночками, гвоздиками, пуговицами, в жизни ребенка занимает громадное место. Подобно Иони Руди ежесекундно находил под руками материал для экспериментирования; подобно тому как и у Иони, у Руди не было бросового материала: все, что он находил, он утилизировал в игре. Его психическая активность особенно ярко отражалась в его играх экспериментирования при оперировании с таким легкоподвижным пластичным материалом, каким являются щепочки, спички, палочки, резина, вода, огонь, песок, камни и т. д.

Едва ли нужно говорить, что эти последние игры имели для ребенка особенно развивающее значение, так как знакомили его со свойствами трех стихий природы — земли, воды, огня. Все мы знаем, как младенец любит воду и как охотно он купается.

2. Игра водой.

Трехмесячный Руди, погруженный в воду, лежит с довольной рожицей, улыбается, вытягивает вверх ручки, выгибает спинку. 7-месячный Руди охотно допускает умывание личика, причем в это время широко раскрывает ротик и ловит каждую стекающую каплю воды; он радостно полощет в воде мокрые ручки, подносит их ко рту и обсасывает. Посаженный в ванночку, он обычно резко бьет ручками по воде, улыбается, закрывает глазки, обдавая себя каскадами брызг, захлебывается, глотая воду, и все-таки не перестает хлопать по воде. 9-месячный Руди при подготовке ванны смотрит пристально на все процедуры, машет ручками, со звонкими возгласами тянется к воде, горя нетерпением погрузиться в нее; вынимание из ванны неизменно сопровождается ужасным ревом, дерганием ногами, протестующими движениями тела дитяти.

Уже годовалое дитя тянется к воде так, что его трудно оттащить от нее.

Едва оно (в возрасте 10 месяцев) видит мокрое пятно, оно стремится размазывать его ручкой и тряпкой точь в точь, как это делает дитя шимпанзе (Табл. В.85, рис. 2); если Руди (1 г. 6 м.) замечает лужицу на дворе, он непременно должен войти в нее, побарахтать в ней палочкой, бросить в нее камень (Табл. В.99, рис. 4), а то и просто обмакнуть в нее ножку, обрызгивая и себя и окружающих; и когда его (в возрасте 2 г. 1 м. 25 д.) няня отводит от воды, он раздражается, бьет няню, стоит с глазами, полными слез, весь с покрасневшим личиком. С каким наслаждением дитя созерцает, как после сильных дождей автобусы и авто, ввергающиеся в заполненные водой рытвины улиц, обдают всех проходящих каскадами водяных брызг. Поставьте ребенку тазик с водой, предоставьте его в распоряжение ребенка (Табл. В.85, рис. 1), и вы увидите, как радостно будет он барахтаться в воде, шлепать по ней ручками, расплескивать воду до тех пор, пока она не иссякнет вся[16] . Дитя постарше (1 г. 6 м. 6 д.) схватывает воду ручками, пускает по ней плавать разные игрушечки, ловит их, когда они плывут или тонут, купает, топит их, черпает воду чашечками и, высоко подняв ручку, льет воду сверху (Табл. В.85, рис. 3); оно набирает воды в резиновые игрушечки, в губки и, сжимая их, выбрызгивает воду вон.

Дайте 1½—2-летнему ребенку волю действовать, посадив его в ванну с водой, — чего-чего он только ни придумает.

Пустите дитя купаться в естественный водоем, — когда оно привыкнет к воде, его невозможно оттуда вытащить: так много занимательных и разнообразных форм использования предоставляет вода малютке. Как радостно дитя (1 г. 5 м.) открывает краны, ловит струю воды ручками! Как часто уже подросший Руди (7—8 лет) играл на дворе у огромных луж, наполненных дождевой водой, пуская на них доски и сооружая подобие плота, на котором пытался плыть сам.

[16] Аналогичную форму обращения с водой, налитой в таз, наблюдала я и у молодой самки оранга Фрины в Московском зоопарке.

Как любят 3—4-летние дети, вымазавшись глиной, вывалявшись в песке, бежать в воду и отмываться, как энергично устраивают они запруды, воды, пускают лодочки, кораблики (Табл. В.107, рис. 1, 2), взметывают воду кверху, обдавая ею друг друга и всех близ находящихся. «Вода жива — она бежит», и эта ее подвижность влечет за собой подвижной ум и чувство дитяти и возбуждает в нем инициативу к самым завлекательным играм. Однажды Руди (1 г. 2 м. 17 д.) не хотел сидеть в одном месте сада, а все устремлялся в другое. На вопрос, почему он идет туда, он ответил: «Потому что смотреть на водицю» (как раз с этого места была видна блестевшая, волнуемая ветром лужа воды). В домашней обстановке забавы, связанные с употреблением воды, наиболее длительны: как охотно пользуется ребенок леечкой (Табл. В.71, рис.3; Табл. В.101, рис. 4), поливая цветочки; 1½—3-летнее дитя пускает в воду разные предметы (камни, щепки) и наблюдает, как они тонут или плавают. Однажды я застала, как Руди (2 г. 10 м. 9 д.) устраивал настоящее экспериментирование: опуская в воду разные предметы, он говорил вслух сам с собой: «Крышечка плавает» (деревянная). «А эта плавает?», — спрашивал он себя, пуская другую крышку (железную). «Почему железо не плавает?» — задает он вопрос отцу, видя погружение железной крышки. «Камень не плавает, — замечает он далее, видя, как тонет брошенный камень, — а мишук[17] плавает».

Как радостно Руди разливал воду из чайника в кукольные чашечки, как старательно стирал он (2 г. 6 м.) в тазу кукольное белье, погружал в воду и вынимал игрушки, любуясь их блеском и не желая вытирать (Табл. В.85, рис. 5). Как охотно он наливал игрушечные баки с водой и возил воду, брызгал из пульверизатора, переливал воду из сосуда в сосуд (1 г. 9 м. 26 д.).

Но кажется ни одна игрушка, связанная с использованием воды, не являлась для 3-летнего ребенка такой желанной, как обыкновенная резиновая спринцовка. По странной, ближе не вскрытой инверсии слов мой малютка почему-то все время называл эту спринцовку «алебастром», и вот этот-то «алебастр», раз испытанный в действии, позднее стал предметом, дающим многообразнейшее развлечение: ребенок то набирал в него воды, то спускал воду себе на ручку (табл. 85, рис. 6), то направлял струйку на цветы, то на стену, то на людей, обдавал их фонтанами жидкости, то он, погрузив спринцовку в воду, набирая воды, прислушивался к булькающему звуку, а потом повторно многократно опять спускал и опять набирал воду. Игра в тушение водой пожара моему 3—4-летнему Руди доставляла громадное удовольствие именно потому, что главным орудием действия была вода, которую нужно было черпать из бочки ведром, наливать в лейку и лить на так называемый горящий дом (Табл. В.106, рис. 2).

Уже 7-летний Руди не мог умываться равнодушно у умывальника с подвижным краником и всякий раз выстраивал различные фокусы: то он зажимал пальцем отверстие краника, расщеляя мельчайшее отверстие, и выпускал фонтаном воду, то он подобно Иони схватывал руками и разбрызгивал струю. Внезапное обрызгивание водой, набранной в рот, забавляло даже 7-летнего Руди. Кто из нас ни замечал, как даже в городе после проливных дождей все лужи полны шлепающими по ним ребятами, боящимися пропустить приятный случай лишний раз побаловаться водой.

Больших водоемов Руди (как и Иони) боялся и решался пользоваться ими лишь с чрезвычайной осторожностью (подробнее об этом уже было сказано на стр. 307 [228]).

3. Игра сыпучим веществом.

Сыпучий подвижной материал, как земля и песок, занимает в игровом обиходе ребенка второе место после воды.

Подобно шимпанзе и 2-летнее человеческое дитя любит перебирать песок, выискивая там мелкие камешки (Табл. В.98, рис. 4), пересыпать его с ручки на ручку, сгребать в кучки, просеивать через сито, разметывать его в пространстве, насыпать в формочки, пришлепывая сверху ручкой (Табл. В.86, рис. 4, 5, 6), сгребать лопаточками, накладывать в тележки, возить в тачках. Какую радость доставляло Руди (2 г. 3 м. 11 д.), как и всем детям, зарывать в песок, прятать и находить в нем (порой до 50 раз подряд) разные игрушечки, валяться в песке, зарываться самому в песок на речном пляже, кататься с песчаной горки.

Дома мой 1—2-летний Руди (подобно Иони) за неимением песка забирался в печки и целыми часами занимался выгребанием на пол золы или выниманием угольков, которые он разламывал руками, кусал зубами, пробовал языком, перетирал в пальцах (1 г. 7 м. 5 д.); иногда он копошился в самой печке, вороша

[17] Деревянная игрушка.

пепел и что-то выискивая к чему-то присматриваясь, находя неисчерпаемый материал для разглядывания и ощупывания.

Конечно смоченный песок является для дитяти благодарным материалом при оформлении им разных фигурок (о чем подробнее см. в отделе «Конструирование»), которые осуществляются уже ребенком 2—4 лет с большим рвением и радостью. Правда, 2-летнее дитя охотнее разрушает сделанные песочные «куличики», так как еще не умеет выложить их из формочек, но все же оно выучивается и этому (Табл. В.86, рис. 4—6), а уже 3-летний Руди мог сделать из песка подобие домика с трубой. Как и Иони, Руди охотно забавляется опилками, посыпая ими дорожки сада и утилизируя их так же радостно, как и песок.

4. Игра огнем, металлическими, прозрачными и блестящими, предметами.

Мы уже отмечали у Иони необычайное пристрастие к овладеванию и рассматриванию металлических, блестящих, светящихся предметов, совершенно аналогичное у ребенка, причем конечно яркий, живой и подвижной блеск огня является особенно привлекательным.

Явную фиксацию внимания на объекте, выражающуюся в пристальном разглядывании предмета и *притягивании* его ручкой, я наблюдала уже у своего 4-месячного малыша, которого впервые определенно заинтриговали блестящие погремушки, большие белые стоящие в вазе цветы, движущийся металлический висящий блестящий маятник часов. Уже 8-месячное дитя живо интересуется огнем. Однажды Руди в этом возрасте ужасно раскричался, — едва его поднесли к огню, он улыбнулся, сразу затих и перестал кричать. 9-месячный Руди подолгу любил смотреть, не спуская глаз с огня печки, с пламени керосинки. Как тянется например 1½—2-летнее дитя посмотреть поближе на огонь, схватить ручкой пламя, как охотно оно тушит дуновением губок колеблющееся пламя свечи (Табл. В.88, рис. 5, 6), как радостно оно чиркает спичку (Табл. В.88, рис. 4). При этом Руди (в возрасте 2 г. 5 м. 27 д.), потушив свечу, поражается исчезновением огня и начинает его искать, говоря: «Ах, где же огонечек? Куда же девался огонечек?», — заглядывает под столы, стулья, нагибаясь, предполагая найти там огонь.

Как радуется ребенок, получив в обладание электрический фонарик, когда одним нажимом на кнопку он уже зажигает яркий и безвредный для себя свет. Помню, сколько радости доставлял 2½-летнему Руди «ручной фейерверк», дающий посредством трения маленьких огнив целый сноп искр. Не менее любил мой мальчик (в возрасте 2 г. 8 м. 24 д.) сжигание бенгальских свечей, которые он мог уничтожить в неограниченном количестве.

Световые эффекты всякого рода необычайно восхищают ребенка: солнечный «зайка», бегающий по комнате, сноп лучей прожектора на темном вечернем небе, иллюминации в праздничные дни — все это стимулы, вызывающие бурные, восторженные, радостные эмоции, ребенка.

Раньше уже было отмечено, как страстно занимался Руди стрельбой пистонами, дающими при разрыве не только гулкий взрыв, но и яркий свет. Игры, включающие настоящее использование огня, как например топка игрушечных печей, разведение костров, естественно являются для ребенка столь же занимательными, как и игры с водой. Недаром в деревнях большинство пожаров обусловлено неосторожным обращением детей с огнем, употребляемым ими при играх.

Созерцание освещенного разноцветными огнями катка так нравилось моему Руди (в возрасте 1 г. 9 м. 26 д.), что его с трудом можно было увести оттуда домой, так как он все не мог насмотреться на разноцветные огни.

Как и Иони, Руди интригуют прозрачные предметы: клеенки, цветные стеклышки, гребенки, очки, лупы.

Прижав желтую клеенку или широкий ободок прозрачной красноватой гребенки к глазкам, Руди (в возрасте 2 л. 3 м.) любил, закинув головку, смотреть по сторонам — на землю, на цветы, на небо (Табл. В.87, рис. 1). Окружающий мир, представший в новом для него свете, интриговал его особенно сильно. При этом однажды, смотря через такую гребенку на небо, он воскликнул восторженно: «Ах, небо красное, ах, какое жаркое!..»

В возрасте 4 лет Руди, заполучив лупу, долго не хотел расстаться с ней и все рассматривал через нее самые различные предметы (Табл. В.87, рис. 3). Сколько радости доставляет ребенку детский стереоскоп с его бесконечной переменой рисунка из цветных стеклышек (Табл. В.87, рис. 2).

5. Игра эластичными предметами.

Эластичные предметы, допускающие различные манипуляции с ними, как например резиновая трубка, конечно не по случайному совпадению представляют для дитяти человека, как и для Иони, вожделенный объект, превосходящий по своей занимательности любую игрушку. Каких-каких только штук ни выделывал мой Руди с этой трубкой!

То, взяв трубку в руки (в возрасте 2—3 лет), Руди хлестал ею по полу, смотря на ее волнообразное изгибание, то, набрав в ротик воды, выливал ее в трубку, то употреблял трубку наманер телефонной трубки, беря в ротик при говорении партнеру и подставляя к ушку при слушании (Табл. В.102, рис. 4, 5).

Порой мальчик употреблял эту трубку для выслушивания своего медвежонка, имитируя докторское обследование (Табл. В.72, рис. 6, Табл. В.106, рис. 6), то он (в возрасте 2 г. 3 м. 11 д.) надевал трубку на носик лейки и поливал через нее цветы, имитируя поливку пожарным рукавом, то он свертывал ее в клубок и, подбрасывая кверху, с восторгом наблюдал, как она расправлялась в воздухе при падении, то он перепоясывался ей как поясом, воображая себя пожарным, то наконец он в контакте с другим мальчиком, набрав в рот воды, переливал ее по трубке от одного конца к другому.

Одно время эта резиновая трубка настолько вошла в обиход ребенка, что он выходил на улицу не иначе, как захватив ее с собой, и когда его убеждали, чтобы он хоть на улице и на бульваре не играл ей (как предметом насмешек со стороны посторонних ребят), он, не понимая истинной причины запрещения, упрашивал взять с собой трубку (которую он называл кишкой), — упрямо повторяя: «Люблю кишку!»

Естественно, что это универсальное использование длинной эластичной резины как раз и определяло ее притягательные свойства для мальчика. Проф. В. Келер говорит, что таким универсальным объектом для, его шимпанзе была *палка*, у моего же мальчика (как и у Иони) палка никогда не имела такого исключительного успеха в применении, как резиновая трубка, хотя конечно из группы твердых объектов и у Руди палка по многообразию своего применения могла конкурировать лишь с шариком.

Употребление в играх других эластичных предметов (ремня, веревки, нитки) у Руди никогда не было столь значительно, как употребление резиновой трубки.

Правда, тонкие длинные тесемки, шнурки, веревочки также развлекали и годовалого Руди. То он (в возрасте 2 г. 2 м.) перекидывал такую тесемочку на шею за голову и тянул ее вправо и влево (как это часто делал и Иони), то он устраивал из нее петли и лез в них головкой, то волочил за собой (1 г. 4 м. 27 д.) тесьму, приговаривая: «но, но!» Малыш охотно мог играть и мягкими длинными лоскутками, расстилая их (1 г. 6 м. 2 д.), затискивая в диван и опять вытягивая назад, таща, подтягивая к себе, дожидаясь конца и плача от нетерпения, когда он не достигал скорого высвобождения.

Взяв свою пеленочку (в возрасте 1 г. 1 м. 7 д.), дитя перебирает ее ручками, перекладывает с места на место, тянет за конец, развертывает, свертывает, приподнимает, опускает, машет ей в воздухе.

Девятимесячный Руди подобно Иони любил, встав в вертикальное положение, взяв свободный конец шнура или тряпки в ручку, махать ими в воздухе и делал это так энергично, что сваливался на земь, не будучи в состоянии удержать равновесие при слишком порывистом движении.

Десятимесячный Руди длительно мог заниматься разглядыванием, перебиранием, перетягиванием в пальчиках и перемещением из руки в руку даже простой ниточки. Даже обыкновенный волос — длинный человеческий волос — привлекает живейший интерес уже маленького ребенка. В возрасте 11 месяцев, схватывая у меня на голове волосик, мальчик обрывает его и начинает сосредоточенно рассматривать. В возрасте 1 г. 4 м. Руди уже с пристальным настороженным вниманием мог подобно Иони заниматься перебиранием волоска в пальцах рук, созерцая его скольжение при его проведении между пальцами (Табл. В.86, рис. 1 и 2).

6. Игра палкой.

Длинный твердый универсального назначения предмет, как например палка, используется ребенком в игре почти так же часто, как шар или мяч. Дитя (1 г. 1 м. 7 д.), едва выучившееся бегать, нередко берет в руки

прут или палочку и, размахивая ею высоко в воздухе, энергичнее бежит; несколько позднее (в возрасте 2 г. 2 м.) оно чертит, рисует палочкой на земле (Табл. В.89, рис. 2) и радо, когда она оставит там заметный след; палкой ребенок разгребает землю, тычет ей всюду, где может (Табл. В.89, рис. 4), стучит ей по твердым предметам. Палкой трогает малыш (в возрасте 1 г. 2 м. 22 д.) то, что не хочет взять непосредственно рукой: котенка, большую куклу (Табл. В.89, рис. 1). Палкой дитя отшвыривает вещи, к которым из отвращения, страха или по лени или по какой-нибудь другой причине не хочет прикоснуться рукой. В возрасте 2—3 лет Руди любил бросать палочку через высокие барьеры, через забор; палочкой он осуществлял разные разрушительные действия (Табл. В.99, рис. 3), палкой он намахивался на собак (Табл. В.89, рис. 3), спугивал голубей при гоньбе по двору; простая палка замещала ему всевозможные виды вооружения, как например ружье, саблю, шпагу; с палкой он отправлялся на прогулку в лес, ударял ей по стволам деревьев и сбивал несъедобные грибы, листья, ветви деревьев.

Это пристрастие к палкам у моего мальчика было так велико, что он решительно не мог пройти спокойно мимо всякой валявшейся палки и непременно хотел присвоить ее, говоря: «Хорошенькая палочка».

На высказанное сомнение в том, нужна ли ему эта палка, он неизменно находил ответ, оправдывающий ее приобретение. И хотя позднее это использование палки не всегда осуществлялось и таких палок у мальчика накоплялись целые груды, тем не менее рвение к их собиранию не умалялось.

Слегка изогнутая палка давала ему материал для конструирования лука, маленькие истончающиеся к концу палки служили ему стрелами, палка с развилком употреблялась им как рогатка (такие палки особенно ценились).

Палка энергично используется дитятей и при игре в городки (Табл. В.99, рис. 6), в кегли (Табл. В.100, рис. 1, 2, 3), в «чижик», где от ловкости применения бросаемой и сбивающей палки (в первых двух случаях) и ударяющей сверху палки (в последнем) зависит успех игры.

Неудивительно, что игра в 12 палочек, где палочки входят существенным ингредиентом игры, в обиходе дошкольника является излюбленной игрой.

В возрасте 3 лет мой мальчик придумал особую игру с палочкой: взяв в левую руку одну маленькую палочку, Руди подбивал ее палкой, находящейся в правой руке, и мог развлекаться этим длительно (Табл. В.99, рис. 5).

Уже упоминалось, как воодушевленно играет дитя с таким подвижным объектом, как шар и мяч (Табл. В.82, рис. 1—6).

Дитя устраивает себе порой без всякого участия взрослых специфичные забавы совершенно такого же типа, как Иони. Оно (в возрасте 1 г. 6 м. 10 д.) также делает распорки из острых предметов, например из спичек, но ставит их не между зубами, а поперек ладони, и так прогуливается по комнате. Подобно Иони Руди пытается легко колоть себя скляночкой в руку и отдергивает руку при уколе; подобно Иони Руди нередко развлекался тем, что совал в петлю кроватной сетки головку и высвобождал ее опять.

Игры экспериментирования обнаруживают нам, как велика психическая активность человеческого дитяти, как стремится оно ознакомиться с внешним миром, как обогащается новыми впечатлениями. Но так как для дитяти весь этот мир еще полон новизны и неизведанности, то фактически оно все часы своей начинающейся жизни проводит в этом любопытствующем созерцании.

Игры ознакомительные

1. Удивление.

Я замечала, что дитя, получая неожиданное, новое впечатление, нередко производит очень усиленный вздох и подобно Иони (Табл. В.90, рис. 1, 2) широко раскрывает ротик, повидимому испытывая чувство удивления от неожиданности. Когда Руди (1 г. 1 м. 6 д.) дали часы, он, приставив их к ушку, также полураскрыл ротик, прислушиваясь (Табл. В.102, рис. 1), но, замечательно, потом он стал прикладывать часы то к головке, то к глазу, то пониже, то повыше, то опять к ушку, как бы экспериментируя с ними и проверяя, слышно ли тикание при разном помещении часов и посредством разных частей тела.

Однажды я поднесла к 10-месячному Руди градусник, к которому он тянулся, — он тотчас же воспроизвел сильный вздох. Аналогичный вздох я услышала у него две недели спустя, когда перед ним вдруг распахнули дверцы шкафа и внезапно обнаружилась темная большая внутренняя полость; ранее, когда Руди было 5 месяцев, я замечала, что он издавал такие же глубокие одиночные вздохи, когда я показывала ему новые вещи или когда я сама внезапно появлялась перед ним после более или менее продолжительного отсутствия. Мимика удивления, выражающаяся в раскрывании ротика, подмечена и иллюстративно зафиксирована мной у Руди многократно. Когда мальчику было всего 6 месяцев, он впервые увидел бабушку в очках, причем очки были в светлой блестящей оправе, — дитя тотчас же раскрыло ротик, некоторое время не сводило с бабушки глаз, и когда последняя приблизила к нему свое лицо, Руди схватился прямо за очки и стащил их, недвусмысленно обнаруживая свой интерес именно к очкам. А вот другие случаи: я показала годовалому Руди красную хрустальную вазочку, — он, широко раскрыв ротик, так и вперил в нее свои глазки (Табл. В.90, рис. 1); вот он увидел у меня на шее голубой медальон из бирюзы, — он потянулся, схватил его обеими ручками и опять (подобно Иони) широко раскрыл ротик и так и воззрился на медальон (Табл. В.91, рис. 1).

Такое раскрывание рта при эмоции удивления я наблюдала у Руди и позднее, когда он (1 г. 2 м.) рассматривал человеческое лицо (Табл. В.94, рис. 3, 6), и еще позднее, уже в возрасте 2½ лет, когда он рассматривал ослепительные пышно расцветшие пионы, и в возрасте 7 лет, когда ему неожиданно показали громадный игрушечный лук для стрельбы.

Интересно, что это раскрывание рта сохраняется и до более зрелого возраста человека, и мне, как руководительнице экскурсий, особенно часто приходится наблюдать, как при показывании экскурсантам особенно экстравагантных вещей зачастую замечается (особенно у эмоциональных людей) отвисание нижней челюсти.

Характерно, что уже у годовалого ребенка при удивлении замечается типичный жест — разведение в стороны рук, обращенных вверх вывернутыми ладонями. Мой мальчик воспроизвел этот жест, когда (в возрасте 1 года 1 мес.) увидел ярко освещенную сетчатую воронку светлой металлической лейки (Табл. В.91, рис. 3). Полуторагодовалый ребенок при удивлении нередко издает характерный звук «а! ба!», как это я замечала например у Руди, увидевшего в окно внезапно выпавший первый снег.

С раннего возраста у ребенка возникает безудержное стремление к созерцанию, пристальному рассматриванию, тщательному ощупыванию, обнюхиванию, осязанию губами и языком новых вещей; он широко распахивает ворота своих пяти внешних чувств, жадно всасывая через них из внешнего мира все новые и новые впечатления. Уже четырехмесячное дитя начинает определенно присматриваться к своим ручкам, разглядывая растопыренные пальчики.

Пятимесячное дитя упорно тащит в ротик свои кулачки (Табл. В.92, рис. 2) или указательный пальчик и сосет их; иногда приходится ежесекундно, раз по 15 подряд, производить отнимание его кулачков, — тем не менее дитя настойчиво неудержимо снова и снова воспроизводит то же притягивание, порой захватывая по дороге и засовывая в ротик и свою пеленочку, и свою одежду, и шнурок от соски и все, что попадется под руку. Уже подросший Руди (2—2½ лет) нередко, слушая чтение, сосал свой указательный пальчик (Табл. В.92, рис. 6).

Подобно Иони Руди тащит в рот все, что только захватит в ручку. Как часто он (в возрасте 4—5 месяцев), лежа на спинке, с усилием тянул в ротик свои ножки, пытаясь их сосать, тащил в рот всякую взятую в руки вещь: бумагу, вату, игрушки, металлические предметы и сосал их, пуская обильные слюни, присасываясь с явным удовольствием к металлическим (Табл. В.92, рис. 3, 4, 5) стеклянным, гладким деревянным предметам и с гримасой неудовольствия — к резиновым и окрашенным масляной краской вещам.

Шестимесячное дитя, поднесенное к блестящему шарику кровати, тотчас же охватывает его обеими ручками и делает ими обволакивающие движения по всему объему шара, пытается коснуться заранее раскрытым (задолго до прикосновения) ротиком, прикладывается язычком. 7-месячный Руди, увидев на мне бархатное платье, заметив бархатный ковер, прежде всего желает ощупать материал и поглаживает его пальчиками; он стремится прикоснуться к гладкому мраморному столику, к изразцам печи и охотно длительно водит по ним ручкой, многократно погружает свои ручки в мягкий мех, проводит по нему ладонями, пощипывает, тащит в ротик; 8-месячное дитя радостно, с улыбкой запускает свои пальцы в волосы и длительно ощупывает их, перебирает в руках. Но дитя не хочет вторично касаться колючего (из свиной щетины) ерша, жесткой щеточки, не желая колоться (Табл. В.86, рис. 3), а стараясь ухватить его за гладкий стержень.

Каждая из новых игрушечек тащится дитятей в ротик и слегка царапается зубками. 7-месячный Руди продолжительно рассматривает пальчики на своих ножках, ручках; он замечает такие субтильные предметы, как небольшую выпуклую метку на наволочке, и делает по ней царапающие движения, сначала пальчиком одной руки, потом другой; затем он касается метки ротиком, поступая точь в точь как Иони, рассматривавший вышитый гладью якорь на матросской кофточке. 9-месячный Руди как-то увидел мою разутую ногу, — он стал применять к ней многообразные осязательные обследования: хлопал по ней ладонью, гладил, пощипывал, царапал. 10-месячный Руди неудержимо настойчиво тянулся ручкой к самым разнообразным предметам, все время издавая свое тягучее «э-э-э» и пытаясь коснуться всего, что видел: умывального ведра, обуви, коляски, игрушки; каждая капля воды на полу привлекала его внимание, и он тянулся ко всему, нагибая головку и туловище в направлении интригующей вещи, не унимаясь до тех пор, пока ему не давали пощупать ее рукой. Вот малыш подошел сам к калориферу, он трогает трубы; улыбаясь и произнося хрипло-дыханный звук вроде «эхе», он пытается вращать кран, касается его губами, язычком. Вот он взял в руки металлическую кастрюльку, он обследует ее разными способами, скребет ноготками по ее дну, хлопает ее ручкой, берет в зубы за ручку, переворачивает ее из стороны в сторону, стучит по ней деревянной игрушечкой, упирает ее в стену, переваливает с боку на бок.

Младенец еще до года (в возрасте 9—11 мес.) интересуется глубиной; подойдя к краю кровати, он пытается заглянуть вниз за спинку ее; выдвинув ящик, он заглядывает в глубину его, вовнутрь; увидев дырку в колесике пирамиды, он всовывает туда пальчик, воспроизводя многократно вставление и вынимание его (Табл. В.96, рис. 1); если есть дырка в материи, Руди растаскивает ее в стороны и рвет материю (Табл. В.96, рис. 3) до пределов возможного.

Когда Руди (в возрасте около года) ходит по комнате, он нередко держит в руках именно у ротика какую-либо из своих игрушек; если мальчика водишь по полу, он нагибается каждую секунду, дотрагиваясь и подбирая с пола разные вещи: бумажки, крохотные соринки, палочки, обломки игрушек и вопреки постоянным отниманиям и запретам все это пытается тащить в ротик. Кажется нет такого предмета, которого малыш не хотел бы ощупать губами и язычком. Вот Руди посадили за пианино, он хлопнул раза два по клавишам, получил звук, а потом все же прильнул к выступающему краю пианино и стал скрести его зубами.

Иногда он даже делает неприятную гримасу, пробуя вещь языком, царапая зубками некоторые жесткие предметы, — и все же он не перестает тащить их в рот. Годовалый Руди, увидев на себе новые кожаные башмачки, немедленно стал щупать их ручками, а потом потащил носик башмачка в свой ротик, начал щипать помпончик, тянул за шнурочки к себе.

У моего мальчика это стремление к ощупыванию ртом предметов сохранилось чуть ли не до 8-летнего возраста.

В период времени от 9 месяцев и до 1½ лет мой ребенок тащил в ротик самые неподходящие вещи, например погремушки, металлические крышечки, посуду, ложки, счеты, и т. д. и т. п. (Табл. В.92, рис. 3, 4, 5). Однажды (будучи 1 г. 1 м.) Руди подошел к громадной металлической ярко блестящей на солнце лейке, — сначала он, уставившись глазками на носик лейки, растопырил в стороны ручки, а в следующий момент он схватил носик ручками, припал к сетке ротиком и сосредоточенно стал ощупывать ее губами (Табл. В.91, рис. 3, 4). Позднее я буквально уставала ежеминутно останавливать мальчика, удерживая его от запихивания в ротик то железок, то различных палок, деревянных игрушек и других самых разнообразных вещей. В другое время брезгливый мальчик, который например не желал даже есть какую-либо пищу ложкой, перед тем погруженной в другую пищу, теперь совершенно забывал всякую брезгливость и мог брать в рот только что поднятую с полу вещь или грязный свой палец, которым перед тем рылся в земле (Табл. В.92, рис. 6).

Даже в возрасте 8 лет Руди нередко приходил с улицы с вымазанными темным подбородком и губами, что недвусмысленно указывало на то, что в университетском дворе, где каждая лежащая на земле вещь была покрыта сажей, он конечно поднимал с полу некоторые предметы и касался их ртом.

На лоне природы — в лесу, в саду, на берегу реки — дитя находит неисчерпаемый запас предметов для его ненасытного любопытства. Уже упоминалось (в отделе «Инстинкт собственности»), как жадно дитя собирает, рассматривает и присваивает себе все, что ему попадается на глаза: необычного вида суки, грибы, мох, ягоды, цветы, придорожные камни, насекомых и другие неисчислимые продукты природы. Гуляя даже в крошечном палисадничке, дитя подходит к каждому цветочку, дотрагивается до него пальчиками, просит назвать. При более пристальном присматривании дитя обычно плотно сжимает и вытягивает вперед губки (Табл. В.90, рис. 5, 6), точь в точь как это делает Иони при подобных же обстоятельствах (Табл. В.90,

рис. 4). Иногда Руди ощупывает при этом цветочки, иногда он их срывает, переламывает в руке стебли, с чрезвычайным сосредоточением рассматривая «плоды своих рук» (Табл. В.90, рис. 5).

Таким образом на практике, путем экспериментирования дитя знакомится с неприятными и приятными, с вредными и полезными свойствами предметов. Вот оно ощупывает жарко натопленную печь и отдергивает от нее ручки, чувствуя жар, и потом уже более осторожно дотрагивается повторно (1 г. 7 м. 17 д.). Вот оно коснулось колючей фуфайки, оно отшвыривает ее, чешет ручку и вытирает ее о фартучек, как бы стремясь уничтожить следы укола (1 г. 10 м. 23 д.). Наоборот, как мы видели, оно охотно ощупывает мягкие предметы. Уже отмечалось, что при ознакомлении с предметами дитя главным образом пользуется зрением и осязанием, осматривает и ощупывает предметы руками, губами, языком, прибегая к их обнюхиванию только в отношении сильно пахучих вещей, представляя в этом отношении полную противоположность шимпанзе, который прежде всего начинает с обнюхивания, а потом уже пытается щупать руками и тянуть в рот интересующий его предмет.

Это говорит и о большей роли обонятельного чувства в жизни шимпанзе и о большей тонкости его обоняния. Все же можно установить, что и человеческое дитя (в возрасте от 1½ до 3 лет) диференцирует обонятельные восприятия, улавливает довольно тонкие запахи и квалифицирует их по степени приятности. Однажды, когда я подошла к Руди (в возрасте 2 г. 6 м. 26 д.), он спросил меня: «Мама, чиво кусала?» (мама, что ела?). Я спросила: «А как ты думаешь?» Он ответил: «Сиколад», угадав запах шоколадных конфет, которые я перед тем ела. В другой раз он почуял носиком, что до того я ела колбасу. Однажды дитя (в возрасте 2 г. 9 м. 5 д.) сказало отцу, вошедшему в комнату вскоре после кормления сеном морских свинок: «Пахнет сеном», а в другом случае, принюхиваясь к голове дяди (бывшего до того в помещении, наполненном дымом), ребенок (в возрасте 2 г. 7 м. 8 д.) сказал: «Пахнет дымом, убири дым в комод»!

Я замечала, как 1—2-годовалый Руди при внимательном рассматривании чего-либо (например своих ручек, ножек, тельца) сильно вытягивает вперед плотно сложенные губки Табл. В.93, рис. 3, 4); аналогичная мимика и при сходных обстоятельствах отмечалась и у Иони (Табл. В.93, рис. 5, 6), причем порой малыш так уходил в это созерцание (в возрасте 1 г. 2 м. 21 д.), что даже не отзывался при его окликании. При внимательном прислушивании Руди я замечала у него (в том же возрасте) склонение на бок головки при более отдаленных звуках, раскрывание рта — при более близких звуках (например при слушании тиканья часов).

2. Наблюдательность.

Дитя еще до года обнаруживает большую наблюдательность и сразу замечает новые объекты на фоне старых. 10-месячный Руди тотчас же заметил, когда я вместо белых бурок, в которых бывала обычно, вдруг надела черные башмаки; едва я вошла к нему в комнату, он так и впился глазками в мои ноги, а потом, встав рядом со мной, все нагибался и трогал мои башмаки руками. Он немедленно заметил (в возрасте 11 месяцев) вновь надетый на мне белый фартук с темной каймой, стал касаться его ладонью, мял его в руках, в разных местах прислонялся ротиком к кайме (на рукавах, на шее, близ кармана), а потом тащил его в ротик.

Руди (в возрасте 1 г. 9 м.) тотчас же замечает надеваемый ему новый костюмчик или обувь, и тогда он особенно охотно, без обычного сопротивления, дается их надеть, поглаживает себя, трогает, говоря: «нца»[18].

Дитя обнаруживает острое тонкое зрение. Приведу в хронологическом порядке некоторые факты, подтверждающие это.

Руди (в возрасте 9—11 месяцев) собирает на полу крохотные, едва заметные для глаза соринки, крошки (Табл. В.98, рис. 1, 2); позднее (1 г. 4 м. 27 д.) он заметил в воздухе аэроплан, летящий так высоко, что неслышно было шума пропеллера и, закинув головку, пристально провожал его полет глазками.

Руди (в возрасте 1 г. 5 м. 28 д.), рассматривая руки близких людей и свои ножки, указывает и ощупывает пальчиком чуть заметные прыщики (Табл. В.93, рис. 3, 4), темные точки от чернильного карандаша (1 г. 10 м. 23 д.).

Руди (в возрасте 2 г. 1 м. 24 д.) замечает тоненький как паутинка волосок, приставший к хлебу, говорит: «Волосотек» и снимает его, прежде чем съесть хлеб.

[18] Хорошо — в обозначении дитяти.

При новой перевеске картин в комнате, совершонной в отсутствии мальчика, он (в возрасте 2 г. 6 м. 11 д.) тотчас же замечает это и спрашивает: «А питиму эта картина? Эта не там!» и указывает, где и какая картина висела. В том же возрасте дитя замечает слабое вдавление в металлическом чайнике и говорит: «Тагутая» (согнутая). Однажды Руди (2 г. 8 м. 29 д.) заметил темную лошадь в темных шорах и тотчас же спросил: «Что на глазках надето?»

3. Обман чувств: зрения и слуха.

Дитя обнаруживает зачастую обман зрения; я замечала, как 5-месячный Руди в своем неудержимом стремлении притянуть к себе, рассмотреть поближе и поднести к ротику лежащие вещи схватывает эти вещи растопыренными ручками несколько ближе или немного дальше, чем они есть на самом деле, почему, сомкнув в воздухе пустые ручки, ранее достижения предмета он производит мнимое схватывание; тем не менее он подносит руки к ротику и только там учитывает свою ошибку и тянется за вещью вторично. 11-месячный Руди порой тянулся ручками, произнося тягучий звук «э-э-э-э-э», и хотел достать люстру, подвешенную на потолке комнаты, высокие уличные фонари, белую простыню, развевающуюся на третьем этаже балкона расположенного напротив дома, явно не учитывая удаленности предмета и невозможности его достать. Годовалый Руди тянется за месяцем, двухгодовалый (2 г. 3 м. 24 д.), видя на крыше дома работающих мужчин, протягивает к ним ручки, говоря: «Достать дядей». Естественно, что ребенок (в возрасте 2 г. 2 м. 13 д.), смотря через прозрачную гребенку на лампу, также поддается на обман — мнимое приближение лампы — и схватывает ее не в том месте, где она фактически находится.

У годовалого Руди, как и у Иони, я многократно наблюдала обманы зрения, связанные и с восприятием стереометрических изображений. Например, видя на рисунке (в возрасте 1 г. 4 м. 26 д.) искусно изображенную выпуклую морковку, дитя пытается схватить ее пальчиками и когда не преуспевает в этом, тянется то ко мне, то к няньке с просящим звуком: «э-э», как бы приглашая нас помочь ему схватить. И позднее (в возрасте 1 г. 9 м. 22 д.) дитя точно так же старается уцепить рисунок, изображающий шарообразный колобок, искусно нарисованную куклу, говоря: «Ди-дяй» (да-дай).

Однажды Руди (2 лет) пытался пустить плавать в небольшой таз с водой огромную скамейку, явно не учитывая неосуществимости такого вмещения (Табл. В.85, рис. 4).

В возрасте 2 г. 0 м. 23 д. Руди уже сам убеждается в невозможности схватывания руками рисунков, выражает это словами при следующих обстоятельствах.

Он подходит к картине, стереометрически изображающей человека, делает схватывающее движение ручками, производит мнимое хватание человека, подходит ко мне, разжимая ручки, как бы кладет мне человека на колени, видя, что ничего нет, производит вторичный подход, мнимое взятие и принос, причем, снова не преуспевая, разочарованно говорит: «Никак». Однажды, протискавшись с трудом в узком проходе между музейными шкафами, Руди (1 г. 8 м. 4 д.) и в широком просвете идет бочком, как бы боясь не пролезть, зацепить за стены, хотя кругом его обширное пустое пространство.

Полуторагодовалый Руди нередко усиленно пытался ловить тень от своих рук. Дитя (еще в возрасте 1 г. 10 м. 7 д.) смешивает прозрачное и блестящее и например, взяв глянцевитую открытку, пытается смотреть через нее так же, как обычно смотрел через прозрачную клеенку или через роговой прозрачный гребень, через который он всегда так любил смотреть на огонь, на небо.

У двухлетнего Руди я замечала и обман слуха, — например он не учитывал силы звуковых стимулов и, находясь в комнате и видя через двойную стеклянную оконную раму стоящего отца, пытался говорить с ним обычным голосом, выражая словесное желание, которое фактически не могло быть услышано даже при сильнейшем крике. Vice versa: в возрасте 3 лет дитя, находясь на улице, настойчиво пытается переговариваться с смотрящими в окна домашними, также не учитывая еще, что его разговор не может быть услышан.

4. Самовнимание, самосозерцание.

Дитя, обуреваемое страстью рассматривания, распространяет порой свое созерцание на себя и окружающих.

Годовалый Руди смотрит на свое голое тельце (Табл. В.93, рис. 2), увидел пупочек, касается его пальчиком и пристально смотрит на это место; вот он проводит указательным пальчиком по глубокой надлобковой

складочке кожи (Табл. В.93, рис. 1), бот он рассматривает свои ручки, ножки; вдруг он заметил на коже прыщик (Табл. В.93, рис. 3), он вытянул вперед губки, совершенно аналогично тому, как это делал Иони при подобных же обстоятельствах, и стал пальчиком расковыривать это место (Табл. В.93, рис. 4); вот он заметил у себя на пальчиках ноготки, он ощупывает их, прикладывается к ним ротиком. В возрасте 10 месяцев в процессе самообследования Руди залезает указательным пальчиком себе в ушко, в ротик. Лежа у меня на руках, 8—10-месячный Руди вдруг замечает мое непокрытое как обычно волосами ухо, он смеется, вставляет в него и вынимает из него свой пальчик, а другой раз дитя (1 г. 2 м. — 1 г. 4 м.) вдруг начинает рассматривать мое лицо (Табл. В.94, рис. 1, 3), как будто бы видит его впервые, и то схватывает меня ручками за нос, то за подбородок, ощупывает уши (Табл. В.94, рис. 3), касается (как и Иони — Табл. В.94, рис. 2) моих волос, зубов, разглядывает и ощупывает их; нередко дитя проводит ручкой по чужому лицу, внимательно присматриваясь, как бы знакомясь с ним подробнее, тщательнее (Табл. В.94, рис. 6), сует указательный пальчик в ноздри, в уши, в уголок глаза, под губы; если открываешь рот, он заглядывает, в глубину рта, смеясь, когда начинаешь двигать языком или смыкать и размыкать челюсти. Дитя сразу замечает у бабушки вновь надетую блестящую брошку и пытается ощупать ее пальчиками; с каким интересом и сосредоточенностью разглядывает Руди (2 г. 1 м. 24 д.) котят и точно так же тычет пальчиком им в нос, в глаза, в ушки, называя части тела «гази» (глаза), «носик бобо» (видя розовый нос и думая, что нос розовый оттого, что болит) и добавляя: «пизилеть» (пожалеть, посочувствовать, приласкать кошку). Теперь (в возрасте 2 лет) дитя, рассматривая разные вещи, пытается и называть их.

Полуторагодовалое дитя с живейшим интересом смотрит на себя в зеркало.

Реакция на зеркало. Интересна реакция дитяти на зеркало. В разные периоды жизни эта реакция на зеркало различна. 4-месячный Руди, видя себя и меня в зеркале, улыбается изображениям. 5-месячный Руди при моем подходе с ним к зеркалу больше смотрит на свое отражение, нежели на мое; он всматривается пристально, прищурив глазки, когда его подносят к зеркалу, дотрагивается до зеркала указательным пальчиком[19] , улыбается, издает какие-то звуки; 6-месячный Руди, всматриваясь в свое и мое зеркальное изображение, тянет обе ручки к зеркалу, водит по стеклу пальчиками, оглядывается на меня — живую — и опять смотрит в зеркало и так повторяет несколько раз. Иногда, смотрясь, он топает ножками и улыбается. Я замечала, как в этом же возрасте Руди начинает приглядываться к своему изображению в крышке блестящей кастрюльки, наклоняясь и приближая к ней свое личико. 7-месячный Руди, смотрясь в зеркало, начинает ударять ручками по своему изображению, точно так же, как это делает Иони после освоения с зеркалом. 11-месячный Руди смеется, если его подносишь к зеркалу, энергично ударяет ладонью в свое изображение. Годовалый Руди прикладывается к показанному зеркалу открытым ротиком, а потом оглядывается назад за себя и опять смотрит в зеркало, как бы кого-то ища. В возрасте 1 г. 3 м. 24 д. Руди резко бьет кулаком, видя себя в зеркале; в возрасте 1 г. 4 м. 27 д. дитя заводит руку за зеркало, как бы нащупывая там кого-то, точно так же, как то делал и Иони (Табл. В.33, рис. 2). В возрасте 1 г. 5 м. 22 д. Руди плюет на зеркало, видя себя в зеркале, обдавая изображение брызгами, как и Иони, гримасничает (Табл. В.95, рис. 6, 5), трещит перед зеркалом губами. На вопрос, кто там (т. е. в зеркале), отвечает, видя меня и себя: «Мама, дядя» (себя называет «дядя»); нередко он прикладывает личико к зеркалу.

Полуторагодовалый Руди воспроизводит перед зеркалом разные гримасы[20] и жесты; видя в зеркале бабушку, он смеется, оглядывается назад, смотрит то на настоящую бабушку, то на бабушку, отраженную в зеркале, говоря: «Баба». Видя меня в зеркале, хохочет.

Раз я застаю Руди (1 г. 8 м. 17 д.), как он смотрится в блестящий отражающий шарик кроватки, называя себя «дядя», поднимая кверху ручки и смотря на свое отражение. В возрасте 1 г. 9 м. 2 д., смотрясь в зеркало, Руди подобно Иони (Табл. В.95, рис. 5, 6) строит рожицы перед зеркалом, гримасничает; позднее я вижу, как Руди (в возрасте 1 г. 9 м. 19 д.) целует свое изображение в зеркале, заглядывает за зеркало и опять смотрит в зеркало; порой приближает вплотную личико к зеркалу, целует[21] себя. На вопрос, кто это, отвечает: «Апа» (его сокращенное имя), добавляя «нца» (хороший).

В возрасте 2 лет Руди намахивается на свое изображение в зеркале тряпкой и палкой. Увидев себя (2 г. 2 м. 9 д.) в зеркале голеньким, начинает производить перед зеркалом гимнастические движения.

Руди (2 г. 2 м. 22 д.) смотрится в блестящую крышку, говоря: «Апичка» указывая себя; в возрасте 2 г. 3 м. 21 д. он производит перед зеркалом утрированные движения жевания; в возрасте 2 г. 9 м. 26 д. он, нарочно

[19] Аналогично тому, как то показано на Табл. В.95, рис. 3, у Руди в возрасте 1 г. 5 м.
[20] Аналогично тому, как то показано на Табл. В.95, рис. 5, у Руди в возрасте 1 г. 5 м..
[21] Аналогично тому, как то показано на Табл. В.95, рис. 1, у Руди в возрасте 1 г. 5 м.

вымазав личико, сам бежит к зеркалу, гримасничает: вытягивает вперед губы, потом широко раскрывает рот.

Как мы замечаем, реакции дитяти на зеркало довольно близко совпадают с поведением Иони при аналогичных же обстоятельствах. И хронологически и по внешним выявлениям они развертываются в той же последовательности, что и у Иони:

1 стадия — приглядывание к зеркалу
2 стадия — улыбка
3 стадия — притрагивание пальцем
4 стадия — ударение руками, заведение руки за зеркало
5 стадия — прикладывание ртом, плевание, трещание губами перед зеркалом
6 стадия — гримасничание, жестикуляция
7 стадия — намахивание орудием на изображение.

Трех моментов в поведении Иони нет: самоузнавания, сравнения реальных предметов с отображением и благожелательного ласкового отношения к своему образу. Все же до конца Иони видимо так и не опознает соотношения вещей, не осмышляет, что зеркальный образ обезьяны — отображение его собственного облика.

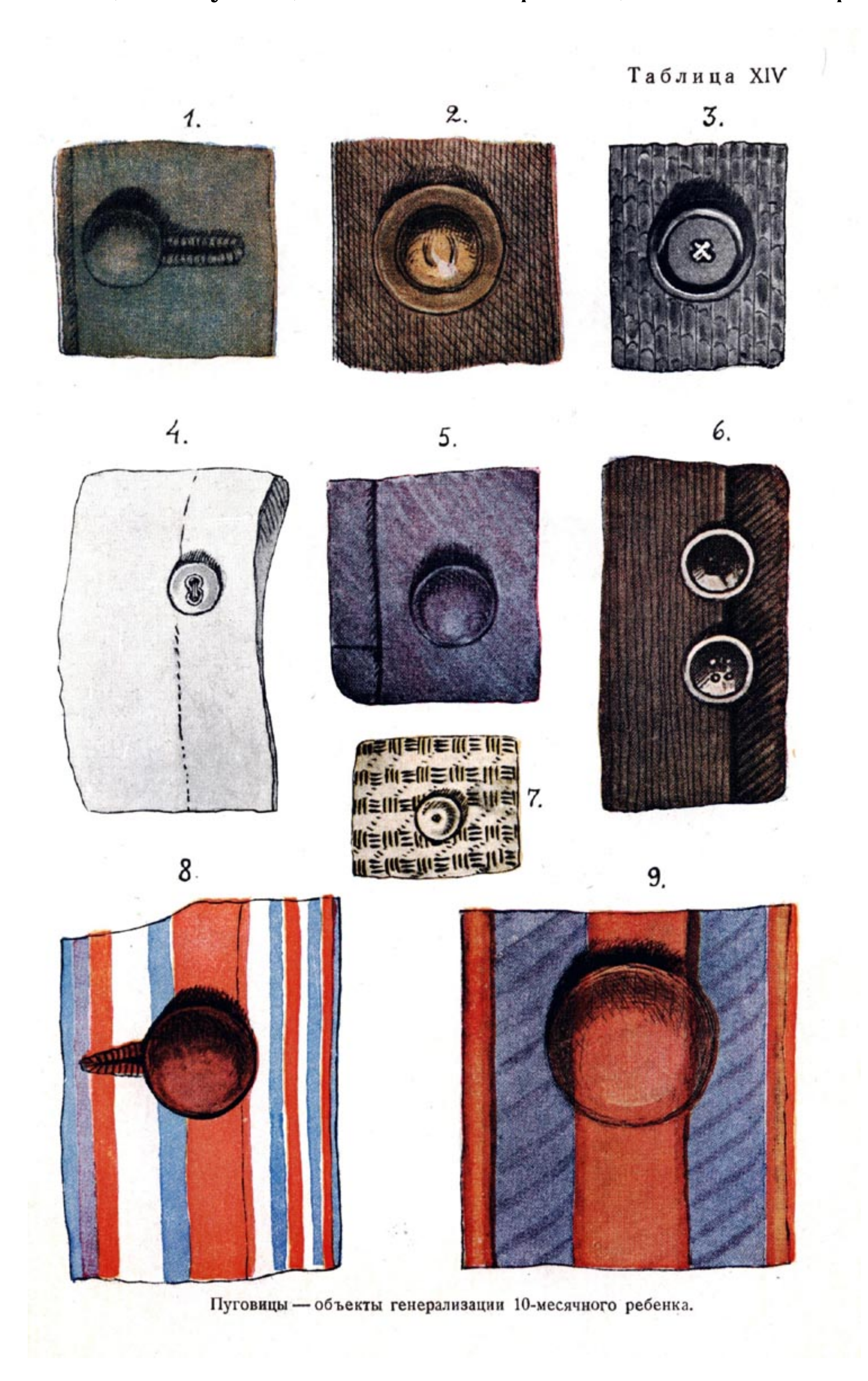
В любопытствующем внимании ребенка мы легко усматриваем и его тонкую *наблюдательность*, способность к *узнаванию, ассимиляции, отождествлению, генерализации, абстракции*.

5. Узнавание.

Уже крошечное 2-месячное дитя, рассматривая, узнает: диференцирует знакомое от незнакомого. Мой Руди, глядя мне в лицо, встречая меня после отсутствия, неизменно улыбался мне, а в случае взятия его на руки другим лицом тотчас же начинал плакать. 3-месячный Руди уже улыбается всем своим домашним, когда те попадают в поле его зрения, и не улыбается чужим; 4-месячное дитя улыбается, узнавая предметы, связанные с актом его кормления или с теми, на которое падает его взгляд во время сосания. Эти предметы он встречает улыбкой, радуясь им, как добрым вестникам, как приятным знакомым. В этом же возрасте дитя узнает голос матери, отличая его от чужих голосов; слыша ее голос, но не видя матери, он кричит и успокаивается лишь тогда, когда она появляется и берет его на руки; дитя не идет на руки к чужим людям (3 м. 13 д.) и разражается плачем, когда те насильно берут его.

Десятимесячный Руди не только узнает некоторые предметы, но вырабатывает общее представление; например на вопрос, где пуговичка, Руди мог указывать на самые различные по виду (по цвету, форме, материалу, величине) пуговицы, помещенные на самом различном фоне, в самых различных местах, на разной одежде, у разных людей (красные пуговицы на пестром фоне; большие черные блестящие пуговицы; маленькие черненькие блестящие на черном фоне; полосатые, оранжево-серые, зеленые суконные пуговицы на таком же фоне; зеленые блестящие на сером фоне; перламутровые беленькие на белом фоне; полотняные белые, сливающиеся по цвету с тканью, — (Табл. 4.1, рис. 1—9). 11-месячный Руди указывает на резиновой погремушке, изображающей человеческое лицо, где глазки, где ротик. Годовалый мальчик правильно указывает пальчиком на вопрос, где у куклы глаза, руки, нос (Табл. B.94, рис. 4). В это время дитя не только узнает, но и тотчас же называет всех своих по имени: «папа, мама, няня, дядя» и т. д.

Таблица 4.1. Пуговицы — объекты генерализации 10-месячного ребенка



Пуговицы — объекты генерализации 10-месячного ребенка.

Рис. 1—9. Девять различных по форме, цвету, величине, материалу пуговиц, указываемых ребенком (10 мес.) на вопрос: «где пуговица».

Руди (1 г. 6 м. 15 д.) сам, без предварительного показывания ему, указывает шапочки на различных деревянных игрушках, изображающих людей.

Руди (1 г. 8 м. 20 д.) уже узнает вновь купленные игрушки животных: льва, тигра, бурого медведя, жирафу и называет их. Он различает на картинках некоторых домашних животных и называет их. Руди узнает по

портретам, относящимся к 1911 г. (следовательно 16 лет назад), меня и отца, называя: «папа, мама»; но отца в более раннем возрасте (12—14 лет) Руди конечно не узнает, называя его «дядя» (как он обозначает чужих мужчин). Руди (в возрасте 1 г. 10 м. 20 д.) узнает на домашней фотографии себя, меня, отца, няню, куклу, лошадь и называет всех; в возрасте около трех лет дитя, смотря на семейный портрет (подмалевку, сделанную масляными красками мало искусным художником), говорит (отвечая на мой вопрос, кто это?): «Это мама, папа, Апочка» — и по своей инициативе делает сравнение, добавляя: «папа не такой, мама такая, Апа не такой» и далее: «личико у мамы нехорошее, личико у папы нехорошее, у Апочки валёсики нехороши[22], сам Апочка хороший». Руди (в возрасте 2 г. 6 м. 7 д.), рассматривая разные картинки в книге, улавливает сходство образов с некоторыми знакомыми, замечает различные выражения лица, спрашивая про одно мужское лицо: «Почему дядя смеется?» Руди (2 г. 10 м. 9 д.) различает тонкое несходство мимики на двустороннем лице своей резиновой погремушки, говоря: «Эта смеется, а эта не смеется».

Дитя (1 г. 8 м. 21 д.) само легко опознает и группирует различные колесики, пирамиды, называя одни, более выцветшие, старыми, другие, более яркие, светлые, — новыми.

На большом расстоянии (в 50 шагов от дома в окно — в возрасте 1 г. 8 м. 1 д.) Руди узнает кошку, называя ее «кьхь»; в другой раз он заметил в окно ворону, сидящую высоко на шпице трехэтажного здания, и назвал ее: «кар» (1 г. 4 м. 29 д.).

Дитя (в возрасте 1 г. 9 м. 18 д.) узнает целое по части и например при моем преднамеренном разламывании игрушек (деревянной фигурки гуська, звонка) и при показывании ему частей правильно называет часть гуська: «гага»[23], часть звонка: «динь»[24]. Руди (в возрасте 2 г. 4 м. 18 д.) уже настолько хорошо отождествляет изображения предметов, что может играть в лото (Табл. B.120, рис. 5). Руди (в возрасте 2 г. 9 м. 16 д.) узнает по картинке и обозначает словесно 85 различных предметов, изображенных на карточках лото[25]. Руди (в возрасте 1 г. 7 м. 17 д.) узнает рисунок аэроплана на спичечной коробке, называя его «гх»[26].

6. Практическое обобщение — генерализация.

Узнавание у ребенка (от 1 до 1½ лет) принимает характер генерализации, практического обобщения; так например Руди всех посторонних мужчин называет «дядя», посторонних молодых женщин — «тетя» или «Гага» (по имени домашней работницы); посторонних старух— «баба»; детей — «Катя» (по имени маленькой знакомой девочки); всех черных птиц (ворон, галок, грачей) Руди называет «кар»; кошек, как и мех, — называет «кьхь». Уже указывалось, как Руди (в возрасте 10 месяцев) овладевает генерическим образом, общим представлением, «пуговица» и указывает самые различные по цвету, форме, величине пуговицы, помещающиеся на разных вещах.

Дитя легко уподобляет подобное и демонстративно обнаруживает это. На вопрос где ротик, ушко, руки, головка, глаз, волосы, он (в возрасте 1 г. 2 м. 3 д.), указывая ухо или глаз у себя, по своей инициативе тянется ко мне, показывая и мои глаза и ухо. Указывая ноги лошади на картинке, потом он тянется к своим ножкам, показывает на них; посмотрев на кукленка, Руди (2 г. 1 м. 15 д.) указывает на брови, говоря: «Бови, бови», а потом смотрит на домашних и говорит: «У мамы бови, у дяди бови, у Апы бови» (указывает на свои, мои и дядины брови) и совсем неожиданно добавляет: «У маляка бови», показывая на черный ободок на белой фарфоровой чашке с молоком.

У дитяти (еще в возрасте от 1 г. 4 м. 25 д. и до 3 лет) мы замечаем, как это уподобление принимает все более грандиозные размеры. Дитя осуществляет ассимиляцию по единичным признакам предметов, остановившим его внимание, то по цвету, то по форме, то по величине, точно абстрагируя характерные признаки предметов, изощряя в этом необычайно развивающем его психическом процессе и свою наблюдательность, и узнавание, и абстрагирующую способность и фантазию, все точнее и точнее осваивая сонмы представлений окружающего вырабатывая конкретным путем понятия.

[22] Художник изобразил волосы много светлее, чем они были в действительности.
[23] Гусь — в обозначении мальчика.
[24] Звонок.
[25] Изд. Мосгублит № 25504
[26] Аэроплан.

Таблица 4.2. Объекты ассимиляции по цвету

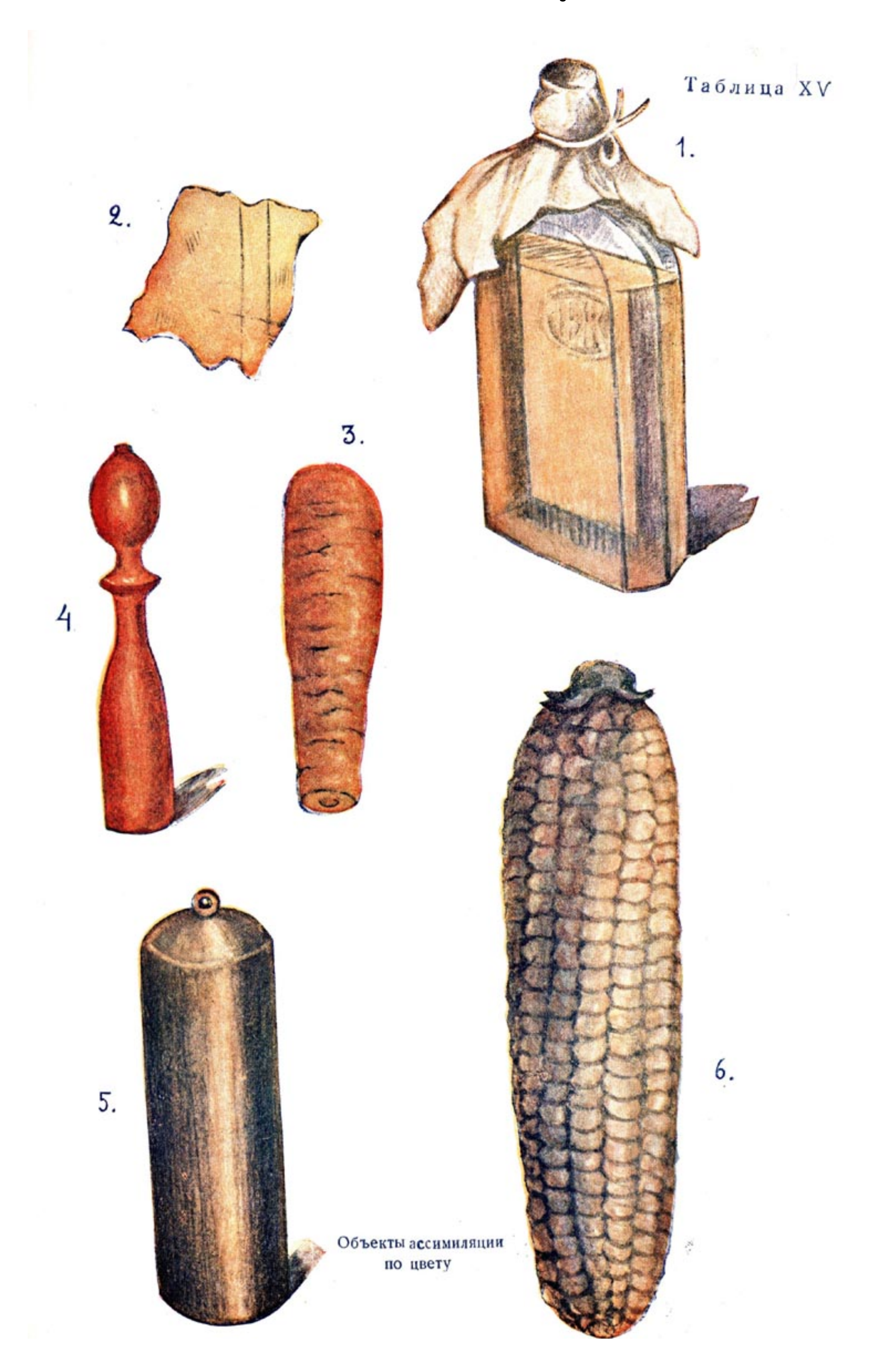


Рис. 1. Пузырек с рыбьим жиром.
Рис. 2. Кусок медицинской клеенки — «жирок» по определению Руди (2 г. 11 м. 16 д.).
Рис. 3. Морковь.
Рис. 4. Оранжевая кегля — «муроп» (морковь) (1 г. 11 м. 14 д.).
Рис. 5. Гиря от часов.
Рис. 6. Початок кукурузы — «гиря» (2 г. 1 м.).

7. Ассимиляция.

Из бесчисленных зафиксированных мною в протоколах высказываний и зарисованных объектов, вскрывающих процесс ассимиляции у моего ребенка (в возрасте от 1½ до 3 лет), приведу хотя бы немногие, наглядно проиллюстрированные Табл. 4.2, рис. 1—6).

Ассимиляция по цвету. «Жирок» (рыбий жир) — называет Руди кусок желтой медицинской клеенки (в возрасте 2 г. 11 м. 16 д.).

«Ветчина» — кусок мясо-красной резины (1 г. 11 м. 14 д.).

Ассимиляция по цвету и форме. «Муроп» (морковь) — называет он оранжевую кеглю (в возрасте 1 г. 11 м. 14 д.).

«Гиря» — желтый початок кукурузы (2 г. 1 м.).

Ассимиляция по форме. «Атабиль, тетя, лодочка, дядя в санках» называет он фигуры (в возрасте 2—3 лет) (Табл. 4.5, рис. 1—18).

«Люна» (луна) — мармелад, изогнутый в форме подковы (1 г. 10 м. 13 д.).

«Топор» — выгрызенный кусок сыра (2 г. 7 м.).

«Дом» — печенье (1 г. 11 м. 24 д.).

«Питима» (печенье) — сито в чайнике,(1 г. 11 м. 14 д.).

«Слезы» — пятна на обоях (3 г. 6 м.).

Ассимиляция по прозрачности. «Татуля» (сосулька) — называет он стеклянную воронку, стеклянный пузырек, пипетку (в возрасте 2 г. 6 м.).
«Пузырик» — прозрачный камешек в кольце (2 г. 6 м.). «Капсюльки» — матовые пуговички, напоминающие облатки фитина (2 г. 6 м.).

Ассимиляция по эластичности. «Ринина» (резина) — называет он длинный очисток кожи от яблока (в возрасте 1 г. 10 м. 27 д.).

«Ринина» — клеенчатый сантиметр (1 г. 11 м. 14 д.).

Ассимиляция по величине. Большие гвоздики в кроватке Руди называет «мама», маленькие — «дети».

В данном случае Руди не всегда уподоблял по главному признаку, но иногда он сам точно улавливал существенные признаки предмета, отвлекал их и производил подлинную абстракцию, оперируя с самыми многообразными по большинству признаков несходными предметами, овладевая понятиями предметов.

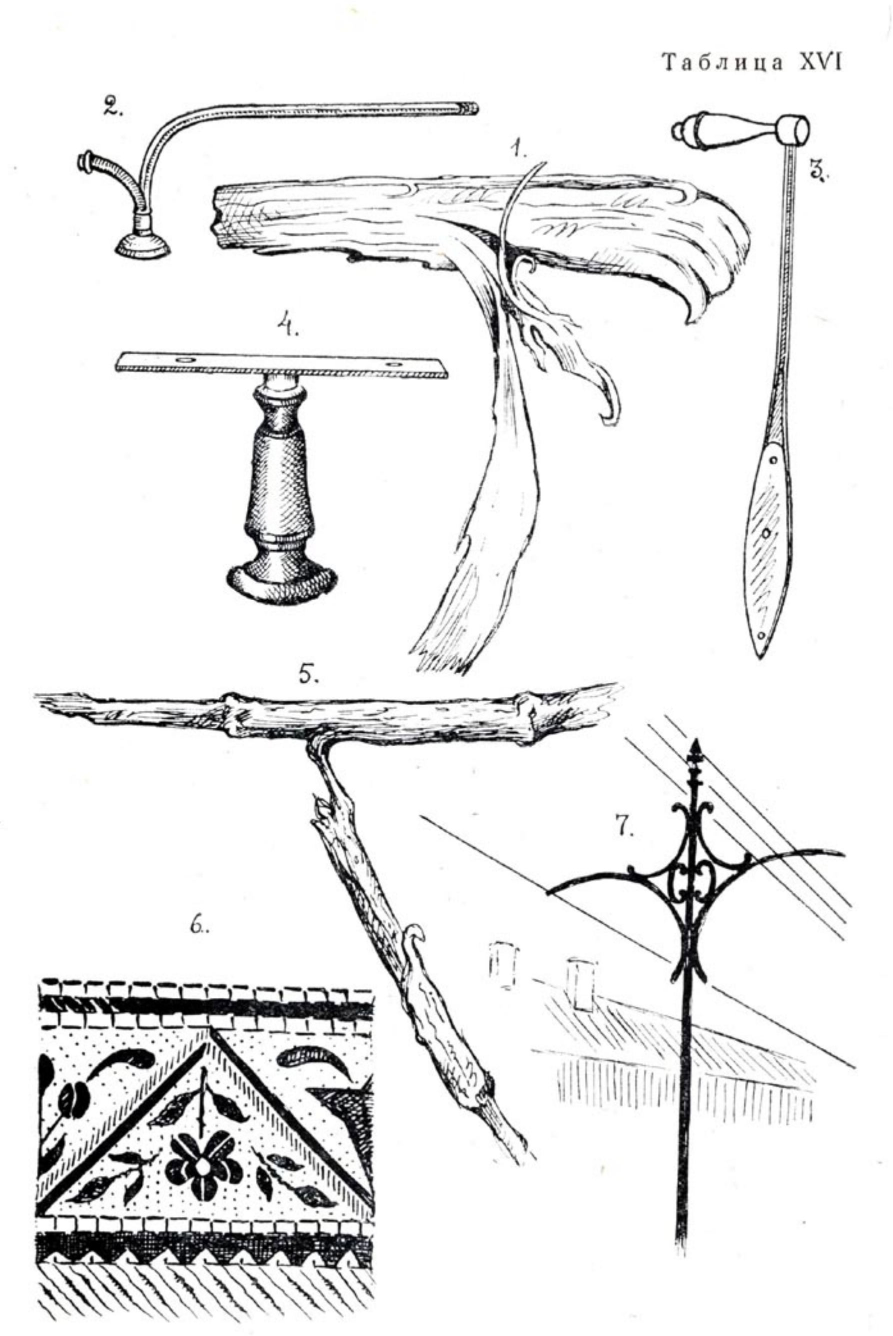
Наиболее полно прослежена мной чрезвычайно рельефно выраженная ребенком абстракция, связанная с представлением аэроплана, видимо особенно поразившего ум ребенка.

Руди, еще не умея хорошо говорить, называл аэроплан по звуку пропеллера словом: «гх».

И вот раз (1 г. 6 м. 27 д.), роясь в стружках, он вдруг, нашел стружку, видимо напомнившую ему по форме аэроплан; он поднял эту стружку в воздух и сказал: «гх» (Табл. 4.3, рис. 1).

Позднее разнообразнейшие предметы, где он видел лишь соотношение двух взаимно перпендикулярно расположенных линий, напоминали ему аэроплан (Табл. 4.3, рис. 1—7 и Табл. 4.4, рис. 1—7).

Таблица 4.3. Различные предметы, уподобляемые ребенком (1½ — 2½ лет) аэроплану



Различные предметы, уподобляемые ребенком (1½—2½ лет) аэроплану

Рис. 1. Стружка — «гх» (аэроплан) по определению Руди (1 г. 6 м. 27 д.).
Рис. 2. Пульверизатор — «гх» (1 г. 8 м. 16 д.).
Рис. 3. Докторский молоточек — «гх» (1 г. 10 м. 15 д.).
Рис. 4. Стержень от печатки — «гх» (1 г. 11 м. 24 д.).
Рис. 5. Сломанный прутик — «гх» (1 г. 11 м. 24 д.).
Рис. 6. Рисунок на скатерти (две взаимно перпендикулярные линии) — «гх» (2 г. 2 м. 1 д.).
Рис. 7. Трамвайная дуга — «гх», «ляпан» (2 г. 2 м. 1 д.).

Таблица 4.4. Различные предметы, уподобляемые ребенком (1½ — 2½ лет) аэроплану

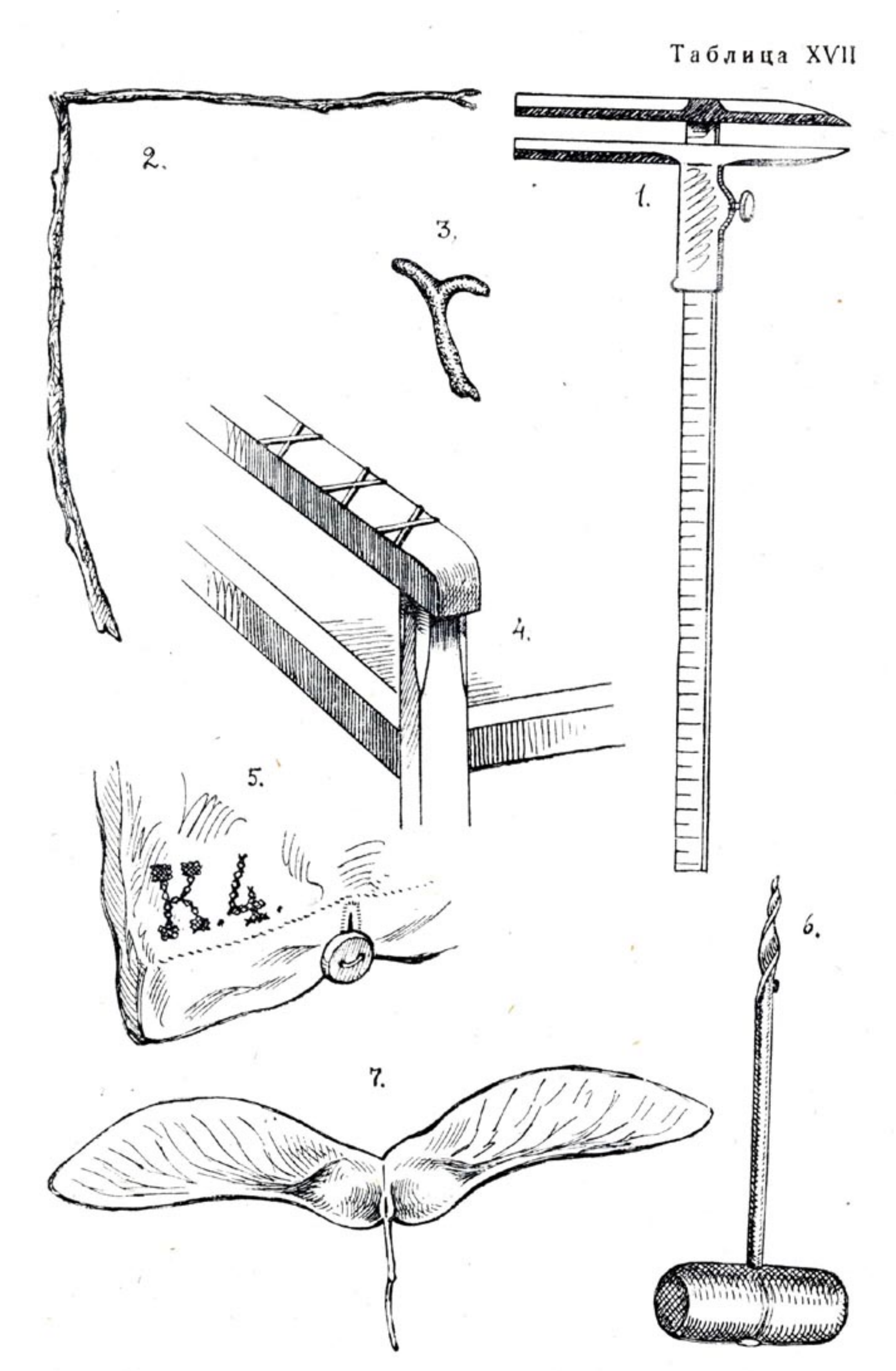


Рис. 1. Штанген-циркуль — «гх» по определению Руди (1 г. 7 м. 3 д.).
Рис. 2. Веточка, согнутая под углом, — «гх» (1 г. 8 м. 14 д.).
Рис. 3. Кусочек коралла — «гх» (1 г. 11 м. 24 д.).
Рис. 4. Выжженные крестики — «гх» (1 г. 8 м. 27 д.).
Рис. 5. Цифра «4» (метка на наволочке) — «гх» (1 г. 8 м.).
Рис. 6. Буравчик — «гх» (2 г. 2 м. 1 д.).
Рис. 7. Летучка клёна — «ляпан» (2 г. 2 м. 4 д.).

Приведу в хронологической последовательности некоторые запротоколированные мной ассимиляции ребенком аэроплана (с указанием возраста ребенка, в период которого производилась эта ассимиляция).

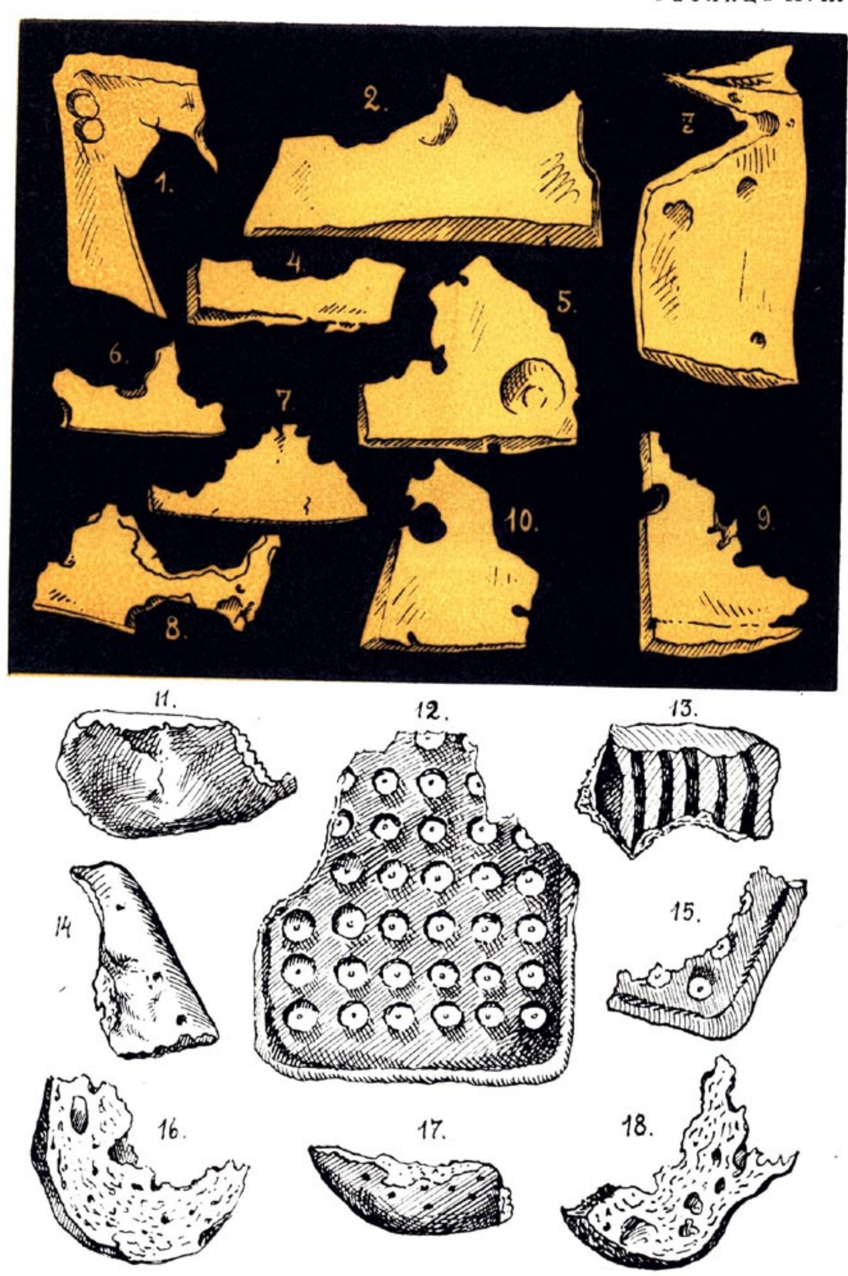
1	«Гх» — стружка (первый уподобленный аэроплану предмет)	1 г. 6 м. 27 д.
2	«Гх» — узор по материи	1 г. 7 м. 3 д.
3	«Гх» — раздвинутый штанген-циркуль	1 г. 7 м. 25 д.
4	«Гх» — метка 4 на уголке наволоки	1 г. 8 м.
5	«Гх» — цифра 7 на дне тарелки	1 г. 8 м. 4 д.
6	«Гх» — щепочка, согнутая под углом	1 г. 8 м. 10 д.
7	«Гх» — случайно разорванная под углом бумажка	1 г. 8 м. 10 д.
8	«Гх» — металлический стержень	1 г. 8 м. 10 д.
9	«Гх» — веточка, согнутая под углом	1 г. 8 м. 14 д.
10	«Гх» — пульверизатор	1 г. 8 м. 16 д.
11	«Гх» — молоточек	1 г. 8 м. 16 д.
12	«Гх» — модель аэроплана	1 г. 8 м. 20 д.
13	«Гх» — картонная пластинка	1 г. 8 м. 24 д.
14	«Гх» — выжженные крестики на стульчике	1 г. 8 м. 27 д.
15	«Гх» — палочка с выступом посредине	1 г. 8 м. 27 д.
16	«Гх» — докторский молоточек	1 г. 10 м. 15 д.
17	«Гх» — кусочек коралла	1 г. 11 м. 24 д.
18	«Гх» — рисунки аэроплана на разных спичечных коробках	1 г. 11 м. 24 д.
19	«Гх» — стержень от печатки	1 г. 11 м. 24 д.
20	«Гх» — прутик с развилком	2 г. 2 м. 1 д.
21	«Гх» — стружка плоская	2 г. 2 м. 1 д.
22	«Гх» — чернильный штрих на ткани	2 г. 2 м. 1 д.
23	«Гх» — рисунок на скатерти	2 г. 2 м. 1 д.
24	«Гх» — расщепленная под углом щепка	2 г. 2 м. 1 д.
25	«Гх» — картинка в книге, изображающая аэроплан	2 г. 2 м. 1 д.
26	«Гх» — фанерная дощечка	2 г. 2 м. 1 д.
27	«Гх» — буравчик	2 г. 2 м. 1 д.
28	«Гх» — часть игрушки	2 г. 2 м. 1 д.
29	«Гх» — корка черного хлеба	2 г. 2 м. 1 д.
30	«Гх» — ветка от дерева	2 г. 2 м. 1 д.
31	«Гх», «ляпан» — трамвайная дуга	2 г. 2 м. 1 д.

32	«Ляпан» — летучка клена	2 г. 2 м. 4 д.
33	«Ляпан» — часть сломанной игрушки	2 г. 2 м. 9 д.
34	«Ляпан» — обгрызок шоколада	2 г. 2 м. 9 д.
35	«Аляпан» — буква «т» в слове «Госиздат»	2 г. 7 м. 12 д.
36	«Ляпан» — кегля	2 г. 7 м. 12 д.
37	«Аляпаны»— рисунки на чашке	2 г. 8 м. 10 д.
38	«Аляпаны» — выгрызенный кусочек сыра	2 г. 9 м.

Таким образом дитя усматривает сходство в одном признаке между 38 совершенно различными между собой по *веществу, материалу, форме, цвету* и другим признакам предметами.

Иногда же мы видим, как один и тот же материал (например ломаный откушенный сыр) наводит ребенка на многообразнейшие сравнения. Руди, кушая сыр, отгрызал кусочки и, смотря на них, по своей инициативе давал определения, и вот мы видим, какие разнообразные ассоциации возникают у него в уме и как велика его способность к элементарной абстракции. В возрасте от 2 до 3 лет Руди дал следующие определения кусочков сыра (Табл. 4.5, рис. 1—10): коляска, топор (2 г. 7 м.), автомобиль, дятел (2 г. 8 м.), рыба (2 г. 11 м. 24 д.), ворона (2 г. 7 м.), «аляпан» — аэроплан — (2 г. 9 м.), тюля — тюлень — (1 г. 11 м. 24 д.), петушок (2 г. 7 м. 6 д.), кораблик, дядя в автомобиле (3 г. 8—10 мес.) Оказывается, что дитя не обозначает кое-как, безотчетно: если его спросить например про кусочек, напоминающий ему ворону, петушка, где у них головка, крылышки, дитя немедленно вам покажет их на соответствующем месте.

Таблица 4.5. Куски сыра, печенья, сухарей, по форме уподобляемые ребенком (1—3 лет) различным предметам



Куски сыра, печенья, сухарей, по форме уподобляемые ребенком (1—3 лет) различным предметам

Рис. 1. «Топор» — по определению Руди (2 г. 7 м.).
Рис. 2. «Автомобиль» (3 г. 2 м.).
Рис. 3. «Дятел» (2 г. 8 м.).
Рис. 4. «Автомобиль» (2 г. 8 м.).
Рис. 5. «Киска едет в автомобиле» (4 г. 0 м. 18 д.).
Рис. 6. «Дядя в автомобиле» (3 г. 10 м. 6 д.).
Рис. 7. «Кораблик» (2 г. 8 м.).

Рис. 8. «Коляска» (2 г. 9 м.).
Рис. 9. «Петушок» (2 г. 7 м.).
Рис. 10. «Ворона» (2 г. 7 м.).
Рис. 11. «Атабиль» (автомобиль) (2 г. 6 м.).
Рис. 12. «Дом» (1 г. 11 м.).
Рис. 13. «Автомобиль» (3 г. 0 м.).
Рис. 14. «Тетя» (3 г. 8 м.).
Рис. 15. «Бати» — башмак (1 г. 11 м. 21 д.).
Рис. 16. «Люна» — луна (1 г. 10 м. 13 д.).
Рис. 17. «Лодочка» (3 г. 0 м.).
Рис. 18. «Дядя в санках» (3 г. 8 м.).

В этой склонности к ассимиляции проступают так явственно развитое воображение и фантазия дитяти.

Мне это особенно бросалось в глаза при анализе определений Руди, относящихся к растениям.

Листья, цветы, плоды, сучья, которые дитя рассматривает, не остаются для него только реальными предметами, они дают колоссальный материал для его уподоблений. Так, Руди называет (Табл. 4.6, рис. 1—6, Табл. 4.7, рис. 1—6):

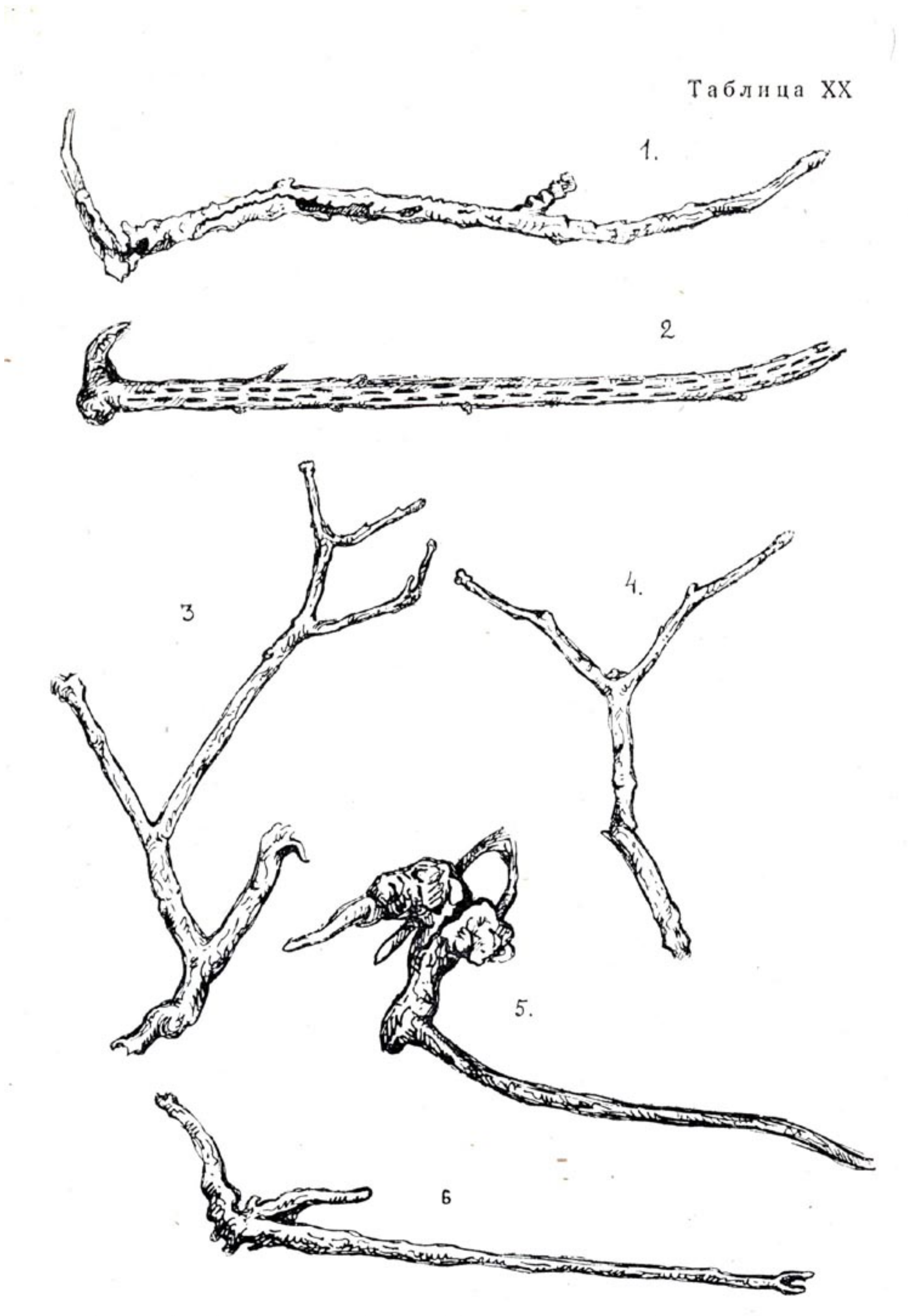
«Гх» (аэроплан) (в возрасте 2 лет) — сухой лист
«Ляпан» (2 г. 2 м. 4 д.) — летучку клена
«Гусеница» (3 г. 1 м.) — сучки сосны и липы
«Тюля» (3 г. 2 м.) — прутик березы
«На краба похож» (3 г. 0 м. 9 д.) — часть еловой веточки
«Ежик» (в возрасте 3 г. 0 м. 9 д.) — то же
«Ступочки» (3 г. 0 м. 9 д.) — желтые цветочки
«Рак» (3 г. 0 м. 28 д.) — прутик
«Олень» (3 г. 1 м.) — прутик

Таблица 4.6. Растения, уподобляемые ребенком (2—3 лет) различным предметам

Растения, уподобляемые ребенком (2—3 лет) различным предметам

Рис. 1. «Краб» (молодая веточка ели с шишечками) — по определению Руди (3 г. 0 м. 9 д.).
Рис. 2. «Ступочки» — цветочки (3 г. 0 м. 9 д.).
Рис. 3. «Ежик» — ветка ели (3 г. 0 м. 9 д.).
Рис. 4. «Стрекоза» — ощипанный цветочек (3 г. 0 м. 9 д.).
Рис. 5. «Гх» — аэроплан, поблекший листочек (2 г. 0 м.).
Рис. 6. «Улитка высуни рога» — полусломанный стебелек (3 г. 0 м.).

Таблица 4.7. Прутья и ветви, по форме уподобляемые ребенком (3 лет) различным животным



Прутья и ветви, по форме уподобляемые ребенком (3 лет) различным животным

Рис. 1. «Гусеница» — веточка березы по определению Руди (3 г. 1 м.).
Рис. 2. «Гусеница» — веточка сосны (3 г. 1 м.).
Рис. 3. «Рак» — ветвистый прутик (3 г. 1 м.).
Рис. 4. «Олень» — прутик с дихотомическим ветвлением (3 г. 1 м.).
Рис. 5. «Гусь» — сухой прутик (3 г. 2 м.).
Рис. 6. «Тюля» (тюлень) — прутик (3 г. 2 м. 9 д.).

В этот же период времени (от 1½ до 4 лет) дитя охотно рассматривает картинки в книге, проводя пальчиком по особенно рельефным изображениям.

В возрасте 2—3 лет дитя длительно и с большим интересом занимается разбиранием ящиков со всевозможными мелкими предметами домашнего обихода (Табл. В.96, рис. 5) и уже не ограничивается лишь их созерцанием и поверхностным ощупыванием, а, беря в ручки каждый предмет и пристально оглядывая его со всех сторон, спрашивает: «что это?» (Табл. В.120, рис. 4).

Новые игрушки также немедленно подвергаются самому тщательному осматриванию и ощупыванию ребенка.

8. Любопытство и, любознательность.

Чем дальше, тем все глубже старается проникать ребенок в суть вещей, и он уже не довольствуется созерцанием видимого, но стремится проникнуть в скрытые тайники вещи, — появляется любознательность.

Если ранее дитя удовлетворялось лишь наружным осмотром предмета, теперь оно разрушает, ломает вещь, чтобы познать ее до конца. И как неудержимо у дитяти это стремление к действенному разрушению (стремление, которое, к сожалению, не всегда правильно понимается взрослыми, налагающими недопустимый запрет на разламывание игрушек)!

Глубина интригует дитя очень рано. Руди еще в возрасте 8 месяцев, увидев дырки на сидении венского стула, пристально рассматривает их и сует в них пальчики; 9-месячный Руди засовывает пальцы в горлышко бутылок, в выжженные в столе углубления и настойчиво ощупывает их. Выпуклые вышитые на материи узоры, метки дитя также сначала ощупывает пальчиками (как и Иони), а потом прикладывается к ним ротиком, трогает язычком. Увидев дырки в белье, прошивки на подушке, дитя тотчас же запускает в отверстия пальчики, настойчиво рвет, оттягивая все дальше и дальше, разрывая ткани (Табл. В.96, рис. 3).

Как охотно ребенок расколупывает указательным пальчиком дырки на мягкой мебели, настойчиво пробуравливая их до пределов возможного, до самой глубины! 11-месячный Руди, взяв бывало колесико от складной пирамиды, надевает в его отверстие пальчик, а потом запускает пальчик, просунутый в колесо, в ротик и пытается вращать его (Табл. В.96, рис. 2). Взяв в руки какой-либо сосуд (кастрюльку, кувшин), дитя засовывает в его глубину уже всю руку и ощупывает его внутри; иногда дитя увидит крохотную дырку (например на крышке чайника), тем не менее оно старается в нее ткнуть пальчиком, и хотя пальчик значительно больше и не погружается, тем не менее дитя упорно пытается еще и еще раз совать пальчик туда же.

Интерес к разглядыванию скрытого, столь резко выраженные у Иони, проявляется и у ребенка, неудержимо стремящегося к обследованию всевозможных полостей. Увидел Руди поблизости стоящий секретэр (9 м. 9 д.) и пытается указательным пальчиком, или потянув за ключ, оттянуть дверцу (табл. 96, рис. 4), заглянуть внутрь (Табл. В.96, рис. 6), открыть и обшарить каждый ящичек, не успокаиваясь до тех пор, пока не извлечет оттуда все, что только может извлечь. В других случаях мальчик (11 м. 11 д.) отводит рукой висящую картину, заглядывает за нее, засматривает под кровать, в глубину ведер, и всюду впереди его глаз идет обследующая ручка, указательный пальчик[27] . Дитя в возрасте года пытается (подобно Иони) подглядывать под юбки, под одежду близких, залезает в их карманы и обыскивает их. Далеко не случайно, что такие игрушки, как раскрывающиеся, вкладывающийся одно в другое разноцветные яички, различно разрисованные раскладные «матрешки», интригующие неожиданно новым содержанием, являются любимейшими детскими игрушками.

Неудивительно, что дитя, получающее доступ к какому-либо закрывающемуся вместилищу, во что бы то ни стало желает открыть эту вещь, пока не дойдет до ее исконных глубин, оно хочет и просмотреть и прощупать ее.

Например, как настойчиво домогается дитя открыть внутренние крышки карманных часов, как стремится оно разобрать в них все до последнего винтика, если отдашь в его распоряжение их полусломанный механизм; как радостно развертывает оно принесенные покупки с какой притягательной силой влекут его печи, корзинки для бросовых бумаг, помойки, дворы, таящие безграничные возможности для нахождения не-

[27] Уже у ребенка до года указательный палец правой руки получает превалирующее значение по сравнению с другими пальцами (Табл. В.97, рис. 1—6). Аналогичная исключительная роль указательного пальца рельефно выявлена и у Иони (Табл. В.97, рис. 5).

ожиданных и новых вещей. И все это дитя разглядывает, субъективно оценивает, одно отбрасывает, другое же захватывает в собственность.

Подобно Иони и мой Руди (2 г. 3 м.) любил рассматривать окружающее «вооруженным глазом» — созерцать мир через желтую прозрачную клеенку, через гребенку, через цветные стеклышки (Табл. В.87, рис. 1); с каким увлечением (уже в возрасте 4 лет) занимался он смотрением в бинокль и в лупу (Табл. В.87, рис. 4, 3); тогда он мог буквально часами переходить с места на место (в комнате, во дворе в саду), переводя глаза с предмета на предмет, стараясь все увидеть в измененном увеличенном или уменьшенном виде.

Как любил мальчик смотреть в детский стереоскоп, в котором каждый поворот трубы давал новую причудливую цветовую мозаичную картинку (Табл. В.87, рис. 2).

9. Эстетические тенденции ребенка, предпочитаемые признаки предметов.

Какие же свойства, признаки предметов наиболее обращают на себя внимание ребенка, по какому руслу идут его избирательные, предпочитаемые тенденции? Это можно легко установить, учтя, указав то, какие вещи привлекают глаз и интерес ребенка, что он присваивает себе для игры, как он квалифицирует данный предмет в своих положительных и отрицательных словесных оценках.

Ранее мы уже многократно отмечали, что все *новое* привлекает к себе внимание и интерес ребенка, обогащая его развивающийся ум. Руди уже в возрасте года, видя надетый на себя новый костюмчик, дотрагиваясь указательным пальчиком до рукавчиков, пристально смотрит на них; он тотчас же замечает надетый на мне новый цветной чепчик, впивается в него глазками, тянется к нему ручкой, хочет стащить; вновь пришитые пуговицы, надетые броши дитя тотчас же замечает и оттягивает их, как бы силясь оторвать. Руди (в возрасте 1 г. 5 м.) по своей инициативе называет «нца» (хороший) вновь купленные ему бурочки, башмачки, рубашечки, наоборот старые вещи обозначает словом «бяка». В возрасте около 2 лет он не желает надеть старые фартучки, а хочет надеть новые, отказываясь от первых, говоря: «Тари — неть» (старые — нет.) Дитя (2 г. 8 м. 28 д.) очень охотно надевает новый костюм и не желает надеть старого. «Хоросее патице», — говорит он (2 г. 3 м. 10 д.), видя на мне новый фартучек.

У Руди я могла подметить и другое направление симпатизирующих тенденций; для себя дитя любит новое, но оно не всегда любит, когда близкое, любимое ему существо предстает перед ним в новом виде; однажды, когда я вместо обычной прически (на ряд со спущенными книзу волосами) сделала зачес кверху, Руди (2 г. 1 м. 17 д.) говорит: «нетошо» (нехорошо); когда же я тотчас же переделала прическу, он одобрительно сказал: «тошо» (хорошо).

Аналогичное в другом случае: когда Руди было 2 г. 7 м. 8 д., он увидел меня в необычном длинном платье 20-х годов (надетом для специальной позировки). Дитя тотчас же высказалось: «Нехорошее платьице, мама, сними!» В другое время он требовательно настаивал, чтобы я сняла с головы повязанный платок, говоря: «Мама, сними, нехорошо».

Одно время он упрямо пытался стаскивать с меня почему-то ненравящийся ему пестрый полосатый халатик (1 г. 10 м. 10 д.), называя его «бя», и старался снять всякий раз, как я его надевала.

Разбирая столы, дитя (1 г. 6 м. 11 д.), видя новые для себя предметы, непременно хочет ими овладеть. Руди (1 г. 9 м. 29 д.) не хочет слушать чтения старых детских книг, а требует новых. Когда однажды я дала ему кипу из 20 книг, он отобрал себе из них 9 книг и отложил остальные; в числе предпочтенных как раз оказались книги, которые читались ему меньше других, более новые и по времени покупки и по знакомству содержания.

Качественная квалификация дитяти, представляющая собой зачаток его примитивного эстетического чувства, в области зрительных восприятий идет в направлении симпатии к яркому, блестящему, обращающему на себя внимание. И предпочитаемый выбор ребенка зачастую останавливается именно на интенсивно покрашенных предметах, которые дитя и присваивает.

Блеск очень рано привлекает к себе глаз ребенка: уже 2½-месячное дитя, видя блестящие металлические вещи (шарики кроватки, маятник часов, серебристый подвешенный мячик), улыбается и издает типичный радостный гулящий звук; 3-месячное дитя длительно созерцает блестящую люстру, золотистую погремуш-

ку, переводит глазки (в возрасте 4 м.) вслед за движущимся огоньком; 6-месячное дитя особенно страстно тянется схватить в ручки именно блестящие предметы (серебряные ложечки, ключи, крышки посуды, светлые шарики кровати, металлические скобки комодов, умывальный кран, блестящие подсвечники и многое другое).

Руди (в возрасте 1 г. 7 м. 19 д.) называет «нца» блестящую обертку от шоколада; «красота» — говорит он (2 г. 6 м. 1 д.) про такую же бумажку.

«Ах, какая хорошенькая!» — восхищается он (2 г. 8 м. 16 д.) картонной золотой рыбкой.

«Какие хорошие звездочки на снегу!» — говорит он (2 г. 9 м. 22 д.), созерцая снежинки. «Ох, хорошие, блестящие,» — говорит он (2 г. 11 м. 7 д.) про птичек колибри.

Уже отмечалось ранее, как тянется дитя к овладеванию и игре с блестящими и светящимися предметами. Он не может видеть равнодушно какие-нибудь бросовые металлические предметы, которые находит на дворе, и когда его убеждаешь бросить их, он говорит жалостным тоном: «Да-а-а, светленькая», красноречиво выражая, как ему хочется заполучить в свой обиход блестящую вещь.

Но подобно Иони и мой Руди обнаруживал явное предпочтение цветов первой половины спектра перед цветами второй[28] , в частности особенно выделяя своей симпатией *красного* цвета предметы.

Мне зачастую приходилось отмечать в протоколах и даже проверять экспериментально, что когда Руди был поставлен перед необходимостью выбора между различными по цвету предметами, он неизменно предпочитал избрание предметов *красного* цвета.

Мои протокольные записи, извлеченные за период времени 1½ лет, обнимающие собой возраст ребенка от 1 г. 3 м. 9 д. до 3 г. 0 м., документально подтверждают это.

Дитя по своей инициативе обозначает словом «нца» (по его терминологии означающим прекрасное) следующие предметы: ярко желтый цветок подсолнечника (дитя было в возрасте 1 г. 3 м. 9 д.), красное одеяло (1 г. 4 м. 27 д.), красные штанишки и рубашечку 1 г. 4 м. 22 д.), яркий пестрый халат (с синей и красной полоской) 1 г. 4 м. 24 д.), красный флаг 1 г. 4 м. 27 д.), яркий голубой фартук 1 г. 5 м.), пестрый ковер, в котором превалирует красный цвет (в возрасте 1 г. 6 м. 20 д.); дитя называет словом «нца» волчок, раскрашенный желтым и красным цветом, красную полированную щетку (1 г. 8 м. 5 д.), красный карандаш, причем, проводя им черты, делает звонкие возгласы; черный карандаш называет «бя», последним не хочет писать (в возрасте 1 г. 9 м. 9 д.). Красные пуговицы Руди называет «нца», сине-зеленые — «бя» (1 г. 10 м. 4 д.) (Табл. 4.8, рис. 5, 6), красные и розовые бумажки называет «нца»; фиолетовые, зеленые бумажки называет «бяка» (1 г. 11 м. 2 д.). Красную блузку, оранжевый, розовый цветок, коралловые оранжевые бусы называет «нца», зеленый, голубой цветок — «бяка» (Табл. 4.8, рис. 1—4).

[28] Хотя в игре Иони предпочитал синие объекты.

Таблица 4.8. Цвета, предпочитаемые (нечетн.) и отвергаемые (четн.) ребенком

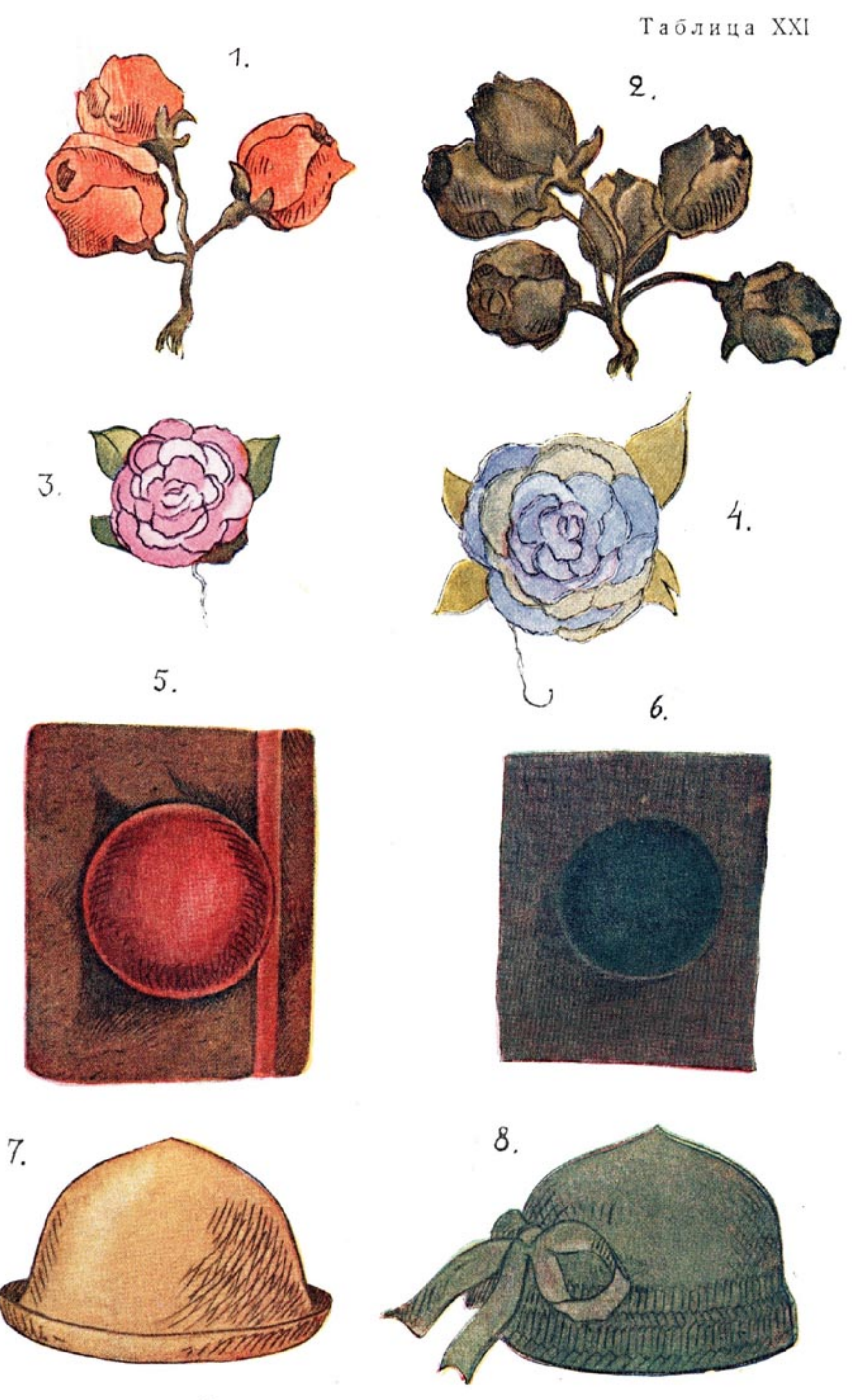


Рис. 1. Оранжевые и бархатистый цветочек.
Рис. 2. Зеленый бархатный цветочек.
Рис. 3. Розовый бумажный цветочек.
Рис. 4. Голубой бумажный цветочек.
Рис. 5. Красная пуговица.
Рис. 6. Сине-зеленая пуговица.
Рис. 7. Желтая шляпа.
Рис. 8. Зеленая шляпа.

Перекладывая с места на место свои платьица пестрого, синего, желтого, красного цвета, только при взятии красных дитя говорит: «шарошие» (хорошие), остальные кладет молча (2 г. 1 м. 17 д.).

Перебирая листы отрывного календаря, видя красные праздничные цифры, говорит: «харосие», видя черные — называет их нехорошими (2 г. 1 м. 25 д.). Указывая на зеленое плетение на корзиночке, уже определенно говорит: «синий (фактически зеленый) не давится, балиста» (синий не нравится, боюсь); «этот давится» (этот нравится), — говорит он, указывая на красное плетение (2 г. 2 м.).

При проезде двух разного цвета лошадей черную мальчик называет «нехаросая», белую — «харосая» (2 г. 2 м. 28 д.).

При игре с разноцветными бисеринками спрашивает: «де касеньгие, черные не любу» (где красненькие, черные не люблю — 2 г. 3 м. 22 д.). «Жалко хопать» (жалко хлопать), — говорит дитя (2 г. 3 м. 28 д.), получая в руки оранжевый бумажный пакет; серые бумажные пакеты дитя хлопает без всякого сожаления. Однажды я говорю Руди: «Посмотри, тучка плывет». Он говорит, посмотрев: «Бяка». Я спрашиваю, почему же. Он: «потому, что черная» (2 г. 3 м. 25 д.).

Из разноцветных пластинок (красного, синего, желтого, зеленого, голубого, черного, белого цвета) Руди выбирает одни красные, говоря: «Касие давятся» (красные нравятся — в возрасте 2 г. 4 м. 9 д.). Руди видит живую чужую черную кошку, говорит: «Кисура чужая нехорошая — черная», «не любу черную, белий любу, касюю любу» (не люблю черную, белую, красную люблю).

Видя на мне тёмнокрасное бархатное платье, говорит: «Хорошее платьице» (2 г. 5 м. 21 д.). Зеленую шляпу называет «бя», желтую — «нца» (Табл. 4.8, рис. 7, 8). Красный деревянный шарик Руди (1 г. 11 м. 18 д.) называет «нца», серый резиновый — «бяка».

Только однажды я заметила, как из группы пестро перемешанных 64 пластинок 7 разных цветов (красного, розового, оранжевого, желтого, зеленого, синего, белого) мой сын (1 г. 11 м. 6 д.) отобрал себе 7 штук синих и стал играть ими (точь в точь, как то делал и Иони), но Руди не дал им качественную квалификацию, не назвал их «нца» (красивый), а через несколько дней (1 г. 11 м. 9 д.) он также выбрал себе из разноцветных палочек сначала 12 штук синих, а потом оранжевых и красных, которые и назвал «нца». Из этого можно заключить, что хотя человеческое дитя порой (как и шимпанзе Иони) отбирает себе для игры разного цвета объекты (как например синие), но это еще не означает, что как раз этот цвет нравится ему; возможно, что синие предметы привлекают его по контрасту с наичаще отбираемым излюбленным цветом, который надоедает. То, что нравится, получает качественную оценку дитяти и по мере вырастания его — все более определенную и недвусмысленную оценку; то, что нравится дитяти, оно желает сохранить, присвоить, украсить себя этим (см. также последующие многочисленные примеры, которые ярко показывают, как Руди стремится к приобретению красного аэроплана, к самоукрашению себя красным галстуком, к надеванию красной одежды, к накидыванию на себя красного лоскута). Здесь намечаются зачатки определенных эстетических тенденций, которые свойственны даже 3-летнему дитяти. Мой Руди (в возрасте 2 г. 11 м. 19 д.) определенно высказался в этом, смысле: «прямо красота!» — называет он оранжевый изящно сделанный бумажный цветочек.

Когда например я даю Руди различные лоскутки, увидя ярко красный атлас, он называет его «нца»[29] , отделяет его от других, расстилает его, разглядывает, надевает на головку (Иони обычно надевал на шею — Табл. В.63, рис. 3), как бы украшается (в возрасте 1 г. 6 м. 26 д.). Имея в распоряжении 24 палочки 8 разных цветов[30] , Руди (в возрасте 1 г. 11 м. 6 д.) отбирает себе лишь особенно яркие палочки (первой половины спектра — красные, оранжевые, розовые); в другое время (в возрасте 3 г. 0 м. 7 д.) из целой груды тех же палочек дитя отбирает громадное количество одинаковых по цвету палочек (белых) и говорит: «Я собираю еще, еще, чтобы у Апочки много было!»

При виде двух разноцветных ручек — зеленой и красной — Руди (1 г. 10 м. 16 д.) берет себе красную ручку, называя ее «нца», а зеленую отдает мне, называя ее «бя»[31] .

Однажды Руди (в возрасте 2 г. 0 м. 16 д.) даже не желал надеть на себя серую кофточку, а тянулся к красной, прося надеть ее. В другой раз (в возрасте 1 г. 10 м. 9 д.) дитя не надевает белые гладкие штанишки,

[29] По терминологии ребенка — прекрасное, нравящееся ему.
[30] Красного, оранжевого, розового, фиолетового, синего, коричневого, белого, желтого
[31] «Нехорошая» — в обозначении ребенка.

кричит:. «Бя-бя!» и с готовностью надевает полосатые штанишки (повидимому более привлекательные из-за пестроты рисунка).

В другой раз при разбирании лоскутов, увидев красный галстук, Руди (в возрасте 2 г. 6 м.) требует его себе демонстративными жестами, говоря при этом: «Мама, надеть!» В игрушечном магазине, увидев аэропланы разных цветов, дитя (в возрасте 2 г. 3 м. 7 д.) говорит: «Касий ляпан купить, зеленый не купить» (красный аэроплан купить, зеленый не покупать).

Стремление к самоукрашению у дитяти выражено еще сильнее, чем у шимпанзе, и я могла подметить у моего мальчика следующие случаи проявления эстетических тенденций. В возрасте 1 г. 5 м. Руди нашел боа из ярко желтых перьев, он немедленно накинул его себе на шейку и, держа его за концы, превесело улыбался (Табл. В.63, рис. 1, 2).

В возрасте 1 г. 7 м. 12 д., найдя голубые бусы, малыш перекидывает их себе на шею.

В возрасте 1 г. 7 м. 13 д. он по своей инициативе надевает на шейку блестящий бисерный ободок.

В возрасте 1 г. 9 м. 5 д. накидывает на шейку веревку и суровую тесьму и начинает оживленно бегать по комнате.

В возрасте 1 г. 9 м. 22 д. подвешивает себе разноцветные бусы.

В возрасте 1 г. 10 м. 20 д. кладет себе на шейку пестрый лоскуток, прицепляет сам к груди кусочек пестрого бархата и украшенный радостно бегает по комнате.

В возрасте 2 г. 9 м. 2 д. нацепляет на себя черную блестящую цепь и разгуливает по комнате.

В возрасте 2 г. 7 м. 2 д. просит надеть себе на шейку светлозеленую шелковую ленточку, а несколько позднее, подавая мне взятую им коралловую брошь, говорит: «Пиколоть», прося приколоть ее к одежде.

Обращаясь к анализу того, по какому признаку направляются симпатизирующие тенденции ребенка при наличии момента выбора между разными *по величине* объектами, и здесь, как и у шимпанзе Иони, мы можем с определенностью отметить предпочитание *малых* величин объектов перед большими. Человеческое дитя подобно дитяти шимпанзе — прирожденный миниатюрист.

Характерны устремление внимания ребенка человека на мельчайшие объекты, симпатия к миниатюрным предметам одушевленного и неодушевленного мира.

Восьми-девятимесячный ребенок обнаруживает уже интерес к крохотным брызгам воды, черным печатным буквам на бумаге, волосинкам, ниточкам в тканях и трогает их пальчиками; он тщательно собирает мельчайшие, рассыпанные случайно крошечки, соринки величиной с крупинки мелкого сахарного песка, малюсенькие бумажки (Табл. В.98, рис. 1, 2); едва освоившись с ходьбой, дитя (1 г. 5 м.), гуляя по двору, выискивает глазками маленькие камешки, скляночки, нагибается, приседает и подбирает их с умиленной рожицей и дает в руки взрослому (Табл. В.98, рис. 4).

Когда однажды Руди (1 г. 11 м. 8 д.) нарисовали птичек двух различных размеров, он назвал птицу большого размера «бяка», маленькую же назвал «нца» и поцеловал ее. Позднее при показывании мальчику (2 г. 1 м. 6 д.) двух изображенных дятлов разных размеров большого дятла он называет «нехорошим», меньшего — «хорошим»; дитя (2 г. 1 м. 6 д.) охотнее играет с маленькими кеглями, нежели с большими.

Уже упоминалось, как нравятся дитяти миниатюрные живые и игрушечные зверки, маленькие шарики (в противоположность большим), как нежно он их называет и порой даже целует.

И это конечно ничуть не противоречит тому, что например при выборе лакомства, как и орудия нападения (прута), дитя предпочитает как раз объекты большей величины.

Это происходит потому, что последние вещи принадлежат к разряду утилитарных, и в этом случае дитя ценит их большую выгодность для него; если же предмет служит лишь для развлечения, выбор дитяти идет по принципу, прямо противоположному.

Руди подобно Иони восторженно разглядывал мельчайшие предметы, которыми играл особенно охотно. Я помню, как в возрасте 2 лет он не спускал глаз с крохотных ползающих улиток, долго и внимательно

созерцая их передвижение (Табл. В.98, рис. 5). Все миниатюрное вызывает какую-то трогательную симпатию ребенка. Если вы дадите 3-летнему дитяти на выбор несколько деревянных яичек разных размеров, вы можете наверное сказать, что оно предпочтет взять самое маленькое, и каким нежным любовно-умиленным взглядом рассматривает оно его (Табл. В.98, рис. 3).

Подобно Иони и Руди из всех геометрических форм предметов предпочитает шарообразные формы и в особенности любит маленькие шарики, говоря в возрасте 2 г. 3 м. 13 д.: «Любу малюска» (т. е. люблю маленькие).

На мой определенный вопрос, какой шарик Руди любит больше: маленький или большой? — нежным голосом, нараспев он отвечает мне: «М-а-а-а-ленький» (в возрасте 2 г. 10 м. 6 д.). Увидя у меня и у отца разных размеров карманные часы, Руди (2 г. 9 м. 26 д.) спрашивает: «Почему у мамы маленькие часы, а у папы почему большие часы?» На мой вопрос, какие часы лучше, он отвечает: «М-а-а-а-ленькие», добавляет нежным умильным голоском: «Любу малюсенькие, крошечки маленькие» и тотчас же целует мои часы, словесно квалифицируя: «хорошие».

Руди например (до 5 лет) из всех имеющихся у него в распоряжении зайцев больше всего любил самого крохотного зайчика (в 2 см длиной), с которым никогда не расставался. Именно этого зайчика он особенно часто делал сотоварищем в военных играх, вооружал его самодельной пушкой, как бы памятуя его полную беззащитность (Табл. В.98, рис. 6) против врагов. Всем нам также хорошо известно, как любовно и жалостливо-сочувственно относятся дети к детям-животным, предпочитая всегда играть с ними, нежели со взрослыми. Молодые животные из приплода Зоопарка обычно вызывают восторженное созерцание не только детей, но и взрослых.

Уже было отмечено, как радостно катаются дети на маленьких животных — осликах, пони, козликах. Казалось бы, что самый процесс езды не меняется от того, впряжено в экипаж маленькое или большое животное, но тот факт, что впряжено именно маленькое, дает повидимому ребенку дополнительное радостное переживание.

Нередко мы видим (и на своем мальчике я замечала также), как 5—7-летнее дитя трогательно-нежно относится к детям меньшего возраста, насколько оно непринужденнее играет с ними, нежели с детьми постарше его. В этом дитя человека проявляет полную противоположность дитяти шимпанзе (который так тиранически обращается с «малыми мира сего»), в этом дитя человека как раз и выявляет зачатки своего будущего человеколюбия.

Из других эстетических тенденций ребенка следует упомянуть еще об его стремлении к *симметрическому* оформлению предметов.

Однажды Руди (в возрасте 2 г. 7 м. 7 д.), раскладывая кегли, уложил их по радиусам круга, но одну кеглю он вдруг положил перпендикулярно к предыдущим; несколько погодя он взял и поправил ее, положив так же, как и другие — т. е. по радиусу. В другой раз Руди (3 г. 0 м. 18 д.), видя на моих ночных туфлях один язычок, лежащий нормально, а другой загнутый внутрь, сам выправляет мне ввернувшийся язычок, говоря: «Мама, поправь подметку». Однажды он заметил, что у деревянного оленька сломан один рог, — дитя (3 г. 0 м. 9 д.) тотчас же настаивает, чтобы и второй рог был сломан. Я никогда не замечала, чтобы Иони обнаруживал чувство симметрии в конструктивном процессе, но например, когда он разрушал симметричные постройки из кирпичиков, он разнимал их, сохраняя симметрию. Уже отмечалось, что дитя человека подобно Иони предпочитает форму шарообразных предметов перед всеми остальными.

Обращаясь к предпочитанию в области *обонятельных* восприятий, мы должны отметить, что и здесь одни запахи нравятся дитяти, другие нет; например Руди охотно нюхает (в возрасте 1 г. 7 м. 9 д.—1 г. 9 м.) надушенный духами носовой платок, причем, принюхиваясь, вдыхает звучно, широко улыбаясь; порой он упивается запахом туалетного мыла, причем ковыряет его пальчиком и хочет отведать язычком, говоря «нца». Руди охотно нюхал гуталин (2 г. 3 м. 23 д.), сыр (1 г. 7 м. 23 д.), причем в последнем случае, нюхая, он покрякивал так же, как при еде нравящейся ему вкусной пищи; он жадно, звучно вдыхая, принюхивался к мандарину (1 г. 11 м. 2 д.), апельсину, керосину, мятному зубному порошку. Руди (2 г. 4 м. 3 д.) определенно нравился запах некоторых цветов (душистого горошка, флокса), запах эфира. Некоторые неизвестные запахи дитя (в возрасте 2 г. 5 м. 27 д.) уже аналогизирует с ранее известным; так например, нюхая нашатырно-анисовые капли, дитя говорит: «Пахнет блямом» (яблоком), нюхая мозолин, говорит: «Ох, хорошо пахнет газом» (светильным газом). Некоторые запахи определенно не нравятся Руди. Нюхая формалин, он спрашивает: «Мама, чем пахнет?» Я говорю: хорошо или нет? Он мне: «Нехорошо, вонь»

(2 г. 7 м. 8 д.). Уже упоминалось как дитяти не нравился запах дыма и как оно говорило: «Пахнет дымом, убири дым в комод».

Я никогда не замечала, чтобы человеческое дитя боязливо одиозно относилось к каким-либо запахам, что так свойственно было шимпанзе[32] , наоборот, я не могла установить у Иони специального пристрастия к повторному упивающемуся нюханию каких-либо несъедобных веществ, обладающих запахом; зато, поедая вкусные пахучие плоды, Иони при еде многократно, после каждого откусывания производил и принюхивание, чего Руди не делал.

Конечно далеко не равноценно квалифицируются и ребенком человека и дитятей шимпанзе качественно различные *вкусовые* ощущения. Как то уже отмечалось, у обоих детей обнаруживается пристрастие к сладкому — сахару, конфетам (у Руди больше, чем у Иони), к фруктам и ягодам и другим съедобным вещам; можно отметить у человеческого дитяти не столь одиозное отношение к еде масла и вареного мяса, как у Иони.

Я не склонна более подробно входить в сравнительный анализ предпочитаемых вкусовых ощущений ребенка человека и дитяти шимпанзе, так как замечала, что эта вкусовая сфера ощущений наименее устойчивая, чрезвычайно индивидуализированная не только в связи с разным пищевым обиходом детей (следовательно зависящая почти целиком от внешних условий жизни и привычки), но и колеблющаяся индивидуально в разные возрасты жизни. Например мой Руди в более раннюю пору жизни (от 1 года до 1½ лет) охотно ел лимон, а позднее высказался так: «ох, любу мандарин!», «апельсин немножко нравится, а лимон совершенно ненужен» (2 г. 9 м. 29 д.).

Дитяти часто приедаются даже вкусные вещи, и что нравилось вчера — назавтра отвергается.

Переходя к области *осязательных* ощущений, следует точно так же подчеркнуть, что и в этой сфере обоим малышам одно нравится, другое нет: гладкое, мягкое, бархатистое обычно вызывает положительную оценку ребенка, жесткое, колючее, шероховатое — отрицательную.

«Нца» — говорит дитя (1 г. 9 м. 26 д.), поглаживая хотя и черную, но мягкую бархатную материю; «нца, пай» — называет оно (1 г. 11 м. 9 д.) мягкую пуховую кофточку; «харосая» — гладит оно (2 г. 2 м. 1 д.) мягкую атласную кофточку, хотя и темнозеленого цвета. «Бяка» называет оно (2 г. 2 м. 1 д.) хотя и красную, но грубошерстную кофту. «Колючка нехороша», — говорит Руди (2 г. 5 м. 9 д.) про жесткую соломенную шляпу; «эта хорошая», — говорит он про мягкую фетровую шляпу. «Эти штаны (бумазейные мягкие) люблю, а вот те (суконные жесткие) не люблю» (2 г. 8 м. 25 д.). «Когда эти штаны надевал, сё равно не люблю» (т. е. хотя эти штаны и надевал, все равно, дескать, не привык, не нравятся). «Ох, колется, — вот в чем дело», — говорит он, беря колючую шапку (2 г. 8 м. 25 д.). «Какая хорошая», — говорит он, поглаживая мою голую ногу (в возрасте 3 г. 0 м.), и просит: «дай дотронуться до другой ножки».

В отношении осязательных восприятий Иони никогда не обнаруживал особой тонкости диференцировки и заметного предпочитания — вероятно потому, что не обладал достаточно чутким осязанием вследствие грубости кожи своих рук.

Очень рано дитя выявляет качественную квалификацию и по другим более тонким — эстетическим, этическим и идейным — признакам. Оно (1 г. 9 м. 9 д.) субъективно квалифицирует даже своих домашних, называя одних из них более нравящихся — «нца», других, менее приятных — «бя». В возрасте 1 г. 10 м. 13 д. Руди уже субъективно диференцирует разные рисунки животных[33] , называя одни картины (собаки, осла, лошади, кошки, коровы, свиньи, гуся, петуха) «нца», другие (козла, курицу, утку) — «бяка»[34] .

Уже отмечалось, как избирательно (в возрасте 2 г. 4 м. 30 д.) Руди относился к своим игрушкам. Эта избирательность распространяется и на выбор им книг для чтения: при моем предложении почитать ему (1 г. 9 м. 16 д.) ту или другую книгу он выбирает для чтения одни книги и настойчиво отстраняет другие.

Более того, в одной и той же книге он желает слушать одни страницы, называя их «нца» (в возрасте 1 г. 9 м. 28 д.), и совершенно не дает читать и не желает слушать другие страницы, называя «бяка»; например первые 4 страницы описательного характера в книге про «Четыре цвета»[35] он называет «бяка», не хочет

[32] Если не считать отвратительных запахов некоторых лекарств (например рыбьего жира, касторки).
[33] Рисунки художника Комарова в книге «Домашние животные», изд. Мириманова.
[34] Вспомним также одиозное отношение Иони к некоторым изображениям, повидимому пугающим его.
[35] Изд. ЗИФ.

слушать; едва раскрываю 5-ю страницу, где сказано, что девочки идут гулять (страницы более динамичные по содержанию), говорит «нца», — и позднее три-четыре раза Руди заставляет меня читать ту же книгу, но именно с этого же места (с 5-й страницы); иногда он не хочет дослушивать последнюю (печальную) страницу, где сказано, что шары улетают. Руди предпочитает например книгу «Чики-чики-чикалочка» перед книгой «Кто скорее?» и порой четыре раза подряд просит читать первую книгу. В книге «Мячик-прыгунишка» 14 строф про щенят он слушает охотно и даже выучивает наизусть, а про другие стихи говорит: «неинтересные» (3 г. 0 м. 1 д.) и не желает их повторить.

Конечно, если у шимпанзе я могла подметить диференцированные восприятия зрительных, обонятельных, осязательных, вкусовых и отчасти слуховых признаков, его субъективное эмоциональное предпочитание и отвергание некоторых признаков конкретных предметов и изображений, то, разумеется, я не могла подметить у него и следа оценки по идейным признакам, так рельефно выступавшим уже у 2-летнего ребенка.

10. Воображение.

Примитивное эстетическое чувство зачастую определяется у дитяти необычностью стимула. У моего 7-летнего мальчика это нашло отражение в том, что он неудержимо интересовался только вещами, книгами, рисунками, из ряда вон выходящими. Он неустанно упрашивал меня, чтобы я читала ему только то, «что на свете не бывает»; он настойчиво просил дать ему посмотреть книгу с картинками, но перед тем, как взять книгу, он непременно спрашивал: «А там есть (т. е. нарисовано) то, что на свете бывает?» И когда получал утвердительный ответ, то сразу охладевал к рассматриванию и не хотел брать книги.

Зато с каким энтузиазмом смотрел он какие-либо фантастические изображения из греческой мифологии, с каким неослабевающим интересом слушал он разного рода сказки и легенды, пропитанные фантастическим элементом!

Я полагаю, что фанатичный и длительный интерес моего (6—8-летнего) дитяти к собиранию и рассматриванию карикатур в основе своей имел его восторженную влюбленность в созерцание всего необычного. Я полагаю, что дитя (до 6 лет), удовлетворив свое первое любопытство, освоившись с реальными свойствами окружающих его конкретных вещей, не умея еще углубить своего проникновения в более глубокую их сущность (еще не развив своей любознательности) и не имея возможности получения все новых и новых впечатлений, пока и ограничивается тем, что расширяет, раздвигает пределы своих восприятий, переносясь в область фантазии и тем самым развивая свое воображение.

Все мы знаем, что в детской игре, чем необузданнее эта замещаемость действительных предметов и вещей мнимыми, тем больше радости получает от нее дитя. Я живо помню, как мой малютка восторгался куклой, которую я молниеносно сделала ему из носового платка, замотав концы и завязав их узелками на конце, и он длительнее и охотнее играл с этой безликой тряпичной фигуркой, нежели с настоящей детализированно по-человечески оформленной куклой.

Какую радость доставила я ему однажды, когда в нашу скучную игру с ним я включила простую палку, которую мы уподобили знакомой девочке, нарисовав на ней человеческое лицо. Никогда не забуду, как восторженно играли мы с ним однажды, когда за неимением ничего другого я привлекла в качестве действующих лиц мои пять пальцев руки, воодушевив их под живых людей, заставив их говорить и действовать.

Дитя уже в возрасте 4 лет не менее энтузиастично ездит на палочке, замещающей ему живую лошадь, нежели на игрушечной лошадке (Табл. В.89, рис. 5).

Если проследить жизнь 1½—3-годовалого ребенка хотя бы на протяжении одного дня, можно установить, что на 50% его провождение времени протекает в нереальном мире, с воображаемыми предметами и существами, за которых дитя говорит и действует.

Вспомним общение Руди с живыми животными, одушевление игрушек-животных, изображений предметов, даже собственных частей его тела. Мне приходилось слышать, как Руди (в возрасте 2 г. 4 м. 19 д.—2 г. 8 м. 30 д.) угощал свою ножку печением, говоря: «на покушай»; как он, ушибив мизинчик, подходя ко мне, серьезно говорил: «Мама, маленький пальчик плятет» (плачет). Я не раз заставала, как Руди. в возрасте около 2 лет пытался поить деревянных гуськов, нагибая головы к воде и говоря: «Пейте, пейте, кушайте капустку»; он нередко пытался кормить деревянную лошадку, давая ей траву и выжидательно смотря, когда же она будет есть (Табл. В.72, рис. 2); он кормил изображенных на картинке детей, подсовывая им

настоящий хлеб ко рту; если под рукой даже нет реальной воды и хлеба, дитя может представить себе и эти вещи, его игры оттого не менее занимательны и воодушевленны.

Воображение Руди настолько разыгрывается (в возрасте 2 г. 9 м. 30 д.), что он способен даже детализировать поведение куклы, воспроизводя фразы, приписывающие ей субтильные действия: «Поперхнулась Ривочка, надо дать ей сахарочку»; когда он (в возрасте 2 г. 5 м. 11 д.) случайно наступает на куклу, он серьезно говорит: «пасти» (прости) так же, как он сказал бы это живому человеку. Правда, мальчик все же видимо считает, что по своему психическому складу кукла далеко не равноценное ему существо, почему он пытается быть ее руководителем и навязывает ей неверные, заведомо извращенные понятия. Однажды я застала, как Руди (в возрасте 2 г. 11 м. 1 д.) говорил: «Кукле Муничке покажу что-нибудь»; «Муничка не видела, как Апочка (т. е. он) пилит, покажу как пилит». Начинает пилить правильно и высказывается так: «Муничка говорит: Апочка не так пилит»; после этого он берет пилу, кладет ее не ребром, а плашмя и начинает так действовать. Я говорю: «Муничка, что ты сказала! Это неверно». Руди хохочет, опять воспроизводит правильную процедуру и опять устами куклы делает какое-либо нецелесообразное замечание — и хохочет. Закончив процесс пилки, он говорит, обращаясь к кукле: «Теперь видела, как Апочка работает?»

Уже упоминалось, как дитя вверяет игрушечным зверям свою охрану во время сна, как вводит оно игрушечное животное (мишука, зайчика) в круг своих идейных интересов и развлечений. Приставляя книжку к морде игрушечной лошадки, Руди показывает ей картинки и заставляет ее читать: «Ну, лошадка, почитай, что написано», и сам (2 г. 9 м. 16 д.) читает за лошадь: «Бех-эль ы соль, хоэп, хорболя-ха, горрлэб-эльэп, галя-бизя, гол-гол, гол варелебойгаплебап, горопэба-эба-эба»; перевертывая страницу, книги, продолжает: «Гизобэболэб, галегалей-радель рагель-рагель, хызялебль-бэбль, гыробольробль-робль, халёпль, халёбыль-барёбыль» (характерно это употребление членораздельных слов, не имеющихся в человеческом обиходе).

Как сейчас помню, как оживленно играл Руди (2 г. 8 м. 30 д.) мнимой водой, поступив очень просто: он авторитетно, законодательно объявил указав на пол: «Вот вода» и добавил: «хочу валяться, прыгать в воду», — и, падая на пол, стал делать барахтающиеся и плавающие движения. Воображение дитяти восполняет ему недостающие свойства в неодушевленных предметах. «Пусть будет яблоко!» — говорит Руди, беря в руки деревянный шарик, затем он дает шар игрушечной обезьянке в рот, говоря: «Обезьянка будет кушать».

Я вырезала картонную бабочку. Руди (2 г. 6 м. 13 д.) спрашивает: «А потему не летает?» Я говорю: надо привязать ниточку. Он воодушевленно: «Привязать ниточку — будет летать (восторженно) по всем комнатам, и по апочкиной; будет распускать крылышки» (сам разводит ручками). «Распускает!»— радостно кричит он, бегая с ниткой, на которой волочится, как бы летает, бабочка. Но Руди не смущается этим, он даже поясняет: «За коньтик замешь — и будет летать» (за кончик нитки возьмешь — и будет летать). «А как она на небо будет летать?» — задает он вопрос, замечая, что бабочка не поднимается вверх.

Яркое воображение дитяти обусловлено живостью и яркостью его представлений.

«Ох, ох!» — быстро отдергивает руку Руди от изображенных на картинке ножей, как если б укололся или порезался о них. Мнимое ощущение[36] . Я говорю: дотронься, не колятся. Он дотрагивается до картинки, отдергивает руку, говоря: «Ох, колется!»

Порой дитя отдает, полный отчет в том, что действие не «взаправдашное», — но это его не смущает. Оно часто прибавляет: «Я как будто», — но это «как будто» не омрачает, не умаляет радости его переживания, как будто не доходит до сознания ребенка; так велика сила его воображения, так велики красочность, реальность, живучесть этих мнимых образов.

Именно это воображение — залог будущей творческой фантазии человека — разукрашивает порой его будничную, узкую, ограниченную одинокую жизнь в пределах его комнаты и в тесных границах его семьи. И все мы знаем, как изощряется дитя в этих играх с мнимыми сотоварищами, воспроизводя воображаемые действия с мнимыми предметами.

Уже здесь мы видим, как человеческий ребенок мысленно претворяет мир действительный в более яркий и красочный и полнозвучный — мир фантастический, признаков которого мы не могли подметить у шимпанзе, если не считать тех случаев, когда Иони осуществлял игры мнимой борьбы, мнимого нападения,

[36] Надо сказать, что обычно Руди отстраняли от взятия в руки острых, колющих предметов (в частности ножей).

нарочитого столкновения с различными искусственно поставленными препятствиями; но было ли в этих случаях замещение реального предмета воображаемым или не было, — мы не имеем определенных данных для суждения. Судя по той горячности, с которой Иони осуществлял эти игры в их конечном этапе, возможно предположить, что в начале игры Иони манипулировал с реальными предметами, но в разгаре игры, «войдя в раж», возможно, что он утеривал чувство действительности и принимал неодушевленное за одушевленное, мнимое за действительное.

Разрушительные игры

Но быть может ни одна группа игр не роднит так сильно дитя человека и дитя шимпанзе, как разрушительные игры[37] .

Еще 5-месячное дитя при процессе кормления его грудью производит схватывающие, рвущие движения ручкой, цепляясь за одежды.

Восьмимесячное дитя радостно занимается разрыванием бумажек и их разбрасыванием, схватыванием и ронянием стоячих предметов и длительно может развлекаться такой игрой; когда ему ставят разные игрушки в вертикальное положение, оно ручкой или взятой в ручку ложкой опрокидывает их навзничь. Нередко дитя стремится разрушать своими зубками, зацепляя ими например пришитые пуговички и пытаясь их оторвать; иногда оно, схватив в зубы костяное кольцо или какую-либо другую вещь, царапает ее зубами, с силой рвет ее ручками к себе, притягивая так энергично, что вызывает опасение, что вырвет зубок. Разламывание палочек, разрушение игрушек, разметывание песочных куличиков у дитяти (в возрасте от 1½ до 3 лет) представляет собой самодовлеющее удовольствие.

В возрасте 1½ лет дитя еще не умеет само воспроизводить постройки из деревянных кирпичиков, но как энергично оно одним мановением руки разрушает деревянные и картонные постройки, возводимые перед ним взрослыми (Табл. В.99, рис. 1, 2).

Нередко от своего 3-летнего мальчика я слышала пожелание: «Мама, дай мне что-нибудь порвать», и когда ему давалась в распоряжение бумага, он, как и Иони, рвал ее в мелкие клочки, разметывал и пускал на воздух. Позднее я заставала моего уже 5-летнего Руди в сообществе с другими детьми, как они разбивали бросовые бутылки и пузырьки, или, взяв камни, дробили ими лежащие на земле стекла. Кому приходилось видеть использованные детьми игрушки, тот знает, что в большинстве случаев эти вещи представляют собой сборище хлама, перековерканного детскими ручками. Детские ручки всегда в движении, всегда беспокойны, всегда как бы обуреваемы страстью к разрушению.

Уже было не раз упомянуто, что дитя не может равнодушно видеть дырку, чтобы не зацепиться и не разорвать ее еще больше. Руди не представлял в этом случае исключения: стоило ему увидеть где-либо дырку (на простыне, на наволоке, на чулке), он с садическим наслаждением стремился дорвать ее до пределов возможности (Табл. В.96, рис. 3).

Кто не знает, как дети, попав на лоно природы, неистово рвут траву, листья, ветви, не заботясь о последующем использовании сорванного, упиваясь актом разрушения как таковым. Всем известно, сколько труда и борьбы приходится употреблять в общественных садах, оберегая от ломания, срывания не только хрупкие зеленые насаждения, но даже и железные штанги (защищающие деревья), которые разгибаются и разламываются не только детьми, но даже и взрослыми из одного лишь озорства; психологическая основа и этого разрушения представляет собой влечение к «волению» (в данном случае сводимому к злому своеволию).

Первые яркие примеры самопроявления в действии связаны у человеческого дитяти с актами притягивания и отталкивания, причем последнее осуществляется энтузиастичнее, чем первое. 5—9-месячный Руди часто стремился раскидывать со стола лежащие на нем предметы, стягивал скатерти, сбрасывал на пол все, что мог сбросить, и преследовал глазками падающую вещь, смотря, куда она упала. В возрасте 8 м. 23 д. он уже пытался тянуться за брошенным и плакал, когда не доставал его, улыбался, когда брал, и снова, и опять пытался бросать взятое. 9-месячный Руди уже мог откидывать вещи вперед по наклонной линии и на далекое расстояние, а до того замечалось, что дитя могло бросать лишь близ от себя или за себя. Крошечное дитя, едва умеющее держать предмет в руке, уже имеет стремление бросать его от себя и снова

[37] Под этими играми я подразумеваю самодовлеющее развлечение актом разрушения как таковым, не связанным с любопытствующим созерцанием разрушаемой вещи.

тянется достать предмет и опять без конца резко отшвыривает его в стороны, наслаждаясь этим первым, новым для него самопроявлением в действии.

Определенное проявление воли ребенка прежде всего и выражается в этих действиях отбрасывания и сокрушительных играх. Годовалое дитя особенно радостно кидает на пол гремящие вещи. Руди (в возрасте 1 г. 2 м. 20 д.) уже мог бросать мяч целенаправленно в разных членов семьи, в ответ на наше предложение: «брось мячик в папу, в маму, в няню, в бабушку». Характерно, что на мое предложение бросить мячик в Апика (т. е. в него самого) он приложил мячик себе к грудке. Руди (2—4 лет), бросая вещи с прицеливанием в определенное место, принимал соответствующие позы, откидывал назад головку, перегибал назад спинку так сильно, что казалось вот-вот он упадет (Табл. В.82, рис. 4, Табл. В.83, рис. 4). Руди (в возрасте 1½—3 лет) зачастую стремился бросать предметы — палки, камни — через высокие изгороди и, не будучи в состоянии перекинуть сразу, многократно повторно воспроизводил то же действие. В протоколе, относящемся к тому же времени (когда Руди был 1½-годовалым), у меня отмечено его неудержимое стремление к бросанию. Гуляя во дворе, дитя бросает камни (Табл. В.99, рис. 4), песок, землю в лужи; придя в комнату, оно раскидывает по всей комнате игрушечки; забравшись вечером в кроватку, оно пытается выбросить из нее пеленки, подушки, одеяльца; сидя в ванночке с водой, оно схватывает в горсти воду и пытается бросать ее, направляя в меня, в няню, смеясь, визжа, ничуть не смущаясь проливанием воды между пальцами рук.

Однажды я дала Руди (в возрасте 1 г. 9 м. 18 д.) в полное распоряжение комод с разными вещами. Малыш, воодушевленно выбирая, стал раскидывать их по всей комнате; когда весь комод был опустошен и все вещи были разбросаны, я сказала: «теперь собирай!» Но дитя, положив две-три вещи в комод, выразительно сказало: «мама!», приглашая меня к соучастию, потом, когда я отказалась, оно сказало: «баба!» и после отказа последней стало обращаться к игрушкам, говоря: «рара» (т. е. кукла), «ляй-ляй!» (т. е. белка), призывая всех по очереди к помощи; а когда я вторично сказала: «Апа!», предлагая укладку вещей сделать все же ему самому, — он опять настойчиво стал перечислять всех кроме себя.

Как отвечают этой безудержной тенденции к бросанию и к разрушению такие игры 2—3-летнего ребенка, как выбивание шариком кеглей (табл.82, рис. 5), сбивание городков (Табл. В.100, рис. 1, 2, 3), где основной момент игры требует уже целенаправленного бросания предмета, вызывающего разрушительный эффект.

Последующее развитие того же стремления, но облеченного в иные формы, мы наблюдаем уже у 4—5-летнего ребенка, который, вооружившись рогаткой, то выбивает стекла, то стреляет из лука, ружья (Табл. В.68, рис. 2), самострела, осуществляя эти действия тем воодушевленнее, чем более разрушителен конечный эффект.

Естественно, что всякого рода военные игры, как например излюбленные оловянные солдатики, игра в сражение, так сильно захватывают ребенка.

Современное дитя живо подхватывает в свой обиход последние достижения военной техники, употребляет пушки, пулеметы, вооружая ими своих настоящих или игрушечных сотоварищей (Табл. В.68, рис. 5). Например Руди, слыша о маневрах и о газовой атаке, своими средствами пытается осуществить последнюю. Для этой цели он придумывает своеобразный способ: он наполняет песком металлический кувшин и что есть силы бросает этот кувшин по направлению к врагу, к «неприятельскому аэроплану» (Табл. В.68, рис. 3). При падении песок взметывается пылевым столбом кверху и в стороны, и это дает впечатление взвившейся дымовой или газовой волны.

Игры, построенные на принципе противодействия: 1) проявление воли, 2) своеволия, 3) хитрости и обмана

1. Проявление воли.

В своих движениях схватывания и бросания дитя обнаруживает громадную волевую настойчивость; если Руди (в возрасте 10 мес.) не допускаешь взять предметы, за которыми он тянется, глядя на вас в упор, дитя

издает звонкий, визгливый крик, повторяя его многократно, пока не дашь желанную вещь; при решительном сопротивлении ему дитя плачет. Как и у Иони, у Руди чрезвычайно сильно выражено стремление к настойчивому противодействию; отказ как бы увеличивает его стремление к выполнению желаемого. Зачастую действие другого человека вызывает его противодействие. Например стоит при малыше постелить в кресло пеленки, он немедленно с усилием вытаскивает их вон, тянет упорно, энергично, плача (10 м. 15 д.), долго не может дотянуть до конца, тем не менее не бросает действия, а продолжает его до завершения, не переставая плакать (вспомним также настойчивое прибивание мальчиком флагов, стр. 275 [208]). Стоит кому-нибудь из нас покрыть себе голову платком, шапкой, чепцом, дитя тотчас же стремится сорвать с головы надетую вещь; положишь перед ним игрушку, оно бросает ее, поставишь — оно валит. Однажды я заложила за электрический шнур палочку. 11-месячный Руди путем настойчивых усилий ухитрился вытянуть оттуда палочку движением вбок; при моем повторном (втором и третьем) закладывании дитя опять стремится вынимать, работая с кряхтением, с явной натугой, даже плача, когда не сразу преуспевает в этом деле. Стоит взрослому к чему-либо приложить свои руки, дитя тотчас же стремится воспроизвести прямо противоположное действие. Я сажаю верхом на жердь резинового игрушечного мальчика, — Руди тотчас же сбрасывает его вниз и так делает многократно; я пускаю вертеться волчок, — дитя ловит его и останавливает; я кладу перед ним игрушку, — Руди отшвыривает ее в сторону; ему надевают чулки, — он стаскивает их; ему завязывают подвязки, — он многократно развязывает их; ему надевают на голову платок, — он сдергивает его с себя; кладут на кресло клеенку, дитя выдирает ее. Руди не позволяют тронуть какую-либо вещь, к которой он тянется пальчиком, — он настойчиво домогается повторно коснуться ее всякий раз, как проходит мимо этой вещи; если же в первый же раз дать ему коснуться до той же вещи, вторично он до нее не дотрагивается.

Иногда наденешь на палочку плотно входящее кольцо пирамиды, — годовалый Руди прилагает все усилия, чтобы стащить кольцо с палочки (Табл. B.113, рис. 1), он тащит, кряхтя, краснея, плотно стиснув губки, тряся от напряжения головой и все же пытаясь сбросить, а едва стащит, снова пытается надевать; запрет к осуществлению действия как бы возбуждает его (как и Иони) к осуществлению запрещенного. Например Руди (в возрасте 1 г. 3 м. 28 д.) запрещают ощипывать венчики цветов, тем не менее он ощипывает их; ему (в возрасте 1 г. 6 м. 16 д.) не позволяют брать в руки такие предметы, как очки, ножницы, — тем не менее он стремительно пытается схватить именно эти предметы; стоит сказать, когда дитя сидит за столом, что нельзя трогать рукой еду на тарелке, — оно тотчас же берет ее (1 г. 11 м. 2 д.); если у него просишь правую руку, — оно упорно дает левую (1 г. 9 м. 23 д.).

2. Своеволие.

Иногда ребенок упрямо не хочет давать руку одним людям, которые его об этом просят, и охотно дает другим, которые менее настойчивы в этой своей просьбе.

Порой дитя (1 г. 11 м. 13 д.) избирательно выполняет поручение, например — понести лакомства некоторым людям. Не желает относить одним и охотно относит другим, хотя в данном случае быть может это избирательное отношение определяется большей или меньшей симпатией к разным лицам; во всяком случае и здесь видна волевая целенаправленность ребенка. Однажды Руди (в возрасте 1 г. 9 м. 26 д.) обнаружил в чистом виде свое своеволие при следующих обстоятельствах, Он пришел домой с улицы и, сняв с валенок снег, потащил его в рот. Руди остановили, сказав «нельзя», — он тотчас же потянулся к близстоящим калошам и хотел коснуться их ртом; его опять остановили; тогда он уцепил палку и потащил ее в рот; снова его окрикнули; тогда он подошел к столу и схватил его край губами; при новом запрещении он лег на пол и пытался лизать ковер.

В другом случае (когда Руди было 2 г. 3 м. 8 д.) мальчик засунул в рот палец и стал его сосать; при запрещении он не только не вынул пальца, а засунул его в рот еще глубже; при строгом окрике он засунул в рот чуть не всю кисть; при еще более резком запрещающем окрике он настолько сильно всунул в рот руку, что стал давиться рукой.

Эта строптивость Руди отмечена у меня в дневниках и позднее, когда ему было 3 г. 0 м. 18 д.. Малышу воспрещали бегать в садике по клумбам, он многократно нарочно пробегает именно по ним; невольно вспоминается наблюдение, сделанное Т. Гексли[38] над маленьким внуком Юлианом[39] : «The boy must have

[38] В книге «Life and letters of Thomas Henry Huxley» Huxley Leonard, стр. 435, MCM, London, 1900.
[39] Ныне выдающимся ученым Англии.

been about four years old. I told him not to go on the wet grass again. He just looked up boldly, straight at me as much as to scy: „What do you mean by ordering me about?“ and deiberately walked on to the grass».

Подобно Иони и Руди обнаруживал порой обидчивость при невыполнении его требований или несвоевременном их выполнении. Например Руди (в возрасте 1 г. 4 м. 22 д.) просит вещь, ее сначала не дают ему, потом после секунды-другой раздумья дают, — но теперь он не берет, бросает ее.

В случае противодействия желаниям дитяти (1 г. 7 м. 16 д.) подобно Иони и Руди выявляет обиду движением поворачивания спиной к обидчику, отвертыванием от него личика; обидевшись, Руди подобно Иони не желает оборачиваться и не идет на зовы.

Однажды Руди (в возрасте 2 г. 1 м. 5 д.) попал отцу мячом в голову. Отец спокойно сделал ему выговор; тем не менее дитя покраснело, надуло губки, чуть не расплакалось. В другой раз Руди бросал песком, метясь в няню, но не попал; тогда он отвернулся и чуть не плакал, стоя молчаливо, нахмурившись, на одном месте.

Дитя уже в этом возрасте самолюбиво; однажды я дала мальчику грушу, он попросил еще; я разрезала вторую грушу на две неравные части и, давая ему меньший кусок, сказала: «Маленький кусочек тебе дам». Мальчик обидчиво протянул голосом: «Не сказала бошой» (большой), разревелся и совсем не стал есть плода.

В другой раз мальчик (3 г. 1 м. 7 д.) не послушался своего дядю при одевании, тот не стал его одевать; когда позднее дядя появляется, мальчик уходит от него в другую комнату, не смотрит на него. Когда я спрашиваю: «почему от дяди уходишь?» — Руди отвечает: «Он меня обидел». — «Чем?» — допытываюсь я. — «Не хотел одевать», — отвечает мальчик. Вечером, когда оба они (дядя и Руди) пили чай за столом дядя положил рядом с собой хлеб с изюмом, который раньше Руди охотно кушал, всякий раз как дядя его угощал. Теперь, увидев хлеб, мальчик сказал: «А я не хочу хлебца с изюмом, нехороший он, хороший мой хлебец» (хотя у него была обычная черствая булка). Как то совершенно ясно, дитя распространило свое неприязненное чувство обиды даже на любимый хлеб, обнаруживая явно пристрастное отношение в своей оценке.

3. Хитрость и обман.

Порой человеческое дитя подобно шимпанзе Иони в своем стремлении осуществить во что бы то ни стало запрещенные акты даже пускается на обман и наивную хитрость. Руди (в возрасте 1 г. 9 м. 8 д.) запрещают грызть деревянный кирпичик, — мальчик заходит за спинку высокого кресла и начинает грызть кирпич там, будучи под прикрытием. Ему не позволяют брать в рот спичку, — он повинуется, но едва взрослые отходят, он тотчас же опять берет спичку в рот. Я не позволяю Руди (2 г. 0 м. 7 д.) сколупывать зубами масляную краску с игрушек, — он либо прячется за моей спиной, либо заходит за мебель и делает там свое дело. Бабушка при прогулках с мальчиком по садику не позволяет ему (2 г. 3 м. 13 д.) срывать с грядки ягоды; дитя говорит: «За бабой» и идет позади нее (вопреки обыкновению); когда она оглядывается, то видит, что он рвет ягоды. Иногда этот обман до смешного наивен. Например Руди (в возрасте 2 г. 2 м. 6 д.) не хочет пить молока, — я говорю строго: «Пей!»; дитя, пряча свои ручки за спину, говорит: «Нету, ручки» или: «Ручки тютю», или: «Балиста малятько» (боюсь молочка). Я настойчиво предлагаю молока и определенно спрашиваю: хочет ли он пить или нет? Он молчит. Я говорю: «Что же ты молчишь?» Он говорит: «Молчу», так как видимо не хочет пить (не хочет сказать: «да» и боится сказать: «нет»). А когда я строго добиваюсь ответа, он совершенно обезоруживает меня словами: «Нету язычка».

В другом случае мальчик не послушался дядю; тот, сделав ему выговор, требует: «Скажи: дядю буду слушать». А мальчик ему в ответ: «Нету язычка» (2 г. 3 м. 29 д.). Когда Руди порой не хочется что-либо делать, часто мы могли слышать эти опрометчивые обманные отговорки. Ему (в возрасте 2 г. 2 м. 23 д.) говорят: «Дай ручку». Он отвечает: «Не сышу» (не слышу). Говорят: «Полей цветочки» он отвечает: «Не вижу», хотя ему явно указывают на место поливки. Руди (в возрасте 2 г. 2 м. 20 д.) не желает кушать в бутерброде белый хлеб, а ест лишь ветчину. На вопрос: «почему не ешь хлеба?» он отвечает: «подавишься», «кашлять» или «кисий» (т. е. подавишься, будешь кашлять, хлеб кислый). Конечно все это наивные отговорки, не соответствующие действительному положению вещей.

Когда Руди (в возрасте 2 г. 5 м. 6 д.) понукают есть суп, он закладывает руки за спину, отвечает: «Нету ручек».

В еще более раннем возрасте (1 г. 6 м. 20 д.) я замечала, как дитя пускается на хитрость, желая оттянуть время своего укладывания на ночь, — то оно просится на горшочек и длительно сидит на нем без всякой

надобности, то оно (в возрасте 1 г. 7 м. 11 д.) так медленно съедает свою вечернюю еду, что теряешь всякое терпение и надежду на ее окончание. Во всех этих примерах недвусмысленно обнаруживается его предусмотрительное поведение, заставляющее его избирать окольный путь для выполнения желаемого действия или невыполнения нежеланного поступка. Человеческое дитя подобно шимпанзе заранее учитывает последствия этих действий и соответственным образом конструирует свое поведение; подобно Иони оно, попадаясь впросак, не умеет еще скрывать концы, наивно обнаруживая всю призрачность этой лжи.

Во всех этих действиях Руди, подобно Иони пряча свои руки, ноги и не видя сам своих рук и ног, повидимому полагает, что и другие их не видят; аналогичный тип поведения проявляет он (в том же возрасте) и при игре в прятки.

Как уже было отмечено, Руди (1 г. 5 м. 22 д.) прячется, накрывая себя платком, шапочкой (Табл. В.76, рис. 4), закрывая ладонью лицо или просто зажмуривая глаза. Позднее (в возрасте 2 лет) дитя прячется, становясь за прозрачное плетеное кресло (Табл. В.76, рис. 2), через которое оно остается видимым, стереотипно вставая в одно и то же место, или (в возрасте 2 г. 2 м. 8 д.) приседая на-корточки близ ступеньки крыльца (Табл. В.76, рис. 1), или становясь вплотную к стене, закрывая руками глаза, поворачиваясь спиной к ищущему (Табл. В.76, рис. 3), замуровав себя от восприятий внешнего мира и повидимому полагая, что и само оно скрыто от всех.

Но если разрушительные тенденции довольно сильно проявляются в жизнедеятельности ребенка (в возрасте от 1½ до 4 лет), то все же с удовлетворением следует отметить, что наравне с ними возрастают (и с каждым годом все более значительно) восстановительные действия, выражающиеся вначале в слепом подражании, позднее — в реконструктивной и даже творческой деятельности.

Подражательные развлечения

Человеческое дитя, получающее более свободный доступ и к большему количеству вещей, чем это возможно для шимпанзе, естественно обладает и более многообразной и более изощренной подражательной способностью. Подобно Иони Руди из подражания легко заражается настроением окружающих; однажды наша няня стала рассказывать в присутствии Руди, как она на улице испугалась пьяного; малыш сразу притих и стал серьезным; я спросила: «Ты что?» Он сказал: «Боюсь» (2 г. 6 м. 14 д.). В другой раз (в возрасте 1 г. 2 м. 20 д.) он услышал, как на улице плакал ребенок, — он сам тотчас же сделал грустное личико и готов был расплакаться. Тем более легко заражается дитя такими активными эмоциями, как радость и злоба.

Часто мы видим, как при смехе старших начинают смеяться и дети, хотя порой и сами не понимают причины смеха.

Руди по своей инициативе зачастую воспроизводил видимые им жесты и мимику взрослых. Например при кормлении Руди (1 г. 8 м. 24 д.) я, желая остудить молоко, чайной ложкой черпаю его из чашки, поднимаю ложку вверх и лью вниз; малыш тотчас же поднимает свою ручку в воздух и опять опускает ее до стола, повторно поднимает и опускает. Я дую на блюдце с горячим чаем, он тотчас же начинает дуть вслед за мной. Руди (в возрасте 1 г. 5 м. 21 д.), смотря в музее чучело волка и обезьяны с оскаленной пастью, видя (1 г. 8 м.) на картинке девочку с раскрытым ртом, тотчас же раскрывает свой ротик. Видя на рисунке собаку с раскрытым ртом и высунутым языком, Руди (2 г. 0 м. 9 д.) раскрывает рот и высовывает язык. Руди (в возрасте 1 г. 6 м. 26 д.), рассматривая пионера, изображенного с поднятой рукой, сам воспроизводит жест вверх рукой; видя в окно, как студенты на дворе занимаются гимнастикой, Руди (1 г. 11 м. 30 д.) проделывает в комнате подобие этих движений; видя хромающего прохожего, Руди (1 г. 6 м. 22 д.) идет прихрамывая; видит человека на костылях и сам (3 г. 0 м. 16 д.) берет в руки две длиннейшие палки, идет хромая на обе ноги, говоря: «У меня ножки болят». После созерцания маршировки красноармейцев малыш идет (1 г. 4 м. 2 д.), вскидывая высоко ноги, топая ногами. Вдруг мы видим, как Руди непрестанно плюет, говоря: «Я буду плювать». Его спрашивают: зачем? Он: «А няня плювает». «Курик, курик!» — говорит он (в возрасте 1 г. 10 м. 17 д.), выпрашивает спичку, всовывает ее в рот и делает вид, что курит (Табл. В.108, рис. 3). Руди (1 г. 8 м. 10 д.) видит, как дворовые ребята играют в снежки, — он воспроизводит то же; понаблюдав катание на коньках и на лыжах, он, надев на ножки большие туфли (2—4 лет), скользя бегает по комнате, крича: «Конек!» (т. е. на коньках) (Табл. В.80, рис. 1); в другом случае он кладет на пол две палки, встает на них ножками, берет в руки две длинные палки (2 г. 8 м. 4 д.), хочет двигаться, хнычет и говорит: «Почему не едет?», а позднее (2 г. 9 м. 20 д.) он кладет на пол под ножки бруски, взбирается на них и, взяв палки, слабо передвигается, говоря: «Еду на лыжах» (Табл. В.80, рис. 2).

Видит ребенок, как нянька надела его сверстнице-девочке новый нагрудничек (2 г. 11 м. 19 д.), и сам говорит: «И мне новый фартучек» (хотя на нем уже был надет аналогичный, но старый).

Можно определенно сказать, что нет той сферы действий, того способа действий, той профессии, той роли, которую дитя не хотело бы воспроизвести.

Его растущая душа, неустойчивая в своем настоящем состоянии, неокрепшая в своем кратковременном прошлом, жадно тянущаяся к овладеванию все новым и новым содержанием, не может противостоять власти подражательных влечений; в процессе подражания она упражняется, учится, растет, развивается, совершенствуется. Пластичная душа ребенка подобно динамичному гипсу, потенциально таящему в себе свойство отвердевания, жадно ищет оформления. Подобно гипсу, жидкому, текучему, но быстро стынущему, твердеющему и принимающему вид формы, его вместившей, душа ребенка оформляется обволакивающей его средой, обиходом жизни и особенно психологической установкой лиц, с ним соприкасающихся.

Опуская ряд подражательных действий, связанных с инстинктивным подражанием младенца, с удовлетворением его физиологических потребностей и с актами выучки житейским навыкам, о чем уже было отчасти упомянуто в соответствующих главах, мы остановимся по преимуществу на тех подражательных действиях, которые связаны с моторикой рук, но не имеют витально-важного значения.

Дитя рано стремится упражняться в моторных навыках и всячески отвергает обычно помощь взрослых. 10-месячный Руди однажды стремился поднять удаленную щепочку, но все не мог до нее добраться; старшие услужливо подали ему щепку, он взял ее с кряхтением, как бы досадуя, а потом опять отбросил и стал еще более энергично тянуться за ней вторично. Нередко малыш даже совсем не желал принять эту помощь и не брал в руки вещь, поданную взрослым, а стремился поднимать ее сам.

Замечается, что при пользовании руками Руди (в возрасте 1 г. 11 м. 26 д.) предпочтительно пользуется *левой* рукой, и только после многократных запрещений (у Руди в возрасте 2 г. 2 м. 1 д.) он начинает пользоваться преобладающе правой рукой.

Руди (в возрасте 1 г. 6 м. 11 д.) подобно Иони охотно по своей инициативе подражал действиям, связанным с уборкой комнаты и приготовлением купания: вкладывал дрова в печку (1 г. 6 м. 11 д.), сдвигал стулья, мел комнату щеткой (1 г. 10 м. 11 д.), вытирал тряпкой на полу мокрые пятна (2 г. 6 м.), чистил мебель щеткой (1 г. 9 м. 28 д.), а выйдя на улицу, он брал метлу (1 г. 4 м. 4 д.), пытался ею мести, зимой хватал громадную лопатку (1 г. 9 м. 3 д.) и делал ею скребущие движения по тротуару (Табл. B.101, рис. 2), или брал маленькую лопатку (Табл. B.101, рис. 5), подхватывал снег и отбрасывал его в сторону (1 г. 10 м.).

Дитя (1 г. 4 м. 9 д.) рано начинает употреблять лейку для поливания цветов (Табл. B.101, рис. 1), оно берет громадную лейку, которую не может поднять, — почему его подражание безрезультатно; позднее (2 г. 1 м.) мальчик эффективно поливает маленькой леечкой (Табл. B.101, рис. 4), еще позднее (в возрасте 3 г. 0 м. 18 д.) он уже осуществляет поливание цветов посредством рукава, сам приладив резиновую трубку к носику лейки.

Кажется, что нет такого действия взрослых, которому бы дитя не желало подражать. «Вертеть, как дяди», — говорит Руди (2 г. 2 м. 22 д.), вслед за мастерами вертя колесо горна. «Пamажу беседку», — говорит малыш (2 г. 3 м. 22 д.), беря щетку, опуская ее в воду и производя движение крашения стены вслед за малярами, красившими здание (Табл. B.103, рис. 1). «Косить, как дяди», — имитирует он действие косьбы, взяв в руки лопатку и как бы подрезая ей траву (2 г. 5 м. 10 д.), а в возрасте около 4 лет он берет громадную косу (Табл. B.101, рис. 3), пытаясь косить ей. Руди (2 г. 11 м. 4 д.) однажды, взяв длинный гвоздик, проводит им по щелям пола, приговаривая: «Прочищаю рельсы». На вопрос, кто так делает, он отвечает: «На трамвайчике». В возрасте 2 г. 8 м. 3 д. Руди запускает в щель стены прутик, говоря: «Вынимать грязь из рельс, чтобы ходили трамвайчики».

Вслед за взрослыми, зачастую смотрящими на стенные часы, дитя (2 г. 1 м. 25 д.) начинает ежесекундно подбегать к часам или берет в руки часы отца (3 л. 4 м.), смотрит на них и изрекает (Табл. B.102, рис. 2): «Без десяти час», или: «Без десяти шесть», стереотипно повторяя почему-то запомнившееся определение времени кого-либо из взрослых, хотя само фактически еще не умеет узнавать времени. Иногда кажется, что дитя прямо не может противостоять этому неодолимому желанию репродуцировать действия взрослых; например оно видит, как на улице упала лошадь (в возрасте 2 г. 10 м. 12 д.), — оно немедленно валит свою игрушечную лошадку на пол, говоря: «Упала лошадка». Руди подходит к стене (2 г. 4 м. 2 д.), приставляет

к ней напильник (напоминающий ему термометр) и спрашивает: «Сколько градусов?» Видит дитя (1.7.5), как в его присутствии старшие дети грызут подсолнухи, — оно подносит ручкой ко рту мнимый подсолнух и потом выплевывает мнимую скорлупу.

Конечно его внимание зацепляет телефонный разговор, и так как ему не дают говорить самому, Руди либо прикладывает к уху круглую крышку гуталиновой коробки (1 г. 7 м. 9 д.) и передразнивает телефонный разговор взрослых, либо берет резиновую трубку (Табл. В.102, рис. 4, 5) и в соучастии с другим человеком сам (всего 2½ лет) ведет длиннейшие и оживленные разговоры, причем порой (3 г. 0 м. 18 д.) употребляет готовые выражения, высказанные в стихотворной форме, из книги Маршак «Телефон».

Естественно, что профессии отца и матери властно захватывают воображение ребенка, и он стремится реально воспроизводить отдельные моменты деятельности родителей. Однажды Руди, услышав, как говорили, что пришла экскурсия, немедленно изрекает (в возрасте 2 г. 9 м. 3 д.): «Я буду павадить экскурсию» (в подражание отцу). В другой раз (в возрасте 2 г. 9 м. 27 д.) он говорит: «Мама, давай строить зоологический сад — ты будешь экскурсия» (Табл. В.118, рис. 2, 3). Позднее (в возрасте 3 г. 0 м. 5 д.) желание итти «по стопам отца» выражается еще определеннее в следующем мыслеизъявлении: «Когда я вырасту до потолка, надену белый фартук и буду проводить экскурсии, рассказывать мальчишкам-шалунишкам». 4-летний Руди деловито демонстрирует свой игрушечный музейчик сверстнице-девочке (Табл. В.71, рис. 4).

Общественные социальные явления находят у дитяти горячий отклик. Однажды Руди (3 г. 0 м. 29 д.) насажал массу зверей в игрушечный авт и, везя, их, говорит: «Едут на демонстрацию». В другое время, идя по улице во время демонстрации, он непременно хочет иметь и красный флажок и красный знак, точь в точь такой же, какой видит у взрослых. Дитя (в возрасте 3 г. 0 м. 6 д.) пытается из подражания частично реализовать даже содержание прочитанных книг, и например после чтения книги «Курнышка»[40] оно берет бумажки, мочит их в воде, прилепляет к двери, говоря: «облиление» (объявление). Аналогичное воспроизводит он после чтения книги «Пропала кошка»[41] (Табл. В.104, рис. 2), облепляя бумагами сверху донизу все двери, поднимаясь на-цыпочки и стремясь налепить как можно выше (в возрасте 3 г. 3 м.). И когда в первом случае я спрашиваю, о чем вывешено объявление, он текстуально воспроизводит фразу из книжки: «Чтобы жильцы не выпускали котов в коридор, а если кто выпустит, отдадут в будку к собачникам».

Порой дитя (2 г. 5 м.) стремится подражать изображенным действиям: «как на картинке», — говорит оно, взяв в руку веник и метя им дорожку сада, вспоминая картинку: мальчик метет метелкой.

Наблюдение и анализ подражательных действий ребенка демонстративно обнаруживают, насколько они более многообразны, эффективны и точны по сравнению с таковыми шимпанзе.

Не было того вида *деятельности*, которой мальчик не хотел бы воспроизвести вслед за старшими.

Если его старший друг (Ф. Е. Ф.) в летнюю пору брал и растрясал для просушки снопы соломы, 2-летний Руди пристраивался тут же, с трудом брал в руки неподъемный сноп и все же старался его растрясать (Табл. В.103, рис. 1). Если Ф. Е. зимой начинал возить снег, накладывая в корзины громадные комья и возя с одного конца сада в другой, 2½-летний Руди пристраивался тут же и в миниатюре (Табл. В.103, рис. 5) повторял то же.

Ф. Е. начинал разметать с тротуара снег, — Руди (2½ года) стремился делать буквально то же самое. Ф. Е. навьючивал на себя скошенное сено, — Руди (3 лет) требовал, чтобы и ему навесили на спину кипу сена. Я стала осенью сгребать листья в саду, — сейчас же малыш начал сгребать их (Табл. В.103, рис. 3, 4, 6). Мальчик не отступал даже перед самыми неосуществимыми заданиями, недоступными для его маленьких сил делами. Когда Ф. Е. монтировал чучело гигантского африканского слона и ежесекундно спускался со спины слона вниз по лестнице, чтобы взять тот или другой предмет, необходимый для работы, мальчик вертелся тут же и непременно хотел в чем бы то ни было проявить соучастие, говоря: «Памагать дяде». И вот он брал большие глыбы глины и изо всех своих маленьких сил старался дотянуть их до взрослого; он неотступно следовал за Ф. Е., желая воспроизвести и другие более сложные слагаемые работы. Вот Ф. Е. взял большое долото и пошел им пробивать дыры в металлическом листе (будущем ухе слона); мальчик (2 г. 5 м. 2 д.) немедленно берет громадный гвоздь, молоток, подсаживается с другой стороны листа и старательно бьет молотком по гвоздю (Табл. В.103, рис. 2). Вот Ф. Е. взял большую железную штангу и

[40] «Курнышка», изд. Мириманова 1928 г.
[41] «Пропала кошка», изд. Мириманова 1927 г.

пошел ее пробивать; мальчик (2 г. 5 м. 2 д.) немедленно берет такую же штангу и следует за ним. Вот Ф. Е. положил штангу на камень, наставил на нее долото и начал стучать по ней молотком, — дитя также берет камень, молоток и воспроизводит действие взрослого.

Неудивительно поэтому, что когда позднее кто-то из посторонних, попав в музей, в присутствии мальчика спрашивал, кто делал слона, малютка (в возрасте 3—4 лет) совершенно серьезно отвечает: «Мы с дядей», хотя это «мы» конечно напоминало «мы пахали» в хорошо известной басне Крылова.

В возрасте 3 лет Руди с восторгом созерцает, как отец штемпелюет бумаги, печатает на пишущей машинке. Мальчик опять-таки стремится осуществлять все эти действия, быстро постигнув последовательные слагаемые работы: акт нажимания пальчиком на клавиши машинки, передвижение каретки, перекидывание рычажка. Это так называемое печатание, как и штемпелевание, было для дитяти настолько увлекательным, что его с трудом можно было оттащить от выполнения этих действий (Табл. В.104, рис. 5, 6).

Столь часто наблюдаемый ребенком акт фотографирования имитируется им с большим энтузиазмом, причем по мере вырастания дитя воспроизводит этот акт с разной и все более возрастающей степенью сложности. Если вначале (2 г. 2 м. 25 д.) Руди «фотографирует», взяв в руки две длинные палки, сначала скрещивая, а потом разъединяя их в воздухе на уровне своих глаз (Табл. В.105, рис. 1, 2), то позднее (в возрасте (3—4 лет) мальчик уже берет настоящий фотографический треножник, ставит его на землю, раздвигает его ножки, подвинчивает винты и, вращая верхние винтики, этим и завершает акт фотографирования (Табл. В.105, рис. 6).

В обоих случаях повидимому впечатление фотографического треножника превалирует над другими впечатлениями, связанными с созерцанием акта фотографирования.

В возрасте 3 л. 6 м. малыш порой обращал большое внимание на камеру, почему, подражая сниманию, он брал в руки какую-либо круглую коробку, держал ее у груди впереди себя, отверстием вперед, сам просил держать натуру (например чучело белочки), становился против «натуры» и делал пальцем мнимые повороты мнимого затвора (Табл. В.105, рис. 3).

В возрасте 4 лет Руди уже переносит центр тяжести не только на самую камеру, но и на объектив, почему, имитируя тот же акт, он уже пользуется электрическим фонариком, который он подносит к самым глазам, держа в обеих ручках (Табл. В.105, рис. 4), причем он смотрит поверх фонарика на объект, специально поставленный им самим для снимка[42] , как бы наводит фокус и, нажимая пальчиком на кнопку, получает щелкающий звук, символизирующий звук падающего затвора (Табл. В.105, рис. 5).

Руди желает подражать самым различным профессиональным работникам: часто он видит, как газетчик мечется по улице, выкрикивая продажу газет (да и самого Руди в возрасте около 4 лет заставляют покупать газеты), и он желает сам стать газетчиком. Он набирает себе старых газет и афиш, свертывает их подмышку и предлагает их нам, требуя, чтобы мы их брали (Табл. В.106, рис. 3). Видит он, как старьевщик заходит на двор, собирает в мешок разный хлам, и малыш (в возрасте 3 г. 10 м.) выпрашивает мешок, накладывает туда разных вещей, взваливает на плечи и ходит по комнате, выкликая: «Шурум-бурум» (Табл. В.106, рис. 4). То вдруг он (2—3 лет) захочет превратиться в шофера, возьмет большие рукавицы (3 г. 11 м. 1 д.), наденет на ручки (Табл. В.77, рис. 2) и говорит: «Я шофер» и начинает возиться близ колес дрезин (3 г. 10 м.) и детского авто (2 г. 3 м.), вооружившись каким-либо орудием и делая вид, что направляет машину (Табл. В.77, рис. 5, 6), то вскоре после посещения доктора (в возрасте около 3 лет) он имитирует эту профессию и, вооружившись резиновой трубкой, выслушивает бабушку игрушечного мишку (Табл. В.72, рис. 6, Табл. В.106, рис. 6), приставляя ему свободные концы этой трубки то к голове, то к груди; то еще в возрасте 1 г. 0 м. 10 д. Руди хочет всовывать ватные тампончики («запускать гусарики») в чужой нос, после того как ему самому делали эту процедуру. Неисчислимы все добровольно принимаемые и энтузиастично разыгрываемые дитятей роли.

Побывали мы на берегу Москва-реки, увидел Руди рыболовов, — на следующий же день он садится в своем саду у лужицы воды на скамеечку, закидывает в эту лужицу палочку, ставит рядом ведро для так называемой рыбы, усаживает близ ведра сторожащего рыбу зайца и длительно сидит, не шелохнувшись, неподвижно, как заправский рыболов, от времени до времени вынимая так называемую удочку и снимая мнимую рыбу (Табл. В.107, рис. 4).

[42] В данном случае — палку.

Прочли мальчику книгу с картинками, где говорится, как пастушок пас стадо, — и Руди (4 лет) всех своих игрушечных зверей располагает в траве, берет кнутик и рожок, имитирует роль пастушка (Табл. В.106, рис. 5).

С каким восторгом Руди созерцает проезжающих пожарных, с таким же восторгом отдается он игре в тушение пожара. Чем больше приближения к уподоблению действий взрослых, чем многочисленнее совпадение деталей, тем больше удовлетворения получает дитя от игры. Руди не ограничивается только действием тушения водой, он надевает каску, он сооружает так называемый пожарный автомобиль, в который сажает всех кукол, он надевает на носик лейки резиновую трубку, берет кукольную лестницу и, проделав все эти предварительные процедуры, мчится «на пожар» самостоятельно воздвигнутого им дома и с восторгом занимается его тушением (Табл. В.106, рис. 2).

Побывав в кооперативе, в аптеке, Руди репродуцирует действия торговли и купли. Увидел мальчик, как каменщики мостили улицу, и, придя домой (4 г. 7 м.), немедленно пытается мостить дорожку сада, взяв молоток и вбивая им в землю положенные камни (Табл. В.106, рис. 1).

Уже говорилось, как захватила Руди полоса военных интересов, после того как мальчик имел возможность видеть маневры.

Порой Руди хочет подражать окружающим даже своим костюмом.

Например видит он (в возрасте 3 л. 3 м.), как его большой друг прицепляет иногда свой орден Трудового красного знамени, и мальчик берет какие-либо старинные знаки отличия, надевает себе на грудь и так ходит целыми днями, украшенный ими. Вдруг он захочет быть похожим на военного, и вот, выходя на улицу, он надевает металлический пояс (тонкую медную решоточку) и гуляет по улице, ничуть не смущаясь (а может быть даже и гордясь втайне), что все обращают на него внимание. Увлекаясь созерцанием противогазников, он умоляет позволить ему походить по улице и по дому в настоящем противогазе, а когда этого не разрешают, он находит себе автомобильные очки и целыми днями ходит в этих очках, нося их на лбу, не желая снимать их дома за обедом и даже во время еды.

Подражательные тенденции ребенка имеют не только аддитивный, но порой и негативный характер.

Например Руди, видя, что все дворовые ребята носят фуражки, выходя на двор, неохотно надевает шапочку и упрашивает меня дать ему также фуражку, а не шапку; если я хочу завязать мальчику галстучек, то он решительно противится этому, так как дворовые дети, с которыми он играет, не носят галстука. Когда я хочу завязать ему красный галстук бантом, он протестует, — он требует, чтобы я завязала ему по-пионерски, т. е. на фасон «самовяза». Та же тенденция проявляется у моего сына и гораздо позднее.

Увлекаясь карикатурами (в возрасте около 6 лет) и возведя в свои кумиры Б. Ефимова, мальчик на своей рисовальной тетради изображает такое же перо, как на книге Б. Ефимова, и радость его безгранична, когда он (в возрасте 7 лет) получает выдвижную ручку и карандаш такого же типа, как у его кумира.

Всем нам известно, что в юношеском возрасте подростки бывают так сильно охвачены подражанием героям фантастических путешествий, что нередко, пренебегая всеми опасностями, сами пытаются совершать самые рискованные поездки.

Всем также слишком хорошо известно, как легко заражаются дети из подражания разными дурными привычками — например куреньем. И даже мой Руди в возрасте 1 г. 5 м., найдя какую-либо палочку совал ее в рот и держал во рту, как папироску, а в возрасте 1 г. 10 м. 17 д. он еще говорил при этом: «Курик-курик», т. е. курить (Табл. В.108, рис. 3); будучи же 2 л. 4 м., он уже имитировал курение более совершенно и не только брал палочку в рот и неподвижно держал ее между стиснутыми зубами (в то же время улыбаясь губами), но еще подносил другую палочку к предыдущей, имитируя зажигание папиросы спичкой (Табл. В.108, рис. 4).

Но и другие менее доступные и более серьезные акты, как чтение газет (Табл. В.104, рис. 4), писание (Табл. В.109, рис. 4), рисование (Табл. В.104, рис. 1), разговор по телефону (Табл. В.102, рис. 3), печатание на машинке (Табл. В.104, рис. 6), игра на рояли (Табл. В.84, рис. 6), поливание водой, мазание краской (Табл. В.108, рис. 1,2), копание, сверление (Табл. В.110, рис. 6), пилка (Табл. В.110, рис. 1, 3), колка, сгребание (Табл. В.110, рис. 5), резание (Табл. В.110, рис. 2), и ряд других неисчислимых по многообразию действий,

неизменно включающихся в обиход взрослого человека, в разное время и с разной степенью, точностью и эффективностью живо подхватываются и воспроизводятся дитятей.

Рисование. Уже годовалый ребенок человека из подражания берет в руку карандаш и пытается им действовать (Табл. В.109, рис. 1), но самое беглое наблюдение этих действий показывает, что дитя ухватывает только внешнюю сторону процесса, и, пытаясь чертить, оно поднимает от стола кверху бумагу, порой даже и не смотрит на то, что же выходит из этого черчения. Характерно, что в это время дитя не усваивает еще и обычного точного способа держания карандаша, — оно охватывает карандаш сверху всей кистью, как то делал и мой Иони (Табл. В.109, рис. 2, 3), что также не способствует «вычурности» письма. У Руди (1 г. 2 м. 21 д.) мы замечаем, что он порой берет карандаш с очиненной стороны и водит тупым концом, не оставляя черт на бумаге, зачастую глядя по сторонам, а не на бумагу (1 г. 3 м. 3 д.).

Руди подобно Иони (в возрасте 1 г. 7 м. 1 д.) требует чернильную ручку и пытается чертить на бумаге, на книге, на столе, на своей руке. Его рисунки теперь подобны рисункам Иони (Табл. 4.9, рис. 1, 2). Но у дитяти человека в возрасте 1 г. 9 м. я уже застаю несколько иной способ держания карандаша: хотя ребенок ухватывает карандаш еще сверху, но он уже выделяет руководящую роль указательному пальчику, выдвигая его несколько вперед от других пальцев, располагая его по оси карандаша и нажимая им сверху (Табл. В.109, рис. 4).

В это время, пытаясь чертить, дитя обычно сосредоточенно смотрит на свои писания, опуская головку и плотно сжав губки. Рассматривание и анализ его рисунков уже этого периода с несомненностью обнаруживают большую их сложность по сравнению с таковыми шимпанзе. В возрасте 1 г. 8 м. 14 д. рисование Руди вступает в новую стадию: вместо беспорядочно наложенных, по большей части горизонтальных, штрихов мы замечаем порой крестообразно перекрещивающиеся линии, причем дитя тотчас же по воспроизведении их немедленно само обращает на них особенное внимание, выделяет их сознанием и определяет словесно звуком «гх» (по его терминологии обозначающим аэроплан — жалкое подобие его). Через месяц (1 г. 9 м. 1 д.), проведя, может быть случайно, две параллельные линии, Руди называет их словом «тпру»[43] (быть может они напоминают ему вожжи). Воображение дитяти легко подсказывает ему определения: однажды Руди (1 г. 10 м. 23 д.) избороздил штрихами весь лист; на мой вопрос, что это он нарисовал, — он отвечает: «Дим» (дым). У Руди в возрасте 2 лет мы замечаем преобладающее наличие округлых и извилистых линий, в то время как шимпанзе в возрасте 3—4 лет и после многократных упражнений в рисовании не идет дальше воспроизведения прямых, хаотично наносимых на бумагу, порой взаимно перекрещивающихся черт, столь характерных для 1-й и 2-й стадии рисования ребенка. У 2—3-летнего ребенка это стремление к воспроизведению округлых линий чрезвычайно навязчиво: рисует ли дитя карандашом на бумаге, чертит ли мелом на доске, палочкой на земле, — всюду мы находим те же округлые «завитушки», принимающие иногда форму неправильных овалов (Табл. В.104, рис. 1).

Иони несмотря на продолжительное оперирование с карандашом в течение почти 3-летнего пребывания у нас так и не дошел до этой стадии рисования[44] .

Более точный анализ рисунков моих питомцев (Иони и Руди) показывает, что на протяжении длительного периода времени у Иони наблюдается единственная тенденция к воспроизведению взаимноперпендикулярно наложенных линий, что позволяет найти на исписанных им страницах массу крохотных крестиков (Табл. 4.9, рис. 3). В общем рисование Иони очень однообразно, в то время как Руди обнаруживает быстро прогрессирующее совершенствование и разнообразие рисунков.

Порой Руди (1 г. 11 м. 1 д.) берет в каждую свою ручку по карандашу и чертит обеими руками одновременно, причем замечается, что правой рукой он проводит линий больше, чем левой.

Руди (2 г. 1 м. 11 д.) никогда не затрудняется определить, что он рисует; делая беспорядочные черты, называет их «ляпан» (аэроплан), «щука», хотя порой мы с трудом можем установить даже частичное сходство рисунка с названным предметом.

В возрасте 2 г. 1 м. 28 д. Руди преуспевает в репродукции того же аэроплана значительно больше, причем это выходит у него как-то непроизвольно.

[43] «Тпру» - словесное обозначение лошади.
[44] Хотя известный артист-дрессировщик В. Л. Дуров показывал мне рисунки кружков, воспроизводимых его шимпанзе Мимоза из подражания самому Дурову, но к сожалению, как обычно в отношении научных интерпретаций Дурова, бывает трудно объективно выявить, где кончается наводящее, точнее руководящее влияние на животное человека и где начинается самодеятельность самого животного.

Взяв палочку, Руди (2 г. 1 м. 28 д.) чертит ею по песку, говоря: «Так, так, мама, Апа», проводя отдельные штрихи, потом внезапно изрекает: «Сделаю ляпан» и дополняет недостающие черты, изобразив примитивный аэроплан. В возрасте 2 г. 3 м. 14 д., 2 г. 7 м. 11 д. дитя, перейдя в стадию рисования овалов, производит более точные определения: «круг», «змея», «колечко», «луна», «месяц», «колесико», «колесо большое железное», — определяет оно (2 г. 7 м. 25 д.), сделав круг из нескольких линий; другой аналогичный круг оно называет: «Это солнце»; и мы легко усматриваем частичное подобие изображенного изображаемому.

В длинных проведенных линиях дитя (2 г. 7 м. 5 д.; 2 г. 3 м. 14 д.) усматривает очертание «змеи», «косы»; во взаимноперекрещивающихся линиях, нарисованных им на песке, оно (в возрасте 2 г. 2 м. 16 д.) усматривает крест и аэроплан, говоря: «Кест, кест, ляпан».

В возрасте 2 г. 4 м. 28 д. Руди начинает рисовать группы изображений по три штуки на листе и по своей инициативе каждому изображению дает свое название. По мере рисования изображения, как и их определения, зачастую резко меняются. Дитя (2 г. 5 м. 3 д.) нарисовало две взаимноперпендикулярные линии и говорит: «Ляпан» (аэроплан), далее через секунду, продолжая рисовать, добавляет: «Пита какая-нибудь» (т. е. птица какая-нибудь), несколько спустя еще уточняет, говоря: «Фламинго».

Нет недостатка ни в рисунках, ни в их словесных определениях. «Колесико», «рак», «змель»[45] , «кутек»[46] , «шпилька», «червяк», «ква-ква»[47] «мишук», «лошадка», «раритька»[48] , «вот какая длинная раритька», «коса», «тюля»[49] , — называет Руди мало диференцированные свои каракульки, где все же порой можно усмотреть некоторое подобие изображаемых и определяемых предметов.

Уже теперь дитя пытается качественно квалифицировать свои рисунки; нарисовав один за другим два аэроплана, Руди определяет первый так: «Этот аляпан непохож на аляпан», а про второй: «это аляпан», «хороший аляпан» (2 г. 7 м. 29 д.).

Начертив три длинные линии и обозначив первую из них словом «червяк», вторую и третью — «тоже червяк», Руди вдруг ставит их во взаимоотношение фамильного родства, называя: «Червяк — это мама, это папа-червяк, это сыночек-червяк».

Здесь все три линии равновелики, но скоро (в возрасте 2 г. 8 м. 11 д.) Руди уже обозначает и рисунком, и словесно различные по величине предметы; чертя карандашом, он говорит: «Это большой страус, это маленький страус».

Порой малыш (2 г. 8 м. 20 д.) сам не знает, что он рисует. Он чертит, чертит, чертит, и если его спросить, что рисуешь, он скажет: «Да не знаю», но вдруг спохватывается и дает какое-нибудь определение, более или менее подходящее.

Первое изображение человека по своей инициативе Руди делает (в возрасте 3 г. 0 м. 8 д.) в горизонтальном положении, причем сначала он нарисовал какой-то овал (голову) и внутри овала что-то начертил, потом он протянул две длинные линии, затем перечеркнул их внизу поперечной чертой. Я спрашиваю, что ты нарисовал? Он: «дядю», потом, взглянув, сам спохватился: «А где же ручки?» и нарисовал еще две черты в бока. Я говорю: «нарисуй маму». Он несколько более искусно сделал второй рисунок, но также в горизонтальном положении, — я точно записала последовательные приемы рисования.

1-м приемом Руди рисует овал; 2-м — внутри овала чертит, говорит: «Глазики»; 3-м — проводит две длинные черты; 4-м — от них вниз две короткие с загибом, говорит: «Ножки»; 5-м — в боках кверху в два приема проводит руки (Табл. 4.9, рис. 4).

В подражание рисовавшим у нас художникам Руди (2 г. 8 м. 11 д.) охотно мажет кистью и красками, но здесь он не обозначает словесно рисунков, видно самая цветистость, яркость, красочность изображаемого захватывает, радует его и не требует дополнительных интерпретаций.

Рисунки 3—4-летнего дитяти человека несомненно выше таковых шимпанзе как по их оформлению, так и в отношении темпа усовершенствования. Наблюдение и анализ процесса воспроизведения этих, в сущности

[45] Змей.
[46] Крючок.
[47] Лягушка.
[48] Куколка.
[49] Тюлень.

наивных, примитивных, рисунков 3-годовалого дитяти, как и учет его словесных высказываний, позволяют обнаружить такие интеллектуальные процессы:

1) диференцировку дитятей рисунков;

2) стремление к изображению реальных предметов;

3) отождествление или аналогизацию действительности с изображаемым (путем графического изображения и путем дополнительного словесного высказывания);

4) качественную квалификацию изображаемого, базирующуюся на степени приближения рисунка к реальности;

5) фантазию — красочное словесное дополнение воображением недостающей выразительности рисунка;

6) улавливание характерных черт натуры;

7) наличность в сознании ребенка представления реальных объектов, мысленное переворачивание изображений;

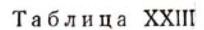
8) мысленное сравнение натуры с рисунком и дополнение, усовершенствование рисунка в целях достижения большего сходства.

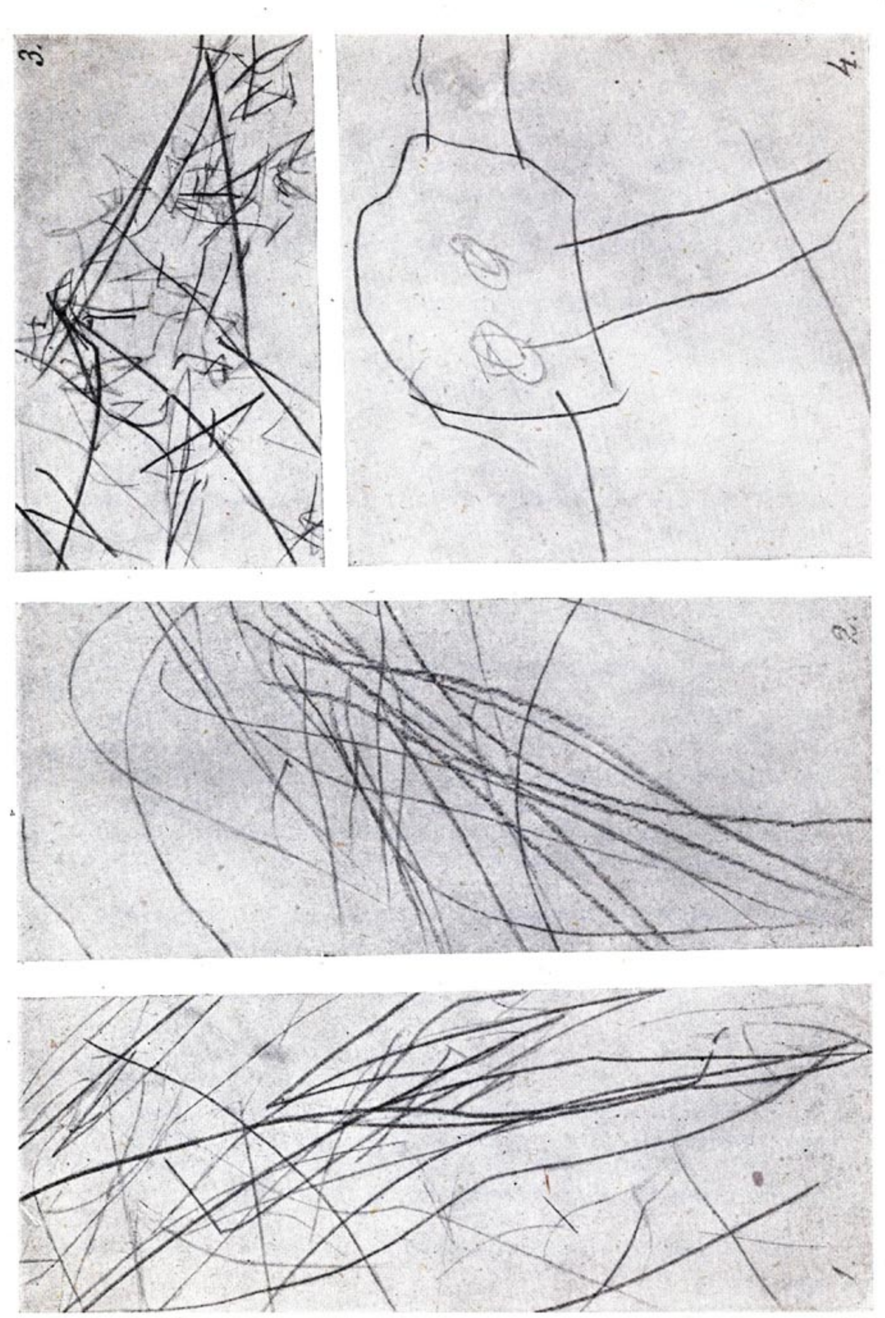
Наличие всех этих положительных психических атрибутов в процессах изобразительной деятельности человеческого ребенка у шимпанзе не было мной обнаружено и быть может и совсем не могло иметь места.

И это несмотря на то, что Иони предавался акту рисования не менее энтузиастично, чем и Руди. Иони зачастую с плачем требовал карандаш, чтоб порисовать, у него порой приходилось насильно отнимать карандаш, он рисовал с живейшим настороженным интересом, он со вниманием созерцал воспроизводимые им черты, и тем не менее он не обнаруживал явственного усовершенствования в отношении оформления своих рисунков (Табл. В.109, рис. 2, 3).

Подобно Иони и Руди употребляет замещающие карандаш орудия писания: палочку, собственный палец, гвоздик, сухую макарону при отсутствии настоящего карандаша, причем надо определенно сказать, что чем интенсивнее бывали оставляемые на бумаге черты, тем воодушевленнее осуществлялись действия черчения, — в то время как Иони особенно энергично рисовал своим пальцем, погруженным в чернила, Руди рисовал красным мелом или кистью, обмокнутой в густую черную краску.

Таблица 4.9. Образцы оригиналов рисунков шимпанзе и ребенка (1½ — 3 лет)





Образцы оригиналов рисунков шимпанзе и ребенка ($1^1/_2$—3 лет)

Рис. 1. Рисование Иони — 1-я стадия черчения.
Рис. 2. Рисование Руди (1 г. 7 м. 1 д.) — 1-я стадия черчения.
Рис. 3. Рисование Иони — 2-я стадия черчения.
Рис. 4. Рисунок человека — «мамы», сделанный Руди (3 г. 0 м. 8 д.).

Употребление орудий

Как уже было упомянуто, дитя в возрасте от года и позднее воспроизводит из подражания целый ряд действий, упражняясь в употреблении орудий разного типа: молотка[50] (Табл. В.111, рис. 1, 3, 4, 5, 6; Табл. В.106, рис. 1), карандаша[51] (Табл. В.109, рис. 1, 4, 5), кисти[52] (Табл. В.108, рис. 1, 2), щетки[53] , лопаты[54] (Табл. В.101, рис. 2, 5), лейки[55] (Табл. В.101, рис. 1, 4; Табл. В.71, рис. 3), клещей[56] , коловорота[57] (Табл. В.110, рис. 6), пилы[58] (Табл. В.110, рис. 1, 3), вил[59] (Табл. В.110, рис. 4), граблей[60] (Табл. В.110, рис. 5; Табл. В.103, рис. 6), косы[61] (Табл. В.101, рис. 3), метлы[62] (Табл. В.103, рис. 3), ножниц[63] (Табл. В.110, рис. 2), ножа[64] (Табл. В.65, рис. 6) вилки[65] (Табл. В.65, рис. 3, 4), чашки[66] (Табл. В.64, рис. 1, 2; Табл. В.65, рис. 5), ложки[67] (Табл. В.65, рис. 1, 2; Табл. В.55, рис. 2), мыла[68] (Табл. В.62, рис. 2), полотенца[69] , гребенки[70] , носового платка[71] (Табл. В.62, рис. 5, 6), зубной щетки, ночной посуды, ключа[72] для отпирания замков, шила 2 г. 5 м. .

Овладевая орудием действования, дитя страстно стремится к самостоятельности; например, взяв в руки лейку, Руди (2 г. 2 м. 8 д.), поливая цветочки, настойчиво повторяет: «Апа один, Апа один», не желая, чтобы ему помогали. То же при употреблении ложки и чашки: «Ни дижи, ни дижи» (не держи). «Апочка сам», — кричит дитя, желая овладеть техникой еды ложкой, способом держания чашки (2 г. 5 м. 18 д.).

Нередко дитя воспроизводит лишь внешнюю форму действия: я режу хлеб ножом, дитя пытается резать хлеб черенком поставленной ребром ложки и конечно не преуспевает в этом (1 г. 8 м. 25 д.).

Дитя рано употребляет посредствующие предметы, как орудие доставания. Например в возрасте 1 г. 0 м. 14 д. Руди потянулся к яичку, лежавшему на скатерти, в отдалении от него, но не мог достать, тогда он потянул скатерть и достал. Не будучи в состоянии достать предмет с высокой полки, он позднее по своей инициативе подставляет к шкафу скамейку и, встав на нее, достает.

2—2½-летний Руди подобно Иони любил имитировать метение щеткой насоренного пола, тротуара и подобно Иони осуществлял этот процесс недостаточно целенаправленно и эффективно, т. е. зачастую не достигал конечной цели — полного очищения площади от сора, да видимо в этих действиях его интересовал не столько конечный результат работы, сколько самый процесс действия.

Если в отношении Иони мы установили сравнительно немногие случаи употребления самостоятельно взятых подсобных орудий (ложки, палочки, гвоздика, ножа, ключа), употребляемых им или в силу необходимости или для облегчения действия, то в другое время при малейшей возможности обезьянчик предпочитал обходиться без орудий (например, когда ему при еде киселя предлагали на выбор есть из чашки ложечкой или через край чашки, он всегда предпочитал последнее), и человеческое дитя, как и шимпанзе, в тех случаях, когда оно может обойтись без орудия, предпочитает не пользоваться им, не желая осложнять себе работу. Это особенно заметно при употреблении ложки вилки. Руди был приучен к совершенному

[50] В возрасте 1 г. 1 м и позднее.
[51] 1 г. 1 м.
[52] 3 г. 10 м.
[53] 2 г., 2½ г.
[54] 1 г. 10 м.
[55] 1 г. 5 м.; 2 г. 1 м.
[56] 2 г. 5 м.; 4 г. 4 м.
[57] 4 г. 5 м.
[58] 2 г. 1 м.; 2 г. 4 м. 1 д.; 2 г. 11 м. 26 д.; 4 г.
[59] 4 г. 1 м.
[60] 3 г. 1 м.
[61] 4 г.
[62] 2 г. 6 м.
[63] 4 г.
[64] 2 г. 11 м.
[65] 2 г. 7 м.
[66] 2 г. 5 м ; 3 г. 3 м.
[67] 2 г. 1 м.; 4 г. 1 м.
[68] 3 г. 2 м.
[69] 2 г.—3 г.
[70] 2 г.—3 г.
[71] 2 г. 6 м.
[72] 1 г. 7 м.; 2 г. 11 м.

пользованию этими инструментами (в возрасте к 2½ годам), но он предпочитал брать пищу рукой всякий раз, когда не чувствовал за собой бдительного ока взрослых. В еще большей степени он был склонен к упрощению своих действий при пользовании гребенкой и носовым платком. Ему всегда было предпочтительнее вытирать нос в случае надобности тылом руки подобно Иони, нежели пользоваться для этой цели платком. Более скучные для него процедуры, как например самостоятельное чесание головы гребнем или чистка зубов щеткой, умывание мылом, дитя вообще было склонно игнорировать, так как совсем не интересовалось их конечным результатом.

Обращаясь к степени эффективности этих подражательных действий у Руди (согласно моим наблюдениям), следует отметить, что за исключением пилки ножовкой, за которую он взялся слишком рано (2 г. 1 м.) и пилить которой ему было совершенно не по силам, все остальные перечисленные действия выполнялись им вполне точно и достигали желаемого эффекта. С особым энтузиазмом осуществлял он просверливание коловоротом дырок (Табл. В.110, рис. 6) и отдирание клещами коры с березовых полен, когда при сравнительно легко производимых действиях вращения (в первом случае), зацепления и притягивания (во втором) скоро получались заметные реальные результаты. С большим трудом давалось дитяти употребление ножниц. Сначала (до 4 лет) Руди режет ножницами, беря их двумя руками, способом, обычным в садовническом обиходе при употреблении громадных садовых ножниц при срезке травы, и только после долгих опытов он научается резать ножницами, держа их в одной правой руке и тремя пальцами (Табл. В.110, рис. 2).

Обращаясь в хронологическом порядке к последовательному воспроизведению человеческим ребенком различных действий, связанных с употреблением орудий, мы замечаем определенное прогрессирование их выполнения.

Руди (в возрасте 1 г. 1 м.) берет в ручку молоток, но когда пытается стучать им по стоячему гвоздику, нередко попадает мимо и еще не умеет забить гвоздь (Табл. В.111, рис. 1). Позднее, когда Руди было 1 г. 6 м., 2 г. 1 м. (Табл. В.111, рис.3), 2 г. 5 м., мы застаем его, как он пытается работать молотком, стараясь прибивать гвоздики то в скамеечку, то в деревянные колесики у вагончиков, но хотя он и точно направляет удары молотка, но забить еще не может: результативность действия зависит от сопротивляемости материала, в который забивается гвоздь, а этот материал недостаточно пластичен (Табл. В.111, рис. 4).

При пластичном материале плодотворность работы обеспечена, и в возрасте 2 г. 4 м. 2 д. дитя длительно занимается тем, что вбивает десятки гвоздиков в деревянный брусочек. В возрасте 2 г. 11 м. 24 д. Руди говорит: «Буду работать» и колотит молотком, отбивая лед на дорожке, потом через некоторое время он садится отдыхать, говоря: «Ох, работал, устал!», потом опять принимается за работу (выше на стр. 275 [208] уже приводилось описание настойчивого прибивания молотком гвоздиков при изготовлении мальчиком флажков и огорчения, сопровождавшего неудачное выполнение этого акта).

Руди в возрасте 4 л. 7 м. уже совершенно уверенно координирует движение обеих ручек, придерживая забиваемый предмет левой рукой (Табл. В.111, рис. 6), забивая молотком, держащимся в правой руке, например при заколачивании в землю проволочных ворот крокета — или при замащивании камнями земли (Табл. В.106, рис. 1).

Пятилетний Руди осуществляет действие молотком настолько осмысленно, что там, где например он не может просто вбить гвоздь, он делает дополнительное облегчение — берет шило и, стуча молотком по шилу, предварительно прокалывает им дырку, тем самым облегчая себе вбивание позднее вставленного в дырку гвоздя (Табл. В.111, рис. 5).

Дитя в возрасте 1 г. 10 м. уже пытается употреблять детскую лопаточку (Табл. В.101, рис. 5), используя ее например для накладывания снега, но он порой еще не соразмеряет своих сил и, желая действовать, берет громадную лопату, не будучи в состоянии ее поднять, беспомощно и непродуктивно возит ее по земле, не достигая цели.

Аналогичное неучитывание своих сил я заметила у ребенка и при употреблении лейки. 2½-летний Руди, уже умевший пользоваться маленькой леечкой, тем не менее зачастую хватался за огромную ведерную лейку и пытался поливать ею, хотя едва мог приподнять ее от земли (Табл. В.101, рис. 4, 1).

Порой дитя (в возрасте 1—2½ лет) еще совсем не умеет владеть орудием, тем не менее имитирует его употребление, как то наблюдалось мной у сына при первом использовании им карандаша (1 г. 1 м.), молотка

(1 г. 1 м.; 2 г. 1 м.), клещей и шила (2 г. 5 м. 5 д.), пилы (2 г. 4 м. 1 д.), ключа (1 г. 7 м. 10 д.). Порой ребенок только «делает» вид, что пишет, забивает, отпирает и т. п., хотя и не выполняет этих действий фактически. Так например Руди (в возрасте 2 л. 5 м.), повозив маленькую девочку в игрушечном авто (Табл. B.71, рис. 5), от времени до времени останавливается, нагибается к колесам авто и подколачивает молотком мнимо неисправное колесо (Табл. B.77, рис. 6). Какое неисчерпаемое удовольствие доставляла ему дрезина с запасным ящиком, куда он складывал разные инструменты, которыми работал около дрезины. Зачастую, поездив на этой дрезине, он останавливался, вынимал инструменты и пытался поправлять что-то у колеса (Табл. B.77, рис. 5), и хотя езда была настоящая, а работа зачастую лишь мнимая и излишняя, тем не менее последнее развлечение не уступало по занимательности первому и воспроизводилось с большим рвением.

«Пилить лявотьку», — говорит Руди (2 г. 4 м. 1 д.) и, взяв ножовку, производит движения пиления края лавки (Табл. B.110, рис. 1). Руди (2 г. 5 м. 5 д.) видит, как взрослый в его присутствии поправляет игрушечный поезд; сам он, взяв клещи и шило, тычет ими, прижимает то к одному, то к другому месту вагона, что-то делая совершенно неосмысленно, имитируя чисто внешнюю сторону дела. В другой раз он (2 г. 11 м. 26 д.) делает вид, что отпирает ключом дверь, хотя сам умеет лишь вставлять и вынимать ключ и еще не осуществляет поворота. Но дитя человека скоро не удовлетворяется мало эффективным подражанием, его огорчает до слез, когда он не может по-настоящему пилить пилой, он бурно радуется, когда отпиливает; когда однажды мой Руди (2 г. 11 м. 26 д.), самостоятельно отпилил кусочек дерева, то прибежал ко мне из другой комнаты и, показывая отпиленный кусок, громогласно на всю комнату воскликнул: «Мама, и эту отпилил!»

Употребление ребенком орудия как средства нападения, защиты и обороны относится к очень раннему его возрасту, и, разумеется, дитя человека во много раз превосходит шимпанзе как по многообразию выбора орудий действия, так и по многообразию форм их использования, отражающегося естественно и на эффективности самих действий.

Как уже было упомянуто, Иони, боясь войти в соприкосновение с пугающим его объектом, обычно брал тряпку и намахивался ею или хватал различные попавшиеся под руку предметы и резко бросал их по направлению к неприязненному объекту[73] . То же в подобных ситуациях делал еще в возрасте 11 месяцев и Руди, но позднее он изощрял ти орудия нападения, подражая взрослому.

В возрасте 1 г. 5 м. 18 д. Руди, бегая за кем-либо, любил намахиваться прутиком, ударять им, играя в лошадки, крича: «Нё, полехаля» (но, поехала). Дитя любит подгонять палкой (1 г. 10 м. 4 д.) вертящийся волчок, когда тот перестает крутиться.

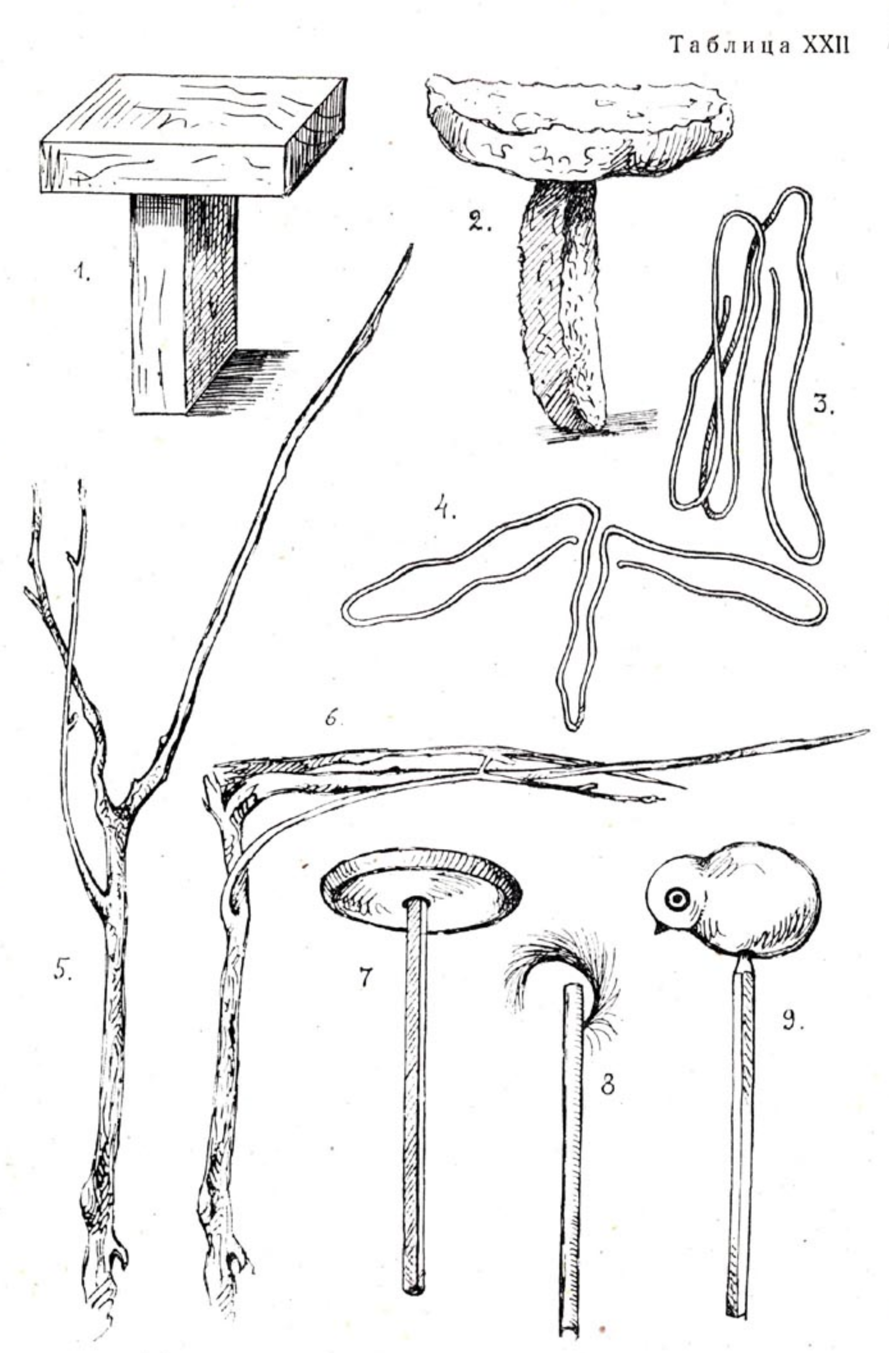
Однажды он (2 г. 4 м. 3 д.) даже бросил палку в воздух, где вились комары, говоря: «Пападу в камаров»; вооружившись палкой, камнем, мячом, дитя (2 г. 4 м. 23 д.) преследует и выгоняет из своего садика чужих кошек. В возрасте 2 лет, схватив длиннейшую палку, Руди бежит с ней, намахивается ей, ударяя по разным предметам, как бы упражняясь в ее использовании (подробнее об этом упомянуто мной еще в военных играх ребенка).

Подобно Иони Руди употребляет орудие, когда не хочет притти в непосредственное соприкосновение с объектом, боясь его, или брезгуя им или не будучи в состоянии достать желаемый объект своими собственными руками. Например Руди (9 м. 2 д.), взяв в руки ложку или какой-нибудь другой предмет, сбивает им стоячие игрушечки, валя их на землю. Взяв палку, дитя (2 г. 1 м. 11 д.) извлекает из-под мебели разные закатившиеся туда вещи; взяв в руки кустик полыни, Руди (2 г. 4 м. 2 д.) дотрагивается до мохнатой гусеницы, которой боится коснуться своим пальчиком.

[73] Аналогичное действие я видела у злобящегося павиана, который в случае его раздражения хватал находившийся в клетке чурбан и бросал в обидчика.

Конструктивные игры ребенка

Таблица 4.10. Образцы конструкции ребенком (1½ — 2 лет) подобия аэроплана



Образцы конструкции ребенком (1½–2 лет) подобия аэроплана

Рис. 1. Руди (1 г. 8 м. 14 д.), положив кирпичик горизонтальный на вертикальный, назвал сооружение «гх» (аэроплан).
Рис. 2. Руди (1 г. 9 м. 5 д.), положив сухарь горизонтальный на вертикальный, сказал «гх».
Рис. 3. Найденная мальчиком согнутая проволока.
Рис. 4. Разогнутая мальчиком (2 г. 2 м. 9 д.) проволочка названа им «ляпан» (аэроплан).

Рис. 5. Найденный мальчиком прутик (1 г. 11 м.).
Рис. 6. Перегнутый мальчиком (1 г. 11 м.), названный им «гх».
Рис. 7. Руди (1 г. 7 м. 10 д.) проткнул карандашом колесико пирамиды и назвал «гх».
Рис. 8. Руди (1 г. 8 м. 6 д.) насадил перышко на палочку и назвал «гх».
Рис. 9. Руди (1 г. 10 м. 11 д.) насадил деревянного цыпленка на карандаш и назвал «гх».

В чем человеческое дитя рано и безусловно превосходит шимпанзе, так это в репродуктивной, конструктивной деятельности, предотображающей его будущее назначение как преобразователя мира. Бурно прогрессивным темпом идет развитие его созидательных тенденций.

Если годовалое дитя только с большим трудом может целенаправленно переменить положение вещи, например ставя игрушечного деревянного зверька из лежачего положения в стоячее (Табл. В.112, рис. 1, 2, 3), то уже через полгода ребенок легко снизывает колесики деревянной пирамиды (Табл. В.113, рис. 2, 3), а через год те же колесики он уже накладывает одно на другое без оси, сооружая довольно высокую башенку (Табл. В.113, рис. 4, 5); дитя легко разбирает и собирает разборные кегли уже в возрасте 1 г. 11 м. (Табл. В.113, рис. 6). Но оно не довольствуется этим элементарным конструированием и рано обращается к подлинному творчеству.

Первый самостоятельный творческий акт Руди был посвящен репродукции аэроплана.

1. Взяв (в возрасте 1 г. 7 м. 10 д.) кружочек пирамиды и проткнув его карандашом (Табл. 4.10, рис. 7), дитя сказало: «Гх» — слово, которым оно обозначало аэроплан. Последующие конструирования аэроплана, приведенные мной в хронологическом порядке, были следующие (Табл. 4.10, рис. 1—9).

2. Руди прикладывает взаимноперпендикулярно две спички и называет «Гх» (в возрасте 1 г. 7 м. 13 д.).

3. Накладывает на палочку перо и называет: «Гх» (в возрасте 1 г. 8 м. 6 д.).

4. Переламывает под углом прутик (1 г. 8 м. 10 д.).

5. Кладет кирпич на кирпич (1 г. 8 м. 14 д.).

6. Сухарик на сухарик (1 г. 9 м. 5 д.).

7. Печенье на сухарь (1 г. 9 м. 9 д.).

8. Сажает деревянного цыпленочка на карандаш (1 г. 10 м. 22 д.).

9. Находит на земле прутик, сгибает его под прямым углом, поднимает руку кверху, говорит: «Гх» — Табл. В.114, рис. 1, 2—(1 г. 11 м.).

10. Берет в руки маленькую подушечку, поднимает ручки кверху, говорит: «Гх» (2 г. 0 м. 27 д.).

11. Находит проволочку, выгибает ее, говорит: «Ляпан» (2 г. 2 м. 9 д.).

12. На земле взаимно перпендикулярно Руди (2 г. 3 м.) кладет две длинные палки (Табл. В.114, рис. 3), называет: «Аляпан».

13. Выкладывает из брусков фигуру, называет: «Аляпан» — Табл. В.119, рис. 3—(2½—3½ лет).

14. Сближает на земле взаимноперпендикулярно два диванных валика, называет «Гх» — Табл. В.115, рис. 1, 2, 3—(3 г. 6 м.).

Соорудив этот последний аэроплан, Руди садится на него сам, приглашает сесть меня и игрушечного мишку (Табл. В.114, рис. 5), а потом, посидев на аэроплане несколько минут, он нарочно падает с аэроплана и опять садится на него, имитируя аэропланную аварию (Табл. В.115, рис. 3).

В возрасте 3 лет Руди сооружает аэростат, сажает туда солдатика или сам садится в круглую корзину, говорит: «В аэростате» (Табл. В.114, рис. 4).

В период времени от 2 до 4½ лет эта творческая деятельность так захватывает ребенка, что, кажется, нет того материала, из которого он ни пытался бы репродуцировать, нет тех установок, которые бы он ни стремился воспроизвести.

Как было уже отмечено, Руди 2 лет с большим интересом играл песком, воспроизводя при посредстве песочных формочек различные песочные фигурки, самостоятельно осуществляя и процесс накладывания песка, и уминания его в формы и выкладывания на плоскость «куличика» (Табл. В.86, рис. 4, 5, 6).

В возрасте 2 л. 1 м. Руди составляет из деревянных кирпичиков на аллейках садика на земле длиннейшую членистую извитую реечку и называет ее: «червяк» (Табл. В.116, рис. 1, 2, 3). В том же возрасте он осуществляет и другие сооружения (Табл. В.47, рис. 1): мостик из сближенных игрушечек — в возрасте 2 л. 3 м., колодец из палочек — в возрасте 2 л. 11 м.; лодку, которую воспроизводит вскоре после того, как сам катался на настоящей лодке, причем эту лодку, как показывает фото, он осуществляет разными то более, то менее сложными способами; порой, садясь на лодку, он (2 г. 3 м.) даже употребляет весла (Табл. В.117, рис. 1—4). Однажды Руди (2 г. 5 м. 11 д.) сделал своеобразную лодку; он сел на скамейку, погрузил ноги в ящик, взял в руки палки и стал раскачиваться, как бы гребя.

Многообразны были конструкции пароходов у моего мальчика. В возрасте 2 лет Руди ставит подряд цуг доступных для его перенесения объектов (Табл. В.117, рис. 5), как например игрушечный грузовичок, стульчик, скамеечку, каталочку, лейку, и т. д. и т. п., сам садится посредине, берет в руки палки (весла), — пароход готов. В возрасте 3 л. 11 м. он раскладывает по полу полуразорванные пакеты, располагая в ряд, говоря: «Пароход» (Табл. В.107, рис. 5).

В тот же период он уже пытается строить и дом, и зоологический сад (Табл. В.118, рис. 2, 3, 4) и телефон (Табл. В.102, рис. 3), причем даже на протяжении нескольких месяцев[74] замечается определенное прогрессирование[75] этих его построек.

Если до 2½ лет дитя, уставив один на другой или рядком серию вертикально или горизонтально поставленных кирпичиков, уже называет это сооружение домом (Табл. В.119, рис. 1,2), то в возрасте 3 лет дитя уже накладывает кирпичики взаимноперпендикулярно (Табл. В.119, рис. 3), окружая ими площадь, а позднее (3 л. 4 м.) оно уже концентрирует накладывание кирпичиков близ определенного пункта (Табл. В.119, рис. 4) или громоздит их один на другой (Табл. В.119, рис. 5), устраивая подобие башенки или ворот, а в 4 года и позже оно уже делает установки многоэтажных домов башенного типа (Табл. В.119, рис. 6).

Из сравнения этих рисунков (Табл. В.119, рис. 1—6), передающих сконструированные дитятей постройки, мы видим, как эволюционирует его творчество; мы убеждаемся, насколько в этом отношении превосходит человеческое дитя своего сверстника — шимпанзе.

Звукоподражание

Но быть может ни в одном виде деятельности, основанной на подражании, шимпанзе не уступает так сильно человеку, как в звукоподражании.

Мы уже отмечали, что шимпанзе не только не хочет по своей инициативе воспроизвести членораздельную речь человека, но не может этого сделать и после специальной упорной, настойчивой тренировки. Наоборот, неукротима, властна, непреоборима эта склонность человеческого дитяти к звукоподражанию, и этим он резко и выгодно разнится от своего черномазого сверстника — шимпанзе.

Язык, слово, речь прежде всего и больше всего делают человека человеком.

Уже беглое поверхностное прослеживание развития языка младенца человека вскрывает нам, в каком пункте дает трещину мост, связующий дитя шимпанзе и дитя человека, и как рано дитя начинает обнаруживать склонность к звукоподражанию. У своего 3-месячного Руди я уже замечала, как он начинал издавать тонкие приятные певучие звуки всякий раз, как я пела тоненьким голосом. 4-месячный Руди однажды в ответ на мой смех также издал подобие звучного смеха; в это время дитя в подражание взрослому уже умеет «играть на губах», издавая всем известные глухотрещащие звуки.

Десятимесячное дитя зачастую начинает издавать мнимый поверхностный, искусственный кашель, слыша настоящий кашель взрослых.

[74] Тем более на протяжении года.
[75] Конечно разумеется улучшение при отсутствии руководящего и наводящего воздействия взрослого человека.

Стоило мне в присутствии 11-месячного Руди произвести певучее «а-а», и как эхо дитя откликалось в тон мне и многократно воспроизводило тот же звук.

Я проверила, как мой 10-месячный Руди мог непосредственно за мной произносить некоторые слова: «да», «дядя», «баба».

У меня запротоколированы при наблюдении Руди (в возрасте от 1 г. 5 м. до 3 лет) следующие более или менее точные звукоподражания, воспроизводимые им самопроизвольно и непосредственно за взрослыми. Например подражание храпу сонного человека воспроизведено Руди в возрасте 1 г. 5 м. 27 д., сморканью — в возрасте 1 г. 8 м. 1 д., чиханью — 1 г. 0 м. 10 д., кашлю — 1 г. 9 м. 5 д., сопенью и фырканью сонного человека 1 г. 9 м. 15 д., звучному хохоту взрослых — 3 г. 0 м. 17 д., нечленораздельному понуканью извозчичьей лошади — 2 г. 0 м. 7 д., разговору взрослых (подражание громкими возгласами) — 1 г. 7 м., крику плачущего ребенка — 2 г. 2 м. 2 д., пению красноармейцев (подражание криком) — 1 г. 5 м. 25 д., подражание пению взрослых (то в высоком, то в низком тонах) — 1 г. 10 м. 7 д., подражание пению взрослых (без улавливания мотива) — 1 г. 2 м. 15 д.; 2 г. 9 м. 18 д.; 3 г. 0 м. 29 д..

Дитя пытается также подражать крикам некоторых животных и звукам, издаваемым неодушевленными предметами. Руди имитирует карканье ворона, говоря «кар-кар» в возрасте 1 г. 6 м. 4 д., визг и писк морских свинок — 1 г. 6 м. 4 д., лай собак («хав-хав») — 3 г. 0 м., звук пропеллера аэроплана («гх») — 1 г. 5 м. 7 д., тиканье часов («тык-тык-тык») — 1 г. 5 м. 16 д., треск металлической цепочки при поднимании гири часов («дррръ») —1 г. 6 м. 22 д., звук скрипящей двери — 1 г. 7 м. 23 д., трещание при движении рулона занавеси («дрррръ») 1 г. 6 м. 11 д., звук трубы (протяжным голосовым звуком) — 2 г. 0 м. 18 д..

У Руди (в возрасте 1 г. 6 м. 13 д.) мной отмечены улавливание и воспроизведение интонации; вслед за мной он репродуцирует напевные слова «бай-бай» забаюкивающим тоном. Речь, оттененная интонацией, замечена у него в возрасте 1 г. 9 м. 4 д.. Само дитя рано понимает интонацию. Уже отмечалось, как Руди обидчиво расплакался, когда отец сделал ему 2 г. 1 м. 5 д. холодным тоном подобие выговора.

В возрасте 10 месяцев Руди стал меня хлопать ручкой по лицу, ему сказали строгим голосом: «разве так можно?» И малыш сейчас же скосил бровки, отвернул нижнюю губку, сузил глазки, захныкал, чуть не заплакал. Позднее Руди (1 г. 1 м. 12 д.) при повышении тона голоса, тем более при окрике, плакал чуть не навзрыд.

Известно, что 3-летнее дитя охотно тянет за взрослым песенку, но его слух (в большинстве случаев) еще мало развит и не улавливает мелодию; тем не менее дети, собравшись вместе, охотно поют, ничуть не страдая от того, что тянут «кто в лес, кто по дрова».

Как скоро дитя усваивает простенькие мелодии, оно и само охотно поет, нередко сопровождая этим пением молчаливые процедуры одевания и раздевания и тем самым оживляя их. За исключением модулированного оформленного уханья я никогда не слышала у Иони подобия пения, хотя бы в форме длительного протяжения звуков.

Уже упоминалось, как Руди пытался подражать человеческому чтению; возьмет в ручки книгу или газету (1 г. 6 м. —2 г. 7 м.) и, широко широко раскрыв ротик, произносит ряд нечленораздельных звуков или лепечет разные слова: «Пра-катя-катям» (табл.104, рис. 4) или позднее возьмет в руки календарный листочек и бормочет часто-часто разные слова: «дядя, мама, Коля, Боря, Поля» и т. п. Проходя по улице, видя афиши, Руди нередко останавливается перед ними, как будто он читает их (1 г. 4 м. 27 д.), произнося: «бу-дя̀, бу-дя̀» (его обозначение чтения).

В возрасте 1 г. 4 м. 9 д. Руди из подражания легко продуцирует знакомые слова. На предложение: покричи «папа», «мама», «баба», «няня» — он с энтузиазмом выкрикивает, что есть силы, соответствующее слово.

Менее знакомые слова Руди (1 г. 5 м. 22 д.) порой еще не может точно воспроизвести. Например я слышу, что он в течение 2 дней все старается воспроизвести слово «Катя», и говорю, желая его поупражнять: «скажи: Катя», — он воспроизводит: «тетя», «тека», «тятя», «Катя», «тяка».

Или например я кричу: «Аля!» — он (1 г. 5 м. 24 д.) по своей инициативе воспроизводит непосредственно вслед за мной: «Ало», а потом: «Ава». В возрасте 1 г. 8 м. 14 д. Руди уже точно воспроизводит некоторые слова из подражания, например: «Коля, Боря, баба, Надя».

Но конечно это не значит еще, что с этого же времени дитя будет репродуцировать правильно все слова, — гораздо позднее мы еще встретим у него извращенные словесные имитации.

Руди (в возрасте 1 г. 10 м. 26 д.) нередко стремится немедленно произносить слова вслед за взрослыми, но еще сильно коверкает их.

Мне удалось однажды в один и тот же день отметить следующие извращения самопроизвольно имитируемых мальчиком слов:

фартук — тàри
второй — тарèр
третий — трèти
пятый — пàтый
калоша — калèка
печка — пèти
назад — надàд

Несмотря на извращение слов и замену согласных характерно правильное сохранение ударений.

Стремление к репродукции сказанного взрослыми с возрастом дитяти становится все более и более значительным; в возрасте 2 г. 3 м. 25 д. Руди по своей инициативе репродуцирует уже целые фразы. Я говорю: «Лена, принеси ветчинку» — мальчик немедленно повторяет то же.

Гуляя по садику, вслед за няней Руди (2 г. 2 м. 22 д.) повторяет чуть ли ни каждую сказанную фразу: например «пелестий цитòтек; заметя̀тельний циток; Гàшенька, акѝть калѝтку» (прелестный цветок; замечательный цветок; Агашенька, открыть калитку).

В возрасте 2 г. 6 м. 24 д. он повторяет полностью или частично почти каждую сказанную при нем его близкими фразу, порой совершенно не будучи в состоянии уловить подлинного ее смысла. Однажды мальчик при мне толкает ногой футбольный мяч; подошедший отец говорит: «Зачем ты это ему позволяешь, ведь Семашко (наркомздрав) находит, что это вредно».

Через некоторое время мальчик, забывая запрет, хочет катить мяч, но вдруг спохватывается и оговаривает себя: «Семасько не велел».

Когда дитяти воспроизводят стихи, он жадно их слушает и настойчиво просит повторения, — так они ему нравятся. Однажды Руди (в возрасте 2 г. 4 м. 13 д.) заставляет меня до 14 раз подряд читать одни и те же стишки:

Белка песенки поет
да орешки все грызет,
а орешки не простые —
все скорлупки золотые,
ядра — чистый изумруд,

причем последние две строфы он сам говорит наизусть. Овладев несколькими рифмованными строфами, нередко дитя по ассоциации, но уместно, впопад применяет их в речи. Однажды при нем упал чужой мальчик; взрослые ему сказали: «Это не беда». Руди (2 г. 4 м. 22 д.) добавляет: «Товарищу на помощь готовы мы всегда» (раньше читали подобный стишок в книге). Стихи так занимают Руди, что он (в возрасте 2 г. 3 м. 6 д.), даже засыпая в кроватке, лепечет стишки, до тех пор пока не заснет; в возрасте 2 г. 4 м. 8 д. Руди овладевает длинными стихами (например может прочесть наизусть всю книгу Мирович, «Наша улица»).

Конечно дитя еще сильно искажает слова, получается милое картавое детское чтение, которое всех нас так умиляет и которое все мы, взрослые, так любим. У Руди особенно забавно звучали следующие стишки (2 г. 4 м. 15 д.):

Усь кондуктор дал занок,
Сел Ванюська в уголёк,
Зял билет, в око глидит, —

А тавай бизит-зуззит[76]

В возрасте 2 г. 6 м. 3 д., искажая слова, Руди воспроизводит наизусть стихи из 23 строф. В возрасте 2 г. 7 м. 7 д. Руди читает наизусть всю книгу «Железная дорога» Дурова (изд. Мириманова). В возрасте 2 г. 9 м. 17 д. дитя декламирует наизусть и с интонацией всю книгу «Телефон» (Маршака), искажая лишь некоторые строки.

Характерно, что если при чтении мальчику знакомых ему стишков нарочно видоизменишь их, пропустишь, вставишь, заменишь слова, — он (3 г. 0 м. 2 д.) немедленно замечает неправильность и поправляет текстуально даже давно читанные книжки. Если рифма сохраняется, он лишь улыбается, при очень грубом рифмонарушении дитя энергично хохочет. Оно не пропускает даже тончайших неточностей. Например, читая ему книжечку «Игры и забавы»[77] , я говорю вместо:

Ваня — Вася
Маша — Глаша
флот — плот
игрушку — вертушку
капустку — капусту
быстрее — скорее,

дитя немедленно призывает меня к порядку и само выправляет текст, хотя эту книгу даже не знает наизусть.

Уже приводилось, как Руди (2 г. 7 м. 25 д.) стремится к запоминанию наизусть прозы и просит меня читать много раз подряд книгу «Слон Вамбо», говоря: «Хочу выучить»; он даже пытается воспроизводить три строки этой прозы, но конечно в это время овладеть ему ей еще не так легко, он не преуспевает в этом и плачет. Руди (2 г. 8 м. 10 д.) пытается даже пересказывать словами рифмованную книжечку «Пожар кошкиного дома». Своими словами он передает содержание надписей к книгам о животных, причем рассказ сопровождает выразительными жестами.

Рассказывая про ежика, как он нашел червяка и съел его, Руди, говоря: «Хап — и скушал», как бы хватает ручками что-то, открывает рот и как бы сует в рот червяка.

Уже упоминалось (на стр. 365 [264]), как Руди развлекается рифмованными им самим нечленораздельными звуками (в возрасте 3 г. 3 м. 22 д.); в тот же день я слышала, как он самостоятельно сконструировал такое рифмование: «Тапочки-тапочки—летели куропаточки».

Звук — это самый первый и мощный способ самопроявления дитяти при вступлении его в жизнь.

С громким плачем рождается дитя и нередко долго кричит в первые часы своей новой жизни.

Эволюция звукового языка Руди от рождения до 1-го года жизни

Многозвучен уже этот первый плач ребенка, и у Руди в первый час его жизни этот плач был переливчатый, включающий больше гласных («а», «э», «я») и меньше согласных (из согласных я заметила настойчивое возвращение «в», из гласных «а»). У 5-дневного Руди я могла слышать меняющийся плач, ревущий, стонущий, взвизгивающий, включающий гласные «у», «а», «э», «я», согласные «м», «в», «р»[78] .

У 1—2-месячного Руди уже замечаются певучие звуки, издаваемые после насыщения, тянущиеся на гласную «а».

В это время легко отличить раздраженный, требовательный однотонный крякающий плач проголодавшегося дитяти, немедленно прекращающийся после его насыщения; у насытившегося ребенка (1 м. 1 д.) ино-

[76] Уж кондуктор дал звонок,
Сел Ванюшка в уголок,
Взял билет, в окно глядит —
А трамвай бежит-жужжит.
[77] Изд. «Культура», Киев.
[78] В течение первой недели жизни Руди я замечала у него еще глухой звук шевеления губами, глотания, сопящий звук при сосании, икоту, чмокание, покрякивание, храпение.

гда уже слышно: «аги», двузвучное «а-а», к которому (1 м. 14 д.) часто присоединяются звуки «г» и «р», позднее Руди издавал «ма» (1 м. 17 д.), трехзвучное «а-а-а» (1 м. 27 д.), «б», «гх», «эгу», «эхг», «эай», «гхэ», «эху», «эхэ» (2 м. 3 д.) — так называемые гулящие звуки: «гли», «гай», «аги», «кх», длительное «м», «эо», «бау», «ки», «игы», «гх» глухое «ш» (3 м. 2 д.), звучное «ай» (3 м. 4 д.), «уиэ», «г-а-а-а-а», «г-э-э-э-э», «х-у-а-а-а», «м-а-а-а», «мям», «ги-гау», «эу-муе», «мэу» (3 м. 9 д.).

Каждый новый день дает новое обогащение звуками, упражнения в них становятся у барахтающегося дитяти самодовлеющим развлечением. Позднее в протоколах моих записей (в возрасте от 3 м. 10 д. до 1 г. 1 м. 9 д.) последовательно занесены следующие особенно настойчиво произносимые Руди в течение дня или вновь появляющиеся звуки (двузвучные, трехзвучные и наконец четырехзвучные):

«буэ», «гэ», «ээ», «ги», «эээ», «эа», «эй», «га-а»	3 м. 10 д.
«гау», «гль», «гль», «гль», «кль», «кль-кль»	3 м. 13 д.
«бу-бу-бу», «ги», «гли», «гы», «ка-ля», «ка-ля», «ка-ля»	3 м. 21 д.
«гха»	3 м. 22 д.
«а-а-а», «ма»	3 м. 27 д.
«м-м-м-а», «гай», «мм-э»	4 м. 6 д.
«ги», «эу-м-нь-нь-эй», «гэй», «гль-ы», «гль-ым»	4 м. 21 д.
«эу-э», «уай», «э-э-э-у», «нм», «м-кх», «ммм», «ммай», «гкх»	4 м. 29 д.
«бю-бю-бю-и-аа-х»	4 м. 30 д.
«па»	7 м. 10 д.
«пу-бу»	7 м. 26 д.
«ба-эба-эбэ-эбю-эбя-бе-бя», «ама», «дя-эхе»	8 м. 19 д.
«бава-ма-м-м-м»	8 м. 20 д.
«эба», «ба-аба-ма-ма»	8 м. 21 д.
«ба-ба-ба-бе-бе-бе-ва-бя-ба-ма-ма-м»	8 м. 22 д.
«баба», «абаба», «бяма», «эбаб», «беба», «мя-мя»	8 м. 23 д.
«а-баба», «ба-ба»	8 м. 24 д.
«ма-ма-га-баба»	9 м.
« га-ге-га-ка-гака-кх»	9 м. 1 д.
«баба», «кага»	9 м. 3 д.
«га-ка-гага-аба-абаба-па»	9 м. 7 д.
«ба-па-апу-пу»	9 м. 8 д.
«кь», «кьхь» 9 м. 10 д.	9 м. 11 д.
«аба» (упорно)	9 м. 13 д.
«дь-дэ», «адя», «даба», «дяба», «баба», «дай», «дэдя», «дэ», «бу»	9 м. 17 д.
«дэдя», «абя», «эдэ», «дэ»	9 м. 23 д.
«мапа», «дэдя»	9 м. 24 д.
«дэдя», «тедя», «детя», «дятя» «дядя», «дядя», «адя», «баба»	10 м. 5 д.
«татета», «баба», «дай», «дэдя»	10 м. 6 д.
«дедя», «та-та-та»	10 м. 8 д.
«бу-та-та», «да-те-те», «дя-та-та», «папа»	10 м. 10 д.

«бапа», «баба», «тата», «да-дата», «да», «тата-та», «папа», «птфу»	10 м. 11 д.
«натя-бр»	10 м. 15 д.
«бю», «да», «дядя», «адя», «баба», «хи», «ки», «кхи», «кьхь»	11 м. 7 д.
«маба», «аба», «бу»	11 м. 16 д.
«гаге», «бу-бр»	11 м. 16 д.
«буа»	1 г. 0 м. 5 д.
«ке-ге»	1 г. 1 м. 2 д.
«для», «гля», «дль-гль»	1 г. 1 м. 8 д.
«ммама», «ппаппа»	1 г. 1 м. 9 д.

У дитяти в возрасте 1 г. 1 м. 5 д. слово уже есть название предмета, и оно легко ассоциирует его с соответствующими вещами, например Руди дает мне из группы 5 своих разных игрушек ту, которую я назову: гремушку, пионера, шимпанзе, барашка, арапчика, никогда не ошибаясь в подаче того или другого.

Как скоро дитя овладевает словами, оно начинает их правильно применять. В возрасте 1 г. 2 м. 20 д. Руди уже определенно называет сочленов семьи и домашних животных, на вопрос: «кто это?» при указывании на того или иного члена семьи отвечает правильно: «Мама, папа, дядя, кор (ворон), кьхь» (кочпка). В возрасте 1 г. 3 м. 8 д. Руди по своей инициативе называет правильно папу, дядю, реже няню, увидев бабушку называет: «баба», меня—«мама». В возрасте 1 г. 4 м. 26 д. Руди упражняется в воспроизведении знакомых *слов*, как ранее упражнялся в воспроизведении отдельных *звуков и слогов*, — например он говорит подряд и по нескольку раз: «мама», «няня», «дядя», «Гага», и т. д. и т. п.

Мальчик (в возрасте 1 г. 5 м. 26 д.) понимает многие фразы и отвечает на них единичными словами.

На вопрос, где ты был, Руди отвечает: «Буа» (гулял). «С кем ты ходил?» — «Мама». «Что видел?» — «Гага» (тетя в его обозначении), «динь-динь» (трамвай). В возрасте 1 г. 7 м. 6 д. Руди уже употребляет словесное утверждение, говоря «да»; в возрасте 1 г. 10 м. 5 д. он употребляет отрицание «нет», которое сначала звучит у него как «эть» (до того отрицательное «нет» он выражал условным знаком «бя», которым он также называл нехорошую, неприятную еду, или трезвучием «а-а-а», произносимым с особой интонацией, выражающей несогласие). Позднее дитя уже отчетливо говорит «нет» (при его отрицательной реакции) и, как мы упоминали, многократно повторяет: «неть-неть-неть» при особенно настойчивом протесте, например при его выслушивании доктором (1 г. 10 м. 16 д.).

Условный язык жестов и звуков

Подобно тому как это имело место у Иони, первоначальный язык младенца человека — наглядный язык мимики .и жестов. Хочет 9-месячное дитя итти на руки к матери, —оно вытягивает к ней обе ручки, плачет и, не спуская глаз, фиксирует мать глазами, красноречиво, недвусмысленно выражая свое желание. Хочет 9-месячное дитя переменить свое положение из лежачего в сидячее, — оно вытягивает вперед ручки, выгибает спинку, выпячивает животик, делает руками трясущие движения. Если ребенку захочется взять в руки какой-либо предмет, он тянет по направлению к нему ручки, склоняет в этом направлении тельце и головку, нередко (уже в возрасте 11 месяцев) отделяет указательный пальчик, показывая на вожделенный предмет (Табл. В.97, рис. 1), и при этом еще напряженно кряхтит, покраснев личиком, открыв рот, резко оттопырив губки, издавая тягучий, настойчивый звук «э-э»; при усилении просьбы он делает дрожащие нетерпеливые движения головкой. При невыполнении требования ребенок топочет ножками, усиливает свой тягучий звук и плачет; словесные выражения тех же желаний дитяти наступают значительно позже. Наоборот, при отвергании предмета ребенок делает ударяющий, отстраняющий жест рукой (7 мес); не желая дать предмет, дитя повертывается спиной к просящему (1 г. 4 м. 21 д.). Руди только в возрасте 1 г. 5 м. 10 д. выражает настойчивую просьбу словом «да» (дай), в возрасте 2 г. 3 м. 7 д. — словом «да-дай» (дай же).

При отвергании неприятной еды и после насыщения я замечала, как дитя (1 г. 1 м. 27 д.) отвертывает лицо, отстраняет рукой пищу, трясет головой (2 г. 5 м. 21 д.), закрывает ладонями личико, как бы не желая и смотреть на неприятную еду, а захватив ее в рот порой подобно Иони и Руди (1 г. 0 м. 10 д.) вываливает

ее изо рта назад. Просьба пить у Руди (1 г. 6 м. 15 д.) выражалась пристальным смотрением на чашку и прикладыванием своей ладони ко рту или похлопыванием по рту рукой[79] .

Требование дать понюхать что-либо Руди (1 г. 9 м. 3 д.) выражал путем прикладывания ручки к носу и издавания носом вдыхающего звука.

Желая обратить на себя внимание взрослого, дитя (9 мес. и до 1½ лет) дергает его за платье, смотря широко раскрытыми глазками, а в одном случае Руди (2 г. 2 м. 2 д.), желая, чтобы я им занялась, в то время как я оживленно разговаривала с другим человеком, даже взял меня ручками за лицо и повернул мое лицо в свою сторону.

Уже упоминалось о том, как рано дитя начинает указывать глазками местонахождение различных предметов и лиц. Позднее появляется при аналогичных вопросах указывание пальчиком и ручкой (у Руди 10 м.).

Ручкой дитя показывает на дверь, желая выйти из комнаты (1 г. 0 м. 6 д.); отделяя указательный пальчик (1 г. 2 м.), указывает направление пути, по которому хочет итти (табл. 97, рис. 3), и все, на что обращен его интерес и к чему он хочет привлечь внимание окружающих (табл. 97, рис. 1, 2, 3, 4, 6). Между прочим Руди (в возрасте 2 г. 2 м. 25 д.) еще не умел смотреть вдаль в направлении, указанном пальцем, но если в том же направлении ему бросали камешек, то дитя, как бы получив наглядный путь следования взора, правильно направляет туда взгляд. Когда дитя ищет помощи от взрослого, оно зачастую притягивает его к себе за платье и указывает пальчиком, что хочет иметь. Таким образом Руди (1 г. 6 м. 1 д.) побуждал меня к доставанию закатившегося под кровать мячика.

Порой дитя выполняет сложные поручения, прибегая к этой наглядной жестикуляции. Однажды Руди (1 г. 6 м. 19 д.) предложили: «скажи бабушке чтобы она села на стул»; малыш подошел к бабушке, потянул ее за платье и указал пальчиком на стул. Употребление жестов остается у дитяти надолго и имеет место не только при обычном разговоре, но и при чтении им особенно выразительных стихов.

Уже рано у дитяти выразительные условные жесты начинают сопровождаться соответствующими звуками; 6-месячное дитя, протягивая к зеркалу ручку, издает несколько тягучий, зовущий, мычаще-кряхтящий звук «м». Часто при плаче оно издает звук: «ма» (как будто зовет мать), ворчащий звук «м» — при запрещении дотрагиваться до непозволенной вещи (7 м. 9 д.).

Я часто слышала у Руди (8 м. 2 д.) при показывании ему новой ве ни звук «а-а-а», сопровождавшийся усиленным вздохом. Этот дыханный звук удивления вроде тонированного восклицания «а-а-а» у Руди вырвался однажды при виде вымытого (темного против обычного) пола его комнаты и при виде необычного зрелища сидящей на лошади куклы. Уже упоминались учащенные захлебывающиеся вздохи мальчика (1 г. 2 м. 12 д.) при посещении им музея, при разглядывании новых необычных вещей (1 г. 0 м. 3 д.).

Схватывая какую-нибудь вожделенную вещь, дитя до года издает мычаще-ворчащий звук; аналогичный звук я замечала у Руди (2 г. 6 м. 9 д.), когда он кушал особо нравящиеся ему лакомства.

Своевременно отмечались пронзительные крики протеста дитяти (1 г. 8 м. 19 д.), которому отказывают в каком-либо желании, и взвизгивающие звуки радости при осуществлении им (1 г. 9 м. 5 д.) желания (например при разрушении построенного домика).

Теплое, горячее Руди обозначал словом «хх» (звукоподражание пару и шипению); «кьхь» — дитя (9 м. 10 д.) называло ватку, напоминающую ему по мягкости шерсть кошки, которую оно также называло «кьхь».

Ловя вещи, 6-месячный Руди издавал обычно кряхтящий звук, при этом он, растопыривая руки, делал ими дрожащие движения.

---

[79] Только в возрасте 2 г. 0 м. 27 д. Руди выразит свое желание словесно: «Людуле попить» (Рудуле попить).

Глава 5. Память и привычки дитяти (Условно-рефлекторные акты)

Обращаемся к условным рефлексам человеческого ребенка.

После одного раза у дитяти прочно устанавливаются зрительно-боле-двигательные рефлексы. Однажды я показала 9-месячному Руди колючий волосатый ершик. Дитя, быстро схватив его ручками, укололось. Через неделю, когда я поднесла тот же ершик (Табл. В.86, рис. 3), ребенок уже не тянулся к нему сразу, а вначале посмотрел пристально, потом настороженно протянул к нему ручку и слегка прикоснулся к металлическому стержню, а не к щетине; наоборот, когда вслед затем я поднесла ему свою гладкую голубую блестящую металлическую ручку (также знакомую ребенку из прежнего опыта), он немедленно крепко схватил ее рукой и потащил в ротик. Однажды 8-месячный Руди, играя колечками деревянной пирамиды, больно ударил себя ими по лобику и расплакался; на повторное предложение ему тех же игрушек дитя решительно отворачивалось от них, когда их приближали, и только 1½ часа спустя (после 4-кратного предложения их) малыш решился взять их в руки.

Однажды Руди (2 г. 9 м. 17 д.) обжегся чаем, вслед затем несколько дней подряд при подаче чая он неизменно начинал кричать: «горячё» и плакал, не желая и отведать, пока его не убедили попробовать чай. Видит Руди (1 г. 4 м. 22 д.) испачканный иодом палец, говорит «бо» (болит), так как ранее связал с видом иода порез пальца.

Одиннадцатимесячного Руди (как и Иони) обычно перед выносом в другую комнату закрывали одеялом, и вот всякий раз, как его накрывали, он радостно бился в руках, так как по опыту знал, что за этим воспоследует вынос в новую, развлекающую его обстановку.

Быстрое и прочное установление у человеческого ребенка другого типа условных рефлексов — слуховых и зрительно-двигательных — содействует тому, что у дитяти задолго до появления речи устанавливается со взрослыми взаимное понимание. Как и у Иони, у младенца человека этот условно-рефлекторный язык — вначале язык механический, стереотипный, мало пластичный, но все же при большом накоплении и многообразии связей служащий средством общения с окружающими и содействующий психическому развитию ребенка.

Уже 7-месячный Руди реагирует на произношение своего имени поворачиванием головки в сторону зова.

Неисчислимы у дитяти самопроизвольно установившиеся рефлексы слухо-двигательно-зрительного типа. Приведу хотя бы некоторые из них.

Слухо-двигательные условные рефлексы. Семимесячный Руди на предложение «возьми подушечку» берет подушечку. На предложение показать, как мышки скребут, дитя (3 мес.) царапает пальчиками по твердому субстрату. На предложение: «пожалей!» Руди (1 г. 2 м. 1 д.) гладит ручкой по лицу. «Ладушки» — Руди хлопает в ладошки. «Дай ручку» — дает руку. «Принеси, отнеси, подойди, подними, дай, помой ручки, ножки» (в возрасте 1 г. 6 м. 23 д.) — все выполняет, и т. д. и т. п. Годовалое дитя при слове «нельзя» прекращает действие и плачет, явно усваивая смысл запрещения. На вопросы, как Руди плачет, смеется, — дитя (1 г. 4 м. 27 д.) в первом случае делает плаксивую, а во втором — радостную рожицу.

Слухо-звуковые условные рефлексы. На вопрос: «как Руди кричит, поет?» — дитя (1 г. 4 м. 27 д.) кричит и тянет голоском протяжный звук.

На вопрос, как тетя плачет? — Руди делает подобие всхлипывания. «Как ты собачку зовешь?» — Руди (1 г. 3 м. 3 д.) делает чмокающий звук губами. «Как звонок звонит?» — Руди (1 г. 3 м. 20 д.) лепечет: «д-р-р-р-рь». «Как гудок гудит? Как ворон-Корушка каркает?» — дитя (1 г. 1 м. 21 д.) отвечает звукоподражательными возгласами «у-у-у», «кар-кар».

Слухо-зрительно-двигательные условные рефлексы. Уже 7-месячный ребенок на вопрос указывает взглядом предметы. На вопрос, как дяди-красноармейцы ходят, Руди (1 г. 4 м. 3 д.) начинает ходить, поднимая высоко кверху ножки и резко топая по полу. На вопрос, где «тик-так» (часы), Руди направляет глазки к часам; на вопрос, где картиночки, — поворачивает тельце и головку к картинам; точно также он указывает,

где коляска, огонечек и другие предметы в комнате. 9—10-месячный Руди на соответствующий вопрос, где папа, мама, бабушка, няня, указывает глазами того или другого названного члена семьи; нередко (9 месяцев), указывая бабушку, еще и называет: «баба». 11-месячный Руди уже употребляет при этом указательный пальчик и вытягивает вперед ручку по направлению к названному лицу.

Десятимесячное, 1½-годовалое дитя на предложение показать глазки, хвост, ножки и т. п. тычет пальчиками в разные части тела у людей и игрушечных животных.

На предложение бросить мячик в того или другого члена семьи Руди выполняет задание правильно несмотря на то, что все лица находятся в разных местах комнаты; он точно выполняет поручение отнести одному или другому человеку ту или иную вещь.

Замечательно то, что некоторые заведомо новые рефлексы слухо-зрительно-двигательного типа устанавливаются буквально с одного-двух раз. Руди (1 г. 5 м. 20 д.) в сумерки показали звезды и месяц и назвали их; после того всякий раз как спрашивали, где звезды, где месяц, он тотчас же показывал пальчиком и глазками кверху. С одного раза дитя (1 г. 6 м. 15 д.) запоминает и показывает например такие тонкие вещи на градуснике, как красную черту, деление «0».

Руди (в возрасте 1 г. 4 м. 21 д.) показали аэроплан, причем тот летел так низко, что слышен был шум пропеллера; в следующий раз, едва дитя услышало шум пропеллера, как подняло кверху головку и стало искать на небе глазками аэроплан.

Зрительно-звуковые и зрительно-двигательные связи. не менее многочислены. Раз я вынула из шкафа и дала Руди (1 г. 4 м.) печение, — и потом всякий раз, как Руди видел этот шкаф, он протягивал к нему ручки, надеясь получить печение. Раз при прогулке Руди (1 г. 8 м. 13 д.) увидел кошку близ забора. Всякий раз при прохождении мимо того же забора он говорил: «кьхь» (название кошки). Однажды проходя мимо чужих ворот, я завела его во двор посмотреть на кур; потом всякий раз при проходе мимо этих ворот он требовал, чтобы я вводила его во двор, желая смотреть кур, настойчиво говоря: «Куда-куда» (его название кур)[1] . Посмотрев дрессированную обезьянку, которая при Руди махала руками и прыгала, позднее на вопрос, как обезьянка прыгает, Руди махал ручками.

Обычно при переходе через дорогу я удерживала мальчика за руку на тротуаре и не переводила его ранее, чем не видела свободный путь, и он в свою очередь (2 г. 9 м. 3 д.) стал так осторожен, что ни за что не хотел переходить, если видел хотя бы далеко авто и трамвай, хотя я теперь и понукала его к переходу; он упорствовал до тех пор, пока весь путь не был совершенно свободен от машин, говоря: «Мама, подожди, атабиль едет».

Характерно, что дитя порой (в возрасте 2 г. 9 м. 3 д.) безапелляционно полагается на зрительные сигналы; например, вместо того чтобы спросить, придет ли его друг дядя к нему или нет, — дитя спрашивает: «Дядя в чистом или в грязном фартуке?» Для него это означает следующее: в чистом — значит придет к мальчику; в грязном — не придет, так как работает в мастерской.

Быстрое и прочное установление рефлексов приводит к тому, что у человеческого дитяти, как и у шимпанзе Иони, мы наблюдаем порой консерватизм поведения. Все мы знаем, как даже грудные младенцы образуют упорные привычки, и если эти привычки дурны, они доставляют много хлопот, чтобы их растормозить.

Найдя соску-пустышку, Руди (3 г. 0 м. 18 д.), хотя давно бросил сосать соску, просит: «Мама, дай пососать сосочку», но делает неприятную гримасу, пожевав ее.

У 9-месячного Руди например установилась привычка, чтобы его носили перед сном, потом дали бутылочку, выпив которую он и засыпал. Как-то пришлось так, что во время его сосания соска слиплась и бутылочку надо было вынуть и расправить соску. Это было делом одной секунды, тем не менее малыш раскричался и теперь не желал брать бутылочку и все кричал и кричал; тогда я подумала, что надо восстановить привычный ход событий: взяв его на руки, я поносила его, положила в кровать и потом дала рожок, который теперь он взял сразу и с которым, как обычно, быстро заснул.

Позднее как-то Руди (2 г. 0 м. 4 д.) увидел меня вопреки обыкновению лежащей на кровати головой не к той стороне кровати, как обычно; дитя настойчиво стало требовать перемены моего положения, показывая

[1] Измененное от «кудах-кудах»—крик курицы.

пальчиком на обычное место моей подушки, говоря: «тюда» (туда), хотя это перемещение для него субъективно не имело в сущности никакого значения.

Зрительно-вкусо-двигательные рефлексы. также очень прочны: отведав вкус апельсина, яблока, яйца, Руди (1 г. 1 м. 27 д.) по одному виду узнает плоды и при показывании их радостно с визгом тянется к первым и отворачивается от последнего.

При описании процесса «узнавания» приводились примеры, как младенец до года устанавливает зрительно-эмоциональные рефлексы на мать, своих, чужих, на предметы, связанные с актом кормления; появление этих приятных стимулов приводит ребенка в радостное настроение, устранение их — в печальное, завершающееся ревом.

Для условных рефлексов ребенка человека, как и для шимпанзе, характерны быстрота их образования и прочность их сохранения; по сравнению с тем, что имеется у шимпанзе, условные рефлексы ребенка человека конечно более многообразны.

Как и у шимпанзе, у дитяти эти рефлексы устанавливаются самопроизвольно, но я определенно скажу, что в большинстве случаев у дитяти они требуют менее повторения для закрепления, чем у шимпанзе.

Эволюция речи ребенка

В одном пункте есть огромное различие у шимпанзе и у ребенка человека: в то время как шимпанзе дает нам стереотипные условные рефлексы, которые заранее мы можем учесть и которые построены на его прошлом опыте, дитя человека зачастую удивляет нас новой условно-рефлекторной реакцией, вскрывающей нам, что в канву этих механических связей незаметно и независимо от нас внедряется истинное осмышление явлений, подлинная работа мысли самого ребенка. Это в особенности относится к слухо-двигательным и речевым условным рефлексам. Совершенно неожиданно для нас обнаружилось, что Руди (1 г. 6 м. 1 д.— 1 г. 6 м. 26 д.) запомнил собственные имена и отчества всех своих домашних и правильно мог их замещать — например:

На вопрос, кто это — Александр Федорович, он отвечает: — «Папа».
Надежда Николаевна? — «Мама».
Евгения Александровна? — «Бабушка».
Филипп Евтихиевич? — «Дядя».
Лена? — «Няня».

«Einliebes Kind hat viele Namen», — в отношении нашего мальчика это было реализовано в действительности; и вот оказалось, что дитя (в возрасте 1 г. 8 м. 7 д.) усвоило, кто и как его зовет.

На вопрос, кто тебя зовет «Альфик», — он отвечает: «Мама».

«Рудочек?» — «Дядя, няня».
«Апа?» — «Папа».
«Люлинька?» — «Бабушка».
«Мальтиска (мальчишка)?» — «Гага» (техническая служащая).

Шимпанзе Иони определенно знал только мое имя, и стоило кому, либо в моем отсутствии произнести его, он издавал радостное похрюкивание; на имена других домашних Иони никак не реагировал.

В возрасте 1 г. 5 м. 10 д. Руди самостоятельно складывает первые двухсловные фразы вроде: «баба, на» (бабушка, возьми); «дяди — баба», «дяди бай-бай» (спят), — говорит он, видя как мужчины лежат на траве.

В возрасте 1 г. 8 м. 2 д. Руди употребляет фразу из трех слов: «мама, блям тюда» (мама, яблочко туда), приглашая меня итти в другую комнату, где он обычно сидит, съедая полученное яблоко.

В возрасте 1 г. 8 м. 6 д. дитя длительно упражняется в произношении разных усвоенных слов, говоря подряд: Геля, Маня, Поля, мама, баба, Маня, Коля, Катя, Маня, баба, Гага, мама, рара, Гага, будя-будя.

Через 3 дня я слышу, как Руди (1 г. 8 м. 9 д.) подряд воспроизводит 23 слова, из которых 3 повторяются по нескольку раз (мама, папа, няня) и 7 неповторяющихся (мама, папа, мама, папа, няня, мама, дядя, мама, пана, няня, папа, баба, мама, папа, мама, папа, Апа, няня, папа, Катя, меня, патя, Поля).

Дитя все больше и больше стремится к обогащению словами; в возрасте 1 г. 8 м. 30 д. Руди, выбирая свои игрушечки из комода, настойчиво повторно говорит: «бу?», пока не назовешь игрушечку, назовешь — он скажет: «да», а потом отшвыривает от себя предмет и требует называния вновь и вновь вынимаемых вещей; иногда он спрашивает название даже тех предметов, которые сам заведомо умеет называть; просишь его об этом, и он сам говорит то настоящее, то извращенное, то свое условное название вещи, например:

Предмет	**Руди называет**
гусь	«Гага»
мяч	«бам»
труба	«дуду»
колокольчик	«дэнь», или «динь»
карандаш	«будя̀-будя̀»[a]
книги	«будя̀-будя̀»
палка	«парака»
барабан	«бабара»
все виды кукол	«рара» (по имени куклы «Рива»)
белки и зайцы	«яй-яй»
петух	«а-а-а» (певучим звуком, произнесенным нараспев — на мотив петушиного пенья)
тюленек	«тюля»
коровка	«му»
лошадь	«но-но»

[a] Так же обозначает и процесс чтения.

Примерно через полгода (в возрасте 2 г. 2 м. 8 д.) при аналогичном разбирании вещей Руди называет сам вынимаемые вещи, иногда сопровождая свое обозначение кратким дополнительным высказыванием:

	Предмет	**Руди называет**
1)	«обизяна»	обезьяна
2)	«кижечка»	книга
3)	«апина сётичка»	апина щеточка (зубная щетка)
4)	«нехарошая кижечка»	книга без картин
5)	«коститьки»	косточки
6)	«палитька»	палочка
7)	«путик»	прутик
8)	«это картитька мамы»	моя фотографическая карточка
9)	«это письмо»	конверт («тетино Наташино», — добавляет Руди)
10)	«картитьки»	карточки
11)	«мисюк»	мишук (картинка)
12)	«гоздик палязу»	гвоздик положу
13)	«бумаська»	бумажка
14)	«Сикалядина»	шоколадина

	Предмет	**Руди называет**
15)	«кабортина пустая»	пустая коробка
16)	«пакетик»	конверт
17)	«гоздик малюська»	маленький гвоздик
18)	«это дядя, дядюра»,	карточка отца в возрасте 13 лет
19)	«аляпан»	рогулька
20)	«парима апина»	колесико от его пирамиды
21)	«гуля питирял»	«голубь потерял» — перышко птичье
22)	«киндаль бошой»	календарь большой
23)	«скарупочка»	скорлупочка
24)	«тяпитька»	тряпочка
25)	«вилитька»	вилочка
26)	«кинолитька»	клееночка
27)	«нозитик»	ножичек
28)	«досетька»	дощечка
29)	«сида готов»	коробочка с пионером на крышке, делающим жест приветствия: «всегда, готов!»
30)	«пузиретик»	пузыречек
31)	«лекасто»	пузырек с лекарством
32)	«парашок»	зубной порошок
33)	«обе»	две одинаковые коробки
34)	«боситька»	брошка
35)	«буси»	бусы
36)	«киститька»	кисточка
37)	«басия бусы»	длинные бусы («супились», т. е. спускаются длинно, когда берешь в руки).

Через месяц (2 г. 3 м.) при аналогичном разбирании Руди задает вопросы чуть ли не про каждую вещь. «Как они ходят?» — спрашивает он про кусочки коралла. «А как надеть?» — про брошь. «Сто сделать щеточкой?» — про щетку. «Отчего пахнет?» (слыша запах лекарства в пузырьке). «Как мазять?», «куда мазать?»—спрашивает про краски.

В возрасте 2 г. 3 м. 4 д. при аналогичном разбирании вещей дитя сопровождает рассматривание каждой вещи более обстоятельными дополнительными высказываниями. Например Руди, вынимая палочку, спрашивает: «Сколько палотька стоит?»[2] . Вынимает вилочку, говорит: «Эта вилитька малюська покусить» (маленькая вилочка покушать); берет картонную рогулечку, говорит: «Эта харосия. Мама, отнеси домой». Вынимая одну за другой вещи, он воспроизводит порой подобие порядкового счета, говоря: «раз, дугой, третий, титертий» (раз, другой, третий, четвертый). «Валесики бяки, бяки, кичу, бяки», — нашел комочек волос и говорит про них: волосики нехорошие, кричу нехорошие; нашел головной ободок, говорит: «Мама, одеть, пазялиста надень» (мама, надеть, пожалуйста надень) и т. п.

Руди (в возрасте 1 г. 10 м. 13 д.) по картинкам называет имена некоторых домашних животных. Собак он называет: «ам», кошку — «кьсь», козла — «бу-бу-бу», лошадь — «тпру», корову — «му-у», барана, осла, верблюда— «тпру» (обозначает так же, как и лошадь). Клубок он называет «блям» (так же как и яблоко).

[2] Однажды Руди в возрасте 2 г. 3 м. 25 д. до 45 раз подряд спрашивал про разные выбираемые вещи: «Что стоит?» (Табл. В.120, рис. 4).

В возрасте 1 г. 11 м. 12 д. Руди обозначает правильно ряд картинок во вновь показанной книжечке («Моя книга», рисунки Комарова, изд. Мириманова, 1927).

Картинка	**Руди называет**
лошадь	«ам» (ребенок спутал лошадь с собакой)
ребенок	«катюра» (генерализованное обозначение детей)
собака	«амура» (производное ласкательное от «ам» — собака, собачка)
жеребенок	« гебель»
кость	«кукуля»
птица	«гагура» (обозначение птиц «гага», произведенное от слова гусь)
кошка	«кьсь»
мышка	«мика»
коза	«ту-тук» (по стуку бодающих рогов)
козленок	«му» (по реву)
девочка	«катюра»[a]
собака	«ам»
курица	«аряба» (от курочка ряба)
цыплятки	«ти-ти-ти» (от призыва: цып, цып)
утка	«гага» (обозначается, как гусь и птицы вообще)
утята	«ти-ти»[b]
заяц	«ляй»[c]
еж	«муха», потом делает колющее движение рукой
свинья	«му» (спутал с коровой)
кролик	«ляй»
морковь	«муроп»
девушка	«тетя»
гуси	«гагуры»

[a] Так же называет ребенка.
[b] Так же называет цыплят.
[c] Так же называет кролика, белку.

Через 7 месяцев мы застаем, как Руди (2 г. 6 м. 13 д.) узнает по картинкам и называет 45 разных диких животных: 1) «терный медведь», 2) «лёсь», 3) «лиситька», 4) «вольк», 5) «зальтик», 6) «кунитя», 7) «ёзик», 8) «белька», 9)] «тапля», 10) «журафль», 11) «шовотька», 12) «тетерев», 13) «зирафа», 14) «белий медведь», 15) «африканский сонь», 16) «андейский сонь», 17) «бегемот», 18) «насарох», 19) «гариля», 20) «лёсь», 21) «зубр», 22) «бугль», 23) «верблют», 24) «морш», 25) «тигр», 26) «башая кошка», 27) «райская птитька», 28) «летутяя птитька», 29) «зебра», 30) «обизянка», 31) «кеньгуру», 32) «пупугай-ара», 33) «муравет», 34) «леф», 35) «фажан», 36) «ляг», 37) «бижон», 38) «лиситька-сестритька», 39) «морские львы», 40) «тур» 41) «кондор», 42) «филин», 43) «антилёпа», 44) «северный алень», 45) «белий куропатки»[3] .

Руди (1 г. 10 м. 13 д.) дает качественную квалификацию картинкам, например при рассматривании книги «Домашние животные» (изд. Мириманова, рисунки Комарова) он называет картинки осла, собаки, кошки,

[3] 1) Бурый (черный) медведь, 2) лось, 3) лисичка, 4) волк, 5) зайчик, 6) куница, 7) ежик, 8) белка, 9) цапля, 10) журавль, 11) сова, 12) тетерев, 13) жирафа, 14) белый медведь, 15) африканский слон, 16) индийский слон, 17) бегемот, 18) носорог, 19) горилла, 20) лось, 21) зубр, 22) буйвол, 23) верблюд, 24) морж, 25) тигр, 26) дикая кошка, 27) райская птица, 28) летучая мышь, 29) зебра, 30) обезьянка, 31) кенгуру, 32) попугай ара, 33) муравьед, 34) лев, 35) фазан, 36) як, 37) бизон, 38) лисичка, 39) морские львы, 40) тур, 41) кондор, 42) филин, 43) антилопа, 44) северный олень, 45) белая куропатка.

лошади, коровы, свиньи, гуся, петуха «нца», козла, курицы, утки — «бяка» (первые нравятся ему, вторые, помещенные вперемешку с предыдущими, почему-то не нравятся).

В возрасте 1 г. 11 м. 4 д. Руди, занимаясь разборкой вещей в шкафу, берет в руки каждую вещь, сам называет ее и отбрасывает, причем нередко определяет принадлежность вещи тому или другому лицу. Например «пукоп Апина» — поясок Апика (т. е. его), «тарека бабина» (тарелка бабушки) и т. п.

У дитяти прекрасно развита и зрительная память. Руди (1 г. 8 м. 27 д.) из 10 детских книг сам находит книгу, в которой изображен петух, на мое предложение: «найти петушка».

Интересно, что выбирая свои детские книжечки, Руди порой озаглавливает их по различным характерным признакам, вскрывающим, какой сюжет в их содержании или какая картинка или какие звуковые обозначения зацепили его внимание, его интерес.

Например книгу «Чичи-чики-чикалочка — один едет на палочке» дитя называет «Парочка» (палка по его терминологии); книгу «Пожар кошкиного дома» Руди называет «Донь-донь» (по началу книги «Дон-дон-дон-дон, загорелся кошкин дом»). Книгу «Кто скорее» Руди называет «Абиль» (автомобиль), так как видимо первый рисунок и стишки про автомобиль наиболее привлекли его внимание.

Фразы из двух слов стали теперь для дитяти обычными: «папа, палёп» (папа, вот платок!), «няня, стирать», «баба, попить», «мама, пать», «рапатка копать» (лопаткой копать), «мама, надеть», «мама, бегать», «мама, за руку» (итти с ним за руку) и т. д.

В возрасте 1 г. 11 м. 1 д. я впервые слышу у Руди употребление творительного падежа; на вопрос, с кем пойдешь гулять, или с кем гуляешь, он отвечает: «мамий», «папий», «няний»[4] .

В возрасте 1 г. 11 м. 12 д. Руди уже употребляет фразы из 4 слов, рассказывая о событии, происшедшем с ним на улице: «табиль няня буг тег» (т. е. автомобиль, няня бух в снег[5]).

В возрасте 1 г. 11 м. 15 д. мальчик, занимаясь разборкой ящика с игрушками, за один прием при последовательном выборе игрушек по своей инициативе назвал 34 разных игрушки.

Теперь каждая его игра сопровождается непрестанной болтовней. Например при его игре в кегли мне удалось подслушать и записать следующий разговор. Руди, беря светлую кеглю, говорит: «бель» (белая), берет вторую кеглю, говорит: «дугая» (другая), берет третью говорит: «три»; ставит кеглю, говорит: «той» (стой); кегля падает, он говорит: «тари» (старая). Ставит 4 кегли подряд, сбивая их шариком, говорит: «тук»; одна кегля падает, он смеется, потом опять ставит упавшую, говорит: «той белий» (стой, белая), опять катит шар, говоря: «ррр»; опять сбивает одну кеглю, смеется, говорит: «один»; переносит кегли в другое место, пытается ставить там, — когда и там не стоят хорошо, говорит: «эх, той» (эх, стой), «эх, ди» (эх, два) — две падают.

В возрасте 2 г. 0 м. 27 д. Руди употребляет фразу из 5 слов: «ать помаль муху, покажу маме» (вот поймал муху, покажу маме); в это время фразы из 2—3 слов обычное явление, реже фразы в 4 слова, очень редки в 5.

В возрасте Руди 2 г. 1 м. 25 д. я слышу от него первое употребление придаточных предложений, — он говорит мне: «дом, в котором были кисюры».

В возрасте 2 г. 3 м. 25 д. Руди впервые употребляет личное местоимение при следующих обстоятельствах. После купания мальчик спрятался в простыню, я, ощупывая его через простыню, спросила, кто это, — вместо обычного произнесения своего имени на этот раз Руди ответил: «ля» (я)[6] .

На прогулке с Руди (2 г. 2 м. 29 д.) он живейшим образом реагирует на все окружающее, встречающееся на пути, и говорит-говорит беспрерывно, взяв целиком на себя инициативу разговора. «Тисяя дорожка» (чистая дорожка); «такую коляску купить» (видя проезжающую коляску); «церковь эта донь-донь-донь»1; «какили ляма гамадина» (какая громадная яма); «атабус»; «дядя, не догонишь»; «муравей» (видя муравья

[4] С мамой, с папой, с няней.

[5] Событие: внезапно на тротуар, где шли няня с мальчиком, наехал автомобиль, няня второпях метнулась с ребенком прямо в сугроб и упала.

[6] Добавление «л» перед словом, начинающимся с гласной, было у него обычно, например он говорил: «Лёни» — вместо Иони, «лявилась» — вместо явилась и т. п.

на дороге); «за воробышком» (хочет догнать воробья); «малятько пивиали» (телегу с бидонами видит); «миски зивут» (мышки живут, видя дырку в заборе); «отчего пахнет?» (ощущает запах светильного газа); «горку боюсь» (говорит, когда сходит с крутой горы); «мого вадитьки» (видит реку); «лошадь ест, симать» (лошадь ест из мешка с овсом — снимать мешок); «затем босили банку?» (банка валяется на дороге); «репей не буду босить» (репей не хочет взять и бросить, как делал раньше, так как, взяв, укололся); «тивак» (железная полоса на дороге); «дядя, лягуша лежит» (листик в воде); «лебик нехороший» (видит у одного из спутников крупные капли пота на лбу); «исе едет обе, другая за ним» (видит: две лодки плывут по воде одна за другой), «бумаська хотела купаться» (видит бумага лежит в реке); «откуда лявилось?» (откуда явилось бревно на берегу); «де тистия дорожка?» (хочет итти по дороге, а не по пустырю); «де чаитьки дедяй память» (две чайки над рекой, дай поймать); «павароз» (паровоз); «сиссись паварос» (слышишь паровозный гудок); «мама, утютька, детки» (видит утку с утятами); «де папа?» (где папа?).

Дитя теперь совершенно правильно отвечает на вопросы и само непрочь вести длинные диалоги, обнаруживая логичность ответов.

Руди говорит (2 г. 3 м. 22 д.): «помажу беседку». — «Ты лучше носик себе помажь», — говорит няня. — «Незя» (нельзя). — «Почему?» — «Будет газий» (грязный). «Принесу стульчик, буду разговаривать с мамой» (2 г. 3 м. 23 д.). «Мамура, как живешь? А как бегаешь? А как сидишь?»

Я показываю новый месяц — говорю: «молодой месяц». Он (2 г. 3 м. 28 д.): «А где старый месяц? Куда ушел старый месяц?»

«У папы горлышко болит — надо иодиком», — говорит Руди, видя у отца завязанное горло, вспомнив предшествующие манипуляции мазания горла иодом. «Я его мазал», — говорит отец. «Смешно, когда ротик мазешь?» — спрашивает Руди. — «Нет», — отвечает отец. — «А ротик[7] тоже завязали?» — Отец: — «Да» — «Папа еще умеет говорить? »

В возрасте 2 г. 8 м. 25 д., расставляя игрушечных зверей, Руди говорит непрерывно, не смущаясь многократным повторением сказуемых:

Вышел тигр на охоту, а вибюд тоже пибижал на охоту
а слон тоже пибижал на охоту
а кисюра тоже пибижала на охоту
а мишук белый тоже пибижал на охоту
а лев тоже пибижал на охоту
а тюля тоже пибижала на охоту
а обизянка тоже пибижала на охоту
а лошадка тоже пибижала на охоту
а лисичка тоже пибижала на охоту
а мишук тоже пибижал на охоту
а коровушка-буренушка тоже пибижала на охоту
а гусь тоже пибижал на охоту
а оленек тоже пибижал на охоту

«А тего это? — задумывается, взяв в руки бивень от игрушечного слоника, и сам себе отвечает: — от бошого сона» (от большего слона).

а мишук терный тоже пибижал на охоту
а козленок тоже пибижал на охоту

а совочка сидит и жмурится, смотрит, как пибижали на охоту. А зайчик тоже, а бобик и бобка (собаки) тоже (в это время роняет козленка и говорит: «прости, козленотек»; переставляет иначе зверей, говорит: «и так и так») «и гусь пибижал на охоту с мамой» (двух гусят ставит рядом). «Это отпилили», — говорит про одного из гусей, которому отпилили ножку, чтобы стоял; берет белку, говорит: «любу белку», «пусть тоже пибижит на охоту» (прижимает к себе белку так крепко, что кряхтит от усилия). «Слон (берет слона) на охотку и пибижал опять».

Руди в возрасте 3 г. 0 м. 6 д. сам пересказывает мне своими словами рассказ дяди о том, как он был на войне и как его укусила лошадь. «Когда наш дядя был солдатом, у него хорошая лошадка была, только она

[7] Подразумевается горло.

его кусала, и ничего он ее не стегал, и ни кнутом не стегал, и ни веревкой не стегал, и ни ремнем не стегал, она была наверно глупенькая, и ушко укусила дяде, она была наверно совсем глупяшка».

Бурный темп развития языка и обогащение дитяти словами не удивят, если принять во внимание его неимоверной силы внутренний стимул, толкающий к приобретению все новых и новых слов, его жадное ненасытное стремление к опознаванию предметов окружающего мира — их названия, выявления их свойств, их назначения, их многообразнейших взаимоотношений со средой.

Характерные интеллектуальные черты дитяти, обнаруживаемые на основании его словесных высказываний

Развитие языка человеческого дитяти — это главный фактор его умственного развития. Речь, любопытство и любознательность — это те три коня, которые бурно и властно влекут развивающуюся душу ребенка в трудном подъеме на интеллектуальную гору, на нелегком пути становления человеком.

1. Любознательность.

Дитя в возрасте от 2 лет горит одним желанием: «Хочу знать все». Вопросы: «Что?», «Почему?», «Отчего?», — не сходят с его уст. Если в начале третьего года дитя ограничивается лишь вопросом «что» и обнаруживает поверхностное любопытство, то в возрасте около 3 лет мы замечаем все большее и большее его желание проникновения вглубь вещей.

В возрасте 2 г. 4 м. 12 д. Руди, перелистывая картинки в новой книге «Wunder der Natur», на протяжении 300 страниц и при мелькании сотен рисунков тем не менее неустанно спрашивает меня про каждый рисунок: «Что это?» Он откидывает лист за листом так быстро, что не успевает хорошо вглядеться в рисунок; он не задерживается вниманием даже ни на одну лишнюю секунду ни на одном рисунке: даже когда я хочу остановить его внимание на особенно интересных картинках, он мчится все дальше и дальше, пока не доходит до самого конца книги, сотни раз задавая вопрос: «Что это?»

В возрасте 2 г. 6 м. 18 д. Руди расспрашивает уже про каждую знакомую вещь в обиходе, говоря: «Мама, расскажи про кастрюлечку, про пирожное, про кашку, про ветчинку, про булочку, про виноградик, про картошечку, про вазелин, про шпилечку, про бумажку,» и жадно слушает, когда говоришь, что и как делается, где растет и т. п. Придя в новую обстановку (в кухню), Руди расспрашивает решительно про каждую вещь (2 г. 10 м. 20 д.). Он теперь замечает разные свойства предметов и хочет знать, почему они различные. Например Руди (2 г. 6 м. 22 д.) говорит: «Мама, какие у тебя губы?» (я говорю: красные). Он: «А у Апочки (у него) какие?» (я отвечаю: красные). Он: «А питиму красные?», «а питиму умывальник розовый? питиму таз зеленый? питиму ручки белые? Почему у тебя нет бороды?» (2 г. 9 м. 26 д.). «Почему у папы борода? почему у Апочки нет бороды?»

Если Руди (в возрасте 2 г. 7 м. 3 д.) читают книгу, он спросит значение всех слов, какие не знает. Например при чтении книги Дурова «Железная дорога» спрашивает, что такое Дуров, что такое штраф, что такое стрелочник. При чтении книги «Наша река» (3 г. 0 м. 2 д.) дитя задает каскады вопросов: что такое плоты, рули, течение, костер. Тем более интригует дитя (3 г. 1 м. 3 д.) все необычное, и оно хочет узнать, что это «Почему у лошадки глазки закрыты?» (видя шоры на глазах лошади). «Почему у дяди глазик черный?» (видя завязанный черной лентой глаз у проходящего мужчины).

В возрасте 2 г. 9 м. 10 д. Руди, расставляя различные игрушки зверей, засыпает окружающих сонмами вопросов, например: «Где зебра живет?» (отец: «в Африке»). «Где жирафа живет?» (отец: «в Африке»). Руди: «А почему жирафа живет в Африке? Она не полосатая» (т. е. как зебра). «А где лев живет?» и когда узнает, что и лев живет в Африке, еще больше недоумевает, говоря: «Он — желтый» (т. е. видимо хочет сказать: желтый — и все же живет в Африке. Повидимому его логика требует, чтобы в Африке жили лишь полосатые, как зебра).

В возрасте 2 г. 9 м. 27 д. Руди, взяв всех своих игрушечных зверей, по своей инициативе располагает их в длинный ряд, причем, как это видно и на рисунке (Табл. В.118, рис. 1), отчасти группирует их по опре-

деленной системе, т.е. ставит в первом ряду — жирафу, во втором — верблюда, в третьем — трех разной величины кошек, в четвертом — тигра и льва, в пятом — бурого и белого медведя, в шестом — двух собачек, в седьмом — белку и двух тюленей, в восьмом — утку.

Дитя обнаруживает тонкие формы наблюдательности. «Почему блестит, как отойдешь, пока далеко, блестит — почему?» — спрашивает Руди (3 г. 0 м. 9 д.), видя, как лишь на известном расстоянии и при определенном повороте блестит на полу черточка чернильного карандаша.

Природа будит живой ум ребенка (2 г. 11 м. 11 д.) и вызывает неиссякаемый источник вопросов: «что такое небеса? Что такое облака? Облака могут быть пониже? Куда они летят? А их можно схватить? Почему нельзя? А звездочки могут быть пониже? Можно небо спустить вниз? А звездочки нельзя спускать?» (3 г. 0 м. 5 д.) и так до беспредельности.

Дитя допытывается познать глубже все, что видит, уже не довольствуясь поверхностным осмотром вещи, а стремясь заглянуть вглубь вещей, вглубь в буквальном и в переносном смысле слова. Руди (2 г. 9 м. 14 д.) спрашивает: «Что в мишуке?» (в игрушечном), «Что в Ривочке?» (в кукле) и хочет непременно распороть и посмотреть игрушки.

Все мы знаем, как одно «почему» после ответа вызывает у ребенка целую серию последовательных логически-развертывающихся «почему?», так как дитя пытается доискаться первопричины явлений, дойти до исконного объяснения, ставя порой в тупик отвечающего на вопросы взрослого человека.

2. Мышление, осмышление, сравнение, память.

Речевые высказывания дитяти ярко иллюстрируют его сознательную самостоятельную мыслительную деятельность.

Рассматривая близстоящий автомобиль, дитя (3 лет) вслух сравнивает его с оставшимся дома игрушечным автомобилем и говорит: «папа, у них руля нет», потом, вглядевшись еще ближе: «папа, у них какой смешной руль, у нас такого руля нет, у них здесь колесо (запасное), а у нас нет колеса, у нас такого хрипятого[8] колеса нет»...

В другой раз мной подмечено такое сравнение.

Видя в кроватке три белые эмалированные гвоздика (один большой, два маленьких) и заметив внутри одного (маленького) гвоздика слегка просвечивающую темную точку, Руди говорит: «Мама (большой гвоздик) ни уголя» (не имеет черной, как уголь, точки), «дети уголя», «дугой нет» (т. е. у одного из маленьких гвоздей-детей есть черная точка внутри, у другого — нет. (Руди был в возрасте 2 г. 0 м. 23 д.).

Мальчик (2 г. 6 м. 21 д.) слушал текст книги: «стоят два мальчика, держат черную лохматую страшную кошку»... — на рисунке к тексту изображено: один мальчик держит кошку, второй стоит рядом. Руди сам замечает несоответствие и говорит: «а дугой не держит» (а другой не держит).

Дитя имеет сильно развитую память. Однажды Руди (3 г. 1 м. 13 д.) разбил фарфоровую игрушечку (изображавшую мальчика в зеленой шапке с цветочком в руках и в фиолетовых штанишках) и расплакался; в Тот же день ему купили другую, подобную, но разнящуюся в одной детали игрушку. Думали, что дитя не заметит изменений, и сказали: «вот тебе купили такую же игрушку». Но Руди лишь только взглянул на новую (новый игрушечный мальчик имел синюю шапочку) сразу сказал: «зеленая шапка!» (вспомнив прежнюю). Я спросила: «а брючки?» — он: «брючки и здесь (цветок на коленях) похожи». Я спрашиваю: «а какая у этого шапка?» (полагая, что он не различает цветов) он ответил: «синяя» (говоря про шапку на новой игрушке).

Однажды дитя заметило (2 г. 9 м. 20 д.): «у Лисички (собаки) из ротика щепка висит» (слипшийся комок шерсти). На следующий день, увидев ту же собаку в полном порядке, Руди вспомнил ее вчерашний вид и спросил: «почему у Лисички не висит из ротика?» Руди обладает топографической памятью и самостоятельно (2 г. 7 м. 13 д.) Находит дорогу к киоску, отстоящему за две взаимно перпендикулярно расположенные улицы; он сам находит дорогу с бульвара, находящегося по прямой линии к дому через две улицы,

[8] Повидимому хотел сказать „рубчатого“.

идущие перпендикулярно к бульвару. (Правда после повторных многократных хождений в том и другом случае.)

Самопроизвольно устанавливающиеся у Руди условно-рефлекторные акты исчисляются не десятками, а многими сотнями; человеческое дитя опережает шимпанзе Иони в зрительно-звуковых и особенно слухо-звуковых условных рефлексах (вспомним у ребенка чтение наизусть стихов), имеет связанный с мыслительными процессами язык жестов, рано оттеняемый звуковыми атрибутами, и одно ни с чем несравнимое преимущество — это способность к словообразованию и речи. Дитя начинает делать предположительные суждения, практические заключения, логические выводы, свидетельствующие о подлинной работе его мысли, а не только о механическом накоплении слов и ассоциативных речевых связей.

Руди (3 г. 0 м. 25 д.) видит: на бульваре сидит мужчина с поникшей головой (повидимому задремавший пьяный), и спрашивает: «Мама, что этот дядя наклонил головку?» и добавляет: «может у него головка болит?»

Руди (2 г. 10 м. 29 д.) спрашивает: «Посуда (кукольная) из чего?» «Из дерева», — отвечает ему бабушка. «А уточка из чего?» (спрашивает про целулоидную уточку). — «Право уж не знаю», — говорит бабушка. — «А я знаю, — добавляет мальчик, — из скорлупки» (разумея аналогичную по цвету, по жесткости, по хрупкости яичную скорлупу).

Дитя стремится точно осмыслить каждое сказанное взрослыми слово и точно понять смысл сказанного. Например, рассматривая голенького Руди (2 г. 7 м. 19 д.) и касаясь его ног, я говорю: «Какой Апочка стал худой!» Он тщательно начинает также присматриваться к своим ножкам и говорит: «Где же дырки?» Или возьмем другой, аналогичный случай. Руди (3 г. 0 м. 1 д.) спрашивает: «Дядя, это карточки?» — «Нет, открытки,» — отвечают ему. «А разве они открываются?» — говорит мальчик (обнаруживая синкретизм детского мышления).

В другой раз дело было так. Я зову: «Руди (2 г. 4 м. 9 д.), пойдем наружу», и вывожу его на улицу; выйдя, он оглядывается вокруг себя и спрашивает: «Где же Ружа?» Однажды, уговаривая мальчика (2 г. 4 м. 9 д.) поесть что-то, я имела неосторожность сказать: «автомобильчик будет на тебя смотреть, как ты кушаешь», а он мне в ответ: «нету газок» (нет глазок).

Один красноречивый диалог с ребенком показывает, как дитя стремится осмыслить для себя значение собственных имен и фамилий.

Среди наших сотрудников имелись три лица: 1) Алексей Павлович Свирин, 2) Иван Павлович Свирин, и 3) Николай Алексеевич Бобринский.

Руди (2 г. 11 м.), слыша часто их имена и видя самих носителей этих имен, спросил однажды:

«Что такое Свирин?» — ему отвечают: фамилия дяди.
«Что такое Алексей Павлович?» — имя дяди Свирина.
«Что такое Николай Алексеевич?» — имя дяди Бобринского.
«А Иван Павлович?» — имя другого дяди Свирина.
«А бывает Иван Алексеевич?» — бывает.
«А бывает Свирин-Бобринский?».

3. Практическое умозаключение.

Порой дитя на глазах у нас делает практическое умозаключение при экспериментировании с предметами. Руди (2 г. 3 м. 25 д.) берет фотографический треножник и пытается, так или иначе вытягивая складные ножки треножника, ставить его по-разному: то длиннее, то короче. Этот процесс все время сопровождает устной речью: «Так будет стоять или не будет стоять?» (треножник падает). Дитя добавляет: «Не будет стоять» (вспомним также экспериментирование Руди с водой — см. стр. 367 [265]). «Теперь я вижу, что земля вертится!» — говорит Руди (в возрасте 4½ лет) после того, как, долго кружившись вокруг столба, доведя себя до головокружения, заметил мнимое вращение окружающих предметов (Табл. В.120, рис. 3).

В возрасте 2 г. 11 м. 15 д. дитя уже использует свои умозаключения в практическом поведении, порой неожиданно подцепляя логические промахи взрослых. Говорят: «Руди, нельзя бросать калоши, ты их разо-

бьешь». Руди: «А они из чего?» Отвечают: «Из резины». Он: «А разве резина разбивается?» Говорят: «Ну ты, Степка-растрепка, давай завяжу поясок». Руди (2 г. 9 м. 16 д.): «Такой не бывает Степка-растрепка». Спрашивают: «А какой же?» Руди: «Красненький» (в книжечке Степка-растрепка с красным лицом).

Руди (2 г. 11 м. 15 д.) ест яйцо и спрашивает отца: «Скорлупку можно кушать?» Отец говорит: «Нет, только птички кушают». Немного погодя дитя спрашивает: «Папа, я птичка?» Отец, не подозревая задней мысли и уже забыв о том, что сказал ранее, говорит: «Да, ты моя милая, хорошая птичка». Мальчик тотчас же восклицает; «Буду кушать скорлупку» и немедленно подносит скорлупу ко рту.

4. Логика и остроумие.

В другой раз Руди (3 г. 0 м.) слышит, как я при разговоре употребляю фразу: «ведь это не шутка!» Мальчик тотчас же спрашивает меня: «Мама, что такое шутка?» Я говорю: — «Это когда нарочно скажут что-нибудь смешное, захотят посмешить». Через минуту мальчик, улыбаясь, говорит: «Бандюк». Я говорю: «Ты хочешь сказать: бандит?» Он: «Нет, бандюк». Няня говорит: «Он может быть хочет сказать: индюк». Руди отвечает: «Да» и при этом хохочет, а потом говорит вопросительно: «Мама, это шутка?» Я говорю: «Да, ты пошутил». Он тотчас же произносит еще какое-то непередаваемое странное исковерканное слово и также смеется. В другой раз Руди как бы в шутку называет заведомо неверно ранее правильно обозначаемую картинку орла. На предложение назвать картинку он повторно говорит: «мама» (1 г. 11 м. 1 д.). Я говорю: «Апочка не знает, а вот Динамо[9] знает». Руди немедленно называет птицу правильно: «арёр» (орел). Я показываю вторую картинку — черепаху, и опять он говорит: «мама», и опять, когда я говорю: «Витя знает, а Апа не знает», он добавляет: «типапа» (черепаха).

5. Счет.

Руди уже в возрасте около 3 лет усваивает порядковый счет и пытается по своей инициативе более или менее правильно словесно репродуцировать его. Дотрагиваясь по очереди до петель кроватки, Руди (в возрасте 2.9.14) говорит: «1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 17, 21, 22, 24, 25, 27, 28».

Месяцем позднее (2 г. 10 м. 14 д.) при игре в торговлю после несложного разговора он овладевает понятием количества и сам воспроизводит элементарное сложение и вычитание, построенное на принципе количественного отождествления.

Мы играли так: я говорю: «Продайте *одну* палочку». Он: «Какую?» Я: «Красную, маленькую». Он (давая палочку): «Вот». Я: «Сколько стоит?» Он: «Семь». Я даю ему *одну* бумажку в качестве денег.

Я говорю: «Продайте *две* колбаски». Он кладет на весы *две* палочки и говорит: «*Вот и вот*». Я даю ему *две* бумажки в качестве уплаты.

Я спрашиваю: «Продайте *три* колбаски»; он отбирает *три* палочки. Я даю ему *три* бумажки в уплату. Он сам говорит: «*три* палочки и *три* денежки».

Теперь я спрашиваю: «дай *одну* колбаску»; он дает *одну* кеглю. Я даю ему в уплату *не одну*, а *две* бумажки. Он говорит: «Ведь другую не надо, ведь *одну* колбаску!»

Я спрашиваю: «Дай *три* колбаски». Он кладет мне *три* кегли. Я даю ему в уплату *две* бумажки. Он: «Ведь *три* колбаски и *три* денежки». Смотрит на меня выжидательно, успокаивается, когда я додаю еще бумажку.

Спрашиваю: «Дайте *два* яблочка, сколько стоит?» Он: «*семь*» дает мне *два* шарика. Я даю *три* бумажки. Он говорит: «*Два* бамчика[10] , а копейку не надо» (*отбрасывает одну бумажку назад*).

Я спрашиваю: «*Два* печенья», даю *одну* бумажку в уплату. Он «Ведь *два* печеньица и *две* копейки», дожидается, пока я додаю еще одну бумажку. Я спрашиваю: «*Один* кусочек мяса», даю *три* бумажки. Он: «Ведь *одно* мясо, а копейки не надо», сам откидывает *назад две* бумажки. Спрашиваю *две* кегли, даю *три* бумажки. Он: «Ведь *две*, одну копейку не надо» (откладывает одну бумажку). Спрашиваю *три* печеньица,

[9] Имя сверстника мальчика.
[10] Бамчик по его обозначению — яблоко, шар.

даю в уплату *одну* бумажку. Он: «Ведь *одну*, ведь *три* и копейки *три*» и отбирает себе недостающие у меня с руки бумажки, говоря: «*К одному три*», добирая до 3. Спрашиваю *четыре* палочки, — он бросает мне *три* палки; давая, говорит: «*Три, четыре, пять*,» сбивается и не хочет более играть.

Количество спрошенных предметов до 4 отбирает все время правильно, количество свыше 4 предметов не умеет еще отобрать.

Иони в возрасте 3½ — 4 лет, судя по моим экспериментальным записям, так и не преуспел в процессе постижения количества в пределах счисления до 3 несмотря на мои трехмесячные опыты с ним в этом направлении (подробнее будет изложено в III томе исследования о шимпанзе).

Часть III. Биопсихологические черты сходства и различия в поведении дитяти человека и дитяти шимпанзе (синтетическая часть)

Глава 16. Черты сходства

В результате сравнительного сопоставления дитяти шимпанзе и сверстника его — человека обнаруживается громадное сходство наблюдавшихся нами малышей во многих существенных моментах их поведения.

Для нас это не является неожиданным; самое поверхностное и кратковременное наблюдение шимпанзе и человека обычно легко и быстро усматривает это «человекоподобие» человекообразной обезьяны и спешит сделать вывод, что «человек произошел от обезьяны», так как обезьяна — «почти человек» («Almost Human»)[1] .

Действительно, если мы приглядимся к естественным моторным навыкам малыша-шимпанзе, посмотрим его лежачие, сидячие позы, его способность к вертикальному стоянию, к ходьбе, к лазанию, к прыганию, — мы увидим, что все это свойственно и сверстнику — ребенку человека.

Обратимся к сфере инстинктивных проявлений шимпанзе и человека, проанализируем их поведение, диктуемое инстинктом самоподдержания (выражающимся в обеспечении себе еды, питья, сна, ухода за собой), — мы опять найдем громадное количество совпадений у обоих детей.

У обоих малышей сильно развит инстинкт самосохранения, самозащиты и нападения. Иони, как и Руди были оба большими трусами, и при указании пугающих их стимулов хотелось спросить не о том, чего они боятся, а о том, чего только они ни боятся.

Все новые, все неожиданные, все резкие стимулы (световые, звуковые, тактильные), как и большие предметы, пугают обоих малышей. Новые вещи, незнакомые лица, непривычная обстановка, невиданные животные, большое количество людей, громадные звери (лошади, коровы), высокие люди, сильный крик, шум, грохот, выстрел, щелкание, гром, молния, вспышки магния, ярко освещенные помещения, как и темнота и черные предметы — являются для них устрашающими стимулами.

И Иони и Руди равным образом боятся самодвижущихся неодушевленных предметов, живых животных, обладающих способностью к резким движениям, чучел больших зверей и птиц и их изображений на картинах.

Очень похоже выражается вовне у обоих детей и эмоция страха. При испуге оба малыша максимально напряженно расширяют глаза, фиксируют взглядом пугающий объект, замерев в неподвижной позе; эпизодически у обоих замечаются вздрагивание телом, учащенное биение сердца, выступание пота на лице, стремление спрятаться в укромное место, броситься под чью-либо защиту, убежать подальше от пугающего стимула.

Длительный страх вызывает у обоих детей сильнейший рев и крик.

Много совпадающих черт поведения наблюдаем мы у шимпанзе и у человека и при их активной самообороне, выражающейся в угрожающих жестах руками, в топании ногами на пугающий объект, в стучании по нему кулаками, в ударении по нему ладонью руки, в питании пальцами, царапании ногтями, кусании зубами и даже в намахивании тряпкой и палкой (в случае боязни притти в непосредственный контакт с пугающим стимулом).

В основном сходна была у Руди и у Иони и мимика злобы, выражающаяся в сморщивании верхней части лица и обнажении зубов и десен.

Руди и Иони загораются агрессивным чувством не только при реакциях самообороны, но и при других сходных для обоих обстоятельствах: их раздражает, когда несвоевременно выполняют их инстинктивные потребности (связанные с едой, питьем, сном); они сердятся, когда им препятствуют в осуществлении их неразумных желаний и необузданных поступков; когда они встречают настойчивое сопротивление при осуществлении их действий; тем более когда они наталкиваются на активное противодействие со стороны другого живого существа, с которым входят в соприкосновение.

Замечательно, что и Руди и Иони легко воспламенялись злобным чувством (чувством мести) из сочувствия к мнимо обижаемым людям (в особенности близким), оба стремились к злобному возмездию, направлен-

[1] По выражению проф. R. M. Yerkes'a.

ному против обидчика. Оба малыша развивают резкие злобствующие чувства при оспаривании и охране своей собственности и при ограничении свободы их передвижения.

Собственнический инстинкт был развит у обоих детей очень сильно, и он выражался у них не только в нежелании поделиться своей лакомой едой, но и в ревностной охране своих вещей, в страстном собирании в свой обиход разного рода предметов, даже в посягательстве на чужую собственность и в ее присвоении себе.

Тщательное изучение предметов, присвоенных малышами, особенно ценимых и предпочитаемых ими, позволяет нам установить их симпатизирующие вкусы, быть может примитивно эстетические тенденции.

Характерно, и дитя шимпанзе и сверстник его человек в области зрительных восприятий устремляются к блестящим, прозрачным и ярким интенсивно-покрашенным предметам (особенно к цветам красным, синим, желтым, белым). Оба разделяют одиозное отношение к черного цвета объектам (видимо пугающим их).

В области величины оба с интересом и вниманием (дитя человека даже с явной нежностью) относятся к миниатюрным предметам; в области формы — к шарообразным; в области осязательных восприятий имеют пристрастие к мягкому, гладкому, эластичному, сетчатому; в области температурных восприятий — к теплому; в области обонятельных — к приятным запахам (душистых фруктов); в области вкусовых — к сладкому и кисло-сладкому. Предметы, обладающие привлекательными свойствами (например блестящие и интенсивно-покрашенные пластинки, маленькие шарики, атласные, бархатные, яркие цветные лоскутки, прозрачные клеенки, стекла, пузырьки, сетки, кружева, резины), оба дитяти присваивают себе для игры и не только не отдают никому при просьбе, но порой даже совсем не желают с ними расставаться, нося в руках всюду, куда ни пойдут (как например миниатюрные деревянные шарики).

У обоих детей выражено стремление к самоукрашению особенно привлекательными яркими материями, которые они (замечательно!) совершенно аналогичным образом вешают себе на шею, на манер шарфа, концы которого порой сближают руками у горла.

Оба малыша (дитя шимпанзе, как и дитя человека) являются необычайно свободолюбивыми существами — неохотно поддаются одеванию и укутыванию; страдают, плачут, будучи замкнутыми в тесные пределы комнаты; бурно радуются, получая доступ к широким просторам двора, поля и леса, и на воле и в сопровождении взрослых готовы безгранично расширять арену для своих действий и передвижения.

Оба дитяти имеют ярко выраженный социальный инстинкт, причем естественно в соответствии с их возрастом они имеют особенно сильно выраженную форму детского общения, выражающегося в стремлении к обеспечению себя уходом, заботой и защитой взрослого человека — женщины-кормилицы; в случае нарушения благожелательного контакта с ней ребятки тотчас искали другое покровительство, как бы боясь остаться без опеки.

Свою «noernst» то и другое дитя выделяют исключительным вниманием перед другими людьми, бурно радуясь ее приходу, огорчаясь, плача при ее уходе, желая быть с ней безотлучно днем и ночью, удерживая особенно страстно при своем нездоровьи, к ней первой прибегая при огорчении и в беде, выражая ей свою нежность и ласку, выказывая ей исключительное доверие, позволяя лишь ей беспрепятственно и легко производить над ними всякие гигиенические и лечебные манипуляции и сопротивляясь, когда другие брались за это дело. Оба дитяти трогательно сочувствуют своей «noernst» в случае, если видят признаки ее болезни, поранения, хотя каждый по-своему старается оказать свое сочувствие и помощь, делая попытки ее лечения, утешения, заступаясь за нее, в случае если ее обижают не только посторонние, но даже и свои люди.

Внешнее проявление симпатизирующих тенденций у обоих детей протекает особенно сходно. И Иони и Руди, охваченные ласковым чувством, то подбегают к своей покровительнице, прижимаются к ней всем телом, обнимают ее, нежно прикасаются к ее лицу своими руками или слегка прижимаются открытым ртом к ее щекам, к ее рукам и при этом учащенно дышат. Оба ребенка (и дитя человека и дитя шимпанзе) приобретают умение целоваться и выражать свою ласку также и поцелуем (который впрочем у ребенка является более поздним приобретением[2] , а у шимпанзе — явно искусственным и редко употребляемым).

[2] Появляется у Руди в возрасте 1 г. 5 м. 25 д..

Чувство любви и привязанности у обоих детей имеет явно эгоцентричный характер и сочетается с ревностью; и у Руди и у Иони была тенденция к монопольному владению любимым существом, и если это последнее пыталось в присутствии детей распространять свои нежные чувства на других детей и взрослых, — оба выказывали неприязнь к обласканному сопернику.

Оба малыша точно диференцируют «своих» от «чужих», держась с первыми непринужденно, со вторыми — опасливо-настороженно; оба радостно вступают в товарищеский игровой контакт с человеком, с живыми животными, с энтузиазмом осуществляя разнообразнейшие подвижные игры. Ничто так не огорчает обоих детей, как оставление в одиночестве; ничто так не радует, как сообщество!

Оба малыша в общении с посторонними людьми реагируют разно по отношению к различным по темпераменту людям: с тихими спокойными людьми они держат себя деликатно и осторожно, с хмурыми и боязливо-недоверчивыми — настороженно, с веселыми — оживленно.

Дитя шимпанзе, как и дитя человека, обладает сильно выраженным инстинктом подражания, быстро и легко заражаясь от человека различными эмоциями (страхом, печалью, радостью и даже злобой), видя внешние проявления этих чувств и зачастую солидаризируясь с человеком в воспроизведении нечленораздельных звуков, жестов, поз и телодвижений, связанных с выражением этих эмоций.

Замечательно частичное совпадение естественной мимики, пантомимики и звуков, выражающих основные эмоции дитяти человека и дитяти шимпанзе, а именно: трубообразное вытягивание губ — при неожиданном волнении; сморщивание верхней части лица, смыкание глаз, широкое раскрывание рта, рев, плач — при печали; узкая и широкая улыбка, беспорядочные движения руками, воспроизведение звуков посторонними предметами — при радости; вжимание внутрь углов рта и четырехугольное разверзание кротового отверстия — при отвращении; широкое пассивное раскрывание рта — при удивлении; вытягивание вперед плотно сжатых губ, притрагивание указательным пальцем, ощупывание губами — звук «м», при внимании; повертывание спиной и отворачивание лица — при обиде, как и уже упоминавшееся сходство при выявлении страха, злобы, нежности[3] .

И у шимпанзе и у человека мы наблюдаем плотное сжимание оттянутых в стороны губ при настороженном движении, требующем тонкой координации пальцев рук.

У обоих детей наблюдается ряд сходных подражательных действий: метение пола щеткой, вытирание лужи воды тряпкой, забивание гвоздей молотком, отпирание замков ключом, доставание удаленных предметов палкой, повертывание электрического штепселя, откладывание крючков, черчение по бумаге карандашом и ручкой.

Таким образом в своем обиходе оба малыша самостоятельно употребляли следующие орудия для самообслуживания и подсобного действия: чашку, ложку, нож, носовой платок, салфетку, одеяло, половую щетку, тряпку, палку, молоток, ключ, карандаш, перо.

Замечательно, что оба малыша порой замещают по аналогии орудия действия: при отсутствии карандаша Руди, как и Иони, пытается царапать по бумаге гвоздем, палочкой и даже ногтем пальца; при отсутствии чернил оба погружали пальцы в молоко, в кисель, в воду, выплюнутые самими слюни и стремились делать на бумаге разводы; при отсутствии молотка оба пытаются забивать кулаком, камнем и первым попавшимся под руку тяжелым предметом; салфетку и носовой платок они замещают бумажкой.

У обоих малышей подражательные действия порой мало эффективны; так например, не соразмеряя соотносительных размеров замка и ключа, они прилаживают крохотный ключ к большим скважинам и конечно не преуспевают в отмыкании.

Оба малыша вслед за взрослым человеком воспроизводят некоторые звуки: хлопание в ладоши, трещание губами, ритмичное постукивание сложенными пальцами руки по твердому субстрату; оба они имеют тенденцию к голосовому звукоподражанию, имитируя впрочем только некоторые, для каждого различные, звуки, которые способны, воспроизвести.

Но ни в одной сфере деятельности сходство дитяти шимпанзе со сверстником-человеком не является столь колоссальным, как в области игры.

[3] Совершенно сходно и подавляющее большинство внешних стимулов, вызывающих все эти эмоциональные реакции.

Почти одинаково бурно, страстно предаются оба малыша подвижным играм — беганию, катанию, вожению, играм, осуществляемым то самостоятельно, то в сообществе с человеком и живыми животными.

Естественно, что оба дитяти с неменьшим увлечением предаются всякого рода гимнастическим играм, качанию на качелях, лазанию по деревянным и веревочным лестницам, висению на трапециях, закручиванию и раскручиванию на жгутах, выдумывая самые рискованные трюки, доходящие до бравады.

Передвижение, включающее момент соревнования в скорости бега, догоняния, отнимания, подхватывается обоими малышами особенно энтузиастично, и в этих «спортивных» играх оба дитяти обнаруживают такой азарт, вносят такую горячность, которая в случае неудачного финиша порой заставляет злобиться или разреветься проигравшего партнера.

Характерно, в играх догоняния оба малыша предпочитают убегать от сильного соперника, догонять слабого.

Оба дитяти по своей инициативе устраивали себе своеобразные игры с преодолением самостоятельно возводимых препятствий, нарочито осложняя себе разные способы передвижения — бег, катание, лазание, качание. Иони например при лазании по трапециям или при беге по полу нарочно зажимал между головой и шеей какой-либо предмет и тщательно старался во все время своих гимнастических трюков не выронить его или схватывал ногой длиннейший лоскут, цепь, шнурок с волочащимся ботинком и безудержно носился по комнате, ежесекундно зацепляясь, закручиваясь этим грузилом за ножки мебели, останавливаясь в узких проходах, с трудом освобождаясь и с неменьшей энергией устремляясь в новые авантюры до новой неизбежной катастрофы и остановки. Руди зачастую ставил себе на земле барьеры и упражнялся в перепрыгивании через них или устраивал на земле из досок подобие шаткого мостика и старался переходить по нему, стремясь сохранить равновесие; зачастую при лазании по трапециям Руди нагружал свои руки тяжелым плюшевым мишуком и совершал все манипуляции, отягченный этим инертным баластом.

Свободное лазание совсем не так сильно радует обоих детей, как лазание с препятствиями. И вот тот и другой пользуются для этой цели самыми разнообразными подходящими предметами: Иони хватает сетчатые материи, плетеные продырявленные корзины, спутанные им самим веревки, резиновые кольца и, просунув в них палец, распяливая отверстие все больше и больше, засовывает уже целую руку, потом голову, туловище и наконец с громадным трудом, злобно кряхтя с напряженнейшими усилиями протискивается и сам всем своим телом.

Руди, увидев в кроватке разорванную сетку, конечно тотчас же оценивает неожиданную удачу и уже не желает лезть в кроватку сверху через перекладину, а подобно Иони протискивается через расширенные петли сетки чреватым осложнениями путем, кряхтя и сопя, с громаднейшим трудом пробираясь в кровать, затратив гораздо больше времени, чем требуется, тем не менее после первой же удачи всегда с тех пор употребляя лишь этот путь хлопотливого пролезания.

Естественно, что движущиеся предметы обладают для обоих малышей особенно притягательными свойствами и являются излюбленными игрушками. Далеко не случайно и для Руди и для Иони деревянный шарик и мяч были наиболее развлекающей и желанной игрушкой, с которой они не расставались. Оба дитяти длительно могли заниматься бросанием, гонянием и ловлей мяча, перекатыванием округлых корзин, вожением колясок, легко катящихся на роликах стульев. Оба малыша не могут видеть равнодушно ни одного легкоподвижного предмета, чтобы не привести его в движение. То они несколько раз подряд открывают и закрывают двери комнат, створки окон, дверцы шкафов, то хлопают крышками пианино, то хотят вертеть колесо швейной машины, развертывают и завертывают стулья-вертушки, то просто схватывают все, что только могут взять в руки, и с энтузиазмом разбрасывают вещи по всей комнате, в несколько минут превращая прибранную комнату в хаотичный склад разметанных, разбитых, исковерканных вещей.

Оба дитяти страстно любят созерцать всякое-движение в городе, они длительно могут наблюдать в окна уличное передвижение, прилипая глазами к стеклу, провожая взглядом пешеходов, проходящие процессии, экипажи, настолько поглощаясь этим созерцанием, что даже не отзываются на оклики. В деревне оба малыша с любопытством глядят на стада проходящих животных, на играющих ребят, не отрываясь от окон до тех пор, пока еще меняется подвижная панорама. Даже наблюдение передвижения малоподвижных мелких существ, как гусениц, муравьев, жучков, тараканов, интригует обоих ребят, и Иони порой, видя спокойно сидящих тараканов в щелях своей клетки, выпугивает их оттуда взятой в руку соломинкой и пристально созерцает их переполох, подновляя их беспокойство, когда те успокаиваются. Руди мог длительно созерцать бегающих по земле муравьев.

Естественно, что игры с живыми животными для обоих малышей представляли особую привлекательность: догоняние собак, поросят, вспугивание кур, воробьев, ворон, выслеживание кошек, пугание и наскакивание на них и у Руди и у Иони, лишенных общества сверстников, проходили с необычайным воодушевлением.

Менее энергично играли мои ребята в прятки, причем, характерно, оба дитяти предпочитали в игре прятаться самим, но не искать.

Руди и Иони осуществляли всякого рода игры особенно радостно, если эта игра сопровождалась какими-либо звуками, и чем больше шума, треска, грохота воспроизводилось при этом, тем было им веселее; оба малыша, бегая по комнате, увлекают с собой громыхающие металлические цепи, коляски; оба любят сотрясать ключи и погремушки; оба воспроизводят нарочитые, повторные стуки, ударяя по стенам и по полу металлическими штангами, деревянными шарами; оба любят неистово колотить молоточками по барабанам, по цимбалам, оглушая всех невыносимыми по силе звуками.

Оба дитяти, когда под рукой нет других забав, нередко развлекаются хлопанием в ладоши, трещанием губами, стучанием кулаками, топанием ногами. Оба охотно барабанят на рояли.

Замечательно много сходного проявлялось у обоих детей и в играх экспериментирования — с огнем, водой, песком, твердыми, эластичными, прозрачными и острыми, колющими предметами.

Оба малыша так тянутся к зажженному огню, что их приходится удерживать, чтобы они не обожглись. С какой радостью созерцают они горение свечи, зажигание спички, топку печи; как охотно отвертывают электрические штепселя, пуская свет! Неменьшая тяга — к воде. Каких-каких игр ни выдумывают их маленькие головки при виде воды! Иони не может видеть равнодушно воду, чтобы не захватить ее в рот, — и вот он сидит и длительно переполаскивает воду во рту; тот и другой, видя лужи воды во дворе, не пропустят случая, чтобы не побарахтать в ней рукой, не побрызгать ей; посаженный перед тазом с водой Руди, как и Иони, схватывает воду руками, зачерпывает сосудом, поднимает кверху, льет — и опять набирает. Руди любит пускать в водоемы разные вещи и следит за их плаванием и погружением; видя пролитую воду, оба стремятся делать ею разводы, погружая в нее пальцы и расплескивая в стороны. Вода в умывальнике интригует обоих ребят необычайно, и, видя вытекающую из краника струйку, оба они то пытаются ловить фонтанчик ртом, то сжимают пальцами, то разбрызгивают во все стороны, обдавая себя, и всех и все каскадами брызг. Оба малыша охотно роются в песке, в земле, выбирая там мелкие камешки, тщательно присматриваясь к ним, перебирая, пересыпая песок с места на место, вороша, сгребая в кучки, разметывая в пространстве, насыпая в сосуды и высыпая, сопровождая весь процесс сосредоточенным созерцанием и находя неисчерпаемый мельчайший материал для разглядывания и ощупывания.

Находимые в земле и в песке твердые предметы: камешки, скляночки, гвоздики, щепочки, соломинки, палочки, спички — тотчас же используются для игры. Крупные камешки Иони внимательно осматривает, берет в рот, грызет зубами, царапает, колупает по ним ногтями, целенаправленно бросает; мелкие камешки, мелкие гвоздики, скляночки он схватывает в рот и перебирает их во рту, переворачивая языком, перегоняя от одной щеки к другой, сосет, причмокивая губами, но никогда не заглатывая. Стремится тащить в рот камешки и Руди. Острые палочки, скляночки, соломинки (замечательно!) оба малыша особенно ценят и то пытаются нарочно колоть себя ими в руку, то делают из них распорки. Иони устраивает распорку между губами, ставя ее в вертикальное положение, распялив рот, и пытается даже бегать с ней, начинает щекотать себя, ерзает на месте, старательно заботясь о том, чтобы не выронить распорку. Руди делает подобную распорку в ладони руки и тоже старается сохранить ее в этом положении даже при своем стремительном беге.

Оба малыша разделяют пристрастие ко всякого вида палкам. Иони, найдя палку, ковыряет ей в земле, стучит ей по стенам и по полу, достает ей дотоле недосягаемые для него вещи, намахивается ей, нападая и угрожая. Руди чертит палочкой по земле, бросает ее через заборы, производит ей разные разрушения, отгоняет ей собак; палкой он сшибает городки, кегли, подбивает разные бросаемые в воздух предметы. Оба дитяти разделяют пристрастие к мячам и шарам.

Прозрачные предметы (цветные стекла, пузырьки, желтые клеенки, гребенки) доставляют обоим малышам много развлечений. Получив в свое обладание подобные предметы, и Руди и Иони тотчас же смотрят через них на свет, прижимая плотно к глазам, переводя глаза с предмета на предмет, смотрят на небо, на землю, на цветы, на человеческие лица и хранят как большие драгоценности даже крохотные обрывки какой-нибудь клеенки или цветного стеклышка.

Эластичные длинные предметы, как резиновые трубки, веревки, шнурки, даже волосы, являются для обоих малышей не менее вожделенными вещами, превосходящими по своей занимательности любую оформленную игрушку. Каких манипуляций ни проделывают и Руди и Иони с трубкой! Веревки, шнуры, тесемочки обычно спутываются в клубки, петли которых оттягиваются руками, распяливаются и заманчиво приглашают к пролезанию через них, что немедленно и осуществляется...

Замечательно сходна забава обоих ребят с длинным человеческим волосом.

У Руди и у Иони особенно много общего в стремлении к разрушительным играм и в формах выполнения этих игр. Бросание, раскидывание, разрывание, ломание предметов доставляют обоим малышам самодовлеющее удовольствие; и все вещи, все игрушки, побывавшие в их руках, несут обычно на себе следы разрушительного действия их рук и зубов, представляя собой конгломерат разрозненных, разбитых, исковерканных отдельных частей того, что когда-то называлось вещью; у Иони эта страсть к разрушению была так сильна, что распространялась решительно на все: он рвал обои комнаты, грыз штукатурку стен, двери клетки, разбивал стекла, разрывал все находящиеся в его обиходе ткани. Стремление к раздиранию наволок, подушек и выпусканию из них перьев, как и выбивание стекол клетки, разрушение сетки клетки у Иони было настолько неотвратимо, что вопреки запрещению и сильному наказанию плеткой немедленно воспроизводилось с прежней энергией. Волевая настойчивость Иони была особенно сильна именно при воспроизведении этих разрушительных действий, и чем больше сопротивления разрушению представляла какая-либо вещь, тем с большей страстностью старался он доконать ее; затруднение действия как бы возбуждало его к сугубому противодействию. И, преследуя свою цель, совершая непозволенное действие, точно так же как и при оспаривании предмета или при борьбе за высвобождение из клетки и при схватывании запрещенных вещей, Иони развивал такую энергию, что готов был претерпеть всякие неприятности (брань, неудобство, боль, наказание, ссору с любимым человеком) и все же стоически-упорно стремился добиваться своей цели, не отступая от нее ни при каких затруднениях. В отношении обоих детей я замечала, как запрещение чего-либо вызывало неожиданно как раз противоположный желаемому эффект. И Руди и Иони особенно настойчиво стремились осуществить запретные действия.

У того и у другого малыша целенаправленные действия порой принимают характер капризов и осуществляются только из упрямства, потому что, зачастую настойчиво домогаясь чего-либо, крича и плача, Руди и Иони вдруг при тех же обстоятельствах отказываются от своих притязаний или, получив желаемый предмет, выказывают по отношению к нему полное равнодушие, — из чего ясно, что самый акт достижения этого предмета, а не реальная потребность в нем, руководил их стремлением его получить.

У Руди и у Иони мы замечаем проявление чувства обиды, самолюбия при неудовлетворении их пожеланий. При резком, строгом запрещении оба они поворачиваются спиной к человеку, окрикнувшему их или отказавшему им в просьбе, отвертывают от него лицо, не смотрят ему в глаза, не хотят брать из его рук самые лакомые вещи.

И Руди и Иони, совершая запретные вещи, порой пытаются «хитрить», «обмануть», замести следы ослушания, но часто по своей наивности не умеют «скрыть концов» в этом так называемом предусмотрительном поведении.

Иногда эта «предусмотрительная» политика обоих малышей носит характер «Straussenpolitik». Например Иони, беря в руки какую-либо запретную вещь, смотрит не на нее, а на человека, который запрещает взять, и берет вещь наощупь, — не видя сам похищения, видимо думая, что и другие его не замечают; у Руди эти уловки бывали еще более наивны (см. «3. Хитрость и обман.»).

У Руди (1 г. 5 м. 22 д.—2 г. 2 м. 8 д.) аналогичный тип «страусовой политики» сказывается и при игре в прятки, когда например он прячется, просто накрывая себя платком, вставая за плетеный стул (за которым он виден) или стремительно приседая на-корточки близ ступенек крыльца, закрывая себе руками глаза, поворачиваясь спиной к ищущему, и, замуровав себя от созерцания внешнего мира, повидимому полагает, что он невидим и для других.

У обоих детей при совершении проступков явно выражено чувство вины, причем Иони, провинившись, старается не смотреть на человека, стоически переносит порицание, брань, наказание как заслуженное; Руди при выговоре (2 г. 1 м. 5 д.) краснеет, надувает губы, готов расплакаться, заливается слезами — даже при легком наказании его.

Оба дитяти — Иони и Руди — являются необычайно подвижными существами не только в физическом, но и в психическом отношении: от момента утреннего пробуждения до момента вечернего засыпания, полу-

сонные, полубольные, во время еды, одевания, умывания, даже во время сидения на горшочке оба малыша попутно придумывают себе разнообразнейшие развлечения. В состоянии бодрствования, предоставленные самим себе, имея в распоряжении много предметов, оба дитяти непрестанно меняют свои действия и объекты развлечения, оба отличаются чрезвычайно распыляемым вниманием, перебрасываются от одного предмета к другому, третьему — и опять возвращаются к первому.

В свободных играх шимпанзе и человека отражаются не только несосредоточенность их внимания, непостоянство желаний, но и необычайное любопытство, прежде всего любопытство ко всему новому. Новые люди, новая обстановка, новые веши необычайно интригуют и Руди и Иони; показыванием чего-либо нового, невиданного у обоих детей можно прервать изживание любой эмоции, любой игры, возбудив их любопытство. У Руди это стремление к новизне красноречиво запечатлено было однажды при длительной прогулке такой фразой: «Я бы без конца мог итти, — только бы мне все новое смотреть!»

Все поведение Иони без слов подтверждало ту же мысль. При отсутствии новых впечатлений оба малыша обнаруживают явные признаки скуки: тогда Иони лежит на спине, безучастно глядит перед собой, ковыряет в зубах или трещит от скуки губами. Руди пристает с хныканием: «Покажи что-нибудь новенькое!» Зато как радуются оба всякому притоку новых впечатлений: чужой двор, дом, лес, новые зрелища за окнами доставляют обоим малышам неисчерпаемый источник для любопытствующего созерцания. Как длительно, жадно, не отрываясь, смотрят они оба в окна авто (при поездках в них), как настойчиво домогаются они при прогулках подсматривать в низко расположенные окна чужих квартир; как радостно забираются оба в комоды, шкафы, в корзины с разным хламом, находя там новые для созерцания вещи! Как возбуждают их любопытство все полускрытые полости (печи, отдушины, карманы, даже глубокие сосуды, пузырьки, человеческие ноздри, ушные раковины), и всюду направляются их любопытствующий глаз, обследующая рука, испытующий указательный пальчик; кажется нет ни одного вместилища в комнате, куда бы они ни захотели заглянуть глазом, что ни желали бы потрогать. И зрение и осязание равно участвуют в их ознакомлении с новыми предметами: посмотреть — это мало, надо еще пощупать руками, взять в рот, попробовать язычком, и в этом стремлении мой Руди не уступает Иони. Вопреки настойчивым запрещениям он непременно тащит в рот почти все интересующие его вещи. Выпуклые предметы интригуют моих малышей не менее, чем вогнутые, — причем в этом случае обоими производится особенно ревностное и тщательное ощупывание. Оба малыша обнаруживают порой *обман зрения*, т. е., видя например в книге изображения стереометрических предметов, они повторно пытаются схватить своими пальцами эти предметы с бумаги, и Иони в своем усердии взять во что бы то ни стало даже продырявливает бумагу, а Руди при повторных неудачных схватываниях говорит разочарованно (2 г. 0 м. 23 д.): «Никак!», — т. е. никак не может взять.

Естественно, что блестящие, яркие, движущиеся вещи особенно возбуждают любопытство обоих малышей, и оба они в первый момент при созерцании этих вещей то раскрывают рот от удивления, то позднее при более пристальном напряженном внимательном разглядывании вытягивают вперед губы, протягивают и неизменно пускают в ход указательный пальчик для обследования.

Оба малыша любят рассматривать книги с картинками и в стремлении к новым зрительным восприятиям спешно-спешно перелистывают страницы, эмоционально диференцируют рисунки. Иони, пропуская вниманием одни картины, вдруг начинает колотить другие (изображающие морды хищных животных с яркими бликами в глазах или картины обезьян). Руди (2 г. 1 м. 6 д.) при виде двух рисунков, изображающих разной величины птичек, маленькую называет «нца» (хорошая), целует ее, большую называет «бяка» (плохая); перелистывая календарь, красные числа Руди называет (2 г. 1 м. 25 д.) «харосие» (хорошие), черные — «нехаросие».

Оба дитяти нередко переносят свое любопытствующее внимание на окружающих их людей и на самих себя, занимаются саморассматриванием. Замечательно сходно протекает реакция обоих малышей на зеркало, в котором они видят свое отражение.

Несколько (7) последовательных стадий реакций на зеркало, которые зафиксированы мной у Руди, были наблюдаемы и у Иони, именно: 1) приглядывание к своему отражению в зеркале, 2) улыбание, 3) притрагивание пальцем к изображению, 4) ударение рукой по изображению, искание кого-то за зеркалом, 5) плевание на изображение, 6) трещание губами перед зеркалом, гримасничание, жестикуляция, 7) агрессивное намахивание орудием на изображение.

Оба мои малыша в процессе созерцания предметов обнаруживают тонкую наблюдательность. Иони, как и Руди, немедленно усматривает каждый новый объект, появившийся в нашей обстановке на фоне старых,

и тотчас же начинает разглядывать его. Оба малыша мгновенно замечают вновь надетое платье, обувь, украшение, даже каждую царапинку, прыщик, чернильное пятнышко на руках своих близких, усматривают крошечные соринки на полу, пятна на обоях, булавки, тоненькие иголки, крошечные случайно оброненные гвоздики, — и все это разглядывают, ощупывают, а что можно поднимают, собирают, присваивают.

Оба дитяти не только усматривают новое, но и точно узнают тождественное, сходное. В свободных играх шимпанзе я как раз и заметила его тенденцию к объединению по цвету (путем разгруппировки по кучкам 35 разноцветных пластинок[4] семи различных цветов) и к отбиранию себе для игры одноцветных — светло-синих; в другое время я замечала, как Иони отбирал себе исключительно маленькие, беленькие, круглые пластинки из группы разных по величине и цвету пластинок; иногда замечалось, как он, игнорируя несходство формы и величины (в группе, где были представлены палочки, жолуди, пластинки, прямоугольные, круглые, большие и маленькие), отбирал предметы по одному признаку цвета, объединяя их вместе. Стремление к отождествлению, ассимиляции и аналогизации — объединению предметов по одному признаку — было чрезвычайно сильно выражено и у Руди. Годовалый (1 г. 2 м. 3 д.) Руди, указывая ухо или глаз у себя по своей инициативе, указывает и ухо и глаз у своих близких. Показывая ноги у изображенной на картинке лошадки, он тянется к своим ножкам, показывая на них, бессловесно осуществляя процесс уподобления.

У обоих детей есть намеки на присутствие общих, генерических представлений предметов, обнаруживаемых в процессах замещения орудий действования, — в применении вместо карандаша палочки, пальца, гвоздя, вместо чернил — молока, киселя, воды, мочи, вместо молотка — камня, кулака; вместо салфетки, носового платка — бумажки. Иони имеет повидимому генерическое представление замка и ключа, так как прилаживает любой ключ к самым различным по внешнему виду замочным скважинам, находящимся в самых различных предметах (дверях, чемоданах и пр.).

Руди в возрасте 10 месяцев легко овладевает генерическим представлением пуговицы, и на вопрос, где пуговица, указывает самые разные по цвету, форме, материалу, величине пуговицы, прикрепленные в разных местах, на разных вещах; указывает шапочки на разных игрушечных куклах вопреки несходству их вида (1 г. 5 м. 15 д.).

Все это указывает на способность обоих малышей к элементарной абстракции и на развитие их памяти. Это последнее в особенности, заметно при учете их условно-рефлекторной деятельности.

У дитяти человека, как и у дитяти шимпанзе, без особого труда и без специальной тренировки часто образуются моторные навыки, связанные с актами самообслуживания, выражающиеся в употреблении чашки, ложки, ножа, салфетки, одеяла и других предметов обихода.

Оба дитяти самопроизвольно вырабатывают почти сходный условный язык жестов для выражения некоторых своих желаний, например просьба выражается протягиванием вперед руки, отвергание пищи — отвертыванием лица и головы, желание пить — прикладыванием руки к губам, желание обратить на себя внимание — дерганием за платье.

Из группы условных рефлексов другого порядка у обоих малышей легко установимы следующие типы:

1. Зрительно-вкусо-двигательные. Например при показывании ребятам издали знакомых по опыту лакомых вещей (например апельсинов) оба малыша с признаками радости подбегают и хватают их.

2. Зрительно-боле-двигательные. Например при ожоге о печь, об огонь оба малыша отстраняются от печи[5], от огня.

3. Слухо-двигательные. На словесное предложение (возьми, сядь, ляг, дай руку) выполняют действия[6].

4. Слухо-зрительно-двигательные. При слове «муха» Иони озирается и ищет глазами муху. Руди на вопрос «где тик-так?» поворачивает голову, ищет глазами стенные часы, останавливает на них взгляд[7].

5. Зрительно-двигательные. Я собираю книги — признак моего ухода из комнаты. Иони подбегает к двери, преграждая мне путь к выходу. Руди при переходе на улице через дорогу, завидя вдали автобус, задер-

[4] Подробно этот процесс закреплен на стр. 85 в книге автора «Познавательные способности шимпанзе», Гиз, 1924.
[5] Отмечены уже у 5-месячного Руди.
[6] Отмечены у Руди в возрасте 8—9 мес.
[7] Отмечены у 7-месячного Руди.

живает шаг, останавливается, не желая итти дальше, тогда как ранее в аналогичных случаях его приходилось удерживать за руку.

6. Зрительно-эмоционально-звуковые. При моем входе в комнату Иони с книгами — знак длительного моего пребывания в комнате — Иони взволнованно радостно хрюкает; при моем сборе книг — знак ухода — Иони плачет. Руди при моем появлении в его комнате в домашнем платье звучно смеется; при виде меня в верхнем платье — плачет, не желая, чтобы я уходила из дома.

7. Слухо-эмоционально-звуковые. Звук лифта, наши голоса, сигнал прихода, — Иони за дверью взволнованно-радостно хрюкает; звук лифта, последующая тишина — сигнал нашего ухода из дома, — Иони плачет. Скажешь: «Руди, пойдем гулять», — он целует мне руку, радостно взвизгивает. Скажешь: «Руди, пойдем гулять в парк», — он тускнеет, готов расплакаться, так как не любит туда ходить.

При анализе *природных* звуков шимпанзе и его сверстника-человека мы находим у Руди и у Иони следующие сходные звуки: «э», «у-ау»[8] , «ым» Замечено мной у Руди в возрасте 0 м. 5 д.. , «хрю-у»[9] , «у-ху» Замечено мной у Руди в возрасте 2 м. 3 д.. , «о» Замечено мной у Руди в возрасте 3 м. 2 д. (звучит как «эо»). , «ю» Замечено мной у Руди в возрасте 6 м. 30 д.. .

Кроме того у обоих малышей довольно сходны звуки учащенного дыхания, чихания, кашля, кряхтения, храпа, глубокого зевка и отчасти звук рева при плаче[10] .

Из звукоподражательных выявлений можно привести лишь немногие: оба имитируют с не одинаковым совершенством звук собачьего лая. Иони подражает лучше, так как лай является его природным звуком. Оба малыша воспроизводят из подражания звуки топания ногами, стучания руками, трещания губами.

---

[8] Замечено мной у Руди в возрасте 0 м. 1 д..
[9] Замечено мной у Руди в возрасте 1 м. 27 д..
[10] Последние семь звуков приведены в порядке уменьшающегося сходства.

Глава 17. Черты различия

Итак сходство дитяти шимпанзе и дитяти человека бесспорно, велико и многосторонне.

Но углубим наш анализ, выявим полнее, точнее и отчетливее поведение обоих малышей во всех сравниваемых нами пунктах, — и тогда мы обнаружим и иное. Мы заметим, что у того и у другого дитяти есть преобладающе развитые, специфично и преимущественно присущие тому или другому черты (см. Приложение А, *Таблица, суммирующая черты сходства и различия в поведении человека и шимпанзе*).

Говоря о сходстве сидячих поз шимпанзе и человека, мы разумели главным образом некоторые мало типичные и искусственные способы сидения (на возвышении, на скамейках, на коленях человека). Естественная типичная сидячая поза шимпанзе, повторяющаяся многократно и на наших фотографиях, — это сидение на седалище с согнутыми и плотно прижатыми к телу ногами, с крепкой опорой на опущенные руки. Как раз эта поза несвойственна его сверстнику — дитяти человека и наблюдается лишь у младенца 5 месяцев, учащегося сидеть. Наоборот, очень обычного для дитяти сидения на-корточках[1] , как и на согнутых коленках ног я никогда не наблюдала у шимпанзе.

То же несходство относится и к стоячим позам.

Правда, шимпанзе подобно человеческому ребенку может стоять вертикально, но при этом, чтобы сохранить равновесие, он всегда опирается на наружный край стопы, хотя бы одной ноги; он стоит с широко расставленными ногами, держится в этом положении чрезвычайно неустойчиво, сохраняет его лишь весьма кратковременно и в каждый момент готов искать опоры рукой, чтобы устоять.

В это время он похож на 6-месячного ребенка, который только что учится стоять и, опираясь ручками обо что-либо, также стоит, широко расставив ножки и слегка припадая на наружный край стопы. Типичное стояние для шимпанзе — это стояние на-четвереньках при наклонном положении оси тела, и в этом положении он может пребывать длительно-устойчиво. Типичное стояние трехлетнего человека — вертикальное стояние со сближенными ногами, с опорой на распластанные подошвы ног.

Еще больше сомнения вызывает вертикальная ходьба шимпанзе. О ней можно говорить лишь условно: дитя шимпанзе может пройти вертикальной походкой всего 3—4 шага, при этом, чтобы сохранить равновесие тела, он должен балансировать руками или опереться обо что-либо; он идет вертикально, лишь когда хочет обозреть окрестность на более далекое расстояние, когда вынужден настороженно озираться в незнакомой и пугающей его обстановке. Он с трудом осуществляет эту неуклюжую походку и в каждую минуту готов заменить ее своей типичной ходьбой (или бегом) на-четвереньках при наклонном и горизонтальном положении оси тела; этой быстрой, уверенной и эластичной походкой он опережает не только сверстника-ребенка, но и взрослого человека[2] .

Даже при ведении шимпанзе за руку он склонен от времени до времени опираться свободной рукой о землю, чтобы облегчить себе передвижение. Если у 9—11-месячного ребенка мы наблюдаем еще при ходьбе несколько наклонное положение тела и балансирование руками, то уже трехлетнее дитя легко и уверенно ходит и бегает вертикальной походкой, будучи в состоянии итти без устали в течение 1—2 ½ часов.

Освобождение руки от функции передвижения по земле приводит к тому, что человеческое дитя при ходьбе и бегании обычно берет в руку какой-либо предмет, несет его, везет его, намахивается им; дитя шимпанзе, желая захватить что-либо с собой, не склонен нагружать руки, а вынужден схватить предмет ртом, ногой и волочить его по земле.

Мы упоминали о способности обоих детей к лазанию по лестницам, по деревьям. В способе и совершенстве выполнения этих моторных навыков мы видим между шимпанзе и человеком наибольшее расхождение. В то время как Иони мог влезать на лестницы лишь на-четвереньках и так же на-четвереньках (головой вниз) спускался с лестницы вниз, — Руди влезал на лестницы этим способом лишь в возрасте от 1½ до 2 лет (причем, спускаясь со ступенек, дитя всегда пятилось назад, вперед ногами), но в возрасте 3 лет дитя уже входит на лестницу и сходит вниз человеческой вертикальной походкой, не нуждаясь в подсобничестве рук.

[1] Кратковременное приседание на-корточки я замечала у шимпанзе лишь эпизодически — при испуге и при волнении.

[2] Подобной походки на-четвереньках я не могла заметить у своего ребенка ни на какой стадии его развития, так как даже при ползании дитя (8—9 мес.) опирается на распластанные ладони и на коленочки, а не на ступни ног и согнутые пальцы рук, как то наблюдается у шимпанзе.

Дитя человека в возрасте 3—5 лет с трудом может взобраться на высокий ровный ствол деревца, еле-еле держится на нем своими слабыми ручками; напряженная гримаса искажает его личико, оно каждую минуту мешком готово свалиться на землю. Дитя шимпанзе, легко, проворно и уверенно цепляясь своими четырьмя конечностями, взбирается не только на деревья, но и на высокие заборы, на строения, добирается по наклонным скатам крыши до самого конька и продолжительно и бесстрашно разгуливает на высотах, цепляясь за узенькую реечку конька крыши, быстро спускаясь вниз по отвесным столбам и скатам, превосходя по способности лазания самого искусного гимнаста.

Нога шимпанзе по сравнению с ногой человека обладает не только гораздо большей гибкостью в пальцах, но и большей подвижностью в вертлужном суставе, и например Иони зачастую мог закидывать свою ногу так высоко кверху, что она приходилась почти под тупым углом по отношению к другой его ноге, чего Руди никак не мог бы сделать и чего достигают только акробаты путем длительной специальной тренировки.

Дитя шимпанзе и дитя человека часто, подолгу радостно прыгают, пружиня на ногах, стоя на одном месте, но только человеческий ребенок способен прыгать на одной ноге и только у шимпанзе отмечена мной манера перескакивания с ног на руки, с рук на ноги — прыгание при стоянии в горизонтальном положении.

В итоге сравнения анатомо-физиологических черт человека и шимпанзе (ходьбы, бега, прыгания, лазания), крепости и выносливости тела, силы рук и зубов, остроты органов чувств выявляется большая приспособленность шимпанзе по сравнению с человеком.

Обратимся к дивергенции поведения шимпанзе и человека, связанной с инстинктом самоподдержания.

В то время как человеческое дитя совершает все процедуры, относящиеся к жизненному обиходу (например к еде, питью, одеванию, умыванию, причесыванию) крайне поспешно и небрежно и всегда как бы стремится отделаться от них поскорее как от нудных и скучных занятий, — дитя шимпанзе ест, пьет, занимается самообследованием и самоочищением с величайшим вниманием, тщательностью и настороженностью.

Прежде чем взять в рот кусок даже привычной пищи, Иони обнюхивает его, отведывает несколько раз крохотными кусочками и потом поедает медлительно, смакуя особенно нравящуюся пищу. Если Иони получит молоко, охлажденное более обычного, он совершенно не хочет его пить или, взяв в рот, переполаскивает во рту, согревает и тогда уже глотает. Иони никогда не заглатывает твердых предметов (косточек плодов и тем более несъедобных вещей, как то наблюдалось у Руди). Иони с отвращением относится к примеси в пищу масла и к еде мяса (в особенности куриного), жадно употребляет в пищу некоторых насекомых (даже находимых на себе паразитов). Руди очень охотно ест масло и мясо и так брезглив по отношению к насекомым, что даже попадание в пищу крохотного червячка или мушки заставляет его брезгливо морщиться и отвергать еду. При съедании особенно лакомых вещей Иони издает звучное кряхтение, переходящее в глухое откашливание. Руди при аналогичных обстоятельствах не только глухо кряхтит, но порой воспроизводит мычаще-ворчащий звук (напоминающий звук, издаваемый маленькими медвежатами, сосущими молоко).

В то время как человеческое дитя в процедурах еды, питья, одевания тяготится подсобничеством взрослого и стремится к самостоятельному овладению различными предметами обихода — чашкой, ложкой, мылом, полотенцем, одеждой, — дитя шимпанзе совершенно не тяготится этим помоганием и несклонно по своей инициативе усовершенствоваться в этого рода навыках. Иони неуклюже и неохотно пьет из чашки, с блюдца, нередко держит посуду не только рукой, но и ногой. Руди пользуется посудой и выполняет все обиходные навыки, связанные с самообслуживанием, более совершенно, чем Иони.

Ранее мы отмечали у обоих малышей нежелание поделить с другими свою лакомую пищу, но здесь мы должны оговориться и привести на справку, что в то время как Иони совершенно не желает делиться лакомством даже при просьбе самого близкого, «любимого» человека, Руди все же уделяет другому (на просьбу) хотя бы микроскопические кусочки, а при наличии у самого двух кусков легко отдает один просящему. И это несмотря на то, что вообще Иони обнаруживает в еде большую расточительность, чем Руди, и например в попытках отведывания пищи портит и раскидывает неиспользованной массу съедобного материала.

Дитя шимпанзе в процессе самоочищения и самообследования пытается заниматься и самоизлечиванием, вынимая занозы, зализывая ранки и царапинки, пуская на них слюни, расковыривая, высасывая кровь, вздрагивая от боли и тем не менее не прекращая своих манипуляций; дитя человека, поранившись, заполучив занозу, увидев кровь, пугается, кричит, бежит за помощью к взрослому, не решаясь само и дотронуться до болезненного пункта; более того, в то время как Иони охотно поддается многообразному лече-

нию, производимому близким человеком, Руди зачастую противится всяким лечебным манипуляциям или переносит их с ревом, обливаясь слезами.

Наблюдая поведение обоих малышей, связанное с процессами засыпания и укладывания, мы видим, что дитя шимпанзе заботится о самостоятельной подготовке ложа, устройстве мягкого наста, подобия гнезда, и даже при наличии заботливо постеленной кровати всегда хлопотливо перемещает подстилки, как-то по-своему подбивая их руками, располагая мягкие подстилки больше к периферии, чем к центру, делая подобие изголовья; человеческое дитя пользуется постелью, совсем не имея склонности каким бы то ни было образом устраивать, оформлять ее по своему вкусу. Замечательно то, что в то время как Руди всегда стремится натянуть себе одеяло возможно выше, до шейки, и даже стремится «нырять» под одеяло, укутываясь с головой (вопреки настойчивым противодействиям взрослых), Иони никогда (даже в более холодное время года) решительно не позволяет накрыть себя до шеи и сам натягивает одеяло лишь до середины туловища, всегда высвобождая руки и оставляя непокрытой грудь. У сонного Руди я нередко замечала говор, плач и жестикуляцию, — Иони не издавал во сне звуков и не делал никаких жестов[3] .

Быть может противодействие укрыванию рук у Иони было обусловлено желанием иметь свободные руки как орудие возможной самообороны во время наиболее беспомощного состояния сна. Неслучайно Иони всегда противился всяческому одеванию себя даже в легкие фуфайки и категорически сдергивал с себя компрессы, повязки, не желая переносить обвертывание даже одного пальца в случае его пореза, чему Руди особенно не сопротивлялся. Руди стремился к самостоятельному надеванию одежды, обуви и с трудом, но все же преуспевал в этом. Иони кроме накидывания одеяла не умел и не желал употреблять никаких других одежд.

Быть может мы имеем здесь также дело с более сильно развитым у Иони инстинктом свободы. Характерно, что в то время как выпущенный на волю, на свободу Руди был склонен бежать в даль «куда глаза глядят», у Иони была необычайная тяга к высотам, и вот он взбирался на заборы, крыши дома, где мог разгуливать целыми часами (между прочим Иони неизменно взбирался на высоты перед испражнением и мочеиспусканием).

Лишение свободы более чутко и болезненно воспринималось Иони, чем Руди, — вероятно уже в силу того, что маленький африканец, лишаясь свободы передвижения, обрекался на одиночное заключение в комнате, в клетке, тогда как человеческое дитя все время проводило в сообществе людей.

Имеются черты расхождения у обоих сравниваемых детей и в проявлении их инстинкта защиты и нападения, в частности наблюдается различие не только в формах внешнего проявления эмоции страха, но и в вызывающих его стимулах.

В то время как Руди при испуге обычно розовел личиком и прижимал ручки к груди, Иони бледнел, весь пушился и, делая оборонительный жест рукой, обычно приподнимал руку перед лицом или прижимал ее ко лбу, защищая глаза. В состоянии ужаса (при испуге от ружейного выстрела, гулкого разрыва, при вспышке магния), симптомы которого я не имела случая наблюдать у Руди, Иони припадал лицом к земле, скрещивал руки над головой и производил непроизвольную дефекацию.

Я никогда не замечала, чтобы Руди так панически пугался резких световых и звуковых стимулов, как то наблюдалось у Иони, который между прочим обнаруживал еще особенный страх перед пресмыкающимися (крошечной черепахой, ужиком), перед мехами (в особенности перед показанной пятнистой шкурой пантеры). Несвойственно было Руди бояться каких бы то ни было обонятельных стимулов, что так часто обнаруживалось у Иони. Я определенно могла бы сказать, что Иони был более пуглив, чем Руди; тем замечательнее, что Иони скорее и самостоятельнее преодолевал страх перед пугающим его объектом, — следовательно он был смелее, мужественнее сверстника — человека. Боясь чего-либо, Иони, где это было возможно, старался по своей инициативе воспроизводить повторную встречу с пугающим стимулом, в результате чего и осваивался с ним, переставая бояться; Руди, боясь чего-либо, вовлекал взрослого в сообщество для преодоления своего страха, превозмогал страх с посторонней помощью.

Иони был и более обороноспособен по сравнению с Руди.

Нередко можно было видеть у боящегося шимпанзе особые «позы угрозы», когда, весь распушенный, увеличенный в размерах, чуть не вдвое больше нормальной величины, встав на-четвереньки, Иони, устре-

[3] Если не считать сходного для обоих малышей подергивания во сне и храпа.

мив взор в пугающий его объект, перепрыгивал с рук на ноги, с ног на руки, как бы грозясь наскочить на врага, и в решительный момент фактически производил такой наскок, оскалив зубы и десны, отвернув верхнюю губу, издавая гаркающий звук, вставая в вертикальное положение, схватывая зубами, яростно кусая и, если возможно, растерзывая свою жертву; не будучи в состоянии этого конкретно сделать, в приступах бессильной злобы Иони начинал кусать даже самого себя.

Конечно Руди никогда не давал мне такой рельефной картины ярости по отношению к тем же самым пугающим объектам (чучелам, шкурам зверей), которые вызывали ярость Иони. Охваченный злобным чувством, Иони зачастую сжимал в кулаки не только пальцы рук, но и ног, — Руди сжимал в кулачки пальцы рук[4].

Весьма интересно, что максимальную ярость я наблюдала у Иони в частности при показывании ему чучела маленького (6-месячного) шимпанзенка, в то время как чучело самого Иони (показанное 13 лет спустя 2½-летнему Руди) вызвало у моего малыша самые нежные чувства. Конечно у Руди вообще не было и следа того ненавистнического, издевательского, злобного отношения к маленьким животным, мелким насекомым, которое так часто обнаруживал Иони к самым безобиднейшим существам, которых он не только мучил, бил, терзал, но готов был совершенно уничтожить (например лягушку, рака, жуков, тараканов и т. д.).

Как раз именно к насекомым, к маленьким животным (живым и игрушечным) Руди питал особенную ласку и нежность, выказывал им симпатию, покровительство, помощь, сочувствие, когда они попадали в беду, пытаясь их защитить, стремясь помочь пораненным животным, с негодованием сопротивляясь ловле мышей, ухаживая за меньшими по возрасту детьми и оказывая им всякие услуги[5].

Мы говорили о сочувствии обоих малышей близким взрослым людям и о посильном заступничестве их обоих за этих людей, но только Руди, видя явные признаки болезненного состояния любимого человека, выражал свое сочувствие плачем, слезами, не будучи в состоянии сдержать своих печальных чувств.

При этом, характерно, я никогда не могла обнаружить у Иони тенденции к тому, чтобы поступиться своими эгоистическими интересами, поделиться с милым ему человеком хотя бы вкусной едой или пожертвовать ради него собственным благополучием.

Даже при просьбе Иони не желал угостить его лакомством, даже при заступничестве Иони делал попытки защиты только до тех пор, пока это не угрожало ему самому, — как скоро опасность возрастала, Иони предпочитал ретироваться, оставляя своего подзащитного на произвол судьбы.

Руди загорался подлинным чувством мести и злобы именно при защите маленьких животных от больших и например в стремлении разнять дерущихся собак, оттаскивая большую, так горячился, что забывал всякую опасность, грозящую ему самому. Мне не раз приходилось подмечать, как Руди прекращал всякие веселые шумные забавы и проказы, если ему говорили, что кому-либо из близких нездоровится. В поведении уже 3-летнего ребенка мы усматриваем самопроизвольно выявляемые зачатки справедливости, права, морали, альтруизма, намека на что не оказывается у шимпанзе.

Самое большое, что в этом направлении мной было обнаружено у Иони, — это случай задержанной злобы по отношению к близкому человеку; когда однажды (при смазывании Иони носа) я случайно причинила ему боль, он яростно схватил было мою руку зубами, но в последнюю секунду слегка отпрянул и лишь слабо сжал челюсти, не укусив.

В отношении выявления нежных чувств у того и у другого малыша мы видим колоссальную дивергенцию: у Руди имелись рельефные формы словесного выражения нежности, выявляющие силу, глубину и настороженность его чувства любви (в частности любви к матери).

Наблюдая у шимпанзе и у человека другие формы социального общения, именно с посторонними, взрослыми людьми, мы замечаем у Иони по сравнению с Руди более скорый контакт, более фамильярное обра-

[4] Характерно, Руди, делая кулак, большой палец располагал сверху от других, Иони, наоборот, покрывал большой палец другими. Замечательно: в талантливой книге Фрица Кана «Человек» указано, что психически неполноценные люди, как и младенцы, оформляют кулак так же, как и шимпанзе.

[5] Как уже упоминалось, внешние условия воспитания обоих малышей в этом отношении были почти одинаковы: не только не поощрялось, но прямо запрещалось мучить живых животных, причинять им боль; у обоих я старалась вызывать чувство жалости к обижаемым животным, но лишь Руди дошел до сочувствия им, а в отношении Иони я так и не преуспела. И принципиально трудно допустить, чтобы какими бы то ни было педагогическими приемами возможно было возбудить у Иони и добиться от него реального проявления жалости к ниже его стоящим существам.

щение с чужим человеком и определенные деспотические наклонности, выражающиеся в стремлении к сохранению руководящей роли в подвижных играх с людьми, в нежелании подчиняться и в стремлении властвовать. Чем меньше и беззащитнее существо, с которым Иони вступает в общение, тем сильнее выражаются деспотические и порой истязательские замашки шимпанзе. Иное у человеческого дитяти: как легко отдается оно инициативе взрослого, как радостно выполняет всякие данные ему поручения! В сообществе с равными себе по возрасту дитя выявляет формы товарищеского, братского объединения; в общении с меньшими по возрасту детьми, с безобидными живыми и игрушечными зверями, с игрушками Руди наичаще устанавливал формы семейственного, покровительствующего, организованного общения.

Обращаемся к указанию различия между дитятей шимпанзе и сверстником-человеком в области собственно эмоциональных проявлений. Ранее мы говорили о сходстве выразительных движений у Руди и у Иони при переживании ими основных эмоций (волнения, печали, радости, злобы, страха, отвращения, любопытства, удивления, нежности) и о сходстве подавляющего большинства внешних стимулов, вызывающих эти эмоции. Здесь, уточняя наше сопоставление, мы должны подчеркнуть, что объективное выражение эмоций в мимике, пантомимике и звуках у шимпанзе гораздо рельефнее, чем у человека. Сила, выразительность, выпуклость, длительность проявления эмоции у шимпанзе позволяют нам легко прослеживать последовательные стадии развития его эмоций в их объективном проявлении, что в отношении внешних сравнительно бледно оформляемых эмоций человека с трудом удается сделать.

Например при волнении шимпанзе пушится, зачастую привстает в вертикальное положение, издает модулированный ухающий звук, сжимает в кулачки ноги, производит выразительную жестикуляцию руками. Руди, испытывая волнение, розовеет, воспроизводит учащенное дыхание.

Переживая эмоцию печали, отчаяния, заходясь оглушительным ревом, Иони ломает, раскидывает в стороны, взметывает кверху руки, падает навзничь, упирается головой в пол, кувыркается через голову; при этом лицо шимпанзе несколько темнеет, но слез нет. Слабая степень огорчения, преддверие плача, выражается у Иони вытягиванием вперед губ и стоном.

Руди при максимальном огорчении плачет, причем проливает порой обильные слезы, которые скатываются со щек прямо на пол; его лицо краснеет; его рев не так оглушителен, как рев Иони, его жестикуляция более сдержанна; зачастую он прижимает ручки к лицу и трет кулачками свои глаза, вытирая слезы (этого жеста вследствие отсутствия слез нет у Иони). Слабая степень огорчения[6] , предваряющая плач у Руди, выражается отворачиванием нижней губы (только в возрасте до 1½ месяцев дитя человека плачет подобно Иони, без слез).

В то время как радостные переживания человеческого ребенка сопровождаются звучным смехом и другими визжащими и кричащими звуками (появляющимися у ребенка уже в возрасте от 3 до 4 месяцев и все возрастающими позднее), у шимпанзе звучного смеха нет, и даже в моменты его легкой щекотки, когда лицо шимпанзе озарено широкой улыбкой, глаза блестят и он явно весел и оживлен, мы не слышим звучного смеха, а лишь учащенное дыхание.

Мы уже упоминали о том, что при испуге у ребенка человека розовеет лицо, он вскрикивает, прижимает руки к груди, — шимпанзе при аналогичной эмоции несколько бледнеет, пушится, издает кратко-звучное глухое «у». При яростной злобе шимпанзе откидывает вперед отдернутую от десен верхнюю губу, обнажает десны, раскрывает рот, колотит суставами сложенных пальцев раздражающий стимул; дитя человека, охваченное злобным чувством, плотно стискивает зубы, сжимает кулак, стоя на месте, топает обеими ногами.

Нежные чувства человеческое дитя больше было склонно выражать прижиманием своего лица, поцелуем; шимпанзе выражает их прикосновением раскрытым ртом (что свойственно лишь ребенку до 2½ лет), притрагиванием высунутым языком, чего у ребенка человека совсем не замечается.

У ребенка человека мы рано (в возрасте 2 лет) замечаем речевые формы выражения нежности.

Эмоция удивления у человека сопровождается сильным вздохом, досада — ворчащим глухим звуком, эмоция отвращения у человека оттеняется слабым, как бы кашляющим, кряхтящим звуком, у шимпанзе первая и последняя эмоции проходят совершенно беззвучно, а досада сопровождается хриплым звуком. У шимпанзе удивление, волнение и страх зачастую сопровождаются пушением волос на лице и на теле.

[6] Особенно неожиданного огорчения.

У шимпанзе любопытство и внимание сочетаются с обнюхиванием интригующего стимула, чего не наблюдается у ребенка человека.

У человеческого дитяти есть своеобразная, свойственная отчасти и шимпанзе мимика: высовывание вперед языка при напряженном настороженном движении руками; в аналогичных случаях шимпанзе, высовывая язык, вращает им (см. стр. 202 [159], стр. 225 [173], стр. 232 [178]).

Что же касается диапазона условий выявления эмоций, то здесь мы наблюдаем у шимпанзе и человека значительное расхождение. Сравнивая три основные эмоции (волнение, печаль, радость), мы усматриваем, что в то время как эмоция волнения по частоте ее насту-пания занимает в психической жизни шимпанзе колоссальное место, предваряя развитие всех основных аффектов, у человеческого ребенка эта эмоция сравнительно редка и слабо выражена. По сравнению с Руди Иони зачастую реагировал на окружающее бурно, но неопределенно, мало диференцированно: он как бы не сразу мог учесть, какого порядка встречаемый им стимул (благоприятного или неблагоприятного) и как (радостно или печально, оборонительно или наступательно) на него реагировать?

Дитя человека в подавляющем большинстве случаев отвечает эмоционально точнее: либо радуется, либо огорчается, боится или сердится при явном выключении длительного промежуточного этапа волнения; дитя человека безусловно скорее учитывает биологическую значимость для себя того или другого стимула и спешит отреагировать на этот стимул определенным образом.

Далее у человеческого дитяти диапазон выявления радостных, печальных, нежных эмоций, как и эмоций с познавательным оттенком (как например любопытства, удивления), значительно шире. Приведем на справку, как чутко чувствует дитя человека физическую боль и заливается слезами при малейшем ушибе; вспомним, как часто плачет ребенок из сочувствия близким и по поводу огорчений идейного порядка (из самолюбия в случае неуспешности выполнения своих творческих репродуктивных, конструктивных действий), что лишь в виде исключения наблюдается у малыша шимпанзе. У дитяти человека имеется также большее поле для возбуждения радостных эмоций: у него очень рано в онтогенезе проявляется особая форма познавательной радости — чувство комического в ответ на неожиданные экстраординарные комбинации привычных стимулов; это чувство вскрывает нам, что дитя замечает всякое уклонение от нормы (учитывает нормативный элемент), развлекается новшеством, радуется ему. Как сильно огорчается дитя в сфере своих идейных устремлений (в случае их невыполнения), так же сильно оно радуется им в обратном случае, и это необычайно увеличивает диапазон проявления его радостных чувств. Несомненно больший масштаб, силу и глубину развития имеют у ребенка любопытство, внимание, удивление, и его речевые реакции вскрывают это совершенно безапеляционно.

В итоге нашего сравнения эмоциональных проявлений дитяти человека и дитяти шимпанзе обнаруживается, что внешнее выражение почти, всех эмоций у шимпанзе оказывается более экспрессивным, нежели у человека; даже его беззвучный смех компенсируется издаванием оглушительных звуков, воспроизводимых посторонними способами, его бурная радость начинается заливчатой бравурной ухающей гаммой, заканчивается звонким лаем, сопровождается безудержными неистовыми движениями, не говоря уже о чрезвычайной выразительности эмоции волнения, печали, злобы, страха и др. И только в отношении проявления нежных чувств мы видим почти одинаково интенсивное их внешнее выражение[7] .

В общем по карикатурной выразительности объективного внешнего выявления своих эмоций дитя шимпанзе может быть сравнимо с душевнобольным человеком с его утрированной мимикой и пантомимикой.

Что же касается диапазона проявления эмоций, т. е. широты и многообразия стимулов, их вызывающих, — то мы должны сказать, что здесь у малышей наблюдается большое расхождение: в то время как у шимпанзе наблюдается больший масштаб в развитии чувств волнения, страха, злобы, у дитяти человека мы имеем большее поле для выявления радостных, печальных, нежных чувств и чувств с познавательным оттенком (любопытства, удивления).

Руди гораздо более, чем Иони, был склонен к подражанию человеку, и его подражательные действия были более многообразны и эффективны. В то время как Иони мог имитировать лишь единичные действия, Руди мог воспроизводить целую серию таких действий. Он подражал профессиям взрослых и более или менее точно репродуцировал их образ действия; он желал подражать взрослым своим костюмом; он имитировал мимику и жесты, разговор и интонацию; он мог звуко-подражать не только человеческому голосу, но и со-

[7] Оттеняемые у человека тонкими, глубокими речевыми выражениями любви и привязанности.

пению, храпу, пению, хохоту; он пытался воспроизводить крики некоторых зверей и птиц (например каркание ворона, визг и писк морских свинок) и звуки, издаваемые неодушевленными предметами (например тикание часов, трещание руло занавеси, скрип двери, звук пропеллера и т. д.). В сущности все усвоение ребенком речи базируется сначала на процессе бессознательного, позднее — сознательного подражания.

В возрасте 2½ лет Руди по своей инициативе частично или полностью имитирует фразу из трех слов, стишки, запоминая наизусть написанные в стихотворной форме целые книги[8] , имеющие до 86 строф. Конечно Иони в этом отношении колоссально отставал от своего сверстника, и его звуковые имитации ограничивались только подражанием лаю собак и подражанием звукам шимпанзе, нарочно воспроизводимым человеком и с энтузиазмом подхватываемым и с воодушевлением повторяемым самим обезьянчиком.

А если мы вспомним подражательные действия ребенка человека, связанные с употреблением орудий, с конструктивными играми, то и здесь человеческое дитя необычайно опережает шимпанзе. Возьмем хотя бы действия с молотком и карандашом.

Иони несмотря на все свои старания ни разу не забил ни одного гвоздя. Руди (уже в возрасте 2 г. 1 м. 10 д.) точно забивал гвозди. Рисование Иони несмотря на многократное употребление карандаша не вышло из первой стадии черчения, в котором изредка наблюдалась тенденция к воспроизведению взаимноперекрещивающихся линий, в то время как Руди пытался делать уже оформленные рисунки; анализ этих рисунков, как и сопровождающих их высказываний, выявляет стремление ребенка к диференцировке своих рисунков, к отождествлению действительности с изображением, попытки качественной квалификации изображенного, обнаруживающей улавливание характерных черт натуры, наличность в сознании дитяти представления реальных предметов, способность к сравнению рисунка с натурой и желание выправления рисунка по натуре; в случае безуспешности этого последнего ребенок производит красочное словесное дополнение недостающей выразительности рисунка, свидетельствующее о деятельности его воображения. Все эти высококачественные атрибуты человека, наблюдаемые в процессах его изобразительного творчества, и отдаленно не могли быть выявлены в поведении шимпанзе.

Обращаясь к указанию различия в эгоцентрических инстинктах дитяти шимпанзе и дитяти человека (в частности инстинкта собственности), мы определенно должны указать, что шимпанзе более агрессивно охраняет свою собственность от посягновения на нее посторонних, более страстно оспаривает понравившуюся ему вещь, чаще и ловчее применяет разные хитрые уловки, чтобы заполучить в свой обиход запрещенные желанные вещи. Для Иони характерно сравнительно слабое освоение собственности, — бурно добиваясь приобретения вещи, страстно оспаривая ее, он слабо утилизирует эту вещь, если она не имеет непосредственного отношения к обиходу его жизни (как например зачастую присваиваемые подстилки); иногда прямо видишь, как самый процесс приобретения вещей, а не присвоенный объект стимулирует его достижение. Иони обычно выказывает полное равнодушие к подавляющему большинству своих вещей и как будто и не заботится об их сохранении, не прячет их, — но это лишь до тех пор, пока не возникнет опасность их утраты; как скоро Ионина вещь привлекает чужое внимание, как раз в этот момент она приобретает для него особую ценность, и он неистово, запальчиво отстаивает ее. Руди по сравнению с Иони более жадно накопляет собственность (в частности палки, камешки), он больше склонен приобретать собственность мирным путем, ревностнее сохраняет ее, тщательнее прячет, не так страстно защищает от взятия, как Иони, и вещи, для него более нейтральные (эмоционально недорогие ему или слабо освояемые в обиходе), он очень легко и просто отдает другим детям при первой же их просьбе, говоря: «зачем мне?», вскрывая этим признанием, что вещи неосваиваемые не представляют для него ценности. Зачастую он не хочет отдать исковерканную игрушку и дарит вновь купленную, но мало участвовавшую в его играх.

Естественно, что использование приобретаемого сырого материала у Руди несравненно более целенаправленно и продуктивно, чем у Иони. Даже такие нейтральные предметы, как «бросовый материал» (палки, камни, железки), дитя утилизирует в своих конструктивных играх; правда, не всегда дитя может точно ответить, зачем ему та или иная палочка, но приходит время — и оно употребляет ее в своей игре. Зачастую дитя уже сразу оценивает достоинство собираемого и его будущее назначение.

В избирательных собственнических тенденциях Руди и Иони мы наблюдаем некоторое расхождение и в примитивно-эстетическом чувстве — именно в пристрастии к определенным цветам. В то время как Иони наичаще берет себе для игры цветные пластинки синего цвета, Руди предпочитает красные; у Руди больше, чем у Иони, развито стремление к самоукрашению, самолюбованию при надевании на себя нравящихся вещей.

[8] Например «Железная дорога» Дурова, изд Мириманова, 1927.

Дитя человека переносит свои эстетические тенденции из мира реальных вещей и в область познавательных развлечений, оно не только избирательно относится к различным рисункам, но качественно квалифицирует их; при повторном выборе книг для чтения оно отвергает одни и берет другие, оно неодинаково относится даже к прочтению отдельных страниц этих книг, радостно прослушивая одни страницы и не желая слушать другие. В числе предпочитаемых книг обычно оказываются книги с новым, динамичным, веселым, образным, фантастическим содержанием. Лишь у дитяти мы замечаем пристрастие к фантастическому элементу, свидетельствующее о деятельности его воображения.

Шимпанзе целиком изживается в мире конкретных вещей и соотношений, и быть может лишь в его играх мнимой борьбы и в играх с создаванием препятствий (и то с большой натяжкой) мы можем допустить у него замещение действительного воображаемым.

Несомненно, что у Иони был более развит половой инстинкт: все его аффектированные состояния неизменно сопровождались половым возбуждением, которое также можно было заметить у шимпанзе при его возне с футбольным мячом, при играх борьбы с мягкими предметами, даже намека на что не обнаруживалось у Руди при аналогичных обстоятельствах.

В итоге анализа инстинктивной деятельности дитяти шимпанзе и человеческого ребенка мы обнаруживаем, что у Иони были сильнее выражены почти все виды инстинктивной деятельности (инстинкт самоподдержания, самосохранения — защиты и нападения, — свободолюбие, собственнический, социальный и половой инстинкт), и только в отношении инстинкта подражания шимпанзе уступал человеку.

Наименьшее расхождение между дитятей шимпанзе и сверстником-человеком наблюдалось в игровых процессах, особенно в сфере подвижных игр.

Руди склонен был развлекаться мнимым передвижением и нередко устраивал длиннейшие цуги экипажей, имитировавшие поезда, садился сам внутрь и делал вид, что едет; в комнате он зачастую имитировал мнимую езду на коньках и на лыжах, вставал на бруски, вставлял ножки в большие туфли и делал скользящие движения. Такие мнимые способы передвижения никогда не осуществлялись Иони и видимо не занимали его.

В то время как 3-летний Иони длительно мог кататься на дверях, прицепившись к дверным ручкам своими сильными руками, Руди только в возрасте 4 лет мог кататься на дверях и после двух-трех проездов уставал держаться и вынужден был отцепиться. Несомненно что вследствие большей силы и цепкости рук Иони все виды гимнастических игр (лазание, висение, качание, прыгание) ловчее, легче замысловатее осуществлялись дитятей шимпанзе, нежели человеком. Руди весьма кратковременно (2—5 сек.) мог висеть на своих слабых ручках. Иони же висел несколько минут. Иони мог, зацепившись ногами, провисать вниз головой и быть в таком состоянии 2—3 секунды, чего Руди совсем не мог осуществить. Иони легко и бесстрашно спрыгивал с высоты 2 м и выше, Руди не боялся спрыгивать лишь с высоты $^1/_4$ м. Иони смело и быстро взбирался на высоту двухэтажного дома, Руди не боялся влезать лишь на высоту 2 м.

При анализе спортивных игр обоих малышей можно отметить следующие дивергентные черты.

Иони благодаря своему более страстному темпераменту отдавался всем видам соревнования более горячо, чем Руди; Иони развивал больший азарт при играх отнимания, высвобождения, ловли, в скорости схватывания и отнимания брошенной вещи, в ловкости выскальзывания из плена и убегания от преследования.

При неудачном финише Иони почти никогда не плакал, но чаще всего злобился на партнера; Руди, наоборот, при проигрыше зачастую разражался горьким плачем. Руди особенно страстно отдавался борьбе, игре вперегонки, конкурируя в скорости бега.

Наблюдение игр с преодолением самостоятельно возводимых препятствий показывает, что в то время как Иони при передвижении загружает себе рот, ноги (беря в них предметы), Руди обременяет себе руки; в то время как Иони упражняется более в преодолении затруднений, связанных с актом ношения предмета (во рту и в ногах), в умыкании вещей, в процессах пролезания, продирания (накладывая на себя тяжести, застревая в узких проходах, зацепляясь, зажимая себе шею, голову), Руди изощряется в актах перепрыгивания (через барьеры), ходьбы, езды (на дрезине, на велосипеде) по неровностям (по мостикам, по балкам), усовершенствуя деятельность ног. Руди при ходьбе упражняется в ношении и в вожении предметов руками.

Характерно, что в играх с создаванием препятствий Иони зачастую причиняет себе боль и стоически переносит ее (накладывая на себя такие тяжести, что едва может дышать); Руди, наоборот, избегает боле-

вых ощущений и упражняет свою смелость. Дитя человека тренирует больше свою психическую изворотливость, дитя шимпанзе — выносливость своего тела.

Наблюдая игры в прятки, способы прятания обоих малышей, мы должны сказать, что Иони прячется лучше, совершеннее, скрытнее и хитрее, чем Руди.

Наблюдение игр с живыми животными обнаруживает у Иони формы деспотических, истязательских игр — преследование, мучительство, избиение, тискание, борьбу и даже уничтожение живых существ. Руди настойчиво пытается вовлечь живое (а порой и игрушечное) животное в круг своих человеческих интересов, образует организованную игру, в которой осуществляется серия последовательно и порой преемственно развертывающихся действий, воспроизводящих эпизоды из жизненного обихода взрослых (пожар, демонстрацию, путешествие, ловлю, охоту).

В этих играх одушевления зверей, более чем в каких-либо других, разыгрывается воображение ребенка, и он начинает приписывать и навязывать своим живым и мертвым товарищам человеческие чувства, мысли и слова. Замечательно, что дитя не принимает все эти присвоения всерьез. Оно отдает себе отчет, что его игрушечные куклы, звери не совсем как люди, не равноправные товарищи, но «как будто люди»! И это сказывается например в том, что, подставляя лошадке книжку и заставляя ее читать, Руди читает не по-человечески, а по-особому: «по-лошадиному» (говорит за лошадь ряд нечленораздельных бессмысленных слогов). Руди заставляет куклу высказывать неверное суждение. И это убеждает нас в заключении, что в играх со зверями и неодушевленными предметами дитя не подменивает одну действительность другой, не оперирует с реальными мысленно замещенными предметами, но как бы поднимается над реальной сферой в область воображаемого, творчески фантазирует, преображает действительность, не отрываясь от нее вполне, но и не сливаясь с ней путем ее полного замещения.

Если допустить, что дитя шимпанзе тоже обнаруживает формы «мнимой» борьбы с врагом, «мнимого» сопротивления кому-то, «мнимого» затруднения (в играх преодоления, самопроизвольно воздвигаемых им нарочитых препятствий), то все же надо отметить, что он так полно, страстно, эмоционально тонированно переживает эти игры, что ясно видно, что в этих подменах или есть полное замещение реальных предметов их манекенами, т. е. психическое слияние с подмененной действительностью, либо вообще шимпанзе не производит никакой мысленной подмены, и все эти препятствия принимает как таковые, т. е. связанные с конкретными предметами и не более того.

В своих играх с одушевленными и неодушевленными сотоварищами дитя зачастую берет на себя руководящую роль, но в этой роли оно пытается воплотить самые высокие, благородные и нравственные качества — мужество (которого не хватает у него в обиходе жизни), великодушие, жалость и милость к слабым, обиженным, угнетенным (представляя и этим последним полную противоположность Иони).

При развлечении обоих детей звуками мы наблюдаем, что в то время как Руди (уже в возрасте 3—4 месяцев и особенно позднее) склонен был развлекаться звуками собственного голоса (сначала нечленораздельными, потом членораздельными, потом бормотанием слов, выкриками, потом репродукцией рифмованных самим нечленораздельных слогов, чужих стишков, пения), у Иони не было ни малейшего намека на голосовое развлечение вопреки его большой склонности к самостоятельно воспроизводимым звукам; вспомним хотя бы его трещание губами, хлопание своим оттянутым веком, стучание по жесткому субстрату руками и твердыми предметами, треньканье на туго натянутой резине и т. д.

В играх экспериментирования с огнем, водой, песком, твердыми, мягкими, прозрачными, эластичными и колющими предметами у обоих детей мне пришлось подметить следующие дивергентные особенности.

Руди доподлинно экспериментирует с вещами, он пытается не только обнаружить конкретные свойства тех или иных предметов окружающей действительности, но стремится дойти до причины и даже первопричины проявления и исчезновения тех, а не других свойств.

Например Руди (2 г. 5 м. 27 д.), развлекаясь пламенем свечи, дунув на огонь, поражается его исчезновением и спрашивает: «где же огонечек? Куда же девался огонечек?» и начинает его искать, заглядывая под столы, стулья, пытаясь найти его там[9] .

[9] Только однажды мне удалось подметить у Иони очень похожее поведение, когда я намазала его скипидаром. Когда скипидар стал его щипать, Иони подобно Руди стал заглядывать всюду кругом себя, ища невидимого врага, щипавшего его, — но в данном случае

Иони, потушив спичку, не обнаруживает никаких внешних признаков удивления и недоумения, спокойно принимая факт исчезновения огня как таковой. Аналогичное экспериментирование было обнаружено у Руди и при оперировании с водой (см. стр. 367 [265]), с твердыми предметами (с фотографическим раздвигающимся треножником, с часами, см. стр. 373 [269], стр. 450 [332]).

Нечего и говорить, что подавляющее большинство присваиваемых бросовых предметов Руди использует в конструктивных играх, чего Иони совсем не делает. При оперировании с сыпучим материалом (песком, землей) Иони ограничивается тем, что насыпает его в сосуды, высыпает и снова пересыпает, делает кучки, ямки в земле, в песке. Руди скоро (2 лет) это уже не удовлетворяет, он пытается конструировать песок, делает песочные куличики, зоологический сад, зарывая игрушечных зверей в песок, делая в песке подобие клеток.

В играх с твердыми, острыми предметами Иони был более развязен и смел, чем Руди; последний никогда не решался брать в рот и развлекаться переборкой языком груды гвоздей, что так часто делал Иони.

Точно так же Руди никогда не упражнялся в устройстве острых распорок между губами, но лишь в ладонях рук; и здесь дитя человека явно избегало болевых ощущений.

В то время как Иони ограничивается лишь собиранием прутиков и палочек и в лучшем случае употребляет палку как подсобное орудие для доставания предметов, недосягаемых с помощью руки (например беря прутик и выпугивая из щелей тараканов, доставая длинной палкой удаленную люстру), Руди оформляет палку, делает из палочек кнутик, аэроплан, колодец, лодку и самые разнообразные сооружения.

Естественно, что в обиходе Иони разрушительные игры занимали большее место и осуществлялись с большим воодушевлением и эффективностью, чем у Руди. Иони развлекало самодовлеющее разрушение, и он легко справлялся с помощью своих сильных рук и крепких зубов с раздиранием и разрушением таких предметов, с которыми Руди не мог бы справиться. Руди тоже с увлечением предавался разрушительным играм, но, не будучи в состоянии достичь желаемого большого эффекта своими природными средствами, щадя свои слабые руки, он рано берет в руку орудие действия — палку, камень — и разрушает с их помощью. Он не довольствуется разрушением того, что около него, а стремится достичь и то, что за пределами его досягаемости; и он чаще, чем Иони, бросает палку или камень целенаправленно; он хочет достичь большего эффекта и вынужден свои разрушительные действия сочетать с созидательными; он пытается делать себе рогатку, лук, шашку; он радостно стреляет из игрушечного ружья, пугача.

Очень характерно было и то, что в то время как подражательные действия Руди были наиболее продуктивны в сфере конструктивных действий, у Иони они были более эффективны в деконструктивной деятельности. Руди берет орудие, чтобы сделать что-то, пытаясь осуществить, как умеет и может, машины и аппараты (аэроплан, лодку, поезд и т. д.), он делает зоологический сад, мост, дом, телефон, клетку, колодец. И как он восторженно радуется, когда осуществляет что-либо!

Как быстро прогрессирует[10] Руди в совершенстве выполнения хотя бы постройки дома (см. Табл. B.119, воспроизводящую конструирование дома ребенком в возрасте 2, 2½ лет, 3 лет, 3 мес).

Иони, наоборот, более преуспевает в актах вынимания, нежели забивания гвоздей, сбрасывания, нежели надевания трапеций, отпирания, нежели запирания замков, развязывания, но не завязывания узлов и т. п.

Очень интересно, что в распоряжении обоих малышей были одинаковые разборные висячие кегли. И в то время как Иони длительно мог заниматься тем, что разъединял эти кегли на части и тянулся ко мне, чтобы я собирала их, а сам опять разъединял их, — Руди, наоборот, разъединив эти кегли, продолжительно упражнялся в том, что вновь и вновь сам их восстановлял, к чему Иони совсем не стремился.

Опережая разрушительные тенденции, у человека возрастает стремление к конструктивным играм. У Иони я заметила воспроизведение подобия двух вещей — струнного инструмента и погремушки. Однажды он насыпал опилки в пузырек и пытался ими греметь. В другой раз он оттянул рукой надетое на голову резиновое кольцо и получил дребезжащий звук, — тогда он зацепил кольцо за клык, оттянул резину вперед еще больше и стал тренькать на ней как на струне.

его любознательность была пробуждена исключительно наличным реальным стимулом болезненного щипания, а не познавательным идейным стремлением.

[10] Разумеется самостоятельное усовершенствование ребенка в процессе его самодеятельности.

У Руди на 3-м году его жизни мы наблюдаем бурное возрастание конструктивной деятельности, выражающейся в самостоятельной репродукции предметов обихода, способов передвижения, аппаратов, машин, домов, учреждений, более или менее совершенно имитирующих реальные предметы. (См. также Табл. 4.10 — конструирование ребенком подобия аэроплана).

Правда, в этом возрасте конструктивные сооружения дитяти примитивны, скудны и представляют собой жалкое подобие действительности, но это не огорчает ребенка, он ярко представляет себе, что должно быть, что он хотел сделать, но чего он не смог выполнить, и вот он на крыльях фантазии взлетает мысленно в нереальный мир и творческим законодательным актом, всесильным словом: «пусть будет!» повелевает своим пароходам и лодкам — плыть, своим поездам — двигаться, своим аэропланам — лететь.

Это изумительное воображение, эта метаморфизирующая способность на тусклой, жалкой канве действительности, располагая скудными средствами и слабыми неопытными детскими ручками, получать желанные яркие достижения также является специфично человеческим свойством.

В итоге анализа игр шимпанзе и человека оказывается, что в то время как у шимпанзе большее развитие имеют игры подвижные, гимнастические, спортивные, игры с преодолением самостоятельно возводимых препятствий, игры с живыми животными, игры разрушительные, и этим играм дитя-шимпанзе отдается наиболее страстно, — у человеческого дитяти более развиты игры подражательные, конструктивные. Почти в равной степени оба малыша предаются играм движущимися предметами, играм экспериментирования, причем последние игры у человека проходят явно более осмысленно, чем у шимпанзе, и имеют глубоко развивающее значение. Именно в этих играх ребе нок предстает пред нами не как пассивный созерцатель наблюдаемых феноменов, но как активный естествоиспытатель, «экспериментатор», применяющий метод естественного эксперимента, выявляющий свойства предметов и домогающийся причины их появления. В подражательных, конструктивных и экспериментирующих играх уже в возрасте 3 лет дитя человека обнаруживает перед нами такие качества, которые делают его с возрастом преобразователем мира.

В неудержимом непрестанном стремлении шимпанзе и человека к развлечениям так ясно обнаруживается их психическая иницативность, большая у ребенка, дерзающего имитировать взрослому в осуществлении не только того, что в пределах его слабых сил и возможностей, но и того, что ему еще не по возрасту и не по силам.

В процессе протекания самостоятельных игр шимпанзе и человека а к ясно проступает распыляемость, несосредоточенность их внимания, особенно свойственная шимпанзе, у которого игры на протяжении даже короткого времени представляют собой мозаично сцементированный процесс из обрывков разных взаимно не связанных и не обусловленных действий, прерываемых на любом месте и внезапно вновь возобновляемых; у человеческого ребенка мы наблюдаем зачастую организованные формы игры, включающей большую или меньшую серию последовательно развертывающихся, длительно, целенаправленно осуществляемых действий (см. например игры с живыми животными и с куклами).

И Руди и Иони часто обнаруживают любопытство, но только у человека это любопытство распространяется в область познавательных интересов, переходит в любознательность.

Переходя в сферу выявления собственно интеллектуальных черт шимпанзе и человека (их любознательности, наблюдательности, способности к узнаванию, отождествлению, генерализации, абстракции, сравнению, логическому умозаключению, к деятельности их воображения и памяти) и желая уточнить дивергентные специфические особенности обоих детей, мы должны подчеркнуть следующее.

Если бы мы исходили из того, что дает нам непосредственное наблюдение — при выключении словесного высказывания, — мы должны были бы ограничиться тем, что привели уже в части, выявляющей черты сходства Иони и Руди, и следовательно в этом аспекте мы логически вынуждены были бы поставить обоих малышей почти на одном уровне.

Но разве это соответствовало бы подлинному положению вещей? И разве мы имеем право умолчать о детских словах, о детской речи, вскрывающей сокровища, накопляемые в тайниках души ребенка, составляющих его ценнейший клад? Этот клад мы должны откопать, выявить и взять на учет, и только тогда мы выявим ребенка как целостного и полноценного индивидуума.

В речи дитя человека воспроизводит процессы сравнения, суждения, практического обобщения, логического умозаключения, обнаруживающие подлинную работу его ума, понимание значения употребляемых

им слов, оперирование с понятиями. Речь дитяти как раз и помогает нам уяснить степень освоения и претворения им действительности.

Отсутствие речи у шимпанзе и делает то, что путем непосредственного наблюдения шимпанзе (вне рамок эксперимента) мы затрудняемся сказать, в какой степени свойственны и ему эти высшие интеллектуальные процессы, так легко обнаруживаемые у ребенка, в его непрерывной, милой, наивной, но такой глубоко содержательной болтовне. Детские слова ярко отражают на периферию сокрытые от нас внутренние психические процессы, совершающиеся в тиши, в тайниках души ребенка.

Эти детские слова подобны лучам, исходящим от настоящего брильянта, который, собирая в своем фокусе отовсюду окружающий его рассеянный свет, преломляя его через свои тончайшие грани, направляет в наш глаз каскады ослепительных огней, сила и причудливость игры которых помогают нам судить о качестве природного камня и о тонкости его шлифовки.

И детская яркая, образная, красочная речь, именно она нам вскрывает, как многоцветна, многогранна, переменно игрива, невыразимо прекрасна и по существу своему прогрессивна эта человеческая душа. Она пленяет, восхищает и радует наш ум и сердце.

Этой причудливой, тонкой, многообразной игры, в особенности игры психических, интеллектуальных сил и способностей, мы не видим, не обнаруживаем у шимпанзе.

Проведя наше сравнение далее, мы склонны были бы уподобить психический интеллектуальный склад шимпанзе и его тусклые неясные сумеречно-серые проявления конечно даже не фальшивому брильянту с его ослепляющим, но фольговым блеском, и не природному неотшлифованному алмазу, который еще может дать искристый блеск при соответствующей обработке, но разновидности прозрачного, сияющего, лучистого, играющего алмаза, его собрату по происхождению — тусклому, серому, однообразному графиту.

И как только мы примем во внимание речевые высказывания человеческого дитяти, мы немедленно должны будем заменить все те знаки равенства, которые мы готовы были поставить в области интеллектуальных процессов 4-летнего ребенка человека и сверстника шимпанзе, на знаки больше >, больше > и больше >; и этот знак больше >, обращенный развилком в сторону человека, как знак, выражающий количество, уже выглядит жалко, бледно, невыразительно, хочется сказать, — нет, не сказать, а крикнуть: не только больше, но и лучше — *качественно выше*, несравнимо, невыразимо совершеннее!..

Глава 18. Заключение

Теперь, на основании уже исследованного материала мы можем перевести наше внимание в другое русло.

Что же представляет собой современный шимпанзе?

Мы определенно можем сказать, что это не только не «почти чело век» («Almost Human»), как принято его называть, это — «by no means Human» («никоим образом не человек»). И следующие аргументы подтверждают эту мысль.

Сходство дитяти шимпанзе со сверстником-человеком обнаруживается во многих пунктах, но лишь при поверхностном наблюдении обоих малышей в инстинктивных, игровых, эмоциональных выявлениях; оно особенно велико при сопоставлении их поведения в сравнительно нейтральных сферах действия — в некоторых видах игр (в подвижных, разрушительных, спортивных играх, в играх экспериментирования), во внешнем выражении главных эмоций, в волевых действиях, в некоторых условно-рефлекторных навыках, в элементарных интеллектуальных процессах (любопытстве, наблюдательности, узнавании, уподоблении); в нейтральных звуках (кряхтении, храпе, учащенном дыхании, стонах, плаче), — но как скоро мы начинаем углублять наш анализ и пытаться провести знаки равенства между одинаковыми формами поведения у обоих малышей, мы убеждаемся, что не в состоянии этого сделать, и вынуждены поставить знаки неравенства, обращенного развилком то в сторону шимпанзе, то в сторону человека. И в конечном результате мы наблюдаем дивергентное расхождение обоих созданий. И в итоге оказывается, что чем более витально важные биологические черты мы берем для сравнения, тем чаще шимпанзе получает перевес над человеком; чем более высокие и тонкие психические качества входят в центр нашего аналитического внимания, тем чаще шимпанзе уступает в них человеку.

И наконец мы находим у человека такие специфические черты, которых мы совершенно не можем отыскать у шимпанзе и которые выпадают из поля нашего сравнения, это из группы анатомо-физиологических черт — вертикальная походка и ношение в руках; в области инстинктов — звукоподражание человеческому голосу (отсутствие смеха, пения, членораздельной речи, репродукции слов); в области эмоций — моральное, альтруистическое чувство и чувство комического; в области эгоцентрических инстинктов — легкое уступание собственности; в области социальных инстинктов — мирное организованное общение с ниже себя стоящими существами; в области игры — творческие, изобразительные и конструктивные игры; в области интеллекта — воображение, осмысленная логическая речь, счет; в области привычек — игнорирование жизненно полезных, обиходных навыков, отсутствие слухо-интеллектуально-звуковых и зрительно-интеллектуально-звуковых условных рефлексов.

С другой стороны, замечательно то, что у шимпанзе мы не находим ни одной психической черты, которая не была бы свойственна человеку на той или иной стадии его развития.

Даже ultra-специфические свойства шимпанзе как хождение на-четвереньках (из области моторики), обнюхивание новых предметов и продуктов, употребляемых в пищу, ощупывание губами и языком (из области деятельности органов чувств), позы угрозы, кусание (из области инстинктивных действий), волнение, сопровождающее аффекты, и своеобразная мимика общей возбудимости (при выражении эмоций), развлечение острыми и колющими предметами, игра с созданием искусственных препятствий (из области игры), условный язык жестов (из сферы условно-рефлекторных актов), стремление к противодействию (в сфере волевых действий) — в той или иной степени развития присущи и человеческому дитяти.

Единственно специфически-шимпанзиное — способность к издаванию ухающе-хрюкающего модулированного звука, заканчивающегося лаем (сопровождающего эмоцию общей возбудимости), как и гаркающий звук злобы и хрипящий звук досады, я никогда не слышала у Руди, но я уверена, что за исключением первого звука дитя при соответствующем предложении (быть может после тренировки) легко и точно могло бы их все воспроизвести.

И, что быть может глубоко симптоматично, — если мы будем проецировать те или иные телесные и психические черты шимпанзе на онтогенетические возрастные периоды человека, мы придем к своеобразному выводу.

По своему лицу, изборожденному глубокими морщинами, 3—4-летний шимпанзе напоминает дряхлого старика, прожившего долгий жизненный путь — примерно 60—70 лет жизни.

По функциям своих органов чувств (обоняния, зрения по нашим наблюдениям[1]), тонкости и остроте их развития дитя шимпанзе превосходит зрелого человека, находящегося в полном расцвете своих жизненных сил (24—35 лет).

По силе своих рук и зубов и по моторике дитя шимпанзе превосходит физически развитого юношу (16—18-летнего возраста).

По развитию своих витально-важных инстинктов (самоподдержания, самосохранения, собственнического, социального и др.) шимпанзе может быть сопоставлен с отроком, переступившим порог 7 лет.

По силе и выразительности своих эмоций дитя шимпанзе может быть уподоблено психически больному человеку (пережившему тяжелый, душевный свих), с его карикатурной мимикой, утрированными театральными телодвижениями и бурной необузданностью аффектированных состояний.

По своим разрушительным, подвижным и спортивным играм дитя шимпанзе может быть приравнено к человеческому дитяти аналогичного возраста (т. е. от 1 ½ до 4 лет). И только — в этом.

По своим творческим, конструктивным играм шимпанзе уже отстает от сверстника-человека и может быть сравнен с дитятей от 1 до 1½ лет.

По способности к образованию условных рефлексов дитя шимпанзе может быть приравнено к ребенку от 6 месяцев до 1½—2 лет.

По способу общения языком жестов и телодвижений дитя шимпанзе сопоставимо с ребенком от 9 месяцев до 1½ лет.

По некоторым звукам[2] оно сопоставимо с дитятей, находящимся в периоде времени от первого дня рождения до 2—3 месяцев.

И по членораздельной речи (звучному смеху, пению, рифмованной и прозаической речи) шимпанзе конечно абсолютно не может быть сопоставлен с ребенком человека.

25 запротоколированных мной звуков, издаваемых Иони при различных эмоциональных состояниях, все входят в лексикон уже 7-месячного Руди; уже 8-месячный Руди воспроизводит слово из 4 букв, а в возрасте года он упорно упражняется в словообразовании; вскоре после года (1 г. 2 м. 20 д.), употребляя слово как название предмета и позднее все дальше и больше обогащаясь словами, дитя с каждым днем жадно набирает все новые слова, стремясь к пониманию их значения, требуя называния предметов, складывая фразы, сначала (1 г. 5 м. 10 д.) из двухсловных, скоро (1 г. 8 м. 2 д.) трехслойных, позднее (1 г. 11 м. 2 д.) четырехсловных предложений. И тогда дитя сопровождает непрерывной болтовней все свои действия и недвусмысленно откровенно, непосредственно выявляет нам весь сложный психический механизм своей души: свою тонкую наблюдательность, точное узнавание, смелое отвлечение, элементарную логику.

Теперь мы должны чрезвычайно акцентированно обратить внимание на то, что дитя шимпанзе, обладая зачатками некоторых специфично человеческих свойств и способностей, не склонно (по своей инициативе) их упражнять и изощрять даже в том случае, если они дают ему определенные выгоды, и если оно заведомо уступает в них сверстнику-ребенку.

Например шимпанзе может пройти два-три шага вертикальной походкой, он всегда привстает, когда идет по открытому месту, и озирается (это ему нужно, полезно), но я никогда не замечала, чтобы Иони пытался упражняться в этом вертикальном хождении.

Шимпанзе зачастую хочет нести за собой какую-либо вещь, но он берет эту вещь в ногу, так как не имеет свободной руки, и не несет, а везет, волочит предмет, теряет его и заведомо затрудняет себе ходьбу, но и это не побуждает его к самотренировке в вертикальной ходьбе[3] и упражнению в ношении в его цепких, крепких руках.

[1] А по данным других авторов, например L. A. Kellogg'a, — и всех остальных органов чувств.
[2] Связанным с физиологическими состояниями (напр. по храпу, кряхтению, кашлю и т. п.
[3] Что принципиально возможно, ибо известны случаи, когда антропоиды, содержащиеся в зоосаде, могли длительно передвигаться вертикальной походкой (напр. оранг Jacob в Гамбурге).

Дитя шимпанзе, слыша непрестанно человеческие звуки, реагируя правильно на некоторые словесные приказания человека, употребляя разнообразные природные звуки для выражения различных чувств, приобретая сложные условные, пантомимические и мимические знаки для выражения своих желаний, — тем не менее не имеет ни малейшей тенденции к звукоподражанию человеческому голосу, усвоению слов, облегчающих его сношение с человеком, углубляющих их взаимный контакт.

Больше того, как показали опыты проф. Йеркиса[4] , шимпанзе не усваивает этот звуковой язык и после настойчивой специальной тренировки его в этом направлении.

Шимпанзе радостно стремится к экспериментированию с разнообразными предметами, страстно стремится заполучить себе в обиход какую-либо вещь, горячо оспаривает свою собственность, но он не только не осваивает эти предметы в форме какой-либо конструктивной деятельности, но чаще всего их разрушает. Не случайно у шимпанзе сильнее развито деконструктивное, а не реконструктивное подражание.

Все имеющиеся у меня от шимпанзе Иони рисунки не обнаруживают четкого прогрессирования в его изобразительной деятельности (рисовании), — повидимому сам двигательный акт черчения карандашом и нанесение линий являются для шимпанзе самодовлеющим развлечением.

Дитя шимпанзе в человеческом обиходе не имеет стремления к самостоятельному и совершенному овладеванию предметами обихода (посудой, орудиями действия, связанными с его кормлением, уходом за ним), хотя вполне могло бы освоить их употребление. Иони никогда не тяготился подмогой в этом деле ухаживающего за ним человека в противоположность человеческому ребенку.

Дитя шимпанзе страстно тянется к общению, но затем его общение с более слабыми существами отливается в форму их преследования и изничтожения, в то время как оно могло бы сделать себе из них товарищей, если не для обслуживания его, то для развлечения.

Итак, шимпанзе: 1) в области функционально-биологической — игнорирует усовершенствование в вертикальной походке и освобождении руки от функции хождения по земле; 2) в сфере инстинктивной деятельности — игнорирует упражнение в звукоподражании и расширении объема и совершенства выполнения подражательных действий; 3) в сфере эмоций, альтруистических и социальных, — он недооценивает радость и преимущества благожелательного контакта и мирного общения с ниже себя стоящими существами; 4) в сфере навыков — он не усовершенствует моторные навыки, связанные с употреблением всякого рода предметов обихода и орудий; 5) в сфере игры — не изощряется в творческих конструктивных играх.

Трудно предрешить, насколько шимпанзе смог бы продвинуться в этих специфично человеческих свойствах, но характерно, что у него — этого сильного, инициативного, сангвиничного, волевого, деятельного животного — нет желания, нет самомалейшей тенденции развиваться в этих направлениях и особенно в том, в чем быть может природа ему и отказала или чего не додала.

Как же резко, как же принципиально отличается он от сверстника-человека, дерзающего преодолевать свои физические и психические несовершенства!

Дитя человека со своими слабыми ручонками не умеет лазать, но оно стремится лезть, падает, ушибается, плачет и все же научается лазать (хотя не так совершенно, как шимпанзе); пройдут года, — оно наденет на ноги «кошки» и взберется на большие высоты, чем шимпанзе. Дитя уступает шимпанзе в беге, но уже 3 лет оно надевает лыжи, коньки и стремится ускорить свой бег, а потом лет через 20 будет брать рекорды скорости — в авто и поезде. Дитя боится прыгать с больших высот, не умеет летать, но ему страстно хочется лететь, и в возрасте 3 лет оно, растопырив ручки и махая ими, бегает по комнате и кричит: «давай летать». Дитя вырастет — и ринется в воздушные струи на аэроплане, дирижабле, стратостате.

И так во всем: свои зубы и руки, слабые по сравнению с таковыми шимпанзе, дитя человека дополняет орудием действования, хватая камень и разбивая кости плодов, беря клещи, молоток, топор там, где шимпанзе разгрызает зубами, действует своей сильной рукой. И тогда-то оказывается, что сила человека — в его слабостях, в его непреоборимом стремлении к преодолению своих природных недостатков.

Быть может именно в процессах постоянных преодолений физических несовершенств гипотетический предок человека становился путем психической изворотливости подлинным человеком.

[4] См. его работу R. M. Yerkes — «Chimpanzee Intelligence and its vocal Expressions», Baltimore, U. S. A., 1925.

Преодоление природной слабости тела, рук и зубов заставило человека трудиться, взять в руку орудие, и стать техником и изобретателем.

Слабость витально важных эгоистических инстинктов (самоподдержания, самосохранения) должна была уравновеситься усилением инстинктов альтруистических, социальных (в форме организованного мирного, благожелательного общения).

Большая эмоциональная ранимость, расширенная сферой физических страданий, привела, с одной стороны, к развитию сострадания, лежащего в зачатке моральных чувств, с другой — в противовес печальным чувствам — возбудила особую форму радостных переживаний, чувство комического.

Малая выразительность человеческой мимики будировала к употреблению дополнительных голосовых атрибутов и побуждала к упражнению в звуках.

Организованное общение неминуемо требовало более диференцированных способов взаимного понимания, чем стереотипная мимика, и это достигалось выработкой членораздельной речи.

Быть может этот предок человека, попав в скудные внешние условия существования, неминуемо и непрестанно должен был изощряться в труде, в употреблении орудий, в творческом освоении среды и окружающих предметов, чтобы получить себе все необходимое для жизни в борьбе за существование.

Отсутствие реальных благ или их недоступность для использования заставляли его замещать недостижимое конкретное — воображаемым и замещать мир действительных соотношений — миром фантазии, давшей начало возникновению искусства.

Таким образом могли возникнуть семь специфически человеческих атрибутов: 1) труд, 2) изобретательство, 3) организованное общение, 4) мораль, 5) чувство комического, 6) речь, 7) искусство.

Изречение «вперед и выше!» как бы становится бессознательным девизом жизни человека еще задолго до того, как он осознает себя мыслящим существом. Человек как бы стремится вместо «одного таланта», отпущенного ему природой, приобрести «семь» и более...

Наоборот, дитя шимпанзе — в том аспекте, как мы его наблюдали, — кажется существом, несклонным приумножать свои таланты; скорее даже хочется сказать, что быть может это существо, зарывшее в землю таланты, которые когда-то имело.

Итак, и наше описание, и наш анализ, и наш синтез вплотную подводят нас к квалификации шимпанзе как существа закоснелого в своей ограниченности, регрессивного по сравнению с человеком, существа не желающего или не могущего прогрессировать в своем развитии.

«Was ein Hackchen wird krummt sich bei Zeiten» (крючок загибается заранее), и если дитя шимпанзе в самые нежные и податливые для усовершенствования годы не обнаруживает этого стремления к усовершенствованию в том, в чем оно отстает от человека, — вряд ли оно сможет преуспеть в этом в зрелые годы, когда весь психический и физический склад его оформится и закоснеет еще больше...

И вот теперь, в конце исследования, оказывается, что тот мост, который я старалась перекинуть через психическую бездну, разделяющую шимпанзе от человека, затрещал... Этот сложный громоздкий мост, который я подобно добросовестному инженеру конструировала так настойчиво, так тщательно, так терпеливо, выверяя пригодность и прочность каждого кирпича (каждого слагающего исследование факта), чтобы вывести монументальное сооружение, по которому легко будет соединить дотоле разрозненное, — этот мост с треском рухнул. Как это было для меня поразительно!

Мне казалось, что, поведя моих двух малышей с разных сторон этого моста и заставив их пойти навстречу друг другу, после длительного и трудного пути я конечно увижу их в центре моста встретившимися, братски подавшими друг другу руки и психически соединившимися.

Но что же оказалось на самом деле?

Если в начале постройки (при морфо-биологическом сравнении шимпанзе и человека) мой — соединяющий путь имел лишь отдельные малые бреши, которые можно было игнорировать и на которых готовые встретиться малыши лишь как бы спотыкались, в центральном и самом ответственном пункте — на грани интеллекта и устремления к прогрессу — в пункте, под которым разверзавшаяся бездна оказывалась наиболее зияющей и бездонной, — мой мост дал провал, и в этот провал неожиданно для меня со свойственной ему экспансивностью как раз низвергнулся шимпанзе, оставив своего человеческого сверстника высоко-высоко наверху над собой, недоуменно вопрошающим и не понимающим, где и куда девался тот, кто стоял перед ним сейчас так близко и которому он только что готов был братски протянуть руку.

Удастся ли мне поднять шимпанзе до уровня человека и снова новой формой опыта и в новой и еще более высокой сфере деятельности собственно экспериментально установить у шимпанзе интеллектуальные черты, зачатки которых должен был иметь древнейший «Proanthropos», чтобы стать «Homo Sapiens», ответит готовящийся к печати третий том моего исследования: «Способность шимпанзе к различению формы, величины, количества, к счету, к анализу и к синтезу».

Только тогда, охватив всесторонним сравнением весь психический склад дитяти шимпанзе и дитяти человека, можно будет углубиться и в вопросы генеалогии и уточнить их родственное взаимоотношение.

Быть может заключительные строки этой книги, как бы удаляющие от конечного решения генеалогической проблемы, разочаруют многих моих читателей.

Чтобы оправдаться перед ними, я напомню уже избранную в предисловии аналогию.

Кто из нас, подойдя вплотную к подножью высочайшей горы, сможет подняться сразу и прямо до ее вершины?

Человек может видеть эту вершину отчетливо, ясно и близко, но, пытаясь восходить все выше и выше, он задыхается, останавливается, не будучи в силах взять разом крутой подъем.

Приближаясь к высочайшему пункту, человек вынужден отказаться от прямого и кратчайшего пути, принужден избрать окольную, круговую, зигзагообразную тропу.

Наблюдающим издали порой кажется, что путник кружит и удаляется от конечной цели, — сам путник твердо знает, что каждый пройденный шаг приближает его к ней.

Вместо упрека будет справедливее пожелать усталому путнику сил и энергии для завершения его пути.

Приложение А. Таблица, суммирующая черты сходства и различия в поведении человека и шимпанзе

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	Сравнение поз и телодвижений шимпанзе и человека		
§ 1. Сидение	Сидение с опорой на руки[a]	Искусственые сидячие позы (сидение на возвышенностях) и некоторые нетипичные для шимпанзе и человека позы	Сидение на своих согнутых коленях и на корточках[b]
§ 2. Стояние	Кратковременное вертикальное стояние с опорой на наружный край стопы с широко расставленными ногами.[c]Типичное стояние на 4 конечностях.[d]	Вертикальное стояние	Вертикальное стояние длительное, с опорой на плюсну, со сближенными, с вытянутыми в коленях ногами. Типичное стояние на 2 конечностях.
§ 3. Ходьба	Кратковременная вертикальная ходьба у настороженного шимпанзе (типичная ходьба на 4 конечностях при наклонном положении тела)[e]	Вертикальная ходьба	Продолжительная вертикальная ходьба на длинном расстоянии при выпрямленном положении тела
§ 4. Лазание	Лазание по ступеням лестниц в горизонтальном положении, на-четвереньках[f], совершенство лазанья по высотам: деревьям, заборам, крышам.	Лазанье по ступеням лестниц и по деревьям	Лазанье по ступеням лестниц без поддержки руками, в вертикальном положении; несовершенное и кратковременное лазанье по деревьям
§ 5. Хватание	Хватание ногой (большим пальцем ноги)[g]. Ношение в ногах и во рту при ходьбе (цепкость ноги), висение на ногах.	Висение на руках[h], хватание руками.	При ходьбе ношение в руках, отсутствие цепкости большого пальца ноги.
§ 6. Прыгание	Перепрыгивание с ногм на руки, с рук на ноги	Прыгание на ногах, стоя на одном месте	Прыгание на одной ноге
§ 7. Лежание	Лежание с подтянутыми к голове ногами (во время сна) — подвихность вертлужных суставов ног	Лежачие позы на спине, на боку, на животе, во время сна подкладывание руки под голову, притягив. ног к туловищу	Во сне закладывание обеих рук под голову
	Сравнение внешнего выражения эмоций[i] у шимпанзе и человека		

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
§ 8. Эмоция волнения	Пушение волос при волнении, модулированный ухающий звук, сжимание кулаков ног, errectio penis; жестикуляция руками. Привставание в вертикальное положение.	Выражение волнения — трубообразное вытягивание вперед губ.	Звук усиленного вздоха при волнении, порозовение лица
§ 9. Эмоция печали	Громовой рев, экспрессивная жестикуляция. Потемнение лица при плаче (плач без слез)[j]; падение лицом вниз, упирание головой в пол, перекувыркивание через себя. Вытягивание губ (звук «уу») при внезапном огорчении	Выражение печали — плач, раскрывание рта, рев, падение на пол, судорожные движения руками	Слезы при плаче, покраснение лица, прижимание рук к лицу, вытирание слез; отвертывание нижней губы при внезапном огорчении; есть печальный вздох
§ 10. Эмоция радости	Учащенное дыхание при «смехе»[k], широкая улыбка — беззвучная[l]. При радостном волнении — ухающий звук, заканчивающийся звонким лаем	Выражение радости — узкая и широкая улыбка, издавание звуков посторониими предметами. Беспорядочные движения руками, бурные, резкие движения конечностей и всего тела	Звучный смех, хохот, визг, крик
§ 11. Эмоция страха	Пушение волос, глухой звук «у», побледнение лица, падение на пол; поднимание рук вверх или прижимание их к глазам	Выражение страха — расширение глаз, неподвижность взгляда и позы, вздрагивание. сердцебиение, выступание пота на лице, прятание от пугающего стимула, убегание, рев, плач	При страхе порозвение лица, потом побледнение, прижимание руки к груди. Звуки «ох», «ах», «ой»
§ 12. Эмоция злобы	Пушение; прыгающие позы угрозы, гаркающий звук «а»; сжимание пальцев ног в кулаки; откидывание верхней губы, ударение суставами пальцев рук, хриплое дыхание при злобном волнении; звуки «ух», «хрю» (при досаде — хрипение)	Выражение злобы — сморщивание верхней части лица, обнажение десен и зубов, агрессивыне жесты руками — кусание, топание ногами, намахивание орудием и кулаком[m], щипание пальцами, царапание, ударение рукой, кусание самих себя; разбрасывание предметов; стремление пугать	Топание обеими ногами, ударение кулаком руки. Употребление готового или самостоятельно сделанного орудия и оружия; крик, усиление голоса (при досаде — ворчание)
§ 13. Эмоция нежности	Прикосновение раскрытым ртом, вытянутым языком, дрожание телом; поцелуй — как ис-	Выражение нежности — держание за руку, прикосновение руками, припадание широко откры-	Поцелуй как правило; словесное выражение нежности и сочувствия и плач из сочувствия лю-

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	кусственный способ выражения ласки. Помощь из сочувствия, не доходящая до самоотверженности.	тым ртом[n], учащенное дыхание, защипывание губами, засасывание ртом, обнимание, припадение телом, поцелуй. Выражение ревности и сочувствия любимым.	бимым, самоотверженная помощь из сочувствия. Выражение нежности к неодушевленным и изображенным существам
§ 14. Эмоция отвращения	Беззвучное выражение вкусового отвращения	Выражение отвращения — вжимание внутрь углов рта, четырехугольное оформление ротовой щели; сморщивание верхней части лица, вздергивание носа	При вкусовом отвращении обильное слюноотделение; слабый кашляюще-кряхтящий звук
§ 15. Эмоция удивления	При удивлении — пушение; звука нет	Выражение удивляения — широкое пассивное раскрывание рта, пристальная фиксация взором	Воспроизведение звука «а» и глубокого вздоха; порой характерное разведение рук в стороны
§ 16. Эмоция любопытства и внимание	Обнюхивание интригующих предметов, ощупывание их руками при одновременном произведении губами мнимо схватывающих движений	Выражение любопытства и внимания, вытягивание вперед сжатых губ, (звук — м), притягивание указательным пальцем. Ощупывание руками и ртом интригующих предметов. Сходные обманы зрения при рассматривании стереометрических изображений и оценке расстояния.	
§ 17. Специфичная мимика	Вращение высунутым языком — при трудно координируемых движениях	Плотное сжимание рта, губ при настороженной координации движений пальцев	Высовывание вперед языка при трудно координируемых движениях
	Сравнение стимулов[o] вызывающих основные эмоции		
§ 18. Стимулы, вызывающие основные эмоции	Страх, вызываемый обонятельными стимулами; одиозное отношение к беззащитным существам; отсутствие плача при физических страданиях. Самостоятельное преодоление чувства страха.	Сходство подавляющего большинства стимулов, вызывающих основные эмоции — волнения, печали, радости, страха, злобы (мести), нежности (сочувствия), удивления, любопытства, отвращения	Печаль — плач от физической боли, плач из сочувствия; «идейный» плач[p] и смех[q]. Проявление нежности к беззащитным существам. Самоотверженная защита слабых. Преодоление страха с посторонней помощью
	Сравнение инстинктивных действий[r]		
§ 19. Инстинкт самоподдержания — питание	Звучное кряхтение при вкусной еде; предварительное тщательное обнюхивание и отведыва-	Сходство в процессах питания (обеспечение еды и питья, способов их получения, обработ-	Ворчаще-мычащий звук при вкусной еде; заглатывание косточек плодов, скляночек. Стре-

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	ние пищи; медленность поедания; нежелание делиться едой и по насыщени; поедание насекомых, открвание к маслу и мясу, разбрасывание пищи, расточительность в еде; выбрасывание изо рта неудобоваримых частей пищи	ки и употребления, жадность в еде), пользование посудой и приборами, при еде игнорирование последних; одинаковость специфичных вкусов (еда мела, извести, угля, лимона, носовой слизи, носовых корок). Настороженное отношение к новой еде; еда с бо̀льшим аппетитом при наличии развлечения, пристрастие к фруктам и сладкому. Глухое чмокающее кряхтение при вкусное еде.	мление к самостоятельному овладеванию предметами обихода при употреблении пищи, радел пищи с другими по насыщении; отвращение к пище, тронутой насекомыми. Охотное употребление масла и мяса, торопливость в еде.
§ 20. Инстинкт самоподдержания — сон	Самостоятельная подготовка ложа («гнезда») и изголовья, противодействие укрыванию рук во время сна	Сходство в состоянии сна. Пользование изголовьем, одеялом, подкладывание руки под голову, прикрепление руками при засыпании в незамкнутом пространстве. Стремление ко сну в сообществе (с человеком), подергивание во сне, храп	Стремление во время сна к полному укрыванию; говор, плач, жестикуляция во время сна; нет тенденции устройства постели, изголовья
§ 21. Инстинкт самоподдержания. Уход за собой.	Стоическое перенесение болевых ощущений, податливость для гигиенических и лечебных процедур. Самостоятелное тщательное выполнение туалета; чистоплотность.	Самообследование; самоочищение (умвание, обгрызание ногтей, очищение кожи, вытирание носа), самоизлечивание (вынимание заноз, обследование механических повреждений кожи)	Противодействие лечению; чуткая реакция на боль; стремление к торопливому, небрежному, но самостоятельному выполнению гигиенических процедур и туалета; нечистоплотность
§ 22. Инстинкт собственности	Беспринципное накопление собственности, слабая утилизация ее; агрессивное оспаривание, слабое охранение. Противодействие разделению и неосвоенной собственности	Собирание собственности, накопление, прятание, охрана ее, отнимание чужой собственности	Продуктивное освоение собственности, целенаправленное собирание; жадное накопление ее, использование в конструктивных играх, слабое оспаривание собственности. Охотное разделение неосвоенной собственности
§ 23. Примитивно-эстетические симпатизирующие тенденции	Присвоение синего цвета объектов. Слоабое стремление к самоукрашению	Сходство вкусов при выборе и присвоении привлекательных вещей. Предпочитаемые признаки:	Предпочитание и присвоение красного цвета объектов Сильное стремление к самоукрашению

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
		• в области цветовых восприятий (яркие, блестящие цвета по преимуществу первой половины спектра) • в отношении различных величин (предпочитание миниатюрного) • в отношении разных форм (шарообразность, круглого) • в отношении осязательных восприятий (мягкого, гладкого, сетчатого, эластичного) • в отношении температурных (теплого) • в отношении обонятельных (запахов душистых фруктов) • в отношении вкусовых (сладкого, кислого) Стремление к самоукрашению Одиозное боязливое отношение к черному цвету. Предпочитание в игре синих пластинок.	Наличие формы идейных предпочитаний — выбор картин, книг, их содержания; наличие идейной качественной квалификации при разглядывании своих и чужих рисунков. Перенесение эстетических оценок в изобразительное свое и чужое творчество (см. также § 45)
§ 24. Инстинкт свободы	Стремление к экскурсиям в высотах	Стремление к свободе действий и к расширению арены для передвижения; противодействие одеванию	Стремление «вдаль»
§ 25. Социальный инстинкт или инстинкт общения	Деспотические и истязательские тенденции в общении с ниже себя стоящими и с более слабыми существами (мелкими животными, насекомыми, человеческими детьми)	Противодействие оставлению в одиночестве; стремление к общению с людьми и животными; преобладающие формы соц. общения: детское общение (контакт с опекающим человеком) и товарищеское общение	Семейные мирные, благожелательные, покровительствующие тенденции в общении с ниже себя стоящими существами; организованные формы общения с неодушевленными сотоварищами
§ 26. Инстинкт подражания	Бо̀льшая экспрессивность действий эмоцио-	Заражение настроением, эмоциями окружающих	Подражание мимике и костюму детей и взро-

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	нально солидаризирующегося, имитирующего шимпанзе, нежели ребенка	людей — подражание некоторым звукам, телодвижениям. жестам, связанным с эмоциональными состояниями	слых; подражание изображенному на картинах движению и мимике
§ 26а. Подражание действиям	Подражание разрозненным человеческим действиям, по преимуществу деконструктивного характера (подробнее см. § 39)	Подражание единичным техническим человеческим действиям, связанным с употреблением посуды, приборов, утвари, орудий и с актами самообслуживания (подробнее см. § 39, 49)	Репродукция сериально-связанных, целенаправленных, виденных или вычитанных действий — преимущественно конструирующих (подробнее в главе «Конструктивные игры ребенка», см. § 39, 40)
§ 26б. Подражание звукам	Немедленное подражание звукам шимпанзе, нарочито воспроизводимым человеком. Точнейшая имитация собачьего лая.	Сходные репродуцируемые из подражания звуки — топание ногами, ритмичное стучание сложенными пальцами рук, трещание губами, подражание лаю собак, хлопанию в ладоши	Подражание голосам животных, специфическим человеческим звукам (сопению, храпу, крику, говору, смеху, интонации, пению); подражание звукам, издаваемым неодушевленным предметами (треску, скрипу, тиканию часов и т.п.) Репродукция — звуков, слогов, слов, фраз, стихов, прозы.
§ 27. Природные звуки человека и шимпанзе	Специфичные, природные звуки, издаваемые шимпанзе: 1. модулированное ухание 2. попискивающий звук (утомления) 3. пять звуковых стадий, предшествующих реву 4. хриплое учащенное дыхание 5. гаркающий звук злобы «а» 6. хрип — досады 7. звуки: «хрю», «ух» — при злобном волнении	Сходные природные звуки шимпанзе и сверстника-человека: «э, у-а-у» у реб. чел. в возрасте 0 м. 1 д. «м» у реб. чел. в возрасте 0 м. 5 д. «х-р-у» у реб. чел. в возрасте 1 м. 27 д. «у-ху» у реб. чел. в возрасте 2 м. 3 д. «о» у реб. чел. в возрасте 3 м. 5 д. «ю» у реб. чел. в возрасте 6 м. 30 д. Рев — при печали, кряхтение, чихание, кашель, храп, учащенное дыхание, звук при глубокой зевоте, глухое кряхтанье.	Способность к усвоению членораздельной речи. Прогрессивная эволюция последней.
Сравнение игр[s] шимпанзе и человека			

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
§ 28. Подвижные игры	Развлечение передвижением в высотах: по крышам и деревьям	Подвижные игры (бег, катание, вожение, прыгание)	Развлечение мнимым передвижением (деятельность воображения)
§ 29. Гимнастические игры	Висение на ногах, прыгание с высот и другие гимнастически трюки, более разнообразные и более ловкие, чем у человека	Гимнастически игры (лазание, качание, закрчивание, пролезание, висение)	Меньшее многообразие и ловкость в гимнастических трюках.
§ 30. Спортивные игры	Злоба при неудачном финише	Спортивные игры (сорвенование в беге, ловле, отнимании, борьба), предпочитание убегания от сильного, преследование слабого соперника	Плач при неудачном финише
§ 31. Игры с преодолением препятствий	Огружение рта и ног. Тренировка болевыносливости упражнение в умыкании предметов, в пролезании, продирании через перпятствия	Игры в преодоление самостоятельно возводимых препятствий (барьеров, тенет, зажимов) — осложнение бега, катания, качания, лазания.	Огружение рук; упражнение ног в прыгании, перепрыгивании, ходьбе по неровностям, беге; тренировка смелости и ловкости, психической изворотливости, затруднение езды
§ 32. Игры движущимися предметами		Игра катящимися, легко движущимися предметами (мячом, шаром, вертушками, колясками), бросание, сшибание, скатывание, верчение, ловля	
§ 33. Развлечение созерцанием движения		Развлечение созерцанием лвидения неодушевленных и одушелвенных предметов (животных, людей, машин и т.д.)	Пристрастие к слушанию динамических по содержанию книг
§ 34. Прятки	Более совершенное прятание	В играх в прятки предпочитание прятаться, а не искать	Мнимое прятание
§ 35. Игра с живыми животными	Истязательские деспотические игры с живыми существами	Игры с живыми животными	Организованная игра с живыми и неживыми товарищами, очеловечение животных; одушевление игрушечных товарищей, проявление к ним симпатизирующих тенденций
§ 36. Развлечение звуками	Хлопание своим веком, треньканье на резине. Щелкание зубами; лязгание челюстями. Раз-	Развлечение звучащими предметами и самостоятельно воспроизводимыми звуками (топани-	Развлечение звуками собственного голоса: нечленораздельноыми и членораздельными, бор-

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	влечение оглушительными стуками	ем ногами, хлопанием в ладоши, трещанием губами, стучанием руками, громыханием ключами, цепочками, погремушками)	мотанием слов, криком, репродукцией ритмичных строф, пением, свистом, щелканием языком
§ 37. Игры экспериментирования	Смелое обращение с острыми предметами, устраивание распорок между губами	Сходные формы экспериментирования с водой, песком, огнем, твердыми, эластичными, прозрачными, острыми предметами, исключительное пристрастие к игре с эластичными предметами (сходные игры с волосом, резиновой трубкой, мячом)	Настороженное обращение с острыми предметами. Устраивание распорок в ладонях рук. Словесное констатирование, учет свойств предметов и стремление понять причины и первопричины их проявлений. Практическое экспериментирование — словесное практическое обощение.
§ 38. Разрушительные игры	Самодовлеющее развлечение разрушительной деятельностью — без тенденции к восстановительной работе (разбор, раздирание, вытаскивание, грызение, сбрасывание, расплетание, развязывание, отпирание)	Разрушительные игры — бросание, разрывание, ломание, разбивание[t]	Связь деконструктивной деятельности с реконструктивной. Разрушение посредством орудия и оружия, военные игры
§ 39. Подражательные развлечения и занятия	Малая эффективность подражательных конструктивных действия. Преимущественно деконструктивные подражательные развлечения — разбор кегель, сбрасывание трапеций, развязывание узлов, отпирание замков, щеколд, втулок	Подражание единичным техническим действиям (метение, вытирание, отпирание, намахивание, вытаскивание, копание, черчение, «рисование», забивание), связанным с употреблением орудий (щети, тряпки, палки, ключа, карандаша, молотка, клещей). Склонность к замещению орудий действия подобием их.	Многообразное эффективное подражание серии взаимно связанных действий, профессиям; подражанием творческим актам. Мнимая репродукция, изобразительное творчество (рисование). Оформление сыпучего и твердого материала (песка и палки)
§ 40. Конструктивные игры	Конструирование подобия погремушки и струнного инструмента	Примитивные конструктивные сооружения, «инструментальное мышление»	Сложные конструктивные акты, репродукция машин, лодок, пароходов, поездов, аэропланов, аппаратов, построек
	Сравнение волевых черт шимпанзе и человека		
§ 41. Волевые проявления	Большая энергия и болевыносливость при осуществлении желанной	Целенаправленная волевая настойчивость, стремление к противодействию (непослушание),	Бо̀льшее терпение при осуществлении желанной цели; плач при неудачно выполнении

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	цели; злоба при неудачном осуществлении ее	упрямство, капризы, самолюбие и обидчивость[u], чувство вины	
	Сравнение интеллектуальных черт шимпанзе и человека		
§ 42. Интеллекутальные черты		«Einsicht» — предумышленные действия, обман, наивная хитрость	
§ 43. Интеллекутальные черты		Психическая активность, неутолимое стремление к развлечениям, к новым впечатлениям (распыляемость внимания, непостоянство интересов)	
§ 44. Интеллекутальные черты		Любопытство к одинаковым по характеру стимулам: новому, ярковму, блестящему, движущемуся, выпуклому, вогнутому	Люобознательность, «наивный телеологизм», «предпричинной мышление»
§ 45. Мышление	Выявление исключительно *агрессивной* эмоциональной оценки изображений	Способность различения и узнавания субъективной качественной (эмоциональной) оценки	Способность к сравнению, практическому обобщению, логическому умозаключению, остроумию, качественной идейной оценке. Выявление преимущественно *симпатизирующей* эмоциональной оценки изображений
§ 46. Мышление	Одиозное отношение к своему зеркальному изображению; отсутствие персонификации себя в зеркале	Тонкая наблюдательность (усмотрение мельчайших предметов), интерес к самосозерцанию; 7 сходных этапов реакции на зеркало	Усмотрение идейных несоответствий. Сравнение отражения с натурой, персонификация себя в зеркале. Благожелательное отношение к своему образу
§ 47. Мышление		Способность к отождественлию, ассимиляции, аналогизации и элементарной абстракции[v]	Сильно развитая тенденция к аналогизации, ассимиляции («синкретическое» мышление)
§ 48. Интеллекутальные черты	Возможное наличие деятельности воображения в играх борьбы с мнимыми врагами и нарочитыми препятствиями		Воображение (при рисовании, мнимых действиях, при одушевлении предметов). Пристрастие к фантастике. (Аутистическое мышление)
	Сравнение навыков — условных рефлексов человека[w] и шимпанзе		
§ 49. Деятельность памяти (условные рефлексы)	Уклонение от самостоятельного употребления	Сходные моторные навки, связанные с жизненным обиходом, с ак-	Стремление к самостоятельному самообслуживанию (при овладении

	Черты поведения, свойственные исключительно или по преимуществу шимпанзе	**Сходные черты поведения у шимпанзе и у сверстника-человека**	**Черты поведения специфично или преимущественно человеческие**
	предметов обихода (приборов, посуды и одежды)	тами самообслуживания и ухода за собой (с употреблением посуды и домашней утвари — чашки, ложки, салфетки, носового платка, одеяла и т.п.)	предметами обихода, при надевании одежды, при употреблении посуды, при выполнении гигиенических процедур)
§ 50. Деятельность памяти (условные рефлексы)	Язык условных жестов связан исключительно с выражением физиологических потребностей и эмоций	Сходство в условном языке жестов при выражении просьбы, желания, отвергания, отрицания	Язык условных жестов связан с мышлением, сочетается со звуками, с речью. Речевые условные рефлексы (от 1½ лет и далее)
§ 51. Деятельность памяти (условные рефлексы)		Сходные типы условно-рефлекторных связей: 1. зрительно-боле-двигательные 2. зрительно-вкусо-двигательные 3. слухо-двигательные 4. слухо-зрительно-двигательные 5. зрительно-двигательные 6. зрительно-эмоционально-звуковые 7. слухо-эмоционально-звуковые	У Руди громадное развитие всех видов условных рефлексов, особенно слухо-интеллектуально-звуковых и зрительно-интеллектуально-звуковых. Речевые рефлексы включают новые самостоятельно установленные связи

[a]Наблюдается лишь у 5-мес. ребенка, приучающегося сидеть

[b]Последнее наблюдается у шипанзе эпизодически — при испуге.

[c]Стояние с опорой на наружный край стопы у стоящего с поддержкой 6-мес. ребенка — с широко расставленными ногами у ребенка в возрасте не более 1 года до 1½ лет.

[d]Стояние с опорой на руки у 6-мес. стоящего с поддержкой ребенка, учащегося стоять.

[e]Передвижение с опорой на руки наблюдается у человеческого ребенка, ползающего (8 мес.) и учащегося ходить (9 — 11 мес.) (у шимпанзе наблюдается ходьба на 3 конечностях даже при ведении его за руку; в том же случае человек идет на двух конечностях).

[f]Лазание по ступеням на-четвереньках у ребенка лишь от 1½ до 2 лет.

[g]Индивидуальное уклонение у Руди — хватание мизинцем левой ноги.

[h]У шимпанзе висение более продолжительное, чем у человека.

[i]Все виды эмоций проявляются вовне у шимпанзе более выразительно, нежели у человека

[j]Плач без слез у человеческого ребенка до 2½—3 месяцев.

[k]Учащенное дыхание при смехе у ребенка до 4 месяцев

[l]Беззвучная широкая улыбка у человеческого ребенка до 4 месяцев

[m]Оформляя кулак, дитя человека располагает большой палец снаружи от других; шимпанзе подкладывает большой палец внутрь под другие.

[n]Припадание раскрытым ртом в знак нежности, издавание учащенного дыхания у дитяти человека до 2½ лет.

[o]Больший диапазон в проявлениях эмцоий волнения, страха, злобы у шимпанзе; у человека больший — диапазон в проявлении эмоций печали, радости, нежности, любопытства, удивления

[p]Плач из самолюбия при неудачных творческих актах.

[q]Смех при появлении стимулов, противоположных ожидаемым.

[r]Все вилы инстинктивной деятельности за исключением подражания у шимпанзе развиты сильнее, чем у человека.

[s]У шимпанзе бòльшее развитие имеют: игры подвижные , гимнастические, спортивные, игры с преодолением препятствий, игры с живыми животными, разрушительные игры; у человека — бòльшее развитие игр подражательных, конструктивных.

[t]Самодовлеющее развлечение разрушением у человека до 1½ лет, позднее преобладают реконстрктивные игры.

[u]Сходное проявление обиды — поворачивание спиной к обидчику, отвертывание лица, игнорирование его обращений и действий

[v]Все перечисленные интеллектуальные черты у человеческого ребенка имеют имеют неизмеримо бòльшее развитие, чем у шимпанзе

[w]Все виды обиходных навыков у человеческого ребенка закрепляются скорее, чем у шимпанзе

Приложение В. Фототаблицы 1 — 10

Табл. В.1. Полулежачие позы дитяти человека и шимпанзе

Табл. 1. Полулежачие позы человека и шимпанзе.

Рис. 1. Спящий на коленях Иони.
Рис. 2. Лежащий на коленях Руди (3 м. 21 д.).

Табл. В.2. Сидячие позы шимпанзе

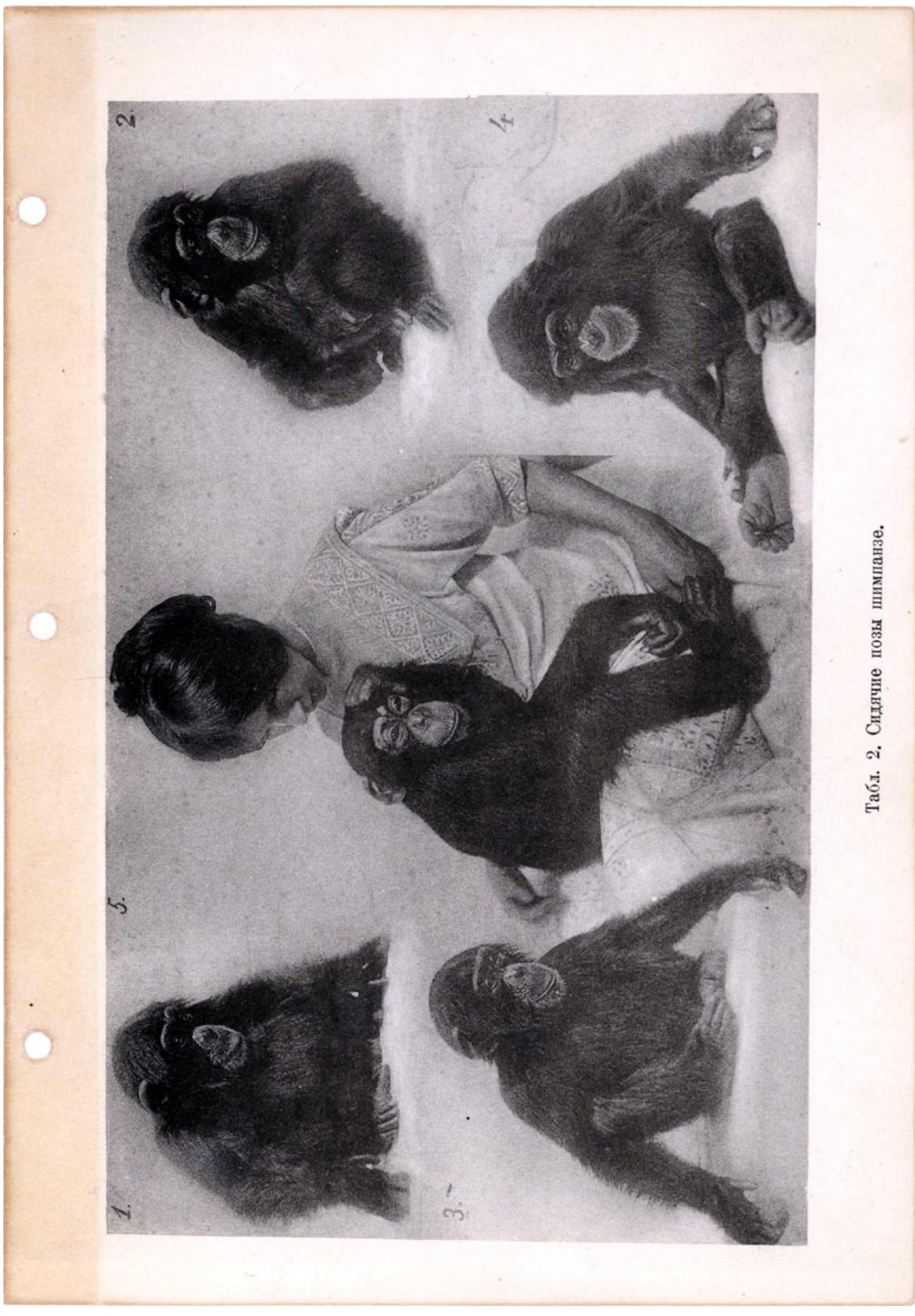


Рис. 1—4. Сидение на ровном месте.
Рис. 5. Сидение на коленях человека.

Табл. B.3. Типичные стоячие позы шимпанзе

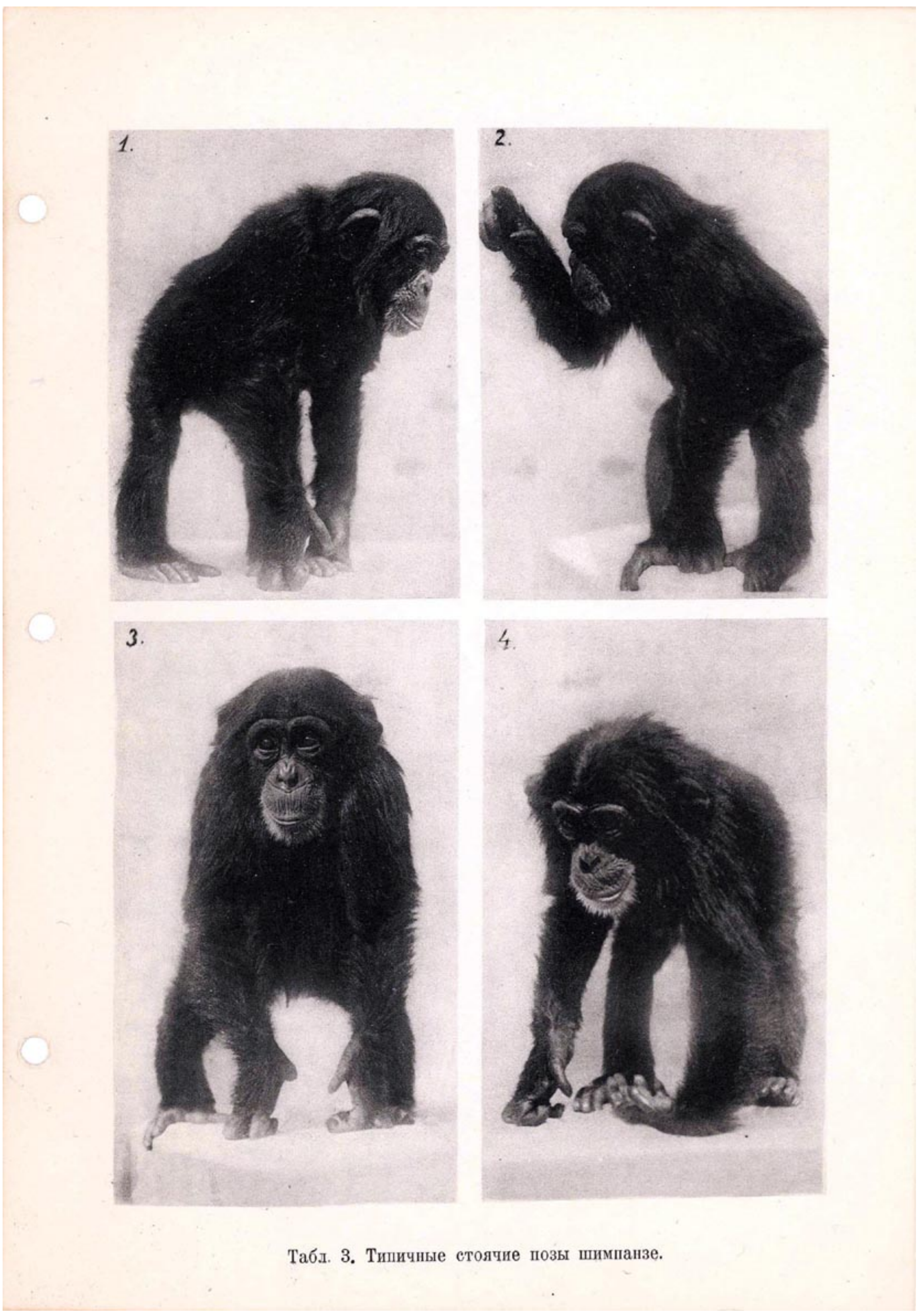


Табл. 3. Типичные стоячие позы шимпанзе.

Рис. 1—4. Типичное стояние с опорой на руки.

Табл. В.4. Необычные эпизодические стоячие позы шимпанзе

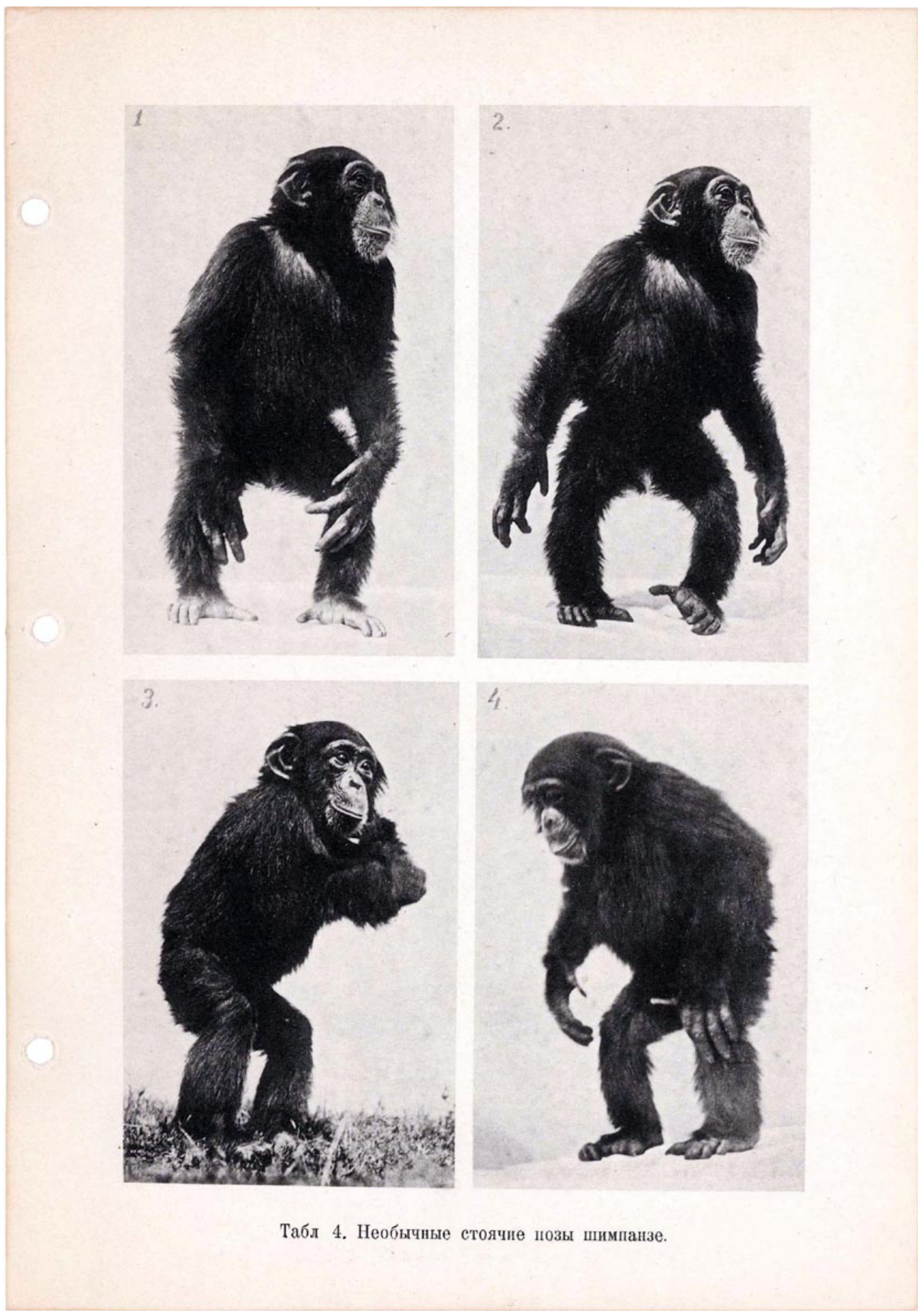


Рис. 1—4. Необычное стояние без опоры на руки.

Табл. В.5. Ходьба и бег шимпанзе

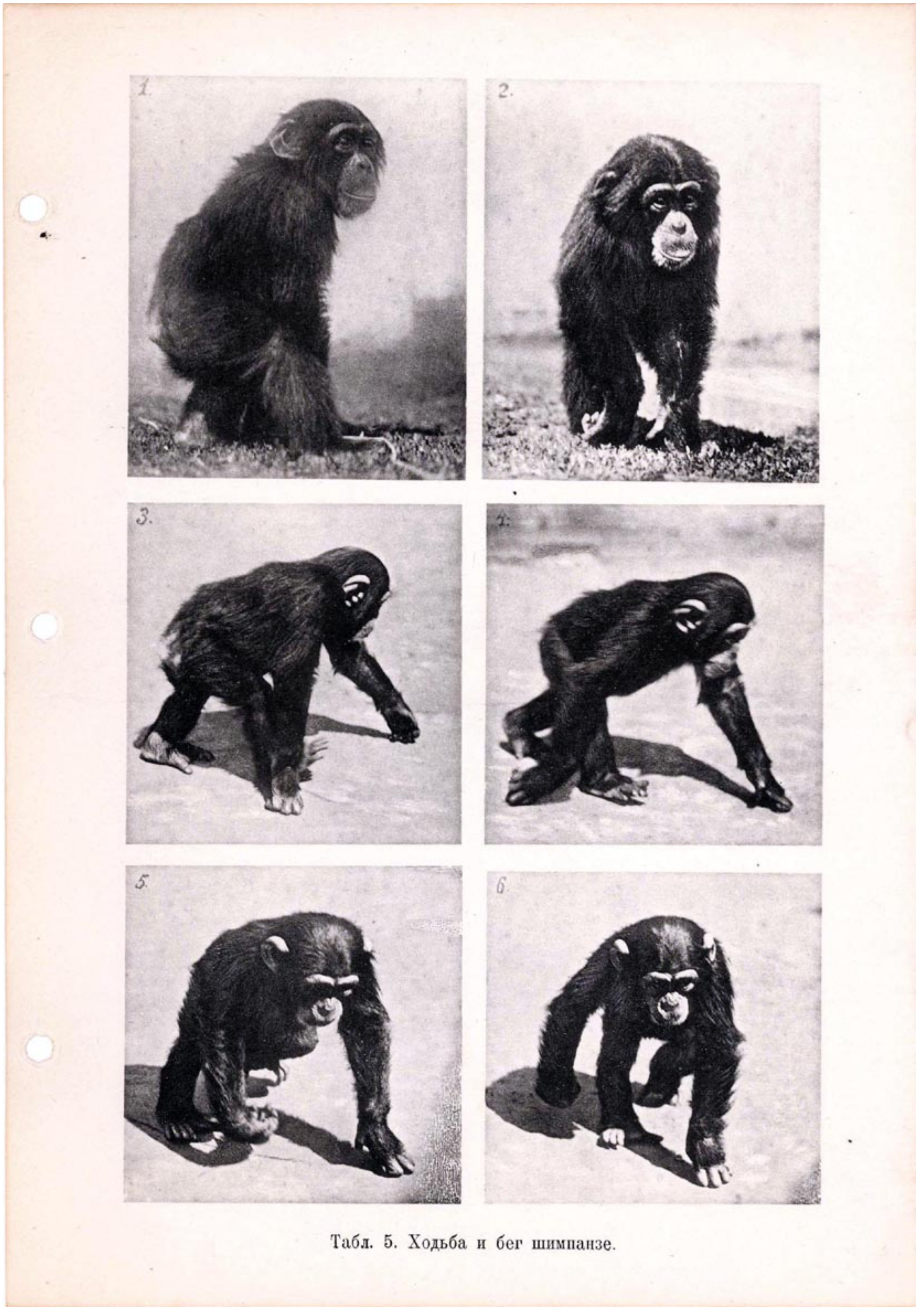


Рис. 1—2. Медленное передвижение шимпанзе.
Рис. 3—4. Бег шимпанзе (вид в профиль).
Рис. 5—6. Бег шимпанзе (вид «en face»).

Табл. В.6. Лазание шимпанзе

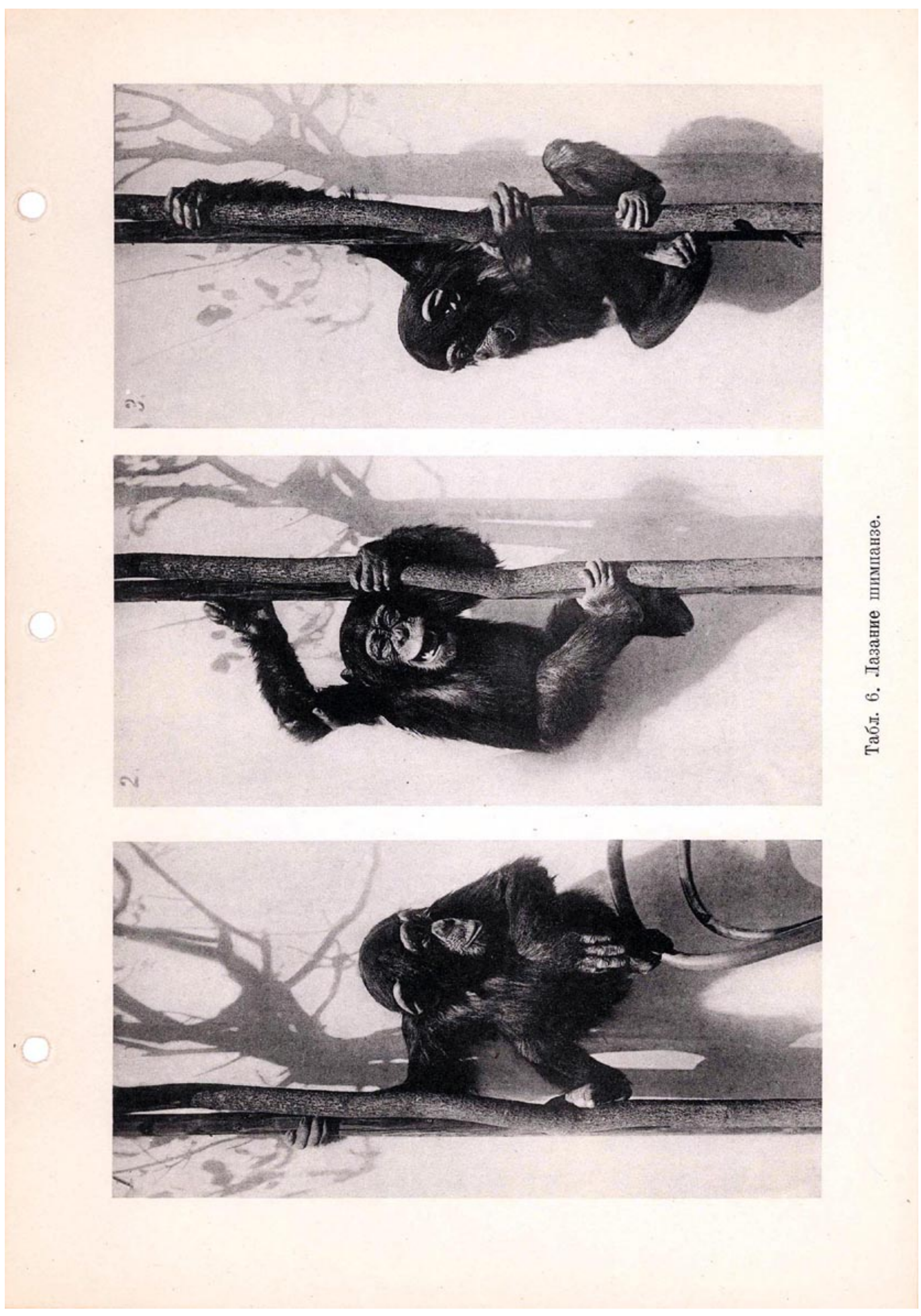


Рис. 1. Цепляние за дерево.
Рис. 2—3. Лазание по дереву.

Табл. В.7. Восемь типических выражений лица шимпанзе

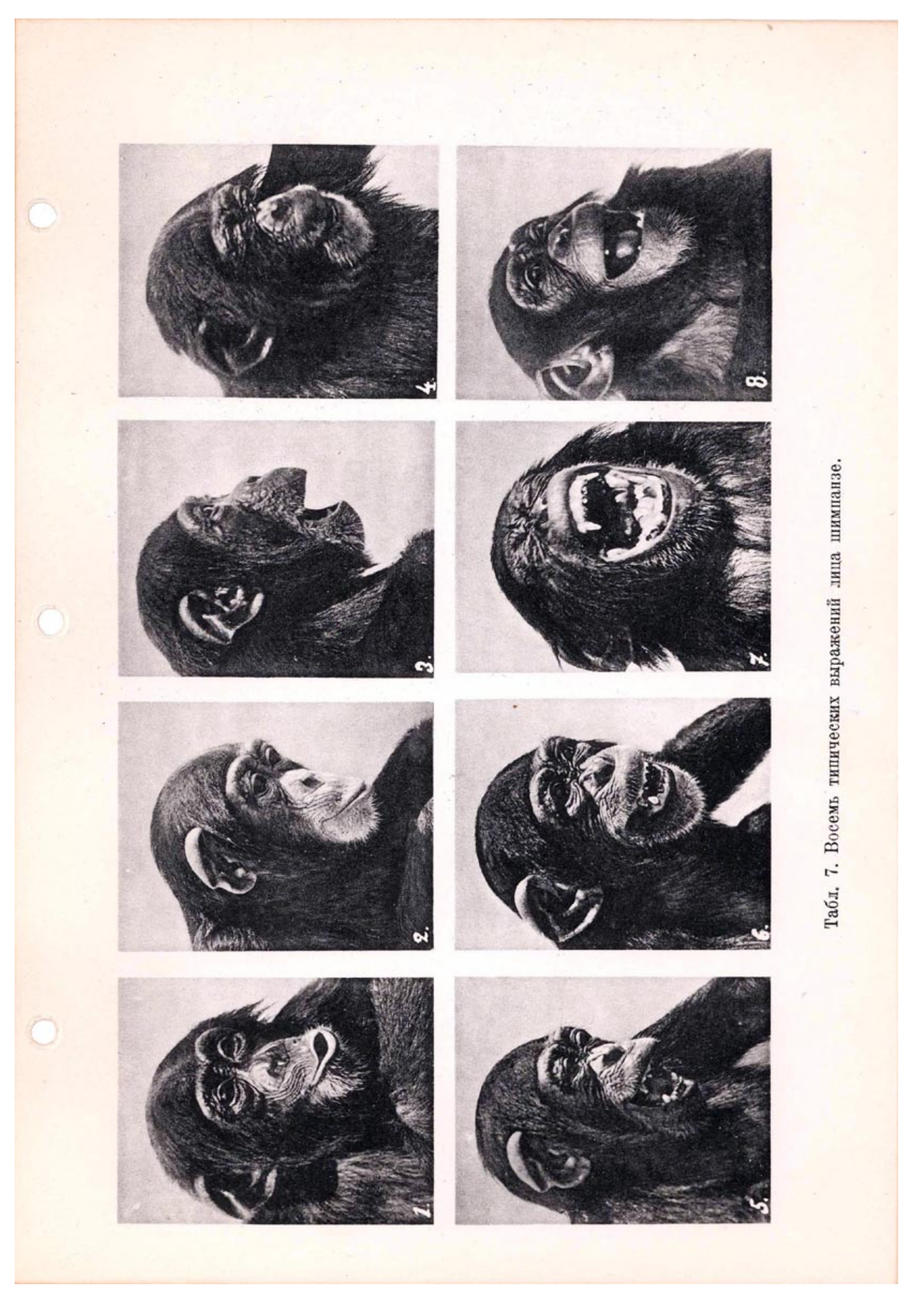


Рис. 1. Мимика волнения.
Рис. 2. Мимика внимания.
Рис. 3. Мимика удивления.
Рис. 4. Мимика отвращения.
Рис. 5. Мимика злобы.
Рис. 6. Мимика страха.
Рис. 7. Мимика печали (плач).
Рис. 8. Мимика радости (смех).

Табл. В.8. Комбинированные двойственные выражения лица шимпанзе

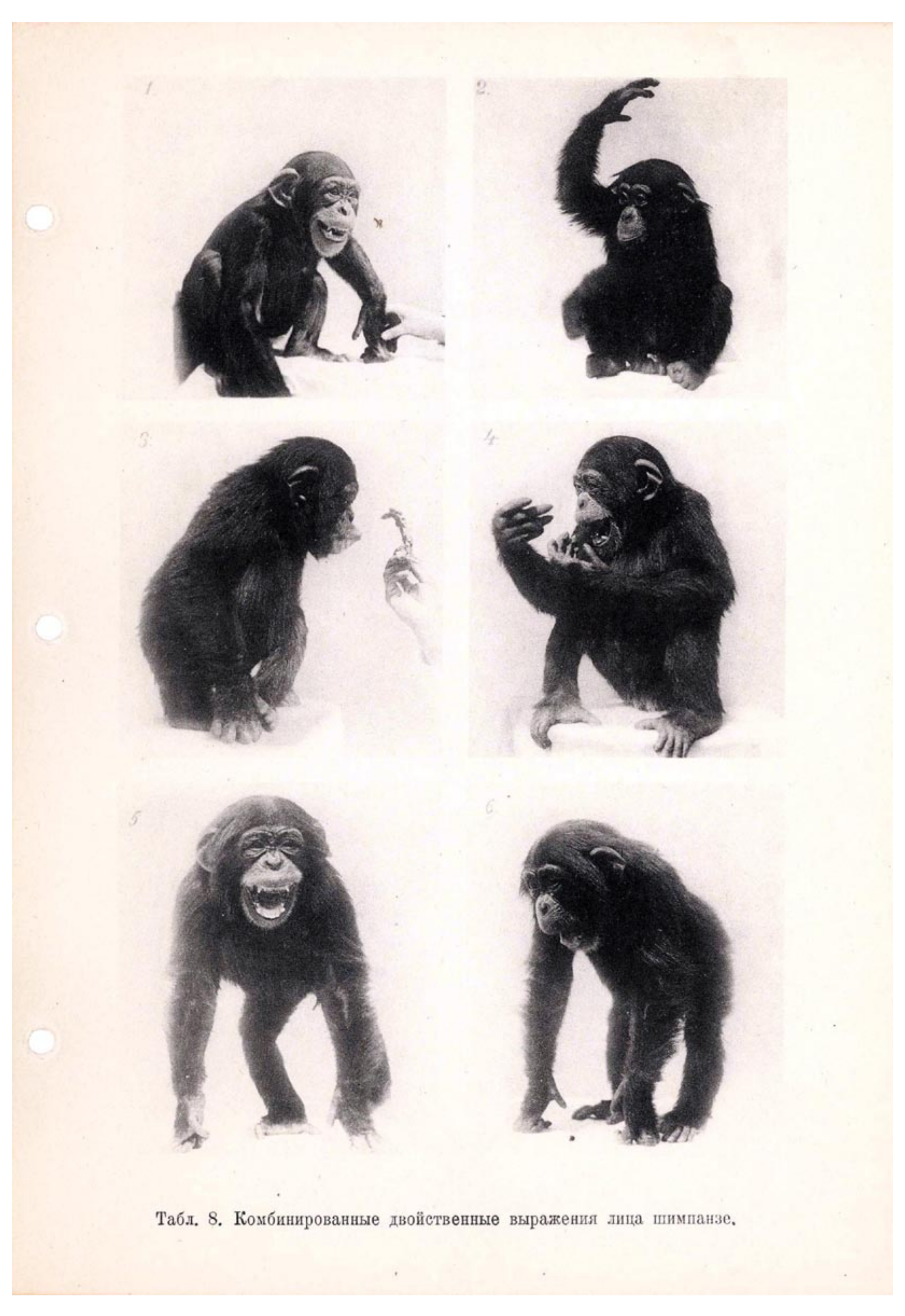


Рис. 1. Выражение страха и злобы.
Рис. 2. Выражение любопытствующего внимания и страха.
Рис. 3. Выражение напряженного внимания.
Рис. 4. Задорный «смех».
Рис. 5. Злобный плач.
Рис. 6. Удивление и задор.

Табл. В.9. Внешнее проявление общей возбудимости (шесть последовательных стадий)

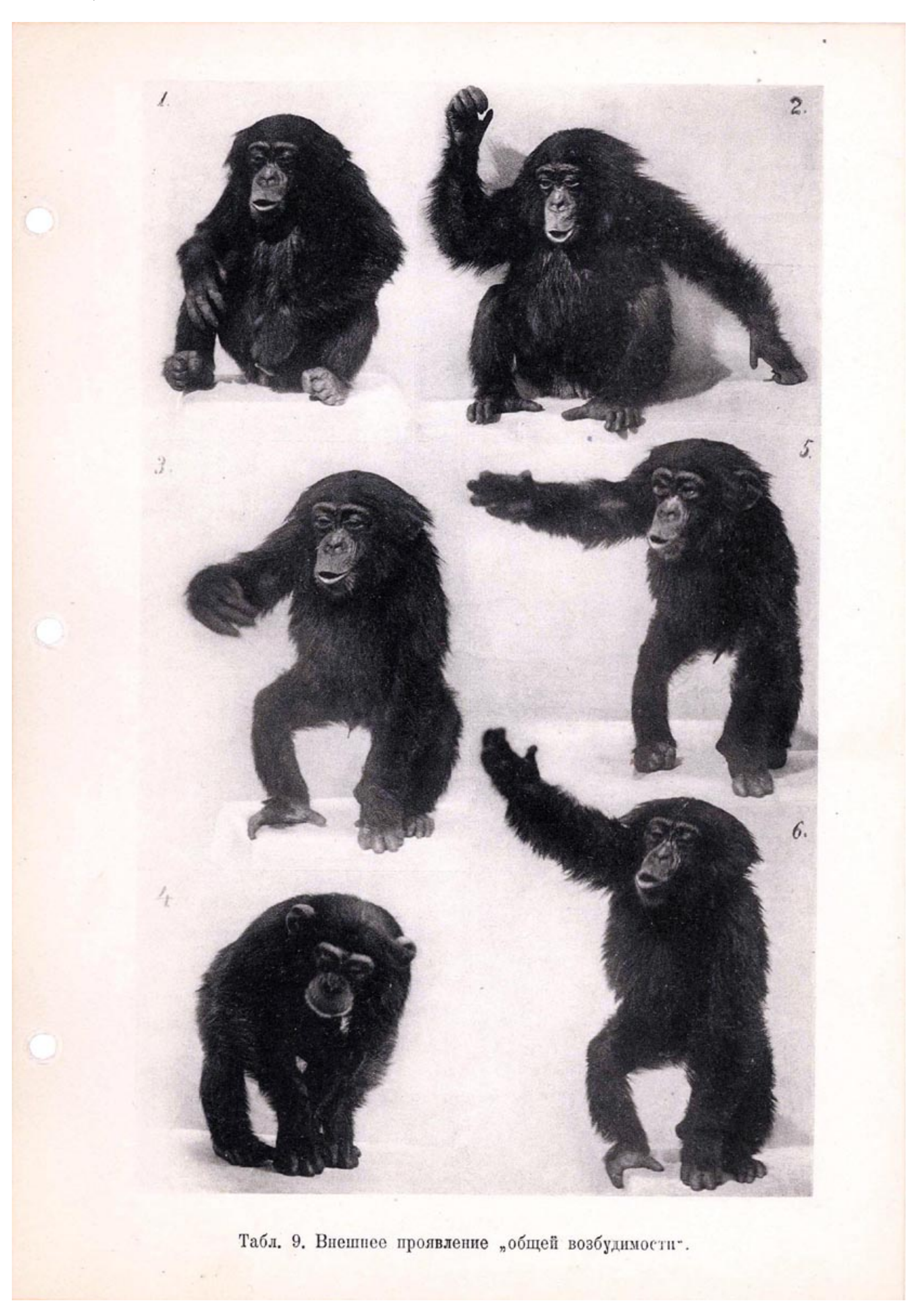


Рис. 1. Слабое пушение; напряжение мускулатуры и вытягивание губ.
Рис. 2. Сильное пушение; вытягивание губ, приподнимание руки.
Рис. 3. Привставание в вертикальное положение.
Рис. 4. Нагибание тела, предшествующее выпрямлению.
Рис. 5. Выпрямление тела и вытягивание руки вперед.
Рис. 6. Максимальное выпрямление тела, поднимание руки вверх.

Табл. В.10. Мимика волнения (шесть последовательных стадий)

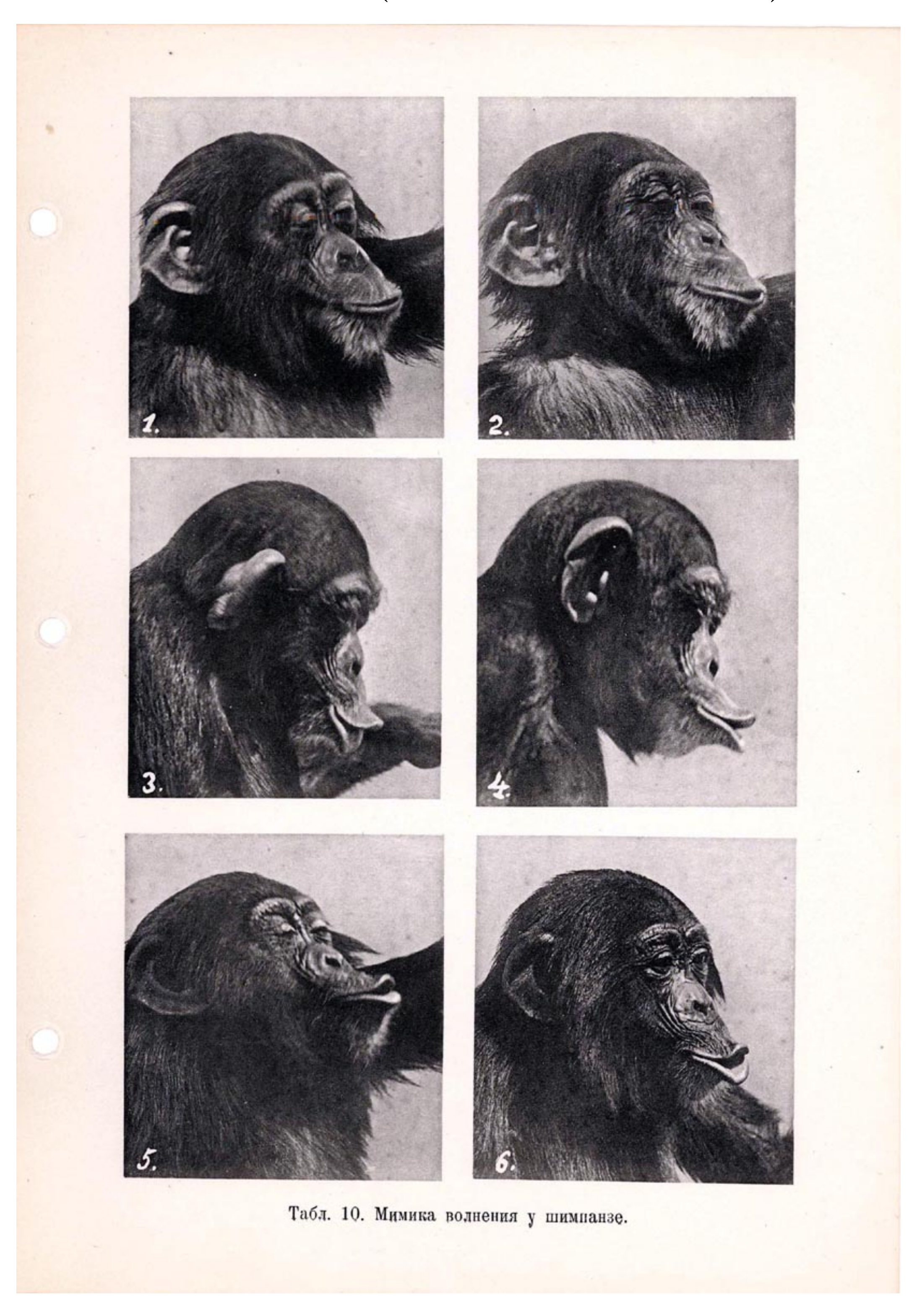


Рис. 1. Вытягивание губы (стадия 1).
Рис. 2. Горбление губы (стадия 2).
Рис. 3—4. Образование раструба (стадия 3).
Рис. 5—6. Трубообразное развертывание губы (стадия 4).

11 — 20

Табл. В.11. Специфицированное волнение: печальное, злобное, радостное, трусливое

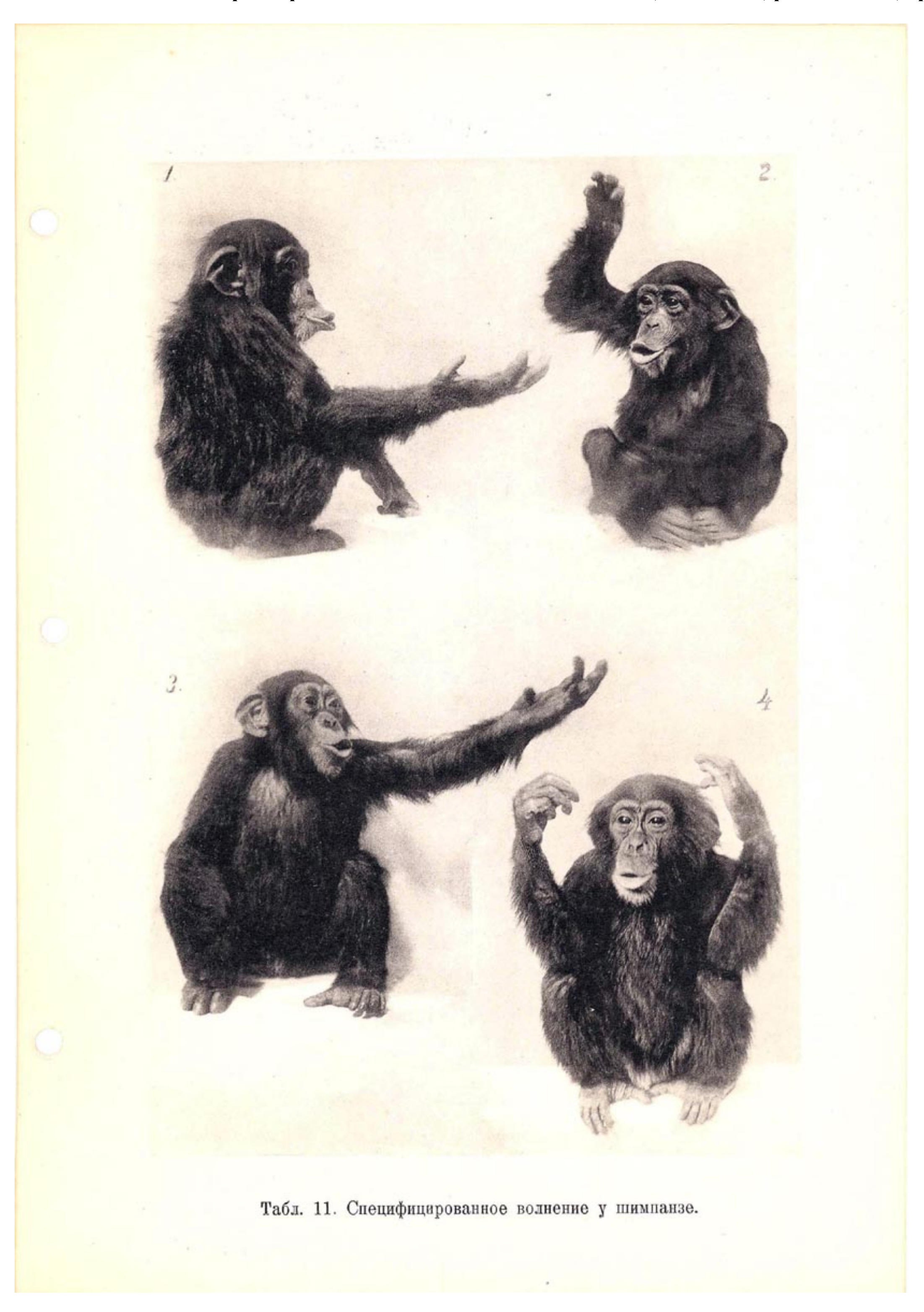


Рис. 1. Печальное волнение.
Рис. 2. Злобное волнение.
Рис. 3. Радостное волнение.
Рис. 4. Волнение и страх (испуг).

Табл. В.12. Мимика радости — улыбка и смех

Рис. 1—2. Шимпанзе в хорошем настроении.
Рис. 3—4. Узкая улыбка шимпанзе.
Рис. 5—6. Широкая улыбка шимпанзе.
Рис. 7. Задорный смех шимпанзе (обнажение зубов).
Рис. 8. Смех шимпанзе.

Табл. В.13. Позы и жесты весело настроенного шимпанзе

Табл. 13. Позы и жесты веселого шимпанзе.

Рис. 1. Шимпанзе в хорошем настроении.
Рис. 2. Шимпанзе щекочут.
Рис. 3. Шимпанзе щекочут, и он задорно смеется.
Рис. 4. Шимпанзе в веселом, задорном настроении.

Табл. В.14. Мимика печали (6 последовательных начальных стадий подготовки к плачу)

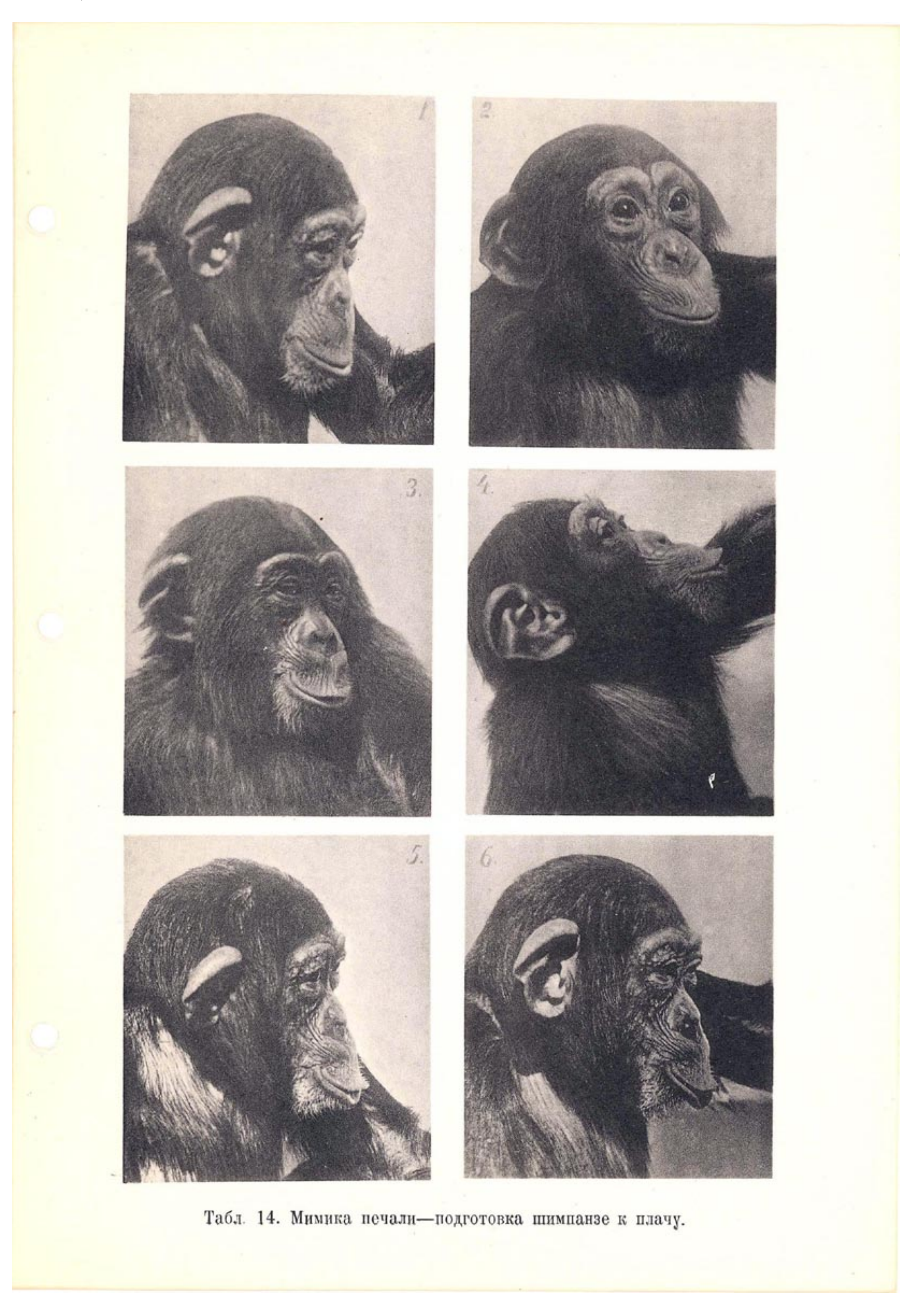


Табл. 14. Мимика печали—подготовка шимпанзе к плачу.

Рис. 1. Шимпанзе в спокойном настроении.
Рис. 2. Шимпанзе огорченный.
Рис. 3—4. Опечаленный стонущий шимпанзе.
Рис. 5—6. Хныкающий шимпанзе.

Табл. В.15. Мимика печали (плач), 6 последовательных конечных стадий плача

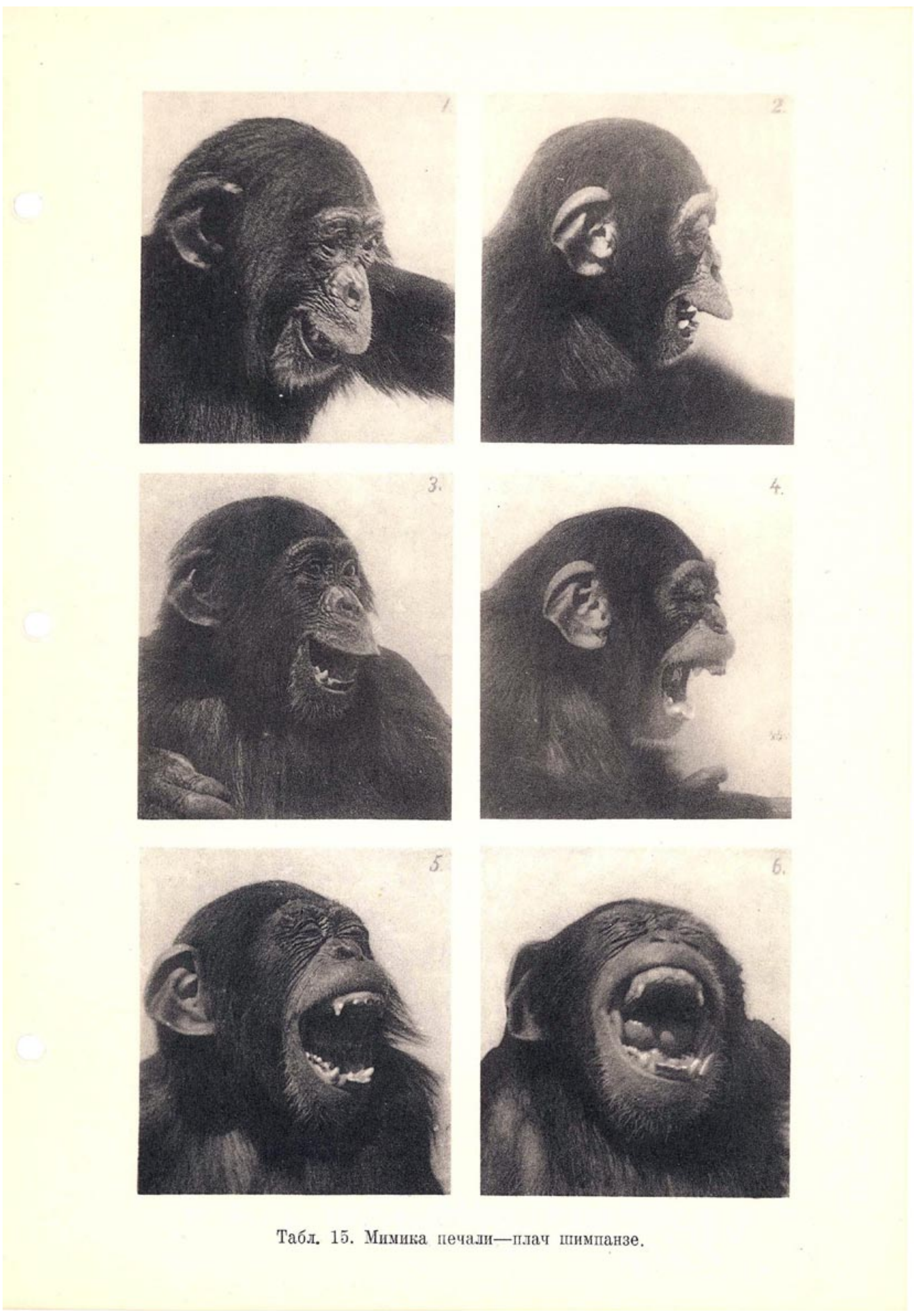


Табл. 15. Мимика печали—плач шимпанзе.

Рис. 1—2. Начальные стадии кричащего плача.
Рис. 3—4. Ревущий плач.
Рис. 5—6. Максимальный заходящийся плач, «рев».

Табл. В.16. Жестикуляция и позы плачущего шимпанзе

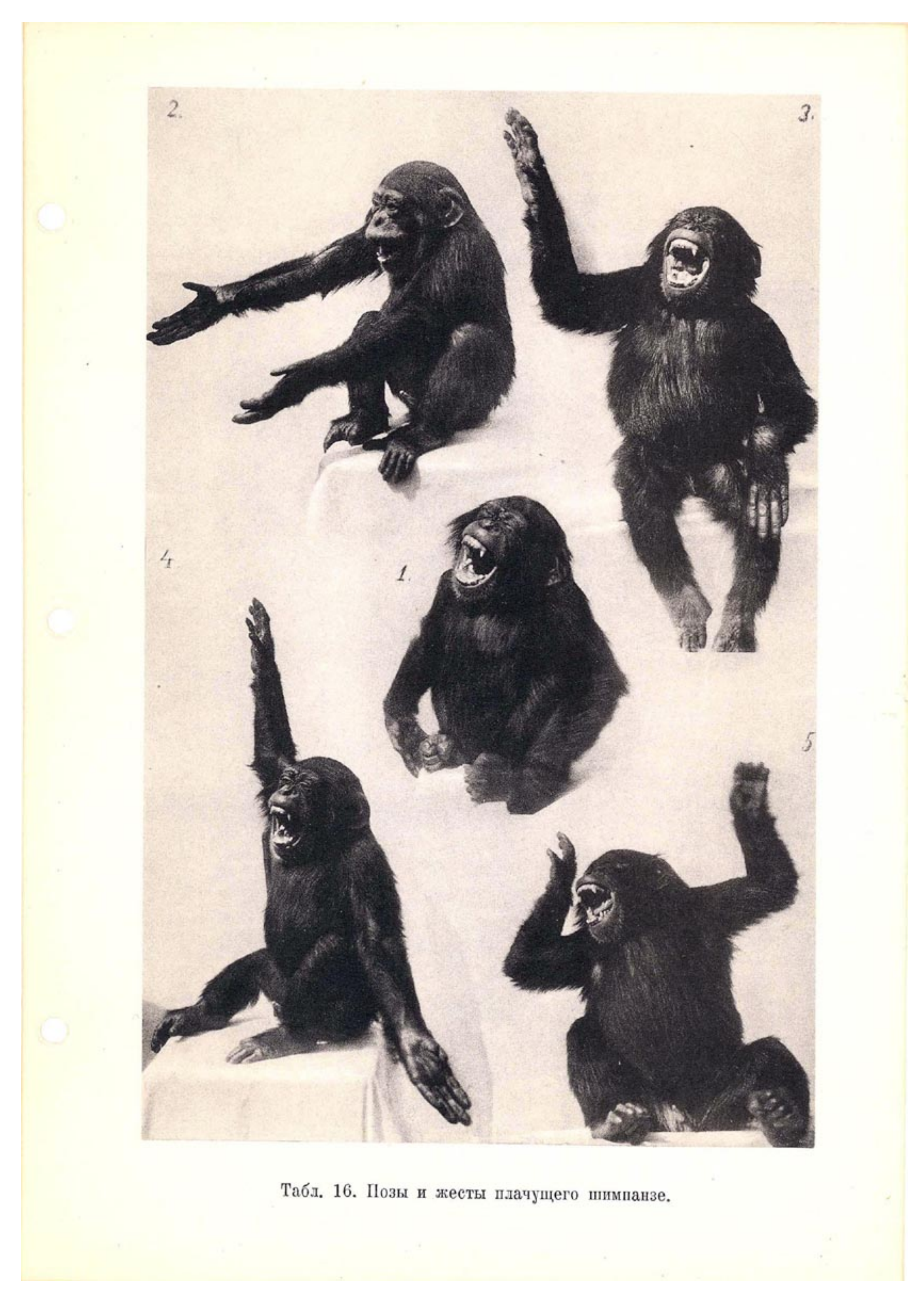


Рис. 1. Поза ревущего шимпанзе — заходящийся плач.
Рис. 2. Протягивание рук вперед.
Рис. 3. Поднимание руки вверх.
Рис. 4. Разметывание рук в пространстве.
Рис. 5. Закидывание рук кверху.

Табл. В.17. Жестикуляция и позы плачущего шимпанзе

Рис. 1. Ломание рук.
Рис. 2—3. Взметывание рук кверху.

Табл. В.18. Позы и жесты отчаявшегося и играющего шимпанзе

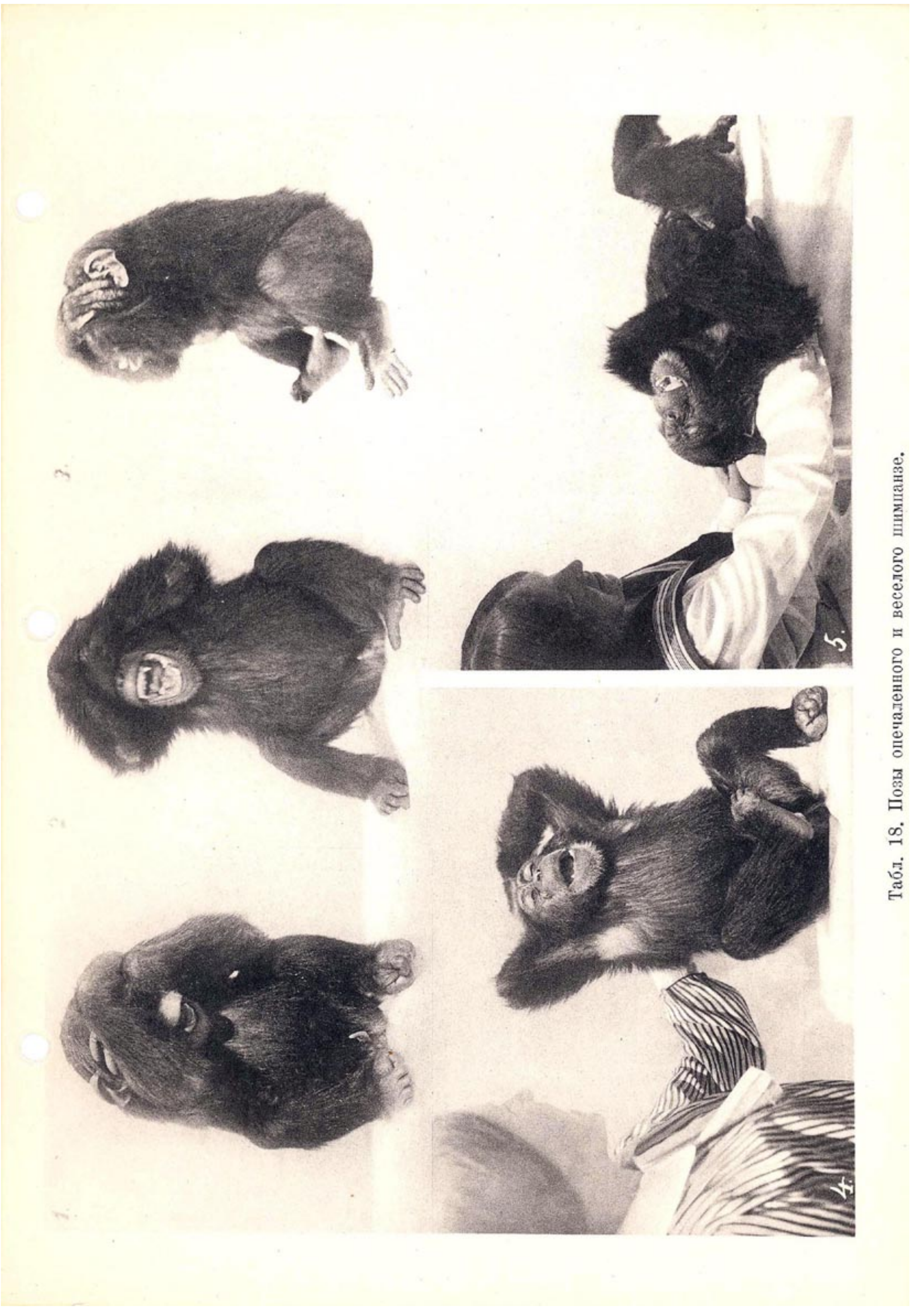


Рис. 1—3. Скрещивание рук над головой, выражение полного отчаяния.
Рис. 4—5. Щекотка шимпанзе — игривые телодвижения.

Табл. В.19. Позы и жесты шимпанзе при разных его настроениях

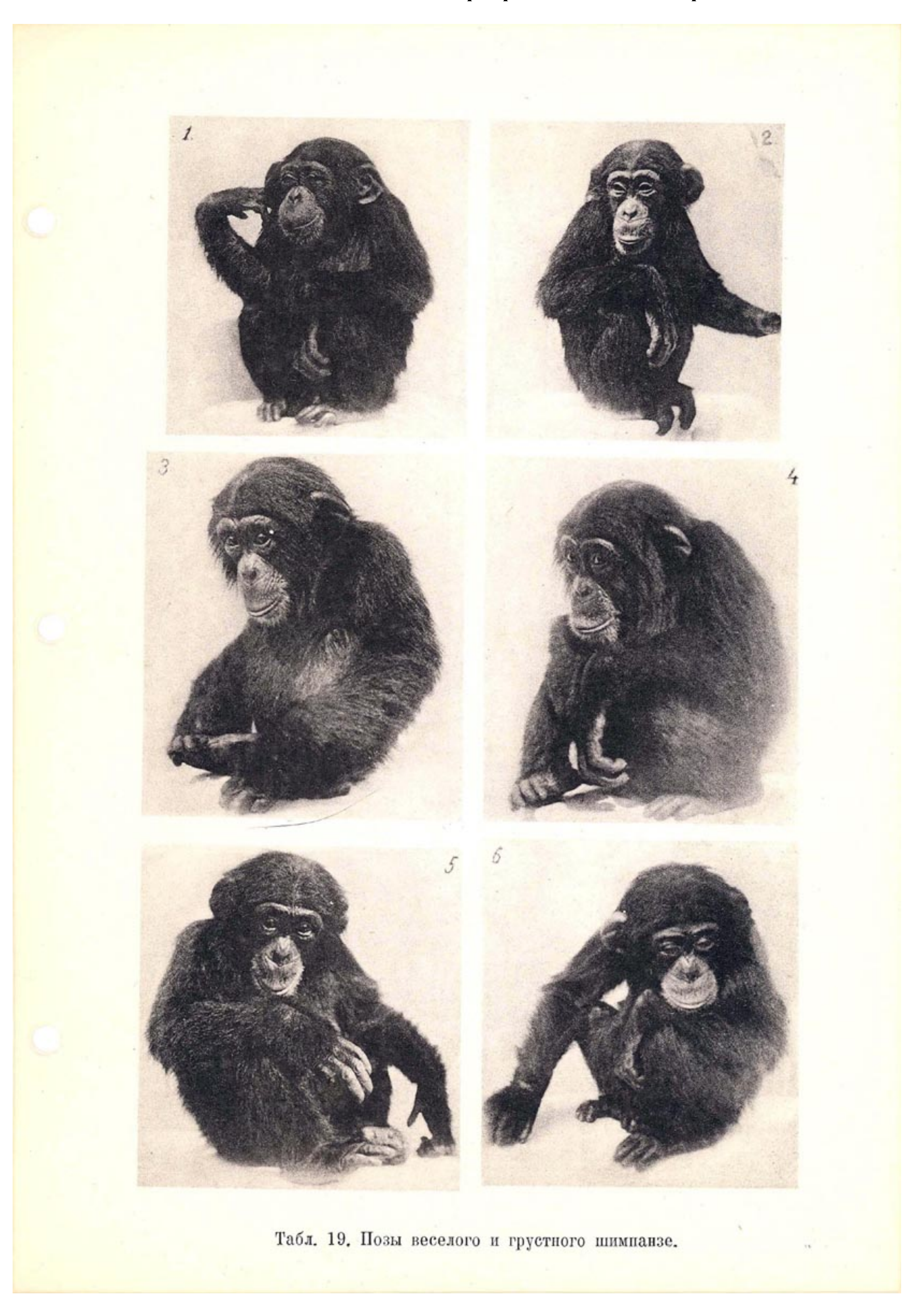


Рис. 1. Шимпанзе в хорошем настроении.
Рис. 2. Шимпанзе в плохом настроении — полубольной.
Рис. 3. Шимпанзе огорченный.
Рис. 4. Шимпанзе подавленный.
Рис. 5. Шимпанзе печально-взволнованный
Рис. 6. Шимпанзе в состоянии полной психической депрессии.

Табл. В.20. Уход за собой у шимпанзе

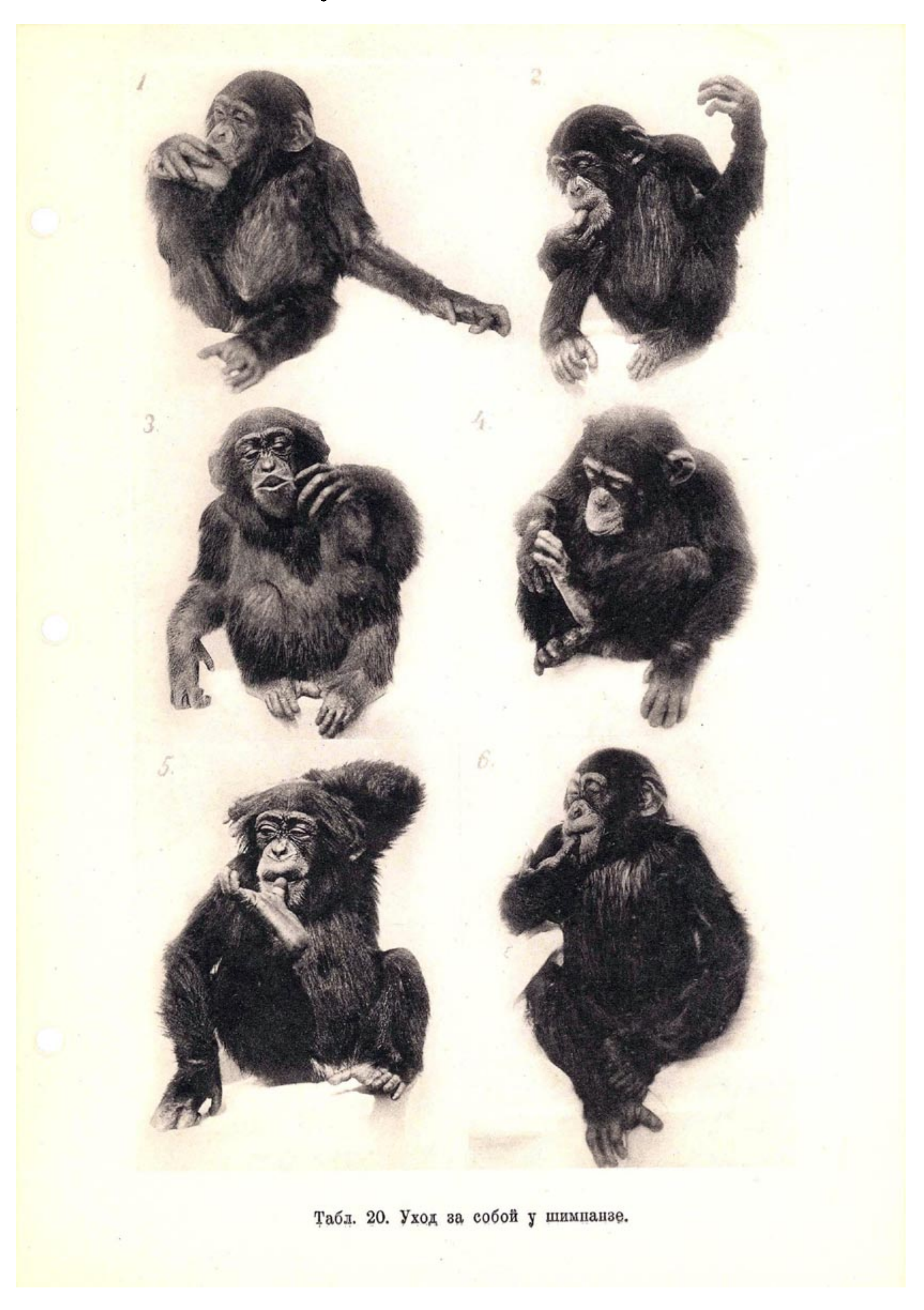


Рис. 1. Очищение ног.
Рис. 2. Обгрызание ноггей на руках.
Рис. 3. Осмотр губ.
Рис. 4. Осмотр ног.
Рис. 5. Обгрызание ногтей на ногах.
Рис. 6. Очищение промежутков между зубами.

21 — 30

Табл. В.21. Способы питья у шимпанзе

Рис. 1. Питье из чашки (конечная стадия).
Рис. 2. Питье из чашки (начальная стадия).
Рис. 3. Питье с блюдца с помощью человека. (Иони касается руками лица поящего)
Рис. 4. Самостоятельное питье с блюдца.
Рис. 5—6. Питье с блюдца звериным способом.

Табл. В.22. Внешнее выражение страха у шимпанзе

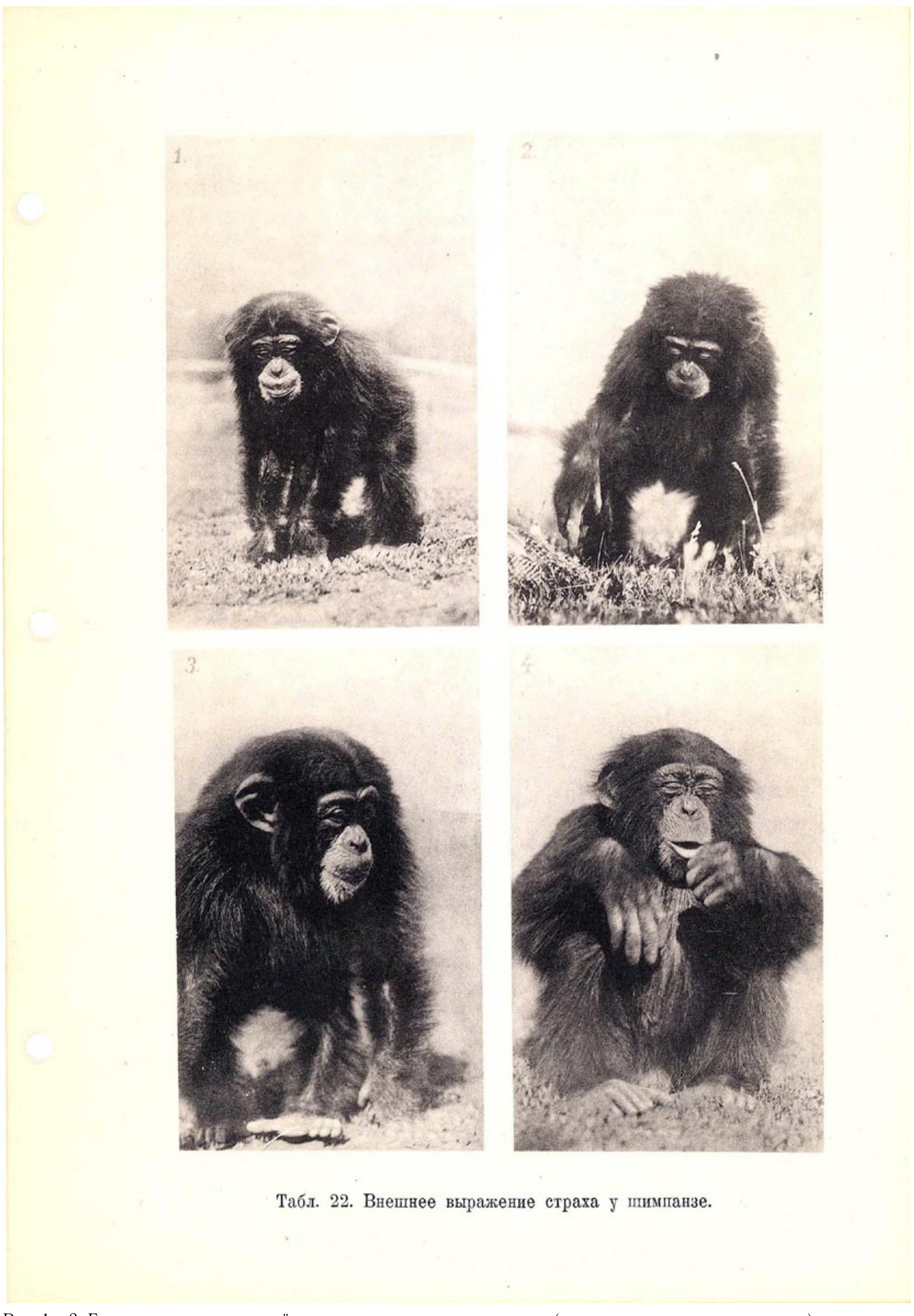


Табл. 22. Внешнее выражение страха у шимпанзе.

Рис. 1 и 3. Боязливо-взволнованный шимпанзе при прогулках на голе (распушение волос на всем теле).
Рис. 2. Встреча с пугающим объектом.
Рис. 4. Общая возбудимость с оттенком страха.

Табл. В.23. Внешнее выражение злобы шимпанзе (оборонительные и наступательные жесты и телодвижения шимпанзе)

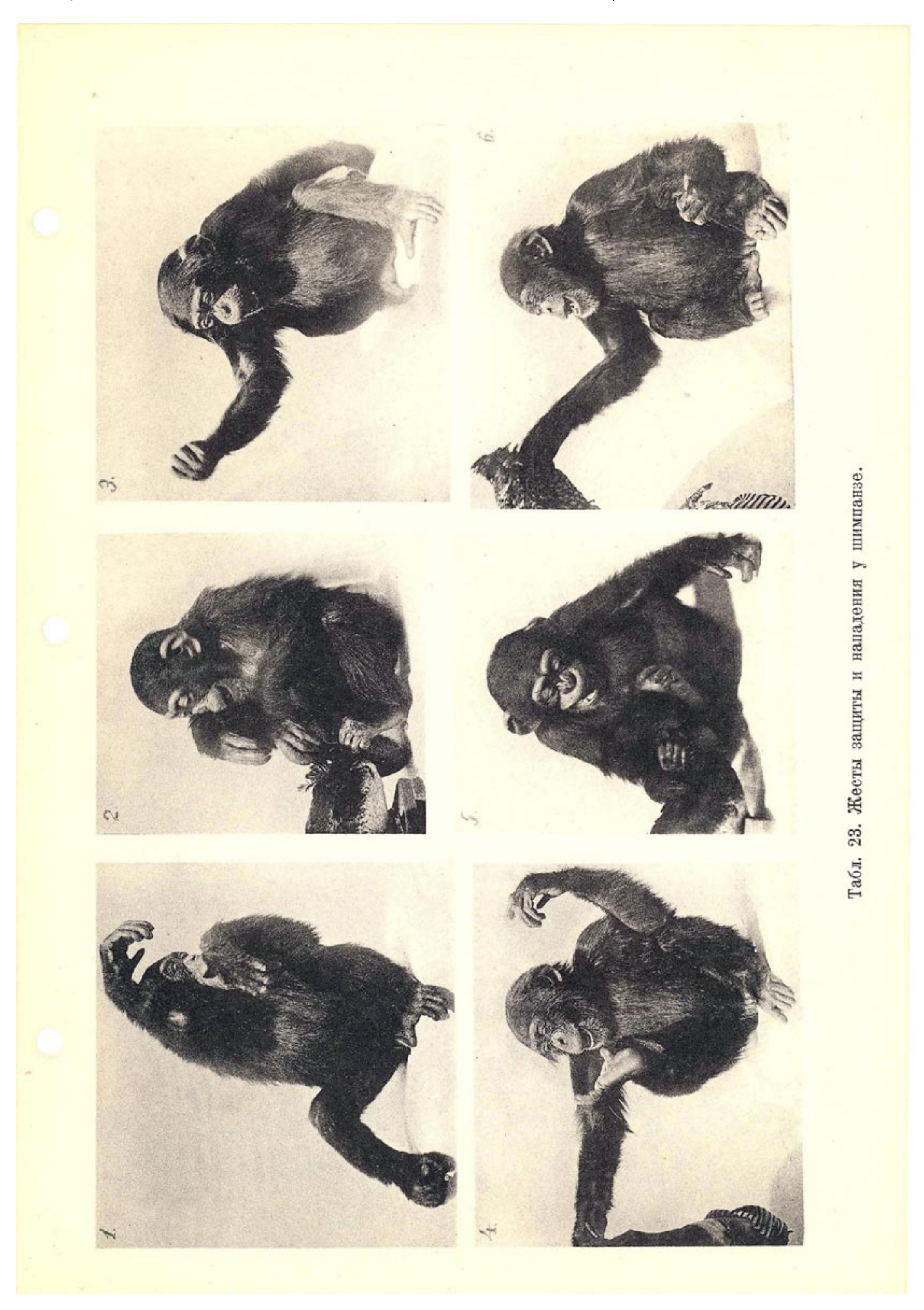


Рис. 1—2. Оборонительное закрывание лица.
Рис. 3. Нападение, намахивание кулаком.
Рис. 4. Оборона ногой, нападение рукой.

Рис. 5. Истязание жертвы.
Рис. 6. Щипание пальцами (на рисунке видно волнообразное искривление верхней губы над верхним левым клыком).

Табл. В.24. Агрессивная реакция Иони на чучело шимпанзе

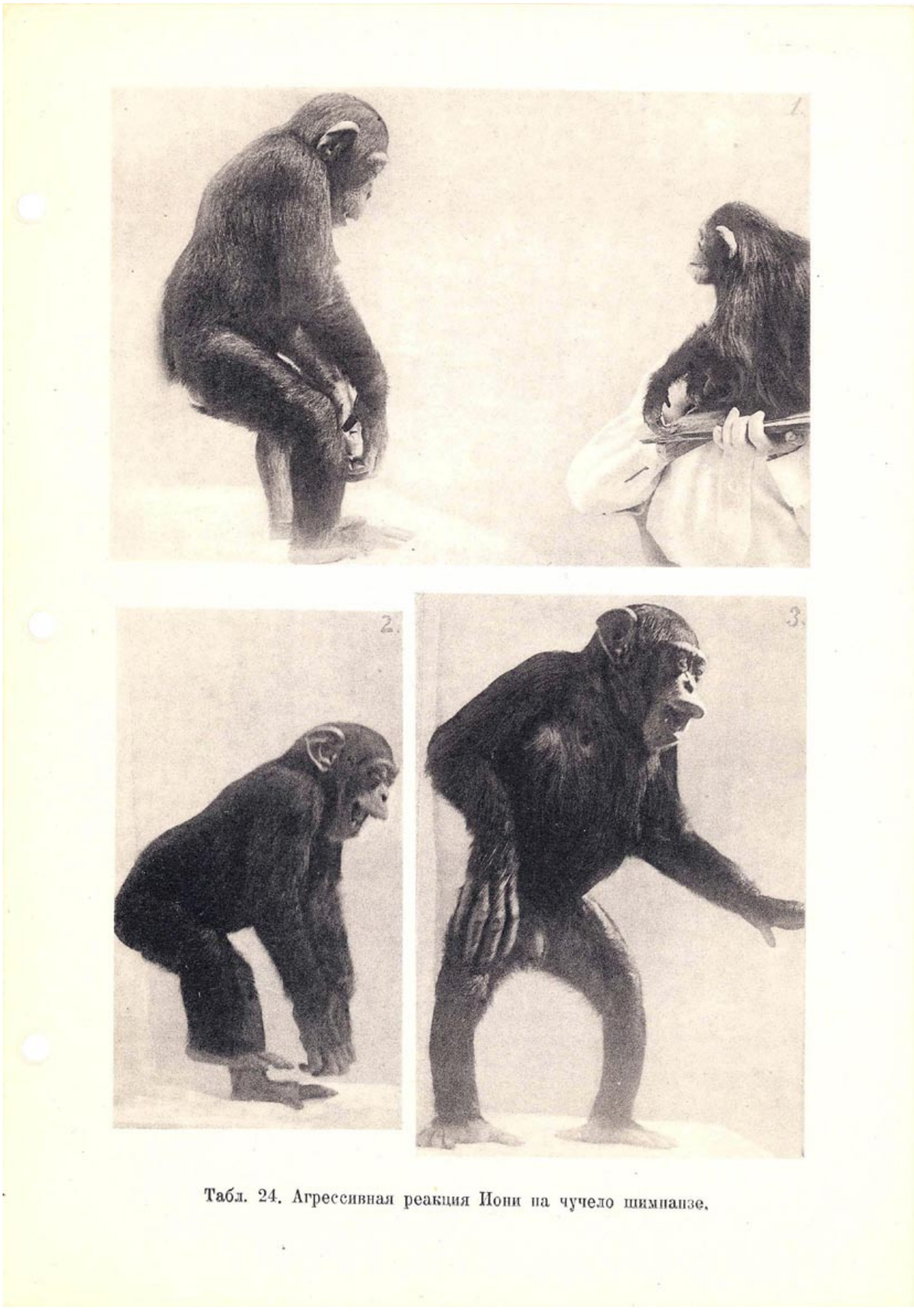


Табл. 24. Агрессивная реакция Иони на чучело шимпанзе.

Рис. 1. Привставание в вертикальное положение.
Рис. 2. Топание правой ногой — оскаливание зубов.
Рис. 3. Откидывание верхней губы — готовность к натиску.

Табл. В.25. Агрессивная реакция шимпанзе на мертвого зайца

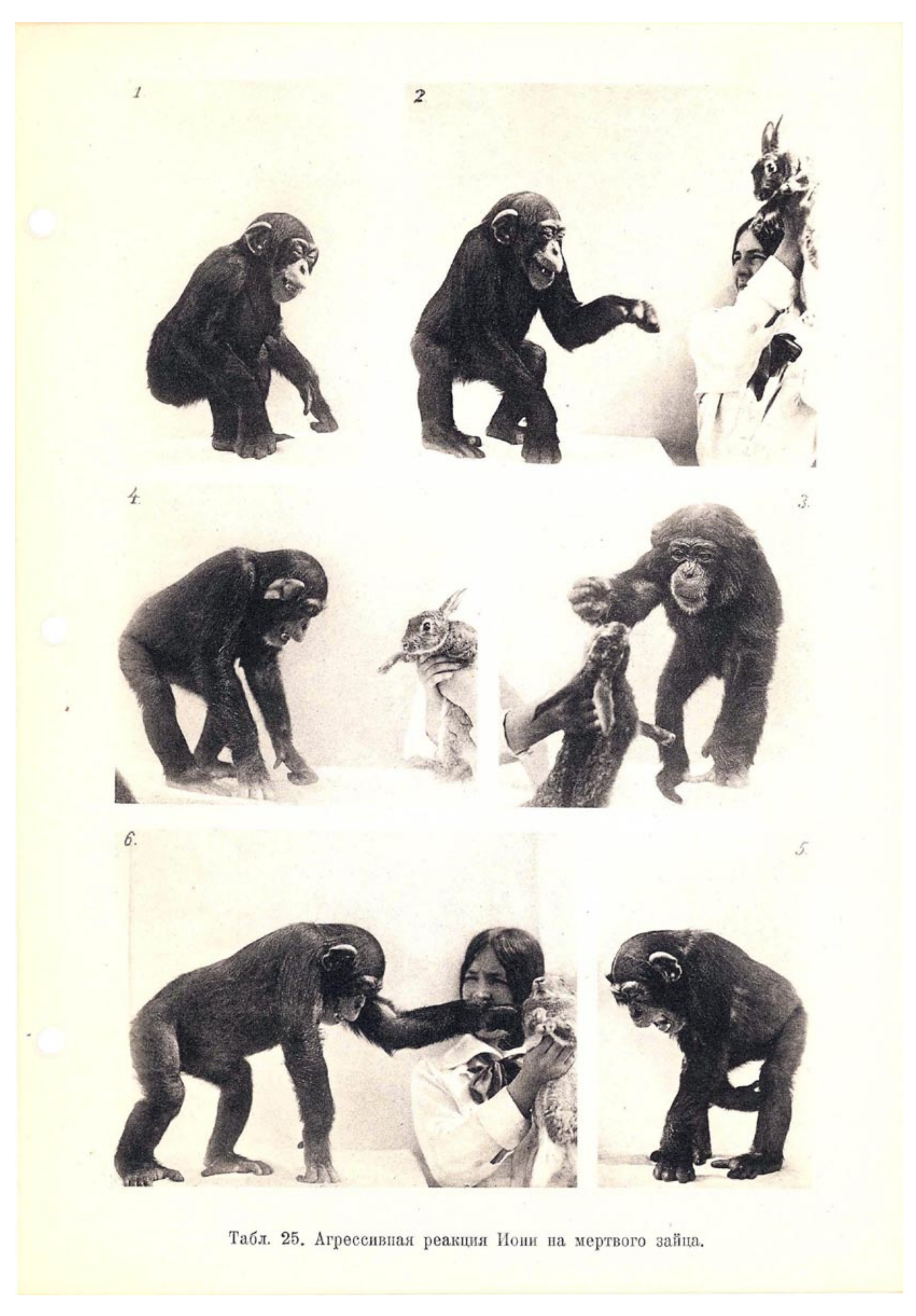


Рис. 1. Первый момент — испуг, приседание на корточки.
Рис. 2. Привставание в вертикальное положение, намахивание сложенными суставами пальцев.
Рис. 3. Намахивание кулаком (характерно кривление в сторону плотно сжатых губ).
Рис. 4. Позы угрозы — подготовка к перепрыгиванию с ног на руки и обратно.
Рис. 5. Намахивание правой рукой и потрясание отвисшей нижней челюстью.
Рис. 6. Наскок на раздражающий стимул.

Табл. В.26. Выражение у шимпанзе нежных чувств — ласки и участия

Рис. 1. Осторожное притрагивание рукой к лицу плачущего человека.
Рис. 2. Накладывание руки на голову плачущего, вытягивание плотно сжатых губ.
Рис. 3. Подготовка к прикосновению губами к лицу плачущего человека.
Рис. 4. Подготовка к прикосновению языком к лицу плачущего.

Табл. В.27. Эмоциональная солидаризация шимпанзе с человеком

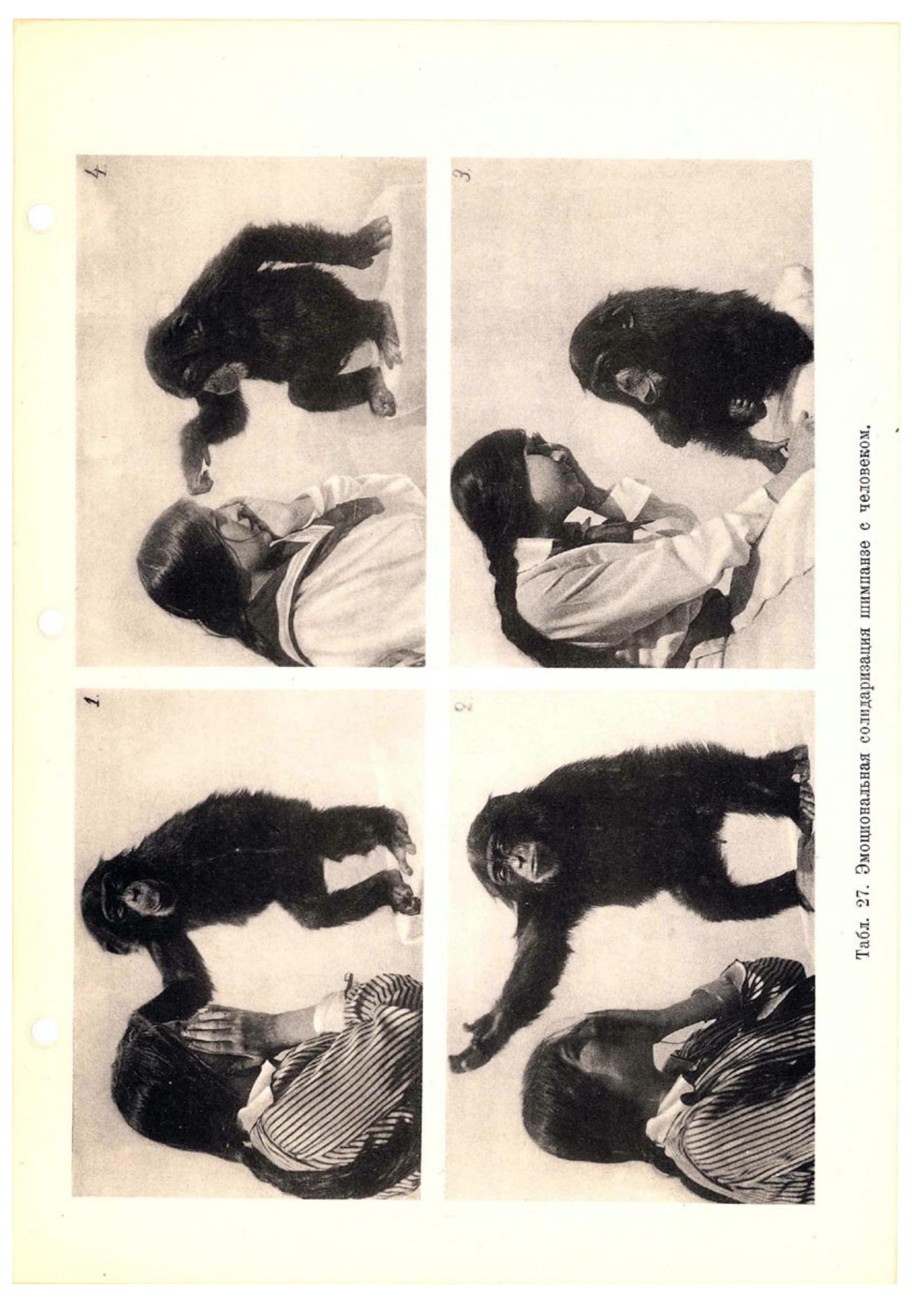


Рис. 1. Выражение сочувствия — накладывание руки на голову плачущего человека. (Печальное волнение Иони.)
Рис. 2. Общая возбудимость, пушение шимпанзе при виде плачущего человека.
Рис. 3. Волнение — сжимание кулаков ног.
Рис. 4. Вызов плачущего на игру.

Табл. В.28. Эмоциональная солидаризации шимпанзе с человеком

Рис. 1. Индуцированная печаль шимпанзе.
Рис. 2. Индуцированное злобное возбуждение шимпанзе.
Рис. 3. Индуцированная радость шимпанзе.
Рис. 4. Индуцированное беспокойство, волнение шимпанзе.

Табл. В.29. Специфичные игры шимпанзе

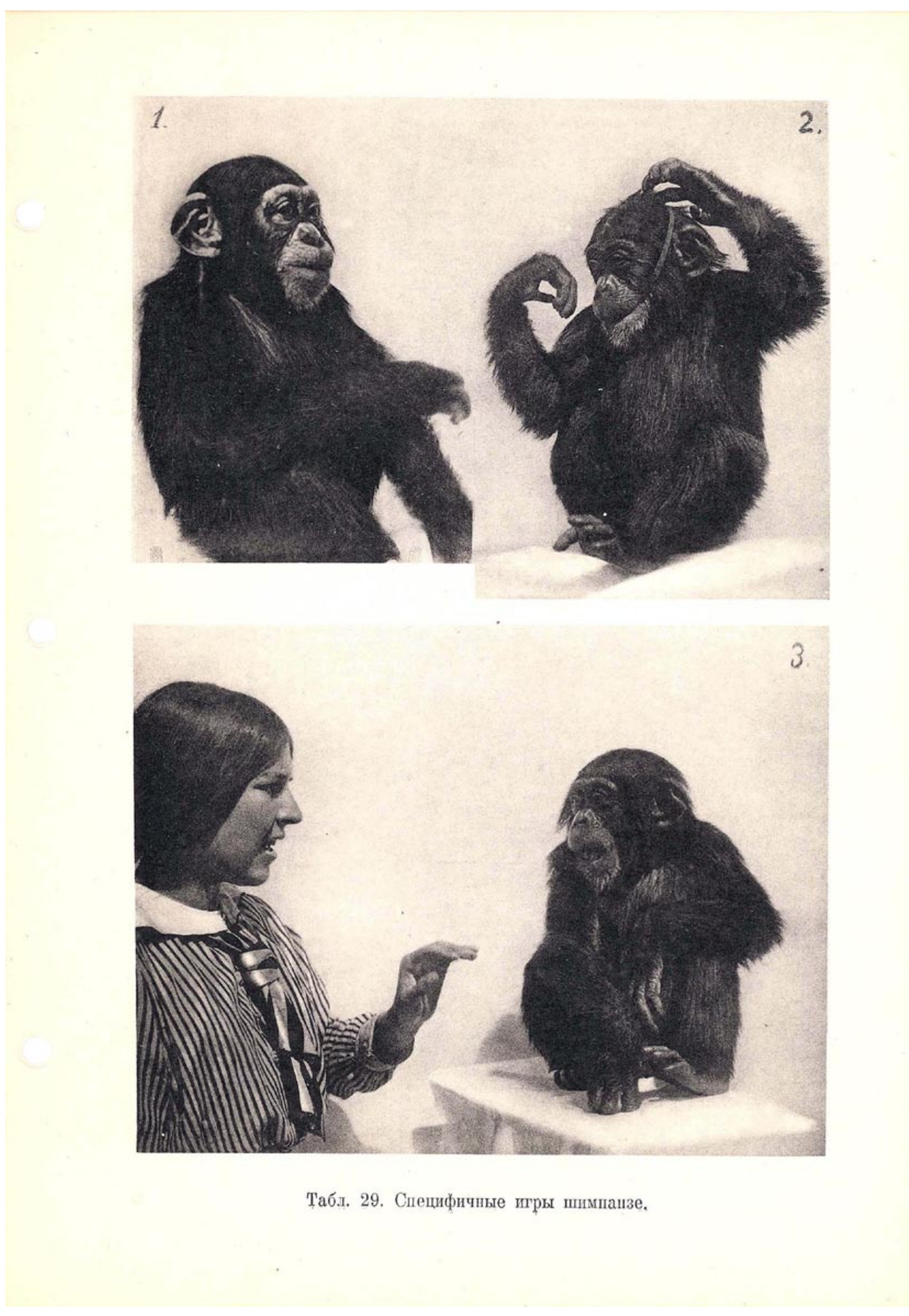


Табл. 29. Специфичные игры шимпанзе.

Рис. 1. Перебирание в губах твердой крошки.
Рис. 2. Пролезание головой в резиновое кольцо.
Рис. 3. Установка между губами распорки из острой палочки.

Табл. В.30. Игра шимпанзе с эластичными предметами (со шнурком и тесьмой)

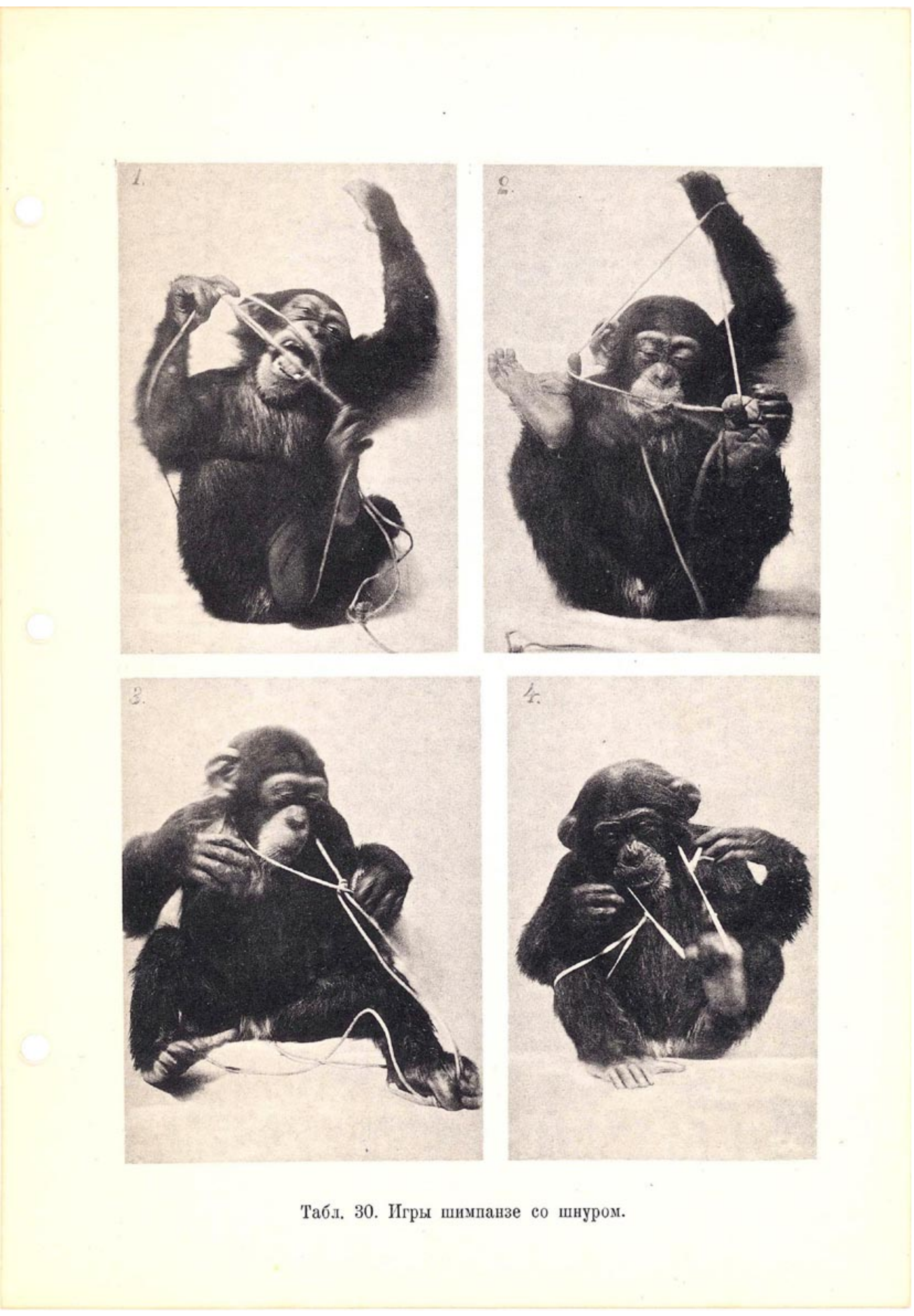


Табл. 30. Игры шимпанзе со шнуром.

Рис. 1—2. Запутывание и распяливание шнурка
Рис. 3—4. Пролезание в петли.

31 — 40

Табл. В.31. Подвижные игры шимпанзе (лазание и качание)

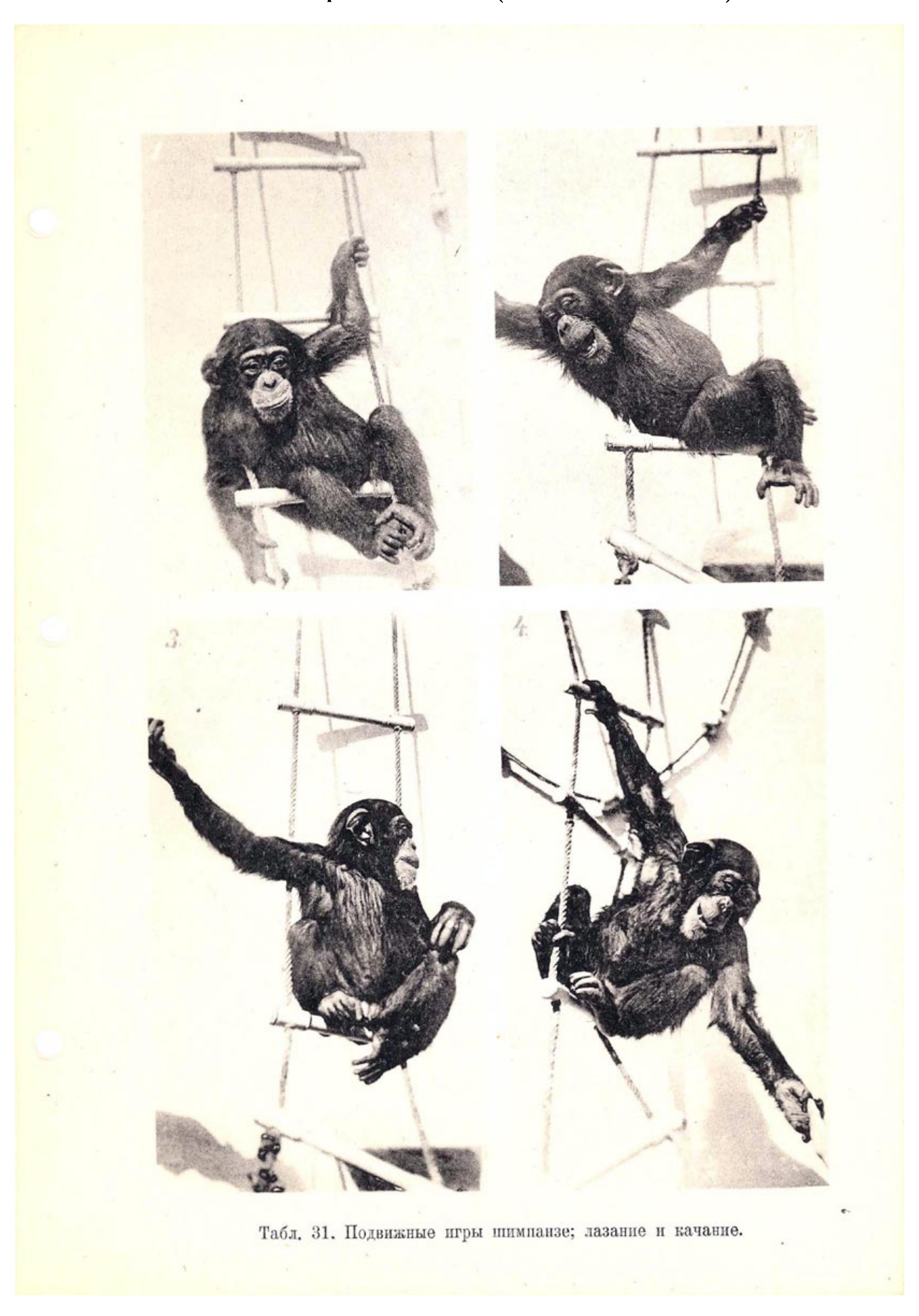


Табл. 31. Подвижные игры шимпанзе; лазание и качание.

Рис. 1. Подготовка к качанию на веревочной лестнице.
Рис. 2. Зацепление свободной рукой предметов при качании.
Рис. 3. Неподвижное сидение на веревочной лестнице.
Рис. 4. Заигрывание при качании.

Табл. В.32. Любопытство шимпанзе (реакция на новую вещь)

Рис. 1—2. Внимательное рассматривание интригующего объекта.
Рис. 3. Злобное сопротивление отдаванию вещи назад (кусание).
Рис. 4. Отнимание вещи, плач Иони.

Табл. В.33. Реакция шимпанзе на зеркало

Рис. 1. Выражение удивления при виде своего отражения в зеркале.
Рис. 2. Искание рукой за зеркалом.
Рис. 3. Агрессивная реакция на изображение (подготовка к ударению кулаком).
Рис. 4. Гримасы Иони перед зеркалом (тре-щание губами).

Табл. B.34. Сидячие позы человека и шимпанзе

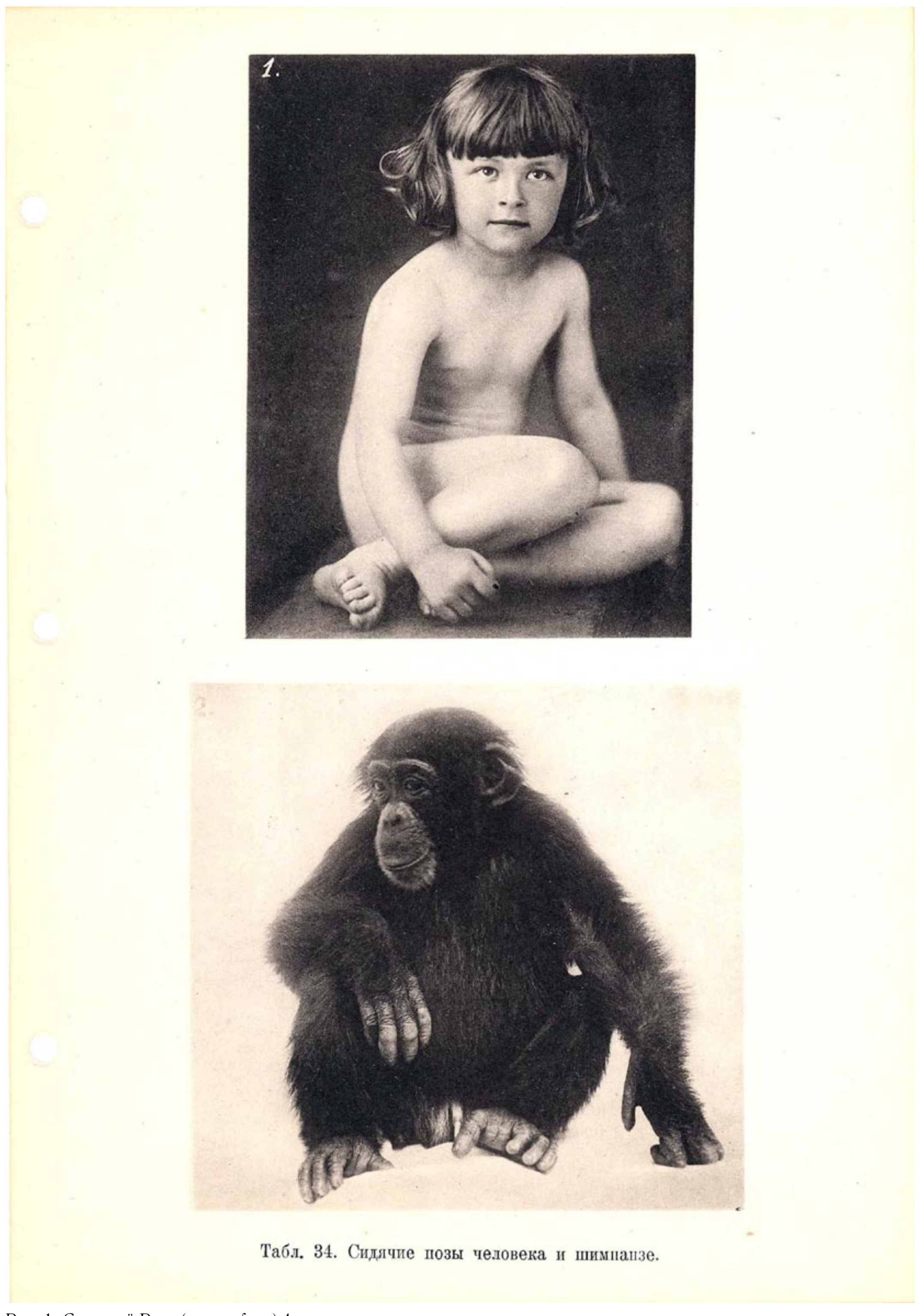


Рис. 1. Сидящий Руди (вид en face) 4 лет.
Рис. 2. Типичная сидячая поза шимпанзе Иони 4 лет.

Табл. В.35. Сидячие позы человека и шимпанзе

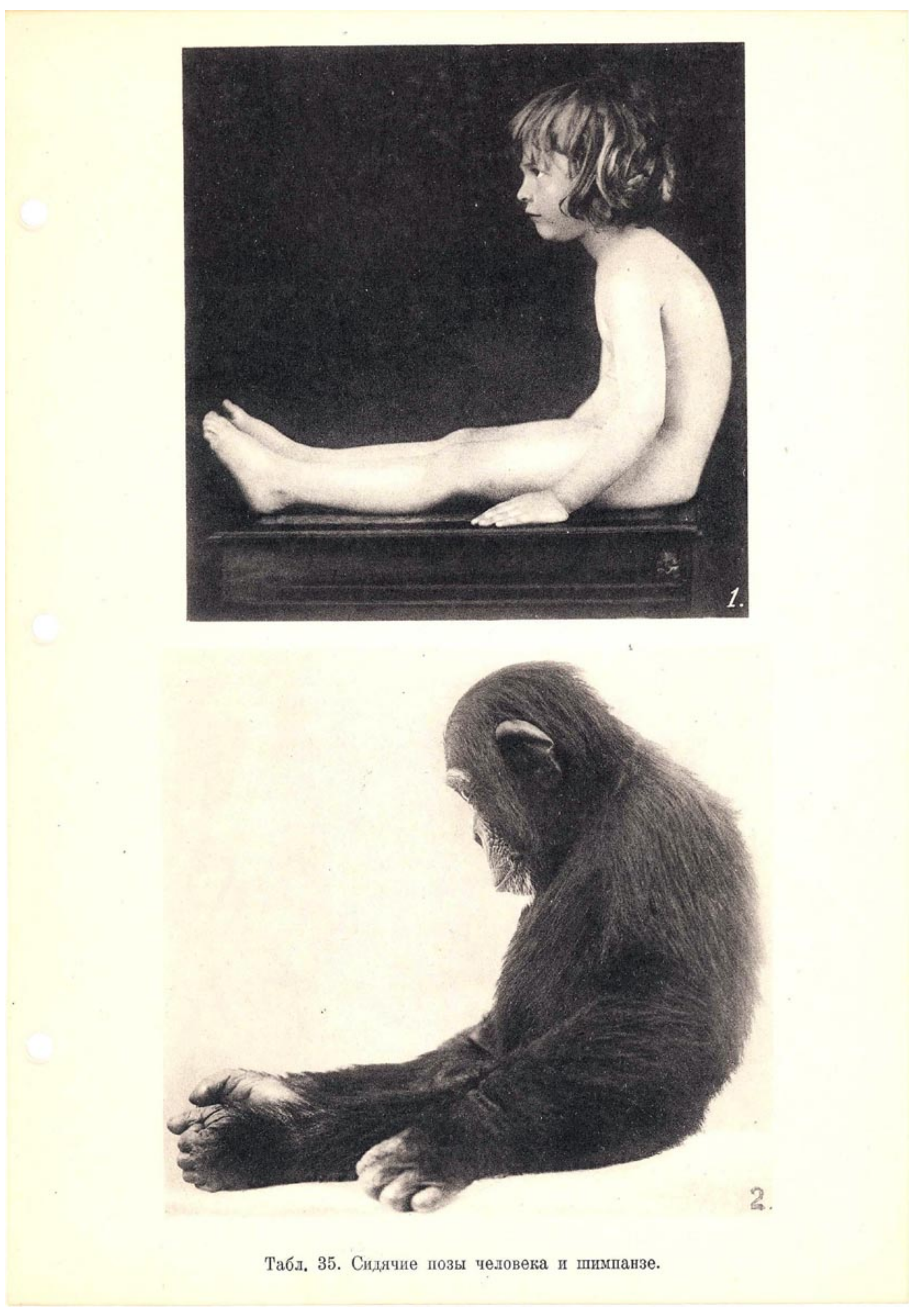


Рис. 1. Сидящий Руди (в профиль) 4 лет.
Рис. 2. Сидящий Иони (в профиль) 4 лет.

Табл. В.36. Сравнение кисти человека и шимпанзе

Рис. 1. Кисть Иони сверху, восковой муляж.
Рис. 2. Кисть Руди (7 лет) сверху.
Рис. 3. Кисть Иони снизу.
Рис. 4. Кисть Руди снизу.

Табл. В.37. Сравнение стопы человека и шимпанзе

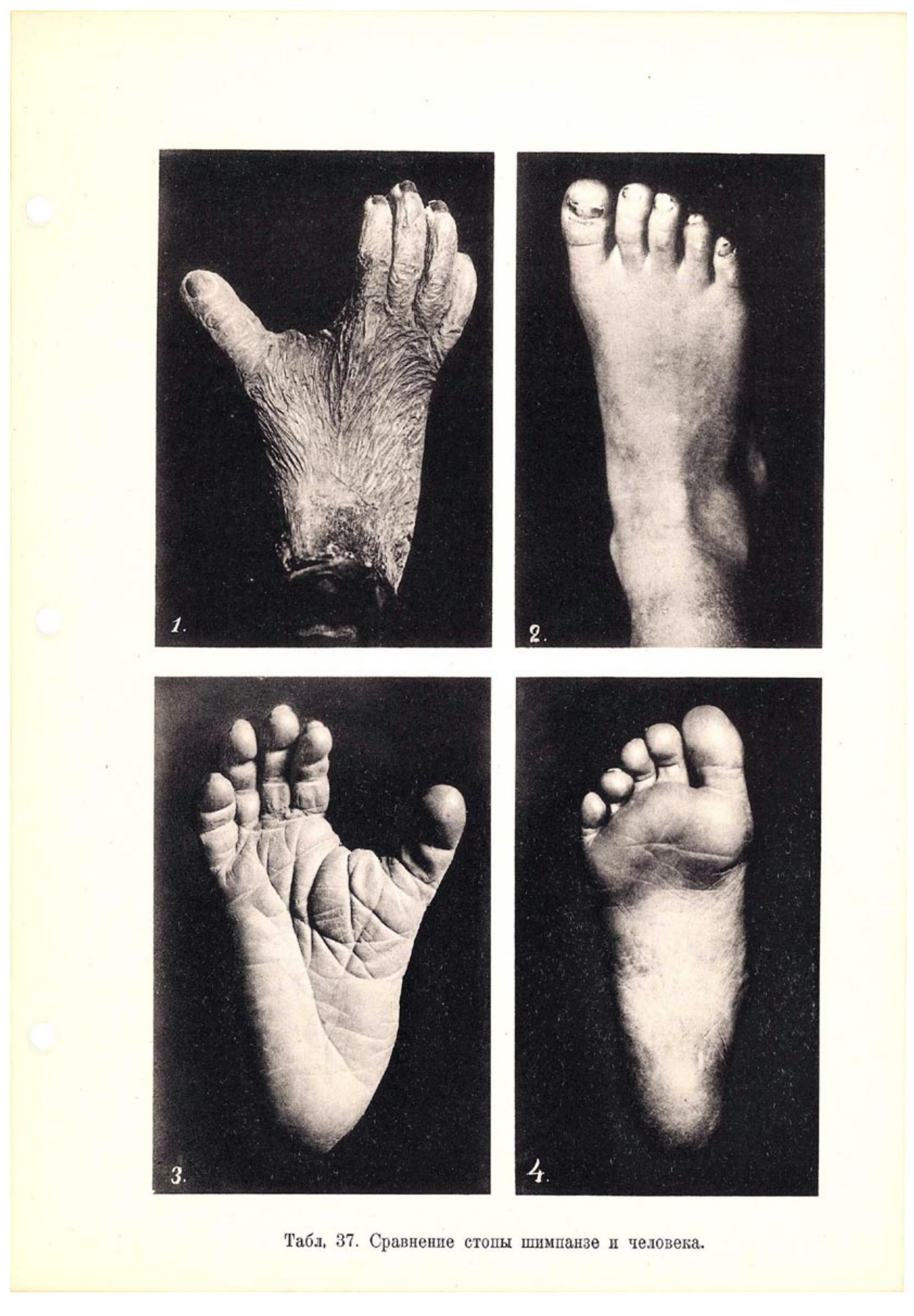


Рис. 1. Стопа Иони сверху, восковой муляж.
Рис. 2. Стопа Руди (7 лет) сверху.
Рис. 3. Стопа Иони снизу.
Рис. 4. Стопа Руди снизу.

Табл. В.38. Сидячие позы человека и шимпанзе

Рис. 1. Первые пробы сидения у Руди (5 мес); опора на руки.
Рис. 2. Сидение Руди (3½ лет) на согнутых коленях.
Рис. 3. Иони, присевший на-корточки.
Рис. 4. Сидящий на-корточках Руди (1 г. 2 м.).
Рис. 5. Иони, сидящий на скамейке.
Рис. 6. Руди (3 лет), сидящий на скамье.

Табл. В.39. Стоячие и сидячие позы человека и шимпанзе

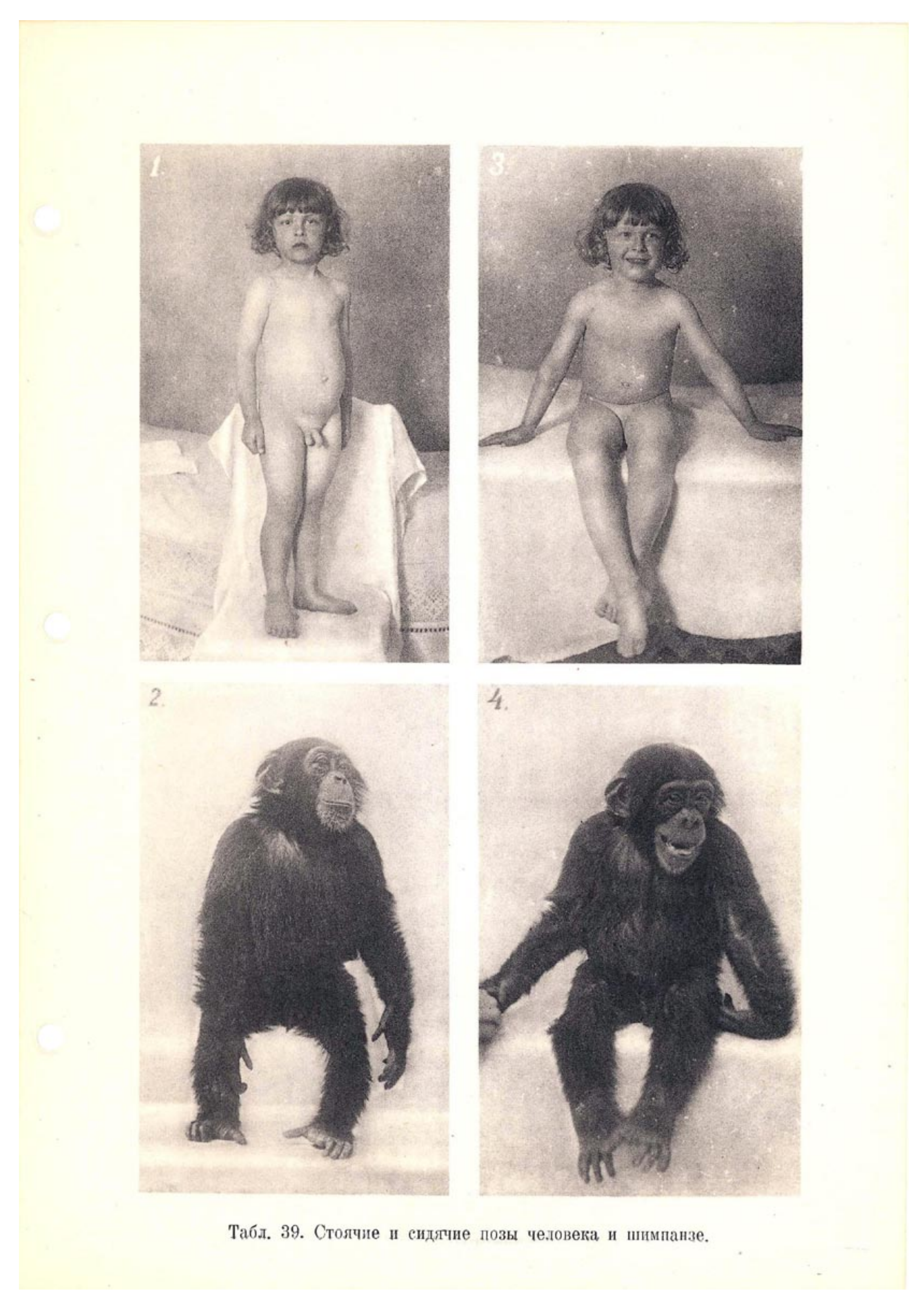


Рис. 1. Стоящий Руди (5 лет).
Рис. 2. Стоящий Иони (4 лет).

Рис. 3. Сидение ребенка со свободно спущенными ногами (Руди 5 лет).
Рис. 4. Сидение шимпанзе со свободно спущенными ногами (Иони 4 лет).

Табл. В.40. Эволюция стояния у человека

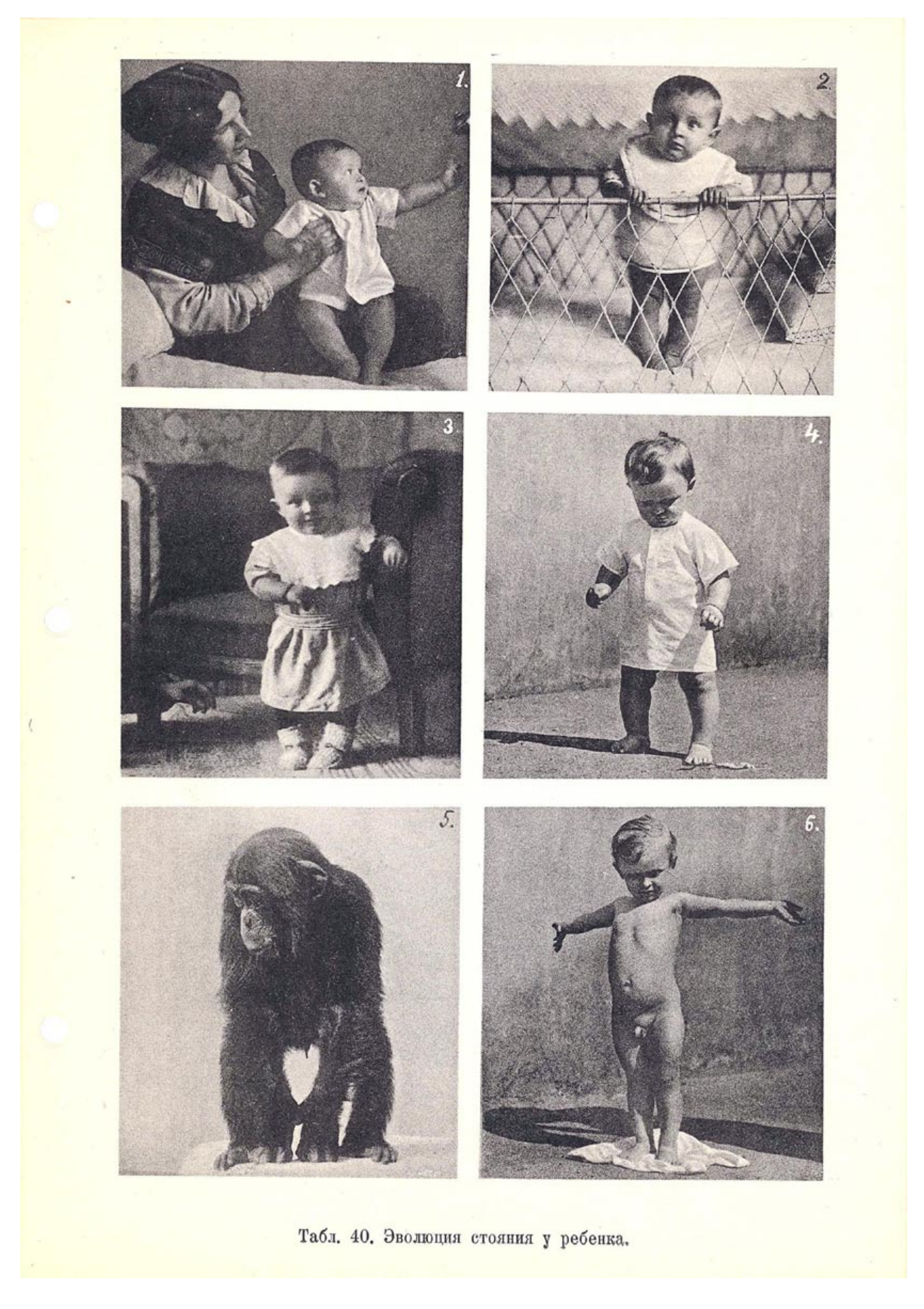


Рис. 1. Первые пробы приподнимания на ножках Руди (5 мес).
Рис. 2. Стояние с сильной опорой на руки Руди (6 мес).
Рис. 3. Стояние Руди (9 мес.) со слабой опорой локтем о кресло.
Рис. 4. Стояние без опоры, мало устойчивое (у годовалого Руди).
Рис. 5. Типичное стояние Иони.
Рис. 6. Устойчивое стояние Руди (4 лет).

41 — 50

Табл. В.41. Позы спящего ребенка

Табл. 41. Позы спящего ребенка.

Рис. 1. Спящий на спинке Руди (3 м. 3 н.) симметричное раскидывание рук в стороны.
Рис. 2. Спящий на спинке Руди (2 г. 1 м.) — закладывание обеих рук под голову.
Рис. 3. Спящий на боку Руди (2 г. 4 м.)
Рис. 4. Спящий на боку Руди (2 г. 3 м.).
Рис. 5. Наиболее типичное положение тела спящего ребенка.

Табл. В.42. Эволюция ходьбы у человека

Рис. 1. Типичный бег шимпанзе.
Рис. 2. Ползание человека (9 мес).
Рис. 3. Первая ходьба Руди (1 г. 1м.) — вид в профиль.
Рис. 4. Первая ходьба Руди (1 г. 1 м.) — вид en face.
Рис. 5. Медленная ходьба Иони.
Рис. 6. Бег Руди (в возрасте 3 лет).

Табл. В.43. Стояние и ходьба с посторонней помощью у человека и шимпанзе

Рис. 1. Стояние Иони с поддержкой человека.
Рис. 2. Стояние Руди (9 м. 26 д.) с поддержкой человека.
Рис. 3. Иони (3 лет), ведомый за руку.
Рис. 4. Руди (3 лет), ведомый за руку.

Табл. В.44. Ходьба и бег шимпанзе и человека, ношение в руках

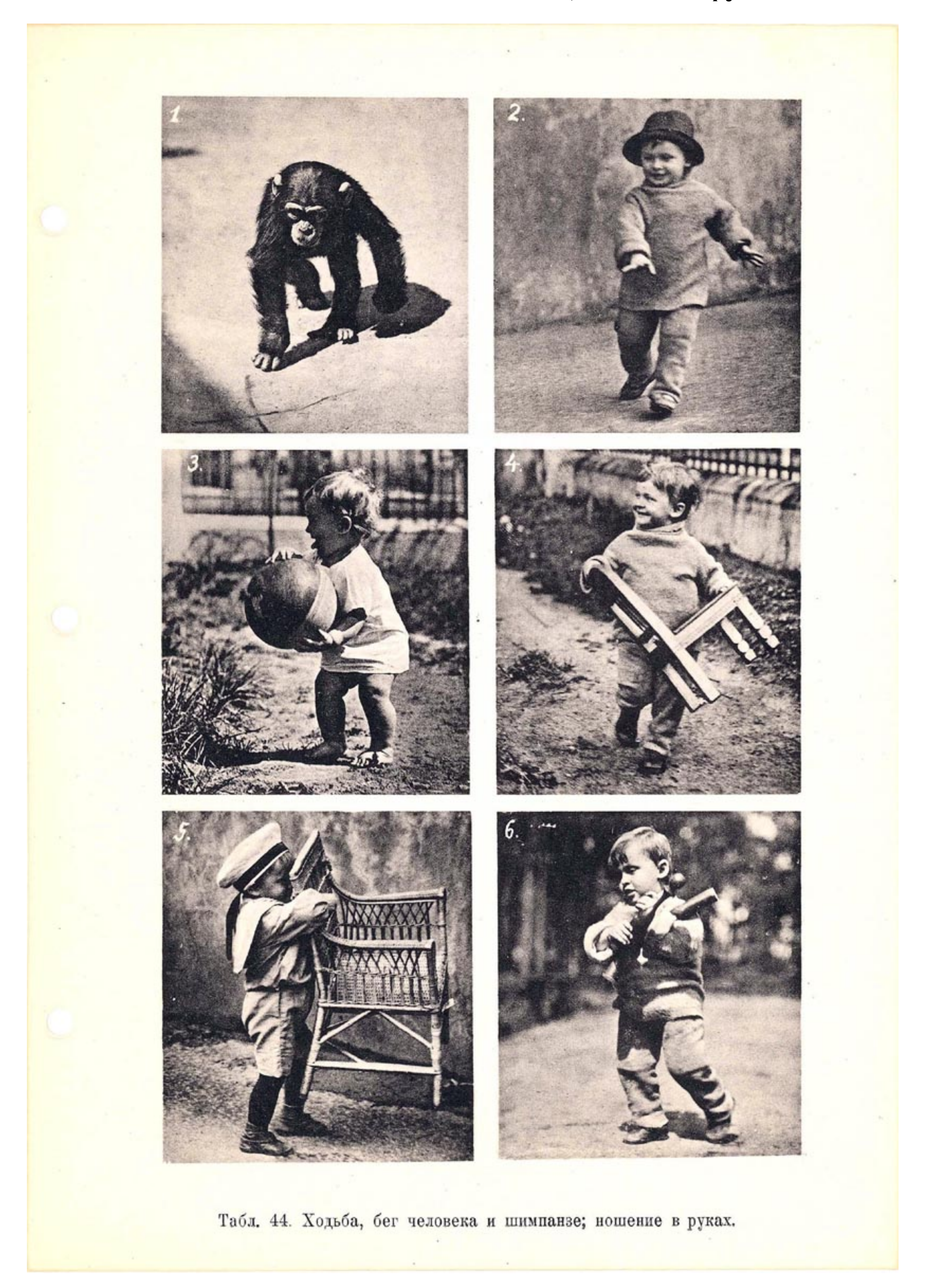


Табл. 44. Ходьба, бег человека и шимпанзе; ношение в руках.

Рис. 1. Бегущий Иони (3 лет).
Рис. 2. Бегущий Руди (2 лет).
Рис. 3. Руди (1 г. 1 м.), несущий мяч.
Рис. 4. Руди (2 г. 1 м.), несущий стул.
Рис. 5. Руди (2 г. 5 м.), несущий кресло.
Рис. 6. Руди (2 г. 2 м.), несущий кегли.

Табл. В.45. Катание ребенком предметов

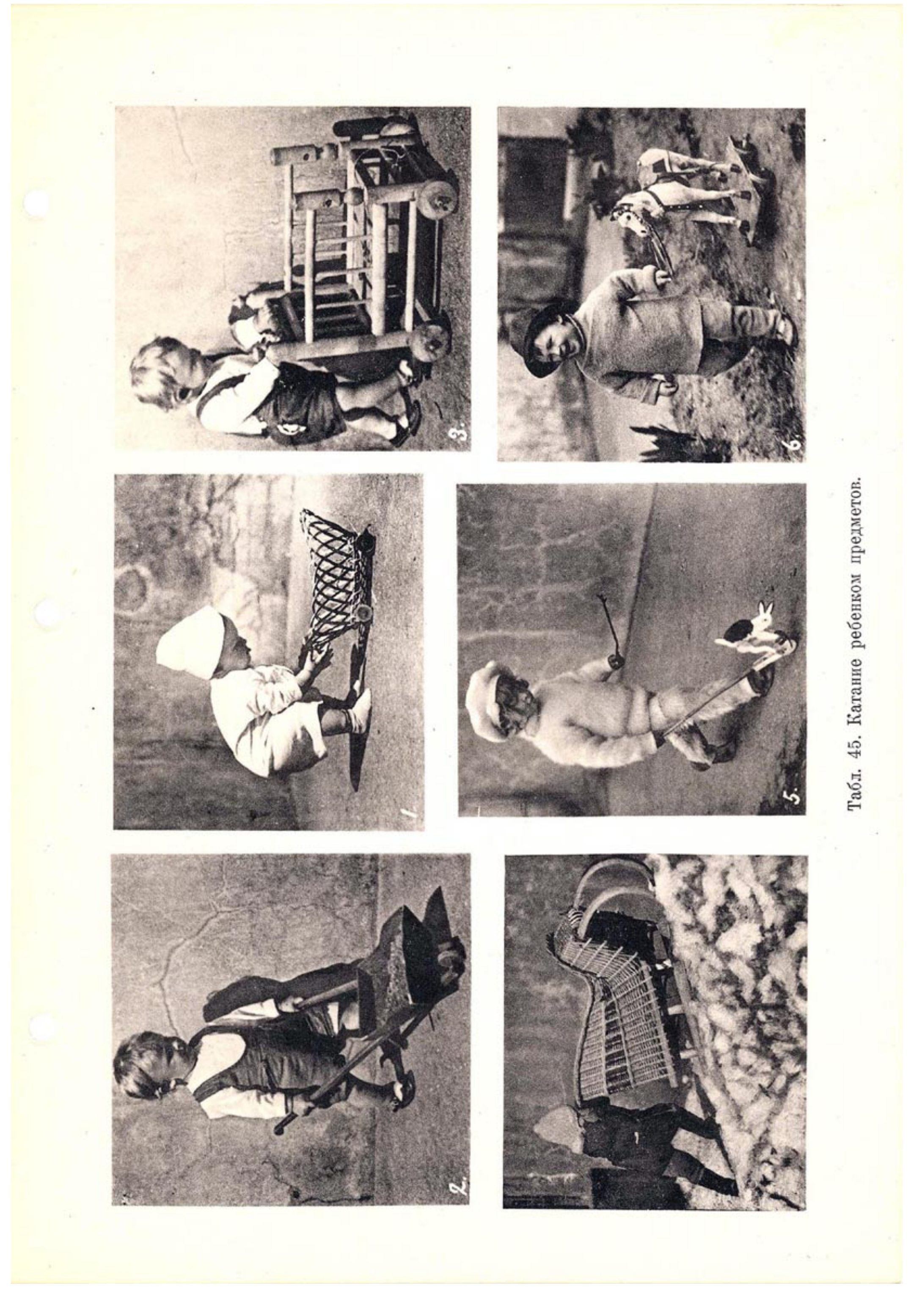


Рис. 1. Руди (1 г. 1 м.), толкающий коляску.
Рис. 2. Руди (1 г. 4 м.), везущий тачку.
Рис. 3. Руди (1 г. 4 м.), везущий впереди себя каталку.
Рис. 4. Руди (2 г. 11 м.), везущий в гору сани.
Рис. 5. Руди (4 лет), везущий зайчика.
Рис. 6. Руди (2 г. 1 м.), везущий за собой лошадку.

Табл. В.46. Упражнение ребенка в вожений предметов

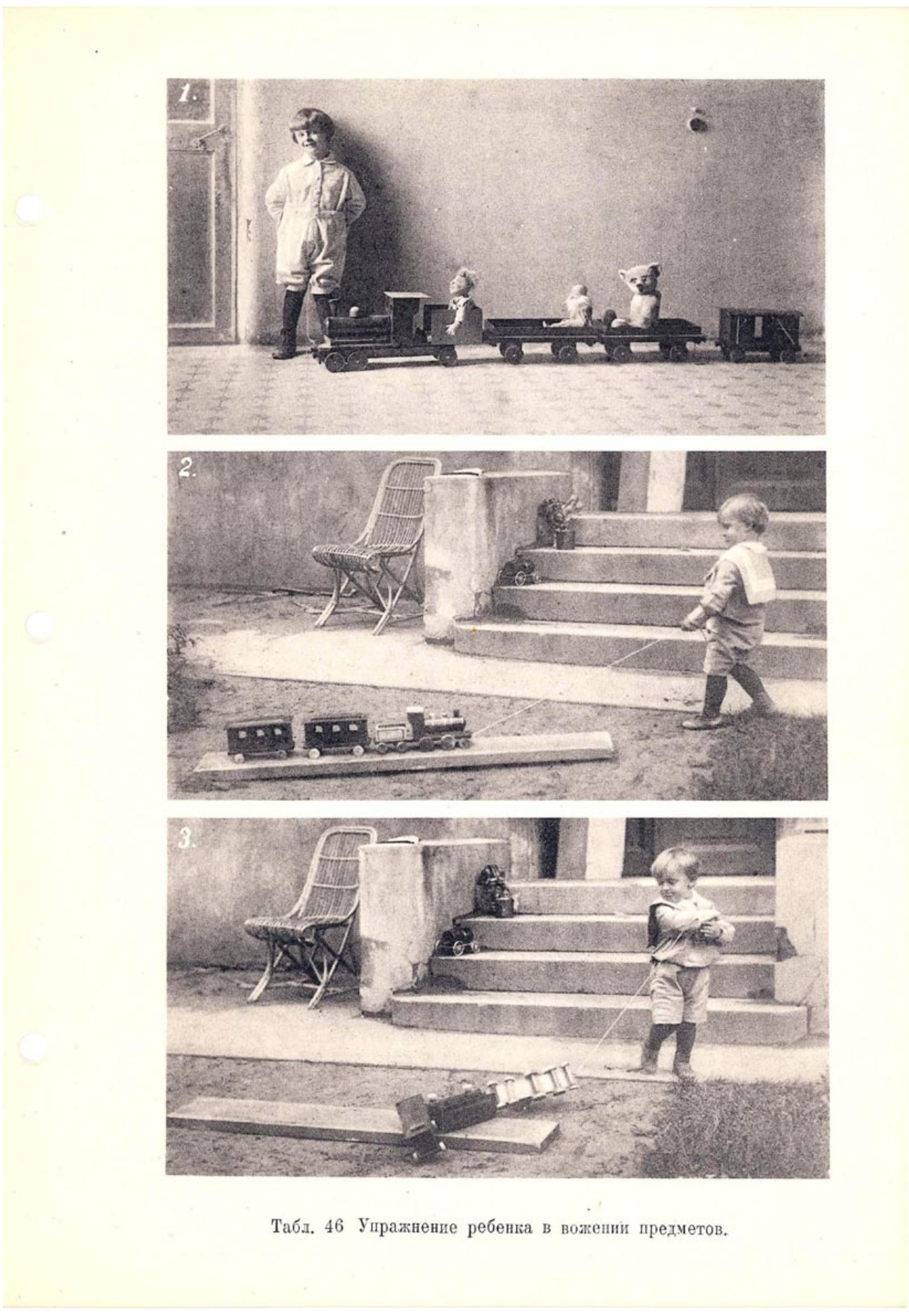


Рис. 1. Руди (3 лет) соорудил целый поезд для вожения игрушечных сотоварищей.
Рис. 2. Руди (2 г. 5 м.) везет поезд по самодельному мосту.
Рис. 3. Неожиданная катастрофа поезда.

Табл. В.47. Упражнение ребенка в ходьбе, беге и прыганий

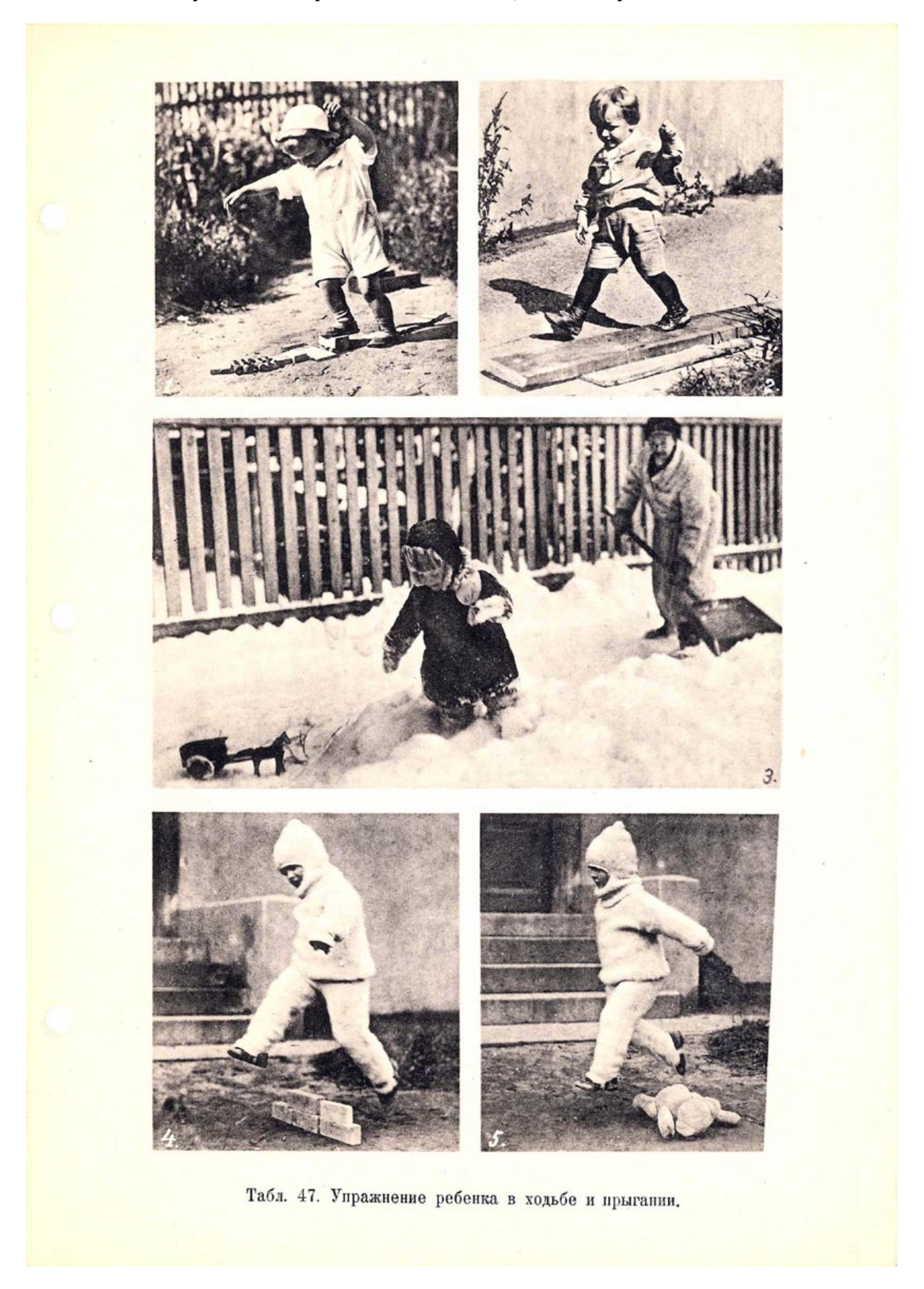


Рис. 1. Ходьба по мостику Руди (1 г. 6 м.).
Рис. 2. Ходьба по доске Руди (2 г. 5 м.).
Рис. 3. Ходьба по сугробам Руди (2 г. 7 м.).
Рис. 4. Прыгание через барьер Руди (3 г. 6 м.).
Рис. 5. Перепрыгивание Руди через мишука (3 г. 6 м.).

Табл. В.48. Бег, катание, лазание, вожение предметов у ребенка

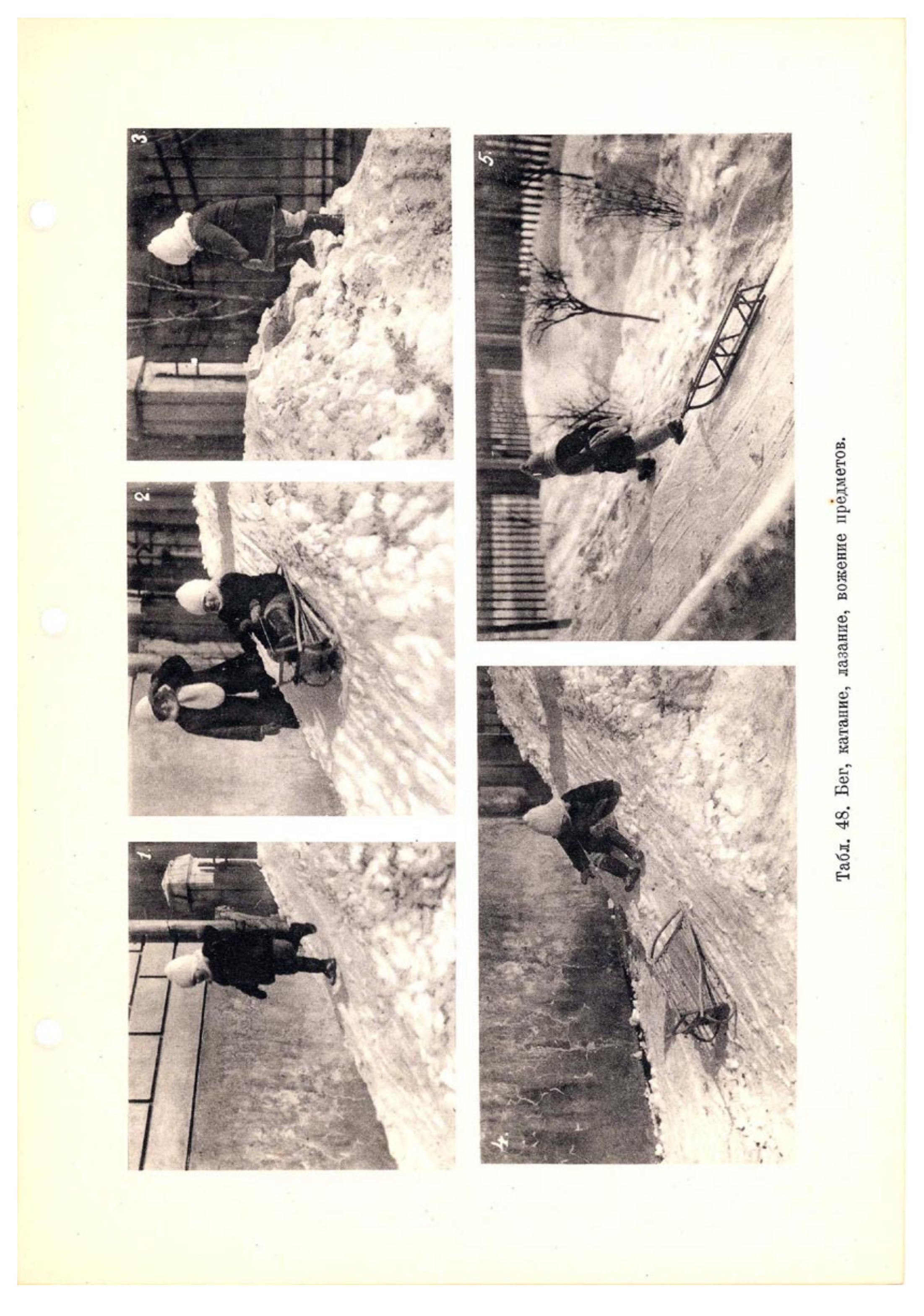


Рис. 1. Бег Руди (2 г. 11 м.) со снеговой горы.
Рис. 2. Скатывание Руди (2 г. 11 м.) с горы на санях.
Рис. 3. Влезание Руди по ступеням снеговой горы.
Рис. 4. Скатывание Руди с горы без саней.
Рис. 5. Везение Руди санок в гору.

Табл. В.49. Эволюция лазания у ребенка

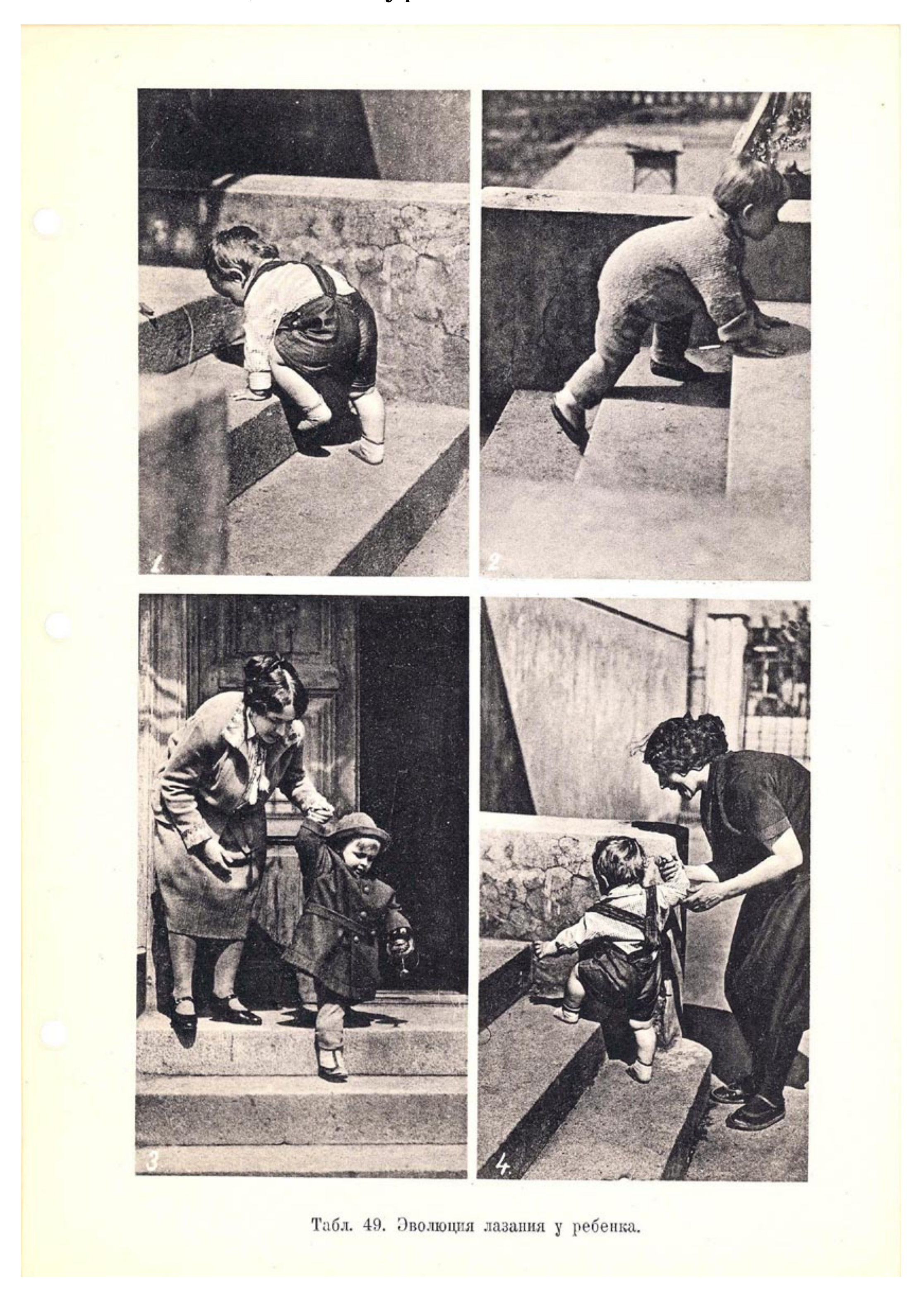


Рис. 1. Самостоятельное влезание Руди (1 г. 1 м.) на-четвереньках на ступени лестницы.
Рис. 2. Влезание Руди (2 г. 1 м.) на-четвереньках на ступени той же лестницы.
Рис. 3. Несамостоятельное слезание Руди (2 г. 1 м.) с лестницы.
Рис. 4. Несамостоятельное влезание Руди на ступени лестницы (1 г. 1 м.).

Табл. В.50. Эволюция лазания у ребенка

Рис. 1. Первое самостоятельное влезание. Руди (2 г. 1 м.) на лестницу (в вертикальном положении).
Рис. 2. Самостоятельное влезание Руди (2 г. 7 м.) в вертикальном положении на лестницу.
Рис. 3. Первое самостоятельное слезание Руди (2 г. 1 м.) в вертикальном положении с лестницы.
Рис. 4. Самостоятельное слезание Руди (2 г. 7 м.) в вертикальном положении с лестницы.

51 — 60

Табл. B.51. Эволюция лазания у ребенка

Рис. 1. Руди (1 г. 4 м.) влезает на кресло.
Рис. 2. Руди (1 г. 4 м.) слезает с кресла.
Рис. 3. Руди (1 г. 11 м.) влезает на сидение саней.
Рис. 4. Руди (1 г. 11 м.) слезает с сидения саней.
Рис. 5. Руди (2 г. 4 м.) влезает на подножку автомобиля.
Рис. 6. Руди (2 г. 4 м.) слезает с подножки автомобиля.

Табл. В.52. Лазание по высотам человека и шимпанзе

Рис. 1. Иони на крыше дома.
Рис. 2. Иони, слезающий по столбу с крыши.
Рис. 3. Руди (4½ лет), влезающий на лестницу-стремянку.
Рис. 4. Руди (5 лет) на перекладинах трапеции.
Рис. 5. Руди (1 г. 11 м.), влезающий на сидение саней.
Рис. 6. Руди (3½ лет) лазает по стульям.
Рис. 7. Руди (4½ лет) влезает на забор.

Табл. В.53. Сравнение типических выражений лица человека и шимпанзе

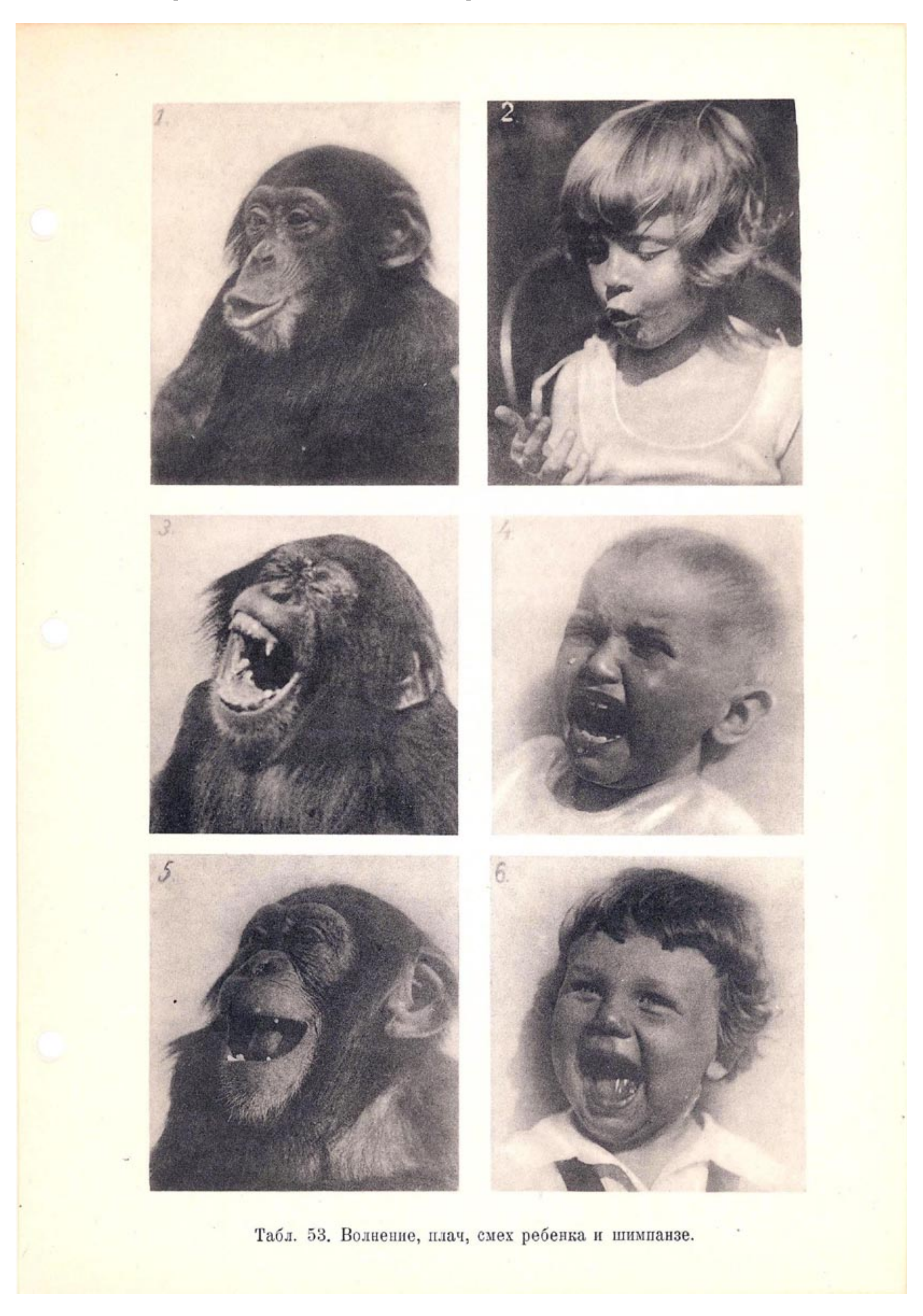


Табл. 53. Волнение, плач, смех ребенка и шимпанзе.

Рис. 1. Мимика волнения у Иони.
Рис. 2. Мимика волнения у Руди (3 г. 4 м.).
Рис. 3. Плач шимпанзе.
Рис. 4. Плач ребенка (видны слезы).
Рис. 5. Смех шимпанзе.
Рис. 6. Смех ребенка.

Табл. В.54. Сравнение типических выражений лица человека и шимпанзе

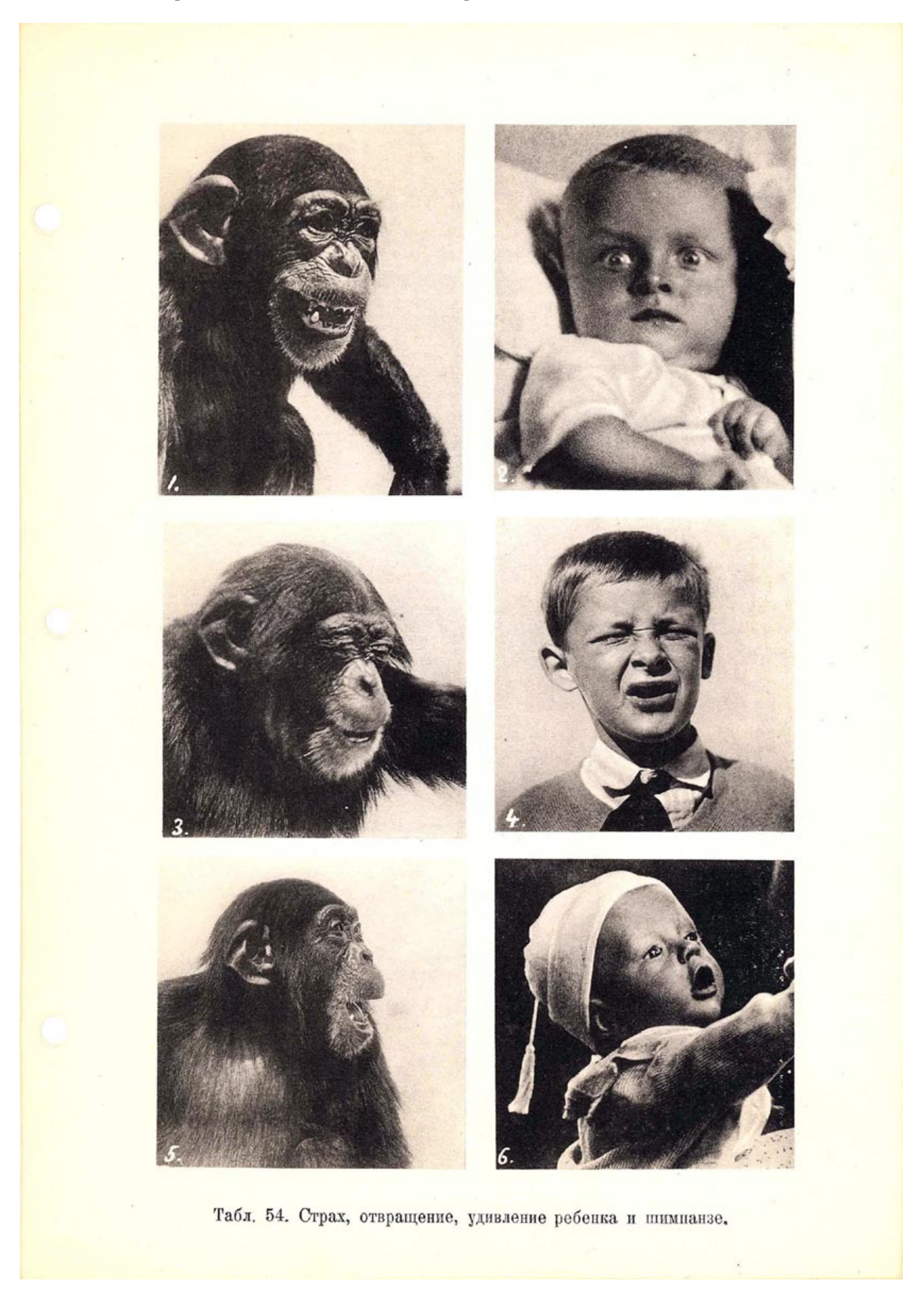


Рис. 1. Мимика страха у Иони.
Рис. 2. Мимика страха у Руди (3 мес).
Рис. 3. Мимика отвращения у Иони.
Рис. 4. Мимика отвращения у Руди (7 лет).
Рис. 5. Мимика удивления у Иони.
Рис. 6. Мимика удивления дитяти человека.

Табл. B.55. Реакция на вкусную и невкусную пищу у ребенка

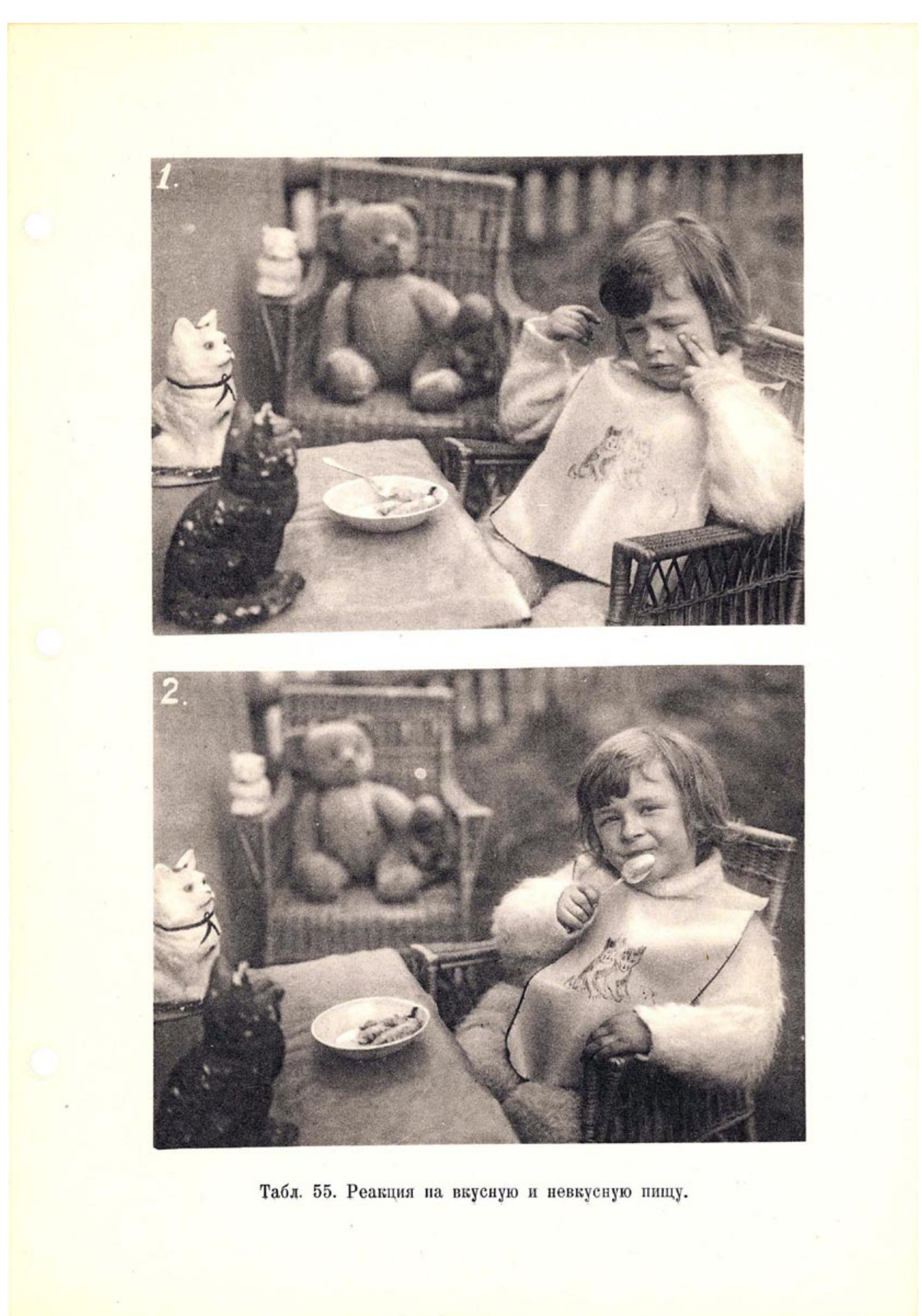


Табл. 55. Реакция на вкусную и невкусную пищу.

Рис. 1. Мимика вкусового неудовольствия: Руди (4 г. 1 м.) отведал несладкой каши.
Рис. 2. Мимика вкусового удовольствия: Руди (4 г. 1 м.) отведал сладкой каши.

Табл. В.56. Мимика плача у человека и шимпанзе

Рис. 1. Начальная 1-я стадия плача Руди (7 лет).
Рис. 2. Следующая 2-я стадия плача Руди (7 лет).
Рис. 3. Сдержанный плач от физической боли у Руди (7 лет).
Рис. 4. Характерный жест рукой при плаче — вытирание слез (Руди — 7 лет).
Рис. 5. Плач шимпанзе Иони.
Рис. 6. Плач Руди (3-я стадия).

Табл. В.57. Мимика плача у ребенка, вызванная разными стимулами

Табл. 57. Мимика плача у ребенка.

Рис. 1. «Идейный» плач Руди (1 г. 2 м.). 4-я по силе стадия плача.
Рис. 2. Плач Руди (1 г. 2 м.) от физического недомогания 5-я стадия плача.

Рис. 3. Конструктивное развлечение Руд (6 лет). Репродукция «ископаемого человека».
Рис. 4. Сдержанный плач Руди (6 лет) — при огорчении «идейного» порядка

Табл. В.58. Параллельное сопоставление мимики плача и смеха ребенка

Рис. 1. Плачущий Руди (6 мес). 3-я стадия плача.
Рис. 2. Улыбающийся Руди (6 мес). 1-я стадия смеха.
Рис. 3. Плачущий Руди (1 г. 2 м.). 4-я стадия плача.
Рис. 4. Улыбающийся Руди (1 г. 2 м.). 1-я стадия смеха.
Рис. 5. Поза плачущего Руди (1 г. 2 м.). 5-я стадия плача.
Рис. 6. Поза весело улыбающегося Руди (1 г. 2 м.). 1-я стадия смеха.

Табл. В.59. Мимика смеха дитяти человека и дитяти шимпанзе

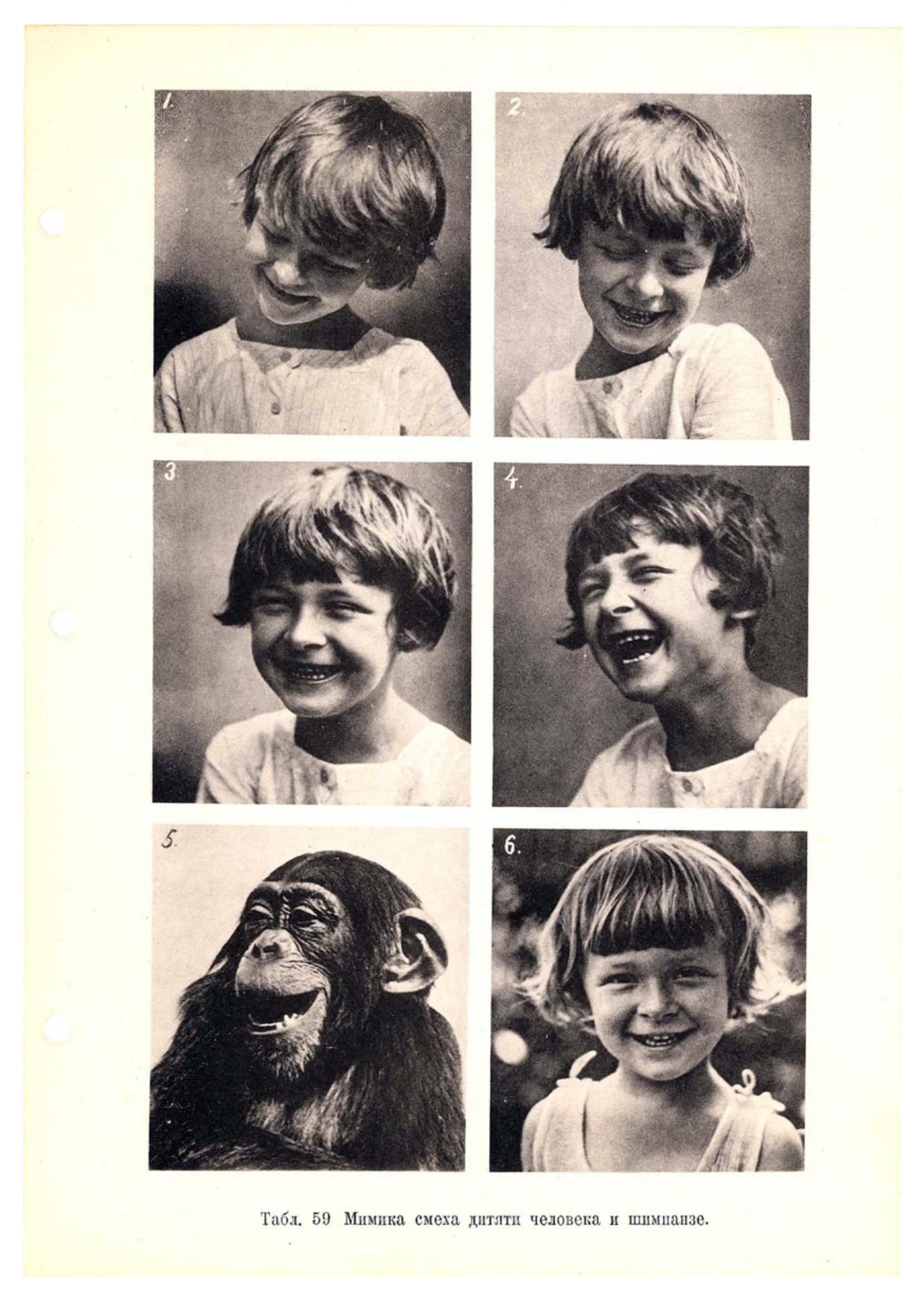


Рис. 1. Узкая улыбка Руди (6 лет). 2-я стадия смеха.
Рис. 2. Широкая улыбка Руди (6 лет) 3-я стадия смеха.
Рис. 3. Широкая улыбка Руди (6 лет). 4-я стадия смеха.
Рис. 4. Смех Руди (6 лет). 5-я стадия смеха.
Рис. 5. Широкая улыбка Иони (4 лет).
Рис. 6. Широкая улыбка Руди (4 лет). 3-я стадия смеха.

Табл. В.60. Мимика и позы, весело настроенных шимпанзе и человека

Табл. 60. Позы и жесты весело настроенных шимпанзе и человека.

Рис. 1. Иони в шаловливом, веселом задорном настроении.
Рис. 2. Руди в шаловливом, веселом задорном настроении.
Рис. 3. Иони щекочут.
Рис. 4. Руди щекочут.
Рис. 5. Телодвижения веселящегося, играющего Иони.
Рис. 6. Телодвижения весело играющего Руди (г. 1 м.).

61 — 70

Табл. В.61. Уход за собой у человека и шимпанзе

Рис. 1. Обследование пальцев рук (вынимание занозы) у Руди (5 лет).
Рис. 2. Обследование пальцев ног у Руди (2 г. 4 м.).
Рис. 3. Обследование и очищение ног у Иони.
Рис. 4. Обследование и очищение рук у Иони.

Табл. В.62. Туалет у ребенка

Рис. 1. Умывание лица у Руди (2 г. 4 м.).
Рис. 2. Мытье рук мылом у Руди (3 г. 2 м.).
Рис. 3. Надевание шапочки Руди (1 г. 2 м.).
Рис. 4. Попытка надевания башмачков Руди (1 г. 2 м.).
Рис. 5. Подготовка к сморканию Руди (2 г. 6 м.).
Рис. 6. Сморкание в носовой платок у Руди (2 г. 6 м.)

Табл. В.63. Самоукрашение у дитяти человека и у шимпанзе

Табл. 63. „Самоукрашение“ у дитяти человека и шимпанзе.

Рис. 1. Руди (1 г. 5 м.) надевает на шейку боа из желтых перьев.
Рис. 2. Руди «украсился».
Рис. 3. Иони, надевший на шею тюль.
Рис. 4. Руди (3 г. 4 м.) надевает подобие шапки.

Табл. В.64. Употребление посуды при питье у шимпанзе и у человека

Табл. 64. Употребление посуды при питье у человека и шимпанзе.

Рис. 1. Питье из чашки у Руди (2 г. 2 м.).
Рис. 2. Питье из чашки у Руди (3 г. 5 м.).
Рис. 3. Питье из чашки у Иони.
Рис. 4. Питье из чашки у Иони.

Табл. В.65. Употребление ребенком посуды и приборов при еде и питье

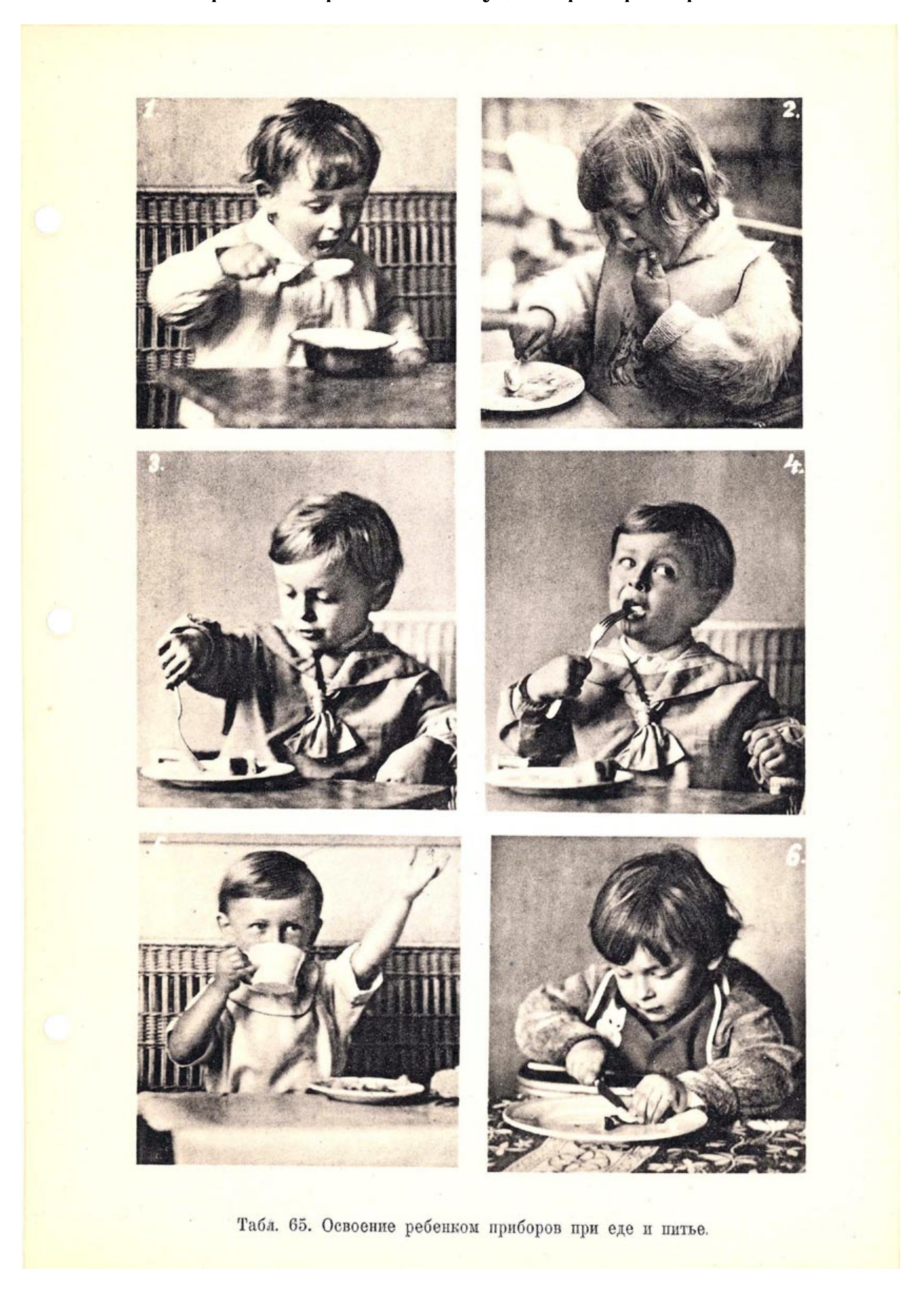


Табл. 65. Освоение ребенком приборов при еде и питье.

Рис. 1. Еда ложкой у Руди (2 г. 1 м.)
Рис. 2. Отведывание еды пальцем, зачерпывание еды ложкой у Руди (4 г. 1 м.).
Рис. 3—4. Употребление вилки у Руди (2 г. 7 м.).
Рис. 5. Питье из чашки у Руди (2 г. 3 м.).
Рис. 6. Употребление ножа у Руди (2 г. 11 м.).

Табл. В.66. Внешнее выражение страха у человека и шимпанзе

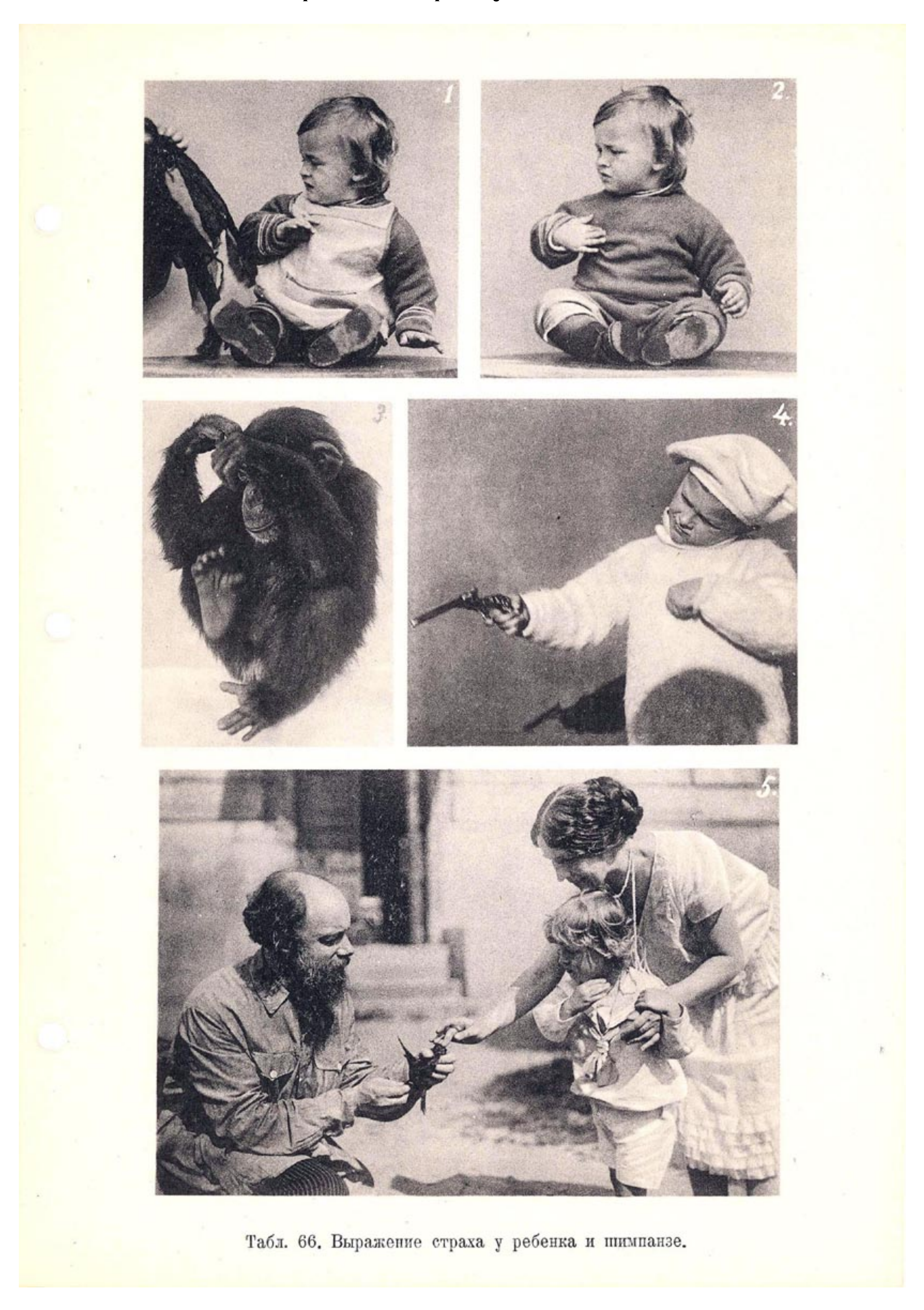


Табл. 66. Выражение страха у ребенка и шимпанзе.

Рис. 1. Мимика и оборонительные жесты Руди (1½ лет), боящегося темного тюля.
Рис. 2. То же.
Рис. 3. Оборонительные жесты боящегося Иони.
Рис. 4. Оборонительный жест рукой у Руди (5 лет) при стрельбе из револьвера.
Рис. 5. Оборонительный жест у Руди (3 г. 3 м.), боящегося живой движущейся птички.

Табл. В.67. Внешнее выражение злобы, у человека и шимпанзе

Рис. 1. Мимика мнимой злобы у Руди (5 лет).
Рис. 2. Мимика злобы у Иони.
Рис. 3. Наступательные жесты Иони (топание правой ногой на чучело шимпанзе).
Рис. 4. Наступательные жесты Руди (2 г. 2 м.) — топание ногой на лошадку.

Табл. В.68. Военные игры ребенка

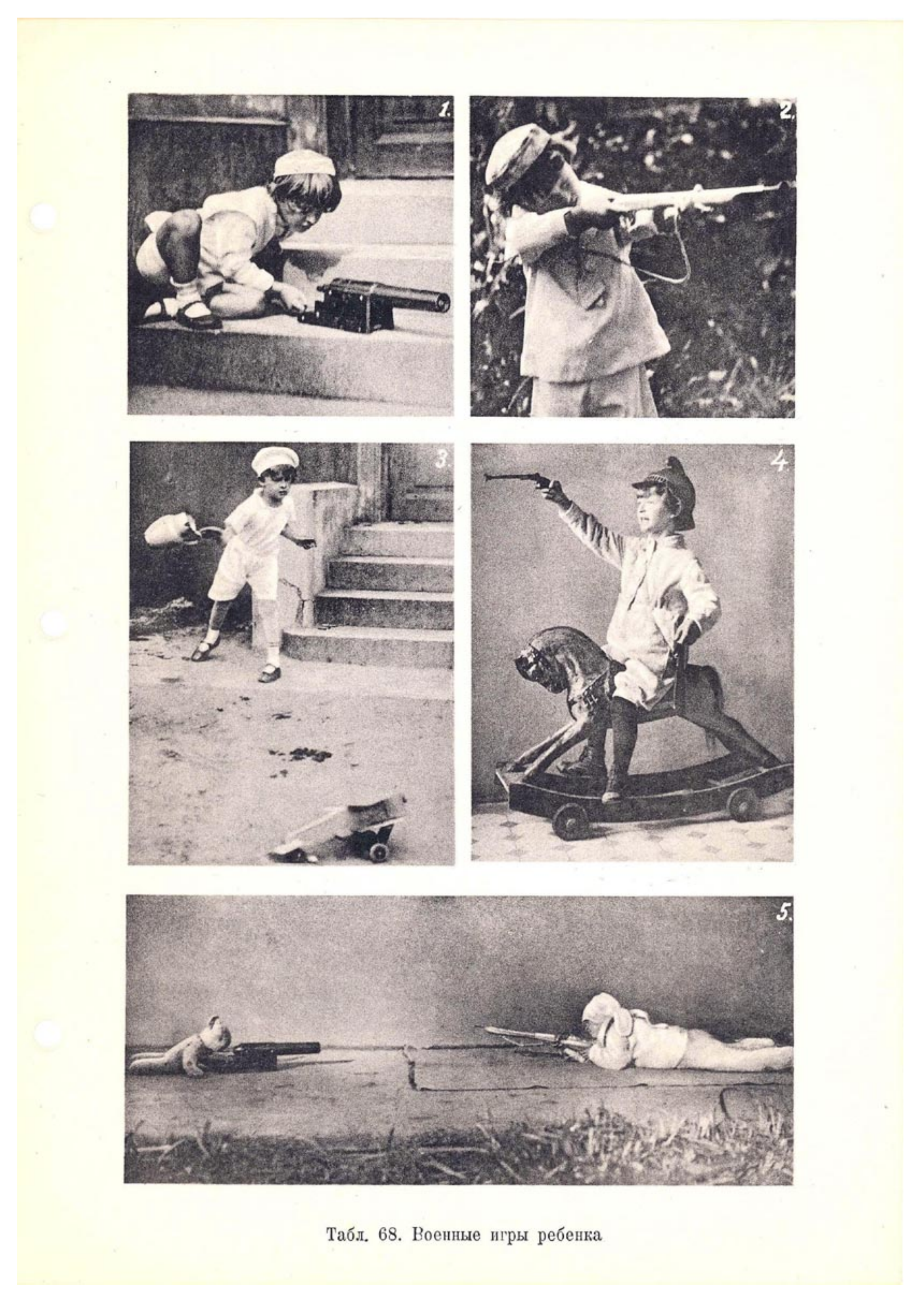


Рис. 1. Стрельба из пушки.
Рис. 2. Стрельба из ружья.
Рис. 3. «Газовая атака».
Рис. 4. Стрельба из револьвера — наступление на врага.
Рис. 5. Два взаимно нападающих противника.

Табл. В.69. Внешнее выражение ласки у человека и шимпанзе

Табл. 69. Внешние выражения ласки у ребенка и шимпанзе.

Рис. 1. Выражение ласки у Иони — обнимание.
Рис. 2. Выражение ласки у Руди (2 г. 8 м.) — обнимание.
Рис. 3. Выражение ласки у Иони — припадание телом.
Рис. 4. Выражение ласки у Руди (1 г. 9 м.) — припадание тельцем (характерен раскрытый ротик).
Рис. 5. «Поцелуй» у Иони.
Рис. 6. Поцелуй у Руди (2 г. 4 м.).

Табл. В.70. Благожелательное общение ребенка с животными

Табл. 70. Благожелательное общение ребенка с животными.

Рис. 1. Стремление Руди (1 г. 2 м.) к контакту с кошкой.
Рис. 2. Кормление собачки ребенком (2 г. 7 м.).
Рис. 3. Боязливое подготовление Руди (2½ г.) погладить кошку.
Рис. 4. Прижимание к себе слоника.
Рис. 5. Реакция Руди (2 г. 5 м.) на чучело Иони — рассматривание ребенком лица шимпанзе.
Рис. 6. Нежные чувства Руди по отношению к чучелу Иони — обнимание ребенком обезьянчика.

71 — 80

Табл. B.71. Общение и совместные игры детей

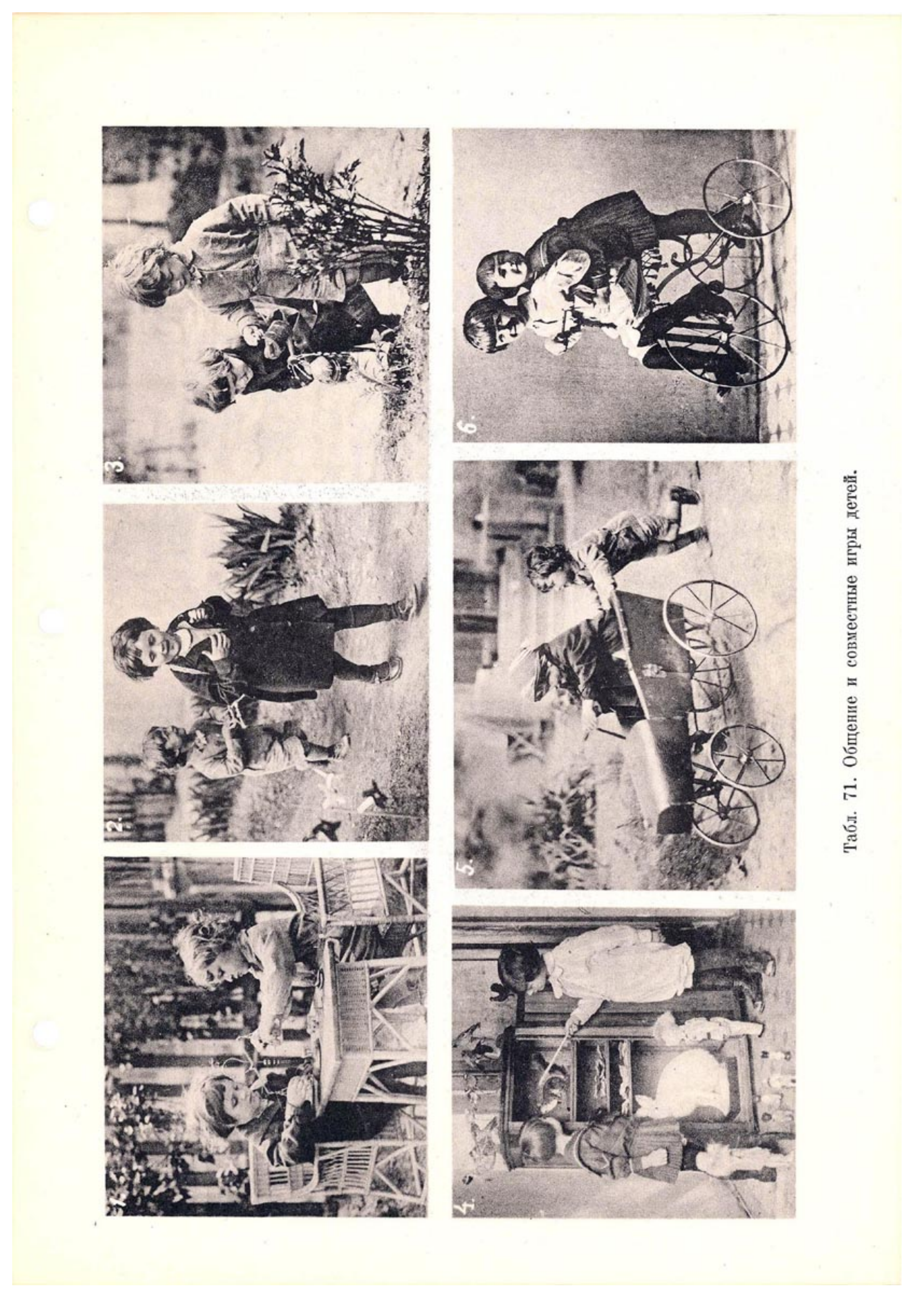


Рис. 1. Взвешивание на весах.
Рис. 2. Игра в лошадки.
Рис. 3. Совместное поливание цветов, детьми (3 и 3½ лет).
Рис. 4. Демонстрация музея (Руди 4 лет).
Рис. 5. Катание на автомобиле (Руди 3 л.).
Рис. 6. Катание на велосипеде (Руди 4 л.).

Табл. В.72. Игры ребенка с неживыми товарищами

Рис. 1. Руди (2 г. 9 м. 14 д.) показывает картинки лошадке.
Рис. 2. Руди (2½ лет) задал корм лошадке.
Рис. 3. Руди (2 г. 9 м. 14 д.) читает за лошадку

Рис. 4. Руди (1 г. 4 м.) пытается кормить куклу.
Рис. 5. Руди (4 лет) играет на рояли за кошку.
Рис. 6. Руди (2 л. 9 м.) «выслушивает» мишука резиновой трубкой.

Табл. В.73. Игра ребенка с мишуком

Рис. 1. Одновременное качание Руди с привязанным мишуком и отталкивание мишука.
Рис. 2. Подхватывание качающегося мишука ногой.
Рис. 3. Мнимое наезжание на мишука автомобилем — создавание катастрофы.
Рис. 4. Лазание с мишуком по трапециям.
Рис. 5. Вожение мишука на санках.
Рис. 6. Катание мишука с горы.

Табл. В.74. Организованная игра ребенка с мишуком

Рис. 1. Собирание мальчиком (4½ лет) прикорма.
Рис. 2. Подготовка петли для поимки мишука.
Рис.'З. Поджидание добычи.
Рис. 4. Поимка мишука.
Рис. 5. Унос добычи.
Рис. 6. Привязывание мишука к дереву.

Табл. В.75. Организованная игра ребенка с неживыми товарищами

Рис. 1. Руди (3 г. 3 м.) «путешествует».
Рис. 2. Руди (3 г. 4 м.) «летит на аэроплане».
Рис. 3. Руди (3 г. 4 м.) «идет на демонстрацию».

Табл. В.76. Игра в прятки

Табл. 76. Игры ребенка в прятки.

Рис. 1. Руди (2 г. 2 м.) «спрятался».
Рис. 2. Руди (2 г. 5 м.) спрятался за стул.
Рис. 3. Прятание Руди (2 г. 4 м.) в коленях.
Рис. 4. Руди (2 г. 2 м.) «невидим» — закрылся шапочкой.

Табл. В.77. Подвижные игры ребенка (мниммое катание)

Рис. 1. Почему авто не едет? Руди (2 г. 2 м.) огорчен.
Рис. 2. «Я — шофер». Руди (3 г. 11 м.) в огромных кожаных рукавицах.
Рис. 3. «Заведу руль» (Руди 2 г. 2 м.).
Рис. 4. «Поеду на автомобиле» (Руди 3 г. 2 м.).
Рис. 5. «Поправлю дрезину» (Руди — 3 г. 10 м.).
Рис. 6. «Поправлю колесо» (Руди — 3 лет).

Табл. В.78. Подвижные игры, ребенка (катание и качание)

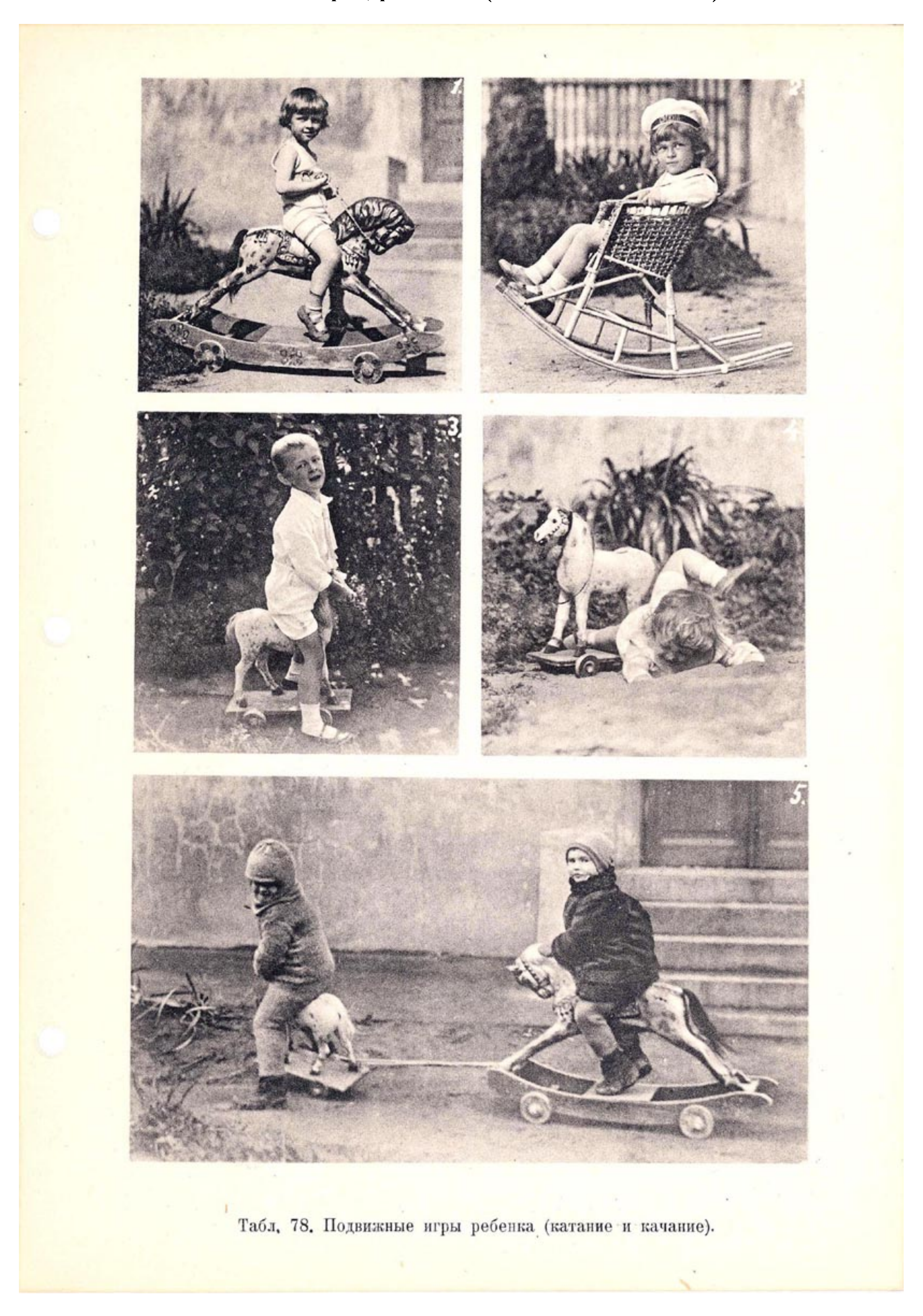


Табл. 78. Подвижные игры ребенка (катание и качание).

Рис. 1. Руди (3 г. 4 м.) верхом на лошади (качание).
Рис. 2. Руди (3 л. 3 м.) качается на кресле-качалке.
Рис. 3. Езда на лошади Руди (4 г. 4 м.)

Рис. 4. Нарочитое падение с лошади Руди (4 г. 4 м.).
Рис. 5. Руди (4 г. 7 м.) едет сам на лошади и пытается везти подругу.

Табл. В.79. Подвижные игры ребенка (езда на машинах)

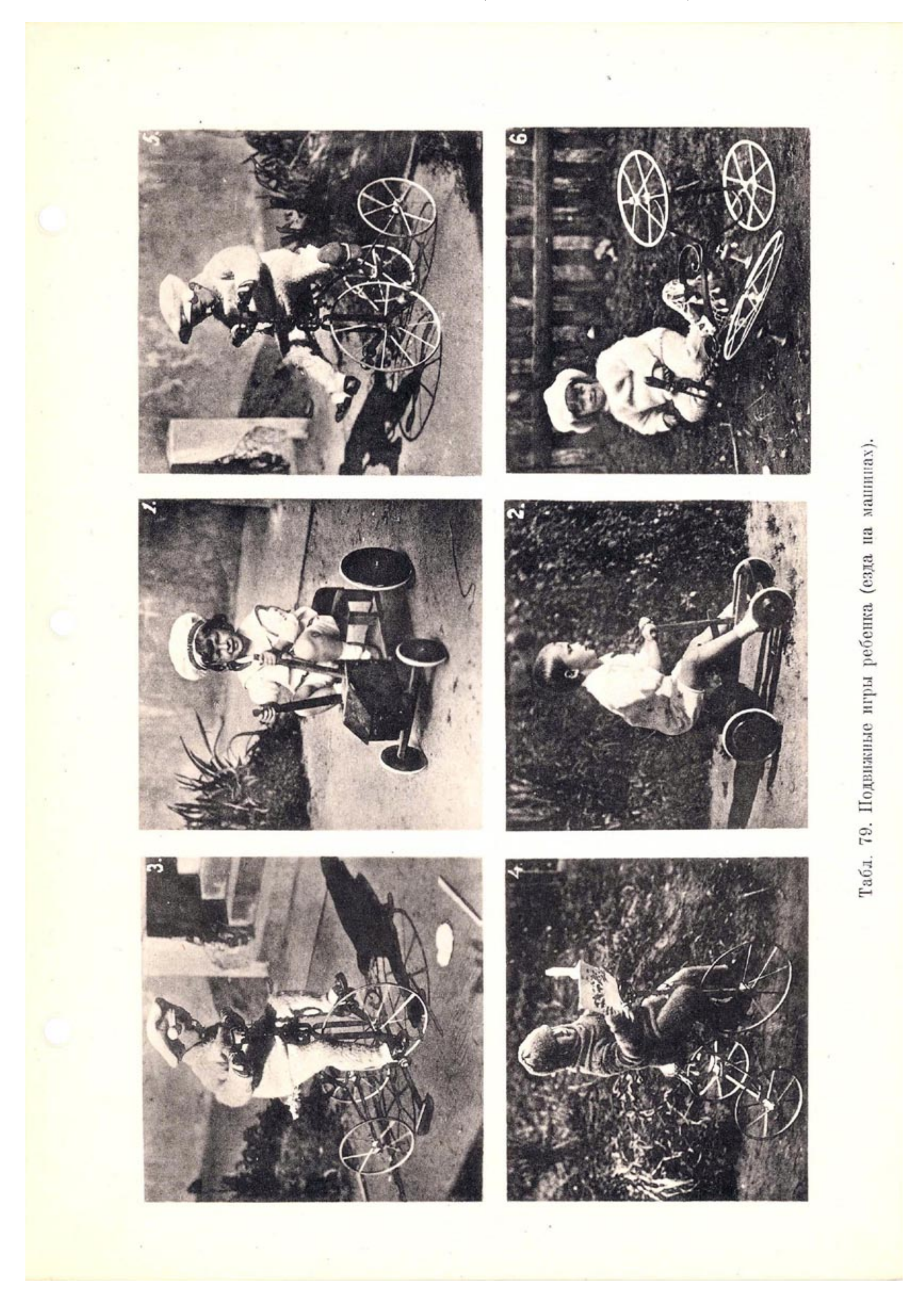


Рис. 1. Езда Руди (3 г. 3 м.) на дрезине (управление двумя рычагами).
Рис. 2. Езда Руди (4 г. 4 м.) на дрезине (управление одним рычагом).
Рис. 3. Езда Руди (4 г. 5 м.) с препятствиями на велосипеде.
Рис. 4. Бравурная езда Руди (4 л. 7 м.) на велосипеде (при отсутствии поддержки рудами).
Рис. 5. Управление велосипедом без опирания ногами на педали.
Рис. 6. Нарочитое падение мальчика (4 л. 5 м.) с велосипеда.

Табл. B.80. Подвижные игры ребенка (катание на мнимых и настоящих лыжах)

Табл. 80. Езда на мнимых и настоящих лыжах.

Рис. 1. Катание Руди (3 г. 11 м.) на мнимых лыжах.
Рис. 2. Катание Руди (3 г. 11 м.) на мнимых коньках.
Рис. 3. Катание Руди (2 г. 11 м.) на настоящих больших лыжах.
Рис. 4. Катание Руди (4 лет) на детских лыжах.

81 — 90

Табл. В.81. Подвижные игры человека и шимпанзе

Табл. 81. Лазание по трапециям и деревьям человека и шимпанзе.

Рис. 1. Иони на веревочной лестнице.
Рис. 2. Руди на веревочной лестнице (в возрасте 6 л.).
Рис. 3. Иони на дереве.
Рис. 4. Руди на дереве (в возрасте 4 л. 7 м.)

Табл. В.82. Игра ребенка с мячом и шаром

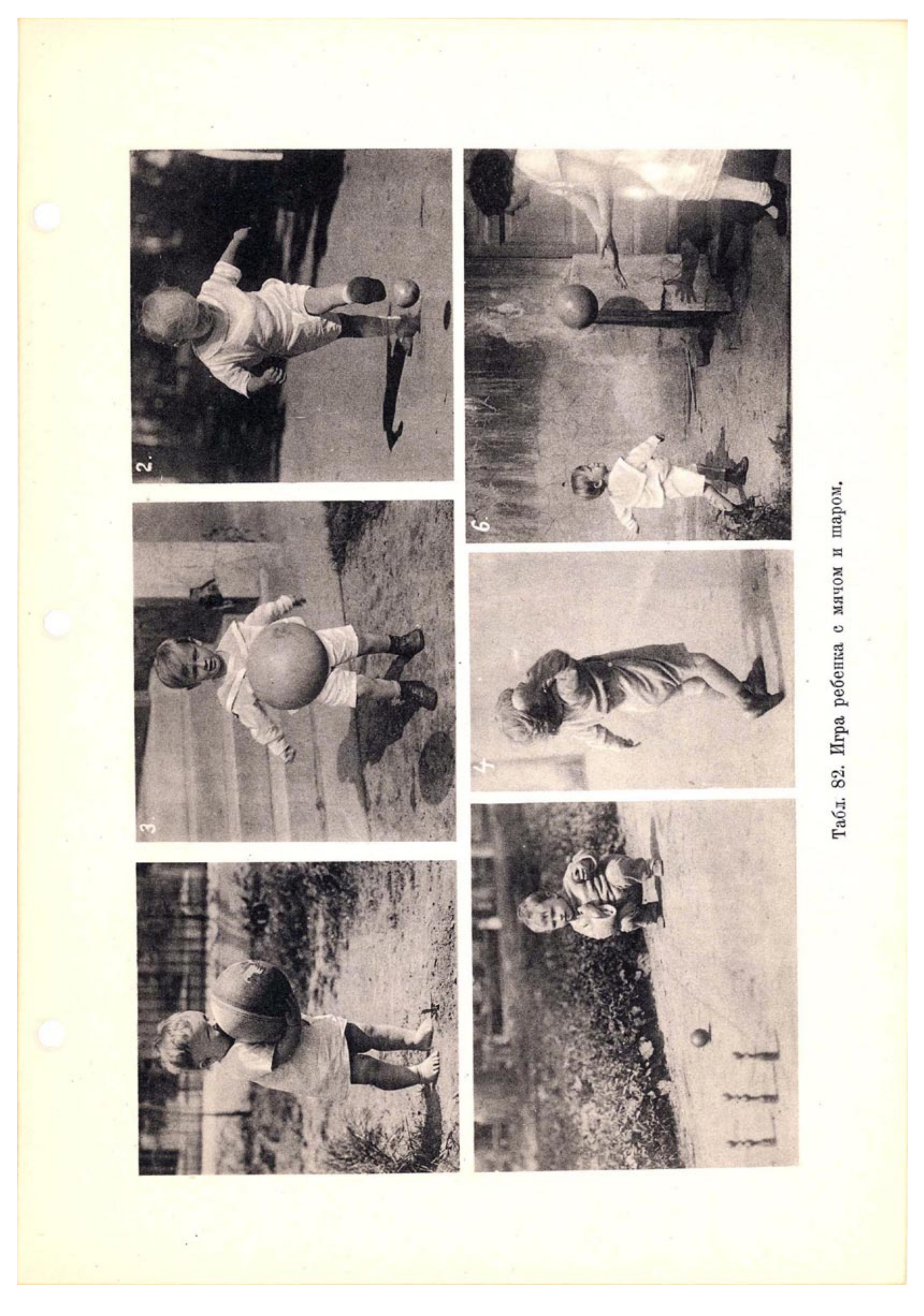


Рис. 1. Ношение мяча в руках (Руди — 1 г. 2 м.).
Рис. 2. Толкание мяча ногой (Руди — 2 г. 3 м.).
Рис. 3. Ловля мяча в воздухе (Руди — 2 г. 4 м.).
Рис. 4. Бросание мяча в стену ручкой (Руди — 2 г. 1 м.).
Рис. 5. Сбивание шаром кеглей (Руди — 2 г. 1 м.).
Рис. 6. Игра в мяч со взрослым — перебрасывание мяча и ловля его ребенком (2 г. 4 м.).

Табл. В.83. Игра ребенка легко подвижными предметами

Рис. 1. Верчение стула-вертушки (Руди — 2 г. 2 м.).
Рис. 2. Вращение колеса швейной машины (Руди — 2 г. 2 м.).
Иис. 3. Катание обруча (Руди — 3 г. 3 м.).
Рис. 4. Катание колесика (Руди — 4 г. 1 м.).
Рис. 5. Катание яичек (Руди — 3 г.).
Рис. 6. Пускание волчка (Руди — 4 г. 4 м.).

Табл. В.84. Развлечение ребенка звучащими предметами

Рис. 1. Дудение в трубу (Руди — 2 г. 2 м.).
Рис. 2. Надувание резинового чортика (Руди — 2 г. 3 м.).
Рис. 3. Игра на барабане (Руди — 2 г. 9 м.).
Рис. 4. Играна на цимбалах (Руди — 2½ лет).
Рис. 5. Игра на гармонике (Руди — 3 г.).
Рис. 6. Игра на игрушечном фортепиано (Руди — 4 г. 1 м.).

Табл. В.85. Игры экспериментирования ребенка с водой

Рис. 1. Игра водой — расплескивание (Руди — 1 г. 1 м.).
Рис. 2. Игра водой — растирание (Руди — 1 г. 4 м.).
Рис. 3. Игра водой — переливание (Руди — 2 г. 1 м.).
Рис. 4. Игра водой — пускание «парохода» (Руди — 2 л. 4 м.).
Рис. 5. Игра водой — стирка (Руди — 2 г. 6 м.).
Рис. 6. Игра водой — пускание струйки из спринцовки (Руди — 2 г. 6 м.).

Табл. В.86. Игры экспериментирования человека и шимпанзе с различным материалом

Табл. 86. Игры экспериментирования ребенка и шимпанзе.

Рис. 1. Игра длинным волоском у Руди (1 г. 4 м.).
Рис. 2. Игра длинным волоском у Иони.
Рис. 3. Ознакомление с жесткой щеткой — ершиком (Руди — 9 мес).
Рис. 4. Игра песком — выкладывание куличиков (Руди — 2 г. 1 м.).
Рис. 5. Игра песком — мальчик выложил куличик (Руди — 2 г. 1 м.).
Рис. 6. Игра песком — пришлепывание куличиков (Руди — 2 г. 1 м.).

Табл. В.87. Игры экспериментирования ребенка с прозрачными предметами

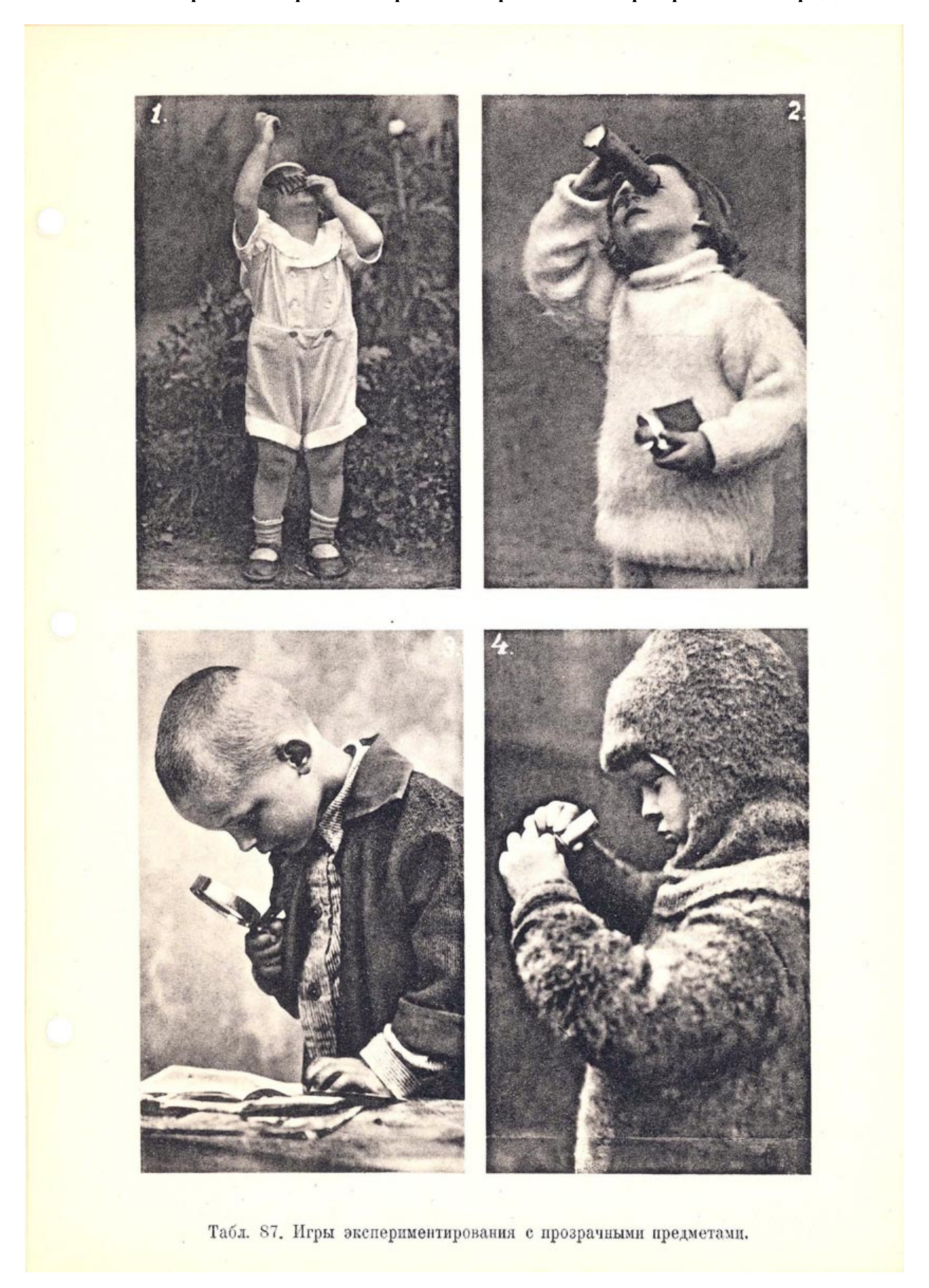


Рис. 1. Смотрение (Руди — 2 г. 4 м.) через прозрачные предметы, через гребенку.
Рис. 2. Смотрение в стереоскоп.
Рис. 3. Созерцание предметов через лупу.
Рис. 4. Смотрение в самодельный «бинокль».

Табл. В.88. Игра ребенка с огнем и с блестящими предметами

Рис. 1. Выдувание мыльного пузыря (Руди — 3 лет).
Рис. 2. Любование мыльным пузырем (Рули — 3 лет).
Рис. 3. Созерцание яркого красного воздушного шарика (Руди — 3 лет).
Рис. 4. Зажигание спички (Руди — 1 г. 2 м.).
Рис. 5. Созерцание пламени свечи (Руди — 2½ лет).
Рис. 6. Задувание пламени (Руди — 2½ лет).

Табл. В.89. Употребление ребенком палки

Рис. 1. Касание палкой интригующего предмета (Руди — 2 г. 10 м.).
Рис. 2. Рисование палкой (Руди — 2 г. 2 м.).
Рис. 3. Намахивание палкой (Руди — 2 г. 1 м.).
Рис. 4. Ударение палкой по листве (Руди — 1 г. 1 м.); характерно высовывание языка.
Рис. 5. Верхом на палочке (Руди — 4 г. 5 м.) с кнутиком из палочки.

Табл. В.90. Внешнее выражение удивления и внимания у человека и шимпанзе

Рис. 1. Удивление — раскрывание рта при созерцании ребенком (1 года) новой вещи.
Рис. 2. Удивление у Иони — раскрывание рта при созерцании своего отражения в зеркале.
Рис. 3. Поза внимания — у 4-летнего Руди (любопытное рассматривание живого ежа).
Рис. 4. Поза внимания у Иони (любопытное рассматривание коробки).
Рис. 5. Мимика внимания (вытягивание губ вперед) у Руди (1 г. 5 м.) при разламывании стебля.
Рис. 6. Мимика внимания у Руди (3 г. 4 м.) при рассматривании венчика цветка.

91 — 100

Табл. В.91. Внешнее выражение удивления у ребенка

Рис. 1. Раскрывание рта у Руди (1 г. 2 м.) при созерцании интригующей вещи.
Рис. 2. Плотное смыкание губ у Руди (1 г. 2 м.) при настороженном движении руками.
Рис. 3. Разведение рук в стороны при удивлении Руди (1 г. 1 м.).
Рис. 4. Ощупывание ртом интригующей вещи (Руди — 1 г. 1 м.).

Табл. В.92. Сосание и ощупывание губами предметов у ребенка

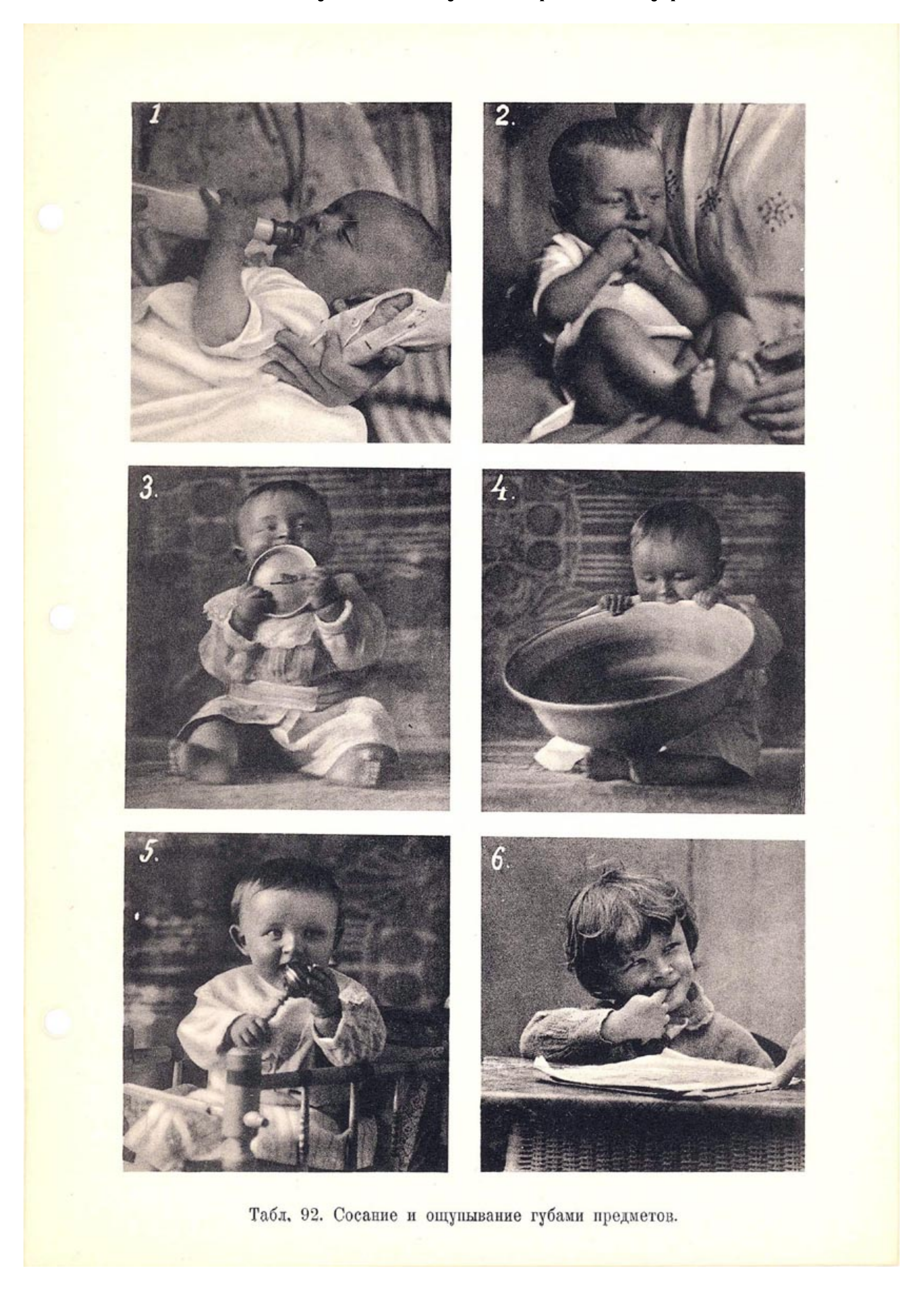


Рис. 1. Руди (4 мес), сосущий молоко через соску.
Рис. 2. Руди (5 мес), сосущий свои кулачки.
Рис. 3. Руди (9 мес.) ощупывает ртом металлическую крышку.
Рис. 4. Руди (9 мес.) ощупывает губами металлический таз.
Рис. 5. Руди (9 мес.) сосет металлическую погремушку.
Рис. 6. Руди (3 лет) сосет свой пальчик во время слушания чтения.

Табл. В.93. Самовнимание человека и шимпанзе

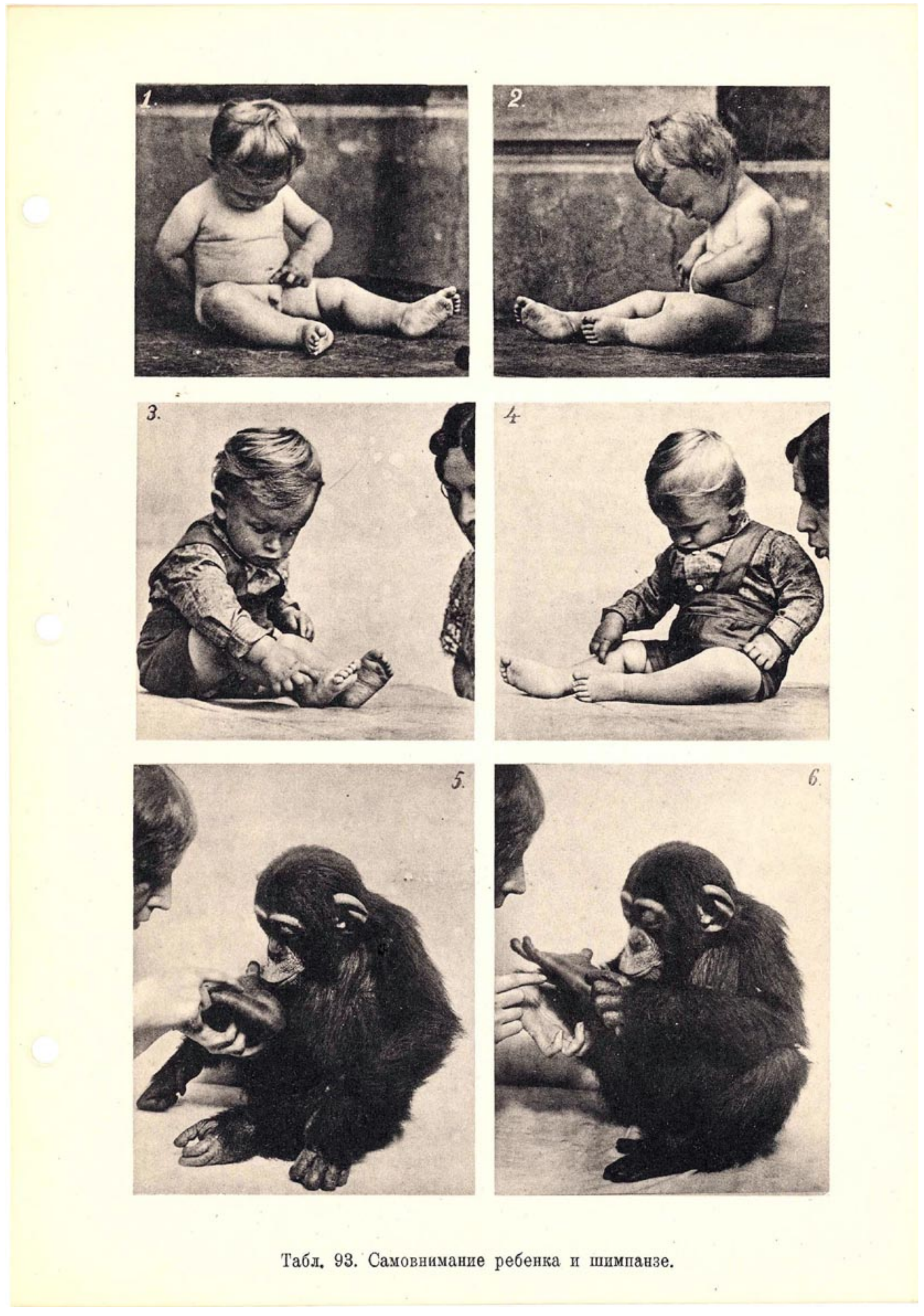


Рис. 1—2. Саморассматривание и самообследование у Руди (1 г. 2 м.).
Рис. 3—4. Ощупывание и расковыривание пальчиком прыщика на ноге у Руди (1 г. 4 м.).
Рис. 5—6. Саморассматривание и самообследование у Иони.

Табл. В.94. Созерцание и ощупывание интересующих вещей у человека и шимпанзе

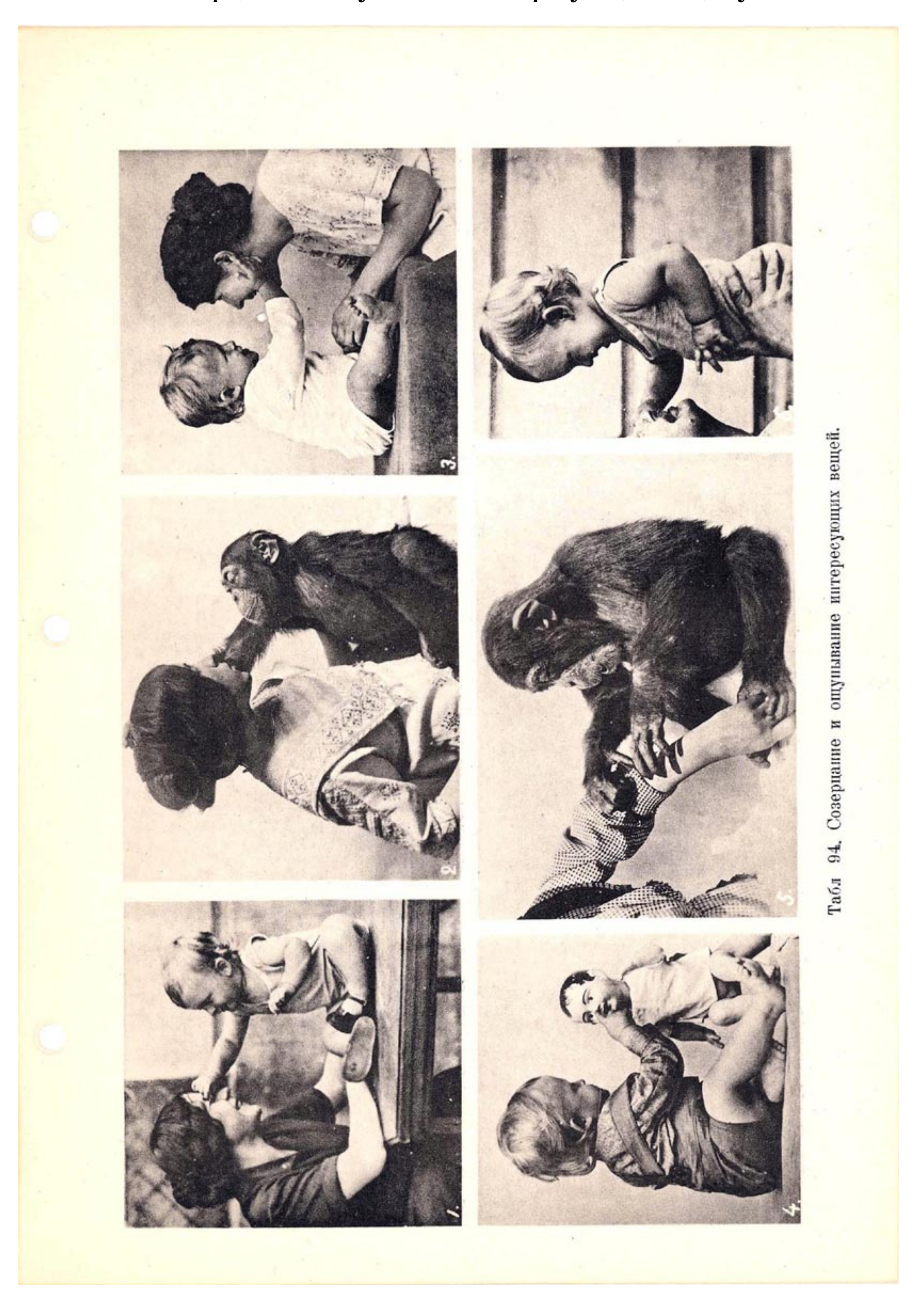


Рис. 1. Руди (1 г. 2 м.) рассматривает и ощупывает глаза.
Рис. 2. Иони рассматривает и ощупывает волосы.
Рис. 3. Руди (1 г. 4 м.) рассматривает и ощупывает уши.
Рис. 4. Руди (1 г. 4 м.) рассматривает и ощупывает лицо куклы.
Рис. 5. Иони рассматривает и ощупывает пальцами царапины на руке.
Рис. 6. Руди (1 г. 2 м.) рассматривает и ощупывает человеческое лицо.

Табл. В.95. Реакция ребенка и шимпанзе на зеркало

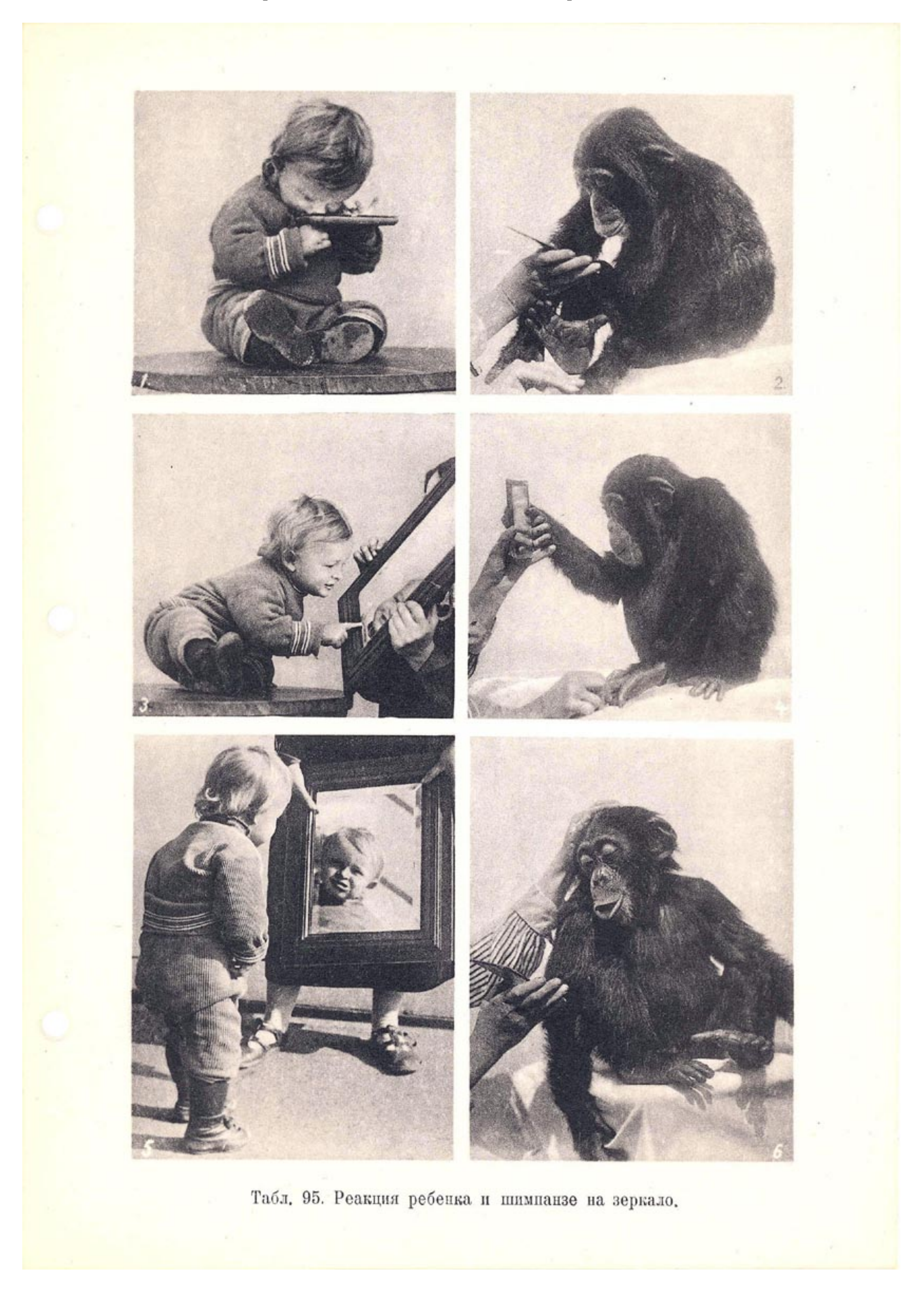


Рис. 1. Руди (1 г. 5 м.) прикладывается лицом к своему отражению в зеркале.
Рис. 2. Иони присматривается к своему отражению в зеркале.
Рис. 3. Руди притрагивается пальцем к своему изображению в зеркале.
Рис. 4. Иони притягивает к себе зеркало.
Рис. 5. Руди гримасничает перед зеркалом.
Рис. 6. Иони гримасничает перед зеркалом.

Табл. В.96. Обследование ребенком дырок, глубин и полостей

Рис. 1. Протыкание указательного пальчика в дырку (Руди — 1 г.).
Рис. 2. Сосание пальчика, просунутого через дырку колесика (Руди — 1 г.).
Рис. 3. Раздирание дырок (Руди — 9 мес).
Рис. 4. Открывание указательным пальчиком секретэра (Руди — 9 мес).
Рис. 5. Разбирание коробок; вынимание различных вещей (Руди — 2 г. 5 м.).
Рис. 6. Обследование глубины ящиков секретэра (Руди — 9 мес.).

Табл. В.97. Выявление роли указательного пальца у человека и у шимпанзе

Рис. 1. Руди (1 г.) указывает пальцем на вещь, его интригующую.
Рис. 2. Руди (2 г. 1 м.) притрагивается указательным пальцем к интересующим его цветам.
Рис. 3. Руди (1 г. 2 м.) указывает желаемое направление своего пути.
Рис. 4. Руди (1 г. 3 м.) показывает пальцем вещь, которую хочет иметь своей.
Рис. 5. Иони притрагивается указательным пальцем к интригующей его живой ящерице.
Рис. 6. Руди (1 г. 5 м.) указывает пальцем изображение кошки.

Табл. В.98. Миниатюризм ребенка

Рис. 1. Собирание рассыпанных крошечек Руди (9 мес).
Рис. 2. То же.
Рис. 3. Любование миниатюрным яичком (Руди 3 лет).

Рис. 4. Собирание мельчайших камешков Руди (1 г. 5 м.).
Рис. 5. Рассматривание маленьких ули-точек (Руди — 2 лет).
Рис. 6. Вооружение пушкой самого маленького игрушечного зайца.

Табл. В.99. Разрушительные игры ребенка

Рис. 1. Руди (1 г. 5 м.) разрушил часть постройки из кирпичиков.
Рис. 2. Руди (1 г. 5 м.) разрушил почти всю постройку.
Рис. 3. Разрушение самостоятельно сделанного столбика (Руди — 4 г. 1 м.).
Рис. 4. Бросание камней в лужи воды (Руди — 1 г. 7 м.); характерно высовывание языка.
Рис. 5. Подбивание палкой палочки (Руди — 3 г. 3 м.).
Рис. 6. Сбивание городков (Руди — 3 г. 4 м.).

Табл. В.100. Целенаправленное бросание предметов ребенком

Рис. 1. Руди (2 г. 2 м.) метится палкой в кегли.
Рис. 2. Руди собирается бросить палку.
Рис. 3. Руди бросил палку.

101 — 110

Табл. B.101. Подражательные действия ребенка

Рис. 1. Первые пробы употребления лейки Руди (1 г. 5 м.); неэффективное подражание.
Рис. 2. Первые пробы употребления лопаты (Руди —1 г. 10 м.); неэффективное подражание.
Рис. 3. Первые пробы Руди (4 лет) употребления косы.
Рис. 4. Эффектинное употребление лейки у Руди (2 г. 1 м.).
Рис. 5. Эффективное употребление лопаты у Руди (1 г. 10 м.).

Табл. В.102. Подражательные игры ребенка

Рис. 1. Прислушивание к тиканью часов (Руди — 1 г. 2 м.).
Рис. 2. Имитация определения времени по часам (Руди — 3 г. 4 м.).
Рис. 3. Имитация слушания разговора по самодельному телефону (Руди — 3 г. 4 м.).
Рис. 4. Имитация слушания телефонного разговора (Руди — 2½ лет).
Рис. 5. Имитация передачи телефонного разговора (Руди — 2½ лет).

Табл. В.103. Подражательные действия ребенка, осуществляемые непосредственно вслед за взрослыми

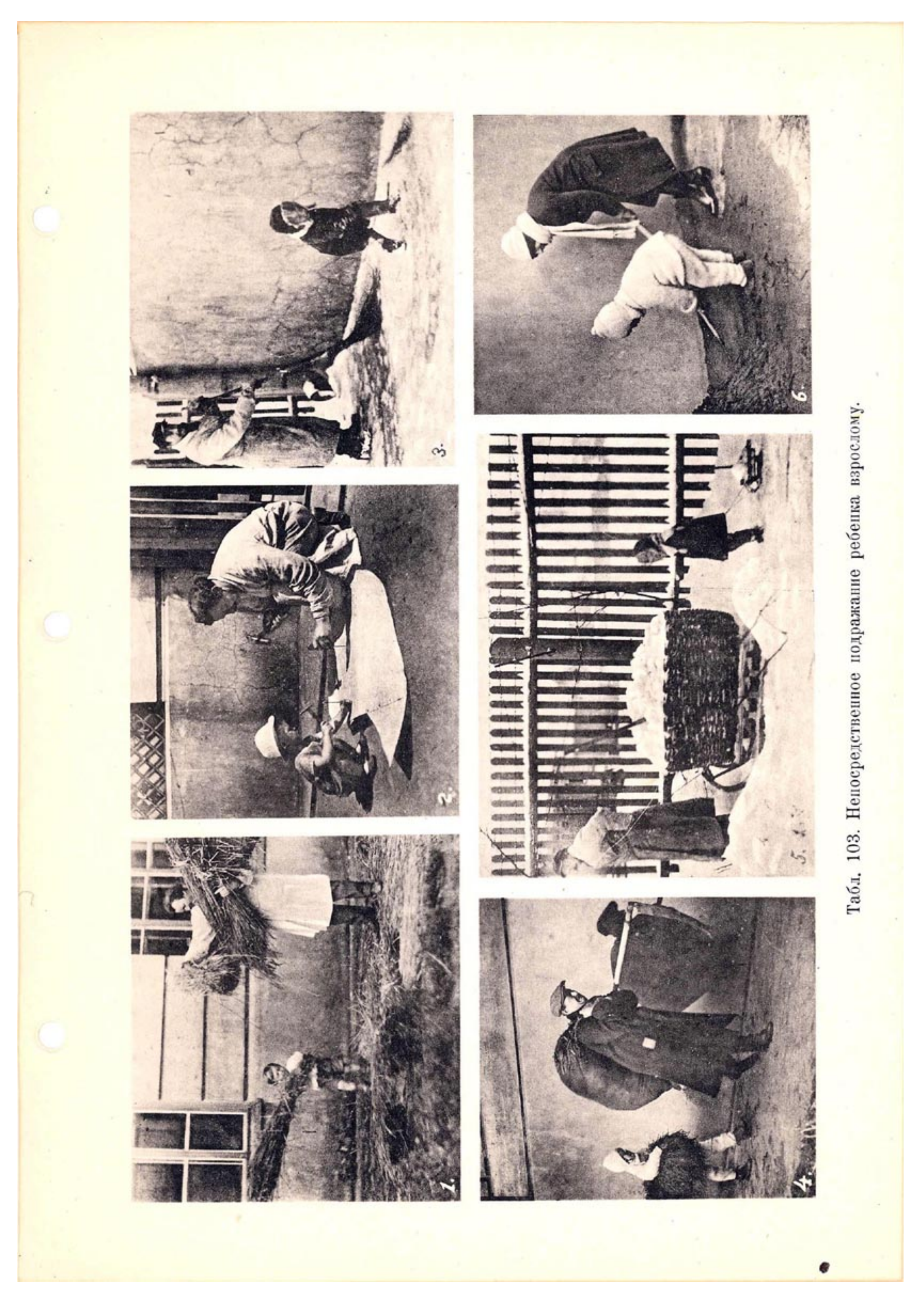


Рис. 1. Репродукция растрясения соломы (Руди — 2 г. 2 м.).
Рис. 2. Репродукция прибивания гвоздей (Руди — 2 г. 5 м.).
Рис. 3. Репродукция метения снега (Руди — 2 г. 6 м.).
Рис. 4. Репродукция ношения сена (Руди — 3 лет).
Рис. 5. Репродукция вожения снега (Руди — 2 г. 6 м.).
Рис. 6. Репродукция сгребания листьев (Руди — 3 лет).

Табл. B.104. Подражательные действия ребенка

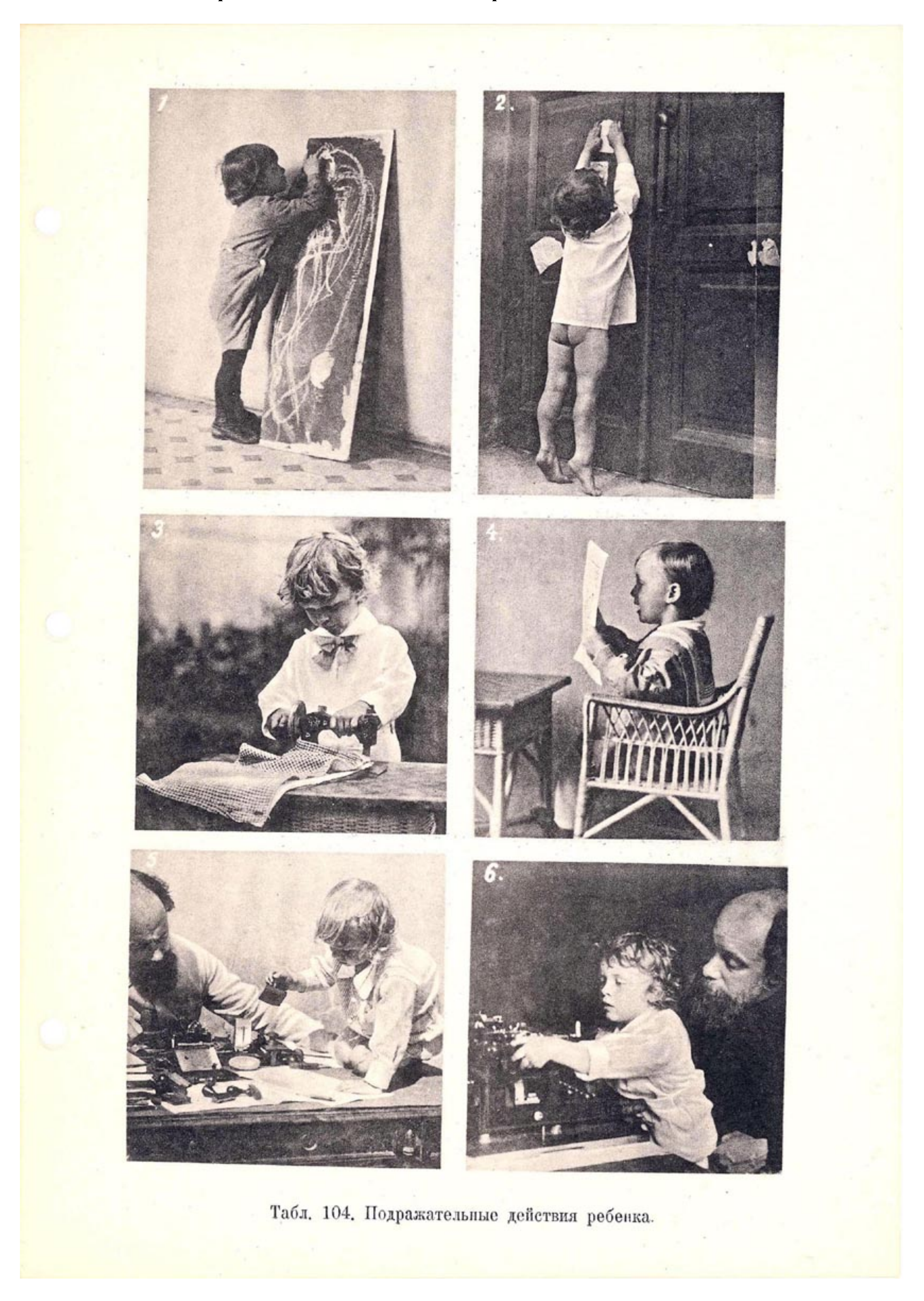


Рис. 1. Руди (2 г. 11 м.) рисует мелом на доске.
Рис. 2. Руди (3 г. 3 м.) приклеивает объявление о «пропаже кошки».
Рис. 3. Руди (3 г. 4 м.) «шьет» на машинке.
Рис. 4. Руди (2 г. 7 м.) «читает» книгу.
Рис. 5. Руди (3 лет) штемпелюет печатью.
Рис. 6. Руди (3 г. 4 м.) «печатает» на пишущей машинке.

Табл. В.105. Имитация ребенком процесса фотографирования

Рис. 1. Руди (2 г. 2 м.) приготовился фотографировать.
Рис. 2. Руди (2 г. 2 м.) «сфотографировал».
Рис. 3. Руди (3 г. 6 м.) готовится фотографировать натуру — белку.
Рис. 4. Руди (4 г. 1 м.) «фотографирует» — наводит объектив на палку.
Рис. 5. Руди (4 г. 1 м.) «фотографирует» — спускает пружину затвора.
Рис. 6. Руди (4 лет) «установил» фотоаппарат.

Табл. В.106. Подражание ребенка профессиям взрослых

Рис. 1. Руди (4 г. 7 м.) каменщик — мостит дорожку.
Рис. 2. Руди (4 г. 4 м.) пожарный — заливает «горящий дом».
Рис. 3. Руди (3 г. 10 м.) газетчик — предлагает купить у него газеты.
Рис. 4. Руди (3 г. 10 м.) старьевщик — несет мешок с хламом.
Рис. 5. Руди (4 г. 1 м.) пастушок — созывает рожком стадо.
Рис. 6. Руди (2 г. 9 м.) доктор — выслушивает мишука.

Табл. B.107. Подражательные игры ребенка у воды

Табл. 107. Подражательные игры ребенка.

Рис. 1. Руди пускает кораблики в лужу.
Рис. 2. Руди (4 лет) подгоняет плот палкой.
Рис. 3. Руди (4 лет) удит рыбу в луже.
Рис. 4. Руди (4 лет) — заправский «рыболов».
Рис. 5. Руди (3 л. 10 м.) делает пароход.

Табл. В.108. Подражательные действия ребенка

Рис. 1. Подражание малярным работам — мазанье кистью стены дома (Руди — 2 г. 3 м.).
Рис. 2. Подражание смазчикам — смазывание кисточкой замков, дверей (Руди — 3 г. 11 м.).
Рис. 3. «Курение папиросы» (Руди — 1 г. 5 м.).
Рис. 4. Подражание закуриванию спичкой папиросы (Руди — 2 г. 4 м.).

Табл. В.109. Употребление карандаша у ребенка и шимпанзе

Табл. 109. Употребление карандаша у ребенка и шимпанзе.

Рис. 1. Руди (1 г. 4 м.) пытается действовать карандашом.
Рис. 2—3. Иони чертит карандашом.
Рис. 4. Руди (1 г. 9 м.) чертит карандашом.
Рис. 5. Руди (7 лет) рисует карандашом.

Табл. В.110. Употребление различных орудий у ребенка

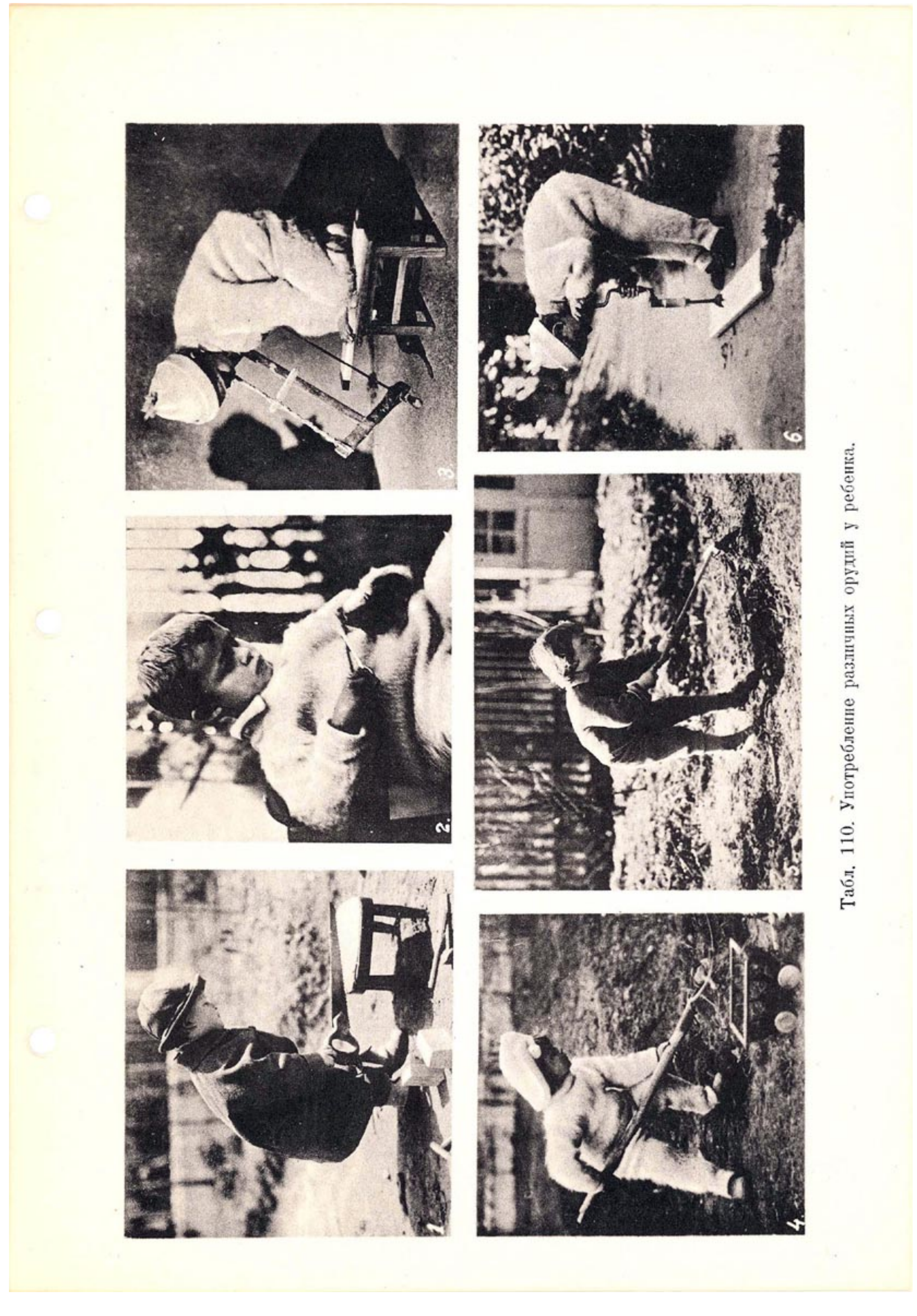


Рис. 1. Руди (2 г. 1 м.) «пилит» ножовкой.
Рис. 2. Руди (4 лет) режет ножницами.
Рис. 3. Руди (4 лет) пилит пилой.
Рис. 4. Руди (4 лет) накладывает вилами сено.
Рис. 5. Руди (3 г. 1 м.) сгребает граблями
Рис. 6. Руди (4 лет) вертит коловорот.

111 — 120

Табл. B.111. Употребление молотка у человека и у шимпанзе

Рис. 1. Первые пробы неэффективного пользования молотком у Руди (1 г. 4 м.).
Рис. 2. Неэффективное употребление молотка у Иони.
Рис. 3. Прибивание молотком гвоздей (Руди— 2 г. 1 м.).
Рис. 4. Приколачивание молотком колесика (Руди — 2 г. 5 м.).
Рис. 5. Приколачивание молотком (Руди — 5 лет).
Рис. 6. Прибивание молотком (Руди — 4 г. 7 м.).

Табл. B.112. Первые попытки восстановительной деятельности ребенка

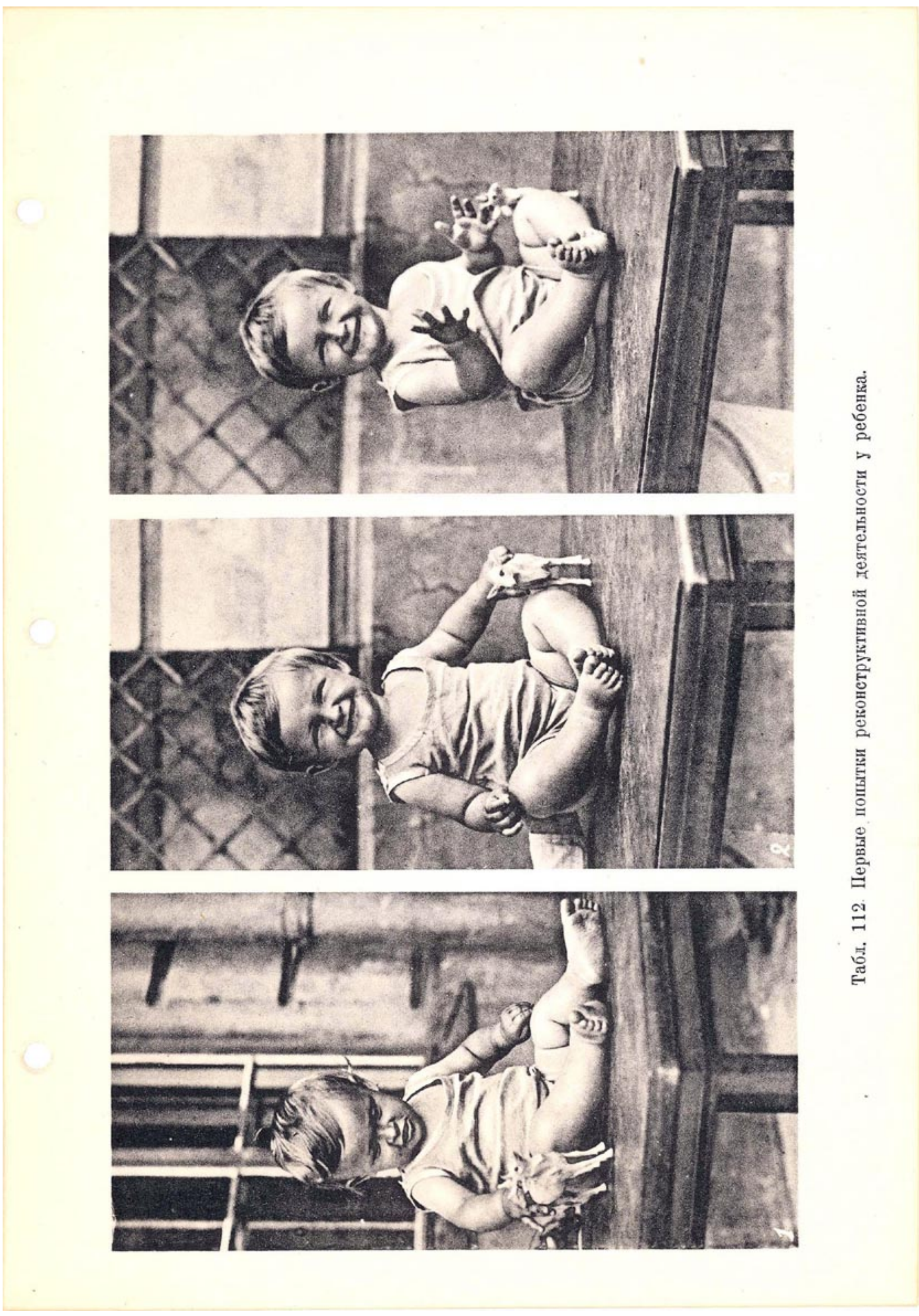


Рис. 1. Первая проба Руди (1 г. 2 м.) поставить вещь из горизонтального положения в вертикальное.
Рис. 2. Руди поставил вещь.
Рис. 3. Радость достижения.

Табл. В.113. Деконструктивные и реконструктивные игры ребенка

Рис. 1. Руди (12 мес.) снимает колечко с пирамиды.
Рис. 2. Руди (1 г. 9 м.) надевает колечко на пирамиду.
Рис. 3. Руди (1 г. 9 м.) — делает то же.

Рис. 4 и 5. Руди (2 г. 6 м.) складывает кольца пирамиды при отсутствии центрального стержня, — характерно плотное сжатие губ.
Рис. 6. Руди (1 г. 11 м.), разобрав кегли, собирает их.

Табл. В.114. Конструктивные игры ребенка (репродукция аэроплана)

Рис. 1. Собирание материала для постройки (Руди — 1 г. 11 м.).
Рис. 2. Первая репродукция аэроплана из прутика (Руди — 1 г. 11 м.).
Рис. 3. Репродукция аэроплана на плоскости (Руди — 2 г. 3 м.).
Рис. 4. Руди (3 г. 3 м.) «в аэростате».
Рис. 5. Руди (3 г. 6 м.) на самодельном аэроплане.

Табл. В.115. Конструктивные игры ребенка (репродукция аэроплана)

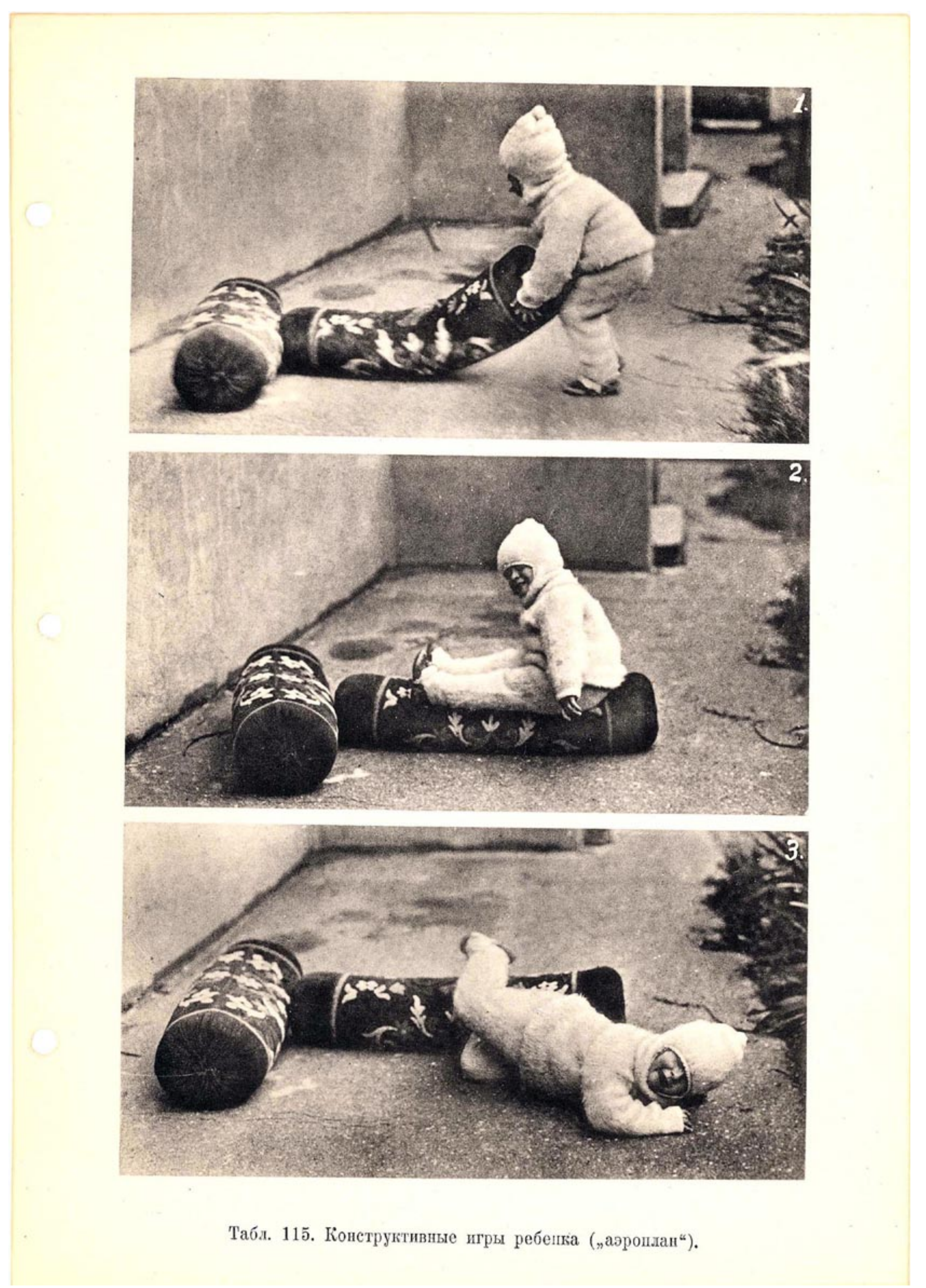


Табл. 115. Конструктивные игры ребенка („аэроплан“).

Рис. 1. Руди (3 г. 6 м.) делает аэроплан.
Рис. 2. Руди (3 г. 6 м.) «летит на аэроплане».
Рис. 3. Руди (3 г. 6 м.) делает нарочитую аварию при полете.

Табл. B.116. Конструктивные игры ребенка (репродукция червяка)

Табл. 116. Конструктивные игры ребенка („червяк").

Рис. 1—3. Руди (2 г. 1 м.) делает на дорожке сада «червяка» из деревянных кирпичиков (несколько последовательных стадий работы).

Табл. В.117. Конструктивные игры ребенка (репродукция лодок)

Табл. 117. Конструктивные игры ребенка („лодки“).

Рис. 1—3. Руди (2 г. 3 м.) «делает» лодку.
Рис. 2. Руди (2 г. 3 м.) «едет на лодке».
Рис. 3. Руди (2 г. 3 м. 25 д.) «едет на лодке», держа «весла».
Рис. 4. Руди (2 г. 3 м. 21 д.) едет на, лодке, управляя веслами.
Рис. 5. Руди (2 г. 4 м.) «едет на пароходе».

Табл. В.118. Конструктивные игры ребенка

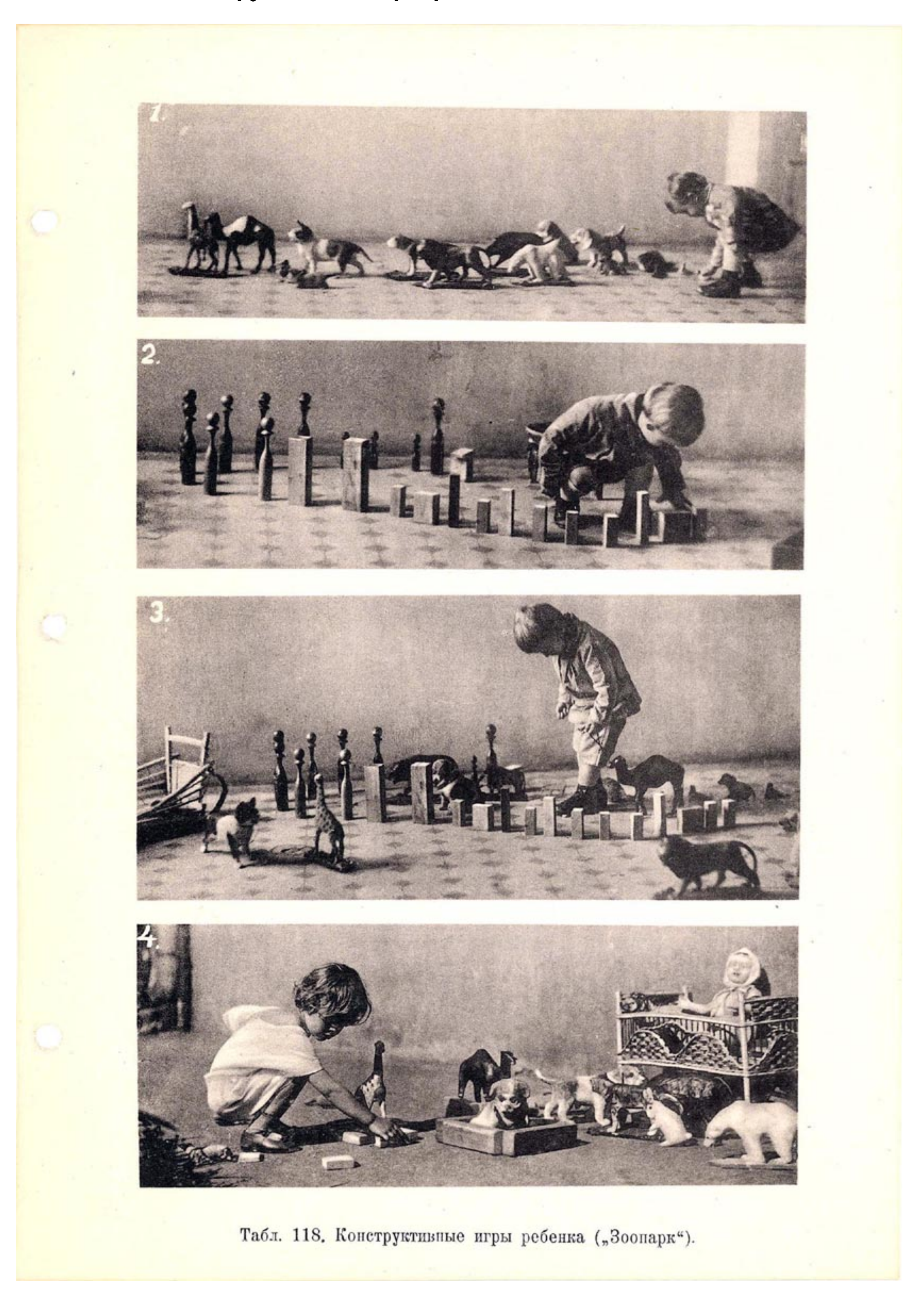


Табл. 118. Конструктивные игры ребенка („Зоопарк“).

Рис. 1. Расстановка зверей по систематическим группам (Руди — 2 г. 9 м.).
Рис. 2. Устройство забора Зоопарка (Руди — 2 г. 9 м.).
Рис. 3. Ввод зверей в Зоопарк (Руди — 2 г. 9 м.).
Рис. 4. Устройство загонов для зверей (Руди — 3 г. 7 м.).

Табл. В.119. Конструктивные игры ребенка (эволюция процесса постройки дома)

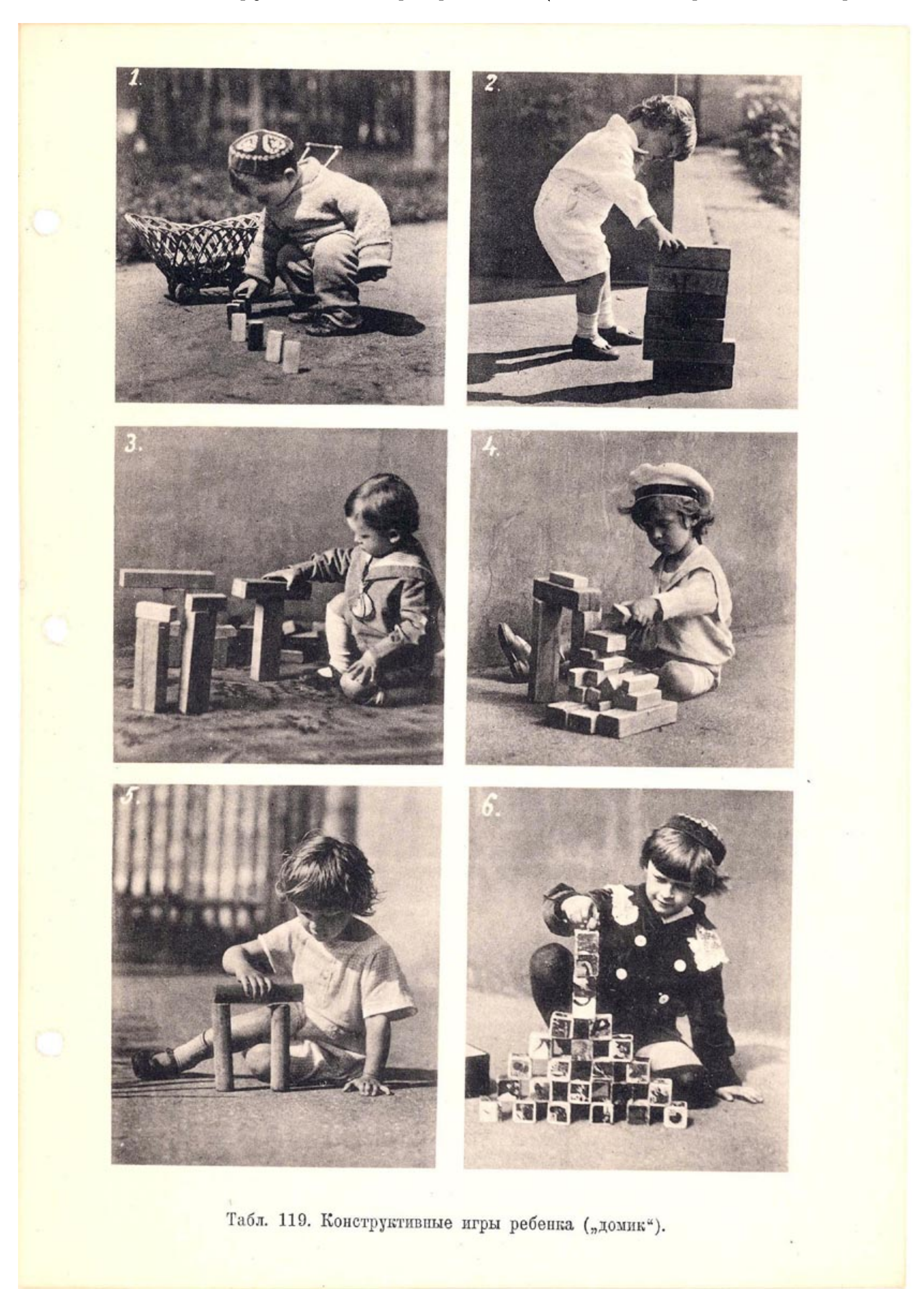


Табл. 119. Конструктивные игры ребенка („домик").

Рис. 1. Руди (2 г. 1 м.) строит домик — ставит вертикально ряд кирпичиков.
Рис. 2. Руди (2 г. 6 м.) строит домик — накладывает друг на друга бруски.
Рис. 3. Руди (3 г. 3 м.) строит домик — сочетая горизонтальную и вертикальную кладку, окружает площадь.
Рис. 4. Руди (3 г. 4 м.) строит домик — делает подобие башенки. .
Рис. 5. Руди (3 г. 4 м.) строит ворота из мало устойчивых, круглых брусочков.
Рис. 6. Руди (6 л. 1 м.) строит многоэтажную крепость из кубиков.

Табл. В.120. Выявление интеллектуальных способностей ребенка

Рис. 1. «Так будет стоять или не будет, стоять?» (Руди — 2 г. 4 м.).
Рис. 2. «Раз-два-три!..» Счет пальцев (Руди — 4 лет).
Рис. 3. «Теперь я вижу, что земля вертится!» (Руди — 4 г. 7 м.).
Рис. 4. «Что это? Что стоит?» — спрашивает Руди (2 г. 4 м.).
Рис. 5. Отожествление ребенком (2 г. 4 м. 18 д.) изображений предметов (игра с Руди в лото).

Приложение C. Résumé работы на английском языке

The following investigation is based on the author's personal observations of a male chimpanzee (Joni) from the age of 18 months to four years[1] and on records of the behaviour of the author's son (Roody) taken from the moment of his birth up to the age of four.

The observations of the chimpanzee were logged between 1913 and 1916, while the records of the child's behaviour belong to the years 1925 to 1929.

The respective notes are separated by a stretch of 12 years. It should be stated that the second chronicle is a typical "mother's diary", with daily entries regarding all new phases in her son's behaviour. At the time of its writing, the diary was in no way intended for comparative psychological studies, and it was only at a much later date, namely in 1929, that it occurred to the writer to draw up a psychological parallel between the two subjects: man and ape.

Sorting the records, which had been collected over a period of seven years, took a full five years.

All the illustrations appended to the book are original photographs (the major portion of which is printed here for the first time) or freehand sketches made either from photos or from life. All the sketches were made under the author's personal direction and supervision. The sketches of the chimpanzee's head are schematic. These are based on observations of the chimpanzee's facial expressions and are the result of superimposing or combining a number of photographs.

Our comparative investigation of the two subjects, the human child and the infant ape, has shown the two to possess much in common with respect to many essential features of behaviour. This was, of course, by no means unexpected; even the most superficial parallel observation of a chimpanzee and a human being reveals the "human-like" features of the ape, whence one is apt to leap to the conclusion that since the ape is "almost human", man "must evidently have originated from an anthropoid ancestor."

And indeed, in visualizing the natural motor skills of the infant chimpanzee — his lying and sitting postures, his ability to stand upright, to move about erect, to jump, and to climb — we shall not be slow to see that the whole of this range of motor skills equally belong to the human child of the same age.

Let us now in the first place consider the *instincts* of the chimpanzee and those of the human child as expressed in *behaviour and, in particular, let us analyze the behaviour dictated by the self-support instinct (expressed in finding food or drink, providing for sleep, and grooming)*. The similarity here is striking indeed.

Like the human child, the little chimpanzee, feeling hungry, will never withdraw his searching glance from the person who is in the habit of feeding him. The chimpanzee will follow his caretaker step by step and will constantly try to attract his attention with deliberate loud crying.

Again, the chimpanzee will handle raw food in a manner very similar to that of the human child. Thus, he will start clutching at the food, removing the skin of vegetables and fruit with his teeth and fingers, and flinging the kernels.

The chimpanzee easily masters the art of drinking from a cup and using a spoon (though both infants prefer to use their hands). Again, quite like the human baby, the little chimpanzee greedily attacks the food he is offered, jumps from dish to dish (in case several different kinds of food are served at the same time), and obstinately refuses to share food with anyone. In his eagerness to keep a favourite morsel to himself, the chimpanzee — quite like the child — will resort to a number of methods such as turning his back on the would-be usurper, protecting himself with his hand, or hastening to finish up the food (if someone should pretend to take the piece away). In the presence of others, or when the taking of food is accompanied by some pleasant distraction, both babies

[1] I wish to express my acknowledgment to Professor Brandes (Dresden); Prof. R. M. Yerkes (Yale), the Director of the Florida Anthropoid Laboratory and to three Laboratory scientists (Dr. C. F. Jacobsen, Dr. O. Z. Tinklepaugh, Dr. J. G. Yoshioka) for determining the age of my chimpanzee, Joni.

will eat with particular relish. Both children displayed an undeniably selective attitude towards food and show a marked preference in favour of a vegetarian diet — milk, sweetmeats, or fruit (even carrot juice and lemons); both likewise show a definite tendency towards the use of carbonaceous foodstuffs or those that contain lime.

Both like to sleep in immediate proximity to the person who looks after them, being particularly eager to cuddle on the latter's knees or on the same bed, where both will affectionately nestle against their protector; both try to lay their heads as high as possible on the pillow, and usually sleep on one side with arm under head and leg drawn somewhat inward towards body. In cold weather, both will draw up their blankets; in hot weather, they will put their legs wide apart and throw aside all bedclothes.

Both, when sleeping, display a tendency towards spasmodic movements and snoring. When they chance to be laid to sleep in a cot unprotected by any kind of grating, both infants frequently catch hold of the nearest firm object and continue to cling to it tenaciously even when fast asleep.

When awake, the chimpanzee and the child have no objection to being subjected to different hygienic treatments such as washing, combing, or nail trimming. They also frequently indulge in self-examination, and they are in the habit of constantly cleaning the interstices between their fingers, biting their nails, examining different parts of their skin, or fidgeting with casual pimples, wounds, pricks, or scratches that they may happen to discover on their bodies. When painlessly doctored, neither shows evidence of particular repulsion.

Both Joni and Roody are easily taught to soap their hands, to use a handkerchief, and to wipe their mouths with a serviette.

The *instincts of self-preservation, self-defence and attack* are strongly developed in both child and ape.

As a matter of fact, Joni and Roody were both rather great cowards. Indeed, in taking stock of all “frightening” stimuli, the question arises not so much of what they feared, but of what they did not fear.

The principal stimuli eliciting fear responses were as follows: everything unexpected; all sharply defined stimuli (light, sound, touch); large objects; everything new, e.g. new objects, new people, unusual surroundings, animals never seen before; gatherings of people; large animals (horses, cows); very tall men; loud shouting; noise; shooting; snapping; thunder; lightning; magnesium flashlights; brilliantly illuminated premises; darkness; black objects; self-propelled vehicles; live animals with sudden or jerky movements, stuffed animals and birds, or the depictions of certain animals in pictures.

The response to a fright-causing stimulus likewise finds expression in a very similar way in both Roody and Joni. When frightened, both strain to open their eyes as wide as possible, transfixed on the object of their fear; they remain motionless in the same posture as if spell-bound; from time to time they shiver, hearts beginning to beat faster, cold sweat appearing on their faces; and they do all they can to either find some suitable hiding place, to put themselves under somebody's protection, or to run away from the fear-causing stimulus.

A long-acting fear stimulus invariably causes both infants to raise a violent outcry.

Many common traits can also be observed if we examine the active *self-protecting behaviour*. Both Roody and Joni displayed very similar behaviour in making threatening gestures, stamping their feet, producing a rapping noise with the fist, tapping against the offending object with the palm of the hand, pinching, scratching or biting it, and occasionally even raising some object (a stone or stick) as if to hit it (in case the infant is afraid of coming into direct contact with the fear-causing stimulus).

The indications of anger were also very similar in both: in either case, the brow becomes puckered and the teeth and gums are exposed.

Both Roody and Joni are prone to shift into aggressive moods under circumstances other than those that would elicit the self-protection instinct: thus, they generally feel angry when their diverse instinctive requirements (such as those connected with food, drink, or sleep) are not properly catered to, and they likewise are apt to become disorderly when their desires — frequently altogether unreasonable ones — are interfered with, or their actions are in some way thwarted.

It is interesting to note that both the human child and the ape would easily display anger (or show a feeling of vengeance) on seeing supposedly wronged humans (especially if the latter belonged to the class of “friends”)

and would do all they could to chastise the offender. Both subjects would also frequently display rancour when claims were made with respect to their alleged property or when their freedom of locomotion was in any way interfered with.

The instinct of *property* was strongly marked in both the human and the anthropoid child, and it found its expression not only in a manifest aversion to share a favourite object, but also in the careful safeguard of all available belongings; though at the same time their stock-in-trade was liable to be constantly replenished by all kinds of new acquisitions, some of which definitely belonged to the class of somebody else's property.

A careful study of the objects acquired by both Roody and Joni, with special-attention focused on the "favourites," permits us to establish their predilections and even, maybe, to throw some light on their *aesthetic preferences*.

In the first place, it seems worth noting that both were equally eager to take possession of *brilliant, transparent, and brightly* coloured objects (especially when the colours belonged to the first half of the spectrum). Both shared a well-defined *dislike towards dark-coloured* objects, which in all probability caused fright in them.

As to the size of the preferred objects, both Roody and Joni gave special attention to *miniature* things, towards which the human child even seemed to feel a kind of tenderness; the preferred form was certainly that of the *sphere*. In the field of tactile sensations, there was a well-defined preference with respect to all that was *soft, smooth, flexible and reticular*; in the field of thermal sensations, there was a definite attraction towards all that was warm; among olfactory stimuli, *fruit smells* were invariably preferred; while all behaviour related to the sense of taste definitely suggests that both preferred *sweet or sweet-and-sour* foodstuffs. Both were eager to appropriate the following as playthings: brilliant or brightly coloured plates; silk, velvet, or satin rags; pieces of transparent oilcloth; glasses; lace; pieces of India rubber, etc.

Not only were both subjects reluctant to part with these toys when summoned to do so, but they were also even apt to carry them about wherever they would go. Small wooden balls appeared to be especial favourites.

Both Roody and Joni showed a definite tendency towards *self-adornment*, displaying particular preference with regard to brightly coloured fabrics. It may be of interest to note that both were particularly fond of hanging brightly coloured pieces of cloth round their necks like scarves. They even sometimes went so far as to bring the two ends of a scarf together near the throat, thus making themselves something like a necktie.

Both the human child and the ape were certainly *freedom-seeking* creatures. They hated being warmly clad or bundled up, and always began crying when locked up in the narrow confines of a room; on the other hand, they exhibited the most buoyant joy when allowed to venture abroad — to the free expanse of yard, field, or forest. Admitted to open space, they would try to extend indefinitely the range of their activity and locomotion.

Both again had the *social instinct* in common. This instinct, quite naturally, found its principal expression in intercourse with other *children* or in placing themselves under the care and protection of an adult. When friendly contact with the latter was interrupted, both little ones immediately began seeking some other source of protection, apparently fearing to remain alone without any guardianship.

Both children expressed preference towards their nurse by distinguishing her from all other people; they expressed jubilant joy on her arrival and would cry on her departure; they wished to remain day and night with their adult friend; in case of some ailment, their attachment would become particularly strong; under untoward or difficult circumstances, it was always to the preferred person that recourse was made; again it was towards this very person that all affectionate feelings and tenderness were directed; and lastly, it was none other than the nurse who was allowed to perform various hygienic and curative manipulations in case of illness or physical ailment.

Both children showed a touching sympathy for their nurse when they saw that she was ill, and each of them tried to do the utmost to comfort or cure her as best he could. Both were ready to take action in defence of their nurse — when a potentially threatening gesture was made by an outsider, or even by a member of the household.

The *expression of affection* was similar in both the child and the ape. When stimulated by tender feelings, both Joni and Roody would run up to their protector, huddle up close and hug her, then tenderly touch her face with their hands and slightly press her cheeks with open mouth, panting all the while. Both easily learnt the kissing

movement, though the reaction appears with the human child only at a more advanced age[2], while with the ape it is manifestly artificial and comparatively rarely used.

Affectionate behaviour is in both cases of a well-marked egocentric character and is closely associated with *jealousy*; in fact, Roody and Joni both claimed monopolistic ownership of the beloved person. In all cases, when the latter attempted in their presence to show affection to others — no matter children or adults — both subjects would invariably give definite signs of hostility towards the recipient of the caresses.

Both little ones established a sharp line of demarcation between "our people" and "outsiders." Towards the former they would display a frank and unrestrained attitude, while they would invariably be on their guard with the latter; but both were equally eager to indulge in merry play with man and animal on every possible occasion. No happening or event caused them such pain as being left alone, while there seemed to be nothing that could evoke such joy as active intercourse with other living beings.

When brought into contact with persons alien to the household, both children would show a range of responses which differed widely in accordance with the temperament of the newcomer: they would be careful and restrained with quietly-disposed visitors; stand upon their guard and remain full of reserve with the gloomy and morose; and would always be apt to display merriment when brought into the presence of persons of a lively disposition.

The *imitation* instinct is well marked in both Roody and Joni, both being most susceptible to impersonating the various emotions (such as fear, sorrow, joy, and even anger) displayed by the persons with whom they would come in contact. On seeing the respective facial gestures and movements or even upon hearing incoherent sounds, they were always prone to imitate them.

Especially remarkable is the considerable range of coincidence observed in the *mimicry, movements, and sounds* expressing the *principal emotions* of the two children. To this class of gesture-similarities belong: trumpet-like protrusion of lips — when excited; wrinkling forehead, closing eyes, wide-opening of mouth, crying, and weeping — when dejected or sad; smiling, haphazard movement of hands and reproduction of sounds — when pleased; pressing-in lip corners and forming quadrangular mouth-opening when disgusted; mouth wide open — when astonished; protrusion of tightly closed lips and touching objects with lips or index finger — when attention is attracted; turning back upon offender — when feelings are supposedly injured or hurt. Similar facial gestures and mimicry were also observed during the expression of suffering, anger, and affection.

Additionally, the aforementioned responses were elicited by many of the same stimuli.

When on the verge of making a tense movement calling for close coordination of hands and fingers, both child and ape would invariably stretch out their lips sideways and then tighten them.

Both children perform a number of similar *imitative actions* such as: sweeping the floor, using a rag for wiping a pool of water from the floor, trying to hammer nails, unlocking padlocks, grasping objects with the help of a stick, turning on electric switches, opening hooks, and drawing lines on paper with a pen or pencil.

Both children were familiar with certain uses for the following implements frequently employed by them in the course of their daily activity: cup, spoon, knife, handkerchief, serviette, blanket, broom, feather duster, hammer, key, pencil, and pen.

It is worth mentioning that both children, evidently guided by analogy, frequently substituted one instrument for another: in the absence of a pencil, both Roody and Joni would attempt scratching paper with a nail, a stick, or even a fingernail; lacking ink, both would dip their fingers into milk, broth, water, or previously ejected saliva and try making various figures on paper; when no hammer was available, they would attempt to hammer in nails with their fists, with a stone, or with any other heavy object that might come their way; pocket handkerchiefs and serviettes were not infrequently replaced by stray pieces of paper.

Their imitative actions were, however, at best, but of poor efficiency; thus, failing to see the relative dimensions of latch and key, both would attempt to fit a tiny key into a large opening and naturally fail in their endeavour.

Following the lead of adults, both subjects were prone to *reproduce* certain *sounds*, such as banging a hand, producing a clicking noise with the lips, or rhythmically tapping bent fingers against some solid material; both also had a marked tendency towards onomatopoeia, though the range of imitated sounds differed widely for each subject.

[2] My child learnt to kiss only at the age of two years.

But there is indeed no other sphere of activity where the similarity of the human child and the infant chimpanzee should be so manifestly striking as in *play*.

Both child and ape showed the same passionate — we may even say tempestuous — zest for *moving games* such as is connected with running, sliding, wrestling, etc. Both were equally ready to take in new playmates such as a human being or a live animal or — in the absence of such — to amuse themselves quite alone. During long periods of time, both Roody and Joni could find complete satisfaction in self-contained motion. They would run about the rooms; make circles round the whole flat; dash from place to place or from corner to corner, then perhaps settle down for a moment on some piece of furniture, as if resting, but only in a second to renew their activity with tenfold energy, finally falling down in sheer exhaustion. "Run, run, run! Round, round, round!" Roody would shout from the age of 18 months to two years — prancing about the room — just like Joni, involving everybody he could find on the way.

No less enthusiastic were both little ones when given the opportunity to indulge in wrestling games. Again, they would seem to like nothing better then being squeezed, swung, carried about, or turned topsy-turvy, and they invariably found a tremendous source of delight in climbing upon shoulders, knees, or legs and travelling or swinging up and down on these improvised vehicles or swings.

Any toy vehicle or object in any way supposed to be suitable for "transport" was invariably welcomed with exuberant joy. Indeed, there appeared to be nothing capable of giving so much pleasure to both little ones as perambulators, toy automobiles, wooden horses, chairs, benches, baskets, pillows, and even slippers and balls, the latter of which also, by the way, appeared to be classed as a means of locomotion.

Both Roody and Joni would accost these seemingly unpromising means of transport as if they were actual carriages and would react with the greatest zest and eagerness. Both thoroughly enjoyed being conveyed in some genuine vehicle and appeared to like the rate of motion the quicker the better.

Jumping vertically up or down from some elevation was a favourite pastime with both human child and ape; no less pleasure was apparently derived from hanging onto doors[3] and swinging about together with the door, though this kind of amusement generally lasted but for a few seconds at a time; finally, an unending source of pleasure was derived from rolling about on the floor and sliding down more or less steeply inclined boards. Both Roody and Joni were in a state of perpetual motion, ever finding new combinations of playful activities. It would take the author all the pains in the world to teach them to sit quietly, even at mealtime. Once, when told to stop dangling his legs, Roody exclaimed, "Well, with me something must always be kept going!" The statement was an avowal of the strength that was also fully and continuously borne out in the behaviour of the infant ape.

No less enthusiasm was manifest on the part of both child and ape when they indulged in *gymnastical* exercise, such as swinging; climbing up wooden and rope ladders; and twisting ropes into strands and subsequently letting them go with a crack that resulted in rapid untwisting and the performer merrily spinning round like a top till the rope was finally unwound. Not infrequently, both would devise the riskiest stunts, occasionally involving even serious danger to life or limb.

Both Roody and Joni seemed particularly delighted when they were given occasion to indulge in *competitive* exercise. Such forms of athletic competition such as races, or chasing a partner seemed to be accompanied with especial zest and it could be frequently observed that both subjects would fly into such fits of passion that the losing partner would often be on the very verge of bursting into torrents of tears or at least getting badly angered.

It seems of interest to note that both invariably preferred to run away from a *stronger* partner than to pursue a *weaker* one.

Playing at hide-and-seek was accompanied by the same manifestations. Both subjects almost always preferred hiding from *a stronger* playmate to seeking *a weaker* one.

Acting on their own initiative, both Roody and Joni would often erect *obstructions* to be overcome in the course of playful activity, or they would purposely introduce *complications* into forms of exercise such as running, climbing, or swinging. Thus, in the course of his gymnastical activity on a trapeze or simply when running about, Joni would introduce some object between his head and neck, taking all the pains in the world not to let it go during his games. Occasionally, he would grasp with his foot some rag or a bootlace with trailing shoe and

[3]Roody was able to swing on a door only at the age of four years but not before.

would prance about the room, his progress being at every moment checked by some intervening obstacle. Now, he would be held up by a piece of furniture; or the bootlace having become entangled, his progress would be arrested in some narrow passage; but every time he would get loose — sometimes with difficulty — and continue his adventurous progress with unslackened energy and zeal. Roody would frequently make himself barriers and jump over them or else build a kind of narrow and shaking plank-bridge and carefully make his passage over it, eagerly watchful lest he should lose his equilibrium. Again, in performing feats on the trapeze, Roody would often carry in his hand a heavy plush teddy bear, being of course strongly handicapped by this rather weighty piece of altogether unnecessary ballast.

Indeed, unhampered locomotion apparently failed to give either of the little ones the same amount of pleasure as did obstructed motion. Most varied objects were taken to serve as improvised obstacles: thus, Joni liked having access to various knitted fabrics, torn baskets, ropes that he himself had previously entangled, etc. On happening to come across a rubber ring, Joni would always first introduce his finger through the opening, and then gradually begin expanding it to provide a sufficient passageway for the whole hand, next for the whole head and, then for the whole body. At last, he would drag himself all through, angrily panting and grunting all the while.

On seeing a torn net in his bed, Roody immediately recognizes that good luck has come his way and obstinately refuses to get into bed in the usual way. Instead, he drags himself through the torn net and reaches his couch only after a considerable display of effort, accompanied by loud grunting and snorting. Despite having wasted about 10 times as much time as he would have done in the normal way, from the very moment of his lucky discovery he invariably prefers the difficult crawling-in procedure.

It is but quite natural that *movable objects* should appear particularly *attractive* to both subjects. Indeed, it can in no way be considered a mere coincidence that both Roody and Joni preferred wooden and rubber balls to all other varieties of toys. Both were particularly loath to part with these, their favourite playthings, and could spend hours throwing, pushing, or catching a ball. Nearly as much entertainment was apparently derived from playing with round baskets or pushing perambulators or even roller-mounted chairs. In fact, on coming across any sort of moving object, neither infant could ever refrain from attempting to set it in motion in one way or another. Thus, they would repeatedly open and close doors, windows, and cupboards; bang piano lids; turn the wheels of sowing machines, rotate turning stools, etc.

Often, both would catch hold of stray objects that had chanced to come their way and begin scattering them all over the rooms, with the result that the whole area would soon become a scene of complete chaos bestrewed with broken, dilapidated, or discarded pieces of furniture or household utensils.

The *observation of motion* appeared to be in no way less stimulating. When in the city, both would eagerly watch the unfolding street traffic; they would keenly and attentively follow the progress of pedestrians, show great interest in street happenings and never remove their searching gaze from passing vehicles. So absorbed and enraptured would they become that it was sometimes hardly possible to draw them from their favourite pastime even by raising one's voice.

When in the country, both would gaze with curiosity at herds of passing cows, playing children, or any other events of rural life that might come their way. Even the progress of such slowly moving creatures as caterpillars, ants, beetles, and cockroaches seemed to intrigue our subjects. Joni would frequently take a piece of straw and start worrying a group of cockroaches that had quietly settled into the slits of his cage. He apparently found much amusement in witnessing the flight of the insects and would invariably start his little game afresh on seeing them recover from their first panic. Roody could watch ants running about for indefinitely long periods of time.

It is also quite natural that *playing with larger animals* should be attractive to both Roody and Joni. Deprived of the companionship of children of the same age, they seemed to feel tremendously happy when opportunities were at hand for such exploits as pursuing dogs or pigs; frightening chicks, crows or sparrows; or hunting down or frightening cats, etc.

The accompaniment of *noise and loud sounds* always added particular zest to playful activity. The greater the noise, bang, or uproar, the more both seemed enraptured.

There was, in fact, no greater source of delight of both than dragging about clattering chains, jingling keys, or beating or drumming against walls with metal rods, wooden balls and the like. Genuine drums or even

kettledrums seemed particularly welcome. It, in fact, struck one that the more deafening was the noise the greater the pleasure thus derived.

Lacking other more varied forms of entertainment, Roody and Joni would often clap their hands, bang their fists, or stamp or tap their feet. Both enjoyed slamming the keyboard of a piano.

Much in common could again be observed in "*experimentation*" games involving such novel and unknown elements as *fire, water, sand, and objects that were hard, transparent, or elastic*.

Both were greatly attracted to fire and had to be stopped in their attempts to reach for it, lest they burn themselves. They seemed to be deeply stirred by the lighting of candles or the firing of the stove, while the switching on of electric light appeared to be a source of everlasting enjoyment.

Water seemed to be no less attractive. The sight of any amount of this element would induce Roody and Joni to devise no end of new and apparently most thrilling amusements. Joni would immediately avail himself of the opportunity for taking some water into his mouth and rinsing— this occupation often taking up quite a stretch of time; both Joni and Roody on seeing a pool of water would never miss the opportunity to splash about in it; when sitting in front of a basin of water Roody (just like Joni) would invariably take into his hands as much water as he possibly could, and then lift his hands and let it run out, only to resume the operation again the very next second. Roody liked collecting various objects and letting them float or sink in the water of a basin; on seeing spilt water both would moisten their fingers and start drawing various patterns, or else just simply splash the water about. The water held in a pedal-washstand seemed to have a particularly intriguing effect. On seeing the jet emerge, both would either attempt catching it with their mouths or try to grasp it in their fists or, again, simply smash it about, wetting both themselves and all their immediate surroundings.

Both Roody and Joni had a natural tendency towards digging in *earth and sand*. They liked collecting small stones and gazing at them. Oftentimes, they could be seen playing with sand, strewing it, kneading it, casting it about, or filling and emptying any handy receptacles that might come their way. The whole process was always accompanied by most eager contemplation, with many new interesting moments being apparently always found in the course of the different manipulations.

Any *hard* objects, such as stones, bits of glass, nails, stray pieces of wood, sticks, or matches were taken stock of and immediately utilized for play. Thus, whenever he came across a large stone, Joni would always carefully examine it, take it into his mouth, gnaw at it or scratch it, and at last throw it away in some definite and apparently preconceived direction. When seeing a smaller stone, nail, or piece of glass, his practice would consist of taking the said object into his mouth and rolling it about, sucking it, and smacking his lips; but never would he swallow any non-digestible materials.

Roody had also been found to put stones into his mouth. Special preference on the part of both was to be observed with reference to sharp objects, such as small sticks, twigs, bits of straw, etc. It is really remarkable to find that both would seem to enjoy actually pricking their hands with such *sharp* objects or else employ them as a peculiar kind of dilatational contrivance. Thus, Joni used to insert a stick vertically between his lips and, so arrayed, begin a number of convolutions: dangle about, begin running in various directions, start scratching himself, etc.; but he remained eagerly vigilant all the while lest his lip-extender should by some mishap fall out or become displaced. Roody used to insert a stick in the palm of his hand and never let it go even when frantically running about.

Indeed, any description of *stick* seemed to fascinate both Roody and Joni; on finding a stick, Joni would invariably use it for digging the ground, banging against the floor, reaching at hitherto unattainable objects, or making threatening gestures. Roody used sticks for drawing signs on the ground, or else liked to throw them over fences. He also employed sticks for chasing dogs and often found amusement in utilizing them for knocking down various objects or making them fly up high into the air. As a matter of fact, Roody could never pass a stick without saying, "Nice stick" and used to bring home tremendous amounts of long wooden objects of every imaginable description. When asked why he wanted yet another stick he would always find some new pretext to explain the purport of the latest acquisition. It has already been mentioned that both child and ape were equally fond of *balls and spherical objects*.

Much entertainment was similarly derived from toying with *transparent objects* (coloured glasses, medicine bottles, transparent oilcloth, translucent combs). On having acquired some piece of glass, Roody and Joni would both in a much similar way press it to their eyes and start looking through it at the sky, transporting their gaze

from one object to another. Now they would look at the sky, then at the ground, in a moment they would dwell upon some garden flowers, only to begin staring at some human face in the very next moment. Both would cherish a tiny bit of oilcloth or a stray piece of coloured glass as if these were highly priced valuables.

Looking through a translucent yellow comb Roody would fervently exclaim, “Oh, how red the sky! Oh, how hot!” Putting a piece of yellow oilcloth to his eye and holding it with one hand Joni would begin excitedly running about the room; on coming across various objects and on seeing them “in a new light” he would invariably tap them with his free hand, as if to ascertain their real nature. Occasionally, he would lie flat on his back for quite a long time contemplating the ceiling through the oilcloth.

Long, pliable, or elastic objects, such as rubber hoses, bootlaces, and the like, were greatly cherished by both Roody and Joni. Indeed, the degree of amusement obtained as a result seemed to exceed the amount of pleasure derived from any manufactured toy. There was no end of different things the little ones would be prone to do with a hose. They would throw it high up into the air intently watching the hose uncoil in its rapid descent; they would wind it round their necks or simply slip it round their shoulders and begin drawing it from side to side; now and again, they would insert one end into their mouths and draw in air through the aperture; or they would take the end of the hose by hand and begin wildly lashing every adjacent object with the other free end.

Ropes, strings, and bootlaces were wound up or twisted into loops, offering the new and exhilarating experiment of getting through the loop — a feat which was no sooner thought of than done.

Great similarity is again observed in the kind of amusement both subjects derived from their manipulations with human hair. On having acquired himself a hair[4] , Joni would indulge in a very peculiar pastime: time and again he would draw the thread through his mouth pressing it tightly to his tongue, but taking the greatest care not to tear it on the way. It seems most astonishing that 13 years later, Roody, acting altogether on his own initiative and in no way stimulated by any outside influence should have also become absorbed in the human hair. The human child found considerable interest in letting it gently glide between his extended fingers.

Many common traits could again be observed in their *destructive games*. Such forms of activity as throwing, tearing, and breaking seemed indeed to provide both subjects with a peculiar form of self-contained pleasure. In fact — most playthings would leave their hands with some trace of destructive activity, usually in the form of tooth imprints or purposeful destruction.

Nearly everyone knows that a child, on putting his finger into a hole, will try to do his utmost to enlarge the aperture as far as he can, but, with Joni, every contact with an easily breaking object inevitably ended in the complete disintegration of the item in question. It is also a well-known fact that children's playthings very soon turn into a scattered mess of dilapidated debris; but Joni possessed the destructive instinct to such an overpowering extent that the range of his devastative activities comprised virtually everything that would come his way without the slightest exception. Joni would spread havoc and ruin everywhere: he would tear wallpaper, gnaw at the walls, break apart the doors of his cage, shatter glasses, and tear up all the fabrics that were to be found in the room.

The destructive tendency in Joni's nature was, indeed, so strong and unyielding that no rebuke would prevent him from tearing pillowcases to tatters, completely breaking apart his cage, of or performing other similar disruptive actions. Joni's *wilful impulses* seemed to be at their strongest where destructive activity was concerned, and the less yielding the attacked object, the more energy he would expend in his attempts at demolishing it; it even seemed that handicaps stimulated his efforts. Indeed, in pursuing his goal by way of carrying out some prohibited action, or in his endeavours to get at some forbidden object, Joni would display such an amount of energy that no amount of scolding, punishment, or even physical pain would prevent him from bringing his plan to completion. Even the danger of a serious quarrel with the observer (of whom he was very fond) never stopped the progress of his destructive activities. Notwithstanding all odds, Joni would stoically, stubbornly, and relentlessly forge on towards the realization of his once established aim — the annihilation of the given object.

I often had the opportunity of noticing in the case of both the human child and the chimpanzee that a prohibition entailed a response that was entirely different from the desired one. “Forbidden fruit is the sweetest” — and the behaviour of both Roody and Joni seemed to give ample support to the truth of this saying. Both little ones would cling to prohibited actions with the greatest steadfastness.

[4]In his desire to get a hair to play with, the chimpanzee often went as far as to tear a human hair from someone's head.

So, on having illicitly got out of his cage in my absence, Joni was invariably found to have performed the very thing I had forbidden him to do and to have handled the very objects he knew he was never to touch. The behaviour of the human child shows practically the same tendency towards transgression of rules and opposition at any cost. I begin laying swaddles on a chair in the presence of 10-month-old Roody — he immediately starts tearing them down; I don a hat — the boy tries to remove it; I place a toy on the table — he throws it off; I start a humming top — Roody stops it; I put a ring onto a toy pyramid — he tries to remove it, grunting all the while from the effort exerted. At the age of 1 y. 6 m., he is forbidden to handle such objects as spectacles, scissors, and knives — but no sooner have I turned my back than I find him toying with the very articles he has been told never to touch; at the age of 2 y. 3 m. 8 d., when he is told not to suck his thumb — he immediately puts his entire hand into his mouth when ordered to stop; at the age of 3 y. 0 m. 11 d., he is cautioned not to play in flowerbeds — the very next thing he does is start trampling flowers; told to shake hands using his right hand — he invariably extends his left one, etc.

The intentional actions of both Roody and Joni are frequently marked by the features of *caprice* and put into effect through sheer stubbornness. Both would often suddenly (and for no apparent reason) renounce the very claims that had caused a tremendous amount of uproar but a minute ago; or else they would display complete indifference on coming into possession of the previously coveted article. Not infrequently, it appeared as if the very process of reaching for the desired object and not real necessity was the true motive of their observed behaviour.

Offence was easily taken by both Roody and Joni when they thought that their supposedly legitimate claims had not been duly complied with: both would in a much similar manner turn their eyes from the offender and refuse to take even the best-liked sweetmeats from his hand.

Roody (1 y. 4 m. 22 d.) asks for some object. He is first refused, but subsequently permitted to take it (following some afterthought on the part of the adult in question). Now, he does not any more want to take it. So, on having once eaten a pear, Roody asks for another. On cutting the fruit into two unequal halves, I told him he might have the smaller portion. The boy immediately exclaimed, “You didn't say the big one!” and burst into tears stubbornly refusing to take any of the fruit at all.

In performing prohibited actions, both Roody and Joni would try as best they could to be cunning. They would even try to *trick or deceive* the observer, though their naïveté frequently prevented them from displaying any considerable artfulness. To consider a typical example, we forbade Joni to gnaw a certain piece of furniture. In order to achieve his end, the ape hid behind the object in question, turned his back upon us and began gnawing; or, on another occasion, he sought shelter under a pillow trying to make-believe that he was behaving in exactly the right manner — while he was in reality steadily biting at the wood of the taboo table. Sometimes he would cover the desired item of furniture with a piece of paper and start biting through the covering. (He was allowed to tear paper.) Roody had received strict commands to the effect that he was never to put matches into his mouth — what did he do but hide behind an old armchair and perform the prohibited trick firmly believing himself to be well protected from every inquisitive glance.

When walking in the garden with his grandmother, Roody was told that he was not to pick berries; immediately, instead of proceeding ahead of his grandmother as was his usual wont, Roody (age 2 y. 3 m. 13 d.) declared that he was going to follow; on looking back, his grandmother perceived him in the prohibited act of picking berries.

On wishing to get a cracker and evidently doubtful as to whether he would actually get it, Roody says to his grandmother, “Grandma, don't follow me, for goodness' sake, don't follow me!” Whereupon he goes to the summerhouse, closes the door and takes a cracker.

I have forbidden Joni to get out of his cage in my absence and he knows very well that he must not destroy the stucco on the ceiling. On leaving the room I say to him, “Stay here and do not go anywhere” (the cage is remaining unlocked). But I have only to leave the room for Joni to get out of his cage, shut the door of the room (which I leave half-open), climb up to the ceiling, and start picking the stucco, at which point he indulges in some kind of play *outside* his cage. On hearing my returning footsteps he immediately returns to his place, pretending that nothing at all had happened and utterly unaware of the fact that his stucco-besmeared nose and a pool of urine on the floor unequivocally testify to his disobedience.

The behaviour of both child and chimp often resembles what may be termed “ostrich policy.” Thus, Joni, grasping objects that he knows he ought not touch, stares at the observer, never once withdrawing his gaze from the coveted object. More than that: he seeks and ultimately finds the desired article solely through the sense

of touch without even once looking at it and apparently believing that if he himself does not see it, neither will others. Such little tricks were even more naive and comical with the boy. For example, Roody (age 2 y. 2 m. 6 d.) was once patently unwilling to drink his milk. I tell him, "Drink." He hides his hands behind his back and replies, "I ain't got no hands" and "I'm afraid of the milk." I insist on a definite answer about whether he is going to drink his milk or not. He does not breathe a word, seemingly afraid to say "no" and unwilling to say "yes." I insist further, "Why don't you answer?" He replies, "Yes, don't answer." I: "Why?" He: "I ain't got a tongue."

On another occasion, when asked to shake hands, he retorted, "Don't hear." When told to water flowers (an occupation for which he apparently cared but little), he replied (age 2 y. 2 m. 3 d.) "Don't see."

Similar "ostrich policy" could also be observed in the way Roody used to play hide-and-seek. For example, he could be often observed to conceal himself behind a small chair, which only partly hid his figure. As for his head, he would hide that with a thick shawl, apparently believing that nobody could see him if he himself did not perceive his playmates. Or, sometimes, he would squat on the steps of the balcony covering his eyes with his hands and turning his back to the seeker, evidently fully convinced that his artful cunning had completely locked him out of the world of visual perception.

The manifestations of *guilty* feeling could be plainly observed in the behaviour of both subjects, but these manifestations appeared to be somewhat different in each case. On seeing that he had committed some evil doing, Joni would try to avoid the glance of the observer and stoically submit to censure, punishment, or angry words of reprimand. He apparently felt he deserved the punishment. At the same time Roody when censured would flush, stick out his lips, and appear on the verge of tears. Even the slightest slap caused an immediate outburst of tears.

Both Roody and Joni were highly mobile — not only physically but also *mentally*. It often seemed that their tempestuous growth constantly stirred them towards ever more buoyant activity. In whatever position or surroundings they might happen to be — eating, dressing, washing, even sitting on a highchair — unceasingly, relentlessly, they would be inventing new forms of amusement or entertainment. When they were in possession of playthings, they would constantly leap from one to another in a perpetual search for new means of amusement — often, only to return to the original plaything in the very next minute.

But the free play activity of the child and the chimp reveals not only a *lack of focused attention*. There is yet another and perhaps even more characteristic trait — *curiosity*, which found its principal expression in the fact that both subjects were invariably attracted to everything new, whatever it might happen to be: new people, things, or surroundings. The demonstration of some novel object would for instance always be an entirely sufficient stimulus for interrupting any kind of playful activity, or even for cutting short any emotion that might happen to be experienced at any given moment.

Roody's attraction to *the new* was well typified by his once exclaiming during a long walk, "I'd like to go on without end if I could only always see new things!" All of Joni's behaviour corroborates the opinion that he was endowed with the same disposition. In the absence of new experiences Joni would make it clear that he felt dull: he would lie flat on his back indifferently gazing ahead or he would pick his teeth and make a cracking noise with his lips. Roody would often approach me with the following request, "Now, do show me something new!"

Both subjects would invariably give signs of the most manifest joy every time they experienced new sensations. Each more or less unusual visual perception seemed to have a stimulating effect: new houses, a forest, street incidents, any novel developments in the life of the courtyard — all these and many other stimuli would cause Roody's or Joni's wandering gaze to become fixed to the intriguing phenomenon, their close scrutiny never interrupted even for a single moment. Their curiosity would become particularly keen during the course of riding in a motor car, but no less interest would be exhibited during the course of simply walking about town, when both Roody and Joni, each on his part, would invariably try to look into the windows of basement flats. Especial interest was attached to the contents of wardrobes, baskets, and cupboards: both, whenever they possibly could, would show equal zeal in trying to get inside and finding some new nondescript item which they would then start at length contemplating. All partially opened gaps seemed especially tantalizing. Under this heading came: stoves, pockets, various receptacles, human nostrils, ears, etc. The searching eye or the exploring finger would always try to penetrate the orifice; indeed there seemed to be not a single nook or recess on in the premises that Roody and Joni had not tactually or visually explored at some moment or other. In such investigatory behaviour tactual exploration usually took the lead, and in this respect Roody was in no way behind Joni — they both seemed to consider it a poor inquest if the object of interest had not been properly handled or tasted. *Convex and*

concave objects commanded an equal degree of curiosity, manual exploration being almost exclusively resorted to when protruding or depressed shapes were being investigated.

Both Roody and Joni were often subject to *erroneous visual perceptions*. Thus, on seeing three-dimensional objects depicted in the pictures of a book, both frequently attempted to catch hold of them. In his unsuccessful attempts to “remove” the object in question Joni would even tear the pages, while Roody, upon seeing that all his endeavours were for naught, disappointedly exclaimed “By no means!” meaning that he could by no means take the thing (age2 y. 0 m. 23 d.).

It is only natural that *lustrous, bright, or rapidly moving* objects should stimulate the curiosity of both subjects to the greatest extent. On seeing articles of such description both would display very similar behaviour: thus, on first beholding the interesting item they would open their mouths wide, draw out their lips, and explore the texture of the substance with the help of the index finger.

Both enjoyed looking at picture books, and in their eagerness to consistently acquire new impressions, would rapidly turn page after page. Both would differentiate between pictures. Joni would overlook some pictures while he would intently gaze at others (notably pictures representing carnivorous wild animals with blazing eyes; or monkeys). Roody (age 2 y. 1 m. 6 d.) saw two pictures, one portraying a small bird and the other a large one, and exclaimed, “Nice!” in reference to the small bird and began kissing its picture; he then turned to the picture of the large bird and said, “Nasty!”

When touching a calendar, he used to call the red-letter days — “Good” and the others “bad” (age 2 y. 1 m. 25 d.).

The investigative curiosity of both the human child and the ape was often directed towards the facial features of human adults or towards their own bodies. All of a sudden Joni starts intently gazing at someone from the household. Though he knows the person in question very well, he starts surveying his facial features as if he were seeing them for the first time. He passes his finger over the eyes; feels the nose and ears; touches his index finger to the nostrils, mouth or ear; and pays especial attention to the mouth cavity. If the human subject under investigation happens to open his mouth or does so on purpose to comply with the inquisitive desires of the ape, Joni will smile at every movement of the mouth. He also takes much pleasure in touching human hair, spectacles, rings, or brooches. Precisely the same behaviour was observed in Roody.

Both subjects frequently indulged in self-examination. Every morning, Joni would meticulously examine every part of his body and on finding any actual or imaginary defect (scratches, specks of dirt, or soiled places) would immediately begin grooming himself, licking sore places, removing dirt, etc. When Roody was one year old, he would examine his naked body with no less keen interest. He would also often touch his navel, fingering a casual pimple, or any other intriguing spot, etc.

The reactions of both Roody and Joni to their *mirror images* have been observed to be strikingly similar. The following successive reactions have been found to match in every respect, viz:

1. perceiving own image in mirror and smiling;

2. touching image;

3. touching image with hand and seeking for something behind the mirror;

4. spitting at image;

5. making rattling noises with lips, grimacing, or gesturing;

6. agressive lifting of hand and tools at image and hitting it.

In their examination of the surrounding objects, both Roody and Joni revealed exceedingly keen powers of *observation*. Both immediately recognized any new object within their range of perception and at once started scrutinizing it. Their watchful eye, fixed on the observer or some other well known human, immediately discovered any new clothing, article of footwear, scratch, pimple, or ink spot; neither did even the smallest change in the usual order of the room escape their attention. They invariably perceived such minute objects as specks of dirt on the floor, spots on the wallpaper, stray pins, needles, casually dropped nails — all miniature articles of the latter description being invariably scrutinized, touched and, if possible, collected and acquired.

Roody (age 2 y. 1 m. 24 d.) notices a tiny piece of hair sticking to a loaf of bread and exclaims, “Hairlet!” eagerly removing it before he begins to eat. When offered stewed fruit, he discovers a tiny worm and refuses to partake of this otherwise highly palatable dish. After some pictures in the nursery are moved, he immediately notices the change and enquires, “Why this picture? This not here,” demonstrating with his little finger the erstwhile location of the newly hung pictures.

But both little ones not only perceived *newness*: they also readily discerned *similarity*. In following the chimpanzee's free-play activity, we more than once had occasion to see Joni make matching colour groups out of 35 variegated plates[5] of seven different colours. Of all the different hues Joni seemed to prefer *light blue* and would often select a number of light blue plates for his playful activities. At other times, I noticed that Joni, while manipulating a set of different-sized plates, would persistently select the *small and round* patterns; when manipulating a series of cards comprising sticks, acorns, and plates of various description (square and round, small and big), he selected all the cards of one colour and put them aside into a separate group.

The tendency to assimilate objects that possessed one characteristic in common was also strongly marked in Roody. When he was one, he would on his own initiative first point to his own ear or eye and then direct his index finger towards the same facial features of some adult in the room. Once, after pointing to the legs of a horse in a picture, he showed his own legs, thus clearly indicating that he was fully capable of assimilating like features. At the age of two (to be precise: 2 y. 1 m. 15 d.), Roody once looked at his doll, pointed to her eyebrows, said “brows-brows” then looked in turn at all the members of the family and exclaimed “Mother-brows, uncle-brows, daddy-brows,” after which he quite unexpectedly called out “milk-brows.” At the same time, he pointed to the black rim on a white milk cup, apparently implying that this was also a kind of eyebrow.

Both Roody and Joni show evidence of possessing *generalized* notions, which in Joni's case is expressed by the substitution of some more or less suitable contrivance for the needed instrument. Thus, he replaced sticks with pencils; ink with syrup, water, urine or milk, a hammer with a stone or his own fist; and a serviette or pocket handkerchief with a piece of paper. Joni apparently had a generalized understanding of lock and key, since he was apt to apply any key to any type of keyhole in all variety of places (doors, suitcases, etc.).

Roody, at 10 months old, had already mastered the generalized notion of “button” and when asked “Where is the button?” would invariably point to various buttons attached to many different objects and widely differing with respect to colour, size, material, and shape.

These and similar facts point to both possessing the faculty of elementary abstraction and also show that they were endowed with comparatively well-developed memory. The latter circumstance stands out in particular when we take stock of *conditional reflexes*.

Both the human child and the anthropoid infant easily form motor skills, no particular training being required for the purpose. These skills are principally associated with self-help behaviour, such as is expressed in drinking from a cup; or using a spoon, a knife, a serviette, a blanket or other tableware or household items.

Both subjects sometimes use a comparable gesture language. For example, “request” is expressed by extending the hand forward, “rejection of food” by turning the face and head aside, “thirst” by putting the hand to the mouth, “desire to draw attention to oneself” by tugging at the clothing.

From among other types of conditional reflexes the following has been ascertained:

1. **Visual-gustatory-motor**: when shown well-known sweetmeats such as oranges, both run up to the coveted object and grasp it.

2. **Visual-algetic-motor**: when scalded by fire or a hot stove, both immediately withdraw from the offending object[6].

3. **Auricular-motor**: both respond by complying to orders such as “sit down,” “lie down,” or “give me your hand”[7].

[5]This process was described at length in my book “Poznavatelnye Sposobnosti Shimpanzee,” State Publishing Department of the USSR, 1924. **N. Kohts** Untersuchungen uber die Erkenntnisfahigkeiten des Schimpansen, Moskau. Zoopsycholgisches Laboratorium des Museum Darwiniarum. 1924.

[6]Observed in Roody as early as the age of five months.

[7]Observed in Roody at the age of eight to nine months.

4. **Auricular-visual-motor**: on hearing the word "fly", Joni looks round for a fly. When asked, "Where is tick-tock?" Roody turns his head, looks for the clock, finds it, and stares at it[8].

5. **Visual-motor**: the observer gathers books — a sign of forthcoming withdrawal from the room — and Joni runs up to door and bars it, preventing egress; Roody, when crossing the street, sees a bus and stops; in the past, he had to be held back by a hand under similar circumstances.

6. **Visual-emotional-auditory**: on the observer entering the room with books — a sign of prolonged sojourn — Joni excitedly and joyfully grunts; on seeing the observer gathering books, Joni begins to cry. On seeing me enter his room in a bathrobe, Roody loudly laughs; on seeing me in an overcoat, Roody cries.

7. **Auricular-emotional-auditory**: at the sound of an ascending elevator bell — i.e. a signal of arrival — Joni excitedly and joyfully grunts; at the sound of an ascending elevator and subsequent silence — a sign of the observer not having come home — Joni cries. When Roody is told, "Let us go for a walk." He kisses hands and joyfully whimpers. But when told, "Let us go to the park," he looks sad, even ready to weep, since he does not like to go there.

In respect of ejaculation of natural sounds we find both infants topossess the following similar vocalizations: "Ee"; "Oo-aw"[9]; "Um" [10] ; "Kh-r-yu-oo"[11] ; "Oo-hoo"[12] ; "Oh"[13] ; "You"[14] Both also express very similar vocalizations when panting, sneezing, coughing, grunting, snorting, deep yawning, and to some extent crying[15].

As regards imitative sounds, few can be produced here that have the two subjects in common, yet both were able (albeit with differing skill) to imitate a dog's bark. The better accomplishment certainly belonged to Joni, which is no wonder, since the bark was his natural sound.

Both the child and the chimpanzee reproduced such sounds as the stamping of feet, the banging of hands, and the smacking of lips.

With such material it would seem that the similarity between the infant chimpanzee and the human child was in many respects, doubtless, strikingly vast and many-sided.

But if we deepen our analysis and bring the behaviour of the two subjects into even greater focus based on the full range of our observational evidence, we shall certainly be as likely as not to discern other traits that clearly testify to *dissimilarity* and *divergence*.

Speaking first about the *sitting postures* of ape and man, we must say that previously we looked primarily at sitting postures of an artificial or atypical character (on a bench or other elevation, sitting on the knees of the observer); but the typical or natural sitting posture of the chimpanzee, which can be seen from a number of our photographs, is altogether different: it consists of the ape sitting on his rump with legs bent and closely adhering to body, and the trunk being firmly supported on downcast arms. Now, this very posture seems to be entirely unnatural to the human child and may only be observed in the five-month-old baby when he is learning to sit. On the other hand, I never had occasion to observe the chimpanzee in that very typical infantile sitting posture, which consists of squatting or sitting down on the heels.

Standing postures may be said to be quite as dissimilar.

True, the chimpanzee — just like the human child — is capable of standing vertically erect, but when he does so, in order to keep up his equilibrium, he always leans against one side of the sole of his foot or at least on one of his

8 Observed in Roody at the age of seven months.
9 Observed in Roody at the age of 0 m. 1 d..
10 Observed in Roody at the age of 0 m. 5 d..
11 Observed in Roody at the age of 1 m. 27 d..
12 Observed in Roody at the age of 2 m. 3 d..
13 Observed in Roody at the age of 3 m. 32 d..
14 Observed in Roody at the age of 6 m. 30 d..
15 The last seven sounds are listed in decreasing order of similarity.

feet. Moreover, he is in the custom of standing with legs wide apart and even then lacks the necessary stability to preserve a standing posture for more than a short interval of time, and even then, the ape is prone to seek some suitable support with his hand lest he should lose his balance. At such a moment, the chimpanzee closely resembles the human child when learning to stand, who, while clinging fast to some handhold, will also set his legs somewhat akimbo and fall down to one side a little. The typical posture of the chimpanzee is: standing on all fours with the body slightly inclined; it is only in this manner that he can manage to stand for indefinitely long periods of time. At the same time, the typical way in which the three-year-old human will stand is vertically erect with legs brought tightly together, his only support being the full spread of his foot.

But the *erect walking* of the chimpanzee arouses yet greater doubts. On the whole, it is possible to speak about this mode of the ape's locomotion in a somewhat conventional manner: the infant chimpanzee is able to walk upright no more than three or four steps at a time and at that he constantly balances his arms to keep up equilibrium. The chimpanzee will only then adopt the vertical way of walking when he wants to survey his immediate neighbourhood or if he is in need of finding his bearings in a new or seemingly dangerous locality. His clumsy gait proceeds only with difficulty and he is at any moment likely to abandon it in favour of more familiar modes of locomotion such as walking or running on all fours (with a slightly inclined body). When thus proceeding ahead, the infant chimpanzee will in his rapid and resilient gait not only by far overtake a human child of the same age but will also even surpass an adult.

I was never able to observe any genuine "all four" locomotion with regard to my own child. Even when crawling (at eight to nine months old), he would always support himself on the palms of his hands and on his knees. Never would he lean upon the soles of his feet or support himself on bent fingers, as is the case with the chimpanzee.

In order to facilitate locomotion, the chimpanzee will every now and then put his hands to the ground, even when led by the hand. And, if in observing the gait of a nine- or 11-month-old child, we can still see some balancing of the arms in addition to a slightly inclined posture, the three-year-old child almost without exception walks freely about in a completely upright posture, his uninterrupted erect locomotion lasting from 1½ to two hours without tiring.

The fact that the human child does not utilize his arms at all in the course of locomotion permits him to carry various objects, which he freely bears, drags. or brandishes about at will when walking or running. But, when the chimpanzee wishes to take hold of something, he usually prefers to carry the object in his mouth or drag it along with the help of his foot.

Mention was already made of the *climbing activities* of both subjects. It is perhaps in the manner and in the perfection of climbing upstairs or up trees that we see the greatest dissimilarity of all. While Joni always ascended stairs on all fours and got down in exactly the same manner (upside down), Roody was able to descend a staircase or climb down from an armchair in this manner only after the age of about 18 months, the descent being nearly always accomplished with *legs forward*. But at the age of three, the human child was already fully capable of ascending stairs fully erect without any need for using his hands.

On the other hand, the human child aged three to five years has the greatest difficulty in climbing up a small tree and can hardly hold onto the branches with his weak little hands. When sitting on the branch of a tree, his face betrays a pitiful grimace and he seems at every minute to be in danger of helplessly tumbling down to the ground. In direct contrast to this, the infant chimpanzee dexterously, assuredly, and easily climbs aloft using both hands and legs and not only reaches the tops of trees but sometimes even climbs over steeply inclined roofs and bravely perches himself on the very ridge. The descent involves no greater handicap than the upward movement. The little animal will in some time even make so bold as to climb down columns and nearly perpendicular inclines, leaving far behind even the most skilled human stunt performer.

The chimpanzee's foot as compared to the respective human appendage not only possesses much greater flexibility, but the chimpanzee is also characterized by far larger mobility in the pelvis joint: thus Joni was able to throw his leg so high up that it practically formed an obtuse angle with the other leg. Such a feat was entirely beyond Roody's capabilities, being, as is well known, usually only accomplished by specially trained professional acrobats.

"Jumping for joy" without moving from the spot is a trait common to both the child and the chimpanzee; but it is only the human child who can jump on one foot, while the chimpanzee has been frequently observed to leap from his legs to his hands and vice versa.

Let us now turn to divergence in behaviour, which is particularly evident in the *instinct of self-support and self-help*. While the human child was prone to perform all the acts pertaining to daily routine (such as eating, drinking, dressing, washing, combing, etc.) with the greatest precipitancy as if wanting to finish as soon as possible, the infant chimpanzee indulged in such processes as eating, drinking, grooming, and so on with the highest degree of preoccupation, attention, and minuteness.

Prior to swallowing a piece of food — even a variety he was accustomed to consuming— Joni would invariably smell it, bite off some small morsel as if to taste it, and would only then begin slowly eating the food, finding particular delight in consuming his favourite bits. When offered some milk at a temperature below that to which he was accustomed, Joni would refuse to drink it, or else he would slowly rinse his mouth with it until the temperature was warmed to the desired point and felt he could at last swallow the liquid.

Joni would never swallow hard, useless objects (such as fruit stones, etc.), however Roody was often observed doing so.

The ape thoroughly disliked adding butter or meat (especially chicken) to his food, but would apparently find insects quite palatable, occasionally eating even the fleas he had caught on his own body. In contradiction to Joni, Roody thoroughly enjoyed butter and meat, but was so squeamish with regard to insects that he would refuse to even taste food into which a small fly or worm had by some ill chance found its way. In the course of eating some particularly highly-prized treat Joni would loudly grunt, the grunt occasionally passing into a deep short cough. Under similar circumstances, Roody used to deliver a specific grumbling sound, much resembling the ejaculations of a suckling bear cub.

While the human child, in beginning the various activities connected with his daily routine, would dislike any intervention on the part of adults, eagerly shouting “Out!” “Let me alone!” or “Myself, myself, myself!” and displaying a clear desire to acquire an independent, self-taught command of such every-day contrivances as cup, spoon, towel, clothing, etc.; the chimpanzee was by no means averse to receiving assistance and displayed no tendency whatsoever to find a clue through his own independent activity. It was but clumsily and reluctantly that Joni would drink from either cup or saucer and, in proceeding to his meals, he would frequently hold the vessel not only with his hand but also with his foot.

It goes without saying that Roody's dexterity in this respect by far superseded what could be qualified as Joni's acquired motor skills.

Elsewhere, we have already mentioned the subjects' common dislike of sharing their food, but here we must point out an exception and say that, while Joni altogether refused to share anything (even with the person towards whom he otherwise showed the greatest affection); Roody, on being asked to share, would generally apportion some small bit to the supplicant, and would occasionally even go so far as to give a whole piece of food if he happened to be in the possession of two. Notwithstanding this, the fact is clear that Joni, in contrast to Roody, always displayed a tremendous degree of extravagance and would constantly throw about or otherwise waste a tremendous amount of edible material while partaking of his food.

In the process of catering to his bodily wants, the chimpanzee not only indulges in self-examination and cleaning, but also takes care to doctor any minor afflictions. He readily removes a splint, or licks a wound. Sometimes, notwithstanding all the pain caused by such a procedure, he will suck the blood from a wound, shuddering all the while at the aching sensation he is inflicting upon himself. The human child, on the other hand, on seeing blood or getting a splinter in his finger, becomes frightened and immediately requests the assistance of some adult, appearing to be afraid to touch the painful spot himself. Similarly, while Joni would readily submit to any kind of doctoring administered by the observer, Roody not infrequently attempted to thwart similar manipulations, or else submitted to them only through bitter tears.

Close observation of the manner in which both prepare for sleep points to considerable dissimilarity.

The ape is in the habit of preparing his bedding himself. He makes his sleeping quarters as soft and cosy as possible and will fidget about with his bedclothes till he at last he manages to arrange himself something of a nest. He will never be satisfied with even the most carefully made bed and invariably tries to modify its layout in accordance with his wont: for example, softer covers were usually distributed along the periphery of the bed, while some elevation is always provided for the head. Quite the reverse of the ape, the human child makes use of his bed, revealing no particular tendency to rearrange it in accordance with his taste. It is worth noting that, while Roody invariably enjoyed being tucked up to the neck and would even then occasionally (despite remonstrances)

make a “dive” under the blanket, Joni never (not even during cold weather) permitted his bedclothes to reach higher than his waist, offering definite resistance when attempts were made to raise the blanket.

When asleep, Roody would frequently talk, wave his arms, or cry but we never had occasion to observe anything of the sort with Joni.

We might venture to suggest that Joni's opposition to having his arms covered up was dictated by an instinctive desire to keep the upper appendages of his body free for self-defence in case he were to be attacked during sleep, when one is most vulnerable. Such an inference is apparently corroborated by the fact that Joni was firmly against wearing any pyjamas of any kind — even the lightest jerseys. No less reluctance was revealed when attempts were made to tie bandages round his neck. Even the light dressing of a cut finger would be most energetically countered — something never observed in the case of Roody.

Roody seemed to have a definite desire to master the art of dressing on his own and deliberately, if slowly, improved in his skill. Joni refused to use any kind of clothing except a blanket.

We may also surmise here that the instinct for *liberty* is much more strongly developed in the anthropoid infant.

It seems characteristic that when allowed abroad, Roody would run far and wide, while Joni had an apparently insatiable desire for negotiating great altitudes. Up he would go at any cost and could soon be seen loftily perched upon some neighbouring roof where he would sometimes spend as many as several hours at a stretch. (It is perhaps worth noting that climbing aloft always preceded his stomach and bladder voidings).

Privation of liberty was much more acutely sensed by Joni than by Roody, which may possibly be accounted for by the fact that the ape, when confined, would generally be locked up in his cage while the child almost always remained within a human environment.

Again, there was a marked divergence in the *attack and defence* instincts. One could even claim that there was a great difference here not only in the outward signs of fear each exhibits, but also in the provoking stimuli.

While Roody, when frightened, would flush slightly and draw his hands to his chest, Joni would, on the contrary, grow pale, bristle up, and make something of a safeguarding gesture with his hand, usually bringing it to his eyes as if to protect them from an eventual assault. When experiencing a fit of terror (caused by stimuli such as a shot, a loud discharge, or a magnesium flashlight), Joni would fall prone upon the ground hands crossed above the head. It is perhaps needless to say that such tantrums were often accompanied by violent defecation.

I never noticed Roody becoming frightened on hearing loud light or sound stimuli, but Joni was invariably quite terrorized under such circumstances. Joni was particularly afraid of reptiles (even of the tiniest turtles and grass snakes) and of some animals' fur coats (particular fright was evoked by the spotted skin of a panther). Olfactory stimuli left Roody on the whole indifferent, while they caused a definite fear response in the infant ape. One could say that Joni was generally more easily frightened than Roody. It is all the more wonderful then that Joni could spontaneously overcome his fears with much greater rapidity than was the case with Roody; accordingly, the ape could on the whole be said to be braver than the boy.

To further illustrate this point, I will say that I had on several occasions observed that Joni, having had some frightening experience would, on his own initiative, arrange a second encounter with the frightening stimulus, as a result of which he gained better understanding of the bugaboo and came closer to completely overcoming his fear. Roody, when frightened, would seek the companionship of some grown-up and would master his terror only as a result of receiving either encouragement or assistance on the part of the protecting adult.

Joni was certainly more capable of self-protection than Roody. The alarmed chimpanzee could often be seen in a threatening posture with hair bristled up and looking nearly double his normal size. Standing on all fours, he would stare intently at the fear-provoking stimulus. Every now and then, he would perform a little jump from one foot to the other as if ready to assail the enemy, and would indeed leap at the offending stimulus at the critical moment. In doing so, he would stand erect, show his teeth, turn down his upper lip, and make a kind of clamouring noise. At last he would seize the victim in his teeth and start tearing and worrying it. If prevented from doing so, his paroxysm of helpless rage would sometimes go as far as to cause him to start biting his own body.

It seems hardly necessary to say that Roody never displayed anything like Joni's tantrums when stimulated by the same “intimidating” objects (stuffed animals, animal pelts). When in a state of anger, Roody would frequently clench his fists, while Joni would do the same with his feet.

It seems also worth mentioning that one of Joni's greatest fits of rage was observed when he was shown the stuffed specimen of a small chimpanzee (at six months old), while a similar object shown to Roody (at 2½ years old) 13 years later seemed to evoke the boy's most tender feelings. Acting altogether on his own initiative, he began hugging the stuffed animal saying, “Poor little Joni.”

Roody generally had not even a trace of that cruel hateful or scornful attitude towards small animals that was so characteristic of Joni. It was, in fact, apparently a pleasure for Joni to torture, worry, or even kill various small and harmless living beings such as frogs, crawfishes, beetles, cockroaches, etc.

Contrastingly, Roody seemed to possess a feeling of particular tenderness towards animals. Whenever some small beast got into trouble, he would invariably try to render it all the possible assistance he could. For example, he would try to extricate flies from Tanglefoot Paper, and would shed bitter tears on seeing the insects flutter their wings in helpless attempts to disengage themselves. He would also cry with compassion on seeing ill-treated dogs and make all kind of attempts to protect them. On seeing a bleeding animal, he would try to heal its wounds and was most emphatically opposed to the catching of mice in traps. When coming across smaller children, he always tried to render them whatever services were within his power[16].

Elsewhere we have already briefly dwelt upon the feelings of affection and sympathy that both subjects displayed towards their adult protector. But it should be pointed out here that only Roody wept with compassion on seeing his adult friends show signs of sickness or other bodily suffering. At the same time, it seems characteristic that the writer never had occasion to see the ape relinquish his egocentric tendencies or make any attempt towards sharing his welfare with somebody else. For example, Joni would never —not even when entreated to do so — give up even the slightest morsel of his food; true, he would sometimes act in protection of his human friends, but he would immediately retreat if he felt he was in real danger himself, leaving his companion to extricate himself out of the difficulty as best he could. Thus, when some object causing considerable fear to Joni was brought up, or in case of a pseudo-attack by some person of whom Joni was afraid, the chimpanzee cared only about escaping peril himself.

On the other hand, Roody seemed to experience particularly strong vengeful and wrathful feelings on such special occasions when he would, for instance be trying to save small animals from the attack of larger ones. For example, on seeing a big dog fight a smaller one, he would do all he could to break up the pack, and in his efforts to save the “underdog” he would even go as far as to entirely forget all personal danger. More than once we had occasion to see the boy discontinue some kind of clamorous amusement at the slightest hint of somebody being unwell in the house. Once he refused point blank to eat a piece of marmalade with the imprint of a hare, stating that he was sorry for the “little hare” and “that he could not eat him up.” All our attempts at proving to him “that this was not a real hare” led to nothing and he stubbornly refused eating the food, in spite of the fact that it was one of his favourites and there were no other sweets in view.

As early as at the age of three, the child's behaviour already appears to indicate spontaneous manifestations of such feelings as ethics, altruism, a sense of justice, and grasping right and wrong. But there does not seem to be even the slightest hint of this on the part of the chimpanzee. The utmost that I had occasion to observe in this respect with Joni was a case of inhibited anger when I once happened to cause him pain in treating his nose with ointment. Joni caught my hand in his mouth, but let it go at the last moment without biting.

The affectionate behaviour of both is again marked with a tremendous difference in the strength of the feeling. Roody expressed his affection with characteristic utterances: “Dear mother — love.” “I don't want to give you up to anybody.” “I want to always be with mother — day, evening, and night.” “I do love mother, every day do I love my mother.” The child wanted to be in the complete and everlasting possession of his loved ones. For example, he asks, “Mother, will you ever die?” and getting no answer expresses his own secret desire, saying, “I'd like mother to never die!”

In our observations of other phases of *social behaviour*, we must first point to Joni much more rapidly establishing contact with human adults than Roody; it may also be said that his relations with a newcomer were to a much greater extent tinged with familiarity or something of the “hail fellow well met” attitude; but in his playful behaviour Joni invariably tended towards a commanding role and would always show a definite

[16]Both subjects had been placed in similar environmental conditions. Any kind of ill treatment with respect to smaller animals was strictly forbidden and efforts were made to encourage feelings of sympathy and compassion. Yet, our endeavours in this respect met with a degree of success only in the case of Roody, whilst they may be said to have been completely frustrated as regards Joni. All evidence points to the fact that whatever pedagogical devices might have been used with Joni, they would invariably have proved futile, with no apparent probability of making the ape show any degree of sympathy towards lower forms of animals.

unwillingness to *submit*. The smaller and the more defenceless Joni's playmates, the more commandeering, despotic, and even cruel he would become.

The social behaviour of the human child as illustrated during play is radically different: he readily acquiesces to adult leadership and gladly performs any assignment he is given. The companionship of his equals causes him to display something of a brotherly fellowship, while the society of younger children, animals, or toys evokes a kind of fatherly or protective attitude.

We may now revert to the question of *emotional manifestation*. In the preceding treatment of this subject, we mentioned some basic similarities in the principal emotions (fright, sorrow, excitement, joy, anger, disgust, curiosity, astonishment, and tender behaviour) as well as a similarity in many of the corresponding stimuli.

Now, in order to throw our comparative study into still bolder relief we must point to yet another feature viz. the *manifestation of emotions as expressed in mimics, pantomime, and vocalization*, which is considerably more pronounced and accentuated in the case of the ape. The expressiveness, strength, and duration of the ape's emotional manifestations are indeed such that opportunities are afforded for in-depth, close observation of all the successive stages in which the respective emotions are unfolding. Nothing similar can be observed in the case of the human child, the behaviour mirroring of whose emotions is incomparably paler and less sharply defined.

In a state of excitement Joni's hair bristles up, he stands vertically erect, and emits a modulated “oh-oh-ing sound”; next he clenches his feet into fists and begins expressively gesticulating with both hands. The only outward expression of excitement with Roody consists of his heavy breathing.

When overpowered by despair or completely woebegone, Joni starts a resounding outcry; then stretches out his hands, then throws them about his head, and lastly falls prone on the ground, where he commences a number of somersaults. In the course of these convolutions, the ape's face slightly darkens, but with no evidence of tears. Mild forms of depression find their expression in the protrusion of lips and whining.

If particularly sad, Roody starts to weep, shedding abundant tears, which drop right upon the floor. But his shouts are of course nothing compared to Joni's wild outcry. Also, his gesticulation is by far less sharply pronounced, the most frequent gesture consisting of rubbing his eyes with his fist. Joni's mimicry is naturally devoid of this gesture, since he sheds no tears. Roody expresses a very mild form of depression [17] by turning his upper lip down.

Tearless crying, similar to that of the chimpanzee, is observed in the human infant only up to the age of 1½ months.

While the human infant's joy finds expression in loud laughter accompanied by other loud, shrill sounds (such manifestations occurring as early as the age of three or four months and becoming consistently stronger afterward), the chimpanzee lacks the ability to vocalize laughter and even when tickled will only pant and broadly grin, though his eyes glitter and all his face expresses full satisfaction. The absence of vocalized laughter in the anthropoid seems to be compensated for by the emission of other loud sounds. For example, the joyful excitation of the ape is first signalled by a series of oh-oh-ing outcries, pitched in a major key that later turns into a resounding bark accompanied at every second by a real whirlwind of diverse bodily movements and gestures. Mention was already made of the fact that the frightened human infant gets pink in the face and cries out, pressing his hands to his chest. Under similar circumstances, the chimpanzee becomes pale, his hair bristling up, and emitting a short and dull *o-o* sound. When in a tantrum of rage, the chimpanzee turns up his lip, shows his gums, opens his mouth and begins banging against the offending object. The angered human child clenches his teeth and fists and stamps both feet without moving from his place.

The child expresses his affection by kissing or rubbing his face against that of his friend; the chimpanzee by touching the object of his affection with the lips of his open mouth (a similar gesture is observed only in the child under 2½ years) or by using his tongue in the same way (which is not to be observed in the case of the child).

The astonishment of the human child is accompanied by a deep sigh, while the astonished chimpanzee emits not a single sound. The child's disgust is expressed by a kind of grunting or coughing sound. The chimpanzee under similar circumstances emits no vocalization whatsoever.

All three emotions — astonishment, fear, and excitement —frequently cause the chimpanzee's hair (on his face as well as on his body) to stand on end.

[17] Especially when the stimulus is unexpected.

If moved by curiosity, the chimpanzee nearly always sniffs the object of his interest, another form of behaviour never to be observed in the human child.

But the intentness of the human child is characterized by a special kind of mimicry altogether alien to the ape and consisting of the protrusion of the tongue and the coordination of arm movement [18].

Passing over *to the range of emotional stimuli*, we are again liable to see tremendous differences. Indeed, in considering the three principal emotions — excitement, sadness, and joy — we see that the former actually takes the lion's share in the ape as compared with the latter two, while this emotion is but feebly and rarely manifest in the human child. In direct contrast to Roody, Joni was often found to respond almost passionately to environmental changes, but his responses somehow seemed to lack colour, or, to put it another way, appeared insufficiently differentiated.

As a matter of fact, one got the impression that Joni was at first unable to decide whether the new stimulus was favourable or not. It was as if he, himself, felt uneasy as to what kind of response might follow: whether it would be joy or sadness, and whether the given stimulus dictated self-defence or attack.

A wealth of observations shows the child's reaction to be incomparably more rapid and precise: the human child *either* rejoices or grieves and *either* feels fear or anger, but knows none of these intermediate excited mind states when things have not yet made themselves sufficiently clear and no definite attitude or frame of mind can accordingly be adopted. It appears as if the human child at once grasps the biological purport of every new stimulus and hastens to respond accordingly.

The range of every description of emotions — pleasant, unpleasant, affectionate, astonished, and curious — is indeed incomparably broader with the human child. Suffice it to remember the acute sensation of pain felt by the child crying at even the smallest hurt; or we might remember the tears he sheds in sympathy with his elders and the many other afflictions of the higher order that he is prone to experience, for instance when thwarted in his creative, constructive, or reproductive activities, if disappointed in his ambitions, etc.

None or at best very few of these emotions are shared by the chimpanzee. Of course, a much vaster range of pleasure- and joy-inducing stimuli also move the human child. It is at a very tender age that his ontogenesis reveals him to possess a special form of perceptive joy — the sense of the comical — which not infrequently comes into play as soon as the child perceives a new or unexpected combination of well-known stimuli; the availability of the sense of the comical shows us indeed that the child is capable of perceiving any breach of the norm and, what is more, finds a source of amusement in the element of novelty and even rejoices in it.

The human child is just as depressed by a case of ill luck as he is happy upon reaching a desired goal and this again tends to vastly increase the range of his pleasant emotions.

There seems indeed not to be the slightest doubt that such emotions as curiosity, attention, and astonishment are of an incomparably wider scope in the child — a fact that is well borne out by the speech reactions of the human.

Our comparative investigation into the emotions peculiar to the two subjects plainly reveals their external expression — with the single exception of affectionate behaviour — to be much more obvious in the chimpanzee. We have already seen that his expressions of anger, sorrow, fear, etc. are extreme.

Our general impression is that with respect to the caricature-like expressiveness of his feelings, the chimpanzee is much like the insane, with their extravagant and exaggerated facial expressions and pantomimes.

Regarding the range of emotions — or the latitude and multiplicity of emotion-causing stimuli — our observations show a rather well-defined division between the two subjects: while the chimpanzee tends towards a broader range of feelings such as general excitement, fear, and anger, the human child is affected by a far greater number of stimuli, which are apt to produce joyful, sad, or affectionate responses. Feelings associated with cognition, such as curiosity, astonishment, and concern, are experienced similarly.

Roody was also much more likely to *imitate* adult behaviour, and his *imitative behaviour* was by far more efficient and versatile. While Joni could only imitate separate actions, Roody appeared to be capable of

[18] For example, the child protrudes his tongue under circumstances similar to the following: when handling objects that he is afraid of letting fall down, when carrying too-heavy burdens, during his first attempts at donning a cap, etc.

reproducing a whole series of them. The boy liked to impersonate professional men and tradesmen and would often mimic doctors, automobile drivers, newspaper vendors, museum curators, firemen, photographers, fishermen, and soldiers. On the whole, he was able to pull it off rather successfully. He liked to attire himself in the respective uniform and had a penchant for mimicking voices and gestures.

Moreover, his mimetic behaviour comprised the imitation of grunting, snorting, and singing. He even went so far as to attempt the reproduction of certain animal cries, like the crowing of birds and the squeaking of guinea pigs, or the sounds emitted by inanimate objects, like the ticking of watches, the cracking of curtain rods, the roar of airplane propellers, etc.

It's been said that the entire mechanism by which a child masters speech may be based upon first subconscious, and later conscious, imitation. When told to reproduce such words as papa, mama, baba (grandmother), or nyanya (nurse), Roody (age 1 y. 5 m. 22 d.) enthusiastically shouts them out, but is unable to pronounce an unknown word and mixes up the syllables, which he puts in the wrong order. However, in some three months, following an adult's lead, he is fully able to articulate even entirely novel and unfamiliar sound combinations, though sometimes errs in the successive order of the component syllables.

At 2½, Roody is already able to reproduce three-word sentences and later remembers even long poems from picture books. It stands to reason that Joni lagged behind the boy considerably in this respect — his vocal imitation being confined to mimicking the barking of dogs and the vocalization of his own natural sounds when the observer purposely uttered the same. The little ape seemed to find particular delight in the latter form of imitation.

Moving on to imitative behaviour connected with the use of implements and constructional play, we again see the incontestable superiority of the human child.

How each handles the pencil and hammer may be considered good criteria for comparison here. Despite all his efforts, for example, Joni never succeeded in hammering a single nail into place, while Roody was able to accomplish this feat already at the age of 2 y. 1 m. 10 d.. Notwithstanding Joni's constant fidgeting with a pencil, his accomplishments in the field of drawing never went beyond tracing several intersecting lines, while Roody (at two or three years old) could already master some elementary sketches of nearby objects. Our analysis of the boy's drawings, as well as his concomitant statements [19], shows him to possess a distinct tendency to identify his drawing with the object drawn [20]. His drawings also reveal his ability to grasp more features [21] than the chimpanzee. Thus, the child compares his drawing with the model and attempts to correct his work; if he is unable to do so, he supplements his shortcomings with a vocal description — a fact that confirms the free play of imagination. None of these specifically human traits could ever be observed in the chimpanzee.

Next, let's compare the *egocentric instincts* of the two infants, and their instinctual desire for property. In this section, the first thing that should be mentioned is that the chimpanzee has a far more aggressive way of protecting and safeguarding what he believes to be his lawful property. He also shows greater dexterity, cunning, and skill in acquiring prohibited objects. At the same time, Joni had no capacity for utilizing his property. He would strive to get the desired object, doing his utmost to become its sole owner, then frequently not know what to do with the new acquisition. Unless it was some practical object like bedding, for instance, he would often let it go and appear to forget all about it within moments of procuring it. Once an object was in his possession, however, should anyone attempt to take it away Joni would bristle up in defence and behave as though it were the most precious of his belongings. It sometimes seemed as if the very process of acquisition and not the object itself were his final goal. As a matter of fact, Joni usually showed complete indifference to most of his possessions; but only up to the moment when the danger of losing them arose. As soon as Joni's belongings begin to attract someone else's attention, he would start a desperate fight to retain the object in question.

Now, Roody would certainly accumulate belongings with much greater avidity than the ape, but he was much more likely to amass his collections in a peaceful, quiet manner. He particularly liked little trifles such as sticks and stones and was of course eager to safeguard them, but never displayed the same passionate fervour in

[19]For example, when asked what he has drawn, the two- to three-year-old child answers, "airplane" or "uncle." Sometimes, when drawing, he determines the contents of his sketch: "wheel," "snake," "horse."
[20]At the age of three, Roody made a sketch of something more or less resembling a human being (see Table "Samples of scribblings of chimpanzee and human child", fig 5). Having finished his drawing, he saw he had omitted the hands and exclaimed, "And now where are the hands?" Thereupon he added two lines, which apparently stood for the missing members.
[21]Once, at the age of 2 y. 7 m. 29 d., he made two sketches in rapid succession, both depicting airplanes. On finishing, he pointed to the first airplane and said, "This airplane is not like a real one" then pointed to the second, "This airplane is a good one."

opposing somebody's desire to remove them from his possession. He was likely to differentiate between his and other people's belongings, and would never be particularly averse to parting with objects about which he did not particularly care. For example, when another child asked him for some plaything, he would not infrequently give it away, adding, "Well, why do I really want it?" illustrating that the object in question was of little if any value to him. At times, he would show special preference towards some disabled old plaything and seemed altogether loath to part with it, while a new or recently acquired toy would rank comparatively low in his esteem.

It is quite natural that Roody should have found a much more efficient way to use his belongings than did Joni. Even waste material was "reclaimed" and put to good use in the playful activity of the human child; true, when asked to explain the exact need for this or that small stick or stone, Roody was not always able to give a fully explicit or satisfactory answer; but there always came a time when it would find itself a suitable place in some new structure. Though, again, there were many occasions when the child put the item to immediate use.

The aesthetic and colour preferences of the two subjects are at considerable variance. Joni preferred blue plates, Roody chose red ones. Roody had a much greater tendency towards self-adornment and enjoyed looking at himself when attired in some new garb.

It may generally be said that the child draws his inspiration from the world of real objects and carries it into the realm of cognition. Thus, we know him to possess a definite predilection in favour of some pictures and we are aware of his preferring some books to others. The child moreover exercises *choice and judgement* in his selection of stories. He prefers the fantastic, the humorous, and the lively. He understands imagery and in listening to adventure stories is fully able to give free vent to his powers of imagination.

Nothing similar is observed in the chimpanzee. His mind dwells solely upon the concrete. It may be that the ape's imagination enters into the picture only when he is playing with some part of his own body, or when he purposefully erects obstacles to overcome during play.

The sex instinct was, on the other hand, certainly much more pronounced in Joni. Emotional behaviour was invariably accompanied by sexual irritation, which could be observed particularly often when he was wrestling with a football or some other soft object. Roody never displayed even a trace of excitement under similar circumstances.

In summing up our analysis of *instinctive behaviour*, we find that nearly all instincts find a much sharper and stronger expression in the ape. This applies to such instincts as self-support, self-protection (both defence and attack), the pursuit of freedom, ownership, and social and sexual instincts. There appears to be only a single instinct, namely imitation, in which the manifestations of the chimpanzee fall short of those of the human child.

The **least** divergence between the two subjects is to be observed during *playful activity* and especially games that involve motion.

Roody liked games that might be termed "pseudo-locomotion." Accordingly, he would often set up a long train of toy vehicles, fill them with his dolls or toy animals, and pretend he was off on a railway journey, playing the role of the conductor himself.

When indoors, Roody found particular pleasure in pretending that he was skating or skiing: he would take some kind of plank, place his slippers on top, and begin a series of sliding movements, making believe he was engaged in winter sports.

Nothing even remotely resembling such "pseudo-locomotion games" was ever observed in Joni.

But, while little three-year-old Joni was able to swing about on a door for quite a long stretch of time, Roody could master this feat only at the age of four and, at that, very soon became tired and discontinued the game. It goes without saying that Joni performed every kind of gymnastic exercise (climbing, hanging, swinging, jumping, etc.) with much greater ease and dexterity and with a much more considerable number of bodily movements, a fact which is of course readily explained by the much greater strength and tenacity of the ape's arms and legs. Roody could remain suspended on the door for no more than two to five seconds, while Joni could hang on for several minutes at a time. More than that, Joni could remain suspended upside down for two or three seconds — a feat that Roody could never achieve. Joni showed no signs of fear when jumping from an altitude of two to three meters and even higher; the maximum height Roody could negotiate was never in excess of ¼ meter. Joni

would boldly climb up steep ladders to the second floor of houses; Roody seemed already afraid when reaching a height of two meters, etc.

Our analysis of *competitive games* reveals the following points of divergence.

Joni's "enthusiastic" disposition led him to a display a much greater zest in *competitive games* and he flew into veritable fits of passion whenever *wrestling, playing catch, or taking something away* was concerned. No less passionate behaviour could be observed when he indulged in such competitive pastimes as catching a tossed object, seizing it from its lawful owner, sneaking out of his cage, or fleeing pursuit.

Upon failing to be the victor of a contest, Joni would never cry, but would rather show anger with respect to his opponent; Roody, on the other hand, would very frequently start weeping under similar circumstances. Roody's favourite competitive game was wrestling, a game in which he would always try his best to win.

Our observation of playful behaviour *with obstacles provided* shows that Joni preferred to burden his mouth and legs (of which he made free use for carrying cargo); Roody carried everything in his hands. When Joni overloaded himself with objects (carried in his mouth and between his legs), he seemed to enjoy negotiating the difficulties involved and to take pleasure in stealing objects, climbing through holes [22] etc., Roody, on the other hand, found an unending source of merriment in jumping over barriers, walking and riding a bicycle or in a toy motor car, etc. He seemed to especially like various forms of leg exercise, and was particularly keen to negotiate various risky obstacles that involved retaining his equilibrium (walking over narrow bridges, beams, etc.)

It is interesting to note that Joni, upon hurting himself, would stoically endure the pain, while Roody always tried to avoid painful stimuli and in doing so would exercise principally his dexterity and sense of boldness. Thus, the human child is inclined towards intellectual skill, while the ape principally towards bodily skill.

Playing at *hide-and-seek* again shows *Joni* to find far superior places of concealment than *Roody*.

In his games with *live animals*, we see Joni play the despot and try in every describable way to torture, pursue, beat, worry, and even kill his inferior playmates; the human child, on the other hand, does what he can to involve the animal (toy or live) in his games and makes an effort to set up *organized play*, in which he reproduces a successive series of relevant and logically consistent events that deal principally with such events of adult life as fire, hunting, travel, and the like.

The animistic attitude of the child towards his toys, as well as his powers of *imagination* is particularly manifest in his games. Here, Roody would repeatedly attribute his own feelings to a toy — a cat, cock, hare, or doll — and exclaim, "See the cat cry," "Poor cocky, weeping like anything!" "Rive [the doll] has got something wrong with his throat!" etc. It is clear that the child does not take his own animistic utterances for the truth. He understands that his doll and stuffed animals are "not quite real people," but he nevertheless thinks them to be "like people." For example, Roody once gave his wooden horse a book and told it "to read." In order "to encourage the horse to read," he began himself reading "like a horse" i.e. uttering a series of meaningless and incoherent syllables. On another occasion, he made his doll utter nonsensical statements (apparently "doll-like"?). Evidence like this tends to prove that in his games the child does not substitute one form of reality for another, but rather consciously rises above reality to indulge fantasy and imagination. We see the child create new imaginary realities, but this owes neither to a complete identification with myth or fact, nor to a complete rejection of reality.

The child's creativity consists of the virtual remodelling of reality. It would seem that in this instance at least some similarity can be found with the ape.

But the infant chimpanzee, in his struggles with bogus enemies and in his purposeful erection of obstacles, displays such extraordinary passion, rage, and enthusiasm that one gets the definite impression that he considers real objects either mere puppets (which would amount to a virtual blending of his ego with an alternate reality) or that he perhaps perceives the obstacles in a "matter of fact" way (meaning that no mental substitution is taking place), believing them to be nothing more than tangible items.

In those games that involve both animate and inanimate playmates, the human child frequently adopts the role of both leader and protector and, while acting this part, he makes every attempt to appear magnanimous,

[22]He seemed to find particular enjoyment in picking up this or other object and then dragging his body through some narrow bottleneck aperture, both head and body often becoming entrapped in the narrow opening.

generous, and brave (the latter quality which he may be somewhat lacking in everyday life) and exerts every effort to appear merciful and kind to the game's lowly and oppressed (being in this respect a complete contrast to the ape).

As for the problem of *response to pleasant auditory stimuli*, we find that Roody was eager to find amusement in self-emitted vocalized sounds already at three or four months old (first came incoherent vocalizations, then muttering, shouting, and lastly verse and singing); Joni never exhibited even the slightest trace of pleasure in the utterance of vocalized sounds, and this despite his strongly marked tendency towards making various kinds of noise, such as smacking lips, noisily pulling eyelids, banging hands against various objects, rattling a stretched piece of rubber, etc.

In playful activity of the *experimental kind*, such as the exploration of novel stimuli, like water, fire, sand, and various other eye-catching objects (sharp-edged, transparent, soft, elastic), the writer was able to note the following principal differences:

Roody actually experiments with his environment and not only does he attempt to gain awareness of his surroundings, but he also actually tries to understand *the very root of things*. His interests are primarily directed towards finding a satisfactory explanation for the appearance and disappearance of certain elements. For example, at the age of 2 y. 5 m. 27 d., Roody found amusement in extinguishing a candle and on having blown out the flame, and exclaimed in amazement, "Now, where is the fire?" Next, he began looking for the "lost fire," searching for it under tables, chairs, and other furniture [23].

It is quite the opposite with Joni. He extinguishes a candle with not a single sign of astonishment or dismay. The disappearance of the flame is taken for granted and no inquisitiveness is aroused. In Roody's case, experimenting behaviour was particularly evident when he had occasion to come across a pool or some other body of water. At the age of 2 y. 10 m. 9 d., the boy was already performing actual experiments such as throwing various articles into a pool in order to see which of them would float and which would not; here are some of his comments: "This little lid floats alright" (eagerly following the drift of a small wooden object); "And what about this one?" (before launching another one); "Why does iron not float? Yes, it sinks" (on putting an iron container into water and seeing it become submerged); "A stone does not float" (on seeing it sink to the bottom) "... and my bear floats" (the toy in question was made of wood).

At the age of 2 y. 3 m. 25 d., Roody was observed to have become particularly interested in the tripod of a camera. By gradually lessening the distance between the supports, he seemed to be trying to gauge the smallest range at which they could be set without interfering with the equilibrium of the structure. Every time the distance was reduced, Roody would say to himself in amazement, "Will it go on standing?" At last the tripod tumbled down and the boy concluded, "Won't stand any longer!" On another occasion, upon being given a small watch, he brought it close to his ear and began eagerly listening to its ticking. Then, he began raising the watch to his head, pressing it to the eye, etc., as if trying to find out which conditions were more or less favourable for listening.

The human child gladly reclaims all kind of waste and refuse material and puts it to good use in his games, a trait never observed with Joni.

In playing with hard or sharp objects, Joni was a great deal bolder than Roody: for example, the latter would never dare attempt putting nails into his mouth, something Joni had been observed doing on more than on one occasion. Similarly, Roody never stretched his mouth by inserting sticks, as was Joni's wont, and he confined himself to merely putting twigs in the extended palm of his hand. This again shows how very afraid of *painful sensation* is the human child. Speaking of the use of sticks, branches, and other elongated objects, it seems worth mentioning that while Joni would at best utilize a stick as a tool for reaching remote objects (e. g. for frightening cockroaches out of their holes, or for getting at a suspended chandelier), Roody found sticks and twigs to be highly suitable structural materials and would invent for them no end of useful applications such as making whips, toy airplanes, boats, wells, etc.

Playful behaviour of a destructive nature occupied a much greater share of Joni's free time and was invariably accompanied by far greater gusto, as well as efficiency. Destruction for its own sake seemed indeed to be the

[23] It was only on a single occasion that I was able to observe similar behaviour in Joni. Upon having once rubbed him with turpentine and after the chemical had begun tickling him, I saw the ape start looking about as if in search of the *invisible* enemy who was causing him the unpleasant sensation. However, the chimpanzee's curiosity on this occasion was stimulated by painful sensations and was in no way aroused by cognitive tendencies.

source of the ape's greatest pleasure, and his sharp teeth and strong hands would usually make short business of the luckless prey. Roody was manifestly unable to destroy things with anything like the same speed or totality as were characteristic for Joni. True, he also seemed to find a peculiar pleasure in demolition, but his naturally weaker hands never afforded him the same opportunities in this respect and he often happened to resort to various “tools” for the purpose in question, preference being generally given to stones, sticks, and the like. He also never contented himself with demolishing what was nearby, but extended his destructive activities to what was even beyond his direct reach; as compared with the ape, the human child could also much more frequently be seen throwing a stick or a stone at a definite target. Also, he sought to produce the maximum effect by combining *destruction with construction*. He would make himself bows, wooden forks for shooting, pebbles, toy swords, etc., and found pleasure in firing from toy guns or pistols. Once Roody even made himself a peculiar kind of projectile resembling a shell with poisonous gases. He put some dust into a jug and started throwing it up and down. The tumbling down of the jug apparently gave him the illusion of an explosion, while the escaping dust was intended to represent a cloud of smoke.

It is highly typical that Joni's imitative behaviour should be more effective in *destruction*, Roody's — in *construction*. Roody used tools or instruments for *creating* or **building** something. He used to do his best to build airplanes, boats, railway trains, zoological gardens, houses, telephones, wells, cages, etc., the completion of every new structure invariably greeted with the most exuberant joy. Cf. also Table “Independent structures made by the child in imitation of an airplane” (The child builds a reproduction of an airplane without help).

The child made rapid progress [24] in the design and construction of every new item of his construction projects (cf. the illustrations showing the houses built by Roody at the age of two, 2½, and 4¾ years, respectively).

Contrastingly, Joni succeeded much better in extracting nails than hammering them in; in tearing a trapeze down from its hook vs. hanging it in place; in unlocking a padlock vs. locking it; in untying a knot vs. tying it, etc.

There was a time when both little ones had ninepins at their disposal. These ninepins were of a sort that could be taken apart and put back together again. While Joni could find a great deal of pleasure in disassembling the plaything, mutely appealing to me to put the parts back together every time he had separated them, then immediately beginning the process of dismantling anew; Roody would continuously exercise his ingenuity in both putting the pins asunder and putting them together again, an activity that had not once been observed in Joni.

The tendency towards constructive play is very prominent in the human child and in contrast to the ape leaves destructive behaviour far behind. Mention, however, should be made here of two strange attempts at imitation that Joni did manage to make on two separate occasions. These were an imitation of a string musical instrument and a kind of rattle. The two instances occurred as follows: on one occasion, I saw the chimpanzee draw aside a rubber ring that he had previously placed round his head. A clicking sound followed. Evidently finding pleasure in the sound, Joni fastened the ring to his tooth and began playing on it with his fingers as if it were a musical instrument. Another time he put sawdust into a small bottle and started shaking it, evidently waiting to hear some kind of rattling sound.

On reaching his third year, Roody began engaging in even more building activity. At this stage, one could hardly find any household or other object that he would not want to reproduce in his structures. Of course, relative to real-life structures, the child's buildings must be qualified as coarse, inadequate, and inefficient. But the child takes no heed. He clearly sees the proper place for everything, but instead of putting it there, he jumps into fantasy. He is also extremely creative in describing his games.

Imagination, the ability to take the humdrum canvas of reality and weave on it a multicoloured vista of imaginary events is essentially a human gift, and we find but a poor surrogate on the part of the chimpanzee.

Now that we are nearing the close of that part of our analysis which deals with *playful activity*, it seems necessary to say that among all the kinds of play in which he indulges, the infant chimpanzee most often chooses amusement of the *competitive or gymnastic* kind. The ape passionately indulges in forms of playful activity that are connected with *overcoming obstacles, destruction, killing, or worrying* smaller animals, but imitation and construction are altogether beyond him, being as it were, the specific prerogatives of the human mind. True, both seem to find nearly the same degree of pleasure in playing with objects that *move or make noise*, but *experimental* play as such is incomparably more developed in the human child and bears the definite stamp of

[24] We of course speak of spontaneous improvements achieved during free play activity and not of improvements acquired by learning.

being one of the leading forms of activity that tend to shape the human intellect. In such forms of play, the child, far from being a mere spectator or simple onlooker, takes on the role of the investigator and makes good use of the experimental method, looking into natural phenomena and tracking down explanations. We might even perhaps go as far as to say that the playful activity of the three-year-old child already exposes the very features that will in time permit him to become in manhood the lord and master of nature.

The *initiative* displayed by the human child also gives weight to the argument. As already stated, both showed a definite tendency towards imitative behaviour, but the human subject displayed much greater daring and attempted to reproduce not only what he actually could, but also what was beyond his still weak and inadequate capabilities (c.f. what has been stated elsewhere about Roody's imitation of adults).

The behaviour of the chimpanzee reveals yet another important and distinguishing characteristic: viz. scattered attention. Our observations of his playful activities indeed show an entirely fragmented psychic pattern made up of separate and disjointed elements. His actions may be said to be "mosaic-like:" they begin with a start and are suddenly discontinued, but only to commence again the next moment without any clear reason.

The highly organized play of the human child offers in this respect a striking contrast to the playful behaviour of the ape. In most cases, the play of the human child is found to consist of a consecutive series of entirely relevant and mutually interconnected actions (cf. his play with dolls and live animals discussed elsewhere).

Both subjects are endowed with natural *curiosity*, but it is only in the human child that curiosity extends to the sphere of cognition and it is only with reference to man that we can say that *curiosity* actually passes into *inquisitiveness*.

We may now move to a general discussion of the *intellect* of ape and man (as expressed in inquisitiveness, powers of observation, recognition, identification, generalization, abstraction, comparison, making logical inferences, memory, and imagination). But we must in the very first place make the following important stipulation:

Had we started with evidence based on direct observation, but excluded speech, we would have been obliged to confine ourselves solely to evidence that dealt with the similarities between the two subjects. Considering our subject in this manner, we should indeed have been obliged to place the ape and the human child on almost the same footing.

But would such conclusions be consistent with the true state of things? Have we the right to leave out the child's utterances, which are such a potent a factor that they permit us to unearth a whole wealth of data on child psychology? We would indeed be passing up a hidden treasure. Certainly, it is our duty to dig it out, assess, and take proper stock of all the contents and only then shall we be in a true position to adequately gauge the entire personality of this most interesting and unique creature — the human child.

Having concluded that it is necessary to ponder the speech evidence, let us now consider a number of traits that we will call *human par excellence*, since they find no counterpart in the mind of the ape.

Above all the human child is inquisitive. Already, at the age of 2½ years, he is imbued with the desire to "inquire into everything" and bombards adults with neverending questions. Eager to know the name of every new thing, to understand the meaning of every word, and to grasp the import of every picture, Roody would from the beginning of his third year persistently inquire, "What is it?" However, upon reaching 2½ years, the scope of his questions becomes more extended and, no longer content with knowing the mere names of objects, he poses questions such as: "Tell me all about..." (bread, potato, grapes); "Where does the zebra live?" "Where does the giraffe come from?" "Whys" and "wherefores" are constantly on his lips: "Why have you not got a beard?" "What are clouds?" "Where do they go?" "Can we catch them?" "Why not?" "Can we make the little stars come down?" and so on, and so on, to infinity. Everyone knows that a single answer to a child's "wherefore" often entails a series of consecutive and logically connected further "whys." The child always wants to get back to basics, and sometimes goes so far in this respect that adults are actually thwarted in their attempts at explanation.

The child shows *keen powers of observation*. Once, upon seeing a small line drawn on the floor with an indelible ink pencil, Roody (age 3 y. 0 m. 6 d.) exclaimed, "How it glistens: Why does it glisten? See, I go off and when I am far away it still glistens!" On another occasion (age 2 y. 10 m. 9 d.), he sees two faces on a small rattle; one seems jovial, the other not, Roody exclaims, "The one laughs and the other one does not!" etc.

The child easily finds and identifies various objects in pictures. At the age of 2 y. 9 m. 16 d. Roody knew the names of 85 different objects depicted on the cards of a lotto game. All the easier does he identify concrete objects. At the age of 2 y. 6 m. 13 d., Roody could already distinguish between 45 different animals depicted in his picture book.

At the age of 1 y. 9 m. 18 d., Roody was already able to recognize a whole by its component parts. For example, when I cut some toys into several parts, he told me exactly to what particular toy a given piece belonged. Self-recognition by photograph was first noticed at 1 y. 10 m. 20 d.. Very soon after, Roody recognized his father, mother, nurse, doll, and horse in photos, stating the names of each when asked to do so. He even recognized the writer in a photograph taken 20 years earlier.

Roody possessed a well-developed capacity for generalization, making analogies, and organization by colour, shape, size, or texture of material (elasticity, transparency, etc.).

An example of Roody's generalizations is as follows: from the age of one year to 18 months, Roody called all men "uncle," all young women "Gaga" (after the housekeeper), all elderly women "granny," and all children "Katia" (after a female playmate).

We select from among the considerable data in our records a few examples typical of the child's powers of organization (these are illustrated in Table "Analogization by colour" — Table "Identification of twigs and branches with different objects").

Classification by colour: By comparing a piece of yellow oilcloth with cod-liver oil, the child describes it as "oil.".

"Ham" — a piece of brick-red india rubber.
Classification by colour and form:

"carrot" — an orange nine-pin.
"Balance-weight" — a cob of maize.
Classification by form only:

"horns" — two cone-like figures.
"Moon" — a horseshoe-like piece of marmelade.
"Axe" — a bitten out piece of cheese.
"House" — a bitten out piece of cake.
Classification by the property of transparency:

"Icicle" — a glass funnel; a small bottle, a pipette.
"Bubble" — a translucent stone in a ring.
"Capsule" — small buttons resembling wafers.
Classification by the property of elasticity:

"Rubber" — a long apple-peeling,
"Rubber" — a measuring tape.
Classification by size:

"Mother" — big nails,
"Children" — small nails.

Roody did not always draw comparisons according to the main characteristic. However, very often he did identify a basic trait and *abstracted* it from the secondary characteristics.

Let's look, for example, at Roody's relationship to *airplanes*, which had apparently made a deep impression on the child's mind. Even before he could speak, Roody indicated airplanes with the "gh" sound (for the sound made by the propeller).

Once (age 1 y. 6 m. 27 d.), while playing with some wooden shavings, he discovered a shaving that apparently reminded him of an airplane. He lifted it up into the air and exclaimed: "gh".

Later, the image of an airplane would come back to him whenever he saw anything resembling two surfaces intersecting one another at more or less right angles.

We produce a number of pictures that graphically illustrate 38 cases when an airplane was compared with different objects. The exact age to which every comparison refers is given below the respective figure.

The child thus drew analogies between 38 objects widely differing with respect to texture, shape, colour, and size. (Table "Analogization by form. Identification with 'airplane'" — Table "Analogization by form. — Identification with airplane").

We sometimes had occasion to see that one and the same object (e. g. a bitten-off piece of cheese) would elicit a number of different associations, linked to the original stimulus in various ways. Here is a brief list covering the association-responses to a piece of cheese made between the ages of two to three: carriage, axe (2 y. 17 m. 9 d.); automobile; wood-pecker (2 y. 8 m.); fish (2 y. 11 m. 24 d.) crow (2 y. 7 m.); airplane, seal (1 y. 11 m. 24 d.) rooster (2 y. 0 m. 6 d.); Pl. Table "Analogization by form. — Identification with airplane". Analogies such as these by no means come to the child's mind in a haphazard fashion. For example, if after his statement that the piece of cheese reminds him, say, of a crow, he is asked to point to its head or tail, the child immediately demonstrates with his index finger the particular spot which, in his opinion, ought to stand for the respective part.

The tendency of the child to draw analogies substantiates the theory of the *well-developed imagination of the child*, which appears particularly salient if the comparisons connected with the *perception of plants* are analyzed.

Leaves, flowers, fruits, and twigs are not only seen as real, tangible objects — they also serve as the starting point for a vast number of analogies. (Cf. Table "Identification of plants with different objects", Table "Identification of twigs and branches with different objects").

See below some examples of parallels drawn by the child, between the ages of two and three.

Stimulus	**Statement made in response**
Dry leaf	"gh" (airplane)
Bat	"airplane"
Pine and lime-tree twigs	"caterpillar"
Birch-twig	"seal"
Fir-tree bush	"looks like a crayfish"
Yellow flowers	"pestles"
Twig	"crawfish"
Twig	"reindeer"

It seems certain that in the course of drawing analogies, the child actually compares the stimulus and the respective image in his mind.

Sometimes the child is able to identify instances of similarity and dissimilarity on his own. He also possesses the necessary faculty for qualitative appreciation. On seeing a rather unlucky family portrait made by an ill-suited artist he (age three) exclaims, "Father! Mother!" But straight away adds, "Father not like this! Mother not like this! I not like this!" He even volunteered the explanation, "Mother has a nasty face. Father has a nasty face. I have nasty hair. I am very nice really."

On examining picture books, Roody (age 2 y. 6 m. 7 d.) very keenly perceived similarities between the people in the book and his acquaintances.

Both subjects liked gazing at their *mirror image*, but only Roody (age 1 y. 6 m.) associated the reflected image with reality, as for instance on an occasion when he looked back upon seeing the reflection of his grandmother and began looking first at her and then at her image in the glass.

The reactions to the mirror are of considerable interest. On first seeing his image in the glass (age 1 y. 4 m. 27 d.), Roody (just like Joni) spat at it and began banging it with his fist. When asked, "Who is there?" and upon seeing the author and himself in the mirror, he replied, "Mother, uncle" (he called all male humans "uncle"). Obviously he failed to recognize himself in this instance. But soon (age 1 y. 9 m. 19 d.) he began to identify

himself with the image and gave an altogether different response. On bringing his face quite near the mirror, he kissed the image. And upon being asked, "Who's there?" he immediately gave his nickname and even added on his own initiative "Nice boy." Joni got used to the mirror after some time and made no more threatening gestures, but he could never be observed to kiss or otherwise proffer endearments to his image, and whether or not he actually identified himself with the reflection remains yet an altogether moot question.

On another occasion, I saw Roody make the following interesting *comparison*. On seeing three white enamelled nails in his bed — two of which were small and one of a larger size — and on further noticing that one of the smaller nails had a little black spot on it, Roody said, "Mother, [the big nail] has no coal [no coal — no black speck]; child — coal, other not." He evidently meant that one of the smaller nails or "children" had a black spot on it, while the other one had not. This utterance was made when Roody was 2 y. 0 m. 23 d. old.

At the age of 2 y. 6 m. 21 d., he was once being read to. The text was as follows: "Two boys hold a wild hairy cat." At the time of the reading, Roody was shown a picture in which a boy is holding a cat. Roody immediately remarked, "And the other one does not" (meaning: does not hold the cat).

Examining an automobile at close quarters, Roody makes a comparison with his own toy motorcar at home and says, "Father, it has not got a steering wheel, has it?" Then, coming nearer and scrutinizing the machine, he remarks, "Father, what a funny wheel. We've not got such a wheel at home. They have notches on it, and ours has none."

The child has a well developed *memory*.

Once (age 3 y. 1 m. 13 d.), Roody happened to break a porcelain cup. On the cup, there was an illustration of a boy in a green hat and mauve-coloured trousers with a flower in his hand. He immediately burst into tears. In order to comfort him, he was given a similar cup on the very same day. The new cup differed from the original only with respect to some minor details (notably, the boy was wearing a blue hat rather than a green one). Everybody was sure that the boy would *notice no difference*, and he was told that an *identical* cup had been bought. No sooner had he seen the cup that he exclaimed "Green hat!" I erroneously thought he had either forgotten or mixed up the colours and asked him, "What about the pants?" He answered, "Pants and this (pointing to the flower) are like!" (They were the same). Then I again asked, "What colour is the boy's cap?" And he answered correctly, "Blue." His first remark meant that he remembered the colour of the boy's hat on the broken cup, and that he had an altogether clear recall of all the colours in the original depiction.

Once, at the age of 2 y. 9 m. 20 d., the boy remarked, "A chip of wood is hanging from the dog's mouth" (it was in fact some hair). Next day on seeing the dog in full order he inquired, "Why hasn't he got anything in his mouth?"

The child's spontaneously formed *conditional reflexes* number at least 100. Roody left the ape far behind in this respect, especially in auditory-auricular reflexes (e.g. his reciting verse and prose from memory). The gesture language of the chimpanzee relative to that of the human child is incomparably poorer, and in contrast with that of the child appears much more closely connected with the emotions, whereas in the case of the human child gesticulation essentially reflects the thinking activity of the mind.

The incontestable advantage of possessing the gift of speech goes of course without special mention. It is notably through the faculty of speech that we perceive the child to be the full master of logical thought, permitting him to make inferences, draw conclusions, and understand phenomena within his immediate environment.

On the other hand, it is the very lack of the speech faculty that prevents us from making any definite non-experimental conclusions as to whether the ape really possesses any of the intellectual processes that are so easily revealed in the human child.

Hereunder are several examples illustrating the child's independent thinking. Each example is an utterance corresponding to a definite intellectual process.

Judgment or supposition. On seeing a sleeping man on the boulevard (evidently drunk), Roody (3 y. 0 m. 25 d.) inquires: "Why has uncle's head gone down? Perhaps he's got a headache."

Practical generalization: Roody asks, "What is the little duck made of?" (The material was cellulose). Answer: "I do not know." Roody: "And I do. It's made of eggshell." (Deduction based on two characteristics: colour and brittleness).

Conscious understanding of speech: After the boy had been ill for a certain time somebody said, "How thin he has grown! Quite worn out!" He retorts, "Am I so worn out? And where are the holes then?"

Logical inference: "You must not throw your galoshes about. You'll break them!" Roody: "But what are they made of?""Rubber." Roody: "But rubber won't break, will it?"

Deduction: Roody: "May I eat eggshells?" His father: "No, only birds eat it." Roody (some time later): "Father, am I a bird?" His father (having forgotten what he had just said and perceiving no mischief), "Yes, you are my darling, little birdy!" Roody: "Well, then I am going to eat eggshells."

Attempts at humour. One of the members of the household: "This is no joke." Roody: "What is a joke?""When somebody says something funny on purpose." The boy starts uttering the meaningless word bandyuk (corrupted from the Russian: indyuk — a male turkey). On being asked why he persists repeating the word he laughingly replies, "It's a joke, isn't it?"

Such utterances give some insight into the as yet poorly understood psychic processes that are involved in the depths of the child's mind.

We might compare the spoken words of the human child to the rays emitted by a genuine diamond, which gathers diffused light, refracts it, and returns an amazing shower of glistening rays to our wondering eye; its brilliance permits us to judge both the quality of the stone and of its cutting.

Just so a child's speech — its imagery, its colourful play of halftones, its wonderful many-sidedness, all this lays bare the human mind and permits us to see how beautiful, unique, and above all *progressive* is the human soul!

Quite different is the impression derived from our analysis of the chimpanzee's mental capacity.

Taking our comparison further, we might liken the chimpanzee's dim, groping mind, not to a genuine diamond with its wonderful play of colours or to an unpolished gem with all its tremendous promise, but to grey, ordinary graphite.

As soon as we decide to take stock of the child's speech, we shall be obligated to disregard all evidence that indicated equality between the minds of the three- or four-year-old child and the chimpanzee of the same age. This evidence will now be replaced with other markers that favour the human child. But even the strongest evidence that points to the incontestable quantitative superiority of man seems so feeble that one feels tempted to exclaim, "No, not only more — better! Qualitatively different! Without comparison!"

Now, let's move from analysis to synthesis.

What, after all, is the contemporary chimpanzee? Not only is it impossible to say that he is "almost human," but we must also go even farther and state quite definitely that he is "by no means human," — and this on the grounds of the following evidence:

Similarities between the human child and the infant chimpanzee do exist in many spheres, but it is possible to speak about *general similarity* only when the subjects are *casually and superficially observed*. Common features are actually found in some types of playful behaviour (mobile games, experimental play), in the expression of certain emotions, in conation (particularly destructive behaviour), in some conditional reflexes, in a few intellectual processes that the two have in common (curiosity, recognition, identification), and in certain undifferentiated sounds. But as soon as we deepen our analysis and attempt to understand where to mark the two "equal," we at once behold the sheer impossibility of doing so, and feel obliged to mark "unequal," now the chimpanzee, now the man.

On the whole, it is possible to say that, the more biologically significant the functions we examine, the greater the ape's primacy over man. But, on the other hand, the higher and more intellectually refined the psychological attributes we review, the more we feel convinced of the supremacy of *Homo sapiens*.

Our analysis further reveals man to possess many traits that the chimpanzee lacks altogether. Comparative studies obviously become irrelevant here and must stop short. In the category of *functional biological features*, we can classify erect walking and carrying objects by hand; in the category of instinct, emitting purely human sounds such as loud laughter, singing, and the reproduction of words; with respect to egocentric instincts,

the chimpanzee knows not what to do with acquired property, while his social instincts are not sufficiently developed to allow for organised *peaceful* interaction with inferior living beings; as for emotions, the chimpanzee is completely lacking moral and altruistic feelings, as well as a sense of the comical (which is developed from a comparatively early age in man); in the category of play, the chimpanzee seldom indulges in the kind of creative or building games in which man excels; as for the higher conduct of the mind, we find in man faculties such as imagination and logical speech; our analysis of habit-forming shows that it is only the human child who is capable of flawlessly acquiring useful practical habits; lastly, our analysis of habit forming shows that it is only the human child who is capable of perfectly acquiring practically useful habits.

On the other hand, it is quite remarkable that we should fail to find in the chimpanzee even a single psychological trait that would not also belong to man at some stage of his development.

Even such manifestations as would seem to be inherent to the chimpanzee only, such as walking on all fours (motor skills); sniffing or licking food, making threatening gestures, biting (instincts); general excitement gestures (emotion); playing with sharp instruments (play); specific gesture language (conditional reflexes); providing improvised obstacles (conation) — all these varied forms of behaviour find themselves a pretty close counterpart in the manifestations of the human child.

The only specific trait of the chimpanzee with apparently no analogy whatsoever in human behaviour is the modulated grunting “oh-oh” sound ending in a bark (accompanying general excitation), and perhaps also the howling and rattling sound of anger and vexation. I never heard Roody make any sounds of this description, but I am certain that he might have been able to reproduce the latter two, provided he had been given suitable time for training.

We reached a peculiar set of conclusions in connection with the foregoing.

If we plot the principal mental and physical characteristics of a three- to four-year-old chimpanzee against the consecutive ontogenetic periods of human life, we obtain the following analogies:

Judged by his wrinkle-furrowed face, the three- or four-year-old chimpanzee reminds us of a kindly old man of at least 60 or 70 years of age.

With respect to the development of running and climbing, as well as the senses (sight, hearing, etc.), both our own investigations and others put the ape on a level that even surpasses that of an adult in the full bloom of his vitality (24 to 35 years of age).

The strength of the ape's hands and teeth outstrips that of a well-developed youngster (16 to 18 years of age).

The development of the chimpanzee's vitally important instincts (self-support, self-protection, property, social, etc.) surpasses that of a seven-year-old child.

The strength and expressivity of his emotions are comparable to that of the mentally ill, whose behaviour bears a striking semblance to the restless excitement and plaintive hand movements of the troubled chimpanzee.

The playful behaviour of the chimpanzee insofar as destructive, mobile, competitive games are concerned puts him on par with a human child of the same age (18 months to four years), this being the only point of tangency in our parallel.

At the same time, our analysis of the playful behaviour of the chimpanzee as expressed in games involving *creative* (and building) activity does not permit us to place him any higher than at the level of the one-year-old to 18-month-old child.

He remains on about the same level or even lower (corresponding to a six-month-old to two-year-old child) when we consider his ability to form conditional reflexes.

With reference to gesture language and vertically erect walking, we cannot put him on any other level but that of a nine-month-old to 18 month-old-child.

In those vocalizations that show any resemblance to the sounds emitted by the human child, e. g. coughing, snorting etc., the respective level is reduced even further, to the first day of the human child's life to two or three months of age.

And lastly, no comparison with the child whatsoever can be drawn with respect to articulate sounds (such as voiced laughter, singing, speech).

Almost all of the 25 sounds that we have on record and that Joni was capable of emitting when moved by various emotional stimuli have a definite counterpart in Roody's vocalizations. At the same time, as early as eight months, Roody was already capable of reproducing a four-letter word while he freely indulged in spontaneous word building at the age of one. By the time he was 1 y. 2 m. 20 d. old, he had already started using words for calling things by name, rapidly enriching his vocabulary with every subsequent day. In so doing, he could be seen to display a fervent desire to accumulate an ever-increasing supply of new words and eagerly asked to be told the names of surrounding objects. At the age of 1 y. 5 m. 10 d., he began uttering sentences, first using only two words, growing to three words by the age of 1 y. 8 m. 2 d., and to four words by 1 y. 11 m. 2 d.. Thereafter, the child invariably accompanied all his daily activities with unceasing chatter and unrestrainedly poured forth the full contents of his mind, permitting the observer to readily witness all the intricacies of the hitherto concealed intellect with all its keen powers for observation, identification, abstraction, and logical inference.

Now it seems particularly opportune to stress the fact that the infant chimpanzee, though possessed of the rudiments of quite a number of purely human traits, *altogether fails to exercise the respective faculties*, and will not even do so if apt to gain definite advantages there from.

Thus, the chimpanzee is fully capable of taking a few steps in a vertically erect posture and will always stand erect when trying to find his bearings in open or unknown country, but never had I occasion to see Joni spontaneously exercise a vertical gait.

The chimpanzee frequently wants to carry some object, but can invent nothing better than to drag it with his foot, often losing the article on the way and always impeding his progress by the clumsily hauled burden. But this fact will never prompt him towards the vertical posture [25] or induce him to start carrying objects in his hands.

The infant chimpanzee constantly hears human vocalizations, responds correctly to spoken directions, uses his own natural sounds for expressing his emotions, and acquires complex conditional reflexes for the mimetic expression of his desires. But never once has there been any evidence that the chimpanzee would try to imitate the human voice or to master even the most elementary words, with which he could have facilitated interaction with his master.

More than that, the experiments conducted by Professor R.M. Yerkes have plainly shown that no amount of training will ever teach the chimpanzee to acquire the command of human speech.

The chimpanzee is more than keen to experiment with various objects, or explore them; he is also highly eager to acquire this or that coveted article and he is apt to become very competitive when it comes to rights of ownership. But no sooner has he received the desired object, than he begins destroying it or, at best, leaves it to lie idle.

The few scribblings by the chimpanzee in the possession of the author fail to give even the slightest indication that the ape had made progress in either drawing or penmanship. It would even seem that the main pleasure derived by the chimpanzee from handling pencils, chalk, or pens consists not so much in the drawing of a certain pattern as in the very act of handling the respective drawing instruments.

When brought into a human environment, the chimpanzee lacks any desire at all to learn the correct use of various household utensils (such as containers, spoons, forks and the like), though he *would* actually be able to do so if he only cared. He never gets tired of *being waited on*, in which respect he offers particularly striking contrast to the human child.

Ardently as the infant chimpanzee clings to other living beings, strong as may be his wish to interact with them, never will he adopt any other attitude towards an inferior creature but that of persecutor and killer. At the same time, if he had not made comrades of the lower animals, he would have at least made playmates of them.

To sum up: 1) *In the functional biological field*: the chimpanzee fails to walk erect and thus free his hands for carrying burdens; 2) *In the sphere of imitation*: the chimpanzee is devoid of imitation insofar as human sounds are concerned and generally fails to extend or improve his imitative behaviour; 3) *With respect for*

[25] Which is physiologically quite possible, since there are several cases on record when anthropoids kept in zoological gardens **did** walk about fully erect.

emotional, altruistic, and social behaviour: the chimpanzee fails to understand the advantages of friendly and sympathetic interaction with creatures on a lower biological level than himself; 4) *With regard to habit-forming*: the chimpanzee does not improve in motor skills associated with the use of tools and household implements; 5) *In the sphere of playful behaviour*: he does not indulge in creative building play.

It seems difficult to predict how far the chimpanzee **might** go by way of acquiring essentially human features, but one thing seems certain, and it is that the chimpanzee — this strong, sanguine, strong-willed, and very active animal — actually fails to possess any *inherent tendency towards progressing* in the above directions, his failing being especially plainly marked where he is handicapped or thwarted by nature.

All the stronger is the contrast with the human child, who boldly dares to overcome his mental and physical deficiencies.

To illustrate this point even further, let us remember that the human child, with his weak little hands, is naturally unprepared for climbing, but he nevertheless does climb. He will tumble down, hurt himself, and start crying, but will at last learn to ascend a tree or roof (true, with perhaps less dexterity than the chimpanzee). Years will go by and he will don spiked boots and a mountaineering costume and rise to greater elevations than the chimpanzee had ever dreamt of. The human child lags far behind the ape in running, but after the age of three he jumps onto his skis or skates and leaves the chimpanzee far behind on snow and ice. Later, in some 20 years or so, he will break world records in motorcars and high-speed electric trains. In contrast to the chimpanzee, the child is afraid of jumping from any considerable elevation and cannot leap from tree to tree as the chimpanzee will, but he is possessed with a frantic desire to fly; so at the age of three, he runs about the room with outstretched arms crying, "Let's fly!" Soon, he will board airplanes and conquer the air in high-altitude flying machines and dirigibles.

And so in everything: the weak jaws of the child are made stronger by the use of tools, as when he rapidly breaks with a stone the same kernel that the ape had been gnawing with his teeth, or, when he may resort to an axe, vice, or hammer instead of using his arms and hands as would be the wont of the chimpanzee under similar circumstances. And then it is revealed that the very weakness of man is the source of his strength. Man's power breaks forth from the very fact that he has overcome natural impediments and obstacles.

It may even be that this very process of mastering physical shortcomings was responsible for making man's primordial ancestor what he has become: the genus *Homo sapiens*.

Thus, it was the natural weakness of the human body — notably the weakness of teeth and arms — that prompted primeval man to toil, use tools, and become technician and inventor.

The poorly developed vital egocentric instincts of man (such as self-support and self-protection) had to be compensated by a strengthening of his social and altruistic behaviours, which later took the form of organised interaction.

Great emotional vulnerability (the wide range and considerable intensity of painful sensations) led on the one hand to the development of the feeling of compassion (which borders on morality and altruism), and on the other hand brought about a particularly pleasant state of mind (the sense of the comical), which may have sprung up as a kind of antidote to the feeling of dejectedness.

The insufficient expressivity of man's facial expressions may have stimulated the wider use of the vocal organs, resulting in numerous and varied vocalizations.

At the same time, the existence of organized interaction was persistently claiming more differentiated forms of mutual understanding than stereotyped facial expressions and so it happened that articulated speech came into being.

It may be that a remote ancestor of man, placed as he was in a hostile or barren environment, had constantly to gain greater skill in his struggle for existence and, in order to get possession of the necessities of life, was obligated to endure a fierce struggle that ultimately resulted in the conquest and subjugation of nature. But his conquest of nature involved creative effort and creative effort is intrinsically bound up with *imagining that which is not yet there*, but has to be either obtained or in some way devised. And so it was that the lack of necessities or the difficulty of procuring them led to a vision of the *things that ought to be*, thus giving rise to fantasy and eventually to its shadow — art.

Such appear to be the main prerequisites for genesis of the seven specifically human attributes: labour, inventive faculty, organized intercourse, moral feeling, sense of humour, speech, and art.

"Forward and upward!" seems to be the subconscious motto of man long ere he recognized the thinking being in himself. It appears as if man, in the course of evolution, has been continuously adding more and more talents to the one or two that nature had at the beginning given him.

On the contrary — the child chimpanzee — inasmuch as we know him — does not seem to be in any way inclined to augment his talents; one even gets the impression that the ape has buried the one talent he had.

All this brings us to understanding the chimpanzee as a creature obdurate in its limitations, *regressive* as compared with man, and unable or unwilling to go any further in its development.

"Was ein Haeckchen werden will krummt sich bei Zeiten" (a hook becomes bent beforehand) — and if the infant chimpanzee fails to progress relative to the man even at the most tender age, there are but few chances that he should be able to go much further in later years, when his mind has become fully formed.

And now, as I come to the end of my comparative study, it seems as if the bridge by means of which I had all the time been endeavouring to span the gulf between ape and man has all gone to pieces...

Day in and day out, with infinite care and patience, steadily checking on the strength of each structural component, did I construct this bridge. All the time, it seemed to me that I was nearing the completion of a stupendous structure, which was to link up the previously disjoined — and all of a sudden what came, but complete collapse!

I thought that I might take my two little ones, each from his own side, and bring them to the middle of the bridge so that after their long and arduous journey they might here at last shake hands.

But what did I find?

If in the beginning of my task (in the morphological and biological part), my bridge had but few gaps, which might easily have been ignored and against which my two subjects but occasionally stumbled — a yawning abyss opened itself in the culminating point of the structure when I came to its end. The crown of the bridge, the meeting point of intellect and progress, nay, the very spot from whence the chasm seemed the most bottomless and terrifying — that very spot indeed — suddenly collapsed and into it, head first, full speed ahead, down went the chimpanzee, leaving his human counterpart high, high above, bewildered, perplexed, and wondering where had gone the one to whom he was just a second before been quite ready to fraternally extend his hand.

Would I ever be able to bring the chimpanzee up to the level of man, and perhaps with new trials find in him the kind of human-like features that the primitive Paranthropus would have needed to possess in order to become Homo sapiens? I hope to find the answer in the third part of my experimental study: *Ability of the chimpanzee to distinguish form, size, quantity, and number; and his capacity to ascertain likeness and dissimilarity, forming analysis and synthesis.*

Only after having made a complete and exhaustive comparison between the mental capacities of the child and the ape shall we be able to delve into the problem of genealogy and finally learn to what extent the two are true congeners.

Приложение D. List of Hatched Drawings and Sketches

The Face of the Infant Chimpanzee. Табл. 1
My chimpanzee Joni (age 4)

The Face of the Human Child. Табл. 2
My son Rudy (age 4)

Table "The face of the chimpanzee in quiet state". Табл. 1.1
Fig. 1. En face
Fig. 2. Profile

Table "Hand and sole lines of chimpanzee and man". Табл. 1.2
Fig. 1. Hand lines of the chimpanzee Joni
Fig. 2. Hand lines of the human infant
Fig. 3. Sole lines of the chimpanzee Joni
Fig. 4. Sole lines of tne human infant

Table "Difference in pattern of hand and sole lines with chimpanzees of different sex and age". Табл. 1.3
Fig. 1. Left hand lines (chimpanzee "Peter" 8 y.)
Fig. 2. Right hand lines of the same ape
Fig. 3. Right hand lines (chimpanzee ♀"Mimosa" 8 y.)
Fig. 4. Lines of sole of left foot ("Mimosa")
Fig. 5. Lines of palm of left hand of the same ape
Fig. 6. Lines of sole of right foot of the same ape
Fig. 7. Lines of sole of left foot (♀ chimpanzee 3 y.)
Fig. 8. Lines of palm of left hand of the same ape
Fig. 9. Lines of sole of right foot (chimpanzee Peter)

Table "Sitting postures of the chimpanzee". Табл. 1.4
Fig. 1—5. Static postures of the sitting chimpanzee
Fig. 6. Potentially dynamic posture of the sitting chimpanzee

Table "The chimpanzee's tenacity of arms and mobility of legs". Табл. 1.5
Fig. 1. The chimpanzee climbing to bar with his hands
Fig. 2. The chimpanzee ready to swing
Fig. 3. Leg mobility of sitting chimpanzee
Fig. 4. Leg mobility of standing chimpanzee

Table "Standing postures of the chimpanzee". Табл. 1.6
Fig. 1. The Chimpanzee, excited, stops his walk
Fig. 2. The excited chimpanzee after arising erect

Table "Typical location of wrinkle furrows with different facial expressions". Табл. 1.7
Fig. 1. The mimics of attention
Fig. 2. The mimics of excitement
Fig. 3. The narrow smile
Fig. 4. The broad inviting grin
Fig. 5. The chimpanzee laughing
Fig. 6. The chimpanzee crying

Table "Typical changes in the location of face furrows with different facial expressions of the chimpanzee". Табл. 1.8
Fig. 1. Expression of timidness
Fig. 2. Expression of fear or terror
Fig. 3. Expression of anger

Fig. 4. Expression of frenzy
Fig. 5. Expression of disguest
Fig. 6. Expression of astonishment

Table "Postures connected with the depression of the chimpanzee". Табл. 2.1
Fig. 1. The chimpanzee sad
Eig. 2. The chimpanzee in low spirit
Fig. 3. The chimpanzee slightly depressed
Fig. 4. The chimpanzee strongly depressed

Table "The lying postures of the chimpanzee awake and asleep". Табл. 3.1
Fig. 1. The chimpanzee merrily rolling about on his back
Fig. 2—3. The chimpanzee asleep

Table "The postures of the aggressively-disposed chimpanzee (Reaction to mirrcr)". Табл. 3.2
Fig. 1. Threatening gestures
Fig. 2. Liffing arm, ready to hit image
Fig. 3. On his way to attack

Table "Manual exploration of intriguing objectes". Табл. 3.3
Fig. 1—3. Exploration of a tissue sown in relief

Table "The chimpanzee frying to find amusement and bored". Табл. 3.4
Fig. 1. Amusing himself by opening and shutting jaws
Fig. 2—3. Amusing himself by rotation of tongue
Fig. 4. Amusing himself by moving limbs
Fig. 5. The chimpanzee bored

Table "The generalization of the child". Табл. 4.1
Fig. 1—9. Recognition of 9 buttons widely differing with respect to colour, size and material. The child (10 months) has mastered the generalized notion of "button"

Table "Analogization by colour". Табл. 4.2
Fig. 1. A bottle with cod liver oil
Fig. 2. A piece of oil-cloth — "fat" as defined by Roody at 2.11.16
Fig. 3. A carrot
Fig. 4. An orange nine-pin, defined as "carrot" by Roody (1 y. 11 m. 14 d.)
Fig. 5. A weight from a clock
Fig. 6. A corn-cob, defined as "weight" by Roody (2 y. 1 m.)

Table "Analogization by form. Identification with 'airplane'". Табл. 4.3
Fig. 1. A splint — "gh" (Roody's reaction, meaning airplaine; age: 1 y. 6 m. 27 d.)
Fig. 2. A pulverizer: Roody's reaction at 1.8.16
Fig. 3. A doctor's hammer for auscultation Roody's reaction at 1.10.15
Fig. 4. A stamp-handle 1.11.24
Fig. 5. V-shaped twig 1.11.24
Fig. 6. Pattern on tablecloth 2.2.1
Fig. 7. Tramway wires crossing 2.2.1

Table "Analogization by form. — Identification with airplane". Табл. 4.4
Fig. 1. Callipers—"gh", Roody's reaction meaning airplane, age: 1.7.3
Fig. 2. A bent twig — "gh", Roody's reaction meaning airplane, age 1.8.14
Fig. 3. A piece of coral — "gh", Roody's reaction meaning airplane, age 1. 11. 24
Fig. 4. Charred — out decorative pattern — "gh" Roody's reaction meaning airplane, age 1.8.27
Fig. 5. Figure "4" sown out on pillow-case— "gh", Roody's reaction meaning airplane, age 1.8.0
Fig. 6. A hauser — "gh", Roody's reaction meaning airplane, age 1.2.2
Fig. 7. Flying seed from maple-tree — "oh", Roody's reaction meaning airplane, age 2.2.4

Table "Analogization by form. Bitten out pieces of cheese and biscuits identified with different objects". Табл. 4.5

Fig. 1. “Axe” as defined by Roody, age 2.7.0
Fig. 2. “Motor-car” 3.2.0
Fig. 3. “Wood-pecker” 2.8.0
Fig. 4. “Motor-car” 2.8.0
Fig. 5. “Cat in car” 4.0.18
Fig. 6. “Uncle in motor-car” 3.10.6
Fig. 7. “Ship” 2.8.0
Fig. 8. “Carriage” 2.9.0
Fig. 9. “Rooster” 2.7.0
Fig. 10. “Crow” 2.7.0
Fig. 11. “Motor-car” 2.6.0
Fig. 12. “House” 1.11.24
Fig. 13. “Motor-car” 3.0.O
Fig. 14. “Aunty” 3.8.0
Fig. 15. “Shoe” 1.11.21
Fig. 16. “Moon” 1.10.13
Fig. 17. “Boat” 3.0.0
Fig. 18. “Uncle in sledge” 3.8 0

Table “Identification of plants with different objects”. Табл. 4.6
Fig. 1. “A crab” — a spruce bough with cones, (age: 3 y. 0 m. 9 d.)
Fig. 2. “Mortar” — flowers (age: 3 y. 0 m. 9 d.)
Fig. 3. “Hedge-hog” — flowers (age: 3 y. 0 m. 9 d.)
Fig. 4. “Dragon-fly” — a dairy with most petals torn off (age: 3 y. 0 m. 9 d.)
Fig. 5. “Airplane” (“gh”) — a faded leaf (age: 2 y. 0 m.)
Fig. 6. “Snail” — a half broken stem (age: 3 y. 0 m.)

Table “Identification of twigs and branches with different objects”. Табл. 4.7
Fie. 1. “Catterpiller” — a birch-tree branch (age 3 y. 1 m.)
Fig. 2. “Catterpiller” —a pine-tree branch (age 3 y. 1 m.)
Fig. 3. “Crabfish” — a ramified branch (age 3 y. 0 m. 28 d.)
Fig. 4. “Stag” — a dychotomic branch (age 3 y. 1 m.)
Fig. 5. “Goose” —a dry twig (age 3 y. 2 m.)
Fig. 6. “Seal” — a dry twig (age 3 y. 2 m.)

Table “The child's colour preferences. Preferred (fig. 1, 3, 5, 7) and refuted (fig. 2, 4, 6, 8)”. Табл. 4.8
Fig. 1. An orange flower made of velvet
Fig. 2. A green flower made of velvet
Fig. 3. A pink flower made of paper
Fig. 4. A pale blue flower made of paper
Fig. 5. A red button
Fig. 6. A greenish-blue button
Fig. 7. A yellow hat
Fig. 8. A green hat

Table “Independent structures made by the child in imitation of an airplane”. Табл. 4.10
Fig. 1. Roody in (1 y. 8 m. 14 d.) having put one hrick on another says “gh” (airplane)
Fig. 2. Roody (age 1 y. 9 m. 5 d.) on having put one bisquit on top of another said “gh” (airplane)
Fig. 3. A bent wire found by the boy
Fig. 4. The same wire bent by the boy termed “airplane” (age 2 y. 2 m. 9 d.)
Fig. 5. Twigs found by the boy (age 1 y. 11 m.)
Fig. 6. The same twig bent by the boy termed “gh” (airplane)
Fig. 7. Wheel pierced by pencil called “gh” (airplane) (age 1 y. 7 m. 10 d.)
Fjg. 8. Feather placed on lop of stick colled “gh” (airplane) (age 1 y. 8 m. 6 d.)
Fig. 9. Wooden chick perched on pencil called “gh” (airplane) (age 1 y. 10 m. 11 d.)

Table “Samples of scribblings of chimpanzee and human child”. Табл. 4.9
Fig. 1. Scribbling of Jony — first stage of drawing
Fig. 2. Scribbling of Roody. First stage of drawing

Fig. 3. Scribbling cf Jony, — second stage
Fig. 4. Drawing of “Mother” by Roody at the age of 3 y. 0 m. 8 d..

Приложение E. List of Photo plates

Table “Lying Postures of Man and Chimpanzee”. Табл. B.1
Fig. 1. Joni asleep
Fig. 2. Roody (age 3 m. 21 d.) lying down

Table “The Chimpanzee's Sitting Postures”. Табл. B.2
Fig. 1—4. Chimpanzee sitting on flat ground
Fig. 5. Chimpanzee sitting on knees

Table “The Chimpanzee's Typical Standing Postures”. Табл. B.3
Fig. 1—4. Typical standing posture; supported by arms

Table “The Chimpanzee's Unusual Standing Postures”. Табл. B.4
Fig. 1—4. Unusual way of standing, unsupported by arms

Table “The Chimpanzee Walking and Running”. Табл. B.5
Fig. 1—2. Slow locomotion
Fig. 3—4. Running (profile view)
Fig. 5—6. Running (en face view)

Table “The Chimpanzee's Climbing”. Табл. B.6
Fig. 1. Catching hold of tree
Fig. 2—3. Climbing up tree

Table “The Eight Typical Facial Expression of the Chimpanzee”. Табл. B.7
Fig. 1. The mimics of excitement
Fig. 2. The mimics of attention
Fig. 3. The mimics of astonishment
Fig. 4. The mimics of disgust
Fig. 5. The mimics of anger
Fig. 6. The mimics of fear
Fig. 7. The mimics of sadness (crying)
Fig. 8. The mimics of joy (laughter)

Table “Combined or Ambiguous Facial Expressions of the Chimpanzee”. Табл. B.8
Fig. 1. The mimics of fear and anger
Fig. 2. The mimics of curious attention and fear
Fig. 3. The mimics of intense attention
Fig. 4. The mimics of boisterous laughter
Fig. 5. The mimics of crying with anger
Fig. 6. The mimics of astonishment and strife

Table “The Six Consecutive Stages of General Excitement of the Chimpanzee”. Табл. B.9
Fig. 1. Slight bristling, straining of muscles and protrusion of lips
Fig. 2. Strong bristling, protrusion of lips lifting hand
Fig. 3. Partly rising to vertical posture.
Fig. 4. Bending of body, previous to making it erect
Fig. 5. Making body erect and stretching out arms.
Fig. 6. Maximum stretching of body, lifting up arms

Table “The Mimics of Excitement of the Chimpanzee (six consecutive stages)”. Табл. B.10
Fig. 1. Protruding of lips
Fig. 2. Humping of lips
Fig. 3—4. Trumpeting of lips
Fig. 5—6. Trumpet-like unfolding of lips

Table “The Chimpanzee Specifically Excited Preliminary to the Onset of Various Emotions”. Табл. B.11

Fig. 1. Excitement mingled with sorrow
Fig. 2. Excitement mingled with anger
Fig. 3. Excitement mingled with joy
Fig. 4. Excitement mingled with fear

Table "The Mimics of Joy of the Chimpanzee". Табл. B.12
Fig. 1—2. The Chimpanzee in high spirits
Fig. 3—4. The narrow grin of the Chimpanzee
Fig. 5—6. The broad grin of the Chimpanzee
Fig. 7. The boisterous laugh of the Chimpanzee
Fig. 8. The Chimpanzee's laughter

Table "Postures and Gestures of the Frolicsome, Merry Chimpanzee". Табл. B.13
Fig. 1. The Chimpanzee in high spirits
Fig. 2. The Chimpanzee is tickled
Fig. 3. The Chimpanzee is tickled and he laughs
Fig. 4. The Chimpanzee in boisterous and in merry mood

Table "The Mimics of Sadness of the Chimpanzee (initial stages preparatory to crying)". Табл. B.14
Fig. 1. The Chinpanzee in quiet
Fig. 2. The Chimpanzee depressed
Fig. 3—4. The Chimpanzee sad (groaning)
Fig. 5—6. The Chimpanzee crying

Table "The Mimics of Sadness of the Chimpanzee (final expressions of the crying Chimpanzee varying in expressivity)". Табл. B.15
Fig. 1 — 2. Initial stages of outcry
Fig. 3—4. Roaring outcry
Fig. 5—6. The Chimpanzee completely woebegone

Table "Gesticulation and Postures of the Crying Chimpanzee". Табл. B.16
Fig. 1. Postures of the crying Chimpanzee (overpowering sorrow)
Fig. 2. Protrusion of arms
Fig. 3. Hitting of hand
Fig. 4. Throwing up arms in despair
Fig. 5. Raising arms

Table "Gesticulation and Postures of the Crying Chimpanzee". Табл. B.17
Fig. 1. Wringing arms.
Fig. 2—3. Raising arms.

Table "Postures and Gestures of the Chimpanzee in Despair and in Play". Табл. B.18
Fig. 1—3. Crossing hands above head in sign of full despair
Fig. 4—5. Tickling the Chimpanzee

Table "Postures and Gestures of the Chimpanzee in Different Moods". Табл. B.19
Fig. 1. The Chimpanzee in good mood
Fig. 2. The Chimpanzee in bad mood (half-ill)
Fig. 3. The Chimpanzee depressed
Fig. 4. The Chimpanzee deject
Fig. 5. The Chimpanzee feeling despondent but excited
Fig. 6. The Chimpanzee completely depressed

Table "Grooming of the Chimpanzee". Табл. B.20
Fig. 1. Cleaning feet
Fig. 2. Gnawing finger-nails on hands
Fig. 3. Examination of lips
Fig. 4. Examination of feet
Fig. 5. Gnawing finger-nails on feet
Fig. 6. Cleaning interstices between teeth

Table "Ways of Drinking of the Chimpanzee". Табл. B.21
Fig. 1. Drinking from cup (final stage)
Fig. 2. Drinking from cup (initial stage)
Fig. 3. Drinking from saucer with help of man
Fig. 4. Drinking from saucer unhelped
Fig. 5—6. Drinking from saucer "animal-like"

Table "Expression of fear of the Chimpanzee". Табл. B.22
Fig. 1—3. The Chimpanzee frightened and excited (hair bristling) during a walk
Fig. 2. Meeting the intimidating stimulus
Fig. 4. General excitation (slightly frightened)

Table "Postures of Self-defence and Attack (Expression of Anger of the Chimpanzee)". Табл. B.23
Fig. 1-2. Protecting his face
Fig. 3. Aggressive gestures with clenched fist
Fig. 4. Self-defence with foot. Attack with hand
Fig. 5. Torturing his victim
Fig. 6. Pinching his victim

Table "Aggressive Reaction of the Chimpanzee Jony to a Stuffed Chimpanzee". Табл. B.24
Fig. 1. Standing up erect
Fig. 2. Banging with right foot and showing teeth
Fig. 3. Throwing upper lip back — ready to attack

Table "Reaction of The Chimpanzee to a Dead Hair". Табл. B.25
Fig. 1. First moment; frightened; squatting
Fig. 2. Standing up erect, waving clenched finger joints
Fig. 3. Lifting up fist; pressed lips slightly curved sidewise
Fig. 4. Threatening postures; ready to jump from feet to hands and vice versa
Fig. 5. Waving right hand, shaking lower jaw
Fig. 6. Attack of the offending stimulus

Table "Expression of Tender Feelings — Caresses and Sympathy of the Chimpanzee". Табл. B.26
Fig. 1. Carefully touching face of weeping human
Fig. 2. Putting hand on head, protrusion of tightly closed lips
Fig. 3. Ready to touch the face of the weeping human with his lips
Fig. 4. Ready to touch the face of the weeping human with his tongue

Table "The Emotional Solidarity of Ape and Man (Catching-up the emotions of his human friend)". Табл. B.27
Fig. 1. Expression of sympathy; putting hands on head of weeping human, whimpering
Fig. 2. General excitation on seeing a human cry
Fig. 3. General excitation on seeing a human cry
Fig. 4. Invitation extended to weeping human to play

Table "The Emotional Solidarity of Ape and Man (Catching up-the emotions of his human friend)". Табл. B.28
Fig. 1. Induced sorrow
Fig. 2. Induced angry excitation
Fig. 3. The Chimpanzee's joy
Fig. 4. Anxiety, excitation mingled with sadness

Table "The Chimpanzee's Specific Kinds of Play". Табл. B.29
Fig. 1. Moving a crumb ot bread in mouth
Fig. 2. Passing head through a rubber ring
Fig. 3. Setting a "mouth-extender" between teeth

Table "The Chimpanzee Playing with Elastic Objects (with tape and thread)". Табл. B.30
Fig. 1—2. Winding and unwinding a thread

Fig. 3—4. Climbing through an improvized loop

Table "The Mobile Play of the Chimpanzee". Табл. B.31
Fig. 1. Swinging on a rope-ladder
Fig. 2. Catching up objects with free hand in course of swinging
Fig. 3. Sitting motionless on rope ladder
Fig. 4. Playful mood during swinging

Table "The Chimpanzee Curious". Табл. B.32
Fig. 1—2. Careful examination of intriguing-object
Fig. 3. Resistance to returning taken object
Fig. 4. Taking it away from observer

Table "The Mirror Reactions of the Chimpanzee". Табл. B.33
Fig. 1. Astonishment at seeing own image
Fig. 2. Seeking for something beyond mirror
Fig. 3. Threatening gesture directed against image; banging with fist
Fig. 4. Grimaces in front of mirror (cracking of lips)

Table "Sitting Postures of Man and Chimpanzee". Табл. B.34
Fig. 1. Roody (at 4) sitting (en face view)
Fig. 2. Joni's (at 4) typical sitting posture (en face view)

Table "Sitting Postures of Man (at 4) and Chimpanzee (at 4)". Табл. B.35
Fig. 1. Roody sitting (profile)
Fig. 2. Joni sitting (profile)

Table "Wrist of Man and Chimpanzee". Табл. B.36
Fig. 1. Joni's wrist (seen from above, wax cast from dead animal)
Fig. 2. Roody's (at 7) wrist (seen from above)
Fig. 3. Joni's wrist (seen from below)
Fig. 4. Roody's (at 7) wrist (seen from below)

Table "Sole of Man and Chimpanzee". Табл. B.37
Fig. 1. Joni's sole of foot (seen from above, wax cast from dead animal)
Fig. 2. Roody's sole of foot (seen from above)
Fig. 3. Joni's sole of foot (seen from below)
Fig. 4. Roody's sole of foot (seen from below)

Table "Sitting Postures of Man and Chimpanzee". Табл. B.38
Fig. 1. First attempts at sitting (Roody, at 5 months)
Fig. 2. Roody (at 3½ years) sitting on heels
Fig. 3. Joni squatting
Fig. 4. Roody (at 1 year 2 months) sitting on heels
Fig. 5. Joni sitting on bench
Fig. 6. Roody (at 3 years) sitting on bench

Table "Sitting and Standing Postures of Man and Chimpanzee". Табл. B.39
Fig. 1. Roody (at 5 years) standing
Fig. 3. Joni (at 4 years) standing
Fig. 3. Sitting with legs freely hanging down (Roody, at 5 years)
Fig. 4. Sitting with legs freely hanging down (Joni, at 4 years)

Table "The Evolution of Erect Standing with Man". Табл. B.40
Fig. 1. Roody's (at 5 months) first attempts to stand up
Fig. 2. Roody's (at 6 months) standing posture strongly leaning upon arms
Fig. 3. Roody's (at 9 months) standing posture, slightly leaning upon arms
Fig. 4. Roody (at 1 year) standing erect, but with poor stability
Fig. 5. Joni's typical erect standing
Fig. 6. Roody (at 4 years) standing with full equilibrium

Table "The Human Child Asleep". Табл. В.41
Fig. 1. Roody (age 3 m. 21 d.) sleeping on his back (symmetrical sidewise extension of arms)
Fig 2. Roody (age 2 y. 1 m.) sleeping. Putting arms behind head
Fig. 3. Roody (age 2 y. 4 m.) sleeping on his side
Fig. 4. Roody (age 2 y. 3 m.) sleeping on his side
Fig. 5. Most typical posture of sleeping child

Table "The Evolution of Walking with Man and Ape". Табл. В.42
Fig. 1. The Chimpanzee's typical running posture
Fig. 2. The human infant (at 9 m.) crawling
Fig. 3. Roody's (at 1 year 1 m.) first attempts at walking (profile)
Fig. 4. Roody's (at 1 year 1 m.) first attempts at walking (en face view)
Fig. 5. The slow gait of Joni
Fig. 6. Roody (at 3) running

Table "Assisted Standing and Walking of Man Versus Chimpanzee". Табл. В.43
Fig. 1. Joni standing with support of man
Fig. 2. Roody (at 9 m. 26 d.) standing with support of man
Fig. 3. Joni (at 3½ y.) led by hand
Fig. 4. Roody (at 3) led by hand

Table "Walking, Running and Using Hands for Carrying Objects; Man Versus Ape". Табл. В.44
Fig. 1. Joni (at 3½ years) running
Fig. 2. Roody (at 2 years) running
Fig. 3. Roody (1 year 1 m.) carrying ball
Fig. 4. Roody (2 years 1 m.) carrying chair
Fig. 5. Roody (2 years 5 m.) carrying armchair
Fig. 6. Roody (2 years 2 m.) carrying ninepins

Table "Hauling Sliding Objects (by Child)". Табл. В.45
Fig. 1. Roody (1 y. 1 m.) pushing basket car
Fig. 2. Roody (1 y. 4 m.) pushing wheelbarrow with sand
Fig. 3. Roody (1 y. 4 m.) pushing cart
Fig. 4. Roody (2 y. 11 m.) pushing sledge up hill
Fig. 5. Roody (4 y.) pushing toy-hare
Fig. 6. Roody (2 y. 1 m.) dragging toyhorse

Table "The Human Child Drawing Diverse Objects". Табл. В.46
Fig. 1. Roody's (3 y.) train for the locomotion of his toy playmates
Fig. 2. Roody's (2 y. 4 m.) train passes over a selfmade bridge
Fig. 3. An improvised accident of the train

Table "Obstructed Walking, Running and Jumping (impeded and self-complicated motion of the child)". Табл. В.47
Fig. 1. Roody (2 y. 4 m.) walking over improvised bridge
Fig. 2. Roody (2 y. 5 m.) walking on plank
Fig. 3. Roody (2 y. 7 m.) walking through snow
Fig. 4. Roody (3 y. 6 m.) jumping over barrier
Fig. 5. Roody (3 y. 6 m.) jumping over teddy bear

Table "Running, Sliding, Climbing and Drawing Various Objects (by the child)". Табл. В.48
Fig. 1. Roody (2 y. 11 m.) running down a snow hill
Fig. 2. Roody (2 y. 11 m.) sliding down hill
Fig. 3. Roody climbing up steps of snow ill
Fig. 4. Roody sliding down hill without sleigh
Fig. 5. Dragging sleigh up hill

Table "The Evolution of Climbing with the Human Child". Табл. В.49
Fig. 1. Roody (1 y. 1 m.) climbing up stairs on all fours

Fig. 2. Roody (2 y. 1 m.) negotiating stairs on all fours
Fig. 3. Roody (2 y. 1 m.) has recourse to help in descending stairs
Fig. 4. Roody (1 y. 1 m.) has recourse to help in ascending stairs

Table "The Evolution of Climbing with the Human Child". Табл. B.50
Fig. 1. Roody (2 y. 1 m.) negotiating stairs in vertical posture for the first time
Fig. 2. Roody (2 y. 7 m.) ascending stairs unaided in vertical posture
Fig. 3. Roody (2 y. 1 m.) carefuly descending stairs in vertical posture for the first time
Fig. 4. Roody (2 y. 7 m.) descending stairs in vertical posture

Table "The Evolution of Climbing with the Human Child". Табл. B.51
Fig. 1. Roody (1 y. 4 m.) climbing into armchair
Fig. 2. Roody (1 y. 4 m.) climbing down from armchair
Fig. 3. Roody (1 y. 11 m.) climbing into seat of sleigh
Fig. 4. Roody (1 y. 11 m.) climbing down from seat of sleigh
Fig. 5. Roody (2 y. 4 m.) climbing onto steps of car
Fig. 6. Roody (2 y. 4 m.) climbing down from steps of car

Table "Negotiating Altitudes, Man Versus Chimpanzee". Табл. B.52
Fig. 1. Joni on roof of house
Fig. 2. Joni descending from roof of house
Fig. 3. Roody (age 4½ years) climbing up ladder
Fig. 4. Roody (age 5 years) on a trapeze
Fig. 5. Roody (age 2 y. 4 m.) climbing to the seat of a sleigh
Fig. 6. Roody (age 3½ years) climbing over chairs
Fig. 7. Roody (age 4½ years) ascending fence

Table "Typical Facial Expressions of Man and Chimpanzee". Табл. B.53
Fig. 1. Joni's mimics of excitement
Fig. 2. Roody's (age 3 y. 4 m.) mimics of excitement
Fig. 3. Joni crying
Fig. 4. The human child crying (with tears)
Fig. 5. Joni laughing
Fig. 6. The human child laughing

Table "Typical Facial Expressions of- Man and Chimpanzee". Табл. B.54
Fig. 1. Joni's mimics of fear
Fig. 2. Roody's (age 4 months) mimics of fear
Fig. 3. Joni's mimics of disgust
Fig. 4. Roody's (age 7 years) mimics of disgust
Fig. 5. Joni's mimics of astonishment
Fig. 6. The human child astonished

Table "Child's Reaction to Palatable and Non-Palatable Food". Табл. B.55
Fig. 1. Mimics expressing displeasure: "Porridge is without sugar" (Roody 4 y. 1 m.)
Fig. 2. Mimics expressing pleasure: "There is sugar in the Porridge" (Roody 4 y. 1 m.)

Table "The Mimics of Crying with Man and Ape". Табл. B.56
Fig. 1. The initial or first stage of Roody's (1 years) crying
Fig. 2. The subsequent or second stage of Roody's crying
Fig. 3. Restrained crying from physical pain
Fig. 4. Wiping eyes
Fig. 5. Joni crying
Fig. 6. Roody crying (third stage)

Table "The Child's Mimics of Weeping (caused by different stimuli)". Табл. B.57
Fig. 1. Crying (fourth stage) because of being morally hurt (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 2. Crying (fifth stage) because of physical pain (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 3. Finding amusement in structural activity. Roody's (age 6 years) attempts at making "cave man"

Fig. 4. Roody (age 6 years) restrained crying because of being psychically hurt ("cave-man" has all gone to pieces)

Table "The Human Child's Laughter and Crying Mimics at Different Ages". Табл. B.58
Fig. 1. Roody (6 m.) crying (3 stage)
Fig. 2. Roody (6 m.) smiling (1 stage)
Fig. 3. Roody (1 y. 2 m.) crying (4 stage)
Fig. 4. Roody (1 y. 2 m.) smiling (1 stage)
Fig. 5. The posture of Roody (1 y. 2 m.) crying (5 stage)
Fig. 6. The posture of Roody (1 y. 2 m.) smiling (1 stage)

Table "The Mimics of Laughter of the Human Child Vs. That of the Chimpanzee". Табл. B.59
Fig. 1. Roody's (age 6 years) narrow smile (2 stage)
Fig. 2. Roody's (age 6 years) broad smile (3 stage)
Fig. 3. Roody's broad smile (4 stage)
Fig. 4. Roody's laughter (5 stage)
Fig. 5. Joni's (age 4 years) broad smile
Fig. 6. Roody's (age 5 years) broad smile (3 stage)

Table "Mimics and Postures of Man and Ape in Cheerful Disposition". Табл. B.60
Fig. 1. Joni frolicsome
Fig. 2. Roody frolicsome
Fig. 3. Joni's reaction to tickling
Fig. 4. Roody's reaction to tickling
Fig. 5. Motions of Joni in playful mood
Fig. 6. Motions of Roody (3 y. 1 m.) in playful mood

Table "Self-Care with Human Child and Ape". Табл. B.61
Fig. 1. Roody (age 5 years) removes splint from finger
Fig. 2. Roody (2 y. 4 m.) examining his toes
Fig. 3. Joni examining the hair on his feet
Fig. 4. Joni examining the hair on his hand

Table "Washing and Toilet of Human Child". Табл. B.62
Fig. 1. Roody (2 y. 4 m.) washing face
Fig. 2. Roody (3 y. 2 m.) washing hands
Fig. 3. Roody (2 y. 2 m.) putting on cap
Fig. 4. Roody (2 y. 2 m.) attempt at putting on shoes
Fig. 5. Roody (2 y. 6 m.) preparing to blow his nose
Fig. 6. Roody (2 y. 6 m.) using handkerchief

Table "Self-Adornment with Ape and Child". Табл. B.63
Fig. 1. Roody (1 y. 5 m.) dons a boa of yellow feathers
Fig. 2. Roody adorning himself
Fig. 3. Joni puts a piece of tulle round his neck
Fig. 4. Roody (3 y. 4 m.) dons a peculiar kind of headgear

Table "Mastering the Use of Domestic Utensils Such as Cups etc.". Табл. B.64
Fig. 1. Roody (2 y. 2 m.) uses cup
Fig. 2. Roody (2 y. 5 m.) drinking from cup
Fig. 3. Use of cup with Joni
Fig. 4. Joni drinking from cup

Table "Mastering the Use of Domestic Utensils Such as Cup, Spoon, Fork, etc.". Табл. B.65
Fig. 1. Roody (2 y. 1 m.) using spoon
Fig. 2. Roody (4 y. 1 m.) taking food with a spoon; tasting bread with finger
Fig. 3—4. Roody (2 y. 7 m.) using fork
Fig. 5. Roody (2 y. 3 m.) drinking from cup
Fig. 6. Roody (2 y. 11 m.) using knife

Table “Expression of Fear with. Ape and Child”. Табл. B.66
Fig. 1. Roody (1 y. 6 m.) afraid of a piece of dark fabric
Fig. 2. Roody (1 y. 6 m.) afraid of a piece of dark fabric
Fig. 3. The gesticulation of frightened Joni
Fig. 4. The gesticulation of frightened Roody (age 5 years); self-proteching gesture with revolver
Fig. 5. Roody (3 y. 3 m.) [frightened of a live fluttering bird

Table “Expression of Anger with Ape and Child”. Табл. B.67
Fig. 1. Roody's (age 5 years) mimics of pseudo-anger
Fig. 2. Joni's mimics of anger
Fig. 3. Joni's aggressive gesticulation (stamping foot)
Fig. 4. Roody's (2 y. 2 m.) aggressive gesticulation (stamping foot)

Table “Military Games of the Child”. Табл. B.68
Fig. 1. Shooting, from gun
Fig. 2. Shooting from rifle
Fig. 3. “Gas attack”
Fig. 4. Shooting from revolver; attack of enemy
Fig. 5. Two adversaries

Table “Expression of Affection with the Ape and Child”. Табл. B.69
Fig. 1. Tenderness with Joni — pressing a close to observer
Fig. 2. Tenderness with Roody (2 y. 8 m.) -pressing close to his mother
Fig. 3. Tenderness with Joni — hugging
Fig. 4. Tenderness with Roody (1 y. 9 m.) — pressing himself against his mother's breast
Fig. 5. Joni kissing
Fig. 6. Roody (2 y. 4 m.) kissing

Table “Expression of Social Instinct; Intercourse, and Friendly Attitude of Child Towards Animals”. Табл. B.70
Fig. 1. Roody (1 y. 2 m.) tries to make friends with cat
Fig. 2. Roody (2½ years) expresses tender feelings towards cat
Fig. 3. Feeding dog (Roody, 2 y. 7 m.)
Fig. 4. Hugging a toy elephant
Fig. 5. Roody's reaction to Joni's stuffed representation (examining chimpanzee's face)
Fig. 6. Roody's (2 y. 5 m.) tenderness toward Joni (“hugging the little ape”)

Table “Roody's (age 3) Intercourse with Other Children”. Табл. B.71
Fig. 1. Weighing
Fig. 2. Playing horses
Fig. 3. Joint watering of flowers
Fig. 4. Demonstration of Museum
Fig. 5. Driving
Fig. 6. Cycling

Table “Child's Games with Inanimate Playmates (Personification of Toy-Animals)”. Табл. B.72
Fig. 1. Roody (2 y. 9 m. years) showing pictures to horse
Fig. 2. Roody (2½ years) feeding toy horse
Fig. 3. Roody (2 y. 9 m. years) reading for horse
Fig. 4. Roody (1 y. 4 m.) tries to feed doll
Fig. 5. Roody (4 years) playing the piana for cat
Fig. 6. Roody (2 y. 9 m.) auscultation of teddy bear

Table “Child's Organised Play with Teddy Bear”. Табл. B.73
Fig. 1. Swinging together with teddy bear and pushing off teddy bear; catching up bear on swing (Roody at age of four)
Fig. 2. Has caught up teddy bear. Now swing together
Fig. 3. Collision with bear — an improvised accident
Fig. 4. Climbing up ladder with bear

Fig. 5. Teddy-bear driven in sled
Fig. 6. Teddy-bear tobogganning

Table "Roody's Organized Play with Teddy-Bear". Табл. B.74
Fig. 1. Roody (4½ years) setting the bait
Fig. 2. Roody preparing sling-knot
Fig. 3. Roody awaiting prey
Fig. 4. Roody catching bear
Fig. 5. Roody carrying bear away
Fig. 6. Roody tying bear to tree

Table "Roody's Organized Play with Inanimate Playmates". Табл. B.75
Fig. 1. Roody (3 y. 3 m.) "travels"
Fig. 2. Roody (3 y. 4 m.) makes an airplane flight
Fig. 3. Roody (3 y. 4 m.) goes to demonstration

Table "Roody Playing at Hide-and-Seek". Табл. B.76
Fig. 1. Roody (2 y. 2 m.) has hidden
Fig. 2. Roody (2 y. 5 m.) has hidden behind his chair
Fig. 3. Roody (2 y. 4 m.) hiding in the knees of his mother
Fig. 4. Roody (2 y. 2 m.) "invisible" (has covered head with cap)

Table "Roody's Mobile Play". Табл. B.77
Fig. 1. "Car does not go": Roody (2 y. 2 m.) feels depressed
Fig. 2. Attired as chauffeur: Roody (3 y. 11 m.) in big chauffeur's gloves
Fig. 3. Tinkering with the steering gear (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 4. "I'll take the car!" (Roody 3 y. 2 m.)
Fig. 5. "I'll repair the wheel!" (Roody 3 y. 6 m.)
Fig. 6. "I'll repair the wheel!" (Roody 3 years)

Table "Child's Mobile Play — Swinging". Табл. B.78
Fig. 1. Swinging on wooden horse (Roody 3 y. 4 m.)
Fig. 2. On the rocking chair (Roody 3 y.)
Fig. 3. On wooden horse (Roody 4 y. 4 m.)
Fig. 4. Purposeful falling down (Roody 4 y. 4 m.)
Fig. 5. Little girl friend in tow (Roody 4 y. 7 m.)

Table "Child's Mobile Play". Табл. B.79
Fig. 1. "Auto-go-cart" (Roody 3 y. 3 m.)
Fig. 2. "Auto-go-cart" (Roody 4 y. 3 m.)
Fig. 3. Cycling with improvised obstacles (Roody 4 y. 5 m.)
Fig. 4. Demonstrating boldness in cycling (without holding to steering gear) (Roody 4 y. 7 m.)
Fig. 5. Cycling without foothold on pedals
Fig. 6. Purposeful falling down from bicycle

Table "Winter-sport—Genuine and Imitated". Табл. B.80
Fig. 1. Pseudo-skis (Roody 3 y. Il m.)
Fig. 2. Pseudo-skates (Roody 3 y. 11 m.)
Fig. 3. Skiing on real big skis (Roody 2 y. 11 m.)
Fig. 4. Skiing on children's skis (Roody 4 years)

Table "Mobile Games of Man and Ape {Climbing, Swinging)". Табл. B.81
Fig. 1. Joni on a rope ladder
Fig. 2. Roody (at 6) on a rope ladder
Fig. 3. Joni on a tree
Fig. 4. Roody (4 y. 7 m.) on a tree

Table "Playing with Ball". Табл. B.82
Fig. 1. Carrying ball (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 2. Pushing ball with foot (Roody 2 y. 3 m.)

Fig. 3. Catching up ball (Roody 2 y. 4 m.)
Fig. 4. Throwing ball with hand (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 5. Throwing down nine-pins (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 6. Playing with ball (Roody 2 y. 4 m.)

Table "Roody Playing with Easily Movable Objects". Табл. B.83
Fig. 1. Turning a pianoforte-stool (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 2. Turning the wheel of a sowing machine (Roody 2 y. 9 m.)
Fig. 3. Driving a hoop (Roody 3 y. 3 m.)
Fig. 4. Driving a small wheel (Roody 4 y. 1 m.)
Fig. 5. Rolling eggs (Roody 3 years)
Fig. 6. Spinning a humming top (Roody 4 y. 4 m.)

Table "Roody Playing with Sound-Emitting objects". Табл. B.84
Fig. 1. Roody (2 y. 2 m.) blowing the trumpet
Fig. 2. Roody (2 y. 3 m.) inflating a squeaking "devil"
Fig. 3. Roody (2 y. 9 m.) beating the drum
Fig. 4. Roody (2 y. 6 m.) playing the cymbals
Fig. 5. Roody (3 years) playing an accordion
Fig. 6. Roody (4 y. 1 m.) playing a tey-piano

Table "Roody's Experimenting Play". Табл. B.85
Fig. 1. Splashing water (Roody 1 y. 1 m.)
Fig. 2. Spreading water about (Roody 1 y. 4 m.)
Fig. 3. Pouring water (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 4. Playing with water — launching a steamer (Roody 2 y. 4 m.)
Fig. 5. Playing with water — washing linen (Roody 2½ y.)
Fig. 6. Making a water fountain (Roody 2 y. 6 m.)

Table "Roody's and Joni's Experimenting Play". Табл. B.86
Fig. 1. Roody (1 y. 4 m.) playing with a hair
Fig. 2. Joni playing with a hair
Fig. 3. Gets acquainted with brush (Roody 9 m.)
Fig. 4. Making sand-cakes (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 5. The sand-cakes ready (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 6. Flattening out sand-cakes (Roody 2 y. 1 m.)

Table "Roody's and Joni's Experimenting Play with Transparent Objects". Табл. B.87
Fig. 1. Roody (2 y. 4 m.) looking through transparent objects
Fig. 2. Looidng into stereoscope (Roody 4 y.)
Fig. 3. Examining objects through magnifying glass
Fig. 4. Looking into self-made "field-glass"

Table "The Human Child Playing with Water, Fire and Lustrous Objects". Табл. B.88
Fig. 1. Blowing out soap bubbles (Roody 3 y.)
Fig. 2. Admiring a bubble
Fig. 3. Looking at the play of colours of a toy-balloon.
Fig. 4. Striking a match (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 5. Looking at the flame of a candle
Fig. 6. Extinguishing flame(Roody 3 y.)

Table "Child Using a Stick". Табл. B.89
Fig. 1. Touching intriguing object with stick (Roody 2 y. 10 m.)
Fig. 2. Drawing lilies with stick (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 3. Waving stick (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 4. Beating off leaves with stick (Roody 1 y. I m.) (Characteristic protrusion of tongue)
Fig. 5. Riding a stick (Roody 4 y. 5 m.)

Table "Expression of Astonishment and Attention with Man and Ape". Табл. B.90

Fig. 1. Astonishment; opening of mouth by child on seeing novel object (Roody 9 m.)
Fig. 2. Astonishment; Joni opens mouth while looking into mirror
Fig. 3. Typical posture of fixed attention — Roody (4 years) examining hedge-hog
Fig. 4. Typical posture of fixed attention Joni looks at box
Fig. 5. Roody's (1 y. 5 m.) mimics of attention
Fig. 6. Roody (3 y. 4 m.) mimics of attention

Table "Roody's Expression of Astonishment". Табл. B.91
Fig. 1. Roody (1 y. 2 m.) opens mouth in course of contemplating intriguing object
Fig. 2. Tightly compressed lips and eager movement of hands (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 3. Drawing arms aside while astonished (Roody 1 y. 1 m.)
Fig. 4. Feeling intriguing object with mouth (Roody 1 y. 1 m.)

Table "Child Sucking and Touching Various Objects with Mouth". Табл. B.92
Fig. 1. Roody (4 m.) in the act of sucking
Fig. 2. Roody (5 m.) sucking his hand
Fig. 3. Roody (9 m.) touching metallic object with mouth
Fig. 4. Roody (9 m.) touching "metallic basin with mouth
Fig. 5. Roody (9 m.) touching metallic rattle with mouth
Fig. 6. Roody (3 years) sucking his thumb while listening to reading

Table "Self-Centered Attention with Man and Ape". Табл. B.93
Figs. 1—2. Self-examination with Roody (1 y. 2 m.)
Figs. 3—4. Roody (1 y. 4 m.) feeling and picking a pimple
Figs. 5—6. Self-examination with Joni

Table "Roody and Joni Examining and Touching Various Intriguing Objects". Табл. B.94
Fig. 1. Roody (1 y. 2 m.) examines and touches anthor's eyes
Fig. 2. Joni examines and touches human hair
Fig. 3. Roody (1 y. 4 m.) examines and touches human ears
Fig. 4. Roody (1 y. 4 m.) examines and touches face of doll
Fig. 5. Joni examines and touches a scratch on human hand
Fig. 6. Roody (1 y. 2 m.) examines and touches human face

Table "Mirror-Reactions with Child and Ape". Табл. B.95
Fig. 1. Roody (2 y. 5 m.) looks into mirror; touching miror-image with face
Fig. 2. Joni looks into mirror, examines his image
Fig. 3. Roody touches mirror-image
Fig. 4. Joni draws mirror to himself
Fig. 5. Roody's grimaces before mirror
Fig. 6. Joni's grimaces before mirror

Table "Investigation of Holes and Cavities". Табл. B.96
Fig. 1. Roody (1 year) puts index finger into hole
Fig. 2. Roody (1 year) sucking finger
Fig. 3. Roody (9 m.) tearing hole open
Fig. 4. Roody (9 m.) opening table-lid with index-finger
Fig. 5. Roody (2 y. 2 m. 8 d.) takes out different things
Fig. 6. Roody's (9 m.) exploration of the depth of boxes

Table "The Role of Index-Finger with Ape and Child". Табл. B.97
Fig. 1. Roody (1 y.) points to intriguing object
Fig. 2. Roody (2 y. 1 m.) points to intriguing object with index-finger
Fig. 3. Roody (1 y. 2 m.) points to direction in which he wants to go
Fig. 4. Roody (1 y. 3 m.) points to object which he wants to acquire
Fig. 5. Joni touches intriguing object with index-finger
Fig. 6. Roody (1 y. 5 m.) touches intriguing object with index-finger

Table "The Child Likes Miniature Objects". Табл. B.98

Fig. 1. Gathering bread-crumbs (Roody 9 m.)
Fig. 2. Gathering bread-crumbs (Roody 9 m.)
Fig. 3. “I like all that's very small!” (Roody 2 y. 3 m.)
Fig. 4. Gathering little stones (Roody 1 y. 5 m.)
Fig. 5. Examining minute snails
Fig. 6. It's the smallest hair who gets the gun (as a special distinction).

Table “Destructive Play of the Child”. Табл. B.99
Fig. 1. Demolishing part of a brick house (Roody 1 y. 5 m.)
Fig. 2. Demolishing almost all the brick house (Roody 1 y. 5 m.)
Fig. 3. Destroying a self-made pillar (Roody 4 y. 1 m.)
Fig. 4. Throwing pebbles into a pool of water (Roody 1 y. 7 m.)
Fig. 5. Kicking up a twig with stick (Roody 3 y. 3 m.)
Fig. 6. Directionalized throwing of stick

Table “Child's Directional Throwing”. Табл. B.100
Fig. 1. Ready to hit at target (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 2. Preparing to throw stick
Fig. 3. “Off the stick goes”

Table “Child's Imitatory Games”. Табл. B.101
Fig. 1. First attempts at using watering can — unsuccessful (Roody 1 y. 5 m.)
Fig. 2. Roody's (1 y. 10 m.) first, but vain attempts at making use of spade
Fig. 3. First attempts at using schylhe (Roody 4 years)
Fig. 4. Effective use of watering can (Roody 2 y. I m.)
Fig. 5. Effective use of spade (Roody 1 y. 10 m.)

Table “Child's Imitatory Games”. Табл. B.102
Fig. 1. Listening in to watch (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 2. Pretending to find the time of the day (Roody 3 y. 4 m.)
Fig. 3. Imitating conversation by self-made telephone (Roody 3 y. 4 m.)
Fig. 4. Mimicking a talk over the telephone
Fig. 5. Imitating a telephone conversation (Roody 2½ y.)

Table “Roody's Imitatory Actions (Immediately following performance of action by adult)”. Табл. B.103
Fig. 1. Shaking straw (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 2. Tacking in nails (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 3. Cleaning snow (Roody 2 y. 6 m.)
Fig. 4. Carrying hay (Roody 4 years)
Fig. 5. Hauling snow (Roody 2 y. 6 m.)
Fig. 6. Shovelling sand (Roody 3 years)

Table “Roody's Imitatory Actions”. Табл. B.104
Fig. 1. Draws on blackboard with piece of chalk (Roody 2 y. 11 m.)
Fig. 2. Pasting on an advertisement: “Who will get me back my lost cat?” (Roody 3 y. 3 m.)
Fig. 3. “Sewing” (Roody 3 y. 4 m.)
Fig. 4. “Reading” (Roody 2 y. 7 m.)
Fig. 5. “Stamping” (Roody 3 years)
Fig. 6. “Typing” (Roody 3 y. 4 m.)

Table “The Child Imitating a Photographer”. Табл. B.105
Fig. 1. Ready to take a snap-shot (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 2. “Photograph ready” (Roody 2 y. 2 m.)
Fig. 3. Ready to take snap-shot (Rood 3 y. 6 m.)
Fig. 4. Photographing—focusing objective (Roody 4 y. 1 m.)
Fig. 5. Photographing—snapshotting (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 6. Photographing — setting the camera (Roody 4 years)

Table “The Child Imitating Various Trades and Professions”. Табл. B.106
Fig. 1. Road-building; “paves a path” (Roody 4 y. 7 m.)

Fig. 2. Posing as “fireman” (Roody 4 y. 4 m.)
Fig. 3. Posing as “newspaper-vendor” (Roody 3 y. 10 m.)
Fig. 4. Posing as “second hand-dealer” (Roody—3 y. 10 m.)
Fig. 5. Posing as “shepherd”, playing the horn (Roody 4 y. 1 m.)
Fig. 6. Posingas “doctor”; examining patient-teddy-bear (Roody 2y. 9 m.)

Table “Child's Imitative Play with Water”. Табл. B.107
Fig. 1. Navigating ships in a puddle (R. 4 y.)
Fig. 2. Pushes raft
Fig. 3. Fishing in puddle
Fig. 4. “A real fisherman”
Fig. 5. Shipbuilding (Roody 3 y. 10 m.)

Table “Imitatory Games of the Child”. Табл. B.108
Fig. 1. Imitating house painters (Roody 2 y. 3 m.)
Fig. 2. Imitates greasers with help of brush (Roody 3 y. 11 m.)
Fig. 3. “Smoking” (Roody 1 y. 5 m.)
Fig. 4. Pretending to smoke. “Lighting cigarette” (Roody 2 y. 3 m.)

Table “Use of Pencil with Man and Ape”. Табл. B.109
Fig. 1. Roody's (1 y. 4 m.) first attempts at using pencil
Figs. 2—3. Joni “draws” lines with pencil
Fig. 4. Roody (1 y. 9 m.) “draws”
Fig. 5. Roody's (7 years) regular pencilwork

Table “The Human Child Using Tools”. Табл. B.110
Fig. 1. “Sewing” (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 2. Cutling with scissors (Roody 4 years)
Fig. 3. Sawing (Roody 4 years)
Fig. 4. Hay-lifting with fork (Roody 4 years)
Fig. 5. Raking (Roody 3 years)
Fig. 6. Turning hay (Roody 4 years)

Table “The Hammer in the hands of Child and Ape”. Табл. B.111
Fig. 1. First unsuccessful attempts to use hammer (Roody 1 y. 4 m.)
Fig. 2. Ineffective use of hammer in Joni's hands
Fig. 3. Attempts at tacking in nails (Roody 2 y. 1 m.)
Fig. 4. Hammering-in defective wheel (Roody 2 y. 5 m.)
Fig. 5. Roody turns hammer to good account (4 y. 7 m.)
Fig. 6. Proper use of hammer (Roody 5 years)

Table “Child's First Attempts at Construction”. Табл. B.112
Fig. 1. First attempt to put object in right position (Roody 1 y. 2 m.)
Fig. 2. Ready!
Fig. 3. The joy of achievement

Table “Deconstruction and Reconstruction in The Child's Play”. Табл. B.113
Fig. 1. Roody (9 m.) removing ring from pyramid
Figs. 2—3. Roody (1 y. 9 m.) putting ring onto pyramid
Figs. 4—5. Roody (2 y. 6 m.) putting rings of pyramid into place (no vertical spindle available)
Fig. 6. Roody (1 y. 4 m.) assembling ninepins after having disjoined them

Table “Child's Constructional Play”. Табл. B.114
Fig. 1. Collecting material for proposed structure (Roody 1 y. 11 m.)
Fig. 2. First reproduction of airplane (made of twigs; Roody; 1 y. 11 m.)
Fig. 3. Two-dimensional reproduction of airplane (Roody 2 y. 3 m.)
Fig. 4. Ballooning (Roody 3 y. 3 m.)
Fig. 5. Flying in selfmade airplane (Roody 3 y. 6 m.)

Table “Child's Constructional Play”. Табл. B.115

Fig. 1. Making airplane (Roody 3 y. 6 m.)
Fig. 2. Flying in airplane (Roody 3 y. 6 m.)
Fig. 3. Deliberate wreck of airplane (Roody 3 y. 6 m.)

Table “Child's Structural Activity”. Табл. B.116
Fig. 1—3. Making a “worm” three successive stages (Roody 2 y. 1 m.)

Table “Child's Constructional Play”. Табл. B.117
Fig. 1. “Making boat” (Roody 2 y. 3 m.)
Fig. 2. “Boating” (Roody 2 y. 3 m.)
Fig. 3. “Boating” holding “oars” (Roody 2 y. 3 m. 25 d.)
Fig. 4. “Uses oars” (Roody 2 y. 3 m. 21 d.)
Fig. 5. “Travels by steame” (Roody 2 y. 4 m.)

Table “Roody's Constructional Play”. Табл. B.118
Fig. 1. Distributing toy-animals by groups (Roody 2 y. 9 m.)
Fig. 2. Making the fence of an improvised Zoo
Fig. 3. Bringing animals into the Zoo.
Fig. 4. Making enclosures for animals (Roody 3 y. 7 m.)

Table “Child's Constructional Play”. Табл. B.119
Fig. 1. Roody (2 y. 1 m.) builds house; putting-in a number of blocks one beside another
Fig. 2. Roody (2 y. 6 m.) placing bars one upon the other
Fig. 3. Roody (3. y. 3 m.) combines horizontal and vertical brick laying
Fig. 4. Roody (3 y. 4 m.) making a kind of tower
Fig. 5. Roody (3 y. 4 m.) making a gate out of round bars
Fig. 6. Roody (6 y. 1 m.) building a many storeyed fortress

Table “The Work of the Child's Mind”. Табл. B.120
Fig. 1. “Will it stand or tumble down?” (Roody 2 y. 4 m.)
Fig. 2. “One, two, three!” — finger-counting (Roody 4 years)
Fig. 3. “Now I see that the earth turns round!” Roody (4 y. 7 m.) relates his impressions after turning round a post
Fig. 4. “What is this?” (Roody 2 y. 3 m.)
Fig. 5. Identification of representation with object (Roody playing loto at 2 y. 4 m.)

Приложение F. Приложения к электронному изданию

Выходные данные русского издания 1935 года

Титульная страница

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДАРВИНОВСКИЙ МУЗЕЙ
III ТОМ ТРУДОВ МУЗЕЯ
(юбилейное издание)
SCIENTIFIC MEMOIRS OF THE MUSEUM DARWINIANUM IN MOSCOW

Н. Н. ЛАДЫГИНА-КОТС

ДИТЯ ШИМПАНЗЕ
И
ДИТЯ ЧЕЛОВЕКА

В ИХ ИНСТИНКТАХ, ЭМОЦИЯХ, ИГРАХ,
ПРИВЫЧКАХ И ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЯХ

с 145 таблицами

INFANT APE AND HUMAN CHILD
(INSTINCTS, EMOTIONS, PLAY, HABITS)
by N. KOHTS
with 145 plates

Издание Государственного Дарвиновского Музея
Москва — 1935

Оборот титульной страницы

Техн. ред.: И. Е. Нечаев Корректура: Н. Н. Ливкин

Книга сдана в набор 27/XI 1934 г. Подписана к печати 10/VIII 1935 г. Печатных листов 32½ + 5 красочных вклеек + 140 вклеек фототипий. Знаков в 1 п. л. 45280. Бумага ф-ки им. Менжинского. Формат 72 X $10^1/_{16}$. Бум. листов 28¼ Уполномоч. Главлита Б-5378. Тираж 775 экз. Заказ 5120. Фототипии «1-й артели фототипов» Москва, Варсонофьевский, 8.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Дарственная надпись Н. Н. Ладыгиной-Котс А. Ф. Котс

Трудно и тяжко матери,
когда рождается у ней дитя,
но, видя его, появившимся на свет,
забывает она свои страданья
и радуется, и улыбается дитяти,
и уж готова претерпеть новые муки
ради появления нового ребенка...

Мой глубоко, горячо и бесконечно
любимый Аля! —
Я напоминаю тебе об этом,
надеясь на то, что эта выношенная
мною с терпеньем и любовью книга,
воспроизведенная в тяжких страданьях
заставит (позабыть и тебя)
те мучения, которые ты претерпел
при ее издавании.
Пусть же твои слезы печали
сменятся теперь слезами радости.

С любовью писанный мой
труд
с великой любовью дарю
я тебе, покидая тебя.
21/II. 1936. твоя Надежда

Трудно и тяжко матери,
когда рождается у ней дитя,
но, видя его, появившимся на свет,
забывает она свои страданья

и радуется, и улыбается дитяти,
и уж готова претерпеть новые муки
ради появления нового ребенка...

Мой глубоко, горячо и бесконечно
любимый Аля!

Я напоминаю тебе об этом,
надеясь на то, что эта выношенная
мною с терпеньем и любовью книга,
воспроизведенная в таких страданьях
заставит позабыть и тебя
те мученья, которые ты претерпел
при ее издавании.
Пусть же твои слезы печали
сменятся теперь слезами радости.

С любовью писанный мой труд
с великой любовью дарю
я тебе, покидая тебя.

21/VI. 1936. твоя Надежда.

Выходные данные английского издания 2002 года

Титульная страница

Infant Chimpanzee and Human Child

Оборот титульной страницы

SERIES IN AFFECTIVE SCIENCE CLASSICS

Series Editors
Richard J. Davidson
Paul Ekman
Klaus Scherer

Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935
Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence
By N. N. Ladygina-Kohts
Edited by Frans B. M. de Waal

Вторая титульная страница

INFANT
CHIMPANZEE
and
HUMAN CHILD

A Classic 1935
Comparative
Study of Ape
Emotions and
Intelligence

N. N. LADYGINA-KOHTS

Edited by Frans B. M. de Waal
Translated by Boris Vekker
Introduction by Allen and Beatrix Gardner
The publication of this volume was sponsored by
Living Links, Yerkes Regional Research Center at Emory University.

OXFORD
University Press

2002

Оборот второй титульной страницы

This volume was originally published in 1935, by the Museum Darwinianum,
as Volume III in their series, Scientific Memoirs of the
Museum Darwinianum

Published by Oxford University Press, Inc.
198 Madison Avenu, New York, New York 10016

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data
Ladygina-Kohts, N. N. (Nadezhda Nikolaevna), 1890-1963.
Infant chimpanzee and human child: a classic 1935 comparative study of
ape emotions and intelligence / N. N. Ladygina-Kohts ; translated by Boris Vekker ;
edited by Frans B. M. de Waal.
p. cm. — (Series in affective science)
«The publication of this volume was sponsored by Living Links,
Yerkes Regional Primate Research Center at Emory University.»
Includes bibliographical references and index.
ISBN 0-19-513565-2
1. Chimpanzees—Psychology. 2. Animal intelligence. 3. Behavioral assessment of
children. 4. Child development—Testing. I Waal, F. B. M. de (Frans B. M.), 1948—
II. Title. III Series.
QL785 .L28 2000
599.885′139—dc21 00-028546

1 3 5 7 9 8 6 4 2
Printed in the United States of America
on acid-free paper

Вступление к английскому изданию 2002 года (перевод)

Предисловие

Впервые в богато иллюстрированном английском переводе увидел свет шедевр приматологии, изданный в сталинской Москве в 1935 году и известный многим читателям по фотографиям, которые публиковались в различных источниках. Надежда Ладыгина-Котс провела в высшей степени тщательное и проницательное исследование, что особенно примечательно, учитывая, что она была относительно одиноким первопроходцем в своей области. Эта книга показывает нам, как далеко мы ушли в понимании шимпанзе, и при этом напоминает, с чего все начиналось.

Подробность, с которой Котс фиксировала данные о шимпанзенке Иони, свидетельствует: она отдавала себе полный отчет в том, что каждая крупица знаний будет оценена по достоинству. Мы можем только восхищаться, как ее близость к объекту исследования помогала проникнуть в суть явлений и сколько современных академических дискуссий предвосхищены ее тонкими наблюдениями. Из всех сообщений Котс, вероятно, самое глубокое впечатление производит исследование мимики, проведенное в Дарвинском институте, который назван в честь автора "Выражения эмоций у человека и животных". В тексте и по фотографиям Котс делает убедительный вывод, что лицо шимпанзе — тоже зеркало души. Однако проведенные ученым работы в области восприятия, эмоциональности и познавательных способностей в целом информативны и вдохновляющи в не меньшей степени.

Относительная изоляция Котс имела свои преимущества. Пока американские бихевиористы решительно отказывали животным в разуме, представляя их роботами, лишенными мыслей и чувств, Котс сердечно внимала каждому проявлению эмоций, эмпатии и интеллекта своего юного подопечного. Ученый работала до расцвета этологии в континентальной Европе, но следовала методике ранних этологов, заимствованной из сравнительной зоологии и анатомии: максимально подробная фиксация поведение объекта исследования ставилась как самоцель. Описание, и снова описание — таков был девиз ранних этологов, давший им исходные позиции, превосходящие по глубине предубежденные взгляды бихевиористов. Таким образом, Котс была пионером как в этологии приматов, так и в когнитивной психологии.

Роберт Йеркс, выдающийся американский специалист по поведению обезьян, распространял работы Котс в англоязычном мире и посвятил много страниц «Высших приматов» (Yerkes & Yerkes, 1929) ее исследованию. Нет ничего удивительного в том, что Living Links, подразделение Регионального центра Йеркса по исследованию приматов, способствовало изданию этого важного труда. Классическая книга Котс стоит на полке любого студента, изучающего поведение и когнитивные способности приматов, вместе с исследованиями Вольфганга Келера и Йеркса. Эту работу пропагандировали Аллен и покойная Беатрис Гарднер, впервые научившие обезьян американскому языку жестов. Текст Котс снабжен статьями Лизы Парр, Зигне Пройшофт и вашего покорного слуги, в которых рассматриваются современные знания о мимической коммуникации приматов.

Разумеется, мы предлагаем исторический документ в полном переводе, без изменений и пропусков. Именно поэтому следует предупредить современного читателя, что представленный текст порой смущает экспертов не меньше, чем обычных людей. Этические установки ученых, особенно работающих с высшими приматами, за последние десятилетия радикально изменились. В некоторых кругах даже обсуждается равноправие людей и обезьян, но и те, кто не заходит так далеко, сомневаются в травматических методах исследования куда больше, чем было принято в момент написания работы, считая обезьян такими же восприимчивыми к психологическому насилию, как и люди. Невозможно утверждать, что обезьяны во многом похожи на нас, отрицая при этом их способность к страданию.

Котс, однако, не пришла к таким выводам. Она ласково называет Иони «наш маленький заключенный» и рассказывает, как его шлепали за проступки. Детеныш был крайне привязан к Котс, принимал еду только из ее рук, посасывал части ее тела, ревновал, если кто-то оказывал ей знаки внимания. Все это нормально для шимпанзе его возраста, и потому не удивительно, что Иони впадал в депрессию всякий раз, когда его оставляли одного. В защиту Котс следует отметить, что она, вероятно, не представляла, сколько лет шимпанзе сохраняют зависимость от своих воспитателей. Обычно обезьян возраста Иони продолжает кормить

мать. Гарднеры во введении отмечают, что Котс, похоже, переживала небрежное обращение со зверем почти так же остро, как и сам шимпанзе. Книга показывает, что имели место не намеренная жестокость или пренебрежение, а, скорее, душераздирающее невежество и непонимание того, что требуется данному виду животных.

Хотя Центр приматов Йеркса около 80 лет держал обезьян в неволе, мы не одобряем их содержание в качестве домашних животных и считаем, что забота о них — большая ответственность, требующая особого питания, круглосуточного ветеринарного наблюдения и общества представителей того же вида. Иони всего этого был лишен. По всей видимости, плохое питание, нехватка кальция — он ел штукатурку со стен — в сочетании с одиночеством привели к его смерти в очень юном возрасте.

Следует, однако, учесть, что в те времена подобная судьба постигала многих молодых приматов в зоопарках, а телесные наказания детей были распространенной практикой. Тогда натуралисты считали, что лучший способ изучить птицу вблизи — это сбить ее выстрелом с дерева. Трудно поверить, что мы так далеко продвинулись в этических и экологических установках меньше, чем за век. Честный показательный отчет Котс — лучшее тому свидетельство, которое может смущать, но не должно удивлять.

Временами Котс жалуется, что стала добровольным рабом юного «деспота». Это показывает, как горячо она стремилась удовлетворять каждую потребность и желание Иони. Большое чувство и взаимная привязанность — таков был эмоциональный фон, на котором ученый собирала информацию, оцененную по достоинству еще до подъема бихевиоризма. Ее труд в цене и сегодня, когда бихевиоризм доживает последние дни. Двери понимания опять распахнуты, и свободная дискуссия Котс о художественных побуждениях, подражаниях, уловках и общественных эмоциях Иони делает эту книгу поистине современной. В интонации ее записей звучит удивление и восхищение, которые испытываем все мы, кто работает с существами, которые так на нас похожи и при этом так от нас отличаются.

Атланта, штат Джорджия
Январь 2000
Франс Б.М. де Вааль

Введение к английскому изданию

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889-1963) закончила в 1917 году Московский Университет по специальности сравнительная психология. В 1913-м, будучи студентом Московских женских курсов повышения квалификации, она открыла Физиологическую лабораторию при Дарвинском музее, где изучался детеныш шимпанзе по имени Иони. Муж Котс - Александр Федорович Котс, основавший в 1907 году Дарвиновский музей, также был участвовал в работе. Исследования Котс, проведенные на основе работы с Иони и макаками, широко известны и цитируются в работах ученых по во всему миру, а её выдающаяся карьера была отмечена рядом наград в Советском Союзе.

Котс ставила главной задачей проверку познавательных и понятийных способностей Иони. Результаты были опубликованы на русском, немецком и французском в начале 1920-х. Однако англоязычные психологи знакомы с ее работы главным образом по современным конспектам Йеркса и других исследователей. В работе с Иони ученый использовала очень новаторские для своего времени методы. Например, в серии тестов Иони должен был выбрать на ощупь из сумки нужный объект. Метод исключал возможность подсказать детенышу глазами, что именно требуется, и в то же время позволял проверить тактильную избирательность обезьяны. Поистине первопроходческая работа Котс долгое время оставалась базовым источником информации об интеллекте шимпанзе.

Откуда взялся Иони, не знала ни Котс, ни, вероятно, московские торговцы животными, которые продали ей обезьяну. Детеныш умер от респираторного заболевания в 1916 году, примерно после двух с половиной лет исследований. Согласно самым объективным оценкам на момент смерти ему было около четырех лет.

В 1925 году у Котс родился сын Руди. Около 1929-го она начала сравнительное исследование, подробно анализируя дневниковые записи о Иони и Руди. В 1935-м Дарвинский музей опубликовал труд в роскошном двухтомном издании. Один том целиком составляли фотографии Иони и Руди - стоящих, сидящих, идущих, карабкающихся, жестикулирующих, манипулирующих предметами, строящих рожицы и занимающихся всем тем, чем положено заниматься юным существам. Основной том закрывал большой англоязычный конспект и дополнительный раздел с английскими подписями к фотографиям. Для многих из нас этот объемный классический труд оставался недоступен в не меньшей степени, чем кириллица, которой он был написан.

Конспект с фрагментарными описаниями игр, проявлений любопытства и страхов Иони только разжигал наше желание прочитать работу целиком. Мы хотели больше знать о маленьком шимпанзе, ребенке и молодой энергичной женщине, которую на фотографиях обнимали и держали за руку Иони и Руди, о женщине, чьи изобретательные эксперименты выявили острый научный ум. До недавних пор мы полагали, что будем вечно гадать, какие сокровища скрывают русские буквы. Но, наконец, у нас есть полный английский перевод, именно такой, о котором мы всегда мечтали.

Ценность этой книги непреходяща, потому что честное описание переживает время лучше, чем модная теория. Котс описывает любознательность Иони. Даже когда детеныш никак не давался в руки, ученому удавалось его поймать, вглядываясь в сложенные чашечкой ладони. Иони не мог удержаться от искушения заглянуть туда, даже если ему грозил плен. Котс описывает эмпатию Иони. Она могла выманить расшалившуюся обезьянку с крыши, крича от боли и отчаянья из окна, пока помощник притворялся, что на нее нападает. Котс описывает восприимчивость Иони. Стоило сказать грубое слово о его тестовом задании, как он превращался в хныкающее, льнущее к воспитательнице существо и не мог повторно пройти тест в течение часа.

Иони был очень молод. Молодые шимпанзе этого возраста беспомощны и зависимы. В естественных условиях в Африке они не способны выжить, если мать погибнет раньше, чем им исполнится три года, даже если сородичи будут за ними ухаживать. Отлучение от груди у обезьян происходит лишь в возрасте 4-5 лет, а молочные зубы меняются на коренные в пятилетнем возрасте. До отлучения детеныш шимпанзе почти постоянно находится в тесном контакте с матерью и практически не покидает поля ее внимания. В Африке маленькие шимпанзе обычно живут с матерями до 7 лет, а женские особи даже до 10-11. Полового созревания самки достигают в 10-11, а первого детеныша рожают в 12-15. Доподлинно известно, что в неволе шимпанзе оставались бодры, проходили тесты и решали экспериментальные задачи до 50 с лишним лет.

Только в 1960-х полевые наблюдения Джейн Гудалл обнаружили, какой период времени детеныши шимпанзе остаются несамостоятельными и зависимыми. Руководствуясь работами Гудалл и наблюдениями

Хейзов о перекрестном воспитании Вики в 1950 году, мы никогда не оставляли наших детенышей в одиночестве. Как и обычные дети, Уошу, Мойа, Пили, Тату и Дар жили бок о бок с семьями своих воспитателей в мире человеческих предметов, занятий и событий. Иони же, напротив, большую часть бодрствования проводил в одиночном заключении в замкнутом пространстве, где была только пара скамеек, деревянная кровать с простыней и подвесная трапеция.

Даже не зная наблюдений Гудалл, Котс была достаточно чувствительна, чтобы видеть, насколько не самостоятелен и зависим Иони. Она описывала, с каким отчаяньем он встречал каждое расставание. Чтобы поймать его и запереть одного, она применяла массу уловок. По меньшей мере один раз Котс наблюдала Иони снаружи из укрытия. Ученый видела, что детеныш сидел, съежившись в депрессии в течение многих часов. Иони и Котс объединяло взаимное чувство: она болезненно переживала каждую разлуку. И хотя Котс могла оценить глубину лишений Иони, ученый не понимала, как глубоко они влияют на интеллектуальное и эмоциональное развитие обезьяны.

Мы наблюдали большинство черт Иони в других детенышах шимпанзе, но Котс часто сообщает об особенностях, которые присущи именно ему. Поскольку исследователь знала только Иони, не удивительно, что она стала наделять его частными чертами всех шимпанзе в целом. Мы попадали в ту же ловушку, пока единственным известным нам шимпанзе был Уошу. Но по мере того, как расширялся круг наших детенышей, быстро выяснилось, что два шимпанзе могут различаться не меньше, чем два человеческих ребенка.

Нас удивили сообщения Котс о том, что Иони сопротивлялся любым попыткам себя одеть или завернуть в одеяло. Он украшался, надевая на шею ленточки и нитки, но отвергал все, что покрывало руки, даже шаль в холодный день. Очень вероятно, Иони принял бы одежду с готовностью, как наши перекрестные воспитанники, если бы был к ней достаточно рано приучен. Гуа, которую воспитывала чета Келлогс около 1930-го и Вики, с которой работали Хейзы около 1950-го, с готовностью одевались. Уошу, Мойа и Тату забавлялись, примеряя человеческую одежду, которую мы держали в специальном ящике. Они с раннего детства наряжались перед зеркалом, а Мойа одевалась и в 20 лет.

Еще сильнее нас удивило, что Иони крайне ревниво относился к еде и отказывался делиться даже с Котс. Напротив, Уошу, Мойа, Пили, Тату и Дар охотно делились едой с хорошими друзьями. Они даже запихивали еду нам в рот, потому что символическое поедание их никогда не устраивало. Поверьте, очень непросто есть из грязных, скорее всего, рук, которые с последней мойки могли побывать где угодно.

Эти и многие другие вещи, которые Иони делал плохо или не делал вовсе - хождение на задних лапах, прием пищи с помощью вилки и ложки - детеныши, прошедшие перекрестное воспитание, выполняют с легкостью. Сейчас мы видим, что практически все ошибки Иони укоренены в лишениях и ограниченном существовании в среде, которая столь же разительно отличалась от жизни дикого шимпанзе, растущего с матерью и сверстниками, сколь от жизни ребенка вроде Руди. Живой интеллект Иони и его социальная восприимчивость свидетельствуют о высокой психологической гибкости шимпанзе.

Иони нередко страдал от респираторных инфекций и умер от пневмонии - весьма распространенная судьба живущих в неволе шимпанзе по сей день. В 1966 году, когда мы начали эксперименты по перекрестному воспитанию, опытные коллеги неоднократно предупреждали о высокой смертности среди детенышей и рекомендовали взять более взрослых особей. Тем не менее, мы обнаружили, что детеныши шимпанзе, которые растут в условиях, аналогичных условиям человеческих детей, как минимум не проигрывают им в выносливости. Сегодня мы считаем, что именно лишения приводят к высокой смертности среди детенышей шимпанзе в лабораторных условиях. Схожим образом писатели любили ломать голову над высокой смертностью среди детей-сирот, противоречущей соблюдению стандартов питания и медицинской опеке.

Главы книги, посвященные Руди, проигрывают в сравнении с главами о Иони. Руди кажется менее энергичным; вероятно, его жизнь и поступки по-человечески знакомы, и потому кажутся менее интересными. Котс сама говорит, что в записях образ детеныша Иони вырисовывался ярче, чем младенца Руди. Однако главы о Руди тоже имеют свою ценность, позволяя взглянуть на историю Иони под другим углом. Контраст между миром Руди и миром Иони поистине разительный.

В меру своего понимания Котс признавала драматическую разницу между жизнью Руди и Иони. Ученый толкует это по-своему. С ее точки зрения более богатый интеллектуальный и социальный мир Руди служил площадкой, на которой он мог проявить свое человеческое превосходство. Котс, похоже, не замечала эффект взаимной зависимости: более богатый мир Руди стимулировал его человеческое развитие и делал его

в большей степени человеком. Хуже то, что она не замечала, как ограниченный мир Иони тормозил его развитие и делал его в меньшей степени шимпанзе.

Но такова была мудрость ее времени. Считалось, что детеныши развиваются по неизменному плану, который соответствует его виду. При наличии достаточного количества еды, воды и укрытия Иони должен был вырасти в обычного шимпанзе, а Руди - в обычного человека. Вскоре после того, как Котс опубликовала свою книгу в сталинской Москве, Б.Ф. Скиннер объявил, что лучшее место для воспитания младенцев - это компактная стерильная комната с регулируемой температурой и влажностью. И хотя Скиннера за это предложение все ненавидели, никто не ставил под вопрос его научные и практические заслуги.

Котс сообщает множество деталей, которые вписывают ее труд в эпоху, дают исторический фон и местный колорит. Иони ездил на колясках, запряженных лошадьми. На улицах Москвы Руди видел демонстрантов с красными значками под красными знаменами. Руди повторял историю о боевом коне, которую рассказал ему кавалерист в отставке. Когда Иони отказывался пользоваться носовым платком, предпочитая собственную руку, или наслаждался причесыванием, он напоминал Котс крестьян старой России. Эти ценные детали дают нам ощущение времени и места, вовлекая нас в Историю.

Над описаниями этой книги время не властно. Они всегда будут наставлять и развлекать. Наконец, свет увидел английский перевод, который можно изучать и обдумывать. Теоретические пассажи представляют исторический интерес, показывая интеллектуальные тренды наших московских коллег тех времен. Самые ранние фрагменты ясно показывают, что жизнь Иони, довольно насыщенная для лабораторного шимпанзе, не выдерживает никакого сравнения с жизнью нормального человеческого ребенка.

Исторический урок заключается в том, что отсутствие свидетельств никогда не свидетельствует об их отсутствии. Новые работы стремятся заполнить значимые пробелы работ предшествующих. Другой урок состоит в том, что каждый комплекс открытий имеет тенденцию порождать теории, основанные на пробелах в полученных свидетельствах. Чем меньше нам известно, тем легче сочинить аристотелевскую теорию, проведя не достаточно логичные границы там, где кончаются свидетельства.

Положительный момент заключается в том, что каждое поколение рождает новых исследователей, которые бросают вызов ограниченным свидетельствам. Всегда найдутся те, кто видит пробелы не как поле для смертельной битвы за священное различие между человеком и животным, но, скорее, как непознанную землю, которую следует изучить и нанести на карту. Приключения, которые прекрасно описала Котс, должны вдохновить исследователей будущего на новые приключения.

Аллен и Беатрис Гарднер

Подготовка электронного издания

Посвящается дитя человека — Котс Рудольфу Александровичу

OCR: scanplus.ru
Сканирование: Жемердеева Елена Валерьевна, Котс Надежда Рудольфовна
Редакторы: Котс Надежда Викторовна, S. Bosco
Перевод: Напреенко Иван Владиславович
Научные консультанты: Калачева Ирина Петровна, Шубина Юлия Вадимовна
Технический консультант: Косаревский Петр Александрович
Организация: Котс Петр Рудольфович

2005 — 2010

Опечатки, ошибки, исправления присылайте, пожалуйста, по адресу petya@kohts.ru